У 4 2/1

ЗАПИСКИ

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ,

СЪ XVI ЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ

ОДЕССА,

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1844.

[illegible]

ПЕЧАТАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, 18 Августа 1844 года.

Цензоръ *В. Пахманъ.*

Цензоръ *К. Зеленецкій.*

УКАРБТЗ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР
1-31 М

БИБЛИОТЕКА Г. И. М.
№ 1.
1 - I 193 г.

ЗАПИСКИ
ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА
ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Благосклонному вниманію просвѣщенной публики представляется теперь первый томъ Записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вмѣнивъ себѣ въ одну изъ главныхъ обязанностей изданіе трудовъ своихъ, Общество, съ самаго начала существованія, неусыпно заботилось о выполненіи этой обязанности. Благодаря усердію сочленовъ и другихъ лицъ, движимыхъ сочувствіемъ къ цѣли, которую оно себѣ предназначило, въ матеріялахъ *не* было недостатка. Для приведенія ихъ въ порядокъ и видъ, *приличный* изданію, оно начертало систематическую программу, составило подробныя правила, и производство работъ, въ точной сообразности съ ними, поручило избранному изъ среды своей особому Комитету.

Но не такъ скоро дѣло дѣлается, какъ задумывается. Во всякомъ предпріятіи, успѣхъ зависитъ отъ множества обстоятельствъ, иногда весьма мелкихъ, и потому благовременно

непредвидимыхъ, своевременно неотвратимыхъ. Многіе изъ собранныхъ матеріяловъ, по разнымъ неожиданно встрѣтившимся препятствіямъ, надобно было или оставить вовсе безъ употребленія, или отложить до будущихъ томовъ. Комитетъ, въ составѣ своемъ, вскорѣ испыталъ незамѣнимыя утраты, и вся тягость легла на оставшихся членахъ, которые, всѣ безъизъятія, развлеченные другими служебными обязанностями, на каждомъ шагу должны были бороться съ неудобствами и затрудненіями, происходившими отъ недостатка мѣстныхъ способовъ къ механическому выполненію дѣла. Сколько требовалось однихъ шрифтовъ, которые надлежало выписывать изъ разныхъ мѣстъ: изъ Парижа, изъ Петербурга, изъ Евпаторіи, изъ Кишинева! Снимки и рисунки надобно было заказывать частью здѣсь, частью въ обѣихъ столицахъ. Для корректуры текста на столькихъ языкахъ, большею частью малодоступныхъ, необходимо было непосредственное содѣй-

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ,

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ,

ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

АВГУСТѢЙШЕМУ ПОКРОВИТЕЛЮ,

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА
ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ

благоговѣйное приношеніе.

ствіе многихъ спеціяльныхъ знатоковъ, которыхъ не всегда, или по-крайней-мѣрѣ не легко, можно отъискать въ Одессѣ.

Кстати о корректурѣ. Встрѣчающуюся мѣстами, впрочемъ малозначительную, неодинаковость правописанія въ Русскомъ текстѣ издаваемаго тома, не должно приписывать невниманію издателей. Съ-одной-стороны Комитетъ почелъ себя не въ правѣ измѣнять системы нѣкоторыхъ авторовъ, находящихся въ отсутствіи, и потому не могшихъ лично изъявить свое согласіе на *одну* общую систему; съ-другой, при настоящей шаткости нашей орѳографіи, трудно было и придумать такую норму, которая-бы могла надѣяться на всеобщее одобреніе: оттого члены, между которыми раздѣленъ былъ надзоръ за печатаніемъ, слѣдовали каждый своимъ собственнымъ правиламъ и привычкамъ, что по-необходимости должно было произвесть разнообразіе правописанія — иногда въ одной и той-же статьѣ, имѣвшей разныхъ корректоровъ.

Какъ-бы то ни было, книга наконецъ составилась и предстаетъ на судъ публики. Общество почтетъ себя вполнѣ счастливымъ, если снисходительность этого суда будетъ хотя сколько-нибудь соотвѣтствовать тому нетерпѣнію, съ какимъ оно спѣшило ему подвергнуться. Оно проситъ не забывать что это «первый опытъ». Всякое дѣло совершенствуется постепенно. «*Paulatim summa petuntur*».

17 Августа 184½.

ОДЕССА.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РАЗСУЖДЕНІЯ И ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

I.

АРХЕОЛОГІЯ.

ГЕРОДОТОВА СКИѲІЯ,

ОБЪЯСНЕННАЯ

ЧРЕЗЪ СЛИЧЕНІЕ СЪ МѢСТНОСТЯМИ.

Wer das Dichten will verſtehen,
Muß ins Land der Dichtung gehen.
Wer den Dichter will verſtehen,
Muß in Dichters Lande gehen.

GOETHE.

То, что великій Гёте сказалъ только о поэзіи и о поэтахъ, равную, если еще *не* бо́льшую силу должно имѣть въ отношеніи къ прозаическимъ сказаніямъ, къ повѣствованіямъ и описаніямъ, въ-особенности тѣмъ, которыя завѣщаны намъ досточтимою классическою древностію. Отчего нигдѣ нѣтъ столько произвола въ догадкахъ, столько противорѣчій въ выводахъ, столько шаткости и запутанности въ соображеніяхъ, какъ въ области археографической критики и герменевтики? Оттого-что изслѣдователи и толковники обыкновенно истощаютъ свою ученость надъ древними памятниками, запершись въ четырехъ стѣнахъ кабинетовъ и библіотекъ, обложась грудами пыльныхъ фоліантовъ и гнилыхъ хартій, прикованные, или лучше приросшіе къ буквѣ, къ одной мертвой буквѣ. Нѣтъ! Если уже вдохновенія поэтовъ, которыя въ-половину только принадлежатъ матеріяльной дѣйствительности, если и они не иначе могутъ быть

постигаемы и разгадываемы вполнѣ, какъ на ихъ родинѣ, подъ тѣмъ небомъ и на той землѣ, гдѣ они вылились изъ нѣдръ свободно творящаго духа: то возможно–ли и думать объ уразумѣніи степенной прозы историковъ и географовъ, безъ непрерывнаго, непосредственнаго совѣщанія съ дѣйствительностью, которой она, по существу своему, должна быть самымъ вѣрнымъ и точнымъ отголоскомъ?

Это правило, «правило непосредственнаго совѣщанія съ дѣйствительностью», вообще должно имѣть такую–же точно важность въ критикѣ и герменевтикѣ, какъ «правило наложенія» въ геометріи. Но въ–особенности оно важно при объясненіи тѣхъ древнихъ сказаній, предметъ которыхъ составляетъ описаніе стереотипной, неподвижной физіономіи вещественной природы: сказаній чисто географическихъ. Тутъ, гдѣ дѣло идетъ именно о мѣстностяхъ, можно–ли ступить хоть шагъ безъ живаго совѣщанія съ мѣстностями? И это тѣмъ благонадежнѣе, тѣмъ менѣе подвержено опасностямъ обмана со–стороны призываемыхъ на совѣтъ свидѣтельствъ, что мѣстныя черты, однажды вырѣзанныя творческимъ перстомъ на ликѣ творенія, никогда не изглаживаются совершенно безслѣдно, рѣдко даже мѣняются и въ мелкихъ оттѣнкахъ своихъ характеристическихъ особенностей. *Родъ преходитъ, и родъ приходитъ,* говоритъ боговдохновенный мудрецъ: *а земля во вѣкъ стоитъ!* (Эккл. I. 4.).

Къ–сожалѣнію, не такъ бывало, не такъ и бываетъ еще на–дѣлѣ. По какой–то странной прихотливости, ученость вообще, и въ–особенности ученость археологическая, вмѣсто–того–чтобы изъ мраковъ, въ которыхъ осуждена трудиться, сколько–можно чаще выглядывать на божій свѣтъ и имъ освѣжать свой зрительный нервъ, невольно изнуряющійся, невольно тупѣющій въ борьбѣ со мглою, вмѣсто–того нарочно завязываетъ себѣ глаза и точно играетъ въ жмурки съ истиной, которую ловитъ, или даетъ видъ будто ловитъ. Еще страннѣе, что это не просто только случается, но существуетъ какъ закоснѣлый обычай, именно тамъ, гдѣ–бы всего менѣе можно было ожидать: въ критикѣ и герменевтикѣ географической. Со временъ Целларіуса, отца систематической географіи древняго міра, изслѣдованіе и истолкованіе древнихъ географическихъ источниковъ точно–будто приколдованы къ ихъ текстамъ. Въ дѣлѣ столь грубой положительности, столь осязательной матеріяльности, какъ землеописаніе, ученые труды почти исключительно ограничиваются филологическимъ остроуміемъ, съ

бо̀льшей или мѐньшей замысловатостью истощаемымъ надъ мертвою буквою текстовъ. Сличаютъ слова съ словами, варіанты съ варіантами, описки съ описками; и думаютъ, что все уже сдѣлано, что ничего больше не остается дѣлать, когда, часто послѣ долгихъ, потовыхъ усилій, выложится смыслъ, удовлетворяющій мелкотравчатымъ требованіямъ школьной голословной корректуры. Такъ составляются даже карты, географическія карты древняго міра, въ которыхъ ученая фантазія, дѣйствующая гораздо своевольнѣе и необузданнѣе, чѣмъ фантазія поэтовъ, распоряжается природой безъ всякаго снисхожденія и пощады: не тексты соглашаетъ съ дѣйствительностью, но дѣйствительность, всѣми правдами и неправдами, принуждаетъ подлаживаться подъ тексты. Сначала, это было плодомъ слѣпаго суевѣрнаго благоговѣнія къ классической древности, къ подкрѣпленію котораго служила еще и крайняя скудость, часто даже совершенное отсутствіе живыхъ современныхъ свѣдѣній о бо̀льшей части странъ, составлявшихъ театръ міра древняго. Въ концѣ семнадцатаго и въ началѣ осьмнадцатаго столѣтія, ученые безусловно вѣрили въ древніе тексты, да и мало или вовсе не имѣли поводовъ къ сомнѣнію, въ блаженной простотѣ господствовавшаго географическаго невѣжества. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ отчасти извиняется ослѣпленіе первыхъ систематиковъ древней географіи, затворившихся глухо–наглухо въ буквѣ текстовъ. Но какъ извинить упорство тѣхъ, которые, и при воспослѣдовавшемъ распространеніи болѣе ясныхъ понятій и вѣрныхъ свѣдѣній о мѣстностяхъ, продолжали непоколебимо отстаивать мертвую букву противъ живыхъ возраженій дѣйствительности; которые лучше соглашались допустить измѣненіе, порчу, лжесвидѣтельство со–стороны природы, чѣмъ обмолвку, или описку въ древнемъ текстѣ; лучше соглашались передвинуть съ мѣста на мѣсто гору, выдумать несуществующую рѣку, чѣмъ отважиться на перестановку словъ въ фразѣ, или придумать болѣе естественную и болѣе правильную точку зрѣнія на внутренній смыслъ ея наружной конструкціи? Тутъ ужь дѣйствовали, сколько, съ одной стороны, продолжавшееся закоренѣлое предубѣжденіе въ пользу классической древности, столько–жь, или и еще болѣе, съ другой стороны, ученая гордость, не рѣшавшаяся никакъ посягнуть на созданные ею самою кумиры, часто даже и просто ученое хвастовство, находившее удовольствіе въ томъ, чтобы идти безстрашно на–перекоръ самой очевидности, торжествовать по-

бѣдоносно надъ самыми осязательными противорѣчіями. Такихъ продѣлокъ и промаховъ не чужды знаменитѣйшіе ученые послѣдней половины осьмнадцатаго столѣтія, и даже тѣ, которые, въ настоящемъ девятнадцатомъ вѣкѣ, держатся еще старой догматической методы въ изученіи и разъясненіи памятниковъ классической древности. По-видимому, взглядъ и направленіе, собственно принадлежащіе девятнадцатому вѣку, должны-бъ были произвесть рѣшительный переворотъ въ критикѣ и герменевтикѣ, особенно географической. Они точно и произвели переворотъ, переворотъ чрезвычайно рѣзкій и крутой, только вовсе не въ пользу истины. Вѣкъ разрушенія всѣхъ вѣрованій, девятнадцатый вѣкъ, разумѣется, не могъ ни искренно, ни даже притворно, оставаться при той безусловной довѣренности, которою въ старыя добрыя времена пользовалась классическая древность. Слишкомъ положительный для-того-чтобы торговаться съ дѣйствительностью, онъ не удовольствовался тѣми частными выходками, которыя дозволяли себѣ и прежде нѣкоторые отважные вольнодумцы, рѣшавшіеся признаться, что древніе въ своихъ показаніяхъ могли, если не умышленно лгать, то невольно и невинно ошибаться. Чтобы на-чисто раздѣлаться со всѣми недоумѣніями, догадками и натяжками, онъ объявилъ сказанія древнихъ коротко и ясно «сказками»: сказками, которыя могутъ и должны быть разсматриваемы только въ отношеніи къ ихъ происхожденію, какъ памятники идей и мнѣній породившаго ихъ вѣка, но отнюдь не въ отношеніи къ ихъ содержанію, какъ изображенія современной имъ матеріяльной дѣйствительности. Что-же вышло отсюда? Герменевтика и критика уже намѣренно и сознательно, слѣдовательно тѣмъ глубже заключились въ букву древнихъ текстовъ, разорвавъ всякое сообщеніе съ живою природою, считая и безполезнымъ и неприличнымъ вводить ее въ состязаніе съ отъявленными сказками. Такимъ-образомъ, неумолимый скептицизмъ девятнадцатаго вѣка сошелся съ легкомысленнымъ догматизмомъ семнадцатаго, въ одной точкѣ помѣшательства. Крайность суевѣрія и крайность невѣрія привели, противоположными путями, къ одинакимъ нелѣпостямъ. Стоитъ только взглянуть, на-примѣръ, на карты, проектированныя для древняго міра знаменитымъ Нибуромъ, чтобы видѣть въ нихъ такую-же безобразную каррикатуру на живую, дѣйствительную природу, какъ и въ фантастическихъ гротескахъ старика Целларіуса. Разница только въ томъ, что ученый семнадцатаго вѣка, въ простотѣ сердца,

нисколько не подозрѣвалъ разногласія своихъ фантазій съ дѣйствительностью; тогда-какъ ученый девятнадцатаго вѣка зналъ это какъ-не-льзя-лучше, и между-тѣмъ нарочно далъ полный разгулъ своему, пресыщенному эрудиціей, воображенію. Таковы печальныя слѣдствія пренебреженія къ самому простому и естественному, но съ-тѣмъ-вмѣстѣ къ самому главному и существенному правилу всякой критики и герменевтики, преимущественно географической: къ «золотому правилу», что всякой памятникъ долженъ быть изучаемъ на своей родинѣ, въ непрерывномъ, непосредственномъ сличеніи съ живою, дѣйствительною природою.

Wer die Sagen will verstehen,
Muß ins Land der Sagen gehen.
Wer den Sager will verstehen,
Muß in Sagers Lande gehen.

На прекрасномъ небѣ классической древности, въ его прозаической гемисферѣ, свѣтиломъ первой величины сіяетъ Геродотъ, столько-же заслуживающій имя отца географіи, какъ и «отца исторіи». Безспорно, ему первому, географія, не меньше какъ исторія, обязана освобожденіемъ изъ-подъ неограниченной власти поэтической фантазіи, съ расточительной щедростью восполнявшей отсутствіе существенныхъ свѣдѣній роскошнымъ богатствомъ вымысловъ. Правда, онъ не былъ и не могъ быть совершенно чуждъ баснословія, составлявшаго жизненную стихію міра, въ которомъ онъ родился и воспитался: но его свѣтлый умъ, изощренный обширною практическою опытностію, нашелъ въ себѣ столько силы, что первый отважился провѣрить вымыслы на оселкѣ наблюденія и разсужденія, и басни, которыя не выдержали пробы, первый призналъ баснями. Посему, весьма справедливо имъ оканчиваютъ первый «миѳическій» періодъ древней географіи, и съ него начинаютъ вторый, который довольно вѣрно называютъ періодомъ «историческимъ». Вообще, заслуги, которыя Геродотъ принесъ географіи, по внутреннему достоинству, опредѣляемому удѣльнымъ вѣсомъ добытой истины, едва-ли не выше заслугъ, оказанныхъ имъ собственно и непосредственно исторіи. Преданія о дѣлахъ давно минувшихъ дней Геродотъ бралъ съ чужихъ словъ, со слуховъ; напротивъ, страны и народы онъ видѣлъ бо̀льшею-частію самъ, собственными глазами. Вотъ почему представляемыя имъ географическія описанія, не-смотря на отливы

миѳическаго колорита, имѣютъ всю свѣжесть и сочность снятыхъ съ натуры картинъ, проникнуты животрепещущей истиной, часто въ самыхъ мельчайшихъ подробностяхъ. Къ довершенію своего превосходства, Геродотъ былъ совершенно свободенъ отъ всякой систематической притязательности, задушившей въ послѣдствіи древнюю географію на прокустовомъ ложѣ умозрительныхъ космологическихъ предубѣжденій. Это возвысило его безъ-сравненія не только надъ всѣми предшественниками, но и надъ всѣми преемниками на поприщѣ древняго міропознанія; сдѣлало единственнымъ и безпримѣрнымъ, во всемъ длинномъ ряду классическихъ землеописателей. Отсюда, то особенное, предпочтительное уваженіе, которымъ Геродотъ пользовался и пользуется постоянно, отъ ученыхъ всѣхъ цвѣтовъ и партій, даже отъ самыхъ холодныхъ и твердыхъ головъ, поставляющихъ обязанность и честь свою въ томъ, чтобы ничего не уважать, ни предъ чѣмъ не преклоняться. Не было ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго археолога и археографа, въ-особенности по-части землеописанія, который-бы не заплатилъ дани вниманія «отцу исторіи и географіи». Какой-то тайный, непреодолимый инстинктъ, вынуждаемый не однимъ хронологическимъ первенствомъ, заставляетъ даже самыхъ скептиковъ подводить свои разрушительные подкопы первоначально и преимущественно подъ Геродота. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что въ судьбахъ, испытанныхъ Геродотомъ въ продолженіе вѣковъ, отразилась, во всѣхъ своихъ постепенныхъ измѣненіяхъ, исторія критики и герменевтики вообще, критики и герменевтики географической въ-особенности. И ему-то именно, ему, наиболѣе подвергавшемуся всѣмъ возможнымъ истязаніямъ и пыткамъ, суждено оставаться до-сихъ-поръ наименѣе понятымъ, по той главной причинѣ, что его живыя картины изучались безъ необходимаго совѣщанія съ живою природою, съ которой онѣ списаны, что ихъ хотѣли понять одной силой голословнаго филологическаго остроумія.

Мы Русскіе, и преимущественно жители Новой-Россіи, мы поставлены въ счастливой возможности оказать важныя услуги древней географіи вообще, и Геродоту въ-особенности, освѣщеніемъ самой темной страницы классическаго міропознанія, именно древней Скиѳіи. Скиѳія! Одно это имя возбуждаетъ какой-то паническій страхъ, приводитъ въ отчаяніе любопытство. Сколько вѣковъ, сколько тысячелѣтій, повторяется изобрѣтенная еще современниками Геродота

поговорка о непроницаемыхъ мракахъ Киммерійскихъ, о глубокой мглѣ Скиѳской! Должно однако признаться, что эта мгла, эти мраки, пугающіе донынѣ столь храбрую въ другихъ отношеніяхъ ученость, напущены и накоплены преимущественно ею-же самою, ея усердіемъ и трудами. Нашей Скиѳіи, предпочтительно предъ прочими, несравненно больше интересными, странами земнаго шара, выпала счастливая доля найти именно въ Геродотѣ, отцѣ исторіи, и отличнаго наблюдателя, и отличнаго живописца. Геродотъ, самъ бывшій въ Скиѳіи, самъ проникавшій во глубину безпредѣльныхъ ея степей, посвятилъ описанію ея почти цѣлую Музу своего краснорѣчиваго Парнасса, почти цѣлую книгу своихъ безсмертныхъ сказаній (IV. 1 — 143). И онъ описалъ ее съ какой-то особенной любовью, съ какой-то пристрастною нѣжностью, не пренебрегая ни малѣйшими подробностями, какія могъ схватить, или личнымъ наблюденіемъ, или прилежными распросами у туземцевъ. Можно сказать, что представленная имъ картина Скиѳіи есть рѣдкій образецъ географической полноты и отдѣлки, какихъ только могла удостоиться варварская страна отъ спесивой классической древности. Надо-жь было послѣдующимъ землеописателямъ, надо было Страбонамъ и Плиніямъ, Птолемеямъ и Агаѳемерамъ, исказить этотъ мастерской очеркъ старыми баснями, или новыми умничаньями! Надо было комментаторамъ и экзегетамъ временъ новѣйшихъ, вмѣсто освѣженія тусклыхъ чертъ живой водой живаго созерцанія, перемалевывать всю картину по своимъ соображеніямъ, или лучше воображеніямъ! Правда, послѣ Геродота, никому изъ древнихъ географовъ не удавалось уже такъ глубоко проникать въ Скиѳію. Правда и то, что съ заката классической древности почти до нашихъ дней, въ-продолженіе слишкомъ тысячелѣтняго періода, Сѣверное-Черноморье заперто было со-всѣхъ-сторонъ дикимъ, неприступнымъ варварствомъ, уничтожавшимъ всякую возможность личныхъ, непосредственныхъ сношеній съ дѣйствительностью. Слѣдовательно, укорененныя ошибочнымъ толкованіемъ Геродота, ошибочныя понятія о Скиѳіи, имѣютъ еще сами-въ-себѣ извиненіе. Но извинительно-ли винить въ этихъ ошибочныхъ понятіяхъ, даже оставлять за нихъ въ подозрѣніи, Геродота? Извинительно-ли это теперь, когда древняя Скиѳія превратилась въ Новую-Россію, завоевана вполнѣ образованности и просвѣщенію, цвѣтетъ такою полною, роскошною жизнію? Теперь ничто не мѣшаетъ пригласить древняго гостя на мѣста, нѣ-

когда имъ посѣщенныя и описанныя, пройтись по нимъ снова вмѣстѣ съ нимъ рука–въ–руку, и оставшіяся отъ него сказанія свести на очную ставку съ живой, дѣйствительной природой. На насъ Русскихъ лежитъ этотъ долгъ въ–особенности и потому, что свѣтомъ, пролитымъ на древнюю Геродотову Скиѳію, много можетъ проясниться во введеніи въ нашу отечественную исторію, которое до–сихъ–поръ, не смотря на нарочныя усилія держаться сколько–возможно далѣе отъ мраковъ Скиѳскихъ, покрыто тѣмъ–не–менѣе глубокими, непроницаемыми мраками.

Много нужно смѣлости, чтобы рѣшиться итти новою нетоптанною тропою, на–перекоръ мнѣніямъ и убѣжденіямъ, вкорененнымъ вѣками, утвержденнымъ всеобщимъ, почти всемірнымъ согласіемъ. Но предлагаемый здѣсь опытъ новаго «объясненія Геродотовой Скиѳіи чрезъ сличеніе съ мѣстностями», если окажется неудачнымъ, пусть пригодится по–крайней–мѣрѣ хоть на то, чтобы сколько–нибудь набить слѣдъ на новой дорогѣ, которая, по моему убѣжденію, одна только можетъ привести къ истинѣ! —

Предварительно, считаю необходимымъ помѣстить здѣсь самое описаніе Геродота, по–крайней–мѣрѣ въ главныхъ, существенныхъ извлеченіяхъ, опредѣляющихъ географію Скиѳіи, приведя мѣста, разбросанныя въ свободномъ ходѣ подлиннаго расказа, въ возможно стройный порядокъ и нѣкоторую систематическую цѣлость. Греческій текстъ излагаю я по редакціи Весселинга, улучшенной переработками Рейца и Шефера: единственной эдиціи Геродота, которая находится теперь у меня подъ руками [1]. Въ переводѣ стараюсь, сколько умѣю, соблюсти буквальную точность и вѣрность.

---

[1] Ἡροδότου τοῦ Ἁλικαρνησσέος Ἱστοριῶν λόγοι θ', ἐπιγραφόμενοι Μοῦσαι. *Textus* Vesselingianus *passim reflctus argumentorumque ac temporum notatio. Editionem* Frid. Volfg. Reizii *morte interruptam continuavit* God. Henr. Schäfer. *Accedunt index rerum, historiæ chronologia et glossæ: nec non editionis Wesselingianæ cum edit. Reizii et Schäferi collatio.* Tomi III. Oxonii 1814. 8°. Весселингъ до–сихъ–поръ считается лучшимъ и благонадежнѣйшимъ издателемъ Геродота. Рейцъ и Шеферъ еще болѣе усовершили его трудъ. Позднѣйшая редакція Швейггейзера (Argentorati 1816), хотя и полнѣе въ отношеніи къ употребленнымъ манускриптамъ, ставится однако, по внутреннему достоинству, ниже Весселинговой съ улучшеніями Рейца и Шефера. Полная эдиція, подготовленная обоими сотрудниками, но окончанная совершенно, за смертію Рейца, однимъ Шеферомъ, въ первый разъ вышла въ свѣтъ въ Лейпцигѣ, печатавшись цѣлые двадцать–два года (1778—1800), а, съ переводомъ, больше сорока лѣтъ (1778—1819). Почему въ находящемся у меня изданіи (Оксфордъ 1814), переводъ (латинскій) приложенъ самый старинный, сдѣланный еще въ XV вѣкѣ Лаврентіемъ Валлою. Сверхъ–того, это изданіе ручное, безъ всякихъ примѣчаній и объясненій.

ΗΡΟΔΟΤΟΥ τοῦ ΑΛΙΚΑΡΝΗΣΣΗΟΣ

ΙΣΤΟΡΙΩΝ ΤΕΤΑΡΤΗ,

ΕΠΙΓΡΑΦΟΜΕΝΗ ΜΕΛΠΟΜΕΝΗ.

47. Ἡ τε γῆ (ἡ Σκυθική) ἐοῦσα πεδιὰς αὕτη, ποιώδης τε καὶ εὔυδρός ἐστι· ποταμοί τε δι' αὐτῆς ῥεουσι οὐ πολλῷ τέῳ ἀριθμὸν ἐλάσσονες τῶν ἐν Αἰγύπτῳ διωρύχων· ὅσοι δὲ οὐνομαστοί τε εἰσι αὐτέων, καὶ προσπλωτοί ἀπὸ θαλάσσης, τούτους οὐνομανέω· Ἴστρος μέν, πεντάστομος· μετὰ δὲ, Τύρης τε καὶ Ὑπανις, καὶ Βορυσθένης, καὶ Παντικάπης, καὶ Ὑπάκυρις, καὶ Γέρρος, καὶ Τάναϊς· ῥέουσι γὰρ οἵδε κατὰ τάδε.

48. Ἴστρος μὲν ἐὼν μέγιστος ποταμῶν πάντων τῶν ἡμεῖς ἴδμεν, ἴσος αἰεὶ αὐτὸς ἑωυτῷ ῥέει καὶ θέρεος καὶ χειμῶνος· πρῶτος δὲ τὸ ἀπ' ἑσπέρης τῶν ἐν τῇ Σκυθικῇ ῥέων κατὰ τοιόνδε μέγιστος γέγονε, ποταμῶν καὶ ἄλλων ἐς αὐτὸν ἐκδιδόντων. εἰσὶ δὲ οἵδε οἱ μέγαν αὐτὸν ποιεῦντες, διὰ μέν γε τῆς Σκυθικῆς χώρης πέντε μόνοι ῥεοντες· τόν τε Σκύθαι Πόρατα καλέουσι, Ἕλληνες δὲ Πυρετόν· καὶ ἄλλος Τιαραντὸς, καὶ Ἀραρός τε καὶ Νάπαρις, καὶ Ὀρδησσός. ὁ μὲν πρῶτος λεχθεὶς τῶν ποταμῶν, μέγας, καὶ πρὸς ἡῶ ῥέων, ἀνακοινοῦται τῷ Ἴστρῳ τὸ ὕδωρ· ὁ δὲ δεύτερος λεχθεὶς, Τιαραντὸς, πρὸς ἑσπέρης τε μᾶλλον καὶ ἐλάσσων. ὁ δὲ δὴ Ἀραρός τε καὶ ὁ Νάπαρις καὶ ὁ Ὀρδησσὸς, διὰ μέσου τούτων ἰόντες, ἐσβάλλουσι ἐς τὸν Ἴστρον. οὗτοι μὲν αὐτιγενέες ποταμοὶ Σκυθικοὶ συμπληθύουσι αὐτόν. ἐκ δὲ Ἀγαθύρσων Μάρις ποταμὸς ῥέων συμμίσγεται τῷ Ἴστρῳ. 49. Ἐκ δὲ τοῦ Αἵμου τῶν κορυφέων τρεῖς ἄλλοι μεγάλοι ῥέοντες πρὸς βορῆν

ГЕРОДОТА ГАЛИКАРНАССКАГО

БЫТОСКАЗАНІЙ (КНИГА) ЧЕТВЕРТАЯ,

НАДПИСАННАЯ МЕЛЬПОМЕНА.

47. Земля (Скиѳская), вся изъ плоскихъ равнинъ, изобилуетъ травою и водами. Рѣкъ, протекающихъ по ней, не меньше числомъ, какъ въ Египтѣ каналовъ. Я именую изъ нихъ тѣ, которыя наиболѣе извѣстны, и которыя съ моря доступны судоходству: это Истросъ, пятиустый; потомъ, Тиресъ, да Гипанисъ, да Борисѳенесъ, да Пантикапесъ, да Гипакирисъ, да Герросъ, да Танаисъ. Текутъ-же онѣ вотъ какимъ образомъ.

48. Истросъ, величайшая изъ всѣхъ рѣкъ, какія мы знаемъ, течетъ всегда ровенъ самъ-себѣ, зимою и лѣтомъ. Первый съ запада изъ рѣкъ, протекающихъ по Скиѳіи, онъ такъ огромно великъ, оттого-что принимаетъ въ себя другія рѣки. Такихъ рѣкъ, дѣлающихъ Истросъ великимъ, въ землѣ Скиѳской протекаетъ только пять: одну изъ нихъ Скиѳы называютъ Пората, а Еллины Пиретосъ; потомъ, Тіарантосъ, да Араросъ, да Напарисъ, да Ордессосъ. Первая изъ поименованныхъ рѣкъ, сама велика, и, направляясь въ теченіи къ востоку, сливаетъ струи свои съ Истросомъ. Вторая изъ поименованныхъ, Тіарантосъ, дальше къ западу, величиною меньше. Араросъ, и Напарисъ, и Ордессосъ, проходя средь нихъ, впадаютъ въ Истросъ. Это самородныя

ἄνεμον, ἐσβάλλουσι ἐς αὐτὸν, Ἄτλας, καὶ Αὔρας, καὶ Τίβισις· διὰ δὲ Θρηϊκης καὶ Θρηϊκων τῶν Κροβύζων ῥέοντες, Ἄθρυς, καὶ Νοης, καὶ Ἀρτάνης, ἐκδιδοῦσι ἐς τὸν Ἴστρον. ἐκ δὲ Παιόνων καὶ οὔρεος Ῥοδόπης, Κῖος ποταμὸς μέσον σχίζων τὸν Αἷμον, ἐσδιδοῖ ἐς αὐτόν· ἐξ Ἰλλυριῶν δὲ ῥέων πρὸς βορῆν ἄνεμον Ἄγγρος ποταμὸς, ἐσβάλλει ἐς πεδίον τὸ Τριβαλλικὸν, καὶ ἐς ποταμὸν Βρόγγον· ὁ δὲ Βρόγγος ἐς τὸν Ἴστρον· οὕτω ἀμφοτέρους ἐόντας μεγάλους ὁ Ἴστρος δέκεται. ἐκ δὲ τῆς κατύπερθε χώρης Ὀμβρίκων, Κάρπις ποταμὸς, καὶ ἄλλος Ἄλπις ποταμὸς, πρὸς βορῆν ῥέοντες ἄνεμον, καὶ οὗτοι ἐκδιδοῦσι ἐς αὐτόν. ῥέει γὰρ δὴ διὰ πάσης τῆς Εὐρώπης ὁ Ἴστρος, ἀρξάμενος ἐκ Κελτῶν (καὶ Πυρήνης πόλιος, II. 33), οἱ ἔσχατοι πρὸς ἡλίου δυσμεων μετὰ Κύνητας οἰκέουσι τῶν ἐν τῇ Εὐρώπῃ (ἔξω Ἡρακληΐων Στηλέων, II. 33)· ῥέων δὲ διὰ πάσης τῆς Εὐρώπης, ἐς τὰ πλάγια τῆς Σκυθίης ἐσβάλλει· (τελευτᾷ δὲ ἐς Θάλασσαν τὴν τοῦ Εὐξείνου Πόντου, τῇ Ἰστρίην οἱ Μιλησίων οἰκέουσι ἄποικοι, II. 33). 50. Τουτέων ὦν τῶν καταλεχθέντων καὶ ἄλλων πολλῶν συμβαλλομένων τὸ σφέτερον ὕδωρ, γίνεται ὁ Ἴστρος ποταμῶν μέγιστος· ἐπεὶ ὕδωρ γε ἓν πρὸς ἓν συμβάλλειν, ὁ Νεῖλος, (ὃς καὶ τῷ Ἴστρῳ ἐκ τῶν ἴσων μέτρων ὁρμᾶται, II. 33), πλήθεϊ ἀποκρατέει· ἐς γὰρ δὴ τοῦτον οὔτε ποταμὸς, οὔτε κρήνη οὐδεμίη ἐσδιδοῦσα, ἐς πλῆθός οἱ συμβάλλεται. ἴσος δὲ αἰεὶ ῥέει ἔν τε θέρεϊ καὶ χειμῶνι ὁ Ἴστρος, κατὰ τοιόνδέ τι, ὡς ἐμοὶ δοκέει· τοῦ μὲν χειμῶνός ἐστι, ὅσοσπέρ ἐστι· ὀλίγῳ τε μέζων τῆς ἑωυτοῦ φύσιος γίνεται· ὕεται γὰρ ἡ γῆ αὕτη τοῦ χειμῶνος πάμπαν ὀλίγῳ· νιφετῷ δὲ πάντα χρᾶται· τοῦ δὲ θέρεος ἡ χιὼν ἡ ἐν τῷ χειμῶνι πεσοῦσα, ἐοῦσα ἀμφιλαφὴς, τηκομένη πάντοθεν ἐσδιρѣки Скиѳскія, которыми Истросъ питается. 49. Отъ Агаѳирсовъ вытекаетъ рѣка Марисъ, которая соединяется съ Истросомъ. Съ вершинъ Гемоса три другія большія рѣки, текущія къ сѣверу, изливаются въ него-же: именно Атласъ, да Аврасъ, да Тибисисъ. Черезъ Ѳракію и именно черезъ Ѳраковъ – Кробизовъ проходящія, Аѳрисъ, и Ноесъ, и Артанесъ, впадаютъ также въ Истросъ. Отъ Пеоновъ, съ горы Родопы, рѣка Кіосъ, прорѣзавъ средину Гемоса, изливается туда-же. Рѣка Ангросъ, текущая отъ Иллиріійцевъ на сѣверъ, вырывается на равнину Тривалльскую, и впадаетъ въ рѣку Вронгосъ, а Вронгосъ въ Истросъ; такимъ-образомъ Истросъ поглощаетъ обѣ этѣ рѣки, которыя обѣ большія. Сверхъ-того, изъ страны, лежащей выше Омбриковъ, текущія къ сѣверу, рѣка Карписъ, и другая рѣка Альписъ, изливаются туда-же. Самъ Истросъ проходитъ черезъ всю Европу, начиная (отъ города Пирены, II. 33) отъ Кельтовъ, которые, послѣ Кинетовъ, суть самые крайніе жители Европы къ западу солнца (за Столбами-Иракловыми, II. 33); итакъ, протекши всю Европу, вторгается въ нѣдра Скиѳіи, (оканчиваясь въ морѣ Эвксинскаго-Понта, гдѣ живутъ въ Истріи выходцы Милетскіе, II. 33). 50. Оттого-что поименованныя здѣсь и многія другія рѣки сливаютъ съ нимъ свои струи, Истросъ становится наивеличайшею изъ рѣкъ; если-жь сравнить

δοῖ ἐς τὸν Ἴστρον, καὶτοι τε δὴ ἡ χιὼν ἐσδιδοῦσα ἐς αὐτὸν συμπλήθυει, καὶ ὄμβροι πολλοί καὶ λάβροι σὺν αὐτῇ· ὕει γὰρ δὴ τὸ Θέρος· ὅσῳ δὲ πλέον ἐπ᾽ ἑωυτὸν ὕδωρ ὁ ἥλιος ἐπέλκεται ἐν τῷ Θέρεϊ, ἢ ἐν τῷ χειμῶνι, τοσούτῳ τὰ συμμισγόμενα τῷ Ἴστρῳ, πολλαπλήσιά ἐστι τοῦ Θέρεος, ἤπερ τοῦ χειμῶνος· ἀντιτιθέμενα δὲ ταῦτα, ἀντισήκωσις γίνεται, ὥστε ἴσον μιν αἰεὶ φαίνεσθαι ἐόντα.

просто рѣку съ рѣкой, то Нилъ, (который имѣетъ съ Истросомъ равномѣрное стремленіе, II. 33), конечно превзойдетъ его количествомъ водъ: ибо въ Нилѣ онѣ не увеличиваются впаденіемъ ни одной рѣки, ни даже источника. Ровенъ-же себѣ Истросъ всегда, и лѣтомъ и зимой, мнѣ кажется, вотъ почему. Зимой онъ остается таковъ, каковъ есть, или бываетъ не много больше своего естественнаго состоянія, оттого-что въ тѣхъ краяхъ зимой весьма мало идетъ дождя, а все покрывается снѣгомъ: снѣгъ этотъ, выпадающій зимой въ большомъ изобиліи, лѣтомъ, тая, со всѣхъ сторонъ сбѣгаетъ въ Истросъ; и имъ-то увеличивается количество водъ въ рѣкѣ, равно-какъ съ-тѣмъ-вмѣстѣ частыми и сильными дождями: ибо лѣто бываетъ тамъ очень дождливо. Итакъ, если съ-одной-стороны солнце гораздо больше испаряетъ воды лѣтомъ, чѣмъ зимою, то съ-другой и приливовъ къ Истросу гораздо больше въ лѣтнее время, чѣмъ въ зимнее. Такою равномѣрностью противоположныхъ вліяній производится совершенное уравновѣшеніе, такъ-что рѣка всегда кажется одинаковою.

51. Εἷς μὲν δὴ τῶν ποταμῶν τοῖσι Σκύθῃσί ἐστι ὁ Ἴστρος· μετὰ δὲ τοῦτον, Τύρης· ὃς ἀπὸ βορέω μὲν ἀνέμου ὁρμᾶται, ἄρχεται δὲ ῥέων ἐκ λίμνης μεγάλης, ἣ οὐρίζει τήν τε Σκυθικὴν καὶ τὴν Νευρίδα γῆν· ἐπὶ δὲ τῷ στόματι αὐτοῦ κατοίκηνται Ἕλληνες, οἱ Τυρῖται καλέονται.

51. Итакъ, первая изъ рѣкъ Скиѳскихъ есть Истросъ. За нимъ слѣдуетъ Тиресъ, который стремится съ сѣвера, заимствуя начало изъ большаго озера, на границѣ между землями Скиѳскою и Неврскою. При устьѣ его живутъ Еллины, которые называются Тиритами.

52. Τρίτος δὲ Ὕπανις ποταμὸς ὁρμᾶται μὲν ἐκ τῆς Σκυθικῆς· ῥέει δὲ ἐκ λίμνης μεγάλης, τὴν πέριξ νέμονται ἵπποι ἄγριοι λευκοί. καλέεται δ' ἡ λίμνη αὕτη ὀρθῶς μήτηρ Ὑπάνιος. ἐκ ταύτης ὦν ἀνατέλλων ὁ Ὕπανις ποταμὸς ῥέει. ἐπὶ μὲν πέντε ἡμερέων πλόον βραχὺς καὶ γλυκύς ἐστι. ἀπὸ δὲ τούτου, πρὸς θαλάσσης τεσσέρων ἡμερέων πλόον, πικρὸς αἰνῶς. ἐκδιδοῖ γὰρ ἐς αὐτὸν κρήνη πικρή, οὕτω δή τι ἐοῦσα πικρή, ἡ μεγάθεϊ σμικρὴ ἐοῦσα, κιρνᾷ τὸν Ὕπανιν, ἐόντα ποταμὸν ἐν ὀλίγοισι μέγαν. ἔστι δὲ ἡ κρήνη αὕτη ἐν οὔροισι χώρης τῆς τε Ἀροτήρων Σκυθέων καὶ Ἀλαζώνων· οὔνομα δὲ τῇ κρήνῃ, καὶ ὅθεν ῥέει τῷ χώρῳ, Σκυθιστὶ μὲν Ἐξαμπαῖος, κατὰ δὲ τὴν Ἑλλήνων γλῶσσαν Ἱραὶ Ὁδοί. συνάγουσι δὲ τὰ τέρματα ὅ, τε Τύρης καὶ ὁ Ὕπανις κατὰ Ἀλαζῶνας· τὸ δὲ ἀπὸ τούτου, ἀποστρέψας ἑκάτερος ῥέει εὐρύνων τὸ μέσον.

52. Третья рѣка, Гипанисъ, берется въ Скиѳіи, выходя изъ большаго озера, вокругъ котораго пасутся дикіе бѣлые кони. Это озеро справедливо называется «матерью Гипаниса». Вышедши изъ него, Гипанисъ течетъ на пять дней плаванія: (сначала) коротенькою, сладководною рѣкою; потомъ на четыре дня плаванія къ морю, чрезвычайно горькою. Причина та, что въ него впадаетъ одинъ «Горькій-Ключъ», который такъ горекъ, что, будучи самъ весьма малъ, портитъ весь Гипанисъ, рѣку большую между малыми. Находится-же этотъ ключъ на предѣлахъ страны Скиѳовъ-Пахарей и страны Алазоновъ; а имя какъ самому ключу, такъ и мѣсту, откуда онъ вытекаетъ, по-скиѳски «Эксампеосъ», по-еллински-же «Святые-Пути». У Алазоновъ, Тиресъ и Гипанисъ сближаются другъ-съ-другомъ; но потомъ, расходясь, тотъ и другой оставляютъ межь-собой широкое разстояніе.

53. Τέταρτος δὲ Βορυσθένης ποταμὸς, ὃς ἐστι μέγιστός τε μετὰ Ἴστρον τουτέων καὶ πολυαρκέστατος, κατὰ γνώμας τὰς ἡμετέρας, οὔτι μοῦνον τῶν Σκυθικῶν ποταμῶν, ἀλλὰ καὶ τῶν ἄλλων ἁπάντων, πλὴν Νείλου τοῦ Αἰγυπτίου· τούτῳ γὰρ οὐκ οἷά τέ ἐστι συμβαλέειν ἄλλον ποταμόν. τῶν δὲ λοιπῶν Βορυσθένης ἐστὶ πολυαρκέστατος, ὃς νομάς τε καλλίστας καὶ εὐκομιδεστάτας κτήνεσι παρέχεται, ἰχθύας τε ἀρίστους διακριδὸν καὶ πλείστους· πίνεσθαί τε ἥδιστός ἐστι· ῥέει τε καθαρὸς παρὰ θολεροῖσι· σπόρος τε παρ' αὐτὸν ἄριστος γίνεται· ποίη τε, τῇ οὐ σπεί-

53. Четвертая рѣка, Борисѳенесъ, послѣ Истроса, по нашему мнѣнію, наибольшая и наиобильнѣйшая, не только изъ рѣкъ Скиѳскихъ, но и изъ всѣхъ другихъ, выключая Египетскій Нилъ, съ которымъ нельзя сравнивать никакой другой рѣки. Изъ прочихъ-же, Борисѳенесъ конечно есть наиобильнѣйшій. Онъ доставляетъ скоту прекраснѣйшія и питательнѣйшія пасьбища; также отличную рыбу, въ чрезвычайномъ изобиліи. Для питья весь-

ρεται ἡ χώρη, βαθυτάτη· ἄλες τε ἐπὶ τῷ στόματι αὐτοῦ αὐτόματοι πήγνυνται ἄπλετοι· κήτεά τε μεγάλα ἀνάκανθα, τὰ ἀντακαίους καλέουσι, παρέχεται ἐς ταρίχευσιν· ἄλλα τε πολλὰ θωυμάσαι ἄξια. μέχρι μέν νυν Γέρρου χώρου, ἐς τὸν τεσσερεσκαίδεκα ἡμερέων πλόος ἐστί, γινώσκεται ῥέων ἀπὸ βορέω ἀνέμου· τὸ δὲ κατύπερθε δι' ὧν ῥέει ἀνθρώπων, οὐδεὶς ἔχει φράσαι· φαίνεται δὲ ῥέων δι' ἐρήμου ἐς τῶν Γεωργῶν Σκυθέων τὴν χώρην. οὗτοι γὰρ οἱ Σκύθαι παρ' αὐτὸν ἐπὶ δέκα ἡμερέων πλόον νέμονται. μούνου δὲ τούτου τοῦ ποταμοῦ καὶ Νείλου οὐκ ἔχω φράσαι τὰς πηγάς· δοκέω δὲ, οὐδὲ οὐδεὶς Ἑλλήνων. ἀγχοῦ τε δὴ θαλάσσης ὁ Βορυσθένης ῥέων γίνεται, καὶ οἱ συμμίσγεται ὁ Ὕπανις ἐς τωὐτὸ ἕλος ἐκδιδούς. τὸ δὲ μεταξὺ τῶν ποταμῶν τουτέων ἐὸν ἔμβολον τῆς χώρης, Ἱππόλεω Ἄκρη καλέεται· ἐν δὲ αὐτῷ ἱρὸν Δήμητρος ἐνίδρυται· πέρην δὲ τοῦ ἱροῦ ἐπὶ τῷ Ὑπάνι Βορυσθενεῖται κατοίκηνται. ταῦτα μὲν τὰ ἀπὸ τουτέων τῶν ποταμῶν.

ма пріятенъ, и сохраняетъ чистоту струй среди грязныхъ (притоковъ). Вокругъ него родится превосходный хлѣбъ; а тамъ, гдѣ земля не засѣвается, преглубокая трава. При устьѣ его, соль, въ чрезвычайномъ изобиліи, садится сама-собою. Ловится въ немъ огромная безкостная рыба, называемая «антакеосъ», которая идетъ въ солку. Много есть и другаго достойнаго удивленія. Судоходенъ онъ, до мѣста называемаго Герросъ, на четырнадцать дней плаванія, и знаемо, что течетъ съ сѣвера; выше-же, чрезъ какихъ людей страны протекаетъ, никто не умѣетъ сказать; извѣстно только, что онъ течетъ по пустынѣ въ землѣ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, которые живутъ по немъ на десять дней плаванія. Только одной этой рѣки, и еще Нила, я не умѣю сказать источниковъ; да и никто, думаю, изъ Еллиновъ не скажетъ. Борисѳенесъ приближается къ морю, и съ нимъ соединяется Гипанисъ, изливаясь въ ту-же самую заводь. Клинъ, выставляющійся между этими двумя рѣками, называется «Гипполаевымъ-Мысомъ»: на немъ находится святилище Димитры; а по-ту-сторону, насупротивъ святилища, при Гипанисѣ живутъ Борисѳенеиты. Вотъ что объ этихъ рѣкахъ.

54. Μετὰ δὲ τούτους πέμπτος ποταμὸς ἄλλος, τῷ οὔνομα Παντικάπης· ῥέει μὲν γὰρ καὶ οὗτος ἀπὸ βορέω τε καὶ ἐκ λίμνης, καὶ τὸ μεταξὺ τούτου τε καὶ τοῦ Βορυσθένεος νέμονται οἱ Γεωργοί

54. Послѣ нихъ, пятая рѣка, которой имя Пантикапесъ. И она течетъ съ сѣвера, и также изъ озера; а между ею и Борисѳенесомъ живутъ Скиѳы-Земле-

Σκύθαι · ἐκδιδοῖ δὲ ἐς τὴν Ὑλαίην · παραμειψάμενος δὲ ταύτην, τῷ Βορυσθένεϊ συμμίσγεται.

55. Ἕκτος δὲ Ὑπάκυρις ποταμὸς, ὃς ὁρμᾶται μὲν ἐκ λίμνης, διὰ μέσων δὲ τῶν Νομάδων Σκυθέων ῥέων, ἐκδιδοῖ κατὰ Καρκινῖτιν πόλιν, ἐς δεξιὴν ἀπέργων τήν τε Ὑλαίην καὶ τὸν Ἀχιλλήϊον καλεόμενον Δρόμον.

56. Ἕβδομος δὲ Γέρρος ποταμὸς ἀπέσχισται μὲν ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος, κατὰ τοῦτο τῆς χώρης ἐς ὃ γινώσκεται ὁ Βορυσθένης · ἀπέσχισται μέν νυν ἐκ τούτου τοῦ χώρου · οὔνομα δὲ ἔχει, τόπερ ὁ χῶρος αὐτὸς, Γέρρος . ῥέων δὲ ἐς Θάλασσαν, οὐρίζει τήν τε τῶν Νομάδων χώρην καὶ τὴν τῶν Βασιληΐων Σκυθέων · ἐκδιδοῖ δὲ ἐς τὸν Ὑπάκυριν. 71. Ταφαὶ δὲ τῶν βασιλήων ἐν Γέρροισί εἰσι.

57. Ὄγδοος δὲ δὴ Τάναϊς ποταμὸς, ὃς ῥέει τανέκαθεν ἐκ λίμνης μεγάλης ὁρμεώμενος, ἐκδιδοῖ δὲ ἐς μέζω ἔτι λίμνην καλεομένην Μαιῆτιν, ἡ οὐρίζει Σκύθας τε τοὺς Βασιληΐους καὶ Σαυρομάτας · ἐς δὲ Τάναϊν τοῦτον ἄλλος ποταμὸς ἐσβάλλει, τῷ οὔνομά ἐστι Ὕργις.

58. Τοῖσι μὲν δὴ οὐνομαστοῖσι ποταμοῖσι οὕτω δή τι οἱ Σκύθαι ἐσκευάδαται.

99. Τῆς δὲ Σκυθικῆς γῆς ἡ Θρηϊκὴ τὸ ἐς Θάλασσαν πρόκειται · κόλπου δὲ ἀγομένου τῆς γῆς ταύτης, ἡ Σκυθικὴ τε ἐκδέκεται, καὶ ὁ Ἴστρος ἐκδιδοῖ ἐς αὐτὴν, πρὸς εὖρον ἄνεμον τὸ στόμα τετραμμένος · τὸ δὲ ἀπὸ Ἴστρου ἔρχομαι σημανέων, τὸ πρὸς Θάλασσαν αὐτῆς τῆς Σκυθικῆς χώρης ἐς μέτρησιν ἀπὸ Ἴστρου · αὕτη ἤδη Ἀρχαίη Σκυθικὴ ἐστι, πρὸς με-

дѣльцы. Изливается въ Гилею; и, миновавъ ее, соединяется съ Борисѳенесомъ.

55. Шестая рѣка Гипакирисъ, которая выходитъ также изъ озера и, протекая сквозь землю Скиѳовъ-Кочующихъ, изливается подъ городомъ Каркинитидою, оставляя вправѣ Гилею и такъ-называемый Ахилловъ-Бѣгъ.

56. Седьмая рѣка, Герросъ, отрывается отъ Борисѳенеса, въ томъ краю, до котораго Борисѳенесъ извѣстенъ; оттого и мѣсто то, въ которомъ онъ отрывается, называется также Герросъ. Стремя токъ свой въ море, онъ раздѣляетъ землю Скиѳовъ-Кочующихъ отъ земли Скиѳовъ-Царскихъ. Изливается въ Гипакирисъ. 71. Въ странѣ Герросъ, находятся могилы царей (Скиѳскихъ).

57. Осьмая рѣка, Танаисъ, которая, вытекая гораздо выше, изъ большаго озера, изливается еще въ бо́льшее озеро, называемое Меетида, которое отдѣляетъ Скиѳовъ-Царскихъ отъ Савроматовъ. Въ Танаисъ вливается другая рѣка, которой имя Гиргисъ.

58. Вотъ наиболѣе извѣстныя рѣки, которыми снабжены Скиѳы.

99. Передъ землею Скиѳскою лежитъ при морѣ Ѳракія. За выгибомъ, который образуетъ эта страна, начинается Скиѳія; и тутъ въ нее изливается Истросъ, обращая устье свое къ востоку. Я отправлюсь отъ Истроса, чтобы опредѣлить приморское протяженіе земли Скиѳской мѣрой разсто-

σαμβρίην τε καὶ νότον ἄνεμον κειμένη, μέχρι πόλιος καλεομένης Καρκινίτιδος. Τὸ δὲ ἀπὸ ταύτης, τὴν μὲν ἐπὶ Θάλασσαν τὴν αὐτὴν φέρουσαν, ἐοῦσαν ὀρεινήν τε χώρην καὶ προκειμένην τὸ ἐς Πόντον, νέμεται τὸ Ταυρικὸν ἔθνος, μέχρι Χερσονήσου τῆς Τρηχέης καλεομένης· αὕτη δὲ ἐς Θάλασσαν τὴν πρὸς ἀπηλιώτην ἄνεμον κατήκει. Ἔστι γὰρ τῆς Σκυθικῆς τὰ δύο μέρεα τῶν οὔρων ἐς Θάλασσαν φέροντα, τήν τε πρὸς μεσαμβρίην, καὶ τὴν πρὸς τὴν ἠῶ, κατάπερ τῆς Ἀττικῆς χώρης· καὶ παραπλήσια ταύτῃ καὶ οἱ Ταῦροι νέμονται τῆς Σκυθικῆς, ὡς εἰ τῆς Ἀττικῆς ἄλλο ἔθνος καὶ μὴ Ἀθηναῖοι νεμοίατο τὸν γουνὸν τὸν Σουνιακόν, μᾶλλον ἐς τὸν πόντον τὴν ἄκρην ἀνέχοντα, τὸν ἀπὸ Θορικοῦ μέχρι Ἀναφλύστου δήμου· λέγω δὲ, ὡς εἶναι ταῦτα σμικρὰ μεγάλοισι συμβαλέειν. Τοιοῦτον ἡ Ταυρικὴ ἐστι· ὃς δὲ τῆς Ἀττικῆς ταῦτα μὴ παραπέπλωκε, ἐγὼ δὲ ἄλλως δηλώσω· ὡς εἰ τῆς Ἰηπυγίης ἄλλο ἔθνος, καὶ μὴ Ἰήπυγες, ἀρξάμενοι ἐκ Βρεντεσίου λιμένος, ἀποταμοίατο μέχρι Τάραντος, καὶ νεμοίατο τὴν ἄκρην. δύο δὲ λέγων ταῦτα, πολλὰ λέγω παρόμοια, τοῖσι ἄλλοισι ἔοικε ἡ Ταυρική. 100. Τὸ δ' ἀπὸ τῆς Ταυρικῆς, ἤδη Σκύθαι τὸ κατύπερθε τῶν Ταύρων καὶ τὰ πρὸς Θαλάσσης τῆς ἠοίης νέμονται, τοῦ τε Βοσπόρου τοῦ Κιμμερίου τὰ πρὸς ἑσπέρης, καὶ τῆς λίμνης τῆς Μαιήτιδος, μέχρι Τανάϊδος ποταμοῦ, ὃς ἐκδιδοῖ ἐς μυχὸν τῆς λίμνης ταύτης. 12. Καὶ νῦν ἔστι μὲν ἐν τῇ Σκυθικῇ Κιμμέρια τείχεα, ἔστι δὲ πορθμηΐα Κιμμέρια, ἔστι δὲ καὶ χώρη οὔνομα Κιμμερίη. 100. Ἤδη ὧν ἀπὸ μὲν Ἴστρου τὰ κατύπερθε ἐς τὴν μεσόγαιαν φέροντα ἀποκληΐεται ἡ Σκυθικὴ ὑπὸ πρώτων Ἀγαθύρσων· μετὰ δὲ, Νευρῶν· ἔπειτα δὲ, Ἀνδροφάγων· τελευταίων δὲ, Μελαγχλαίνων.

янія отъ Истроса. Тутъ-то именно Главная-Скиѳія, лежащая на югѣ, до города, который называется Каркинитида. А отъ этого города, по морю, при которомъ онъ находится, въ странѣ гористой и выдающейся въ Понтъ, живетъ народъ Таврскій, до такъ-называемаго Гористаго-Херсониса, который прилежитъ къ морю съ востока. Итакъ, земля Скиѳская двумя краями прикасается къ морю, однимъ съ юга, другимъ съ востока, подобно-какъ и страна Аттическая. Тавры точно такъ-же живутъ въ землѣ Скиѳской, какъ если-бы въ Аттикѣ другой народъ, а не Аѳиняне, населяли уголъ Сунійскій, отъ Ѳорика до околотка Анафлистскаго, гдѣ этотъ уголъ наиболѣе высовывается въ море: говорю это, сравнивая малое съ великимъ. Такова Таврика. Кто-жь не имѣлъ случая объѣзжать моремъ Аттику, тому я объясню пожалуй иначе. Вотъ, на-примѣръ, еслибы въ Япигіи, начиная отъ Брентскаго пристанища до Таранта, весь мысъ населялъ другой какой-нибудь народъ, а не Япиги. Кромѣ этихъ двухъ примѣровъ, я могу указать много и другихъ подобныхъ, съ которыми можно сравнить Таврику. 100. За Таврикою, выше Тавровъ, опять живутъ Скиѳы при морѣ восточномъ, на западѣ Киммерійскаго Воспора и озера Меетиды, до рѣки Танаиса, которая изливается въ пазушье озера. 12. И донынѣ есть въ Скиѳіи укрѣпленія Киммерійскія; есть перевозъ Киммерійскій; есть и сторона, ко-

торая называется Киммерійскою. 100. Къ верху-же отъ Истроса, въ средоземьѣ, земля Скиѳская граничитъ во-первыхъ съ Агаѳирсами, потомъ съ Неврами, далѣе съ Людоѣдами, наконецъ съ Смурыми-Кафтанами.

101. Ἔστι ὦν τῆς Σκυθικῆς, ὡς ἐούσης τετραγώνου, τῶν δύο μερέων κατηκόντων ἐς θάλασσαν, πάντη ἴσον, τό, τε ἐς τὴν μεσόγαιαν φέρον καὶ τὸ παρὰ τὴν θάλασσαν. Ἀπὸ γὰρ Ἴστρου ἐπὶ Βορυσθένεα δέκα ἡμερέων ὁδός· ἀπὸ Βορυσθενέος τ᾽ ἐπὶ τὴν λίμνην τὴν Μαιῆτιν, ἑτέρων δέκα· καὶ τὸ ἀπὸ θαλάσσης ἐς μεσόγαιαν ἐς τοὺς Μελαγχλαίνους τοὺς κατύπερθε Σκυθέων οἰκημένους, εἴκοσι ἡμερέων ὁδός. Ἡ δὲ ὁδὸς ἡ ἡμερησίη ἀνὰ διηκόσια στάδια συμβέβληταί μοι. οὕτω ἂν εἴη τῆς Σκυθικῆς τὰ ἐπικάρσια, τετρακισχιλίων σταδίων, καὶ τὰ ὄρθια, τὰ ἐς τὴν μεσόγαιαν φέροντα ἑτέρων τοσούτων σταδίων. Ἡ μέν νυν γῆ αὕτη ἐστὶ μέγαθος τοσαύτη.

101. Скиѳія есть родъ четвероугольника, который, съ двухъ сторонъ прикасаясь къ морю, имѣетъ равное протяженіе, какъ въ средоземьѣ, такъ и вдоль моря. Отъ Истроса до Борисѳенеса, десять дней сухопутья; а отъ Борисѳенеса, до озера Меетиды, другихъ десять. Средоземьемъ, отъ моря до Смурыхъ-Кафтановъ, которые живутъ надъ Скиѳами, сухопутья также двадцать дней. Я считаю на день сухопутной ходьбы по двѣстѣ стадій. Стало-быть, въ поперечныхъ бокахъ Скиѳіи выдетъ, въ каждомъ, по четыре тысячи стадій; и въ продольныхъ, по направленію въ средоземье, въ каждомъ, опять по стольку-же. Вотъ и величина всей земли.

17. Ἀπὸ τοῦ Βορυσθενειτέων ἐμπορίου, τοῦτο γὰρ τῶν παραθαλασσίων μεσαίτατόν ἐστι πάσης τῆς Σκυθίης, ἀπὸ τούτου πρῶτοι Καλλιπίδαι νέμονται, ἐόντες Ἕλληνες Σκύθαι. ὑπὲρ δὲ τούτων, ἄλλο ἔθνος, οἱ Ἀλαζῶνες καλέονται. Οὗτοι δὲ καὶ οἱ Καλλιπίδαι τὰ μὲν ἄλλα κατὰ ταὐτὰ Σκύθῃσι ἐπασκέουσι· σῖτον δὲ καὶ σπείρουσι, καὶ σιτέονται, καὶ κρόμμυα καὶ σκόροδα καὶ φακοὺς καὶ κέγχρους. Ὑπὲρ δὲ Ἀλαζώνων οἰκέουσι Σκύθαι Ἀροτῆρες, οἳ οὐκ ἐπὶ σιτήσει σπείρουσι τὸν σῖτον, ἀλλ᾽ ἐπὶ πρήσει. τουτέων δὲ κατύπερθε οἰκέουσι Νευροί. Νευρῶν δὲ τὸ πρὸς βορῆν

17. Начиная отъ торжища Борисѳенеитовъ, которое между приморскими мѣстами есть самое срединное во всей Скиѳіи, живутъ во-первыхъ Каллипиды, которые суть Еллины-Скиѳы. Выше нихъ, другой народъ, который называется Алазонами. Какъ тѣ, такъ и другіе, живутъ во многихъ отношеніяхъ по-скиѳски: впрочемъ сѣютъ хлѣбъ, и имъ питаются; также употребляютъ и лукъ, и чеснокъ, и чечевицу, и просо. Выше Алазоновъ, жи-

ἄνεμον, ἔρημος ἀνθρώπων, ὅσον ἡμεῖς ἴδμεν. Ταῦτα μὲν παρὰ τὸν Ὕπανιν ποταμόν ἐστι ἔθνεα πρὸς ἑσπέρης τοῦ Βορυσθένεος.

18. Ἀτὰρ διαβάντι τὸν Βορυσθένεα, ἀπὸ θαλάσσης πρῶτον μὲν ἡ Ὑλαίη. 76. Ἡ δ' ἔστι μὲν παρὰ τὸν Ἀχιλλήϊον Δρόμον, τυγχάνει δὲ πᾶσα ἐοῦσα δενδρέων παντοίων πλέη. 18. Ἀπὸ δὲ ταύτης ἄνω οἰκέουσι Σκύθαι Γεωργοί· τοὺς Ἕλληνες οἱ οἰκέοντες ἐπὶ τῷ Ὑπάνι ποταμῷ καλέουσι Βορυσθενείτας· σφέας δὲ αὐτοὺς, Ὀλβιοπολίτας. οὗτοι ὦν οἱ Γεωργοὶ Σκύθαι νέμονται τὸ μὲν πρὸς τὴν ἕω ἐπὶ τρεῖς ἡμέρας ὁδοῦ, κατήκοντες ἐπὶ ποταμὸν, τῷ οὔνομα κεῖται Παντικάπης· τὸ δὲ πρὸς βορῆν ἄνεμον, πλόον ἀνὰ τὸν Βορυσθένεα ἡμερέων ἑνδεκα. ἤδη δὲ κατύπερθε τούτων ἔρημός ἐστι ἐπὶ πολλόν. μετὰ δὲ τὴν ἔρημον Ἀνδροφάγοι οἰκέουσι, ἔθνος ἐὸν ἴδιον, καὶ οὐδαμῶς Σκυθικόν. τὸ δὲ τούτων κατύπερθε, ἔρημος ἤδη ἀληθέως, καὶ ἔθνος ἀνθρώπων οὐδὲν, ὅσον ἡμεῖς ἴδμεν.

19. Τὸ δὲ πρὸς τὴν ἕω Γεωργῶν τούτων Σκυθέων, διαβάντι τὸν Παντικάπην ποταμὸν, Νομάδες ἤδη Σκύθαι νέμονται, οὔτε τι σπείροντες οὐδὲν, οὔτε ἀροῦντες· ψιλὴ δὲ δενδρέων πᾶσα αὕτη γῆ, πλὴν τῆς Ὑλαίης· οἱ δὲ Νομάδες οὗτοι τὸ πρὸς τὴν ἕω ἡμερέων τεσσέρων καὶ δέκα ὁδὸν νέμονται χώρην κατατείνουσαν ἐπὶ ποταμὸν Γέρρον. 20. Πέρην δὲ τοῦ Γέρρου ταῦτα δὴ τὰ καλεύμενα Βασιλήϊά ἐστι, καὶ Σκύθαι οἱ ἄριστοί τε καὶ πλεῖστοι, καὶ

вутъ Скиѳы-Пахари, которые сѣютъ хлѣбъ, но не для собственнаго употребленія, а для продажи. Выше ихъ, живутъ Невры. Къ сѣверу-жь отъ Невровъ, пустыня безъ людей, сколько мы знаемъ. Вотъ народы, обитающіе по Гипанису, на западъ отъ Борисѳенеса.

18. Когда-жь перейдешь Борисѳенесъ, отъ моря во-первыхъ Гилея. 76. Она находится близъ Бѣга-Ахиллова, и вся наполнена всякаго рода деревьями. 18. За нею выше, живутъ Скиѳы-Земледѣльцы, которыхъ Еллины, обитающіе при рѣкѣ Гипанисѣ, называютъ Борисѳенеитами, сами себя зовя Ольвіополитами. Эти Скиѳы-Земледѣльцы простираются къ востоку на три дня сухопутья, примыкаясь къ рѣкѣ, которая называется Пантикапесъ; къ сѣверу-же, водопутьемъ по Борисѳенесу на одиннадцать дней. Выше, за ними, обширная пустыня. А за пустынею живутъ Людоѣды, народъ самъ-по-себѣ, вовсе не Скиѳскій. Выше-же и ихъ, безъ-сомнѣнія опять пустыня, и никакихъ людей, сколько мы знаемъ.

19. На востокъ отъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, если перейти Пантикапесъ рѣку, живутъ уже Скиѳы-Кочующіе, которые ни сѣютъ, ни орутъ. Вся эта сторона, кромѣ Гилеи, совершенно бездревесна. Кочующіе здѣсь Скиѳы къ востоку занимаютъ страну, простирающуюся на четырнадцать дней сухопутной ходьбы до рѣки Герроса. 20. За Герросомъ, такъ-

τοὺς ἄλλους νομίζοντες Σκύθας δούλους σφετέρους εἶναι · κατήκουσι δὲ οὗτοι τὸ μὲν πρὸς μεσαμβρίην, ἐς τὴν Ταυρικήν · τὸ δὲ πρὸς ἠῶ, ἐπί τε τάφρον (κατατείνουσαν ἐκ τῶν Ταυρικῶν οὐρέων ἐς τὴν Μαιῶτιν λίμνην, 3)˙ καὶ ἐπὶ τῆς λίμνης τῆς Μαιήτιδος τὸ ἐμπόριον, τὸ καλέεται Κρημνοί · τὰ δὲ αὐτῶν κατήκουσι ἐπὶ ποταμὸν Τάναϊν . τὰ δὲ κατύπερθε πρὸς βορῆν ἄνεμον τῶν Βασιληίων Σκυθέων οἰκέουσι Μελάγχλαινοι, ἄλλο ἔθνος, καὶ οὐ Σκυθικόν. Μελαγχλαίνων δὲ τὸ κατύπερθε, λίμναι, καὶ ἔρημός ἐστι ἀνθρώπων, κατόσον ἡμεῖς ἴδμεν.

21. Τάναϊν δὲ ποταμὸν διαβάντι, οὐκέτι Σκυθικὴ · ἀλλ' ἡ μὲν πρώτη τῶν λαξίων, Σαυροματέων ἐστί, οἱ ἐκ τοῦ μυχοῦ ἀρξάμενοι τῆς Μαιήτιδος λίμνης, νέμονται τὸ πρὸς βορέην ἄνεμον, ἡμερέων πεντεκαίδεκα ὁδὸν, πᾶσαν ἐοῦσαν ψιλὴν καὶ ἀγρίων καὶ ἡμέρων δενδρέων · ὑπεροικέουσι δὲ τουτέων δευτέρην λάξιν ἔχοντες Βουδῖνοι, γῆν νεμόμενοι πᾶσαν δασέην ὕλῃ παντοίῃ. 108. Βουδῖνοι δὲ, ἔθνος ἐὸν μέγα καὶ πολλὸν, γλαυκόν τε πᾶν ἰσχυρῶς ἐστι καὶ πυῤῥόν . πόλις δὲ ἐν αὐτοῖσι πεπόλισται ξυλίνη · οὔνομα δὲ τῇ πόλι ἐστὶ Γελωνός · τοῦ δὲ τείχεος μέγαθος κῶλον ἕκαστον, τριήκοντα σταδίων ἐστὶ, ὑψηλὸν δὲ καὶ πᾶν ξύλινον · καὶ οἰκίαι αὐτῶν ξύλιναι καὶ τὰ ἱρά . 109. Ἡ δὲ χώρη σφέων πᾶσά ἐστι δασέη ἴδῃσι παντοίῃσι · ἐν δὲ τῇ ἴδῃ πλείστῃ ἐστὶ λίμνη μεγάλη τε καὶ πολλὴ, καὶ ἕλος, καὶ κάλαμος περὶ αὐτήν · ἐν δὲ ταύτῃ ἐνύδριες ἁλίσκονται, καὶ κάστορες, καὶ ἄλλα θηρία τετραγωνοπρόσωπα, τῶν τὰ δέρματα περὶ τὰς σισύρνας παραῤῥάπτεται · καὶ

называемая Царевщина, гдѣ живетъ поколѣніе Скиѳовъ самое благороднѣйшее и самое многочисленнѣйшее, которое прочихъ Скиѳовъ считаетъ своими рабами. Эти Скиѳы на югъ прилегаютъ къ Таврикѣ; на востокъ-же ко Рву (простирающемуся отъ горъ Таврическихъ до озера Меетиды, 3), и къ торжищу на озерѣ Меетидѣ, которое называется Кримны: страна, ихъ прилежитъ къ рѣкѣ Танаису. Выше, къ сѣверу отъ Скиѳовъ-Царскихъ, живутъ Смурые-Кафтаны, народъ особый, нисколько не Скиѳскій. Выше-же Смурыхъ-Кафтановъ, озера и пустыня безъ людей, сколько мы знаемъ.

21. А какъ перейдешь Танаисъ рѣку, конецъ землѣ Скиѳской. Здѣсь во-первыхъ область Савроматовъ, которые, начиная отъ пазушья Меетиды, простираются къ сѣверу на пятнадцать дней сухопутья, въ странѣ совершенно лишенной и дикихъ и саженыхъ деревьевъ. За ними, вторую область занимаютъ Будины, у которыхъ земля напротивъ покрыта всякаго рода лѣсомъ. 108. Будины народъ великій и многочисленный, весь крѣпко бѣлобрысый и въ веснушкахъ. У нихъ есть городъ деревянный; а имя городу Гелоносъ. Острогъ кругомъ города такъ великъ, что каждый бокъ заключаетъ тридцать стадій; притомъ высокъ, и весь деревянный: домы также деревянные, равно-какъ и святилища.. 109. Земля ихъ вся заросшена лѣсами. Въ самой главной пущѣ находится

οἱ ὅρχιες αὐτοῖσί εἰσι χρήσιμοι ἐς ὑστερέων ἄκεσιν. 22. Βουδίνων δὲ κατύπερθε πρὸς βορῆν ἐστι πρώτη μὲν ἔρημος ἐπ' ἡμερέων ἑπτὰ ὁδόν· μετὰ δὲ τὴν ἔρημον ἀποκλίναντι μᾶλλον πρὸς ἀπηλιώτην ἄνεμον, νέμονται Θυσσαγέται, ἔθνος πολλὸν καὶ ἴδιον· ζώουσι δὲ ἀπὸ θήρης. 123. Ποταμοὶ δὲ ἐξ αὐτέων τέσσερες μεγάλοι ῥέοντες διὰ Μαιητέων ἐκδιδοῦσι ἐς τὴν λίμνην καλεομένην Μαιῆτιν· τοῖσι οὐνόματα κέεται τάδε, Λύκος, Ὄαρος, Τάναϊς, Σύργις. 22. Συνεχέες δὲ τούτοισι ἐν τοῖσι αὐτοῖσι τόποισι κατοικημένοι εἰσί, τοῖσι οὔνομα κεῖται Ἰύρκαι· καὶ οὗτοι ἀπὸ θήρης ζώοντες· ὑπὲρ δὲ τούτων, τὸ πρὸς τὴν ἠῶ τετραμμένοι οἰκέουσι Σκύθαι ἄλλοι, ἀπὸ τῶν Βασιληΐων Σκυθέων ἀποστάντες, καὶ οὕτω ἀπικόμενοι ἐς τοῦτον τὸν χῶρον.

большое и многоводное озеро, а вокругъ него скопъ водъ, поросшій тростникомъ. Въ этомъ озерѣ ловятся выдры, и бобры, и другіе звѣры съ четвероугольною мордою, шкуры которыхъ употребляются на подбивку платья, а ядра весьма пригодны въ маточныхъ болѣзняхъ. 22. Выше Будиновъ, къ сѣверу, сначала пустыня, на семь дней сухопутья; потомъ, за пустынею, склоняясь къ востоку, обитаютъ Оиссагеты, народъ многочисленный и самъ-по-себѣ. Они живутъ звѣроловствомъ. 123. Отъ нихъ выходятъ четыре большія рѣки, которыя, проходя чрезъ страну Меетовъ, впадаютъ въ озеро называемое Меетидою; имена-же имъ: Ликосъ, Оаросъ, Танаисъ, Сиргисъ. 22. Сосѣды имъ, въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ обитающіе, которымъ проложено имя Ивровъ, живутъ также звѣроловствомъ. Выше ихъ, поворотивъ къ востоку, жительствуютъ еще Скиѳы, которые, отдѣлясь отъ Царскихъ, ушли сюда.

23. Μέχρι μὲν δὴ τῆς τούτων τῶν Σκυθέων χώρης ἐστὶ ἡ καταλεχθεῖσα πᾶσα πεδιάς τε γῆ καὶ βαθύγεως. Τὸ δ' ἀπὸ τούτου, λιθώδης τ' ἐστὶ καὶ τρηχέη. Διεξελθόντι δὲ καὶ τῆς τρηχέης χῶρον πολλὸν, οἰκέουσι ὑπώρεαν οὐρέων ὑψηλῶν ἄνθρωποι λεγόμενοι εἶναι πάντες φαλακροὶ ἐκ γενεῆς γινόμενοι, καὶ ἔρσενες καὶ θήλεαι ὁμοίως, καὶ σιμοὶ, καὶ γένεια ἔχοντες μεγάλα, φωνὴν δὲ ἰδίην ἱέντες, ἐσθῆτι δὲ χρεώμενοι Σκυθικῇ, ζῶντες δὲ ἀπὸ δενδρέων. Οὔνομα δέ σφι ἐστὶ Ἀργιππαῖοι.

23. До стороны, гдѣ обитаютъ эти послѣдніе Скиѳы, вся описанная земля состоитъ изъ равнинъ и низей. Отсюда, она становится каменистою и гористою. Этой гористой стороной надо пройти значительное пространство. За-тѣмъ, у подошвы высокихъ горъ, живутъ люди, о которыхъ говорятъ, будто они съ-изъ-роду всѣ плѣшивы, какъ мужчины, такъ равно и женщины, притомъ имѣютъ сплющенные носы и широкія скулы. Языкъ они

24. Μέχρι μὲν νυν τῶν φαλακρῶν τουτέων, πολλὴ περιφάνεια τῆς χώρης ἐστί, καὶ τῶν ἔμπροσθεν ἐθνέων· καὶ γὰρ Σκυθέων τινὲς ἀπικνέονται ἐς αὐτοὺς, τῶν οὐ χαλεπόν ἐστι πυθέσθαι, καὶ Ἑλλήνων τῶν ἐκ Βορυσθενεός τε ἐμπορίου καὶ τῶν ἄλλων Ποντικῶν ἐμπορίων. Σκυθέων δὲ οἱ ἂν ἔλθωσι ἐς αὐτοὺς, δι' ἑπτὰ ἑρμηνέων καὶ δι' ἑπτὰ γλωσσέων διαπρήσσονται. 25. Μέχρι μὲν δὴ τουτέων γινώσκεται. Τὸ δὲ τῶν φαλακρῶν κατύπερθε οὐδεὶς ἀτρεκεως οἶδε φράσαι. Οὔρεα γὰρ ὑψηλὰ ἀποτάμνει ἄβατα, καὶ οὐδεὶς σφεα ὑπερβαίνει· οἱ δὲ φαλακροὶ οὗτοι λέγουσι, ἐμοὶ μὲν οὐ πιστὰ λέγοντες, οἰκέειν τὰ οὔρεα αἰγίποδας ἄνδρας· ὑπερβάντι δὲ τούτους, ἄλλους ἀνθρώπους, οἱ τὴν ἑξάμηνον καθεύδουσι. τοῦτο δὲ οὐκ ἐνδέκομαι τὴν ἀρχήν. ἀλλὰ τὸ μὲν πρὸς ἠῶ τῶν φαλακρῶν γινώσκεται ὑπὸ Ἰσσηδόνων οἰκεόμενον. 27. Τὸ δὲ ἀπὸ τουτέων τὸ κατύπερθε Ἰσσηδόνες εἰσὶ οἱ λέγοντες μουνοφθάλμους ἀνθρώπους καὶ χρυσοφύλακας γρύπας εἶναι· παρὰ δὲ τουτέων Σκύθαι παραλαβόντες λέγουσι· παρὰ δὲ Σκυθέων ἡμεῖς οἱ ἄλλοι νενομίκαμεν, καὶ οὐνομάζομεν αὐτοὺς Σκυθιστὶ Ἀριμασπούς· ἄριμα γὰρ ἓν καλεουσι Σκύθαι, σποῦ δὲ τὸν ὀφθαλμόν. 32. Ὑπερβορέων δὲ περὶ ἀνθρώπων οὔτε τι Σκύθαι λέγουσι, οὔτε τινὲς ἄλλοι τῶν ταύτῃ οἰκημένων, εἰ μὴ ἄρα Ἰσσηδόνες· ὡς δ' ἐγὼ δοκέω, οὐδ' οὗτοι λέγουσι οὐδέν· ἔλεγον γάρ ἂν καὶ Σκύθαι, ὡς περὶ τῶν μουνοφθάλμων λέγουσι.

имѣютъ свой; но платье носятъ Скиѳское; а питаются отъ деревьевъ. Имя имъ Аргиппеи.

24. Страна до этихъ плѣшаковъ, равно-какъ и народы, передъ ними обитающіе, достаточно извѣстны. У нихъ бываютъ нѣкоторые изъ Скиѳовъ, которыхъ не трудно разспросить; также и Еллины изъ торжища Борисѳенскаго и другихъ торжищъ Понтійскихъ. Только Скиѳы, когда ходятъ къ нимъ, берутъ семь толмачей для семи языковъ. 25. Досихъ-мѣстъ есть еще свѣдѣнія. Но что выше плѣшаковъ, никто не можетъ сказать ничего достовѣрнаго. Стоятъ тамъ высокія неприступныя горы, которыхъ никто не перехаживалъ. Говорятъ сами плѣшаки, да только мнѣ не вѣрится, что они говорятъ: будто на тѣхъ горахъ живутъ люди съ козлиными ногами; а за ними другіе люди, которые спятъ по шести мѣсяцовъ: чему ужь я рѣшительно отказываюсь вѣрить. Впрочемъ извѣстно, что къ востоку отъ плѣшаковъ живутъ Исседоны. 27. Выше ихъ, Исседоны говорятъ, живутъ люди одноглазые и грипы, которые стерегутъ золото. Съ ихъ словъ это переговариваютъ Скиѳы; а отъ Скиѳовъ наслушалась и наша братья; отчего мы и зовемъ тѣхъ людей, по-скиѳски, Аримаспами: ибо «арима» значитъ у Скиѳовъ «одинъ», а «спу» по ихъ «глазъ». 32. Что касается до Гипербореевъ, то объ нихъ

ни Скиѳы, ни другіе изъ туземныхъ жителей, рѣшительно ничего не говорятъ, кромѣ развѣ Исседоновъ. Да и тѣ, кажется, едва-ли говорятъ что. Иначе толковали-бъ про нихъ и Скиѳы, какъ толкуютъ про одноглазыхъ.

36. Γελῶ δὲ ὁρέων γῆς περιόδους γράψαντας πολλοὺς ἤδη, καὶ οὐδένα νόον ἔχοντας ἐξηγησάμενον.

36. Право, смѣшно мнѣ, какъ гляжу я на нашихъ многочисленныхъ землеописателей, и не нахожу въ ихъ толкахъ никакого смысла.

Вотъ собственныя слова Геродота, изображающія весьма подробно и опредѣлительно, во-первыхъ мѣстоположеніе, во-вторыхъ народонаселеніе древней Скиѳіи, и даже съ окрестностями. *Ex ungue leonem!* И изъ нихъ, изъ этихъ краткихъ отрывковъ, видно уже, какъ «отецъ исторіи» смотрѣлъ на то, что описывалъ, какъ описывалъ то, что видѣлъ. Его расказъ такъ простъ такъ естественъ, такъ искренень: въ немъ такъ живо чувствуется вліяніе непосредственнаго созерцанія, одушевленіе самоличной, очевидной увѣренности. Но, съ-тѣмъ-вмѣстѣ, какая осторожность, какая разборчивая, деликатная добросовѣстность! Геродотъ вездѣ старается различать то, что знаетъ достовѣрно, отъ того, что знаетъ только по темнымъ слухамъ; и, при слухахъ, непремѣнно замѣчаетъ, что изъ нихъ кажется ему правдоподобно, и что не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Онъ не стыдится незнанія, не боится сомнѣній: онъ даже позволяетъ себѣ легкую иронію, иногда и стрекучій сарказмъ, когда дѣло идетъ о басняхъ, которыми кишатъ предшествовавшія и современныя ему землеописанія. При-всемъ-томъ, онъ конечно могъ, онъ даже не могъ не ошибаться, особенно тамъ, гдѣ не доставало ему личныхъ наблюденій, гдѣ онъ долженъ былъ довольствоваться вѣрою безъ видѣнія. Но и тутъ не-льзя не отдать ему справедливости по-крайней-мѣрѣ въ томъ, что его ошибки никогда не происходили отъ умничанья, отъ произвольныхъ догадокъ, отъ своенравныхъ соображеній, тѣмъ-болѣе отъ засѣвшихъ предварительно въ голову идей, отъ умо-

зрительныхъ, систематическихъ предразсудковъ. Нѣтъ! Вѣрный своему призванію наблюдателя и живописца, Геродотъ гораздо больше еще чуждался позднѣйшаго педантизма, чѣмъ господствовавшаго дотолѣ суевѣрнаго пристрастія къ сказкамъ. Потому-то, его должно предпочтительно, если судить, такъ судить не столько форменнымъ судомъ школьной инквизиціи[2], сколько мирнымъ совѣстнымъ судомъ дружескаго собесѣдованія, въ присутствіи той самой дѣйствительности, которой онъ былъ столь умнымъ наблюдателемъ и столь правдивымъ живописцемъ.

Весьма важно здѣсь опредѣлить предварительно: что именно, на описываемомъ имъ пространствѣ, Геродотъ видѣлъ собственными глазами? Какъ ни достовѣрны могутъ быть свѣдѣнія, получаемыя изъ вторыхъ рукъ, особенно отъ очевидцевъ, все-жь должно ихъ строго различать отъ личныхъ непосредственныхъ созерцаній. Чтобы усвоить себѣ чужое созерцаніе, необходимо усиліе воображенія; а гдѣ примѣшивается воображеніе, тамъ рѣдко обходится безъ ошибокъ: ошибокъ, которыя конечно не должно ставить въ фальшъ, но которыя тѣмъ-не-менѣе остаются ошибками.

---

[2] Въ обширной литературѣ критическихъ и экзегетическихъ работъ надъ Геродотомъ, преимущественно въ отношеніи къ Скиѳамъ и къ Скиѳіи, замѣчательны наиболѣе: *Th. S. Bayeri*, De Scythiæ situ, qualis fuit sub ætatem Herodoti, въ Comment. Acad. Scient. Petropolit. t. I. p. 400 sqq. *De Guignes*, Mémoire dans lequel on entreprend de fixer la situation de quelques peuples Scythes, dont il est parlé dans Hérodote, въ Mem. de l'Acad. des Inscript. et Bell. Lettr. t. XXXV. p. 539 sqq. *D'Anville*, Examen critique d'Hérodote, sur ce qu'il rapporte de la Scythie, въ Mem. de l'Acad. des Inscript. et Bell. Lettr. t. XXXV. p. 573 sqq. *J. Chr. Gattereri*, An Prussorum, Lituanorum ceterorumque populorum Letticorum origines a Sarmatis liceat repetere? въ Commentat. Soc. Reg. Goettingens. vol. XII. p. 116 sqq. F. W. Beer's, Erläuterung der von Herodot und Plinius gegebenen Beschreibung des alten Skythiens, въ Zuf. zu allg. W. H. III. 11 ff. *J. Pinkerton*, Dissertation on the origine and progress of the Scythians or Goths, Lond. 1787. 8°. *J. Potocki*, Fragmens historiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves, Brunsw. 1796. 4°. Histoire primitive des peuples de la Russie, Petersb. 1802. 4°. Mannert's, der Norden der Erde, 1820. 8°. S. 100 ff. *J. Rennel*, The geographical system of Herodotus, vol. I. sect. 4—6. A. H. L. Heeren's, Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, I Th. 2 Abth. *Malte-Brun*, Précis de la géographie universelle, t. I. c. 3. *Lelewela*, Opis Skythii Herodota, въ Pisma pomn. geogr. histor. Warsz. 1814. 8°. *Surowieckiego*, Sledzenia początku narodow Slowianskich, въ Roczn. Tow. Warszaw. t. XVII. B. G. Niebuhr's, Ueber die Geographie Herodots, въ Kleine histor. und philolog. Schriften, Bonn 1828. S. 182 ff. C. G. Reichard's, Des Darius Hystaspis Feldzug im Lande der Skythen aus Herodot, въ Hertha Zeitschr. für Erd- u. Völker-Kunde, 1828. II. B. S. 5 ff. K. Halling's, Geschichte der Skythen, Berl. 1833. 8°. *P. J. Safarica*, Slowanské Starožitnosti, w Praze, 1837. okr. 1. cl. 3. § 13. K. Zeuß, Die Deutschen und die Nachbarstämme, Münch. 1837. S. 275 ff. *Th. Narbutta*, Dzieje starożytne narodu Litewskiego, Wiln. 1838. t. II. z. 5. *Э. Эйхвальда*, О древнѣйшихъ обиталищахъ племенъ Славянскихъ, Финскихъ, Турецкихъ и Монгольскихъ въ Южной-Россіи, по Геродоту, въ «Библіот. д. Чтен.» т. XXVII. от. III. стр. 53 слд. *О. И. Сенковскаго*, Примѣчанія къ Геродотову описанію Скиѳіи, въ «Библіот. д. Чтен.» т. XXVII. от. III. стр. 94 слд. F. L. Lindner's, Skythien und die Skythen des Herodots und seine Ausleger, Stuttg. 1841. 8°.

Что Геродотъ не только былъ въ Скиѳіи, но проникалъ довольно далеко во внутреннюю средиземную глубину ея, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Самъ онъ, ясно и опредѣлительно, ссылается на свидѣтельство собственныхъ глазъ, когда описываетъ мѣдный котелъ, находившійся въ Эксампеосѣ, странѣ, которая лежала между Борисѳенесомъ и Гипанисомъ, на четыре дня водопутнаго разстоянія отъ моря [3]. Впрочемъ, это есть единственное мѣсто, при которомъ онъ самъ, ясно и опредѣлительно, говоритъ о самоличномъ наблюденіи. И если вникнуть внимательно въ его разсказъ, то едва-ли только тѣмъ не ограничивался и въ-самомъ-дѣлѣ горизонтъ его наблюденій на обширномъ пространствѣ Скиѳіи.

Дѣйствительно, изъ всѣхъ рѣкъ, которыя Геродотъ именуетъ въ Скиѳіи, только Борисѳенесъ и Гипанисъ описываются имъ съ такою подробностью, что нельзя не признать внушенія очевидности. Правда, и объ Истросѣ онъ распространяется по-видимому довольно обширно: но что сообщаетъ онъ объ немъ? Одну голую, сухую номенклатуру притоковъ, которые въ него вливаются. Единственное замѣчаніе о живой физіономіи этого пяти-устаго колосса состоитъ въ томъ, что масса водъ его постоянно равна себѣ, и зимою и лѣтомъ (IV. 48): замѣчаніе, очевидно, исторгнутое сравненіемъ съ извѣстною періодическою измѣнчивостью Нила, котораго образъ запечатлѣлся въ воспоминаніи Геродота, какъ царственный первообразъ всѣхъ земныхъ рѣкъ. Но чтобы сдѣлать это единственное, совершенно внѣшнее и поверхностное замѣчаніе, можно было и не видать собственными глазами Истроса, достаточно было положиться на слухи. Если Геродотъ точно имѣлъ случай лично дивиться величію Сѣвернаго-Нила, то развѣ только въ его устьяхъ, мимоходомъ, во время плаванія по Понту. Что касается до второй менѣе величественной, но не менѣе важной рѣки, составляющей противоположную границу земли Скиѳской: я разумѣю Танаисъ, рѣку завѣтную, признаваемую издревле границей между двумя главными частями всего свѣта, Европой и Азіей; то объ ней Геродотъ, очевидно, не имѣлъ не только наглядно пріобрѣтенныхъ свѣдѣній, но и достаточныхъ извѣстій изъ вторыхъ рукъ. Все, что сказано имъ о Танаисѣ, состоитъ изъ нѣсколькихъ общихъ, неопредѣлен-

[3] Τοσόνδε μέντοι ἀπέφαινόν μοι ἐς ὄψιν. IV. 81.

ныхъ словъ: изъ всѣхъ многочисленныхъ его притоковъ, поименованъ только одинъ какой-то; даже ни одной выразительной чертой не обозначена физіономія его устья (IV. 57). Обыкновенно думаютъ, что Геродотъ проѣхалъ Эвксинскій-Понтъ весь, вдоль и поперекъ: видѣлъ его и длину и ширину, собственными глазами. Можетъ-быть, это и правда; хотя, надо сознаться, въ текстѣ разсказа Геродотова нѣтъ на то явныхъ, несомнительныхъ указаній [4]. Можетъ-быть, онъ точно посѣщалъ устья Фасиса, и видѣлъ лично «смугло-курчавыхъ» Колховъ, въ ихъ родинѣ (II. 104) [5]; можетъ-быть, съ моря имѣлъ случай любоваться живописнымъ Южнымъ-Берегомъ Таврическаго-Полуострова, котораго образъ такъ усердно старается прояснить чрезъ сравненіе съ Аттикою и Япигіею (IV. 99) [6]. Но что онъ не видывалъ въ глаза Меотиды, которая принимаетъ въ себя Танаисъ, это очевидно уже изъ того одного, что онъ вѣритъ въ точность наименованія «матери Понта», которое дано было Меотидѣ воображеніемъ поэтовъ, что это озеро считаетъ онъ равнымъ Понту (IV. 86) [7]. Тоже должно сказать и о Тиресѣ: Геродотъ, конечно, не видалъ самъ этой рѣки, отъ которой также, какъ отъ Танаиса, отдѣлывается нѣсколькими словами (IV. 51) [8]. Въ разсужденіи остальныхъ главныхъ рѣкъ Скиѳіи, Пантикапеса, Гипакириса и Герроса, должно сознаться, что описанія ихъ, хотя и кратки, но своею изобразительностью какъ-будто обнаруживаютъ вліяніе нагляднаго впечатлѣнія; впрочемъ съ-тѣмъ-вмѣстѣ не льзя не замѣтить, что онѣ описываются преимущественно въ ихъ сосѣдствѣ съ моремъ, и притомъ въ непосредственномъ соотношеніи съ Борисѳенесомъ (IV. 54—56).

---

[4] Изъ того, что Геродотъ вычисляетъ протяженіе Чернаго-Моря, по днямъ плаванія, весьма опредѣлительно и подробно, не льзя еще заключать съ неопровержимою достовѣрностью, что онъ дѣлалъ эту выкладку, основываясь на личномъ опытѣ. Самъ онъ, предлагая свои измѣренія, говоритъ отнюдь не отъ себя, но безлично: *μεμέτρηται δὲ ταῦτα ὧδε* (IV. 36).

[5] Разсуждая о сродствѣ Колховъ съ Египтянами, Геродотъ говоритъ, что онъ по этому предмету имѣетъ мнѣніе, основанное на собственномъ убѣжденіи, подтвержденное распросами, которые самъ онъ дѣлалъ тѣмъ и другимъ: *νοήσας δὲ πρότερον αὐτὸς, ἢ ἀκούσας ἄλλον, λέγω· ὡς δέ μοι ἐν φρουτίδι ἐγένετο, εἰρόμην ἀμφοτέρους* (II. 104).

[6] Здѣсь особенно замѣчательно, что Геродотъ сравненіе Таврики съ Япигіею прибавляетъ именно для тѣхъ, которые не имѣли случая оплывать Аттику. Значитъ, самъ онъ оплывалъ Таврику кругомъ.

[7] *Παρέχεται δὲ καὶ λίμνην ὁ Πόντος οὗτος, ἐκδιδοῦσαν ἐς ἑωυτὸν, οὐ πολλῷ τεῳ ἐλάσσω ἑωυτοῦ· ἣ Μαιῆτις τε καλέεται, καὶ μήτηρ τοῦ Πόντου.* IV. 86.

[8] Геродотъ упоминаетъ о двухъ достопримѣчательностяхъ на Тиресѣ, и именно о могилѣ Киммеріевъ (IV. 11) и объ отпечаткѣ слѣда Ираклова на камнѣ (IV. 81); но говоря, что онѣ еще видны, не говоритъ, чтобы самъ лично ихъ видѣлъ.

Итакъ, Гипанисъ и Борисѳенесъ суть границы, дальше которыхъ не простирались личныя наблюденія Геродота. Самый Борисѳенесъ онъ наблюдалъ лично не на очень далекомъ разстояніи отъ моря, даже не на всемъ томъ пространствѣ, которое въ то время было доступно судоходству: ибо это пространство онъ опредѣляетъ, не ссылаясь нисколько на собственный опытъ (IV. 53). Только по Гипанису, и кажется не сухопутно, а водою, углублялся онъ довольно далеко внутрь степей Скиѳскихъ: до таинственнаго Эксампеоса, гдѣ конечно видѣлъ собственными глазами и чудный ключъ, отравляющій цѣлую рѣку своею неизъяснимою горечью; оттого-то лишь объ исходищѣ одного Гипаниса и знаетъ онъ, не только то, что это озеро, но и то, что вокругъ него «гуляютъ дикіе бѣлые кони» (IV. 52).

Соображая все въ разсказахъ Геродота, не льзя не убѣдиться, что онъ прибылъ въ Скиѳію моремъ, прямо въ такъ-называемое у него «торжище Борисѳенеитовъ», τὸ Βορυσθενειτέων ἐμπόριον (IV. 17), гдѣ и имѣлъ свою главную постоянную квартиру. Отсюда онъ дѣлалъ поѣздки внутрь земли; и здѣсь потомъ, въ часы досуговъ, если не отдѣлывалъ на-чисто, то по-крайней-мѣрѣ заготовлялъ вчернѣ будущую картину Скиѳіи. Въ-слѣдствіе-того, всѣ туземныя мѣстности размѣщаются у него не иначе, какъ по отношенію къ «торжищу Борисѳенеитовъ»: такъ какъ онѣ представлялись ему оттуда, когда онъ смотрѣлъ «въ глубь земли съ моря», имѣя «передъ собою» сѣверъ, «вправо» востокъ, «влѣво» западъ [9]. Этѣ точки зрѣнія постоянно господствуютъ во всей картинѣ Геродота. Всѣ опредѣленія положеній, направленій и уклоненій, которыя у него встрѣчаются, надо разумѣть не иначе, какъ относя къ этой завѣтной, основной точкѣ, на которой самъ онъ стоялъ неподвижно, съ ней начиная обозрѣнія (IV. 17) и къ ней сводя самыя измѣренія (IV. 99) описываемаго имъ пространства.

---

[9] Говоря о «сѣверѣ», Геродотъ почти постоянно употребляетъ здѣсь выраженія, означающія «вышину», какъ-то ὑπὲρ, ἄνω, κατύπερθε, τἀνέκαθεν: слѣдовательно, его представленія о Скиѳіи оріентированы, какъ оріентируются нынѣшнія ландкарты, то-есть «сѣверъ на-верху». Впрочемъ, это вовсе не было слѣдствіемъ какой-нибудь общей идеи или системы географической: это былъ просто взглядъ путешественника-мореходца, для котораго земля «выше моря», и тѣмъ «выше», чѣмъ «отъ моря дальше»; что поддерживается притомъ и тѣмъ, бросающимся въ глаза, обстоятельствомъ, что рѣки обыкновенно скатываются въ море изъ глубины средоземья. Поэтому, въ другой, противоположной Европѣ, части древняго свѣта, именно въ Ливіи, то-есть нынѣшней Африкѣ, тѣже-самыя выраженія, употребляемыя Геродотомъ, означаютъ уже не «сѣверъ», но «югъ». II. 7 слд.

Положивъ эти основанія для сведенія Геродота на очную ставку съ дѣйствительностью, приступаю къ самому дѣлу.

Что такое «торжище Борисѳенеитовъ»? Гдѣ оно находилось?

«Торжищами», ἐμπόρια, назывались у Еллиновъ купеческія поселенія, заводимыя ими въ чужихъ краяхъ, преимущественно по берегамъ морей, при устьяхъ большихъ рѣкъ, для постояннаго размѣна товаровъ съ туземцами. Во времена Геродота, такихъ «торжищъ» находилось уже довольно въ Скиѳіи, въ особенности по берегамъ Понта [10]. Странно только, что «отецъ исторіи», вообще такъ словоохотливый и подробный въ описаніяхъ, на-счетъ ихъ какъ-то слишкомъ молчаливъ, не любитъ распространяться: едва-едва вспоминаетъ онъ про нихъ иногда, и то такъ, мелькомъ, къ-слову [11]. Впрочемъ, «торжищу Борисѳенеитовъ» въ этомъ отношеніи оказано нѣкоторое преимущество предъ прочими, безъ-сомнѣнія оттого-что онъ самъ лично былъ и жилъ въ немъ. Изъ снесенія разныхъ мѣстъ Геродота видно, что это былъ уже не какой-нибудь утлый караван-сарай, слѣпленный на-скорую-руку для временнаго привала купцовъ и складки товаровъ: это былъ напротивъ настоящій «городъ», πόλις: «городъ» во всей формѣ, состоявшій изъ «города» въ собственномъ смыслѣ, ἄστυ, окруженнаго «стѣнами», съ «башнями» и съ «воротами» какъ

---

[10] Ἑλλήνων τῶν ἐκ Βορυσθένεός τε ἐμπορίου καὶ τῶν ἄλλων Ποντικῶν ἐμπορίων. IV. 24. Замѣчательно, что, съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, имя «торжищъ» до-того усвоилось Сѣверному-Черноморью, что сдѣлалось общеупотребительнымъ нарицательнымъ именемъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ мѣстечекъ въ краѣ. Досихъ-поръ, въ Молдавіи и Валахіи всякой городокъ называется по-туземному «*тыргъ*», или съ членомъ «*тыргул*»; откуда происходитъ и собственное имя древней столицы Унгро-Влахійской "Търговещи", по-старинному правописанію «Терговище», нынѣ въ книгахъ «Tergoviste» и «Tirgoviste». Явно, что слово «*тыргъ*» и «*тыргул*» есть славянское «*торгъ*», перешедшее изстари въ языкъ Румынскій. Ср. извѣстный географическій отрывокъ въ «Воскресенской Лѣтописи», гдѣ упоминаются на Днѣстрѣ «Чернъаскій-*Торгъ*», на Прутѣ «Романовъ-*Торгъ*». Между-тѣмъ, есть ученые, которые слово «*торгъ*» выписываютъ на Русь изъ Швеціи, разумѣется чрезъ посредство Скандинавовъ-Нордманновъ!

[11] Нѣкоторые приписываютъ Геродоту скрытную гарпократовскую политику древнихъ купцовъ, любившихъ обработывать дѣла свои тихомолкомъ, въ потемкахъ. Mannert's, Geographie der Griechen und Römer, Th. IV. S. 66. *Malte-Brun*, Précis de la géographie universelle, t. I. p. 47. Я такъ думаю, что, по-крайней-мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, Геродотъ не хотѣлъ обременять своего разказа вещами, которыя для соотечественниковъ своихъ считалъ слишкомъ извѣстными.

слѣдуетъ, и изъ обширнаго, открытаго, «предградія», προάστειον [12]. Видно также, что этотъ городъ назывался не только сложнымъ именемъ «торжища» и «города Борисѳенеитовъ», но и просто «Борисѳенесомъ» [13]. При всемъ томъ однако, ниоткуда не видно ясно и опредѣлительно, гдѣ онъ именно находился. Только по имени можно заключать, и заключать съ достовѣрностью, что онъ лежалъ конечно на рѣкѣ Борисѳенесѣ, отъ которой и прозвался, по обычаю, оставившему, въ продолженіе вѣковъ, на всемъ пространствѣ земнаго шара, безчисленное множество подобныхъ примѣровъ.

Въ послѣдствіи, у позднѣйшихъ историковъ и географовъ древности, постоянно является въ Скиѳіи городъ Борисѳенесъ, Βορυσθένης, Borysthenis; и притомъ всегда, какъ тождественный съ Ольвіею, царицею всѣхъ колоній Еллинскихъ на Скиѳскомъ Понтѣ. Такъ у Скимна Хіосскаго, Страбона, Плинія, Птолемея, и въ Периплѣ Безименнаго [14]. Риторъ Діонъ-Хрисостомосъ, самъ лично посѣщавшій Ольвію, называетъ ее, совершенно по-геродотовски, «городомъ Борисѳенитовъ», ἡ πόλις τῶν Βορυσθενιτῶν; и притомъ, конечно съ разсказовъ туземцевъ, присовокупляетъ, что во всей тамошней сторонѣ одинъ только этотъ городъ удержался неизмѣнно на томъ-же мѣстѣ, на которомъ былъ всегда, испоконь-вѣка [15]. Итакъ, и Борисѳенесъ, и городъ Борисѳенеитовъ, и Ольвія, по единогласному сознанію древнихъ послѣ Геродота, были одно мѣсто, одинъ старый, извѣстный городъ. Почему-жь и не при Геродотѣ, у котораго «тор-

---

[12] Такъ описывается «городъ Борисѳенеитовъ» въ разсказѣ о царѣ Скиѳскомъ Скилесѣ, отчаянномъ эллиноманѣ, который, приходя къ своимъ друзьямъ, Эллинамъ-Борисѳенеитамъ, оставлялъ дружину свою въ *предградіи*, а самъ входилъ внутрь *стѣнъ* и велѣлъ запирать за собой *ворота*, чтобы не имѣть Скиѳовъ свидѣтелями своихъ дурачествъ и буйствъ на эллинскій манеръ, въ чемъ однако былъ изобличенъ напослѣдокъ измѣною одного Борисѳенеита, проведшаго потихоньку нѣкоторыхъ изъ Скиѳовъ на одну изъ городскихъ *башенъ*: IV. 78 — 80.

[13] Καὶ οἰκία τε ἐδείματο ἐν Βορυσθένει. IV. 78.

[14] *Scymni Chii* Periegesis, vv. 59—62. *Strabonis* Rerum Geographicarum, l. VII. c. 3. *C. Plinii Secundi* Naturalis Historia, l. IV. c. 26. *Cl. Ptolemæi* Geographia, l. III. c. 5. *Anonymi* Periplus Ponti Euxini et Paludis Maotidis, въ Geographiæ Veteris Scriptores Græci Minores, Oxon. 1698. I, p. 8 Только Мела именуетъ отдѣльно Борисѳенесъ и Ольвію, какъ-будто два разные города. *Pomponii Melæ*, De situ Orbis, l. II. c. 1. Но что значитъ одинъ противъ всѣхъ? Скимнъ жилъ въ I вѣкѣ до Р. Х. Впрочемъ, еще прежде Скимна, въ III вѣкѣ передъ Р. Х., процвѣталъ Біонъ, одинъ изъ блестящихъ остряковъ и вольнодумцевъ философской школы Аристиппа, который прозывался Борисѳенитомъ, потому-что родился въ Борисѳенесѣ въ Скиѳіи: конечно въ томъ-же, о которомъ говорятъ и Скимнъ и Геродотъ.

[15] Ἥ τε νῦν καὶ ἡ πρότερον οὕτως ᾠκεῖτο. *Dionis Chrysostomi* Oratio Borysthenica, c. 1.

жище Борисѳенеитовъ», оно-же и «Борисѳенесъ», помѣщается въ сосѣдствѣ Еллиновъ, которые сами-себя звали «Ольвіополитами» (IV. 18)?

Вопросъ слѣдовательно превращается въ другой, болѣе опредѣлительный и легче разрѣшимый: гдѣ находилась древняя Ольвія?

У Геродота ни слова не говорится о городѣ Ольвіи; говорится только, что Еллины, живущіе при рѣкѣ Гипанисѣ, называли себя Ольвіополитами, то-есть «горожанами Ольвійскими»: выраженіе, изъ котораго нѣтъ никакого права выводить, чтобы самъ городъ Ольвія стоялъ также при Гипанисѣ. Правда, Скимнъ Хіосскій говоритъ положительно, что Ольвія, она-же и Борисѳенесъ, находится тамъ, гдѣ рѣки Борисѳенесъ и Гипанисъ сливаются [16]; а Діонъ-Хрисостомосъ проповѣдуетъ еще утвердительнѣе, что «городъ Борисѳенеитовъ» лежитъ собственно на Гипанисѣ, имя-же свое получилъ единственно изъ уваженія къ превосходству сосѣдняго Борисѳенеса передъ Гипанисомъ [17]. Но Скимнъ былъ поэтъ, а Діонъ риторъ: оба свидѣтели не благонадежные, хотя послѣдній и имѣетъ за собой важное преимущество очевидца [18]. Кромѣ ихъ, еще въ Периплѣ Безименнаго, мѣстоположеніе Ольвіи, называемой вмѣстѣ и Борисѳенесомъ, опредѣляется согласно съ Скимномъ, то-есть при сліяніи Гипаниса и Борисѳенеса: авторитетъ впрочемъ еще меньше уважительный, по слишкомъ поздней новости памятника, который есть не что иное, какъ компиляція, относящаяся уже къ концу классической древности [19]. За-то, всѣ остальные землевѣдцы и землеописатели

---

[16] Скимнъ воспѣваетъ (vv. 57 — 61):

Ἐπὶ δὲ ταῖς καθ' Ὑπανιν καὶ Βορυσθένην
Τῶν δυοὶ ποταμῶν συμβολαῖς ἐστι πόλις
Κτισθεῖσα· πρότερον Ὀλβία καλουμένη·
Μετὰ ταῦθ' ὑφ' Ἑλλήνων πάλιν Βορυσθένης
Κληθεῖσα.

[17] Ἡ γὰρ πόλις τὸ μὲν ὄνομα εἴληφεν ἀπὸ τοῦ Βορυσθένους, διὰ τὸ κάλλος καὶ τὸ μέγεθος τοῦ ποταμοῦ· κεῖται δὲ πρὸς τῷ Ὑπάνιδι. *Dionis Chrysostomi* Oratio Borysthenica, c. 1

[18] Діонъ, прозванный за краснорѣчіе Хрисостомосомъ, то-есть Златоустомъ, жилъ и витійствовалъ во времена Веспасіана, Тита, Домиціана, Нервы и Траяна. Въ Скиѳію бѣжалъ онъ, спасаясь отъ преслѣдованій Домиціана (81 — 96 по Р. Х). Воротясь оттуда въ Прусу, свою родину, тамъ онъ держалъ и свою «Борисѳенскую Рѣчь», λόγον Βορυσθενιτικόν. Рѣчь эта, въ полномъ собраніи Рѣчей Діона, которыхъ осталось восемьдесятъ, обыкновенно помѣщается тридцать-шестою.

[19] Извѣстно, что компиляція Безименнаго заимствована слово-въ-слово, преимущественно изъ Скимна, потомъ изъ Арріана, около временъ Константиновыхъ. И именно, все что говорится въ ней объ Ольвіи или Борисѳенесѣ, слово-въ-слово взято изъ Скимна, съ тѣмъ только прибавленіемъ, что къ имени Ὀλβία приложено еще прозвище Σανία (p. 8).

Еллинскіе и Римскіе, Страбонъ и Мела, Плиній и Птолемей, согласно полагаютъ Ольвію, она-же и Борисѳенесъ, отнюдь не на Гипанисѣ, напротивъ ясно и опредѣлительно на Борисѳенесѣ, одномъ только Борисѳенесѣ. Кому-жь дать изъ нихъ вѣру? Я предпочитаю послѣднихъ: не столько потому, что это самые именитѣйшіе изъ всѣхъ древнихъ географовъ послѣ Геродота, сколько потому, что въ ихъ показаніи вижу наиболѣе согласія съ Геродотомъ. У Геродота не упоминается вовсе никакого города на Гипанисѣ: у него, и у Еллиновъ на Гипанисѣ, и у Еллиновъ на Борисѳенесѣ, царитъ одинъ городъ, который назывался Борисѳенесомъ, безъ-сомнѣнія оттого-что стоялъ при Борисѳенесѣ [20]. Имя Борисѳенеса всегда было вторымъ именемъ Ольвіи; слѣдовательно, Ольвія стояла при Борисѳенесѣ.

Борисѳенесомъ, въ смыслѣ рѣки, древніе называли нынѣшній бассейнъ Днѣпровскій: въ томъ нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія. Какъ и когда старое наименованіе уступило мѣсто новому, трудно доискаться во мракѣ временъ, при совершенномъ отсутствіи положительныхъ указаній [21]. Замѣчательно только, что въ новомъ наименованіи «Днѣпра», по произношенію позднѣйшихъ Грековъ и Латиновъ «*Данаприсъ*», въ окончательномъ словѣ «*прис*» слышится какъ-будто первая половина древняго названія «*Борисѳенеса*»; тогда-какъ начало всего слова «*дана*» составлено изъ какого-то таинственнаго звука «*д-н*», слышимаго въ нынѣшнихъ наименованіяхъ и другихъ сопредѣльныхъ Днѣпру

---

[20] Жители единственнаго «города», πόλις, о которомъ Геродотъ упоминаетъ въ странѣ между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ, называются у него неоднократно Борисѳенеитами (IV. 78—79). Отчего-же Еллины, жившіе на Гипанисѣ, если они принадлежали къ тому-же «городу», или лучше къ той-же «городовой общинѣ», πολιτεία, называли себя не такъ-же, но Ольвіополитами? Оттого, отвѣчаетъ самъ Геродотъ, что они Борисѳенеитами привыкли называть Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, жившихъ при Борисѳенесѣ (IV. 18). Надо-жь было самихъ-себя отличить отъ Скиѳовъ! Но, въ такомъ случаѣ, Еллины на Борисѳенесѣ, какъ настоящіе «горожане Ольвіи», тѣмъ-паче должны-бъ были называть себя также Ольвіополитами? Разумѣется! Они такъ себя и называли. Если Геродотъ не замѣтилъ этого, такъ потому, что въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго, когда на-примѣръ жители нынѣшняго города Одессы, въ его порто-франковой чертѣ, называютъ себя Одесситами. Всякому внимательному путешественнику скорѣе бросится въ глаза, и онъ охотнѣе замѣтитъ то, что жители Татарки, Усатыхъ-Хуторовъ, и даже Дальника, величаются также именемъ Одесситовъ.

[21] Въ Периплѣ Безименнаго, Борисѳенесъ называется уже по нынѣшнему: τῷ ποταμῷ Βορυσθένει, τῷ νῦν καλουμένῳ Δανάπρει (p. 126). У Іорнанда также въ ходу новое имя: usque ad flumina Tyram, Danastrum et Vagosolam, magnumque illum *Danoprum* (c. 5). Странно, что на такъ-называемой «Пейтингерской-Таблицѣ» Борисѳенесъ-Днѣпръ обозначенъ какимъ-то чуднымъ именемъ «*Nusacus*». Не есть-ли это развѣ искаженное «Озу» или «Узу», которымъ донынѣ называютъ Днѣпръ народы Турецко-Татарскіе?

рѣкъ, какъ-то Днѣстра, Дуная и Дона. Это даетъ поводъ къ заключенію, что новое имя передѣлано изъ древняго, которое потому и должно признать туземнымъ, исконнымъ наименованіемъ рѣки, а не временнымъ прозвищемъ, выдуманнымъ пришлецами Еллинами[22]. Полагаютъ, что наименованіе Борисѳенеса сохранилось донынѣ въ имени Березины, притока впадающаго въ Днѣпръ при мѣстечкѣ Горвалѣ на границѣ нынѣшнихъ Минской и Могилевской губерній[23]. Но гораздо вѣроятнѣе, что оно сохраняется въ имени нынѣшней Березани, небольшой рѣчки въ Одесскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, изъ которой образуется такъ-называемый Березанскій-Лиманъ, изливающійся въ море верстахъ въ десяти, не болѣе, отъ теперешняго Лимана-Днѣпровскаго[24]. Если разсмотрѣть прилежно настоящее ложе Березани, то всѣми развѣтвленіями соприкосновенныхъ враговъ, лощинъ и балокъ, превращающихся и нынѣ еще,

---

[22] Не льзя отрицать, что названіе «Βορυσθένης» имѣетъ еллинскую физіономію, и весьма удобно можетъ-быть изъяснено по-еллински въ значеніи «сѣвернаго пролива» = «βορέω στένος». Ср. *J. Potocki*, Histoire ancienne du gouvernement de Cherson, St. Pétersb. 1804. p. 2. Вообще замѣчено, что вся географическая, и даже историческая номенклатура Скиѳіи, у Геродота чрезвычайно какъ отзывается еллинизмомъ; что подало поводъ къ догадкамъ, не находилось-ли близкаго фамильнаго сродства между древними Скиѳами и Еллинами. См. Histoire d'Hérodote, nouvelle traduction, par *A. F. Miot*, Paris 1822. t. II. p. 146. По-моему, это гораздо естественнѣе объяснять изъ привычки и искусства Еллиновъ передѣлывать «на свой салтыкъ» чужеземныя наименованія: на-что, какъ извѣстно, большіе мастера и мы Русскіе.

[23] Это было замѣчено извѣстнымъ барономъ Фой-Герберштейномъ, во время путешествія его въ Московію. Plane puto, hunc *Beresinam*, id quod etiam vocabuli sonus indicare videtur, ab antiquis *Borysthenem* habitum fuisse. Nam si Ptolemæi descriptionem conspexerimus, *Beresina* fontibus magis quam Borysthenes, quem *Nieper* appellant, conveniet. Rerum Moscoviticarum Commentarii, *Sigismundi* liberi baronis in *Herberstein*, *Neyperg et Guettenhag*, Franc. 1600. p. 77. Въ послѣдствіи, мнѣніе о тожествѣ нынѣшней Березины съ древнимъ Борисѳенесомъ принято многими знаменитыми учеными, въ томъ числѣ Шлецеромъ и *Шафарикомъ*. Если это точно такъ, то имя созвучное съ Борисѳенесомъ, шло съ низу на верхъ, а не съ верху на низъ, и Березина прозвалась по Днѣпру, а не Днѣпръ по Березинѣ: во времена Геродота, о верховьяхъ Днѣпра не имѣли понятія ни Еллины, ни даже сами Скиѳы (IV. 53). Рѣка Березина, вытекающая въ Борисовскомъ уѣздѣ Минской губерніи, изъ небольшаго озера, неподалеку отъ мѣстечка Докшицы, имѣетъ всего теченія отъ 475 до 500 верстъ. Энциклоп. Лекс. т. V. с. 347.

[24] Березанскій-Лиманъ простирается отъ моря внутрь земли, въ сѣверо-восточномъ направленіи, длиною верстъ на 30, имѣя въ ширину отъ 250 до 700 саженъ. Онъ образуется изъ двухъ вѣтвей, соединяющихся между-собой при деревнѣ Агаѳьевкѣ. Западная, меньшая, вѣтвь есть продолженіе степной рѣчки Сасыка, которая имѣетъ теченія верстъ на 25, начинается при деревняхъ Дубинкѣ и Николаевкѣ, въ лиманъ-же переходитъ, около станціи Красный-Трактиръ, на почтовомъ трактѣ между Одессой и Николаевомъ. Вѣтвь восточная, наибольшая, есть продолженіе рѣки, которая называется Березанью или Березанкою. Она имѣетъ теченія верстъ на 50; начинается около колоніи Катариненталь; превращается въ лиманъ при деревнѣ Кесандріи, не вдалекѣ отъ почтоваго тракта изъ Одессы въ Николаевъ, по перегону Чемерлеевскому. Лиманъ-Березанскій въ серединѣ имѣетъ до-сихъ-поръ значительную глубину. Рѣчка Березань пересыхаетъ только въ самыхъ крайнихъ верховьяхъ: вообще-же струится донынѣ непрерывною нитью, имѣющею въ ширину отъ 3 до 7 саженъ.

каждую весну, въ бурные потоки: то ничто не препятствуетъ предположить, что, во времена отдаленной древности, когда царство водъ на землѣ вообще было обширнѣе и могущественнѣе, нынѣшній бассейнъ Березанскій находился въ непосредственномъ сообщеніи съ величественною системою Днѣпра, что теперешній Березанскій-Лиманъ былъ однимъ изъ устьевъ древняго Борисѳенеса [25]. Это подтверждается какъ-не-льзя-лучше и тѣмъ, что, по описанію Стравона, при устьѣ Борисѳенеса находился островъ съ пристанью [26], конечно тотъ-самый, который у Плинія называется Островомъ-Ахилловымъ и различается весьма опредѣлительно отъ такъ-называемаго Бѣга-Ахилова [27]. При нынѣшнемъ Лиманѣ-Днѣпровскомъ нѣтъ вовсе никакихъ острововъ; но противъ Лимана-Березанскаго находится точно небольшой пустынный островокъ, верстахъ въ восьми отъ материка, который теперь называется также Березанью. Итакъ все, и природа и преданіе, споспѣшествуютъ заключенію, что къ системѣ древняго Борисѳенеса причислялась и дѣйствительно принадлежала огромная масса при-

---

[25] Бассейнъ Березанскій представляетъ весьма рѣзкіе слѣды непосредственнаго сообщенія, если не прямо съ нынѣшнимъ Днѣпромъ, то уже несомнѣнно съ теперешнимъ Бугомъ. Колонія Катаринталь, при которой начинается рѣчка Березань, находится верстахъ въ 2, не больше, отъ вершины рѣчки Ковалевки, впадающей въ Бугъ при селѣ Ковалевкѣ, 40 верстъ выше Николаева. Ниже Катаринталя верстъ 5, около колоніи Карльруэ, Березань еще ближе подходитъ къ лощинамъ и балкамъ, изъ которыхъ образуется рѣчка Солониха, впадающая также въ Бугъ при селѣ Петровскомъ, промежъ Ковалевки и Николаева. На половинѣ всего теченія Березани какъ рѣчки, при хуторахъ Дороѳеевкѣ и Лукоданиловкѣ, съ русломъ ея соединяется справа длинный оврагъ, называемый Пересохъ, который простирается до колоніи Штутгардъ, отстоящей отъ Чичиклеи, особаго притока, соединяющагося съ Бугомъ выше Ковалевки, при селѣ Покровскомъ, не больше какъ на 5 верстъ, а отъ боковыхъ балокъ Чичиклеи, при хуторѣ Васильевкѣ, и того меньше: оврагъ этотъ у туземцевъ считается другою розсошью Березани, и даже самъ называется Березанью, такъ-что въ-слѣдствіе-того настоящая вершина всего бассейна Березанскаго полагается нѣкоторыми не у Катаринталя, а у Штутгарда. При началѣ Лимана, у самой Кесандріи, отбрасывается отъ него, влѣво, опять большой оврагъ, который также называется Березанью, и котораго вершина, верстахъ въ 25 отъ Кесандріи, почти сходится съ вершиною лощины, называемой Клодецъ-Крюковой и соединяющейся съ долиною Солонихи, между деревнями Новогригорьевской и Каменной-Балкой. Версты 4 ниже Кесандріи, все влѣво-же отдѣляется отъ Лимана небольшой заливъ, въ который входитъ оврагъ Янчокракъ, почти соприкасающійся своей вершиной съ одною изъ боковыхъ балокъ рѣчки Корениxи, которая впадаетъ въ Бугъ почти подъ самымъ Николаевомъ. Верховье рѣчки Сасыка, образующей западную вѣтвь Лимана, также близко подходитъ къ боковымъ балкамъ Чичиклеи, и именно не дальше, какъ версты на 2, въ окрестностяхъ хутора Мариновки. Вся эта сѣть рѣчекъ и балокъ, въ главныхъ чертахъ, обозначена на прилагаемой здѣсь картѣ, на основаніи указаній подробной «Географической карты Херсонской губерніи, составленной изъ обозрѣній, произведенныхъ офицерами Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части, въ 1820, 21 и 22 годахъ, при главномъ штабѣ Второй-Арміи», и находящейся въ библіотекѣ графа М. С. Воронцова въ Одессѣ.

[26] Καὶ ὄψος πρὸ τοῦ στόματος τοῦ Βορυσθένους ἔχουσα λιμένα. *Strabonis* Rer. Geographic. I. VII. c. 3.

[27] *Plinii* Natural. Histor. l. IV. c. 26.

морскихъ водъ, заключавшая въ себѣ оба нынѣшніе лимана, Днѣпровскій и Березанскій.

Если-жь такъ, то и свидѣтельства большинства древнихъ о мѣстоположеніи Ольвіи на Борисѳенесѣ оказываются не противорѣчащими дѣйствительности. Нынѣ нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что урочище Сто-Могилъ, находящееся близъ селенія Порутина, Ильинское тожь, верстахъ въ сорока ниже Николаева по теченію теперешняго Буга, есть достопочтенное кладбище древней Ольвіи или Борисѳенеса [28]. Широкій, полу-морской каналъ, при которомъ оно находится, считающійся теперь продолженіемъ самобытной рѣки Буга, въ тѣ отдаленныя времена былъ и признавался однимъ изъ многочисленныхъ «гирлъ» устья Борисѳенскаго, которое, конечно по чрезмѣрной огромности, называлось у Плинія «озеромъ» [29].

Но, въ такомъ случаѣ, надо будетъ укоротить древній Гипанисъ, который обыкновенно считается нынѣшнимъ Бугомъ?

Это-бы еще не великая важность. По-моему, должно сдѣлать гораздо болѣе: по моему, древняго Гипаниса вовсе не должно искать въ нынѣшнемъ Бугѣ.

Не удивительно-ли, что именитѣйшіе географы позднѣйшихъ временъ древности таскаются съ этимъ Гипанисомъ по всему протяженію Скиѳіи между Тиресомъ и Танаисомъ, не зная гдѣ пріютить его? Стравонъ говоритъ лишь, что Гипанисъ течетъ возлѣ Борисѳенеса, не болѣе. Мела не говоритъ и того, а только ставитъ Гипанисъ между Аксіаками и Каллипидами. Впрочемъ, *оба* они помѣщаютъ свой Гипанисъ, кажется, еще согласно съ Геродотомъ, къ западу отъ Борисѳенеса [30]. Но у Плинія Гипанисомъ называется рѣка на востокѣ отъ Борисѳенеса, которая, соединяясь искусственнымъ каналомъ съ озеромъ Бугесъ,

---

[28] Мѣстоположеніе нынѣшняго урочища Сто-Могилъ соглашается и съ тѣмъ разстояніемъ, въ которомъ древняя Ольвія находилась отъ моря. Это разстояніе Скимнъ (vv. 63–64), а за нимъ и Безименный (p. 8) полагаютъ въ 240 стадій; Стравонъ (VII. 3) только въ 200 стадій; Плиній (IV. 26) въ 15 миль. Теперешнее село Порутино находится верстахъ въ 10 отъ сліянія Буга съ Днѣпромъ; длина-же лимана поглощающаго въ себѣ Бугъ и Днѣпръ, въ настоящее время простирается до 24 верстъ.

[29] Flumen Borysthenes, *lacusque* et gens eodem nomine, et oppidum. *Plinii* Nat. Hist. I. VII. c. 26. Тоже у Марціана Капеллы, Латинскаго поэта, жившаго въ V вѣкѣ по Р. Х.: nec procul fluvius, *lacus*, oppidum, sub uno cuncta nomine Borysthenis, propter Achillis insulam, *ejus* sepulcro celebratam. *Martiani Cadellæ* Satyricon, I. VI. p. 214.

[30] Такъ по-крайней-мѣрѣ должно заключать изъ того, что оба они, идучи въ своихъ описаніяхъ отъ запада къ востоку, говорятъ о Гипанисѣ прежде Борисѳенеса.

въ свою очередь соединяющимся посредствомъ канала съ моремъ, конечно съ Понтомъ, имѣетъ естественное теченіе въ Коретумъ, заливъ озера Меотидскаго [51]. Птолемей также кладетъ свой Гипанисъ на востокѣ отъ Борисѳенеса, приписывая ему параллельное теченіе прямо въ Понтъ [52]. Одинъ Скимнъ говоритъ положительно, что Гипанисъ и Борисѳенесъ смѣшиваютъ свои волны; что самое утверждается и Геродотомъ.

Но какъ именно утверждаетъ это Геродотъ о своемъ Гипанисѣ, который онъ видѣлъ собственными глазами, по которому даже простирался довольно далеко внутрь Скиѳіи? Геродотъ говоритъ, что «когда Борисѳенесъ приближается къ морю, съ нимъ соединяется Гипанисъ, изливаясь въ ту-же самую заводь, ἕλος» (IV. 53). Выраженіе «ἕλος», употребленное здѣсь Геродотомъ, строго отличается у него отъ выраженія «λίμνη», изъ котораго очевидно образовано нынѣшнее туземное наименованіе «лимановъ», означающее, разширившіяся до величины озеръ, устья рѣкъ. Говоря о большомъ озерѣ въ землѣ Будиновъ, которое называетъ онъ «λίμνη μεγάλη τε καὶ πολλή», Геродотъ присовокупляетъ, что вокругъ него находится «καὶ ἕλος καὶ κάλαμος» (IV. 109). Если принять во вниманіе соединенное здѣсь съ выраженіемъ «ἕλος» выраженіе «κάλαμος», которое означаетъ «камышъ» или «тростникъ»; то можно заключить, что подъ «ἕλος Геродотъ разумѣетъ «болотистое скопище водъ», затянутое по-мѣстамъ землею и проросшее тростникомъ и другими произведеніями земноводной растительности, какъ то бываетъ въ туземныхъ «плавняхъ» и «прогноякъ» [53]. Такимъ конечно

---

[51] Lacus Buges fossa emissus in mare. Ipse Buges a Coreto, Mæotis lacus sinu, petroso discluditur dorso. *Hypanis* per Nomadas et Hylæos *fluit* manu facto alveo in *Bugen*, naturali in *Coretum*. *Plinii* Natur. Hist. l. IV. c. 26. Въ мнѣніи о двухъ устьяхъ Гипаниса, одномъ въ Понтъ, другомъ въ Меотиду, Плинію предшествовалъ К. Александръ Полигисторъ, какъ свидѣтельствуетъ *Stephanus Byzantinus* sub voce Ὑπανις. Ср. *Vibii Sequestris* Flumina in edit. *Oberlini* Argent. 1778. p. 11.

[52] У Птолемея помѣщаются: Борисѳенесъ подъ 57, 30, Гипанисъ-же подъ 58 степенью долготы.; оба на 48, 30 степени широты. *Ptolemæi* Geographiæ l. III. c. 5. Замѣтить стоитъ, что и Цицеронъ считалъ Гипанисъ изливающимся прямо въ Понтъ: apud Hypanim fluvium, qui ab Europæ parte in Pontum influit. Tuscul. Disputat. I. I. c. 39.

[53] Нѣкоторые ученые, именно Дюро де-ла-Малый (Géographie physique de la Mer-Noire, Par. 1807. p. 170—171) и маіоръ Реннель (The geographical system of Herodotus, Lond. 1830. v. I. p. 88), переводя выраженіе «ἕλος» настоящимъ «озеромъ», увлеклись въ предположеніе, что Борисѳенесъ или Днѣпръ впадалъ нѣкогда въ озеро Меотидское, то есть въ нынѣшнее Азовское-Море, и что теперешнее направленіе къ Морю-Черному принято имъ позже, когда первоначальное русло, въ-слѣдствіе разныхъ геологическихъ перемѣнъ, затянулось землею. Но выраженіе «ἕλος», по свидѣтельству извѣстныхъ лексикографовъ Гесихія и Суиды (in vocibus ἕλος et λίμνη), означаетъ именно «землю, покрытую стоячими водами и расте-

не было устье Днѣпровское во времена Геродота, когда оно и нынѣ, при дознанномъ обмелѣніи водъ, представляетъ видъ скорѣе огромнаго морскаго залива [34]. Стало-быть, изъ словъ Геродота не только не-льзя ничего вывесть о впаденіи Гипаниса въ устье Борисѳенеса, но даже скорѣе можно заключить противное. Притомъ, Геродотъ называетъ свой Гипанисъ «рѣкою большою между малыми», *ποταμὸν ἐν ὀλίγοισι μέγαν* (IV. 52). Могъ-ли онъ такъ назвать нынѣшній Бугъ, который передъ устьемъ не уступаетъ въ величинѣ самому Днѣпру, да и вообще, послѣ Днѣпра, между рѣками, орошающими внутренность древней Скиѳіи, занимаетъ конечно одно изъ первыхъ мѣстъ [35]?

Не льзя-ли найти Геродотова Гипаниса гдѣ-нибудь, кромѣ Буга?

Верстахъ въ двадцати отъ Лимана-Березанскаго, и не болѣе какъ въ тридцати отъ Днѣпровскаго, къ западу, течетъ рѣка Тилигулъ, или, правильнѣе по-турецки, Дели-Гёль, то-есть «Бѣшеная-Рѣка». Рѣка эта передъ моремъ, по примѣру всѣхъ туземныхъ рѣкъ, образуетъ довольно значительной величины лиманъ, простирающійся, почти въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ, верстъ по-крайней-мѣрѣ на пятьдесятъ [36]. Собственно рѣкою, она протекаетъ, въ направленіи отчасти сѣверо-восточномъ, по-меньшей-мѣрѣ верстъ около статридцати; что, въ сложности съ протяженіемъ лимана, даетъ ей длины около

ніями», а не собственно «озеро». Такъ употребляется оно у Гомера, Il. XX. 221. Od. XIV. 474. Самъ Геродотъ, говоря въ другомъ мѣстѣ о сорока устьяхъ Аракса, теряющихся въ болотахъ и лужахъ При-Каспійскихъ, употребляетъ то-же самое выраженіе въ томъ-же точно смыслѣ: *ἐς ἕλεά τε καὶ τενάγεα ἐκδιδοῖ* (I. 202). Слово «*κάλαμος*» вообще означаетъ растительность, которой нельзя назвать ни кустарникомъ, *ὕλη*, ни деревомъ, *δένδρον*. Ср. *Xenophontis* Anabasis, I. 51.

[34] Днѣпровскій-Лиманъ имѣетъ нынѣ до 60 верстъ въ длину, и мѣстами до 20 верстъ ширины, которая, только при изліяніи въ море, между крѣпостями Кинбурномъ и Очаковомъ, съуживается, такъ-что простирается не болѣе какъ верстъ на 6. Изъ десяти рукавовъ, на которые дробится онъ въ настоящее время, шесть имѣютъ фарватеры отъ 6 до 18 футовъ глубины.

[35] Нынѣшній Бугъ, или Воѣ по-польски, начинающійся въ Подольской губерніи въ Проскуровскомъ уѣздѣ близъ села Бубновки, имѣетъ всего теченія около 600 верстъ. Еще до Николаева, у села Ковалевки, онъ имѣетъ уже въ ширину около 400 саженъ; а, ниже Николаева, разширяется до 2, и болѣе верстъ, въ трубѣ совершенно чистой, не усѣянной, какъ Днѣпръ, островами и плавнями. Если взять Бугъ подъ Николаевомъ, то это по ширинѣ первая изъ всѣхъ туземныхъ рѣкъ, не выключая и Дуная.

[36] Лиманъ-Тилигульскій, прилегающій къ морю при деревнѣ Коблевкѣ, въ 26 верстахъ отъ Одессы по почтовому тракту въ Николаевъ, простирается въ-верхъ почти до деревни Владиславки, лежащей на почтовомъ трактѣ изъ Одессы въ Вознесенскъ, между станціями Покровской и Значко-Яворской. При станціи Покровской, Измайловка тожь, впадаетъ въ него справа рѣчка Баланчукъ, имѣющая верстъ 40 теченія. Сверхъ-того, онъ принимаетъ справа-же, противъ села Троицкаго, рѣчку Сасыкъ; а слѣва, почти при Коблевкѣ, рѣчку Цареголь, имѣющую теченія верстъ до 50. Ширина лимана простирается мѣстами версты на 4, и болѣе.

ста–осьмидесяти верстъ. Стало–быть, это точно рѣка «большая между малыми», какъ называетъ Геродотъ свой Гипанисъ [37]. Лиманъ–Тилигульскій до–сихъ–поръ имѣетъ воду особеннаго свойства, отличающуюся пронзительною «горечью», подобно–какъ и лиманы другихъ малыхъ рѣкъ края. Правда, въ настоящее время не оказывается никакого особеннаго «ключа», который–бы отравлялъ собою лиманъ Тилигульскій: горечь его, какъ и всѣхъ прочихъ односвойственныхъ лимановъ, происходитъ отъ особенностей химическаго состава воды [38]. Но подобнаго «ключа» нѣтъ также и въ окрестностяхъ нынѣшняго Буга, въ которомъ сверхъ-того нѣтъ и никакихъ признаковъ «горечи» [39]. Попадаются толь-

---

[37] «Малыя» рѣки края, въ сравненіи съ которыми Тилигулъ можетъ назваться «большою», суть такъ–называемыя нынѣ: Большой и Малой Аджалыки, Большой и Малой Куяльники, Дальникъ и Барабой. Всѣ онѣ стремятся къ морю между Тилигуломъ и Днѣстромъ: двѣ первыя на востокѣ отъ Одессы, двѣ среднія подъ самою Одессою, двѣ послѣднія на западѣ отъ Одессы. Древніе знали ихъ подъ именами Аксіакеса (Мела, Плиній, Птолемей), Роде (Плиній), Сагариса (Овидій) и Агароса (Птолемей): именами, которыя трудно теперь разобрать и пріурочить. Можно только догадываться, что у Плинія «заливъ Сагарійскій», sinus Sagarius, означаетъ нынѣшнюю бухту Одесскую, и что потому Аксіакесъ и Роде, полагаемые имъ «тотчасъ» послѣ Тираса, то-есть Днѣстра, непосредственно передъ заливомъ Сагарійскимъ (IV. 26), должны быть не иное что, какъ теперешніе Куяльники. Сагарисъ-же у Овидія и Агаросъ у Птолемея означали либо опять тѣ-же Куяльники, либо нынѣшніе Аджалыки, которые равно принадлежатъ къ теперешней бухтѣ Одесской, древнему заливу Сагарійскому.

[38] Г. Гассагенъ, профессоръ химіи и технологіи при Ришельевскомъ-Лицеѣ въ Одессѣ, подвергалъ анализу воду Лимана-Куяльницкаго, называемаго иначе Малый-Хаджибей, въ-слѣдствіе котораго оказалось, что въ составѣ ея содержится:

хлористаго калія	0,116	
» натрія	1,915	
» магнія	8,795	
сѣрно-кислой магнезіи	2,537	
фосфорно-кислой магнезіи	—	слѣды
бромистаго магнія	—	слѣды
органическихъ веществъ	—	весьма слабые слѣды
всѣхъ постороннихъ веществъ .	13,363	
воды	86,637	
	100,000	

Вода на-видъ чиста и прозрачна; но вкусъ имѣетъ чрезвычайно соленый и горькій. Сверхъ-того, въ окрестностяхъ Лимана чувствуется особый непріятный запахъ, производимый г. Гассагеномъ отъ взаимнаго противудѣйствія хлора, сѣрнисто-водороднаго газа и испареній органическихъ веществъ, которыя частію образуются изъ мертвыхъ водяныхъ животныхъ, частію наносятся вѣтрами, дующими въ окружныхъ степяхъ. См. Листки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи. 1839. NN° 4. 5. 6, с. 353.

[39] Въ нынѣшнемъ Бугѣ, до Николаева, вода отзывается нѣсколько соленоватостью, но не иначе какъ послѣ сильныхъ и продолжительныхъ вѣтровъ съ моря, и то въ весьма слабой степени, едва ощутимо для вкуса.

ко въ верховьяхъ Буга, равно-какъ и въ верховьяхъ Тилигула, балки, въ которыхъ лѣтомъ застаивается гнилая вода, съ смердящимъ, отвратительнымъ запахомъ [40]: и это могло дать поводъ къ сказанію Геродота, если и не брать въ соображеніе нефтяныхъ ключей, которые могли нѣкогда существовать въ степяхъ Новой-Россіи, какъ существовали въ Подоліи и въ Галиціи [41]. Какъ-бы то ни-было, неоспоримо по-крайней-мѣрѣ то, что «горечь», о которой такъ распротраняется Геродотъ при описаніи Гипаниса, въ настоящее время не имѣетъ никакихъ слѣдовъ въ Бугѣ, напротивъ сохраняется въ Тилигулѣ. Тилигулъ зачинается на границѣ нынѣшнихъ Херсонской и Подольской губерній, въ окрестностяхъ города Балты, близъ деревни Поцецело. Тутъ нѣтъ теперь никакого «озера». Но и Бугъ нынѣ изъ «озера»–ли выходитъ? По–крайней–мѣрѣ, начало Тилигула состоитъ изъ множества овраговъ, окруженныхъ лѣсомъ, который предполагаетъ существованіе здѣсь нѣкогда изобильной влажности, могшей въ оврагахъ скопляться до значительнаго водообъема, въ свою очередь могшаго заслужить въ старину поэтическое имя «матери Гипаниса» [42]. Незначительное протяженіе Тилигула, сравнительно съ другими большими рѣками, не только согласно съ выраженіемъ Геродота о Гипанисѣ, что онъ «коротокъ», пока «сладководенъ», βραχὺς καὶ γλυκός, но и объясняетъ какъ–не–льзя–лучше, почему, только описывая Гипанисъ, онъ замѣчаетъ, что это рѣка, которая «выходитъ изъ Скиѳіи», ὁρμᾶται ἐκ τῆς Σκυθικῆς. Такъ не–льзя было ска–

---

[40] Такъ замѣтилъ еще Татищевъ, который самъ лично былъ въ степи между *Днѣпромъ* и Днѣстромъ, и видѣлъ, что «источниковъ болотныхъ не мало по оной находится, но въ нихъ весьма много сѣры и селитры, что смердящій запахъ ихъ изъявляетъ, и суть не токмо людямъ, но и конемъ вредительны, какъ Турки въ 1678 и мы въ 1711 году довольно познали». Исторія Россійская, собранная и описанная *В. Н. Татищевымъ*, кн. I. ч. I. гл. 13. с. 130.

[41] Это мнѣніе профессора Эйхвальда, который ссылается на свидѣтельство Ржончинскаго, наблюдавшаго такіе ключи невдалекѣ отъ Каменца и въ другихъ частяхъ прежней Польши. Библ. д. Чт. т. XXV. о. III. с. 84.

[42] Главный оврагъ, изъ котораго зачинается Тилигулъ, при самой деревнѣ Поцецело, называется Писивела. Здѣсь-же, въ томъ-же околоткѣ, берутъ свое начало рѣки: Мокрый Ягорлыкъ, изливающійся потомъ въ Днѣстръ; Большой-Куяльникъ, оканчивающійся теперь въ соименномъ лиманѣ подъ Одессою; Кодыма, стремящаяся къ Бугу; и рѣчка Лиецкая, которая, протекши верстъ 30, соединяется съ Тилигуломъ около нынѣшняго города Ананьева. Стѣпъ замѣтитъ названіе оврага «Писивела», равно-какъ и другихъ двухъ сосѣднихъ лощинъ «Тартіа» и «Страмба»: въ нихъ слышится что-то греческое! Кстати прибавлю еще, что въ верховьяхъ Тилигула, именно около Ананьева, отыскиваются древнія монеты, изъ которыхъ одну, римскую, съ четкою легендою Антонина, я имѣлъ случай видѣть у г. предсѣдателя Херсонской Казенной Палаты, корреспондента Общества, И. С. Андреевскаго. Какъ онѣ зашли туда, въ глубь степей?

зать о Бугѣ, начинающемся за предѣлами, въ которыхъ заключается Геродотова Скиѳія: при Тилигулѣ напротивъ это былъ фактъ, который стоилъ замѣчанія, по противоположности съ чужеродностію другихъ большихъ рѣкъ. Одно только рѣзкое по-видимому противорѣчіе со-стороны дѣйствительности: Гипанисъ у Геродота есть рѣка «судоходная съ моря», и судоходная въ продолженіе «нѣсколькихъ дней: между-тѣмъ, въ настоящее время, даже самый Лиманъ Тилигула, по мѣстному выраженію «пересыпался» дотого, что вовсе не сообщается съ моремъ; рѣка-же едва сочится въ своемъ руслѣ, а лѣтомъ совсѣмъ почти пересыхаетъ. Все это сущая правда! Но уже самое названіе «пересыпей» слишкомъ явственно указываетъ на постепенно происходившую затяжку устьевъ въ рѣкахъ края, изъ которыхъ многія, и въ томъ числѣ именно Тилигулъ, «пересыпались», или лучше «отсыпались» совершенно отъ моря, не дальше какъ на памяти нынѣшняго поколѣнія [43]. Во времена Геродота, и даже гораздо позже, лиманъ Тилигула безъ-сомнѣнія изливался въ море всею своею шириною; точно-какъ напримѣръ лиманъ Днѣстра, который неоспоримо есть Геродотовъ Тиресъ, и у котораго устье нынѣ «пересыпалось» дотого, что по двумъ оставшимся «гирламъ» едва могутъ пробираться небольшія лодки, и то въ большую воду, между-тѣмъ-какъ не только въ древнія, но и въ среднія времена, оно было свободно отверзто всякаго рода плаванію [44]. Тоже должно сказать и о самой рѣкѣ Тилигулѣ: въ-старину она безъ-сомнѣнія была полнѣе и многоводнѣе; и здѣсь опять убѣдительнымъ примѣромъ можетъ служить тотъ-же Днѣстръ, по которому Венеціяне и Генуэзцы, во время своего владычества на Черномъ-Морѣ, постоянно вывозили хлѣбъ изъ Подоліи и изъ Галиціи, въ Константинополь, и даже въ Кипръ, нынѣ-же почти вовсе нѣтъ

---

[43] Изъ всѣхъ малыхъ лимановъ, находящихся между лиманами Березанскимъ и Днѣстровскимъ, только Малый-Хаджибей и Сухой или Дальницкій-Лиманъ, кажется, давно уже отдѣлились отъ моря. Остальные, въ томъ числѣ и Тилигульскій, соединялись съ моремъ еще лѣтъ за двадцать съ небольшимъ. См. Листки Общ. С. Х. Ю. Р. 1839. NN° 4. 5. 6. с. 343. Ср. Annuaire du Journal des Mines de Russie. Année 1837. S. Petersb. 1840. p. 150.

[44] Между «гирлами», черезъ которыя Лиманъ-Днѣстровскій сообщается нынѣ съ моремъ, «пересыпь» высыпалась уже большимъ островомъ, въ $3^3/_4$ версты длиною и въ $1^1/_2$ версты шириною, и сверхъ-того отложила отъ себя широкія мели, которыми перехватываются поперекъ оба «гирла». Древніе, описывая Тиресъ или Тирасъ, ни слова не говорятъ ни о гирлахъ, ни о пересыпи: безъ-сомнѣнія, потому-что ихъ тогда не было. См. мою Прогулку по Бессарабіи въ Одесскомъ Альманахѣ на 1839 годъ, ст. 320 – 326.

никакого судоходства, кромѣ весенняго сплава [45]. Впрочемъ, относительно судоходности, и Бугъ не можетъ много хвалиться передъ Тилигуломъ: до Николаева, онъ не уступаетъ морю, носитъ свободно военные корабли; но отъ Николаева въ-верхъ, только до Вознесенска, верстъ на восемдесятъ разстоянія, не болѣе, поднимаются по немъ мелкія суда, и то съ чрезвычайными затрудненіями; дальше-же, пороги, преграждающіе его на пространствѣ пятидесяти верстъ, не даютъ рѣшительно никакого хода [46]. Кстати, чтобы раздѣлаться съ Днѣстромъ, древнимъ Тиресомъ: по Геродоту, Тиресъ и Гипанисъ сначала текутъ близко другъ-къ-другу, потомъ расходятся, каждый въ свою сторону: точно-такъ и Тилигулъ, начинаясь не вдалекѣ отъ Днѣстра, идетъ прежде параллельно съ нимъ; потомъ, особенно передъ превращеніемъ въ лиманъ, мѣжду деревнями Александровкой и Березовкой, такъ отклоняется къ востоку, что разстояніе между ними увеличивается по-крайней-мѣрѣ вдвое [47]. Наконецъ, что касается до «сліянія Гипаниса съ Борисѳенесомъ», о которомъ гово-

---

[45] Замокъ въ Сорокѣ, нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ Бессарабской области, отстоящемъ въ-верхъ отъ моря по Днѣстру верстъ на 400, принадлежалъ Генуезцамъ, и даже доставилъ имъ убѣжище по взятіи Монкастро, нынѣшняго Аккермана, Турками. См. Прогулку по Бессарабіи въ Од. Альм. 1839. с. 404 – 405. Нѣтъ сомнѣнія, что старинный Галичъ, еще на столько-же удаленный внутрь земли по Днѣстру, былъ обязанъ своимъ величіемъ и богатствомъ не чему другому, какъ торговымъ сообщеніямъ съ моремъ, производимымъ тѣми-же Генуезцами, о которыхъ исторически извѣстно, что они имѣли свою контору въ Сучавѣ, нѣкогда столицѣ Молдавіи, нынѣ городкѣ Австрійской Буковины, такъ-же жалко падающемъ, какъ палъ Галичъ. Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, von J. S. Ersch und J. G. Gruber, Erste Section, Th. XXVI. S. 217. Неудачность многочисленныхъ попытокъ, возстановить судоходство по Днѣстру въ настоящее время, приписывается не столько порогамъ, которыми перехватывается онъ при Ямполѣ, сколько безпрерывнымъ отмелямъ, которыя часто пропускаютъ суда только въ 10 вершковъ груза. См. Энциклоп. Лексик. т. XVII. с. 37.

[46] Пороги Бужскіе, одного происхожденія съ порогами Днѣстровскими и Днѣпровскими, начинаются отъ впаденія въ Бугъ рѣки Синюхи, при нынѣшнемъ городѣ Ольвіополѣ, и простираются до села Александровки, лежащаго верстъ 15 выше Вознесенска. Важнѣйшіе изъ нихъ суть такъ-называемые Мигеевскіе и Богдановскіе. Плаваніе между Николаевомъ и Вознесенскомъ затрудняется особенно тѣмъ, что берега Буга не способны къ бичевнику: они либо очень круты, либо весьма болотисты и покрыты камышемъ; отчего лодки, при неимѣніи вѣтра, должны или стоять, или едва передвигаться на веслахъ. См. Энцикл. Лексик. т. VII. с. 241. Въ XVI вѣкѣ, когда судоходство по Днѣстру процвѣтало во всей силѣ, было предметомъ особыхъ переговоровъ между Венеціею и Польшею, извѣстный Броневскій съ благоговѣйнымъ ужасомъ описывалъ непроходимость Буга при порогахъ, на-примѣръ: «Probite», vel porta potius inaccessibilis, natura loci ita facta, insula saxosa in Bogo, a ripa utraque montosa, quam fluvius undique circumfluit. *Martini Broniovii* Descriptio Tartariæ въ *Schwandtneri* Scriptt. Rer. Hungar. Vind. 1796. t. I. p. 814.

[47] Разстояніе источниковъ Тилигула отъ Днѣстра, именно по рѣчкѣ Мокрому-Ягорлыку, до селенія Ягорлыка, при которомъ она впадаетъ въ Днѣстръ, можно полагать верстъ въ 60. Но, передъ началомъ Лимана-Тилигульскаго, прямая линія отъ деревни Березовки на Тилигулѣ до мѣстечка Дубоссаръ на Днѣстрѣ, по причинѣ уклоненія обѣихъ рѣкъ въ противныя стороны, простирается по-меньшей-мѣрѣ на 120 верстъ.

ритъ Геродотъ, и упоминаетъ также Скимнъ: то стоитъ только вообразить древнюю полноводность многочисленныхъ вѣтвей нынѣшняго бассейна Березанскаго, наполняющаго все пространство между устьями Тилигула и Днѣпра, чтобы понять, какъ это пространство, вдоль и поперекъ изрѣзанное протоками, безъ всякаго оскорбленія истинѣ, могло казаться Геродоту однимъ «болотистымъ скопищемъ водъ», однимъ «ἕλος» [48]. Такимъ-образомъ, по-крайней-мѣрѣ для меня, нѣтъ никакого препятствія, напротивъ все содѣйствуетъ къ убѣжденію, что Геродотовъ Гипанисъ былъ отнюдь не нынѣшній Бугъ, но рѣка, которая теперь называется Тилигуломъ [49].

Что-жь однако самъ-то Бугъ? Ужели онъ былъ вовсе выпущенъ изъ виду Геродотомъ?

Ничего не бывало. Напротивъ, я думаю, я увѣренъ, что онъ-то и былъ на виду въ-главныхъ и въ-первыхъ. Нынѣшній Бугъ для Геродота былъ не иное что, какъ самый Борисѳенесъ!

Знаю, очень знаю, какимъ чудовищнымъ парадоксомъ должно показаться такое мнѣніе и утвержденіе. Но оно можетъ-быть удостоится большей снисхо-

---

[48] Между лиманами Тилигульскимъ и Березанскимъ находится и нынѣ довольно значительное озеро Тузла, которое нѣкогда вѣроятно принадлежало къ системѣ водъ Березанскихъ. Кромѣ-того, по всему побережью разбросано множество мелкихъ заводей, и еще болѣе слѣдовъ прежде-бывшихъ озеръ и лимановъ, которыя большею частію существовали еще въ XVI вѣкѣ, при Броневскомъ: такъ у него, передъ самымъ Березанскимъ-Лиманомъ, упоминается какая-то «*Domnina Dolnia*», seu fossa, quæ maxima et amplissima, lacubus et rivulis limpidissimis frequens est (apud *Schwandtn.* p. 816). Если и теперь взглянуть на-примѣръ отъ маяка Одесскаго къ Очакову, который видѣнъ оттуда очень явственно простому глазу, то устье Тилигула сливается съ устьемъ Днѣпра на концѣ амфитеатра, образуемаго бухтою Одесскою. Съ открытаго моря видъ еще обманчивѣе.

[49] Я уже утвердился въ своемъ мнѣніи о Гипанисѣ, какъ вдругъ у Пейссонеля, ученаго француза, бывшаго консуломъ отъ короля Людовика XV при ханѣ Крымскомъ, начиталъ весьма рѣзко обнаруженное и довольно основательно подтвержденное сомнѣніе, что древній Гипанисъ не могъ быть нынѣшнимъ Бугомъ. Не скрываю удовольствія, которое доставила мнѣ эта находка: сойтись въ мысляхъ съ человѣкомъ дѣльнымъ и умнымъ, который смотрѣлъ на вещи съ своей точки зрѣнія и дошелъ до того-же результата, всегда очень пріятно. Впрочемъ, Пейссонель имѣетъ свою систему, въ-слѣдствіе которой роковой Гипанисъ пріурочиваетъ къ нынѣшнему Ингульцу, у устья котораго, гдѣ находилось тогда мѣстечко Кизи-Керманъ, отыскиваетъ и мѣстоположеніе древней Ольвіи: ошибка извинительная, потому-что монументальное урочище Сто-Могилъ въ то время еще вовсе было неизвѣстно, и ученые обыкновенно искали Ольвію въ нынѣшнемъ Очаковѣ. Въ Бугѣ, Пейссонель признаетъ Аксіаксъ Птолемея; въ Березанскомъ-Лиманѣ съ рѣчкой Березанью, заливъ Сагарійскій Плинія; въ рѣчкѣ Саслыкѣ, Роде; а въ Тилигулѣ и въ Аджалыкѣ, рѣки Ликусъ и Певіусъ, упоминаемые Овидіемъ. Si mon système n'est pas vrai, прибавляетъ скромный изслѣдователь, il me paroît au moins le plus vraisemblable, et j'ose le soumettre au jugement de savants. Observations historiques et géographiques sur les peuples barbares qui ont habité les bords du Danube et du Pont-Euxin, par *M. de Peyssonel.* Paris 1765. 4°. p. 151 — 154.

дительности, когда я выражусь опредѣлительнѣе и съ доказательствами, или лучше съ объясненіемъ, какъ могъ я дойти до столь страннаго убѣжденія. Если, какъ было уже изъяснено, Лиманъ-Березанскій въ древности принадлежалъ къ бассейну Борисѳенеса; то онъ долженъ былъ сообщаться съ нимъ не иначе, какъ посредствомъ нынѣшняго Буга, въ разныхъ пунктахъ, преимущественно-же черезъ рѣку Чичиклею, впадающую въ Бугъ, съ правой стороны, верстъ шестьдесятъ выше Николаева [80]. Такимъ-образомъ, протяженіе Буга почти до самаго нынѣшняго Вознесенска, должно было казаться Геродоту не иначе, какъ протокомъ Борисѳенеса, или по-крайней-мѣрѣ частью того «болотистаго скопища водъ», которымъ поглощается Борисѳенесъ. Что это не такая нелѣпость, которая мнѣ только могла прійти въ голову, ссылаюсь на древнихъ. Изъ нихъ, Птолемей не-обинуясь называлъ нынѣшній Бугъ Борисѳенесомъ. У него система Борисѳенеса слагается изъ двухъ отдѣльныхъ розсошей, между которыми западная выходитъ изъ-подъ горы Певки, очевидно принадлежащей къ

---

[80] Рѣка Чичиклея начинается въ нынѣшнемъ Ананьевскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, не подалеку отъ самаго города Ананьева, въ окрестностяхъ хуторовъ Софьевки, Любишины и Николаевки. Теченія имѣетъ верстъ на 80. Вершины бассейна Березанскаго подходятъ къ ней, не за-долго до впаденія въ Бугъ, при хуторахъ Мариновкѣ и Васильевкѣ (прим. 25). Кажется, ее разумѣлъ Броневскій подъ именемъ рѣки «Capcacleius», о которой говоритъ, что она имѣетъ вокругъ себя «много озеръ»: ibi *Capcacleius* fluvius Bugum influit, plurimosque lacus habet (apud *Schwandtn.* p 818). Вообще, въ доказательство предположеній, дѣлаемыхъ здѣсь на-счетъ древней многоводности нынѣшнихъ балокъ Новороссійскаго-Края и происходившихъ отсюда водяныхъ сѣтей, считаю не излишнимъ привести свидѣтельство знатока дѣла, наблюдавшаго мѣстности опытными глазами геогноста Вотъ что говорится въ статьѣ «Examen géologique d'une partie du gouvernement de Kherson, située entre le Boug et le Dniestre», помѣщенной въ Annuaire du Journal des Mines de Russie за 1837 годъ. Il est très-probable qu'au temps de colonies grecques qui s'étaient établies sur les rives septentrionales de la mer Noire, lorsque la Russie meridionale était couverte de forèts, les ravins secs qu'on y voit de nos jours roulaient dans leurs rives des eaux impétueuses. Mais lorsque les villes grecques furent remplacées par des camps nomades de peuples pasteurs, fléaux de forèts, celles-ci furent peu à peu detruites. Les exhalaisons marines planant sur ses steppes déboisées ne se dissipaient que sur les pentes des monts Carpathes, ou dans les épaisses forèts de la Russie centrale. Les cours d'eau du midi, diminuant en raison de la destruction des forèts, finirent par devenir des ravins d'écoulement pour la fonte des neiges. Lorsque ces ravins étaient constamment arrosés, le courant s'opposait sans relàche aux invasions du sable de mer et empèchait la formation d'isthmes. Il est très-possible qu'alors chaque embouchure, chaque baie formàt un port. Les géographes anciens nous donnent peu de renseignements sur cette époque, et Strabon, ainsi que Pomponius Mela, connaissaient si peu la topographie des bords septentrionaux de la mer Noire, que leur silence ne saurait detruire cette assertion. Annuaire du J. d. M. d. R. ann. 1837. St Pétersb. 1840. p. 150, 151. Много чести оказано здѣсь колоніямъ Эллинскимъ, которыя вѣрно не имѣли такого вліянія на край, и притомъ выходились весьма въ далекомъ разстояніи отъ той полосы Южной-Россіи, гдѣ начинались лѣса и въ тѣ стародавнія времена. Но заключеніе, основанное на геологическихъ изслѣдованіяхъ, имѣетъ весьма высокую цѣну для предмета, о которомъ идетъ дѣло.

Карпату, изъ озера Амадоки, откуда направляетъ теченіе къ юго-востоку, и при Ольвіи соединяется съ другою, восточною трубою Борисѳенеса [51]. Что-жь это, какъ не теперешній Бугъ? Птолемей, конечно, не самъ выдумалъ такое значеніе Бугу: тутъ не видно никакихъ признаковъ систематическаго умничанья, которое составляло его главную болѣзнь, было причиною всѣхъ его дѣйствительныхъ ошибокъ: тутъ должно быть повтореніе стараго преданія, и притомъ такъ стараго, что оно успѣло уже потерять свою силу, возбудить недоумѣнія и дать поводъ къ разнымъ догадкамъ и толкамъ. У Плинія ясно выражено это неумѣніемъ опредѣлить, какъ именно называется рѣка, сливающаяся подъ Ольвіею съ Борисѳенесомъ: одни, говоритъ онъ, называютъ ее Пантикапесомъ, другіе Гипанисомъ [52]. Но могло-ли произойти такое разномысліе и разнорѣчіе, если-бъ Бугъ издревле, со временъ Геродота, считался отдѣльною, самостоятельною рѣкою? Конечно, во времена Плинія, а можетъ-быть и раньше, частію въ-слѣдствіе геологическихъ измѣненій, частію-же и по-причинѣ бо́льшаго разпространенія географическихъ свѣдѣній, самостоятельность Буга должна была уже рѣзко обозначиться. Не-льзя было не признать его отдѣльною рѣкою; но гдѣ-жь было взять этой рѣкѣ имя? Прибѣгли натурально къ древнѣйшимъ источникамъ; въ томъ числѣ въ-первыхъ и въ-главныхъ, разумѣется, къ Геродоту. Но у него не оказалось ничего. Вотъ и схватились за наименованія двухъ рѣкъ, которыя, по словамъ Геродота, обѣ «соединяются съ Борисѳенесомъ», которыя и описываются имъ непосредственно возлѣ Борисѳенеса, одна прежде, другая послѣ. Такъ объясняю я себѣ колебаніе между наименованіями Пантикапеса и Гипаниса, замѣченное Плиніемъ. Такъ объясняю и Діона-Хрисостомоса, который рѣку, протекающую подъ Ольвіей положительно называетъ Гипанисомъ, и даже старается распутать естественно раждающееся противурѣчіе: почему-жь Ольвія заимствовала свое второе прозвище не отъ Гипаниса, а отъ Борисѳенеса? Все это были толки и догадки, по-

[51] Этотъ западный истокъ Борисѳенеса полагается у Птолемея подъ 53, 30, стопенную долготы. *Ptolemæi* De Geographia, l. III. c. 5. Плиній также выводитъ Борисѳенесъ отъ Невровъ: Neuri, apud quos Borysthenes (IV. 26); а Невры, по указанію Геродота (IV. 17. 100), жили на сѣверо-западъ отъ Скиѳовъ, именно вокругъ верховьевъ Буга.

[52] Quidam Panticapen confluere infra Olbiam cum Borysthene tradunt; diligentiores Hypanin. *Plinii* Natur. Histor. l. IV. c. 26.

рожденные желаніемъ согласить съ буквою древнихъ текстовъ измѣнившуюся или точнѣе дознанную дѣйствительность [33]. Одному Птолемею удалось это соглашеніе естественнѣе и вѣрнѣе всѣхъ, оттого–что онъ крѣпче придержался преданія о тождествѣ Буга съ Борисѳенесомъ. У него Бугъ есть самостоятельная рѣка, и съ–тѣмъ–вмѣстѣ Борисѳенесъ, какъ вѣрно казался онъ и Геродоту.

Само–собою разумѣется, что приписывая Геродоту такой взглядъ на Бугъ, я нисколько тѣмъ не отрицаю, что главнымъ, настоящимъ Борисѳенесомъ, въ смыслѣ рѣки, былъ для него нынѣшній Днѣпръ, въ своемъ теперешнемъ руслѣ. Величественная картина втораго дружки Нилу на сѣверѣ, очевидно снята имъ съ настоящаго Днѣпра. Чтобы порѣшить здѣсь окончательно со всѣми недоумѣніями, остается опредѣлить Мысъ–Гипполаевъ, который у Геродота полагается при сліяніи Борисѳенеса съ Гипанисомъ (IV. 53). Этотъ мысъ долженъ быть не иной, какъ тотъ, который, между лиманами Днѣпровскимъ и Березанскимъ, выдается особенно при нынѣшнемъ Очаковѣ. Здѣсь, на–супротивъ другаго мыса, освященнаго воспоминаніями Ахилла, при первой встрѣчѣ отъ моря съ

---

[33] «Борисѳенская Рѣчь» Діона-Хрисостомоса есть настоящая поэма въ прозѣ, на тему о Промыслѣ. Въ ней ораторъ выводитъ себя бесѣдующимъ съ жителями Борисѳенеса или Ольвіи: и цѣль бесѣды, которая носитъ на себѣ всѣ признаки драматическаго вымысла, очевидно состоитъ въ томъ, чтобы пристыдить современныхъ Грековъ, показавъ имъ, какъ въ отдаленной колоніи, среди дикихъ варваровъ, сохраняются во всей чистотѣ древніе гомерическіе нравы Еллиновъ (ἅπαντες τὸν ἀρχαῖον τρόπον, ὡς φησιν Ὅμηρος τοὺς Ἕλληνας, κομῶντες, с. 6), и съ этой первобытной простотой соединяется просвѣщенное благоговѣніе къ свѣтиламъ мудрости Еллинской, къ Гомеру и къ Платону (Ὁμήρου δὲ ἐρασταὶ, καί τινες οὐ πολλοὶ Πλάτωνος, с. 9). Цѣль эта вполнѣ обнаруживается, когда Діонъ заставляетъ одного изъ своихъ собесѣдниковъ, старца Росона, говоритъ тономъ, исполненнымъ благороднаго негодованія, что приходящіе къ нимъ Греки «носятъ только имя Еллиновъ, въ–самомъ–же–дѣлѣ гораздо больше ихъ самихъ варвары», что это все «торгаши и барышники, которые пріѣзжаютъ къ нимъ сбывать гадкіе лоскутья и скверное вино»: τὸ δὲ λοιπὸν σχεδόν τε θεῦρο ἀφικνοῦνται ὀνόματι Ἕλληνες, τῇ δὲ ἀληθείᾳ βαρβαρώτεροι ἡμῶν, ἔμποροι καὶ ἀγοραῖοι, ῥάκη φαῦλα καὶ οἶνον πονηρὸν εἰσκομίζοντες (с. 8). Въ слѣдствіе–того, ораторъ постоянно держится въ древней атмосферѣ идей и выраженій, и, какъ самъ говоритъ, согласно съ желаніемъ Борисѳенитовъ, поддѣлывается подъ тонъ Платона, близкій къ Гомерову (с. 9). Почему, искать у него живыхъ мѣстныхъ свѣдѣній должно съ большою осторожностью. Такъ, напримѣръ, черный костюмъ Борисѳенитовъ онъ производитъ отъ Скиѳовъ-Меланхленовъ, очевидно по своимъ археологическимъ соображеніямъ, какъ показываютъ и самыя его слова: χρῶνται δὲ καὶ τῇ ἄλλῃ ἐσθῆτι μελαίνῃ, ὡς τὸ πολὺ, ἀπὸ γένους τινὸς Σκυθῶν τῶν Μελαγχλαίνων, ὡς ἐμοὶ δοκοῦσι, κατὰ τοῦτο ὀνομασθέντων ὑπὸ τῶν Ἑλλήνων (с. 3). Но на–самомъ–дѣлѣ Меланхленовъ или Смурыхъ-Кафтановъ тогда уже не было межь Скиѳами, гдѣ ихъ показывалъ Геродотъ, какъ явно изъ молчанія современныхъ Діону географовъ, между которыми только Мела и Плиній упоминаютъ ихъ имя, и то совершенно въ другомъ краѣ, именно около Колхиды (*Mel.* I. 19. *Plin.* VI. 5). Что Діонъ точно также фантазировалъ и на-счетъ именъ Гипаниса и Борисѳенеса, видно очень хорошо изъ его увѣренія, будто Ольвія, стоя собственно на Гипанисѣ, заимствовала свое прозвище отъ Борисѳенеса по–причинѣ «красоты и величія рѣки» (διὰ τὸ κάλλος καὶ τὸ μέγεθος τοῦ ποταμοῦ с. 1). Въ–дѣйствительности, совершенно напротивъ, Бугъ и «величественнѣе» и «красивѣе» Днѣпра, при общемъ ихъ стеченіи.

материкомъ, всего приличнѣе было мѣсто святилищу Димитры, «Матери-Земли» (IV. 53). А по-ту-сторону Березанскаго-Лимана, точь-въ-точь приходится область Борисѳенеитовъ, жившихъ на Гипанисѣ (IV. 53), то-есть на Тилигулѣ [54].

Итакъ, точка зрѣнія Геродота на Скиѳію, точка основная и постоянная, находилась въ теперешнемъ урочищѣ Сто-Могилъ, при сліяніи нынѣшнихъ Днѣпра и Буга, которые оба считались имъ за одинъ бассейнъ, означавшійся общимъ именемъ Борисѳенеса. Станемъ-же и мы здѣсь, чтобы продолжать наше сличеніе.

Кромѣ Борисѳенеса и Гипаниса, остается еще пять «рѣкъ главныхъ», не считая притоковъ, которыя описываются Геродотомъ въ Скиѳіи. Я обращаюсь теперь къ нимъ, чтобы раздѣлаться на-чисто съ гидрографіей Геродота.

Три изъ этихъ рѣкъ, и именно Пантикапесъ, Гипакирисъ и Герросъ, составляютъ донынѣ неотвратимый камень претыканія, истинный гордіевъ узелъ для изслѣдователей и толковниковъ. Сколько было истощено усилій, сколько придумано догадокъ и предположеній, чтобы пріурочить ихъ къ дѣйствительности! Съ ихъ роковыми именами ученые мыкаются вдоль и поперекъ по нынѣшней Южной-Россіи: въ буквальномъ значеніи народной поговорки, «языкъ доводитъ ихъ до Кіева», и даже «за Кіевъ»! [55]. Въ отчаяніи, исто-

---

[54] Пейссоннель говоритъ, что, по достигшимъ до него слухамъ, возлѣ нынѣшняго Очакова, ближе къ Березани, существовали развалины древняго города, изъ которыхъ будто-бы Турки пользовались камнями и даже мраморомъ для возобновленія стѣнъ Очаковскихъ, послѣ разрушенія ихъ Русскими въ кампанію Ласси. Онъ прибавляетъ еще, что г. Вантюръ де-Паради (Venture de Paradis), предшествовавшій ему въ званіи консула при ханахъ Крымскихъ, посылалъ туда нарочныхъ людей, которые будто доставили ему много камней съ греческими надписями; но куда дѣвались эти камни, неизвѣстно. По мнѣнію Пейссоннеля, тутъ долженъ былъ стоять древній городъ «Аксіака», изъ котораго полагаетъ онъ искаженнымъ нынѣшнее имя «Очакова». Observations historiques et géographiques, par *M. de Peyssonel*, p. 153. По-моему, какъ-бы ни назывался этотъ городъ, но онъ вѣрно составился вкругъ «святилища Димитры», упоминаемаго Геродотомъ. Наименованіе «Мыса-Гипполаева», Ἱππόλεω Ἄκρη, можетъ-быть мыса «Коннаго-Народа», не находится-ли въ соотношеніи съ Каллиппидами, «Доброконными», народомъ жившимъ по-другую-сторону Тилигула (IV. 17)?

[55] Не дальше сказать, какъ Нарбуттъ, одинъ изъ послѣднихъ изъяснителей Геродота, считаетъ Герросомъ Десну, Гипакирисомъ Семь, Пантикапесомъ Припетъ! См. Karta Scytyi z jej sasiedniemi narodami, прилож. къ Dzieje starożytne narodu Litewskiego przez *Th. Narbutta*, t. II. s. 83. Впрочемъ и Байэръ, отецъ критики и экзегетики Геродота, искалъ Герроса также въ Деснѣ; только Пантикапесъ сводилъ онъ нѣсколько ниже, именно на нынѣшнюю Самару, впадающую въ Днѣпръ подъ Екатеринославомъ.

щенные безплоднымъ напряженіемъ, нѣкоторые доходятъ дотого, что вовсе отрицаютъ ихъ существованіе, другіе выдумываютъ для нихъ не существующія въ природѣ рѣки [36]. Страшно даже пускаться во мглу, которую трудолюбивая ученость имѣла терпѣніе и усердіе нагнать на этѣ злополучныя жертвы.

Главный и единственный поводъ къ этой сумятицѣ понятій и мнѣній заключается въ томъ, что, слѣдуя буквальному смыслу указаній Геродотовыхъ, три роковыя рѣки надо искать на востокъ отъ Борисѳенеса: то-есть на лѣвой сторонѣ нынѣшняго Днѣпра, гдѣ въ дѣйствительности находятся сухія, безводныя степи, не только не представляющія рѣкъ, которыя были-бы «доступны съ моря судоходству», *προσπλωτοὶ ἀπὸ θαλάσσης*, какъ выражается Геродотъ (IV. 17), но и весьма скудныя мелкими живыми потоками. Въ-самомъ-дѣлѣ, что тутъ дѣлать, какъ не стать вовсе въ тупикъ, или не пуститься на отчаянныя предположенія и выдумки?

Но нужно-ли непремѣнно держаться на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чтобы найти этѣ ненаходимыя рѣки?

Тамъ, гдѣ Геродотъ занимается собственно гидрографическимъ описаніемъ Скиѳіи, нѣтъ никакого положительнаго указанія, что Пантикапесъ, Гипакирисъ и Герросъ, находятся на востокъ отъ Борисѳенеса. Это можно только заключать изъ того, что исчисленіе и описаніе рѣкъ у Геродота, кажется, вообще идетъ отъ запада къ востоку, отъ Истроса къ Танапсу (IV. 46—57). Приступая къ описанію Пантикапеса въ-слѣдъ за Гипанисомъ и Борисѳенесомъ, Геродотъ употребляетъ выраженіе «*μετὰ δὲ τούτους*», «послѣ нихъ», то-есть Гипаниса и Борисѳенеса (IV. 54); но это выраженіе, впрочемъ и находящееся при одномъ только Пантикапесѣ, можетъ столько-же относиться къ послѣдовательности описанія, сколько къ послѣдовательности мѣстоположенія. Гораздо важнѣе то, что въ описаніи всѣхъ трехъ рѣкъ постоянно имѣется въ виду ихъ отношеніе къ странѣ, называемой «Гилеею»: Гилея-же, какъ видно изъ другаго мѣста текста Геродотова, находилась «первою отъ моря по переходѣ черезъ Борисѳенесъ со-стороны Гипаниса»: *διαβάντι τὸν Βορυσθένεα ἀπὸ θαλάσσης*,

[36] Д'Анвиль отрицаетъ существованіе Пантикапеса; Геерен той-же участи подвергаетъ Гипакирисъ и Герросъ. Реннель придумалъ небывалый истокъ Днѣпру въ Азовское-Море, чтобы найти приличное помѣщеніе для Герроса.

πρῶτον μὲν ἡ Ὑλαίη (IV. 18); слѣдовательно, точно какъ-будто на востокъ отъ Борисѳенеса, на лѣвой сторонѣ нынѣшняго Днѣпра. Если-жъ такъ, то и три таинственныя рѣки должно искать тамъ-же.

Итакъ, главное здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: что такое Геродотова «Гилея»?

Имя это, чистое еллинское, означаетъ «лѣсную сторону»: такова и была дѣйствительно Гилея, о которой Геродотъ положительно говоритъ, что она «вся полна всякаго-рода деревьями» (IV. 76), и притомъ одна только посреди голыхъ, безлѣсныхъ степей, ее окружающихъ. Въ настоящее время по лѣвую сторону Днѣпра, между нимъ и моремъ, простирается длинная и узкая полоса нынѣшняго Днѣпровскаго уѣзда Таврической губерніи, оканчивающаяся къ западу такъ-называемою Кинбурнскою-Косою. Здѣсь доселѣ единогласно и полагается «лѣсная сторона» Геродота. Это тѣмъ-болѣе считается несомнительнымъ, что Геродотъ помѣщаетъ свою Гилею «возлѣ Бѣга-Ахиллова» (IV. 55. 76); а Бѣгъ-Ахилловъ, по ясному указанію позднѣйшихъ географовъ древности, изъ которыхъ Страбонъ сравниваетъ его съ «поясомъ», Мела-же и Плиній, еще живописнѣе, съ «саблею» [57]: Бѣгъ, говорю, Ахилловъ, долженъ быть не иное что, какъ нынѣшній островъ Тендра, точно-какъ поясъ, или еще вѣрнѣе какъ сабля, выгибающійся на морѣ вдоль южнаго берега теперешняго уѣзда Днѣпровскаго [58]. Все-бы это очень хорошо: но вотъ въ чемъ бѣда. Уѣздъ Днѣпровскій, въ настоящее время, не только не есть «лѣсная сторона, вся полная всякаго рода деревьями», но даже представляетъ физическую неспособность къ

[57] Ὁ Ἀχίλλειος Δρόμος, ἀλιτενὴς χερρόνησος · ἔστι γὰρ ταινία τις. *Strabonis* Rer. Geographic. IV. 3. Peninsula, ad formam *gladii* porrecta, cognominata Dromos Achilleos. *Plinii* Natur. Histor. IV. 26. Terra tunc longe distenta excedens, tenui radice littori adnectitur. Post, spatiosa modice, paulatim se ipsa fastigat, et quasi in *mucronem* longa colligens latera, facie positi *ensis* allecta est. Dicta est Δρόμος Ἀχιλλέως. *Melæ* De situ Orbis II. 7.

[58] Почти на самой половинѣ всего протяженія Днѣпровскаго уѣзда отъ востока къ западу, верстахъ въ 80 отъ Перекопа, противъ имѣній Софіевки, Кларовки и Черноморья, славныхъ своими овчарными заведеніями, отдѣляются отъ материка и другъ отъ друга, узкими проливами, двѣ длинныя косы, изъ которыхъ та, которая идетъ къ востоку, называется островомъ Джарылгачемъ, а та, которая простирается на западъ, носитъ имя острова Тендры. Обѣ онѣ имѣютъ въ длину верстъ по 60; въ ширину-же, Джарылгачъ отъ 3 до ½, а Тендра постоянно около 1 версты. Въ-старину, онѣ безъ сомнѣнія были соединены между-собою и съ материкомъ Правительство отдало ихъ, вмѣстѣ съ сопредѣльнымъ побережьемъ материка, иностранцу Рувье, собственно подъ овцеводство; и какъ Рувье открылъ свои заведенія преимущественно съ помощію работниковъ, вызванныхъ изъ Франціи, то все это побережье, и съ островами, называется теперь у туземцевъ Франціею. Оба острова остаются не заселенными, а служатъ только пасьбищами для овецъ.

лѣсорастительности. Собственно Кинбурнская-Коса, въ протяженіи на сорокъ верстъ отъ Кинбурна къ востоку, состоитъ вся изъ чистаго, голаго песку. Затѣмъ, далѣе на востокъ, почва раздѣляется на двѣ полосы: одну, приморскую, состоящую изъ степной глади, способной только къ луговой и отчасти къ нивяной произрастительности; другую, прирѣчную, которая тянется вскраї Днѣпра, и состоитъ опять вся изъ сыпучихъ песковъ, между которыми луга, покрытые травою, мелькаютъ рѣдкими оазисами. Голь, совершенную голь, представляетъ восточное По-Днѣпровье даже и въ дальнѣйшемъ протяженіи не только на востокъ, но и на сѣверъ, не только въ предѣлахъ Таврической и Екатеринославской губерній, но и далѣе, по всему пространству Южной-Россіи. Нѣтъ и не можетъ быть тутъ нигдѣ Гилеи, которая «вся полна всякаго-рода деревьями». Даже всѣ усилія нынѣшняго просвѣщеннаго хозяйства, съ тяжкимъ трудомъ, едва выращаютъ на этой сѣверной Сахарѣ тощую, неблагонадежную тѣнь, которая, при малѣйшемъ ослабленіи труда, тотчасъ, если не засыпается сугробами песковъ, то выжигается лѣтнимъ зноемъ, или вымораживается зимними стужами [39].

Что-же? Геродотъ налгалъ, или лжетъ теперь природа?

Ни то, ни другое. Надо только оставить въ покоѣ все твердоземье между моремъ и Днѣпромъ: тогда и природа и Геродотъ окажутся совершенно правыми.

Не смотря на пустынный, аравійскій характеръ окружающихъ степей, края широкой долины, по которой Днѣпръ стремится къ морю, конечно вслѣдствіе благотворнаго вліянія питательной и крѣпительной влажности, по-мѣстамъ украшаются зеленью кустарниковъ, и даже сѣнью деревьевъ. Именно, на самой Кинбурнской-Косѣ, вскраї Лимана, вокругъ мѣстечка Прогнойска, при селеніяхъ Бузовомъ и Рыбалчѣ, до-сихъ-поръ мелькаютъ небольшія дубовыя и березовыя рощицы, храбро сражающіяся съ засыпающими ихъ песками. Нѣсколько выше, вкругъ селенія Збурьевска, находится родъ лѣска, состоя-

---

[39] Уѣздъ Днѣпровскій, въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, весьма подробно и обстоятельно описанъ г. Андреевскимъ въ «Путевыхъ Замѣткахъ при объѣздѣ Днѣпровскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ въ 1835 году» и г. Скадовскимъ въ «Хозяйственной топографіи Днѣпровскаго уѣзда»: статьяхъ, помѣщенныхъ въ Листкахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи (1838. NN° 6. 1839. N° 1 — 6). Пески, обыкновенно странствующіе по всему протяженію прирѣчной полосы края въ видѣ огромныхъ бугровъ, называются здѣсь «кучугурами»: именемъ, употребительнымъ во всей Южной-Россіи, отъ Бессарабіи до послѣднихъ границъ Украйны къ сѣверу, гдѣ, на-примѣръ въ нынѣшней Воронежской губерніи, на рѣкѣ Дѣвицѣ, нѣсколько выше города Нижнедѣвицка, находится селеніе, называемое донынѣ «Кучугуры».

щаго изъ дуба, осины, ольхи и лозняка. Наконецъ, еще выше, берегъ Днѣпра, на протяженіи около двадцати-пяти верстъ вокругъ города Алешекъ, опушается также, не рѣдко, болѣе или менѣе густыми купами древесной растительности, преимущественно ольхою и березою [60]. И это, въ сравненіи съ наготою степей, конечно могло дать берегу Днѣпра названіе «лѣсной стороны», особенно въ древніе времена, когда масса водъ въ колоссальномъ бассейнѣ была несравненно обильнѣе, а потому и сила прозябенія вокругъ гораздо могущественнѣе. Но надо только взглянуть на самую долину Днѣпра, чтобы имѣть передъ глазами настоящую «лѣсную сторону», всю покрытую густою, дремучею растительностью. Эта долина, раздвигающаяся иногда верстъ до двадцати въ ширину, состоитъ изъ непрерывной сѣти такъ-называемыхъ «плавней», или острововъ, образуемыхъ безчисленными развѣтвленіями рѣчной трубы, которые всѣ сплошь зарощены не однимъ камышемъ, но и настоящими, любящими влагу, деревьями. Въ безотрадной пустотѣ голыхъ степей, она отливаетъ на горизонтѣ сизою полосою, при видѣ которой въ самомъ не-поэтическомъ воображеніи невольно возбуждается идея мрачнаго «лѣса» [61]. Присоедините сюда набережную опушку Днѣпра: и вы увидите въ натурѣ Гилею, совершенно согласную съ тѣмъ описаніемъ, которое объ ней оставлено Геродотомъ.

Строгой однако розыскательности могутъ еще здѣсь представиться сомнѣнія. Во-первыхъ: Гилея у Геродота является страною обитаемою (IV. 76); а плавни Днѣпровскіе и нынѣ почти вовсе неспособны къ обитаемости. Во-вторыхъ: Геродотъ помѣщаетъ свою Гилею не на Днѣпрѣ, а въ восточномъ За-Днѣпровьѣ; ибо, по словамъ его, чтобы достигнуть туда отъ Гипанписа, который лежитъ на западѣ отъ Борисѳенеса, должно перейти черезъ Борисѳенесъ (IV. 18).

На первое достаточно замѣтить, что если «плавни», составляющіе самый исподъ долины Днѣпровской, точно неспособны и теперь, въ древности-же еще

---

[60] Андреевскій и Скадовскій. Ср. П. И. Кеппена «Объ Алешковскихъ летучихъ Пескахъ», въ Лѣсн. Журн. 1841. ч. I. кн. 3.

[61] Такою именно казалась она Діону при самомъ устьѣ Днѣпра, который притомъ, въ своемъ поэтическо-ораторскомъ восторгѣ, сравниваетъ еще высокія ея деревья съ корабельными мачтами: ἠιών ἐστι ὑλώδης, καὶ δασεῖα καλάμῳ καὶ δένδροις · φαίνεται δὲ τῶν δένδρων πολλὰ καὶ ἐν μέσῃ τῇ λίμνῃ, ὡς ἱστοῖς προσεοικέναι · καὶ ἤδη τινὲς τῶν ἀπειροτέρων, ὡς ἐπὶ πλοῖα ἐπέχοντες (c. 1).

менѣе могли быть способны къ обитаемости, по той причинѣ, что полу-водяной грунтъ ихъ до-сихъ-поръ не успѣлъ порядочно затянуться и окрѣпнуть; за-то такъ-называемыя «гряды», или высшіе уступы постепенно поднимающихся боковъ, представляютъ почву довольно связавшуюся и отвердѣлую, покрытую роскошными лугами и тучными огородами, съ которыхъ прибрежные жители снимаютъ нынѣ богатую добычу сѣна и овоща. Это особенно замѣчается на лѣвой, наиболѣе отлогой, сторонѣ долины, и именно по берегамъ боковаго къ главной трубѣ Днѣпровской притока, извѣстнаго подъ именемъ рѣки Конки. Впрочемъ, чѣмъ далѣе подниматься въ-верхъ, тѣмъ дно долины все вообще становится суше и крѣпче; плавни увеличиваются въ объемѣ, выше поднимаются надъ уровнемъ стремени, и перестаютъ быть сплошной чащей камыша и лозняка: они дѣлаются настоящими рѣчными островами, на которыхъ жить не только возможно, но и очень привольно. Кому неизвѣстенъ, на-примѣръ, островъ Хортица, еще такъ недавно покоившій на себѣ знаменитую Сѣчь, столицу войска-народа Запорожскаго? [62]

Второе недоумѣніе не должно имѣть и мѣста, какъ-скоро допущено, что подъ именемъ Борисѳенеса у Геродота разумѣется не нынѣшній только Днѣпръ, но и значительная часть Буга со всею системою водоема Березанскаго. При такомъ взглядѣ, конечно не-льзя было иначе достигать до настоящей долины

---

[62] Рѣка Конка, иначе Конскія-Воды, выходитъ изъ Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи, и имѣетъ сначала сѣверо-западное, прямо встрѣчное Днѣпру, направленіе. По мѣрѣ приближенія къ городу Александровску, гдѣ Днѣпръ, освободясь отъ Пороговъ, самъ поворачиваетъ круто на юго-западъ, и она въ-слѣдъ за нимъ поворачивается туда-же, пока наконецъ, догнавши его у острова Хортицы, сливается съ нимъ совершенно. Но это слiяніе не есть окончательное. Вскорѣ Конка снова отдѣляется отъ Днѣпра; потомъ еще четыре раза съ нимъ сходится, и опять расходится, именно близъ селеній Малой-Знаменки, Нижняго-Рогачика, Каховки, и подъ городомъ Алешками. Невозвратно исчезаетъ она въ Днѣпрѣ уже возлѣ Лимана, при такъ-называемой Голой-Пристани, 35 верстъ ниже Алешекъ. Самобытность Конки какъ рѣки, во всю длину ея прерывистаго или лучше перепутаннаго теченія, доказывается не столько тожествомъ имени, постоянно ею сохраняемаго, сколько самымъ свойствомъ водъ, которыя, при всѣхъ слiяніяхъ, не смѣшиваются съ водами Днѣпра, но отличаются отъ нихъ особенною синевою и прозрачностью цвѣта, даже удерживаютъ свой особенный вкусъ, предпочитаемый вкусу водъ собственно Днѣпровскихъ. Она-то преимущественно, какъ приливами своими къ главной трубѣ Днѣпра, такъ и раздробленіями собственнаго канала на множество протоковъ, образуетъ въ долинѣ Днѣпровской наибольшую часть острововъ и плавней, которые чѣмъ ближе къ Лиману, тѣмъ болѣе имѣютъ видъ сплошнаго «лѣса». *Андреевскаго* Путевыя Записки при объѣздѣ Днѣпровск. и Мелитопольск. уѣздовъ Таврическ. губерніи въ Л. О С. Х. Ю. Р. 1838. № 5. с. 294, 295. На картѣ генуэзца Пiетро Висконти, относящейся къ началу XIV вѣка (1318), Конка и Днѣпръ представлены раздѣльно, но подъ однимъ именемъ «Flumena d'*Ellexe*». *J. Potocki* Histoire primitive des peuples de la Russie, S. Pétersb. 1802. p. 120.

Днѣпра отъ Гипаниса, то-есть отъ Тилигула, какъ «перешедши» часть водъ, причислявшихся къ бассейну «Борисѳенеса», то-есть теперешнія русла Березани и Буга[63].

Итакъ, Гилея была не что иное, какъ нынѣшняя «долина Днѣпровская», въ устьяхъ и передъ устьями[64].

Теперь обратимся къ тремъ таинственнымъ рѣкамъ, которыя всѣ три у Геродота представлены въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ отношеніяхъ къ Гилеѣ.

Пантикапесъ, по Геродоту, «течетъ съ сѣвера изъ озера, изливается въ Гилею и, миновавъ ее, соединяется съ Борисѳенесомъ» (IV 54). Здѣсь, главная сущность дѣла въ томъ, что, по точному, буквальному смыслу словъ Геродота, Пантикапеса должно искать къ сѣверу отъ Гилеи, слѣдовательно на правой сторонѣ Днѣпра по теченію. Сообразно съ тѣмъ я и нахожу его въ нынѣшнемъ Ингулѣ: рѣкѣ, при сліяніи которой съ Бугомъ находится теперь Николаевъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Ингулъ, зачинаясь въ окрестностяхъ мѣстечка Новомиргорода, лежащаго на границѣ Херсонской губерніи съ Кіевскою, имѣетъ теченіе, почти перпендикулярное, съ сѣвера. Въ настоящее время, онъ не почерпаетъ своихъ струй ни изъ какого озера: но такъ-называемая Висуньская-Степь, въ которой беретъ онъ свое начало, до-сихъ-поръ представляетъ слишкомъ примѣтные признаки морскаго дна, заставляющіе съ вѣроятностью предполагать, что въ старыя времена вода стояла здѣсь гораздо дольше, чѣмъ на

---

[63] Впрочемъ, должно замѣтить, что у древнихъ Эллиновъ глаголъ «διαβαίνω» означаетъ не только «переходить», но и просто «итти, проходить мимо», напримѣръ у Гомера Il. XII. 458.

[64] У Скимна (v. 106), и въ-слѣдъ за нимъ у Безименнаго въ Периплѣ (p. 3), Гилея, неизвѣстно почему, называется «Гибла», Ὕβλα. Плиній называетъ ее просто «лѣсною стороною», silvestris regio, прибавляя, что прилежащее къ ней море именуется «Гилейскимъ», Hylæum (IV. 26). У Мелы означается она также именемъ «лѣсовъ»: *silvæ* deindè sunt, quas maximas hæ terræ ferunt (I. 1). Во времена ближайшія къ нашимъ, Италіянцы, посѣщавшіе Новороссійское-Черноморье, подъ покровительствомъ новыхъ колоній Генуезскихъ и Венеціянскихъ, называютъ Днѣпръ странными именами: «*Ellexe*» (Піетро Висконти 1318), «*Elice*» (Іосафато Барбаро 1436), «*Leresse*» (Контарини 1473), «*Eteæe*» (Граціозо Бенинказа 1480), «*Lussem*» (Батисто 1505). *J. Potocki* Histoire primitive des peuples de la Russie, S. Pétersb. 1802, p. 120–121. Что это такое? Изуродованный отголосокъ древняго еллинскаго «ὑλαῖος», съ подразумѣваемымъ «ποταμός»? Или не скорѣе-ли искаженіе славянскаго «*лѣсъ*»? Извѣстно изъ нашихъ лѣтописей, что въ XII вѣкѣ при устьѣ Днѣпра существовалъ городъ, который назывался «Олѣшье». *Новгород. Лѣтопис.* подъ 1124. *Кіевск. Лѣтоп.* подъ 1164. Городъ этотъ былъ населенъ Греками: но имя его, которое весьма естественно могло происходить отъ греческаго «ὑλαῖος (χῶρος или τόπος)», такъ-же, если не болѣе естественно, можетъ быть произведено и отъ славяно-русскаго «*олѣшьи*» (мѣста подлѣснаго или около-лѣснаго). Кажется, это самое имя сохранилось въ нынѣшнихъ Алешкахъ. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что низовье долины Днѣпровской постоянно удерживало въ самой номенклатурѣ своей воспоминанія «*лѣса*».

поверхности прочихъ окружныхъ степей, и конечно не иначе, какъ въ видѣ озеръ. Что-жь касается до изліянія въ Гилею и соединенія съ Борисѳенесомъ, которое Геродотъ приписываетъ своему Пантикапесу, то должно принять въ соображеніе, что нынѣшній Бугъ, хотя и не въ такой степени, какъ настоящій Днѣпръ, но все-жь, преимущественно по лѣвой сторонѣ, опушается такими-же камышистыми плавнями, продолжающимися почти непрерывно въ-верхъ, отъ сліянія съ Днѣпромъ до самаго Вознесенска, и чѣмъ выше, тѣмъ чаще и гуще; почему, какъ самъ онъ, въ глазахъ Геродота, принадлежалъ къ бассейну Борисѳенеса, такъ и опушка его естественно должна была причисляться къ Гилеѣ: слѣдовательно, и Ингулъ, который впадаетъ въ Бугъ именно слѣва, не могъ казаться иначе Геродоту, какъ изливающимся въ Гилею и потомъ соединяющимся съ Борисѳенесомъ. Итакъ, Пантикапесъ, со всѣми своими отличительными чертами, отыскивается какъ не-льзя натуральнѣе въ Ингулѣ [68].

О Гипакирисѣ говоритъ Геродотъ, что онъ, «выходя также изъ озера, изливается подъ городомъ Каркинитидою, оставляя вправѣ Гилею и такъ-называемый Ахилловъ-Бѣгъ» (IV. 55). Куда именно изливается Гипакирисъ, у Геродота не сказано: должно однако заключать по контексту, что туда-же, куда и Пантикапесъ, то-есть въ водоемъ, называвшійся тогда Борисѳенесомъ. Надо, слѣдовательно, между притоками Днѣпра искать рѣки, у которой-бы лѣсистое удолье Днѣпро-Бужское и нынѣшняя Кинбурнская-Коса находились вправѣ. А такою именно оказывается теперешній Ингулецъ, рѣка впадающая въ Днѣпръ, верстахъ въ двадцати выше нынѣшняго губернскаго города Хѳрсона, при селеніи Даріевкѣ. Рѣка Ингулецъ беретъ свое начало неподалеку отъ Ингула, въ той-же самой Висуньской-Степи, которая представляетъ на себѣ слѣды про-

---

[68] Не мѣшаетъ припомнить здѣсь снова, что, во времена Плинія, рѣку, протекающую подъ Ольвіей, нѣкоторые считали Пантикапесомъ (IV. 26): то-есть, Бугъ, съ Николаева признавали продолженіемъ Ингула! Рѣка Ингулъ имѣетъ теченія около 200 верстъ, и, при соединеніи съ Бугомъ такъ велика, что на ней устроены теперь верфь и адмиралтейство. Въ нижней части ея ложа, особенно тамъ гдѣ она принимаетъ въ себѣ рѣчку Громоклею, находятся плавни, до-сихъ-поръ изобилующіе деревьями. См. Историко-статистическое обозрѣніе Херсонской губерніи, *М. Кирьякова*, въ Матеріялахъ для Статистики Россійской Имперіи, т. I. с. 185. Впрочемъ, нынѣшній длинный оврагъ Бѣлозерка, проходящій въ Днѣпръ верстъ 10 ниже Херсона, вершиною своею такъ близко подходитъ къ Ингулу, что могъ нѣкогда быть проводникомъ струй его и прямо въ теперешнюю долину Днѣпровскую, именно тамъ, гдѣ она наиболѣе имѣетъ характеръ и видъ Гилеи.

должительнаго застоя водъ, могшихъ быть во времена Геродота озерами. Она приливаетъ къ Днѣпру тамъ, гдѣ плавни сгущаются наиболѣе и противоположный кряжъ материка, которымъ Днѣпръ отдѣляется отъ моря, начинаетъ рѣшительно съуживаться; такъ–что настоящая Гилея и Ахилловъ–Бѣгъ дѣйствительно остаются у ней вправѣ по теченію. Городъ Каркинитида или Каркинитисъ, Καρκινῖτις, не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ при устьѣ нынѣшняго Ингульца: но, судя по названію, которое очевидно есть еллинское, происходящее отъ «καρκίνος», что значитъ вообще «рака» и въ–частности «раковую клешню», онъ конечно и находился не при самомъ сліяніи Гипакириса съ Борисѳенесомъ, а противъ него, на берегу моря, какъ Геродотъ и самъ даетъ разумѣть въ другомъ мѣстѣ (IV. 99): именно тамъ, гдѣ Бѣгъ–Ахилловъ или нынѣшняя Тендра, отдѣляясь отъ собственно Кинбурнской–Косы, даетъ всей оконечности материка точно фигуру огромной «клешни», высунутой въ море. Довольно кажется, чтобы въ Ингульцѣ признать Гипакирисъ [66].

Остается Герросъ, о которомъ сказано у Геродота, что онъ «отрывается отъ Борисѳенеса и, стремя токъ свой въ море, изливается въ Гипакирисъ»

---

[66] Ингулецъ, со всѣми извилинами, протекаетъ болѣе 300 верстъ. Степь–Висуньская, въ которой берутъ начало и Ингулъ и Ингулецъ, кажется, въ то время какъ была подъ водою, ограничивалась руслами этихъ двухъ рѣкъ, которыхъ противоположныя стороны, то-есть Ингула правая, а Ингульца лѣвая, рѣзко возвышены. Нынѣ она, между Ингуломъ и Ингульцомъ, простирается верстъ на 200. Воды, влачащіяся по ней, называются и теперь замѣчательными именами, напоминающими ея нептуническое происхожденіе: какъ-то Мертвыя–Воды, Гнилой–Еланецъ, Соленая, и т. п. См. Древности Сѣвернаго–Берега Понта, *И. Кеппена*, Моск. 1828. с. 15. При сліяніи Ингульца съ Днѣпромъ, Пейссонель зналъ татарское мѣстечко Кизи–Керманъ, которое, по своей системѣ, считалъ послѣдомъ древней Ольвіи. Observations historiques et géographiques, *p.* 153. Въ нашей «Книгѣ Большаго Чертежа» также упоминается въ окрестностяхъ «городище», но только ниже устья Ингульца, при стеченіи съ Днѣпромъ рѣки Тягинки. Книга Большаго Чертежа, изд. *Языкова*, СПБ. 1838. с. 103. Впрочемъ, это не должно привязывать древней Каркинитиды непремѣнно къ устью Ингульца. Послѣдующіе географы, Страбонъ и Плиній, знали нынѣшній Перекопскій–Заливъ Чернаго–Моря подъ именемъ залива «Каркинитскаго»: Καρκινίτης κόλπος (*Strab.* VII. 4), sinus Carcinites (*Plin.* IV. 26). На немъ Плиній помѣщалъ и городъ Carcine, о которомъ подъ именемъ Κάρκινα упоминаетъ и Птолемей (III. 5). Пейссонель, который самъ лично былъ въ нынѣшнемъ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, сопровождая хана въ 1758 году, говоритъ, что въ урочищѣ, называемомъ Кип–Кой, при морѣ, видѣлъ множество колодезей, нарытыхъ по-видимому въ весьма древнія времена, въ которыхъ можно признать остатки древней Каркинитиды или Каркины. Observations historiques et géographiques, p. 7. Можетъ-быть, въ-послѣдствіи, населеніе передвинулось отсюда въ нынѣшній Кинбурнъ, который очевидно означается у Діона подъ именемъ «φρούριον Ἀλέκτορος», крѣпости принадлежавшей женѣ царицы Савроматовъ. Orat. Borysthen. с. 1. Замѣчательно, что живописный очеркъ всей этой стороны бросался въ глаза не однимъ Еллинамъ: настоящее наименованіе Кинбурна, по-турецки «Кыл–Бурну», по-русски «Мысъ–Волосъ», также поэтично, какъ древнее «Городъ–Клешня». Слово «καρκίνος», кромѣ «раковой клешни», означало переносно и орудіе «клещи», въ-особенности у золотыхъ-дѣлъ мастеровъ.

(IV. 56). Тутъ главная сила въ выраженіи «отрывается отъ Борисѳенеса», ἀπέσχισται ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος: причемъ должно также подумать и о соглашеніи по-видимому несовмѣстныхъ показаній, что Герросъ «течетъ въ море», ῥέων ἐς θάλασσαν, и между-тѣмъ «изливается въ Гипакирисъ», ἐκδιδοῖ ἐς τὸν Ὑπάκυριν. Такъ-какъ Герросъ поставляется въ непосредственной связи съ Гипакирисомъ, то его должно отыскивать на той-же сторонѣ бассейна Днѣпровскаго, гдѣ находятся Ингулецъ и Ингулъ, то-есть на правой по теченію. Но тутъ, послѣ Ингульца къ-сѣверу, встрѣчается первая, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ послѣдняя порядочная, на всемъ пространствѣ степей Новороссійскихъ, рѣка, которая называется теперь Бузулукъ. Эта рѣка начинается въ Верхнедѣпровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи, и теряетъ свое имя, по присоединеніи къ руслу Днѣпра, на границѣ уѣзда и губерніи Екатеринославской съ уѣздомъ и губерніею Херсонскою, при селеніи Грушевкѣ, во сто-сорока верстахъ выше Херсона. Впрочемъ, здѣсь Бузулукъ теряетъ только одно имя. Тотчасъ, послѣ этого первоначальнаго соединенія Бузулука съ Днѣпромъ, отдѣляется отъ главной трубы Днѣпра жолобъ, который, безпрестанно приливаясь и отливаясь съ-пзъ-нова, сопровождаетъ Днѣпръ почти до самаго Лимана, подъ разными наименованіями. Сначала онъ три раза принимаетъ имя рѣки Подпольной; за-тѣмъ называется рѣкою Козацкою; дальше рѣкою Кошевою; наконецъ, опять подъ именемъ рѣки Подпольной, окончательно поглощается Днѣпромъ, при Козьемъ-Мысѣ, въ двадцати-одной верстѣ ниже Херсона, и только въ четырнадцати верстахъ отъ Мыса-Станиславовскаго, гдѣ начинается общій лиманъ нынѣшнихъ Днѣпра и Буга [67]. Что вся эта длинная

---

[67] Бузулукъ, или, по мѣстному произношенію, Базавлукъ, передъ первоначальнымъ соединеніемъ съ Днѣпромъ, подъ селеніемъ Грушевкою, сливается съ рѣкою Скарбною, и тотчасъ уклоняется вправо подъ именемъ рѣки Подпольной. Между-тѣмъ Скарбная раздѣляется на два протока, изъ которыхъ одинъ называется рѣкою Омельнихою, другой рѣкою Колотовскою. Колотовская вскорѣ пускаетъ отъ себя новый рукавъ, называемый Быстрымъ-Перевалочъ, который перехватываетъ Омельниху, и потомъ дѣлится опять на три протока, именуемые Жолобами и изливающіеся въ такъ называемыя Великія-Воды, гдѣ также поглощается и Колотовская. Великія-Воды, родъ болота или озера, весьма обширнаго, соединяются наконецъ съ Днѣпромъ, посредствомъ многихъ гирлъ, при деревнѣ Фирсовкѣ. По Бузулуку, во время весенняго половодья, проходятъ съ Днѣпра до Грушевки мореходныя лодки, поднимающія до 750 четвертей хлѣба; такія-же, но поднимающія только до 350 четвертей, въ такое-жь время, доходятъ еще выше, до селенія Шолохова, при которомъ Бузулукъ принимаетъ въ себя рѣку Солоную. Всѣ эти подробности получены мною отъ неутомимо-трудолюбиваго корреспондента Общества, А. И. Шмакова, который главнымъ-образомъ заимствовалъ ихъ отъ управ-

цѣпь протоковъ есть продолженіе одного рѣчнаго жолоба, являющагося первоначально подъ именемъ Бузулука, жолоба, сохраняющаго свою самостоятельность, не смотря на частыя соприкосновенія съ трубою Днѣпровской: это доказывается голосомъ народа, который, по какому-то безотчетному но тѣмъ-не-менѣе могущественному инстинкту, называетъ ихъ до-сихъ-поръ «рѣками» и притомъ четыре раза «одною рѣкою», именно Подпольною. Такой взглядъ, конечно, долженъ вести начало свое издревле: и вотъ Геродотовъ Герросъ! Онъ «отрывается» въ буквальномъ смыслѣ слова «отъ Борисѳенеса» въ своемъ верховьѣ, которое, на протяженіи около ста-двадцати верстъ, имѣетъ характеръ отдѣльной, самостоятельной рѣки. Сопровождая потомъ Днѣпръ подъ разными именами, онъ вмѣстѣ съ нимъ «стремитъ токъ свой въ море», которымъ и поглощается, точно-какъ самъ Днѣпръ, чрезъ посредство общаго имъ Лимана; между-тѣмъ, соединяетъ струи свои и «съ Гипакирисомъ», то-есть съ Ингульцемъ, когда этотъ послѣдній приливаетъ къ Днѣпру почти въ то же время, какъ и онъ подъ именемъ рѣки Козацкой. Можно-ли найти дѣйствительность, болѣе согласную съ описаніемъ Герроса?

Итакъ, вотъ онѣ всѣ три, этѣ таинственныя рѣки, надъ которыми пролито столько тяжкаго, кроваваго пота! [68]

Чтобы окончить совершенно восточную половину Скиѳіи, лѣвую по теченію Борисѳенеса, но правую для взора Геродотова, займемся теперь Танаисомъ.

О Танаисѣ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что для Геродота, равно-какъ для всего вообще древняго міра, это былъ бассейнъ нынѣшняго Дона. Тутъ главное не въ одномъ сходствѣ именъ Дона и Танаиса, равно выражающихъ въ себѣ типическій звукъ «*дана*» въ безпримѣсной уже чистотѣ: сходство впрочемъ имѣющее

ляющаго селеніемъ Грушевкою г. Максимова. Извѣстіями о дальнѣйшемъ продолженіи Бузулука обязанъ я И. С. Андреевскому и С. А. Гембачеву, также корреспонденту Общества. На прилагаемой картѣ, по-крайней-мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, представлено теченіе, которое по всѣмъ правамъ принадлежитъ Бузулуку.

[68] Можетъ представиться здѣсь возраженіе: почему-жь Геродотъ, исчисляя Ингулъ, Ингулецъ и Бузулукъ, не упомянулъ ни слова о нынѣшнемъ Бугѣ, по-крайней-мѣрѣ съ той точки, гдѣ онъ, и въ его время, былъ уже отдѣльною, самобытною рѣкою, то-есть съ соединенія его съ Чичиклеею? Причина этому безъ-сомнѣнія заключалась въ томъ, что Бугъ, именно почти отъ Чичиклеи запертый порогами, въ то время былъ также неизвѣстенъ совершенно въ своемъ верховьѣ, какъ и самый Днѣпръ. Во всякомъ случаѣ, онъ не могъ быть по причинѣ пороговъ, «доступенъ судоходству съ моря», προσπλωτὸς ἀπὸ θαλάσσης: а только такія рѣки Геродотъ предположилъ себѣ вычислить и поименовать (IV. 47).

свою силу! Тутъ всякое недоумѣніе окончательно устраняется тѣмъ, что кромѣ системъ нынѣшняго Дона, нѣтъ никакого другаго значительнаго водоема, который-бы, какъ Геродотовъ Танаисъ, изливался «съ-верху», то-есть съ сѣвера, «въ озеро Меотиду» (IV. 57), то-есть въ теперешнее Море-Азовское. Было уже замѣчено, что Геродотъ о своемъ Танаисѣ выражается вообще весьма кратко и неопредѣленно: что конечно происходило оттого, что онъ не только не видалъ его самъ лично, но и не имѣлъ случая собрать объ немъ порядочныхъ свѣдѣній. Эта краткость и неопредѣленность дала поводъ къ тому, что между изслѣдователями возникли толки и разногласія. Что именно изъ обширной системы нынѣшняго Дона разумѣлъ Геродотъ подъ своимъ Танаисомъ: настоящій-ли теперешній Донъ, или не скорѣе-ли Сѣверный-Донецъ, наибольшій изъ западныхъ притоковъ Дона, соединяющійся съ нимъ весьма недалеко отъ устья? По-моему, изъ самаго Геродота нѣтъ возможности разрѣшить этотъ вопросъ совершенно удовлетворительно. Съ достовѣрностью можно полагать только, что Геродотъ слышалъ и о Донѣ и о Донцѣ, и что если Донецъ не разумѣется у него подъ именемъ Танаиса, то конечно скрывается въ наименованіи Гиргиса, который заставляетъ онъ вливаться въ Танаисъ. Вѣроятности больше въ пользу Донца, чѣмъ Дона. И здѣсь нисколько не должно соблазняться тѣмъ, что Геродотъ выводитъ свой Танаисъ «съ сѣвера изъ озера» (IV. 57): что обыкновенно всѣ толковники безъ-исключенія разумѣютъ объ нынѣшнемъ Иванъ–Озерѣ, изъ котораго Донъ беретъ свое начало. Геродотъ называетъ то озеро, изъ котораго выходитъ у него Танаисъ, «большимъ озеромъ», мало-мало «меньше озера Меотиды», то-есть нынѣшняго Моря–Азовскаго; а Иванъ-Озеро, всего-на-все имѣетъ въ длину до ста–шестидесяти сажень, въ ширину едва до шестидесяти: прекрасный дружка для сравненія съ Меотидою! Просто, Геродотъ не могъ имѣть понятія объ Иванъ–Озерѣ, этой ничтожной каплѣ, скрывавшейся въ такой отдаленной глубинѣ сѣвера. Его «озера» скорѣе должно искать въ-верхъ по теченію Донца, у котораго лѣвый берегъ, начиная съ Гундуровской-Станицы на границѣ Земли Донскихъ-Казаковъ съ Славяносербскимъ уѣздомъ Екатеринославской губерніи, представляетъ песчаную равнину, усыпанную мелкими озерами, прудами и болотами, теперь постепенно изсыхающими, слѣдо-

вательно прежде могшими составлять одно непрерывное скопище водъ, одно большое озеро [69].

Теперь перемѣстимся опять на западъ, въ правую сторону Скиѳіи по Борисѳенесу, но въ лѣвую по точкѣ зрѣнія Геродота.

Передъ Гипанисомъ, первой западной рѣкой въ отношеніи къ Борисѳенесу, Геродотъ помѣщаетъ Тиресъ (IV. 51), который, какъ уже было замѣчено, безъ сомнѣнія есть не что иное, какъ нынѣшній Днѣстръ. Его описаніе у Геродота также весьма кратко и неопредѣленно, какъ Танаиса; и конечно по тѣмъ-же самымъ причинамъ. Впрочемъ тожество Днѣстра и Тиреса несомнѣнно изъ того, что къ западу отъ Тилигула-Гипаниса нѣтъ уже никакой другой рѣки, къ которой-бы можно было пріурочить Тиресъ, особенно принимая въ соображеніе подробнѣйшія описанія позднѣйшихъ географовъ и историковъ. Притомъ, самое имя Тиреса сохраняется донынѣ, какъ въ мѣстномъ румуно-турецкомъ наименованіи Днѣстра «Турлою», такъ и въ самомъ словѣ «Днѣстръ», по произношенію позднѣйшихъ Грековъ и Латиновъ «*Данастрисъ*», гдѣ въ окончательномъ слогѣ «*трис*» явственно слышится древнее имя «Тиресъ» во всей своей цѣлости, предшествуемое типическимъ двусложіемъ «*дана*». Геродотъ производитъ Тиресъ также «изъ озера», и «изъ большаго» (IV. 51). Это озеро должно быть не что иное, какъ болотистое верховье ложа Днѣстровскаго, между мѣстечками Городыней въ Самборскомъ и Нижніовомъ въ Станиславовскомъ округахъ нынѣшней Австрійской-Галиціи, которое, по причинѣ измѣнности береговъ, незначительности склоненія и вообще слабости грунта, наводняется и нынѣ не рѣдко дотого, что разливается по окружнымъ равнинамъ настоящимъ огромнымъ озеромъ [70].

---

[69] Какъ могъ Геродотъ знать объ источникѣ Дона, когда, спустя столько вѣковъ послѣ него, Страбонъ откровенно сознавался, что теченіе Танаиса, за устьями, вовсе неизвѣстно, по недоступности, происходящей сколько отъ суровости климата, столько и отъ варварства туземцевъ, и что, въ-слѣдствіе этой неизвѣстности, одни производили Танаисъ изъ-подъ Кавказа, другіе, еще лучше, изъ однихъ краевъ съ Истросомъ, то-есть съ Дунаемъ? *Strabonis* Rer. Geographic. XI. 2. Что касается до Иванъ-Озера, то, хотя Донъ и величается по немъ «Ивановичемъ», оно такъ ничтожно въ его системѣ, что, въ наше время, Дюгамель оспоривалъ у него честь быть источникомъ Дона, полагая истинное начало рѣки въ небольшомъ ручейкѣ, который изливается въ Иванъ-Озеро при селѣ Ивановѣ. Энцикл. Лексик. т. XVII. сс. 138 — 143. 159 — 168.

[70] Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, von J. S. Ersch und J. G. Gruber. Erste Section, Th. XXVII. S. 216 — 218. Паденіе Днѣстра, между Городынею и Нижніовомъ, на разстояніи 22 миль,

И вотъ, наконецъ, великій, «пяти-устый» Истросъ! Останавливаться при немъ, кажется-бы уже не на чемъ. Что древній Истросъ есть нынѣшній исполинъ-Дунай, раскидывающійся дѣйствительно почти черезъ всю Западную-Европу: въ томъ никакое сомнѣніе невозможно. Какъ и отчего получилъ онъ у Еллиновъ имя «Истроса», рѣшить трудно; довольно только замѣтить, что у Римлянъ онъ извѣстенъ былъ, съ-тѣхъ-поръ какъ сталъ извѣстенъ, подъ именемъ «*Данубіуса*», которое очевидно есть не что иное, какъ наше теперешнее «Дунай», или лучше употребляемое донынѣ туземцами «Дунава». Было уже замѣчено, что Геродотъ едва-ли видѣлъ этотъ Сѣверный-Нилъ собственными глазами, или, если видѣлъ, то развѣ проходя мимо устьевъ. Самое названіе «пяти-устый» конечно не было составлено имъ въ-слѣдствіе личнаго наблюденія: оно вѣрно существовало еще до него, какъ народное прозвище, сращенное съ собственнымъ именемъ Истроса; подобно-какъ на-примѣръ нынѣ у насъ «Донъ-Ивановичъ», повторяемое и тѣми, которые не только не видали, но даже и не слыхали, что Донъ точно выходитъ изъ Иванъ-Озера. По-этому, я не считаю здѣсь нужнымъ сличать это названіе съ дѣйствительностью; тѣмъ-болѣе что Геродотъ не присовокупляетъ къ нему рѣшительно никакихъ опредѣлительныхъ подробностей. Еще менѣе нахожу необходимымъ преслѣдовать все теченіе Истроса до источниковъ, указываемыхъ ему Геродотомъ, равно-какъ и перебирать по-одиначкѣ всѣ притоки, которые Геродотъ заставляетъ въ него изливаться. Въ настоящемъ случаѣ, сущность дѣла требуетъ только опредѣлить: на какое разстояніе бассейнъ Дунайскій представляется у Геродота принадлежащимъ къ Скиѳіи? Но тутъ-то именно и камень преткновенія, о который запинаются всѣ изслѣдователи и толковники Геродота. Геродотъ говоритъ, что Истросъ, входя въ Скиѳію, «обращаетъ устье свое къ востоку» (IV. 59); сверхъ-того, онъ вычисляетъ поименно пять притоковъ, которые не только соединяются съ Истросомъ въ предѣлахъ Скиѳіи, но и въ Скиѳіи зараждаются, суть «своеродныя рѣки Скиѳскія», *αὐτιγενέες ποταμοὶ Σκυθικοί* (IV. 48). Судя по первой опредѣлительной чертѣ, точка перваго соприкосновенія Истроса съ

имѣетъ только 42° 5′ 4″ 8‴; послѣ-жь, съ Нижніова до Окоповъ, на разстояніи 30 миль, ослабѣваетъ до 41° 4′ 10″ 9‴. Между-тѣмъ, въ самомъ верховьѣ, въ продолженіи 10 миль, онъ скачетъ, по уступамъ Карпатовъ, бурнымъ, стремительнымъ потокомъ.

Скиѳіею должна находиться въ нынѣшнемъ Галацѣ, городѣ теперешняго Молдавскаго-Княжества: ибо здѣсь именно Дунай, внезапнымъ крутымъ угломъ, поворачиваетъ всю громадную систему своихъ устьевъ къ востоку. Слѣдовательно, пять наименованныхъ Геродотомъ притоковъ должно искать въ нынѣшней Бессарабіи, занимающей, почти отъ самаго Галаца, весь лѣвый берегъ Дуная, то-есть всю Скиѳію, прилежащую къ Истросу. И дѣйствительно, главный изъ нихъ, Пората, или Пиретосъ, весьма удачно пріуроченъ общимъ согласіемъ къ нынѣшнему Пруту, какъ свидѣтельствуетъ и самое созвучіе въ именахъ. Но гдѣ-жь четыре остальные, которые у Геродота называются Тіарантосъ, Араросъ, Напарисъ и Ордессосъ? Слѣдуя Геродоту, ищутъ ихъ на западѣ отъ Прута; но притомъ, вопреки ясному указанію Геродота на переломъ теченія Истроса при входѣ въ Скиѳію, раздвигаютъ протяженіе Скиѳіи въ-верхъ по Дунаю, какъ кому угодно, не только за Галацъ, но и за Желѣзныя-Ворота[71], до внутренностей нынѣшней Венгріи: сообразно съ тѣмъ, Тіарантосъ нѣкоторыми отбрасывается даже до теперешней Тисы или Тейсса, вливающейся въ Дунай почти подъ Сербскимъ-Бѣлградомъ; самые умѣренные находятъ его въ нынѣшней Олтѣ или Алутѣ, составляющей границу между Малою и Большою-Валахіею въ теперешнемъ Валахскомъ-Княжествѣ. Все это основывается на словахъ Геродота, что Тіарантосъ, относительно Пораты, течетъ «дальше къ западу», и что три прочія рѣки, «проходя посреди нихъ», вливаются въ Истросъ (IV. 48). Но эти слова и можно и должно понимать совсѣмъ иначе, гораздо естественнѣе и гораздо вѣрнѣе. Выраженіе «дальше къ западу», πρὸς ἑσπέρης τε μᾶλλον, которое Геродотъ прилагаетъ къ Тіарантосу, нисколько не означаетъ того, что Тіарантоса должно искать «далеко на западъ» отъ Пораты: здѣсь выражается просто его западное положеніе въ отношеніи къ Поратѣ, о которой сказано прежде, что она «течетъ къ востоку», πρὸς ἠῶ ἑέων. Чтожь касается до трехъ остальныхъ рѣкъ, то прилагаемая къ нимъ фраза «проходя посреди нихъ», διὰ μέσου τούτων ἰόντες, можетъ также хорошо

[71] Знаменитая тѣснина, нынѣ, подъ именемъ Желѣзныхъ-Воротъ (по-турецки Демир-Капу, по-сербски Гвоздена-Врата, по-нѣмецки Eisen-Thor), перехватывающая теченіе Дуная между Баннатомъ и Валахіею, вовсе не упоминается Геродотомъ; безъ-сомнѣнія, не по чему другому, какъ по тому, что онъ ничего не зналъ объ ея существованіи. Очевидное доказательство и тому, что Геродотъ самъ не бывалъ въ странахъ При-Дунайскихъ, и тому, что его Скиѳія простиралась не далеко въ-верхъ по Дунаю!

имѣть тотъ смыслъ, что рѣки не «между» Тіарантоса и Пораты, а «чрезъ посредство» ихъ, то-есть, соединяясь первоначально съ ними, вливаются потомъ окончательно въ Истросъ. При такомъ объясненіи, ничто уже не препятствуетъ признать точку перелома Дуная, при Галацѣ, послѣднимъ предѣломъ протяженія Скиѳіи по Истросу, и съ тѣмъ сообразно опредѣлить, по-крайней-мѣрѣ съ приблизительной вѣрностью, тѣ протоки Истроса, которые Геродотъ называетъ «самородными рѣками Скиѳскими».

Но здѣсь надо будетъ выйти изъ предѣловъ простаго гидрографическаго описанія, и обратиться къ геометрическому представленію и опредѣленію земли Скиѳской, какъ оно изложено у Геродота. Переходъ этотъ не будетъ теперь и отступленіемъ; ибо гидрографическое описаніе Скиѳіи все уже кончилось.

Весьма положительно и хладнокровно Геродотъ уподобляетъ пространство Скиѳіи «четвероугольнику», и притомъ совершенно «равностороннему» (IV. 101). Это представленіе сопровождается у него подробнымъ измѣреніемъ основанія и высоты четвероугольника, пріуроченнымъ къ опредѣлительнымъ даннымъ. Почему, нѣтъ никакого повода подозрѣвать здѣсь игру фантазіи, или произвольную догадку системы. Напротивъ, все заставляетъ, повѣривъ Геродоту буквально, повѣрить его буквально съ дѣйствительностью.

Основаніе четвероугольника Скиѳскаго Геродотъ протягиваетъ *по* берегу моря «отъ Истроса до озера Меотиды» (IV. 101), или, по-нынѣшнему, отъ Дуная до Моря-Азовскаго. Главное и существенное состоитъ въ точномъ опредѣленіи этого основанія, такъ-какъ самъ Геродотъ отъ него отправляется и къ нему прикидываетъ свои дальнѣйшія измѣренія; при-чемъ, разумѣется, прежде всего должно установить крайнія точки, между которыми оно простирается, отъ запада къ востоку.

Геродотъ говоритъ, что Скиѳія «съ двухъ сторонъ прикасается къ морю», то-есть къ морю Понтійскому или Черному: во-первыхъ «съ юга», во-вторыхъ «съ востока» (IV. 99). Послѣднее, восточное, прикосновеніе, онъ именно назначаетъ въ такъ-называемомъ у него Гористомъ-Херсонесѣ, то-есть на Юж-

номъ-Берегу нынѣшняго Полуострова-Таврическаго или Крыма (IV. 99). И дѣйствительно, здѣсь, съ самаго мыса Айя-Бурунъ, между Балаклавою и Ласпи, море поднимается къ сѣверу и омываетъ Тавриду точно съ востока. Самое имя «Херсонеса» уже показываетъ достаточно, что этотъ уголъ Скиѳіи, впрочемъ населенный не Скиѳами, а особымъ народомъ Тавровъ, во времена Геродота считался «полуостровомъ». Но только этотъ уголъ, то-есть горная оконечность нынѣшняго Крыма, отъ Севастополя до Ѳеодосіи: не болѣе! О полуостровности всего Крыма, Геродотъ не имѣлъ никакого понятія, рѣшительно. Это какъ-не-льзя болѣе очевидно изъ того, что онъ высовъ своего Гористаго-Херсонеса въ море сравниваетъ съ Аттикою и съ Япигіею (нынѣшнею Терра-ди-Отранто въ Южной-Италіи), которыя обѣ, какъ извѣстно, представляютъ широкія тупоконечныя протяженія материка, довольно сходныя съ фигурою южной оконечности Крыма, но нисколько не похожія на весь Крымъ, который въ его полномъ объемѣ всего естественнѣе и вѣрнѣе было-бы сравнить съ Пелопоннесомъ или теперешнею Мореею [72]. Говоря о протяженіи Скиѳіи отъ Таврики на сѣверъ, вдоль Киммерійскаго-Воспора и Меотиды, то-есть нынѣшнихъ Пролива-Таврическаго и Моря-Азовскаго, Геродотъ ни слова не говоритъ объ узкой полосѣ Перекопскаго-Перешейка, которою одною Крымъ придерживается къ материку, чего конечно не льзя иначе объяснить, какъ тѣмъ, что онъ ничего объ ней не зналъ, не вѣдалъ. Отсюда становится весьма понятно, какимъ образомъ Геродотъ, не принимая въ расчетъ маловажную выпуклость Южнаго-Берега Крыма, полагаетъ восточный предѣлъ линіи, на которой воздвигнутъ у него четвероугольникъ Скиѳскій, при Морѣ-Азовскомъ: и конечно въ нынѣшнемъ полуостровѣ Керченскомъ, который очевидно есть страна Киммерійская, причисляемая Геродотомъ положительно къ Скиѳіи (IV. 12). Теперь, если изъ-внутри полуострова Керченскаго, гдѣ соединяются моря Черное и Азовское, повести прямую черту на западъ, чрезъ нынѣшнія Ѳеодосію и Симферополь, такъ-чтобы вся горная оконечность Крыма осталась незахваченною, то эта линія, перейдя черезъ море, упрется прямо въ нынѣшнія устья Дуная. И точно

---

[72] Такъ дѣйствительно поступаетъ Страбонъ, уподобляя Таврическій Херсонесъ Пелопоннесу, и по фигурѣ, и по величинѣ: ἡ δὲ μεγάλη Χερρόνησος τῇ Πελοποννήσῳ προσέοικε καὶ τὸ σχῆμα καὶ τὸ μέγεθος (VII. 4).

здѣсь, у впаденія Истроса въ море, Геродотъ полагаетъ западный предѣлъ основанія, на которомъ воздвигается предъ нимъ четвероугольникъ Скиѳскій.

Но такъ проведенная линія отхватитъ весьма много моря, тогда-какъ у Геродота она представляется непрерывно сухою, и даже сухопутною, какъ видно изъ ея измѣренія посредствомъ дней «ходьбы», ὁδός, а не дней «плаванья», πλόος? Это ничего не значитъ. Можно-ли думать, чтобы Геродотъ, съ корабля, на которомъ странствовалъ по морю, могъ замѣтить и опредѣлить всѣ изгибы береговъ съ такою точностію, съ какою они теперь, послѣ столькихъ трудовъ и усилій, положены на ландкарту? Другое дѣло, если-бы онъ самъ прошелъ по нимъ сухопутьемъ: но этого, какъ видно изо всего, не выпало ему на долю. Кривизна сѣвернаго побережья Понта, если онъ и замѣчалъ ее отчасти, могла казаться ему слѣдствіемъ продолженія лимановъ, образуемыхъ устьями рѣкъ, текущихъ изъ средоземья. Почему, онъ весьма легко могъ остаться при убѣжденіи, что основаніе четвероугольника Скиѳскаго, есть хотя и изломанная въ частностяхъ, но тѣмъ-не-менѣе въ общности прямо простирающаяся линія, отъ устьевъ Дуная до соединенія морей Азовскаго и Чернаго.

Сличимъ теперь это съ мѣрою, которую Геродотъ назначаетъ протяженію сухопутья отъ Истроса до Меотиды. По его точнымъ словамъ, отъ Истроса до Борисѳенеса «десять дней», и потомъ отъ Борисѳенеса до Меотиды другихъ «десять дней» сухаго пути (IV. 101). Такъ-ли это оказывается на-самомъ-дѣлѣ? Такъ-ли это въ натурѣ?

Измѣреніе пространства временемъ, самое естественное, а потому и самое употребительное донынѣ у бо̀льшей-части народовъ, само-по-себѣ очень неопредѣленно и измѣнчиво: оно находится въ неизбѣжной зависимости во-первыхъ отъ свойства мѣстностей, во-вторыхъ отъ разнообразія способовъ путешествія, кромѣ другихъ безчисленныхъ мелкихъ обстоятельствъ. Въ одно и то-же время отнюдь не то-же пространство проходится по горамъ, какъ по равнинамъ, или пѣшкомъ, какъ ѣздою. Геродотъ впрочемъ временное измѣреніе пространства Скиѳіи приводитъ въ «стадіи», мѣру опредѣленную у Еллиновъ не хронически только, но и метрически. Слѣдовательно, тутъ не должно быть никакихъ недоразумѣній.

Извѣстно, что такъ-называемая «олимпійская стадія», общеупотребительная у древнихъ Еллиновъ, заключала въ себѣ «шесть-сотую» долю географиче-

ского градуса, слѣдовательно «сороковую» долю географической мили, и потому съ небольшимъ «пятую» долю нашей версты. Если Геродотъ, при измѣреніи Скиѳіи, имѣлъ въ виду эту именно «стадію», какъ соглашается большая-часть толкователей, то, поелику самъ онъ считаетъ «день сухопутья» въ «двѣсти стадій» (IV. 101) [73], выходитъ, что разстояніе, какъ отъ Истроса до Борисѳенеса, такъ и отъ Борисѳенеса до Меотиды, полагается имъ въ «триста-пятьдесять верстъ». Зная, что постоянная точка, на которой онъ держится, находится на Борисѳенесѣ, въ «торжищѣ», которое онъ называетъ «срединою Земли-Скиѳской» (IV. 17), то-есть при нынѣшнемъ урочищѣ Сто-Могилъ, отмѣримъ отсюда разстояніе въ одну сторону до Дуная, въ другую до Моря-Азовскаго. Теперь, отъ извѣстной крѣпости Измаила въ Бессарабіи, близъ которой начинается развѣтвленіе нынѣшнихъ устьевъ Дунайскихъ, почтовымъ трактомъ считается до Николаева триста-двѣнадцать верстъ съ четвертью, до Очакова пятью верстами больше, слѣдовательно до урочища Сто-Могилъ, лежащаго между Николаевомъ и Очаковомъ, около того-же. Это довольно близко подходитъ къ вычисленію Геродота [74]. Съ-

[73] Въ метрической системѣ древнихъ Эллиновъ, ὁ στάδιος или τὸ στάδιον означало мѣру, содержащую въ себѣ 6 πλέθρα, 100 ὀργυιάς, 600 πόδας, 2400 παλαιστάς, 4800 κονδύλους, 9600 δακτύλους. См. Alterthumswissenschaft, von S. F. W. Hoffmann, Leipz. 1834. S. 498. Основною первоначальною мѣрою, которой опредѣлялась величина и самой «стадіи», полагалась у нихъ «стопа», πούς. По общепринятому въ ученомъ мірѣ мнѣнію, какъ «стопы», такъ и «стадіи», въ употребленіи имѣли весьма различное значеніе. Самыхъ главныхъ и наиболѣе извѣстныхъ родовъ «стадій» насчитываютъ до осьми, которыхъ содержаніе къ географической милѣ опредѣляется такъ:

Стадія Малая, или Аристотелева	77,33
Стадія Клеомедова	55,65
Стадія Пиѳическая, или Дельфійская	51,18
Стадія Эратосѳенова	46,57
Стадія Морская, или Персидская: она-же приписывается нѣкоторыми и Геродоту	44,46
Стадія Олимпійская	40,04
Стадія Филетерическая	35,50
Стадія Большая, она-же Египетская, или Александрійская	33,39

Что «стадія» Геродотова, по-крайней-мѣрѣ при измѣреніи Скиѳіи, близко подходила къ величинѣ «стадіи олимпійской», доказываетъ, вѣрнѣе всякихъ выкладокъ, нынѣшняя ѣзда чумаковъ по степямъ Новороссійскимъ, которые обыкновенно проходятъ въ день отъ 30 до 35 верстъ, то-есть около 5 географическихъ миль, слѣдовательно точь-въ-точь «200 стадій», полагаемыя Геродотомъ на «день сухопутья». Скиѳы ѣзжали вѣрно не быстрѣе чумаковъ, нынѣшнихъ своихъ преемниковъ, когда таскали съ собою все свое житье-бытье, женъ и дѣтей, вмѣстѣ съ стадами лѣнивыхъ воловъ и овецъ (IV. 46. 121).

[74] Я взялъ Измаилъ, какъ самую ближайшую точку, при которой, въ настоящее время, сухопутная дорога изъ-внутри Новороссійскихъ степей за Дунай, прикасается къ Дунаю. Ниже, не за-чѣмъ было, особенно въ старину, забиваться въ лабиринтъ протоковъ и лимановъ, который и теперь едва доступенъ, а проходимъ

другой-стороны, отъ Николаева до Керчи, гдѣ, черезъ Таврическій-Проливъ, соединяются моря Черное и Азовское, по почтовому тракту, идущему чрезъ Симферополь и Ѳеодосію, слѣдовательно съ большими извилинами и изворотами, считается пятьсотъ-двѣнадцать верстъ. Разница значительная съ выкладкою Геродота, но которая весьма ослабится, если, взявъ прямой путь отъ Перекопа до Арабата, вдоль Сиваша, принять и кратчайшую дорогу отъ Ста-Могилъ, прямо къ Алешкамъ, черезъ Лиманъ, минуя вовсе объѣздъ на Николаевъ [75].

Итакъ, все, даже самая мѣра, предложенная Геродотомъ, удостовѣрительно показываетъ, что основаніемъ для четвероугольника Скиѳскаго служила у него береговая линія Чернаго-Моря, отъ дельты Дунайской до юго-восточной оконечности Крыма.

Теперь, надо опредѣлить, въ какомъ именно направленіи къ сѣверу, на обозначившемся основаніи воздвигался, въ глазахъ Геродота, четвероугольникъ Скиѳскій.

У Геродота не было, какъ у нынѣшнихъ геодезистовъ, магнитной стрѣлки, которая-бы указывала ему истинный сѣверный полюсъ. Но передъ нимъ сіяла безвосходная и беззакатная Медвѣдица. Слѣдовательно, что онъ называлъ сѣверомъ, то былъ точно сѣверъ. Впрочемъ, какъ въ компасѣ по обѣ стороны стрѣлки, такъ и въ натурѣ по обѣ стороны полярной звѣзды, цѣлая четверть небеснаго и земнаго круга вообще называется сѣверомъ. Посему, хотя Геродотъ и положительно выводитъ свой четвероугольникъ высотою на сѣверъ, однако изъ того нисколько еще не слѣдуетъ, чтобы онъ направлялся прямо и неуклонно по меридіану, разумѣя подъ сѣверомъ истинный астрономическій сѣверный полюсъ.

полно будетъ-ли когда-нибудь. Тогда, ближайшее сообщеніе Скиѳіи съ Ѳракіею черезъ Дунай, о которомъ безъ-сомнѣнія идетъ здѣсь дѣло у Геродота, конечно было тамъ, гдѣ въ послѣднюю войну Турецкую наведенъ былъ мостъ для нашей арміи, то-есть при мѣстечкѣ Сатуновѣ, верстъ 20 выше Измаила. Въ такомъ случаѣ, выкладка Геродота окажется еще вѣрнѣе съ дѣйствительностью.

[75] Здѣсь, напротивъ, взято самое дальнѣйшее разстояніе противулежащаго берега Азовскаго-Моря отъ Лимана Днѣпро-Бужскаго. Гораздо ближе отъ Ста-Могилъ сѣверо-западный уголъ Моря-Азовскаго, которымъ оно соприкасается съ Сивашемъ, черезъ такъ-называемый Тонкій-Проливъ, при нынѣшнемъ Геническѣ. Досюда, почтовымъ трактомъ, считается теперь отъ Николаева триста-пятьдесятъ-одна верста.

Вообще люди, не имѣющіе въ виду строгой геодезической точности, обознаются и распредѣляютъ пространство по указанію наиболѣе рѣзкихъ примѣтъ физической природы, въ-особенности по направленію горныхъ хребтовъ и рѣчныхъ бассейновъ. Въ Скиѳіи такими примѣтами могутъ быть единственно только рѣки, которыя притомъ всѣ какъ-нарочно текутъ болѣе или менѣе съ сѣвера. Было уже неоднократно замѣчено, что точка созерцаній и наблюденій Геродота постоянно находилась на одной изъ этихъ рѣкъ, именно на Борисѳенесѣ, и притомъ не на нынѣшнемъ руслѣ Днѣпра, но на нынѣшнемъ руслѣ Буга. Слѣдовательно, взоръ его, обращаясь на сѣверъ, естественно долженъ былъ направляться въ-верхъ по Бугу, какъ по главной, основной чертѣ, какъ по истинному меридіану раскидывавшагося передъ нимъ горизонта. Но Бугъ, какъ извѣстно, течетъ въ направленіи рѣзко юго-восточномъ: почему, Геродотъ, смотря въ-верхъ по немъ, долженъ былъ имѣть предъ глазами не истинный сѣверъ, но сѣверо-западъ. Въ-слѣдствіе-того, и четвероугольникъ Скиѳскій выстроенъ имъ на основаніи берега Черноморскаго, не перпендикулярно къ сѣверу, но въ косвенномъ сѣверо-западномъ направленіи, въ видѣ ромба.

Всего лучше это обнаруживается направленіемъ восточнаго бока, по которому Геродотъ измѣряетъ высоту своего четвероугольника, и котораго протяженіе, по-крайней-мѣрѣ въ южной оконечности, обозначено у него нѣсколькими опредѣленными точками. Изъ соображенія разныхъ указаній, разсѣянныхъ въ текстѣ Геродота, видно, что восточная граница Скиѳіи идетъ у него изъ глубины нынѣшняго Крымскаго полуострова, вдоль Меотиды, или Моря-Азовскаго. Теперь, если взять черту берега, которымъ Море-Азовское обращено къ Крыму, и продолжать на сѣверъ, то дѣйствительно произойдетъ линія, имѣющая рѣзкое сѣверо-западное направленіе, которая, въ дальнѣйшемъ протяженіи своемъ, упрется почти въ Кіевъ. Но, въ такомъ случаѣ, во-первыхъ, Днѣпръ пресѣчется слишкомъ близко къ своему устью, такъ-что весьма малая часть его останется во внутренности четвероугольника; во-вторыхъ, весь бассейнъ теперешняго Дона, вмѣсто-того-чтобы составлять границу Скиѳіи, какъ говорится у Геродота о Танаисѣ, отбросится далеко внѣ ея предѣловъ. Слѣдуя буквально указаніямъ Геродота въ-разсужденіи Танаиса, надлежало-бы повести восточный бокъ Скиѳіи по оси неправильнаго овала, представляемаго нынѣшнею фигурою

Азовскаго-Моря, именно отъ Арабата къ теперешней крѣпости Азову; при-чемъ, протяженіе прямой линіи пошло-бы рѣшительно на сѣверо-востокъ, но за-то почти неуклонно по настоящему руслу Дона, который въ своемъ низовьѣ на весьма значительномъ пространствѣ имѣетъ направленіе чисто юго-западное. Такъ и поступаютъ многіе толкователи, раздвигая сообразно съ тѣмъ Скиѳію на востокъ почти до самой Волги. Но они забываютъ, что въ такомъ случаѣ, если и западную границу Скиѳіи, согласно условіямъ равносторонняго четвероугольника, провести параллельно, въ томъ-же направленіи къ сѣверо-востоку, то не только ни одинъ изъ притоковъ Дунайскихъ не попадетъ въ Скиѳію, но и самый Днѣстръ весь останется внѣ ея предѣловъ. По точнымъ словамъ Геродота, восточная граница Скиѳіи, оканчиваясь къ югу Таврикою, то-есть горнымъ Южнымъ-Берегомъ Крыма, поднимается на сѣверъ, касаясь во-первыхъ Рва, выкопаннаго ослѣпленными рабами Скиѳовъ во время войнъ ихъ съ Мидійцами, во-вторыхъ торжища при Меотидѣ, которое называлось Кремны (IV. 20). Вотъ еще новыя данныя, опредѣляющія направленіе восточнаго бока четвероугольника Скиѳскаго. Что-же это былъ за Ровъ? И гдѣ находилось торжище Кремны?

Ровъ, τάφρος, извѣстный Геродоту въ Скиѳіи, по его собственнымъ словамъ, «простирался отъ горъ Таврическихъ до Меотиды» (IV. 2). Стало, это не нынѣшній ровъ Перекопскій, который отъ горъ Таврическихъ отдѣляется всею длиною Крыма, а отъ Меотиды всей шириной Сиваша. Это долженъ быть тотъ ровъ, которымъ полуостровъ Керченскій, при своемъ началѣ, прорѣзывался нѣкогда поперекъ, отъ моря до моря, и который въ-послѣдствіи, укрѣпленный царемъ Асандромъ, служилъ границею царству Воспорскому. Ровъ этотъ точно начинался у горъ Таврическихъ, простирающихся до Ѳеодосіи, и оканчивался при Азовскомъ-Морѣ, не вдалекѣ отъ мѣстечка Арабата. Нынѣшняя почтовая дорога изъ Ѳеодосіи въ Керчь пересѣкаетъ его слѣдъ между станціями Аргиномъ и Султановкою [76].

---

[76] Позднѣйшіе географы, Мела (III. 1), Плиній (IV. 26), Птолемей (III. 5), разумѣли подъ именемъ «Tarhiæ», «Τάφροι», кажется нынѣшній Перекопъ. Тутъ-же и у Стравона помѣщаются «Τάφριοι» (VII. 3). Но укрѣпленія, воздвигнутыя Асандромъ, Стравонъ полагаетъ на истмѣ, отличномъ отъ нынѣшняго Перекопскаго: ибо этотъ послѣдній проводитъ онъ опредѣленно отъ Моря-(Чернаго) до Гнилаго-Болота, Σαπρὰν λεγο-

Гораздо труднѣе отыскать мѣстоположеніе торжища Кремнъ. Расказывая сказку объ Амазонкахъ (IV. 110 — 117), Геродотъ говоритъ, что этѣ дикія героини, предтечи проповѣдуемой нынѣ женской эманципаціи, спасаясь послѣ пораженія, претерпѣннаго ими отъ Еллиновъ на берегахъ Θермодона, занесены были произволомъ вѣтровъ, съ которыми не умѣли справиться, въ Меотиду, и тамъ прибились къ берегу при урочищѣ Кремнахъ (IV. 110): отселѣ, стали онѣ сначала воевать Скиѳовъ; потомъ, завоеванныя инстинктомъ природы, поладили съ ихъ молодежью (IV. 113); такъ-что, наконецъ, оставя въ покоѣ Скиѳію, удалились за Танаисъ, съ пріобрѣтеннымъ потомствомъ, изъ котораго образовался народъ Савроматовъ (IV. 116). Видно отсюда, что Кремны были способное къ пристанищу береговое мѣсто на Меотидѣ, по правую, обращенную къ Скиѳіи, сторону Танаиса; слѣдовательно, ихъ должно искать на сѣверо-западномъ побережьѣ Моря-Азовскаго, между устьями Дона и Геническимъ-Проливомъ. Теперь здѣсь находятся три пристанищныя мѣста, при корняхъ трехъ косъ или трехъ «роговъ», вдающихся въ море, и при устьяхъ трехъ особыхъ рѣкъ, поглощаемыхъ моремъ: Таганрогъ, при косѣ Тагань-Рогѣ и рѣкѣ Міусѣ; Маріуполь, при косѣ Бѣлосарайской и рѣкѣ Кальміусѣ; Бердянскъ при косѣ Бердянской и рѣкѣ Бердѣ. Безъ-сомнѣнія, въ которомъ-нибудь изъ нихъ находились древніе Кремны: но въ которомъ-же именно? Единственное, и притомъ весьма естественное разрѣшеніе на этотъ вопросъ, представляется въ самомъ имени «Кремны», Κρημνοὶ, которое есть очевидно еллинское, означающее «крутизны, скалы, утесы». Это геогностическое наименованіе всего болѣе приличествуетъ устью рѣки Берды, которой глубокое русло сопровождается до самаго моря утесистыми гранитными скалами. Посему, здѣсь, всего вѣроятнѣе, должно полагать древнее торжище Кремны, такъ счастливо воскресающее въ нынѣшнемъ Бердянскѣ, который, не смотря на свою юность, угрожаетъ опаснымъ соперничествомъ старѣйшимъ пріютамъ торговли Азовской, Маріуполю и Таганрогу [77].

μένην λίμνην (VII. 4); а истмъ, укрѣпленный Асандромъ, называетъ лежащимъ при Меотидѣ, τὸν πρὸς τῇ Μαιώτιδι (ibid.). Слѣды перекопа между Θеодосіею и Арабатомъ, равно-какъ и укрѣпленій Асандровыхъ, замѣчены были Кларкомъ и Потоцкимъ. *Clarke* Travels, vol. II. p. 140. *Potocki* Histoire primitive des peuples de la Russie, p. 110. Ср. Guide du voyageur en Crimée, par *C. H. Montandon*, Odess. 1834. p. 109.

[77] Le Berda a tout au plus dix-huit pieds de largeur, et rarement plus d'une arschine de profondeur. Ses eaux sont limpides; elles coulent, avec beaucoup de rapidité, du nord au sud, dans un canal *profonde-*

Какъ-же теперь оба эти пункта умѣстить на одной линіи, которая въ то-же время прикасалась-бы и къ Танаису?

Уже было говорено, и не одинъ разъ, что Геродотъ о Танаисѣ имѣлъ самыя неопредѣленныя понятія, самые темные слухи. Онъ зналъ только, что Танаисъ впадаетъ въ особый заливъ, или, какъ онъ выражается, «въ пазушье Меотиды», ἐς μυχὸν τῆς λίμνης (IV. 100). Это оказывается совершенно согласнымъ съ настоящею дѣйствительностью: ибо Донъ точно вливается въ сѣверо-восточную оконечность Моря-Азовскаго, которая имѣетъ видъ особаго залива, отдѣляемаго отъ главной массы всего водоема такъ-называемою Долгою-Косою, продолжающею въ себѣ сѣверо-восточный берегъ настоящаго моря. Противъ этой косы, съ противоположнаго сѣверо-западнаго берега, выставляются косы Бердянская и Бѣлосарайская; отчего заливъ, поглощающій въ себѣ воды Дона, перехватываемый съ обѣихъ сторонъ, сжимается здѣсь въ довольно узкое горло, которое древніе мореходцы, и сами даже туземцы, весьма естественно могли считать не чѣмъ другимъ, какъ лиманомъ Дона, продолженіемъ устья Танаиса. И вотъ почему Геродотъ, при всей скудости своихъ свѣдѣній о здѣшней сторонѣ, могъ не ошибаясь сказать, что окрестности Кремнъ прилежатъ къ Танаису (IV. 20). Не самъ Донъ тутъ разумѣется, а тотъ длинный сосокъ моря, въ который онъ изливается: моря, которое даже все, по свидѣтельству нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей древности, считалось у туземцевъ не болѣе, какъ звеномъ Танаиса [78].

---

ment coupé, bordé de rochers, et presque sans bas-fond, sur un lit de sable blanc quartzeux qui provient de la décomposition de granit. La rive gauche, bordée d'un petit nombre de rochers, est assez douce; mais la rive droite, beaucoup plus *escarpée*, laisse appercevoir des couches alternantes de granit, comme si le canal du petite fleuve avait été *taillé* dans cette roche. Second voyage de *Pallas*, traduit par *MM. de la Boulaye* et *Tonnelier*. Paris 1811. t. II. p. 278. Бухта Бердянская, возведенная нынѣ на степень порта, имѣетъ глубины до 15 сажень.

[78] Такъ Аррianъ, въ своемъ Периплѣ, посвященномъ императору Адріану, заставляетъ Танаисъ изливаться въ Понтъ: Τάναΐς ποταμὸς λέγεται ὁρίζειν ἀπὸ τῆς Ἀσίας τὴν Εὐρώπην, καὶ ὁρμᾶται μὲν ἀπὸ λίμνης τῆς Μαιώτιδος, ἐσβάλλει δὲ εἰς Θάλασσαν τὴν τοῦ Εὐξείνου Πόντου. *Arriani* Periplus Ponti Euxini въ *Hudson* Geographiæ Veteris Scriptt. Græci Minores t. I. p. 10. У Безименнаго еще опредѣлительнѣе сказано, что Танаисъ изливается и въ Меотиду, и въ Киммерійскій-Воспоръ: ἔξεισι δὲ δίστομον ἔχων τὸ ῥεῖθρον εἰς τὴν λεγομένην Μαιῶτιν, ἐς τὸν Κιμμερικόν τε Βόσπορον. p. 4. То-же подтверждаетъ Прокопій, секретарь знаменитаго Велисарія, говоря, что туземцы зовутъ Киммерійскій-Воспоръ, до самаго Понта, Танаисомъ: Τάναΐν δὲ καλοῦσιν οἱ ἐπιχώριοι καὶ τὴν ἐκβολὴν ταύτην ἐκ λίμνης ἀρξαμένην τῆς Μαιώτιδος, ἄχρι ἐς τὸν Εὔξεινον Πόντον. *Procopii* De Bello Gothico, l. IV. c. 4. Младшій-Плутархъ говоритъ даже, что гора Кріу-Метопонъ, принадлежащая къ Крымскому Южно-Бережскому хребту, лежитъ при Танаисѣ: παράκειται δὲ αὐτῷ (τῷ Τανάΐδι) ὄρος τῇ διαλέκτῳ τῶν ἐνοικούντων προσαγορευόμενον

Итакъ, по двумъ точкамъ, Рву и Кремнамъ, можно вывести восточный бокъ четвероугольника Скиѳскаго, не противорѣча показаніямъ о Танаисѣ. Но есть еще третья точка, которую Геродотъ также полагаетъ крайнею въ Скиѳіи съ востока: страна Герросъ, лежащая тамъ, докуда было извѣстно теченіе Борисѳенеса (IV. 71). Выводимый бокъ долженъ проходить черезъ эту страну: гдѣ-же она находилась? Это предлагаетъ къ рѣшенію важную и трудную задачу, до которой мы еще не касались: какъ далеко былъ извѣстенъ Геродоту нынѣшній Днѣпръ, въ-верхъ по теченію?

Ясно и опредѣлительно говорится у Геродота, что теченіе Борисѳенеса извѣстно не только ему, но и всѣмъ вообще, не больше какъ на «четырнадцать дней плаванія» (IV. 53). Но что значитъ у него день «плаванія» πλόος, который онъ всегда и вездѣ строго отличаетъ отъ дня «ходьбы», ὁδός?

По-видимому, здѣсь, также-какъ и при опредѣленіи «дня ходьбы», не должно-бъ быть мѣста недоумѣніямъ и разногласіямъ. Геродотъ самъ положительно говоритъ, что судно проходитъ въ день «семьдесять-тысячъ оргій», или «семь-сотъ стадій» (IV. 86); слѣдовательно, по нашему, около «ста-сорока верстъ». Но это вычисленіе, предложенное Геродотомъ по поводу измѣренія Понта вдоль и поперекъ, оказывается такъ далеко несовмѣстнымъ съ настоящею величиною Чернаго-Моря, что экзегеты давно уже нашлись вынужденными предположить у Геродота два рода «стадіи»: одну «сухопутную», другую «водопутную»; и притомъ послѣднюю, короче первой больше-чѣмъ вдвое. Принято теперь общимъ согласіемъ ученыхъ, что «водопутныхъ стадій» Геродота приходится около «тысячи-ста-одиннадцати съ одной-девятой» на географическій градусъ, слѣдовательно около «десяти съ половиной» на нашу версту. Сообразно съ тѣмъ, «водопутный день» Геродотовъ долженъ означать

Βριξάβα, ὅπερ μεθερμενευόμενον Κριοῦ-Μέτωπον. *Plutarchus* De Fluminibus, s. v. Τάναϊς. Видно отсюда, что въ древности Танаисъ проводился чрезъ Азовское-Море до Чернаго, и что даже все углубленіе Чернаго-Моря между Крымомъ и Абхазіею считалось устьемъ Танаиса. И въ ближайшія къ намъ времена, Воспоръ-Киммерійскій, или Проливъ-Таврическій, считался устьемъ Танаиса, какъ видно изъ словъ монаха Рубруквиса, извѣстнаго путешественника XIII вѣка: sunt autem alta promontoria super Mare a Kersona usque ad orificium Tanais. *Hakluyt's* Collection of the early voyages, travels and discoveries, Lond. 1809. p. 81. Въ настоящее время, заливъ, который принимаетъ въ себя устья Дона, до Таганрога и дальше сохраняетъ еще признаки рѣчные: вода въ немъ прѣснѣе и мягче морской; сверхъ-того, онъ замерзаетъ почти во всю свою длину, до косъ Долгой и Бердянской. Second voyage de *Pallas*, t. II. p. 242. 261.

нашею мѣрою «верстъ около семидесяти». Такъ и вычисляются обыкновенно разстоянія, обозначенныя у Геродота «водопутными днями», для всѣхъ рѣкъ Скиѳіи, въ томъ числѣ и для Борисѳенеса [79].

Но при такомъ способѣ вычисленія, къ сожалѣнію, было совершенно выпущено изъ виду то важное обстоятельство, что измѣреніе пространства временемъ на рѣкахъ, особенно еще при судоходствѣ въ-верхъ, зависитъ отъ безчисленнаго множества мѣстныхъ условій и случайныхъ обстоятельствъ, и никоимъ образомъ не можетъ быть сравниваемо съ свободнымъ, большей-частью правильнымъ и равномѣрнымъ, бѣгомъ корабля по морю. Не пускаяся въ даль, ссылаюсь на факты, представляемые нынѣшнимъ рѣчнымъ судоходствомъ, и именно въ-верхъ по Днѣпру отъ Херсона. До-сихъ-поръ плаваніе измѣряется тамъ временемъ, расчитывается по «часамъ». Но какъ разнообразны бываютъ эти «часы», относительно проходимаго въ нихъ пространства! При попутномъ вѣтрѣ, судно проходитъ въ часъ отъ осьми до десяти верстъ; но, при противномъ, много если пройдетъ три, иногда даже и двѣ только версты. Во время обыкновенное, то-есть безвѣтреное, можно проходить среднее количество, отъ четырехъ до пяти верстъ въ часъ: и это должно принять за среднее число вообще для плаванія въ-верхъ по Днѣпру изъ Херсона [80]. Сколько-жъ «часовъ» въ «день» плавается? При тѣхъ роздыхахъ, которые необходимы для гребцовъ, а тѣмъ-болѣе еще для бурлаковъ, которые должны тянуть судно бичевою, ко-

---

[79] *Dureau de la Malle* Géographie physique de la Mer-Noire. *Rennel* The geographical system of Herodotus. Ср. Histoire d'Hérodote, trad. par *A. F. Miot*, Paris 1821. t. II. p. 165 — 168.

[80] Свѣдѣніями о нынѣшнемъ судоходствѣ Херсонскомъ я обязанъ также гг. Андреевскому и Гембачеву. Г. Гембачевъ, въ сообщенной мнѣ запискѣ, извѣщаетъ, что теченіе ординарной воды въ Днѣпрѣ, разумѣется между Лиманомъ и Порогами, равняется ¼ узла, то-есть ⅛ версты, а при полной водѣ доходитъ до 4 узловъ, то-есть до 7 верстъ, въ часъ. Сообразно съ тѣмъ, и судоходство бываетъ весьма различно, смотря по тому, при какой водѣ производится, не говоря уже о вѣтрѣ. Г. Андреевскій пишетъ, что при ординарной водѣ легко итти на веслахъ, но въ полную воду сила веселъ оказывается недостаточною противъ быстрины теченія; почему, если берегъ отлогъ, то употребляется бичева; въ противномъ-же случаѣ, судно останавливается и ожидаетъ попутнаго вѣтра: а на рѣкѣ, имѣющей направленіе болѣе четверти компаса, вѣтеръ такъ непостоянепъ, что иногда въ сутки мѣняется по нѣскольку разъ. Въ прошломъ 1841 году, катера, отъ Херсона до Берислава въ-верхъ, разстояніе содержащее въ себѣ около 90 верстъ, съ растагами и ночлегомъ прошли въ двое сутокъ; назадъ, совершили тотъ-же путь только въ 8 часовъ. Изъ Голой-Пристани, находящейся у самаго Лимана, въ-верхъ до Херсона, разстояніе не болѣе какъ въ 17 верстъ, на обыкновенныхъ «дубахъ» проходится при свѣжемъ попутномъ вѣтрѣ въ 2 часа, при противномъ въ 6 и даже въ 8 часовъ, а во время безвѣтрія часа въ 4. Древнія суда Еллиновъ конечно ходили не быстрѣе нынѣшнихъ.

нечно никакъ уже не болѣе осьми, скорѣе менѣе. Слѣдовательно, на «день плаванія» по рѣкамъ, и именно по Днѣпру, должно класть отъ «тридцати» до «тридцати-пяти верстъ», не болѣе. Тутъ нечего прибѣгать къ головоломнымъ выкладкамъ: тутъ говоритъ очевидная, неопровержимая дѣйствительность![31]

Значитъ, разстояніе, на которое Днѣпръ былъ извѣстенъ Геродоту въ-верхъ отъ моря, должно заключать въ себѣ отъ «четырехъ-сотъ-двадцати» до «четырехъ-сотъ-девяноста», среднимъ числомъ «около четырехъ-сотъ-пятидесяти верстъ». Теперь, если это разстояніе отчислить дѣйствительно въ-верхъ по Днѣпру отъ моря, то мы наткнемся прямо на гряду знаменитыхъ Пороговъ, перехватывающую Днѣпръ на протяженіи цѣлыхъ семидесяти верстъ, между городами Александровскомъ и Екатеринославомъ[32]. Тутъ прекращается и нынѣ всякое судоходство въ-верхъ по Днѣпру. Тутъ прекращалось оно конечно и во времена Геродота; а съ нимъ вмѣстѣ прекращались и свѣдѣнія о Борисѳенесѣ. Тутъ слѣдовательно должна была находиться и страна Герросъ, крайняя въ Скиѳіи, а потому долженствующая прикасаться къ восточному боку четверо-угольника Скиѳскаго.

---

[31] Точно также на Днѣстрѣ, въ 1803 году, суда отправленныя крейс-гауптманомъ барономъ фон-Дике, шли въ-низъ, отъ мѣстечка Розвадова, въ Стрыйскомъ округѣ Галиціи, до селенія Маляковъ, въ Олесскомъ уѣздѣ противъ Аккермана, цѣлые 27 дней: всего разстоянія отъ 8 до 900 верстъ, и еще въ-низъ! Съ возвращеніемъ назадъ, весь рейсъ совершенъ былъ въ 3 мѣсяца. Отъ Розвадова до Окоповъ, пограничнаго мѣстечка съ Россіею, суда Австрійскія ходятъ въ-низъ 8, а въ-верхъ 15 дней: разстояніе-же содержитъ въ себѣ не болѣе 300 верстъ. Allgemeine Encyclopädie der Wiſſenſchaften und Künſte, von J. S. Erſch und J. G. Gruber. Erſt. Secl. Th. XXVI. S. 216—218.

[32] Славные Днѣпровскіе-Пороги, которыхъ Константинъ Порфирогенетъ (De administrando Imperio, c. 9) насчитывалъ 7, Боплант (Description d'Ukranie, Par. 1661. p. 19—20) 13, Книга Большаго-Чертежа (изд. Языкова, с. 100—101) 14, Лербергъ (Unterſuchungen zur Erläuterung der älteren Geſchichte Rußlands, St. Petersb. 1816. S. 322—332) 17, начинаются нынѣ Порогомъ-Кайдацкимъ, при мѣстечкѣ Старый-Кайдакъ, возлѣ Екатеринослава, и оканчиваются Порогомъ-Вольнымъ, передъ деревнею Кичкасъ, нѣсколько выше города Александровска. Въ настоящемъ видѣ ихъ описывали: Палласъ (Reiſe durch die ſüdl Statthalterſch. der Rußiſchen Reiche, I. 495 ff. II. 508, 515); Зуевъ (Путешественныя записки отъ С. Петербурга до Херсона, СПБ. 1787. с. 225 слд.); Гильденштедтъ (Reiſen durch Rußland, II. S. 107 ff). Нынѣшнее судоходство съ-низу не доходитъ до самыхъ Пороговъ, но останавливается въ Александровскѣ. Кстати замѣтимъ здѣсь, что, при опредѣленіи плаваемости Борисѳенеса, въ дошедшихъ до насъ спискахъ Геродота, вмѣсто «τεσσερεσκαίδεκα», стоитъ «τεσσεράκοντα ἡμερέων», то-есть не «четырнадцать» а «сорокъ дней»: Байеръ первый рѣшился читать «τεσσερεσκαίδεκα», то-есть «четырнадцать», и поступилъ весьма основательно. Но что значитъ показаніе Стравона, который объявляетъ Борисѳенесъ судоходнымъ только на «шесть-сотъ стадій»: Βορυσθένης ποταμὸς πλωτὸς ἐφ' ἑξακοσίους σταδίους (VII. 3)? Тутъ разстоянія достаетъ только на три дня. Выходитъ, Днѣпръ былъ тогда доступенъ, много если до нынѣшняго Берислава; конечно не отъ физическихъ препятствій, но отъ другихъ обстоятельствъ. И вотъ почему Стравонъ, знавшій хорошо катаракты Дуная (IV. 3), ничего не знаетъ о Днѣпровскихъ-Порогахъ.

Явно отсюда, что линія, обозначающая восточный бокъ Скиѳіи у Геродота, должна всю область Днѣпровскихъ-Пороговъ оставлять внѣ четвероугольника. Если теперь провести такую линію въ-верхъ отъ Бердянской-Косы, сътѣмъ-чтобы она пресѣкла Днѣпръ нѣсколько выше города Александровска, то эта линія, отсѣкши вершину крутаго колѣна, образуемаго Днѣпромъ въ Екатеринославской губерніи, ту именно, гдѣ находятся Пороги, снова пересѣчетъ Днѣпръ около города Верхнеднѣпровска, и потомъ въ дальнѣйшей глубинѣ сѣвера пойдетъ черезъ города Хороль, Лубны, Нѣжинъ, Черниговъ. За-то, опущенная внизъ, она не только не падетъ на Геродотовъ Ровъ, но и весь полуостровъ Керченскій, даже самый Таврическій-Проливъ съ большей-частью нынѣшняго Азовскаго-Моря, оставитъ внутри начертываемаго четвероугольника. Это однако ничего не значитъ. Ровъ у Геродота не составляетъ крайней границы земли Скиѳской: онъ упоминаетъ о Скиѳахъ, которые жили «внутри Рва», ἐντὸς τάφρου (IV. 28); говоритъ, что земля Скиѳская простиралась до Киммерійскаго-Воспора (IV. 100). Итакъ, вотъ, вполнѣ удовлетворяющій всѣмъ показаніямъ Геродотовымъ, восточный бокъ четвероугольника Скиѳскаго. Онъ имѣетъ рѣзко сѣверо-западное направленіе, почти параллельное теченію Буга, которое въ горизонтѣ Геродота составляло основную меридіанную линію.

Теперь, можно будетъ означить и западный бокъ четвероугольника. Надо только въ точности опредѣлить: откуда начать выставлять линію? У Геродота утвердительно говорится, что отъ Дуная (IV. 100); но откуда именно на Дунаѣ? Такъ-какъ весь берегъ Чернаго-Моря Геродотъ опредѣлительно причисляетъ къ основанію четвероугольника, то, по-видимому, слѣдовало-бы вести линію въ-верхъ по теченію Дуная, начиная отъ самаго моря. Но это поведетъ ее во-первыхъ прямо на западъ; потомъ, у Галаца, изломитъ почти подъ прямымъ угломъ въ направленіи на югъ; за-тѣмъ, въ окрестностяхъ Силистріи, опять поворотитъ на западъ. Такъ рѣшительно не составится никакого четвероугольника. Толкователи, и именно самые новѣйшіе, чтобы отстранить это противорѣчіе, не придумали ничего лучше, какъ вообразить, что Дунай представлялся Геродоту текущимъ не съ запада на востокъ, какъ онъ течетъ дѣйствительно, но съ сѣвера на югъ, въ родѣ на-примѣръ нынѣшнихъ Прута или

Серета [83]: въ такомъ случаѣ конечно Геродотъ могъ вести по немъ западный бокъ своего четвероугольника безпрепятственно. И дѣйствительно, Геродотъ какъ-будто самъ даетъ поводъ къ такому предположенію, когда говоритъ, что «Истросъ, при входѣ въ Скиѳію, обращаетъ устье къ востоку» (IV. 99): слѣдовательно, до входа въ Скиѳію, направленіе Дуная, по-его, не восточное. Такъ точно! Но говоритъ-ли Геродотъ вмѣстѣ-съ-тѣмъ, чтобы оно было съ сѣвера на югъ? Нисколько. За-чѣмъ-же, чтобы изъяснить этотъ поворотъ къ востоку, придумывать небывалое теченіе съ сѣвера, когда все это какъ не-льзя очевиднѣе изъясняется изъ живой природы, въ которой Дунай, при Галацѣ, точно поворачивается на востокъ, но вовсе не съ сѣвера, а напротивъ съ юга? Все, что можно извлечь изъ Геродота безъ принужденія и натяжекъ, состоитъ въ томъ, что западный бокъ четвероугольника Скиѳскаго должно вести отъ устья Дуная, но во-первыхъ отнюдь не по берегу моря, во-вторыхъ конечно съ того пункта, гдѣ устье развѣтвляясь, поворачиваетъ на востокъ, и гдѣ именно Геродотъ полагаетъ первое соприкосновеніе Истроса съ землею Скиѳскою, слѣдовательно назначаетъ самый крайній уголъ Скиѳіи къ юго-западу. Въ настоящее время, Дунай окончательно развѣтвляется ниже устья Прута, между болгаро-турецкими мѣстечками Тульчею и Исакчею. Отсюда берутъ свое начало четыре главные рукава, образующіе нынѣшнюю дельту Дунайскую: Килійскій, Сулинскій, Георгіевскій и Портицкій (иначе Дунавецъ). Но, во времена Геродота, Истросъ слылъ «пятиустымъ»: куда-жь дѣвалось теперь пятое устье? Если разсмотрѣть внимательно все круглое колѣно, которымъ Дунай из-

[83] Такъ утверждаетъ Нибуръ въ своихъ Ueber die Geographie Herodot's и Unterſuchungen über die Geſchichte der Skythen, Geten und Sarmaten. См. Kleine hiſtor u. philolog. Schriften, S. 132 ff. 352 ff. Знаменитый критикъ схватывается особенно за выраженіе Геродота, что Истросъ имѣетъ теченіе «равномѣрное», или, какъ онъ изъясняетъ, «соотвѣтственное» Нилу: ἐκ τῶν ἴσων μέτρων ὁρμᾶται (II. 33); это значитъ, по его толкованію, что, какъ Нилъ у Геродота сначала течетъ съ запада къ востоку, потомъ, при входѣ въ Египетъ, поворачиваетъ на сѣверъ, «соотвѣтственно» съ тѣмъ Истросъ долженъ былъ течь прежде отъ востока на западъ, и тамъ, поворачивать къ югу. Съ Нибуромъ соглашается Дальманъ, который говоритъ: ſeiner Lieblingsanſicht gemäß, die nördliche Erdhälfte der ſüdlichen entgegenſetzend, denkt er (Herodot) ſich den Iſter als vollkommen mit dem Nil correſpondirend, gleich lang Europa in der Mitte ganz durchſchneidend, wie jener Lybien, und das vollkommen in gleicher Richtung nach Oſten, auch beide gerade gegenüber, oder, wie wir ſagen würden, unter einer Mittagslinie ſich ins Meer ergießend, indem Aegypten, Cilicien, Sinope und der Iſterausfluß, nach ſeiner Meinung, verſchiedene Punkte einer und derſelben Linie bilden. Forſchungen auf dem Gebiete der Geſchichte, Bd. II. Abth. I. S. 87 ff. Обоихъ опровергаетъ весьма основательно Линднеръ въ Skythien und die Skythen des Herodots, S. 26, 27.

гибается отъ Силистріи до впаденія въ море; то оказывается, что при нынѣшней Расовѣ, лежащей между Силистріей и Галацомъ, онъ подходитъ такъ близко къ морю, что во времена древнія, болѣе многоводныя, не могъ не сообщаться здѣсь съ нимъ прямо: и именно черезъ рядъ мелкихъ озерковъ, который, включая въ себѣ довольно значительное озеро Кара–Су, или Черну–Воду, лежащее не вдалекѣ отъ Расовы, идетъ къ морю по направленію къ нынѣшнему прибрежному мѣстечку Кюстенджи [84]. Что это въ-самомъ-дѣлѣ было такъ, я нахожу

[84] О числѣ устьевъ Истроса у древнихъ существовали разныя понятія. Схоліастъ Аполлонія, пѣвца Аргонавтовъ, считаетъ ихъ только три (ap. Casaubon. in Notit. ad Strab. I. VII. p. 305. Эфоръ (Strab. VII. 3, Діонисій-Періегетъ (v. 301) и Фестъ Авіенъ (v. 441), согласно съ Геродотомъ, даютъ Истросу пять устьевъ. Плиній простираетъ число ихъ до шести (IV. 24). Наконецъ, Страбонъ (VII. 3), Мела (II. 7), поэтъ Овидій (Trist. II. vv. 287 — 290) и историки Тацитъ (Mor. Germ. c. 1) и Амміанъ-Марцеллинъ (l. XXII. c. 8) возводятъ до семи: число, которое и утвердилось на всѣ послѣдующія времена, пока географія изучалась лишь изъ книгъ. Самое южное изъ нихъ Страбонъ и Птолемей называютъ «Святымъ-Устьемъ», Ἱερὸν στόμα. У Плинія оно называется «Певкою», Peuce, по острову «Певкѣ», Peuce, Πεύκη, имъ образуемому: который островъ упоминается подъ тѣмъ-же именемъ у Скимна (v. 42) и сравнивается величиною съ Родосомъ (v. 41), а у Страбона и Мелы называется величайшимъ изъ всѣхъ острововъ, образуемыхъ устьями Истроса. Въ настоящее время, дельта Дуная состоитъ точно изъ множества острововъ, которые всѣ однако совокупляются подъ четыре главныя названія: Четалъ, Лети, Георгіевскій и Портицкій. Три первые принадлежатъ Россіи; послѣдній остается за Турціей. Больше всѣхъ изъ нихъ островъ Георгіевскій, который вмѣстѣ съ Маишемъ, называется также Большимъ-Четаломъ: поверхность его полагается въ 1000 квадратныхъ верстъ. Въ срединѣ этого острова находится прекрасный лѣсъ, называемый Кара-Урманъ, въ которомъ до 1829 года была большая деревня, населенная Некрасовцами и Запорожцами: что весьма соглашается съ общепринятымъ у древнихъ производствомъ наименованія Певки отъ эллинскаго «πεύκη», которое означаетъ «лѣсъ, преимущественно хвойный». Итакъ, островъ Певку можно признать въ нынѣшнемъ Большомъ-Четалѣ, который собственно находится между теперешними гирлами Сулинскимъ и Георгіевскимъ. Посему, нынѣшнее Георгіевское-Гирло должно считать тѣмъ, которое у Плинія называется «Peuce». Но такъ-какъ Плиній говоритъ о своемъ «Peuce», что оно «поглощается большимъ болотомъ», magna palude sorbetur, и сверхъ-того отдѣляетъ отъ себя озеро Гальмирисъ; то въ «Peuce» надо видѣть не весь нынѣшній Георгіевскій-Дунай, а только верхнюю часть его, и потомъ Дунавецъ, который, отдѣлясь отъ него въ-право, дѣйствительно поглощается въ болотистомъ лиманѣ, называемомъ теперь Разельмъ, и отдѣляетъ отъ себя большое озеро Бабадагъ: однимъ-словомъ, нынѣшнее Портицкое-Гирло Дуная, которое теперь въ-самомъ-дѣлѣ есть самое южное. Кажется, и все-бы тутъ. Но «Peuce» Плинія тоже-ли, что «Ἱερὸν στόμα« Страбона и Птолемея? Это еще задача. Впрочемъ, довольно и того, что Плиній считаетъ только шесть устьевъ; слѣдовательно, пропускаетъ седьмое, которое у другихъ шло въ счетъ. Теперь, если взять въ соображеніе, что это «седьмое устье» Амміанъ-Марцеллинъ называетъ «черными на подобіе болота», palustri specie nigrum: то не бросается-ли невольно въ глаза имя нынѣшней «Черной Воды»? Отъ Расовы, близъ которой находится Черна-Вода, считается до моря при Кюстенджи только 12 часовъ пути по нынѣшнему счету, слѣдовательно какихъ-нибудь верстъ 40, не болѣе. См. La Turquie d'Europe, par A. Boué, Paris 1840, t. IV. p. 521. По извѣстіямъ, находившимся въ рукахъ у Катанчича, трудолюбиваго изслѣдователя древней и новой географіи Дуная, Черна-Вода выпускаетъ изъ себя два потока, изъ которыхъ одинъ идетъ въ море при Кюстенджи, другой имѣетъ направленіе на сѣверъ, гдѣ соединяется съ другимъ близъ текущимъ потокомъ, вѣроятно изливающимся въ Бабадагъ. M. P. Katancsich, De Istro ejusque adcolis, Budæ 1798. p. 25. Французъ Буэ, недавно путешествовавшій по Европейской-Турціи, помѣщаетъ здѣсь только рядъ озерковъ, «des petits lacs», и вовсе не прочь, чтобъ тутъ не было когда-нибудь сообщенія между Дунаемъ и моремъ: только, говоритъ, едва-ли это было во времена историческія La Turquie d'Europe, t. I. p. 98. Почему-жъ, едва-ли?

тому удостовѣрительное подтвержденіе въ самомъ текстѣ Геродота. У него говорится весьма опредѣлительно, что Истросъ «входитъ въ Скиѳію», ἐκδιδοῖ ἐς αὐτὴν (IV. 99), или въ другомъ мѣстѣ еще выразительнѣе, «вторгается въ нѣдра земли Скиѳской», ἐς τὰ πλάγια τῆς Σκυθικῆς ἐσβάλλει (IV. 49). Это не можетъ означать только пограничнаго прикосновенія къ Скиѳіи, какъ обыкновенно понимали до-сихъ-поръ всѣ изслѣдователи и толковники: это значитъ, что Дунай проникалъ внутрь Скиѳіи. Но такое представленіе не иначе возможно, какъ при включеніи всего пространства, наполнявшаго древнюю дельту Истроса, въ составъ четвероугольника Скиѳскаго: пространства, которое въ-самомъ-дѣлѣ до позднихъ временъ у Византійскихъ Грековъ называлось Малою-Скиѳіею [85]. Возьмемъ-же теперь самый сѣверный уголъ этой дельты, который находится при нынѣшнемъ Галацѣ, гдѣ притомъ Дунай обращаетъ главный токъ своего бассейна къ востоку, и гдѣ потому долженъ находиться край земли Скиѳской, согласно съ показаніемъ Геродота (IV. 99). Отсюда потянемъ вверхъ черту, параллельную той, которая проведена для восточнаго бока Скиѳіи, отъ Бердянска на Черниговъ. Эта черта пойдетъ въ нынѣшней Молдавіи черезъ города Текучъ, Бакео и Пятру почти параллельно съ-одной-стороны хребту Карпата, съ-другой теченію рѣки Серета, впадающей въ Дунай при Галацѣ. Рѣка Серетъ заключится тогда внутри начертываемаго четвероугольника: и въ ней-то я признаю Геродотовъ Тіарантосъ, который именно лежитъ къ западу отъ Пораты, то-есть отъ Прута, и меньше Прута длиною. «Черезъ посредство» Серета столько значительныхъ притоковъ сливается въ Дунай, что нѣтъ большаго труда опредѣлить и Геродотовы Ararосъ, Напарисъ и Ордессосъ: по-моему, это нынѣшнія Молдава, Быстрица и Брлатъ [86]. Вотъ и западный бокъ четвероугольника Скиѳскаго, совершенно удовлетворяющій показаніямъ Геродота.

---

[85] Дельта Дунайская еще у Страбона является подъ именемъ Малой-Скиѳіи: τὰ ἕλη τὰ τῆς Μικρᾶς καλουμένης Σκυθίας, τῆς ἐντὸς Ἴστρου (VII. 5). Овидій мѣсто ссылки своей, городъ Томы, нынѣшнюю Мангалію, называлъ уже Скиѳіею (Trist. III. 2, 1 11, 55. I. 3, 67, 7, 40). Въ-послѣдствіи, въ Восточной Римской Имперіи, въ діецезіи Ѳракійской постоянно числилась епархія Скиѳская, которой митрополіею были Томы. Notit. imp. Orient. c. 1. *Hieroclis* Synecdemus, 6. *Leonis Imp.* Ecthesis, 36.

[86] Имя Серета или Сирета не меньше имѣетъ созвучія съ Τιαραντὸς, какъ и имя Прута съ Πόρατα. Серетъ беретъ свое начало въ нынѣшней Буковинѣ, нѣсколько южнѣе источниковъ Прута. Брлатъ принимаетъ онъ слѣва; а Молдаву и Быстрицу справа: послѣднюю при Бакео, первую при Романѣ.

Остается теперь, на обоихъ бокахъ, западномъ и восточномъ, взять равные отсѣки, сообразно съ измѣреніемъ Геродота, и накрыть ихъ «средиземною» чертою, параллельною основанію, которая и замкнетъ собой весь четвероугольникъ. Впрочемъ, какъ надо еще понимать ту мѣру, которую Геродотъ даетъ высотѣ своего четвероугольника, или протяженію Скиѳіи съ юга на сѣверъ? У него эта мѣра есть не что иное, какъ разстояніе «отъ моря до жилищъ Смурыхъ-Кафтановъ» (IV. 101). Подъ именемъ «моря» θάλασσα, постоянно разумѣетъ Геродотъ Море-Черное, никогда Море-Азовское, которое всегда называется у него «озеромъ», λίμνη. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь море это онъ беретъ на той-же основной чертѣ, которою постоянно опредѣляется его горизонтъ, то-есть на Борисѳенесѣ; слѣдовательно при окончательномъ впаденіи въ море Днѣпра, при нынѣшнемъ Очаковѣ и Кинбурнѣ. Но гдѣ жили Смурые-Кафтаны? Изъ яснаго, находящагося въ текстѣ, указанія, что жилища Смурыхъ-Кафтановъ лежали къ сѣверу надъ Царскими-Скиѳами, а Царскіе-Скиѳы помѣщаются Геродотомъ при самой восточной границѣ Скиѳіи (IV. 20), видно, что Смурые-Кафтаны прилегали къ той-же восточной границѣ съ внѣшней стороны четвероугольника Скиѳскаго, и именно тамъ, гдѣ оканчивалось протяженіе Скиѳской Царевщины на сѣверъ. Но сѣверною границею жилищъ Царскихъ-Скиѳовъ Геродотъ опредѣтельно полагаетъ страну Герросъ, то-есть нынѣшнее Днѣпровское-Подпорожье. Слѣдовательно Смурыхъ-Кафтановъ должно искать въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, на пространствѣ между бассейнами Днѣпровскимъ и Донецкимъ. Изъ того, что Геродотъ положеніе жилищъ Смурыхъ-Кафтановъ опредѣляетъ по ихъ отношенію къ жилищамъ Скиѳовъ-Царскихъ, видно, что онъ не зналъ къ нимъ другаго пути оттуда, гдѣ находился, то-есть отъ устьевъ Борисѳенеса, какъ черезъ Царевщину; слѣдовательно по лѣвому берегу нынѣшняго Днѣпра, черезъ сѣверные уѣзды теперешней Таврической губерніи. Возьмемъ-же теперь по этой сторонѣ, начиная отъ Кинбурна, разстояніе въ сѣверную глубь Екатеринославской губерніи на двадцать дней пути, что составитъ на нашу мѣру около осьми-сотъ верстъ. Это приведетъ насъ въ окрестности нынѣшняго мѣстечка Крылова, лежащаго при Днѣпрѣ, на тройной межѣ губерній Полтавской, Херсонской и Кіевской, между устьями рѣкъ Псла и Сулы, на устьѣ рѣки Тясмина, гдѣ въ послѣдующія, гораздо

позднѣйшія времена, едва начинались первые признаки осѣдлой населенности: здѣсь, не южнѣе, должны были находиться Геродотовы Смурые–Кафтаны [87]. Остановимся-же тутъ, и протянемъ на западъ черту, параллельную той, которая положена въ основаніе четвероугольнику, начертываемому по указаніямъ Геродота. Черта эта пойдетъ чрезъ губерніи Кіевскую и Подольскую, по городамъ Чигирину, Брацлаву и Ушицѣ, откуда ударитъ на Хотинъ въ Бессарабіи, на Снятинъ въ Буковинѣ, и наконецъ линію, проведенную для западнаго бока четвероугольника, пресѣчетъ почти у самаго Карпата, около мѣстечка Ямна въ старомъ Польскомъ Покутьѣ. И ею–то, этою чертою, обозначится верхняя, «средиземная» сторона, довершающая четвероугольникъ, въ видѣ котораго Геродотъ представлялъ себѣ Скиѳію. Какъ–нарочно эта самая черта, между Ушицею и Хотиномъ, почти совпадаетъ съ теченіемъ Днѣстра: а это какъ–не–льзя удачнѣе совпадаетъ съ указаніемъ Геродота, полагающимъ Тирисъ границею Скиѳіи отъ области Невровъ (IV. 51), о которой именно говорится, что она лежитъ за Скиѳіей на сѣверъ (IV. 100). Притомъ, отъ Хотина, по теченію Днѣстра, считается до лимана Днѣстровскаго около семи–сотъ верстъ [88]. Вотъ, и на другомъ краю, на западномъ, тѣ–же двадцать дней пути, отъ моря до послѣдняго предѣла Скиѳіи къ сѣверу. Это поразительное сходство чиселъ возводитъ составленную проекцію «средиземной» линіи, а съ нею и всего четвероугольника Скиѳскаго, на степень математически-очевидной достовѣрности.

Итакъ, четвероугольникъ, совершенно соотвѣтствующій геометрическимъ опредѣленіямъ Геродота, весь теперь на–лицѣ. Онъ заключается почти весь въ нынѣшнихъ предѣлахъ Россійской–Имперіи, гдѣ вполнѣ обнимаетъ теперешнія губерніи Таврическую и Херсонскую и область Бессарабскую, съ частями губерній Екатеринославской, Кіевской и Подольской. Внѣ Россіи, къ нему при-

---

[87] Я высчитываю здѣсь разстояніе отъ моря до Смурыхъ-Кафтановъ лѣвою стороною Днѣпра, кругомъ всего дѣлаемаго Днѣпромъ колѣна, по той причинѣ, что если-бы, во времена Геродота, сообщеніе Скиѳовъ–Царскихъ съ Смурыми-Кафтанами дважды пересѣкало Днѣпръ, какъ то неизбѣжно при прямомъ направленіи на сѣверъ, то Геродотъ не могъ-бы не знать ничего о теченіи Днѣпра выше Пороговъ. Сторона между Сулою и Псломъ, извѣстна въ отечественной нашей старинѣ подъ особымъ хорографическимъ наименованіемъ Посулія. См. Пѣснь о Полку Игоря. Изд. Де-Ларю. стр. 20.

[88] Протяженіе Днѣстра отъ Хотина до Лимана полагается въ Энциклоп. Лексик. (т. XVII. с. 35) въ 869 верстъ, въ Allgem. Encyclop. (Erſt.. Sect. Th. XXVI. S. 218) въ 90 миль. Прямо, отъ Хотина до Аккермана, почтовымъ трактомъ, черезъ Кишиневъ, считается только 434 верстъ.

надлежатъ почти вся нынѣшняя Молдавія, вся Буковина и округъ Коломейскій въ юго-западномъ углу Галиціи. Посмотримъ теперь, какъ размѣстятся въ немъ жилища разныхъ колѣнъ Скиѳскихъ, исчисляемыхъ Геродотомъ!

Вѣрный постоянно своей точкѣ зрѣнія, Геродотъ раздѣляетъ весь четвероугольникъ Скиѳскій на двѣ неравныя половины по теченію Днѣпра, изъ которыхъ наибольшую, западную, лежащую между Днѣпромъ и Дунаемъ, называетъ «Главною-Скиѳіею», Ἀρχαίη Σκυθική. И здѣсь помѣщаются у него почти всѣ разноименныя колѣна Скиѳскія, какія онъ знаетъ; какъ-то: Каллипиды, Алазоны, Скиѳы-Земледѣльцы (они-же Борисѳенеиты) и Скиѳы-Кочующіе [89].

Каллипидовъ, которые были не что иное, какъ смѣсь Скиѳовъ съ Еллинами, Ἕλληνες Σκύθαι (IV. 17),· Геродотъ ставитъ «первыми» на западъ отъ торжища Борисѳенеитовъ, и вообще отъ Борисѳенеса; именно на Гипанисѣ, то-есть на нынѣшнемъ Тилигулѣ. Должно-быть, они простирались по правой, западной, сторонѣ Тилигула, въ нынѣшнихъ Одесскомъ и частію Тираспольскомъ уѣздахъ Херсонской губерніи, до самаго Днѣстра; такъ-что жилища ихъ, на взморьѣ, съ обоихъ краевъ, съ востока и съ запада, непосредственно граничили съ колоніями Еллиновъ, уже существовавшими во время Геродота, къ востоку при устьѣ Тилигула подъ именемъ Ольвіополитовъ, къ западу при устьѣ Днѣстра подъ именемъ Тиритовъ. Отсюда, безъ-сомнѣнія, происходила и ихъ смѣсь съ Еллинами. Имя Каллипидовъ, очевидно еллинское, должно-быть означало изобиліе въ «красивыхъ коняхъ», которымъ они славились. И конечно, главную роль тутъ играли тѣ «дикіе бѣлые кони», которые въ то время во-

---

[89] Всѣ исчисленныя здѣсь наименованія Скиѳовъ суть чевидно нарицательныя: прозвища данныя Еллинами, а не собственныя имена колѣнъ. «Νομάδες» и «Γεωργοὶ» или «Ἀροτῆρες», равно-какъ «Βασιλήϊοι», суть чистыя еллинскія слова, означающія «кочующихъ», «земледѣльцевъ» или «пахарей», и «царскихъ» или можетъ-быть вѣрнѣе «царственныхъ». «Ἀλαζῶνες» значитъ «бродяги» (= Бродники?). «Καλλιπίδαι», съ прибавкою еще одного π, безъ натяжки можетъ быть произведено тъ «καλός», «красивый», и «ἵππος», «конь». Посему, этимъ наименованіямъ не должно придавать никакого этнографическаго смысла. Ими, кажется, не означалось и генеалогическаго, поколѣннаго различія между Скиѳами: Геродотъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что, по происхожденію, Скиѳы раздѣлялись особо на три племени, которыя назывались: первое Авхаты, второе Катіары и Траспіи, третье Паралаты (IV. 6). Еллины различали ихъ, какъ видно, по первымъ, бросавшимся въ глаза, наружнымъ признакамъ.

дились преимущественно у источниковъ Гипаниса; слѣдовательно, до приморскихъ Еллиновъ должны были доходить не иначе, какъ черезъ руки Каллипидовъ [90].

Къ сѣверу отъ Каллипидовъ находились жилища Алазоновъ. Геродотъ опредѣлительно говоритъ, что у Алазоновъ Тирисъ и Гипанисъ, то-есть Днѣстръ и Тилигулъ, сближаются, и потомъ расходятся (IV. 52). Послѣднее, какъ уже замѣчено, обнаруживается преимущественно между мѣстечками Березовкою на Тилигулѣ и Дубоссарами на Днѣстрѣ. Слѣдовательно, здѣсь должно положить и границу между Каллипидами и Алазонами. Выше, къ сѣверу, Алазоны должны были простираться до вершины четвероугольника Скиѳскаго; почему занимали конечно всю южную половину Подольской губерніи, и вѣроятно на западъ проникали въ Верхнюю-Бессарабію, Буковину и южный уголъ Галиціи до Покутья [91].

Границею между Алазонами и Скиѳами-Земледѣльцами, очевидно къ юго-востоку, Геродотъ полагаетъ тотъ «Горькій-Ключъ», который, по его мнѣнію, отравлялъ собою воды Гипаниса, самъ вытекая изъ страны, лежащей между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ, которая въ тѣ времена носила таинственное имя Эксамисоса или «Святыхъ-Путей». Этотъ чудный ключъ и эта диковинная страна, которые Геродотъ видѣлъ самъ своими глазами, составляютъ для изслѣдователей и толковниковъ прещекотливую задачу. Что за «Горькій-Ручей»? Что за «Святые-Пути»? Гдѣ они были? Куда дѣвались теперь? Попытаемся разрѣшить эту сфинксову загадку, пожравшую столько безуспѣшныхъ трудовъ; и разрѣшить изъ собственныхъ словъ Геродота, сличенныхъ съ природою мѣстностей.

Геродотъ опредѣляетъ разстояніе своего Горькаго-Ключа, гдѣ онъ приливаетъ къ Гипанису, въ «четыре дня водопутья» отъ моря (IV. 52). Если

---

[90] Дикіе кони водятся еще и теперь въ Херсонской губерніи между Ингуломъ и Ингульцомъ. Г. Андреевскій видѣлъ ихъ также въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, въ дачахъ имѣнія Завадовки. См. Путевыя Замѣтки въ Л. О. С. Х. Ю. Р. 1838. № V. с. 288.

[91] Кстати стоитъ замѣтить здѣсь, что въ числѣ обыкновенной пищи, употребляемой Алазонами, Геродотъ упоминаетъ «чеснокъ», allium, подъ еллинскимъ наименованіемъ «σκόροδα» (IV. 17). Не странно-ли, что это древне-еллинское названіе «чеснока» употребляется донынѣ Русскими, и гдѣ-же? Въ Рязанской губерніи! Тамъ «дикій» или «полевой чеснокъ», въ лѣтнее время составляющій лакомство простаго народа, не имѣетъ другаго имени, какъ «скорода».

отъ нынѣшняго устья Тилигула отмѣрить въ-верхъ, по лиману и рѣкѣ, соотвѣтственное разстояніе, то-есть около ста-пятидесяти верстъ; то мы очутимся внутри теперешняго Ананьевскаго уѣзда Херсонской губерніи, около границы губерніи Подольской. Здѣсь, дѣйствительно, верстъ двадцать ниже самаго города Ананьева, въ Тилигулъ, съ лѣвой, обращенной къ Днѣпру, стороны, вливается единственный живой потокъ, который называется Меланкою. Потокъ этотъ имѣетъ всего теченія верстъ на пятнадцать, и зачинается весьма недалеко, верстахъ въ десяти, отъ русла рѣки Кодымы, стремящейся по границѣ Херсонской и Подольской губерній къ соединенію съ Бугомъ. Тутъ, въ какомъ-либо изъ безчисленныхъ овраговъ, сопровождающихъ Меланку, могъ находиться въ-старину тотъ «Горькій-Ключъ» который казался такимъ дивомъ Геродоту [92]. Но не въ томъ сила. Важно то, что здѣсь-же именно проходитъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ та гранитная гряда, которая отъ Карпата отлагается во глубину степей до самаго Моря-Азовскаго, и всѣ главныя рѣки края перехватываетъ «заборами» и «порогами», какъ-то Днѣстръ около Ямполя, Бугъ не вдалекѣ отъ Вознесенска, Ингулецъ при селеніи Шестернѣ, Днѣпръ между Екатеринославомъ и Александровскомъ. Гряда эта, часто обнаруживающаяся большими массами гранита, внезапно возстающими среди степей, не могла не обращать на себя особеннаго вниманія туземцевъ, а въ старыя добродушныя времена, когда вся природа видѣлась людямъ въ миѳическомъ сумракѣ богоподобія, естественно должна была возбуждать къ себѣ священное, религіозное благоговѣніе. Вотъ почему въ ней можно благонадежно признать таинственный Эксампеосъ, или «Святые-Пути» Геродота [93].

---

[92] Рѣчка Меланка впадаетъ въ Тилигулъ при селѣ Волконскомъ, Святотроицкое тожь, верстахъ въ 50 отъ источниковъ Тилигула. Замѣчательно, что поэтъ Латинскій Лиценцій, другъ С. Августина, слѣдовательно жившій въ IV вѣкѣ по Р. Х., производилъ рѣку Гипанисъ изъ озеръ Гексампейскихъ:

Hexampeosque lacus fugiens Hypaneïus amnis
Callipidum Scythicas resonat spumosus ad undas.

Poëtæ Latini Minores, ed. *Wernsdorf*, v. IV. p. 316. Coll. Pisan. v. V. Новое, къ прочимъ, свидѣтельство, что, по понятіямъ древности, Гипанисъ во-первыхъ вливался прямо въ море, во вторыхъ вытекалъ изъ окрестностей Гексампеоса, слѣдовательно былъ Тилигулъ, а не Бугъ.

[93] Гранитная гряда, о которой идетъ здѣсь дѣло, одно изъ любопытнѣйшихъ геологическихъ явленій, проходитъ широкою діагональю изъ угла въ уголъ четвероугольника Скиѳскаго, отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Отроги Карпатовъ, которыхъ первозданная формація, хотя во многихъ мѣстахъ разорванная и разрушенная, постоянно въ ней сохраняется, она упирается въ Азовское-Море гранитною площадью, въ которой прорыла себѣ истокъ рѣка Берда, и которой главная выпуклость находится внутри Мелитопольскаго

Здѣсь, въ сосѣдствѣ этихъ нерукотворенныхъ алтарей, подъ сѣнію уже начинающихся дубравъ, всего приличнѣе могли соблюдаться завѣтныя сокровища народной святыни Скиѳовъ; какъ на-примѣръ тотъ огромный мѣдный котелъ, которымъ по преданію, расказываемому Геродотомъ, одинъ изъ ихъ царей увѣковѣчилъ число своихъ подданныхъ (IV. 81). Разстояніе впаденія Меланки отъ источниковъ Тилигула, простирающееся верстъ на сорокъ, мало превышаетъ мѣру водопутнаго дня; почему и тутъ оказывается совершенное согласіе съ текстомъ Геродота, въ которомъ всему теченію Гипаниса отъ моря дается протяженіе на «пять водопутныхъ дней» (IV. 52) [94]. Итакъ, нѣтъ никакого препятствія, здѣсь, по Меланкѣ и Кодымѣ, провести юго-восточную границу, отдѣляющую Алазоновъ отъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ.

Скиѳы-Земледѣльцы, они-же и Борисѳенеиты, жили, слѣдовательно, на востокъ отъ Каллипидовъ и Алазоновъ, между нынѣшними Тилигуломъ и Днѣпромъ, по обѣ стороны Буга. Границею ихъ къ востоку, по словамъ Геродота, была рѣка Пантикапесъ, то-есть теперешній Ингулъ (IV. 18). Къ сѣверо-западу простирались они, какъ изъяснено, до настоящей рѣки Кодымы; и отсюда, вѣрно захватывали, на сѣверо-востокѣ нынѣшней Херсонской губерніи, самую плодороднѣйную часть ея, лежащую на тучной возвышенности сѣверныхъ

уѣзда Таврической губерніи, близъ селенія Токмакъ, гдѣ находится также и точка раздѣленія водъ, бѣгущихъ съ-одной-стороны въ Море-Азовское, съ другой въ Черное посредствомъ Днѣпра. Second voyage de *Pallas*, t. II. p. 278. sqq. Ср. Путевыя Записки *Андреевскаго* въ Л. О. С. Х. Ю. Р. 1839. № 1, с. 130 и 131. По новѣйшимъ геогностическимъ изслѣдованіямъ, весь горный кряжъ, простирающійся отъ Азовскаго-Моря въ-верхъ по Сѣверному-Донцу и потому называемый Донецкимъ, составляетъ съ этою грядою одну горную область. Энциклоп. Лекс. т. XVII. с. 138. Гряда эта безъ-сомнѣнія служила въ древности единственною путеуказательницею во глубинѣ однообразныхъ, безурочищныхъ степей, гдѣ она имѣетъ постоянно въ ширину отъ 40 до 50 верстъ. Gildenſtädts Reiſen durch Rußland, Th. II. S. 124 ff. И вотъ откуда наименованіе «Путей», которымъ религіозная фантазія придала прозвище «Святыхъ». Ср. *Кеппена* Древности Сѣверн. Бер. Понта, с. 12.

[94] Буквальный смыслъ текста Геродотова въ этомъ мѣстѣ показываетъ по-видимому, что Гипанисъ судоходенъ «до сліянія съ Горькимъ-Ключемъ» на пять дней, а потомъ «до моря» на четыре дня, слѣдовательно всего на девять дней. Такъ и принимаютъ всѣ изслѣдователи и толковники Геродота, хотя невозможность столь длиннаго протяженія судоходства бросается въ глаза даже и въ такомъ случаѣ, когда Гипанисъ признается нынѣшнимъ Бугомъ. Я соглашаюсь вполнѣ съ счастливою проницательностью Линднера, который слова Геродота: ἐπὶ μὲν πέντε ἡμερέων πλόον βραχὺς καὶ γλυκύς ἐστι· ἀπὸ δὲ τούτου, πρὸς θαλάσσης τεσσέρων ἡμερέων πλόον, πικρὸς αἰνῶς» (IV. 52), переводитъ такъ: «der Hypanis iſt nur auf einer Strecke von fünf Tagfahrten ſchiffbar, und iſt ſein Waſſer Anfangs noch ſüß; bei den vier untern Tagfahrten aber wird es bitter». Skythien und die Skythen des Herodots, S. 75.

предѣловъ Ананьевскаго и Бобринецкаго уѣздовъ. Геродотъ даетъ имъ протяженія, отъ запада къ востоку, на «три дня сухопутья», и потомъ къ сѣверу на «одиннадцать дней водопутья» по Днѣпру (IV. 18). Слѣдовательно, они простирались и за Ингулъ, и притомъ очень далеко, вскрай Днѣпра; отчего ставятся также пограничными и съ Гилеею (IV. 18). Разстояніе отъ Тилигула до Ингула, нынѣ, прямымъ почтовымъ трактомъ отъ Коблевки до Николаева, содержитъ только шестьдесятъ-четыре версты: въ древности, при множествѣ затруднительныхъ переправъ черезъ протоки Березанскаго бассейна и черезъ самый Бугъ, оно могло протянуться на «три дня ходьбы» [95]. «Одиннадцать дней плаванья» отъ Николаева, сначала въ-низъ по Бугу, и потомъ въ-верхъ по Днѣпру, доводятъ до перваго сліянія Бузулука съ Днѣпромь, гдѣ и должно положить крайній юго-восточный предѣлъ Скиѳамъ-Земледѣльцамъ. Пустыня, которая потомъ простиралась дальше къ сѣверу (IV. 18), есть не что иное, какъ пространство между Бузулукомъ и Днѣпромъ, заключающее нынѣшніе уѣзды Екатеринославскій и Верхнеднѣпровскій: пространство, все состоящее изъ степей, до-сихъ-поръ едва подернутыхъ населенностью.

За Пантикапесомъ, то-есть за Ингуломъ, къ востоку, помѣщаются у Геродота Скиѳы-Кочующіе. Здѣсь, онъ говоритъ, на пространствѣ «четырнадцати дней сухопутья» кочуютъ Скиѳы-Номады до рѣки Герроса (IV. 19). На нынѣшнемъ языкѣ это значитъ, что Скиѳы-Кочующіе скитались по степямъ Херсонской и Екатеринославской губерніи, начиная съ Ингула, къ сѣверо-востоку, на четыреста-пятьдесятъ верстъ сухопутьемъ до рѣки Бузулука. И дѣйствительно, точно таково выдетъ разстояніе вершины Бузулука отъ Николаева, если взять дорогу не прямо черезъ степи, но побережьемъ Буга и Днѣпра, какъ и нынѣ идетъ почтовый трактъ изъ Николаева въ Екатеринославъ; причемъ не должно выпускать изъ вида и обходовъ, которые надо было дѣлать держась берега, изрѣзаннаго балками, въ то время конечно болѣе, чѣмъ нынѣ, наполненными водою въ сосѣдствѣ рѣкъ. Почему, подъ Скиѳовъ-Кочующихъ

---

[95] Жителей между Борисѳенесомъ и Гипанисомъ, находившихся на-супротивъ святилища Димитры, Геродотъ называетъ Борисѳенеитами (IV. 53). Скиѳовъ-ли тутъ разумѣлъ онъ, или Еллиновъ, которые сами-себя называли Ольвіополитами? Безъ-сомнѣнія, Скиѳовъ. Еллинскія колоніи были тогда, и долго послѣ, оазисы, со всѣхъ сторонъ окруженные Скиѳами.

должно отвести все пространство между Ингуломъ и Бузулукомъ, или нынѣшніе уѣзды Херсонскій съ Александрійскимъ въ Херсонской и Верхнеднѣпровскій съ частью Екатеринославскаго въ Екатеринославской губерніяхъ. Это пространство точь-въ-точь почти по-срединѣ разрѣзывается рѣкой Ингульцемъ, то-есть Гипакирисомъ, о которой Геродотъ именно говоритъ, что она проходитъ сквозь землю Кочующихъ-Скиѳовъ (IV. 55).

Бузулукъ, то-есть Герросъ, полагается у Геродота границею между Скиѳами-Кочующими и Скиѳами-Царскими (IV. 56). Съ-другой-стороны, Гилея или лѣсистая долина Днѣпра, поставляется Геродотомъ внѣ области Скиѳовъ-Земледѣльцевъ (IV. 18), а страна Герросъ, то-есть Подпорожье, отчисляется вся къ Царевщинѣ (IV. 71). Посему, первоначальное сліяніе Бузулука съ Днѣпромъ должно считаться крайнимъ юго-восточнымъ предѣломъ всей западной половины четвероугольника Скиѳскаго, называемой у Геродота «Главною-Скиѳіею».

Скиѳы-Царскіе суть единственное колѣно Скиѳское, которое Геродотъ помѣщаетъ въ меньшей, восточной, половинѣ четвероугольника Скиѳскаго, между Днѣпромъ и Моремъ-Азовскимъ[96]. Они занимали всю теперешнюю Таврическую губернію, за исключеніемъ только гористаго Южнаго-Берега Крыма, который населяли Тавры, народъ особый отъ Скиѳовъ: Геродотъ положительно говоритъ о Скиѳахъ, живущихъ «внутрь рва», то-есть въ нынѣшнемъ Керченскомъ полуостровѣ, которые, при замерзаніи Таврическаго-Пролива, дрались на «хрусталѣ» его льда и арбы свои возили по немъ къ Синдамъ, въ нынѣшнюю Абхазію (IV. 28). Отсюда, по ясному-же указанію Геродота, Скиѳы поднимались вверхъ на сѣверъ и потомъ на востокъ, вдоль моря Азовскаго, до Кремнъ (IV. 20), то-есть до теперешняго Бердянска; а потомъ, безъ-сомнѣнія по рѣкамъ Бердѣ

---

[96] Всю эту восточную половину четвероугольника Геродотова Страбонъ называетъ «Малою-Скиѳіею»: καὶ ἐκαλεῖτο ἡ χώρα αὕτη πᾶσα (ἡ χερρόνησος Ταυρική), σχεδὸν δέ τι καὶ ἡ ἔξω τοῦ ἰσθμοῦ μέχρι Βορυσθένους, μικρὰ Σκυθία (VII. 4). Вотъ почему наименованіе «Ἀρχαίη Σκυθική», которое Геродотъ даетъ западной половинѣ своего четвероугольника, я перевожу не «Древняя», но «Главная-Скиѳія», согласно съ Линднеромъ, который это выраженіе переводитъ также «Ur-Scythien» (S. 43). Геродотъ приводитъ Скиѳовъ съ востока, изъ Азіи сначала въ землю Киммерійскую, которая находилась при Меотидѣ (IV. 11): какъ-же западная часть Скиѳіи могла называться «Древнею-Скиѳіею»? И въ послѣдствіи, степи, простирающіяся на сѣверъ и востокъ отъ устьевъ Дуная, назывались у Византійцевъ «ἡ μεγάλη Σκυθία», по переводу нашихъ древнихъ лѣтописцевъ «Великая-Скуѳь»

и Конкѣ, простирались до страны Герросъ (IV. 71), или нынѣшняго Днѣпровскаго Подпорожья; и даже, конечно не иначе, какъ по правому берегу Днѣпра, до рѣки Герроса, то-есть теперешняго Бузулука, который служилъ границею между ними и Скиѳами-Кочующими (IV. 56). Впрочемъ, главнымъ любимымъ пріютомъ ихъ была, кажется, долина Днѣпровская, во всю длину ея отъ Пороговъ до Лимана. Здѣсь жили предпочтительно ихъ цари, имена и дѣянія которыхъ увѣковѣчены Геродотомъ. Братоубійца Савліосъ долженъ былъ имѣть свою резиденцію не вдалекѣ отъ Днѣпра; ибо успѣлъ получить извѣстіе и явиться на мѣстѣ злодѣянія, въ то время какъ несчастный Анахарсисъ, возвращаясь изъ Еллады, только-что ступилъ на родной берегъ Гилеи, и еще продолжалъ колотить въ бубны, еще не кончилъ роковаго обѣта, даннаго имъ не въ добрый часъ богамъ чужеземнымъ (IV. 76). Другой царь Скиѳовъ, Скилесъ, обуянный еллиноманіей не меньше Анахарсиса и заплатившій за нее также дорого, имѣлъ обширный великолѣпный дворецъ въ торжищѣ Борисѳенеитовъ, куда отправлялся гостить на цѣлые мѣсяцы (IV. 78, 79); слѣдовательно жилъ гдѣ-нибудь около Лимана. Наконецъ, въ-верху, въ сосѣдствѣ Пороговъ, находилось самое завѣтное ихъ святилище, кладбище царей ихъ (IV. 71). Геродотъ опредѣлительно говоритъ, что это державное «Кампо-Санто», этотъ «Уэстминстеръ» Скиѳскій, находится въ странѣ Герросъ или Герры, которой мѣстоположеніе опредѣляется у него съ одной стороны отдѣленіемъ рѣки Герроса отъ Борисѳенеса, съ другой границею судоходства *по* Борисѳенесу; которая посему должна быть не иное что, какъ самая островитая часть долины Днѣпровской, простирающаяся между первымъ сліяніемъ Бузулука съ Днѣпромъ и началомъ Пороговъ, между нынѣшними мѣстечкомъ Никополемъ и городомъ Александровскомъ въ Екатеринославской губерніи. Здѣсь дѣйствительно, по обѣ стороны Днѣпра, столплены въ наибольшемъ количествѣ таинственные курганы, которые весьма часто оказываются не чѣмъ инымъ, какъ «могилами». Вообще должно замѣтить, что эта сторона до самыхъ позднѣйшихъ временъ играла важную роль на всемъ пространствѣ степей Южно-Россійскихъ, что она была какъ-бы ключемъ всего нижняго По-Днѣпровья, что здѣсь именно, на островѣ Хортицѣ, лежащемъ почти подъ самыми Порогами, находилась, какъ было замѣчено, послѣдняя столица послѣднихъ преемниковъ

Скиѳовъ, Козаковъ Запорожскихъ, царевавшихъ отсюда по всему сѣверному Черноморью [97]. Такимъ-образомъ, Скиѳы-Царскіе, занимая всю нынѣшнюю Таврическую губернію, должны были отчасти захватывать и губернію Екатеринославскую, въ которой именно и граничили къ сѣверу съ жилищами Смурыхъ-Кафтановъ.

Такъ размѣщаются въ четвероугольникѣ Скиѳскомъ всѣ колѣна Скиѳовъ, исчисленныя и описанныя Геродотомъ. Остается только одинъ пробѣлъ, ничѣмъ и никѣмъ не замѣщенный: это западный край четвероугольника, между Днѣстромъ и Серетомъ, то-есть нынѣшняя Бессарабія и Молдавія. Очевидно, край этотъ былъ вовсе неизвѣстенъ Геродоту, когда онъ объ немъ рѣшительно не говоритъ ни слова. Вѣроятно, нижняя степная часть его, въ тѣ времена, вовсе

---

[97] Нынѣшнее Днѣпровское Подпорожье, то что прежде, относительно Россіи и Польши, называлось Запорожьемъ, начиная съ послѣдняго «Вольнаго-Порога», обозначается на Днѣпрѣ во-первыхъ группою 6 маленькихъ островковъ, называемыхъ Дубовыми. Потомъ слѣдуетъ островъ Вербовъ. Урочища, которыхъ самыя названія означаютъ «лѣсъ», Гилею! Въ-слѣдъ за-тѣмъ, Днѣпръ поворачиваетъ вдругъ весьма круто на юго-западъ: и это, на правомъ берегу, образуетъ весьма замѣчательный мысъ, который называется нынѣ Кичкасъ. Cette langue de terre, говоритъ извѣстный Боплант, est enfermée par ledit Boristhene, et enuironnée de deux precipices inaccessibles, qu'on ne peut aborder que d'vn costé de la campagne, par vn endroit d'enuiron de deux mille pas, et en lieu assez bas, il n'y auroit que ce lieu à enfermer pour auoir vne belle et forte ville, il est vray que la terre n'estant plane, elle fait vne forme de circonference, qui fait que les riues de la Tartarie y commandent ces lieux, comme aussi ces lieux commandent les riues de Tartarie, ces lieux sont fort esleués, la riuiere y est entiere et n'est point embarassée, et est fort estroite particulierement au *midi* - - - i'ay veu des Polonnois tirer de l'arc d'vne riue à l'autre, et la flesche tomber plus de cent pas de l'autre *costé* - - - c'est là le plus grand et commode passage qu'ayent les Tartares, tant qu'en ce lieu, le canal ne peut pas auoir plus de 150 pas. Description d'Ukraine, par le sieur *Beauplan*. p. 21. Ниже, не больше какъ въ четверти версты, начинается островъ Хортица. Кажется, это урочище въ Книгѣ Большаго-Чертежа обозначено подъ именемъ Червонныхъ-Горъ. Книга Б. Ч. изд. Языкова. Стр. 101. Я полагаю здѣсь самое приличное мѣсто кладбищу царей Скиѳскихъ, посреди столь дикаго, грозновеличественнаго ландшафта. Геродотъ именно говоритъ, что оно находилось тамъ, «докуда Борисѳенесъ судоходенъ»: *ταφαὶ δὲ τῶν βασιλήων ἐν Γέρροισί εἰσι· ἐς ὃ ὁ Βορυσθένης ἐστὶ προσπλωτός* (IV. 71). Святыня этого мѣста не возвышалась-ли еще и тѣмъ, что здѣсь-же по всей вѣроятности, полагалась миѳическая колыбель Скиѳовъ: та таинственная пещера, въ которой, по сказанію Понтійскихъ Эллиновъ, переданному Геродотомъ (IV. 8 — 10), родились Агаѳирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, отъ героя Ираклa и прелестной Змѣй-Дѣвицы, и которая находилась, какъ говоритъ то-же преданіе, въ отдаленномъ углу Гилеи, куда Ираклъ достигнулъ не прежде, какъ прошедши всю землю Скиѳскую съ запада? Тутъ-же, вѣрно, сохранялось и «священное злато», палладіумъ народности Скиѳовъ, ниспосланный съ неба, бл гоговѣйно хранимый царями и чествуемый отъ народа ежегодными жертвами (IV. 5 — 7). Вотъ новая причина, по которой гранитная гряда, ведущая сюда изъ глубины степей, могла называться «Святыми-Путями». Впрочемъ, прилагательное «Ἱραὶ» не находилось-ли въ связи съ именемъ «Γέρροι»? «Γέρρον», по-эллински, означаетъ «все сплетенное изъ прутьевъ», посему «щитъ», «шалашъ», «изгороду». Можно дѣлать разныя догадки, чтобъ это значеніе приладить къ нынѣшнему Подпорожью. Русскому уху наименованіе «Γέρροι» представляетъ весьма соблазнительное созвучіе съ «*яры*», какъ называемъ мы крутые обрывы и въ водѣ и на землѣ!

не имѣла постояннаго населенія; въ верхней-же, горной, его части, могли жить тѣ Скиѳы, которыхъ Геродотъ называетъ Алазонами.

Остается теперь обставить четвероугольникъ, вмѣщающій Скиѳію, тѣми народами, которыхъ Геродотъ представляетъ болѣе или менѣе сосѣдами Скиѳовъ.

Народы «само-ближайшіе», πλησιοχώρους, то-есть непосредственно смежные съ Скиѳами, Геродотъ самъ вычисляетъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Тавры, Агаѳирсы, Невры, Людоѣды, Смурые-Кафтаны, Гелоны, Будины и Савроматы (IV. 102). Къ нимъ должно еще причислить Ѳраковъ, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ у Геродота говорится, какъ о непосредственныхъ сосѣдахъ Скиѳамъ (IV. 99); и сверхъ того Еллиновъ, которые еще до временъ Геродота успѣли уже разбросать нѣсколько усадьбъ по основанію четвероугольника Скиѳскаго вдоль сѣвернаго побережья морей Чернаго и Азовскаго.

Начинаю съ исчисленія колоній Еллинскихъ, упоминаемыхъ въ Скиѳіи Геродотомъ.

Только двѣ изъ ниxъ Геродотъ характеризуетъ нѣсколько, по-крайней-мѣрѣ хоть тѣмъ, что обѣ равно производитъ отъ Милетцевъ: это колонія Борисѳенская (IV. 78) и колонія Истріанская (II. 33), находившіяся при устьяхъ двухъ главнѣйшихъ рѣкъ Скиѳіи, Днѣпра и Дуная. Колонія Борисѳенская была то-же, что Ольвія. Колонія Истріанская, очевидно та-жь самая, которую *Плиній* называетъ Истрополисомъ Милетскимъ, находилась гдѣ-нибудь около нѣнѣшняго Кюстенджи, въ юго-восточномъ углу древней дельты Дунайской [98]. Обѣ онѣ были, кажется, тогда въ равно цвѣтущемъ состояніи. Геродотъ говоритъ, что одинъ изъ царей Скиѳскихъ, именно Аріапиѳесъ, отецъ еллиномана Скилеса, былъ женатъ на Истріанкѣ; а Скилесъ, въ свою очередь, на Борисѳенитянкѣ

---

[98] Нынѣшнее Кюстенджи конечно есть византійская Κωνσταντιάνα, упоминаемая Геройломъ въ числѣ городовъ епархіи Скиѳской, непосредственно послѣ Ἴστρος. *Hieroclis* Synecdemus, 6. Древній Истрополисъ, очевидно Ἴστρος Гіерокла, обыкновенно полагаютъ въ нынѣшнемъ мѣстечкѣ Кара-Керманъ, лежащемъ на сѣверъ отъ Кюстенджи. Но Катанчичъ, сколько по созвучію именъ, столько и по большей сообразности съ мѣрою Стравона (VII. 6), находитъ слѣдъ Истрополиса въ мѣстечкѣ Vister, лежащемъ промежь Кюстенджи и Кара-Кермана. De Istro ejusque accolis, p. 25. Существуетъ-ли точно такое мѣстечко: я не знаю.

(IV. 78). Честь конечно не велика, снабжать харемы варваровъ красавицами; но замѣчательно, что Истріанка сама выучила сына грамотѣ, а Борисѳенитянка заставила мужа выстроить себѣ дворецъ съ бѣломраморными сфинксами и грифами (IV. 78, 79): доказательство, что обѣ колоніи отличались не только богатствомъ, но и образованностью.

Между ними, Геродотъ еще упоминаетъ объ Еллинахъ–Тиритахъ, которые жили при устьѣ Днѣстра, безъ-сомнѣнія въ окрестностяхъ нынѣшняго Аккермана[99]; и объ Еллинахъ на Гипанисѣ, называвшихъ себя Ольвіополитами, которыхъ мѣстопребываніе означается памятниками, открытыми недавно возлѣ устья Тилигула, въ дачахъ селенія Коблевки[100].

Этѣ четыре колоніи были, должно-быть, единственныя въ Главной-Скиѳіи, во времена Геродота. Въ восточной половинѣ четвероугольника Скиѳскаго, ихъ было еще менѣе; по-крайней-мѣрѣ у Геродота упоминаются только два урочища, о которыхъ съ достовѣрностью можно предполагать, что они были населены Еллинами: это «городъ» Каркинитида, на нынѣшней Кинбурнской-Косѣ, и «торжище» Кремны, въ окрестностяхъ теперешняго Бердянска. Какъ собственныя имена этихъ мѣстечекъ, которыя суть чисто еллинскія, такъ и прилагаемыя къ нимъ нарицательныя прозвища «города» и «рынка», достаточно свидѣтельствуютъ въ пользу ихъ еллинскаго происхожденія и населенія. На всей окружности нынѣшняго полуострова Крымскаго Геродотъ не упоминаетъ ни объ одномъ пріютѣ Еллиновъ, конечно потому-что такихъ пріютовъ вовсе еще не было; а не было ихъ, безъ-сомнѣнія по причинѣ страшнаго сосѣдства Тавровъ,

---

[99] Въ дошедшемъ до насъ подъ именемъ Скилакса Каріандскаго Периплѣ упоминается Тиресъ, искаженный въ Τρίσσης, и на немъ города еллинскіе Νεώνειον, должно-быть Νικώνιον Птолемея, Νικωνία Стравона, и Ὀφιοῦσα, которую подъ тѣмъ-же именемъ упоминаетъ Стравонъ, а Плиній называетъ еще, совмѣстно рѣкѣ, Tyras. *Scylacis Caryandensis* Periplus, въ *Hudson* Geogr. Veter. Script. Min. t. I. p. 29. Если этотъ Периплъ принадлежитъ тому Скилаксу Каріандскому, которому, по свидѣтельству самого Геродота, Дарій поручалъ извѣдать, куда течетъ рѣка Индъ, и который въ-слѣдствіе-того оплылъ кругомъ всю Африку (IV. 44): то города, упоминаемыя въ немъ на Тиресѣ, должны были существовать до Геродота. Но новѣйшая критика не признаетъ ему такого ранняго происхожденія: Нибуръ и Укертъ относятъ его много-много къ началу IV вѣка до Р. Х. (ок. 370 г.). Впрочемъ, Офіуса, которая, по свидѣтельству Амміана-Марцеллина, была основана еще Финикіянами, вѣрно существовала уже во времена Геродотовы: въ ней, такъ-какъ она, по свидѣтельству Плинія, называлась и Тирасомъ, жили Геродотовы Тириты.

[100] По измѣреніямъ Арріана, здѣсь должно было находиться поселеніе еллинское Одессосъ съ пристанью. *Arriani* Periplus Ponti Euxini, въ *Hudson* Geogr. Vet. Script. Min. p. 21. Вѣроятно, оно-жь называется у Плинія Portus Ordesus (IV. 26), у Птолемея Ὀρδησσὸς на рѣкѣ Аксіакѣ (III. 5).

которые продолжали еще и во времена Геродота приносить въ жертву своей кровожадной «Дѣвѣ» всѣхъ Еллиновъ, попадавшихся имъ въ руки (IV. 103)[101].

Перехожу къ туземнымъ племенамъ, граничившимъ съ Скиѳіею, начиная къ слову, съ Тавровъ.

Тавры народъ дикій и свирѣпый, обитали въ горахъ, составляющихъ Южный-Берегъ Крыма, отъ Севастополя до Ѳеодосіи, который потому и назывался Таврикою (IV. 99), да и самыя горы носили также имя Таврическихъ (IV. 3). По своему физико-географическому свойству, страна Тавровъ извѣстна еще была подъ наименованіемъ Горнаго-Херсониса, то-есть Полуострова (IV. 99). Итакъ, Тавры были непосредственными сосѣдами Царскихъ-Скиѳовъ съ юга.

Тѣхъ-же Царскихъ-Скиѳовъ сосѣдами къ востоку былъ особый народъ, Савроматы. По сказанію, сохраненному Геродотомъ (IV. 110 — 117), они были потомки Амазонокъ, которыя увлекли за собой влюбленныхъ въ нихъ юношей изъ Скиѳіи за Танаисъ, и тамъ поселились въ разстояніи на три сухопутные дня къ востоку отъ Танаиса и на три-же сухопутные дня отъ Меотиды къ сѣверу (IV. 116): значитъ, въ нынѣшней землѣ Донскихъ-Козаковъ, между впадающими въ Донъ слѣва рѣками Манычемъ и Саломъ. Тутъ впрочемъ были только первоначальное гнѣздо ихъ. По точнымъ словамъ Геродота, Савроматы, въ его время, распространялись уже къ сѣверу отъ «пазушья Меотиды», разумѣется того, которымъ поглощался Танаисъ, на пятнадцать сухопутныхъ дней, въ степяхъ совершенно голыхъ и безлѣсныхъ (IV. 20). На нашу мѣру, это будетъ пространство въ пятьсотъ-двадцать-пять верстъ: пространство отъ устьевъ Дона почти до нынѣшняго Харькова. Тутъ и надобно будетъ положить сѣверный предѣлъ обширной области Савроматовъ, которая посему захватитъ не только всю нынѣшнюю землю Донскихъ-Козаковъ, но и нѣсколько уѣздовъ Екатеринославской и Воронежской губерній, наконецъ всю южную половину губерніи Харьковской: страны дѣйствительно голыя и безлѣсныя. Отъ четвероугольника

---

[101] «Укрѣпленія Киммерійскія», Κιμμέρια τείχεα, которыя Геродотъ упоминаетъ въ землѣ Киммерійской (IV. 12), то-есть въ нынѣшнемъ полуостровѣ Керченскомъ, конечно, не были одно и тоже съ «городомъ Киммерійскимъ», Κιμμερικὸν или Κιμμερὶς πόλις, о которомъ говоритъ Скимнъ, прибавляя притомъ, что этотъ городъ былъ построенъ тиранами Воспорскими (vv. 148 — 150), слѣдовательно уже позже Геродота. Что касается до «перевоза Киммерійскаго», Πορθμὶὸς Κιμμέρια, тамъ-же упоминаемаго Геродотомъ (IV. 12), то нѣтъ никакого основанія принимать нарицательное имя урочища за собственное имя города Еллинскаго.

Скиѳскаго, въ соотвѣтственность означенію Геродота, область эта будетъ постоянно отдѣляться Сѣвернымъ-Донцемъ, который потому и долженъ быть, скорѣе чѣмъ нынѣшній Донъ, признанъ за настоящій Геродотовъ Танаисъ.

Протянувъ такимъ-образомъ область Савроматовъ къ сѣверу, мы очутимся почти на той-же самой чертѣ, которая, въ-слѣдствіе другихъ выкладокъ, оказалась южнымъ предѣломъ для жилищъ Смурыхъ-Кафтановъ, народа, полагаемаго Геродотомъ на сѣверѣ отъ Царскихъ-Скиѳовъ (IV. 20). Народъ Смурые-Кафтаны, какъ уже дознано, долженъ былъ жить въ срединѣ нынѣшней Полтавской губерніи, между Сулою и Псломъ, слѣдовательно въ сосѣдствѣ Савроматовъ. Геродотъ не говоритъ, чтобъ это былъ народъ многочисленный и сильный: вѣрно онъ и въ-самомъ-дѣлѣ не былъ таковъ. Изъ того, что, по ясному указанію Геродота, къ сѣверу за Смурыми-Кафтанами начиналась опять безлюдная, наполненная болотами, пустыня (IV. 20), необходимо должно заключить, что жилища ихъ не поднимались далеко за Сулу и что потому сѣверная часть нынѣшней Полтавской губерніи, часть дѣйствительно все еще полу-степная полу-пустынная, не принадлежала къ ихъ владѣнію, была просто ничьею. Къ западу Смурые-Кафтаны имѣли естественную, непроходимую границу въ Днѣпрѣ, который и отдѣлялъ ихъ отъ смежнаго народа, означаемаго у Геродота страшнымъ именемъ Людоѣдовъ (IV. 100) [102].

Людоѣды, по Геродоту, находились къ сѣверу отъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ (IV. 18); слѣдовательно въ южномъ краѣ нынѣшней Кіевской губерніи; вѣроятно, между нынѣшнихъ притоковъ Днѣпра, Тясьмина и Роси. Этому народу Геродотъ также не приписываетъ ни многочисленности, ни силы: посему, конечно, и занималъ онъ незначительное пространство. Къ сѣверу отъ него начиналась опять безлюдная пустыня (IV. 18), безъ-сомнѣнія занимавшая всю средину нынѣшней Кіевской губерніи, по-крайней-мѣрѣ до самаго Кіева [103].

---

[102] При началѣ нашей отечественной исторіи, рѣка Сула составляла пограничную черту между осѣло-населенною сѣверною полосою Украйны и Дикимъ-Полемъ южныхъ безпріютныхъ степей. Меланхлены или Смурые-Кафтаны у Геродота не причисляются къ номадамъ, какъ сосѣды ихъ Людоѣды (IV. 107. 106), и потому вѣрно были народъ осѣдлый.

[103] Рѣка Рось, въ старинныхъ нашихъ преданіяхъ, играетъ такую-же роль на правой сторонѣ Днѣпра, какъ Сула на лѣвой. Передъ устьемъ своимъ, при мѣстечкѣ Сахновкѣ, она раздѣляется на два рукава, которые, съ принимающимъ ихъ Днѣпромъ, образуютъ довольно большой островъ, весь покрытый озерами

Къ западу отъ Людоѣдовъ (IV. 100), смежно съ Алазонами (IV. 17), слѣдовательно въ сѣверномъ краѣ нынѣшней Подольской губерніи, жили Невры: народъ кудесниковъ, поднявшійся на сѣверъ не за долго до Геродота, изъ-внутри Скиѳіи (IV. 105), вѣроятно по теченію Днѣстра. Отсюда, конечно, простирались они внутрь нынѣшней Галиціи, по всей вѣроятности до той озерно-болотистой области долины Днѣстровской, которая преимущественно затопляетъ нынѣшній округъ Самборскій, гдѣ потому и должно искать пустыню, полагаемую Геродотомъ къ сѣверу за Неврами (IV. 17)[104].

Съ Неврами граничили Агаѳирсы, народъ, который Геродотъ помѣщаетъ опредѣлительно первымъ отъ Истроса на сѣверъ, въ средоземьѣ (IV. 100). По сходству ихъ съ Ѳраками, положительно утверждаемому Геродотомъ (IV. 104), должно неотмѣнно заключить, что они были также и непосредственными сосѣдами Ѳраковъ. Слѣдовательно, они должны были окаймлять своими жилищами весь западный бокъ четвероугольника Скиѳскаго, простираться, между Серетомъ и Карпатомъ, по западному краю нынѣшняго Молдавскаго-Княжества начиная отъ Валахіи. Геродотъ называетъ Агаѳирсовъ народомъ «чрезвычайно золотоноснымъ», χρυσοφόροι ταμάλιστα (IV. 104): таково именно все Молдавское и даже Валахское Под-Карпатье, изобилующее «золотоносными» рѣками, изъ которыхъ одна, именно Быстрица, впадающая въ Серетъ, называется до-сихъ-поръ не иначе какъ «Золотою-Быстрицею»[105]. Вѣроятно, Агаѳирсы

и всякаго рода топями. Не это-ли тѣ «болота» и та «пустыня», которыя Геродотъ полагаетъ къ сѣверу за Смурыми-Кафтанами (IV. 20)?

[104] Геродотъ говоритъ, что Невры, только за одно поколѣніе передъ походомъ Дарія, покинули свои прежнія жилища, принужденные къ тому чрезмѣрнымъ размноженіемъ змѣй (IV. 105). Это даетъ намекъ на Офіусу, находившуюся при устьѣ Днѣстра, которой имя означаетъ «Змѣиный-Городъ» или «Зміевъ». Замѣчательно, что въ сѣверной части нынѣшней Подольской губерніи есть длинный валъ, въ родѣ Бессарабскихъ Трояновъ, который проходитъ и въ Кіевскую губернію, чуть-ли не до Днѣпра: онъ называется у туземцевъ «Змѣемъ»! По остроумной догадкѣ Шафарика, слѣды Невровъ сохраняются донынѣ въ именахъ двухъ притоковъ Западнаго-Буга, Нарева и Нурчика, по которымъ нынѣшняя Августовская губернія въ царствѣ Польскомъ и Бѣлостокская область, старая Подляхія, назывались и называются еще Нурскою-Землею. Slow Starożit. o. l. c. 2. § 10. Такъ! Но едва-ли со временъ Геродота?

[105] До послѣднихъ временъ, въ Молдавіи и Валахіи существовалъ особый классъ Цыганъ, которые обязаны были заниматься собираніемъ золота въ рѣкахъ, съ условіемъ ежегодно платить по три или по четыре драхмы «домнѣ» то-есть владѣтельной господаршѣ; они и назывались потому «Аурари», что по-румунски значитъ тоже что «χρυσοφόροι». Διονυσίου Φωτεινοῦ Ἱστορία τῆς πάλαι Δακίας, Βιέν. 1818. т. III. μ. 5. к. 6. *Demetrii Kantemiri* Descriptio Moldaviæ, p. l. c. 5. Ср. Histoire de la Valachie, de la Moldavie et des Valaques Transdanubiens, par *M. de Kogalnitchan*, Berlin 1837. t. I. p. 44.

проникали на сѣверо-западъ до предѣловъ нынѣшней Трансильваніи; можетъ-быть по долинамъ Молдавы, Быстрицы и Татроша. Этимъ объясняется, почему Геродотъ производитъ отъ Агаѳирсовъ одинъ изъ главныхъ притоковъ Истроса, Марисъ (IV. 49), который, по всѣмъ соображеніямъ, долженъ быть не что иное какъ нынѣшняя «Золотоносная» Ольта или Алута, начинающаяся не вдалекѣ отъ Татроша [106]. Итакъ, Агаѳирсы Геродота были не что иное, какъ народъ, заселявшій всю длину Молдавскаго Под-Карпатья. Они ограничивали Скиѳію съ запада, сами гранича къ сѣверу съ Неврами, къ югу съ Ѳраками.

Ѳраки, по точнымъ словамъ Геродота, отдѣлялись отъ Скиѳіи Дунаемъ (IV. 99); слѣдовательно ограничивали ее съ юго-запада, въ сѣверо-восточномъ углу нынѣшней Булгаріи. Благороднѣйшее изъ многочисленныхъ племенъ ихъ, носившее имя Гетовъ-Безсмертныхъ (IV. 92), находилось тогда въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Скиѳіею (IV. 118). По Геродоту, Ѳраки всѣ вообще, слѣдовательно и Геты, не только не простирали своихъ жилищъ на лѣвую сторону Дуная, въ нынѣшнюю Валахію, но и не имѣли объ ней никакихъ свѣдѣній, кромѣ-того-что это «пустыня безпредѣльная» (V. 9). Таковыми и въ-самомъ-дѣлѣ должны казаться изъ-за Дуная обширныя степи Валахскія, достойное продолженіе безпредѣльныхъ степей Южной-Россіи.

И вотъ весь четвероугольникъ Скиѳскій обставленъ кругомъ. Гдѣ-же мѣсто еще для двухъ народовъ, которыхъ Геродотъ также называетъ «самоближайшими» къ Скиѳамъ, то-есть для Будиновъ и для Гелоновъ? У Геродота

---

[106] Геродотовъ Марисъ единогласно всѣми считается за нынѣшній Марошъ въ Трансильваніи. Но есть-ли какая-либо возможность, чтобы притокъ, проводимый прямо въ Истросъ, и притомъ тотчасъ въ-слѣдъ за «самородными рѣками Скиѳскими» (IV. 49), означалъ рѣку, которая, начинаясь въ сокровеннѣйшихъ ущельяхъ Карпатъ, имѣетъ все свое теченіе по-ту-сторону ихъ колоссальнаго амфитеатра, и которая, не доходя до Дуная на весьма значительное разстояніе, теряетъ и самостоятельность и имя, поглощаясь Тисою, во глубинѣ степей Венгріи? Нынѣшняя Алута или Олта зачинается также въ ущельяхъ Карпатъ, и не вдалекѣ отъ источниковъ Мароша, изъ одного и того-же звена цѣпи Карпатской, которое называется горой Таркö. Но потомъ она вырывается, чрезъ такъ-называемое Талмачское ущелье, по-нѣмецки «Rothenthurm-Paß», возлѣ Германштадта, на раздольныя равнины Валахіи, и, прорѣзавъ ихъ на-сквозь вливается прямо въ Дунай на-супротивъ Никополя въ Булгаріи. Transilvania, seu Magnus Transilvaniæ Principatus, auct. *Josepho Benkö*. Claudiop. 1834. t. I. p. 65. Что Алута и Марошъ, по причинѣ соприкосновенности своихъ источниковъ, могли въ древности сообщить одна-другой свое имя, это очевидно изъ аналогіи множества одноименныхъ рѣкъ по обѣ стороны Карпатъ: такъ въ смежныхъ краяхъ съ одной стороны Трансильваніи, съ-другой Галиціи и Молдавіи находится три или четыре Быстрицы, столько-же или болѣе Самошей, и т. п. Линднеръ также подозрѣваетъ тожество Мариса съ Алутой. Sfythien und die Sfythen des Herodots, S. 138.

оба они, хотя разнаго происхожденія, разныхъ языковъ и разныхъ нравовъ, представляются живущими совмѣстно, другъ-возлѣ-друга въ одной области, которая собственно принадлежала Будинамъ «народу великому и многочисленному» а Гелоновъ имѣла пришлыми, или лучше набѣглыми, изъ приморскихъ Еллиновъ, всельниками (IV. 108). Но область Будиновъ, по соображеніи всѣхъ мѣстъ Геродота, гдѣ идетъ объ ней дѣло, оказывается соприкосновенною съ одной стороны съ Савроматами (IV. 21) и съ Смурыми-Кафтанами (IV. 125), съ другой съ Неврами (IV. 105). Слѣдовательно, она должна была простираться, между сѣверными краями нынѣшнихъ Харьковской и Подольской губерній, по губерніямъ Полтавской (на сѣверѣ), Черниговской (на югѣ), Кіевской (опять на сѣверѣ) и Волынской (во всю ширину). И точно, здѣсь начинается страна лѣсистая; во всей полнотѣ буквальнаго смысла «зарощенная всякаго-рода лѣсомъ», какъ выражается Геродотъ о странѣ Будиновъ. Страна эта на сѣверо-западѣ упирается въ дремучее, до-сихъ-поръ непроходимое, Полѣсье, простирающееся по границѣ губерній Волынской и Минской, которое и у Геродота явственно обозначается тою «большою пущею», гдѣ находится обширное «скопище водъ» (IV. 109), то-есть нынѣшнія Пинскія-Болота, сопровождающія бассейнъ Припети, главнѣйшаго изъ верхнихъ притоковъ Днѣпровскихъ [107]. Если

[107] Болота эти находятся преимущественно въ окрестностяхъ города Пинска, гдѣ, съ-одной-стороны Пина и Ясолда, съ-другой Стырь и Стоходъ, соединяются съ Припетью безчисленнымъ множествомъ протоковъ, образующихъ огромный лабиринтъ водъ, который, особенно весною, разливается цѣлымъ потопомъ въ глубокой котловинѣ, представляемой здѣсь поверхностью земли. Посредствомъ тригонометрическихъ съемокъ дознано, что область Припети, у самыхъ источниковъ рѣки, именно между городами Кобриномъ и Пружанами, едва 68 саженями (7 англ. фут.) выше уровня Балтійскаго-Моря, отстоящаго почти на 5 градусовъ широты. Предѣлы ея обозначаются: на югѣ, такъ-называемою Авратынскою-Высью, которая поднимается мѣстами до 300 футовъ выше моря; къ сѣверу, Высью-Ошмянскою, которая при деревнѣ Тулишкахъ имѣетъ около 147 саженъ возвышенія. Кромѣ поименованныхъ рѣкъ, сюда, въ главную трубу Припети, сливается ихъ, съ обѣихъ сторонъ, безчисленное множество: и изъ нихъ нѣкоторыя, по ту и по другую сторону, носятъ одинакія имена, на-примѣръ Случь здѣсь, на югѣ, и Случь тамъ, на сѣверѣ. Сверхъ-того, вся эта низь наполнена множествомъ мелкихъ озеръ, особенно въ верховьяхъ рѣкъ, около мѣстечекъ Ковеля, Ратна и Дивина, гдѣ между-прочимъ особенно замѣчателенъ глубокій, бездонный богачъ Ока, питаемый неизсякаемыми ключами извнутрь самой земли; дальше къ сѣверу, между рѣками Случемъ и Орессою, находится даже значительное озеро, называемое Слуцкимъ. Что касается до болотъ и топей, то они повсемѣстны: твердоземъ добываютъ изъ-подъ нихъ посредствомъ безчисленныхъ канавъ, которыя тянутся иногда на многіе десятки верстъ, на-примѣръ около Дивина; добытый, спасаютъ отъ наводненій непрерывными плотинами и гатями, на-примѣръ вокругъ Ковеля; въ окрестностяхъ Ратна, случается переѣзжать отъ 7 до 8 длинныхъ мостовъ, отстоящихъ другъ-отъ-друга не болѣе какъ на 20 шаговъ. Eichwald Naturhiſtoriſche Skizze von Litthauen, Wolynien und Podolien, S. 100 ff. Ср. его-же Darius Hyſtaſpis zieht nach der Gegend von Pinſk въ Dorpat. Jahrb. 1834. Bd. III. Hft. I. S. 10 — 12.

взять два единственные почтовые тракта, которые въ настоящее время прорѣзываютъ Полѣсье въ ширину, съ юга на сѣверъ; то они оба имѣютъ протяженіе, близкое къ «семи сухопутнымъ днямъ», которые Геродотъ назначаетъ для пустыни, лежащей къ сѣверу за страною Будиновъ: именно отъ мѣстечка Клевани въ Волынской до мѣстечка Логишина въ Минской губерніи, двѣстѣтридцать-одна верста съ четвертью; отъ села Могильна опять въ Волынской до деревни Мармоли на границѣ Могилевской губерніи съ Минскою, двѣстѣшестьдесятъ-девять верстъ и три четверти. Слѣдовательно, вотъ и опредѣлена какъ-не-льзя согласнѣе съ Геродотомъ, сѣверная граница Будиновъ на западной сторонѣ бассейна Днѣпровскаго. Какъ-же далеко простирались они къ сѣверу на восточной сторонѣ Днѣпра? Вѣроятно, также до густо-лѣсистой и тонко-болотистой полосы, которая, какъ продолженіе Полѣсья, проходитъ по границѣ губерній Черниговской и Могилевской, между городами Городней и Бѣлицей, и раскидывается далѣе дремучими, до позднѣйшихъ временъ знаменитыми лѣсами Стародубскими и Брянскими. Гелоны должны были пробраться къ Будинамъ конечно скорѣе по Днѣстру, точно-какъ и Невры, чѣмъ по Днѣпру, котораго протяженіе было извѣстно Еллинамъ не дальше пороговъ. Слѣдовательно, и жилища ихъ надо полагать гдѣ-нибуь въ западномъ краѣ Волынской губерніи. Тутъ-же, безъ-сомнѣнія, не вдалекѣ, находился и городъ Гелоносъ, который, по описанію Геродота, явно былъ и построенъ и населенъ ими, а не Будинами [103]. Теперь остается только разрѣшить: какимъ-же образомъ Геродотъ могъ называть «само-ближайшими» сосѣдами Скиѳовъ, народы столь отдаленные, составлявшіе уже такъ-сказать вторую кайму четвероугольника Скиѳскаго съ сѣвера? На это можно отвѣчать, что какъ Людоѣды и Смурые-Кафтаны были народцы немногочисленные, сжимавшіеся на небольшомъ пространствѣ при обѣихъ сторонахъ Днѣпра, то конечно между ними и сосѣдними имъ параллельно

---

[103] Можетъ-быть на мѣстѣ нынѣшняго Кіева? Но ужь никоимъ образомъ не тамъ, гдѣ въ-послѣдствіи процвѣталъ Великій-Новгородъ, какъ утверждаетъ профессоръ Сенковскій: который гораздо счастливѣе разрѣшилъ до-сихъ-поръ неразрѣшимую задачу о «красно-голубомъ цвѣтѣ» Будиновъ, упоминаемомъ у Геродота (IV. 108). См. Энциклоп. Лексик. т. XIII. с. 452. Что выраженія Геродотовы «γλαυκόν τε πᾶν ἰσχυρῶς καὶ πυῤῥόν» означаютъ вовсе не «татуированіе красно-голубою краскою» ни даже «голубые глаза и рыжіе волосы», а просто «бѣлобрысость и веснушечность»: это превосходнымъ ученымъ образомъ доказано въ «двухъ примѣчаніяхъ къ Геродотову описанію Скиѳіи», помѣщенныхъ въ Библ. д. Чтен. т. XXVII. о. III. с. 94—117.

народами, то-есть съ одной стороны Неврами, съ другой Савроматами, оставались пустынные промежутки, по которымъ Скиѳы, избѣгая прикосновенія къ жилищамъ слишкомъ дикихъ варваровъ, могли имѣть прямое и непосредственное сообщеніе съ Будинами и Гелонами; отчего и въ разсказахъ своихъ Геродоту, весьма естественно и не лживо могли объявить ихъ своими «самоближайшими» сосѣдами.

За Будинами Геродотъ помѣщаетъ еще два народа, Ѳиссагетовъ и Иврковъ (IV. 22) [109]: изъ которыхъ первый называетъ «народомъ многочисленнымъ и особымъ». Жили они оба вмѣстѣ, «за пустынею», которая ограничиваетъ Будиновъ съ сѣвера, «склоняясь однако больше къ востоку». Если взять въ соображеніе, что Геродотъ въ описаніи страны Будиновъ идетъ отъ соприкосновенія ея съ областью Савроматовъ, слѣдовательно отъ востока къ западу; то выраженіе *μετὰ τὴν ἔρημον*, «за пустынею», разумѣя подъ «пустынею» не только сѣверную, но и западную границу Будиновъ, должно понимать не о Полѣсьѣ въ собственномъ смыслѣ, но объ Авратынской-Выси. Почему Ѳиссагетовъ и Иврковъ придется посадить кругомъ этой лѣсистой выпуклости, въ сѣверо-западномъ углу нашей Волынской губерніи и въ сѣверо-восточномъ Австрійской-Галиціи, можетъ-быть даже до верховьевъ Днѣстра. Здѣсь, съ сѣверо-восточнаго склона Авратынской-Выси, сливается множество рѣкъ, стремящихся преимущественно въ Припеть, между которыми не трудно отъискать Ликосъ, Оаросъ, Танаисъ и Сиргисъ, выводимыя Геродотомъ, изъ пустыни, за которою живутъ Ѳиссагеты (IV. 123). Здѣсь, вокругъ лѣсовъ, донынѣ изобилующихъ и дичью и краснымъ звѣремъ, оба народа, Ѳиссагеты и

---

[109] «Ἰῦρκαι» я пишу по-русски «Иврки», держась произношенія Новыхъ-Грековъ, которое, совершенно въ нынѣшнемъ видѣ, было перенято нашими праотцами у Византійцевъ, и постоянно сохраняется во всѣхъ словахъ, перешедшихъ въ нашъ языкъ съ Греческаго. Сообразная съ тѣмъ система правописанія наблюдается мною вездѣ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ насиліемъ употребленія дано рѣшительное преимущество латинской орѳографіи; на-примѣръ въ самомъ имени «Геродота», которое слѣдовало-бы, по орѳографіи согласной съ еллинскою, писать «Иродотъ». Впрочемъ, чтобъ быть и здѣсь сколько-возможно послѣдовательнымъ, я принялъ за правило выражать еллинскую *η* вездѣ черезъ русское *е*, съ весьма немногими исключеніями, гдѣ опять капризъ употребленія требуетъ непремѣнно сохранять *и*, какъ на-примѣръ въ словахъ «Е*лл*ины» и «*И*раклъ». Извѣстно, что у Мелы (I. 19) и у Плинія (VI. 7), возлѣ народа «Thyssagetæ» или «Thussagetæ» помѣщаются «Turcæ»: это заставило многихъ, особенно современныхъ ученыхъ, и у Геродота вмѣсто «Ἰῦρκαι» читать «Τῦρκαι»; другіе напротивъ у Мелы и Плинія читаютъ, согласно съ Геродотомъ, «Iyrcæ». Варіантъ, весьма важный для этнографіи: но я воздерживаюсь здѣсь отъ всѣхъ этнографическихъ разысканій.

Иврки, весьма удобно могли жить отъ охоты (IV. 22). «Склоненіе къ востоку», о которомъ Геродотъ говоритъ при Ѳиссагетахъ, надо разумѣть, обходя Авратынскую-Высь, по южной ея границѣ, сначала съ востока на западъ, и потомъ обратно съ запада на востокъ; къ примѣру, отъ Староконстантинова, черезъ Проскуровъ, Тарнополь, Лембергъ и Бужскъ, опять къ Луцку и Владиміру [110]. Тутъ-же гдѣ-нибудь, можетъ-быть около нынѣшняго Кременца, находился и притонъ бѣглыхъ Скиѳовъ, выселившихся сюда весьма издалека, изъ Скиѳской-Царевщины: по-крайней-мѣрѣ такъ должно заключать изъ словъ Геродота, который говоритъ, что съ убѣжища, найденнаго здѣсь Скиѳами, начинается страна «каменистая и гористая» (IV. 22).

Я-бы могъ и долженъ былъ здѣсь остановиться. Послѣ этихъ Скиѳовъ, выселившихся на сѣверъ, Геродотъ болѣе не упоминаетъ уже ни о какихъ Скиѳахъ. Слѣдовательно, здѣсь прекращается, извѣстный Геродоту, міръ Скиѳскій, не только географически, но и этнографически [111].

Но я хочу сказать, по-крайней-мѣрѣ хоть нѣсколько словъ, вообще о томъ направленіи, въ которомъ Геродотъ отселѣ простирается еще дальше на сѣверъ.

---

[110] Высь-Авратынская, можно-сказать открытая профессоромъ Эйхвальдомъ, по его описанію, тянется почти въ прямомъ восточномъ направленіи, отъ границы нынѣшней Галиціи при Тарнополѣ, вблизи Проскурова, Староконстантинова, Махновки, и такъ далѣе къ Днѣпру; въ ширину отъ сѣвера на юго-западъ, между мѣстечками Авратыномъ и Бѣлозеркою, захватываетъ почти цѣлый географическій градусъ. Не смотря на свою относительную возвышенность, она преисполнена болотами. Въ гидрографическомъ отношеніи, она очень важна тѣмъ, что служитъ точкою раздѣла между водами морей Чернаго и Балтійскаго, изъ которыхъ къ первому шлетъ дань свою черезъ посредство Припети и Буга-Южнаго или Новороссійскаго, къ послѣднему черезъ посредство Западнаго или Польскаго-Буга. Оба Буга и сами въ ней зараждаются: почему, я думаю, не ее-ли Птолемей разумѣлъ подъ горою Πεύκη (Peucé = Пуща?), а наполняющія ее болота подъ озеромъ Ἀμάδοκα, изъ которыхъ выводитъ онъ свою западную розсошь Борисѳенеса (III. 5)? Отъ западнаго конца ея, значительно понижаясь, но все еще высоко надъ лощиною Припети, идетъ къ сѣверу тонкій перешеекъ, составляющій восточный берегъ бассейна Западно-Бужскаго, до Выси-Ошмянской, такъ-что имъ отдѣляется и бассейнъ Нѣмана отъ водъ увлекаемыхъ Припетью въ Черное-Море. Тутъ, на этомъ перешейкѣ, въ верховьяхъ Западнаго-Буга, самое приличное мѣсто для Иврковъ. Замѣтимъ, что въ «Ѳиссагетахъ» многіе ученые видятъ, и даже читаютъ «Тирагетовъ»: что, если вѣрно, содержитъ въ себѣ ясное указаніе на Тиресъ, слѣдовательно даетъ поводъ продолжить жилище Ѳиссагетовъ къ западу до источниковъ Днѣстра. О древнѣйшихъ обиталищахъ племенъ Славянскихъ, Финскихъ, Турецкихъ и Монгольскихъ въ Южной-Россіи, по Геродоту, *Эйхвальда*, въ Библ. д. Чт. т. XXVII. о. III. с. 72. Ср. Naturhistorische Skizze, S. 106 ff.

[111] То-есть, въ нынѣшней и въ древней Европѣ. Во глубинѣ Средней-Азіи, Геродотъ зналъ особыхъ Скиѳовъ, которые назывались Скиѳами Амиргіями, Σκύθας Ἀμυργίους (VII. 64): конечно, оставшихся тамъ, откуда Скиѳы выселились на Меотиду, прогнавъ Киммерійцевъ (IV. 11). Одноплеменность ихъ видна изъ того, что, по свидѣтельству Геродота, какъ тѣхъ, такъ и другихъ, Персы равно называли Саками (VII. 64).

Это необходимо для того, чтобы оправдать вполнѣ сдѣланную проекцію четвероугольника Скиѳскаго и его рамы.

Всѣ изслѣдователи и толковники единогласно почти увѣрены, что «каменистая и гористая» страна, начинающаяся отъ Скиѳовъ, нашедшихъ себѣ пріютъ между Ѳиссагетами и Иврками, и оканчивающаяся «высокими горами», подъ которыми живутъ Аргиппеи и Исседоны, а за ними одноглазые Аримаспы, золотохранители Грипы, и наконецъ таинственные Гипербореи (IV. 23): что эта, говорю, страна простирается отъ Скиѳіи прямо и неуклонно къ сѣверовостоку; что тѣ горы не иное что, какъ настоящій Каменный-Поясъ Урала, которому присвояется теперь древнее имя Рифеевъ или Рипеевъ; что золотохранительное ремесло Гриповъ указываетъ на богатые рудники по-преимуществу золотороднаго Алтая; и что наконецъ таинственные Гипербореи, о которыхъ въ древности ходило столько басенъ и сказокъ, были не иные кто, какъ отдаленные жители нашей нынѣшней Сибири [112]. Еслибъ это было точно такъ, то построенный нами для Скиѳіи четвероугольникъ, и въ-особенности выведенная кругомъ него рама, оказались-бы въ явной несовмѣстности, въ рѣшительномъ противорѣчіи съ цѣльной картой Геродотова Сѣвера.

Но полно, такъ-ли это? При всемъ уваженіи моемъ къ знаніямъ древнихъ и къ учености новыхъ землевѣдцевъ и земленслѣдователей, я сомнѣваюсь, и сомнѣваюсь крѣпко, чтобы, во времена Геродота, между странами столь отдаленными, какъ Черноморье и Под-Уралье, могли существовать сношенія столь привычныя и столь свободныя, какъ тѣ, въ которыхъ Геродотъ поставляетъ не только Скиѳовъ, но и Понтійскихъ Еллиновъ, съ Аргиппеями и Исседонами (IV. 24). Нынѣ отъ Херсона до Оренбурга, крайней южной точки Уральскаго-Пояса, считается почтовымъ трактомъ болѣе двухъ-тысячъ верстъ, слѣдовательно по-меньшей-мѣрѣ около шестидесяти сухопутныхъ дней. Разстояніе ужас-

---

[112] Такъ далеко увлекается на-примѣръ даже строгій, осмотрительный Геерен, Геерен, вѣрящій отъ всей души, что у Геродота die Steppen der Ukräne und von Astracan werden geographisch beschrieben; die Vorväter der Letten, Finnen, Türken, Germanen und Kalmücken treten hier zum ersten mal in der Geschichte auf; die Ketten des Urals und selbst des Altais werden erwähnt, wiewohl ohne bestimmte Namen; ja aus dem fernen Sibirien hört man schon Sagen, die, so unglaublich sie auch dem Geschichtschreiber selbst vorkommen, doch durch die Folge der Zeit sich aufgeklärt haben! Ideen über die Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der alten Welt, 4te Aufl. Götting. 1824. Th. I. Abth. II. S. 167.

ное, если даже и не принимать въ расчетъ дикой пустынности промежуточнаго пространства, которая, особенно въ тѣ отдаленныя времена, тѣмъ-болѣе должна была затруднять и замедлять путешествіе! Положимъ однако, что все это ничего не значило; положимъ, что предпріимчивость, внушаемая и поддерживаемая жадностію корысти, могла завести такъ далеко соотечественниковъ Геродота, особенно по указаніямъ Скиѳовъ, которымъ, какъ выходцамъ изъ Средней-Азіи, дорога къ Уралу могла быть очень знакома. Въ такомъ случаѣ, какъ объяснить поразительную скудость свѣдѣній, обнаруживаемую Геродотомъ въ разсужденіи бассейна водъ Донскихъ, бассейна, который долженствовалъ быть первымъ вожатаемъ отъ Чернаго-Моря къ Уралу? Какъ особенно объяснить совершенное невѣдѣніе о Волгѣ, царицѣ рѣкъ нынѣшняго Европейскаго Востока, тогдашняго Азіятскаго сѣвера: Волгѣ, которой не возможно было миновать, на которую надо было наткнуться при первыхъ шагахъ къ востоку отъ Дона? Сверхъ-того, что это за непрерывная «каменистая и гористая» страна, которая, по Геродоту, должна вести отъ степныхъ равнинъ къ настоящему хребту горъ чрезъ «великое пространство», если этотъ хребетъ не иное что, какъ Уралъ? Та вѣтвь Урала, которая, подъ именемъ Общаго-Сырта, проходитъ чрезъ всю Саратовскую губернію, и кладетъ непреодолимую преграду между готовящимися уже почти слиться Дономъ и Волгою [113]? Но тогда незнаніе Геродота о Волгѣ становится тѣмъ неизъяснимѣе, тѣмъ неестественнѣе. Нѣтъ! Не на сѣверо-востокѣ отъ Чернаго-Моря, не подъ Ураломъ, тѣмъ-болѣе не подъ Алтаемъ, должно искать Геродотовыхъ Аргиппеевъ и Исседоновъ, Аримасповъ и Гриповъ. Таинственная страна Гипербореевъ, въ которыхъ впрочемъ самъ Геродотъ весьма плохо вѣритъ, означала у древнихъ точно самый крайній предѣлъ сѣвера

[113] Ученые, всѣми силами домогающіеся, чтобы Геродотъ зналъ о Волгѣ, отыскиваютъ ее у него, одни подъ именемъ Оароса, другіе подъ именемъ Араксеса. Но Оаросъ Геродотъ ведетъ въ озеро, называемое Меотидою (IV. 123), а отнюдь не въ Каспій. Что-жь касается до Араксеса, то хотя онъ и проводитъ его въ Каспій, съ весьма подробнымъ описаніемъ устьевъ (I. 202), но заставляетъ течь опредѣлительно съ запада къ востоку (IV. 40), слѣдовательно совершенно противоположно теченію Волги; почему, принимая въ соображеніе и то, что изъ сорока устьевъ Араксеса, Геродотъ одно только пускаетъ въ Каспій, а прочія всѣ заставляетъ теряться въ болотахъ и лужахъ (I. 202), профессоръ Сенковскій весьма основательно видитъ въ Араксесѣ Геродота спутанный слухъ о двухъ рѣкахъ Каспійско-Аральской области, которыя у слѣдующихъ писателей классической древности встрѣчаются подъ именами Оксоса и Яксартеса, нынѣшнихъ Аму-Дерьѣ и Сыръ-Дерьѣ. Энциклоп. Лексик. т. II. с. 146.

на землѣ; но этотъ предѣлъ полагался ими отнюдь не въ нынѣшней Сибири, даже въ направленіи совершенно противоположномъ Сибири.

По моему убѣжденію, имена Аргиппеевъ и Гриповъ находятся въ близкомъ сродствѣ съ равно-древнимъ наименованіемъ «Рипеевъ», или «Горъ-Рипейскихъ», Ῥιπαῖα, τὰ ὄρη Ῥίπαια, о которыхъ Геродотъ именно не упоминаетъ, но которыя безъ-сомнѣнія разумѣетъ онъ подъ «высокими горами» (IV. 23, 25), охраняющими своею сѣнью Аргиппеевъ и охраняемыми въ своихъ золотоносныхъ нѣдрахъ отъ Гриповъ[114]. Стало-быть надобно извѣдать: что разумѣли подъ именемъ «Горъ-Рипейскихъ» или «Рипеевъ» древніе, особенно ближайшіе къ временамъ Геродота?

Первый изъ Еллиновъ, у котораго встрѣчается имя Рипеевъ, есть Алкманъ или Алкмеонъ Сардесскій, эротическій поэтъ, жившій въ VII вѣкѣ до Р. Х., слѣдовательно за-долго до Геродота. Гекатей, соотечественникъ Геродота, предварившій его по-крайней-мѣрѣ цѣлымъ поколѣніемъ, Гекатей, человѣкъ также бывалый, землеходецъ и землеописатель, помѣщалъ Рипеи, отчизну борея и вѣчныхъ снѣговъ, уже между Аримаспами и Гипербореями[115]. Современникъ Геродота, великій трагикъ Эсхилъ, давалъ мѣсто Рипеямъ гораздо опредѣлительнѣе, выводя изъ нихъ источники Истроса[116]. Изъ преемниковъ ближайшій къ Геродоту, Эвдоксъ Книдскій, астрономъ-географъ IV вѣка до Р. Х., производилъ изъ Рипеевъ рѣку Эриданъ, текущую мимо Кельтовъ въ Западное-Море[117]. Наконецъ, позднѣе, Плутархъ называлъ Рипеями Геркинскій-Лѣсъ, или нынѣшнія горы Средней-Германіи[118]; а Аѳеней увѣрялъ, что старинное имя Рипеевъ означаетъ не другое что, какъ теперешнія Альпы[119].

---

[114] Ῥιπᾶς (τῆς Ῥιπῆς) ὄρος. Schol. ad Sophoc, I. Oedip. Colon. v. 1248.

[115] *Stephanus Byzantinus* sub voce Ὑπερβόρειοι.

[116] Τὸν Ἴστρον φησὶν ἐκ τῶν Ὑπερβορέων καταφέρεσθαι καὶ τῶν Ῥιπαίων ὀρῶν· οὕτω δὲ εἶπεν ἀκολουθῶν Αἰσχύλῳ ἐν Λυομένῳ Προμηθεῖ λέγοντι τοῦτο. Schol. ad Apollon. Argonaut. IV. 284.

[117] *Basilii Magni* Hexaëmeron, Hom. III. 6. ed. Paris. 1721. t. I. p. 27.

[118] Οἱ μὲν (τῶν Γαλατῶν) ἐπὶ τὸν βόρειον Ὠκεανὸν, ὑπερβαλόντες τὰ Ῥιπαῖα ὄρη, ῥυῆναι, καὶ τὰ ἔσχατα τῆς Εὐρώπης κατασχεῖν. *Plutarchus* in Camillo c. 15. Но Аристотель полагалъ ихъ за Геркинами, дальше къ сѣверу: ὑπ' αὐτὴν δὲ τὴν ἄρκτον ὑπὲρ τῆς ἐσχάτης Σκυθίας αἱ καλούμεναι Ῥῖπαι. Meteorologiæ l. 13. «Геркинскій-Лѣсъ», Ἑρκύνιος Δρόμυς, у писателей Римскихъ Hercynia Sylva, Hercynius Saltus, даетъ еще слышать свое имя въ нѣмецкомъ «Gryzebirge» и въ славяно-чешскомъ «*Krkonoše*» (Крконоши).

[119] Τὰ δὲ πάλαι μὲν Ῥιπαῖα καλούμενα ὄρη, εἶθ' ὕστερον Ὄλβια προσαγορευθέντα, νῦν δὲ Ἄλπια. *Athenæi* Dupnosophistæ III. 5. Также и Стефанъ Византійскій увѣряетъ: Πρώταρχος δὲ τὰς Ἄλπεις Ῥίπαια ὄρη οὕτω

Явно отсюда, что общее мнѣніе древнихъ Еллиновъ полагало Рипеи не на сѣверо-востокѣ, но на сѣверо-западѣ извѣстной тогда Европы [120]. Если-жь такъ, то это были конечно не иное что, какъ нынѣшніе Карпаты: исполинскій узелъ, которымъ связуются горные хребты, загромождающіе Южную-Европу, который также соприкосновенъ съ Альпами, какъ и съ горами Средней-Германіи; изъ котораго Дунай почерпаетъ бо́льшую-часть своихъ водъ, и который съ другой стороны шлетъ обильную дань сѣвернымъ морямъ Европейскаго запада. Я увѣренъ, что самое имя «Рипеи» иначе «Рипы» есть не что другое, какъ умягченное произношеніемъ Еллиновъ наименованіе «Грбы», или безъ придыханія «Рбы» которое туземцы донынѣ даютъ Карпатамъ, котораго и «Карпаты» есть только другой, болѣе жесткій, способъ произношенія [121].

Спрашиваю: вѣроятно-ли, чтобъ Геродотъ зналъ объ Уралѣ, и не имѣлъ никакого понятія, никакого слуха о Карпатахъ? Быть не можетъ, чтобы Скиѳы,

---

προσηγορεῦσθαι, καὶ τοὺς ὑπὸ τὰ Ἄλπεια ὄρη κατοικοῦντας πάντας Ὑπερβορέους ὀνομάζεσθαι. *Steph. Byzant.* s. v. Ὑπερβόρεοι.

[120] Діонисій-Періегетъ, поэтъ-географъ, возводимый нѣкоторыми учеными почти въ современники Скимну Хіосскому (къ 30 г. до Р. Х.), въ сосѣдствѣ Борисѳенеса помѣщаетъ рѣки Алдескосъ и Пантикапесъ, которыя, по его выраженію, «журчатъ въ горахъ Рипейскихъ»:

Κεῖθι καὶ Ἀλδήσκοιο καὶ ὕδατα Παντικάπαο
Ῥιπαίοις ἐν ὄρεσσι διάνδιχα μορμύρουσι.

Dionysii Periegetæ Oecumenes Periegesis vv. 314, 315. Въ комментаріи ученаго архіепископа Ѳессалоникскаго Евстаѳія (жившаго въ XII вѣкѣ), который, по богатству свѣдѣній, заимствованныхъ изъ древнихъ источниковъ, едва-ли не важнѣе самой поэмы Діоносія, сказано при этомъ мѣстѣ, что на рѣкахъ Алдескосѣ и Пантикапесѣ родится янтарь, плодъ, какъ извѣстно, побережья Балтійскаго. Маркіанъ Гераклеота, землеописатель IV вѣка по Р. Х., проводитъ въ Вендскій Заливъ Сарматскаго океана, то-есть въ восточную оконечность *Балтики*, рѣки Хесиносъ и Турунтесъ, которыя, по его словамъ, «вытекаютъ изъ горъ, называемыхъ Рипейскими, находящихся въ средоземьѣ, между озеромъ Меотидою и океаномъ Сарматскимъ: καταφέρονται δὲ ὅ, τε Χέσυνος ποταμὸς καὶ ὁ Τουρούντης ἐκ τῶν ὑπερκειμένων ὀρῶν, ἅτινα καλεῖται Ῥίπαια ὄρη, κατὰ τὴν μεσόγειον μεταξὺ τῆς Μαιώτιδος λίμνης καὶ τοῦ Σαρματικοῦ ὠκεανοῦ κείμενα. *Marciani Heracleotæ* Periplus въ *Hudson.* Geogr. Vet. Script. Min. t. I. p. 56.

[121] Русины или Русняки, нынѣ обселяющіе съ обѣихъ сторонъ сѣверо-восточную дугу амфитеатра Карпатскаго, называютъ Карпаты «Горбами», «Верхами», «Дѣлами», «Бердами», «Полонинами» и «*Рипами*». См. Великая Хорватія или Западная Русь, въ Москвитян. 1841. ч. VI. с. 141. Въ Богеміи, между рѣками Охрою и Влтавою (по-нѣмецки Moldau), не вдалекѣ отъ Лабы (= Эльбы), гора, называемая по-нѣмецки St. Georgenberg, по-чешски зоветси «ржип Rip»: объ ней упоминаетъ и Козьма Пражскій подъ именемъ «Rip», считая ее первымъ гнѣздомъ населенія земли Чешской. *Cosmæ* Chronicon Bohemorum l. I, въ Scriptores rerum Bohemicarum ed *Pelzel* et *Dobrowsky* t. I. p. 7. Къ-слову замѣтить можно, что въ арабскомъ переводѣ книги Бытія, сдѣланномъ раби-Гоаромъ въ X вѣкѣ, въ Багдадѣ, вмѣсто имени רִיפַת «Рифатъ», которымъ называется одинъ изъ сыновей Гомера сына Іафетова (Быт. X. 3), поставлено صقلاب «Секлабъ», имя, какъ извѣстно, означающее по-арабски Славянъ, исконныхъ старожиловъ Карпатскихъ. *Potocki* Histoire primitive des peuples de la Russie, p. 24.

простираясь въ своихъ сообщеніяхъ такъ далеко на сѣверо-востокъ, не толкнулись ни-разу о колоссальный хребетъ, находившійся у нихъ подъ-бокомъ съ сѣверо-запада! Быть не можетъ, чтобы пройдохи Еллинскіе, съ береговъ Чернаго-Моря, скорѣе успѣли почуять золото нынѣшней Сибири, чѣмъ гораздо ближайшихъ къ нимъ, можно сказать сосѣднихъ, Трансильваніи и Венгріи! И Геродотъ самъ свидѣтель, что они знали про золото Карпатское, когда Аргиппеевъ, жителей Под-Карпатья, по ихъ внушенію, называетъ «золотоносными». Они знали и про Карпаты; описавъ ихъ Геродоту «горами высокими и непроходимыми», каковы дѣйствительно нынѣшніе Татры, или Карпаты-Восточные со стороны Молдавіи, Буковины и Галиціи. Да! Этѣ «высокія и непроходимыя горы», были именно Карпаты. Геродотъ говоритъ, что до самой подошвы ихъ страны и народы были очень хорошо извѣстны Скиѳамъ и понтійскимъ Еллинамъ (IV. 24). Какіе-жь это народы и какія страны? Тѣми, что поименованы и описаны Геродотомъ, какъ ни размѣщай ихъ, и какъ ни растягивай, нѣтъ возможности наполнить безмѣрное пространство степей, лежащихъ между Чернымъ-Моремъ и Ураломъ. Напротивъ, разстояніе отъ Чернаго-Моря до Карпатовъ укладывается ими какъ-не-льзя естественнѣе и легче. По словамъ Геродота, хаживали туда Еллины не только съ Днѣпра, но и изъ «другихъ торжищъ Понтійскихъ» (IV. 24), слѣдовательно съ Тилигула, съ Днѣстра, съ Дуная. Это было такъ удобно, поднимаясь въ-верхъ по Днѣстру, именно чрезъ знакомыя страны знакомыхъ народовъ, Каллиппидовъ, Алазоновъ, Невровъ. Другая дорога, прямо съ Днѣпра, могла свободно направляться по той гранитной грядѣ, которая именно отъ Карпатовъ проходитъ весь четвероугольникъ Скиѳскій изъ угла въ уголъ, и такимъ-образомъ опять касаясь знакомыхъ странъ и народовъ, Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, Будиновъ, Ѳиссагетовъ, можетъ-быть и Ивровъ. Такъ доходили до Аргиппеевъ, народа обитавшаго при сѣверо-восточномъ выгибѣ Карпатскаго амфитеатра, вѣроятно на границѣ нынѣшней Венгріи съ Галиціею, отъ Мармарщины до такъ-называемаго Округа Горныхъ-Городовъ [122]. Исседоны, ихъ сосѣды къ востоку (IV. 25),

[122] «Мармарщина», главное гнѣздо народонаселенія Русинскаго въ Венгріи, въ углу, гдѣ соприкасаются съ Венгріей Трансильванія, Буковина и Галиція, на оффиціяльномъ языкѣ Marmarosiensis Comitatus,

должно-быть жили внутри нынѣшней Галиціи За-Сянской между Карпатами и Вислою [123].

Тутъ оканчивается и весь сѣверный міръ, извѣстный Геродоту. Дальше начинается царство басней, къ которому преддверіемъ служатъ уже и Аргиппеи, раждающіеся будто-бы всѣ плѣшивыми (IV. 23), и Исседоны, у которыхъ женщины совершенно равны мущинамъ (IV. 28), и даже гораздо-ближайшіе и извѣстнѣйшіе Невры, о которыхъ господствовало убѣжденіе не только между Скиѳами, но и между Еллинами, что они ежегодно имѣли прихоть оборачиваться волками (IV. 105). Я считаю не только здѣсь неумѣстнымъ, но и вообще безполезнымъ, пускаться въ изслѣдованія о людяхъ съ козлиными ногами, о шестимѣсячныхъ соняхъ, равно-какъ объ одноглазыхъ Аримаспахъ и золотохранителяхъ Грипахъ, которые и Геродоту казались уже невѣроятными выдумками (IV. 25, 27). Повторю только, что въ имени Гриповъ мнѣ слышится весьма замѣчательное созвучіе съ именемъ Рипеевъ; и потому эти баснословныя чудища, упоминаемыя уже Гезіодомъ въ сосѣдствѣ Аримасповъ и Гипербореевъ [124], конечно были не что иное, какъ миѳическіе образы древнихъ рудокоповъ Карпатскихъ, доставлявшихъ тѣмъ-болѣе пищи фантазіи, чѣмъ-менѣе было о нихъ ясныхъ, положительныхъ свѣдѣній.

Къ слову о Гипербореяхъ, Геродотъ не могъ отыскать ихъ нигдѣ, какъ ни усиливался. Между Скиѳами, не было объ нихъ ни слуху, ни духу (IV. 32). Это и не удивительно. Имя Гипербореевъ очевидно было не собственное народное, но общее нарицательное, выдуманное древними Еллинами для означенія всѣхъ безъ-различія жителей крайнаго сѣвера, кто-бы они ни были: точно-какъ въ послѣдствіи имя Нордмановъ у Нѣмцевъ, имя Сѣверянъ и Кривичей

или по-нѣмецки Marmaroſer Geſpanſchaft. «Горными Городами» Bergſtädte, называются въ Венгріи 16 мѣстечекъ, посвященныхъ исключительно горному дѣлу и за-то снабженныхъ особыми привиллегіями, которые всѣ находятся въ такъ-называемой «Спижчинѣ», Comitetus Scepusiensis, по-нѣмецки Zipſer Geſpanſchaft, на границѣ Венгріи съ Моравіею и западной оконечностью нынѣшней Галиціи, по-ту-сторону Сяна (нѣкогда Малою-Польшею).

[123] Исседоны, помѣщаемые Геродотомъ въ окрестностяхъ Араксеса (I. 201), должны быть совершенно особый народъ, можетъ-быть также относившійся къ Исседонамъ, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, какъ Скиѳы Азіятскіе (VII. 64) къ Скиѳамъ, которыхъ Геродотъ знаетъ и описываетъ въ Европѣ.

[124] Schol. ad Aeschyl. Prometh. I. 803.

у Славянъ [125]. Поэтому, нѣтъ ничего мудренаго, что оно не было извѣстно Скиѳамъ. Геродотъ прибавляетъ, что о Гипербореяхъ, въ его время, наиболѣе толковали Делосцы, которые будто-бы находились съ ними въ постоянныхъ сношеніяхъ, получая отъ нихъ священные дары при посредничествѣ Скиѳовъ, но отнюдь не чрезъ Черное, напротивъ чрезъ Адріатическое-Море (IV. 33). Не очевидно-ли и отсюда, что самый крайній сѣверъ полагался древними Эллинами именно на сѣверо-западѣ, а не на сѣверо-востокѣ Европы?

Вообще географія древнихъ Эллиновъ первоначально распространялась по Средиземному-Морю, въ прямомъ направленіи отъ востока къ западу. Во времена Гомера, островъ Коркира, нынѣшній Корфу, былъ послѣднимъ предѣломъ міра, извѣстнаго Эллинамъ [126]. Сицилія представлялась уже имъ въ миѳическомъ полу-мракѣ, исполненная дивныхъ чудесъ, населенная Киклопами и Нимфами [127]. Дальше къ западу, начинался въ полномъ смыслѣ міръ басней: волшебные острова Киркеи и Калипсы, пловучій островъ Эоловъ; откуда недалеко полагался и Океанъ, послѣдняя граница земнаго бытія, у которой помѣщались Киммерійцы, жители вѣчныхъ мраковъ, и наконецъ таинственный Элисіонъ, блаженная страна безсмертныхъ избранниковъ Зевеса, внѣ круга земныхъ бурь и перемѣнъ [128]. Между-тѣмъ, другой народъ, гораздо опередившій Эллиновъ просвѣщеніемъ и предпріимчивостью, Финикіяне, тамъ гдѣ Эллинамъ представ-

---

[125] Въ миѳологіи древнихъ Эллиновъ, жилище Борея, злаго, сердитаго старика, сыплющаго снѣгами съ крыльевъ, волосъ и бороды, полагалось во Ѳракіи, дѣйствительно самомъ крайнемъ сѣверномъ предѣлѣ міра, извѣстнаго Эллинамъ во времена первобытныя. Въ-послѣдствіи, свѣдѣнія ихъ вообще о Балканскомъ-Полуостровѣ распространялись прежде на сѣверо-западъ, чѣмъ прямо на сѣверъ: *Гомеръ*, напримѣръ знаетъ Піерію, Эмаѳію и Пеонію (Iliad. XIV. 226-229. XVII. 350), изъ которыхъ потомъ составилась Македонія; но не знаетъ рѣшительно ничего объ Истросѣ. Вотъ почему восточное побережье Адріатики и Альпы, какъ говоритъ Стефанъ Византійскій (пр. 115), въ старину отводились въ удѣлъ Гипербореямъ. Замѣчательно, что наименованіе Βορέας, іон. Βορέης и Βορῆς, атт. Βῤῥᾶς, сохраняется донынѣ у Далматинскихъ Славянъ въ грозномъ имени «Бора», означающемъ именно свирѣпый «сѣверный вѣтеръ», страшилище и бичъ края. Наше названіе «Сѣверъ» въ первоначальномъ смыслѣ, извѣстно, означаетъ также «вѣтеръ», дующій съ полночи; напримѣръ въ Пѣсн. Пѣсн. II. 11. И имя «Криванъ» или «Кривичъ» имѣетъ то-же значеніе на всемъ пространствѣ Балканскаго-Полуострова, не только у Славянъ, но и у Румуновъ и Мадяровъ: такъ называется «вѣтеръ», отличающійся отъ «Боры» нѣсколько болѣе-косвеннымъ направленіемъ, именно къ сѣверо-востоку. Отъ «Боры» очевидно происходитъ наша «*буря*»; такъ-какъ корень «*вьюга*» есть «Югъ», означающій и у Адріатическихъ Славянъ и теперь тотъ самый «вѣтеръ», который по-италіянски называется «Scirocco».

[126] Odysseæ VI. 8. 204.

[127] Odysseæ IX. 109. 111.

[128] Odysseæ XI. 13-19. IV. 561.

лялись чудеса и мраки, имѣли уже колонію, изъ которой простирались далеко на сѣверъ, кругомъ Европы, именно до янтарныхъ береговъ нынѣшней Балтики. Когда наконецъ слухи о томъ, не смотря на глубокую, завистливую скрытность Финикіянъ, мало-по-малу начали доходить и до Еллиновъ, то въ ихъ фантазіи сѣверъ перепутался съ западомъ, такъ-что Гипербореи преспокойно помѣстились въ счастливыхъ Садахъ-Гесперидскихъ, которыхъ «золотыя яблоки» должны были наливаться и созрѣвать подъ сѣнію «Золотоносныхъ» Рипеевъ. Знаменитый Пиндаръ, почти современникъ Геродота, заставляетъ героевъ Иракла и Персея направлять стопы свои на крайній западъ, къ источникамъ Истроса, чтобы достигнуть до жилищъ крайнихъ сѣверныхъ людей, Гипербореевъ «любимцевъ солнца, всегда увѣнчанныхъ лаврами, провождающихъ жизнь въ танцахъ и пиршествахъ, не знающихъ ни болѣзней ни старости» [129]. Но пришло время, когда таинственная Гесперія, или нынѣшній Пиринейскій-Полуостровъ, конецъ Европы къ западу, прояснилась. Надо было выселить оттуда Гипербореевъ, которымъ не оставалось уже мѣста между дѣйствительными жителями края, Иберами и Кельтами. И дѣйствительно Діодоръ Сицилійскій, со словъ будто-бы еще Гекатея, помѣщалъ ихъ уже на островѣ, величиною съ Сицилію къ сѣверу насупротивъ Кельтики [130], вѣроятно въ нынѣшней Велико-Британіи. Когда-жь наконецъ и Альбіонъ сдѣлался столько извѣстенъ Римлянамъ, что не могъ больше служить пріютомъ для баснословнаго призрака Гипербореевъ, то Мела и Плиній нашлись вынужденными двинуть ихъ еще далѣе къ сѣверо-востоку, въ сосѣдство полюса, оставляя впрочемъ при немъ весь роскошный блескъ древняго миѳическаго преданія, продолжая видѣть въ нихъ идеалъ блаженства, какое только доступно земнороднымъ. Вмѣстѣ съ Гипербореями, туда-жь передвинулись и Рипеи, и вся окружающая ихъ свита баснословныхъ странъ и народовъ [131]. Такой взглядъ сдѣлался господствующимъ у географовъ

---

[129] *Pindari* Olympic. III 26. 45. 55. Pythic. X. 46. Ср. *Apollodori* Geograph. II. 5. 11.

[130] *Diodori Siculi* Bibliotheca Historica II. 37. ed. Bipont. v. II. p. 135. Есть мнѣніе, что съ описаніемъ Діодора или Гекатея гораздо согласнѣе находить страну Гипербореевъ на нынѣшнемъ островѣ Рюгенѣ. Entdeckungen des alten Nordens, von G. Th. Legis, B. I. Leipz. 1829. S. 39.

[131] Никто изъ древнихъ такъ много не говорилъ и такъ много не напуталъ о Рифеяхъ и Гипербореяхъ, какъ Плиній. У него во-первыхъ утверждается положительно, что Танаисъ выходитъ изъ Рифеевъ (IV. 24). Согласно съ тѣмъ, онъ полагаетъ ихъ не далеко отъ Меотиды (IV. 26). Между-тѣмъ, въ одномъ мѣстѣ

Римскихъ, а въ-слѣдъ за ними и у позднѣйшихъ Еллинскихъ: на немъ остановилась, съ нимъ и испустила послѣдній вздохъ свой классическая древность. Вѣка средніе наслѣдовали его самымъ естественнымъ образомъ; и потомъ въ свою очередь передали учености новыхъ временъ, которая, при немъ и осталась. Вотъ причина, по которой и весь древній сѣверъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ и соображеніяхъ, распространяется постоянно къ востоку, тогда-какъ древніе, въ томъ числѣ неопровержимо и Геродотъ, имѣли въ виду рѣшительно не востокъ, но западъ Европы, бывшей для нихъ крайнею представительницею сѣвера.

Кажется, теперь, какъ самый четвероугольникъ Скиѳскій, такъ и составленная для него рама, оказываются въ совершенномъ согласіи и съ природой и съ Геродотомъ!...

говоритъ, что если отъ Понта направляться къ Гадесамъ, то-есть къ Гибральтарскому-Проливу, то *надо* переходить Рифеи (IV. 27); въ другомъ, что отъ Танаиса въ Британію должно переходить черезъ страну Гипербореевъ, а въ Туле, которая Пиѳеасомъ была открыта должно-быть въ нынѣшней Ютландіи, черезъ Рифеи (VII. 39). Сверхъ-того, увѣряетъ еще, что хребетъ Тавра, изъ Азіи, пробравшись побѣдоносно, чрезъ перешеекъ между Понтомъ и Каспіемъ, до Меотиды, соединяется потомъ съ «родственными» верхами Рифеевъ (V. 27). О Гипербореяхъ говоритъ онъ, что одни помѣщаютъ ихъ въ Азіи, другіе въ Европѣ, третьи наконецъ между востокомъ и западомъ, у Антиподовъ (IV. 26). Картина Рифеевъ ужасна: *Riphæi* montes, et assiduo nivis casu pinnarum similitudine, Pterophoros appellata regio; pars mundi damnata a rerum natura, et densa mersa caligine; neque in alio quam rigoris opere, gelidisque Aquilonis conceptaculis (IV. 26). *Но* за-то какое плѣнительное, романическое описаніе Гипербореевъ, жителей несчастной, проклятой *природою* страны, находящейся подъ Рифеями! Regio aprica, felici temperie, omni afflatu noxio carens. Domus iis nemora, lucique, et deorum cultus viritim gregatimque, discordia ignota et ægritudo omnis. Mors non nisi satietate vitæ, epulatis delibutoque senio luxu, ex quadam rupe in mare salientibus. Hoc genus sepulturæ beatissimum (IV. 26). Ср. *Melæ* III. 5. При такой путаницѣ другъ-другу противорѣчащихъ понятій, не мудрено, что Стравонъ отнесъ и Рипеи и Гипербореевъ рѣшительно въ область басни: οἱ τὰ Ῥιπαῖα ὄρη καὶ τοὺς Ὑπερβορείους μυθοποιοῦντες (VII. 3). Впрочемъ, если и въ этомъ хаосѣ добиваться какого-нибудь толка, то все ужь лучше держаться ближе къ западу, чѣмъ двигаться такъ далеко на востокъ: легче приладить этѣ *басни* къ Карпатамъ, которыхъ Плиній, *nota bene*, зналъ только южную оконечность у Даковъ, въ сосѣдствѣ Паннонiи, и то безъ всякаго имени (IV. 25), чѣмъ къ Уралу. Карпаты лежатъ на дорогѣ отъ Чернаго-Моря къ Гибральтару (IV 27) и отъ Моря-Азовскаго въ Ютландію и въ Британію (VI. 39). Между Карпатами и Кавказомъ, который Плиній очевидно смѣшиваетъ съ Тавромъ (V. 27), находится точно, прерываемое только Азовскимъ-Моремъ, сообщеніе черезъ ту гранитную гряду, о которой столько разъ было упоминаемо. Наконецъ, наименованіе «Pterophoros», то-есть. «пераный, наполненный перьями», которое Плиній даетъ странѣ Под-Рифейской, изъясняя тутъ-же, что оно происходитъ отъ «снѣжнаго пуха», носящагося «наподобіе перьевъ» (IV. 26): это, говорю, названіе, если не буквально, то фактически, приписывается у Геродота странамъ, непосредственно находящимся за Скиѳіею (IV. 7); что ни коимъ образомъ не можетъ относиться къ отдаленному столько Уралу. Ср. IV. 32.

Но еще одно послѣднее слово. Какъ согласить все это съ сказаніемъ Геродота о знаменитомъ походѣ Дарія на Скиѳію?

Походъ великаго падишаха Ирана противъ варваровъ Скиѳскихъ (ол. LXVIII, 1. = 508 до Р. Х.) предшествовалъ рожденію Геродота (ол. LXXIV, 1. = 484 до Р. Х.) только двадцатью-четырьмя годами; почему, Геродотъ могъ слышать объ немъ расказы современниковъ и очевидцевъ. Если присовокупить сюда личное наблюденіе театра событій: то какихъ еще ручательствъ надо для полной и несомнѣнной достовѣрности повѣствованія?

Притомъ, въ самомъ составѣ сказаній Геродотовыхъ, экспедиція Дарія стоитъ на первомъ планѣ, или лучше есть главный сюжетъ картины, которой характеръ есть чисто историческій; описанія мѣстностей Скиѳіи суть не что иное, какъ побочныя принадлежности, подчиненныя главному сюжету, обстановка и драпировка картины. Геродотъ вставляетъ географическія черты въ исторію нашествія Персовъ, совершенно эпизодически.

Слѣдовательно: походъ Даріевъ, такъ какъ онъ расказывается у Геродота, долженъ быть неминуемо принятъ въ соображеніе при объясненіи Геродотовой Скиѳіи.

Вотъ краткое извлеченіе изъ подробнаго расказа Геродота объ этомъ знаменитомъ походѣ: расказа, который въ цѣлости представляетъ изящнѣйшій образецъ соединенія эпической простоты съ драматическою одушевленностью.

Дарій, по-персидски Дарабъ, сынъ Густасповъ, распространившій великую монархію, основанную Киромъ, на юго-востокъ до предѣловъ Индіи, вздумалъ на сѣверо-западѣ отъискивать Скиѳовъ во глубинѣ ихъ безпредѣльныхъ пустынь, съ-тѣмъ-чтобъ наказать и смирить въ нихъ опасныхъ сосѣдей, искони враждебныхъ Ирану (IV. 1). Съ этой цѣлію, онъ собралъ войско, состоящее изъ семи-сотъ-тысячъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, и, сопровождаемый флотомъ въ шесть-сотъ кораблей, проникъ изъ Азіи въ Европу чрезъ Константинопольскій-Проливъ по нарочно устроенному мосту (IV. 87). За тѣмъ, держась западнаго берега Чернаго-Моря, прошелъ нынѣшія Румелію и Булгарію, тогда носившія общее имя Ѳракіи, до Истроса, то-есть до Дуная (IV. 89—93). Здѣсь, въ разстояніи двухъ дней плаванія отъ моря въ-верхъ по Дунаю, тамъ гдѣ рѣка начинаетъ развѣтвлять свое устье, приготовленъ былъ заблаговременно также

мостъ, по которому вся громада, влекшаяся въ-слѣдъ Дарія, ввалилась наконецъ въ Скиѳію (IV. 97). По окончаніи переправы, царь приказалъ-было разорить мостъ; но, послушавшись благоразумнаго совѣта, внушеннаго предусмотрительною осторожностью, отмѣнилъ свое повелѣніе, поручивъ вмѣсто-того Іонійскимъ Еллинамъ остаться для охраненія моста, но не далѣе какъ на шестьдесятъ дней, въ-продолженіе которыхъ надѣялся совершенно окончить предпринимаемую экспедицію (IV. 97—98). Между-тѣмъ Скиѳы, слыша про грозящую бѣду, отправили пословъ ко всѣмъ сосѣднимъ народамъ, требуя совѣта и помощи (IV. 102). Цари ихъ выслушали пословъ въ общемъ собраніи, и потомъ раздѣлились въ мнѣніяхъ: только Гелонскій, Будинскій и Савроматскій, объявили себя готовыми помогать Скиѳамъ; напротивъ остальные, то-есть цари Агаѳирсовъ, Невровъ, Людоѣдовъ, Смурыхъ-Кафтановъ и Тавровъ, сказали, что они будутъ защищать самихъ себя, когда окажется нужда, а до-тѣхъ-поръ будутъ неутральными (IV. 118—119). Тогда Скиѳы, чувствуя себя не въ силахъ выдержать и отразить натискъ Персовъ, рѣшились принять противъ нихъ систему отступательную: они раздѣлились на три отряда, изъ которыхъ одинъ въ соединеніи съ Савроматами, долженъ былъ остаться назади, въ аріергардѣ; дважде другіе, соединенные съ Гелонами и Будинами, двинулись на встрѣчу непріятелю, съ-тѣмъ однако, чтобы, постоянно отступая передъ нимъ, заманивать дальше и дальше въ глубину степей, которыхъ естественная дикость была нарочно увеличена всѣми возможными опустошеніями (IV. 120—121). Дарій попался на уду: встрѣтясь съ Скиѳами въ трехъ дняхъ разстоянія отъ Дуная, онъ пустился въ слѣдъ ихъ, и заведенъ былъ ими не только до Танаиса, но и за Танаисъ, въ страны Савроматовъ и Будиновъ (IV. 122). Здѣсь, онъ имѣлъ удовольствіе спалить деревянный городъ Гелоновъ, совершенно оставленный жителями, наконецъ, дошедши до пустыни, отдѣляющей Будиновъ отъ Ѳиссагетовъ, расположился отдохнуть на берегахъ рѣки Оароса, гдѣ велѣлъ выстроить линію изъ осьми крѣпостей, въ разстояніи одна-отъ-другой на шестьдесятъ стадій, то-есть верстъ на десять (IV. 123—124). Но между-тѣмъ Скиѳы обошли кругомъ, и воротились назадъ въ свои степи (IV 124). Дарій, бросивъ тотчасъ свою позицію, пустился опять за ними въ погоню: тогда Скиѳы, съ намѣреніемъ, повели его въ страны тѣхъ народовъ, которые отка-

зались имъ помогать; а именно сначала къ Смурымъ-Кафтанамъ, потомъ къ Людоѣдамъ, далѣе къ Неврамъ, наконецъ и къ Агаѳирсамъ: эти послѣдніе не пустили однако ихъ въ свою землю; почему они, а въ-слѣдъ за ними и Дарій, должны были отъ Невровъ убираться назадъ въ Скиѳію (IV. 125). Не видя конца безплоднымъ скитаніямъ, царь рѣшился вступить въ сношенія съ неуловимыми врагами, требуя отъ нихъ или сраженія, или покорности; но это не имѣло никакого успѣха (IV. 126—127). Только гордость падишаха, осмѣлившагося предложить рабство дикимъ сынамъ вольныхъ степей, раздражила ихъ до-того, что они сдѣлались гораздо смѣлѣе: стали сами нападать на Персовъ внезапными, ночными вылазками, разумѣется обращавшимися предпочтительно въ ихъ пользу (IV. 128—130). Между-тѣмъ, тотъ отрядъ Скиѳовъ, который находился въ аріергардѣ, чтобы сдѣлать неизбѣжною погибель врага, попавшагося такъ неосторожно въ разставленныя сѣти, отправился на Дунай, въ намѣреніи уговорить Іонійцевъ разломать мостъ, ввѣренный ихъ стражѣ, и тѣмъ лишить Персовъ всякаго средства къ спасенію (IV. 133). Съ своей стороны, Скиѳы, бывшіе передъ Персами, убѣдясь въ крайности ихъ положенія, приняли такой рѣшительный и самоувѣренный видъ, что Дарій, при всей своей надменности, открылъ наконецъ глаза и, вдругъ, неожиданно, подъ кровомъ ночи, пустился со всею возможною поспѣшностью назадъ изъ роковыхъ степей, по направленію къ Дунаю (IV. 131—135). Скиѳы совершенно знакомые съ мѣстностями, успѣли опередить его; и оба отряда соединясь, вмѣстѣ потребовали отъ Іонійцевъ, чтобы они разломали мостъ, тѣмъ-болѣе что и срокъ, назначенный имъ Даріемъ, наконецъ уже истекъ (IV. 136). Хитрые Еллины, которыхъ личный интересъ, вопреки идеямъ общаго народнаго блага, требовалъ сохраненія Персовъ, обманули Скиѳовъ ложными обѣщаніями; и въ то время какъ эти послѣдніе вернулись назадъ въ степи, чтобы перехватить бѣглеца, отворили ему спасительный мостъ, такъ-что Дарій успѣлъ благополучно перебраться чрезъ Дунай и возвратиться, по-крайней-мѣрѣ самъ-цѣлъ, изъ знаменитаго похода, который тѣмъ и кончился (IV. 137—144).

Если взять этотъ расказъ во всей точности буквальнаго смысла, то выходитъ, что Дарій съ своею арміею обошелъ кругомъ четвероугольникъ Скиѳскій, такъ какъ онъ представленъ у Геродота: сначала, въ направленіи отъ

запада въ востоку, до нынѣшней Земли Донскихъ-Козаковъ; потомъ, вверхъ на сѣверъ, по-меньшей-мѣрѣ до теперешняго Харькова; отсюда, обратно съ востока къ западу, уже не прямо, но зиг-загами, по-крайней-мѣрѣ до Тарнополя въ теперешней Галиціи; и наконецъ, вдоль всей нынѣшней Бессарабіи, внизъ на югъ, къ Дунаю. Все-бы это почему-жь и не такъ? До-сихъ-поръ ученые изслѣдователи и толковники заставляли Дарія дѣлать кругъ еще больше, сообразно съ увеличеннымъ масштабомъ картъ, составленныхъ ими для Геродотовой Скиѳіи [132].

При всемъ однако уваженіи къ честности и добросовѣстности «отца исторіи», нельзя не сознаться, что повѣсть его о походѣ Дарія, независимо отъ изложенія, въ самомъ содержаніи представляетъ яркія, несомнительныя примѣты, должно-быть безсознательнаго, но тѣмъ-не-менѣе дѣйствительнаго преувеличенія. Геродотъ тутъ самъ не виноватъ нисколько. Онъ конечно передалъ сказаніе такъ, какъ принялъ его изъ устъ народной молвы; но эта молва, не смотря на свѣжесть воспоминаній, очевидно успѣла уже истинѣ событія, представлявшаго столь богатую пищу фантазіи, дать блестящій покровъ саги, можетъ-быть и не безъ участія патріотической гордости со-стороны Скиѳовъ.

Какъ-бы ни была положена на карту Геродотова Скиѳія, въ расказѣ о походѣ Дарія всегда остается внутреннее, неустранимое ничѣмъ, противорѣчіе: это противорѣчіе пространства съ временемъ; противорѣчіе двухъ основныхъ условій всякаго историческаго событія и сказанія, которыя, какъ-будто нарочно для улики, опредѣлены какъ нельзя положительнѣе самимъ Геродотомъ. Странствованіе Дарія кругомъ четвероугольника Скиѳскаго должно было продолжаться «шестьдесятъ дней» (IV. 133); но каждая сторона этого четвероугольника, по точнымъ словамъ Геродота, простиралась на «двадцать дней» пути (IV. 101): слѣдовательно чтобы обойти весь четвероугольникъ кругомъ безъ остановокъ и безъ роздыховъ, потребно было не меньше «восьмидесяти дней»! Я уже не говорю

---

[132] Байеръ первый увелъ Дарія почти подъ Москву. Дегиньй заставилъ его въ противоположную сторону прогуляться до Дербента. Большинство изслѣдователей и толковниковъ остались при Волгѣ, какъ послѣднемъ предѣлѣ, до котораго знаменитый походъ простирался къ востоку. Самый новѣйшій и умѣреннѣйшій изъ всѣхъ, Линднеръ, ограничивается нынѣшнею Харьковскою губерніею, гдѣ Геродотовъ Оаросъ находитъ въ притокѣ Сѣвернаго-Донца, извѣстномъ теперь подъ именемъ Айдара. Skythien und die Skythen des Herodots, S. 72.

о множествѣ другихъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ физически невозможнымъ столь далекое углубленіе осьми-сотъ-тысячной арміи внутрь безлюдныхъ, безплодныхъ и безводныхъ степей, хотя-бъ это было постоянно вскрай обѣихъ морей, Чернаго и Азовскаго, и продолжалось только до устья нынѣшняго Дона, самой ближайшей западной точки изъ всей водной системы Танаиса [133]. Пускай ссылаются на разительное сходство между походами Дарія и Наполеона: сходство, при которомъ выпускается изъ вида вовсе не бездѣльное различіе двадцати-трехъ вѣковъ, отдѣляющихъ два событія! Я увѣренъ только, что сказаніе Геродота по-крайней-мѣрѣ столько-жь мало заслуживаетъ безусловной вѣры, какъ и оффиціяльные бюллетени Великой-Арміи.

Итакъ, расказъ Геродотовъ о походѣ Дарія долженъ быть разсматриваемъ съ тою снисходительностью, какой вообще требуютъ саги. Въ немъ есть истина, но эту истину надо добывать осторожно изъ поэтизированной амальгамы преданія.

Дарій не былъ и не могъ быть на Танаисѣ: хотя-бъ подъ Танаисомъ разумѣть нынѣшій Сѣверный-Донецъ, самый западный изъ притоковъ Дона. Чтобы достигнуть Сѣвернаго-Донца съ Дуная, не говоря уже о пространствѣ, надо было переправляться черезъ столько рѣкъ, и какихъ рѣкъ? Днѣстръ, Бугъ, и наконецъ Днѣпръ! Одинъ Днѣпръ, при малѣйшемъ противодѣйствіи со-стороны Скиѳовъ, могъ-бы положить непреодолимую преграду и не для восьми-сотъ-тысячной арміи. И какъ преданіе умолчало-бы объ этѣхъ переправахъ, когда оно такъ распротраняется о переходѣ Дарія черезъ Дунай? Между-тѣмъ, у Геродота нѣтъ ни слова даже о томъ, какъ и гдѣ онъ перешелъ Днѣстръ:

---

[133] Чтобы оправдать возможность похода Дарієва на значительное пространство, истощены уже всѣ возможныя усилія. Честный Геерен, потрясенный скептицизмомъ Нибура и Дальмана, все еще держится обѣими руками за быстроту конницы Скиѳской, при которой указываетъ на нынѣшнюю летучесть Козаковъ. Heeren. Th. I. Abth. 2. S. 166. Но, къ сожалѣнію, Геродотъ какъ нарочно упоминаетъ, что съ Даріємъ была не одна конница, но и пѣхота, которой особенно боялись Скиѳы (IV. 128) и которая конечно состояла не изъ скороходовъ. Догадливый Линднеръ изворачивается на-счетъ продовольствія арміи въ степяхъ, тѣмъ предположеніемъ, что колонисты Еллинскіе могли подвозить припасы на судахъ въ-верхъ по рѣкамъ; причемъ впрочемъ думаетъ, что Дарій гонялся за Скиѳами не со всей арміей, которая перешла черезъ Дунай, но большую часть ея оставилъ на Днѣстрѣ, на Бугѣ, на Днѣпрѣ, чтобы обезпечить себѣ прикрытіе съ тыла и сохранить сообщеніе съ своимъ флотомъ, который вѣрно, не оставаясь бездѣйственнымъ, крейсировалъ вдоль всего побережья Скиѳскаго. Skythien und die Skythen des Herodots, S. 190, 191. Но достало-ли-бы на то всего народонаселенія и всѣхъ водоходныхъ способовъ тогдашнихъ колоній Понтійскихъ, которыя притомъ больше имѣли интереса помогать Скиѳамъ, чѣмъ Персамъ?

рѣку, которая конечно не Дунай, но которую все-же не льзя было «пропустить межь ногъ», какъ говорится о коняхъ богатырей въ народныхъ нашихъ сказкахъ. Уже это одно даетъ сильное подозрѣніе, что Дарій едва-ли дѣйствительно и переходилъ на-сю-сторону Днѣстра, что вся его экспедиція ограничивалась только западною границею четвереугольника Скиѳскаго, заключалась въ предѣлахъ нынѣшней Бессарабіи [134]. Точно такъ увѣренъ былъ Стравонъ, у котораго опредѣлительно сказано, что Дарій сгубилъ свое войско на безводныхъ равнинахъ «пустыни Гетовъ», находящейся между Истросомъ и Тирасомъ, слѣдовательно въ нынѣшнемъ Буджакѣ! [135]

Но нѣтъ основательныхъ причинъ сжимать въ слишкомъ узкіе предѣлы событіе, оставившее по себѣ столь величественныя воспоминанія. Чтобы развернуться ему, нуженъ былъ театръ конечно пообширнѣе, чѣмъ теперешній уголъ Буджака, чѣмъ даже вся нынѣшняя Бессарабія. Притомъ, и сагу, сохраненную Геродотомъ, нельзя-же пренебречь вовсе. По ней, Дарій имѣлъ дѣло не только съ Скиѳами, но и со всѣми ихъ сосѣдами, кромѣ Тавровъ и Агаѳирсовъ (IV. 122—125). Ключъ къ истинѣ, очевидно переряженной, но вѣрно не уничтоженной сагою, по-моему есть слѣдующій. У Геродота говорится, что, изъ всѣхъ сосѣдей Скиѳовъ, вызвались помогать имъ дѣятельно только Савроматы, Будины и Гелоны (IV. 119), и что Будины и Гелоны присоединились именно къ тѣмъ двумъ отрядамъ, которые, подъ предводительствомъ царей Иданѳирсоса и Таксакиса, вышли на встрѣчу Персамъ къ Дунаю; Савроматы-же остались при третьемъ отрядѣ, составлявшемъ, подъ начальствомъ

---

[134] Изъ мужественной отповѣди, которую Геродотъ влагаетъ въ уста царю Иданѳирсосу, въ отвѣтъ на гордый вызовъ Дарія, сдѣланный уже при окончаніи похода, видно, что Персы не проникали туда, гдѣ находились праотеческія могилы Скиѳовъ, слѣдовательно не были вовсе внутри степей собственно Скиескихъ, тѣмъ-болѣе не доходили до Танаиса, гдѣ-бы, слѣдуя прямою дорогою вдоль Днѣпра, или держась Святыхъ-Путей гранитной гряды, непремѣнно попали-бы даже на завѣтное святилище Герроса. Τυγχάνουσι ἡμῖν ἐόντες τάφοι πατρώϊοι· φέρετε, τούτους ἀνευρόντες, συγχέειν πειρᾶσθε αὐτούς· καὶ γνώσεσθε τότε, εἴτε ὑμῖν μαχησόμεθα περὶ τῶν τάφων, εἴτε καὶ οὐ μαχησόμεθα. IV. 127.

[135] Μεταξὺ δὲ τῆς Ποντικῆς θαλάττης τῆς ἀπὸ τοῦ Ἴστρου ἐπὶ Τύραν καὶ ἡ τῶν Γετῶν ἐρημία πρόκειται, πεδιὰς πᾶσα, καὶ ἄνυδρος· ἐν ᾗ Δαρεῖος ἀπολιφθεὶς ὁ Ὑστάσπεω, καθ' ὃν καιρὸν διέβη τὸν Ἴστρον ἐπὶ τοὺς Σκύθας, ἐκινδύνευσε παυστρατιᾷ δίψει διαλυθῆναι· συνῆκε δ' ὀψὲ, καὶ ἀνέστρεψε. *Strabonis* Rer. Geographic. VII. 3. Извѣстно, что и Ктезій, писавшій исторію Персовъ по оффиціальнымъ документамъ, хранившимся въ архивахъ двора Сузскаго, простиралъ походъ Дарія внутрь Скиѳіи только на 15 дней разстоянія отъ Истроса, Ex Histor. Pers. *Ctesiæ* excerpta in editione Herodoti Wesseling. p. 815.

царя Скопасиса, аріергардъ, который, въ-случаѣ если-бы открытъ былъ Персами, имѣлъ назначеніе отступать назадъ, къ Меотидѣ и къ Танаису, съ-тѣмъ-чтобъ, когда непріятель, утомленный преслѣдованіемъ, воротится назадъ, также вернуться и ударить на него съ тыла (IV. 120). Дарій открылъ первые два отряда въ «трехъ дняхъ» разстоянія отъ Дуная (IV. 122); слѣдовательно — принимая точкой перехода его черезъ Дунай пространство между нынѣшними Тульчей и Исакчей [136] — во ста верстахъ внутри нынѣшней Бессарабіи, то-есть на чертѣ между мѣстечкомъ Леовомъ и городомъ Бендерами, тамъ гдѣ оканчивается собственно Буджакъ, и гдѣ проходитъ нынѣ второй изъ таинственныхъ валовъ, извѣстныхъ въ Бессарабіи подъ именемъ «Трояновъ». Отсюда Скиѳы стали заманивать Персовъ на востокъ (IV. 122); но не въ томъ направленіи, въ которомъ находился аріергардъ, долженствовавшій отступать къ Меотидѣ и къ Танаису; слѣдовательно, въ направленіи къ сѣверо-востоку [137]. Такимъ-образомъ, Дарій могъ перейти Днѣстръ около нынѣшнихъ Бендеръ, гдѣ переправа не представляетъ большихъ затрудненій, и потомъ, преслѣдуя отступающихъ Скиѳовъ, дошелъ тогдашней землей Алазоновъ, по границѣ нынѣшнихъ Херсонской и Подольской губерній, въ теперешнюю губернію Кіевскую, то-есть въ землю Будиновъ и Гелоновъ (IV. 123). Сага говоритъ, что прежде страны Будиновъ и Гелоновъ, Персы перешли Танаисъ и прошли насквозь землю Савроматовъ (IV. 122). Но это должно причислить къ варіантамъ, произведеннымъ въ истинѣ событія молвой преданія. Такъ-какъ Савроматы, подобно Будинамъ и Гелонамъ, должны были отступать передъ Персами, и въ-самомъ-дѣлѣ отступали (IV. 22);

---

[136] По словамъ Геродота, мостъ для Дарія наведенъ былъ на Истросѣ «въ двухъ дняхъ плаванія» вверхъ по рѣкѣ отъ моря, тамъ гдѣ дробятся устья Истроса: ἀναπλώσας δὲ (ὁ ναυτικὸς στρατὸς) ἀνὰ τὸν ποταμὸν (τὸν Ἴστρον) δυοῖν ἡμερέοιν πλόον ἀπὸ θαλάσσης, τοῦ ποταμοῦ τὸν αὐχένα, ἐκ τοῦ σχίζεται τὰ στόματα τὰ Ἴστρου, ἐξεύγνυε. IV. 89. Страбонъ даетъ разумѣть, что флотъ Даріевъ для наведенія моста поднимался по Святому-Устью (VII. 3), то-есть по теперешнему Георгіевскому-Гирлу. Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ окрестностямъ Измаила, или вѣрнѣе мѣстечку Сатунову, гдѣ дѣйствительно начинается развѣтвленіе нынѣшнихъ гирлъ Дуная, вершина котораго отстоитъ отъ моря въ прямомъ направленіи не больше какъ на 70 верстъ. *Katancsich* De Istro ejusque accolis, p. 26. Ср. Объ устьяхъ Дуная, въ Москвит. 1848. ч. III. с. 71.

[137] Говоря о преслѣдованіи того отряда, который долженъ былъ отступать къ Меотидѣ и къ Танаису, Геродотъ употребляетъ нарѣчіе «ἔπειτα», которое значитъ «потомъ»; слѣдовательно, первое направленіе преслѣдованія полагаетъ въ другую сторону, за двумя другими отрядами: οἱ δὲ Πέρσαι ὡς εἶδον ἐπιφανέοσαν τῶν Σκυθέων τὴν ἵππον, ἐπήϊσαν κατὰ στίβον αἰεὶ ὑπαγόντων· καὶ ἔπειτα, πρὸς γὰρ τὴν μίην τῶν μοιρέων ἴσαν, οἱ Πέρσαι ἐδίωκον πρὸς ἠῶ τε καὶ τοῦ Τανάϊδος. IV. 122.

то сага легко могла преслѣдованіе ихъ со-стороны Персовъ превратить въ такое-же посѣщеніе ихъ страны, какому подверглась земля Будиновъ и Гелоновъ. Однако-жь, имя Танаиса? Здѣсь, конечно, Танаисъ смѣшанъ съ другою рѣкою, и всего вѣроятнѣе съ Днѣпромъ-выше-Пороговъ, котораго тожество съ Днѣпромъ-ниже-Пороговъ, или съ настоящимъ Геродотовымъ Борисѳенесомъ, въ тѣ времена было для самыхъ туземцевъ безвѣстною, сокровенною тайною (IV. 53). Дарій могъ быть легко доведенъ Скиѳами до Днѣпра нынѣшней Кіевской губерніи; и тутъ коснулся границы Смурыхъ-Кафтановъ, и задѣлъ жилища Людоѣдовъ (IV. 125). Конечно, онъ не переходилъ Днѣпра и здѣсь: ибо, по расказу Геродота, сожегши Гелоносъ, тотчасъ уклонился къ Ѳиссагетамъ (IV. 123), то-есть въ нынѣшнюю Волынскую губернію, гдѣ, на берегахъ Оароса, очень можетъ-быть нынѣшней Горыни, рѣшился-было отдохнуть, обстроясь приличными укрѣпленіями (IV. 124)[158]. Чтобы заплутать больше, Скиѳы весьма могли увести отсюда Персовъ опять на востокъ, въ сосѣдство Смурыхъ-Кафтановъ и Людоѣдовъ (IV. 125); оттуда, снова на западъ, къ Неврамъ (IV. 125), въ сѣверную половину нынѣшней Подольской губерніи и въ Галицію; наконецъ, послѣ неласковаго пріема, сдѣланнаго имъ Агаѳирсами, обратно домой, въ свою землю (IV. 125), вѣроятно въ нынѣшней Буковинѣ.

---

[158] Счастливая мысль повести Дарія, вмѣсто безпредѣльныхъ степей Черноморскихъ, Азовскихъ и Под-Каспійскихъ, въ западную Украйну, и именно въ окрестности Авратынской-Выси, принадлежитъ ученому профессору Эйхвальду, который самъ лично посѣщалъ эту сторону и всю Южную-Россію съ щупомъ натуралиста и съ факеломъ археолога. У него прекрасно объяснено и доказано, какимъ-образомъ водоемъ нынѣшней Припети могъ нѣкогда разширяться до величины огромнаго озера, которое вѣроятно не Геродотъ, но какой-нибудь схоліастъ смѣшалъ съ часто-поминаемымъ «озеромъ Меотидою», а какой-нибудь переписчикъ, нашедши приписку на полѣ рукописи, заблагоразсудилъ украсить ею самый текстъ Геродота. Я-бы даже не нашелъ нужнымъ прибѣгать къ послѣднему предположенію, по той причинѣ, что «Меотисъ», или «Меетисъ», могло быть, въ тѣ времена, на какомъ-нибудь изъ туземныхъ языковъ, нарицательнымъ именемъ всякаго «огромнаго и съ-тѣмъ-вмѣстѣ проточнаго скопища водъ» такъ-какъ «Тана» или «Дана» было такимъ-же нарицательнымъ именемъ всякой «большой рѣки»: славянофилъ, пожалуй, прослышалъ бы въ немъ даже что-то похожее на «матицу», и сослался-бы на имя «Ματόας», которое, по свидѣтельству Стефана Византійскаго и Евстафія Ѳессалоникскаго, носилъ будто-бы Дунай въ самой глубокой древности. Утвердя такимъ-образомъ вторую Меотиду въ озерѣ Будиновъ, ученый профессоръ проводитъ въ него четыре рѣки, которыя Геродотъ производитъ изъ пустыни Ѳиссагетовъ, и которыя весьма удачно, даже по самымъ именамъ, пріурочиваются къ рѣкамъ, изливающимся съ Авратынской-Выси въ Припеть, именно Ликосъ къ Случу, Оаросъ къ Горыни, Танаисъ къ Лану, Гиргисъ къ Стыри. *Эйхвальда* о древнѣйшихъ обитализахъ племенъ Славянскихъ, Финскихъ, Турецкихъ и Монгольскихъ въ Южной Россіи, по Геродоту, въ Библ. д. Чтен. т. XXVII. о. III. с. 69—71; также Darius Hystaspis zieht nach der Gegend von Pinsk въ Dorpat. Jahrb. 1834. B. III. H. I. S. 12.

Тутъ-то Дарій, увидѣвъ себя снова на Днѣстрѣ, съ котораго началъ свое роковое скитаніе, потерялъ терпѣніе, и послалъ къ Скиѳамъ требовать покорности или битвы (IV. 126). Но какъ игра приняла другой розыгрышъ, то наконецъ гордый падишахъ принужденъ былъ самъ обратить тылъ, и, въ-низъ по Днѣстру, черезъ всю нынѣшнюю Бессарабію, спустился къ Дунаю (IV. 135). Чтобы сдѣлать и этотъ кругъ, надо пройти, взадъ-и-впередъ, около тысячи-семисотъ верстъ: пространство, котораго достанетъ на «шестьдесятъ дней», притомъ еще пересроченныхъ Даріемъ (IV. 136) [139].

Такъ и знаменитый походъ Дарія, какъ онъ расказывается у Геродота, приведенный въ свои подлинные размѣры, весьма естественно укладывается на картѣ, которую не мертвое умозрѣніе, но живая дѣйствительность начертываетъ для Геродотовой Скиѳіи.

Я оканчиваю.

Результатъ труда, по-истинѣ тяжкаго, не ограничивается только тѣмъ, что Геродотова Скиѳія получила еще одну новую систему объясненія, что толстый атласъ другъ-другу противорѣчащихъ ландкартъ, которыя для ней уже начерчены, пріумножился еще одною новою страницею.

Я позволяю себѣ надѣяться, что система, которая здѣсь предложена, что ландкарта, которая теперь составлена, не есть трудъ совершенно пропащій, по-крайней-мѣрѣ потому, что представляетъ слѣдующіе виды общаго интереса для великой, таинственной науки прошедшаго, на которой преимущественно сосредоточивается жадное, ненасытимое любопытство настоящаго:

I. Востокъ Европы, нынѣ только вполнѣ сознавшій и обнаруживший свое высокое предназначеніе, былъ издревле связанъ узами непрерывнаго сообщенія, постепенно крѣпшаго и приготовлявшаго его нынѣшнюю неразрушимую цѣлость, залогъ великой будущности. Назадъ-тому двадцать-три столѣтія, моря Черное

---

[139] Разстояніе вычислено здѣсь: во-первыхъ отъ Измаила до Кіева черезъ Балту; потомъ, отъ Кіева до Каменца-Подольскаго черезъ Житомиръ и Острогъ; наконецъ, отъ Каменца назадъ въ Измаилъ черезъ Хотинъ. Въ 60 дней, по Геродоту, можно пройти 12,000 стадій, то-есть отъ 2,100 до 2,400 верстъ.

и Балтійское находились уже между-собою въ тѣсномъ союзѣ. Настоящее довершило только то, что издавна таилось въ сокровенныхъ нѣдрахъ прошедшаго. Вотъ важное пріобрѣтеніе для философіи географіи: ибо и географія имѣетъ свою, и притомъ глубокую философію.

II. Понтъ и Меотида, не смотря на свою мѣстную близость къ Азіи, жизненно искони принадлежали Европѣ. Первыя движенія кровообращенія, возбужденныя на ихъ сѣверныхъ берегахъ проходимостью древнихъ Еллиновъ, стремились не назадъ къ востоку, не къ Уралу или къ Алтаю, но впередъ на западъ, по артеріямъ связки Карпатской. Два Буга или «Бога», въ древности скрывшіеся подъ таинственными именами Борисѳенеса и Эридана, были первоначальными проводниками «божественнаго» начала жизни, раскрывающагося вполнѣ при братскомъ союзѣ поколѣній, племенъ, народовъ. При помощи этнографіи, исторія должна прагматически изложить что здѣсь только задано географіею.

Впрочемъ, довольно и того, если съ пожертвованіемъ всѣхъ, и общихъ и частныхъ, результатовъ, представляемый трудъ спасетъ «начало», долженствующее служить первымъ и главнымъ основаніемъ всѣмъ изслѣдованіямъ въ неизслѣдимой пучинѣ минувшаго: то ясное, какъ свѣтъ солнца, «начало», что «буква книгъ мертва и нѣма безъ краснорѣчиваго комментарія вѣчно-живой дѣйствительности». *Illuc usque et fama, vera tantum natura*: сказалъ еще въ древности, глубокомысленнѣйшій изъ мудрецовъ, Тацитъ.

Н. Надеждинъ,

д. ч. о.

О КУФИЧЕСКИХЪ МОНЕТАХЪ

VIII, IX, X И ОТЧАСТИ VII и XI ВѢКА,

НАХОДИМЫХЪ

ВЪ РОССІИ И ПРИ-БАЛТІЙСКИХЪ СТРАНАХЪ,

какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи.

(Читано въ годичномъ собраніи Общества 24 Марта 1842 года.)

Первыя времена народной жизни нашей покрыты густою мглою, въ которой глазъ историка можетъ различать только немногія болѣе или менѣе свѣтлыя точки; но и на этотъ свѣтъ полагаться ненадежно: это не звѣзды неподвижныя, блестящія во мракѣ ночи; это летучіе огоньки надъ могилами нашихъ предковъ, безпрестанно перемѣняющіе мѣсто. Что представлялось намъ яснымъ и несомнѣннымъ вчера, оказывается сегодня темнымъ и проблематическимъ, отвергнется можетъ-быть завтра, какъ невѣрное и невозможное. Мы не знаемъ даже, когда появился, гдѣ обиталъ первоначально, къ какому племени (гасе) принадлежалъ тотъ народъ или поколѣніе, именемъ котораго гордимся теперь мы, сорокъ милліоновъ сѣверныхъ Славянъ, владѣющіе девятою частію земной поверхности. Мы не знаемъ, кто такіе были эти Руссы или Русь, которыхъ находимъ и на Волгѣ и на Днѣпрѣ, на берегахъ Черноморскихъ и на Балтикѣ и на Адріатикѣ, подъ Балканами и подъ Карпатами, между поколѣніями Славянскими и между Финскими и Скандинавскими. Не знаемъ, что за люди были Варяги, играющіе столь видную роль въ древнѣйшей

лѣтописи нашей, — Шведы, Датчане, или Славяне Поморскіе. Не знаемъ основательно ни отношеній Славянъ, Финновъ, Руси и Варяговъ между собою, ни вообще отношеній древнѣйшей Россіи къ южнымъ и западнымъ Славянамъ, тѣмъ-менѣе еще отношеній ея къ своимъ восточнымъ сосѣдямъ. Не знаемъ ни степени образованности нашихъ праотцевъ, ни ихъ быта общественнаго и семейнаго, ни ихъ религіи языческой, ни того, какъ, когда и откуда пришла къ нимъ первоначально религія Спасителя. Не знаемъ начинать-ли намъ исторію свою со временъ Митридата, или съ IX, или съ XI вѣка по Р. Х., короче — не знаемъ почти ничего положительнаго, неоспоримаго; бо́льшая часть написаннаго доселѣ о древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, основывается на шаткихъ началахъ. Подуетъ легонькій вѣтерокъ скептицизма, и системы, построенныя съ большимъ искусствомъ, но на основаніи непрочномъ, валятся и разбиваются въ дребезги. Мы пишемъ, разсуждаемъ, доказываемъ, и часто сами не знаемъ, вѣрить или не вѣрить тому, что пишемъ, о чемъ разсуждаемъ, что доказываемъ. Всѣ знанія наши объ этомъ темномъ времени не суть знаніе того, *что* и *какъ было*, а знаніе разныхъ системъ и мнѣній о томъ, *что* и *какъ могло быть*, системъ отжившихъ уже свой вѣкъ, увядающихъ или еще цвѣтущихъ. Горько, но должно сознаться въ этой истинѣ. IX и X вѣкъ нашей исторіи, съ тѣхъ поръ, какъ обратилось на нихъ впервые вниманіе ученыхъ изслѣдователей, были постоянно предметомъ самыхъ различныхъ, иногда вовсе неосновательныхъ предположеній, мнѣній, часто діаметрально противуположныхъ; по-крайней-мѣрѣ всѣ изслѣдователи долгое время соглашались хоть въ томъ, что истину, которой искали, старались извлечь преимущественно изъ одной книги, которую признавали «несомнѣнною», изъ лѣтописи, извѣстной подъ именемъ Несторовой. На ней, какъ на скалѣ гранитной, строили они свои системы; изъ нея извлекали пищу для всѣхъ своихъ предположеній. Но съ тѣхъ поръ, какъ авторитетъ этой лѣтописи, дотолѣ незыблемый, какъ непогрѣшительность ея, дотолѣ признаваемая единогласно проповѣдниками самыхъ противуположныхъ ученій, подверглись сильнымъ ударамъ скептицизма, и сказанія ея утратили въ глазахъ многихъ ту достовѣрность и уваженіе, которыми пользовались у прежнихъ критиковъ, системы ихъ шатнулись, рухнули, — и тьма,

тяготѣющая надъ древнею Русью сгустилась еще болѣе[1]. Подавленные обломками, оглушенные шумомъ этого паденія, мы не знаемъ теперь почти ничего о судьбахъ нашего отечества въ первые вѣка его жизни: сказанія современныхъ иноземныхъ писателей, сколько доселѣ они извѣстны намъ, не представляютъ ничего цѣлаго, ничего такого, изъ чего-бы можно было реставрировать разрушенное зданіе древнѣйшей исторіи нашей, основывавшееся прежде на помянутой лѣтописи. Съ потерею довѣренности къ ней, мы лишились единственнаго проводника въ катакомбахъ историческихъ изслѣдованій о судьбахъ нашихъ праотцевъ, затушили послѣдній факелъ освѣщавшій намъ путь въ ихъ мрачныхъ извилинахъ, и остаемся блуждать въ совершенной темнотѣ . . . .

Что-жь дѣлать въ такомъ положеніи, на что рѣшиться? отказаться-ли отъ возможности, отъ надежды разъяснить этотъ мракъ, и оставаться въ невѣдѣніи, предоставляя отдаленному будущему или неожиданному случаю снять покрывало съ непроницаемаго для насъ; или приступить къ новому основательнѣйшему допросу современныхъ иноземцевъ, пролагать пути новые, искать свѣжихъ источниковъ? Будемъ надѣяться, что послѣдняя рѣшимость преодолѣетъ первую. Извѣстно, какъ недостаточно еще разработаны иноземные источники нашей исторіи, какъ недавно еще принялись у насъ отыскивать и издавать въ свѣтъ туземные. Византійцевъ знаютъ у насъ большею частію только по извлеченіямъ и переводамъ Стриттера; Саги Скандинавовъ почти по одному слуху; до Латинскихъ лѣтописцевъ Западной Европы едва прикоснулись; извѣстія Арабскихъ географовъ, историковъ и путешественниковъ стали употреблять въ дѣло очень съ недавнаго времени; со всѣхъ сторонъ еще можно ожидать жатвы богатой. Пытливая любознательность, ища новыхъ источниковъ, нѣтъ сомнѣнія, откроетъ ихъ, а умы проницательные, обративъ вниманіе на извѣстное уже прежде, взглянувъ на старое съ новыхъ точекъ зрѣнія,

[1] Я лично не раздѣляю во многомъ мнѣнія нашихъ скептиковъ касательно этой лѣтописи; но пусть она дѣйствительно принадлежитъ Нестору, пусть написана въ началѣ XII столѣтія и написана добросовѣстно, тѣмъ-не-менѣе нельзя отрицать, чтобы въ ней не было сбивчивости, множества темныхъ мѣстъ, множества важныхъ пропусковъ, отрицать того, что она дошла до насъ не въ томъ видѣ, въ какомъ вышла изъ келы творца своего. Со временемъ окажется, можетъ-быть, что сбивчивость была не въ лѣтописи а въ нашихъ понятіяхъ, что мы не умѣли смотрѣть на нее съ надлежащей точки зрѣнія; но это со временемъ, а покуда оно придетъ, намъ кажется лучшимъ теперь забыть о ея непогрѣшительности, и сказаній ея не полагать въ основу нашихъ разысканій.

съумѣютъ извлечь изъ разысканій своихъ результаты неожиданные, замѣнятъ разрушенное новымъ, построеннымъ на прочнѣйшемъ основаніи.

Съ этимъ убѣжденіемъ въ возможности возсозданія древнѣйшей исторіи нашего отечества, я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы обратить вниманіе Общества на одинъ родъ памятниковъ, могущій служить новымъ источникомъ для объясненія этихъ темныхъ временъ — памятниковъ, которые, сколько мнѣ извѣстно, не обратили еще на себя вниманія ни одного Русскаго ученаго, о которыхъ доселѣ не писано ничего на отечественномъ языкѣ.

Памятники сіи суть куфическія монеты VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка нашей эры, отрываемыя въ Россіи и странахъ при-Балтійскихъ. Клады изъ этихъ монетъ находили и находятъ безпрестанно въ помянутыхъ земляхъ. Каждый годъ постоянно возращаютъ онѣ изъ нѣдръ своихъ новую жатву Нумизматикѣ. Огромное, изумительное количество этихъ монетъ, имѣющееся теперь у насъ, въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, Голштиніи, Мекленбургѣ, Пруссіи и Польшѣ, въ рукахъ правительствъ и частныхъ людей, не ввезено съ Востока въ новыя времена, не собрано и не куплено въ Азіи путешественниками и торгашами; за немногими исключеніями, почти все оно доставлено почвою этихъ-же самыхъ странъ. А сколько еще этихъ драгоцѣнностей исчезло въ плавильномъ горшкѣ, перелито невѣжественными ихъ владѣтелями и отрывателями на ложки, на посуду, на кольца, на шпоры! Кто знаетъ, сколько растопляется ихъ въ настоящую минуту! Бо́льшая часть, и можетъ быть важнѣйшихъ, находокъ, нѣтъ сомнѣнія, пропала безъ вѣсти; при-всемъ-томъ число такихъ, о которыхъ сохранились какія-нибудь свѣдѣнія, еще велико, и велико такъ, что я не могу упомянуть здѣсь обо всѣхъ; но такъ-какъ познакомиться съ такого рода находками необходимо, чтобы оцѣнить ихъ достоинство какъ источниковъ, и видѣть, что́ возможно извлечь изъ нихъ для объясненія нашей древности, я ограничусь въ отношеніи къ находкамъ, сдѣланнымъ въ при-Балтійскихъ краяхъ, только исчисленіемъ важнѣйшихъ и преимущественно тѣхъ, которыя описаны были знающими дѣло учеными[2].

---

[2] Извѣстія болѣе обстоятельныя о находкахъ этого рода въ при-Балтійскихъ краяхъ вообще находятся въ *Гартмановой* книгѣ: Olaf Gerhard Tychsen, oder Wanderungen durch die mannigfaltigen Gebiete der biblisch-orientalischen Literatur. Band II, 2. und 3 Abth., и въ *Ледебуровомъ* трактатѣ: Ueber die in den Baltischen Län-

Нумизматическій периплъ нашъ Балтійскаго моря начнемъ со Швеціи, какъ страны, гдѣ на сохраненіе отечественныхъ древностей вниманіе правительства обратилось ранѣе, чѣмъ въ другихъ сосѣдственныхъ земляхъ, въ-слѣдствіе чего и находки, составляющія предметъ нашего разсужденія, были описаны здѣсь вѣрнѣе и сбережены лучше, чѣмъ гдѣ-либо. При перечисленіи ихъ я буду слѣдовать хронологическому порядку[5].

Что Восточныя монеты отрываемы были на Шведскомъ материкѣ до XVIII столѣтія узнаемъ мы отъ Олая Вормія[4], Шеффера[5], Гадорфа[6], Дикмана[7], Бреннера[8], но объ этихъ находкахъ говорится слишкомъ неопредѣленно.

Изъ извѣстныхъ точнѣе укажемъ на слѣдующія:

1. Въ 1702 году, въ холмѣ у деревни *Oena*, въ приходѣ *Mora*, вырыты вмѣстѣ съ Англосаксонскими и Датскими монетами Этельреда и Канута и халифскія IX и X вѣка[9].

2. Въ 1703 году, у *Näsby*, въ приходѣ *Ackers*, въ *Roslagen*'ѣ, найдено на 326 лотовъ серебряныхъ вещей и монетъ X вѣка, между которыми значительное число куфическихъ[10].

3. Въ 1715 году, у *Kullaberg*, въ *Malmöhus-Län*'ѣ, найдено на 48 лотовъ серебра въ запястьяхъ и другаго рода кольцахъ, равно какъ и Арабскими монетами, частію разломанными[11].

4. Въ 1729 году, у *Gersnäs*, въ *Shonen*'ѣ, найдено на полѣ 204½ лота

---

dern in der Erde gefundenen Zeugniffe eines Handels-Verkehrs mit dem Orient zur Zeit der Arabiſchen Weltherrſchaft. Berlin, 1840. Съ топографическою картою этихъ находокъ.

[5] Полное перечисленіе всѣмъ находкамъ по части древностей, сдѣланнымъ на Шведской землѣ съ 1547 по 1829 годъ, и дошедшимъ до свѣдѣнія правительства, въ томъ числѣ множества Восточныхъ монетъ и вещей, сдѣлано *Лиліегреномъ*. Статья его объ этомъ, подъ заглавіемъ: Strödda anteckningar om Fynd i Svensk Iord, med en dertill hörande Förteckning, помѣщена въ Kongl. Witterhets, Historie och Antiquitets Academiens Handlingar. T. XIII, s. 153—278. Превосходное разсужденіе *Адлербета* о Восточныхъ монетахъ, найденныхъ въ Швеціи, подъ заглавіемъ: Inträdes-Tal, om Sveriges fordna Österländska handel, i anledning af Arabisca penningar fundne in Svenks jord, находится въ запискахъ той-же академіи, томъ I, ст. 102—174.

[4] Epistolae. Hauniae. 1751. I, 50. — [5] Upsalia. Edit. Upsaliae. 1668. p. 199. — [6] Praef. in leges Delekarl. Stockh. 1676. p. 5. — [7] Observat. till Svenskars och Göthers Penninge Räckning. Stockh. 1686. p. 3. — [8] Thesaurus numorum Sveo-Gothicorum. Stockh. 1731. p. 265.

[9] *Ледебуръ*, s. 28, съ указаніемъ на *Zach. Holenius:* De Dalekarlia dissert. posterior. Upsal. 1725. p. 130.

[10] *Лиліегренъ*, s. 173, съ указаніемъ на *Keder:* Numi aliquot ex argento praetestantissimi. p. 1.

[11] *Лиліегренъ*, s. 176.

серебра монетами Англійскими, Ирландскими, Нѣмецкими и Арабскими, вмѣстѣ съ запястьями и другими украшеніями, частію въ обломкахъ[12].

5. Въ 1762 году, недалеко отъ *Gronstorp*'а, въ приходѣ *Tuna*, въ *Södermanland*'ѣ, между Англійскими и Нѣмецкими монетами, найдены и обломки серебряныхъ Восточныхъ, вѣсомъ на 2 марки 6 лотовъ[13].

6. Въ 1781 году, найдено въ *Roslagen*'ѣ, на 141½ лота древнихъ серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ 100 штукъ однихъ Арабскихъ, и въ томъ-же году, въ той-же провинціи, у *Norr Näna*, въ приходѣ *Estuna*, — разныя украшенія и 99 частію Арабскихъ, частію Греческихъ (Византійскихъ?) монетъ[14].

7. Въ 1802 году, недалеко отъ *Enköping*'а, въ приходѣ *Tillinge*, у *Hagby*, найдено подъ камнемъ 14 цѣлыхъ и 8 разломанныхъ куфическихъ монетъ[15].

8. Въ 1805 году, у *Ersta*, недалеко отъ *Eskilstuna*, вырыто изъ земли 806 Англосаксонскихъ и куфическихъ монетъ, вмѣстѣ со всякаго рода серебряными украшеніями, всего на 5 марокъ и 7 лотовъ вѣсомъ[16].

9. Въ 1823 году, въ приходѣ *Bro*, у *Önnestad*, въ *Upsala-Län*'ѣ, — 5 цѣлыхъ и 2 разломанныхъ Арабскихъ монеты, битыхъ съ 905 по 915 годъ по Р. Х.[17].

10. Въ 1824 году, у *Asbygge*, въ приходѣ *Wahlbo*, въ *Gefleborgs-Län*'ѣ, — 66 цѣлыхъ и 50 болѣе или менѣе изломанныхъ Арабскихъ монетъ, битыхъ съ 896 по 925 годъ по Р. Х., вѣсомъ на 21 лотъ[18].

11. Въ Іюлѣ и Августѣ 1828 года, у *Wasby*, въ приходѣ *Hammerby*, въ *Stockholm-Län*'ѣ, — Восточныхъ монетъ на 50 лотовъ, въ томъ числѣ 300 однихъ куфическихъ, битыхъ съ 699 по 864 годъ по Р. Х., и 50 Сассанидскихъ (?)[19].

12. Въ томъ-же году, 11 Августа, у *Soldattorpen Horda*, въ приходѣ

---

[12] [13] [14] *Лиліегренъ*, s. 179, 186, 209.

[15] Ibid. s 215, съ указаніемъ на *Göthlin:* De numis Cuficis. p. 9.

[16] Ibid. s. 218, съ указаніемъ на *Hallenberg's* Anm. öfver Lagerbrink. I, 315—318.

[17] [18] Ibid. s. 252 et 253.

[19] Ibid. s. 275. См. также Nordisk Tidsskrift for Oldkyndighed. 1832. B. I. H. 1. s. 225.

Moheda, въ *Kronoborgs-Län*'ѣ, найдено въ урнѣ $^3/_4$ лота золота и 95 лотовъ серебра въ монетахъ, кольцахъ и обломкахъ. Въ числѣ монетъ было 200 Нѣмецкихъ, отъ временъ Оттона I до герцога Бернгарда I Саксонскаго (973—1061), битыхъ частію въ Кельнѣ, Майнцѣ, Магдебургѣ и Дортмундѣ; 63 Англосаксонскихъ и 30 куфическихъ[20].

Еще богаче находками прилежащіе къ Швеціи острова *Öland*ъ и *Готланд*ъ. На первомъ найдено:

13. Въ 1768 году, въ приходѣ *Bredsätra*, — 78 лотовъ Арабскихъ монетъ, большею частію въ обломкахъ[21].

14. Въ 1771 году, — 40 цѣлыхъ, 80 довольно сохранившихся, хотя и не цѣлыхъ, и до 700 обломковъ Арабскихъ монетъ. Ауривиллій, описывавшій эту находку, говоритъ, что монеты и обломки принадлежатъ слѣдующимъ династіямъ:

Халифамъ — 12 цѣлыхъ и 9 обломковъ.
Бувейгидцамъ — 1 цѣлая и 2 обломка.
Саманидамъ — 22 цѣлыхъ и 657 обломковъ.

Изъ Саманидскихъ относятся къ правленію:

Исмаила сына Ахмедова — 2 цѣлыя и 46 обломковъ.
Ахмеда сына Исмаилова — 1 цѣлая и 37 обломковъ.
Насра сына Ахмедова — 11 цѣлыхъ и 220 обломковъ.
Нуха сына Насрова — 8 цѣлыхъ и 84 обломка.

Въ обломкахъ Ауривиллій насчиталъ еще 270 Саманидскихъ; остальныхъ не разобралъ. Обломки принадлежали разнымъ монетамъ, такъ-что изъ 700 штукъ ихъ не нашлось двухъ, которые были-бы отъ одной и той-же монеты[22].

15. Въ 1775 году, — два клада: одинъ у *Klinta*, состоявшій изъ колецъ, цѣпей и другихъ украшеній, также Арабскихъ монетъ, вѣсомъ на $31^1/_4$ лотъ серебра; другой у *Ofra Wagnberga*, въ приходѣ *Köping*, состоявшій изъ запястьевъ, колецъ, застежекъ и другихъ украшеній вмѣстѣ съ Арабскими, Англосаксонскими и Нѣмецкими монетами, на $192^1/_2$ лота серебра[23].

---

[20] Ibid. s. 275. См. также Nordisk Tidsscrift for Oldkindighed. 1832. B. I. H. 1. s. 235.
[21] Ibid. s. 195.
[22] De numis Arabicis in Sviogothia repertis. Disquisitio *Caroli Aurivillii*, помѣщено въ Nova acta regiae societatis scientiarum Upsaliensis. Vol. II. Upsaliae. 1775. p. 79.
[23] *Лилiегренъ*, s. 197 и 198.

16. Въ 1779 году, въ томъ-же приходѣ, въ двухъ различныхъ мѣстахъ, — Арабскія, Англосаксонскія и Нѣмецкія монеты. Изъ 101 Арабской монеты, 84 было однихъ Саманидскихъ[24].

17. Въ 1797 году, найдены Арабскія монеты въ *Sikehamn'*ѣ, *Bredsätra*, *Köpinge*, *Borgehamn'*ѣ и *Petgärdet'*ѣ[25].

18. Въ 1824 году, у *Petgärde*, въ приходѣ *Löts*, — множество Арабскихъ монетъ вмѣстѣ съ ожерельемъ, и въ томъ-же приходѣ, у *Hvalnäs*, подъ большимъ камнемъ, — на 53½ лота куфическихъ монетъ, битыхъ съ 896 по 940 годъ по Р. Х.[26].

На Готландѣ особенно богаты находками окрестности Висби.

19. Уже Стреловъ упоминаетъ, что около *Висби* находятъ часто Сирійскія (?), Арабскія, Греческія, Римскія и другія монеты[27]. Извѣстно, что въ 1675 году найдено на этомъ островѣ большое количество Арабскихъ монетъ[28]. Въ 1685 году, между *Wiblingsgard'*омъ и *Harde*, въ приходѣ *Helvi*, — серебряныя кольца вмѣстѣ со многими Арабскими монетами[29], и въ 1690 году опять большое количество послѣднихъ[30].

20. Въ 1703 году, у *Висби*, — 21 Арабская монета[31].

21. Въ 1711 году, тамъ-же, — 358 серебряныхъ монетъ, большею частію Англійскихъ королей: Этельреда, Канута, Эдуарда и Гаральда, Кельнскія Оттоновъ, 4 Арабскихъ и разныя серебряныя украшенія[32].

22. Въ 1733 году, въ *Gonnegard'*ѣ, въ приходѣ *Sanda*, — на 100 лотовъ серебра, въ томъ числѣ на 55 лотовъ частію цѣлыхъ, частію изломанныхъ Арабскихъ монетъ. Остальное состояло изъ обломковъ колецъ и другихъ украшеній[33].

23. Въ 1739 году, у *Wibblegard'*а, въ приходѣ *Westernede*, въ полумилѣ отъ *Висби*, — на 135⅝ лотовъ серебра, въ томъ числѣ 6 большихъ колецъ,

---

[24] *Ледебуръ*, s. 17, съ ссылкою на *Адлербета*, въ Kongl. Witterhets etc. Academiens Handlingar. I, 116.

[25] *Лиліегренъ*, s. 208 и 209.

[26] *Лиліегренъ*, s. 276. См. также Nordisk Tidsscrift. 1832. B. 1. H. 1. s. 231.

[27] *Hans Nilson Strelow:* Chronica Guthilandorum. Hafn. 1633. Въ предисловіи. — [28] *Ледебуръ*, s. 20, съ ссылкою на C. D. Rhode: Cimbrisch-Holsteinische Antiquitäten-Remarques. Гамб. 1720. s. 421. — [29] *Лиліегренъ*, s. 167. — [30] Ibid. s. 169, и *Ледебуръ*, s. 21.

[31] [32] [33] *Лиліегренъ*, s. 173, 175.

которые одни вѣсили 59 лотовъ, и другія болѣе мелкія серебряныя вещи и монеты. Послѣднія были Англосаксонскія, Нѣмецкія, Арабскія и Константинопольскія, вѣсомъ на $58^5/_8$ лота[34].

24. Въ 1797 году, у *Löjsta*, — значительное количество серебряныхъ украшеній вмѣстѣ съ Персидскими, Сирійскими (?) и Арабскими монетами[35].

25. Въ 1807 году, вырыто на полѣ въ приходѣ *Linden*, серебра на 72 лота, частію въ украшеніяхъ, частію Англосаксонскими, Нѣмецкими и куфическими монетами. Послѣднихъ было 12 штукъ[36].

26. Въ 1812 году, въ приходѣ *Lummelund*, — 708 хорошо сохранившихся и множество изломанныхъ монетъ и серебряныхъ украшеній, относящихся къ VIII и IX столѣтіямъ; въ томъ числѣ много Арабскихъ. Всего вѣсомъ на 5 марокъ и 3 лота[37].

27. Въ Іюнѣ 1827 года, въ приходѣ *Grötlingbo*, вырыто подъ камнемъ на $5^7/_8$ лотовъ серебра; въ томъ числѣ 7 Персидскихъ и 23 куфическія монеты[38].

28. Въ Ноябрѣ 1828 года, у *Sundre*, найдено въ мѣдномъ горшкѣ около 300 Англосаксонскихъ, куфическихъ и Византійскихъ монетъ, вмѣстѣ съ украшеніями, всего вѣсомъ на 46 лотовъ[39].

Чтобы составить себѣ общее понятіе о богатствахъ, извлеченныхъ изъ Шведской почвы, довольно знать, что въ однихъ исчисленныхъ у Лиліегрена находкахъ монетъ и вещей полагаютъ на 2000 лотовъ золота и 6500 лотовъ серебра; и что монеты большею частію Восточныя и принадлежатъ къ пространству времени отъ VII по XI вѣкъ[40]. Находки, сдѣланныя съ 1829 года въ послѣднее десятилѣтіе, еще значительнѣе, какъ говорилъ это въ 1839 году Ледебуру королевскій государственный антикварій Гильдебрандъ, намѣревавшійся продолжать Лиліегреново перечисленіе, и какъ это извѣстно частію и мнѣ лично, чрезъ посредство постоянныхъ сношеній академика Френа съ Шведскими нумизматами. Консерваторъ королевскаго мюнцкабинета въ Стокгольмѣ, Мальмстремъ, писалъ въ 1795 году знаменитому Тихсену, что куфическія монеты этого кабинета состоятъ изъ халифскихъ, отъ самаго начала монетнаго дѣла до Эль-Моттаки Лиллаха, 21-го халифа Аббасидскаго; Соффа-

[34] [35] [36] [37] [38] [39] *Лиліегренъ*. s. 180, 208, 220, 235, 271, 276.

[40] *Ледебуръ*, s. 8.

ридскихъ, Гамданидскихъ, Бувейгидскихъ, Окайлидскихъ, Аль-Моравитскихъ и другихъ, но преимущественно Саманидскихъ, которыя, начиная отъ основателя этой династіи Исмаила сына Ахмедова, обнимаютъ почти всѣ годы властвованія его преемниковъ до Мансура сына Нухова; что почти всѣ этѣ монеты серебряныя и вырыты изъ земли въ самой Швеціи[41].

Въ сосѣдственной съ Швеціею Норвегіи также издавна находятъ куфическія монеты, какъ видно это изъ Сума[42]. Въ новѣйшее время сдѣлано много находокъ, и все въ южныхъ частяхъ Норвегіи, въ епархіяхъ Христіанійской и Христіансандской[43]; такъ:

29. Въ Августѣ 1834 года, нашли работники, въ имѣніи *Hoen*, въ приходѣ *Eger*, значительное количество золотыхъ (вѣсомъ на $88^{1}/_{16}$ унцовъ) и серебряныхъ украшеній и монетъ, за которыя Христіанійскій университетъ выдалъ имъ 2030 Норвежскихъ species-талеровъ. Между золотыми монетами находились Арабскія VIII вѣка, Римско-Византійскія, Франкскія и Англосаксонскія[44].

30. Въ Февралѣ 1836 года, нашли подъ большимъ камнемъ въ *Aarstad'*ѣ, недалеко отъ города *Egersund'*а, въ епархіи *Христіансандской*, около 1300 древнихъ серебряныхъ монетъ, вмѣстѣ съ разными украшеніями изъ того-же металла, цѣлыми или въ обломкахъ; и при дальнѣйшемъ расчищеніи того-же поля, еще нѣсколько такихъ предметовъ, такъ-что всѣхъ монетъ набралось до 1500, а вся находка оказалась вѣсомъ въ $73^{5}/_{8}$ унца. Бо̀льшая часть монетъ были Англосаксонскія, преимущественно Канута Великаго, и Нѣмецкія. Куфическія были либо Аббасидскія, битыя съ 913 по 932, либо Саманидскія, битыя съ 913 по 942 годъ[45].

Перейдемъ изъ Норвегіи на Ютландскій полуостровъ. Онъ не извѣстенъ

---

[41] *O. G. Tychsen:* Introductio in rem numariam Muhammedanorum. Additamentum primum. Rostochii, 1796. p. 7 и 8.

[42] *P. F. Suhm:* Historie af Danmark. 1784. II, 100. — [43] *Ледебуръ*, s. 5.

[44] *C. A. Holmboe:* Ornamentorum et numorum maximam partem aureorum in parochia Eger nuper repertorum descriptio. Christianiae, 1835. A. Grote's Blätter für Münzkunde. 1835. Nr. 1 u. 2.

[45] *C. A. Holmboe:* De numis MD medii aevi in Norvegia nuper repertis. Particula prior. Christianiae. 1836. Particula posterior. Ibid. 1837.

замѣчательными находками куфическихъ монетъ, но иногда ихъ отрываютъ и здѣсь, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный путешественникъ К. Нибуръ [46].

Касательно находокъ этого рода въ Шлезвигѣ, извѣстно, что Арабскія монеты, хранившіяся въ прежнемъ Готторпскомъ кабинетѣ рѣдкостей, отрыты были въ одномъ курганѣ (Grabhügel) подъ *Шлезвигомъ* [47].

Необиліе куфическихъ монетъ на Датскомъ материкѣ, вознаграждается богатствомъ въ нихъ острововъ, образующихъ Датскій архипелагъ. О двухъ самыхъ большихъ, Зеландіи и Фіоніи, нельзя сказать опредѣлительно были сдѣланы на нихъ находки, или нѣтъ [48]; но вотъ примѣры ихъ на другихъ:

31. Въ 1837 году, у *Sönder kirkebye*, на островѣ *Фальстерѣ*, найдены обломки серебряныхъ колецъ, вмѣстѣ съ 24 куфическими и Испегбедскими монетами. Древнѣйшая монета въ находкѣ относится къ 713, позднѣйшая къ 846 году по Р. Х. Куфическія принадлежатъ Восточнымъ Умейядамъ и Аббасидамъ. Три биты въ Африкѣ, въ исходѣ VIII столѣтія [49].

31. Въ томъ-же году представлены были въ королевскій Копенгагенскій кабинетъ древностей кольца, застежки и обломки разныхъ вещей, вмѣстѣ съ Англосаксонскими монетами отъ 924 по 940, куфическими съ 907 по 942, и множествомъ другихъ, найденныя подъ камнемъ въ приходѣ *Tullebölle*, на островѣ *Лангеландѣ* [50].

Чаще другихъ Датскихъ острововъ попадаются такія находки на *Борнгольмѣ*. По одному старинному извѣстію, здѣсь при королѣ Фридрихѣ IV (1699—1730) найдена была въ одномъ болотѣ цѣлая мѣра полная Арабскихъ монетъ [51].

Спускаясь изъ Датскихъ владѣній въ Голштинію, Мекленбургъ, и идя далѣе къ Востоку, мы встрѣчаемъ по всему Померанскому и Прусскому побережью

---

[46] Description de l'Arabie. Copenhague, 1773. p. 87.

[47] *Ледебуръ*, s. 72, съ ссылкою на Niederſächſiſche Nachrichten. 1731. s. 612.

[48] *Ледебуръ*, s. 73.

[49] *Ледебуръ*, s. 73, съ ссылкою на Nordisk Tidsscrift for Oldkindighed. 1832. B. I, H. 1, s. 226. Находка эта описана точнѣе въ *Lindberg:* Lettre à M. Bröndsted sur quelques médailles cufiques, etc. Copenh. 1830.

[50] *Ледебуръ*, s. 75, съ указаніемъ на Antiquariske Annaler 1827. B. IV. H. 1. s. 596—599.

[51] Ibid. s. 75, съ указаніемъ на Leitfaden zur nordiſchen Alterthumskunde. Kopenhagen, 1837. s. 85. Исчисленіе прочихъ находокъ въ Датскихъ владѣніяхъ можно видѣть у *Ледебура*-же, s. 71—76.

Балтики много мѣстъ, извѣстныхъ такими находками. Ихъ тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ берегу, особенно въ мѣстахъ, которыя исторія Среднихъ Вѣковъ показываетъ намъ какъ торговые пункты[32], и тѣмъ рѣже попадаются онѣ, чѣмъ далѣе станемъ углубляться во внутренность Германіи.

Въ Голштиніи находили Арабскія монеты[33], но несравненно обильнѣе ими почва Мекленбургская. Вниманіе на нихъ обращено было здѣсь трудами О. Тихсена. Куфическія монеты, отрытыя въ 1767 году, вблизи монастыря *Рюнъ* (*Rhün*), у *Бюцова* (*Bützow*), и въ то-же время у *Пасевалка* (*Pasewalk*) и *Торгелова* (*Torgelow*) въ Помераніи, не только подали ему поводъ описать ихъ[34], но и внушили такое расположеніе къ занятіямъ Восточною нумизматикою, которое въ послѣдствіи дало существованіе произведеніямъ, усвоившимъ ему славу отца этой науки. Черезъ него узнаемъ, что:

33. Около 1775 года, одинъ крестьянинъ нашелъ въ *Дассовскомъ* округѣ, въ двухъ миляхъ къ востоку отъ *Любека*, цѣлый горшокъ съ Саманидскими монетами, частію изломанными. Онѣ проданы были жиду, который ихъ тотчасъ расплавилъ. Подобная-же участь постигла и $10^1/_2$ фунтовъ Арабскихъ и другихъ монетъ и украшеній, выпаханныхъ изъ земли въ *Штеенгузенѣ*, въ одной милѣ къ С.-В. отъ *Висмара*[35].

34. Въ Маѣ 1779 года, въ одной могилѣ на кладбищѣ въ *Крумбекѣ*, въ *Стрелицкихъ* владѣніяхъ, найдено не менѣе 10 фунтовъ Арабскихъ монетъ, какъ писалъ объ этомъ Мацъ къ Тихсену въ 1780 году[36].

35. Въ 1809 году, Тихсенъ опять извѣщенъ былъ о находкѣ, у городка *Гадебуша*, около 1200 Арабскихъ монетъ, которыя тотчасъ-же и были расплавлены[37].

---

[32] *J. G. C. Adler*: De numis Samanidicis aliisque ad litus maris Baltici effossis, въ его Collectio nova numorum Cuficorum seu Arabicorum veterum. Hafniae, 1792. p. 65–112.

[33] *Ледебуръ*, s. 69. съ осылкою на Eichhorn's Repertorium, VI, s. 183, и Niederſächſiſche Nachrichten. 1731. s. 611. — [34] Въ Bützow'ſche Nebenſtunden. III, s. 49—62.

[35] Von den Arabiſchen Alterthümern in Meklenburg und ihrem Entſtehen, помѣщено въ Gelehrte Beiträge zu den Meklenburg-Schwerinſchen Nachrichten. Jahrgang 1779.

[36] Hartmann's Wanderungen ꝛc. II. 2. Abth s. 39.

[37] Ibid s. 42.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ Мекленбургскихъ владѣніяхъ сдѣланы были также довольно важныя находки[58].

Въ Помераніи находятъ куфическія монеты, преимущественно около *Кольберга* и *Воллина*. Около перваго большое количество ихъ найдено еще въ 1663 году[59]; въ новѣйшее время такіе случаи часто повторялись; такъ:

36. Въ Маѣ 1837 года, при отрываніи каменьевъ для шоссе, найденъ подъ камнемъ въ *Буггентинѣ*, недалеко отъ *Кольберга*, горшокъ съ серебряными вещами и монетами временъ Саксонскихъ и Франкскихъ королей. Между монетами были и 26 Арабскихъ, принадлежащихъ, по объясненію извѣстнаго оріенталиста Козегартена, Аббасидамъ, Соффаридамъ, Саманидамъ, Бувейгидамъ и Зіяридамъ, и битыхъ съ 772 по 979 годъ[60].

37. 1839 году, у *Кольберга*-же, найдено 40 Восточныхъ монетъ, изъ которыхъ 4 Бувейгидскихъ, нѣсколько Аббасидскихъ; бо̀льшая-же часть Саманидскія[61].

Касательно Воллинскихъ находокъ Ледебуръ говоритъ, что нигдѣ не находили Арабскихъ монетъ и драгоцѣнныхъ украшеній въ бо̀льшемъ обиліи, чѣмъ здѣсь[62]. Такъ въ 1755 году, при копаніи колодца, въ одномъ изъ предмѣстій *Воллина*, найденъ сосудъ съ разными древностями и многими Арабскими монетами, цѣнность которыхъ опредѣлена была во 100 талеровъ[63]; такъ:

38. Въ 1795 году, въ *Воллинѣ*-же, подъ корнемъ вырытаго дерева, найдены 34 халифскія, Саманидскія и другія куфическія монеты, поступившія въ нумизматическій кабинетъ Адлера въ Берлинѣ[64].

39. Въ 1823 году, недалеко отъ *Воллина*, — разломанныя серебряныя монеты и серьги, вѣсомъ въ 6 фунтовъ; и тамъ-же въ слѣдующемъ году по-

---

[58] Объ нихъ въ Jahresberichten des Vereins für mekl enburgische Geschichte und Alterthumskunde.

[59] *Ледебуръ*, s. 53, съ указаніемъ на *J. H. Hottingeri* Bibliothecarius quadripartitus, p. 116.

[60] Baltische Studien. IV Jahrg. 1839. 1. H. s. 215—220.

[61] A. Bartsch: Jahresbericht des Vereins für mekl enburg. Gesch. u. Alterthümer. IV Jahrg. 1839. s. 57.

[62] L. c. s. 55. Тамъ-же и указанія на извѣстныя находки.

[63] Zöllner's Reise durch Pommern. s. 91. *Болень*, въ Preußische Provinzialblätter. Band XIV, October-Heft. s. 322.

[64] *Тихсенъ*, въ Addiment. primum ad introduct. in rem num. Muhammed. p. 5.

добная-же находка. Обломки монетъ, украшеній, цѣпей, колецъ, вѣсили 30½ лотовъ. Между хорошо сохранившимися монетами, принадлежавшими вообще ко времени Оттоновъ, находились Нѣмецкія, Вендскія и Арабскія [65].

На островахъ прилежащихъ къ Помераніи, *Узедомъ* и *Рюгенъ*, извѣстны также разныя находки куфическихъ монетъ [66].

Далѣе, можно упомянуть еще о слѣдующихъ въ разныхъ мѣстахъ Помераніи:

40. Лѣтомъ 1837 года, найденъ при выкапываніи камней на полѣ деревни *Бирковъ*, въ округѣ *Штольпе*, глиняный сосудъ съ древними, частію разломанными монетами, вѣсомъ на 6 фунтовъ 18 лотовъ. Третья часть этой находки поступила въ минцкабинетъ королевскаго Берлинскаго музея, и между поступившими монетами были Сассанидскія (?), Умейядскія и Аббасидскія [67].

41. Въ 1752 году, въ имѣніи *Мюддельмовъ*, въ *Вольденбургскомъ* приходѣ *Регенвальдерскаго* округа, — сосудъ съ Арабскими серебряными монетами, металлическая цѣнность которыхъ опредѣлена были во 100 талеровъ [68].

42. Въ 1802 году, у *Белькова*, недалеко отъ *Колбаца*, въ *Грейфенгагенскомъ* округѣ, — 238 отлично сохранившихся Арабскихъ монетъ, битыхъ съ 714 по 938 годъ [69].

43. Въ послѣднемъ десятилѣтіи, недалеко отъ *Деммина*, у *Девена*, въ округѣ *Гримме*, — горшокъ съ Арабскими монетами. Ихъ купилъ за 80 талеровъ одинъ Еврей [70].

44. Около 1767 году, у *Пасевалка* и *Торгелова*, — 20 Арабскихъ монетъ съ куфическими надписями [71].

На югъ отъ Помераніи, куфическія монеты находимы были только въ сѣверовосточныхъ частяхъ Бранденбургской области.

45. Зимою съ 1831 на 1832 годъ, у *Гёрица*, между *Пасевалкомъ* и *Пренцлау*, найденъ кладъ, оцѣненный въ 250 талеровъ, и состоявшій изъ от-

---

[65] Das königliche Museum vaterländischer Alterthümer in Berlin. 1838. s. 22.

[66] *Ледебуръ*, s. 60–63. Jahresberichte der Gesellschaft für Pommersche Geschichte und Alterthumskunde.

[67] [68] [69] *Ледебуръ*, s. 58 и 59.

[70] Baltische Studien. 1833. Bd. II, H. 1, s. 104.

[71] Описаны *О. Тихсеномъ* въ Bützow'sche Nebenstunden. III, s. 49–62.

личной работы и прекрасно сохранившихся ожерелій и другихъ серебряныхъ украшеній, изъ 41 хорошо сберегшихся, 58 только отчасти сохранившихся, и 7 фунтовъ 17 лотовъ разломанныхъ куфическихъ монетъ [72].

46. Въ Декабрѣ 1818 года, у *Гралова*, близъ *Ландсберга*, на Вартѣ, найдено огромное количество монетъ. Замѣчательнѣйшія куплены для королевскаго собранія за 230 талеровъ. Между ними были Нѣмецкія, Вендскія (?), куфическія и Византійскія [73].

47. Въ 1769 году, во *Франкфуртѣ*, найденъ сосудъ съ Арабскими монетами, на 1½ фунта вѣсомъ. Это самый южный пунктъ при-Балтійскихъ странъ, на которомъ найдены куфическія монеты. Южнѣе не находили ихъ доселѣ [74].

Въ собственной Пруссіи извѣстно такихъ находокъ менѣе, чѣмъ на сосѣднемъ Померанскомъ побережьи; причина этого заключается не въ томъ, чтобы дѣйствительно было ихъ менѣе, а въ томъ, что на нихъ обращали менѣе вниманія. Болѣе другихъ мѣстъ извѣстны здѣсь ими окрестности Данцига. Такъ въ *Гагельсбергѣ*, у *Данцига*, на мѣстѣ называемомъ *Heidenberg*, найдена была, еще въ XVI столѣтіи, урна съ золотыми и серебряными монетами, въ томъ числѣ Оттоновъ и, по всей вѣроятности, куфическими [75].

48. Въ 1722 году, у *Штегена*, въ двухъ миляхъ къ востоку отъ *Данцига*, найдено рыбаками болѣе 70 Арабскихъ монетъ, которыя, по изслѣдованіямъ Кера, оказались халифскими диргемами, битыми преимущественно между 802 и 813 годами. Четыре, битыхъ ранѣе, принадлежали къ 724, 746, 779 и 797 годамъ [76].

Самая замѣчательная изъ находокъ въ Пруссіи сдѣлана была

49. Лѣтомъ 1832 года, у *Мюнстервальде*, на лѣвомъ берегу Вислы, около полуторы мили отъ *Маріенвердера*. Для шоссе разбили большой камень,

---

[72] [73] Museum vaterländischer Alterthümer in Berlin. s. 80—81 и 62.

[74] *Ледебуръ*, s. 65, съ ссылкою на Minutoli: Beschreibung einer zu Stendal aufgefundenen alten heidnischen Grabstätte. Berlin, 1827.

[75] *Ледебуръ*, s. 48, съ указаніемъ на *Casp. Schützii* Rerum Prussicar. historia. Ed. *Zerbst.* 1592. p. 9.

[76] Находка эта подала *Керу* поводъ написать о ней трактатъ подъ заглавіемъ: Monarchiae Asiatico-Sataceniсae status qualis VIII et IX sec. fuit, ex nummis argenteis prisca Arabum scriptura Kufica cusis et nuper prope Gedanum effossis, illustratus. Lipsiae, 1724. — трактатъ, почитаемый первымъ основательнымъ трудомъ по части Мусульманской Нумизматики.

служившій можетъ-быть жертвенникомъ во времена языческія, и подъ нимъ нашли, въ развалившейся урнѣ, спиральной формы серебряную змѣю длиною въ 1½ Прусскіе локтя, другія серебряныя украшенія и Восточныя монеты, всего вмѣстѣ на 7 фунтовъ. Цѣль хъ монетъ было 570, обломковъ на 3 фунта. Цѣлыя всѣ хорошо сохранились, такъ, что по-видимому до зарытія своего находились мало въ обращеніи. Многія были съ проверченными дырочками. Изъ цѣлыхъ нѣсколько было Сассанидскихъ (?), 5 Умейядскихъ, 2 халифа Абуль-Аббаса, 22 Эль-Мансура, 50 Эль-Могди, 161 Гарунъ-эр-Рашида (всѣхъ годовъ его халифатствованія, кромѣ послѣднихъ пяти, когда онъ воевалъ съ Византійцами), около 20 Эмина и Мамуна, нѣсколько позднѣйшихъ халифовъ, и болѣе 200 Саманидскихъ: Измаила, Ахмеда и Насра II, отъ 279 (892) по 330 (941) годъ гиджры. Позднѣйшихъ не было. Обломки, почти все отъ Аббасидскихъ монетъ, какъ по старательномъ изысканіи оказалось, не подходили одинъ къ другому, слѣдовательно всѣ принадлежали разнымъ монетамъ [77].

Есть основаніе думать, что подобныя находки имѣли мѣсто и въ великомъ герцогствѣ Познанскомъ. Въ собственной-же Польшѣ сдѣлано ихъ нѣсколько въ новѣйшее время, какъ узнаемъ это отъ Лелевеля. Халифскія монеты, которыя здѣсь найдены, и которыя онъ имѣлъ случай видѣть, биты отъ 777 по 818 годъ, а такія-же Саманидскія съ 901 по 954 [78].

Въ заключеніе этого обозрѣнія находокъ въ при-Балтійскихъ странахъ, остается замѣтить, что есть примѣры ихъ въ Англіи и даже Исландіи. Такъ отъ Марсдена узнаемъ, что описанные имъ и находившіеся въ его-же собраніи: халифскій диргемъ, битый въ Бассорѣ въ 182 году (798 по Р. Х.), и два Саманидскіе, битые въ Шашѣ, въ 293 и 294 годахъ (906 и 907 по Р. Х.), найдены въ исходѣ прошедшаго столѣтія, въ деревнѣ *Deap*, въ 18 верстахъ отъ *Кесвика*, въ *Комберлендѣ;* а третій Саманидскій, битый въ 299 г. гиджры (911 по Р. Х.), вышаханъ, въ 1807 году, близъ *Іорка*, въ приходѣ *Флакстонскомъ*, на полѣ,

---

[77] Westpreußische Mittheilungen, III. Jahrg. 1832, Nr. 32–36. Статья *Болена:* Ueber den wissenschaftlichen Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen, въ Preußische Provinzialblätter, Bd. XIV, October-Heft, s. 313–328.

[78] D'où vient l'argent qu'on trouve en Pologne? — статья *Лелевеля*, во второмъ томѣ его Numismatique du moyen âge. Paris, 1835; и статьи его объ этихъ-же монетахъ, помѣщенныя въ 1828 и 1829 году въ «Литературномъ Журналѣ Варшавскомъ», издававшемся *Г. Ширмою* (*Szyrma*).

вмѣстѣ съ другою такою-же монетою, болѣе чѣмъ съ полутораста Англосаксонскими pennies, кольцами, поручнями и другими серебряными вещами [79]. Относительно Исландіи, знаемъ, что здѣсь, въ *Mjoadal*, въ *Myrar*'скомъ округѣ, вырыты были въ 1837 году, вмѣстѣ съ разными украшеніями, и двѣ куфическія монеты [80].

Обращаемся теперь къ Россіи. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Испегбедскія и куфическія монеты VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, равно какъ и современныя имъ вещи и украшенія Восточной работы, находимы были въ отечествѣ нашемъ издавна, часто, и въ большомъ количествѣ; но на нихъ никто не обращалъ вниманія, имъ не знали цѣны: всѣ эти сокровища шли изъ-подъ-земли прямо въ плавильный котелъ, шли тѣмъ скорѣе, что, какъ монеты, такъ и вещи, судя по аналогіи, находимы были у насъ, какъ и вездѣ, большею частію не цѣлыми, а въ обломкахъ. Сколько, можетъ-быть, не говоря о другомъ употребленіи этого языческаго и мусульманскаго серебра, надѣлано изъ него однихъ окладовъ на иконы! Изъ Испегбедскихъ монетъ, вырытыхъ не очень давно близъ Могилева, извѣстно навѣрное, сдѣланъ былъ тяжелый серебряный бокалъ [81]. Не смотря однако-же на такое обращеніе съ находками, и на то, что только немногіе, и то съ недавняго времени, начали беречь и собирать этѣ монеты, мы находимъ ихъ уже въ огромномъ числѣ въ нашихъ нумизматическихъ собраніяхъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и правительству. Въ тридцатыхъ годахъ прошедшаго столѣтія число Мусульманскихъ монетъ С.-Петербургской Императорской Академіи наукъ было уже такъ значительно, что для приведенія ихъ въ порядокъ, она, въ 1731 году, вызвала изъ Лейпцига, единственнаго въ то время Мусульманскаго нумизмата, Кера (Kehr). Въ 1776 году, по показанію Бакмейстера, ихъ считалось уже болѣе 8000 штукъ [82]. Въ 1817, находилось 19,800 [83], и съ-тѣхъ-поръ число это увеличивается безпрерывно.

---

[79] The oriental coins, ancient and modern, of *W. Marsden*, described by himself. London, 1823. Vol. I, p. 39, 77 и 80.

[80] Société royale des Antiquaires du Nord; rapport des séances annuelles de 1838 et 1839. p. 14.

[81] *Лелевель*, Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 83.

[82] Essai sur la bibliothèque et le cabinet des curiosités etc.

[83] Recensio numorum Muhammedanorum acad. Imp. scient. Petropolitanae. p. VIII.

Какимъ путемъ, отъ кого, откуда большая часть ихъ попала въ академію, Френъ, нынѣшній хранитель кабинета Восточныхъ монетъ, не могъ отыскать въ ея архивахъ, но онъ ни мало не сомнѣвается, что древнѣйшія, какъ-то: халифскія, Саманидскія и другія, равно какъ изъ позднѣйшихъ Джучидскія или Золото-Ордынскія, найдены въ нѣдрахъ самой земли Русской[84]. Мало извѣстно также какимъ образомъ составилось богатое собраніе Восточныхъ монетъ въ музеѣ графа Н. П. Румянцова. Въ нумизматическомъ кабинетѣ Института Восточныхъ Языковъ въ С.-Петербургѣ, было въ 1837 году, по каталогу Г. Дорна, всего-на-все 4269 Восточныхъ монетъ, въ томъ числѣ 359 Сассанидскихъ и Испегбедскихъ, 404 Умейядскихъ и Аббасидскихъ, и 308 Саманидскихъ. Въ собраніи Восточныхъ монетъ, принадлежащихъ Казанскому университету по каталогу онымъ, изданному въ 1834 году Г. Эрдманомъ[85], было тогда: Сассанидскихъ и Испегбедскихъ 39, Умейядскихъ 110, Аббасидскихъ 465, Саманидскихъ 431, Тагеридскихъ 43, Бувейгидскихъ 59, Гамданидскихъ 9, хановъ Гоей-Гу 76, Аглебидскихъ 22. Кромѣ-того весьма значительныя собранія куфическихъ монетъ имѣются при эрмитажѣ Зимняго Дворца, при университетахъ Дерптскомъ и Харьковскомъ, и у частныхъ людей, на-примѣръ у графа С. Г. Строганова въ Москвѣ, покойнаго Д. И. Неѣлова въ Казани, и многихъ другихъ.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ повторить еще разъ, что Испегбедскія и куфическія монеты VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, хранящіяся теперь по разнымъ частнымъ и общественнымъ собраніямъ въ Россіи, зашли въ нихъ съ Востока не въ новѣйшее время, а, за исключеніемъ развѣ очень незначительнаго числа, вырыты изъ земли на пространствѣ нашего-же отечества. Это очень хорошо извѣстно владѣтелямъ собраній, и сверхъ-того можетъ быть засвидѣтельствовано всѣми мѣнялами и серебряниками, которые торгуютъ у насъ этими монетами. — Что касается до отдѣльныхъ находокъ, то сравнительно съ при-Балтійскими странами, ихъ извѣстно у насъ очень немного, да и это немногое стало извѣстнымъ большею частію только мѣсяца-съ-два тому

---

[84] Ibid. и Bullet. scient. Vol. IX, p. 315.

[85] Numi Asiatici musei univers. caes. litt. Casanensis. Casani, 1834. 4°.

назадъ [86]. Изъ свѣдѣній о находкахъ, сдѣланныхъ въ нашихъ при-Балтійскихъ провинціяхъ, болѣе раннія, чѣмъ о такихъ-же въ другихъ мѣстахъ Россіи, имѣемъ мы преимущественно въ Финляндіи, какъ странѣ недавно еще принадлежавшей Швеціи. Итакъ начнемъ нашъ обзоръ съ Великаго Княжества Финляндскаго. Здѣсь

50. Въ Іюнѣ 1686 года, найдено въ деревнѣ *Sala*, недалеко отъ *Saris'a*, въ приходѣ *Uskil*, въ *Abo-Län'*ѣ, множество Англосаксонскихъ и Восточныхъ монетъ [87].

Значительное количество Арабскихъ монетъ, вырытыхъ въ разное время въ Финляндіи, подало даже поводъ Абовскому профессору Клюбергу написать объ нихъ, въ 1775 году, ученое разсужденіе [88].

51. Въ 1787 году, найдено, въ *Pelkene*, на 40 лотовъ серебра, преимущественно Арабскими монетами, вмѣстѣ съ поручнемъ, который одинъ вѣсилъ $14^1/_2$ лотовъ [89].

52. Найденные въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Финляндіи, два цѣлые Саманидскіе диргема, изъ коихъ одинъ битъ въ Самаркандѣ въ 915 году, и три обломка, описаны Галленбергомъ [90].

53. За 10 или за 12 лѣтъ предъ симъ, найдены недалеко отъ станціи *Mägrä*, въ 80 верстахъ отъ *С.-Петербурга*, по дорогѣ въ *Кексгольмъ*, 9 серебряныхъ куфическихъ, вмѣстѣ съ 12 другими, по всей вѣроятности Англосаксонскими монетами. Первыя, по объясненію Френа, были: 1 Аббасидская, 4 Саманидскихъ, 1 Бувейгидская, 1 Мерванидская, 1 Туркистанскаго Илека

---

[86] Черезъ помѣщеніе Френомъ въ 20 и 21 номерахъ IX тома Bulletin scientifique, выданныхъ въ свѣтъ 10 Декабря прошлаго 1841 года, въ высочайшей степени важнаго для науки перечисленія этого рода находокъ въ Россіи, подъ заглавіемъ: Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Rußland, nebst chronologischer und geographischer Bestimmung des Inhalts der verschiedenen Funde. Кромѣ Френа, который тридцать лѣтъ постоянно и почти одинъ въ цѣлой Россіи трудится надъ восточною нумизматикою, интересуясь съ любовью истиннаго ученаго всѣмъ, что относится до предмета его занятій, никому и возможно не было знать и написать объ этихъ находкахъ столько, сколько знаетъ и написалъ онъ въ помянутой статьѣ. Да если что извѣстно было объ нихъ и прежде, такъ благодаря трудамъ сего-же знаменитаго ученаго.

[87] *Ледебуръ* s. 37.

[88] Dr. *C. A. Clewberg:* De numis Arabicis in patria repertis. Dessertatio prior. Aboæ, 1775. 4°. Продолженія не являлось въ свѣтъ.

[89] *Лилієгренъ*, s. 203.

[90] Въ его Quatuor monumenta aenea e terra Svecia eruta. Stockholmiæ, 1802. p. 60.

Насра, и 1 Туркистанская-же двуязычная. Старѣйшею была Саманидская 913 года; позднѣйшею Туркистанская 1008—9 года [91].

Въ С.-Петербургской губерніи:

54. Въ 1799 году, баронъ Ашъ писалъ изъ С.-Петербурга къ Тихсену въ Ростокъ, что при разлитіи Невы извлеченъ недавно изъ земли сосудъ съ халифскими и Армянскими монетами, которыя, почти всѣ, пошли въ переплавку [92].

Объ этой-же самой находкѣ, вѣроятно, писалъ изъ С.-Петербурга къ Тихсену-же, въ 1800 г. и надв. сов. Kehr; онъ собщалъ, что изъ числа монетъ, избѣжавшихъ плавильнаго горшка, 13 пріобрѣтены имъ самимъ, а 3 Аббасидскія и 3 Саманидскія—Португальскимъ посланникомъ кавалеромъ D'Horta [93]. Разъисканія Френа объ этой находкѣ привели его къ тому только, что случилась она не въ 1799, а въ 1797 году, въ *Галерной Гавани*, на *Васильевскомъ острову*, и что составлявшія ее куфическія монеты (Армянскихъ никакихъ не было и быть не могло), разошлись по рукамъ тамошнихъ жителей. Одна изъ нихъ, сообщенная Френу Г. Усовымъ, оказалась Африканскимъ диргемомъ, битымъ въ Аббасіи, вѣроятно въ 780 году, намѣстникомъ халифа Мегди, знаменитымъ Іезидъ-ибнъ-Хатимомъ [94].

55. Въ числѣ куфическихъ монетъ, найденныхъ довольно времени тому, въ *Старой Ладогѣ*, и сообщенныхъ Френу г. Томиловымъ, находилась между прочими одна Мерванидская, битая въ 1002 году [95].

56. «Въ 1809 или въ 1810 году, рыбакъ, крестьянинъ г. Бестужева, нашелъ, что дерево, къ которому обыкновенно привязывалъ онъ свою лодку, на берегу *Ладожскаго озера*, въ 12 верстахъ отъ устья *Волхова*, сломано бурею. Занимаясь прикрѣпленіемъ суденышка своего къ оставшемуся корню, онъ примѣтилъ, что волны глубоко вымывали и уносили землю изъ подъ этого корня, а скоро изумленнымъ глазамъ его представилось и множество серебряныхъ монетъ. При дальнѣйшемъ изслѣдованіи, увидѣлъ онъ, что тутъ зарыта цѣлая бочка съ монетами, и что дерево посажено надъ нею, чтобы

---

[91] Bullet. scient. Vol. IX, p. 332.
[92] Hartmann's Wanderungen. II. Th., 2 Abth., S. 41.
[93] *Ледебуръ*, l. c. s. 39.
[94] Bulletin scientifique, l. c. p. 330—331.

можно было признать мѣсто клада. Два раза надо было крестьянину нагружать лодку, чтобы найденное сокровище перевезть въ свою деревню, гдѣ скоро разнесся объ этомъ слухъ, въ-слѣдствіе чего послѣдовали притязанія со-стороны земской полиціи и владѣтельницы имѣнія. Они были удовлетворены семью пудами; но крестьянинъ, должно-быть, удержалъ у себя еще значительное количество, потому-что черезъ нѣсколько лѣтъ выкупился на волю со всею семьею и отправился въ Тихвинъ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ домъ и завелъ небольшую торговлю. Кладъ состоялъ большею частію изъ куфическихъ монетъ, и къ сожалѣнію отправился въ плавильный котелъ.» Свѣдѣніе это доставлено Френу извѣстнымъ нумизматомъ статскимъ совѣтникомъ Рейхелемъ [96].

Въ Естляндіи:

57. Въ 1685 году, у *Jervis*'а, въ приходѣ *Karusen*, вырытъ большой кладъ Арабскихъ монетъ, и вмѣстѣ съ ними нѣсколько Англосаксонскихъ, королей Этельреда, Канута-Великаго, Гаральда I, Гарда-Канута, Эдуарда-Исповѣдника и Гаральда II, равно-какъ и большое количество современныхъ монетъ Нѣмецкихъ князей и епископовъ [97].

58. Изъ 17 куфическихъ монетъ, хранящихся въ музеумѣ Геттингенскаго университета, 12, по словамъ тамошняго ученаго Т. Х. Тихсена, найдены были на *Ревельской* землѣ, въ глиняномъ сосудѣ. 8 изъ нихъ, по описанію его, Умейядскія и Аббасидскія, а 4 Саманидскія. Древнѣйшая бита въ 716, позднѣйшая въ 942 по Р. Х. [98].

59. Въ 1813 году, подъ *Ревелемъ*, въ имѣніи *Bickel*, принадлежащемъ барону Икскулю, найдено значительное количество серебряныхъ колецъ и украшеній, вмѣстѣ съ цѣлыми и разломанными Восточными монетами [99].

Въ Лифляндіи:

60. Изъ письма профессора Ринка къ О. Тихсену, въ 1794 году, узнаемъ, что, около четырехъ лѣтъ передъ-тѣмъ, найдено около *Риги* 36 куфическихъ монетъ [100].

---

[95] [96] Bullet. scient. l. c. p. 331.

[97] *Лилiегренъ*, s. 167. *Brenneri* Thesaur. numm. p. 266.

[98] Comment. soc. reg. scient. Göttingen. Vol. IX, p. 108.

[99] *Ледебуръ*, s. 42. Онъ слышалъ объ этомъ отъ графини Сиверсъ.

[100] *Гартмана* Wanderungen, l. c. p. 40.

61. Въ 1821 году, въ 70 верстахъ къ юговостоку отъ *Дерпта*, въ *Wendau*'скомъ пасторатѣ, — вмѣстѣ съ Англосаксонскими монетами Этельреда, 7 серебряныхъ куфическихъ, именно 2 Саманидскія 960 и 962 года, 1 вѣроятно Булгарской поддѣлки Саманидская, 1 Илека Туркистанскаго, битая въ 1008—9 году въ Бухарѣ, и 3 Мерванидскія, битыя съ 997 по 1011 годъ по Р. Х.[101].

62. 38 куфическихъ монетъ, поступившія въ мюнцкабинетъ сенатора Германа въ Ригѣ, изъ числа составлявшихъ одну изъ Лифляндскихъ находокъ, оказались, по разсмотрѣніи ихъ Френомъ, 36 Аббасидскими десяти разныхъ халифовъ, и 2 Тагеридскими. Биты всѣ въ періодѣ времени отъ 751 по 872 годъ по Р. Х.[102].

63. Описанныя D. Гансеномъ, 43 куфическія монеты, изъ числа найденныхъ въ разное время въ Лифляндіи, преимущественно въ *Дерптскомъ* округѣ, суть, за исключеніемъ нѣсколькихъ халифскихъ и Тагеридскихъ, одной Гамданидской и одной Окайлидской, все Саманидскія. Самая древняя бита въ 785 году; самая поздняя относится къ концу X вѣка по Р. Х.[103].

64. Въ исходѣ 1839 года, найдено крестьянами въ *Оберпаленъ*, при очищеніи подъ пашню поросшей кустарникомъ земли, много серебряныхъ Англосаксонскихъ и куфическихъ монетъ. 12 изъ числа послѣднихъ описаны Гансеномъ, и принадлежатъ: 2 Аббасидамъ, 5 Саманидамъ, 2 Гамданидамъ, 2 Бувейгидамъ и 1 по всей вѣроятности Окайлидамъ. Это самая поздняя и бита въ 996 году. Самая древняя есть Саманидская 895 года по Р. Х.[104].

Въ Курляндіи:

65. Въ 1796 году, вблизи городка *Гробина*, отрылъ мельникъ, на казенномъ участкѣ земли, горшокъ, въ которомъ было болѣе 100 куфическихъ монетъ, въ томъ числѣ много разломленныхъ по-поламъ, и слитокъ серебра, что̀ все, какъ казенная собственность, продано было въ томъ-же году съ аукціона, и куплено евреемъ, который большую часть находки уступилъ золотыхъ дѣлъ мастеру въ Митавѣ. Этотъ пустилъ ихъ въ переплавку, такъ-что отъ

---

[101] *Френъ*, въ Journ. Asiat. T. IV, p. 275, и въ Bullet. scient. l. c. p. 328.

[102] Bullet. scient, l. c. p. 328.

[103] Recensio LXIII numorum Arabicorum, quorum major pars in Agro Dorpatensi reperta est. Dorp. 1838.

[104] Verhandlungen der gelehrten Esthnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd. I, Heft 1, S. 68—72. Bullet. scientif. l. c. p. 329.

истребленія спаслось только около 20-ти, пріобрѣтенныхъ у него двумя любителями Нумизматики. Восемь изъ нихъ, хранящіяся теперь въ музеумѣ Курляндскаго Общества Литературы и Искусствъ, и описанныя въ «Трудахъ» его, принадлежатъ: Аббасидамъ 5, Саманидамъ 2, Бувейгидамъ 1. Изъ Аббасидскихъ двѣ биты въ Африкѣ. Самая древняя изъ восьми монетъ бита въ 766 году, самая поздняя въ 946 году по Р. Х.[105].

66. Въ 1823 году, сообщена была Френу статскимъ совѣтникомъ Рекэ одна Испегбедская монета, найденная на *Talsen*'ской землѣ[106].

Бѣлорусскія губерніи также всѣ извѣстны находками. Изъ одной такой, имѣвшей мѣсто въ Минской губерніи,

67. Поступило, въ 1835 году, въ Азіятскій Музеумъ Императорской Академіи Наукъ, 21 серебряная куфическая монета. Изъ того числа 1 была Умейядская, битая въ 748, бо́льшая часть Аббасидскія, съ 751 по 816 годъ, и между ними двѣ Африканскія, битыя въ 791 и 796 годахъ, да нѣсколько Африканскихъ-же: Ибрагима I и Идриса I, битыхъ въ 802 и 790 годахъ по Р. Х.[107].

Въ Могилевской губерніи:

68. Найдены въ 1822 году, въ городкѣ *Гомелѣ*, при нивеллированіи рыночной площади, 82 серебряныя Саманидскія монеты, битыя съ 896 по 943 годъ по Р. Х.[108].

69. Въ томъ-же году, попался Френу въ Москвѣ, въ Серебряномъ-Ряду, цѣлый мѣшокъ съ древними Восточными серебряными монетами, которыя привезъ туда еврей изъ *Могилевской* губерніи, гдѣ незадолго передъ-тѣмъ были онѣ найдены. Въ мѣшкѣ заключалось ихъ вѣсомъ болѣе, чѣмъ на 7 фунтовъ. Число цѣлыхъ монетъ простиралось до 1300; половинокъ и четвертушекъ было еще болѣе. Находка эта состояла изъ монетъ: 1) Испегбедскихъ; ихъ находилось нѣсколько сотенъ, съ надписями какъ на одномъ Пеглевійскомъ, такъ и на Пеглевійскомъ и Арабскомъ вмѣстѣ. Послѣднія относятся къ VIII

---

[105] Jahresverhandlungen der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Bd. II, s. 395, и Sendungen того-же общества, Bd. I, s. 70. См. также *Ледебура*, s. 43, и *Френа*, въ Bull. scient. l. c. p. 327, выноска 54.

[106] Bullet. scient. l. c. p. 327.

[107] Bullet. scient. l. c. p. 323.

[108] Journal de St.-Pétersbourg. 1825. Nr. 100. Bullet. scient. l. c. p. 324.

столѣтію нашей эры и къ началу IX. 2) Восточныхъ Умейядовъ, съ 699 по 747 годъ. 3) Аббасидскихъ, съ 749 по 815. Монеты намѣстниковъ первыхъ въ Африкѣ биты, между 729 и 731; намѣстниковъ ихъ въ Испаніи, — между 728 и 736. Монеты Аббасидскихъ намѣстниковъ въ Африкѣ, — между 768 и 799. 4) Западныхъ или Испанскихъ Умейядовъ, съ 767 по 802; и наконецъ 5) Эдрисидовъ, съ 789 по 802 годъ по Р. Х. Изъ куфическихъ монетъ этой находки далеко бо́льшая часть бита въ Африкѣ, и довольно значительное число въ Испаніи [109].

Въ Витебской губерніи:

70. Найденныя здѣсь кантонистами Витебскаго батальона 3 серебряныя цѣлыя монеты и 4 монетныхъ о́бломка препровождены были, въ 1839 году, г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Императорскую Академію Наукъ, и оказались принадлежащими: 1 десятому Умейядскому, 3 тремъ первымъ Аббасидскимъ халифамъ, стало быть изъ VIII вѣка нашей эры, и 1, битая въ 834 году по Р. Х., третьему эмиру Тагеридскому, Абдъ-ул-Лаху [110].

Изъ собственно Русскихъ губерній, знаемъ о такихъ находкахъ въ Смоленской:

71. Въ 1785 году, прислалъ Палласъ въ Императорскую Академію Наукъ извѣстіе о 12 Восточныхъ монетахъ, здѣсь найденныхъ, изъ котораго можно видѣть, что это были Испегбедскія, Умейядскія и Аббасидскія монеты VIII вѣка [111].

72. Восточныя-же монеты найдены, при разламываніи одной древней башни, въ самомъ *Смоленскѣ*. Находка эта хранится въ тамошней губернской гимназіи [112].

73. Въ 1830 году, вырыто, въ этой-же губерніи, 10 Саманидскихъ монетъ X вѣка, которыя Государь Императоръ соизволилъ пожаловать Академіи Наукъ [113].

---

[109] *Френъ*, въ Ibn Foßlan's Rußen, s. 249; Journal Asiat. T. II, p. 21, и Bullet. scient. l. c. p. 325.

[110] Bullet. scient. l. c. p. 326.

[111] Bullet. scient. l. c. p. 325—326.

[112] Объ этомъ узналъ я отъ секретаря нашего Общества, Н. Н. Мурзакевича, уроженца Смоленскаго.

[113] Bullet. scient. l. c. p. 326.

Въ Псковской:

74. «Въ полуверстѣ отъ города *Великихъ Лукъ*, на мѣстѣ, гдѣ видны еще развалины древняго городища, а теперь стоятъ только двѣ крестьянскія избы, нашли пастухи, въ 1802 или 1803 году, копаясь въ пескѣ на берегу *Ловати*, сначала нѣсколько разсѣянныхъ тамъ-и-сямъ почернѣвшихъ монетъ. Вскорѣ потомъ наткнулись они на небольшой сундучокъ, въ которомъ были такія-же начинавшія чернѣть монеты. Наконецъ, при дальнѣйшемъ разысканіи, отрыли они еще большой сундукъ, который, выскользнувъ у нихъ изъ рукъ, скатился съ крутаго берега въ рѣку, отчего высыпалась въ нее и часть заключавшихся въ немъ монетъ. Когда съ большимъ трудомъ вытащили они сундукъ изъ воды опять на берегъ, оставшихся въ немъ монетъ оказалось еще значительное количество. Вся находка долженствовала вѣсить отъ 6 до 7 пудъ, и продана была въ Тоснѣ, во время тамошней ярманки, купцу. Мѣсто на берегу, гдѣ найдены монеты, отмывалось ежегодно водою болѣе и болѣе, такъ-что сдѣлалось теперь совершенно плоскимъ.» Такъ писалъ къ Френу покойный Пфлугъ, въ 1818 году, когда купилъ для себя часть этой находки [114]. Френъ описалъ тогда только неизданныя дотолѣ монеты изъ числа пріобрѣтенныхъ Пфлугомъ [115]. Это были: 2 халифскія монеты, битыя въ 932 и 934 годахъ; 41 Саманидская, съ 924 по 974 годъ; 4 Бувейгидскія, изъ которыхъ самая поздняя бита въ 974 году; 4 Зіяридскія, съ 969 по 977 годъ; 1 Гамданидская 948 или 958 года, и 1 Хорезмшаховъ, битая въ 959 году.

75. Въ 1836 году, сообщена была Френу княземъ Волконскимъ сдѣланная въ этой-же губерніи находка. Она состояла изъ: около 40 цѣлыхъ и 33 разломанныхъ серебряныхъ монетъ, въ томъ числѣ халифскихъ, битыхъ съ 872 по 944 годъ; Саманидскихъ, съ 897 по 958; Бувейгидскихъ, 948 и 952, и наконецъ 5 Волжско-Булгарскихъ обломковъ [116].

76. Въ *Островскомъ* уѣздѣ, въ 12 верстахъ отъ города *Острова*, въ курганѣ, на берегу рѣки *Великой*, найдено въ кожаномъ кошелькѣ 100, большею частію превосходно сохранившихся, куфическихъ монетъ. Находка эта, извѣстіе

---

[114] Bullet. scient. l. c. p. 322.

[115] Novae symbolae ad rem numar. Muhammed. p. 1–27.

[116] Bullet. scient. l. c. p. 322—323.

о которой сообщено Г. Булгаринымъ, не была описана никѣмъ знающимъ дѣло [117]. Одну изъ составлявшихъ ее монетъ получилъ я здѣсь отъ Г. Мурзакевича; это Аббасидская, битая въ Багдадѣ, въ 156 году гиджры (772 по Р. Х.).

Въ Новгородской:

77. Найденныя въ 1833 году, въ *Череповецкомъ* уѣздѣ, и препровожденныя г. министромъ народнаго просвѣщенія въ Императорскую Академію Наукъ, 5 серебряныхъ монетъ оказались: 2 халифскими, битыми въ 849 и 859 годахъ, а 3 Тагеридскими 856, 862 и 863 годовъ по Р. Х.[118].

78. Изъ 3 цѣлыхъ и 3 половинокъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ томъ-же году, близъ города *Демянска*, и присланныхъ въ Академію, 5 было халифскихъ, съ 716 по 823 годъ, и 1 Тагеридская 824–5 года по Р. Х.[119].

79. Въ 1829 году, въ *Валдайскомъ* уѣздѣ, на озерѣ *Шлинѣ*, вытащенъ рыбаками, изъ-подъ подмытаго водою дуба, сильно поврежденный временемъ, боченокъ и въ немъ около 200 серебряныхъ монетъ. 5 изъ этого числа, видѣнныя Френомъ, были всѣ Саманидскія, битыя съ 928 по 951 годъ по Р. Х.[120].

Въ Ярославской:

80. Работавшими на Ярославскомъ шоссе, между городомъ *Ростовомъ* и деревнею *Новоселками*, сдѣлана была, въ 1836 году, очень любопытная находка древнихъ серебряныхъ вещей, купленная потомъ для Азіятскаго Музея Императорской Академіи Наукъ. Изъ отчета представленнаго объ ней Френомъ заимствуемъ слѣдующія подробности. Всѣ найденныя вещи, числомъ 108, вѣсили около 1 фунта 24 золотниковъ. Это были: маленькія застежки, маленькія въ видѣ полулунія пластинки съ придѣланными къ нимъ остреями, обломки трубочекъ нѣсколько конической формы, согнутая серебряная проволока, дутые шарики, пуговицеобразныя вещицы, отчасти прикрѣпленныя къ кожѣ, другія такаго-же рода съ ушками или кольцами, продолговатыя оковки, и многія тому подобныя вещи, все такія, которыя служили украшеніемъ конской сбруѣ, и наконецъ одна монета съ придѣланнымъ къ ней ушкомъ. На многихъ изъ помянутыхъ пластинокъ и пуговочекъ находятся Арабскія слова, какъ: برك (*благо-*

[117] Сѣверная Пчела. 1837 г. №. 141.
[118] [119] [120] Bullet. scient. l. c. p. 321.

словеніе!), или السلطان (*султанъ*), или لله (*во славу Божію!*), или имя Божіе الله (*Аллахъ*), нѣсколько разъ повторенное. Почеркъ этихъ надписей относится по видимому къ XI столѣтію нашей эры; но монета найденная вмѣстѣ съ этими вещами принадлежитъ X-му. Это диргемъ Саманида Нуха II, сына Мансурова, битый въ Шашѣ, въ 982 или 985 году по Р. Х., на основаніи чего должно полагать, что находка зарыта была послѣ X вѣка. Вышеприведенныя Арабскія слова, встрѣчаемыя на многихъ изъ помянутыхъ вещей, заставляютъ заключать, что сіи послѣднія суть всѣ Восточнаго происхожденія, и, по-крайней-мѣрѣ первоначально, принадлежали какому нибудь Магометанину, — обстоятельство важное, тѣмъ-болѣе, что даетъ намъ возможность опредѣлить отечество и другихъ, частію очень сходныхъ, серебряныхъ украшеній, находимыхъ въ сѣверныхъ странахъ Европы; ибо хотя таковыя и признаются археологами за произведенія Восточнаго искусства временъ всемірнаго владычества Арабовъ [121], однако-же, сколько извѣстно, доселѣ не найдено было ни одной такой, которая-бы находящимися на ней Арабскими надписями свидѣтельствовала опредѣлительно свое Восточное происхожденіе [122].

Въ Владимірской:

81. Близъ *Владиміра на Клязьмѣ*, найдены въ курганѣ, вмѣстѣ съ серебряными куфическими монетами, таковыя-же Германскихъ императоровъ Оттона II, Оттона III и Генриха (?). Часть этой находки пріобрѣтена въ 1821 году, въ Москвѣ, покойнымъ нумизматофиломъ Неѣловымъ. Куфическія монеты этой части были: 1) Умейядскія и Аббасидскія, битыя съ 699 по 818 годъ, въ томъ числѣ Африканскія, съ 774 по 787 годъ; 2) одна Тагеридская 823 года; 3) Саманидскія, битыя съ 906 по 977 годъ; 4) Бувейгидскія, съ 975 по 979. Древнѣйшая монета относится такимъ образомъ къ 699, позднѣйшая къ 979 году, «предполагая,» — говоритъ Френъ — «что всѣ принадлежатъ къ одной находкѣ» [123].

Въ Рязанской:

82. Въ началѣ 1839 года, въ селѣ *Бѣломъ-Омутѣ*, лежащемъ въ *Зарайскомъ* уѣздѣ, на берегу Оки, противъ мѣста, гдѣ видны еще остатки древняго

[121] *Ледебуръ*, l. c. s. 10 и 46.
[122] Bullet. scient. l. c. p 318—320.
[123] Muhammed. Münzkabinet, s 120; Bullet. scient. l. c. p 318.

города Перевитеска, найденъ, при рытьи земли подъ сваи, горшокъ съ серебряными монетами. Находка эта, поступившая въ собственность нашего Общества, благодаря его президенту, по разсмотрѣніи мною, оказалась состоящею изъ 25 цѣлыхъ, болѣе или менѣе истершихся, 10 обломанныхъ, 6 переломленныхъ по-поламъ, и 16 кусковъ куфическихъ монетъ. Многія изъ монетъ были проткнуты, иныя даже въ двухъ мѣстахъ. Куски и половинки, по тщательномъ сличеніи, найдены не подходящими одни къ другимъ и принадлежащими разнымъ монетамъ. Относительно происхожденія этихъ монетъ, изъ нихъ, какъ цѣлыхъ, такъ и обломковъ, 2 было Аббасидскихъ, 41 Саманидскихъ, 5 Зіяридскихъ, 4 Бувейгидскихъ, 3 Волжско-Булгарскихъ, и еще 2 такихъ обломка, на которыхъ ничего не видно. Относительно времени битья, самая ранняя есть Аббасидская, битая въ 899, самая поздняя Волжско-Булгарская, битая въ 976 или 986 году по Р. Х. Составленное мною подробное описаніе этой находки издано въ свѣтъ въ прошедшемъ году на счетъ Общества [124].

Въ Тульской:

83. Въ 1821 году, получилъ Френъ изъ Москвы извѣстіе, что около *семи* верстъ отъ *Тулы* крестьянинъ, вспахивая землю, нашелъ сосудъ, въ которомъ было около 200 куфическихъ серебряныхъ монетъ [125].

84. Въ 1823 году, въ *Крапивенскомъ* уѣздѣ, близъ принадлежащихъ дѣйствительному статскому совѣтнику Лазареву, деревни *Лапотковой* и села *Покровскаго*, найдены, при паханіи поля, 62 такія-же монеты, вмѣстѣ съ парою серебряныхъ рукоятокъ, и кускомъ зеленаго воска съ оттискомъ на немъ (повидимому) печати. Древнѣйшая изъ монетъ относится къ 710 или 711 году, позднѣйшая къ 816 или 817 году по Р. Х. Частію онѣ Азіятскія, частію Африканскія. Первыя составляютъ большинство, и, за исключеніемъ 6 Испегбедскихъ, биты халифами, съ 710–11 по 816–17 годъ. Испегбедскія есть съ надписями на Пеглевійскомъ и Арабскомъ вмѣстѣ. Изъ послѣднихъ на трехъ написано куфическими буквами имя Омара (т. е. Омара ибнъ-эль-Аълы), ко-

---

[124] Подъ заглавіемъ: «Описаніе куфическихъ монетъ, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году.» С.-Петербургъ. 1841. 4°. Въ настоящей статьѣ представляются обѣщанныя въ этой книжкѣ доказательства исторической цѣнности подобныхъ находокъ для объясненія древнѣйшихъ судебъ нашего отечества.

[125] Bullet. scient. l. c. p. 316.

торый съ 772 по 778, и съ 781 по 783 годъ былъ два раза намѣстникомъ въ Табристанѣ отъ имени халифовъ Мансура и Могди. 12 Африканскихъ монетъ этой находки принадлежатъ частію Мугаллебидамъ, и биты въ Кайруванѣ и Аббасійѣ съ 779 по 792 годъ, частію Идрисидамъ, и биты въ Мавританіи, въ городѣ Бедаѣ, съ 790 по 803 годъ нашего лѣтосчисленія. Саманидскихъ монетъ въ этой находкѣ и слѣда не было [126].

85. Отъ г. Покровскаго, изъ *Бѣлева*, получилъ Френъ, въ 1829 году, найденныя тамъ три монеты: халифа Гаруна, битую въ 806–7 году, Саманида Нуха I, битую въ 951–52, и Африканскую Идриса II, битую въ 796–97 году по Р. Х. [127].

86. Въ 1834 году, принесены г. Барышниковомъ въ даръ Азіятскому Музеуму Императорской Академіи Наукъ 9 куфическихъ монетъ, найденныхъ близъ *Острога* въ *Каширскомъ* уѣздѣ. Это были: 5 халифскихъ, съ 739 по 816 годъ, и 4 Тагеридскія, съ 862 по 870 годъ [128].

Въ Казанской:

87. Изъ найденнаго здѣсь, въ 1840 году, большаго количества куфическихъ серебряныхъ монетъ, 365 пріобрѣтены попечителемъ Московскаго учебнаго округа, графомъ С. Г. Строгановымъ; по разсмотрѣніи ихъ Френомъ, оказалось, что изъ того числа 4 Аббасидскихъ и 6 Соффаридскихъ, биты съ 806 по 907 годъ. Остальныя, все Саманидскія, биты съ 893 по 913 годъ нашей эры [129].

Эту послѣднюю находку почитаетъ Френъ самою восточною изъ всѣхъ извѣстныхъ такого рода. Страленбергъ однако-же говоритъ, что на *Печорѣ* и въ-особенности около города *Чердыня* (Пермской губерніи) находятъ въ курганахъ много монетъ древнихъ Арабскихъ халифовъ [130]; но Френъ, на томъ основаніи, что во все время пребыванія его въ Россіи, никогда не доходило до свѣдѣнія его о такихъ находкахъ въ этихъ краяхъ, и что авторитетъ «добраго» Страленберга въ опредѣленіи древнихъ Восточныхъ монетъ кажется ему не

---

[126] St.-Petersburger Zeitung, 1828, Nr. 11; Bullet. scient. l. c. p. 317.

[127] [128] Bullet. scient. l. c. p. 317 и 318.

[129] Описаніе этой находки помѣщено *Френомъ* въ Bullet. scient. Vol. IX, Nr. 19, p. 295.

[130] Beschreibung von Nord- und Ost-Europa, s. 103.

довольно силенъ, сомнѣвается въ вѣрности приведеннаго Страленбергова извѣстія, и полагаетъ, что монеты, принятыя симъ послѣднимъ за древнія халифскія, могли быть позднѣйшія Золото-Ордынскихъ хановъ[131]. Раздѣляя съ знаменитымъ нумизматомъ сомнѣнія его относительно Страленберговыхъ познаній въ Мусульманской Нумизматикѣ, я смѣю думать однако-же, что вопросъ о томъ, какія монеты видѣлъ Страленбергъ, — дѣйствительно халифскія, или какія-либо другія позднѣйшія, на-примѣръ Джучидскія, — можетъ оставаться еще sub judice, ибо покуда ни того, ни другаго нельзя ни утверждать, ни отрицать положительно.

Въ Таврической:

88. Въ 1824 году, получилъ Френъ отъ Г. Шпревица изъ Москвы, 82 серебряныя монеты, которыя, какъ писалъ Г. Шпревицъ, найдены «должно быть» въ *Крыму*, въ развалинахъ древняго *Херсона*, между *Севастополемъ* и *Балаклавою*. Это были халифскія и Тагеридскія, битыя съ 728 по 870 годъ, и одна Аглебидская, 803 года по Р. Х.[132].

Это самая южная изъ всѣхъ извѣстныхъ въ Россіи и при-Балтійскихъ краяхъ этого рода находокъ, если только она дѣйствительно имѣла мѣсто тамъ, гдѣ ее полагаютъ найденною. Ею и оканчиваемъ наше перечисленіе.

Теперь, чтобы приготовиться къ историческимъ выводамъ, которые намѣреваюсь сдѣлать изъ свѣдѣній объ этихъ находкахъ, бросимъ на нихъ предварительно одинъ общій взглядъ.

Всѣ найденныя доселѣ въ исчисленныхъ и другихъ случаяхъ Восточныя монеты принадлежатъ къ одному періоду времени, — отъ начала VIII по начало XI вѣка включительно. Большинство относится къ послѣдней четверти IX и тремъ первымъ X вѣка[133]. Иногда попадаются и болѣе раннія, изъ конца VII вѣка, какъ Испегбедскія и первыя Умейядскія; но позднѣйшихъ начала XI вѣка въ извѣстныхъ находкахъ не случалось, такъ-что монета 1012 года, найденная на Ölandѣ, въ 1771 году, какъ считалъ ее Адлербетъ, такъ и теперь, остается самою младшею[134].

---

[131] Bullet. scient. p. 302, выноска 2.

[132] Mémoires de l'Académie Imperiale des sciences. (5-me serie.) T. X, p. 397; Bullet. scient. l. c. p. 323.

[133] *Френъ*, въ Bullet. scient. l. c. p. 304, и другихъ мѣстахъ.

[134] У *Ледебура*, s. 19, и *Болена*, l. c. s. 326.

Относительно мѣста происхожденія своего, монеты этѣ суть или Азіятскія, или Африканскія и Испанскія. Азіятскія принадлежатъ Испегбедскимъ князьямъ, халифамъ изъ рода Умейи и Аббаса, Тагеридамъ, Соффаридамъ, Саманидамъ, Зіяридамъ, Бувейгидамъ, и отчасти Гамданидамъ, Окайлидамъ, Мерванидамъ, Туркистанскимъ Илекамъ и другимъ, вообще Мусульманскимъ династіямъ, властвовавшимъ въ нынѣшнихъ Хивѣ, Бухарѣ, Афганистанѣ, Персіи, Сиріи и Арменіи, отъ Евфрата до Сыръ-Дарьи. Къ этому разряду можно причислить нѣкоторымъ-образомъ и монеты Волжскихъ Булгаръ. Африканскія, которыя изъ всѣхъ при-Балтійскихъ странъ, находимы были, въ значительномъ количествѣ, только въ одной Россіи, биты намѣстниками Восточныхъ Умейядовъ и Аббасидовъ, Аглебидами и Идрисидами. Испанскія, найденныя доселѣ только въ Россіи, и то, сколько извѣстно, однажды[135], принадлежатъ намѣстникамъ Умейядовъ Восточныхъ и Умейядамъ Западнымъ. Нѣкоторые ученые прошедшаго столѣтія, на-примѣръ Адлербетъ[136] и О. Тихсенъ[137], утверждали, а за ними повторяютъ Размуссенъ[138] и Ледебуръ[139] въ нынѣшнемъ, что въ при-Балтійскихъ находкахъ не встрѣчалось никогда Мусульманскихъ монетъ династій Египетскихъ, Африканскихъ, Испанскихъ и Сицилійскихъ, и эти ученые были отчасти правы: относительно Египетскихъ и Сицилійскихъ, положеніе ихъ и доселѣ сохраняетъ всю свою силу, распространяя его даже и на Россію; Испанскія, какъ уже замѣчено, найдены только въ Россіи, и то черезъ долгое время по кончинѣ обоихъ помянутыхъ ученыхъ; Африканскія-же, если и находимы были въ при-Балтійскихъ странахъ, какъ это неоспоримо доказываетъ Френъ[140], то О. Тихсенъ и другіе современные нумизматы принимали ихъ, по незнанію, за Азіятскія. Вообще должно сказать, что число найденныхъ Африканскихъ и въ сравненіе не можетъ итти съ числомъ Азіятскихъ. Изъ сихъ послѣднихъ, кромѣ Саманидскихъ и Аббасидскихъ, монеты другихъ вышеисчисленныхъ династій попадаются также не въ большомъ количествѣ въ-сравненіи съ монетами этихъ двухъ, составляющими главную часть

[135] Въ Могилевской губерніи, въ 1822 году. См. находку № 69. Bullet. scient. l. c. p. 307.
[136] у *Ледебура*, s. 19.
[137] Introductio in rem num. Moham. p. 80.
[138] De orientis commercio cum Russia et Scandinavia. p. 11 et 57.
[139] s. 18, 19, 36.
[140] Bullet scient. p. 307—309. См. находку подъ № 31.

почти всѣхъ находокъ. Количество ихъ, извлеченное изъ земли въ Россіи и при-Балтійскихъ краяхъ, по-истинѣ приводитъ въ изумленіе. Когда Френъ разбиралъ, въ 1817 году, Восточный мюнцкабинетъ нашей Академіи Наукъ, ему попадалось нерѣдко до 300 экземпляровъ одной и той-же Саманидской монеты [141]. Онъ и Адлербетъ того мнѣнія, что Саманидскія однѣ превышаютъ числомъ своимъ монеты всѣхъ прочихъ династій [142]. На Прусскомъ побережьи, по замѣчанію Адлера, находятъ болѣе Аббасидскія, на Шведскомъ и Померанскомъ — болѣе Саманидскія [143]. Замѣчательно также и то, что послѣднія никогда не встрѣчаются въ одной находкѣ съ Африканскими [144]. За монетами этихъ двухъ династій, по степени количества, въ какомъ ихъ находятъ, я думаю можно помѣстить Испегбедскія и Умейядскія. Первыя попадаются преимущественно въ Бѣлоруссіи [145].

Монеты этѣ находятъ или однѣ, несмѣшанныя ни съ какими другихъ странъ, и ни съ какими другими вещами, или вмѣстѣ съ монетами другихъ народовъ, и различными вещами и украшеніями, часто золотыми. Первое случается, по-видимому, чаще въ Россіи; послѣднее въ сосѣднихъ при-Балтійскихъ земляхъ. Чужеземныя монеты, попадающіяся въ сообществѣ куфическихъ, бываютъ преимущественно Англосаксонскія, Нѣмецкія и Византійскія, и всегда современныя имъ, т. е. IX, X и XI вѣка. Мнѣ самому не удавалось видѣть вещей и украшеній, находимыхъ вмѣстѣ съ монетами; но тѣ, которые видѣли ихъ и подвергали изслѣдованію, не сомнѣваются ни мало въ ихъ древности и Восточномъ происхожденіи [146]. Подтвержденіемъ достовѣрности этого мнѣнія, можетъ служить, какъ замѣчено выше, и Ярославская находка № 80.

Что касается до металла этихъ монетъ, то обыкновенно находятъ и на-

---

[141] Recensio num. p. X.

[142] у *Ледебура*, s. 18—19. Bullet. scient. I. c. p. 304.

[143] у *Болена*, I. c. p. 327.

[144] Bullet. scient. l. c. p. 310. Сравни находки № 31, 67, 69, 84.

[145] *Лелевель*, въ Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 83.

[146] *Ледебуръ*, passim. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей и украшеній могутъ быть не только Арабской или Персидской, но даже Индійской работы, какъ золотое кольцо, найденное въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, близъ Монтроза, въ Шотландіи, и описанное извѣстнымъ антикваріемъ *Дж. Тодомъ*, въ Transactions of the royal asiatic society. Vol. II, p. 559 (London. 1830).

ходили серебряныя, между которыми золотыя попадаются какъ рѣдкія исключенія, а мѣдныя не попадались никогда [147].

Иногда монеты этѣ находятъ отлично хорошо сохранившимися, такъ-что кажется будто онѣ попали подъ землю прямо съ монетнаго двора. Иногда довольно потертыми, обломанными, съ проверченными дырочками. Часто въ половинкахъ и даже очень мелкихъ кускахъ. Не рѣдко масса кусковъ и половинчатыхъ монетъ далеко превосходитъ число цѣлыхъ. Но замѣчено, что куски эти и половинки, въ бо́льшей части находокъ, принадлежатъ всегда разнымъ монетамъ, которыхъ остальныя соотвѣтствующія части тутъ не находятся; ни одинъ кусокъ, ни одна половинка не подходятъ къ другимъ таковымъ-же, изъ чего видно, что это раздробленіе произошло умышленно, до ихъ зарытія, а не послѣ, отъ неосторожности при выкапываніи [148].

Наконецъ, относительно мѣстности находокъ, замѣтимъ, что онѣ случаются и въ лѣсахъ, подъ старыми деревьями, и на пашняхъ, и на высотахъ, и подъ камнями, вездѣ, но преимущественно по-близости городовъ и дорогъ, которые въ началѣ и половинѣ Среднихъ Вѣковъ, извѣстны какъ торговые, или неизвѣстны еще, но должны быть такими [149].

Когда-же попали эти диргемы на востокъ и сѣверъ Европы? Какимъ путемъ зашли они туда? Кто засѣялъ ими все пространство, отъ Норвегіи и береговъ Эльбы до Оки и Камы? Что доказываетъ ихъ присутствіе въ этихъ странахъ? Вотъ вопросы, раждающіеся необходимо при представленіи себѣ этихъ подземныхъ богатствъ, оставленныхъ предками въ наслѣдіе нашей пытливости. И какіе еще это вопросы! — вопросы, съ которыми тѣсно связано объясненіе многихъ важнѣйшихъ задачъ въ исторіи Европейскаго сѣвера и преимущественно нашего отечества, съ разрѣшеніемъ которыхъ много должна разрѣдѣть мгла, покрывающая теперь утро нашей народной жизни.

Объясненіемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ занимались уже разные ученые, но большею частію слишкомъ односторонно, основываясь на маломъ

---

[147] *О. Тихсенъ*, l. c. p. 80, и другіе. Если въ нашихъ мюнцкабинетахъ и имѣются фульсы Аббасидскіе, Саманидскіе, Тагеридскіе и другіе, то извѣстно положительно, что они привезены въ новѣйшее время, и отрыты въ древнихъ Саманидскихъ владѣніяхъ.

[148] *О. Тихсенъ*, l. c. p. 81, и другіе.

[149] *Адлеръ*, у *Ледебура*, p. 52, и другіе.

числѣ находокъ, не зная о таковыхъ-же въ другихъ странахъ, и особенно въ Россіи. Въ свое время объясненія ихъ имѣли цѣну, теперь устарѣли, и едва-ли заслуживаютъ опроверженія, опровергаемыя однимъ накопленіемъ новыхъ находокъ по мѣстамъ, гдѣ они не подозрѣвали даже возможности ихъ существованія.

Такъ Шефферъ полагалъ, что въ Швецію занесли этѣ монеты Шведы, которые служили въ войскахъ Восточной Римской имперіи, и могли добыть ихъ на войнѣ съ Мусульманами [150], а О. Цельсій внесеніе ихъ туда приписывалъ богомольцамъ, ходившимъ на поклоненіе св. гробу [151]. Шольцъ думалъ, что Голштейнскія находки обязаны существованіемъ крестовымъ походамъ [152]. Керъ, найденныя близъ Данцига монеты почиталъ занесенными сюда изъ Палестины Тевтонскими рыцарями [153]. Ауривиллій думалъ, что куфическія монеты привезены были въ Висби, вмѣстѣ съ товарами, изъ странъ при-Каспійскихъ, черезъ Россію, въ XIII вѣкѣ, послѣ разоренія Самарканда Чингисомъ, а изъ Висби черезъ ганзеатическихъ торговцевъ, разошлись уже по берегамъ Балтики. Это мнѣніе основалъ онъ на сказаніи Арабшаха, что въ развалинахъ Самарканда находили древнія куфическія монеты [154]. Бартелеми занесеніе этого рода монетъ приписывалъ пребыванію Татаръ въ Литвѣ и сосѣдственныхъ странахъ [155]. При нынѣшнемъ состояніи нашихъ знаній о мѣстности и числѣ находокъ, ни одно изъ этихъ мнѣній не выдержитъ критики. Шведы и вообще всѣ тѣ выходцы изъ сѣверныхъ Европейскихъ народовъ, которые подъ именемъ Βαραγγοι служили Восточно-Римскимъ императорамъ, никогда не могли въ сраженіяхъ съ Мусульманами добыть отъ нихъ столько монеты, сколько видимъ мы отрытой на пространствѣ, на которомъ ее находятъ и находили. Тѣмъ-менѣе еще могли принести ее съ собою благочестивые паломники, возвращавшіеся домой обыкновенно съ пустою сумою. Этому мнѣнію, равно-какъ и тому, которое внесеніе ихъ приписываетъ воинамъ, возвращавшимся изъ крестовыхъ походовъ, противо-

[150] у *Ауривиллія*, въ Nova acta soc. scient. Upsaliensis. Vol. II, p. 102.

[151] у *Френа*, въ Ibn-Foszlan, s. 80.

[152] у *Ледебура*, l. c. p. 70.

[153] у *Френа*, l. c.

[154] Nova acta soc. scient. Upsaliensis. Vol. II, p. 105 et 106.

[155] Mémoires de l'acad. royale des inscriptions et belles lettres. Paris. 1759. Vol. XXVI. p. 571.

рѣчитъ еще и то обстоятельство, что въ такомъ случаѣ надлежало-бы находить вмѣсто монетъ Персидскихъ и Мавераннагрскихъ VII, VIII, IX и X вѣка, монеты Египетскія, Сирійскія и Малоазійскія XI, XII и XIII вѣка, монеты Фатимидовъ, Сельджукидовъ, Ортокидовъ, Атабековъ, Эйюбидовъ, а такихъ вовсе не находятъ. Нельзя также приписывать ихъ внесенія Татарамъ, или ганзеатической торговлѣ во время Татарскаго могущества: тогда-бы съ диргемами VIII, IX и X вѣка находили вмѣстѣ и монеты позднѣйшихъ Турецкихъ и Монгольскихъ династій XIII, XIV и XV вѣка, монеты Хорезмъ-шаховъ Джагатаидовъ, Гулагидовъ, Джучидовъ, а этого еще ни разу не случилось, и вмѣсто Англосаксонскихъ, Нѣмецкихъ и Византійскихъ IX, X и XI вѣка, которыя находятъ съ современными имъ куфическими, находили-бы съ сими послѣдними позднѣйшую мѣстную монету. Самое сказаніе Арабшаха, послужившее основаніемъ мнѣнію Ауривиллія, обращается противъ него-же: Арабшахъ говоритъ о находкѣ древнихъ куфическихъ монетъ въ Самаркандѣ, какъ о рѣдкости въ его время. И точно, въ XIII, XIV и XV вѣкѣ, монеты Испегбедскія, Тагеридскія, Саманидскія и другія VIII и трехъ слѣдующихъ вѣковъ, вышли уже изъ обращенія на Востокѣ, гдѣ одна династія переливаетъ монеты другой, и даже одинъ владѣтель, — монеты своего предшественника. По-крайней-мѣрѣ, тамъ не было ихъ тогда такого количества, чтобъ Татаре могли засыпать ими всю Русь и Польшу, а ганзеатическіе купцы все Балтійское побережье. Далѣе: Татаре не были ни въ Швеціи, ни въ Норвегіи, ни въ Даніи, какъ-же могли они занести туда монеты, о которыхъ идетъ рѣчь? Наконецъ, предположимъ на-время возможность привоза этихъ монетъ съ Востока черезъ Россію, въ XIII и XIV вѣкѣ, ганзеатическими купцами. Что-жь, изъ любви къ Нумизматикѣ собирали они этѣ монеты, или брали ихъ за товаръ? Разумѣется не изъ нумизматической любознательности, а за послѣдній. Въ такомъ случаѣ они брали-бы и привозили съ собою и Татарскія деньги, по-крайней-мѣрѣ въ равномъ количествѣ съ этими древними; тогда-бы, вмѣстѣ съ послѣдними, находили въ Швеціи, Норвегіи, Даніи, и вообще по Балтійскимъ берегамъ, и Татарскія въ одинаковомъ количествѣ; а ихъ не только не выкапываютъ въ этихъ мѣстахъ въ такомъ-же количествѣ и вмѣстѣ съ древними куфическими, но не находятъ вовсе. Въ Россіи, дѣйствительно, отрываютъ тьму Джучидскихъ

монетъ; но этѣ находки служатъ новымъ подтвержденіемъ тому, что древнія куфическія зашли въ Россію, и вообще на сѣверъ Европы, ранѣе разлива Монгольскаго, въ началѣ XIII вѣка. Джучидскія находятъ, во первыхъ, преимущественно по Волгѣ, въ восточной и южной Россіи, въ тѣхъ мѣстахъ только, гдѣ кочевали Татаре; во вторыхъ, отдѣльно или вмѣстѣ съ Русскими копѣечками XIV и XV вѣка, и, въ третьихъ, что всего важнѣе, — отнюдь не вмѣстѣ съ древними куфическими и Испегбедскими, или Англосаксонскими, Нѣмецкими и Византійскими.

Самыя удовлетворительныя предположенія, которыми стараются объяснить находки многоупоминаемыхъ монетъ на сѣверѣ и востокѣ Европы, суть тѣ, которыя внесеніе ихъ въ эти края приписываютъ либо торговлѣ, которая съ VIII вѣка, или еще ранѣе, и вплоть до XI, должна была производиться между сѣверомъ Европы и Азіею, черезъ Россію, либо военнымъ экспедиціямъ Норманновъ, либо тому и другому вмѣстѣ. Эти мнѣнія существуютъ и повторяются, съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями, съ конца прошедшаго столѣтія, и имѣютъ на своей сторонѣ авторитетъ многихъ уважаемыхъ именъ, каковы имена Сума, Адлербета, Тихсена, Френа, Гартмана, Болена, *Лелевеля* и другихъ, и я считаю ихъ вполнѣ основательными, но .....

Но вѣдь все-таки это не иное что, какъ предположенія, которыя сами должны быть подкрѣплены доказательствами, заимствованными изъ историческихъ источниковъ, каковы лѣтописи, записки современниковъ, саги и тому подобные письменные памятники. Вмѣсто-того, чтобы объяснять несомнѣнный фактъ, каковы находки монетъ, о которыхъ идетъ рѣчь, предположеніями, степень вѣроятности которыхъ зависитъ отъ степени достовѣрности письменныхъ источниковъ, изъ которыхъ заимствованы будутъ доказательства въ ихъ подкрѣпленіе, — тогда-какъ не всѣ одинаково убѣждены въ достовѣрности, многихъ изъ этихъ источниковъ, — было-бы гораздо основательнѣе, по-видимому, объяснить этотъ фактъ изъ самыхъ его памятниковъ, если только это возможно; а я думаю, что это возможно, и постараюсь доказать, что находки заключаютъ сами въ себѣ разрѣшеніе почти всѣхъ вышепредложенныхъ вопросовъ, и не только мало нуждаются для этого въ помощи позднѣйшихъ письменныхъ памятниковъ, лѣтописей, сагъ и тому подобнаго, но еще имъ-же самимъ могутъ служить опорою, объясненіемъ и дополненіемъ; думаю, что подземныя сокро-

вища эти могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣшей исторіи нашего отечества, котораго не сдвинетъ никакой основательный скептицизмъ. Это современники VII, VIII, IX, X и XI вѣковъ, надъ которыми невидимо пролетѣло тысячелѣтіе, для которыхъ десять столѣтій прошли какъ десять минутъ, и которые выходятъ къ намъ изъ гробовъ свидѣтельствовать истину, не прибавляя, не убавляя ни единаго слова; — современники, сохранившіе всю свою свѣжесть, которыхъ мы можемъ разглядѣть, ощупать, которые позволяютъ намъ убѣдиться всѣми чувствами, что они существенность, дѣйствительность, истина, а не призракъ, не миѳъ, не сказка, не анахронизмъ, не описка переписчика, не вставка позднѣйшаго компилатора!

Посмотримъ, что-же скажутъ эти свидѣтели при нашемъ допросѣ.

α) Вырываемыя куфическія монеты не восходятъ, какъ сказано, позже 1012 года. Стало быть самые позднѣйшіе клады зарыты были вскорѣ послѣ этого: иначе находили-бы монеты позднѣйшія. Стало быть въ мѣста, гдѣ ихъ нашли, онѣ попали нѣсколько ранѣе времени ихъ зарытія. Иначе быть не можетъ, иначе нельзя разсуждать.

β) Есть такія находки, что самыя позднія изъ составляющихъ ихъ монетъ относятся къ концу, къ половинѣ и къ началу X вѣка (№ 36, 64, 74, 81, 82. № 18, 30, 32, 49, 58, 68, 75, 79. № 10, 42, 87). Стало быть такіе клады зарываемы были около того-же времени, въ концѣ, въ половинѣ и въ началѣ X вѣка.

γ) Есть находки, въ которыхъ самыя позднѣйшія изъ составляющихъ ихъ монетъ, принадлежатъ къ концу, къ половинѣ и началу IX вѣка (№ 62, 86, 88. № 11, 31, 77. № 48, 67, 69, 78, 84). Стало быть такіе клады зарыты около того-же времени, въ концѣ, въ половинѣ и въ началѣ IX вѣка.

Весьма возможно и вѣроятно, что есть находки, въ которыхъ самыя позднія монеты еще ранѣе девятаго вѣка: бо́льшая часть кладовъ пошла въ плавильный котелъ безъ изслѣдованія, безъ описанія. Обо многихъ имѣемъ свѣдѣнія не довольно точныя и опредѣлительныя; но не будемъ основываться на вѣроятностяхъ и возможностяхъ, предоставимъ оправдать предположенія наши будущему, ограничимся покуда извѣстнымъ, и остановимся на томъ, что

самая ранняя изъ находокъ есть Штегенская 1722 года, въ которой бо́льшая часть монетъ биты между 802 и 813, и позднѣе 813 года нѣтъ.

δ) Африканскія монеты встрѣчаются преимущественно въ кладахъ, относящихся къ IX вѣку. Могилевская находка (№ 69), самая обильная ими, и сътѣмъ-вмѣстѣ единственная по заключавшимся въ ней Испанскимъ диргемамъ, относится къ началу этого вѣка. Въ позднѣйшихъ находкахъ попадаются онѣ рѣдко и въ маломъ числѣ, притомъ большинство ихъ принадлежитъ къ концу VIII, и только немногія къ первымъ годамъ IX вѣка, такъ-что доселѣ не было находимо битой позже 803 года нашей эры. Изо всего этого надлежитъ заключать, что Африканскіе и Испанскіе диргемы зашли туда, гдѣ ихъ находятъ, если не исключительно, то преимущественно, въ первой половинѣ или даже началѣ IX вѣка.

Соединивъ вмѣстѣ извлеченныя показанія, видимъ, что Азіятскія монеты прибывали въ Россію и при-Балтику постоянно въ теченіе болѣе, чѣмъ двухъ вѣковъ, съ конца VIII по начало XI столѣтія, а Африканскія и Испанскія зашли въ этѣ страны, если не исключительно, то преимущественно, въ первой половинѣ IX вѣка. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *когда* попали сюда монеты.

ε) Изъ странъ Азіи, гдѣ владычествовали династіи, которымъ принадлежатъ находимыя Азіятскія монеты, въ сѣверную и часть центральной Европы по-сю-сторону Эльбы, должны были проникнуть этѣ монеты не инымъ путемъ, какъ чрезъ сѣверную, среднюю и западную Россію, ибо здѣсь видимъ повсюду слѣды этого перехода, тогда-какъ на западъ отъ Эльбы, и южнѣе 52° широты не находимъ ихъ нигдѣ. Изъ какой-же части Азіи, и какимъ путемъ зашли онѣ въ означенныя части Россіи? Самый ближайшій къ Азіи пунктъ Россіи, извѣстный находкою такого рода монетъ, есть покуда Казанская губернія (см. находка № 87); посему надлежитъ думать, что, если не исключительная, то главная дорога, которою текли монеты въ Россію, шла на нее изъ Азіи въ этомъ направленіи.

ζ) Въ числѣ находимыхъ монетъ, есть и принадлежащія Булгарамъ Волжскимъ, называемымъ такъ въ отличіе отъ Дунайскихъ (см. находки № 75 и 82). Монеты этѣ наружностью своею такъ сходны съ Саманидскими, что ихъ долгое время, пока Френомъ не объяснено было настоящее происхожденіе, принимали

за сіи послѣднія, хотя и не могли объяснить несообразностей, раждавшихся отъ такого qui pro quo[156]. Сходство это Булгарскихъ монетъ съ Саманидскими доказываетъ, что Саманидскія служили имъ первообразомъ, и что потому Булгаре должны были находиться въ близкихъ связяхъ съ Саманидскими владѣніями. А какъ нынѣшняя Казанская губернія составляетъ часть древней земли Булгаръ при-Волжскихъ, то вотъ мы и находимъ непрерывную связь, соединяющую Казанскую находку съ Саманидскими владѣніями, — рудникомъ большинства находимыхъ монетъ; значитъ Саманидскіе диргемы шли въ Россію, а изъ нея въ при-Балтику, черезъ землю Волжскихъ-Булгаръ. Сюда-же имъ не было другихъ путей, какъ: либо черезъ Каспійское-Море, въ-верхъ по Волгѣ, либо отъ Аральскаго-Озера черезъ нынѣшнія Кергизъ-Казачьи степи, дорогами, которыми ходятъ нынѣ въ Оренбургъ Бухарскіе и Хивинскіе караваны.

ѧ) Но Саманидскія монеты находятъ не отдѣльно отъ другихъ Азіятскихъ, а большею частію вмѣстѣ съ ними; стало-быть Азіятскія разныхъ другихъ династій шли въ Россію отчасти черезъ тѣ-же Саманидскія владѣнія и тѣми-же путями. Были для нихъ въ Россію, безъ сомнѣнія, и другіе пути, но пути не обозначаемые находками, потому здѣсь я и умолчу объ нихъ, ограничиваясь при настоящемъ изслѣдованіи только тѣмъ, что монеты сами открываютъ относительно возникающихъ объ нихъ вопросовъ.

ϑ) Труднѣе опредѣлить дорогу, которою Африканскія и Испанскія монеты пришли въ Россію и при-Балтійскіе края. Ихъ находятъ вмѣстѣ съ Азіятскими: халифскими и Испегбедскими, стало-быть ничто не мѣшаетъ думать, чтобы не могли онѣ притти черезъ Азію, тѣмъ-же путемъ какъ и Азіятскія. Это еще болѣе подтверждается рѣдкостью ихъ въ находкахъ при-Балтійскихъ, тогда-какъ здѣсь-то именно и надлежало-бы находить ихъ въ большемъ числѣ, чѣмъ въ Россіи, если-бы изъ Африки и Испаніи шли онѣ въ Россію ближайшимъ, Западнымъ, а не отдаленнѣйшимъ, Восточнымъ, путемъ. Вмѣстѣ съ Саманидскими однако-же ихъ до-сихъ-поръ не находили, изъ чего необходимо

[156] См. Ueber drei Münzen der Wolga-Bulgaren, въ Mémoires de l'Academie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg (6-me serie), Vol. I, p. 171.

слѣдуетъ, что путь или пути, которыми онѣ пришли въ Россію, были не тѣ, которыми текли сюда Саманидскія деньги; что пришли онѣ другимъ каналомъ, не черезъ Саманидскія владѣнія. Монеты, составляющія Могилевскую находку (№ 69), Размуссенъ, опираясь впрочемъ на ложномъ основаніи, что въ при-Балтійскихъ краяхъ не находимо было Африканскихъ монетъ, считаетъ зашедшими черезъ Константинополь[157], — предположеніе, которое опровергается и другими обстоятельствами: ни въ настоящемъ случаѣ не было найдено Византійскихъ монетъ вмѣстѣ съ прочими, составлявшими кладъ, ни въ другихъ находкахъ не попадались онѣ вмѣстѣ съ Африканскими, но съ Азіятскими весьма часто (см. № 6, 23, 28, 29, 46), что, доказывая сношенія Сѣвера съ Византіею, доказываетъ вмѣстѣ и то, что Африканскія не имѣли въ ней хода, а потому не могли зайти черезъ нее и въ Россію, туда, гдѣ ихъ нашли. Въ такой большой массѣ, какую составляютъ этѣ Африканскія и Испанскія монеты, относительно къ количеству всей Могилевской находки, едва-ли вѣроятно, чтобы онѣ могли попасть сюда и черезъ Азію. Очень можно думать, напротивъ, что пришли онѣ, хоть на этотъ разъ, другою, естественнѣйшею дорогою, — съ Запада, моремъ; что, если не нѣсколько, то былъ хоть одинъ случай, когда какіе-либо изъ жителей окрестностей нынѣшняго Могилева находились въ прямыхъ или посредственныхъ, какого-бы то ни было рода, сношеніяхъ съ родиною этихъ монетъ, — Испаніею и сѣверо-западною Африкою.

Итакъ Саманидскія монеты, составляющія большинство въ находкахъ, и если не всѣ, то отчасти и другія Азіятскія, въ особенности-же изъ сосѣднихъ Саманидскимъ при-Каспійскихъ и Персидскихъ владѣній, — шли въ Россію и оттуда въ при-Балтику черезъ земли Волжскихъ-Булгаръ. О пути-же въ Россію Африканскихъ и Испанскихъ извѣстно только, что онъ былъ не тотъ что Саманидскихъ, не лежалъ черезъ Византію, а, всего вѣроятнѣе, шелъ черезъ Западъ. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *какимъ путемъ* зашли монеты.

ι) Вмѣстѣ съ цѣлыми монетами находятъ обыкновенно и обломки, массою своею превышающіе нерѣдко количество первыхъ. Какъ сказано уже, обломки эти разной величины, не бываютъ никогда частями одной монеты, а остатками

---

[157] De orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo. Hauniae. 1825. p. 11.

разныхъ, такъ-что, соединяя ихъ между собою, никогда нельзя составить цѣлыхъ монетъ, изъ чего должно заключать, что раздробленіе это произошло до зарытія монетъ, а не отъ неосторожности при ихъ откапываніи, оттого, что при этомъ онѣ были разломлены неловкимъ ударомъ заступа или напоромъ сохи: въ такомъ случаѣ монета можетъ скорѣе согнуться, чѣмъ переломиться. Притомъ, обломки въ огромномъ числѣ находили вмѣстѣ съ цѣлыми, въ металлическихъ сосудахъ, подъ камнями, подъ деревьями, гдѣ не касалась ихъ ни соха, ни лопата. Ясно, что раздробленіе монетъ имѣло мѣсто до ихъ зарытія. Какая-же причина этому? А вотъ какая: извѣстно, что мелкая монета, серебряная или мѣдная, необходимо нужна при всѣхъ небольшихъ торговыхъ оборотахъ, особенно внутри страны. Гдѣ ея нѣтъ, и гдѣ еще притомъ монета принимается на вѣсъ, тамъ этому недостатку пособляютъ разрубая, или разламывая крупную монету на части различной величины, которыя такимъ образомъ и замѣняютъ въ обращеніи мелкую монету, а при взвѣшиваніи служатъ къ дополненію и уравненію вѣса. Примѣръ этого мы имѣемъ теперь въ Кантонѣ, гдѣ крупные Испанскіе піастры подвергаются, въ такихъ обстоятельствахъ, намѣренному раздробленію. То-же, въ XI и XII столѣтіяхъ, происходило въ Англіи, гдѣ, за неимѣніемъ мелкой монеты, разбивали penegas на двѣ и на четыре части, отъ чего и произошло данное этимъ фракціямъ названіе brokemoney «ломаныхъ денегъ». Путешественникъ X вѣка, котораго Узли выдалъ ошибочно за Ибнъ-Хаукала, разсказываетъ, что въ Самаркандѣ, гдѣ, какъ извѣстно, была и мелкая мѣдная монета, находились въ обращеніи, между-прочимъ, «ломаные диргемы» درم شكسه [188]. Вспомнимъ, наконецъ, наши четвертаки и полтинники, которые первоначально имѣли форму $^1/_4$ и $^1/_2$ круга. Итакъ причиною разломки монетъ бываетъ недостатокъ въ мелкой монетѣ, необходимой во внутреннемъ обращеніи. Никакое другое обстоятельство, кромѣ этого, не могло дать существованія и обломкамъ Восточныхъ монетъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Сталобыть обломки эти находились въ торговомъ оборотѣ у какого-либо народа. Гдѣ-же это, — на Востокѣ еще, или уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятъ ихъ? Знаемъ положительно о раздробленіи монеты только въ одномъ Самаркандѣ изо

[188] The oriental Geography by *Ibn Haukal*. London. 1800. p. 258.

всѣхъ городовъ Востока, знаемъ, потому-что путешественникомъ X вѣка замѣчено это какъ нѣчто необыкновенное. По другимъ мѣстамъ Мусульманскаго Востока этого не дѣлали. Притомъ, тамъ вездѣ находилась въ обращеніи мелкая мѣдная монета. Слѣдственно раздробленіе происходило либо въ Россіи и при-Балтикѣ, гдѣ, какъ извѣстно, не было тогда мѣстной монеты, либо при торгахъ въ странѣ Волжскихъ-Булгаръ, или у другихъ народовъ, черезъ земли которыхъ шли въ Россію Азіятскія деньги. Во всякомъ случаѣ это доказываетъ существованіе или дѣятельной внутренной торговли въ Россіи и при-Балтійскихъ краяхъ, или постоянной торговли Россіи съ Восточными странами, преимущественно съ Саманидскими владѣніями. Раздробленіе диргемовъ въ Россіи и при-Балтикѣ, а не на Востокѣ, подтверждается еще и тѣмъ, что, какъ сказано, мѣдной Мусульманской монеты, фульсовъ, вовсе не находятъ въ этихъ странахъ [159].

к) Итакъ обломки обязаны существованіемъ торговлѣ. Ей-же преимущественно должно приписать занесеніе къ намъ и цѣлыхъ монетъ. Торговля и война суть два исключительные проводника денегъ изъ одной страны въ другую. Положимъ, что жители Россіи и вносили въ при-Каспійскія страны побѣдоносное оружіе свое [160], и что слѣдствіемъ этихъ вторженій было пріобрѣтеніе и разсѣяніе по Россіи значительнаго количества Азіятской монеты, все-таки война не могла доставить ее въ такомъ числѣ, въ какомъ она доселѣ найдена; притомъ, самое постоянство притока монеты въ теченіе двухъ вѣковъ, если не болѣе, доказываетъ, что увлекало ее съ Востока не счастіе оружія, а что-то другое; другаго-же, кромѣ торговли, ничего быть не могло.

Изо всего сказаннаго заключаемъ, что, если не вся, то бо́льшая часть монеты въ Россіи и при-Балтикѣ обязана существованіемъ своимъ *торговлѣ*, которую этѣ страны должны были вести съ Мусульманскими и не-Мусульман-

---

[159] Доказательствомъ, что въ древней Россіи, въ періодѣ времени, о которомъ говоримъ, деньги ходили на вѣсъ, можетъ служить слово «золотникъ», которымъ означали тогда Византійскіе солиды, и съ-тѣмъ вмѣстѣ извѣстный вѣсъ = 70 гранамъ. См. *Круга*, Критическія разъисканія о древнихъ Русскихъ монетахъ. Стр. 118 и 119.

[160] Дѣйствительность такихъ походовъ изслѣдовалъ и доказалъ я въ статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Министр. Народн. Просвѣщенія, годъ 1835, книжка II.

скими владѣніями Передней Азіи, преимущественно Каспійскаго побережья. Вотъ покуда отвѣтъ на то, *что доказываютъ* находки.

Сдѣланными выводами однако-жь далеко не ограничивается число тѣхъ, которые можно извлечь изъ разсмотрѣнія монетъ, совокупно съ мѣстностью находокъ; притомъ, изъ первыхъ выводовъ вытекаютъ логически второстепенные и третьестепенные, важные не менѣе основныхъ. Пойдемъ далѣе.

λ) Чтобы при-Балтійскія земли могли получать монету черезъ Россію, надо чтобы онѣ были съ нею въ какихъ-нибудь связяхъ, добровольныхъ, или насильственныхъ; надо предполагать одно изъ трехъ: или что Азіятцы приходили за товарами въ при-Балтику; или жители при-Балтійскіе возили ихъ въ Азію; или посредниками и участниками въ этой торговлѣ служили жители Россіи, передававшіе серебро Восточное за товары при-Балтійскимъ жителямъ, и получавшіе его за свои. Какой-бы изъ этихъ трехъ случаевъ ни имѣлъ мѣсто, всякій заставляетъ предполагать довольно тѣсную связь между всѣми народами, принимавшими участіе въ торговлѣ, связь продолжавшуюся никакъ не менѣе, но вѣроятно гораздо болѣе двухъ столѣтій; итакъ Россія, въ теченіе IX и X вѣка, не была страною изолированною, населенною совершенными дикарями. Во всякомъ случаѣ въ ней было сильное торговое движеніе, и, какъ необходимое слѣдствіе его, нѣкоторая образованность, если не во многихъ, то въ нѣсколькихъ пунктахъ; нѣкоторая роскошь, нераздѣльная съ производствомъ выгодной торговли, и извѣстная степень гражданской безопасности, нужная для ея поддержанія. Что торговля эта была выгодна для жителей Россіи, что торговый балансъ былъ на ихъ сторонѣ, доказывается тѣмъ, что выручавшаяся монета оставалась въ ихъ землѣ. Когда слѣды этой торговли находятся, быть можетъ, даже на отдаленныхъ берегахъ Печоры, когда изъ отрываемыхъ въ Россіи монетъ Волжскихъ-Булгаръ узнаёмъ, что подлѣ насъ, на Волгѣ, въ странѣ благопріятствуемой природою отнюдь не болѣе, чѣмъ прочія части Россіи, существовалъ въ X вѣкѣ народъ, жившій въ городахъ, имѣвшій собственную монету, исповѣдывавшій исламизмъ, и бывшій потому въ тѣсныхъ связяхъ съ Багдадскими халифами [161], это заставляетъ предполагать, что при

[161] См. *Френа*, въ Mémoires de l'Acad. Impér. des sciences de St.-Pétersburg (6-me serie), Vol. I, p. 171 и 527.

двухсотлѣтней постоянной торговлѣ, должны были и въ Россіи явиться города, какъ складочныя мѣста для товаровъ, какъ мѣста отдохновенія для торговцовъ. Соображая, что монѣта занесена къ намъ, если не исключительно, то по-большей-части торговлею, и то, что въ Швеціи, на островахъ Балтійскаго-Моря и по южному побережью его, находятъ ее преимущественно около пунктовъ, которые изъ другихъ источниковъ извѣстны намъ за торговыя мѣста въ Средніе Вѣка, можемъ заключать, что и у насъ торговля производилась живѣе, и торговыя мѣста — города, существовали тамъ, гдѣ болѣе находимъ монетъ.

μ) Но тѣ-же монеты, съ-другой-стороны, показываютъ, что гражданская образованность, неразлучная съ торговлею, не сдѣлала въ Россіи такихъ успѣховъ, какихъ надлежало-бы ожидать отъ болѣе-чѣмъ-двухсотлѣтняго ея производства. Постоянное, а не случайное, одновременное зарытіе монетъ, указываетъ на то, что жители Россіи и при-Балтики не умѣли дѣлать изъ нихъ надлежащаго употребленія, копили безполезныя сокровища только для того, чтобы зарывать ихъ, смотрѣли на монету какъ на мертвый капиталъ, какъ на цѣль, а не какъ на средство; изъ чего видно, что они имѣли нужды самыя ограниченныя, стояли еще на очень низкой степени гражданственности. Изъ самыхъ-же монетъ, изъ того, что на нихъ часто находимъ круглыя дырочки по краямъ, видно еще, что монета употреблялась какъ украшеніе, что ее нанизывали на снурокъ или что-нибудь подобное, и дѣлали такимъ образомъ повязки, ожерелья, поручни и т. д., или нашивали на платье, на пояса, на головной уборъ, какъ и донынѣ поступаютъ съ монетою многіе народы малообразованные.

Продолжая изслѣдованіе монетъ, я могъ-бы вывести еще нѣсколько заключеній; но не имѣя притязаній представить въ настоящемъ случаѣ nec plus ultra того, что можно извлечь изъ нихъ для исторіи, я укажу еще только на одно очень важное обстоятельство.

ν) Съ начала IX до начала XI вѣка мы видимъ, что монета постоянно прибывала. Въ началѣ XI вдругъ прекращается приливъ ея съ Востока. Въ Польшѣ находятъ богатые клады изъ мѣстныхъ, Византійскихъ, Нѣмецкихъ, Англосаксонскихъ, Венгерскихъ, Богемскихъ монетъ; но и позднѣйшіе изъ этихъ кладовъ, какъ найденные въ *Каскахъ* близъ *Варшавы*, въ 1775 году,

въ *Серповъ* близъ *Ленчицы*, въ 1823, и въ *Тршебуни*, въ 1824 году, относятся не позже, какъ къ сороковымъ и пятидесятымъ годамъ XI столѣтія[162]. На что-же указываетъ это явленіе? На какіе-нибудь великіе торговые или гражданскіе перевороты, которые должны были имѣть мѣсто въ первой половинѣ XI вѣка, на Востокѣ, или въ сѣверо-восточной Европѣ, или тамъ и тутъ вмѣстѣ. Чтобы прекратить торговлѣ путь, которымъ шла она болѣе двухъ вѣковъ, или измѣнить вдругъ ея характеръ въ самыхъ основаніяхъ, надо сильныхъ потрясеній, необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ. Фактъ прекращенія, или измѣненія образа торговли, мы имѣемъ несомнѣнный, пусть объяснятъ намъ его причины. Отъ монетъ довольно покуда и того, что они открыли его намъ и обозначили.

Выше, обѣщалъ я доказать, что находки, о которыхъ шла и идетъ рѣчь, могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей исторіи нашего отечества, опорою, дополненіемъ и поясненіемъ всѣмъ позднѣйшимъ письменнымъ источникамъ о временахъ отъ VII до XI вѣка. Пора взглянуть теперь: не слишкомъ ли много придавалъ я имъ значительности, не увлекло-ли меня пристрастіе къ объясняемому мною источнику, какъ обыкновенно водится, слишкомъ далеко? Посмотримъ.

Изъ многоупомянутыхъ находокъ узнаемъ мы, какъ выведено выше:

1. Что съ конца VIII до начала XI вѣка включительно, жители нынѣшней Россіи производили постоянно торговлю съ при-Каспійскими Мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями.

2. Что въ то-же время и столь-же постоянно вели они ее съ побережными народами Балтійскаго-Моря.

3. Что торговля эта была выгодна, какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ.

4. Что шла она черезъ нынѣшнія губерніи: Казанскую, Владимірскую, Рязанскую, Тульскую, Смоленскую, Минскую, Могилевскую, Витебскую, Курляндію и Лифляндію; сѣвернѣе: черезъ Ярославскую, Новогородскую, Петербургскую и южную часть Великаго-Княжества Финляндскаго, или черезъ Тверскую, Псковскую и Естляндію, то есть, сколько можно покуда видѣть,

---

[162] *Лелевель*, въ Numismatique du moyen âge. Vol. II, p. 108 и слѣд.

водяными, единственно-возможными тогда, путями: по Волгѣ, Окѣ, Днѣпру, Западной Двинѣ, съ одной стороны; по Волгѣ, Шекснѣ, Вытегрѣ, Свири, Невѣ, черезъ озера: Бѣлое, Онежское и Ладожское — съ другой; и между этими двумя еще третьимъ середнимъ: по Волгѣ, Тверцѣ, Мстѣ, Ильменю, Волхову и Ладожскому-Озеру, гдѣ этотъ средній путь соединялся съ сѣвернымъ.

5. Что, слѣдовательно, выгодами этой торговли пользовались жители всѣхъ теперешнихъ Остзейскихъ, Бѣлорусскихъ и многихъ Велико-Россійкихъ губерній. Всѣ онѣ потому, въ VIII, IX, X и XI вѣкахъ, населены были болѣе или менѣе людьми промышленными, стоявшими на такой степени гражданственности, какой, по естественному ходу вещей, надлежитъ ожидать отъ вліянія торговли выгодной, и продолжавшейся постоянно болѣе двухъ-сотъ лѣтъ; людьми, которые, по-крайней-мѣрѣ, не были дикарями, видали кое-что на своемъ вѣку, имѣли нѣкоторыя географическія и этнографическія свѣдѣнія.

6. Что на пространствѣ помянутыхъ губерній были города, не въ смыслѣ огороженныхъ, укрѣпленныхъ мѣстъ, а въ значеніи торговыхъ поселеній, которыя пользовались извѣстною безопасностію, и въ которыхъ развиты были первыя начала гражданскаго благоустройства.

7. Что къ востоку отъ Россіи обиталъ на Волгѣ народъ Булгаре, который также имѣлъ города, управлялся независимыми владѣльцами, исповѣдывалъ исламъ, билъ свою монету, находился въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Саманидскими владѣніями, въ связяхъ съ главами Мусульманскаго Востока, халифами Багдадскими, и служилъ жителямъ Россіи посредникомъ въ торговлѣ съ за-Каспійскими Азіятцами.

8. Что въ первой половинѣ XI вѣка, произошли какіе-нибудь сильные перевороты, въ-слѣдствіе которыхъ торговля эта вдругъ прекратилась, или измѣнилась въ основаніяхъ.

Спрашиваемъ: развѣ перечисленные результаты, извлеченные изъ совокупнаго изученія монетъ и мѣстностей находокъ, равно-какъ и дальнѣйшіе выводы изъ этихъ первыхъ результатовъ, сдѣланные логически, на основаніи общихъ законовъ развитія народовъ, можно оспаривать съ добросовѣстностію? Смѣю думать, что нѣтъ. А много-ли такихъ *неоспоримыхъ* данныхъ о временахъ отъ исхода VIII по XI вѣкъ, представляютъ намъ другіе, извѣстные

доселѣ источники нашей исторіи? Единственный туземный источникъ, лѣтопись, приписываемая преподобному Нестору, принимая даже, что она дѣйствительно написана имъ въ томъ видѣ, въ какомъ дошла до насъ, и писана въ первыхъ годахъ XII вѣка, а не позже, получила слѣдовательно существованіе черезъ 250 лѣтъ послѣ древнѣйшаго событія въ Россіи, о которомъ упоминаетъ хронологически, а это древнѣйшее, которымъ начинается въ ней исторія Русскаго Сѣвера, по-крайней-мѣрѣ, полувѣкомъ моложе тѣхъ, о которыхъ узнаемъ изъ монетъ. При этомъ не худо припомнить и то, что древнѣйшій списокъ помянутой лѣтописи, какой мы доселѣ имѣемъ (Пушкинскій или Лаврентьевскій), относится ко второй половинѣ XIV вѣка (1377 году), писанъ слѣдовательно черезъ *пять вѣковъ* послѣ древнѣйшихъ событій, упоминаемыхъ лѣтописью. Гдѣ-же было лѣтописцу, монаху, сидя въ Кіевѣ, знать съ достовѣрностью о томъ, что за 250 лѣтъ дѣлалось въ Новѣгородѣ и на Бѣло-Озерѣ? Источниками его, за исключеніемъ Византійскихъ, и пожалуй Болгарскихъ хронографовъ, могли быть лишь преданіе, да пѣсни историческія — «слова», а извѣстно сколько въ источникахъ этого рода къ дѣйствительности примѣшивается вымыслу, какъ измѣняются и преобразуются они въ устахъ народа, временемъ, однимъ временемъ! Еще менѣе достовѣрны, въ отношеніи къ нашей исторіи, саги Исландскія, которыя слагались часто Богъ-вѣсть кѣмъ, перелагаемы были въ прозу изъ пѣсенъ, и съ устъ передавались письменамъ черезъ нѣсколько вѣковъ по смерти творцовъ своихъ. Такъ важнѣйшая для насъ изъ извѣстныхъ доселѣ сагъ, Еймундова, преобразилась въ сагу изъ пѣсни, списана на бумагу въ XIII, и имѣется лишь въ рукописи XIV вѣка. Извѣстія о Россіи Мусульманскихъ путешественниковъ X вѣка относятся только къ этому времени, а не восходятъ выше, къ тому-же собраны ими не на мѣстѣ, и не отличаются ни подробностью, ни точностью. Нѣмецкіе хроникеры почти вовсе не упоминаютъ объ насъ до XI вѣка; а Византійскіе писатели начинаютъ знать о Руси тоже не ранѣе, какъ съ половины IX вѣка. Перебирая такимъ-образомъ источники древнѣйшей отечественной исторіи, я вовсе не имѣю въ-виду унизить ихъ достоинство, чтобы возвысить этимъ цѣнность того, который выводится на-свѣтъ мною; я очень далекъ отъ этой мысли: всѣ они болѣе или менѣе важны, всѣ, болѣе или менѣе, могутъ итти въ дѣло при возсозданіи

нашей древнѣйшей исторіи, и многіе гораздо болѣе, чѣмъ монеты, о которыхъ идетъ рѣчь; цѣль моя въ этомъ случаѣ — выказать превосходство свѣдѣній, извлекаемыхъ изъ сего послѣдняго источника, предпочтительно передъ другими въ одномъ только отношеніи, — въ отношеніи ихъ *достовѣрности, неоспоримости*. А это достоинство такъ важно вообще, и относительно древнѣйшей Русской исторіи въ-особенности, что нельзя не выставить его сколь можно рельефнѣе: разумъ человѣческій такъ склоненъ къ сомнѣнію, что слыша дѣйствительно правду, готовъ часто не вѣрить ей и сомнѣваться, потому-только, что не знаетъ, *какъ* дошла до него эта правда, *какимъ образомъ* могла она дойти правдой, когда всякая правда обростаетъ отъ времени ложью, столь-же необходимо, какъ камень мхомъ. Итакъ, по степени достовѣрности, свѣдѣнія, сообщаемыя монетами имѣютъ неоспоримое преимущество предъ сказаніями, заимствуемыми изъ другихъ извѣстныхъ источниковъ, потому–что свидѣтели наши не старецъ Янъ, не наемные Варяги Біорнъ и Гарда–Кетилль съ товарищи, сгнившіе со всѣми праправнучатами, а имѣются на лицо, и могутъ быть спрошены *всякимъ*, и отвѣтятъ ни болѣе, ни менѣе того, сколько могли отвѣтить за тысячу лѣтъ назадъ. Имѣютъ преимущество эти свѣдѣнія и потому еще, что восходятъ въ древность, по–крайней–мѣрѣ, на полвѣка глубже, чѣмъ самыя раннія сказанія Византійцевъ и Несторовой лѣтописи, не говоря уже о прочихъ. Стало–быть мы правы, полагая, что монеты о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ служить краеугольнымъ камнемъ древнѣйшей Русской исторіи.

Далѣе. Пусть данныя, сообщаемыя монетами, были–бы даже мелочны и не новы; все-бы онѣ имѣли большую цѣну по своей неоспоримой достовѣрности: по одному этому могли-бы онѣ служить *опорою* шаткимъ сказаніямъ лѣтописей, сагъ и тому подобныхъ источниковъ. Знанія наши не увеличились–бы ничѣмъ новымъ, но мы узнали–бы *нѣчто несомнѣнно достовѣрное*, а въ настоящихъ обстоятельствахъ такое «нѣчто» надлежитъ почитать большимъ пріобрѣтеніемъ. Но заслуга нашихъ находокъ передъ исторіею далеко не такъ ограничена: къ великому достоинству несомнѣнной достовѣрности своихъ показаній онѣ присоединяютъ еще и другія немаловажныя: *новость* и *цѣнность*. Обо многомъ изъ того, что повѣдали намъ находки, развѣ знали мы изъ другихъ источниковъ? Развѣ лѣтописи, саги, записки путешественниковъ и т. п. говорятъ о такой

обширной и долговременной торговлѣ, существованіе какой въ Россіи, съ исхода VIII по начало XI столѣтія, открылось изъ монетъ; о такихъ постоянныхъ связяхъ ея съ Востокомъ и Западомъ, въ теченіе болѣе двухъ-сотъ лѣтъ, какія предполагаетъ эта торговля? Развѣ Россія представлялась намъ въ этихъ лѣтописяхъ, сагахъ и запискахъ такою, какою должна быть, по монетамъ? Развѣ заикнулся хоть одинъ извѣстный источникъ о великомъ переворотѣ, вслѣдствіе котораго около половины XI вѣка пресѣклась, или приняла другой видъ, торговля Азіятская на востокѣ и сѣверѣ Европы? Нѣтъ. Извѣстно было, правда, съ одной стороны изъ сагъ и сѣверныхъ лѣтописцевъ, что ѣздили Норманны въ Гардарикъ и Біармію для торговли; извѣстно было съ другой, изъ Арабскихъ путешественниковъ и географовъ, что купцы какого-то народа Русь, жившаго на островѣ, краснорожіе и крайне неопрятные, пріѣзжали въ Итиль къ Хазарамъ съ товарами, и что Булгаре торговали въ-молчанку съ Вису, въ землѣ мрака; да развѣ это то-же, что говорятъ находки? Развѣ изъ этихъ отрывочныхъ, неточныхъ сказаній можно было видѣть всю значительность, древность и обширность торговли Русской, которыя открылись намъ изъ находокъ? Итакъ свѣдѣнія, сообщаемыя находками, *дополняютъ* сказанія другихъ источниковъ фактами *новыми*, о которыхъ источники эти не доставляютъ, большею частію, никакого понятія; мало того: освѣщая множество явленій въ исторіи отношеній жителей Россіи къ Востоку и Западу, явленій темныхъ и непонятныхъ безъ этого свѣта, они, свѣдѣнія эти, *дополняютъ* часто отрывочныя и безсвязныя сказанія другихъ источниковъ самымъ важнымъ — *смысломъ* и *связью!*

Много-бы можно было перечислить въ тѣхъ или другихъ источникахъ разныхъ сказаній, которыя *объясняются* изъ свѣдѣній, доставляемыхъ находками, указать на многія темныя явленія, озаряющіяся теперь этимъ новымъ подземнымъ свѣтомъ, да это завело-бы насъ слишкомъ далеко: ограничимся немногими, первыми, какія приходятъ на память. Послѣ того, что узнали мы изъ находокъ, намъ понятно, на-примѣръ, вслѣдствіе чего, посреди непроходимыхъ лѣсовъ и топкихъ болотъ Россіи, преимущественно западной, могли возникнуть города, о которыхъ Несторова лѣтопись упоминаетъ современно съ рожденіемъ Руси: Муромъ, Ростовъ, Бѣлозерскъ, Новгородъ, Смоленскъ, Изборскъ, Черниговъ, Любечъ, Овручъ, Коростенъ, Полоцкъ; почему Новгородская

сага о призваніи Чудью и Славянами трехъ братьевъ Варяговъ, сага, сохранившаяся въ лѣтописи Нестора, разсадила братьевъ въ Ладогѣ, Бѣлозерскѣ и Изборскѣ[163]; откуда проистекало благосостояніе и богатство Трузо, Юлина, Висби и другихъ городовъ Славянъ при-Балтійскихъ — богатство, которому не могли надивиться западные лѣтописцы; чѣмъ могла существовать торговля въ Біарміи; какъ могъ Св. Олафъ закупать для себя дорогія ткани въ Гольмгардѣ[164]; какимъ путемъ зашли въ Маинцъ Саманидскіе диргемы Насра сына Ахмедова, и Индійскіе товары, каковы перецъ, инбирь, гвоздика, нардъ и другіе, которые, въ концѣ XI столѣтія, видѣлъ тамъ съ удивленіемъ Испанскій Арабъ Абу-Бекръ Тортуши[165]; и какимъ образомъ могли имѣть Арабскіе географы тѣ свѣдѣнія о торговыхъ городахъ Балтійскаго-Моря, которыя у нихъ находимъ[166]. Извѣстія этихъ географовъ о торговлѣ Руси въ Хазаріи[167] получаютъ новый видъ и цѣну; проблематическое существованіе торговыхъ связей съ Славянами при-Балтійскими становится несомнѣннымъ; а съ-тѣмъ-вмѣстѣ большое вѣроятіе получаетъ предположеніе, что въ числѣ Норманновъ, опустошавшихъ въ IX вѣкѣ берега Франціи, Испаніи и Африки, были и жители Россіи. Такъ Могилевскую находку (№ 69) очень можно считать однимъ изъ памятниковъ счастливаго разбоя какого-нибудь Кривичскаго витязя, громившаго, въ числѣ другихъ, Испанскія и Африканскія владѣнія халифовъ.

Остановимся здѣсь. Нельзя сказать, чтобы изъ разсмотрѣнія находокъ мы вывели мало результатовъ; но то-ли еще, и съ гораздо-большею опредѣлительностью, можно было-бы вывести, если-бъ мы имѣли ихъ болѣе, и притомъ описанныхъ удовлетворительно; находокъ, о которыхъ-бы извѣстно было: въ какомъ, или близъ какого урочища онѣ сдѣланы; найдены-ли монеты просто подъ землею, подъ камнемъ, подъ деревомъ, или въ сосудѣ и т. п.; какимъ династіямъ онѣ принадлежатъ, въ какихъ городахъ, и какихъ годахъ

---

[163] *Несторъ*, по Кенигсбергскому списку, стр. 16.

[164] *Снорре Стурлезонъ*, I, 449, у *Круга*, въ Крит. разъиск. стр. 123.

[165] Beleuchtung der merkwürdigen Notiz eines Arabers aus dem XI Jahrhundert über die Stadt Mayuz, *Френа*, въ Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St.-Pétersbourg, 6-me serie, Vol. II, p. 87.

[166] *Размуссенъ:* De orientis commercio. p. 46 et seq.

[167] *Френа* Ibn-Foßlan's und anderer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit. St.-Petersburg. 1823.

биты, или, по-крайней-мѣрѣ, къ какому году относится самая древняя, къ какому самая поздняя изъ нихъ, и между какими годами бито большинство; относительно металла — золотыя онѣ, серебряныя, или мѣдныя; относительно вида — цѣлыя или обломанныя, стертыя или хорошо сохранившіяся, и не носятъ-ли на себѣ какихъ особенныхъ знаковъ: дырочекъ, наскобленныхъ рунъ, и т. п. Если съ этими Восточными найдены вмѣстѣ какія-либо другія монеты иноземныя, на-примѣръ Византійскія, Англосаксонскія[168], надлежало-бы знать и объ нихъ тѣ-же самыя обстоятельства; а если вещи — то металлическія онѣ, каменныя, или изъ другаго-какого матеріяла, ихъ назначеніе, форму, вѣсъ и т. п. Изъ числа извѣстныхъ находокъ очень немногія описаны съ такою точностью и подробностью.

Наконецъ, независимо отъ недостаточности свѣдѣній, которыя имѣемъ мы о большинствѣ извѣстныхъ находокъ, я не могъ представить здѣсь дѣла объ нихъ столь удовлетворительно, какъ-бы желалъ, и потому еще, что не имѣлъ возможности прочитать многаго изъ писаннаго объ этомъ предметѣ въ Швеціи и Германіи, долженъ былъ полагаться нерѣдко на чужія

---

[168] Византійскія, Англосаксонскія и Нѣмецкія монеты, современныя многоупомянутымъ Восточнымъ, находятъ у насъ нерѣдко въ значительномъ количествѣ, не только вмѣстѣ съ послѣдними, но и отдѣльно; первыя наиболѣе по Днѣпру и даже до Волги (немалое число ихъ найдено было близъ Пскова. *Шодуаръ*: Aperçu sur les monnaies russes. I, 56); вторыя и третьи — частію въ западныхъ, преимущественно-же въ сѣверныхъ, за-Московскихъ, губерніяхъ; но объ этихъ находкахъ мы вовсе не имѣемъ точныхъ свѣдѣній, а не худо-бы и на нихъ обратить вниманіе: судя по аналогіи, ближайшее изученіе ихъ также могло-бы обогатить насъ какими-нибудь немаловажными результатами для древнѣйшей отечественной исторіи. Въ этомъ отношеніи многаго можно ожидать въ-особенности отъ Англосаксонскихъ: нѣтъ сомнѣнія, что праотцы наши были знакомы съ ними очень издавна, можетъ-быть даже ранѣе, чѣмъ съ Восточными. Это убѣжденіе основываю я на томъ, что древнѣйшее иноземное названіе звонкой монеты на Руси, встрѣчающееся въ Несторовой лѣтописи, есть Англосаксонское, *шелягъ*, scylling (лѣтоп. *Нестор.* подъ 883 и 964 годами); всѣ-же народы, какъ доказываетъ сравнительная филологія, крестятъ вещь тѣмъ именемъ, какимъ называлась она на языкѣ націи, отъ которой они впервые узнали объ ней, или научились ея употребленію. Что «шелягъ» или «шлягъ» лѣтописи означаетъ «звонкую монету», а не мѣру хлѣбную, не мѣхъ, или иное-что, я нимало не сомнѣваюсь. Сомнѣваться въ этомъ можно было только покуда думали, что въ IX и X вѣкахъ не было звонкой монеты въ за-Днѣпровской Руси; теперь-же, когда находками Восточныхъ и другихъ монетъ неопровержимо доказано противное, объясненіе этого слова въ лѣтописи не представляетъ болѣе прежнихъ затрудненій. Если «шеляги», которыми платили дань Вятичи и Радимичи, и не были монетою Англосаксонскою, такъ могли быть Азіятскими диргемами. Мое мнѣніе то, что слово «шелягъ» означало Англосаксонскую монету только первоначально, въ-послѣдствіи-же значеніе его могло быть распространено вообще на металлическія деньги, какому-бы народу онѣ ни принадлежали, и какое-бы имя ни носили въ своемъ отечествѣ. — Любопытно было-бы также имѣть свѣдѣнія, находятъ-ли далеко внутри Россіи монеты Греческія и Римскія, отрываемыя иногда, по словамъ *Лелевеля*, въ Литвѣ, Украйнѣ и Подоліи (Numismatique du moyen âge, II, 77 и 80).

ссылки, не имѣя средствъ повѣрить ихъ. Во всякомъ случаѣ, съ меня довольно и того, что я, первый изъ Русскихъ, обращаю вниманіе соотечественниковъ на этотъ новый источникъ нашей исторіи, и что способъ объяснять находки изъ нихъ-же самихъ, не былъ никѣмъ доселѣ употребленъ, сколько я знаю.

Тысячи находокъ должны были погибнуть неописанными, безъ слѣда и памяти; но почва Россіи и при-Балтики не истощилась еще этими Восточными сокровищами: каждый годъ почти отрываются десятки новыхъ. Чѣмъ жалѣть о невозвратимомъ, лучше стараться о сохраненіи того, что еще можетъ найтись, и я льщу себя надеждою, что настоящее изслѣдованіе не останется безъ содѣйствія къ обращенію бо̀льшаго вниманія на этѣ и другія находки древностей подобнаго рода, и спасетъ отъ огня хоть нѣкоторыя. Hoc erat in votis. Хорошо, если-бы со временемъ онѣ привели къ какимъ-нибудь новымъ историческимъ открытіямъ, и къ скромному желанію, теперь нами высказанному, можно было прибавить вмѣстѣ съ Гораціемъ:

Auctius atque
Di melius fecêre.

В. Григорьевъ.
д. ч. о.

II.

ИСТОРІЯ.

О ЧИСЛѢ РУССКАГО ВОЙСКА,

ЗАВОЕВАВШАГО БОЛГАРІЮ,

И СРАЖАВШАГОСЯ СЪ ГРЕКАМИ ВО ѲРАКІИ И МАКЕДОНІИ,

въ 967 — 971 годахъ (1).

Расказы древнихъ писателей и Византійскихъ хронографовъ, въ которыхъ они исчисляютъ количество своихъ враговъ, казались намъ всегда незаслуживающими ни малѣйшаго довѣрія. Въ этомъ отношеніи Варяжскій періодъ въ-особенности, обращалъ на себя наше вниманіе. Норманны, какъ извѣстно каждому, читавшему исторію западной и южной Европы, отличаются отъ другихъ воинственныхъ народовъ именно тѣмъ, что всѣ ихъ предпріятія совершались весьма малыми средствами. Зная это, можно-ли вѣрить Византійцамъ, которые насчитываютъ у Игоря 15,000 кораблей, и у Святослава, въ Болгаріи, до 700,000 воиновъ? Эти показанія враговъ древней Руси, не только до-сихъ-поръ ни кѣмъ не опровергнуты, но даже буквально приняты Шлецеромъ въ его критическій разборъ древняго періода Русской исторіи [1]. Всѣ наши историки: Ломоносовъ, Елагинъ, Татищевъ, Эминъ, Штриттеръ, Арцыбышевъ, даже самъ

[1] См. *Шлецерова* Несторъ (Русскій переводъ). III. 48, 501, 543, 555, 557, 558, 567 и 600.

Карамзинъ[2] вѣрятъ этому и выставляютъ въ своихъ сочиненіяхъ показанія Византійцевъ, не обсудивъ ихъ критически. Подобныя заблужденія могутъ перейти и къ будущимъ нашимъ историкамъ, ибо самое ложное показаніе, повторяясь безпрекословно, въ продолженіи сотни лѣтъ, весьма часто обращается въ аксіому. Въ-слѣдствіе этого мы излагаемъ здѣсь мнѣніе наше о количествѣ Русскихъ войскъ, завоевавшихъ Болгарію и сражавшихся съ Цимисхіемъ во Ѳракіи и Македоніи. Мы думаемъ также, что не обсудивъ предварительно разныхъ темныхъ мѣстъ въ нашихъ лѣтописяхъ, не можемъ и ожидать полной критической исторіи древней Руси.

Святославъ, отправляясь изъ Кіева, для нападенія на Болгаръ, имѣлъ, по словамъ Льва-Діакона (II), «*шестьдесятъ-тысячъ* храбрыхъ воиновъ, кромѣ находившихся при охраненіи тяжестей ополченія»[3]. Изъ этого числа «Руссы потеряли болѣе 20,000 подъ Адріанополемъ»[4]. Въ первомъ сраженіи подъ Преславою убито до «8,500 человѣкъ»[5]; на другой день, «болѣе 7,000 Руссовъ, вышедшихъ изъ Царскаго Двора, всѣ были побиты Греками, кромѣ Болгаръ, которыхъ много также пало при взятіи города, и Сфенкелъ съ немногими ушелъ къ Святославу»[6]. Слѣдовательно, при потерѣ Преславы, Руссы лишились одними убитыми 15,500 воиновъ, кромѣ попавшихся въ плѣнъ: приложа къ нимъ 20,000, которые были убиты подъ Адріанополемъ, получимъ итогъ потери Руссовъ (прибавя къ нему хотя 500 взятыхъ въ плѣнъ) 36,000 ратниковъ. Вычтя это число изъ 60,000, бывшихъ у Святослава при началѣ войны, останется у него еще 24,000 войска для защиты Доростола, если не полагать въ счетъ ни раненыхъ, ни умершихъ въ продолженіе пяти лѣтъ. Но у Льва-Діакона число показанныхъ имъ Руссовъ, при началѣ войны, не смотря на всѣ этѣ

---

[2] Исторія Государства Россійскаго, второе изданіе, Т. I, стр. 130. «Днѣпръ покрылся 2000 судовъ; на всякомъ было 40 воиновъ; конница шла берегомъ» (слѣдовательно около 100,000 ратниковъ). Стр. 147: «Игорь съ 10,000 судовъ вошелъ въ Черное-Море» Стр. 173: «Святославъ съ 60,000 воиновъ явился на Дунаѣ.» — Подъ Доростоломъ у него опять 60,000, кромѣ убитыхъ близъ Адріанополя и погибшихъ 16,000 въ Переяславцѣ (стр. 184–185). Ломоносовъ насчитываетъ у Святослава до 380,000 воиновъ!

[3] *Leonis diaconi* historiae. Lib. V, c. 2, p. 77.

[4] Ibid. Lib. V c. I, 13, p. 111. [5] Ibid. Lib. VIII, c. 4, p. 134. [6] Ibid. Lib. VIII, c. 7, p. 137.

имъ-же исчисленныя потери, всегда остается неизмѣнно и, подъ Доростоломъ, онъ опять насчитываетъ у Святослава тѣ-же 60,000, съ которыми Русскій князь отправился изъ Кіева[7]. Близъ Доростола происходило нѣсколько сраженій и тутъ Левъ-Діаконъ, не исчисляетъ убитыхъ Руссовъ, до послѣдней битвы, въ продолженіе которой непріятель лишился, какъ онъ говоритъ, 15,000[8] воиновъ. Слѣдовательно должно-бы остаться у Святослава еще около 40,000, полагая его потерю, примѣрно, въ 5,000 въ первыхъ сраженіяхъ подъ Доростоломъ. Но по Льву-Діакону остается не болѣе 22,000 живыхъ Руссовъ, ибо только на это число отпускаетъ продовольствіе императоръ Іоаннъ[9]. При исчисленіи всей потери, послѣ заключеннаго мира, Левъ-Діаконъ полагаетъ, что Руссы всего лишились 38,000 воиновъ[10], забывая, вѣроятно, что онъ уже почти такое-же число непріятелей уничтожилъ своими показаніями отъ начала войны до прибытія Іоанна подъ Доростолъ.

Всѣ эти исчисленія, конечно, такъ нелѣпы, что не могутъ выдержать простой повѣрки числъ, и сами себя опровергаютъ. Что-же мы, послѣ этого, должны сказать о показаніяхъ Кедрина и Зонары? Тутъ нелѣпость выходитъ уже изъ всѣхъ предѣловъ. У Кедрина подъ Адріанополемъ 308,000 Руссовъ[11], подъ Доростоломъ 330,000[12], не говоря объ убитыхъ, взятыхъ въ плѣнъ и сгорѣвшихъ въ Преславѣ, примѣрно до 12,000[13], и другихъ Руссахъ, нападшихъ на Македонію[14], такъ-что нашъ Византіецъ насчитываетъ едва-ли не до 700,000 враговъ въ эту войну. Греки потеряли, по его словамъ, не болѣе 25 человѣкъ убитыхъ подъ Адріанополемъ, а Руссы были почти всѣ убиты (ш), т. е. 308,000 человѣкъ[15]. У Доростола 300 Грековъ разбиваютъ семитысячный отрядъ Руссовъ[16]. Эта нелѣпость однако-же еще удвоивается, по выпискамъ, помѣщеннымъ у Шлецера, изъ которыхъ открывается, что Руссы, въ первый только день, у Преславы, потеряли убитыми *пять-сотъ-восемь-тысячъ человѣкъ*[17]! Къ несчастію, наши лѣтописи не

[7] *Leonis diac.* Lib. VIII, c. 10, p. 139. [8] Ibid. Lib. IX, c. 10, p. 155. [9 10] Ibid. Lib. IX, c. 11, p. 156.
[11] *G. Cedreni* compendium historiarum. II, 522.
[12] Ibid p. 528, [13] Ibid. p. 526—528. Венец. изд.
[14] *Leonis diaconi* historiae. Lib VII, c. 9, p. 126.
[15] *Cedreni*, p. 524 Вен. изд. [16] Ibid. p. 528.
[17] *Шлецера* Несторъ, Русскій переводъ. III, 555.

объявляютъ о числѣ войска, отправившагося изъ Кіева, съ Святославомъ, для нападенія на Болгарію; а Византійцамъ, какъ мы уже видѣли, нельзя вѣрить. Во всякомъ случаѣ краткія слова лѣтописца: «иде Святославъ на Дунаи и на Болгари» (IV), доказываютъ, кажется, что нападеніе на Болгарію было первоначально не что другое, какъ обыкновенный набѣгъ Варяжскій для полученія добычи, и сверхъ-того, тѣмъ-менѣе обдуманный и приготовленный, что великій князь тутъ дѣйствовалъ не отъ своего лица, а какъ наемникъ, получившій уже впередъ плату за грабежъ[18], который, кромѣ-того, Руссы имѣли еще въ-виду. Едва-ли исторія можетъ представить намъ, въ продолженіе всего Норманскаго періода, другое выгоднѣйшее предпріятіе сего рода для тогдашнихъ Руссовъ. Расходы для снаряженія войска и судовъ были заплачены изъ чужаго кармана наличными деньгами, а предполагаемая добыча составляла уже чистую прибыль. Оттого-то Святославъ такъ скоро и согласился на это предложеніе и почиталъ Калокира, привезшаго ему деньги[19], своимъ другомъ (V). Не имѣя, такимъ образомъ, положительныхъ фактовъ, на которыхъ мы могли-бы основаться при исчисленіи войскъ, напавшихъ на Болгарію, посмотримъ, какъ велико было ополченіе Руссовъ во время прежнихъ войнъ съ Царьградомъ.

Мы находимъ, въ нашихъ лѣтописяхъ, три нападенія на Восточную Имперію, предшествовавшія завоеванію Болгаріи[20].

1. Руссы, подъ начальствомъ Аскольда и Дира, напали въ числѣ 200 судовъ на Царьградъ (VI). По Византійскимъ извѣстіямъ Руссы также на 200 судахъ, опустошивъ берега Чернаго-Моря и въ особенности Воспора, приступили къ Константинополю (VII), и такъ его обложили съ моря, что самъ императоръ съ великимъ трудомъ могъ пробраться въ свою столицу. Слѣдовательно это извѣстіе *о двухъ-стахъ судахъ* Русскихъ, засвидѣтельствовано, какъ нападавшими, такъ и защищавшимися, и мы можемъ назвать его «достовѣрнымъ и положительнымъ» въ отношеніи числа судовъ.

---

[18] *Leonis diaconi* historiae. Lib IV, c. 6, p. 63.

[19] Ibid. Lib. V, c. 2, p. 78.

[20] Мы не говоримъ здѣсь о четвертомъ нападеніи, т. е. второмъ походѣ Игоря противъ Грековъ, въ SYNB (Несторъ, изданный *Тимковскимъ*, стр. 19), потому-что Руссы: а) дошли только до Дуная и заключили миръ; б) въ лѣтописи не означено числа войска, набраннаго для сего похода, и в) Византійцы о немъ не поминаютъ.

2. Олегъ пошелъ воевать Восточную Имперію съ такимъ многочисленнымъ ополченіемъ, какого мы, до сей эпохи, еще не встрѣчали въ нашихъ лѣтописяхъ. «Онъ собралъ 2,000 лодокъ, изъ которыхъ на каждой было по 40 человѣкъ, всего 80,000 воиновъ пѣшихъ, и сверхъ-того конница шла берегомъ: числа̀ сей послѣдней лѣтописецъ нашъ не объявляетъ». Такъ говоритъ Карамзинъ [21], основываясь на нашихъ лѣтописяхъ (VIII); но дѣло въ-томъ, что показаніе сорока человѣкъ на каждую лодью не есть расказъ самого лѣтописца о числѣ воиновъ Олеговыхъ, а помѣщено при слѣдующемъ обстоятельсвѣ: «И убояшась Грецы ..... і заповѣда Олегъ дань дати на ҂В҃ караблей, по ВІ гривенъ на человѣка, а въ корабли по М҃ мужей» (IX). Теперь ясно, что показаніе о сорока воинахъ на каждую лодью, при требованіи дани, конечно могло быть весьма увеличено (можетъ быть удвоено) побѣдителемъ, и Греки не могли и не смѣли опровергнуть этого, самимъ Олегомъ назначеннаго, числа его ратниковъ. Это было просто означеніе количества требуемой дани, а не исчисленіе воиновъ Олеговыхъ. Мы знаемъ, что и Святославъ, когда Греки спрашивали у него, при подобномъ обстоятельствѣ, о числѣ его Руссовъ, прибавилъ ровно половину, сверхъ наличнаго числа своихъ ратниковъ (X). Знаемъ также, что Руссы брали дань и на умершихъ и убитыхъ (XI). Вотъ-почему мы и не можемъ принять мнѣнія Карамзина о числѣ воиновъ, отправившихся съ Олегомъ подъ Царьградъ. Мы даже не можемъ согласиться и на двѣ-тысячи судовъ, показанныхъ въ нашихъ лѣтописяхъ, по той причинѣ, что находимъ это извѣстіе записаннымъ только во временникахъ нападавшихъ и лишены возможности повѣрить его словами защищавшихся (XII). Но если-бъ мы и приняли вышеприведенное число кораблей и воиновъ (до 100,000, а по Архангельскому списку 400,000) за настоящее, то и допустивъ это, намъ нельзя будетъ поставить Олеговой войны противъ Восточной Имперіи, въ счетъ обыкновенныхъ ополченій Руссовъ и Норманновъ при ихъ нападеніяхъ на непріятельскія земли. Предпріятіе Олега противъ Византіи было, по словамъ и однихъ нашихъ лѣтописей, что-то необычайное, и мы, ни прежде, ни послѣ, не находимъ ничего подобнаго. Лѣтописецъ точно въ такомъ видѣ описываетъ намъ это ополченіе. «Олегъ ....

---

[21] Исторія Государства Россійскаго. I, 130. Изданіе второе.

поятже ссобою множество Варягъ и Словенъ і Чудь и Кривичь и Мерю и Поляне и Северы и Древляны і Радимичи і Вятичи и Хорваты и Дулѣбы и Тиверцы ..... на конехъ і вкараблехъ», и проч.[22], между-тѣмъ-какъ о прежнихъ и послѣдующихъ походахъ онъ говоритъ въ двухъ словахъ: «Аскольдъ и Диръ, оступиша Царьградъ; иде Игорь на Греки; иде Святославъ на Дунаи и на Болгары», и при подобныхъ набѣгахъ, не исчисляетъ народовъ, составлявшихъ войска этихъ князей. Ясно, что война Олега противъ Грековъ была предпріятіе, затѣянное въ большомъ размѣрѣ. Тутъ исчислены не только всѣ народы, составлявшіе тогда владѣнія Руссовъ, отъ Финскаго залива до кочевьевъ Печенѣжскихъ, но даже и непринадлежавшіе имъ и, вѣроятно, нанятые для этого огромнаго предпріятія. Это было что-то похожее на народное переселеніе. Олегъ, можетъ-быть, хотѣлъ завоевать Греческую Имперію и переселиться въ Византію, подобно-тому, какъ онъ перенесъ свою столицу съ береговъ Балтійскаго-Моря въ Кіевъ, откуда уже имѣлъ свободный водяной путь въ Черное-Море (xiii). Олегъ при своей арміи имѣлъ и конницу, которой никогда ни Руссы, ни Норманны не имѣли при обыкновенныхъ своихъ нападеніяхъ. У Святослава, въ Болгаріи, также не было конныхъ воиновъ, и Византійцы рѣшительно свидѣтельствуютъ, что Руссы не умѣли сражаться на лошадяхъ[23]. По всѣмъ этимъ причинамъ мы не можемъ принять въ счетъ многочисленнаго войска Олегова (по тогдашнему народонаселенію Руси), при соображеніи числа воиновъ, которое могъ имѣть Святославъ, отправляясь изъ Кіева для наказанія Болгаръ, по договору, заключенному съ императоромъ Никифоромъ.

3. Количества войскъ и кораблей, собранныхъ Игоремъ, для нападенія на Царьградъ, лѣтописецъ намъ не объявляетъ; а говоритъ только, что «послаша Болгаре вѣсть ко Царю, яко идутъ Русь на Царьградъ скѣдии ї тысящь»[24]. Это не положительное извѣстіе о числѣ отправившихся судовъ изъ Руси, а только одно предположеніе Болгаръ, которые не могли знать настоя-

---

[22] Лѣтопись по Никоновскому списку. I, 29. Тѣ-же народы исчислены въ Радзивиловскомъ, стр. 23–24, и въ другихъ.

[23] *Leon, diac.* historia. L. IX, c. I, p. 143. *Cedren.* II, 529.

[24] Несторъ, изд. *Тимковскимъ*, стр. 18, и другіе списки.

щаго количества войскъ Игоря, и сверхъ-того взятое цѣликомъ изъ Византійскихъ извѣстій, какъ доказываетъ расказъ о семъ походѣ, слово-въ-слово переведенный съ Греческаго нашимъ или Болгарскимъ лѣтописцемъ (xiv). И самое названіе судовъ, всегда извѣстныхъ у Нестора подъ словомъ корабли (лодья), вдругъ, при этомъ описаніи, измѣняемое въ «скѣдіи», также указываетъ на источникъ Византійскій (xv). Но и Греческіе лѣтописатели не всѣ насчитываютъ у Игоря 10,000 однодеревокъ: Левъ-Грамматикъ именно говоритъ, что Руссы, напавшіе на Царьградъ, въ 941 году, имѣли не болѣе десяти-тысячъ воиновъ[25], а Ліутпрандъ полагаетъ у нихъ только «слишкомъ тысячу судовъ»[26], а не десять и даже пятнадцать-тысячъ однодеревокъ, какъ расказываютъ Зонара[27] и Кедринъ[28]. Мы уже видѣли выше, сколь мало можно положиться на слова сихъ двухъ Византійцевъ, и какъ они, при описаніи Болгарской войны, насчитываютъ до 700,000 войска у Святослава.

Итакъ изъ всѣхъ трехъ нападеній Руссовъ на Восточную Имперію, мы можемъ принять въ соображеніе только одинъ походъ Аскольда и Дира, въ которомъ число судовъ есть фактъ положительно засвидѣтельствованный, какъ нашими, такъ и Греческими лѣтописями. Этотъ фактъ доказываетъ намъ, что, если Руссы, въ половинѣ IX вѣка, могли на двухъ-стахъ судахъ опустошить всѣ окрестности Царьграда, выжечь берега по обѣимъ сторонамъ Ѳракійскаго Воспора, войти безпрепятственно въ самую гавань, разграбить имущество Византійцевъ, въ-виду столицы и самого императора, въ ней находившагося, и даже вѣроятно, овладѣли-бы частію Византіи, если-бы вдругъ поднявшаяся буря не разсѣяла ихъ челноковъ[29], то и Святославу не нужно было болѣе этого числа лодокъ для похода на Дунай, который гораздо ближе къ Днѣпровскому лиману, чѣмъ Царьградъ. И самое плаваніе изъ Днѣпра въ Дунай было несравненно легче, и могло гораздо скорѣе совершиться, чѣмъ походъ подъ Константинополь. Набѣгъ на Болгарію былъ первоначально не что другое,

---

[25] *Leonis Grammatici* Chronographia. p. 401. Венец. изд.

[26] *Карамзинъ:* Исторія Государства Россійскаго. I, прим. 341. Второе изданіе.

[27] *Zonorae* Annales. II, 150. Вен. изд.

[28] *Cedren.* II, 493. Вен. изд.

[29] См. примѣчаніе VII.

какъ исполненіе принятаго Святославомъ на себя порученія наказать Болгаръ, то есть нечаянно напасть на нихъ, ограбить, разорить, выжечь и возвратиться домой, а для этого и въ наше время партизанамъ даютъ небольшіе отряды.

Руссы, при нападеніи на Болгарію, слѣдовали, вѣроятно, правилу Норманновъ при обыкновенныхъ ихъ набѣгахъ на чужія государства: «если удастся, то ограбить, опустошить и возвратиться домой; при неудачѣ также вернуться во-свояси».

Слѣдовательно мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться на 60,000 воиновъ, будто-бы отправившихся съ Святославомъ изъ Кіева. Эти слова Льва-Діакона мы должны принять въ томъ смыслѣ, какъ разумѣемъ всѣ подобныя показанія Византійцевъ о числѣ ихъ непріятелей. Руссы отправились Днѣпромъ, Чернымъ-Моремъ и Дунаемъ. По всей этой дорогѣ имъ нельзя было грабить и имѣть продовольствіе на-счетъ земли. Оба берега Днѣпра, начиная отъ Витичева (50 верстъ ниже Кіева), были заняты кочевьями Печенѣговъ, равно также и берега Чернаго-Моря отъ лимана почти до самаго Дуная (xvi); тутъ не только Руссы не могли доставать себѣ мечемъ жизненныхъ припасовъ, но ежедневно ожидали нападенія Печенѣговъ (xvii). Плывя Дунаемъ Святославъ также, вѣроятно, не могъ останавливаться для грабежа, потому-что весь успѣхъ его набѣга зависѣлъ совершенно отъ скораго и болѣе всего нечаяннаго нападенія и разбитія Болгаръ. Какое-же огромное количество съѣстныхъ припасовъ должны были Руссы взять съ собою изъ Кіева, чтобы прокормить 60,000 воиновъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, не полагая даже въ это исчисленіе тѣхъ, которые, кромѣ носившихъ оружіе, должны были оставаться при лодьяхъ и запасахъ? Сверхъ-того, оружіе, одежда, мачты, паруса, какія-нибудь, хотя самыя простыя орудія для взятія городовъ, все это также надобно было помѣстить на тѣхъ-же однодеревкахъ. Мы знаемъ, что съ Руссами были и женщины [30], можетъ-быть и дѣти (xviii). Сколько нужно было челноковъ, чтобы перевезти все это изъ Кіева до Силистріи, и помѣстить на нихъ еще 60,000 ратниковъ? Послѣдствіемъ всего вышеписаннаго будетъ наше рѣшительное мнѣніе, что Святославъ, въ предпріятіи своемъ на Болгарію, имѣлъ такое-же

[30] *Cedren.* II, 532.

почти число лодокъ и воиновъ, съ какимъ Аскольдъ и Диръ нападали на Восточную Имперію (xix). Это наше предположеніе подтверждается и словами лѣтописца, который, при описаніи Болгарской войны, говоритъ слѣдующее: «И рѣша Грьцы ..... возьми дань на насъ, и на дружину свою, и повѣжьте ны, колько васъ, да вдамы по числу на главы. Се же рѣша Грьци, льстяче подъ Русью. И рече имъ Святославъ: есть насъ к҃ тысящь и приречe і҃ тысящь, бѣ бо Руси і҃ тысящь только», и проч.[31]. Съ этимъ числомъ Варяжскихъ храбрецовъ, закаленныхъ въ бояхъ и бывшихъ, вѣроятно, во всѣхъ прежнихъ набѣгахъ Святослава на Древлянъ, Вятичей, Хазаръ, Ясовъ, Касоговъ и проч., нашъ великій князь вошелъ въ Дунай и напалъ на Болгаръ, не ожидавшихъ этого перваго на нихъ нападенія со-стороны Руси. Болгаре, наскоро собравшіеся, при видѣ плывшихъ уже по Дунаю Руссовъ, были разбиты при самомъ выходѣ Святославова ополченія изъ лодокъ; царь Петръ (xx) вскорѣ умеръ, и остальные его воины, затворившіеся въ Доростолѣ, не имѣя предводителя, сдалися Руссамъ. Святославъ воспользовался всѣми этими обстоятельствовами и Болгарія была завоевана съ малыми средствами. Этого, конечно, при отправленіи изъ Кіева, не ожидали и сами Руссы, имѣвшіе въ-виду только одинъ грабежъ, за условленную плату. Теперь, завоевавъ столь легко обширную и плодоносную страну, Святославъ началъ уже говорить Грекамъ словами побѣдителя, и думалъ, что съ Византійцами онъ могъ столь-же легко управиться, какъ съ Болгарами. Къ этому подстрекалъ его Калокиръ, имѣвшій свои виды на Царьградъ. Послѣдствія не оправдали ожиданій Руссовъ, но Святославъ самъ, своею безпечностію и тѣмъ, что слишкомъ полагался на увѣренія хитрыхъ Грековъ, былъ виновникомъ своей неудачи. Все это мы увидимъ изъ самаго описанія войны Руссовъ противъ Болгаръ и Грековъ[32], а теперь посмотримъ, съ какими малыми средствами Норманны совершали большія предпріятія: это не будетъ чуждо нашему разсужденію и подкрѣпитъ также наше мнѣніе о числѣ войскъ завоевавшихъ Болгарію.

Годефридъ, король Даніи, Ютландіи и части Норвегіи, въ 810 году, на

---

[31] Несторъ, изд. *Тимковскимъ*, стр. 40.

[32] Описаніе войны Святослава противъ Болгаръ и Восточной Имперіи будетъ издано въ нынѣшнемъ году.

двухъ-стахъ лодьяхъ сдѣлалъ нападеніе на берега Фрисландіи, завоевалъ всю сторону до Ахена, разбилъ Фрисландцевъ, получилъ въ добычу 100 фунтовъ серебра, и намѣревался напасть на самого Карла-Великаго въ Ахенѣ, но былъ убитъ однимъ изъ своихъ приближенныхъ [33].

Въ 820 году (или вскорѣ послѣ этого) Норманны на *тринадцати судахъ* овладѣли островами Олерономъ и Ре, находящимися у береговъ Нуату и вся западная часть Франціи была ими опустошена [34].

Норманны, послѣ Фонтенейскаго сраженія, вошли въ Луару на *шестидесяти-семи судахъ*, взяли приступомъ Нантъ, заняли одинъ изъ острововъ этой рѣки, построили на немъ деревянные дома, и отсюда, долго производили свои набѣги и грабежи по всей Бретани [35].

Въ царствованіе Рамира, короля Испанскаго, Норманны уже въ другой разъ явились на Пиринейскомъ полуостровѣ [36], напали на Галицію, но были отражены жителями этой провинціи [37]. Тогда, въ числѣ тридцати-только судовъ, они вошли въ устье Гаронны, ограбили Бордо, опустошили Байонну, Олеронъ, Базасъ, Лектуръ, Даксъ, Бигорръ, Кондомъ и всю Гасконію до самой Тулузы, напали на Тарбъ, окруженный высокими стѣнами и глубокимъ рвомъ, взяли приступомъ этотъ городъ, превратили его въ пепелъ, и заняли укрѣпленное мѣсто на островѣ Гаронны. Отсюда, въ слѣдующемъ году, Норманны отправились на *пятидесяти-четырехъ лодьяхъ*, опять въ Испанію, овладѣли Лиссабономъ, вошли въ Гвадалквивиръ, заняли Севиллу (въ 844 году), прогнали Сарацынъ до Кордовы, и получили несмѣтныя сокровища [38].

Норманны, на *ста-двадцати лодьяхъ*, въ 845 году, вошли въ Сену, овладѣли Парижемъ, Бове, Сентъ-Омеромъ, и получили отъ Карла-Плѣшиваго 7,000 фунтовъ серебра, нынѣ болѣе полумилліона франковъ. Регнаръ, ихъ

---

[33] *Кругъ:* О Русскихъ монетахъ. стр. 225. *Depping:* Hist. des expéditions des Normands. I, 105–106.

[34] *Toustain-Richebourg:* Histoire de la Neustrie ou Normandie, I, 36–37. — Норманны, въ Annal. Bertin. и лѣтописи города Меца, называются «Nordliudi» — сѣверные *люди*.

[35] *Depping*, I, 127–131.

[36] Въ первое нападеніе они ограбили Севиллу въ 827 году. См. *Mariana:* Hist. d'Espagn. T. I. *Depping*, I, 110. — Норманны оставались цѣлый годъ въ Севиллѣ. *Toustain-Richeburg*, I, 37.

[37] *John Bigland:* Histoire d'Espagne, I, 84–85.

[38] *Френъ:* Bulletin de l'Académie Impériale de St.-Pétersbourg T. IV, p. 137. *Depping*, I, 131–135.

предводитель, привезъ съ собою въ Данію желѣзный гвоздь, вынутый имъ изъ «воротъ» Парижа (xxi), и показывалъ его, какъ трофей своей побѣды [39].

Сидрокъ, въ 854 году, на *ста-пяти судахъ* напалъ на западные берега Франціи, и, соединясь съ Гастингсомъ, вошелъ въ Луару, сжегъ Анжеръ, ограбилъ всю страну, взялъ Туръ, Орлеанъ, Флёри, Шабли и Оксерръ. Такимъ-образомъ Норманны производили завоеванія до самой Бургундіи и, удалясь на своихъ челнокахъ отъ морскихъ береговъ слишкомъ на 400 верстъ, опустошили самую средину населеннѣйшей части Франціи [40]. Другой начальникъ пиратовъ, Гастингсъ, оставивъ Францію (гдѣ Норманны получили 685 фунтовъ золота и 3,250 фунтовъ серебра [41]), отправился на *ста судахъ* въ Средиземное-Море, опустошилъ берега Испаніи, ограбилъ сѣверную Африку (xxii) въ 859 году, завоевалъ острова Балеарскіе, овладѣлъ городами Пизою (въ 860 году) и Луккою въ сѣверной Италіи [42]. На возвратномъ пути изъ Италіи, Гастингсъ лишился, во время сильной бури, половины своихъ кораблей. Несмотря на это, Норманны напали на южную Францію, вошли въ Рону, овладѣли Нимомъ, Арлемъ и опустошили Лангедокъ [43].

Въ 861 году, Датчане на *двухъ-стахъ лодьяхъ*, подъ предводительствомъ Веланда, вошли въ Сену, овладѣли Сентъ-Омеромъ и опустошили всю сѣверную Францію [44]. Другіе Норманны, въ это-же время, на *шестидесяти судахъ* грабили Испанію въ продолженіе цѣлаго года [45].

Лангеноръ-Лодброгъ, король Датскій, въ 865 году, на *двухъ* только большихъ судахъ, съ нѣсколькими сотнями Норманновъ, предпринялъ завоеваніе Нортумберланда [46].

Въ этомъ-же году, Бардъ на *сорока лодьяхъ*, вошелъ въ Луару, овла-

---

[39] Essai sur l'histoire de Normandie, I, 49, *Depping*, I, 136—139.

[40] *Depping*, I, 153.

[41] Полтора милліона франковъ. *Des-Michels:* Histoire du moyen âge. II, 462.

[42] *Des-Michels*, II, 457. *Depping*, I, 164—167.

[43] *Depping*, I, 175.

[44] *Круг:* О Русскихъ монетахъ. 230.

[45] *Depping*, I, 180.

[46] *Thierry:* Histoire de la conquête de l'Angleterre, I, 101—102. 4-me édition.

дѣлъ Орлеаномъ, ограбилъ всѣ окрестности, и распространилъ ужасъ до Пуатье и Мана [47].

Черезъ годъ послѣ этого, Норманны на *пятидесяти судахъ*, по теченію Сены, явились передъ Парижемъ, послали *двѣсти воиновъ* въ самый городъ добыть вина, и оставались покойными обладателями Сенъ-Дени цѣлыхъ три недѣли [48].

Въ 876 году, Норманны опять напали въ числѣ *ста судовъ* на сѣверные берега Франціи, вошли въ Сену, и безнаказанно разоряли нещастное королевство [49].

Двѣнадцать судовъ Норманскихъ считались уже достаточнымъ ополченіемъ. Такое точно число кораблей прислалъ Алфредъ, сильный король Англійскій, союзнику своему знаменитому Рольфу, будущему герцогу Норманнскому, въ силу заключеннаго съ нимъ договора [50].

Норманны, въ 988 году, на *семи судахъ* сдѣлали высадку на берега Кента, и овладѣли островомъ Тенетомъ. Въ это-же время другіе Норманны, на *трехъ* только судахъ, ограбили окрестности Сутгамптона, завоевали многія мѣста восточной Англіи, и распространили ужасъ до самаго Лондона. Король Этельридъ предложилъ имъ 10,000 ливровъ: они взяли эту сумму, оставили Англію, но вскорѣ возвратились и продолжали свои нападенія (991–993) [51].

Англійскій король Этельридъ, въ 1002 году, былъ принужденъ заплатить 24,000 фунтовъ двумъ королямъ: Датскому Свену и Норвежскому Олаву, напавшимъ на Англію съ *восьмьюдесятью лодьями*, на которыхъ Норманны вошли въ Темзу, и уже овладѣли, какъ обоими берегами рѣки, такъ и близълежащими мѣстами [52].

Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы удостовѣриться: съ какими малыми средствами Норманны производили свои нападенія на прибрежныя части всей

---

[47] *Depping*, I, 193.

[48 49 50] Ibid. I, 196—197, 212, 216.

[51] *Thierry*, I, 135–136.

[52] Ibid. I, 136–137.

Европы и даже Африки, воевали безпрепятственно болѣе ста лѣтъ во Франціи, завладѣли Фрисландіею, Нормандіею, и покорили Англію.

Впрочемъ, полагая у Святослава не болѣе 10,000 Руссовъ, мы совершенно согласны съ Византійцами въ томъ, что, завоевавъ Болгарію, онъ конечно могъ набрать вспомогательный отрядъ изъ Болгаръ, и, не имѣя собственной конницы, нанималъ Венгровъ, для набѣга на Адріанополь (XXIII).

ПРИМѢЧАНІЯ.

(I) По хронологіи Русскаго перевода исторіи Льва-Діакона, война Святослава противъ Болгаръ, была начата въ 967 году [53]. Шлецеръ полагаетъ ее въ этомъ же году (*Несторъ Шлецера, V, 128*). По списку Несторовой лѣтописи, изданному *Тимковскимъ (стр. 36)*, Святославъ отправился изъ Кіева въ 6475 отъ сотворенія міра, т. е. въ 967 году; Карамзинъ при описаніи этого происшествія выставляетъ также 967 годъ (*Исторія Госуд. Россійск. 2-е изд. I, 173*). — Мирный договоръ заключенъ въ концѣ Іюля 971 года, по нашимъ и Византійскимъ извѣстіямъ.

(II) Исторія Льва-Діакона не была извѣстна издателямъ собранія Византійскихъ историковъ; она не находится ни въ Парижскомъ, ни въ Венеціянскомъ изданіяхъ. Единственный пергаминной манускриптъ Льва-Діакона хранится въ

[53] См. Примѣчанія на IV книгу, стр. 187.

Парижской королевской библіотекѣ. Въ 1820 году былъ напечатанъ Русскій переводъ этой рукописи, по желанію и на иждивеніи графа Румянцова. Греческій подлинникъ, съ Латинскимъ переводомъ, помѣщенъ въ новомъ изданіи Византійцевъ: Corpus scriptorum historiae Byzantinae, editio emendatior et copiosior, consilio B. S. Niebuhrii C. F. instituta, pars XI. Leo Diaconus e recensione C. B. Hasii, etc. Bonae. 1828. 624 p. in 8°. Левъ-Діаконъ былъ современникъ и часто очевидецъ описываемыхъ имъ происшествій. Онъ находился въ Константинополѣ въ 966 и послѣдующихъ годахъ, а потому и могъ имѣть вѣрнѣйшія извѣстія о причинѣ, заставившей императора Никифора возбудить Святослава на Болгаръ, о завоеваніи ихъ страны Руссами и о возникшей, въ-слѣдствіе этого, новой войнѣ между Святославомъ и Греками; зналъ, вѣроятно, многія подробности этой эпохи, и описалъ ихъ добросовѣстно. Нашъ лѣтописатель былъ діакономъ при императорѣ Василіѣ, въ 981 году, и находился при осадѣ города Тріадицы [84] въ Болгарскую войну. По всему этому онъ долженъ быть предпочтенъ другимъ Византійцамъ, въ отношеніи къ описанію войны Святослава съ Болгарами и Греками, которую изобразилъ гораздо подробнѣе прочихъ своихъ соотечественниковъ. Извѣстно, что другіе, на-примѣръ Скилитцій и Зонара, много пользовались исторіею Льва-Діакона, а Кедринъ выписывалъ изъ Скилитція (см. предисловіе Газе къ изданной имъ рукописи). Лѣтопись нашего Византійца оканчивается 989 годомъ. Г. Газе, при изданіи этого сочиненія, въ отношеніи къ хронологіи Византійскихъ происшествій слѣдовалъ ученымъ замѣчаніямъ нашего академика Ф. И. Круга (помѣщеннымъ въ «Versuch zur Aufklärung der Byzantinischen Chronologie»), какъ самъ говоритъ въ своемъ предисловіи.

(III) Пораженіе Русскаго отряда подъ Адріанополемъ не могло быть столь значительно, какъ описываютъ Византійцы, ибо, немедленно послѣ этого, мы видимъ Руссовъ сильно нападающихъ на Македонію, и Левъ-Діаконъ говоритъ, что именно въ это время «предпріимчивость ихъ достигла высочайшей степени: императору предстояла отъ нихъ столь великая опасность, что онъ рѣшился собрать всѣ свои силы для отраженія побѣдоносныхъ Руссовъ» [85]. Кромѣ этого опустошенія Македоніи, мы находимъ у Льва-Діакона еще набѣгъ Руссовъ на Ѳракію, предшествовавшій позднѣйшему ихъ переходу чрезъ Емскія горы и сраженію подъ Адріанополемъ [86]. Святославъ, утвердившись въ Болгаріи и покоривъ совершенно эту страну, не оставался, конечно, спокойнымъ

[84] Тріадица: такъ называли Словене городъ извѣстный, у Грековъ подъ именемъ Σαρδική, Sardica. Теперь онъ называется Софія.

[85] *Leon. diac.* hist. Lib. VII, c. 9, p. 126.

[86] *Leon. diac.* hist. Lib. VI, c. 11, p. 107.

обладателемъ одной древней Мисіи, а вѣроятно распространялъ свои набѣги на всѣ близъ-лежащія Греческія провинціи, и тѣмъ легче, что всѣ были населены Словенами. Мы знаемъ, что многолюдный городъ Филиппополь, на границѣ Ѳракіи и Македоніи, былъ завоеванъ Святославомъ въ эту войну [87]. Этотъ городъ находится въ значительномъ разстояніи отъ границъ Болгаріи, а потому и можемъ предполагать, что всѣ области, отдѣляющія Филиппополь отъ Болгаріи, были также завоеваны Руссами. Но Византійцы неохотно передавали потомству описаніе тѣхъ происшествій, которыя показывали слабость ихъ правительства, и только нечаянно, при разсказѣ о посторонникъ предметахъ, роняли невольно, по нѣскольку словъ, обличающихъ наше предположеніе. — И ежели дѣйствительно Склиръ, имѣя только 12,000 воиновъ, разбилъ 308,000 непріятелей, и почти всѣхъ ихъ уничтожилъ, то зачѣмъ-же самъ императоръ принужденъ былъ, вскорѣ послѣ этого, предпринять со всѣми своими войсками походъ противъ Руссовъ?

(iv) Этими-же точно словами лѣтописецъ описываетъ и другіе набѣги нашихъ Варяговъ на сосѣдніе народы: «Олегъ иде на Сѣверяне» *(Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 15)*; «Игорь иде въ Дерева в дань» *(тамъ-же, стр. 27)*. «И иде (Святославъ) «на Оку рѣку и на Волгу и налѣзе Вятичи. — Иде Святославъ на Козары» *(тамъ-же, 35)*. Въ Архангелогородскомъ спискѣ: «Иде Олгъ на Древляны, и на Севѣры и на Козары» *(стр. 7)*, «Игорь иде въ Древляны» *(стр. 10)*. «Иде Ольга на Древскую землю» *(стр. 14)*. «Святославъ пойде на Оку, на Волгу и налѣзе Вятици» *(стр. 16)*. «Иде Святославъ на Козары» *(стр. 17)*. Во 2-мъ Новогородскомъ (попа Ивана и пономаря Тимоѳея): «Володимеръ иде на Емь, ... иде на Грьки» *(стр. 3)*. Такъ въ Радзивиловскомъ, Никоновскомъ и во всѣхъ другихъ спискахъ.

(v) «Калокиръ, который, въ Сиріи сдружился съ Руссами», сказано будто-бы у Льва-Діакона въ выпискахъ Пагія, по свидѣтельству Шлецера *(Несторъ Шлецера, въ Русскомъ переводѣ, III, 500)*. Этихъ словъ нѣтъ ни въ Латинскомъ, ни въ въ Русскомъ переводахъ Льва-Діакона, изд. Газе. — Но Руссы дѣйствительно сражались въ Сиріи подъ знаменами Грековъ. Въ 949 году, на Греческомъ флотѣ, посланномъ къ острову Криту, находилось болѣе 600 Руссовъ, и въ числѣ кораблей девять Русскихъ *(Штриттера: Выписки изъ Визант. истор. III, 29)*. — Въ 960-961 годахъ, при завоеваніи того-же острова Крита, Руссы составляли часть войска, бывшаго подъ начальствомъ Никифора Фоки (Krug: Byzant. Chronologie, 307—308, и *Примѣчанія къ Русскому переводу Льва-Діакона, стр. 181)*. Въ 962 году, это

[87] Leon. diac. hist. Lib. VI, c. 10, p. 105.

самое войско было употреблено въ Сиріи; слѣдовательно и Руссы, находившіеся подъ начальствомъ Никифора, сражались тогда на Востокѣ, вмѣстѣ съ Греческимъ ополченіемъ, — и тутъ, конечно, Колокиръ могъ съ ними познакомиться.

(VI) «Въ лѣто $\overline{\text{STOД}}$ Аскольдъ и Диръ ..... *въ двою сотъ кораблѣ* Царьградъ оступиша» *(Несторъ, изд. Тимковскимъ, стр. 13)*. Въ Радзивиловскомъ спискѣ: «*въ дву сту кораблю* Царьградъ оступиша» *(стр. 17)*.

(VII) О первомъ нападеніи Руссовъ на Царьградъ говорятъ слѣдующіе семь Византійцевъ:

a) *Левъ-Грамматикъ*, при описаніи царствованія императора Михаила: «Императоръ препоручилъ Византію Урифѣ, и отправился на войну противъ Агарянъ. Михаилъ уже находился на Черной-Рѣкѣ, какъ вдругъ, неожиданно, получилъ извѣстіе отъ Урифа, что Руссы идутъ на Византію. Они вошли въ Іеронъ, и проливали кровь Христіанъ (тутъ жившихъ). Руссы явились передъ Византіею *на двухъстахъ лодьяхъ*, и окруживъ ими городъ (съ моря), навели великій страхъ на жителей. Самъ императоръ едва могъ пробраться въ свою столицу, и пошелъ съ патріархомъ Фотіемъ въ храмъ Влахернскій, и пр. Поднялся великій вѣтръ, опрокинулъ и разбилъ корабли безбожныхъ Руссовъ, и мало ихъ спаслось отъ погибели» *(Leonis grammatici, Chronographia, p. 368)*.

b) *Георгій-Монахъ:* «Императоръ (Михаилъ) отправился противъ Агарянъ, оставивъ Урифу префектомъ въ Царьградѣ. Михаилъ былъ уже у Мавропотама, когда получилъ извѣстіе отъ Урифа, что безбожные Руссы идутъ на Византію. Тогда императоръ рѣшился возвратиться въ свою столицу, а Руссы между-тѣмъ вошли въ Іеронъ, убили множество Христіанъ, и пролили потоки крови. Руссы прибыли на *двухъ-стахъ лодьяхъ*, которыми обложили городъ, и навели страхъ на всѣхъ жителей. Михаилъ, возвратясь съ большою опасностію въ городъ, отправился съ патріархомъ въ храмъ, и пр. Вдругъ поднялась буря, лодьи Руссовъ были разсѣяны, разбиты, и весьма мало ихъ спаслось отъ погибели» *(Georgii monachi vitae recentiorum imperatorum, Imperium Michaelis cum matre Theodora, p. 400-401)*.

c) *Продолжатель Константина-Порфиророднаго:* «Руссы, народъ Скиѳскій, напали на страны, принадлежащіе Римлянамъ, опустошили (огнемъ: igni desolarent) берега Понта, и окружили самую столицу, въ то время, какъ императоръ находился въ походѣ противъ Измаелитовъ. Вскорѣ послѣ этого Руссы прислали въ Царьградъ просить св. крещенія» *(Constantini Porphyrogenneti, continuator, Lib. IV, Michaelis Theophili filius imperium, p. 90, § XXXIII)*.

d) *Кедринъ:* «Между-тѣмъ Руссы, на своихъ лодьяхъ, опустошали берега Чер-

наго-Моря. Руссы суть народъ Скиѳскій, живущій у сѣвернаго Тавра, свирѣпый и жестокій. Они угрожали великимъ бѣдствіемъ столицѣ, но испытавъ гнѣвъ Божій, возвратились домой; потомъ прислали пословъ въ Византію съ усильною просьбою о припятіи ихъ въ Христіанскую вѣру, и сподобились получить оную» *(Georgii Cedreni, compendium historiarum, T. II, p. 433).*

e) ***Зонара***, при описаніи царствованія Михаила: «Руссы, народъ Скиѳскій, жители горы Тавра, вошли въ Понтъ-Евксинскій, и угрожали своими кораблями окрестностямъ Византіи; но заступленіемъ Божіимъ не были допущены до самой столицы» *(Ioannis Zonarae, annales, T. II, lib. XVI, c. V).*

f) ***Симеонъ-Логоѳета***, при описаніи единодержавія императора Михаила: «Императоръ, въ девятое лѣто своего царствованія, предпринялъ походъ противъ Агарянъ, и дошелъ до Черной-Рѣки (ad Maurorotamum). Здѣсь получилъ онъ извѣстіе, что Руссы на *двухъ-стахъ лодьяхъ* идутъ на Византію. Услышавъ это, Михаилъ возвратился въ свою столицу (предпринялъ обратный путь). Въ десятое лѣто (его-же царствованія), Руссы вошли въ Іеронъ, содѣлали множество убійствъ, и, какъ только императоръ едва нашелъ возможность возвратиться въ Византію, то пошелъ съ патріархомъ въ церковь Влахернскую ..... Вдругъ поднялась буря, корабли нечестивыхъ Руссовъ были разбиты, разсѣяны вѣтромъ, и весьма малое число избѣжало погибели» *(Symeonis magistri ac logothetae, annales, § XXXVII et XXXVIII, p. 334.*

NB. *Всѣ ссылки на Византійцевъ сдѣланы по Венеціянскому изданію.*

Примѣчаніе. Руссы грабили берега Понта, и напали на Царьградъ въ девятое лѣто единодержавія Михаилова, а буря, разсѣявшая ихъ корабли и избавившая Византію отъ опасности, случилась въ десятое лѣто его царствованія. Императоръ Ѳеофилъ умеръ 842 года Января 20, а сынъ его Михаилъ вступилъ на престолъ, того-же года 21 Января, подъ попечительствомъ своей матери Ѳеодоры[58]. Симеонъ-Логоѳета говоритъ[59], что Ѳеодора царствовала вмѣстѣ съ сыномъ, четырнадцать лѣтъ, до 856 года. Съ этого времени Симеонъ считаетъ годы единодержавія Михаилова; а нападеніе Аскольда и Дира полагаетъ въ девятый, послѣ 856 года. Если первый годъ единодержавія есть 857-й, то девятый придется въ 865 году. Слѣдовательно Руссы напали на Царьградъ въ концѣ этого года, предполагая, что набѣгъ ихъ не могъ быть продолжителенъ; ибо въ слѣдующемъ году, т. е. въ 866, въ десятое лѣто царствованія Михаилова (онъ вступилъ на престолъ 21 Января), буря разбила ихъ корабли, и Царьградъ былъ спасенъ. Михаилъ убитъ въ 868 году 23 Сентября[60]. Всѣ наши лѣтописи, какъ-то: Радзивиловская[61],

[58] Krug: Byzant. Chronologie. 1, 218, 256.
[59] *Symeo:* Annal. p. 322. Венец. изд.
[60] Krug: Byzant. Chronologie. 2-4, 97.
[61] «Въ лѣто 6374 иде Аскольдъ и Диръ на Греки». стр. 17.

Лаврентьевская [62], Никоновская [63], Архангелогородская [64] и другія, выставляютъ 6374 при нападеніи Аскольда и Дира на Царьградъ, т. е. согласно съ Симеономъ 866 годъ. Но разница между показаніями Нестора и Симеона состоитъ въ томъ, что послѣдній полагаетъ въ 865 году нападеніе, а въ 866 бурю, заставившую Руссовъ удалиться отъ Царьграда, тогда-какъ первый (по всѣмъ спискамъ) говоритъ: «въ 6374 *иде* Аскольдъ и Диръ на Греки», а «въ лѣто ϚΤΟΕ *возвратишася* въ-свояси», слѣдовательно уже въ 867 году; но послѣднее можно объяснить тѣмъ, что Руссы, при своей неудачѣ на Византію, хотѣли вознаградить себя набѣгомъ на другіе берега Чернаго-Моря, и можетъ-быть грабили въ продолженіе цѣлаго года богатые приморскіе города южнаго берега Понта-Евксинскаго. Это совершенно сходно съ обычаями Норманновъ. — Перваго разнословія не объяснилъ намъ Карамзинъ; онъ просто, при описаніи нападенія Руссовъ, выставляетъ 866 годъ, не входя ни въ какія подробности и не свѣряя этого показанія съ свидѣтельствомъ Византійцевъ. Впрочемъ и извѣстная окружная грамматa патріарха Фотія, въ которой онъ говоритъ объ обращеніи Руссовъ въ Христіанскую вѣру, писана въ 866 году [65].

g) *Георгій Гамартолъ* (Византіецъ, досихъ-поръ еще неизданный): «Царь-же на Агаряны изыде воевати, Оорифаита въ Костянтинѣградѣ оставивъ, дошедшу-же ему Черныа рѣкы глаголемыя, и се абіе вѣсть ему Епархъ посла, яко Русь на Костянтиньградъ идутъ, Асколдъ и Диръ, и тѣмъ царь прочь не иде: Русь-же, внутрь суда вшедше, много убійство Христіаномъ сътвориша, и пришли бо бяху въ *двоію сту лодій*, Костянтиньградъ оступиша. Царь же, дошедъ, едва въ градъ вниде, и съ Патріархомъ Фотіемъ къ сущей церкви святыа Богородица Влахернѣхъ, и абіе пакы въ ту нощную молбу створиша и (имя же се пріятъ мѣсто то, нѣкоторому князю, Скуфянину родомъ, Влахерну нарицаему, ту ему убіену бывшу) таче божественую святыа Богородица ризу съ пѣсньми изнесшу, въ мори скутъ омочивше, тишинѣ же сущи и морю укротившуся, абіе буря съ вѣтромъ въста, и волнамъ веліимъ въздвигшемся засобь, безбожныхъ Руси лодья возьмяте, и къ брегу привержени, и избіени, яко мало отъ нихъ отъ таковыа бѣды избѣгнути, и въ своаси съ побѣженіемъ возвратишася (*Труды и лѣтописи Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, ч. IV, кн. 1, стр. 182*). Этого древняго перевода хроники Георгія Гамартола, находится четыре списка у насъ въ Россіи (см. *статью П. М. Строева, тамъ-же, стр. 174*).

(viii) Лѣтописецъ Архангелогородскій насчитываетъ еще болѣе: «2,000 кораблей, а въ корабли по 200 мужъ» (*стр. 7*), выходитъ 400,000 воиновъ!

---

[62] Лаврент. стр. 13.
[63] Никоновская. стр. 16.
[64] Архангелогород, стр, 5.
[65] Истор Госуд. Росс. Т. I, стр. 117 и 118, изд. второе.

(IX) Лѣтопись по Никонову списку *(I, 30)*; то-же въ Радзивиловскомъ *(стр. 24)* и въ другихъ. Описанія Олегова нападенія на Царьградъ нѣтъ въ Лаврентьевскомъ, потому-что въ немъ недостаетъ 6 писанныхъ четвертокъ, или цѣлыхъ 24 лѣтъ повѣствованія.

(X) «И рече имъ Святославъ: есть насъ к҃ тысящь и приреченъ і҃ тысящь, бѣ бо Руси і҃ тысящь только» *(Несторъ, изд. Тимк. 40)*.

(XI) «И въдаша ему дань; имашеть же и за оубьеныя, глаголя: яко родъ его возметъ» *(Несторъ, изд. Тимковскимъ, 41)*.

(XII) Мы разсуждаемъ здѣсь только о числѣ кораблей и войскъ, бывшихъ съ Олегомъ подъ Царьградомъ; самый-же походъ есть, конечно, фактъ историческій: Олеговъ договоръ, вопреки Шлецеру, доказанъ положительно Кругомъ (Kritiſcher Verſuch zur Aufklär. der Byzant. Chronologie. S. 19, 108—112).

(XIII) Въ исторіи Европы нельзя не замѣтить постояннаго, нѣсколько столѣтій продолжавшагося стремленія Норманновъ (а въ нашей Руссовъ) съ сѣвера на югъ. Скандинавы, едва узнаютъ берега Фрисландіи, какъ уже плывутъ по Сенѣ, Луарѣ и Гароннѣ, обходятъ вокругъ всѣхъ Французскихъ береговъ, грабятъ Португалію, Испанію, являются въ Средиземномъ-Морѣ, занимаютъ Балеарскіе острова разоряютъ мимоходомъ сѣверную Африку, и основываютъ, въ южной Италіи и Сициліи, Норманскія государства. Отсюда воюютъ противъ Восточной имперіи, занимаютъ часть Греціи, и наконецъ нападаютъ на самую Византію[66]. Въ это-же время Руссы, открывъ берега Финскаго залива, входятъ въ Неву, Ильмень, плаваютъ по всѣмъ рѣкамъ пространной Россіи и всегда съ сѣвера на югъ, потому-что ищутъ пути въ Грецію, основываютъ обширнѣйшее царство въ мірѣ, переносятъ столицу въ Кіевъ, и постоянно стремятся на Царьградъ, на который нападаютъ много разъ въ продолженіе IX, X и XI вѣковъ. Вездѣ, гдѣ была вода: море, озера, гдѣ текли рѣки, тамъ ничто не могло устоять противъ Норманновъ. Средства ихъ были: необыкновенная храбрость, желѣзная воля, мечъ и утлая лодья. Замѣтивъ стремленіе этого народа съ сѣвера на югъ, скажемъ еще опредѣленнѣе: цѣль его предпріятій была Царьградъ, по-крайней-мѣрѣ нашихъ Руссовъ. Скандинавія, выславъ съ каменистыхъ и хладныхъ своихъ береговъ тысячи Норманновъ, дала имъ, казалось, при отправленіи лозунгъ: «Византія». Туда сыны сѣвера стремились настойчиво, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Съ запада, черезъ Сѣверное и Средиземное моря, они являются передъ Царьградомъ два раза въ XII вѣкѣ. Съ востока, Руссы, черезъ всю обширную Россію, то плывутъ по ея рѣкамъ, то перетаскиваютъ свои челноки черезъ волоки, занимаютъ по-пути Новгородъ, Смоленскъ, и едва овладѣвъ Кіевомъ (въ половинѣ IX вѣка), въ то-же самое время нападаютъ уже на Византію, и возобновляютъ свои натиски нѣсколько разъ въ теченіе двухъ вѣковъ. Изъ

[66] Въ первый разъ на *сорока легкихъ кораблякъ*, съ 4,000 воиновъ; въ другой на *двухъ-стахъ судахъ*.

этого видно, что стремленія Норманновъ съ сѣверо-запада, и Руссовъ съ сѣверо-востока на югъ происходили въ одну эпоху и самое нападеніе тѣхъ и другихъ на Царьградъ производимо было одними и тѣми-же малыми средствами. Какъ, по этимъ сильнымъ пріемамъ, сомнѣваться еще, что Норманны и Руссы не одинъ и тотъ-же народъ?

(xiv) *Несторъ, изд. Тимк., стр. 18.* «Ихъ же емше (Грековъ), овѣхъ распинаху, другия аки страпь поставляюще и стрѣляху въ ня, изимахуть, опаки руцѣ съвязываху, гвозди желѣзныи посреди главы въбиваху ихъ; много же святыхъ церквий огнемъ предаша, манастырѣ и села пожьгоша», и проч.

Cedren. II, 493—494. Венец. издан. «Etenim captivorum alios in cruces egerunt, alios terrae affixerunt, alios pro scopo constituere, inque eos sagittas direxerunt. Quicumque captivorum sacerdotio praediti erant, eorum capita acutis clavis perforarunt, multa etiam templa incenderunt», etc.

Также о сей войнѣ извѣстіе, видимо, Византійское: «Почаша (Русь) воевати Вифаньския страны, и воеваху по Понту до Аръклѣя и до Фафлагоньски земли и всю страну Никомидиискую поплѣнивше и судъ весь пожьгоша», и пр. *(Нест., изд. Тимк. стр. 18).*

(xv) «Скѣдія», слово Греческое, и мы не находимъ его ни въ лексиконѣ Берынды, ни въ словаряхъ Алексѣева, Поликарпова и Россійской Академіи. — «Скедія, или Схедія, съ Греческаго Σχεδιά, судно, поспѣшно, на-скорую-руку сдѣланное» (см. статью А. Н. Оленина: *Обликъ В. К. Святослава Игоревича, по Льву-Діакону*, помѣщенную въ *Сынѣ Отечества, 1814, Nr. 2, 49–61).* У Датчанъ Skeid, по мнѣнію Дюканжа, соотвѣтствуетъ Французскому «train, radeau».

(xvi) Печенѣги пришли въ Европейскую часть Россіи, въ IX вѣкѣ, и весь X-й сильно господствовали въ нашихъ южныхъ степяхъ. Во время Константина Порфиророднаго и по его словамъ (слѣдовательно въ описываемую эпоху), Печенѣги занимали обширную область, которая начиналась на востокѣ, отъ праваго берега Дона и Саркела, Хазарской крѣпости, и простиралась до впаденія Прута въ Дунай. Съ южной стороны, зѣмли Печенѣговъ доходили до Чернаго-Моря, Херсони, принадлежавшей Грекамъ, и Воспора Пантикапейскаго; съ сѣвера онѣ граничили съ Русью. Эту послѣднюю границу можно провести отъ вершинъ Прута и Днѣстра, мимо Роса (впадающаго въ Днѣпръ, въ 50 верстахъ ниже Витичева), въ-верхъ по Сулѣ и черезъ источники Остра, вдоль по Семи (на югъ отъ Курска, который построенъ въ 1032 г.), и потомъ отъ народа Вятичей до Дона. Печенѣги дѣлились на восемь ордъ или областей, и каждая изъ послѣднихъ еще на сорокъ частей или улусовъ. Четыре орды кочевали по западной, и другія четыре по восточной сторонѣ Днѣпра. Слѣдовательно все теченіе его, отъ Витичева или впаденія Роса до Чернаго-Моря, находилось во владѣніи Печенѣговъ [67].

[67] *Banduri*, Imp. or. T. I, pars II; *Const. porph.* de adm. Imp. c. I–VIII, p. 45–49, Вен. изд.; и *Лербергова* Разсужденія о Бѣловежи и Днѣпровскихъ порогахъ.

(XVII) Внутренняя жизнь Руси намъ совершенно неизвѣстна. Лѣтописцы записывали только происшествія, случавшіяся въ каждомъ году. Изъ такихъ сухихъ сказаній мы не можемъ узнать ни нравовъ, ни обычаевъ, ни мирныхъ занятій нашихъ предковъ. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ извѣстія иностранныхъ современниковъ, если доставляютъ намъ какія-нибудь подробности о жизни древней Руси. Сюда относится извѣстное мѣсто, у Константина Багрянороднаго, о плаваніи Руссовъ изъ Кіева до Царьграда, и описаніе всѣхъ трудностей, которыя они должны были преодолѣвать, чтобы воспользоваться выгодами торговли съ Византіею. Это мѣсто покажетъ намъ также путь, по которому Святославъ плылъ со всѣмъ войскомъ изъ Кіева въ Болгарію, и время для сего необходимо нужное. Императоръ Константинъ говоритъ, что «Руссы, желавшіе отправиться для торговли въ Царьградъ, собирались обыкновенно изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода въ Кіевъ [68]. Здѣсь, купивъ новыя суда, или однодеревки, которыя доставлялись въ Кіевъ Кривичами и другими народами, обитавшими на сѣверъ отъ этого города, Руссы спускались въ-низъ по Днѣпру до Витичева [69]. Тутъ оставались они до трехъ дней, пока всѣ суда собирались къ этому мѣсту. Потомъ продолжали путь къ Днѣпровскимъ порогамъ. У перваго порога Руссы выходили изъ судовъ: онъ былъ чрезмѣрно узокъ и весьма опасенъ, по причинѣ стремленія воды, съ которымъ она ударяясь объ камни, низвергалась съ ужаснымъ шумомъ. Въ этомъ мѣстѣ, назначенные люди шли по рѣкѣ въ-бродъ, и ощупывали босыми ногами тѣ части дна рѣчнаго, на которыхъ находилось менѣе камней. Нашедши такой болѣе удобный проходъ, они извѣщали другихъ Руссовъ, которые должны были, по назначенному имъ пути, проводить суда, упираясь длинными шестами спереди, въ срединѣ и сзади, и такимъ-образомъ почти перетаскивали, съ величайшимъ трудомъ, свои лодки черезъ русло этого перваго порога. Потомъ всѣ садились въ однодеревки, и плыли ко второму порогу, который былъ столь-же опасенъ и затруднителенъ для прохода, какъ и первый, опять высаживали людей, и поступали съ судами, какъ прежде. Такимъ-же точно образомъ Руссы переходили и третій порогъ. У четвертаго, часть ихъ вооружалась и находилась на стражѣ, во все время перехода черезъ этотъ порогъ; ибо тутъ Печенѣги обыкновенно нападали на проѣзжавшихъ и грабили ихъ. Другая часть Руссовъ выгружала товары, несла ихъ на себѣ, на разстояніи 6,000 шаговъ, и вела скованныхъ невольниковъ [70]. Остальные Руссы тащили черезъ волокъ свои

[68] «Nemogarda, Milinisca, Telinitza, Tzernigoga et Busegrade.

[69] «Bitetzebe», 50 верстъ на югъ отъ Кіева.

[70] Невольники употреблялись, вѣроятно, для гребли на судахъ, какъ у всѣхъ древнихъ народовъ, и потомъ продавались въ Царьградѣ. Вспомнимъ слова Святослава, сказанныя матери: «Изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядь» *(Нест., изд. Тимк. 38)*.

суда, или несли ихъ на плечахъ до того мѣста, гдѣ уже можно было, безъ опасности, спустить ихъ на воду. Тутъ они снова нагружали лодки, садились въ нихъ, и плыли къ пятому порогу, у котораго опять принуждены были проводить суда такъ-точно, какъ при переѣздѣ черезъ первый порогъ. Проѣхавъ это опасное мѣсто, они должны были переѣзжать потомъ черезъ два остальные порога, изъ которыхъ, у шестаго, Руссы принуждены были поступать такъ-же, какъ у пятаго, и наконецъ доплывали до Крарійскаго перевоза [71]. Въ этомъ мѣстѣ обыкновенно переѣзжали Корсуняне, ѣздившіе къ Руссамъ, и Печенѣги отправлявшіеся въ Корсунь [72]. Здѣсь также, Руссы должны были приготовляться къ бою, потому-что и тутъ нападали на нихъ Печенѣги. Потомъ всѣ челноки приставали къ острову Св.-Георгія [73], и оставались нѣкоторое время для приношенія жертвъ, бросанія жеребья, разныхъ гаданій и проч. Прошедъ этотъ островъ, Руссы не опасались уже нападеній Печенѣговъ до самой рѣчки Селины, и въ четыре дня пути достигали до устья Днѣпровскаго, въ которомъ находился островъ Св.-Айѳерія [74]. Тутъ они отдыхали до трехъ дней, чинили свои суда, послѣ такого опаснаго плаванія, оснащали ихъ мачтами, парусами, рулями, и все это привозили съ собою изъ Кіева. А какъ Днѣпръ, въ устьи своемъ образуетъ озеро [75], простирающееся до самаго моря, гдѣ находится островъ Св.-Айѳерія, то они послѣ этого подавались опять назадъ [76] къ Днѣпру, и тутъ опять отдыхали. Отсюда, если имѣли попутный вѣтеръ, то отправлялись уже на парусахъ до рѣки Бѣлой [77]. Здѣсь, пробывъ нѣсколько времени, продолжали свой путь къ рѣкѣ Селинѣ [78], которая есть не что другое, какъ рукавъ Дуная. Въ этомъ мѣстѣ имъ опять предстояла великая опасность отъ Печенѣговъ; ибо, если вѣтеръ прибивалъ одну или нѣсколько изъ лодокъ Русскихъ къ берегу (что часто случалось), то всѣ Руссы

[71] «Ad trajectum Crarii.»

[72] Мѣсто за мысомъ Кичкасомъ, имѣющее ширины 150 шаговъ. *Лерберг:* О Днѣпровскихъ порогахъ, стр. 317, въ *Изсл. служ. къ объясн. др. Русс. ист.*

[73] Островъ Хортица. [74] «Insula Sancti Aetherii.»

[75] Днѣпровскій лиманъ; въ него впадаетъ и Бугъ.

[76] «Можетъ-быть для того», говоритъ Штриттеръ, «что Руссы не смѣли пускаться въ своихъ судахъ, въ открытое море, но всегда ѣздили по берегамъ». Да, именно по этой причинѣ. Островъ Св. Айѳерія (нынѣшній Березань) находится при самомъ входѣ въ Черное-Море, и слѣдовательно, отправляясь прямо отъ него на югъ, надобно было пускаться въ открытое море; обратившись-же назадъ, можно было объѣхать весь Днѣпровскій лиманъ вдоль берега, и такимъ-образомъ войти въ Черное-Море, *не отъѣзжая* отъ земли. Но, спросятъ можетъ-быть, для чего-же Руссамъ было доходить до острова, и неудобнѣе-ли-бы прежде взять то-же самое направленіе, которому они слѣдовали не доходя до Св.-Айѳерія? Причина, заставлявшая ихъ доходить до острова, хотя и съ потерею нѣсколькихъ дней, состояла, конечно, въ томъ, чтобъ имѣть безопасное мѣсто для оснастки и починки судовъ, а этого они никакъ не могли достигнуть, если-бъ остановились на берегу Днѣпровскомъ, потому-что тутъ Половцы непремѣнно напали-бы на нихъ.

[77] «Ἄσπρον», одна изъ рѣчекъ, впадающихъ въ Черное-Море, между Днѣпровскимъ лиманомъ и устьями Дуная, а по мнѣнію Байера, между Днѣпромъ и Селиною. Это вѣроятно нашъ Днѣстръ.

[78] Одинъ изъ рукавовъ Дуная еще и теперь называется «Сулинскимъ Гирломъ».

должны были выходить изъ судовъ, чтобы вступить въ бой съ Печенѣгами, и защитить своихъ товарищей. Избѣгнувъ этой послѣдней опасности, Руссы наконецъ спокойно доплывали до главнаго устья Дуная, и тогда отправлялись вдоль береговъ Болгаріи и Ѳракіи до самаго Царьграда»[79]. Вотъ путь, который долженъ былъ совершить Святославъ со всѣмъ своимъ войскомъ, и тѣ трудности, которыя Руссамъ слѣдовало преодолѣвать при плаваніи отъ Кіева до устьевъ Дунайскихъ! Но и отсюда плаваніе ихъ должно было продолжаться, противъ теченія, до Доростола, или по-крайней-мѣрѣ до окрестностей этого города. Левъ-Діаконъ, хотя не указываетъ именно того мѣста, при которомъ Святославъ вышелъ на берегъ, но говоритъ, что Болгары, ожидавшіе его на Дунаѣ, бывъ разбиты при самомъ выходѣ Руссовъ изъ судовъ, отступили и заперлись въ Доростолѣ; слѣдовательно изъ этого можно заключить, что Святославъ вышелъ на берегъ не въ дальнемъ разстояніи отъ этого города. Для совершенія всего пути Руссовъ и времени нужнаго для всѣхъ остановокъ, при столь опасномъ плаваніи, какъ говоритъ Константинъ, нельзя, кажется, положить менѣе двухъ мѣсяцевъ отъ Кіева до Силистріи, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. А если Печенѣги нападали на проходившее ополченіе Святослава, во всѣхъ мѣстахъ, которыя описываетъ Багрянородный, и вѣтеръ, при входѣ Руссовъ въ Черное-Море, былъ не попутный, то конечно должно и еще прибавить цѣлый мѣсяцъ.

(xviii) Норманны очень часто отправлялись изъ отечества съ женами и дѣтьми своими. Они оставляли ихъ обыкновенно на укрѣпленныхъ островахъ, при устьяхъ рѣкъ, впадавшихъ въ море; иногда-же брали съ собою и въ завоеванные города. Норманнскія женщины находились при осадѣ и грабежѣ Парижа, въ 885–886 годахъ. Когда король Алфредъ взялъ укрѣпленіе, построенное Норманнами, при высадкѣ ихъ на берега Англіи, то въ немъ найдено было много женъ и дѣтей Скандинавскихъ, которыхъ тогда-же отправили въ Лондонъ. Норманны, прибывшіе во Францію съ Рольфомъ (Rollon), привезли также и женъ *(Depping: Hist. des exp. des Norm. I,205; II,127)*.

(xix) Мы видѣли выше (стр. 171), что Олегъ, при требованіи дани, полагалъ по 40 человѣкъ на каждую лодью. Знаемъ, что козацкія суда, выдолбленныя изъ одного дерева, на которыхъ они плавали по Черному-Морю, и нападали также на Турецкую имперію, поднимали, по словамъ Боплана, отъ 50 до 70 человѣкъ. Josaphat Barbaro увѣряетъ, что на Волгѣ росли такія деревья, изъ коихъ можно было выдолбить лодью, могущую поднять 10 лошадей и 20 человѣкъ *(Кругъ: О Рус. мон. 86–92)*. Depping говоритъ, что на судахъ Норманнскихъ помѣщалось не болѣе 20, а иногда даже только

[79] *A. Banduri*, Imp. orient. T. I, pars II, contin. libr. *Const. porph.* de admin. Imp. c. IX, p. 49–51. Вен. изд.

восемь человѣкъ *(Hist. des expéd. des Norm. I, 198; II, 20)*. Les plus petites portaient 12, et les plus grandes barques 40 hommes, etc. *(Essai sur l'hist. de Normandie, I, 7)*. Remi de Fescamp donna au duc de Normandie, pour son expédition d'Angleterre, un vaissau et 20 hommes» *(Thierry: Hist. de la conquéte de l'Angleterre, I, 285)*.

(xx) Тогдашній царь Болгарскій назывался Петръ; онъ былъ сынъ Симеона, и вступилъ на престолъ, послѣ смерти отца, въ 927 году. Петръ женатъ былъ на внукѣ императора Романа, но подобныя родственныя связи, и въ X вѣкѣ, столь-же мало значили въ политическихъ отношеніяхъ, какъ и въ наше время. Левъ-Діаконъ описываетъ смерть Петра, послѣ разбитія Болгаръ Святославомъ, на берегу Дуная; слѣдовательно прежде возвращенія великаго князя въ Кіевъ, то-есть въ 967 году. Но Кедринъ говоритъ, что Петръ скончался до восшествія на престолъ императора Никифора. Сказавъ о смерти императора Романа, 15 марта, и описавъ торжественное вшествіе въ Царьградъ Никифора Фоки, бывшаго еще полководцемъ, въ Апрѣлѣ 6-го индиктіона, Кедринъ разсказываетъ смерть Болгарскаго царя, и немедленно послѣ этого, приступаетъ къ описанію провозглашенія Никифора императоромъ, восточными войсками, возбужденными къ этому поступку Іоанномъ Цимисхіемъ [80]. Это послѣднее происшествіе случилось 2 Іюля [81]; слѣдовательно Петръ умеръ, по свидѣтельству Кедрина, между Апрѣлемъ и 2-мъ числомъ Іюля, 963 года. Одно изъ двухъ: или Кедринъ ошибается въ годѣ смерти Петра, или наслѣдникъ сего царя также назывался Петромъ, и владѣлъ Болгаріею съ 963 по 967 г.

(xxi) При трофеѣ, состоявшемъ изъ простаго гвоздя, который былъ вынутъ изъ Парижскихъ «воротъ», вспомнимъ также Болгарскаго царя Крума, требующаго у Грековъ дозволенія водрузить свое копье въ Византійскія златыя *врата*, и нашего Олега, прибившаго свой щитъ къ Царьградскимъ *воротамъ*.

(xxii) Арабскія монеты, находимыя въ такомъ множествѣ въ Россіи, могутъ, частію, происходить отъ этого грабежа береговъ Мавританіи (*Френа* Ibn-Foßlan, 249—250).

(xxiii) О Печенѣгахъ подъ Адріанополемъ, въ числѣ Святославова войска, нѣтъ и помину у Льва-Діакона. Кедринъ [82] и Зонара [83] прибавили ихъ, вѣроятно, для увеличенія количества непріятелей, и для составленія полнаго числа 308,000, которое назначили у Руссовъ въ этомъ сраженіи.

---

[80] *Cedren.* II, 505–506. [81] *Krug:* Byzant. Chronol. 318.
[82] *Cedren.* II, 522. [83] *Zonar.* II, 165.

А. Чертковъ,
Д. Ч. О.

О походѣ руссовъ на Сурожъ.

Перечитывая разъ житіе пр. Димитрія-Прилуцкаго, составленное однимъ изъ преемниковъ его игуменства Макаріемъ, въ началѣ XVI столѣтія, я невольно остановился надъ любопытнымъ замѣчаніемъ сочинителя, при описаніи одного изъ чудесъ св. Димитрія. Изобразивъ, какому наказанію подвергся воинъ, грабитель святыни, жизнеописатель присовокупляетъ: «тако-же иногда и въ Сурожѣ градѣ чудо бысть, тако-же страха исполнено. Пришедъ бо князь отъ Русскаго Новагорода ратію, и градъ взя, и плѣни не токмо люди, но и сосуды священные; еще-же и гробъ св. Стефана новаго, одѣянъ многоцѣнными паволоками, нача самъ князь съвлачити, и невидимо ударенъ бысть полицу абіе, иобратися лице его назадъ. Пакыже тъ покаяся и крещеніе пріятъ, и вѣрова въ Христа, и плѣнъ отпусти, — и пакы здравъ бысть молитвами Стефана, и изцѣленіе получивъ отъиде во свояси».

Что это за походъ изъ Новгорода противъ Сурожа? Когда онъ былъ? Какой князь испыталъ на себѣ силу угодника Божія? Эти вопросы родились сами собою. За вопросами слѣдовали справки.

Попалось подъ руки рукописное житіе св. Стефана Сурожскаго, составленное неизвѣстно кѣмъ, — въ спискѣ конца XVI или начала XVII столѣтія. Хотя упомянутое событіе описывается въ чудесахъ св. Стефана послѣ его кончины, но дѣло требуетъ познакомить читателей съ описаніемъ самаго житія его.

Въ житіи повѣствуется, что св. Стефанъ былъ родомъ изъ Каппадокіи. Пятнадцати лѣтъ, онъ «въ лѣто Ѳеодосія царя Андраминдина», при патріархѣ Св. Германѣ пришелъ въ Константинополь для окончанія своего образованія. Успѣхами въ наукахъ и въ благочестіи обратилъ онъ на себя взоры всѣхъ; самъ патріархъ призывалъ его къ себѣ и полюбилъ. Въ Константинополѣ, говоритъ жизнеописатель, св. Стефанъ пробылъ пятнадцать лѣтъ; потомъ удалился въ

монастырь, и подвизался въ уединеніи. Чрезъ тридцать лѣтъ послѣ сего удаленія, скончался въ Сурожѣ епископъ Стефанъ. Жители сего города пришли къ патріарху Герману просить у него новаго пастыря своей церкви. Св. Герману указано было въ видѣніи, что нѣтъ достойнѣе сего сана, какъ св. Стефанъ. Патріархъ призвалъ уединеннаго подвижника къ себѣ, убѣдилъ его принять епископство Сурожское, посвятилъ, и отпустилъ въ Сурожъ, «всадивъ въ царскій корабль». Народъ принялъ его съ восхищеніемъ. Св. Стефанъ «не преставая учаше, не точію въ церкви, но и въ домѣхъ, и на торжищѣхъ, Еретики препирая ... бесѣдоваше-же къ нимъ, толкы (? не «толмачи»-ли?) приводя, иже оба языка добрѣ вѣдяху». Плодомъ его проповѣди было то, что многіе крестились.

Въ ту пору воздвигъ гоненіе противъ иконопочитанія императоръ Левъ-Исаврянинъ, о которомъ сочинитель замѣчаетъ, что онъ «рати бывши, уби сына Ѳеодосіева и 300 боляръ съ нимъ, и прія все царство». Самое гоненіе описывается весьма обширно. Патріархъ, св. Германъ принужденъ былъ оставить престолъ свой. «Отъ того зла», прибавляетъ сочинитель, «къ Сурожу прійде корабль съ послы злыми отъ царя; глаголаху: не кланяйтеся кресту и иконамъ».

Св. Стефанъ, ревнуя о православіи, отправился самъ въ Константинополь защищать его; предсталъ царю и собору иконоборцевъ; былъ мучимъ; посаженъ въ темницу; чрезъ недѣлю снова приведенъ къ царю, и, когда нечестивый Левъ явно ругался надъ св. иконами, предсказалъ ему, что Богъ за то сократитъ жизнь его. Дѣйствительно Левъ скоро умеръ.

«И наста», продолжаетъ сочинитель, «сынъ его Константинъ. А царица его Ѳеодора, Керческаго царя дщи, — та бо вѣдяше святаго, слышала бѣ о добродѣтели его и очудесѣхъ его, — рече цареви, мужеви своему: отецъ твой всадилъ бѣ въ темницу архіепископа *нашего* Стефана Сурожскаго. Но, молютися, выпусти его».

По ходатайству императрицы св. Стефанъ освобожденъ. Въ то-же время, замѣчаетъ жизнеописатель, родился у царицы сынъ; св. Стефанъ крестилъ его, и отправился къ своей паствѣ. Болѣе подробностей церковной дѣятельности его неизвѣстно. Сочинитель прибавляетъ только, что въ то время, вѣроятно, въ Сурожѣ «бѣ князь Юрій Тарханъ, и любяше его святый: по закону

Божію правяще власть свою», и что св. Стефанъ избралъ въ преемники себѣ одного изъ клириковъ своей церкви Филарета. Св. Стефанъ скончался 15 Декабря. Годъ кончины его не означенъ.

Изложеніе сихъ обстоятельствъ можетъ служить основаніемъ для повѣрки того происшествія, которое мы имѣли въ-виду, и о которомъ сочинитель говоритъ такъ: «По смерти Святаго мало лѣтъ мину: пріиде рать велика русскаа изъ Новаграда, князь Бравлинъ, силѣнъ зѣло; плѣни отъ Корсуня и до Корча, съ многою силою пріиде къ Сурожу; за десять дній бишася злѣ межу себе. И по десяти дній вниде Бравлинъ, силою изломивъ желѣзнаа врата, и вниде въ градъ, иземъ мечь свой, и вниде въ церковь, въ Святую Софію, и розбивъ двери и вниде, идѣже гробъ Святаго. А на гробѣ царское одѣало, и жемчюгъ, и злато, и камень драгій, и кандила злата, и съсудовъ златыхъ много, все пограбиша. И въ томъ часѣ разболѣся, обратися лице его назадъ, и лежа пѣны точаше ....» Далѣе описывается, какъ сей князь, познавъ, въ болѣзни постигшей его, наказаніе отъ угодника Божія, принужденъ былъ не только возвратить все похищенное и всѣхъ плѣнниковъ, но и самъ креститься съ боярами своими. Крестилъ его преемникъ св. Стефана, Филаретъ.

Въ-слѣдъ за этимъ сочинитель говоритъ еще: «Анна-же царица, отъ Корсуня въ Керчь идущи, разболѣся на пути смертнымъ недугомъ на чернѣй водѣ», призвала на помощь св. Стефана и получила изцѣленіе.

Послѣднія два происшествія намъ ни почему, кромѣ сего жизнеописанія, неизвѣстны [1]. Чтобы опредѣлить ихъ достовѣрность, мы имѣемъ нужду опредѣлить напередъ характеръ свидѣтеля, сколько можно, по первой части жизнеописанія. Замѣтимъ напередъ, что жизнеописаніе св. Стефана, епископа Сурожскаго, между извѣстными на Греческомъ языкѣ жизнеописаніями святыхъ, не встрѣчается [2].

---

[1] Нашъ историографъ пишетъ: Въ Демидовскомъ хронографѣ, находящемся въ университетской библіотекѣ, есть слѣдующее мѣсто: «При царѣ Михаилѣ, въ лѣто 6360, ходили Русь войною изъ Кіева града, князь именемъ Бравалинъ, воевати на Греки на Царьградъ, и повоеваша Греческую землю, отъ Херсона и до Скуруева и до Сурожа ... о томъ писано въ чюдесѣхъ св. Стефана Сурожскаго» (ни въ Прологѣ, ни въ Минеѣ нѣтъ сего извѣстія. Истор. Г. Р. Т. I, прим. 289). И хронографъ ссылается только на описаніе чудесъ св. Стефана. Впрочемъ сіе описаніе, какъ видно, отличается отъ того, какое было въ рукахъ у меня.

[2] *Fabricii* Biblioth. Graec. T. IX, p. 143—145. — Въ «Мѣсяцесловѣ императора Василія» (X столѣтія), съ изображеніями святыхъ, изданномъ въ 1728 году, подъ 28 ч. Ноября, послѣ описанія мученической кончины

Въ жизнеописаніи встрѣчаются нѣкоторыя несообразности. Св. Германъ былъ патріархомъ не болѣе 15 лѣтъ (715–730). Ѳеодосій возведенъ въ императоры въ 716 году, и занималъ престолъ не болѣе года, до 25 Марта 717 года. Слѣдовательно св. Стефанъ, прибывши въ Константинополь въ концѣ 716 или въ началѣ 717 года, не могъ быть возведенъ на престолъ тѣмъ-же патріархомъ, спустя сорокъ–пять лѣтъ, послѣ прибытія своего въ Константинополь. Далѣе извѣстно, что супруга Константина Копронима, дочь кагана Козарскаго, называлась не Ѳеодорою, а Ириною; Ѳеодора было имя свекрови Ирининой.

Но съ другой стороны достойно примѣчанія, что въ жизнеописаніи: 1) согласно съ исторіею назначается царствованію Ѳеодосія не болѣе одного лѣта; 2) Ѳеодосій называется Андраминдинъ: онъ точно былъ взятъ изъ Адрамита; 3) Супруга Константинова (съ 731 года) изображается защитницею св. Стефана: она дѣйствительно не раздѣляла иконоборческихъ мыслей съ своимъ мужемъ и свекромъ, но еще обличала ихъ [3]; 4) Таврическій полуостровъ представляется зависящимъ отъ Козаръ: съ началомъ VIII столѣтія онъ дѣйствительно былъ уже въ ихъ рукахъ [4]; 5) рукоположеніе св. Стефана зависѣло непосредственно отъ патріарха: сего требовало общее постановленіе объ епархіяхъ, лежащихъ при Черномъ–Морѣ, у варварскихъ народовъ, заключающееся въ 28 правилѣ IV вселенскаго собора.

Судя по такому знанію дѣла, мы не можемъ отвергать и другихъ показаній

преподобнаго Стефана, въ тотъ день празднуемаго, прибавляется, что многіе тогда (вѣроятно *при* Константинѣ Копронимѣ, когда скончался сей св. Стефанъ) изъ воиновъ православныхъ, оставивъ міръ, вступали въ монашество, и что такихъ беззаконный царь, послѣ жестокихъ истязаній, умерщвлялъ. «Такъ одинъ, Василій, былъ ослѣпленъ, потомъ сосланъ, и въ заточеніи скончался. Другой, затворникъ Сосвенскій, лишенъ ноздрей и сосланъ въ Херсонъ; здѣсь хотѣли его умертвить, но онъ удалился въ Хазарію, гдѣ и былъ епископомъ, и послѣ скончался. Другой, *Стефанъ по имени, сосланъ былъ въ Сугдію, и, многимъ принесши пользу, окончилъ жизнь свою.* Подобнымъ образомъ и двое Григоріевъ со многими другими скончались въ заточеніи. Еще Іоаннъ изъ Легатаріевъ былъ заточенъ въ Дафнусію; здѣсь, по повелѣнію императора, часто его сѣкли, и такимъ-образомъ онъ скончался». На картинкѣ, оттиснутой съ рукописи, изображены: Василій, которому выкалываютъ глаза; Іоаннъ, котораго истязуютъ; по сторонамъ видны двое въ епископскомъ облаченіи: это конечно епископъ Козарскій и Стефанъ, который также долженъ быть епископъ въ Сугдіи, и двое въ обыкновенномъ платьи: это должны быть два Григорія. — Сугдія безъ сомнѣнія нашъ древній Сурожъ, нынѣшній Судакъ. Но упоминаемый въ «Мѣсяцесловѣ» епископъ Сугдійскій едва-ли нашъ св. Стефанъ-Сурожскій. Позднѣе, на VII вселенскомъ соборѣ (787 года), подписался Стефанъ епископъ Сугдійскій; но и этотъ, судя по жизнеописанію, отличенъ отъ нашего св. Стефана.

[3] Доказательства см. въ Memor. popul or. *Stritteri*, T. III, p. 565, § 6.

[4] Это доказываетъ исторія заточенія въ Херсонъ императора Юстиніана II. *Stritter*, ib. p. 557 sqq.

жизнеописателя о событіяхъ гражданской исторіи; на-примѣръ, что сынъ Θеодосіевъ былъ умерщвленъ императоромъ Львомъ, хотя знаемъ, что онъ, по отреченіи отца отъ престола, вмѣстѣ съ нимъ былъ постриженъ [5]; что у императора Константина Копронима, около времени вступленія его на престолъ, родился сынъ, хотя знаемъ, что оставшійся въ-живыхъ сынъ отъ Ирины, Левъ-Козаръ, родился въ 750; а Константинъ вступилъ на престолъ въ 741 году; что въ Сурожѣ, во время св. Стефана, былъ правителемъ Юрій Тарханъ [6].

Имѣемъ-ли наконецъ право отвергать и повѣствованіе о походѣ Руссовъ изъ Новгорода въ Сурожъ, не изслѣдовавъ его надлежащимъ образомъ? Я представилъ разсмотрѣніе достовѣрности сего событія со-стороны свидѣтеля. Остается критикѣ повѣрить его съ другихъ сторонъ. Одно прибавлю: мнѣ всегда страннымъ казалось, почему у нашихъ предковъ море Азовское называлось отъ города Сурожа, когда на томъ-же полуостровѣ, были и позначительнѣе города: Херсонъ, Керчь. Одно уваженіе къ имени св. Стефана, кажется, сего не объясняетъ, потому-что въ Херсонѣ были мощи св. Климента, папы Римскаго; тамъ скончался св. Мартинъ-Исповѣдникъ. Событіе, описываемое въ жизнеописаніи св. Стефана, разрѣшаетъ этотъ вопросъ, по-видимому, удовлетворительнѣе.

Подобный случай съ однимъ изъ Русскихъ князей расказывается въ чудесахъ св. Георгія, епископа Амастридскаго [7]. Изобразивъ жизнь святаго, который поставленъ въ епископы патріархомъ св. Тарасіемъ и скончался въ началѣ IX столѣтія, вѣроятно во время императора Никифора, жизнеописатель присовокупляетъ сказаніе о слѣдующемъ происшествіи: «вторглись нѣкогда варвары, Руссы (οἱ Ρως), народъ немилосердый и жестокій, въ которомъ, кажется, нѣтъ ничего человѣческаго ... свирѣпые враги, губители не только дѣломъ, но и по самому имени, начавъ опустошеніе съ Пропонтиды, и разоривъ весь берегъ

[5] *Theophan:* Chronograph. ad ann. 708, p. 327. Edit. Paris 1665.

[6] О наименованіи «Тарханъ», у Менандра (VI столѣтія) замѣчено, что имъ означалось достоинство (ἀξίωμα) Турецкихъ пословъ, которыхъ присылалъ ко двору Византійскому Дизавулъ (*Strittter.* T. III. p. 53) Извѣстны предположенія Клапрота объ отношеніяхъ Козаръ къ Туркамъ въ древнѣйшія времена.

[7] Acta Sanctorum, Februar. T. III, p. 278. Сочинитель сего житія, помѣщеннаго у Болландистовъ въ переводѣ Латинскомъ, неизвѣстенъ; но, какъ видно, жилъ въ Амастридѣ, и недолго спустя послѣ кончины св. Георгія. — Въ подобныхъ чертахъ описываются опустошенія, произведенныя Руссами по берегу Черна-Моря при Игорѣ. *Strittter*, T. II, p. 967—971.

морской, приблизились къ отечеству сего святаго, убивая людей всякаго пола и возраста, безъ малѣйшаго сожалѣнія къ престарѣлымъ и младенцамъ ... Храмы ими были разрушаемы, святилища осквернены, алтари изпровергнуты, и приносимы гнусныя возліянія и жертвы ..... Пришли варвары и въ храмъ святаго, увидѣли гробъ его; подумали, что тутъ лежатъ сокровища; начали ихъ откапывать. Но у откапывающихъ отнялись руки и ноги; связанные невидимыми узами, они остановились неподвижны. Князь ихъ, видя сіе чудо, и самъ пришелъ въ трепетъ и ужасъ, и спрашивалъ у одного плѣннаго: чтобы значило случившееся» ... Получивъ на сіе объясненіе и потомъ опытомъ узнавъ силу Бога Христіанскаго, когда, послѣ всенощнаго пѣнія, пораженныя гнѣвомъ Божіимъ, возвратили себѣ прежнія силы, князь «заключилъ съ христіанами союзъ: и варвары не оскорбляли болѣе святыни, не раскапывали Божіихъ алтарей».

Ничего не говорю о другомъ происшествіи, упоминаемомъ въ чудесахъ св. Стефана: потому-что жизнеописатель не говоритъ, кто была царица Анна. Но если это супруга св. Владимира, сестра императоровъ Константинопольскихъ, то сіе обстоятельство можетъ служить доказательствомъ древности жизнеописанія, потому-что болѣе ни о какихъ чудесахъ св. Стефана не говорится. Оно представляется послѣднимъ событіемъ относящимся къ жизни святаго.

(Сообщено Д. Ч. Погодинымъ.)

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ГРЕКОВЪ

ИЗЪ КРЫМА ВЪ АЗОВСКУЮ ГУБЕРНІЮ

и

ОСНОВАНІЕ ГОТѲІЙСКОЙ И КАФІЙСКОЙ ЕПАРХІИ.

(Изъ «Исторіи Херсонской и Славянской Епархіи».)

Переселеніе Грековъ въ 1779 году изъ Крыма, состоявшаго еще подъ владычествомъ Татарскихъ хановъ, въ земли подвластныя скипетру Россіи, есть происшествіе столь важное по многимъ отношеніямъ, что заслуживаетъ быть сохраненнымъ въ лѣтописяхъ со всѣми малѣйшими его подробностями.

Что̀ собственно было причиною этого переселенія: одни–ли притѣсненія, которымъ подвергались они безпрестанно отъ Мусульмановъ въ отправленіи обрядовъ православныхъ, или какія–нибудь сторонніе политическія обстоятельства, разсматривать теперь еще и не время, и завлекло–бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ только, что главнѣйшею пружиною, и счастливымъ свершителемъ этого благаго дѣла былъ преосвященный Игнатій[1], возведенный за сей подвигъ[2] Екате-

[1] По свидѣтельству г. Скальковскаго, изъ рода «Хозадиновыхъ» или «Гозадиновыхъ». Хронол. обозр. ист. Новорос. края, Ч. I, стр. 159. Фамилія эта и по нынѣ существуетъ.

[2] Высочайшимъ именнымъ указомъ, даннымъ Святѣйшему Сѵноду 1779 г., Марта въ 14 день, повелѣно: «Игнатію, митрополиту Готѳейскому и Кефайскому, подвигомъ усердія вышедшему изъ Крыма въ вѣчное подданство Россіи и находящемуся съ знатнымъ числомъ обоего пола паствы своей въ Азовской губерніи на назначенныхъ для поселенія мѣстахъ: 1) быть архіереемъ тѣхъ поселенцовъ и состоять по смерть безпосредственно подъ Сѵнодомъ; священникамъ–же, вышедшимъ съ нимъ, оставаясь каждому при своемъ приходѣ, зависѣть отъ него, коихъ онъ и впредь по разсмотрѣнію своему и по мѣрѣ надобности въ паствѣ своей рукополагать имѣетъ; 2) именоваться ему по смерть митрополитомъ Готѳейскимъ и Кефайскимъ, и имѣть мѣсто подъ архіепископомъ Херсонскимъ и Славянскимъ; 3) на содержаніе его со всѣмъ домомъ коллегіи экономіи производить ему по три-тысячи рублей». Исторія Россійской Іерархіи. Т. I, ч. I, стр. 41.

риною–Великою въ званіе митрополита *Готѳійскаго и Кафійскаго*[3]. Онъ, если позволительно сравнивать малое съ великимъ, подобно Моусею изведшему Израильтянъ изъ работы Египетской въ землю обѣтованную, исторгъ своихъ единоплеменниковъ изъ подъ ига Татарскаго, перевелъ въ Россію, родную имъ по вѣрѣ и благоустроенную подъ кровомъ законовъ мудрыхъ, и населилъ страны, остававшіяся дотолѣ впустѣ. На голосъ его отозвалось сочувствіе во всѣхъ концахъ Крыма; отвсюду поднялись тысячи и потекли за своимъ первосвященникомъ, оставляя безъ сожалѣнія домы и земли, гдѣ родились и жили, оставляя священные гробы отцовъ и предковъ своихъ, оставляя храмы и молитвенные домы, ими и предками ихъ сооруженные. Многія деревни опустѣли совершенно; нѣкоторыя и до–сихъ–поръ лежатъ въ развалинахъ.

Началось тѣмъ, что по совѣту преосвященнаго Игнатія, выбранные изъ жителей разныхъ мѣстъ отправили въ 16 день Іюня 1778 года изъ Бахчисарая просьбу на высочайшее имя, въ которой изъявляя готовность свою вступить на вѣчныя времена въ подданство Россіи, просили объ отводѣ имъ мѣстъ и достаточныхъ угодій подъ заселеніе.

Рѣшеніе не замедлило послѣдовать и изумило самихъ просителей великодушіемъ, съ какимъ мудрая Монархиня приняла подъ покровъ свой ищущихъ защиты и убѣжища въ обширныхъ ея владѣніяхъ. Кромѣ даннаго Святѣйшему Суноду въ 14 день Марта 1779 года указа, о которомъ уже сказано, въ 21 день Маія послѣдовала на имя преосвященнаго Игнатія, митрополита Готѳійскаго и Кафійскаго и всего общества Крымскихъ христіанъ Греческаго закона, жалованная грамата, которою дарованы переселенцамъ слѣдующія милости[4]:

1. Все имущество переселенцовъ, которое только перевезено быть могло, поднято и доставлено на мѣсто, а тѣ изъ нихъ, которые состояли въ долгахъ хану

---

[3] Такъ именованъ онъ въ граматѣ высочайше дарованной ему и всѣмъ христіанамъ Греческаго закона, вышедшимъ изъ Крыма въ Азовскую губернію на поселеніе, въ 21 день Мая 1779 года (Полное собраніе законовъ Россійской имперіи. Т. XX, № 14,879). Въ указѣ Святѣйшему Суноду, какъ видно изъ предъидущаго примѣчанія, онъ названъ митрополитомъ *Готѳейскимъ и Кефайскимъ*.

[4] Мы не приводимъ здѣсь этой граматы вполнѣ, потому-что она, какъ уже замѣчено, напечатана въ «Полномъ собраніи законовъ».

или бывшему Крымскому правительству, искуплены, на счетъ казны. Сверхъ-того бѣднымъ оказано значительное денежное пособіе[8].

2. Для поселенія отведены достаточныя и лучшія земли въ существовавшей тогда Азовской губерніи по рѣчкѣ Солоной и другимъ, а равно по Азовскому-Морю, съ предоставленіемъ находящагося въ отведенныхъ дачахъ изобильнаго рыболовства на вѣчныя времена въ пользу всего общества, безъ всякихъ въ казну податей. Для купечества-же, мастеровыхъ и ремесленниковъ указаны къ поселенію города той губерніи Екатеринославъ и Маріуполь, какъ выгоднѣйшія для торговли мѣста.

3. Всѣ состоянія уволены отъ всякаго рода государственныхъ податей и службъ на десять лѣтъ, съ тѣмъ-чтобъ по истеченіи этого времени платили ежегодно въ казну: купечество съ капиталовъ по одному проценту съ рубля, цѣховые и мѣщане по два рубля съ двора, а земледѣльцы не съ душъ, а съ земли, полагаемой для каждаго по 30 десятинъ, по пяти копѣекъ съ каждой. При семъ неимущихъ поселянъ повелѣно снабдить на счетъ казны не только продовольствіемъ на первый годъ, но и всякаго званія хлѣбными семенами на посѣвъ земли, равно скотомъ и всѣмъ, къ заведенію домоводства принадлежащимъ, съ возвратомъ за то въ казну по истеченіи десяти лѣтъ; также построить для нихъ домы казеннымъ иждивеніемъ. Имущественнымъ-же дозволено, на отведенныхъ имъ земляхъ, строить домы, лавки, анбары, фабрики и все что сами пожелаютъ, пользуясь навсегда свободою отъ всякихъ постоевъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда мимо селеній ихъ будутъ проходить воинскія команды. Отъ рекрутской повинности уволены они на вѣчныя времена, развѣ кто самъ въ службу поступить пожелаетъ.

4. Преосвященному митрополиту Игнатію, по смерть его, поручена паства всѣхъ съ нимъ вышедшихъ и впредь изъ Крыма выходящихъ поселенцовъ, при чемъ велѣно ему состоять безпосредственно подъ Святѣйшимъ Сунодомъ. Въ зависимость отъ него отданы всѣ священники, съ переселенцами вышедшіе, съ тѣмъ-чтобъ каждый оставался при своей парохіи, и съ дозволеніемъ и впредь по усмотрѣнію его и по-мѣрѣ надобности рукополагать въ паствѣ своей священниковъ и другихъ церковниковъ.

---

[8] Письмо А. В. Суворова къ П. И. Турчанинову отъ 21 Сент. 1778 года, напечатанное въ Одесскомъ Вѣстникѣ 1836 года, №15, въ статьѣ г. Мурзакевича: «О заселеніи Новороссійскаго края».

5. Судъ, расправу и всю внутреннюю полицію повелѣно имѣть поселенцамъ, на основаніи генеральныхъ въ государствѣ узаконеній, выбираемыми изъ никъ-же по вольнымъ голосамъ начальниками, которымъ и пользоваться чинами и жалованьемъ по штату Азовской губерніи, находясь подъ аппеляціею намѣстническаго правленія. Въ селы-же и деревни, для защиты во всѣхъ нужныхъ случаяхъ, назначено опредѣлить особыхъ урядниковъ изъ Русскихъ, съ тѣмъ-чтобы они были токмо охранителями ихъ и заступниками, не мѣшаясь ни въ судопроизводство поселянъ, ни во что другое.

6. За-тѣмъ, по вступленіи каждаго въ избранный имъ родъ государственныхъ жителей, позволено имъ пользоваться вѣчно и потомственно всѣмъ тѣмъ, чѣмъ по общимъ Россійскимъ узаконеніямъ каждый родъ государственныхъ жителей пользуется, какъ-то: вести свободную торговлю внѣ и внутри государства, строить изъ собственнаго капитала купеческія мореходныя суда, разводить нужные и полезные заводы, фабрики и фруктовые сады, продавать собственнаго издѣлія виноградныя вина, въ селеніяхъ своихъ малыми мѣрами, а по вывозѣ во внутреннѣе Россійскіе города — бочками; словомъ распространять, по собственной волѣ и достатку каждаго, промыслы всякаго рода и всѣмъ тѣмъ подъ самодержавнымъ Россійскимъ скипетромъ и защитою законовъ наслаждаться.

Грамата сія утверждена собственноручною подписью Ея Императорскаго Величества блаженной памяти Государыни Императрицы Екатерины II. Въ послѣдствіи такимъ-же подписомъ утвердилъ ее и Государь Императоръ Павелъ I, а Императоръ Александръ-Благословенный пожаловалъ обществу другую грамату, одинаковаго съ первою содержанія, только сокращеннѣе написанную[6].

Переселеніе началось еще въ 1778 году[7], а въ 1779 году было уже совершенно окончено. Всѣхъ Грековъ вышло изъ Крыма не менѣе двадцати тысячъ, но къ сожалѣнію обстоятельства не совсѣмъ тому благопріятствовали. Между переселяющимися открылись разныя недуги, и сверхъ-того появилась въ то время въ Новороссійской и Азовской губерніяхъ повальная болѣзнь, отчего многіе въ дорогѣ померли.

Не смотря однако-жь на значительную убыль, вышедшіе изъ Крыма Греки

---

[6] Обѣ драгоцѣнныя граматы хранятся въ Маріупольскомъ Греческомъ судѣ въ серебряномъ позолоченомъ ковчегѣ.

[7] См. вышеприведенное письмо А. В. Суворова къ Н. И. Турчанинову.

основали и обселили двадцать селеній и сверхъ-того городъ Маріуполь. Селенія эти были:

1. Керменчикъ.
2. Салгиръ-Енисала.
3. Камара.
4. Богатырь.
5. Константинополь.
6. Жиндрень.
7. Чермалыкъ.
8. Караиь.
9. Стиля.
10. Игнатьевка.
11. Бешевъ.
12. Ласпи.
13. Каракоба.
14. Сартана.
15. Чердаклы.
16. Малая-Енисала.
17. Мангушъ.
18. Урзуфъ.
19. Ялта.
20. Старый-Крымъ.

Всѣ они и понынѣ существуютъ; но къ нимъ присовокупились три новыя, отдѣлившіяся въ послѣдствіи отъ первыхъ; они суть:

21. Новый-Керменчикъ.
22. Новая-Каракоба, и
23. Бугасу или Волноваха.

Расположены они большею частію по рѣчкамъ: Кальміусу, Кальчику и Калкѣ, равно какъ по сѣвернымъ берегамъ Азовскаго-Моря, вообще по мѣстамъ выгоднымъ для хлѣбопашества и скотоводства.

Городъ Маріуполь основанъ на берегу Азовскаго-Моря, при впаденіи въ него рѣчки Кальміуса, по правую сторону его устья, на возвышенности, съ востока и сѣвера покатистой. Нѣкоторые полагаютъ, что онъ поставленъ на томъ мѣстѣ, гдѣ находился нѣкогда городъ Домаха, но едва-ли это справедливо. У мѣстныхъ жителей сохраняется на-этотъ-счетъ другое преданіе, которое разсказать здѣсь считаемъ неизлишнимъ, хотя отнюдь не выдаемъ его за справедливое.

Близъ устья Кальміуса, при самомъ втеченіи его въ море, находился прежде небольшой, равнымъ-образомъ примыкавшій къ морю оврагъ, по здѣшнему наименованію «балка», на которой жила запорожанка. Наскучивъ ходить на Кальміусъ за водою черезъ оврагъ, она придумала средство облегчить себѣ трудъ. Мало-по-малу перекопала она узкій слой твердой земли, отдѣлявшей оврагъ отъ рѣчки, и часть воды хлынула въ новое ложе. Такимъ-образомъ у Кальміуса составилось двойное устье или, по мѣстному Новороссійскому выраженію, «два гирла». Запорожанка

называлась «Домахою», отчего и новый, сдѣланный ею, протокъ, получилъ отъ народа наименованіе «рѣчки Домахи». Онъ существуетъ и понынѣ, и, будучи довольно глубокъ, весьма полезенъ тѣмъ, что представляетъ удобство приставать въ немъ, грузиться и выгружаться мореходнымъ промышленничьимъ судамъ.

Постройка Маріуполя началась воздвиженіемъ храмовъ Господнихъ: 1) соборнаго, во имя священномученика Харлампія; 2) во имя равноапостольныя Маріи Магдалины; 3) Рождества Богородицы, и 4) Успенскаго или Маріинскаго, въ память Успенія пренепорочныя дѣвы Маріи Богородицы.

Соборная, каменная съ деревяннымъ куполомъ, замѣчательна находящимся въ ней большимъ числомъ старинной, по Греческому образцу, серебряной утвари, вывезенной изъ Крыма преосвященнымъ митрополитомъ Игнатіемъ, который и самъ покоится здѣсь подъ спудомъ. Церковь уже ветха, и вмѣсто нея строится нынѣ иждивеніемъ гражданъ другая, равнымъ-образомъ каменная.

Церковь св. Маріи Магдалины, подобно первой, каменная съ деревяннымъ верхомъ, построена на счетъ казны, по словамъ жителей, въ память Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, счастливѣйшей матери нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, бывшей тогда Великою Княгинею.

Успенская, иначе Маріинская, равномѣрно каменная, достопримѣчательна древнею иконою пресвятыя Богородицы, писанною не на доскѣ изъ дерева, но на мастикѣ. Ежегодно въ Августѣ мѣсяцѣ стекается къ ней великое число поклонниковъ. Риза на иконѣ новая серебряная, вызолоченная и осыпанная драгоцѣнными камнями. Она устроена и пожертвована супругою генералъ-лейтенанта войска Донскаго Евдокіею Мартыновою. Прежняя риза, сдѣланная еще въ Крыму, и оттуда вмѣстѣ съ иконою вывезенная, хранится при церкви и имѣетъ Греческую надпись: *Δέησις πάντων τῶν εὐσεβῶν χριστιανῶν διὰ συνδρομῆς καὶ ἐπιστασίας τῶν ἐν τῇ χώρᾳ Μαρίεν κατοικούντων χριστιανῶν*, 1774, *ἀπριλίου* 20.

Во время построенія Маріуполя главный основатель его, преосвященный Игнатій, заботясь объ устроеніи для словеснаго стада своего пристанища, самъ почти не имѣлъ его. Онъ жилъ, наравнѣ съ бѣднѣйшими изъ своихъ единоплеменниковъ, въ убогой, мрачной, сырой землянкѣ. Сверхъ-того его посѣтило тутъ несчастіе: возникшій пожаръ превратилъ въ пепелъ все его имущество; послѣ чего хотя и построенъ былъ для него удобный домъ, но святитель не находилъ уже въ

немъ совершеннаго спокойствія, будучи тревожимъ частыми огорченіями отъ своихъ соотечественниковъ. Онъ избралъ для духовнаго отдохновенія особое мѣсто, въ шести верстахъ отъ города въ-верхъ по рѣчкѣ Кальміусу, гдѣ развелъ хорошій фруктовый садъ, выстроивъ въ немъ каменную келью для молитвословія. По близости оттуда сооруженъ былъ, также каменный, черепицей крытый домикъ, о пяти окнахъ. Здѣсь предполагалъ преосвященный устроить монастырь, во имя великомученика и побѣдоносца Георгія, особенно Греками почитаемаго; но со смертію его пресѣклись и всѣ благородныя его преднамѣренія.

Преосвященный Игнатій скончался въ Маріуполѣ, 16 Февраля 1786 года, имѣя болѣе 70 лѣтъ отъ-роду. Онъ былъ погребенъ, какъ мы уже сказали, въ новоустроенномъ имъ Харлампіевскомъ соборѣ, какъ увѣряютъ, по тогдашнему обычаю, сидящимъ во гробѣ. Надъ нимъ поставили памятникъ, но преосвященный Дороѳей, епископъ Ѳеодосійскій, приказалъ снять и закрыть мѣсто просто досками, что и исполнено протоіереемъ Трифиліемъ. Теперь надъ покойнымъ, вмѣсто всякаго монумента, стоитъ икона св. великомученика Георгія подъ серебрянымъ окладомъ, въ небогатомъ кіотѣ — самый лучшій памятникъ той священной особѣ, которой обязаны бытіемъ своимъ и Маріуполь и Харлампіевская церковь.

Митрополитъ Игнатій былъ роста средняго и довольно дороденъ. Къ сожалѣнію ни у кого изъ гражданъ Маріупольскихъ не сохранилось ни его портрета, ни чего-либо, что̀-бы напоминало о немъ. Самые родственники его, въ-послѣдствіи должны были оставить Маріуполь.

Загородный пріютъ преосвященнаго обветшалъ, садъ заглохъ крапивою, а келья и молитвенный домъ разрушаются. Со смертію его прекратилось и существованіе въ Россіи епархіи Готѳійской и Кафійской, съ нимъ-же и возникшей, и продолжавшейся безъ малаго семь лѣтъ. Церкви къ ней принадлежавшія причислены въ вѣдомство епархіи Славенской, нынѣ именуемой Екатеринославскою[8].

Скажемъ нѣсколько словъ и о нынѣшнемъ положеніи переселенцевъ.

Греки, оставившіе Крымъ, не оставили еще своихъ тамошнихъ привычекъ и обычаевъ: говорятъ и одѣваются по-Татарски. Языкъ Греческій хотя знаютъ, но не всѣ, и притомъ употребляютъ въ разговорѣ столь испорченное нарѣчіе, что и

[8] Исторія Россійской Іерархіи. Т. I, ч. I, стр. 40.

хорошо знающій по-Гречески безъ привычки къ нему не можетъ ихъ понимать. Впрочемъ, по благодѣтельному распоряженію правительства, учреждена въ Маріуполѣ школа, въ которой обучаютъ Греческому языку грамматически. Плоды ея очевидны, и молодое поколѣніе болѣе и болѣе усовершается въ природномъ языкѣ своемъ.

Успѣхи Грековъ въ торговлѣ по сіе время малозначительны. Къ хлѣбопашеству и скотоводству они также не весьма прилежны. Оттого значительное пространство полей и луговъ ихъ остаются праздными. Какое различіе между хозяйствомъ Грековъ и хозяйствомъ живущихъ подлѣ нихъ Нѣмецкихъ колонистовъ, къ которымъ и перешла уже часть ихъ лучшихъ земель!

Съ другой стороны въ сосѣдствѣ ихъ поселилось, въ недавнемъ времени, такъ-названное Азовское Козачье войско.

Гавріилъ, А. Х. и Т.
д. ч. о.

ОСТАТКИ
ГРЕЧЕСКИХЪ ЛЕГІОНОВЪ
ВЪ РОССІИ,

или

НЫНѢШНЕЕ НАСЕЛЕНІЕ БАЛАКЛАВЫ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

I.
СЪ 1769 ПО 1801 ГОДЪ.

Порта Оттоманская долгое время находясь съ Россіею въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и продолжая при каждомъ удобномъ случаѣ увѣрять въ нихъ и въ миролюбіи своемъ, вдругъ въ концѣ 1768 года, безъ всякой особой причины къ разрыву, не только показала враждебное расположеніе, но и нарушила всѣ народныя права, арестовавъ находившагося въ Константинополѣ Россійскаго министра тайнаго совѣтника Обрѣзкова, и заключивъ его со всею свитою въ тюрьму[1]. Это дало поводъ къ войнѣ, продолжительной и кровопролитной, прославившей Русское оружіе и сильно поколебавшей могущество имперіи Оттоманской.

Войска Русскія были въ то время заняты прекращеніемъ безпорядковъ, возникшихъ въ Польшѣ. И хотя не смотря на то отправлена была особая армія для наказанія Турковъ за причиненное оскорбленіе, но чрезвычайныя обстоятельства требовали и чрезвычайныхъ мѣръ.

Командовавшій Русскимъ флотомъ въ Средиземномъ-Морѣ, графъ Орловъ, обнародовалъ, въ 1769 году, въ Греціи Высочайшій Ея Императорскаго Величества Екатерины II манифестъ, которымъ вступающимъ въ Россійскую службу иностранцамъ обѣщано было награжденіе, а въ случаѣ перехода разныя выгоды и преимущества.

[1] Манифестъ 18 Ноября 1768 года, въ «Полномъ Собраніи Законовъ», Т. XVIII, № 13,198.

Но еще прежде того, въ самомъ началѣ открытія военныхъ дѣйствій, бывшій тогда президентъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ графъ Панинъ, пользуясь расположеніемъ Архипелажскихъ Грековъ, вошелъ въ прямое съ ними сношеніе, и даже писалъ къ Мавромихали, одному изъ знатнѣйшихъ въ то время между ними лицъ. Мавромихали жилъ въ портовомъ городкѣ Витуло, и былъ начальникомъ Греческихъ легіоновъ (носившихъ тогда названіе «Спартанскихъ»), а потому и главою всѣхъ дѣйствій своихъ соотечественниковъ. Онъ первый положилъ начало послѣдовавшему за-тѣмъ переселенію Грековъ въ Россію.

Въ письмѣ отъ 22 Января 1769 года[2] графъ Панинъ, называя Мавромихали «благороднымъ капитаномъ», и упоминая о безвременномъ и противузаконномъ поступкѣ Порты, говоритъ, что война эта представляетъ удобнѣйшій случай всѣмъ православнымъ народамъ Эллады оказать великія услуги церкви Христовой, а сътѣмъ-вмѣстѣ съ одной стороны заслужить и пріобрѣсть наивящія милости, могущественную защиту и покровительство Ея Императорскаго Величества, а съ другой освободить себя на-всегда отъ ига порабощенія; и что братское и христіанское соединеніе всѣхъ вообще храбрыхъ и мужественныхъ единоземцевъ ихъ, и совокупное возстаніе для преслѣдованія врага внѣ и внутри его предѣловъ, обѣщаетъ вѣрный успѣхъ, для котораго настоящее время есть единственное благопріятное и никогда, можетъ-быть, такого болѣе не представится. Далѣе обѣщаетъ имъ Высочайшимъ именемъ, что Ея Императорское Величество ихъ не оставитъ, но будетъ имѣть подъ высокимъ своимъ покровомъ и станетъ помогать во всемъ по возможности и удобству относительно отдаленности разстоянія. Въ заключеніе присовокупляетъ, что съ письмомъ посылается нарочный, который лично объяснитъ все подробнѣе, и который имѣетъ порученіе, возвратясь въ непродолжительномъ времени, привесть съ собою одного или двухъ довѣренныхъ отъ нихъ лицъ, снабженныхъ свѣдѣніями о количествѣ и качествѣ народа, который съ ними согласится и соединится.

Какъ письмо это, такъ и сдѣланное графомъ Орловымъ объявленіе, о которомъ

---

[2] Подлинника этого письма, писаннаго по-Гречески, равно-какъ и нѣкоторыхъ другихъ документовъ, о которыхъ будетъ говорено въ-послѣдствіи, при дѣлахъ Греческаго Балаклавскаго баталіона не имѣется (вѣроятно остались они у фамиліи Мавромихали), а только переводы, сдѣланные весьма неискусною въ Русскомъ языкѣ особою. Посему предпочтено помѣстить ихъ здѣсь только въ извлеченіи.

сказано выше, имѣли важныя послѣдствія. Возбужденные ими и подвигнутые единовѣріемъ Греки, жители разныхъ острововъ Архипелага, возстали съ оружіемъ въ рукахъ, составили на собственномъ иждивеніи отдѣльный отрядъ изъ восьми батальоновъ, подъ названіемъ «Греческаго войска», и поступили на Русскій флотъ, подъ начальствомъ графа Орлова, которымъ и употреблены были противъ Турокъ въ такъ-называемой «Архипелажской экспедиціи».

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года и графъ Орловъ отправилъ къ Мавромихали письмо изъ Пизы (отъ 8 числа), въ которомъ увѣдомляя о полученіи писемъ, посланныхъ съ его племянникомъ и съ г. Ангели Адамопуломъ, и похваляя ихъ рѣшимость и ревностное желаніе служить Великой Императрицѣ, писалъ, что самъ скоро къ нимъ будетъ, но чтобъ они до пріѣзда его:

1. Людей привели въ такое состояніе, чтобъ всѣ, какъ скоро онъ будетъ, могли собраться безъ затрудненія и скоро.

2. Заготовили для войска и народа его домы или устроили казармы.

3. Собрали, сколько возможно, пшеницы и другаго необходимаго провіанта.

4. Нашли способъ прислать въ Анаполь, Монемвасію, Модонъ и Коронъ по двадцати человѣкъ или и болѣе, будто на работу, но чтобъ всякой изъ нихъ имѣлъ съ собою по два или по три гвоздя. «Когда время придетъ», присовокупляетъ онъ, «дано имъ будетъ знать, куда ихъ употребить».

5. Собрать сколько можно болѣе лошадей, лошаковъ иословъ, чтобы къ его пріѣзду были въ готовности.

Далѣе, обѣщая скорую свою помощь и покровительство Монархини, онъ оканчиваетъ такъ: «Начинайте съ помощію Божіей дѣло, отъ котораго зависитъ слава и счастіе ваше и всѣхъ Грековъ, и вы приведете его къ окончанію съ успѣхомъ. Объ одномъ только прошу васъ: чтобъ воины ваши были между собой согласны. Тогда Богъ благословитъ ваше оружіе».

Въ слѣдующемъ году, узнавъ изъ полученнаго отъ Мавромихали письма о намѣреніи его пріѣхать для свиданія, графъ Орловъ другимъ письмомъ изъ Наварина, отъ 8 Мая, благодаритъ его, но говоритъ: «теперь не до церемоній, а надобно дѣлать дѣло», и совѣтуетъ остаться на мѣстѣ, собрать всѣхъ воиновъ, разсыпавшихся по Майнѣ, привести ихъ въ порядокъ и дѣйствовать противъ Турокъ, разо-

ряющихъ христіанъ, чтобъ «окончить начатое великое предпріятіе, которое всякому принесетъ честь, мзду и счастіе».

1769, 1770, 1771, 1772 и 1773 годы представляютъ непрерывную цѣпь подвиговъ Архипелажскихъ Грековъ, участвовавшихъ почти во всѣхъ сраженіяхъ Русскихъ съ Турками. Воодушевленные покровительствомъ Русской Монархини, онинеоднократно оказали храбрость и мужество, а съ-тѣмъ-вмѣстѣ особенный навыкъ служить, какъ въ морѣ, такъ и на сухомъ пути. Угнѣтенія въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отъ самовластнаго и жестокаго управленія Турецкихъ пашей, вывели ихъ изъ терпѣнія и возбудили въ нихъ чувство мщенія. Они сражались за вѣру, за женъ и дѣтей, и безъ-сомнѣнія весьма много способствовали успѣху Архипелажской экспедиціи. Въ 1770 году Греки были въ дѣйствіи противъ непріятеля, подъ городами: Навариномъ, Чесмою, при знаменитомъ сожженіи Турецкаго флота доставившемъ графу Орлову прозваніе «Чесменскаго», подъ Лемномъ, Салоникою, при Неокастрѣ, Мафтони; подъ мѣстечками: Мудрою-Макрою, Гастуни, Аркадіею; при селеніяхъ: Хамохоріо, Патрея, Востація; на островѣ Негропонтѣ и подъ Корономъ.

Въ 1771 году, подъ Руфаніею, Митиленомъ, Карабурну, Мудрой-Стойкой.

Въ 1772 году, подъ городами: Верутомъ, Митиленомъ, Скоспиломъ, и урочищемъ Гурья.

Въ 1773 году, подъ городами: Читаліею, Стойкой-Будрумомъ и Карабурну.

Во все это время Спартанскіе легіоны не только служили безъ всякаго жалованья, но неоднократно давали убѣжище и оказывали гостепріимство Русскимъ войскамъ въ собственныхъ домахъ и убѣжищахъ своихъ. Ведя однако-же такую упорную битву противъ враговъ, разорвавъ съ властелинами своими всѣ связи подчиненности и покорности, Греки должны были думать о будущности, думать о томъ, что̀ ожидало ихъ семейства по окончаніи войны. Теперь находились они подъ мощнымъ покровительствомъ Русскаго оружія; но съ выступленіемъ Русскихъ войскъ и съ прекращеніемъ войны ихъ ожидало преслѣдованіе Турокъ, мщеніе, жестокости и угнѣтенія всякаго рода. Оставаться въ Архипелагѣ, имъ было невозможно. — Еще при начатіи военныхъ дѣйствій, они помышляли о преданіи себя и

своихъ семействъ великодушному покровительству Русской Монархини. Вышеприведенное письмо графа Панина, было уже для нихъ залогомъ участія Россіи, и желанія Императрицы оказать имъ покровительство. Единовѣріе еще больше ихъ къ тому побуждало. Греки твердо помнили слова графа Орлова: что «въ счастливомъ окончаніи сего великаго дѣла, заключается ихъ честь, мзда и счастіе». Они должны были искать его и для себя и для семействъ, почему возложивъ упованіе на Бога, приступили къ исполненію своего намѣренія. Война приходила къ окончанію, и вскорѣ слѣдовало ожидать заключенія между Россіею и Портою мира. Греки приступили къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ и отнеслись къ графу Орлову съ единодушнымъ прошеніемъ. Сообщаемъ здѣсь любопытный отвѣтъ послѣдняго, въ которомъ обращается онъ ко всему Албанскому войску, съ воззваніемъ въ родѣ манифеста отъ своего имени, и обѣщаетъ именемъ Императрицы всѣмъ, кто пожелаетъ переселиться въ Россію убѣжище, чины, воинскія почести и жалованье.

«Мы, графъ Алексѣй Орловъ, полномочный Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, главнокомандующій въ Архипелагѣ, предводительствующій морскими и сухопутными силами на Егейскомъ-Морѣ и Цыкладскихъ-Островахъ, и всѣхъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ.

«Ко всѣмъ храбрымъ и вѣрнослужащимъ маіорамъ, капитанамъ, офицерамъ и прочимъ Албанскаго войска чинамъ.

«Прошеніе, присланное къ намъ минувшаго Августа 31 числа изъ порта Аузы, нами получено, чрезъ которое узнали, что вы находитесь въ недоумѣніи въ-разсужденіи нынѣшнихъ временныхъ обстоятельствъ, по заключенію мира между нашимъ дворомъ и Оттоманскою-Портою, и что желаете узнать о будущемъ вашемъ состояніи.

«За-благо нашли въ отвѣтъ объявить вамъ, что рѣшеніе ваше нами утверждено, за оказанныя вами дѣла, которыя неоднократно доказали ваше мужество, храбрость, вѣрность, рвеніе, великодушіе и ревность, чрезъ кои прославили оружіе собственнаго вашего отечества и имена въ высокославной Ея Императорскаго Величества службѣ, во все время минувшей войны, слѣдуя непобѣдимымъ Россійскимъ знаменамъ, окропленнымъ собственною вашею кровію во всѣхъ сраженіяхъ и отпорахъ оной войны; того ради мы и опредѣлили во-первыхъ, что всѣ тѣ маіоры,

капитаны, оберъ и унтеръ-офицеры и нижніе служители всякаго званія изъ васъ, которые пожелаютъ продолжать Ея Императорскаго Величества службу и переѣдутъ въ Россію, будутъ имѣть навсегда пожалованныхъ имъ чиновъ достоинства, воинскія почести и жалованье таковое-жь, какъ и нынѣ имѣютъ, да и впредь могутъ надѣяться награжденія въ повышеніи чиновъ каждый, когда оное заслужитъ, такъ-какъ настоящій намъ единоземецъ; для сего, по удовольствованіи каждаго заслуженнымъ имъ жалованьемъ, перевезены будутъ на казенномъ иждивеніи, производя имъ жалованье и впредь, притомъ спомоществуемы будутъ не только на пути, но и гдѣ опредѣлены будутъ, человѣколюбивѣйшимъ и ласковѣйшимъ образомъ, не только съ ними самими, но и со всѣми ихъ семьями и сродственниками, которые съ ними самими пріѣдутъ и съ единоземцами ихъ, кои захотятъ также слѣдовать съ ними въ Россію. Итакъ всѣ желающіе послѣдовать сему нашему мнѣнію и опредѣленію, долженствуютъ дать письменно каждый свое имя и состояніе къ точному исполненію во всемъ томъ, что мы выше вамъ предписали.

«Тѣ-жь, которые ради собственныхъ своихъ обстоятельствъ, или для какихъ другихъ своихъ нуждъ, не могутъ теперь слѣдовать въ Россію, удовольствованы будутъ, такъ-какъ и вышеписанные первые, заслуженнымъ ихъ по сіе время жалованьемъ, потомъ будутъ отправлены или на казенныхъ судахъ, либо на казенномъ иждивеніи, до береговъ ихъ отечества. А какъ по пріѣздѣ ихъ тамъ расположатъ свои дѣла и захотятъ послѣ того воспользоваться постановленіемъ, содержимымъ въ мирныхъ трактатахъ, т. е. въ силу 1 и 24 оныхъ главы, пріѣхать и имъ въ Россійскую имперію; да будутъ увѣрены, что приняты будутъ тамъ, какъ они, такъ и фамиліи ихъ и сродственники, всѣ благосклонно, а тѣ особы, которыя опредѣлятся по близости сихъ мѣстъ для надзиранія такихъ дѣлъ и для другихъ обстоятельствъ, будутъ имъ давать всякое вспоможеніе, прибѣжище и покровительство, до прибытія ихъ въ Россію, гдѣ оные будутъ расположены и приняты съ тѣми-же выгодами и преимуществами, какъ и тѣ, которые отправляются теперь.

«Добрая дружба, оказанная Албанцами вообще, не изчезнетъ никогда изъ нашей памяти, и всегда сердечно стараться будемъ о пользѣ вашей и спокойствіи, будучи мы сами свидѣтелемъ и самовидцемъ мужественныхъ подвиговъ и услугъ всей храброй вашей націи, и посему будемъ имѣть навсегда чрезвычайное стараніе и попеченіе, дабы всякими возможными способами помогать вамъ, касательно

до защищенія, спокойствія и всякаго вашего довольствія. За симъ пребываемъ мы всегда со всякимъ усердіемъ къ вамъ благосклонный. Данъ въ Пизѣ, Сентября 2 дня 1774 года.»

Получивъ этотъ отзывъ, въ которомъ графъ Орловъ-Чесменскій столь торжественно говоритъ отъ имени своей Монархини, Греки въ томъ-же 1775 году, при заключеніи мира, отправили депутатовъ къ двору Ея Императорскаго Величества. Начальникомъ депутаціи и главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ тогда капитанъ Мавромихали, который во время войны сражался съ «собственными его Спартанскими Легіонами»[1] безъ всякаго жалованья, получилъ золотую медаль за атаку и взятіе Наварина, и отличался примѣрнымъ мужествомъ, неустрашимостью, щедростью и неограниченнымъ довѣріемъ и любовью къ нему всѣхъ его соотечественниковъ.

Депутація была принята Ея Императорскимъ Величествомъ благосклонно и съ особеннымъ вниманіемъ. Послѣдствіемъ того былъ Высочайшій рескриптъ, данный на имя графа Орлова, въ 28 день Марта 1775 года, слѣдующаго содержанія:

«Божіею милостію Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу графу Алексѣю Орлову.

Всемилостивѣйше разсматривая поднесенное Намъ, отъ имени всѣхъ служащихъ при флотѣ подъ предводительствомъ вашимъ Грековъ, прошеніе маіора Константина Георгія и капитана Стефана Мавромихали, находимъ, что утвержденная свидѣтельствомъ вашимъ похвальная ихъ къ Намъ и отечеству Нашему служба учиняетъ достойными Всемилостивѣйшаго Нашего уваженія, что и исполняемъ Мы силою сего, повелѣвая вамъ не только всѣмъ тѣмъ, кои честь и славу побѣдоноснаго Нашего оружія въ минувшую войну подвигами своими утверждали, но и родственникамъ ихъ, и словомъ всѣмъ благонамѣреннымъ объявить Высочайшимъ Нашимъ именемъ, что правосудіе и природная Наша къ общему добру склонность пріемлетъ ихъ подъ праведный свой покровъ, чиня всѣмъ онымъ въ отечествѣ Нашемъ прочное и полезнѣйшее со всѣмъ семействомъ ихъ пристанище, и что человѣколюбивое Наше сердце не престанетъ никогда о благосостояніи и пользѣ единовѣрнаго общества

[1] Такъ сказано въ аттестатѣ, данномъ ему нашимъ генералъ-маіоромъ Ганнибаломъ.

сего пещись, изъясняя на-первый-случай по упоминаемому прошенію ихъ Высочайшую Нашу волю.

1. Если пожелаютъ они основать селеніе свое въ городахъ Керчи и Ениколѣ: то Мы, Всемилостивѣйше на то соизволя, учинимъ свободный и вольный въ тѣхъ мѣстахъ портъ.

2. Въ такомъ случаѣ повелѣваемъ вамъ не токмо тѣхъ, кои въ войскѣ Нашемъ служили, со всѣмъ семействомъ ихъ, но и всякаго званія людей, которые объявятъ вамъ свое къ тому желаніе, сколь великое число оныхъ ни будетъ, на иждивеніи Нашемъ и на Нашихъ корабляхъ, со всѣми возможными для нихъ въ пути выгодами въ отечество Наше отправить, а чтобъ всѣ оные соотвѣтственно Высочайшей Нашей волѣ въ первомъ Россійскомъ портѣ приняты, и въ назначенное имъ мѣсто препровождены были, то имѣете вы о числѣ ихъ благовременно увѣдомить Нашего генерала Потемкина, которому на сей случай достаточное дано отъ Насъ повелѣніе.

3. Зданіе храмовъ Божіихъ и всего домостроительства ихъ произведено будетъ изъ казны Нашей, такъ-какъ и содержаніе крѣпости въ надежномъ для жителей состояніи, не оставимъ Мы препоручить тому начальнику или коменданту, который по Высочайшему избранію Нашему на сей случай опредѣленъ и впредь опредѣляемъ будетъ.

4. Что сходственно съ прошеніемъ ихъ не дозволено будетъ никому изъ иностранныхъ покупать земли въ отведенной для сего общества части, какъ при крѣпостяхъ Керчи и Ениколѣ, такъ и въ Азовской губерніи, но подъ симъ именемъ иностранныхъ не разумѣть имъ Россійскую націю; и какъ тѣ города принадлежатъ скипетру оной, то коменданту и гарнизону въ нихъ быть Россійскому.

5. Прошеніе ихъ въ-разсужденіи податей, которыя обязуются они, исключая однихъ военнослужащихъ, платить въ казну Нашу со времени основанія ихъ по прошествіи тридцати лѣтъ, а тѣ, кои получатъ земли въ Азовской губерніи, спустя пятнадцать лѣтъ, и что въ отправленіи правосудія повиноваться имъ общимъ той губерніи установленіямъ, Мы Всемилостивѣйше пріемля, апробуемъ.

6. Что принадлежитъ до установленія изъ націоналовъ ихъ войскъ и до всего того, что съ основаніемъ оныхъ неразрывно быть слѣдуетъ, то во всемъ оном учинено будетъ прочное и выгодное для обѣихъ сторонъ условіе.

7. Прошеніе ихъ о выборѣ той націи генерала со Всемилостивѣйшимъ отъ Насъ его въ томъ чинѣ утвержденіемъ, и объ учрежденіи изъ собственныхъ ихъ офицеровъ для разбирательства ссоръ суда, съ подчиненіемъ онаго начальнику провинціи ихъ, Мы Всемилостивѣйше апробуемъ.

8. Соизволяемъ и на то, чтобъ учрежденныя изъ той націи войска ни въ какія другія мѣста внѣ предѣловъ ихъ, исключая одного военнаго времени, употребляемы не были.

9. Избраніе для нихъ Греческаго Архіепископа, съ посвященіемъ Святѣйшаго Нашего Сунода, и съ произвожденіемъ ему изъ казны жалованья, апробуемъ.

10. Для наблюденія внутренняго благочинія и всякаго званія торговыхъ дѣлъ учредить магистратъ изъ Греческаго ихъ купечества, способомъ избранія въ оный судей чрезъ всякія три года, Всемилостивѣйше имъ позволяемъ, которому состоять подъ аппелляціею губерніи, а потому самому и въ вышней аппелляціи Нашего Сената, съ тѣмъ однако-жь, что долженствуютъ они объявить, на какихъ именно законахъ рѣшенія свои основывать будутъ.

11. Никто изъ поселянъ общества сего противъ собственнаго своего желанія въ войски Наши ни-подъ-какимъ-видомъ принуждаемъ не будетъ, и каждый изъ нихъ военнослужащій, по прошествіи пяти лѣтъ, если самъ пожелаетъ, получитъ отъ оной увольненіе, на-мѣсто которыхъ въ то-же самое время наполнять полки изъ поселянъ, но сіе не прежде учреждено быть можетъ, какъ тогда, когда по числу всего онаго селенія опредѣлится число полковъ; въ случаѣ-же непредвидимой нужды повиненъ каждый защищать оружіемъ безопасность земли.

12. Для воспитанія юношества и пріуготовленія онаго къ службѣ, учредится въ селеніи ихъ потребное на казенномъ иждивеніи военное училище, а для сохраненія здоровья, какъ военнослужащихъ, такъ и всѣхъ тамошнихъ поселянъ, казенный-же госпиталь и аптека, съ потребнымъ числомъ медицинскихъ служителей.

13. Увольненіе города отъ постоевъ и содержанія почты въ мирное время учинено будетъ, смотря по возможности и обстоятельствамъ.

14. Что до произвожденія генералу ихъ жалованья и снабденія въ военное время полковъ ихъ всѣмъ нужнымъ къ походу касается, то въ ономъ сдѣлано будетъ условіе по учинени и нужнаго на сей случай исчисленія.

15. Всякаго званія, потребная для нихъ военная аммуниція и снаряды какъ нынѣ, такъ и впредь, выдаваемы будутъ изъ казны Нашей.

16. Соизволяемъ Высочайше отправлять купечеству ихъ при всѣхъ имперіи Нашей портахъ и городахъ взаимную съ прочимъ Россійскимъ купечествомъ торговлю, пользуясь всѣми Всемилостивѣйше пожалованными отъ Насъ до нынѣ и впредь по временамъ жалуемыми привиллегіями, такъ-какъ и всѣ природные Наши подданные тѣмъ пользуются, безъ всякаго изъятія, и содержать оному на собственномъ своемъ иждивеніи купеческіе корабли, не возбраняя притомъ и Россійскому купечеству пріѣзжать съ товарами въ селенія ихъ.

17. Выводъ въ тѣ селенія земледѣльцевъ не токмо изъ Греціи, но изъ Булгаріи, Молдавіи и Валахіи Всемилостивѣйше позволяемъ.

18. На равномъ съ сими новыми поселянами основаніи, увольняемъ отъ податей на тридцать лѣтъ и всѣхъ тѣхъ Грековъ, кои въ будущее время выходя и поселясь тамъ, утвердятъ себя въ вѣрности къ службѣ Нашей присягою.

19. Установленную по прошествіи тѣхъ льготныхъ лѣтъ въ казну Нашу подать, повелѣваемъ расположить не съ числа душъ, но съ фамилій.

20. Въ подкрѣпленіе всѣхъ будущихъ въ томъ селеніи чиновныхъ въ ихъ домостроительствахъ и для споспѣшествованія къ пользѣ заводимой тамъ торговли, имѣетъ учрежденъ быть изъ казны Нашей Банкъ, на равномъ основаніи со всѣми прочими въ государствѣ Нашемъ до нынѣ установленными.

21. И наконецъ пріемля все оное общество въ особливое Наше Матернее покровительство и милость, и сохраняя всегда въ прямой цѣнѣ оказанные онымъ въ теченіе минувшей войны знаменитые опыты ихъ къ службѣ Нашей усердія и ревности, не оставимъ по природному Нашему правосудію безъ достойнаго всѣхъ и каждаго особо, по мѣрѣ подъятыхъ ими трудовъ награжденія, поставляя въ томъ всегдашнее Наше удовольствіе.

Къ произведенію-же всего вышеписаннаго именемъ Нашимъ въ дѣйство, и къ отправленію ихъ всѣхъ на объявленномъ основаніи въ Россію, по испытанной Нами достохвальной вашей ревности, уполномочивая васъ, пребываемъ Императорскою Нашею милостію всегда благосклонны. Данъ въ Москвѣ. Лѣта отъ Рождества Христова 1775, Марта 28 дня.

Екатерина.»

Это положило начало переселенію въ Россію Архипелажскихъ Грековъ. Приведеніе въ исполненіе ихъ предпріятія, возложено было на графа Орлова, бывшаго свидѣтелемъ ихъ подвиговъ и пожертвованій.

Въ 1775 году совершилось самое переселеніе. Греки нашли въ великодушной Монархинѣ Россійской мощное покровительство; Россія пріобрѣла новыхъ подданныхъ. Оставляя съ семействами родныя пепелища, Греки утѣшались мыслью найти въ новой землѣ новое отечество, гдѣ ихъ ожидала и та-же религія, и ненарушимость ихъ правъ и преимуществъ, и разнаго рода привиллегіи, обезпечивавшіяна будущее время судьбу ихъ и ихъ потомства, — и они не ошиблись. Послѣдующіе годы представляютъ рядъ милостей и безпрерывныхъ щедротъ, которыя Греки не переставали и до нынѣ не престаютъ получать отъ щедротъ Русскихъ Монарховъ.

Для поселенія Грековъ назначены были: города Таганрогъ и, поступившіе во владѣніе Россіи по послѣднему миру, Керчь и Ениколь въ Азовской губерніи. Всѣ переселенцы получили общее названіе «Албанскаго войска». Въ томъ-же 1775 году свѣтлѣйшій князь Потемкинъ, въ то время «сынъ славы и счастія», назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Новороссійской, Азовской и Астраханской губерній, съ властью и преимуществами царскаго намѣстника. Въ 1777 году онъ отправился къ новому своему посту. Давно уже думалъ онъ объ исполненіи обширнаго плана, совершенно овладѣть Крымомъ и тѣмъ достичь свободнаго плаванія по Черному-Морю. Прибытіе князя Потемкина имѣло величайшее вліяніе на судьбу Греческихъ выходцевъ. Остановясь въ Херсонѣ, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу. Передъ нимъ лежалъ край пустынный, дикій, необразованный; но сильная рука его все преобразовала. Съ прибытіемъ его южный край Россіи началъ принимать другой видъ: строились города, возникали села, съ корабельной верфи въ Херсонѣ спускались суда и корабли, нагруженные товарами караваны тянулись черезъ степи, все кипѣло жизнью, и жизнью могучею. Но и среди этихъ важныхъ государственныхъ занятій, князь не оставлялъ безъ вниманія Греческихъ переселенцевъ. Онъ обратился къ Албанскому войску съ нѣкотораго рода воззваніемъ, въ которомъ говоря «о человѣколюбивыхъ и матернихъ обладательницы своей попеченіяхъ», присовокупилъ, что «нѣтъ ничего для него пріятнѣе, какъ способомъ его усердія къ отечеству, устремлять всѣ силы и возможность къ успокоенію ихъ въ предѣлахъ Ея Величества». Но мы лучше приведемъ сей любопытный документъ вполнѣ.

«Священно-Римской Имперіи князь, войскъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской генералъ-аншефъ, государственной военной коллегіи вице-президентъ, командующій всею легкою конницею и всѣми регулярными войсками, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, кавалергардскаго корпуса поручикъ, Астраханской, Новороссійской и Азовской губерній намѣстникъ, всѣхъ поселенныхъ въ оныхъ губерніяхъ войскъ главный командиръ, дѣйствительный камергеръ, орденовъ Россійскихъ: св. Апостола Андрея, св. Георгія большаго креста, св. Александра-Невскаго; королевскихъ: Прусскаго – Чернаго Орла, Шведскаго – Серафима, Датскаго – Слона, Польскихъ – Бѣлаго Орла, св. Станислава и великокняжескаго св. Анны кавалеръ князь Григорій Потемкинъ. Всему прибѣгшему подъ Всемилостивѣйшій покровъ Августѣйшія Самодержицы нашей Албанскому войску и прочимъ всякаго состоянія и чина, состоящимъ во ввѣренныхъ мнѣ городахъ Керчи и Ениколѣ, яко единовѣрнымъ и любезнѣйшей моей собратіи, усердно желая всякаго добра и благосостоянія, къ свѣдѣнію всѣхъ и каждаго увѣдомляю, что за особливое счастіе и честь поставляю я себѣ начальствовать толь славными сподвижниками въ минувшую войну побѣдоносному Ея Императорскаго Величества оружію, и что не можетъ для меня ничего пріятнѣе быть, какъ способомъ усердія моего къ отечеству устремлять всѣ силы и возможность къ успокоенію въ предѣлахъ Ея Императорскаго Величества сихъ прославленныхъ воиновъ, доставленіемъ имъ наилучшихъ къ жизни выгодъ, дабы пользуясь оными ощутительно познали они истинную цѣну человѣколюбивыхъ и матернихъ обладательницы своей объ нихъ попеченій. И какъ не сомнѣваюсь я, что Высочайшій Ея Императорскаго Величества отзывъ на прошеніе присланнаго отъ того войска депутатомъ маіора Константина Чапона всѣмъ кому слѣдуетъ извѣщенъ, то и неоставилъ я съ моей стороны во исполненіе Всемилостивѣйшаго указа, получа на-первый-случай изъ казны 50,000 рублей, препоручить г. генералъ-маіору Барзову, также Азовскому губернатору г. генералъ-маіору и кавалеру Черткову, чтобъ, впредь до совершеннаго объ нихъ положенія, по долгу хозяйства употребить возможныя способы: 1) о продовольствіи всѣхъ прибывшихъ въ Керчь и Ениколь на поселеніе жизненными припасами и такимъ жалованьемъ, какое они въ бытность при флотѣ на берегу, получали; 2) о построеніи по утвержденному уже плану домовъ и гостиннаго двора; 3) о основаніи порядочнаго госпиталя и аптеки, а для воспитанія малолѣтныхъ дѣтей училища; 4) о

предохраненіи селенія ихъ отъ заразы учрежденіемъ строгаго карантина; 5) о свободной ихъ безъ пошлинъ торговлѣ, что все съ помощью Божіею и производится; 6) судя по малой округѣ земли, принадлежащей помянутымъ двумъ крѣпостямъ, пріискалъ для сего общества, наивыгоднѣйшее къ жизни и изобильное всѣмъ приморское мѣсто около Таганрога, гдѣ прежде того званія козачій полкъ селеніе свое имѣлъ, назнача оное съ тѣмъ, что если кто по собственному своему произволу поселиться тамъ пожелаетъ, то получитъ построенный изъ казны домъ, и въ образѣ жизни своей тѣми-же самыми выгодами и вольностями пользоваться будетъ, какъ впрочіе поселившіеся въ Керчи и Еникале, въ чемъ однако-жь отдаю собственной ихъ волѣ; и наконецъ 7) къ лучшему распространенію домостроительства, препоручилъ губернатору снабдить таковыхъ новыхъ поселянъ полученнымъ отъ бывшихъ Запорожцевъ скотомъ.

«Все сіе исполняя съ особливою пріятностью, ожидаю я, что всѣ оные любезнѣйшіе сограждане, принявъ съ усерднѣйшимъ признаніемъ устроиваемое имъ отъ щедроты Самодержицы ихъ благоденствіе, запечатлѣютъ въ благородныхъ сердцахъ своихъ непоколебимѣйшую къ освященному Ея престолу ревность и усердіе, каковою чистѣйшею и достойною Ея пріятія жертвою сопричтутся благоденствующимъ подъ покровомъ ея чадамъ, въ чемъ да поможетъ имъ рука Всевышняго.

«А какъ, между прочими Монаршими благодѣяніями, Высочайшая воля есть, чтобъ все общество управляемо было какъ пастыремъ, такъ и начальниками единоземными, то препоруча съ моей стороны г. Азовскому губернатору отобрать чрезъ депутатовъ общества сего всѣ касающіяся до сего мѣроположенія, и обще съ мнѣніемъ своимъ представить ко мнѣ, приглашаю я теперь симъ почтеннѣйше, чтобъ выбравъ двухъ уполномоченныхъ и снабденныхъ на сей случай прошеніями всего общества, отправить ко мнѣ, которыхъ съ особливою пріятностью не оставлю я выслушавъ употребить къ благосостоянію и пользѣ онаго всеподданнѣйшее мое у престола Ея Императорскаго Величества предстательство. Пребываю всегда ко всѣмъ и каждому особенно съ усердною преданностью.

Князь Потемкинъ.»

Греческое войско чувствовало всю цѣну попеченій объ немъ свѣтлѣйшаго князя, исходатайствовавшаго отъ щедротъ Монархини, кромѣ другихъ выгодъ, и значительное денежное пособіе для первоначальнаго обзаведенія въ Керчи и Еникале.

Но еще не успѣли Греки устроиться на мѣстахъ новаго поселенія, какъ имѣли случай вновь показать свое мужество, и готовность служа новому своему отечеству, содѣйствовать его пользамъ. Происки Оттоманской-Порты, съ завистью смотрѣвшей на распространеніе успѣховъ побѣдоноснаго оружія Русскихъ въ Крыму, нарушили спокойствіе полуострова. Константинопольскіе агенты дѣйствовали разными способами на слабые умы Татаръ, и возбуждали ихъ къ неповиновенію Русскимъ и къ враждебнымъ противъ нихъ дѣйствіямъ, не смотря на всѣ усилія послѣдняго Крымскаго хана Шагинъ-Гирея, предвидѣвшаго уже близкое паденіе его власти и ханства. Татары взбунтовались. Россійскія войска двинулись на усмиреніе непокорныхъ, и Албанское войско болѣе прочихъ участвовало въ тогдашнихъ военныхъ подвигахъ. Оно дѣйствовало въ Керченскомъ уѣздѣ, при покореніи города Кафы, въ горахъ, при занятіи Судака, и въ другихъ мѣстахъ, съ примѣрною неустрашимостью.

Прилагаемъ здѣсь два аттестата, свидѣтельствующіе объ ихъ подвигахъ. Они даны, по окончаніи мятежа, гг. генералъ-маіоромъ Потемкинымъ и генералъ-поручикомъ Прозоровскимъ.

I. «Я нижеподписавшійся, Императорскихъ Россійскихъ войскъ генералъ-маіоръ, двора Ея Императорскаго Величества дѣйствительный камеръ-юнкеръ, орденовъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія третьяго класса и великокняжескаго Голстинскаго св. Анны кавалеръ, свидѣтельствую, что Албанское войско, находящееся съ начала учинившагося генеральнаго бунта въ Крымскомъ-Полуостровѣ противу Татаръ, очищая горы отъ самой Кефы чрезъ Качу и до Янисуля поражало повсюду Татаръ съ отличнымъ мужествомъ, ревнуя къ службѣ Ея Императорскаго Величества; потомъ, подъ моимъ начальствомъ въ четыре атаки, а именно при деревнѣ Бейсалѣ, въ деревнѣ Илисулѣ при пораженіи нурадинъ-султана съ его толпою, на Качѣ за Бакчисараемъ, и наконецъ въ Черкесъ-Керменѣ, при отличной неустрашимости, изъявило новые опыты усердія къ службѣ. Я сіе свидѣтельство даю сему храброму войску тѣмъ охотнѣе, чѣмъ ближе былъ я очевиднымъ свидѣтелемъ мужества его, и чѣмъ оно достойнѣе одобренія и похвалъ, ибо невозможно имѣть болѣе мужества, отважности и усердія къ службѣ, колико оное войско изъявило. Апрѣля 1 дня 1778 года.

Павелъ Потемкинъ.»

II. «Во время открывшагося въ семъ полуостровѣ генеральнаго во всей землѣ мятежа, войско Албанское взято мною изъ Ениколя и употреблено было по сродности ихъ въ горы, гдѣ подъ начальствованіемъ секундъ-маіоровъ Саблера и Дѣева, и наконецъ г. генералъ-маіора и кавалера Потемкина, прошедшаго 1777 года съ Декабря мѣсяца до самаго окончанія мятежа, по 6 число настоящаго теченія, во всѣхъ сраженіяхъ съ бунтующими Татарами дрались, отъ вышняго до нижняго, съ отмѣнною храбростью, поражали повсюду непріятеля, и доказывали при всякомъ случаѣ въ глазахъ начальниковъ своихъ ревностное къ Высочайшей службѣ усердіе, чрезъ что какъ господа маіоры и офицеры ихъ хорошимъ поощреніемъ и неробкимъ предводительствомъ своихъ подчиненныхъ, такъ и рядовые отважнымъ на непріятеля нападеніемъ, заслуживая достойное всякаго своего начальника вниманіе, по справедливости и отъ меня при отпускѣ ихъ въ Ениколь получаютъ сей, данный имъ въ Крыму при рѣчкѣ Качѣ. Февраля 11 дня 1778 года. Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни моей отъ арміи генералъ-поручикъ, командующій расположенными по лѣвую сторону Днѣпра въ Крыму и на Кубани войсками, кавалеръ св. Георгія и орденовъ св. Александра-Невскаго, св. Анны и св. Станислава кавалеръ-же

Платонъ Прозоровскій.»

Показавъ такимъ-образомъ новый опытъ преданности своей къ Россіи, Греки пріобрѣли чрезъ то новое право на признательность Русскаго правительства, и тѣмъ сильнѣйшими связались узами съ ихъ единовѣрцами.

По возстановленіи спокойствія въ Крымскомъ-Полуостровѣ и по утвержденіи снова Крымскимъ ханомъ Шагинъ-Гирея, князь Потемкинъ опять занялся устройствомъ Греческаго войска, оказавшаго такъ много услугъ при послѣднемъ возмущеніи Татаръ. Бывши въ то время предсѣдателемъ военной коллегіи, онъ представилъ, чтобы изъ Албанскаго войска, по собственному ихъ желанію и къ собственной ихъ пользѣ сформировать пѣхотный Греческій полкъ изъ 20 ротъ, «полагая вмѣсто гренадеръ двѣ роты на подобіе Турецкихъ Даль-Калызей, т. е. аттакующихъ на сабляхъ. Сильное оныхъ стремленіе», говоритъ князь Потемкинъ, «и удобность сабель, особливо на неровныхъ мѣстахъ, преимуществуетъ много предъ штыками, единственнымъ оружіемъ наступательныхъ войскъ Албанскихъ. Именованію сихъ

ротъ не благоволите-ли Ваше Императорское Величество быть по славнымъ званіямъ древней Греціи, какъ-то: Македонская, Епирская, Спартанская, и проч.».

Этотъ докладъ утвержденъ Государынею Императрицею 3 Августа 1779 года, и съ-тѣхъ-поръ началось формированіе Греческаго пѣхотнаго полка, продолжавшееся до 1783. Не извѣстно почему, князь Потемкинъ приказалъ полковнику Дмитрову формировать изъ Албанскаго войска не 12 ротъ, какъ то сказано во всеподданнѣйшемъ его докладѣ, а только 8. Но какъ-бы то ни было, въ этѣ роты поступали Греки не только поселившіеся при переселеніи въ Керчи и Еникале, но и тѣ, кои въ то-же время основались въ Таганрогѣ, гдѣ и самое формированіе происходило.

Въ 1783 году окончательно присоединенъ къ Россіи Крымскій-Полуостровъ (названный потомъ, Высочайшимъ манифестомъ 2 Февраля 1784 года, «Таврическою Областью»). 28 Іюня, въ день восшествія на престолъ Государыни Императрицы, послѣдній Крымскій ханъ сложилъ съ себя достоинство, и предался подъ защиту Императрицы Всероссійской. 30 Іюня началась въ разныхъ мѣстахъ полуострова присяга на подданство Россіи Крымскихъ Татаръ, а 28 Декабря того-же года дальновидный и дѣятельный въ то время полномочной министръ нашъ въ Константинополѣ, г. Булгаковъ, заключеннымъ съ Портою трактатомъ, упрочилъ навсегда присоединеніе къ Россіи Крыма.

Пріобрѣтеніе полуострова имѣло большое вліяніе и на Греческое войско. Князь Потемкинъ, получившій званіе Таврическаго генералъ-губернатора, видѣлъ необходимость ввѣрить защиту и надзоръ за береговою южною частью Крыма, покрытою горами, неимѣющею дорогъ и представляющую безчисленныя удобства къ убѣжищу въ разныхъ мѣстахъ большихъ и въ особенности малыхъ непріятельскихъ судовъ, людямъ храбрымъ, испытаннаго мужества, знакомымъ съ горными мѣстами, привыкшимъ къ морской и сухопутной службѣ, и къ тамошнему образу жизни, и – что всего важнѣе – на вѣрность коихъ можно было-бы положиться. Выборъ палъ на Греческое войско.

Греческій пѣхотный полкъ, переведенъ изъ Керчи и Еникале въ Балаклаву[4]

[4] Весьма древнее Скиѳское укрѣпленное мѣсто, о которомъ упоминаетъ уже Страбонъ. Здѣсь, по мнѣнію Палласа и Бларамберга, стояла крѣпостца Palakion, построенная Палакомъ, сыномъ Скилура. Отсюда произошло и названіе Балаклавы. Впрочемъ крѣпость въ-послѣдствіи перестроена Генуэзцами.

на постоянное жительство, и тогда-же назначенъ къ содержанію кордонвъ по берегу Чернаго-Моря, отъ Севастополя до Ѳеодосіи, на разстояніи 300 верстъ. Съ того времени войско это содержитъ береговую стражу съ бо̀льшимъ или меньшимъ измѣненіемъ пространства.

Такимъ-образомъ, по присоединеніи Крыма къ Россіи, Балаклава сдѣлалась главнымъ поселеніемъ прежде-бывшаго Албанскаго войска, вышедшаго изъ Архипелага. При самомъ переводѣ туда, назначено было офицеру 60 десятинъ земли, а нижнимъ чинамъ по 15. Полку опредѣлено отъ казны жалованье, а нижнимъ чинамъ и провіантъ. Аммуницію и оружіе имѣли они собственныя. Греки начали заниматься хлѣбопашествомъ, винодѣліемъ, рыбною ловлею, и достигли въ послѣдствіи времени, при безпрестанныхъ милостяхъ и щедротахъ правительства, того благосостоянія, въ которомъ теперь находятся. Новый городокъ началъ строиться у подошвы живописныхъ развалинъ Генуэзской крѣпости, на берегу пространнаго и покойнаго залива. Новая жизнь закипѣла въ мѣстечкѣ, которое въ теченіе полутора вѣка оставалось въ мертвой тишинѣ и совершенномъ почти забвеніи. Указомъ 1784 года Февраля 10 повелѣно было, между прочими крѣпостями Новороссійскаго края, «исправить Балаклаву, какъ оная есть». Однако-жь кажется, что въ Балаклавѣ по сему повелѣнію ничего, или очень мало было сдѣлано.

Три года протекли спокойно въ содержаніи Греческимъ полкомъ кордоновъ по южному берегу полуострова. Между-тѣмъ рѣшительное надѣленіе его землею не приведено было къ окончанію, и нѣкоторые изъ служащихъ въ немъ, считали положеніе свое не надежнымъ. Князь Потемкинъ, постоянно объ нихъ заботившійся, приказомъ въ 1786 году, подтвердилъ о раздѣленіи между Албанскимъ войскомъ назначенной имъ земли и угодій, отведенныхъ при деревняхъ: «Кадыкой, Комары и Карани». Бывшему тогда начальнику Греческой береговой стражи, г. премьеръ-маіору Чапони, во уваженіе отличныхъ его заслугъ приказано отвесть 240 десятинъ, офицеру 60, а нижнимъ чинамъ каждому по 20 десятинъ. Тогдашній начальникъ Таврической-Области писалъ этому начальнику, чтобы всякой получивъ назначенный ему участокъ, старался обработывать, какъ «построеніемъ порядочныхъ жилищъ, равно заведеніемъ садовъ и умноженіемъ хлѣбопашества».

Въ слѣдующемъ 1787 году князь Потемкинъ объявилъ Грекамъ новую ми-

лость Государыни Императрицы, освобождающей навсегда ихъ и потомство отъ государственныхъ податей съ дарованной имъ земли. «Ея Величество», писалъ князь Потемкинъ, «Всемилостивѣйше даруетъ вамъ и потомству вашему тихое пристанище, отводомъ земли въ Тавридѣ, оставляя васъ и дѣтей вашихъ въ воинскомъ званіи и службѣ. Не сомнѣваюся», заключаетъ онъ, «чтобы Греческое войско не усугубило по всей возможности ревности къ службѣ, соединя къ сей и званіе рачительныхъ поселянъ, тѣмъ-паче для васъ выгодное, что избавляетесь вы и потомство ваше навсегда отъ отбываемой съ земли государственной подати». Послѣ сего Греки, получа совершенную осѣдлость на отведенныхъ имъ земляхъ, болѣе и болѣе знакомились съ новымъ для нихъ краемъ, и занимались устройствомъ домашняго быта.

Оттоманская-Порта, заключивъ Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, явно признала надъ собою первенство Россіи. Но таковое положеніе дѣлъ не могло быть продолжительно. Прошло нѣсколько лѣтъ, и Россійскій посланникъ въ Константинополѣ Булгаковъ былъ посаженъ въ семибашенный замокъ. Въ 1787 году обнародованъ Высочайшій манифестъ о началѣ военныхъ дѣйствій съ Портою[5]. Бо́льшая часть Греческой стражи была отправлена на Черноморскій флотъ, подъ начальство г. контръ-адмирала Воиновича, а остальные содержали береговые кордоны. Балаклавцы помѣщены были на флотилію гребныхъ судовъ, расположенную въ Днѣпровскомъ лиманѣ, и состояли подъ ближайшимъ начальствомъ извѣстнаго намъ г. Мавромихали, имѣвшаго уже въ то время чинъ полковника. Они участвовали въ пораженіи Турецкаго флота, 6 Іюля въ самомъ лиманѣ, а 16 Іюля при разбитіи того-же флота при Кинбурнской косѣ, подъ командою Принца Нассау-Зигенъ. Раздѣляя труды и опасности Русскихъ воиновъ, Греки были свидѣтелями торжества Русскаго оружія, покрывшаго себя славою при знаменитомъ приступѣ и взятіи Очакова. Въ концѣ перваго года сей войны, князь Потемкинъ не упустилъ обратить особеннаго вниманія на Грековъ. Онъ просилъ контръ-адмирала Воиновича доставить ему свѣдѣніе о всѣхъ Грекахъ, на судахъ находящихся, какъ офицерахъ, такъ и нижнихъ чинахъ, и препоручалъ ихъ въ особливое его призрѣніе; «ибо Ея

[5] 7 Сентября. Полное Собраніе Законовъ, Томъ XXII, № 16,567.

Императорское Величество», писалъ онъ, «Высочайше мнѣ объявить изволила, что она поставляетъ себѣ священнымъ долгомъ покровительствовать сей народъ, считая ихъ чадами, какъ Царица православная. Я повѣряю вамъ, что о всѣхъ Грекахъ на водѣ и сухомъ пути служащихъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, имѣть въ особливомъ своемъ вѣдѣніи и представляли-бы мнѣ, о воздаяніи должномъ, за службы ихъ; гдѣ имъ получать отличности, коли не въ Россіи? Вѣра, усердіе и искуство подаетъ имъ на сіе право». Съ-тѣмъ-вмѣстѣ, князь Потемкинъ изъявлялъ желаніе, чтобы «ради единообразія Греки одѣлись одинакимъ цвѣтомъ по ихъ образу: «я сукна добраго доставлю, и непріятель-бы по сему виду больше-бы уважалъ».

Въ 1789 году, бо́льшая часть Греческаго полка была отряжена на Черноморскій флотъ подъ начальство г. контръ-адмирала Ушакова. Греки съ прочими войсками были назначены въ десантъ на берега Болгаріи, подъ мѣстечкомъ Кистенджи, которымъ и овладѣли.

Съ наступленіемъ весны 1790 года, снова открылись военныя дѣйствія противъ Турокъ. Черноморскій флотъ выступилъ изъ Севастополя подъ командою г. контръ-адмирала Ушакова. Бо́льшая часть Греческаго полка опять была отряжена на флотъ и участвовала въ удачныхъ и быстрыхъ поискахъ экспедиціи г. Ушакова къ Анатольскимъ берегамъ, когда онъ подходилъ подъ самыя пушки Синопа, жегъ непріятельскія суда, и привелъ въ трепетъ Анапу; въ пораженіи и прогнаніи Турецкаго флота у Еникальскаго пролива, въ совершенномъ разбитіи непріятельскаго флота, между Гаджибеемъ и полуостровомъ Тендрою; когда взорванъ былъ непріятельскій корабль, имѣвшій всю казну, и былъ взятъ въ плѣнъ самъ адмиралъ Саидъ-Бей.

Въ 1791 году, Балаклавскіе Греки, по примѣру прошедшихъ лѣтъ, отправились на Черноморскомъ флотѣ, и участвовали въ пораженіи непріятеля у мыса Калакрія; г. контръ-адмиралъ Ушаковъ пустился за непріятельскимъ флотомъ къ Варнѣ, но на дорогѣ получилъ извѣстіе о прекращеніи военныхъ дѣйствій.

Мирнымъ трактатомъ, заключеннымъ въ томъ-же году между Россіею и Портою (ст. VI), еще болѣе укрѣплено было за Россіею присоединеніе къ ней Крыма. Греки возвратились въ нѣдра своихъ семействъ, и обратились къ прямой своей службѣ,— которую впрочемъ и не оставляли — содержанію береговыхъ кордоновъ.

Въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ, въ судьбѣ Греческаго береговаго войска не произошло никакихъ значительныхъ перемѣнъ. Часть онаго, по обыкновенію содержала кордоны по берегу Чернаго-Моря, отъ Севастополя до Ѳеодосіи. Многіе изъ Грековъ устроивали на отведенной имъ землѣ, такъ-называемые хутора, и заводили виноградные сады. Нѣкоторые изъ нихъ, прельщенные выгодами, данными въ то время Керчи и Еникале, переходили туда, и оставляли войско. Наконецъ нѣкоторые, увлекшись духомъ торговли и промышленности, переселились въ другія мѣста вновь-пріобрѣтеннаго края, представлявшаго столько разнообразныхъ средствъ къ пріобрѣтенію состоянія. Впрочемъ никому не воспрещалось оставлять службу, и всякой имѣлъ на то полную свободу.

Въ 1797 году, произошло большое преобразованіе въ составѣ Греческаго полка, поселеннаго въ Балаклавѣ. До-сихъ-поръ (называясь также Таврическимъ) онъ былъ въ распоряженіи правителей Таврической губерніи.

Императоръ Павелъ I Высочайшимъ указомъ, даннымъ 30 Января того года, на имя президента военной коллегіи графа Салтыкова, повелѣть соизволилъ: «Поселенный въ Тавридѣ Греческій полкъ, принять въ вѣдомство военной коллегіи подъ названіемъ Греческаго батальона, основавъ его на положеніи Донскихъ Козаковъ и въ зависимости гражданскаго суда». Императоръ повелѣлъ въ то-же время, вооружить ихъ по ихъ обряду, и обмундировать цвѣтомъ краснымъ и зеленымъ, «по ихъ обычаю», а также, если найдутся въ тѣхъ краяхъ поселенные Албанцы, то и ихъ сформировать въ батальонъ.

Высочайшимъ указомъ, даннымъ въ 4 день Апрѣля того-же года генералу отъ-инфантеріи Каховскому, утверждено окончательное положеніе о поселеніи Греческаго батальона по берегу Чернаго-Моря, начиная отъ Георгіевскаго монастыря и Балаклавы, до Ѳеодосіи. Императоръ нашелъ предположеніе это столь полезнымъ, что даже въ самомъ указѣ сказалъ: «Весьма апробую».

Наконецъ 13 Апрѣля Высочайше конфирмовано первое штатное положеніе Греческаго пѣхотнаго батальона. Въ немъ учреждено три роты, въ числѣ 396 человѣкъ, считая штабъ и оберъ-офицеровъ, рядовыхъ и деньщиковъ. На жалованье и содержаніе положено къ ежегодному отпуску изъ казны 16,132 рубля. Оружіе и аммуницію повелѣно имѣть по прежнему свои собственныя. Въ то-же время

утверждена форма мундира и всего вообще вооруженія, которую батальонъ сохранилъ до позднѣйшаго времени, а именно до 1833 года[6].

[6] Прилагаемъ присемъ это «Положеніе Греческаго батальона».

ПОЛОЖЕНІЕ ГРЕЧЕСКАГО ПѢХОТНАГО БАТАЛЬОНА, СОСТОЯЩАГО ВЪ ТРЕХЪ РОТАХЪ.

ЧИНЫ.	Число людей.	Жалованья въ годъ, за вычетомъ на медикаменты и госпиталь.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		рубл.	*коп.*	*рубл.*	*коп.*
Батальонный командиръ	1	—	—	460	—
Капитановъ	2	340	—	1,020	—
Штабсъ-капитанъ	1				
Поручиковъ	3	240	—	720	—
Подпоручиковъ, изъ которыхъ одинъ адьютантъ	4	200	—	1,400	—
Прапорщиковъ	3				
Унтеръ-офицеровъ, въ ротѣ по 10	30	57	60	1,728	—
Рядовыхъ, по 100 въ ротѣ	300	28	80	8,640	—
Аудиторъ, которому и должность квартирмейстерскую исправлять	1	—	—	200	—
Лекарь	1	—	—	250	—
Деньщиковъ штабъ и оберъ-офицерамъ не полагается, а отпускать имъ деньщичье жалованье, и именно: батальонному командиру на трехъ, капитанамъ и штабсъ-капитану каждому на двухъ, поручикамъ, подпоручикамъ, адьютанту, прапорщикамъ, также аудитору и лекарю, каждому на одного, всего на 21, по 7 рубл. 30 коп.	—	—	—	153	30
Итого на жалованье . . .	346	—	—	14,571	30

Въ годъ	*рубл.*	*коп.*
На медикаменты	100	—
На бумагу, сургучъ и прочее для подачи рапортовъ и производства дѣлъ	50	—
Унтеръ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ, также и на деньщиковъ, всего 351 человѣку, отпускать указную дачу провіанта въ натурѣ всѣмъ: муки въ годъ 1,053 четверти, крупъ 98 четвертей 5 четвериковъ 6 гарнцовъ, полагая-же по штатнымъ цѣнамъ за четверть муки по 1 руб. 20 коп., крупъ по 1 руб. 50 коп.	1,411	$67\frac{3}{4}\frac{1}{16}$
Всего . . .	16,132	$97\frac{3}{4}\frac{1}{16}$

Мундиры всѣмъ чинамъ имѣть собственные, цвѣта зеленаго съ краснымъ, по апробованному образцу; вооруженіе-же и аммуницію такія, какія по ихъ обычаю употребляются, также собственныя.

Такимъ-образомъ Балаклавскій Греческій батальонъ получилъ правильное образованіе на-равнѣ съ другими пѣхотными войсками имперіи, съ принаровленіемъ только къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ. До сего времени не было опредѣлительнаго числа чиновъ, составляющихъ батальонъ, не было штата. Батальонъ постепенно увеличивался прибывающими изъ Архипелага Греками. Отпускаемая изъ казны на содержаніе онаго сумма, также не была опредѣлена: иногда простиралась даже до 70,000 рублей слишкомъ, и находилась, равно-какъ и войско, въ распоряженіи начальниковъ Таврической-Области. Но съ сего времени, то и другое поступило въ распоряженіе военной коллегіи.

Въ томъ-жѣ самомъ году (Октября 29) Императоръ Павелъ повелѣлъ генералу Каховскому наблюдать, чтобы тѣ только изъ Грековъ Балаклавскаго батальона получали жалованье, которые дѣйствительно несутъ на себѣ обязанности службы; а тѣ, «кои не имѣютъ къ оной способности, или не хотятъ оною заниматься, исключаются изъ батальона», и «заставить ихъ заниматься земледѣліемъ и другими промыслами, на-равнѣ съ военными поселянами».

Особенною обязанностью правителей Таврической-Области, было наблюденіе за правильнымъ пользованіемъ всѣми чинами Балаклавскаго батальона Всемилостивѣйше пожалованною имъ землею. Графъ Каховскій предписалъ командиру батальона принять въ особенное попеченіе, чтобы «бѣдные, преимуществомъ другихъ не были обижены».

Въ походѣ нижнимъ чинамъ, каждымъ десяти человѣкамъ, полагается имѣть свою одну подъемную лошадь, на которую фуражъ производить имъ изъ казны деньгами по покупной цѣнѣ.

Чинамъ, которые сверхъ по сему штату опредѣленныхъ при батальонѣ теперь находятся, жалованье и провіантъ по-прежнему производить, и въ случаѣ по батальону убыли или болѣзни комплектнаго, изъ нихъ помѣщать, и ихъ, какъ до-сего было, во всякія исправленія наряжать и употреблять, но впредь, ежели вновь къ нимъ приселяться будутъ, таковымъ жалованья, до помѣщенія въ комплектъ, или до особаго на то указа, не производить. Графъ Николай Салтыковъ. Апрѣля 11 дня 1797 года.»

* * *

II.

СЪ 1801 ПО 1842 ГОДЪ.

12 Марта 1801 года вступилъ на Россійскій престолъ Императоръ Александръ. Царствованіе Благословеннаго, было для Балаклавскаго Греческаго батальона продолженіемъ тѣхъ милостей и щедротъ, коими осыпанъ онъ отъ Его Августѣйшей бабки. Права и привиллегіи, дарованныя ему въ разное время, остались неприкосновенными, и батальонъ, продолжая по-прежнему содержать карантинную кордонную стражу на южномъ берегу Крымскаго-Полуострова, не переставалъ спокойно пользоваться предоставленными ему выгодами и мѣстными удобствами.

Замѣчательно, что съ самыхъ первыхъ временъ переселенія Албанскихъ Грековъ въ Крымъ, безпрестанно дѣлаемы были разные проэкты на-счетъ устройства и будущей судьбы ихъ. Предположенія эти продолжались и до ближайшихъ къ намъ временъ; но всѣ они были оставлены, и первоначальная мысль Императрицы Екатерины II о постоянномъ поселеніи ихъ въ Балаклавѣ, осталась въ своей силѣ. Въ числѣ многихъ предположеній, замѣчательно сдѣланное бывшимъ фельдмаршаломъ княземъ Прозоровскимъ, который находилъ полезнымъ: «Албанцевъ, какъ болѣе способныхъ къ употребленію въ горахъ, нежели на плоскихъ мѣстахъ, поселить въ Крымскихъ горахъ, скупивъ для сего участки земель у частныхъ людей; а живущихъ въ тѣхъ мѣстахъ Татаръ, выслать на степь отъ Перекопской линіи къ Кинбурну».

Вѣроятно, донесеніе, сдѣланное о Балаклавскомъ батальонѣ г. генералъ-лейтенантомъ Бердяевымъ (о коемъ упомянули мы въ концѣ первой статьи), имѣло сильное вліяніе на общее объ немъ мнѣніе, и оттого, въ послѣднее время царствованія Императора Павла, усилились слухи не такъ благовидные о службѣ Балаклавцевъ и объ уничтоженіи данныхъ имъ правъ. Но графъ Каховскій, какъ уже замѣчено въ своемъ мѣстѣ, оправдалъ ихъ предъ лицемъ Монарха и съ того времени, не только оставлены предположенія о какомъ-нибудь переселеніи Грековъ изъ Балаклавы, напротивъ, послѣдующіе годы представляютъ цѣпь заботъ и дѣятельной попечительности правительства о снабженіи ихъ достаточнымъ количествомъ земли, въ которой они нуждались.

Дюкъ де Ришелье, бывшій въ послѣдствіи (1806) Херсонскимъ военнымъ губер-

наторомъ, сдѣлалъ въ Маѣ мѣсяцѣ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ, о присоединеніи къ Балаклавскому батальону, Одесскаго Греческаго дивизіона, сформированнаго въ 1795 году изъ Архипелажскихъ-же выходцевъ. Этотъ дивизіонъ составленъ былъ съ предположеніемъ поселить ихъ близъ Одессы на 15,000 десятинахъ земли. Но прежде-нежели Греки, составлявшіе оный, были введены во владѣніе землею, дивизіонъ уничтоженъ Высочайшимъ указомъ 1797 года, земля отобрана и Греки разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, большею частію около Тирасполя. Потомъ Высочайшимъ указомъ 1803 года Августа 29, на имя генералъ-лейтенанта Беклешова, земля эта вновь отдана Грекамъ и Албанцамъ, находившимся въ дивизіонѣ. Въ томъ-же году Высочайше повелѣно сформировать изъ сего дивизіона батальонъ. Указъ этотъ по смерти генерала Беклешова долженъ былъ приводить въ исполненіе генералъ отъ-инфантеріи Розенбергъ, который избралъ батальоннымъ командиромъ маіора Качони и, поручивъ ему формированіе батальона, назначилъ штабъ-квартиру въ 23 верстахъ отъ Одессы, на Сухомъ-Лиманѣ. Не смотря однако на сіи повелѣнія, формированіе батальона шло медленно, или почти вовсе не шло. Дюкъ де Ришелье нашелъ въ 1806 году только 22 небольшихъ домика; офицеры и нижніе чины, при всемъ настоятельномъ убѣжденіи, не хотѣли приступить ни къ прочному водворенію на Всемилостивѣйше пожалованной имъ землѣ, ни къ какому хозяйственному обзаведенію. Земля оставалась необработанною, а офицеры и нижніе чины, расположенные на квартирахъ у обывателей Тираспольскаго уѣзда, отягощали-только поселянъ, и занимались мелочными промыслами. По всѣмъ этимъ причинамъ, дюкъ де Ришелье полагалъ лучшимъ и полезнымъ присоединить Одесскій батальонъ къ Балаклавскому, составить оный изъ 5 ротъ, и притомъ изъ людей способныхъ къ службѣ и земледѣлію; землюже Одесскаго батальона, по уничтоженіи онаго, предоставить въ пользованіе колонистамъ.

Предположеніе это остановилось въ исполненіи по встрѣтившемуся важному затрудненію, и именно по недостатку земли близъ Балаклавы, и по трудности пріобрѣсть покупкою у Крымскихъ владѣльцевъ или Татаръ. Этотъ-то недостатокъ въ землѣ былъ поводомъ къ изданію Высочайшаго указа 28 Октября 1807 года, по коему сверхъ-комплектнымъ штабъ и оберъ-офицерамъ Балаклавскаго батальона, изъ уваженія, что они содержатъ кордонную стражу и несутъ равную съ прочими

службу, повелѣно производить жалованье такое-же, какое получаютъ комплектные чины.

Между-тѣмъ Балаклавцы успѣли уже заселить пять деревень въ окрестностяхъ: Керменчикъ, Лаку, Карань, Кадыкой и Камару; устроили хорошіе сады, и обзавелись хозяйствомъ. Но съ-тѣмъ-вмѣстѣ, нѣкоторые изъ нихъ имѣли свои лавки, большею частію съ бакалейными товарами, въ Евпаторіи (Козловѣ), Севастополѣ и Бакчисараѣ. Не смотря на сіе, въ то-же время одинъ изъ тогдашнихъ государственныхъ мужей подалъ мнѣніе, уничтожить Балаклавскій батальонъ, и тѣмъ, кои дѣйствительно до-того служили, вмѣсто земли, назначить пенсіоны, и предоставить имъ жить спокойно.

Такимъ-образомъ предположеніе дюка де Ришелье осталось до нѣкотораго времени неисполненнымъ, а между-тѣмъ 1807 годъ ознаменованъ былъ важнымъ для Балаклавы событіемъ. Высочайшимъ указомъ 20 Декабря учреждена въ ней таможенная застава для отпуска и отвоза товаровъ, но только на судахъ Россійскаго купечества[7]. Это постановленіе усилило и распространило торговую дѣятельность и промышленность Балаклавы, тѣмъ-болѣе, что суда съ товарами не были впускаемы въ сосѣдственный Севастопольскій портъ, и даже въ случаѣ, если-бы какое изъ нихъ застигнутое штурмомъ, или по другой причинѣ, заходило туда, то должно было идти оттуда въ Балаклаву для законной очистки товаровъ и взысканія пошлины. Возбужденная симъ торговая дѣятельность имѣла благодѣтельное вліяніе и на сосѣдственныя съ Балаклавою мѣста, которымъ открылась возможность сбывать свои произведенія.

Вскорѣ по заключеніи Тильзитскаго мира (1807) послѣдовалъ вновь разрывъ съ Турціею и открылись военныя дѣйствія. Во время этой войны, главнымъ дѣйствователемъ были сухопутныя войска, и Дунай озарился славою подвиговъ Русскихъ войскъ, предводимыхъ сначала фельдмаршаломъ княземъ Прозоровскимъ, потомъ княземъ Багратіономъ, далѣе Каменскимъ 2, и наконецъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ. Со-всѣмъ-тѣмъ и Черноморскій флотъ отправился въ море въ самомъ началѣ войны. По примѣру прежнихъ лѣтъ, часть Балаклавскаго бата-

[7] Тѣмъ-же указомъ постановлено, чтобъ суда, не имѣющія узаконеннаго свидѣтельства о выдержаніи карантиннаго очищенія въ которомъ-нибудь изъ Черноморскихъ карантиновъ, не могли входить въ Балаклаву, а отправлялись со всѣмъ грузомъ и экипажемъ въ ближайшій карантинъ.

льона отряжена была на оный, а остальные содержали береговые кордоны отъ Севастополя до Ѳеодосіи. Въ 1810 году Балаклавцы участвовали въ дессантѣ флота подъ городомъ Платономъ. Война эта кончилась заключеніемъ мира въ Букарестѣ 16 Мая 1812 года, и съ того времени Балаклавцы уже не участвовали въ военныхъ дѣйствіяхъ Черноморскаго флота.

Между-тѣмъ въ теченіе 1810 года, послѣдовала важная для батальона перемѣна. 9 Ноября издано Высочайше утвержденное положеніе комитета гг. министровъ объ обращеніи Греческихъ Одесскаго и Балаклавскаго батальоновъ въ военныхъ поселянъ, съ передачею ихъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, по распоряженію коего, «Греки, содержа кордонную стражу, могутъ съ лучшею пользою быть употреблены и на другіе предметы, болѣе имъ сродные и приличные». Такимъ-образомъ Балаклавцы по-прежнему поступили въ вѣдѣніе и распоряженіе главнаго мѣстнаго гражданскаго начальства, что продолжается и до нынѣ.

Насталъ памятный для Русскихъ 1812 годъ. Пожаръ Москвы освѣтилъ своимъ заревомъ самыя отдаленныя провинціи обширной имперіи: Россія ополчилась на битву, столь славно ею окончанную. Но зло не дремлетъ: неблагонамѣренные люди воспользовались симъ случаемъ и старались сѣять плевелы раздора и смятеній. Такъ нѣкоторые изъ Крымскихъ Татаръ, ослѣпленные обманчивыми и пустыми надеждами, а еще болѣе ложными внушеніями, попытались сдѣлать въ полуостровѣ возмущеніе. Они конечно не могли достигнуть ничего важнаго, но тѣмъ-не-менѣе это произвело временное замѣшательство. Съ удовольствіемъ упомянемъ, что незначительная-только часть Крымскихъ Татаръ приняла участіе въ семъ возстаніи, которое и прекращено въ самомъ началѣ. Командовавшій тогда Балаклавскимъ батальономъ г. Ревеліоти съ небольшимъ числомъ Балаклавцевъ, въ самое короткое время, разогналъ скопища мятежниковъ, собравшихся въ разныхъ мѣстахъ полуострова: многихъ изъ нихъ предалъ въ руки правосудія, и положилъ конецъ возникшимъ безпокойствамъ. Знаніе Татарскаго языка, знакомство съ мѣстнымъ положеніемъ края, удивительная ловкость въ быстрыхъ наѣздахъ, и притомъ врожденная смѣтливость, помогли Балаклавцамъ въ небольшомъ числѣ одержать верхъ надъ толпами безразсудныхъ. Такъ кончилось это незначительное волненіе, отъ котораго возмутители ожидали такъ много, и

которое впрочемъ не имѣло никакихъ послѣдствій, и не произвело никакого вліянія на прочія части Крыма.

Въ томъ-же 1812 году, постигло южный край Россіи большое бѣдствіе. Чума, занесенная съ востока, распространилась съ неимовѣрною быстротою по разнымъ мѣстамъ Новороссійскаго края, въ томъ числѣ и по Крыму. Во многихъ мѣстахъ и въ особенности въ Керченскомъ-Полуостровѣ, эта пагубная болѣзнь разлилась сильно, и требовала принятія самыхъ дѣятельныхъ мѣръ къ остановленію оной. Одною изъ главныхъ потребностей было учрежденіе и содержаніе карантинныхъ цѣпей около зараженныхъ мѣстъ, что̀ по тогдашнему военному времени и по общему недостатку въ войскахъ, сопряжено было съ большими затрудненіями. Балаклавскій батальонъ оказалъ въ этомъ случаѣ важную услугу. Кромѣ содержанія по прежнему кордоновъ по берегу Чернаго-Моря, на разстояніи 248 верстъ отъ Севастополя до Судака, они оцѣпляли многія зараженныя мѣста, и содержали охранительныя линіи. Вскорѣ съ помощію Божіею и благодаря благоразумнымъ мѣрамъ мѣстнаго начальства, зло остановлено и въ-слѣдъ за-тѣмъ истреблено. Южный край Россіи вздохнулъ свободно, а вмѣстѣ съ нимъ и Крымъ.

1813 годъ прошелъ спокойно. Между-тѣмъ, опытъ показалъ недостатокъ числа нижнихъ чиновъ Балаклавскаго батальона, для исполненія всѣхъ лежавшихъ на немъ обязанностей. Необходимость требовала увеличить составъ онаго, и посему въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1814 года, съ разрѣшенія военнаго министерства, приступлено къ сформированію четвертой роты батальона. Въ составъ ея поступили, какъ прежніе выходцы изъ Архипелага, такъ и другіе Греки, приписавшіеся къ батальону. Такое умноженіе доставило ему средства съ большей удобностью нести службу и сътѣмъ-вмѣстѣ не оставлять безъ надзора своихъ хозяйственныхъ заведеній и своего домашняго быта. Съ увеличеніемъ батальона, правительство обратило особенное вниманіе на тѣхъ изъ служившихъ Балаклавцевъ, которые не имѣя обзаведеній, ни родственниковъ, оставались на старости лѣтъ безъ пристанища и безъ способовъ къ своему содержанію. Въ 1814 году, по ходатайству дюка де Ришелье, около 60 человѣкъ нижнихъ чиновъ Балаклавскаго батальона, изъ коихъ нѣкоторые прослужили болѣе 40 лѣтъ, а другіе сдѣлавшись на службѣ увѣчными не могли сами снискивать себѣ пропитаніе, – получили инвалидное содержаніе, а нѣкоторые даже и пенсіоны.

Съ сего времени до 1818 года, исторія Балаклавы не представляетъ ничего

замѣчательнаго. Этотъ-же годъ, ознаменованный тѣмъ, что Государь Императоръ посѣтилъ Новороссійскія губерніи, былъ важенъ по благодѣяніямъ и разнымъ милостямъ, оказаннымъ всему краю отъ щедротъ Монаршихъ – щедротъ, въ полученіи коихъ много участвовалъ и Балаклавскій батальонъ. Еще до прибытія Его Величества въ Крымъ тогдашній главный начальникъ Новороссійскаго края графъ Ланжеронъ представилъ записку о нуждахъ батальона. Государь Императоръ лично осмотрѣлъ оный; сверхъ-того во время пребыванія Его Императорскаго Величества въ Бакчисараѣ, Балаклавцы содержали военные караулы. Высочайшій указъ, послѣдовавшій затѣмъ въ 25 день Августа на имя начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта князя Волконскаго, перемѣнилъ и улучшилъ ихъ состояніе. «Входя въ разсмотрѣніе нуждъ батальона», сказано въ Высочайшемъ указѣ, «и во вниманіи съ-одной-стороны къ заслугамъ, коими батальонъ издавна отличается, а съ-другой-стороны къ той пользѣ, которую онъ въ настоящемъ мѣстѣ своего поселенія собою приноситъ, содержа постоянно по берегу Чернаго-Моря кордонную стражу на значительномъ пространствѣ Крымскаго-Полуострова, Я призналъ справедливымъ даровать ему нѣкоторыя выгоды». Въ-слѣдствіе сего Высочайше повелѣно: 1) отвести для батальона недостающее противъ положенія количество земли, всего 14,152 десятины; 2) жалованье штабъ и оберъ-офицеровъ сравнить съ полевымъ содержаніемъ гарнизоновъ; 3) на тѣхъ, кои находились въ дѣйствующихъ арміяхъ, распространить право на полученіе военнаго ордена 4-й степени за 25ти-лѣтнюю безпорочную службу въ офицерскихъ чинахъ, и знакъ отличія св. Анны за 20ти-лѣтнюю для нижнихъ чиновъ; 4) обезпечена судьба какъ малолѣтныхъ дѣтей мужескаго пола, оставшихся послѣ умершихъ нижнихъ чиновъ, такъ и вдовъ штабъ и оберъ-офицеровъ; 5) обезпечено содержаніе больныхъ, поступающихъ изъ числа всѣхъ, къ батальону принадлежащихъ, и наконецъ 6) сдѣлано важное въ Балаклавѣ заведеніе – военно-сиротское отдѣленіе. Этѣ Монаршія милости упрочили положеніе Балаклавскаго батальона, и дали ему иной видъ, поставивъ на-ряду съ другими подобными въ Россіи учрежденіями.

Въ томъ-же Высочайшемъ указѣ присовокуплено, что въ сформированіи другаго Греческаго батальона, въ облегченіе Балаклавскаго, Государь Императоръ не находитъ существенной надобности. Поводомъ къ сему было ходатайство, нѣсколько времени тому-назадъ по сему предмету представленное, по коему состоялось Высо-

чайшее повелѣніе сдѣлать соображеніе о сформированіи другаго батальона изъ Грековъ, живущихъ въ Керчи, Таганрогѣ и другихъ мѣстахъ, съ-тѣмъ-чтобы водворить ихъ въ южной части Крыма; но это предположеніе, послѣ личнаго посѣщенія Государемъ Императоромъ Крыма, совершенно оставлено.

Между-тѣмъ мѣстное начальство не преставало обращать вниманіе и на Одесскій Греческій батальонъ, котораго судьба еще не была рѣшена, и который, состоя изъ весьма малаго числа нижнихъ чиновъ, не приносилъ для службы никакой пользы, тогда-какъ имѣлъ въ своемъ владѣніи значительное количество земли. Наконецъ въ 1819 году, по представленію графа Ланжерона, подкрѣпившему давнишнее ходатайство дюка де Ришелье, Высочайше повелѣно: состоящихъ въ Одесскомъ батальонѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, кои окажутся способными къ службѣ, присоединить къ Балаклавскому батальону, надѣливъ землею тѣхъ изъ нихъ, коимъ такой надѣлъ слѣдовать будетъ за службу, сообразно прежнимъ по сему распоряженіямъ, и распредѣливъ потомъ прочихъ офицеровъ по желаніямъ и способностямъ, а съ тѣмъ-вмѣстѣ уничтожить и самое названіе Одесскаго Греческаго пѣхотнаго батальона. Въ исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, незначительное-только число нижнихъ чиновъ переселилось въ Балаклаву. Бо́льшая часть изъ нихъ осталась на мѣстахъ, и занялась сообразно своимъ привычкамъ, разными промыслами и мелочною торговлею.

Вскорѣ-за-тѣмъ, по положенію комитета гг. министровъ, Высочайше утвержденному 29 Іюля 1820 года, послѣдовало разрѣшеніе всеподданнѣйшаго прошенія Балаклавскихъ Грековъ, поданнаго ими Государю Императору, во время бытности Его въ Крыму. Симъ рѣшеніемъ предоставлено неслужащимъ чинамъ производить торговлю моремъ и сухимъ путемъ на общемъ основаніи. Балаклавскіе Греки: офицеры – получили право записываться въ 1 и 2 гильдіи, а нижніе чины – торговать по общимъ установленнымъ правиламъ, наблюдая впрочемъ, чтобы какъ первые, такъ и послѣдніе имѣли отъ своего начальства надлежащіе виды о свободѣ ихъ отъ службы. Можно утвердительно сказать, что это распоряженіе болѣе всего способствовало къ улучшенію быта Балаклавскихъ Грековъ, будучи сообразно съ ихъ привычками и обычаями.

Въ 1822 году батальонъ получилъ въ натурѣ и принялъ въ свое вѣдѣніе 14,152 десятины земли въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, отведенной ему на

основаніи Высочайшаго повелѣнія 1818 года. Хотя земля эта была и не внутри самаго полуострова, и не въ сосѣдствѣ съ землями лежащими близъ Балаклавы, не-менѣе-того батальонъ, отдавая ее въ наемъ въ частныя руки, могъ получать доходъ. Въ томъ-же году окончательно устроено военно-сиротское отдѣленіе, и открыто въ немъ ученіе въ Октябрѣ мѣсяцѣ. Это заведеніе имѣло благодѣтельныя послѣдствія: дѣти Балаклавцевъ нашли пріютъ и надзоръ, получаютъ первоначальное необходимое образованіе, сообразное ихъ положенію, и дѣлаются людьми полезными отечеству.

Въ 1825 году Крымъ вторично увидѣлъ въ предѣлахъ своихъ вѣнценоснаго посѣтителя Императора Александра. Его Императорское Величество обозрѣлъ полуостровъ, Южный-Берегъ и Балаклаву. Осмотрѣвъ батальонъ и будучи доволенъ найденнымъ порядкомъ, Его Величество Всемилостивѣйше изволилъ пожаловать всѣмъ строевымъ штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ годовое жалованье не въ-зачетъ. Это было послѣднее благодѣяніе, оказанное незабвеннымъ Монархомъ Балаклавскому батальону. Вскорѣ Россія оплакала кончину Благословеннаго. Одно благотворное Русское свѣтило угасло на югѣ обширнаго Русскаго царства, другое взошло на сѣверѣ. Вѣнценосный братъ принялъ бразды правленія.

Скоро (1828) открылась Турецкая война. Балаклавцы остались спокойными на своихъ мѣстахъ, и не были отряжены, подобно прошедшимъ годамъ, на Черноморскій флотъ. Но они были нужны для другой службы. Кромѣ увеличенія и протяженія кордонной линіи по берегу Чернаго-Моря, Балаклавцы содержали карантинную цѣпь, учрежденную около порта и города Севастополя на разстояніи 18 верстъ, по случаю свободнаго прихода въ Севастополь и отхода оттуда судовъ, участвовавшихъ въ Турецкой войнѣ, и свободнаго сообщенія оныхъ съ нашимъ войскомъ и берегами, считающимися всегда въ карантинномъ положеніи. Необходимость требовала отдѣлить Севастополь отъ сообщенія съ другими мѣстами имперіи. Въ слѣдъ за тѣмъ въ 1829 году открылась въ Севастополѣ чума. Балаклавскій батальонъ въ продолженіе всего времени, содержалъ карантинную цѣпь. Скоро послѣ-того (1830) большая часть Россіи, въ томъ числѣ и Крымскій-Полуостровъ, поражены были новымъ бѣдствіемъ – появленіемъ болѣзни холеры. Принятая тогда вообще мѣра осторожности, состоявшая въ оцѣпленіи мѣстъ постигнутыхъ этою болѣзнью, требовала умноженія оцѣпленій и слѣдовательно войскъ. Балаклавскій батальонъ

долженъ былъ содержать цѣпи около городовъ Симферополя, Карасу-базара и Бакчисарая. То-же самое продолжалось и въ 1831 году. Но въ концѣ этого года, съ прекращеніемъ болѣзни, прекратилась и усиленная служба батальона. Онъ по прежнему обратился къ прямымъ своимъ обязанностямъ.

Говоря о службѣ въ это время Балаклавцевъ, мы должны обратить вниманіе на одно обстоятельство, имѣвшее мѣсто вскорѣ по открытіи въ 1828 году войны съ Турками: взято было въ плѣнъ значительное число Грековъ, изъ коихъ нѣкоторые, по приходѣ въ Россію, изъявили желаніе поступить въ Балаклавскій батальонъ. Въ началѣ ихъ было слишкомъ 60 человѣкъ, и Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ усилить ими существующія уже 4 роты; но въ-послѣдствіи число новыхъ пришельцевъ было незначительно, притомъ-же нѣкоторые изъ нихъ по окончаніи войны возвратились въ Турцію, а оные отказались вовсе отъ прежняго намѣренія.

Балаклавскій батальонъ, въ своемъ новомъ начальникѣ, Новороссійскомъ и Бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ графѣ Воронцовѣ, пріобрѣлъ съ 1824 года неусыпнаго попечителя и предстателя объ его нуждахъ и его благосостояніи. Обративъ въ самомъ началѣ вниманіе на то, что составляетъ существенную его выгоду, графъ Воронцовъ вошелъ въ подробное разсмотрѣніе правъ и основаній, по коимъ Балаклавцы пользовались Высочайше дарованною имъ землею. Тутъ открылись нѣкоторыя мѣстныя неудобства, и неясность въ постановленіяхъ, служившая поводомъ къ самому ихъ нарушенію. Послѣдствіемъ того было, что онъ вошелъ со всеподданнѣйшимъ по сему предмету представленіемъ, по коему Государь Императоръ, въ Декабрѣ 1838 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) воспретить военно-служащимъ Грекамъ Балаклавскаго батальона продавать или уступать впредь постороннимъ лицамъ Всемилостивѣйше дарованныя имъ въ Крыму земли, равно раздроблять участки на мелкія части, или скупать оные въ значительномъ количествѣ; 2) пожалованную ему въ 1818 году землю 14,152 десятины въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, какъ не приносящую почти никакихъ выгодъ, дозволить продать, и на вырученныя деньги купить участки въ Крыму, коими и надѣлить военно-служителей, не имѣющихъ оной, и 3) какъ батальонъ, такъ и школу военныхъ кантонистовъ, оставить при Высочайше дарованныхъ имъ въ прежнія времена правахъ и преимуществахъ, какъ составляю-

щихъ ихъ привиллегію. Въ исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, земля въ Днѣпровскомъ уѣздѣ продана, и деньги, впредь до покупки удобныхъ земель, внесены въ государственный банкъ для приращенія процентами.

Въ 1833 году войска Русскія бывшія въ Константинополѣ въ десантѣ, по возвращеніи въ предѣлы отечества, выдерживали карантинную обсерваціо въ Ѳеодосіи. Балаклавскій батальонъ оцѣплялъ ихъ до окончанія карантиннаго термина.

Въ 1837 году Крымъ былъ ощастливленъ посѣщеніемъ Императорской фамиліи. Балаклавскій батальонъ содержалъ какъ внутренніе, такъ и наружные караулы во все время пребыванія Государя Императора и Императрицы на южномъ берегѣ Крыма. Его Величество неоднократно изъявлялъ ему свое Монаршее благоволеніе, и остался имъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенно доволенъ. Изліянныя на батальонъ милости, служатъ лучшимъ тому доказательствомъ. Многимъ изъ офицеровъ Всемилостивѣйше пожалованы чины и ордена; отпущено единовременно изъ казны 20,000 рублей на обмундированіе нижнихъ чиновъ; батальонный госпиталь сравненъ въ положеніи съ сухопутными военными госпиталями, и съ 1 Января 1838 года батальонъ началъ получать жалованье по окладамъ войскъ на полевомъ гарнизонномъ положеніи состоящихъ. Наконецъ въ 1842 году послѣдовала важная въ батальонѣ перемѣна: Государь Императоръ соизволилъ утвердить предположеніе графа Воронцова, о посылкѣ команды Балаклавцевъ на восточный берегъ Чернаго-Моря. Въ Маѣ мѣсяцѣ двѣ роты отправились въ укрѣпленіе: Новороссійскъ, назначенное постояннымъ мѣстомъ ихъ пребыванія. На обязанности батальона лежитъ содержать этѣ двѣ роты въ комплектѣ. Такимъ-образомъ Балаклавскіе Греки обратились къ постоянной военной службѣ. Съ оружіемъ въ рукахъ они безъ-сомнѣнія поддержатъ славу своихъ предковъ, отличавшихся съ героемъ Чесменскимъ на водахъ Архипелажскихъ, и докажутъ, что достойны тѣхъ правъ и преимуществъ, коими пользуются отъ щедротъ Монаршихъ.

Между-тѣмъ Государь Императоръ, снисходя на всеподданнѣйшее представленіе графа Воронцова, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе особой временной коммиссіи, для составленія проэкта положенія батальону. Обстоятельства и опытъ показали необходимость этой мѣры. До-сихъ-поръ издаваемы были постановленія по разнымъ отдѣльнымъ частямъ, дѣлались распоряженія по нѣкоторымъ предметамъ, не имѣющимъ связи съ общею системою управленія

батальономъ, тогда-какъ положеніе его, на основаніи издавна дарованныхъ правъ и преимуществъ, требуетъ необходимо особаго, отдѣльнаго рода управленія. Воины-хлѣбопашцы, воины-рыбаки, винодѣлы, мореплаватели, торговцы, пѣхотинцы и кавалеристы – выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ военныхъ поселеній и требуютъ положенія, которое-бы, не измѣняя въ сущности данныхъ имъ привиллегій, соотвѣтствовало общей системѣ управленія Россіи. Неимѣніе положительныхъ въ этомъ отношеніи правилъ, было причиною многихъ замѣшательствъ. Будемъ ожидать окончанія этого благодѣтельнаго предположенія, обѣщающаго Балаклавскимъ поселенцамъ прочную и счастливую будущность, подъ благотворнымъ скипетромъ царствующаго Императора [8].

Въ заключеніе сообщимъ читателямъ списокъ командировъ Балаклавскаго батальона съ начала учрежденія до настоящаго времени. Вотъ онъ:

1. Капитанъ Стефанъ *Мавромихали*, съ 1775 по 1779 годъ. Войско переведено въ Балаклаву въ 1784 году.
2. Премiеръ-маіоръ Константинъ *Чапони*, съ 1790 по 21 Іюля 1794.

---

[8] Неизлишнимъ считаемъ просовокупить здѣсь бѣглый взглядъ, какъ на статистическое положеніе поселеній Греческаго батальона, такъ и на настоящій образъ его управленія.

Балаклава лежитъ на западномъ берегу Крымскаго-Полуострова подъ 49° 29′ сѣверной широты, и 31° 14′ долготы отъ Парижа; коренныхъ жителей въ ней считается 333 мужескаго и 240 женскаго пола. Сверхъ-того принадлежатъ батальону деревни: Кадыкой, Карань, Камары и Алсуй, въ смежности съ Балаклавою (въ первой коренныхъ жителей 100 мужескаго и 78 женскаго пола, во второй 118 мужескаго и 75 женскаго пола, въ третьей 102 мужескаго и 87 женскаго рода, и въ четвертой 43 мужескаго и 31 женскаго пола), Керменчукъ и Лаки, въ 35 верстахъ отъ ней (въ первой жителей 43 мужескаго и 39 женскаго, а во второй 39 мужескаго и столько-же женскаго пола), и наконецъ Аутка на Южномъ-Берегу Крыма, подлѣ Ялты въ 80 верстахъ отъ Балаклавы (съ 112 мужескаго и 86 женскаго пола жителями). Земли, которою все Греческое общество владѣетъ совмѣстно, пахотной болѣе 2,800, сѣнокосной 1,050, подъ виноградниками и фруктовыми садами 250, полъ лѣсомъ 6,000, подъ домами 55, неудобной 894, всего слишкомъ 11,000 десятинъ. На пахатной землѣ засѣвается пшеница озимая и яровая, отчасти рожь, ячмень и горохъ. Изъ сбора зерна оставляется необходимая пропорція для продовольствія и на семена, а излишекъ поступаетъ въ продажу.

Балаклава и прочія селенія состоятъ подъ управленіемъ батальоннаго командира, въ лицѣ коего сосредоточивается и полицейская власть. Для соблюденія благочинія въ городѣ назначается по-очереди одинъ изъ офицеровъ, и называется «дежурнымъ по Батальону». Въ распоряженіи его состоитъ «базарный» въ родѣ десятскаго. Въ деревняхъ наблюденіе поручается выборнымъ изъ среды военныхъ поселянъ, людямъ хорошаго поведенія, которые носятъ названіе «приказныхъ». Уголовныя дѣла надъ военнослужащими производятся по общимъ правиламъ при Батальонѣ или въ ближайшемъ ордонансъ-гаузѣ; женщины подлежатъ суду гражданскому. Важнѣйшія изъ гражданскихъ дѣлъ производятся общимъ порядкомъ, безъ участія батальоннаго начальства; маловажныя распри разбираетъ дежурный по Батальону, а претензіи незначительныя рѣшатся словеснымъ судомъ изъ добросовѣстныхъ стариковъ.

3. Подполковникъ Стефанъ *Мавромихали*, съ 21 Іюля 1794 по день смерти, 24 Февраля 1801 года.
4. Маіоръ Константинъ *Тани*, съ 24 Февраля 1801 по 10 Ноября того 1801 года.
5. Маіоръ Анастасій *Николаевъ*, съ 10 Ноября 1801 по 19 Марта 1803 года – день его смерти.
6. Маіоръ Христо *Кирко*, съ 19 Марта 1803 по 20 Октября 1809 года – день увольненія его въ отечество.
7. Генералъ-маіоръ Ѳеодосій *Ревеліоти*, съ 20 Октября 1809 по 3 Февраля 1831 года.
8. Подполковникъ Ликургъ *Качони*, съ 3 Февраля 1831 года.

С. Сафоновъ.
д. ч. о.

III.

ГЕОГРАФІЯ.

О ДРЕВНИХЪ НАГОРНЫХЪ УКРѢПЛЕНІЯХЪ ВЪ КРЫМУ.

Исторія указуетъ намъ, что горная часть Тавриды была обитаема издревле племенами, особыми отъ прочихъ жителей полуострова. Въ самой отдаленной древности мы находимъ въ ней Тавровъ (горцевъ), народъ происхожденія Цельтическаго[1], а въ-послѣдствіи, шесть Скиѳскихъ племенъ, подъ названіемъ Тавро-Скиѳовъ, или горскихъ Скиѳовъ, прославившихся войною противъ Митридата[2]; между-тѣмъ-какъ мѣста приморскія были заняты Греческими колоніями, а степи имѣли также другихъ обитателей. Изъ нѣсколькихъ, упоминающихъ о томъ древнихъ писателей, приведемъ здѣсь Скилакса Каріандійскаго, который въ «Периплѣ» своемъ гово-

[1] «Тоира» на Цельтическомъ языкѣ значитъ: гора.

[2] Племена сіи имѣли слѣдующія наименованія: Оргонкины, Харазены, Ассиране, Трактары, Архилахиты, Каліарды (*Plinii* hist. L. IV, c. 12.).

ритъ: «Въ Скиѳіи Тавры обитаютъ на полуостровѣ, который выдается въ море. Въ Тавридѣ есть также Греки, и города ихъ суть: Херронисосъ пристань, Кріуметопонъ (Бараній лобъ), мысъ Таврическій. Потомъ снова идутъ Скиѳы и Греческіе города: Ѳеодосія, Кидея и Нимфея, Пантикапеонъ, Мирмикіонъ»[3].

При такомъ смѣшеніи народовъ, силившихся можетъ-быть поработить другъ друга, были между ними, конечно, и взаимныя мѣры предосторожности противъ внезапныхъ нападеній. Мы видимъ, что полуостровъ Трахея, на которомъ находятся развалины Херсониса, защищался стѣною; полуденный берегъ былъ усѣянъ крѣпостями; въ позднѣйшія времена, Воспорскія владѣнія, въ нынѣшнемъ Керченскомъ полуостровѣ, обозначались огромнымъ валомъ, имѣвшимъ протяженіе отъ Азовскаго-Моря къ Черному, а потому съ вѣроятіемъ заключить можно, что и горная часть Тавриды имѣла свою охранительную линію, которая, начинаясь въ окружностяхъ Севастополя и Балаклавы, должна была изгибаться по направленію горъ до рѣчки Кара-су, а оттуда, продолжаясь подъ тупымъ угломъ, примкнуть къ Черному-Морю около Ѳеодосіи.

Сильно убѣжденный въ этомъ, я занимался изслѣдованіями, которыя вполнѣ подтвердили мою догадку. Развалины многихъ древнихъ укрѣпленій въ окружностяхъ Севастополя и Балаклавы, огромная, примѣчательная башня въ деревнѣ Чоргунъ, развалины Мангупа, древнія укрѣпленія въ Албатѣ, Керменчикѣ, Черкесъ-Керменѣ, Эски-Керменѣ и Тепе-Керменѣ, крѣпость Чуфутъ-Кале, слѣды древнихъ укрѣпленій на рѣчкѣ Алмѣ и въ округѣ деревни Ягмурчи, по Саблынской дорогѣ, и наконецъ, отысканные почтеннымъ, уже умершимъ, археологомъ нашимъ И. П. Бларамбергомъ, слѣды древней крѣпости на рѣчкѣ Салгирѣ, надъ селеніемъ Петровское, близъ Симферополя, представляютъ непрерывный рядъ укрѣпленій, простирающихся вдоль горъ и соотвѣтствующихъ тѣмъ, которыя находятся на противоположной покатости высотъ, составляющихъ Южный-Берегъ, какъ-бы для защиты, входовъ и выходовъ тѣснинъ. Пройдя такимъ-образомъ отъ одного укрѣпленія къ другому около $^2/_3$ предположенной мною линіи, я достигъ рѣчекъ Зуи и Бурульчи. Тутъ, всѣ слѣды линіи исчезали, и я начиналъ уже сомнѣваться въ основательности своего предположенія; но случай, какъ это часто бываетъ, привелъ къ открытію,

[3] *Scylacis Caryandensis* Periplus, въ Geogr. Graec. min. edit. Hudsonii, p. 29.

которое снова утвердило меня въ моей догадкѣ. Многія изъ древнихъ укрѣпленій въ Крыму имѣютъ фигуру неправильнаго пятиугольника, котораго отличительная черта состоитъ въ томъ, что три-только бока его искуственные, то-есть состоятъ изъ вала и рва, остальные-же два замѣняются отвѣсною скалою. Крымскій-Полуостровъ склоняется амфитеатромъ къ своему перешейку, что представляетъ большую удобность обнимать на далекое разстояніе плоскую его часть, съ самаго малаго возвышенія. Находясь однажды у подошвы горъ, между рѣчками Зуею и Бурульчею, я замѣтилъ вдали, частію по теченію сихъ рѣчекъ, а частію въ-сторонѣ, нѣсколько скалъ, которыхъ образованіе и уединенное положеніе среди ровныхъ мѣстъ, казалось удобнымъ къ укрѣпленію, и обѣщало несомнѣнно слѣды какого-нибудь поселенія. Я немедленно отправился туда, и дѣйствительно нашелъ на тѣхъ скалахъ остатки древнихъ укрѣпленій.

Первое изъ нихъ находится на рѣчкѣ Зуѣ, близъ деревень: «Каяасты» и «Конечи», на горѣ «Киркъ-Азизъ» (сорока святыхъ). Оно состоитъ изъ вала и рва, расположенныхъ на высокой скалѣ. Внѣ вала видны слѣды жилищъ. Татары именуютъ это мѣсто «Барутъ-Хане» (пороховой заводъ), потому-что во время Татарскихъ хановъ дѣлали тамъ, какъ говорятъ, порохъ. Но это отнюдь не должно возбуждать сомнѣнія въ древности укрѣпленія, подтверждающейся его пятиугольною формою. Татары могли только воспользоваться онымъ для приличнаго употребленія, подобно-какъ древнимъ укрѣпленіемъ Мангупа, которое въ нѣкоторыхъ случаяхъ служило убѣжищемъ для самихъ хановъ.

Другое укрѣпленіе находится въ 5 верстахъ далѣе, на горѣ, имѣющей видъ усѣченнаго конуса, и именуемой по-Татарски «Конычъ». Оно заключается въ развалинахъ большихъ стѣнъ увѣнчивавшихъ высоту, въ основаніяхъ многихъ круглыхъ башень и въ остаткахъ какихъ-то оградъ. Близъ горы Конычъ видно русло изсякшей рѣчки Монтанай, – названіе не Татарское и подлежащее изслѣдованію.

Третіе укрѣпленіе находится въ пяти или шести верстахъ далѣе, насѣверо-востокъ, при рѣчкѣ Бурульчѣ, близъ деревень «Боркая» и «Боросханъ». Оно также расположено на утесистой горѣ, состоитъ изъ вала и рва, остатковъ стѣнъ и башень, и слѣдовъ значительнаго поселенія, каковы на-примѣръ: насыпная во многихъ мѣстахъ земля, изрытыя и волнистыя площади, и т. п. Вообще, оно гораздо обширнѣе двухъ предъидущихъ. Сооруженіе его, Татары приписываютъ Франкамъ,

такъ-какъ и всѣхъ древнихъ укрѣпленій въ Крыму, которыхъ происхожденіе теряется для нихъ во мракѣ временъ. Я смѣю думать, что это Птолемеева «Пароста», коей испорченное названіе скрывается теперь въ близъ-лежащей Татарской деревнѣ «Боросханъ». «Вотъ города», говоритъ Птолемей, «которые находятся внутри Херсонеса: Тафросъ, Тарона, Постигія, *Пароста*, Киммеріонъ, Портакра, Беонъ, Илюратонъ, Сатархи, Бадатіонъ, Китеонъ, Тазосъ, Аргода, Табана»[1].

Я тогда-же снялъ, по глазомѣру, планы означенныхъ трехъ укрѣпленій, которые въ-послѣдствіи сообщилъ почтенному автору «Крымскаго Сборника», нашему сочлену, П. И. Кеппену, вмѣстѣ съ мнѣніемъ моимъ о линіи древнихъ крѣпостей.

---

[1] Geographia *Ptolemei*. Lib. III, c. 6.

А. Фабръ.

Ч. О. О.

О МѢСТОПОЛОЖЕНІИ

ДРЕВНЯГО ГОРОДА ПЕРЕСѢЧЕНА,

ПРИНАДЛЕЖАВШАГО НАРОДУ УГЛИЧАМЪ.

Въ Бессарабской-Области, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, на большой почтовой дорогѣ между Кишиневомъ и Оргѣевомъ, въ разстояніи отъ перваго на 24½, отъ втораго на 16½ верстъ, находится деревня «Пересѣчени», по Русскому произношенію «Пересѣчина». Въ настоящее время, эта деревня не имѣетъ въ себѣ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ живописнаго мѣстоположенія въ горахъ, на опушкѣ знаменитыхъ въ Бессарабіи лѣсовъ Оргѣевскихъ [1].

[1] Нынѣ Пересѣчина состоитъ изъ 330 домовъ и 740 мужескаго и 666 женскаго пола душъ, въ томъ числѣ изъ коренныхъ жителей: бояранашей 2 мужескаго и 2 женскаго пола, рупташей 16 мужескаго и 10 женскаго пола, мазыловъ 143 мужескаго и 147 женскаго пола, и царанъ 467 мужескаго и 413 женскаго пола, итого 628 мужескаго и 572 женскаго пола; и изъ жителей Кишинева, проживающихъ въ Пересѣчинѣ: царанъ 83 мужескаго и 70 женскаго пола, и Евреевъ 29 мужескаго и 24 женскаго пола, итого 112 мужескаго и 94 женскаго пола. Въ селеніи находится церковь во имя св. Михаила. Имя Пересѣчины упоминается въ старинной граматѣ господаря Иліи воеводы Молдо-Влахійскаго отъ 6904 (1396) года, которой списокъ и переводъ, доставленные Обществу Д. Ч. Е. П. г. Бессарабскимъ военнымъ губернаторомъ П. И. Ѳедоровымъ, здѣсь прилагаются:

Списокъ съ подлинника.

Сурет дела Іліе Воевод лет, ЅЦД Маі Д.

Фачет ꙟштіінцаре пентру адевъратъ слугъ Ноастръ Дутіалуї Дета Ураніе, къ служінд таїнаінте ръпосатулуї пърінтелуї Ностру ку дріаптъ ші кредінчоасъ службъ, іаръ актъзї служеште ші Ноѫ ку дрептате ші ку кредінцъ, пентру каре ші Ної, възѫнд а луї дріаптъ ші кредінчоасъ службъ, лат мілуіт предѫнсул осъбит де алтъ міл ші іат дат, луї ꙟнтру ал Ностру пъмѫнт локу дін пустііу луї ші фръцъні-съу Петрікъ пе де ачеіа парте де Ікел, ануме Кобълка, дін върфу пън ꙟ гуръ, ші Пере-

Переводъ.

Дарственная грамата Иліи Воеводы, лѣта 6904 Мая 4.

Симъ извѣщаемъ о вѣрномъ слугѣ Нашемъ Деми Ураніи, что онъ, служивъ прежде покойному родителю Нашему вѣрою и правдою, нынѣ служитъ и Намъ истинно и вѣрно. Мы, усмотрѣвъ истинную и вѣрную его службу, жалуемъ его, и, сверхъ другихъ милостей, даемъ ему и брату его Петру, въ Нашей землѣ пустопорожнее мѣсто, по ту сторону Икеля, называемое Кобылка, отъ истока до устья, и Пересѣчину отъ истока до устья; и сколько деревень возмогутъ поселить,

Но ея имя невольно возбуждаетъ вниманіе. Въ немъ ясно слышатся звуки чисто Славянскіе, которымъ Румуны, нынѣшніе туземцы Бессарабской-Области, дали только окончаніе по духу своего языка. Это даетъ полное право заключать, что оно принадлежитъ ко временамъ, предшествовавшимъ водворенію Румуновъ въ Бессарабіи, что оно оставлено здѣсь Славянами старожилами, которыхъ исторія издревле находила въ странахъ при-Дунайскихъ подъ разными прозвищами. Но важнѣйшее состоитъ въ томъ, что подобнымъ или лучше тѣмъ-же самымъ именемъ назывался въ древности городъ, принадлежавшій одному изъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства при его первоначальномъ образованіи: городъ, котораго мѣстоположеніе, до-сихъ-поръ, оставалосьнеразрѣшимою загадкою. По моему мнѣнію, между этимъ городомъ, который во всѣхъ спискахъ древней нашей лѣтописи согласно именуется Пересѣченъ, и между Бессарабскимъ Пересѣчени, находится не одно только отношеніе созвучія. И я тѣмъ-смѣлѣе представляю эту догадку, что она, по-крайней-мѣрѣ для меня, совершенно удовлетворительно объясняетъ самое имя народа, которому принадлежалъ древній Пересѣченъ: имя таинственное, служившее камнемъ преткновенія и яблокомъ раздора для всѣхъ доселѣ бывшихъ изслѣдователей нашей древней исторіи.

сечіна дін върфу пън ѫ гуръ; ші къше саше вор пуше касъшї факъ, съ факъ, ачеле ка съ фіе лор ѫ парше дріапшъ урік ку шош венішул лор ші фечорілор лор, непоцілор ші спръпепоцілор ші а шош ніатул лор, че съ ва алеце таї апроапе нерушінат нічї одатъ ѫ вечї, іар хошарул съ фіе ла къте саше вор фі пе ачел лок къш ва пуше фі де аџунс фіешше къруіа саш, ші спре ачаста есте кредінца Дотнії теле де таї сус скрісъ Іліе Воевод ші Шшефан Воевод ші кредінца шушурор боерілор Ношпрї а тарї ші тічї; іар дупъ а Ноастръ віацъ, чіне ва фі Дотн църії ачешшіа, съ ну спріче а Ноастръ даніе ші тілуіре, че таї алес съ де ші съ ѫнтъріаскъ де вреше че Ної ат даш лор пенпру а лор дріапшъ ші кредінчоасъ службъ, іаръ пенпру таї таре кредінца ші ѫнтъріріа ачелор де таї сус скрісе, ат порончіт чінстішулуї ші кредінчосулуї боеріулуї Ностру Дутіалуї Іоанн вел логофъш съ скріе ші а Ноастръ печеше къпръ ачаста карше а Ноастръ съ о леце.

пусть селятъ: они будутъ въ вѣчность со всѣми отъ нихъ доходами собственностью ихъ и ихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ и всѣхъ ихъ потомковъ, какіе ближе окажутся, неотъемлемо никогда во вѣкъ: а границы будутъ, смотря потому, сколько деревень на томъ мѣстѣ поселено будетъ и сколько можетъ быть достаточно для каждой деревни. Сіе подтверждаемъ вышепрописаннымъ княжескимъ Нашимъ титломъ Иліи Воеводы и Стефана Воеводы, и завѣреніемъ всѣхъ бояръ Нашихъ старшихъ и младшихъ. Послѣ-же жизни Нашей, кто будетъ княземъ сей страны, не долженъ уничтожать Нашего дара и милости, а тѣмъ-болѣе жаловать и утверждать то, что прежде Мы пожаловали имъ за ихъ истинную и вѣрную службу. А для лучшаго удостовѣренія и утвержденія всего вышеписаннаго, Мы приказали почетному и вѣрному боярину Нашему великому логофету Іоанну сіе написать и Нашу печать къ сей граматѣ Нашей привязать.

Вотъ мѣсто древней лѣтописи, въ которомъ встрѣчается имя города Пересѣчена. Оно относится къ княженію великаго князя Русскаго Игоря, мужа св. Ольги, дѣда равноапостольнаго Владиміра; слѣдовательно къ началу X вѣка. Я выписываю текстъ по своду знаменитаго Шлецера[2]:

«И бѣ у него» (то-есть у Игоря) «воевода, именемъ Свентелдъ, и премучи Углецы; и возложи на нихъ Игорь дань, и вдастъ Свентелду. И невдашется единъ градъ, именемъ Пересѣченъ; и сѣде около его три лѣта, и едва взя и. И бѣше сѣдяще Углици по Днѣпру внизъ; и по семъ приидоша межи вои Днѣстръ, и сѣдоша тамо.»

Мѣсто это обезображено множествомъ разнословій въ спискахъ; и эти разнословія какъ-нарочно падаютъ на имя народа, о которомъ идетъ дѣло, и на его географическое опредѣленіе. Въ основаніе своего своднаго текста Шлецеръ принялъ здѣсь списокъ лѣтописи «Воскресенскій», съ которымъ довольно сходствуетъ и «Софійскій». Въ этихъ обоихъ спискахъ имя описываемаго народа, встрѣчающееся дважды, въ оба раза пишется не одинаково: сначала «Углецы» (въ Софійскомъ «Угленци»), потомъ «Углици»; различіе, которое сохранено и Шлецеромъ. Но это еще неважно: въ другихъ спискахъ оно пишется еще отмѣннѣе, и именно въ Ник. «Угличи», въ Арх. «Улицы». Далѣе, вмѣсто «бѣша сѣдяще по Днѣпру внизъ», одинъ списокъ, извѣстный подъ именемъ «Полѣтикина», имѣетъ «бѣша бѣжаще», что даетъ совершенно другой уже смыслъ. Наконецъ выраженіе очевидно обезображенное – «межи вои Днѣстръ» – взятое изъ Воскр. списка, пишется въ Соф. – межи во Днѣстръ», въ Пол. – «межы воинъ дрестръ», въ Ник. – «межи воин дестръ»; а въ Арх. вся фраза переиначена такъ: «посемъ поиде по Днѣпру, и сѣде тамо»[3]. Такъ усердно и единодушно похлопотали переписчики, чтобъ затмить мѣсто, оставшееся единственнымъ памятникомъ существованія цѣлаго, очевидно не маловажнаго, храбраго и сильнаго народа.

Шлецеръ, при всей своей проницательности, сталъ въ тупикъ въ этомъ хаосѣ описокъ. Въ первый разъ встрѣтивъ здѣсь имя «Углицевъ» или «Угличей», онъ остался въ недоумѣніи, какъ должно правильно читать его: «Угличи», или «Уличи»,

---

[2] *Шлецеровъ* Несторъ (въ Русск. перев. Языкова). Т. III, стр. 5 и 6.

[3] Ibid. l. c.

или даже можетъ-быть «Суличи»? Самое имя «Пересѣчена» показалось ему сомнительнымъ; и онъ изъявилъ подозрѣніе: нѣтъ-ли въ немъ на концѣ описки? «Сѣдяще», или «бѣжаще» – онъ опять не могъ рѣшить, какое предпочесть чтеніе. Наконецъ, въ отношеніи къ безсмысленному выраженію «межи вои Днѣстръ» или «межи воинъ дрестръ» – объявилъ, что оно совершенно непонятно[4].

Но, еще прежде Шлецера, Татищевъ, труженикъ незабвенный на поприщѣ отечественной исторіи и, при всѣхъ своихъ ошибкахъ, гораздо ученѣйшій и добросовѣстнѣйшій, нежели какъ его считаютъ нынѣ, Татищевъ отважился бросить лучъ свѣта въ этотъ мракъ. Не пускаясь въ соображеніе подробностей, обезображенныхъ разнословіями, онъ принялъ для народа, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, имя «Угличей», въ самомъ дѣлѣ представляемое большинствомъ списковъ съ весьма неважными варіантами. Затѣмъ, нашедши въ продолженіи лѣтописей рѣку Углъ, которую нѣкоторыя выраженія лѣтописи давали поводъ пріурочить къ нынѣшней рѣкѣ Орели, впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны на границѣ Полтавской и Екатеринославской губерній, между Переволочною и Новомосковскомъ, рѣшилъ, что народъ «Угличи» жили именно на этой рѣкѣ и отъ ней имѣли свое названіе. Это казалось ему сообразнымъ и съ показаніемъ лѣтописца, по которому Углицы «бѣша сѣдяще по Днѣпру внизъ». Дѣйствительно, Орель въ отношеніи къ Кіеву, гдѣ составлена древняя лѣтопись, находится въ нижней части Днѣпровскаго бассейна[5].

Шлецеръ, впрочемъ весьма несправедливый къ Татищеву, далъ мѣсто этой догадкѣ въ своемъ знаменитомъ комментаріи на Русскія лѣтописи, но съ явною недовѣрчивостью, хотя и безъ всякихъ доказательствъ, кромѣ личнаго предубѣжденія противъ Татищева[6]. Въ-послѣдствіи, Карамзинъ, тоже нерасположенный къ Татищеву, склонился однако предпочтительнѣе на его сторону въ отношеніи къ имени и мѣстопребываніе таинственнаго народа. Слова «межи воинъ дестръ» онъ призналъ опискою вмѣсто «межи Воинъ и Днѣпръ». Въ самомъ дѣлѣ Воинемъ назывались въ старину рѣка и урочище на границахъ степныхъ Половецкихъ кочевьевъ съ тогдашнею Русскою землею, въ окрестностяхъ Переяславля. Историографъ обращаетъ вниманіе на созвучіе имени Воиня, много разъ встрѣчающагося въ лѣто-

[4] Несторъ *Шлецеровъ* Т. III, стр. 9.

[5] *Татищева* Исторія Россійская Часть II. С.-Петербургъ. 1773. стр. 26 и 379, прим. 98.

[6] Несторъ *Шлецеровъ*. III, 9.

писяхъ, съ нынѣшнею рѣкою Вюнкою, текущею въ Остеръ. Слѣдовательно, по его мнѣнію, высказанному впрочемъ проблематически, «Угличи» были народъ, жившій нѣкогда въ-низъ по Днѣпру на рѣкѣ Углѣ или Орели, и потомъ поднявшійся выше по тому-же Днѣпру, и поселившійся между нимъ и Воинемъ или лучше Остромъ, въ окрестностяхъ Переяславля и Кіева, то-есть въ нынѣшнихъ Полтавской и Черниговской губерніяхъ[7]. Достопочтенный нашъ сочленъ, ученый Шафарикъ, простерся еще далѣе, поддерживая это мнѣніе: онъ даже самыя разнословія «дестръ, дрестръ, Днѣстръ», считаетъ за описки вмѣсто «Остеръ», который, по его предположенію, могъ называться нѣкогда «Естеръ», и слѣдовательно легко могъ подать поводъ къ означеннымъ искаженіямъ[8].

Остановимся здѣсь. Имя Карамзина есть имя священное. Оно одно содержитъ уже въ себѣ сильное, уважительное ручательство. Тѣмъ внимательнѣйшему разбору должны подлежать освященныя имъ мнѣнія. Такъ и поступимъ теперь въ отношеніи къ разсматриваемому мѣсту, снеся наистрожайшимъ образомъ предлагаемое исторіографомъ объясненіе съ текстомъ лѣтописи, который имъ объясняется. Исторіографъ читаетъ и объясняетъ имя народа согласно съ Татищевымъ, не отвергая впрочемъ, что оно можетъ читаться «Суличи», и слѣдовательно означать народъ, живущій на Сулѣ, рѣкѣ также впадающей въ Днѣпръ съ лѣвой стороны въ Полтавской губерніи, но гораздо выше Орели, между Кременчугомъ и Золотоношею. Мы не будемъ здѣсь распространятся о «Суличахъ», народѣ, котораго никогда не было и не могло быть; ибо древніе жители Сулы, по ясному указанію древняго лѣтописца, не составляли особаго народа, а принадлежали къ обширному народу Сѣверѣ или Сѣверянамъ, занимавшему весь лѣвый берегъ средняго Днѣпра[9], а если-бы и составляли особое колѣно, то, по справедливому замѣчанію Шафарика, назывались-бы сообразно съ духомъ Славянскаго языка, не «Суличами», но «Сулянами»[10]. Остановимся на рѣкѣ Орели, которая будто-бы называлась «Углъ». Татищевъ, который первый объявилъ, что нынѣшняя Орель называлась въ древности «Угломъ», говоритъ это не безъ доказательствъ. Важнѣйшее изъ этихъ доказа-

[7] Исторія Госуд. Россійск. Т. I, прим. 362.

[8] Slowanské Starožitnosti. W Praze, 1837. Oddil dějepisny, стр 548.

[9] Несторъ *Шлецеровъ* (въ перев. Языкова). Т. I, стр. 116.

[10] Slowanské Starožitnosti l. c.

тельствъ состоитъ въ томъ, что въ лѣтописяхъ, подъ 1184 годомъ, при описаніи похода князей Русскихъ на Половцевъ, «Углъ» или «Уголъ» называется «Ерель», что весьма близко къ имени Орели. Дѣйствительно, въ Радз. спискѣ лѣтописи говорится о князьяхъ предпринявшихъ этотъ походъ: «и прешедше Углъ рѣку — и гнаше ихъ» (то-есть Половцевъ) [11]. Но это имя только и встрѣчается въ одномъ спискѣ; въ другихъ, на-примѣръ въ Ник., стоитъ «Бугъ рѣку», въ Воскр. — «Богъ рѣку». Такъ-называемая «Кіевская лѣтопись», служившая кажется главнымъ основаніемъ мнѣнію Татищева, говоритъ вовсе не то; вотъ ея слова: «онѣмъ же» (то-есть войскамъ, которыя выпросились впередъ гнаться за Полов ки и открыть ихъ) «ѣхавшимъ по нихъ» (то-есть по Половцевъ) «не постигши взворотишась и сташа на мѣстѣ нарицаемомъ Ерель, его же Русь зоветъ «Уголъ» [12]. Итакъ «Уголъ» или «Ерель» было мѣсто, а не рѣка. Чтобы согласить Кіев. лѣтоп. съ Радз. спискомъ, трудолюбивый Арцыбышевъ, составитель «Повѣствованія о Россіи», напечатаннаго въ 1838 году Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей, прибѣгаетъ къ предположенію: слово «прешедше Углъ» не значитъ-ли здѣсь «пришедши къ углу» [13]. Богъ вѣсть, что оно значитъ; по-крайней-мѣрѣ должно согласиться, что тождество рѣкъ «Угла» и «Орели», основывающееся единственно на этомъ мѣстѣ лѣтописей, оказывается слишкомъ слабо и неблагонадежно основаннымъ. Еще раза два упоминается въ лѣтописяхъ о рѣкѣ «Углѣ», около того-же времени, но весьма неопредѣленно: во-первыхъ, въ Кіев. лѣт. подъ 1152 годомъ, гдѣ рѣка Уголъ или Углъ упоминается вмѣстѣ съ Самарою, что какъ-будто близко къ Орели; во-вторыхъ, въ Воскр. спискѣ подъ 1168 годомъ, гдѣ оно упоминается вмѣстѣ съ рѣкой Снопородомъ, которой никто не знаетъ. Но положимъ, что этотъ «Углъ» или «Уголъ» былъ точно нынѣшняя рѣка Орель. Пойдемъ далѣе за предположеніемъ историографа. Народъ «Угличей» онъ ведетъ съ Орели въ-верхъ Днѣпра и поселяетъ недалеко отъ Переяславля и Кіева еще до покоренія его Свентельдомъ; самый городъ ихъ «Пересѣченъ» онъ полагаетъ тутъ-же, вблизи Кіева и Переяславля, основываясь на одномъ мѣстѣ Воскр. списка, которое мы объяснимъ въ послѣдствіи [14]. Итакъ «Угличи» во время Игоря, находились подъ самой столицей его,

[11] Лѣтопись, по Кенигсбергскому списку. С.-Петербургъ. 1767. стр. 275.
[12] Исторія Госуд. Россійск. Т. III, стр. 425, прим. 67.
[13] Повѣствованіе о Россіи, *Арцыбышева*. Т. 1, Москва 1838. стр. 231.
[14] Исторія Госуд. Россійск. I, прим. 362.

Кіевомъ, и имѣли такой крѣпкій городъ, подъ которымъ должно было простоять три года! Изъ словъ лѣтописи: «и не вдашется единъ градъ, именемъ Пересѣченъ», видно, что этотъ народъ имѣлъ и другіе города, которые взять было легче. Какъ-же это могло случиться, что нашъ древній лѣтописецъ, исчисляя поименно всѣ народы, существовавшіе въ сосѣдствѣ древней Руси, отъ моря Чернаго до моря Бѣлаго, отъ Урала до Карпата и Балкана, народы, самые отдаленные и самые мелкіе, не почтилъ даже наименованіемъ такого изъ нихъ, который подъ самымъ Кіевомъ, матерью градовъ Русскихъ, имѣлъ свои города – и какіе города – едва преодолимые въ три года цѣлой мужественной ратью? Какъ могло случиться, что Олегъ, непосредственный предшественникъ Игоря, этотъ Олегъ, который съ быстротою молніи носился отъ Новагорода до Кіева, отъ Кіева до Царьграда, который по обѣ стороны Днѣпра, проникъ въ сокровеннѣйшія глубины тогдашнихъ дремучихъ лѣсовъ, добрался до Древлянъ на Припети, до Радимичей на Сожѣ, до Сѣверянъ на Деснѣ, Семи и Сулѣ, этотъ самый Олегъ оставилъ въ покоѣ своихъ ближайшихъ сосѣдей, не ознаменовалъ воинственной жизни своей ни одной попыткой на ихъ независимость? Переяславль находился уже подъ властью Олега, былъ городомъ Русскимъ, резиденціею князя «сущаго подъ Ольгомъ», какъ видно изъ договора, который Олегъ заключилъ съ Византійскими императорами подъ стѣнами Константинополя[15]; а народъ, жившій между Переяславлемъ и Кіевомъ, городами отстоящими другъ-отъ-друга на какія-нибудь шестьдесятъ верстъ, мирно наслаждался свободою, и даже глубокою неизвѣстностью! Этотъ народъ не принимаетъ никакого участія въ походѣ Олега на Грецію, походѣ, который увлекъ за собою все извѣстное тогда населеніе Днѣпровскаго бассейна, даже до Вятичей, жителей Оки, до Дулѣбовъ и Тиверцевъ, обитателей Буга и Днѣстра! Это рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ условіямъ исторической возможности. Этого не могло быть; слѣдовательно и не было. Въ-послѣдствіи оказывается, что даже во время великаго Владиміра, внука Игорева, въ окрестностяхъ Кіева не было достаточнаго количества городовъ, что тутъ было чистое, открытое поле. «И рече Володимеръ» (говоритъ лѣтопись) «се не добро, еже малъ городъ около Кыева. И нача ставити городы по Деснѣ, и по Востри» (то-есть по-Остру) «и по Трубежеви

[15] Лѣтопись по Кенигсбергскому списку, стр. 25.

и по Сулѣ, и по Стугнѣ»[16]. Сказалъ-ли-бы онъ это, если-бъ еще при дѣдѣ его возлѣ Кіева существовалъ народъ со многими городами? Нѣтъ! «Угличамъ», съ ихъ таинственнымъ «Пересѣченомъ», не было и не могло быть мѣста тамъ, гдѣ указываетъ Карамзинъ, то-есть на лѣвой сторонѣ Днѣпра, не только между Кіевомъ и Переславлемъ, но и ниже, до самой, пожалуй, Орели!

Исторіографъ, кажется, самъ предчувствовалъ всѣ эти возраженія: и потому изъявилъ подозрѣніе, что все разсматриваемое теперь мѣсто лѣтописи, гдѣ говорится объ Угличахъ, «кажется прибавленіемъ новѣйшаго автора»; на этомъ основаніи онъ не внесъ его даже въ текстъ своей «Исторіи Государства Россійскаго», а помѣстилъ только въ примѣчаніяхъ. Но такое подозрѣніе вовсе не имѣетъ основаній. Мѣсто это находится въ большинствѣ списковъ. Слогъ его носитъ всѣ признаки старины, и ничѣмъ не отцвѣчиваетъ отъ контекста. Притомъ, какому «новѣйшему автору» могло притти въ голову сдѣлать вставку о такомъ народѣ, который не оставилъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, къ которому слѣдовательно не могло быть никакого особеннаго участія?

Мѣсто это не вставлено. Народъ «Угличи» не былъ народъ «мнимый», какъ называетъ его наконецъ исторіографъ въ заключеніе своихъ догадокъ. Онъ упоминается въ географическомъ обозрѣніи нашего древняго лѣтописца. Упоминается еще разъ и послѣ, до покоренія его воеводою Игоревымъ.

Орелъ критики, знаменитый Шлецеръ, уже провидѣлъ нить, соединяющую это мѣсто съ другими предшествующими мѣстами древней лѣтописи. Но онъ не преслѣдовалъ ее самъ до конца; только указалъ будущимъ изслѣдователямъ. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ варіантовъ имени «Угличи» есть «Улици»; а «Улици» не только упоминаются въ географическомъ исчисленіи народовъ у древняго лѣтописца, но даже описываются весьма подробно въ отношеніи къ ихъ мѣстопребываніе. Вотъ это исчисленіе: «И живяху вмирѣ» (еще до эпохи Рюрика) «Поляне, и Древляне, и Северо, и Бужане, и Радимичи, и Вятичи, и Хорвати. Дулѣбиже живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне; а Улици, Тиверци, присѣдяху ко Дунаеви, и бѣ множество ихъ, сѣдяху по Бугу и по Днестру, оліи до моря. И суть города ихъ и до сего дне, да то ся зовяху отъ Грѣкъ Великая

[16] Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Москва, 1824. стр. 85.

Скуѳь»[17]. Вотъ народъ съ именемъ, которое въ одномъ изъ списковъ дается и таинственнымъ «Угличамъ»; народъ Улици, который, въ сосѣдствѣ Дулѣбовъ и Тиверцевъ, жилъ по рѣкамъ Бугу и Днѣстру, простираясь до моря, то-есть Чернаго, и до Дуная; народъ со многими городами, существовавшими цѣло и невредимо до временъ древняго лѣтописца, то-есть по-меньшей-мѣрѣ до конца XI вѣка. Замѣчательно, что имя этого народа и здѣсь опять подверглось множеству варіантовъ: оно пишется «Улици, Улучи, Улутичи, Лутчи, Лютичи, Глутицы, Лучане». Шлецеръ удержалъ въ сводномъ текстѣ своемъ «Уличи»; но въ переводѣ поставилъ имя «Лютичей», которое было принято Татищевымъ, которое послѣ принялъ и Карамзинъ[18]. Но въ-послѣдствіи онъ самъ признался, что отступается отъ этого мнѣнія. Это произошло съ нимъ по-поводу другаго мѣста лѣтописи, гдѣ говорится уже объ Олегѣ, что онъ «бѣ обладая Поляны, и Деревляны, и Сѣверяны, и Радимичи, а сСуличи и Тиверци имѣяше рать». На основаніи параллелизма, слишкомъ ощутительнаго, великій критикъ призналъ, что въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ не иной какой народъ упоминается вмѣстѣ съ Тиверцами, какъ тѣ-же «Улици» или «Уличи, которые въ первомъ мѣстѣ помѣщены также возлѣ Тиверцевъ[19]. Удивительно, что Карамзинъ, глубоко вѣровавшій въ Шлецера, не смотря на это, остался при «Лютичахъ» и «Суличахъ»[20]. По всѣмъ соображеніямъ исторической критики очевидно, что «Улици», «Суличи» и «Угличи» были одинъ народъ; «Лютичи» же явная описка; такой народъ точно существовалъ, но гдѣ? Въ Верхней-Помераніи, на берегахъ Одера! Теперь понятны и «дестръ», «дрестръ», или «Днестръ», упоминаемый при описаніи «Угличей» въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ: народъ «Уличи» описывается «присѣдящимъ къ Дунаеви, сѣдящимъ по Бугу и по Днѣстру, даже до моря»; тутъ нѣтъ нужды думать ни о Днѣпрѣ, въ имени котораго очень трудно предполагать описку, ни тѣмъ-болѣе объ Острѣ, который въ древности назывался Встръ, а не Естеръ, какъ предполагаетъ Шафарикъ.

Кстати о Шафарикѣ. Этотъ истинно великій мужъ, оказывающій безсмертныя услуги Славянскимъ древностямъ, также признаетъ за одинъ народъ «Уличей», «Су-

---

[17] Несторъ *Шлецеровъ*. I, 212.

[18] Исторія Россійск. *Татищева*. II, 7; *Шлецеровъ* Несторъ. I, 213; Истор. Госуд. Росс. Т. I, прим. 301.

[19] Несторъ *Шлецеровъ*. Т. II, стр. 271.

[20] Исторія Госуд. Россійск. Т. I, прим. 301.

личей« и «Угличей». Но, увлекаясь созвучіями, онъ разбросалъ этотъ народъ по всему пространству западной Россіи даже до рѣки Улы, текущей въ Западную-Двину въ нынѣшней Витебской губерніи. Притомъ онъ настаиваетъ всѣми силами на имя »Улици» или «Уличи», полагая, что оно есть настоящее, единственно правильное имя спорнаго народа, а всѣ прочіе варіанты суть описки[21]. Я напротивъ увѣренъ, что настоящее имя есть не другое какъ Угличи, удержанное въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ большинствомъ списковъ. И вотъ мои доказательства.

Народъ этотъ былъ очевидно Славянскаго происхожденія: это доказывается чисто-Славянскимъ именемъ ихъ города, который назывался «Пересѣченъ». Слово «Уличи» не имѣетъ никакого смысла на Славянскомъ языкѣ. Напротивъ, «Угличи» весьма естественно производятся отъ Славянскаго слова «уголъ». Теперь этотъ народъ, по точному указанію лѣтописи, жилъ по Бугу и Днѣстру, «присѣдяще къ Дунаеви, оліи до моря». Но берегъ «моря», то-есть «Чернаго», между устьями Днѣстра и Дуная, представляетъ своею географическою фигурою настоящій «уголъ», и даже до нынѣ называется «Угломъ» по преимуществу, par excellence. Турецко-Татарское имя «Буджакъ», которое означаетъ теперь всю нижнюю или степную часть Бессарабской области, значитъ именно «Уголъ». И это имя не было выдумано самими Татарами; напротивъ есть буквальный переводъ чистаго Славянскаго наименованія «Углъ», которое, по свидѣтельству историковъ, принадлежало нынѣшнему «Буджаку» во времена перваго пришествія Булгаровъ на Дунай, около 678 года по Р. Х. Именно, Никифоръ-Патріархъ, Ѳеофанъ и Анастасій-Библіотекарь, пишутъ, что Аспарухъ, третій сынъ героя Куврата, по согласію съ братьями, послѣ смерти отца, усѣлся, вмѣстѣ съ дружиною своею, «на Дунаѣ за Днѣстромъ», въ мѣстѣ, которое на языкѣ туземцевъ называлось «Ὄογλος» или «Oglus»[22], и которое сама природа оградила отъ непріятельскихъ вторженій частью болотами, частью горами. Какое вѣрное изображеніе теперешняго Бессарабскаго «Угла», залитаго

[21] Slowanské Starożitnosti, стр. 546–548.

[22] *Nicephori* Breviar. p. 100. E. R. 8. *Theophanis* Chronic. p. 297. E. R. *Anastasii* p. 113. E. R. Срав. *Ducange:* Illyricum Vetus et Novum. Pos. 1746. p. 147. Въ Гречески-ореографированномъ словѣ «Ὄογλος» (произносится «Онглосъ»), носовой звукъ есть самое очевидное ручательство славянизма, и именно въ древнѣйшей его формѣ, которой памятникомъ остался для насъ переводъ Священнаго-Писанія, гдѣ слово «углъ», въ спискахъ, причисляемыхъ къ такъ-называемой «Булгарской фамиліи» пишется въ началѣ чрезъ «*юсъ*», неоспоримо потому, что и произносилось «*унлъ*» или «*онлъ*», какъ доказываетъ и однозначительное Латинское «angulus».

лиманами устьевъ Дунайскихъ и обставленнаго послѣдними отпрысками съ одной стороны Карпата, съ другой Балкана! Отъ страны, весьма естественно занимали имя свое и народы, которымъ она доставалась на долю. Татары, очевидно по «Буджаку», назывались «Буджаками», то-есть «Угловыми». Славяне, предшествовавшіе имъ, должны были называть себя не иначе, какъ «Угличами»! Это доказывается и тѣмъ, что оставляя свое мѣстопребываніе, они слагали съ себя тотчасъ и имя. Татары, выгнанные изъ «Буджака», перестали называться «Буджаками». Имя «Угличей» исчезло, какъ скоро орды Печенѣговъ, за ними Половцевъ, и потомъ Татаръ, вытѣснили изъ завѣтнаго «Угла» Славянскихъ старожиловъ.

Итакъ «Угличи» были жители нынѣшней Бессарабіи, и именно нижней, степной ея части, называвшейся «Угломъ». Но, подобно своимъ преемникамъ, Печенѣгамъ, Половцамъ и Татарамъ, они неограничивались этимъ «Угломъ»; они простирались по Днѣстру и за Днѣстръ далеко въ глубь степей, до Буга по-крайней-мѣрѣ, какъ указываетъ ясно лѣтописецъ. Но Бугъ, какъ извѣстно, соединяется съ Днѣпромъ; слѣдовательно, справедливы слова разсматриваемаго нами мѣста, что они «бѣша сѣдяще внизъ по Днѣпру», гдѣ ихъ должны были въ первый разъ замѣтить Кіевскіе Руссы, путешествовавшіе Днѣпромъ до Греціи. Во времена Игоря, черезъ Днѣпръ промчались уже бурнымъ вихремъ Мадяры, и потомъ надвинули Печенѣги изъ степей при-Волжскихъ; это должно было оттѣснить «Угличей» отъ Днѣпра, и отбросить за Днѣстръ. Вотъ объясненіе безсмысленныхъ выраженій разсматриваемаго нами мѣста: «и по семъ приидоша межи воинъ Днѣстръ и сѣдоша тамо». Я читаю все это мѣсто такъ: «И бѣша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ» (до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ) «и по семъ преидоша вежи свои» (то-есть передвинули свои вежи, свои жилища) «на Днѣстръ, и сѣдоша тамо». «Вежами» назывались въ старину не одни подвижные шатры кочевыхъ народовъ, но и укрѣпленныя твердыни: столица Хазаровъ, выстроенная Византійскими мастерами на берегахъ Дона, называется въ нашихъ лѣтописяхъ «Бѣлою-Вежею».

Одна изъ этихъ вежъ называлась «Пересѣченъ». Шафарикъ справедливо говоритъ, что въ этомъ случаѣ весьма важно опредѣлить мѣстоположеніе «Пересѣчена». Карамзинъ, какъ мы видѣли, искалъ его въ окрестностяхъ Кіева и Переяславля. Тамъ нѣтъ теперь ни одного урочища, которое-бы такъ называлось; не встрѣчается его и въ лѣтописяхъ, послѣ взятія Свѣнтельдомъ. А между-тѣмъ это былъ городъ

крѣпкій и сильный, который долженъ-же былъ оставить по себѣ какіе-нибудь слѣды, по-крайней-мѣрѣ во времена ближайшія къ его завоеванію. Теперь нечего болѣе отыскивать. Это было нынѣшнее «Пересѣчени». «Угличи» жили на Днѣстрѣ; Бессарабское «Пересѣчени» находится въ какихъ-нибудь сорока или пятидесяти верстахъ отъ Днѣстра.

Но это очень далеко отъ Кіева, средоточія тогдашней Русской земли, верстъ по-крайней-мѣрѣ пятьсотъ нынѣшними дорогами! Такая отдаленность не могла быть слишкомъ велика для Руссовъ, которые въ одинъ взмахъ перелетали изъ Новагорода въ Кіевъ. Притомъ въ распространеніи владычества Руссовъ отъ Кіева, какъ оно описано древнею лѣтописью, очевидна постепенность. Олегъ утвердясь въ Кіевѣ, прежде всего старается овладѣть верхнимъ бассейномъ Днѣпра, чтобы имѣть свободное сообщеніе между Кіевомъ и Новгородомъ. Онъ покоряетъ на лѣвомъ берегу Днѣпра Радимичей и Сѣверянъ, то-есть все пространство между верхнимъ Днѣпромъ и Окой внизъ до Сулы; на правомъ-Древлянъ, которые жили въ нынѣшнемъ Полѣсьѣ западной Россіи, въ бассейнѣ рѣки Припети. Многочисленные притоки этой рѣки, начинающіеся въ сосѣдствѣ истоковъ Буга и Днѣстра, должны были привести его къ Дулѣбамъ, Тиверцамъ и «Угличамъ». Съ этими послѣдними онъ «имѣлъ рать», то-есть воевалъ, по точному сказанію лѣтописи. Дулѣбы и Тиверцы, кажется, не имѣли силъ устоять противъ него: мы находимъ ихъ между народами, которыхъ Олегъ повлекъ къ Царюграду. Но «Угличи», жившіе южнѣе, сохранили свою независимость до его преемника Игоря. Свѣнтельдъ нескоро добрался до «Пересѣчена»: онъ покорилъ всю землю «Угличей», получилъ ее въ помѣстье отъ Игоря, а «Пересѣченъ» еще оставался; стало, онъ былъ на краю земли «Угличей». Если-бы земля «Угличей» и «Пересѣченъ» были близко отъ Кіева, воевода не остался-бы цѣлые три года подъ городомъ: по обычаю прежнихъ войнъ, которыя велися набѣгами, онъ-бы послѣ одной неудачной попытки воротился домой, по-крайней-мѣрѣ на зиму, чтобы собраться съ новыми силами. Но онъ сидѣлъ около «Пересѣчена» три года; слѣдовательно этотъ «Пересѣченъ» былъ не въ окрестностяхъ Кіева.

Я разсматривалъ внимательно нынѣшнее мѣстоположеніе Бессарабскаго «Пересѣчени», которое имѣлъ случай видѣть лично не одинъ разъ. Тутъ нѣтъ никакихъ

слѣдовъ искусственныхъ укрѣпленій[25]; но мѣсто укрѣплено самою природою, находясь подъ защитою горъ и лѣсовъ. Впрочемъ, укрѣпленія въ продолженіе стольких вѣковъ могли изгладиться. «Пересѣчени» находится на большой продольной дорогѣ сквозь всю Бессарабію, дорогѣ, по которой, въ ближайшія къ намъ времена, удалые казаки изъ окрестностей Кіева летали подъ твердыни Бендеръ и Аккермана, проникали до самаго Измаила: они обыкновенно переправлялись чрезъ Днѣстръ изъ Подоліи въ нынѣшнемъ уѣздномъ городѣ Сорокѣ. Путь Свѣнтельда я объясняю себѣ иначе. Почти противъ Пересѣчени вливается въ Днѣстръ съ лѣвой стороны рѣка Ягорлыкъ, по которой идетъ нынѣшняя почтовая дорога изъ Балты въ Дубоссары. Балта лежитъ на рѣкѣ Кодымѣ, впадающей въ Бугъ. Такъ-какъ въ старину рѣки были единственными дорогами, то Свѣнтельдъ здѣсь, отъ Тиверцевъ, сидѣвшихъ на Бугѣ, могъ естественно добраться до Угличей, перенесшихъ вежи свои на Днѣстръ. Верхняя горная часть Бессарабіи въ то время должна была принадлежать Хорватамъ, которыхъ самое имя происходитъ отъ «горъ», и которые до нашествія Мадяровъ, огибали Карпатъ кругомъ до самаго Кракова. «Пересѣчени», очевидно находилось на границѣ между двумя народами: долина Реута, главной рѣки верхней Бессарабіи, на которой находятся нынѣшніе города Оргѣевъ и Бѣльцы, донынѣ заперта рядами безчисленныхъ кургановъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ видъ укрѣпленій. Въ Подоліи, по-сю-сторону средняго Днѣстра жили Дулѣбы. «Пересѣчени» было послѣднее убѣжище «Угличей», которые, во время Игоря, уже вѣроятно были оттѣснены и отъ своего прародительскаго «Угла», то-есть нынѣшняго «Буджака», хищными Печенѣгами. Константинъ-Порфирородный, императоръ Византійскій, жившій и царствовавшій вскорѣ послѣ Игоря, пишетъ, что одно изъ колѣнъ Печенѣжскихъ въ его время граничило съ «Ультинами», Дервленинами, Ленценинами, и другими Славянами подлежащими Руси: «Τὸ δὲ θέμα Ἰαβδιερτὶμ πλησιάζει ταῖς ὑποφόροις χώραις τῆς Ῥωσίας, τοῖς τε Οὐλτίνοις, καὶ Δερβλενίνοις, καὶ Λενζε-

[25] Я слышалъ однако отъ Д. Ч. Общества А. Ѳ. Вельтмана, производившаго нѣкогда геодезическую съемку Бессарабской-Области, что въ окрестностяхъ Пересѣчины находится «городокъ» или остатокъ древней насыпи, доселѣ еще примѣтный. Теперь мнѣ никто не могъ сообщить свѣдѣній объ этомъ «городкѣ». Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Пересѣчины, на самомъ берегу Днѣстра, существуетъ до нынѣ замѣчательный монастырь Городешти, безъ-сомнѣнія «городище», то-есть послѣдь «города». Меня увѣряли туземцы, что по берегамъ Реута, гораздо ближе къ Пересѣчинѣ, существуютъ остатки обителей весьма похожихъ на это Городешти.

νίοις καὶ τοῖς λοιποῖς Σκλάβοις»[24]. Шафарикъ въ «Ультинахъ» весьма основательно признаетъ «Уличей», то-есть по моему «Угличей»[25].

Заключаю: «Угличи» были не что иное, какъ «Угловые-Словяне», обитавшіе въ нынѣшнемъ «Буджакѣ», между Днѣстромъ и Дунаемъ. Ихъ городъ «Пересѣченъ» есть нынѣшнее Бессарабское урочище «Пересѣчени».

Это объясняетъ одно изъ темнѣйшихъ мѣстъ нашей древней исторіи и географіи, поставляя его въ согласіе со всѣми обстоятельствами, описанными въ лѣтописяхъ. Тутъ интересъ общій для науки. Но я нахожу здѣсь другой частнѣйшій интересъ для Русскаго: ибо вижу здѣсь ясное доказательство, что страны, составляющія главный предметъ занятій нашего Общества, издревле находились въ тѣснѣйшей связи съ исторіею нашего великаго отечества, что край, который нынѣ называется Новою-Россіею, въ-самомъ-дѣлѣ есть старая и даже самая старая Русь – колыбель орла, который теперь своими могучими крыльями осѣняетъ седьмую часть всего земнаго шара. Этотъ послѣдній результатъ моего изслѣдованія, увѣренъ, найдетъ сочувствіе и отзывъ въ сердцахъ всѣхъ соотечественниковъ, которымъ дорога исторія ихъ предковъ.

---

[24] De administrando Imperio. cap. XXXVII.

[25] Багрянородный писатель упоминаетъ тутъ-же у Печенѣговъ рѣки Τροῦλλος, Βροῦτος и Σέρετος, то-есть Турлу (туземное наименованіе Днѣстра), Прутъ и Серетъ, между которыми заключается Бессарабскій «Уголъ».

Н. Надеждинъ.

д. ч. о.

IV.

СТАТИСТИКА.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ

НА

ОЧАКОВСКУЮ ОБЛАСТЬ,

ВЪ 1790 И 1840 ГОДАХЪ.

Въ Россіи, благодаря мудрому и благодѣтельному правительству, все улучшается, все совершенствуется, все идетъ впередъ: и промышленность, и торговля, и народная образованность. Предоставляя другимъ, болѣе свѣдущимъ, говорить о сѣверѣ и западѣ имперіи, нашего великаго отечества, я обращаю вниманіе читателей на югъ, на Новороссію, представлявшую въ половинѣ прошедшаго столѣтія пространную, глухую степь, кочевье враждебныхъ намъ Татарскихъ ордъ или жилища буйныхъ ватагъ Казацкихъ. Возьмемъ для примѣра эпоху довольно къ намъ близкую, разсмотримъ безпристрастно все то, что сдѣлано въ этомъ краѣ, менѣе-чѣмъ въ полвѣка (1800 – 1840), и глазъ историка-наблюдателя изумится отъ гигантскихъ успѣховъ, невиданныхъ въ другихъ, болѣе древнихъ, частяхъ не только Россіи, но и прочихъ государствъ Европы. Америка, говорятъ, преуспѣваетъ еще болѣе, дѣлаетъ шаги быстрѣе – быть можетъ; но это такъ далеко отъ насъ, ея примѣръ

такъ неподражаемъ для нашего полушарія, что мы рады и тому, что у насъ передъ глазами. Дай Богъ, чтобы это доброе направленіе было упрочено, чтобы кормило правленія находилось всегда въ столь-же мощныхъ и образованныхъ рукахъ, какъ нынѣ.

Когда прагматическая исторія желаетъ говорить о степени улучшеній и усовершенствованій въ какомъ-нибудь государствѣ, то прибѣгаетъ къ способу сравненія двухъ или трехъ эпохъ его быта. Тогда документы, статистическія цифры и оффиціяльныя, хотя-бы общія показанія, служатъ ей руководствомъ, живыми, такъ-сказать, свидѣтелями. Возьмемъ для такого опыта одинъ клочекъ Новороссійской степи, то что называлось нѣкогда «Очаковскою областью», и сравнимъ бытъ ея въ эпоху завоеванія (1790–1792) съ бытомъ настоящимъ; – мы увидимъ тогда, какое благодѣтельное вліяніе имѣли эти 50 лѣтъ Русскаго владычества въ степи, не смотря на совершенную дѣвственность края и цѣлый рядъ поражавшихъ его бѣдствій. Чума 1812, 1829 и 1837; неурожаи 1794, 1812, 1825 и 1833; засухи, саранча, холера 1830 и 1831; война 1806, 1812, 1828–1829, и множество другихъ препятствій, преграждали, но не преградили ему путь къ преуспѣванію на поприщѣ благоденствія государственнаго. Это краткое, но «документальное» сравненіе предлагаемъ вниманію просвѣщенныхъ соотечественниковъ.

I. 1792–1800.

Въ III-й статьѣ трактата, заключеннаго въ Яссахъ (29 Декабря 1791), которому основаніе положила мощная десница Потемкина, сказано: «Турція уступаетъ Россіи все пространство земли отъ Днѣпра (то-есть устья его въ лиманъ) и Буга до Днѣстра, со включеніемъ Очакова. Рѣка Днѣстръ будетъ границею обѣихъ державъ, такъ-что правый берегъ оной (то-есть Бессарабія) будетъ принадлежать Турціи, а лѣвый Россіи». По лѣвому берегу Днѣстра лежащія земли составляли такъ-называемую «Очаковскую область» (اوزی – Узу[1]), и принадлежали собственно къ Малой-Татаріи, подвластной хану Крымскому, вассалу Турціи, за исключеніемъ самой крѣпости Очакова, которой сераскиръ (охранитель или генералъ-губерна-

[1] У Турокъ и самый Днѣпръ, и крѣпость Очаковъ, именуются «Узу».

торъ), былъ всегда трехъ-бунчужный паша, присылаемый Оттоманскою-Портою. Впрочемъ та-же система сохранялась и въ другихъ частяхъ имперіи: крѣпости Дунайскія, Днѣпровскія и прибрежныя Крымскія заняты были всегда гарнизонами и управлялись комендантами Турецкими. На Очаковской степи кочевала обширная и самая буйная Едисанская орда Татаръ Ногайскихъ, коей сераскиръ, обыкновенно изъ рода Гиреевъ, и каймаканъ орды жили большею частью въ Очаковѣ. Оттого и самая орда подобно области именовалась Очаковскою.

Съ окончаніемъ кампаніи, разрушеніемъ Очакова и занятіемъ этого края Русскими войсками, остатки Ногайцевъ перекочевали за Днѣстръ, гдѣ и оставались, вмѣстѣ съ Буджакскою-Ордою, до 1808 года, то-есть до вторичнаго перевода ихъ изъ Бессарабіи въ Крымъ на Молочныя-Воды[2]. Новоприобрѣтенная область, какъ сказали уже мы въ другомъ мѣстѣ[3], составляющая родъ шестиугольника заключеннаго между Бугомъ, Чернымъ-Моремъ, Днѣстромъ, рѣчкою Мокрымъ-Ягорлыкомъ и суходольемъ со-стороны Подольской-Губерніи, была съ самыхъ древнѣйшихъ временъ обитаема народомъ храбрымъ и промышленнымъ, слѣдственно заслуживающимъ вниманіе историковъ и географовъ. Здѣсь процвѣтали извѣстные города: Ольвія, Алекторъ (нынѣ Очаковъ), Никоніонъ (у Овидіополя), Одиссосъ или Ордессосъ (на лиманѣ Тилигульскомъ) и др., ведшіе большую торговлю съ Римомъ, Греціею, Востокомъ, куда отправляли они: хлѣбъ, рыбу, икру, шерсть, солонину и обоего пола невольниковъ. Сюда въ XVI и XVII столѣтіи Поляки направляли изъ Подоліи караваны свои съ пшеницею для продажи Турецкимъ промышленникамъ; сюда наконецъ Казаки пробирались, въ минуты краткаго мира съ Ногайцами, для торговли и мѣны.

Императрица Екатерина II вполнѣ постигнувъ важность страны, имѣющей столь выгодное географическое положеніе, и повелѣвъ (указомъ 27 Января 1792), Екатеринославскому губернатору Василію Каховскому, присоединить оную къ своему намѣстничеству, съ-тѣмъ-и мѣстѣ поручила ему: «обозрѣть сію страну, раздѣлить оную на уѣзды, назначить города по способности, и о томъ Ей и Сенату представить».

---

[2] Хронологическое обозрѣніе исторіи Новороссійского-Края. Т. II, стр 125.

[3] Первое 30ти-лѣтіе исторіи города Одессы. стр. 1.

Каховскій былъ человѣкъ дѣятельный и благоразумный, вѣрный царскій слуга и искренно желавшій добра своему отечеству и ввѣренному ему краю. Не смотря на всѣ трудности, сопряженныя съ путешествіемъ въ краѣ совершенно пустомъ, дикомъ, лишенномъ не только удобствъ, но даже и нужнѣйшихъ предметовъ жизни, съ наступленіемъ весны пустился онъ въ дорогу для личнаго обозрѣнія Очаковской области. Ему сопутствовали инженеры, минералоги и нѣсколько молдавскихъ эмигрантовъ, желавшихъ поселиться въ Россіи. Два рапорта его[4] суть важнѣйшіе по моему мнѣнію матеріялы для исторіи этой части Новороссійскаго-Края. Они даютъ столь вѣрное понятіе объ этомъ краѣ въ самомъ, такъ-сказать, младенчествѣ его гражданскаго быта, что не только ученые, но и всѣ жители Новой-Руси съ удовольствіемъ, или по-крайней-мѣрѣ съ любопытствомъ прочтутъ ихъ, для сравненія съ бытомъ настоящимъ уже цвѣтущаго, а еще болѣе обѣщающаго края. Вотъ они въ цѣлости.

Первый рапортъ, писанный изъ Дубоссаръ 5 Мая 1792 года, заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

«Для обозрѣнія новопріобрѣтенныхъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ земель, отправился я 25 Апрѣля изъ Очакова къ Аджидеру на устье Днѣстровскаго-Лимана, а оттуда по берегу рѣки Днѣстра, прибылъ въ Дубоссары Мая 1 дня. Въ проѣздъ мой осматривалъ я оба берега Березанскаго, Тилигульскаго и Куяльницкаго лимановъ. Обозрѣвъ нынѣ всѣ почитаемыя мною нужнѣйшими мѣста въ новопріобрѣтенныхъ земляхъ, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донесть Вашему Императорскому Величеству, что нашелъ я по всему пространству, земли отмѣнно тучныя и плодородныя: сіе доказывается остатками развалинъ многочисленныхъ бывшихъ повсюду селеній и различнаго рода лучшими травяными, кормовыми растеніями, коими покрыты не токмо всѣ долины, но и плоскія мѣста, исключая береговъ и отлогостей по рѣкѣ Днѣстру. Весьма мало попадались мнѣ солонцеватыя и песчаныя мѣста; болотистыхъ-же не наѣзжалъ я, какъ только по бере-

[4] При изданіи первой части моего «Хронологическаго обозрѣнія исторіи Новороссійскаго-Края», въ 1836 году, не имѣя никакихъ свѣдѣній объ исполненіи Каховскимъ воли Императрицы, я рѣшился умолчать объ этомъ. Но сдѣлавъ въ 1839 году новую археографическую поѣздку, я, въ обрывкахъ старыхъ дѣлъ Херсонскаго губернскаго архива, отыскалъ два подлинныя донесенія Каховскаго, которыя здѣсь сообщаю какъ дополненіе къ моей книгѣ. Этимъ надѣюсь исправить недостатокъ, читателями вѣроятно замѣченный, но котораго отвратить въ-то-время я не имѣлъ никакой возможности.

гамъ Буга и Днѣстра и по лиманамъ, кои покрыты камышемъ, пригоднымъ для употребленія вмѣсто дровъ. По скатамъ всѣхъ долинъ, исключая самыхъ ихъ вершинъ, вездѣ изобильно бѣлаго известковаго камня, изъ коего построеваемы были жилища и прежними обитателями сихъ странъ[5].

«Аджибей, назначенный Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для обитанія служившихъ въ Средиземномъ-Морѣ на флотиліи, лежитъ на возвышенномъ и пріятномъ мѣстѣ. Вода въ колодцахъ прѣсная и хорошая. Изъ вершины одной долины можно провесть фонтанъ до полувозвышенія, на коемъ полагается быть городу[6]. Въ Аджибейскомъ-Лиманѣ камыша для топли имѣется довольно. Въ окрестностяхъ онаго, земля состоитъ изъ глинистаго материка, смѣшаннаго въ большомъ количествѣ съ черноземомъ. Судя-же по травянымъ растеніямъ, коими оныя покрыты, заключать должно объ отмѣнномъ ея плодородіи. Берега морскіе и отлогости долинъ составляются изъ бѣлаго известковаго камня и желтокрасноватаго, смѣшаннаго съ морскимъ пескомъ, желѣзистою глиною и морскими мелкими раковинами. Сей послѣдній мягче перваго и пригоденъ только къ небольшимъ строеніямъ. Отъ развалинъ бывшихъ тутъ строеній, камня много. Онаго будетъ достаточно на построеніе при первомъ случаѣ домовъ для ожидаемыхъ къ обитанію въ семъ мѣстѣ. Но какъ нужно имѣть тамъ въ заготовленіи потребные къ построенію домовъ лѣса, то осмѣлюсь я, Всемилостивѣйшая Государыня, отправить туда до 1,000 бревенъ, и сколько могу найтить досокъ и другихъ мелкихъ лѣсовъ. Всѣ оные сложатся при впаденіи Днѣстра въ лиманъ, дабы удобно, если будутъ суда, перевозить оные въ Аджибей водою и сухимъ-путемъ. Отъ генералъ-аншефа Каховскаго[7] испрошу я офицера изъ Грековъ, бывшихъ въ корпусѣ, въ вѣдѣніе коего поручатся лѣса и желѣзные инструменты для ломки камня и строенія домовъ.

«При обозрѣваніи моемъ развалинъ Аджидера и устья Днѣстровскаго-Лимана, нашелъ оба сіи мѣста выгоднаго положенія. Плодородная земля, изобильныя рыбныя ловли, и остатки истребленныхъ садовъ, привлекутъ многихъ къ обитанію на сихъ мѣстахъ.

---

[5] Этотъ камень, мягкій въ Одессѣ и весьма твердый по-близости рѣки Буга, сплоченъ изъ мелкихъ раковинъ, какъ-бы сцѣпленіе коралловъ.

[6] Не знаемъ, о которомъ изъ нашихъ фонтановъ говоритъ Каховскій, но вѣроятно о такъ-называемомъ «Маломъ-Фонтанѣ», какъ болѣе обильномъ и ближайшемъ къ городу.

[7] Командовавшій послѣ Потемкина войсками во всей Новой-Россіи.

«На сихъ дняхъ ожидаю я въ Дубоссары таможенныхъ дѣлъ совѣтника, отправившагося изъ Очакова берегомъ моря къ устью Днѣстровскаго-Лимана, а оттуда въ-верхъ по Днѣстру въ Дубоссары. По прибытіи его приступлю немедленно къ исполненію Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа къ сочиненію штатовъ о таможняхъ, таможенныхъ заставахъ, таможенной цѣпи и о карантинахъ.

«Пріемлю дерзновеніе повергнуть себя къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, и пр.»

Второй рапортъ, тоже изъ Дубоссаръ писанный, уже заключаетъ въ себѣ многія подробности на-счетъ устройства Очаковской-Области. Онъ отправленъ 21 Сентября 1792 года, слѣдственно четыре мѣсяца позже перваго. Вотъ что въ немъ пишетъ Каховскій:

«Ваше Императорское Величество, присоединяя къ губерніи Екатеринославской, Всемилостивѣйше ввѣренной моему управленію, область, новоприобрѣтенную отъ Порты-Оттоманской, между рѣкъ Буга и Днѣстра лежащую, Высочайше повелѣть мнѣ соизволили: обозрѣть оную, раздѣлить на уѣзды, назначить города по способности, и о томъ Вашему Императорскому Величеству и правительствующему сенату представить мое мнѣніе съ планами. Во-исполненіе сего Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества указа, всеподданнѣйше представляю при семъ генеральную карту сей новоприобрѣтенной области съ раздѣленіемъ ея на четыре уѣзда; четыре уѣздныхъ карты, съ раздѣленіемъ ихъ на участки, для отвода подъ поселенія казенныя и помѣщичьи, и къ нимъ вѣдомости объ отводимыхъ земляхъ; планы четыремъ уѣзднымъ городамъ, и планъ городу при Аджибеѣ[8], назначенному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ для служившихъ въ Средиземномъ-Морѣ на флотиліи Вашего Императорскаго Величества. Какія я имѣлъ въ виду надобности и выгоды къ раздѣленію сей новоприобрѣтенной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ области на четыре уѣзда, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донесть. Предполагаю, что область сія, пользуясь по Всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію увольненіемъ отъ казенныхъ податей, на

[8] Копія съ подлиннаго плана города при Гаджибейской крѣпости (Одессы), по проэкту Деволана, подписаннаго по волѣ Государыни статсъ-секретаремъ Грибовскимъ (1794 года 27 Мая), отысканы мною въ Херсонскомъ губернскомъ архивѣ.

основаніи «плана о поселеніи Новороссійской-Губерніи»[9], имѣя выгодное свое положеніе къ производству торговли, плодородную и удобную землю къ скотоводству и земледѣлію, долженствуетъ въ короткое время имѣть довольное количество поселянъ, промышленниковъ и торгующихъ. Выходу и переселенію ихъ предполагалъ я быть изъ Польши, Молдавіи, Бессарабіи, который и имѣетъ уже свое начало, а частью изъ Румеліи и Анадоліи. Между различными сими выходцами, имѣющими различные нравы и обычаи, не могутъ не происходить споры и несогласія, а по онымъ и жалобы. Отводъ земель подъ поселеніе владѣльцамъ разныхъ націй, обращалъ къ себѣ также должное вниманіе. Соображая все сіе, судилъ я, Всемилостивѣйшая Государыня, что скорое разбирательство споровъ и ссоръ, неотложное удовлетвореніе обиженному и готовая близкая судейская помощь во всемъ нужномъ, всѣмъ новопоселяющимся, суть само-нужнѣйшими средствами къ доставленію имъ благоденствія. А посему раздѣляя новоприобрѣтенную область на четыре уѣзда, заключилъ я, что устроеніе въ оныхъ присутственныхъ мѣстъ, назначенныхъ въ Высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества учрежденіи, начертанномъ Вашею премудростью, устроевая тишину и спокойствіе, устроитъ всеобщее благоденствіе. Ищущіе покровительства и защиты суда, не будутъ удалены отъ него, а судъ исправляя возложенное на него законами, по обширности уѣзда, не обременится должностью.

«Уѣзднымъ городамъ полагалъ я быть: первому при «Дубоссарахъ». Мѣсто сіе извѣстностью своею отъ дальнихъ лѣтъ[10] не только сосѣдственной Польшѣ и Молдавіи, но и отдаленнѣйшихъ мѣстъ жителямъ, возспособствуетъ безъ всякаго сомнѣнія, и въ короткое время къ умноженію народа въ новосозидаемомъ городѣ. Пріятное при томъ онаго положеніе, удобность къ размноженію плодородныхъ деревъ и виноградныхъ садовъ, способность къ полученію лѣсовъ изъ Молдавіи сухимъ-путемъ и рѣкою Днѣстромъ изъ Польши и Галиціи; здоровое онаго положеніе, здоровая и хорошая вода въ колодцахъ и изобильный родникъ, изъ коего

---

[9] «Планъ о поселеніи въ Новороссійской Губерніи», изложенъ подробно въ указѣ 1764 года 22 Марта; см. «Хронол. обоз. ист. Новор. края». Т. I, стр. 63.

[10] Въ Запорожскомъ архивѣ я находилъ часто, что намѣстникъ «Томбасарскій» (то-есть Дубоссарскій) былъ употребляемъ для пограничныхъ дѣлъ со-стороны Турокъ и Крымцевъ. Одни Дубоссары были въ Бессарабіи на правомъ берегу Днѣстра, напротивъ упоминаемыхъ здѣсь, отчего сіи послѣдніе названы первоначально «Новыми-Дубоссарами».

предполагается провесть воду въ городъ въ разныя мѣста, доставляя всѣ выгоды и пріятности гражданамъ, суть ощутительнѣйшимъ привлеченіемъ къ умноженію въ немъ жителей. Сверхъ-сего, если Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ повелѣть, учредить при семъ городѣ таможню и карантинъ, то покупка въ семъ городѣ съ-первой-руки дозволенныхъ привозныхъ товаровъ, умножитъ число промышленниковъ и торгующихъ.

«Построеніе другаго уѣзднаго города почиталъ я удобнымъ при новопоселенной деревнѣ «Голтѣ», лежащей надъ рѣкою Бугомъ противу города Ольвіополя и Польскаго мѣстечка Богополя. Къ назначенію въ семъ мѣстѣ города были мнѣ поводомъ: здоровое мѣстоположеніе, здоровыя тутъ воды рѣкъ Буга и Синюхи, изобильное количество хотя твердаго, но къ строенію способнаго камня, удобность доставлять потребные на строеніе лѣса изъ Польши, а въ нужномъ случаѣ и изъ Екатеринославскихъ лѣсовъ, и наконецъ «большая дорога, которою Польскіе жители обыкли отвозить свои продукты въ Очаковъ». Устроеніе при семъ мѣстѣ транзитной таможни умножитъ число жителей, промышленниковъ и торгующихъ.

«Третьему уѣздному городу полагается быть на мѣстѣ разоренной «крѣпости Очаковской». Отъ нѣсколькихъ вѣковъ продолжающаяся въ семъ мѣстѣ торговля довольнымъ есть побужденіемъ къ возобновленію тутъ города и непрекословною надеждою скораго поселенія въ немъ жителей, промышленниковъ, торгующихъ и купцовъ разныхъ націй. Мѣстоположеніе сіе здоровое и пріятное; а хотя лежитъ на возвышенномъ мѣстѣ, къ произрастенію однако плодородныхъ деревъ, виноградовъ и всѣхъ поваренныхъ растеній способно. Въ колодцахъ очищенныхъ вода нѣсколько солонцовата; со-временемъ нужно будетъ употребить стараніе къ открытію новыхъ колодцевъ или и иныхъ средствъ для снабженія сего города лучшею водою.

«Четвертый уѣздный городъ полагается построить при «Средней-Крѣпости[11]», противу устья рѣки Ботны. Новосозидаемая крѣпость будетъ средствомъ къ привлеченію жителей въ новый городъ; а городъ, при открытіи въ немъ торговыхъ дней и ярмонокъ, и чрезъ разведеніе жителями садовъ и огородовъ, будетъ выгоденъ для крѣпости.

---

[11] На Днѣстрѣ, противу Бендеръ. Это нынѣшній Тирасполь. Средняя, то-есть Тираспольская крѣпость основана въ слѣдующемъ 1793 году.

«Естественно-пріятное мѣстоположеніе Аджидера (Овидіополя), плодородная въ окрестностяхъ онаго земля, способная къ произрастенію всѣхъ плодородныхъ деревъ и виноградниковъ, предполагаемый отпускъ жителями Польши и Галиціи продуктовъ своихъ рѣкою Днѣстромъ и перегрузка оныхъ въ семъ мѣстѣ на суда, ради отправленія за-море, удобность въ переселеніи Грекамъ и Армянамъ изъ Румеліи и достаточныя рыбныя ловли, подаютъ несомнѣнную надежду къ умноженію въ семъ мѣстѣ народа и къ построенію города.

«Представляя все сіе прозорливѣйшему и премудрому Вашего Императорскаго Величества благоусмотрѣнію, пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донесть: въ назначенныхъ городахъ, при Очаковѣ, Аджибеѣ и Аджидерѣ, нѣтъ еще кромѣ малаго числа въ первомъ, никакихъ жителей и мастеровыхъ людей. Прибывающіе въ оные на жительство будутъ имѣть трудность въ построеніи не только домовъ, но и нужнаго пристанища. Въ окрестностяхъ ихъ если и будутъ новыя селенія, то сіи должны будутъ заниматься чрезъ-нѣкоторое-время собственнымъ своимъ домоустройствомъ. Къ тому-же доставленіе лѣсовъ въ сіи мѣста для частныхъ людей не только весьма трудно, но при начальномъ всего основаніи почти и неудобовозможно; покупка-же отъ промышляющихъ оными, по причинѣ неумѣренныхъ цѣнъ, была-бы для нихъ отяготительною. А посему дерзаю Всемилостивѣйшая Государыня всеподданнѣйше просить, удостоя Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества призрѣнія область сію, пріобрѣтенную Вашею премудростью, изліять на оную тѣ Высокоматернія щедроты, коими вновь созданы толь многіе грады во дни блаженнѣйшіе премудраго царствованія Вашего, и Всемилостивѣйше повелѣть, искупая ежегодно на казенныя деньги хотя небольшое количество лѣсовъ, отправлять въ тѣ мѣста, въ коихъ окажется больше надобности, смотря по числу выѣзжающихъ къ водворенію, и отпуская ихъ требующимъ, взимать отъ нихъ въ возвратъ въ казну издержанныя на покупку деньги. Единымъ оборотомъ Всемилостивѣйше опредѣленной суммы, окажется нововодворяющимся Всемилостивѣйшее попеченіе. Въ вышеобъявленныхъ трехъ мѣстахъ нужно также заготовленіе для нововодворяющихся, камня и землянаго кирпича, употребляемаго въ сихъ странахъ къ строеніямъ. Не благоугодно-ли будетъ, къ заготовленію и дѣланію онаго, повелѣть употребить осужденныхъ преступниковъ и отсылать на сію работу бѣглыхъ безпашпортныхъ людей, до отысканіи ихъ по силѣ законовъ тѣми владѣльцами, коимъ

оные принадлежатъ, производя имъ заработныя деньги, за камень отъ кубической сажени, а за кирпичъ отъ тысячи, сообразуясь по мѣстнымъ цѣнамъ хлѣбу и прочимъ съѣстнымъ припасамъ. Внутреннія губерніи и уѣзды очистятся симъ способомъ отъ бѣглецовъ, а работами ихъ окажется польза здѣшней области, да и имъ самимъ сдѣлается полезное.»

II. 1837–1840.

Изъ приведенныхъ здѣсь рапортовъ Каховскаго можно видѣть, что и ему, подобно всѣмъ Русскимъ и иностраннымъ его современникамъ, Очаковская область была вовсе неизвѣстна. Онъ обозрѣлъ только, съ свойственною ему прозорливостью, побережье отъ Очакова до Аккермана, по сосѣдству Чернаго-Моря, и отсюда до Новыхъ – Дубоссаръ, придерживаясь теченія Днѣстра; но ни средина Очаковской степи, ни теченіе рѣчекъ бѣгущихъ въ море, ни точное положеніе огромныхъ лимановъ: Березанскаго, Тилигульскаго, Хаджибейскаго и Куяльницкаго (видѣнныхъ Каховскимъ только вблизи моря), ни достоинство земель въ глубинѣ степи, ни ея народонаселеніе вовсе не были извѣстны. Вѣроятно что, исключая Запорожскихъ наѣздниковъ, перебѣгавшихъ иногда завѣтный Бужскій рубежъ, и чумацкихъ каравановъ, пробиравшихся съ хлѣбомъ и коровьимъ масломъ до Очакова или Хаджибея, никто не видалъ этого края[12]. Только съ 1794 года, то-есть съ основанія города у Хаджибейскаго замка, а еще болѣе съ учрежденія Вознесенскаго намѣстничества въ 1795 году, край Очаковскій былъ осмотрѣнъ и устроенъ по возможности[13]. Оттого, какъ мы видѣли, Каховскій назначаетъ мѣста для городовъ или на рѣкахъ, какъ Дубоссары и Тирасполь на Днѣстрѣ, Голту у впаденія Синюхи въ Бугъ, или на лиманахъ, какъ Овидіополь и Очаковъ, или наконецъ у моря, какъ Хаджибей или Одесса, не обращая вниманія, что избранныя

[12] Въ Запорожскомъ архивѣ находимъ любопытные документы по этому предмету. Вотъ напримѣръ донесеніе кошеваго Григорія Ѳедорова Кіевскому военному губернатору (отъ 8 Апрѣля 1758), что казаки, возившіе письма его къ Буджакскому сераскиру Девлетъ-Гирею-Султану, на возвратномъ пути заѣхали къ каймакану, командующему частью орды Едисанской, кочевавшей на вершинахъ Куяльника; они разсказывали, что ихъ толмачемъ былъ «осадчій», то-есть основатель и вмѣстѣ староста недавно основаннаго въ Очаковской области Польскими выходцами села, именуемаго «Палѣево-Озеро».

[13] Такъ, по приказанію Зубова, издано было довольно любопытное и быть-можетъ первое описаніе этого края, составленное полковникомъ *Мейеромъ*, подъ заглавіемъ: «Повѣственное, естествословное и землемѣрное описаніе Очаковской земли». С.-Петербургъ. 1795. in 8°.

имъ въ уѣздные города точки, находятся совершенно по границамъ Очаковской области.

Въ моемъ небольшомъ «Очеркѣ исторіи Новороссійскаго-Края», я исчислилъ какъ могъ, годъ за годомъ, постепенный ходъ дѣлъ въ оном, и изложилъ всѣ усилія правительства съ 1793 по 1823 годъ, употребленныя къ заселенію, благоустройству и обогащенію этой области. Небольшой этотъ край, составляющій теперь южную часть Херсонской-Губерніи, въ концѣ XVIII столѣтія (1797–1800) могъ имѣть, судя по оффиціяльнымъ показаніямъ:

усадьбъ, т. е. городовъ, селъ и деревень 312,
жителей мужескаго пола 19,580,
женскаго пола 16.870,
итого . . . . 36,450 душъ обоего пола.

Присоединивъ къ тому до 7,000 душъ обоего пола, находившихся въ Одессѣ, портѣ едва открытомъ, а уже важномъ по своему отпускному рынку, и до 2,000 душъ Черноморскихъ-Казаковъ, не принадлежавшихъ къ этому краю, но оставшихся въ немъ на жительствѣ, не смотря на всѣ строгости правительства, выйдетъ, что все народонаселеніе Очаковской области въ 1790 году могло простираться до 50,000 душъ обоего пола.

Это народонаселеніе составилось: 1) изъ Запорожскихъ и Малороссійскихъ выходцевъ, прежде 1790-хъ годовъ поселившихся; 2) Молдаванъ, переселившихся или переведенныхъ изъ за-Днѣстра; 3) крестьянъ, поселенныхъ помѣщиками, получившими земли, съ 1792 по 1797 годъ; 4) Грековъ, Арнаутовъ, Сербовъ и другихъ иностранцевъ, поселенныхъ правительствомъ; 5) казенныхъ поселянъ, переведенныхъ изнутри Россіи, по проэкту о Вознесенскомъ намѣстничествѣ; наконецъ 6) бѣглыхъ изъ Польши и Россіи, давно уже водворившихся, или которыхъ поселяли помѣщики на дарованныхъ земляхъ.

Вотъ первая эпоха быта Очаковской области. Съ того времени до нашихъ дней прошло не болѣе 40 лѣтъ, а какъ уже и видъ и внутреннее достоинство края измѣнились! Бросимъ хотя бѣглый взглядъ на нынѣшній бытъ этого края, чтобы сравненіемъ указать на сдѣланные имъ успѣхи.

Съ 1834 года Очаковская область состоитъ изъ четырехъ частей: Одесскаго градоначальства, Одесскаго, Тираспольскаго и Ананьевскаго уѣздовъ. Въ ней на-

ходятся города: Одесса, Тирасполь, Григоріополь, Дубоссары, Ананьевъ и Очаковъ; большія мѣстечки: Сѣвериновка, Овидіополь, Кантакузеновка, Ковалевка и др.; богатыя Болгарскія колоніи: Большой и Малой-Буялыкъ, Кубанка, Цетинка, Катаржинка и Парканы съ обширными хозяйственными заведеніями, а послѣдняя съ значительною шелковичною рощею; наконецъ, кромѣ другихъ селеній, 38 Нѣмецкихъ колоній, имѣющихъ лучшее въ краѣ земледѣльческое хозяйство.

Народонаселеніе этой области, какъ мы видѣли, весьма многосложно и состоитъ изъ многихъ націй и исповѣданій. Русскіе живутъ во всѣхъ почти городахъ и селеніяхъ, Армяне—наиболѣе въ Григоріополѣ, но значительное число ихъ обитаетъ въ Одессѣ и Дубоссарахъ. Славяне (Болгары и Сербы) живутъ въ вышеупомянутыхъ колоніяхъ, въ селѣ Никшичей и по городамъ; Греки—въ большомъ числѣ въ Одессѣ, Овидіополѣ, Дубоссарахъ и колоніи Александровкѣ, составившейся изъ остатковъ бывшаго Одесскаго Греческаго батальона. Нѣмцы живутъ преимущественно въ колоніяхъ ими основанныхъ, и по городамъ; Европейцы другихъ націй—главнѣйше въ Одессѣ; наконецъ Евреи и малое количество Магометанъ придерживаются торговыхъ городовъ; Молдаване, кромѣ городовъ, поселились и въ деревняхъ, а Караиты только въ Одессѣ, гдѣ составляютъ одно изъ самыхъ честныхъ, полезныхъ и трудолюбивыхъ племенъ.

Народонаселеніе Очаковской области, заключающей въ себѣ до двухъ милліоновъ десятинъ земли, между 1837–1840 годами можетъ быть изображено въ слѣдующихъ приблизительныхъ цифрахъ:

1. Въ Одесскомъ градоначальствѣ до 60,000,
2. » Одесскомъ уѣздѣ . . . . . » 40,000,
3. » Тираспольскомъ » . . . . » 60,000,
4. » Ананьевскомъ » . . . . » 40,000,

всего . . до 205,000 душъ обоего пола,

т. е. въ четверо больше противу показаній 1797—1800 годовъ. Въ томъ числѣ слишкомъ 29,000 колонистовъ, основавшихъ здѣсь просвѣщенное хозяйство.

Но самое занимательное зрѣлище представляютъ намъ неслыханные успѣхи, сдѣланные земледѣліемъ, промышленностью и торговлею этого края. Бросимъ бѣглый взглядъ на этѣ три отрасли хозяйства Очаковской земли:

1. Земледѣліе. Оно есть главная отрасль хозяйства, быть-можетъ главное богатство всей Новой-Россіи. Въ этомъ краѣ оно было-бы постояннымъ источникомъ большаго дохода для помѣщиковъ, если-бъ самая почва была вездѣ одинаково плодородна, ибо близость Одессы даетъ всѣ средства къ выгодному сбыту и слѣдовательно къ пріобрѣтенію капиталовъ. За-то, гдѣ хлѣбопашество не довольно выгодно, тамъ разведены богатые стада мериносовъ, лошадей, рогатаго скота. Овчарни Пиктета и Эйнара, графа Нессельроде, Кобле, Кирьякова, графа де-Ламберта, Акацатовой и др. представляютъ массу сотенъ-тысячь головъ этого безцѣннаго животнаго. Лошади улучшенной породы находятся почти у всѣхъ главныхъ помѣщиковъ. Заводы Кирьякова, Кантакузена и др., принадлежатъ даже къ источникамъ, гдѣ запасается наша кавалерія. Сверхъ-того цѣлыя тысячи головъ рогатаго скота и безчисленные табуны лошадей степныхъ, разводимыхъ колонистами и Молдаванами, продаются на ярманкахъ или посылаются за Прутъ и Дунай. Виноградники отъ Днѣстра до Буга встрѣчаются почти на каждомъ шагу, въ особенности близъ Одессы, гдѣ въ 1837 г. считалось уже до пяти-милліоновъ кустовъ лучшихъ европейскихъ сортовъ, и добывалось до 30,000 ведеръ вина. Нѣкоторые помѣщики разводили виноградъ и дѣлали вино на самомъ берегу Буга, но это болѣе изъ прихоти или для домашняго употребленія, а не для торговли. Лѣсныя плантаціи разводятся по-немногу во всѣхъ почти имѣніяхъ образованныхъ помѣщиковъ, а также въ колоніяхъ, преимущественно-же въ Одессѣ, близъ Днѣстра и по Бугу, гдѣ есть даже лѣски и рощицы природные. На Днѣстрѣ, и особенно въ Болгарскихъ колоніяхъ, разводится успѣшно и въ большомъ количествѣ шелковица, и шелкъ ихъ разработки составляетъ важную отрасль дохода. Мы не упоминаемъ ни о фруктовыхъ садахъ, ни объ огородныхъ засѣвахъ, ни наконецъ о цвѣтникахъ, ибо хотя всѣ эти предметы, столь важные въ степномъ хозяйствѣ, столь много стоющіе труда и издержекъ, не смотря ни на частыя засухи, ни на холода и неимовѣрные вѣтры, поддерживаются и годъ-отъ-году распространяются, но особенной важности въ торговомъ отношеніи не составляютъ [14]. Но, повторяемъ, важнѣйшая часть земледѣльческаго труда обращена на

[14] На-счетъ садовдства и лѣсныхъ плантацій незабвенный М. М. Кирьяковъ, одинъ изъ основателей нашего Общества, въ своемъ «Взглядѣ на лѣсоводство и садоводство въ Херсонской-Губерніи» (С.-Петербургъ, 1836) писалъ такъ: «Первые шаги помѣщиковъ нашихъ на поприщѣ садоводства были тяжки. Когда послѣ 1792 года, вновь пріобрѣтенныя отъ Турецкой имперіи за Бугомъ земли (Очаковской области), стали раздаваться подъ

хлѣбопашество; оно, и какъ средство народнаго пропитанія, и какъ предметъ главной отпускной торговли чрезъ Одесскій портъ, занимаетъ всѣ почти руки сельскихъ жителей, и, при благопріятномъ урожаѣ, сторицею вознаграждаетъ труды. Главные посѣвы дѣлаются пшеницею, особенно арнауткою; второе за ней мѣсто занимаютъ: рожь, просо, свесъ и кукуруза. Въ послѣдніе десять лѣтъ начали сѣять много льна, конопли и пр., не столько для пряжи, сколько для семянъ, въ огромномъ количествѣ требуемыхъ заграничною торговлею.

2. Промышленность. Городская и загородная промышленность въ Очаковской области развита несравненно менѣе, чѣмъ земледѣліе или торговля. Кромѣ самыхъ необходимыхъ ремеслъ по городамъ, производство кирпича, черепицы, извести, ломка строеваго камня, топленіе сала, выдѣлка вина, масла, сыру, приготовленіе и мытье шерсти, небольшія суконныя фабрики и т. п., вотъ все, чѣмъ можетъ похвалиться край, въ полномъ смыслѣ земледѣльческій. Мы не говоримъ здѣсь объ Одессѣ, ибо тамъ, какъ и во всякомъ торговомъ городѣ, цѣлыя сотни ремесленниковъ и десятки художествъ процвѣтаютъ подъ кровомъ благодѣтельнаго и просвѣщеннаго правительства и при обильномъ поощреніи потребителей, стекающихся со всѣхъ концевъ Россіи.

3. Торговля. Географическое положеніе Очаковской области таково, что, кажется, сама природа назначила ее для всѣхъ родовъ торговли, особенно для сбыта произведеній края. Съ-одной-стороны Днѣстръ готовъ спускать сотни лодокъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и другими земледѣльческими статьями сбыта;

заселеніе, тогда владѣльцы оныхъ, поустроившись нѣсколько въ хозяйствѣ, стали помышлять о разведеніи деревъ. Лишенные въ глухой степи плодовъ, помѣщики устремили вниманіе свое (что и естественно) на плодовыя деревья; достать ихъ было трудно, а скудость рукъ для обработки земли и неумѣніе полагали много препятствій. Въ-послѣдствіи помѣщики побогаче, стали думать о разведеніи деревъ лѣсныхъ возлѣ домовъ своихъ, дабы укрываться подъ тѣнью ихъ въ знойные лѣтніе дни; но и за тѣми деревьями надобно было посылать далеко на сѣверъ губерніи (къ Днѣстру или въ окрестности Новомиргорода). Съ распространеніемъ Одессы, иностранцы, получившіе участки подъ городомъ, озаботились также о садоводствѣ и посредствомъ сношеній съ помѣщиками, снабдили ихъ двумя растеніями, усвоившимися совершенно здѣшнему климату: изъ коихъ одно лже-акація, по здѣшнему «бѣлая акація» (robinia pseudo—acacia), составляетъ теперь украшеніе всѣхъ садовъ нашихъ и улицъ Одессы, и другое ткена (lycium barbarum). Хотя нѣсколько деревъ лже-акаціи получено было помѣщиками за большую рѣдкость изъ Софіевскаго сада, что въ Умани, и посажено въ садахъ; но огромнымъ разведеніемъ сего дерева мы обязаны Одесскимъ иностранцамъ выписавшимъ семена онаго изъ чужихъ краевъ». Въ Одессѣ всѣмъ извѣстно, что однимъ изъ ревностнѣйшихъ насадителей деревьевъ, особенно акаціи, былъ самъ герцогъ де Ришелье. Его дача (нынѣ градоначальничья) и внутренній городской садъ, служатъ тому живыми свидѣтелями.

съ другой по Днѣпру пригоняютъ лѣса строевые и корабельные, барказы нагруженные пенькою, льномъ, смолою, угольями, канатами, хлѣбомъ и пр., что все чрезъ Бужскій-Лиманъ доходитъ до береговъ Чернаго-Моря, наконецъ самое море, предоставляетъ всѣ средства къ развитію этой промышленности.

До 1775 года, т. е. до Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, торговля на Черномъ-Морѣ была почти невозможна. Къ Очакову по Днѣпру приходили барки съ хлѣбомъ, коровьимъ масломъ, лѣсомъ и пр. для продажи Туркамъ или Крымцамъ, которые все это нагружали на Турецкія суда и отправляли къ Константинополь. Съ тою-же цѣлью пробирались, среди величайшихъ опасностей и препятствій, вооруженные караваны чумаковъ, отправляемыхъ Польскими помѣщиками изъ пограничныхъ Галиціи и Подоліи. Они шли, тѣмъ-же какъ и теперь путемъ, до Буга, переправлялись чрезъ эту рѣку въ урочищѣ Константиновкѣ и послѣ, помолившись Богу, пускались по теченію Кучургана или Куяльника до Хаджибея или, повернувъ на Куяльницкую и Тилигульскую «пересыпи», доходили до Очакова. Здѣсь за пшеницу или просо получали Крымскую соль, сѣрыя смушки, соленую рыбу, или деньги, и отправлялись назадъ. Объ этомъ-то торговомъ пути упоминаетъ Каховскій въ своемъ рапортѣ. Пограничный тогда городокъ «Екатерининскій-Шанецъ» или «Орликъ» (нынѣ Ольвіополь), долженъ былъ составлять таможенную и карантинную заставу.

Съ учрежденіемъ Херсона (1778–1780), Очаковъ потерялъ всю свою важность: Херсонъ занялъ его мѣсто. Торговля довольно обширная основалась въ этомъ городѣ и занимала большое число кораблей Турецкихъ, Греческихъ, Италіянскихъ и даже Французскихъ, приходившихъ сюда за хлѣбомъ или строевымъ лѣсомъ и привозившихъ произведенія западной Европы, доселѣ въ Новой-Россіи вовсе неизвѣстныя. Но появленіе Одессы, т. е. города не рѣчнаго, не закрытаго отмелями и цѣлымъ пространствомъ земли, какъ Херсонъ, но прибрежнаго къ морю, у бухты, издревле извѣстной мореплавателямъ, измѣнилъ и торговый путь и судьбу всего края. Одесса привлекла всю промышленность южной части Новой-Россіи и всю отпускную торговлю западной. Въ 1839 году Одесса отпустила за-границу Русскихъ произведеній на 48.638,000 рубл. асс., въ-томъ-числѣ 1.200,000 четвертей одной пшеницы, цѣною на двадцать-восемъ-милліоновъ рублей; на милліонъ рублей кукурузы, на четыре-милліона маслобойныхъ семянъ, на семь-съ-половиною

милліоновъ шерсти, и на три-милліона пять-сотъ-тысячь сала, т. е. земледѣльческихъ произведеній западной и Новой-Россіи. Разумѣется, что въ этомъ количествѣ отпуска участвовала, и весьма значительно, Очаковская область; но въ какой степени? Къ несчастію, безъ достовѣрныхъ данныхъ отвѣчать не можемъ, а гипотезы и поэтическая статистика, такъ нерѣдкая въ западной Европѣ, лѣтописцу Новой-Россіи неприлична. Этотъ вопросъ разрѣшитъ будущее время. Кромѣ торговыхъ, важны также и продовольственные рынки Одессы, Тирасполя, Григоріополя и другихъ городовъ, на которыхъ Очаковская область заработываетъ болѣе трехъ-милліоновъ рублей. Не менѣе замѣчательны цифры, представляемыя торговлею привозною. На 1,000 слишкомъ Русскихъ и иностранныхъ корабляхъ, прибывшихъ къ Одесскому порту, въ 1839 году привезено иностранныхъ товаровъ на двадцать-три-милліона рублей, изъ которыхъ большая часть составляла статьи, требуемыя фабриками и заводскою промышленностью. Отъ этой мѣны товаровъ, за пошлины, Одесса получила дохода до двухъ-милліоновъ, а государственное казначейство до четырехъ-съ-половиною-милліоновъ рублей ассигнаціями. Такова прибыль приносимая только частицею области, и только по одному, хотя и главному, предмету. Если сосчитать систематически: подушные, поземельные, откупные, гильдейскіе, гербовые и другіе государственные доходы, то найдемъ, что небольшой край, нѣкогда Очаковскую область составлявшій, приноситъ имперіи ежегодныя сокровища, превышающія доходы иныхъ королевствъ Европейскихъ.

Благодаря стараніямъ графа Воронцова, семнадцать уже лѣтъ съ такою честью управляющаго всѣмъ Новороссійскимъ-Краемъ, и внутреннее, т. е. каботажное судоходство, годъ-отъ-году увеличивается и доставляетъ огромныя услуги краю. Но въ этомъ участвуетъ только одна Одесса; другіе города Очаковской области, какъ-то: Дубоссары, Григоріополь и Овидіополь, имѣютъ дѣло только съ барками и плотами, идущими по Днѣстру. Въ Одессу, изъ Херсона, Ялты, Евпаторіи и прочихъ портовъ, цѣлыя сотни судовъ привозятъ ежегодно хлѣбъ, крупу, маслобойныя семена, сало, воскъ, шерсть, канаты, желѣзо, строевой лѣсъ, дрова, рыбу свѣжую, вяленую и соленую, икру, овощи (особенно арбузы и виноградъ), зелень и много другихъ предметовъ, составляющихъ важныя отрасли отпускной торговли и продовольствія Одессы. Въ 1839 году прибыло въ этотъ портъ 808 каботажныхъ судовъ и пароходовъ, и привезено на шесть слишкомъ

милліоновъ показанныхъ выше товаровъ. Взаимно, Одесса часть своихъ товаровъ полученныхъ изъ-за-границы отправляетъ внутрь имперіи на судахъ каботажныхъ, но эта часть и одного-милліона рублей не составляетъ, ибо цѣлью каботажа есть, не обмѣнъ произведеній, къ чему даже и таможенныя распоряженія препятствуютъ, но транспортировка Русскихъ произведеній къ Одесскому и другимъ главнѣйшимъ портамъ для погрузки ихъ на заграничныя суда [18].

Теперь перейдемъ къ прежнему нашему предположенію, именно къ сравненію внутренняго и внѣшняго быта бывшей Очаковской области, въ двѣ указанныя эпохи. Въ самомъ началѣ мы не можемъ не обратить вниманія на то, что надежды Каховскаго на-счетъ избранной имъ мѣстности для городовъ не сбылись, что ни Очаковъ, ни Овидіополь, ни Дубоссары не оправдали его ожиданій, что Одесса (Хаджибей), упомянутая имъ вскользь, и только какъ будущее убѣжище Грековъ, выходящихъ изъ Архипелага или служившихъ на Русскомъ флотѣ (съ 1770 по 1792), сдѣлалась центромъ, казнохранилищемъ и душею не только мѣстъ окружающихъ ее, но и большей части южной и западной Россіи. Тѣмъ не менѣе однако-же мнѣніе сего умнаго сановника вообще о достоинствѣ и будущемъ значеніи Очаковской области, вполнѣ справедливо. Мы представили весьма немногія цифры, опасаясь ихъ неточности; но увѣрены, что и этотъ поверхностный очеркъ укажетъ ясно читателямъ, друзьямъ своей родины, какіе великіе успѣхи сдѣлалъ этотъ край въ періодъ едва-ли полстолѣтній. Прибавимъ, что будущность представляетъ еще вящшія надежды на успѣхъ. Большіе торговые пути изготовляются дѣятельно; плаваніе по Днѣпру и Днѣстру обратило теперь особенное вниманіе и мѣстнаго начальства, и Высочайшей власти; лѣса и сады по-немногу разводятся; земледѣліе совершенствуется; здѣшнія стада тонкорунныхъ овецъ, уже извѣстныя всей торгующей Европѣ, день-отъ-дня умножаются, и скоро не станетъ степей для пастбищъ. Наконецъ торговля, соединившая нашъ край со всѣми городами промышленнаго міра, идетъ быстрыми шагами впередъ, и, дастъ Богъ, утвердится со-временемъ на непоколебимыхъ основаніяхъ гражданскаго благоденствія.

Но... будущее въ рукахъ Божіихъ!

---

[18] Такъ на примѣръ мы знаемъ, что изъ Никополя по Днѣпру (чрезъ Херсонъ) въ 1838 году отправлено въ Одессу: хлѣба, шерсти и семянъ маслобойныхъ на сумму свыше двухъ-милліоновъ рублей асс., а въ Никополь не отвезено и на 10,000 рублей иностранныхъ товаровъ.

А. Скальковскій.
Д. Ч. О.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ.

I.

ПАМЯТНИКИ МОНУМЕНТАЛЬНЫЕ.

О ДВУХЪ ЭЛЛИНСКИХЪ НАДПИСЯХЪ,

НАЙДЕННЫХЪ

ВБЛИЗИ СЕЛА ТРОИЦКАГО, ВЪ ИМѢНІИ ПОМѢЩИКА А. Ѳ. КОБЛЕ.

Лѣтомъ 1836 года поселяне села Троицкаго, отстоящаго отъ Одессы по почтовому тракту 45 верстъ, и расположеннаго недалеко отъ устья Тилигульскаго лимана, рыли землю, въ разстоянiи версты съ небольшимъ отъ жилья, вблизи моря, для отысканiя камня годнаго для строенiй. Мѣсто это избрали они потому, что на немъ замѣтно было нѣсколько небольшихъ земляныхъ возвышенiй и углубленiй, какъ-бы послѣ стоявшихъ тутъ зданiй. Выкопавъ нѣсколько кусковъ камня разной величины, открыли они между ними мраморную доску съ Эллинскою надписью, которую и представили тотчасъ помѣщику.

Ровно чрезъ три года послѣ того, при подобныхъ-же поискахъ, лѣтомъ 1839 года, почти на томъ-же самомъ мѣстѣ вырыта другая мраморная доска и также доставлена помѣщику А. Ѳ. Кобле.

Объ обѣихъ находкахъ тогда-же узналъ покойный сочленъ нашъ М. М. Кирьяковъ и сообщилъ мнѣ. По его-же ходатайству обѣ онѣ въ послѣдствiи представлены владѣтелемъ въ даръ Одесскому Обществу Исторiи и Древностей, которое такимъ образомъ поставлено въ возможность дать объ нихъ подробный отчетъ публикѣ.

О первой изъ сихъ надписей въ 1836 году, за три года до открытiя нашего Общества, извѣстилъ я любителей древности, сообщивъ краткое свѣдѣнiе чрезъ № 42 «Одесскаго Вѣстника» и № 46 «Journal d'Odessa». О второй до-сихъ-поръ не было печатано ничего: я ожидалъ полученiя подлинниковъ, чтобъ сравнивъ обѣ вмѣстѣ,

представить ученой публикѣ свое мнѣніе и выводы, какіе сдѣлать будетъ можно.

Приступая къ сему теперь, я, для большаго удобства, означаю надписи нумерами, и именно: надпись найденную въ 1836 году № 1, а надпись отысканную 1839 года № 2. Прежде всего сообщу здѣсь надписи въ томъ видѣ, какъ онѣ находятся на камняхъ, равно въ сдѣланныхъ съ того транскрипціяхъ и въ сколь возможно близкихъ переводахъ.

№ 1.

ΑΓΑΘΗ ΤΥΧΗΙ	Ἀγαθῇ τύχῃ,
ΑΧΙΛΛΕΙΠΟΝΤΑΡΧΗ	Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ
ΟΙΠΕΡΙΛΕΩΝΙΔΗΝΑΧΙΛ	οἱ περὶ Λεωνίδην Ἀχιλ-
ΛΕΟΣΣΤΡΑΤΗΓΟΙΝΑΒΑ	λέως στρατηγοὶ, Ναβα-
ΖΟΣΔΩΤΟΥΕΡΩΣΕΥΡΗΣΙ	ζὸς Δώτου, Ἔρως Εὑρησι-
ΒΙΟΥΚΑΡΑΣΣΤΟΣΑΡΓΟΥΑ	βίου, Καράστος Ἀργουα-
ΝΑΓΟΥΠΟΠΛΙΟΣΑΙΛΙΟΣ	νάγου, Πόπλιος Αἴλιος,
ΑΧΙΛΛΕΥΣΜΟΥΡΔΑΓΟΣ	Ἀχιλλεὺς, Μουρδάγος
ΚΑΦΑΝΑΓΟΥΥΠΕΡΕΥ	Καφανάγου, ὑπὲρ εὐ-
ΣΤΑΘΙΑΣΤΗΣΠΟΛΕΩΣΚΑΙ	σταθίας τῆς πόλεως καὶ
ΤΗΣΕΑΥΤΩΝΥΓΕΙΑΣ	τῆς ἑαυτῶν ὑγείας
ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ	χαριστήριον.
ΛΕΩΝΙΔΙΣΑΧΙΛΛΕΩΣ	Λεωνίδης Ἀχιλλέως
ΕΝΕΙΚΑΛΟΝΧΗ	ἐνείκα λόγχῃ.

или:

Въ добрый часъ. Ахиллесу Пюнтоначальнику, состоящіе подъ начальствомъ *(архонта)* Леонида *(сына)* Ахиллесова, стратиги: Навазосъ *(сынъ)* Дота, Ерось *(сынъ)* Еврисивія, Карасстосъ *(сынъ)* Аргуанага, Публій-Элій, Ахиллесъ, Мурдагосъ *(дѣти?)* Кафанага, о благосостояніи града и собственномъ здравіи *(воздвигли сіе)* приношеніе, *(тогда какъ)* Леонидъ *(сынъ)* Ахиллесовъ *(на играхъ)* побѣдилъ копьемъ».

№ 2.

ΑΓΑΘΗΤΤΧΗ	Ἀγαθῇ τύχῃ,
ΑΧΙΛΛΕΙΠΟΝΤΑΡΧΗ	Ἀχιλλεῖ Ποντάρχῃ
ΚΑΙΘΕΤΙΔΙΣΚΑΡΤΑ	καὶ Θέτιδι, Σκαρτά-
ΝΟΣΑΖΙΑΙΟΤΙΕΡΑ	νος Ἀζιαίου ἱερα-
ΤΕΤΣΑΣΤΠΕΡΤΗΣ	τεύσας ὑπὲρ τῆς
ΠΟΛΕΟΣΕΤΠΟΣΙΑ.	πόλεως εὐποσία(ς)
ΚΑΙΕΙΡΗΝΗΣΚΑΙΤΗ.	καὶ εἰρήνης, καὶ τῆ(ς)
ΕΑΤΤΟΤΤΓΕΙΑΣ	ἑαυτοῦ ὑγείας
ΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝΕΠΙΑΡ	χαριστήριον, ἐπὶ ἄρ-
ΧΟΝΤΟΣΣΑΤΤΡΟΤΑΡΤ:	χοντος Σατύρου Ἀρτ(ε)-
ΜΙΔΩΡΟΤ	μιδώρου.

и л и:

Въ добрый часъ. Ахиллесу Понтоначальнику и Θетидѣ, (*жрецъ Ахиллесовъ*) Скартанъ (*сынъ*) Азіея, священнодѣйствуя о благопитіи (?) града, и мирѣ и собственномъ здравіи (*воздвигаетъ сіе*) приношеніе, при архонтѣ Сатирѣ (*сынѣ*) Артемидора.

Вотъ содержаніе надписей. Скажемъ нѣсколько словъ и о наружной ихъ отдѣлкѣ. Обѣ изсѣчены на доскахъ бѣлаго мрамора, толщиною отъ полутора до двухъ вершковъ. Первая имѣетъ въ ширину 11, а въ длину 8 русскихъ вершковъ; вторая въ ширину $11^1/_2$, а въ длину 8 вершковъ. На камнѣ № 1 явственно видны линейки по которымъ лапидаріи насѣкалъ буквы желѣзнымъ инструментомъ. На № 2 линеекъ вовсе незамѣтно. Вообще въ обѣихъ надписяхъ буквы изсѣчены красиво, чисто и въ надлежащей соразмѣрности, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ мраморъ былъ мягокъ или неровенъ; однакожь послѣднія строки въ обѣихъ надписяхъ (въ № 1 двѣ, въ № 2 одна) сдѣланы лапидаріемъ небрежно. Высота буквъ въ № 1, вездѣ въ шесть, въ № 2 въ восемь англійскихъ линій. Внимательное разсмотрѣніе начертанія буквъ, ведетъ къ заключенію, что

для насѣчки ихъ употреблялись четыре долотца: одно для поперечныхъ и продольныхъ длинныхъ линій, какъ напр. въ буквахъ Λ, N, X, другое для короткихъ поперечныхъ линій въ буквахъ E, Z, Υ и др.; третье для буквъ круглыхъ O, Θ, и четвертое для чертъ полукруглыхъ, каковы въ буквахъ P, Φ, Ω и др.

Ошибокъ противу правописанія, какъ встрѣчается нерѣдко въ подобныхъ древнихъ надписяхъ, довольно, но трудно рѣшить, кому онѣ принадлежатъ: лапидаріямъ или самимъ сочинителямъ, поручавшимъ ихъ вырѣзать, тѣмъ-болѣе-что эпоха, къ которой могутъ быть отнесены обѣ надписи, не славилась уже чистотою Эллинскаго языка, какъ свидѣтельствуетъ Діонъ Хрисостомъ, въ одной изъ своихъ Борисѳенскихъ рѣчей [1].

Переходя за симъ къ замѣткамъ, выводамъ и догадкамъ, къ которымъ даетъ поводъ открытіе сихъ надписей, я рѣшаюсь представить на благоусмотрѣніе ученыхъ изыскателей древности слѣдующее:

I. Еще въ 1826 году, въ небольшомъ, но важномъ для Новороссійскаго края, сочиненіи: «Изслѣдованія мѣстоположенія древнихъ Греческихъ поселеній на берегахъ Понта-Евксинскаго, между Тирасомъ и Борисѳеномъ» [2], почтенный археологъ нашихъ странъ И. А. Стемпковскій писалъ (на стр. 48 — 49) слѣдующее:

«Разстояніе 80 стадій или 10 съ $^2/_3$ миль, полагаемое между островомъ (Березанскимъ) и Одиссосомъ, и соотвѣтствующее 10 верстамъ съ $^2/_3$, приведетъ насъ почти къ устью лимана Тилигульскаго. Мы уже видѣли, что сей лиманъ есть ничто иное какъ рѣка Аксіакъ Плинія, Помпонія Мелы и Птолемея, и что на берегахъ онаго должно отыскивать положеніе древняго Одиссоса. Тутъ встрѣчается однакоже одно затрудненіе: Арріанъ говоритъ, что въ Одиссосѣ была пристань для судовъ [3], чего нынѣ не видно близъ устья Тилигула. Но весьма вѣроятно, что все низменное и болотистое пространство земли, называемое нынѣ «плавнями», и отдѣляющее лиманъ отъ моря, не существовало въ древности, а составилось въ послѣдствіи изъ ила, нанесеннаго лиманомъ, и песка, волненіемъ моря постепенно выбрасываемаго. Слѣды подобныхъ измѣненій видны при устьяхъ всѣхъ почти лимановъ сей страны и во многихъ другихъ мѣстахъ земнаго шара. Можно привести въ примѣръ рѣку Меандръ, которая въ теченіи вѣковъ занесла иломъ четыре гавани города Милета, въ Малой-Азіи; каждая изъ сихъ гаваней могла вмѣщать цѣлый флотъ. Портъ Фрежюсскій въ Южной-Франціи, служившій пристанищемъ Римскимъ флотамъ, заключаетъ нынѣ въ

[1] *Dionis Chrisostomi*, Orationes LXXX. Lutetiæ Parisiorum. 1604. Oratio XXXV, pag. 439. D.

[2] Издано въ С. Петербургѣ, in 8°, съ сравнительною картою древней и новой географіи сихъ мѣстъ.

[3] «Ἐν Ὀδησσοῦ ὅρμος ναυσίν». — *Hudsonii*, geographiæ veteris scriptores Græci minores. p. 21.

себѣ обширные огороды. Слѣдовательно и гавань города Одиссоса могла существовать тутъ гдѣ нынѣ находятся плавни Тилигульскія».

Именно около этихъ мѣстъ на которыя указываетъ Стемпковскій, близъ моря, недалеко отъ устья Тилигула, открываются нынѣ слѣды поселенія, слѣды города, какъ должно заключать изъ надписей, довольно значительнаго, ибо тутъ производились священнодѣйствія, слѣдовательно были храмы; тутъ, какъ ниже увидимъ, были игры, слѣдовательно, хотя по временамъ, бывало стеченіе народа. Что-жь это было за поселеніе? Что за городъ? Никто изъ древнихъ историковъ и писателей, оставившихъ намъ отрывочныя свѣдѣнія о нашихъ странахъ, не намекаетъ ни о какомъ другомъ заселенномъ мѣстѣ въ этомъ урочищѣ, кромѣ Одиссоса. Разстоянія оказываются вѣрными, находки подтверждаютъ догадку Стемпковскаго фактически, слѣдовательно, пока не доказано будетъ противнаго положительно, нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, чтобъ мѣсто гдѣ открыты надписи, не указывало на слѣды древняго Одиссоса, хотя въ нихъ собственно и не упоминается объ немъ. Покрайней-мѣрѣ я остаюсь твердо убѣжденнымъ въ справедливости этого мнѣнія, и рѣшаюсь возобновить и предложить вниманію и новымъ изслѣдованіямъ ученыхъ археологовъ догадку Стемпковскаго, болѣе чѣмъ за пятнадцать лѣтъ сдѣланную и давно уже забытую.

II. Въ большей части доселѣ извѣстныхъ надписей въ честь Иліонскаго героя, упоминаются обыкновенно имена: во-первыхъ архонта, управлявшаго городомъ, и во-вторыхъ его соправителей — стратиговъ (званіе, соотвѣтствовавшее Римскимъ преторамъ). Число сихъ стратиговъ, упоминаемыхъ въ надписяхъ, чаще всего бываетъ четыре [4], рѣдко доходитъ до пяти [5]. Въ надписи № 1 ихъ упоминается шесть. Не свидѣтельствуетъ-ли и это о населенности и обширности древняго города? Притомъже изъ словъ ΟΙ ΠΕΡΙ оказывается, что они были подчинены архонту.

III. Изъ многихъ извѣстныхъ доселѣ надписей, найденныхъ въ развалинахъ мѣстъ гдѣ существовали нѣкогда сѣверныя Эллинскія колоніи, шесть посвящены имени одного Ахиллеса [6]. Здѣсь-же въ надписи № 2 видимъ новое, и никогда доселѣ не встрѣчавшееся въ Черноморскихъ надписяхъ имя Ѳетиды — богини, которая по ѳеогоніи Гомера [7] слыла матерью героя Ахиллеса. Но-

[4] Corpus Inscriptionum Græcarum, edit. A. *Boeckhii*. Berolini, 1832. vol. II. fasc. I. pars XI. Inscriptiones Sarmatiæ cum Chersoneso-Tavrico et Bosporo-Cimmerio.

[5] См. въ моемъ Descriptio nummorum veterum Græcorum atque Romanorum. Odessæ, 1835, pag. 67. Прекрасно сохраненная надпись, о которой говорится тамъ, подарена Обществу покойнымъ сочленомъ М. М. Кирьяковымъ.

[6] См. у *Беккія*: первая подъ № 2076, вторая № 2077, третья № 2080, четвертая въ Descript. num. vet. Græc. atque Rom. pag. 67, пятая—привезенная въ 1841 году съ острова Левки или Фидониси, шестая здѣсь, подъ № 1.

[7] Иліада Гомера, переведенная Н. *Гнѣдичемъ*. СПБ. 1839, пѣснь I, ст. 351—352.

вость эта составляетъ весьма замѣчательную археологическую рѣдкость. Скартанъ Азіевъ ублажая память своего героя и вознося къ нему мольбы, обращается съ ними и къ матери его Θетидѣ. Такъ нѣкогда поступилъ Арріанъ, правитель Никомидійскій, при жертвоприношеніи Меркурію въ Трапезусѣ. Чествуя матерь, по собственнымъ словамъ его[8], дѣлалъ онъ тѣмъ, какъ и здѣсь жрецъ Ахиллесовъ, угодное сыну.

IV. Сверхъ-того надпись № 2 представляетъ еще другую особенность въ выраженіи ΥΠΕΡ ΤΗΣ ΠΟΛΕΩΣ ΕΥΠΟΣΙΑ(Σ). Что такое значитъ здѣсь ΕΥΠΟΣΙΑ — «благопитіе» (по буквальному переводу)? Не разумѣлъ-ли Скартанъ подъ этимъ словомъ мольбу къ сыну и матери о ниспосланіи запасовъ хорошей прѣсной воды, въ которой городъ его нуждался? — Высокій, ровный берегъ, гдѣ открыты надписи (по моему предположенію мѣсто, гдѣ стоялъ Одиссосъ)[9], омываемый съ одной стороны лиманомъ (Тилигульскимъ), а съ другой моремъ, вовсе не имѣлъ прѣсноводныхъ источниковъ, почему жителямъ необходимо было собирать дождевую воду въ устроенныя для сего хранилища[10]. Быть-можетъ засуха, и въ наше время на Черноморскомъ прибрежьи часто случающаяся, изсушивъ водные запасы, понудила жреца Ахиллесова молить Понтарха и его мать о ниспосланіи дождя.

V. Въ надписи № 1 находимъ мы далѣе замѣчательное обстоятельство, во второй разъ у насъ на берегахъ Чернаго-Моря документально встрѣчаемое. Это «игры», въ извѣстные сроки совершавшіяся — ΔΡΟΜΟΣ ΠΑΙΔΩΝ. Изъ многихъ классическихъ писателей извѣстно, что у Эллиновъ, кромѣ знаменитыхъ Олимпійскихъ игръ, были праздноуемы, хотя съ меньшимъ великолѣпіемъ, по нѣкоторымъ городамъ[11] такъ-называемыя «малыя игры» въ честь разныхъ полубоговъ и героевъ. По примѣру ристалищныхъ игръ, учрежденныхъ Ахиллесомъ на его извѣстномъ «бѣгѣ» (какъ полагалъ ученѣйшій Кёлеръ, на нынѣшней Тендровской косѣ)[12], вѣроятно и въ Одиссосѣ праздновались подобныя. Изъ надписи открытой въ 1828 году на островѣ Березани (древнемъ Борисѳенѣ) и теперь принадлежащей нашему Обществу[13], извѣстны уже слѣдующіе роды религіозно-гимнастическихъ игръ: ΑΓΩΝ — бѣгъ, ΔΙΑΥΛΟΣ — двойной бѣгъ, ΔΙΣΚΟΣ — метанье диска мѣднаго или свин-

---

[8] *Appiana*, Периплъ Понта Евксинскаго, изд. Фабра. Одесса, 1836, стр. 3.

[9] Этотъ городъ позже извѣстенъ былъ и подъ именемъ Ордиссоса. Clavdii *Ptolemaei* Geographiæ libri octo. ed. Wilbergii. Essendiæ, 1842. Lib. III, c. 5, p. 202.

[10] Такъ снабжали себя водою жители Херсона, если припомнимъ осаду его въ 988 году, по Р. Х. великимъ княземъ Кіевскимъ Владиміромъ I Святославичемъ. *Несторова* лѣтопись по Кенигсбергскому списку. СПБ. 1767. стр. 79—80.

[11] Въ Пиѳинѣ, Мегарѣ, Епидаврѣ, Аѳинахъ, Марѳонѣ, Ѳивахъ и др.

[12] Въ его сочиненіи: Sur le îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin. SPB. 1827.

[13] Описаніе помѣщено у *Рауль-Рошета* въ его Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmerien. Paris, 1822. pl. V, № 2, а также и у *Беккія* подъ №№ 2076 и 2099.

поваго, ΠΑΛΗ — борьба, ΔΡΟΜΟΣ — ристанье (въ колесницѣ) и ΑΓΚΥΛΗ — бросанье мяча. Нынѣшнею надписью присовокупляется еще новый родъ ΛΟΓΧΗ — бросанье въ цѣль копья.

VI. Въ заключеніи надписи № 2 встрѣчается имя архонта. Какъ въ Эллядѣ архонты во всѣхъ публичныхъ актахъ (ΨΗΦΙΣΜΑΤΑ) означали свои имена, такъ и въ колоніяхъ, державшихся строго порядка своихъ митрополій, вписывались въ публичные акты мѣстныя власти. Сатиръ, сынъ Артемидора (надпись № 2), есть еще новый архонтъ въ Черноморскомъ прибрежьи. Прежде были открыты имена; Пурѳея сына Пурѳеева, Димитрія сына Ахиллесова, Еврисивія сына Ада, А..фомара сына Еврисивіева, Іеросона сына Епикратова, Сократа сына Антифонтова, Еврисивія сына Стратонова, Пелдія сына Ипанеева и многихъ другихъ [14].

VII. Остается сказать: къ какому времени могутъ быть отнесены объясненныя надписи. Это утвердить положительно трудно. Опираясь на имя ΠΟΠΛΙΟΣ ΑΙΛΙΟΣ — чисто Римское «Публій-Элій», надпись № 1 можно отнести къ I и II вѣкамъ по Р. Х., когда владычество Римское коснулось береговъ Воспора-Киммерійскаго. Надпись № 2 должна быть причислена къ тому-же пространству времени. Относить ее ко временамъ отдаленнѣйшимъ нѣтъ повода, такъ какъ разница въ начертаніи буквъ этой надписи и предыдущей не весьма значительна.

[14] См. у *Беккія* NN№ 2076, 2077 и др.

Н. МУРЗАКЕВИЧЪ.

ч. о. о.

О НАДГРОБНОМЪ ПАМЯТНИКѢ ПОТАМОНОВОМЪ.

Въ числѣ древнихъ мраморовъ, принадлежащихъ Обществу, есть весьма любопытный надгробный памятникъ, находившійся нѣкогда въ кабинетѣ древностей покойнаго археолога нашихъ странъ И. П. Бларамберга, и заслуживающій, чтобъ о немъ сказать нѣсколько словъ въ «Запискахъ Общества».

Памятникъ этотъ (ΥΠΟΜΝΗΜΑ) найденъ между 1828 и 1829 годами въ развалинахъ Ольвіи [1] и состоитъ изъ мраморной ниши, вышиною 2 арш. $9^1/_2$ вершковъ и шириною 1 аршинъ. Она изсѣчена въ видѣ ящика, глуби-

[1] Краткую исторію сего города см. въ Choix de médailles d'Olbiopolis ou Olbia, faisant partie du cabinet de *Blaramberg* à Odessa; Paris, 1822. pag. 5 — 32.

ною 4 вершка, съ возвышеніемъ на верху, какое дѣлалось на надгробныхъ памятникахъ. Внутри ниши изсѣчена барельефомъ человѣческая фигура: эллинъ, съ остриженными волосами, безъ бороды, ростомъ 2 аршина 1 вершокъ. Онъ изображенъ, кажется, говорящимъ. Лице его, на которомъ видно размышленіе, спокойно; одна рука приложена къ груди, какъ-бы для подкрѣпленія изъясняемыхъ имъ чувствъ своихъ, въ другой, опущенной внизъ, находится свертокъ (volumen). Широкій «палліумъ» въ красивыхъ складкахъ, въ чемъ древніе были особенно искусны, наброшенъ поверхъ «хитона». Грудь открыта весьма немного: ибо приличіе того времени не дозволяло слишкомъ открывать ни груди, ни рукъ, требуя чтобъ все это непремѣнно прикрывалось скадками одежды. Переброшенный чрезъ лѣвое плечо уголъ палліума спущенъ внизъ складками (balteis), а чтобы обтяжка ихъ была правильнѣе, граціознѣе, къ обѣимъ сторонамъ конца прицѣплены два привѣска (glandes). Обувь состоитъ изъ «сандалій»: ремни ихъ красиво обхватываютъ ноги, по одному изъ тѣхъ двадцати-пяти образцевъ, какими древніе ихъ завязывали [2]. Вообще выраженіе всей наружности указываетъ на ритора или философа, что еще болѣе подтверждается стоящими у ногъ его тремя связанными вмѣстѣ большими свертками или свитками. Тотъ, который держитъ онъ въ рукѣ, безъ сомнѣнія содержитъ въ себѣ замѣтки (memorandum) при произнесеніи рѣчи.

Надъ изображеніемъ, на карнизѣ памятника, находится надпись изображенная такимъ образомъ:

ΥΠΟΜΝΗΜΑΠΟΤΑΜΟΝΟΣΤΟΥΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ
ΟΚΑΤΕΣΚΕΥΑΣΕΝΑΥΤΟΥΑΔΕΛΦΟΣΔΙΟΝΙΣΙΟΣΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ

или:

Ὑπόμνημα Ποτάμονος Ἀλεξάνδρου.
Ὁ κατεσκεύασεν αὐτοῦ Ἀδελφὸς Διονύσιος Ἀλεξάνδρου.

Памятникъ Потамона (*сына*) Александрова. Воздвигнулъ его братъ Діонисій (*сынъ*) Александровъ.

Относительно цѣли, для которой устроенъ сей памятникъ, можно предполагать двоякую: или онъ воздвигнутъ во уваженіе заслугъ Потамона на пользу общества, съ разрѣшенія сената и народа; ибо какъ извѣстно такія заслуги по опредѣленіямъ сената и народа (Η ΒΟΥΛΗ ΚΑΙ Ο ΔΗΜΟΣ) награждались въ древности разными знаками признательности, какъ-то: поставленіемъ статуй, воздвиженіемъ надгробій, по-

[2] Antiquité expliquée et représentée en figures, par dom Bernard de *Montfaucon*. Paris, 1719. III, 58—66.

хвальными надписями, возложеніемъ на усопшаго золотаго вѣнка[3] и проч.; или онъ устроенъ изъ родственной привязанности, для сохраненія памяти о братѣ. Такъ-какъ въ надписи не заключается ничего, что-бы указывало на первое, то послѣднее вѣроятнѣе.

Кромѣ хорошей художественной отдѣлки памятникъ сей замѣчателенъ слѣдующимъ:

1. По изображенію Потамона, можно имѣть вѣрное и точное понятіе объ одеждѣ древнѣйшихъ жителей теперешняго Новороссійскаго-Края.

2. По остриженной головѣ, бритой или остриженной бородѣ, можно замѣтить Римское обыкновеніе, занесенное въ Черноморскія сѣверныя колоніи, кажется, въ первые годы христіанской эры.

3. Это одинъ изъ немногихъ памятниковъ, который говоритъ ясно: кому и кѣмъ сооруженъ, и

4. Онъ есть единственный памятникъ, изъ многихъ найденныхъ въ разныя времена въ развалинахъ Ольвіи, который сохранился въ цѣлости, остался неповрежденнымъ. Какъ рѣдки были по Р. Х. цѣлыя статуи и другіе памятники въ самой Ольвіи, о томъ имѣемъ мы свидѣтельство очевидца — ритора Діона Хрисостома. Этотъ софистъ, впавъ въ немилость у Римскаго императора Домиціана, заточенъ былъ въ Гетскую землю. Для развлеченія себя отъ скуки посѣтилъ онъ, по сосѣдству, въ началѣ II вѣка по Р. Х. Ольвію. Тамъ нашелъ онъ многолюдство и довольно быструю торговую дѣятельность, но съ-тѣмъ-вмѣстѣ замѣтилъ слѣды ужаснаго опустошенія, которому городъ сей былъ преданъ Гетами за полтораста лѣтъ до его прихода. Ни одного идола въ храмахъ, ни одного памятника въ городѣ не нашелъ онъ цѣлыми: все безъ изъятія было повреждено[4].

Памятникъ Потамоновъ вѣроятно избѣгъ какъ-нибудь этой несчастной катастрофы, или, что еще вѣроятнѣе, еще и не существовалъ тогда. Можетъ-быть, когда торговля съ окрестными полудикими Скиѳскими племенами воздвигла Ольвію изъ развалинъ[5], и когда водворилась въ ней безопасность, то съ-тѣмъ-вмѣстѣ возродились и искусства, слѣдовательно возстановились и общественные памятники. Къ этой эпохѣ, кажется, должно отнести и памятникъ Потамоновъ, воздвигнутый нѣжнымъ его братомъ.

[3] Corpus inscriptionum Græcarum *Boeckhii*, pars XI, inscriptiones Sarmatiæ cum Chersoneso-Tavrico et Bosporo-Cimmerio.

[4] *Dionis* Chrisostomi, oratio Boristhenitica XXXV. pag. 438, D.

[5] Ibidem, pag. 438, B.

Н. МУРЗАКЕВИЧЪ.

ч. о. о.

О ЛАТИНСКОЙ НАДПИСИ, СЪ ИМЕНЕМЪ ВОСПОРСКАГО ЦАРЯ САВРОМАТА II.

Въ 1839 году найдена въ Керчи, близъ тамошней древней церкви Св. Іоанна-Предтечи, мраморная колонна, которую въ томъ-же году дѣйствительный членъ высокопреосвященный Гавріилъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, прислалъ въ даръ Обществу.

Означенная колонна высѣчена изъ твердаго синеватаго мрамора, въ вышину имѣетъ два съ половиною аршина, а въ діаметрѣ одиннадцать вершковъ. Почти вся она обдѣлана просто и гладко, исключая небольшаго выступа идущаго къ верху и оканчивающагося небольшими окраинами, въ родѣ карниза, вверху и внизу. Колонна эта стояла гдѣ-нибудь отдѣльно и на верху имѣла статуйку, бюстъ, или что-нибудь подобное, какъ это можно предполагать на основаніи существующаго на верху ея и теперь еще замѣтнаго углубленія.

На передней части столба, отступя немного отъ карниза, на пространствѣ длиною и шириною въ восемь вершковъ, изсѣчена довольно явственно слѣдующая замѣчательная надпись:

REGEM·TI·IVL·SAV
ROMATEN·AMI
CVM·IMP·POPV
LI·Q·R·PRAESTAN
TISSIMVM·C·I·F·S·
LX· DD·

Regem Ti*berium* Iul*ium* Savromaten amicum Imp*eratoris* populiqve R*omani* præstantissimum, *Caius Iulii Filius Sylanus, columnam votivam cum effigie regis* LX *annorum nati,* Dono Dedit.

Царя Ти*берія* Іул*ія* Савромата, друга импе*ратора* и народа Р*имскаго* наилучшаго, К*аій* С*иланъ* сынъ І*улія въ* 60-*й годъ жизни царя, сію колонну, или сіе изображеніе, въ* даръ *богамъ, во храмъ приноситъ.*

Изъ содержанія этой надписи видно, сколь она важна для археологіи и особенно исторіи, указывая на вліяніе, которое Римляне имѣли и на отдаленное царство Восворское. Важна также и по слѣдующимъ особенностямъ.

А. По латинскому языку, на которомъ написано посвященіе. Изъ всѣхъ извѣст-

ныхъ доселѣ надписей, найденныхъ въ Крыму, кажется, эта есть вторая латинская. Первая вырыта изъ развалинъ древняго Херсона въ 1824 году, и содержала надгробіе трубача XI Римскаго легіона, Аврелія Сальвіана, бывшаго въ службѣ 14 лѣтъ, и умершаго на 37 году отъ рожденія [1].

Б. По указанію, можетъ-быть, долготы жизни царя Савромата, въ 60-й годъ жизни котораго Каій изображеніе его, вмѣстѣ съ сею колонною, посвятивъ богамъ, все это поставилъ въ какомъ-либо храмѣ.

В. По имени царя, при владычествѣ котораго сооруженъ посвятительный столбъ (columna votiva). Надпись говоритъ о Савроматѣ. Изъ Воспорскихъ царей, по указаніямъ древнихъ историковъ, а еще вѣрнѣе по монетамъ, извѣстно шесть владѣтелей, которые носили это имя. Первый былъ современникъ Римскому императору Октавію Августу и царствовалъ съ 10 или 11 года по Рождествѣ Христовѣ. Второй—при Тиверіѣ, съ 14 по 17 годъ. Третій — при Домиціанѣ, съ 94 по 124 годъ. Четвертый—при Маркѣ-Аврелiѣ съ 178 по 210. Пятый — при Александрѣ Северѣ и др. съ 229 по 233 и шестый при Тацитѣ или Пробѣ съ 276 года по Р. Х.[2] Изъ всѣхъ ихъ, столбъ этотъ долженъ быть пріуроченъ къ времени Савромата II сына Рискупорисова. Это былъ первый изъ Воспорскихъ царей, который получилъ отъ Римскаго императора Тиверія утвержденіе на царствѣ и знаки царскаго достоинства (ΤΕΙΜΑΙ ΒΑΣΙΛΕΩΣ), состоявшіе въ золотомъ вѣнкѣ, жезлѣ или скипетрѣ изъ слоновой кости, копьѣ, мечѣ, шлемѣ и конѣ [3]. Савроматъ II былъ первый изъ Воспорскихъ царей, который ввелъ въ обычай: 1) къ титулу присоединять слова *φιλοκαῖσαρ καὶ φιλορώμαιος*—любо-кесаря и любо-римлянина, т. е. друга императора и народа Римскаго, (какъ это значится и въ надписи — AMICVM·IMP· POPVLI·Q·R·), и 2) впереди своего имени, въ знакъ подчиненности, выставлять имя своего патрона. Его примѣру слѣдовали потомъ Рискупорисъ II, Котисъ II и Римиталкъ [4]; и наконецъ,

Г. По отдаленной древности. Надпись касается первыхъ годовъ Христіянской эры и слѣдовательно имѣетъ болѣе чѣмъ тысячаосмисотъ-лѣтнюю давность, и безъ сомнѣ-

[1] Библіографическіе листы, П. *Кеппена* Ст.-Петербургъ, 1825, стр. 122 — 123.

[2] Description des médailles antiques grecques et romaines, par *Mionnet*. Paris, 1829. Supplément. IV, 479, 482, 503, 516, 533 et 542.

[3] Знаки сіи встрѣчаются очень часто на монетахъ Воспорскихъ, вычеканенныхъ при этомъ царѣ, а также на монетахъ Котиса I, утвержденнаго на царствѣ императоромъ Адріаномъ, и на многихъ другихъ. См. Suppl. *Mionnet*, IV, 484. Descrizione d'alcune medallie Greche del muzeo barone di Chodoir, per *D. Sestini*. Firenze, 1831. p. 69—79. Supplément aux corrections et additions à l'ouvrage, ci-dessu mentionné. Paris, 1835. pag. 69 — 76.

[4] Напр. на монетахъ Савромата II изображена слѣдующая легенда: ΤΙΒΕΡΙΟΥ ΙΟΥΛΙΟΥ CΑΥΡΟΜΑΤΟΥ, а также и въ надписяхъ уцѣлѣвшихъ и хранящихся въ Керчи, въ музеумѣ древностей. Надписей съ такимъ прибавленіемъ извѣстно: двѣ Савромата, одна Котиса и одна Рискупориса. См. Corpus inscriptionum Græcarum. ed. *Boeckhii*, vol. II, sec. IV. № 2108, b; 2108, c; 2108, f; и 2123.

нія принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ памятниковъ, которые уже существовали тогда, какъ свершилась земная жизнь Богочеловѣка.

Остаются неразгаданными въ надписи: 1) буквы C·I·F·S· — ихъ объяснилъ я гадательно: лучшее толкованіе предоставляю болѣе меня опытнымъ, и 2) цѣль сооруженія колонны. Что думаю я объ этомъ, сказано уже мною выше (стр. 286 и 287,B), но вѣрнѣйшихъ указаній жду отъ другихъ.

Знаменитый о. Бернардъ Монфоконъ подобные столбы съ надписями, именуя ихъ columnæ milliariæ, считаетъ поверстными, которые Римляне разставляли вездѣ въ своихъ владѣніяхъ[3]. Но можно-ли считать столбъ принадлежащій Обществу, поверстнымъ указателемъ? Если-бъ онъ былъ поверстный, въ такомъ случаѣ на немъ непремѣнно должны были-бъ находиться слова LEVGA или MILLIARIA prima, decima, trigesima и т. д. а также и указаны урочища (stationes) или города, между которыми указатели дорогъ находились. Мнѣ кажется вѣрнѣе, что эта колонна не верстовая, но посвятительная — въ храмъ, — columna votiva.

[3] Supplément au livre de l'antiquité expliquée et représentée en figures. Paris, 1724. IV, 509.

Н. МУРЗАКЕВИЧЪ.

ч. о. о.

НАДПИСЬ НА ОКЛАДѢ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ МОНАСТЫРѢ КИПРІАНА.

Въ Бессарабіи, въ разстояніи отъ 30 до 35 верстъ отъ Кишинева, между горъ, покрытыхъ лѣсами, находится Успенскій монастырь, извѣстный подъ названіемъ Кипріана или Капріана[1]. Время его основанія неизвѣстно, но должно относиться къ отдаленной древности. По-крайней-мѣрѣ о немъ упоминается уже въ 1559 году, когда Господарь Молдавскій Александръ Лопушнянъ граматою отъ 11 Апрѣля[2] пожаловалъ во владѣніе Кипріановскаго монастыря села: Лозова, Пръжолтѣніи, Онещіи, Садова, Быличаніи, Лучаніи, Дворничаніи, Думѣніи, Глъвъшаніи, Бесеричаніи и Ниже-Пъркъ-

[1] Между жителями онъ наиболѣе извѣстенъ подъ первымъ именемъ, но въ древнихъ актахъ именуется иногда «Къпріана», а иногда «Капріана». Имя Къпріана или Кипріана могъ онъ получить отъ имени основателя, а названіе Капріана, нѣкоторые производятъ отъ Латинскаго слова — сарга (коза), приписывая его множеству козъ, будто-бы въ дачахъ монастыря имѣвшихся.

[2] Влахо-Болгарскія граматы, собранныя и объясненныя *Ю. Венелинымъ*. СПБ. 1840, in 8° стр. 171.

ніи[3]. Съ 1698 года монастырь этотъ поступилъ во владѣніе Свято-Горскаго Зографскаго монастыря, который для священнослуженія и управленія обширными, принадлежащими Кипріановскому монастырю землями, присылаетъ туда иноковъ и пользуется доходами[4].

Въ монастырѣ Кипріана, между прочими старинными вещами сохранилось древнее Славянское евангеліе, пожертвованное въ оный Молдовлахійскимъ Господаремъ Іоанномъ Петромъ въ половинѣ XVI вѣка. Все евангеліе писано очень четко и красиво на пергаминѣ. Въ началѣ находится: «Сказаніе прѣемлѧще всего лѣта и число евангельское и евангелистомъ преятіе откѫду начинаѫти и до гдѣ стояти». Затѣмъ назначенъ порядокъ чтенія евангелій по днямъ и недѣлямъ, начиная съ пасхи. Далѣе помѣщено: «Сказаніе Ѳеофилакта, архіепископа Болгарскаго» (въ два столбца) и наконецъ самыя «Чтенія евангелистовъ». Тутъ на каждой страницѣ написаны: вверху дни недѣли, въ которые чтется евангеліе, а внизу зачало каждаго евангелія. Объ доски украшены окладомъ, кованымъ изъ серебра и вызолоченнымъ, съ вдѣланными по мѣстамъ разноцвѣтными каменьями.

Корреспондентъ А. А. *Непокойчицкій* представилъ Обществу, прилагаемые при семъ въ литографіи *(Приложеніе III и IV)* вѣрные снимки изображеній и надписи, на окладѣ находящихся. Съ-тѣмъ-вмѣстѣ профессоръ Богословія при Ришельевскомъ-Лицеѣ, о. протоіерей Михаилъ *Павловскій*, по желанію Общества, имѣлъ благосклонность сдѣлать имъ слѣдующее описаніе и объясненіе:

---

[3] Селенія «Лазова», «Садова», «Пиржолтенье» и нынѣ существуютъ.

[4] Считаемъ не излишнимъ помѣстить здѣсь нѣсколько словъ о настоящемъ положеніи монастыря Кипріана, извлеченныхъ изъ «Путевыхъ Записокъ» посѣщавшаго его дѣйствительнаго члена *Мурзакевича*:

«Монастырь Кипріана весьма живописно расположенъ между горами покрытыми лѣсомъ. Мимо его протекаетъ ручей Ишновецъ, который, будучи запертъ искусственною плотиною, образуетъ у воротъ монастырскихъ довольно обширный прудъ. Настоящимъ благосостояніемъ своимъ монастырь обязанъ покойному экзарху Молдовлахійскому Гавріилу. Имъ обитель сія изъ жалкаго положенія приведена въ настоящее цвѣтущее и воздвигнута обширная и красивая церковь во имя Успенія Богоматери, по образцу Свято-Горскихъ храмовъ (какъ видно изъ имѣющагося въ библіотекѣ Общества собранія рисунковъ Свято-Горскихъ Аѳонскихъ монастырей, сдѣланнаго въ 1744 году извѣстнымъ Русскимъ путешественникомъ Василіемъ Плаки-Альбовъ-Барскимъ). Алтарь устроенъ съ тремя малыми по бокамъ пристройками. Самая средина церкви къ югу и сѣверу протянута овалomъ, въ которомъ во время Богослуженія справа и слѣва располагаются настоятель обители и поющій клиръ (а также почетнѣйшіе изъ посѣтителей), въ особо-устроенномъ для каждаго мѣстѣ («стоялѣ»). За овалomъ церковь идетъ узкою полосою и оканчивается западною дверью: сѣверныхъ и южныхъ не имѣется. И здѣсь по обѣимъ сторонамъ идутъ тѣ-же «стояла», гдѣ располагается прочая братія: старшіе впереди, а за ними младшіе и миряне. За церковью справа придѣлана къ стѣнѣ гробница экзарха Гавріила, который при жизни часто посѣщалъ монастырь и жилъ по нѣсколько времени. Построенный имъ двуэтажный домъ занимается теперь временнымъ игуменомъ, пріѣзжающимъ на извѣстный срокъ изъ Зографскаго монастыря. По правую сторону церкви тянется рядъ одноэтажныхъ каменныхъ «братскихъ келій» съ небольшою зимнею церковью во имя Св. Георгія-Побѣдоносца. У входа въ церковь, съ лѣвой стороны, устроенъ колодецъ по Турецкому обычаю».

Верхняя доска съ изображеніемъ «воскресенія Іисуса Христа» представляетъ Спасителя, изводящаго изъ ада души ветхозавѣтныхъ праведниковъ. Причина, по которой воскресшій Спаситель изображенъ торжествующимъ побѣду надъ адомъ та, что съ самыхъ первыхъ временъ христіанства, вѣра св. церкви въ сошествіе Іисуса Христа во адъ такъ-тѣсно соединяема была съ вѣрою въ Его воскресеніе, что первое почитала она прямымъ слѣдствіемъ послѣдняго. И донынѣ, воспѣвая въ высокихъ и умилительныхъ пѣсняхъ своихъ воскресеніе Христово, св. церковь въ побѣдителѣ смерти зритъ побѣдителя ада. «Аще и во гробъ снизшелъ еси Безсмертне, но адову разрушилъ еси силу, и воскреслъ еси яко побѣдитель Христе Боже[5]. Днесь Владыка плѣни ада воздвигнувый юзники, яже отъ вѣка имяше лютѣ одержимыя[6]. Снизшелъ еси въ преисподняя земли, и сокрушилъ еси вереи вѣчныя, содержащыя связанныя, Христе![7]».

И вотъ, божественный побѣдитель ада изображенъ изшедшимъ изъ преисподнихъ земли и сокрушившимъ вереи вѣчныя: врата адовы — тѣ врата, на кои Господь Іисусъ указывалъ какъ на самыя страшныя твердыни[8] — врата сіи для воскресшаго Господа служатъ какъ-бы лѣствицами, облегчившими Ему изшествіе изъ ада: теперь Онъ касается пречистыми стопами своими вершины ихъ.

Далѣе, съ одной стороны вратъ замокъ съ ключемъ, но какъ-бы лишнимъ (ибо онъ въ-сторонѣ), потому-что побѣдитель ада не отверзъ, а сокрушилъ врата адовы; съ другой тоже орудіе, которымъ какъ-бы съ насиліемъ надлежало отверзать ихъ; наконецъ всею силою емлющіяся за длани Спасителя души праведныхъ, и объ души сіи изводятся изъ собственнаго своего, какъ-бы отдѣльнаго мѣста, и святая радость и изумленіе, такъ-ясно написанныя на лицахъ прочихъ праведниковъ, прежде изведенныхъ изъ ада — чувства весьма естественныя, ибо они видятъ новыя жертвы, исхищаемыя изъ челюсти того ада, ужасы котораго имъ самимъ такъ-извѣстны, — все сіе, вмѣстѣ взятое, смѣю думать, ручается за истину сдѣланнаго объясненія.

Что-же касается до ангела, изображеннаго сверху посрединѣ, то весьма похожія изображенія можно встрѣчать и нынѣ, точно такъ-же, какъ есть въ церкви нашей изображеніе представленныхъ по четыремъ угламъ этого оклада образовъ: ангела, орла, льва и тельца. Всѣ они представлены съ письменами, потому-что каждый изъ сихъ образовъ есть символъ одного изъ евангелистовъ. Наше четверичное число евангелій имѣетъ отношеніе къ славному видѣнію пророка Іезекіиля, который пишетъ: «и подобіе лицъ ихъ, лице человѣчее, и лице

---

[5] Канонъ св. пасхи, по 6-й пѣсни кондакъ.

[6] Тамъ-же, припѣвъ къ 9-й пѣсни.

[7] Тамъ-же, пѣсни 6-й ирмосъ.

[8] Матѳ. XVI 18.

львово, и лице телчёе, и лице орлее (глава I, стихъ 10). Сіи четыре таинственныя изображенія, по мнѣнію всѣхъ почти отцевъ церкви, прообразуютъ четырехъ евангелистовъ: Матѳея, Марка, Луку и Іоанна. И по этому, на нашихъ св. антиминсахъ, коихъ употребленіе въ церкви относится къ самымъ древнимъ временамъ, и среди коихъ изображено погребеніе Іисуса Христа, а равно и на верхнихъ доскахъ евангелій употребляемыхъ въ церквахъ, мы видимъ тѣже-точно образы, какіе и на описываемомъ изображеніи, съ тою–только разницею, что живопись правильнѣе и что къ каждому изъ сихъ образовъ присоединенъ и евангелистъ, какъ–то къ Ангелу — Матѳей, къ орлу — Іоаннъ и проч., смотря по тону и характеру евангелиста.

На *нижней* доскѣ окладъ представляетъ изображеніе « успенія Божіей Матери ». Гробъ окружаютъ апостолы, но не двѣнадцать, а одиннадцать (по правую сторону шесть, а по лѣвую пять). Это потому, что Апостолъ Ѳома, какъ гласитъ преданіе, по особенному смотрѣнію Божію, не приспѣлъ на преставленіе Богоматери, дабы его ради отверзся гробъ и увѣрилась церковь о воскресеніи Пречистой Дѣвы. За гробомъ по срединѣ находится Спаситель, которому, какъ Сыну и Богу[9] предала Богоматерь чистую душу. Душу сію Спаситель пріемлетъ въ объятія. Выше, по правую и лѣвую сторону его видны епископы: это Св. Іаковъ, братъ Господень, первый епископъ Іерусалимскій и Діонисій Ареопагитъ, епископъ Аѳинскій[10]. Еще выше, также по обѣимъ сторонамъ, изображены два ангела: ибо ангелъ благовѣствовалъ Богоматери въ Назаретѣ о рожденіи Спасителя; ангелъ возвѣстилъ ей на горѣ Елеонской и скорое отшествіе къ небесному Сыну. На самой крайней высотѣ представлены, съ обѣихъ сторонъ, зданія съ вратами — можетъ–быть тотъ святой Іерусалимъ, который въ «Апокалипсисѣ Іоанновомъ» между–прочимъ описанъ такъ: «съ востока трои врата, съ сѣвера трои врата[11]; городъ четвероуголенъ[12]: стѣна его построена изъ ясписа, а городъ былъ чистое золото, подобенъ чистому стеклу»[13]. Вокругъ всего изображенія вычеканена слѣдующая надпись:

Благочестивіи и христолюбивіи Іоань[14] *Петръ воев | ода*[15] *Божіею милостію Госпо-*

[9] Такъ воспѣваетъ церковь въ пѣсняхъ своихъ на день успенія.

[10] См. « Книга житій святыхъ » и въ ней мѣсяца Августа въ 15-й день: « Сказаніе о безсмертномъ успеніи пресвятыя Богородицы », Листъ 68 — 69.

[11] Глава XXI, стихъ 13.

[12] Тамъ–же, стихъ 16.

[13] Тамъ–же, стихъ 18.

[14] *Венелина* Влахо-Болгарскія граматы. СПБ. 1840, стр. 29 — 30. Тамъ, а равно въ слѣдующей за сею статьѣ: « о Килійской надписи », объясняется значеніе слова « Іоаннъ » или « Іо », поставляемаго предъ собственными именами Господарей.

[15] Первоначальныя буквы этого слова: *воево* находятся подъ шляпкою винта, прикрѣпляющаго окладъ и видно только *да*.

динь въсисои[16] *Молдовлахіискои земли и господжа его Елена и снове*[17] | *господства ми*[18] *Иліяша воивода и Стефана и Константина и сътвор*| *их*[19] *и оукрасих съи*[20] *тетроевгль*[21] *и дадох его въ молбѣ господства ми*[22] *въ новосъзданіное*[23] *нашеи*[24] | *монастири оуспніе пръчистяй Богородици глаголеміи Къпри*| *яна въ лѣто* ЗНГ[25] *мѣсяць октоврїи.*

Остается присовокупить, что видимые на литографіяхъ разной величины четвероугольники, эллипсисы и круги (кромѣ большихъ, находящихся по угламъ и означающихъ винты, которыми окладъ прикрѣпленъ къ доскамъ) показываютъ мѣста и величину вставленныхъ разноцвѣтныхъ камней.

[16] «Въсисои» непонятно. Кажется здѣсь вмѣсто втораго *с* должно стоять *е* и читаться вмѣстѣ: *всиеои*, то-есть *всёй* или *всей*. Хотя подобнаго правописанія этого слова мнѣ не встрѣчалось нигдѣ, но какъ въ Молдовлахійскихъ граматахъ обыкновенно пишется въ подобномъ случаѣ *ѣсеи*, а часто *вѣсои* (*Венелина* Влахо-Болгарскія граматы стр. 144), то такое толкованіе отнюдь не можетъ показаться неправдоподобнымъ.

[17] Сынове. Буквы *ове* не видны за винтомъ.

[18] «ми» — моего. Примѣры можно видѣть въ Влахо-Болгарскихъ граматахъ *Венелина*.

[19] Буквы «твор» подъ винтомъ.

[20] Сей или сіе.

[21] Тетроевангеліе.

[22] Для моленія о господствѣ моемъ.

[23] Въ новосозданный.

[24] Буквы «еи» подъ шляпкою винта.

[25] 7053 отъ С. М., то-есть 1545 по Р. Х.

СЛАВЯНСКАЯ НАДПИСЬ ВЪ КИЛІЙСКОЙ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ.

По порученію Общества, я разсматривалъ снимокъ съ надписи, находящейся на Николаевской церкви въ Киліи*. Она чисто Славянская, писана Кириловскими буквами, довольно затѣйливой «вязью». Впрочемъ чтеніе ея не представляетъ большихъ затрудненій, и именно, читается она такъ:

* Въ Килійской церкви св. Николая, въ разныхъ мѣстахъ на полу противъ алтаря, находится нѣсколько плитъ съ надписями на Армянскомъ и Турецкомъ языкахъ, а при входѣ въ церковь надъ южными дверями Славянская. Надписи этѣ, по стародавности церкви, казались заслуживающими изслѣдованіе, почему и доставлены были въ Общество, чрезъ посредство его превосходительства П. И. Федорова, въ вѣрныхъ снимкахъ, сдѣланныхъ штабсъ-капитаномъ П. П. Ушаковымъ. Получивъ ихъ, Армянскія, числомъ восемь, Общество поручило перевести на Русскій учителю Симферопольской гимназіи С. Тиграніану, Турецкую — члену-корреспонденту А. А. Борзенкову; разборомъ-же и объясненіемъ Славянской занялся д. ч. Н. И. Надеждинъ. По разсмотрѣніи доставленныхъ переводовъ оказалось, что изъ осьми армянскихъ, шесть суть надгробія разныхъ лицъ мужескаго, а двѣ женскаго пола. Ни темныя, безвѣстныя имена этихъ лицъ, ни содержаніе надгробій, частію въ стихахъ, не представляютъ ничего историческаго. Принадлежатъ эти надгробія къ 1152, 1182, 1189, 1195, 1198 и 1214 годамъ Армянскаго,

«Изволеніемъ Отца и поспѣшеніемъ Сына «и съвършеніемъ Святого Духа. Изволи бла- «гочестивіи и христолюбивіи Іо Василіе Вое- «вода, Божіею милостію, господарь земли «Молдовской. Създа церковь посрѣдь (?) градъ «Килійскіи. И се храмъ святого іерарха и «чюдотворца Николае. И нача здати въ лѣ- «то ЗРНЕ *(мѣсяца маіа* А*?). И съврши въ «лѣто* ЗРНS *мѣсяца маіа* А».

И такъ надпись содержитъ въ себѣ подробное обозначеніе, когда и кѣмъ сооружена церковь, на которой она находится. Годъ основанія церкви, 7155 отъ сотворенія міра по Византійскому счисленію, соотвѣтствуетъ 1647 году отъ Р. Х. Начатая въ Маѣ этого года, она совершена въ Маѣ-же слѣдующаго 1648, отъ С. М. 7156 года; слѣдовательно, назадъ тому 192 года. Древность конечно не слишкомъ замѣчательная! Но замѣчательно, что церковь эта, какъ видно изъ надписи, остается для насъ памятникомъ лица весьма любопытнаго не по однимъ мирнымъ подвигамъ храмостроительства.

«Благочестивый и христолюбивый Іо Василіе Воевода, Божіею милостью Господарь земли Молдавской», былъ не кто иной какъ извѣстный Василій Лупулъ, державствовавшій въ Молдавіи съ 1634 по 1654 годъ. Происхожденіемъ Албанецъ, но родившійся, говорятъ, въ Константинополѣ, онъ пришелъ въ Молдавію искать счастія, и былъ такъ ловокъ, что въ короткое время пробился въ чины и нажилъ огромное богатство. Молдавія въ это время представляла жалкое зрѣлище безначалія и рабства. Въ 1630 году, по низложеніи храбраго воеводы Мирона Бернавскаго, бояры Молдавскіе отказались отъ послѣдняго преимущества, которое до-сихъ-поръ предоставлялось имъ султанами: избирать себѣ Господарей, по древнему обычаю, вольными голосами. Вслѣдствіе того, въ теченіе трехъ лѣтъ, три господаря поочередно сгоняли другъ-друга съ воеводства, происками и раболѣпствомъ въ Константинополѣ. Оно досталось въ 1633 году, вторично Моисею Могилѣ (брату знаменитаго Кіевскаго митрополита Петра Могилы), который вѣроятно за преданность къ себѣ, возвелъ Лупула въ санъ великаго-дворника, одинъ изъ первыхъ чиновъ боярской іерархіи въ Молдавіи. Но Лупулъ заплатилъ своему благодѣтелю тѣмъ, что въ слѣдующемъ-же году, посланный въ Стамбулъ отъ него ходатаемъ по дѣламъ, воротился самъ на его мѣсто «воеводою и господаремъ земли Молдавской».

Не то важно, что Албанскій выходецъ добился такъ высоко. На воеводствѣ Молдав-

слѣдовательно къ 1706-, 1733, 1740, 1746, 1749 и 1796 годамъ нашего лѣтосчисленія. Турецкая надпись на плитѣ, по лѣвую сторону царскихъ воротъ, оказалась также надгробіемъ какого-то правовѣрнаго Эль-Хаджъ-Мустафы, умершаго и погребеннаго въ 1139 году гиджры, то-есть въ 1727 по Р. Х. О Славянской надписи, литографированный снимокъ съ которой при семъ томѣ *(Приложж. V)* прилагается, Г. Надеждинъ представилъ Обществу предлагаемыя здѣсь замѣчанія.

скомъ бывали уже пройдохи еще хуже: напримѣръ какой-нибудь Италіянецъ ювелиръ (Каспаръ Граціани, 1618 — 1621), Нѣмецъ или Полякъ изъ лакеевъ (Ивоня, 1572 — 1574), самозванецъ Грекъ, присвоившій себѣ чужое имя и фамилію (Яковъ Василикъ, державствовавшій подъ именемъ деспота Іо Гераклида, 1561 — 1563). Важно, что Албанецъ удержался на этомъ скользкомъ постѣ въ продолженіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ. Это одно уже доказываетъ, что онъ былъ не просто только счастливъ, что его умъ, или по-крайней-мѣрѣ хитрость, были не ниже его счастія. Одинъ ученый Нѣмецъ, именно Гебгарди, вѣритъ даже, что Лупулъ былъ великій человѣкъ, отецъ отечества, къ сожалѣнію непонятый своими современниками, которые ввели въ заблужденіе и потомство.

Правду сказать, трудно было и понять величіе Лупула его современникамъ, особенно подданнымъ, для которыхъ онъ былъ отцемъ весьма не нѣжнымъ. Двадцати-лѣтнее царствованіе его дымится Христіанскою кровью. Съ самаго вступленія на воеводство, онъ находился въ постоянной, непримиримой враждѣ съ своимъ ближайшимъ сосѣдомъ, Матѳеемъ Бессарабою, воеводою Валахскимъ, который, по странному стеченію обстоятельствъ, въ одинъ годъ съ Лупуломъ началъ свое державствованіе и въ одинъ годъ кончилъ. Лупулу хотѣлось пріобрѣсть Валахію для своего сына. Матѳей имѣлъ сильную руку при Оттоманской-Портѣ, и сверхъ-того вѣрнаго и могущественнаго союзника въ Георгіи Ракоцци, воеводѣ Седмиградскомъ. Лупулъ, владѣвшій несмѣтными сокровищами, не-разъ перекупалъ себѣ покровительство Порты; и Матѳей неоднократно получалъ изъ Стамбула приказанія сойти съ престола. Но эти приказанія надлежало подкрѣплять силою оружія; причемъ побѣда оставалась всегда на сторонѣ Валаха. Въ 1641 году, при султанѣ Ибрагимѣ, обоимъ воеводамъ повелѣно было итти подъ Азовъ съ войсками: при этомъ диванъ, купленный Лупуломъ, сдѣлалъ тайное распоряженіе, чтобы схватить или убить Матѳея въ Аккерманѣ, гдѣ назначено было сборное мѣсто обоихъ войскъ.

Однако Матѳей проникъ въ ковъ, ему приготовленный, и остался въ Валахіи. Лупулъ одинъ, въ слѣдующемъ году, былъ подъ Азовомъ, и, по увѣренію историка Сагредо, содѣйствовалъ главнымъ образомъ къ приведенію этой крѣпости, взятой казаками, подъ власть Турковъ.

Видя неблагонадежность Турецкаго покровительства, которое продавалось съ-молотка тому, кто дастъ больше, Лупулъ искалъ укрѣпить себя союзомъ съ Польшею; что особенно имѣло успѣхъ, когда Ракоцци, другъ врага его Матѳея, объявилъ притязанія на корону Польскую. Лупулъ выдалъ дочь свою за Яна Радзивила, маршала Литовскаго; и наконецъ добился до того, что, въ 1650 году, былъ признанъ гражданиномъ республики indigena Polonus за постоянную

вѣрность, quia fidem, constantiam, integritatem suam — abunde testatus est.

Но наконецъ хитрецъ запутался въ собственныя сѣти. Его богатство возбудило сильнаго Богдана Хмѣльницкаго, находившагося уже въ открытомъ возмущеніи противъ Польши, искать руки другой его дочери для сына своего Тимоѳея. Лупулъ не смѣлъ отказать прямо такому свату, и ссылался на то, что не можетъ рѣшиться на подобный союзъ безъ позволенія Порты. Хмѣльницкій выхлопоталъ себѣ тотчасъ не только позволеніе, но формальное повелѣніе изъ Стамбула. Лупулъ прибѣгнулъ–было къ сопротивленію и призвалъ на помощь Потоцкаго. Тогда Хмѣльницкій, по собственному его выраженію, послалъ сватами въ Молдавію 16,000 казаковъ подъ предводительствомъ Носача, Пушкаря и Дорошенко, присоединивъ къ нимъ еще въ подсватья 20,000 Татаръ. Этотъ свадебный поѣздъ отрѣзалъ Потоцкаго и разбилъ на–голову Лупула около Хотина; за тѣмъ взяты были Сучава и Яссы. Тогда Лупулъ обручилъ дочь свою Тимоѳею; но въ то–же время передалъ депеши Хмѣльницкаго, которыя тотъ хотѣлъ отправить чрезъ него въ Стамбулъ, сенату Польскому. Тогда Хмѣльницкій замирился съ Польшею въ Бѣлой–Церкви, и обратилъ всю свою ярость на вѣроломнаго предателя. Калиновскій, пришедшій на помощь Лупулу, былъ разбитъ около Каменца. Тимоѳей явился снова подъ Яссами — и женился на домнѣ Роксандрѣ.

Это уничиженіе Лупулъ рѣшился обратить въ свою пользу, новыми кознями. На свадебномъ пиру, Тимоѳей Хмѣльницкій объявилъ своему тестю, что намѣренъ избавить его отъ трудовъ управлять Молдавіею и хочетъ самъ занять его мѣсто, чему не прекословитъ и Порта. Тогда Лупулъ ухватился за свою любимую мысль — овладѣть Валахіей ужь для себя. Но Матѳей не дремалъ. Видя грозящую ему бѣду, онъ, совокупно съ Ракоцци, началъ работать всѣми силами въ Стамбулѣ противъ Лупула; и въ 1651 году Ракоцци получилъ фирманъ, повелѣвающій ссадить Лупула съ воеводства. Тутъ подоспѣлъ на помощь великій–логоѳетъ Молдавіи Гюргице или Георгій, который питалъ ненависть къ Лупулу. Ракоцци и Матѳей вошли съ нимъ въ тайныя сношенія и обѣщали ему воеводство. Въ 1653 году, въ вербное воскресенье, внезапно явились подъ Яссами Седмиградскія и Валахскія войска подъ предводительствомъ Кемени; въ городѣ вспыхнулъ заговоръ, приготовленный логоѳетомъ; и Лупулъ со всѣмъ своимъ дворомъ, долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ. Онъ удалился къ зятю своему Тимоѳею, который, давъ ему казаковъ, подъ предводительствомъ наказнаго атамана Ѳедоренко, вторично возвратилъ воеводство. Но это было уже не надолго. Ракоцци послалъ новыя силы, въ помощь логоѳету, объявленному воеводой подъ именемъ Георгія Стефана. Лупулъ и Тимоѳей были разбиты при Селіи.

Послѣдній не упалъ духомъ, но заключился въ Сучавѣ съ 8,000 казаковъ; тогда-какъ Лупулъ бѣжалъ снова въ Украйну къ самому Богдану. Старикъ не могъ оказать ему дѣятельнаго пособія, потому-что Польша приняла сторону Георгія Стефана. Тогда Лупулъ бросился къ хану Крымскому и выхлопоталъ у него 20,000 Татаръ. Уже былъ онъ на пути къ Молдавіи, какъ узналъ о смерти зятя своего Тимоѳея, убитаго пушечнымъ ядромъ при осадѣ Сучавы, и о паденіи въ-слѣдъ за тѣмъ этой крѣпости, гдѣ жена его и всѣ богатства достались въ добычу побѣдителямъ. Онъ воротился назадъ къ хану, который, видя оборотъ дѣлъ, призналъ за лучшее арестовать его и отослать въ цѣпяхъ въ Константинополь. Тамъ несчастный окончилъ и дни свои.

Всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ Лупула очень важнымъ и любопытнымъ лицомъ для нашей отечественной исторіи, преимущественно для исторіи Южной-Россіи.

Въ лѣтописяхъ Молдавіи, Лупулъ оставилъ по себѣ добрую память только тѣмъ, что, по свидѣтельству Кантемира, собралъ письменные законы и неписанные обычаи народа, изъ которыхъ составилъ родъ государственнаго уложенія. Ему приписываютъ также основаніе первыхъ школъ и первой типографіи въ Молдавіи, упредившей въ этомъ отношеніи Валахію. Но главное, особенно для насъ важное дѣйствіе его политики, состояло въ томъ, что онъ первый воружился противъ Славянскаго языка, который до-тѣхъ-поръ былъ господствующимъ, богослужебнымъ и оффиціяльнымъ, языкомъ у Румуновъ, что доказываетъ и разсматриваемая теперь надпись, которая есть чисто Славянская.

Въ этомъ отношеніи, Кантемиръ, увлекаясь патріотизмомъ, считаетъ изгнаніе Славянскаго языка изъ Молдавіи торжествомъ просвѣщенія надъ варварствомъ. По его увѣренію, Славянскій языкъ насильно введенъ былъ къ Румунамъ, послѣ Флорентинскаго Собора, гдѣ Молдовлахійскій митрополитъ, по имени Митрофанъ, человѣкъ простой и малоученый, какъ говоритъ Кантемиръ, имѣлъ слабость принять унію. Тогдашній воевода Молдавскій Александръ-Добрый, протестовалъ противъ этого, и принялъ къ себѣ въ митрополиты избраннаго знаменитымъ подвижникомъ православія, Маркомъ-Эфесскимъ, діакона Ѳеоктиста. Сей послѣдній, родомъ изъ Булгаріи, убѣдилъ будто Александра, для совершеннаго отдѣленія отъ Латиновъ, изгнать Латинскія буквы, употреблявшіяся уже въ Молдавіи, и замѣнить ихъ Кириловскими, съ которыми будто перешелъ и Славянскій языкъ въ Молдавію. Энгель справедливо оспариваетъ въ этомъ случаѣ Кантемира, противуполагая ему свидѣтельство Молдавскаго лѣтописца, Мирона Костина, который пишетъ, что Александръ намѣревался только послать на Флорентинскій Соборъ митрополита своего Григорія Самвлака и отправилъ его въ Константино-

поль, но что сей послѣдній, не нашедши уже въ Константинополѣ ни императора, ни патріарха, воротился назадъ, и изъ Ахриды, резиденціи тогдашняго патріарха Булгарскаго, привезъ съ собою Кириловскія Славянскія книги. Но и этотъ разсказъ въ свою очередь подлежитъ великому сомнѣнію. Извѣстно изъ актовъ Флорентинскаго Собора, что тамъ точно находился святитель Молдовлахійскій; но онъ не могъ быть посланнымъ отъ воеводы Александра, который умеръ въ 1432 году, то-есть за 7 лѣтъ до Собора. Кто-жь былъ этотъ святитель? Весьма вѣроятно, что просто какой-нибудь Грекъ, точно также представлявшій лице Молдовлахійскаго митрополита, какъ нашъ Исидоръ на томъ-же Соборѣ представлялъ лице патріарха Антіохійскаго. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что, какъ извѣстно, въ это-же самое время патріархъ Іосифъ, бывшій на Флорентинскомъ Соборѣ главою восточнаго духовенства, наименовалъ для Валахіи двухъ Грековъ-митрополитовъ, одного въ Бухарестъ съ титломъ архіепископа Никомидійскаго, другаго въ Терговище съ титломъ архіепископа Амасійскаго. Что касается до Григорія Самвлака, то это имя даетъ поводъ къ весьма важнымъ соображеніямъ. Извѣстно, что когда Витольдъ вздумалъ отдѣлить Кіевскую митрополію отъ Московской, то на Ногвградъ-Литовскомъ Соборѣ избранъ былъ въ отдѣльные Кіевскіе митрополиты именно Григорій Самвлакъ. Это было въ 1416 году. Этотъ Григорій Самвлакъ скоро исчезаетъ изъ нашей исторіи. Нѣкоторые пишутъ, что онъ умеръ въ 1419 году, правя церковью только 4 года; но по каталогу Михаила Козачинскаго, архимандрита Слуцкаго, который имѣется у меня въ рукописныхъ отрывкахъ, онъ былъ митрополитомъ 22 года, что точь-въ-точь совпадаетъ съ эпохою Флорентинскаго Собора; при-чемъ прибавляется еще, что этотъ Григорій, «живъ еще будучи, по зависти, которую подвиглъ на него митрополитъ Московскій Фотій, отъ престола архіерейскаго избѣже». Между-тѣмъ въ Молдавіи, ровно чрезъ 22 года, то-есть въ 1439 году, при воеводѣ Иліи, сынѣ Александра-Добраго, является именно Григорій-же Самвлакъ, митрополитъ, который разорвалъ всякую связь съ патріархомъ Константинопольскимъ, принявшимъ унію, и подчинился Ахридскому архіепископу, именовавшемуся патріархомъ Булгарскимъ. Что-жь это значитъ? Это значитъ, по моему мнѣнію, что Молдавія въ эти времена по духовной іерархіи принадлежала къ области Кіевской митрополіи и что Григорій Самвлакъ, вѣроятно вскорѣ послѣ своего избранія встрѣтившій оппозицію отъ православныхъ, не хотѣвшихъ отдѣлиться отъ истиннаго митрополита Кіевскаго, имѣвшаго пребываніе въ Москвѣ, долженъ былъ удалиться въ страны своей эпархіи, ближайшія къ Молдавіи, всего вѣроятнѣе въ Галичъ, который въ то самое время уступленъ былъ отъ короля Польскаго воеводѣ Иліи; когда-же самъ

Константинопольскій патріархъ, для содѣйствія своимъ видамъ, самовольно назначилъ въ митрополиты Кіево-Московскіе отступника Исидора, что было въ 1437 году, перешелъ окончательно въ Молдавію, гдѣ для спасенія православія, соединился съ патріархомъ Булгарскимъ. Въ такомъ случаѣ, сказка о введеніи Самвлакомъ Славянскихъ книгъ въ Молдавіи есть не что иное, какъ сказка, выдуманная національнымъ самолюбіемъ Румуновъ. Славянскій языкъ былъ просто въ обитаемой ими нынѣ странѣ издревле туземный Это доказываютъ имена древнѣйшихъ ихъ воеводъ, которыя суть чисто Славянскія, и другіе неоспоримые документы.

Какъ-бы-то ни было, до временъ Лупула, Молдавская іерархія находилась въ непрерывномъ союзѣ съ Булгарскою и въ постоянномъ отдѣленіи отъ Константинополя, не вѣрою, но управленіемъ. Это разумѣется еще болѣе способствовало къ владычеству Славянскаго языка въ Молдавіи. Но Лупулъ имѣлъ причины не благопріятствовать и тому и другому. Въ отношеніи къ языку, онъ былъ Грекъ, родившійся въ Константинополѣ: въ жилахъ его текла кровь не Славянская, но Албанская; слѣдовательно все Славянское было ему чуждо. Въ отношеніи къ іерархіи, онъ имѣлъ нужду подкрѣпить себя пріязнью и голосомъ Константинопольскаго патріарха противъ ропота и неудовольствія своихъ подданныхъ, которыхъ соблазнялъ бракъ его съ одною прекрасною Черкешенкою, оставшеюся въ мусульманствѣ и послѣ брака. Зная, что Константинопольскіе патріархи жаждутъ возвратить свою власть надъ Молдавіею, онъ вошелъ въ сношеніе съ тогдашнимъ патріархомъ Парѳеніемъ и заключилъ съ нимъ конкордатъ, по которому Молдавская митрополія выведена изъ подчиненія Ахридскому архіепископу и отдана, впрочемъ съ удержаніемъ многихъ правъ, Константинопольскому патріаршескому престолу. Кантемиръ пишетъ, что Лупулъ, заплатившій султану 50,000 тысячъ реаловъ за позволеніе жениться на мусульманкѣ, теперь за примиреніе съ церковью заплатилъ патріарху 260 кошельковъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ за 300 кошельковъ купилъ онъ у Султана позволеніе перенесть изъ Тернова въ Яссы мощи св. мученицы Параскевы, гдѣ построилъ для нихъ великолѣпный монастырь. Это сгладило съ него пятно нечестія. Чтобы разорвать совершенно связь съ Булгаріею, и укрѣпить связь съ Константинополемъ, онъ началъ вводить въ Молдавію Греческое Богослуженіе вмѣсто Славянскаго. А какъ Румуны не понимали Греческаго языка, то возъимѣлъ мысль о переводѣ св. писанія и богослужебныхъ книгъ на Румунскій языкъ. Въ Валахіи примѣру его послѣдовалъ уже гораздо послѣ воевода Шербанъ Кантакузинъ, также Грекъ происхожденіемъ. Такъ истребился въ княжествахъ нашъ Славянскій языкъ; и потому разсматриваемая теперь надпись, какъ послѣдній

знакъ его владычества, тѣмъ бо́льшую имѣетъ для насъ цѣну.

Лупулъ вообще любилъ строить церкви и монастыри. Заключивъ какъ-то миръ съ врагомъ своимъ, Матѳеемъ, онъ, въ залогъ этого, впрочемъ весьма непрочнаго, мира, построилъ въ Молдавіи церковь и заставилъ Матѳея на его счетъ построить церковь въ Терговищѣ, которая и донынѣ существуетъ съ гербомъ Молдавскимъ. Церковь, находящаяся въ Орхеяхъ (Оргеевѣ), также построена имъ, какъ видно изъ сохранившейся на ней надписи. Вообще онъ былъ, или казался, очень благочестивымъ. Это свидѣтельствуетъ архидіаконъ Антіохійскаго патріарха Макарія, который, при первомъ своемъ путешествіи въ Москву, долго гостилъ при дворѣ Лупула и былъ невольнымъ свидѣтелемъ его сверженія. Впрочемъ похваляя набожность Василія, добродушный архидіаконъ не оставляетъ безъ замѣчанія, что «благочестивый и христолюбивый воевода», въ свое царствованіе казнилъ лютыми муками до 14,000 человѣкъ, въ томъ числѣ многихъ женщинъ и дѣвицъ, не говоря уже о другихъ злодѣяніяхъ этого отца отечества. Замѣчательно также сказаніе того-же архидіакона о негодованіи, въ которое пришелъ царь Алексѣй Михайловичъ, узнавъ отъ патріарха Макарія, что Лупулъ, который красилъ свои сѣдые волосы, чтобы не изобличить себя, ходилъ въ церковь Божію въ колпакѣ.

Къ сожалѣнію, неизвѣстенъ поводъ, по которому Лупулъ воздвигнулъ храмъ Св. Николаю въ Киліи. Это особенно замѣчательно потому, что Килія въ его время принадлежала уже Туркамъ. Вышепомянутый архидіаконъ съ горестью замѣчаетъ, что на возвратномъ пути изъ святой православной Руси, въ Киліи, по его правописанію Калле, онъ и владыка его въ первый разъ услышали снова нечестивые вопли муэдзиновъ.

Кстати о Киліи. Исторія этого города должна быть очень любопытна. Кантемиръ увѣряетъ, что она въ древности называлась Lycostomon и что въ его время мореходцы Греческіе употребляли это названіе, которое по его изъясненію, происходитъ отъ того, что вода Дуная изрыгается подъ нимъ, какъ изъ волчьей пасти, quod, lupinarum faucinens instar, unda cructare videretur. При немъ Килія была еще важнымъ торговымъ мѣстомъ, куда приставали корабли изъ Египта, изъ Венеціи, изъ Рагузы. Жителями ея, кромѣ Турковъ, были Жиды, Христіане и Армяне. Комендантъ имѣлъ титулъ Назира. Городъ, по словамъ Кантемира, не могъ оправиться послѣ сожженія его Молдаванами при султанѣ Солиманѣ. Килія подпала подъ власть Турковъ въ 1481 году, при султанѣ Баязидѣ. Укрѣпленія ея окончаны воеводою Стефаномъ-Великимъ въ 1479 году Іюля 16. Но и самъ Стефанъ овладѣлъ ею не за-долго предъ тѣмъ, именно въ 1462 году, какъ свидѣтельствуетъ отрывокъ Молдавской лѣтописи, помѣщенной въ нашемъ «Воскресенскомъ Лѣтописцѣ», съ помощью

Поляковъ. До тѣхъ-же поръ Килія принадлежала къ Валахіи, хотя иногда и владѣли ею Молдавы. Отсюда происходитъ, что Венгерскіе короли, на основаніи вассальства, признаваемаго въ отношеніи къ нимъ нѣкоторыми Валахскими воеводами, считали Килію въ зависимости отъ Венгерской короны. Въ договорѣ императора Сигизмунда, короля Венгерскаго и Владислава Ягеллона, короля Польскаго, заключенномъ въ Люблявѣ 15 Марта 1412 года, положено было, въ случаѣ измѣны Александра, воеводы Молдавскаго, раздѣлить Молдавію по Прутъ, а приморскія степи Бессарабіи такъ, чтобы Аккерманъ отошелъ къ Польшѣ, а Килія къ Венгріи: transcenso autem fluvio Pruth residuæ sylvæ, directe procedendo ad campos desertos usque ad mare, parimodo cum iisdem campis desertis per medium dividantur; ita quod Bialogrod cum aequali medietate pro Vladislao, et Kilia cum alia aequali medietate pro Sigismundo maneant. Знаменитый Іоаннъ Гуніадъ снабжалъ Килію гарнизономъ, во время войнъ своихъ съ Турками. Кажется, что Генуэзцы имѣли здѣсь въ то время если не колонію, то значительную контору.

Въ заключеніе прибавлю о самой надписи:

1. Начало надписи есть формула, которой примѣры встрѣчаются и въ другихъ документахъ южныхъ Славянъ. Такъ, въ «Сербскихъ Споменицахъ» актъ подъ № 82 начинается тою-же формулою, только нѣсколько распространенною: «изволеніемъ Бога Отца вседрьжителя и поспѣшеніемъ Сина единороднаго и саврьшеніемъ всепрѣсветаго Духа».

2. «Іо» есть обыкновенное предиміе всѣхъ воеводъ Молдавскихъ и Валахскихъ. Его толкуютъ различно. Ученый Нѣмецъ Сульцеръ увѣряетъ, что это описка вмѣсто Румунскаго «Noi», которое значитъ «Мы». Но это очевидная нелѣпость. Вѣроятнѣе, что это есть сокращеніе имени «Іоаннъ». По-крайней-мѣрѣ, *извѣстно*, что столица Банната «Краіова» *названа такъ по* имени Болгарскаго краля Іоанникія, который *слѣдовательно* сокращенно назывался «Іо».

3. При чтеніи, я позволилъ себѣ только одну догадку касательно монограммы $\overline{\text{М}}\ \overline{\text{А}}$, въ означеніи времени, когда начата строиться церковь. Думаю, что это значитъ: «Maia 1». Прочія слова очень *ясно* читаются, кромѣ слова, которое *я* прочелъ «посрѣдь».

4. Кажется, нѣтъ нужды замѣчать, что бычья голова, находящаяся внизу надписи, есть гербъ Молдавскій, который и теперь оставленъ гербомъ Бессарабской области.

30 Мая, 1840.

МОНЕТЫ ДЖУЧИДОВЪ, ГЕНУЭЗЦЕВЪ И ГИРЕЕВЪ, БИТЫЯ НА ТАВРИЧЕСКОМЪ-ПОЛУОСТРОВѢ И ПРИНАДЛЕЖАЩІЯ ОБЩЕСТВУ.

Первыя мусульманскія монеты начали чеканить на Крымскомъ полуостровѣ Золото-Ордынскіе Джучиды, которымъ онъ достался въ первой половинѣ XIII вѣка. Древнѣйшая изъ битыхъ здѣсь монетъ этой династіи принадлежитъ, сколько доселѣ извѣстно, хану Туда-Мангу, бита въ 683 году гиджры (=1284 по Р. Х.), въ городѣ Крымѣ, и хранится въ Азіятскомъ мюнцъ-кабинетѣ Императорской Академіи-Наукъ въ С. Петербургѣ[1]. Общество, изъ Джучидскихъ монетъ, битыхъ на Таврическомъ Полуостровѣ, имѣетъ слѣдующія:

1) Серебряная, хана Тохтогу (*рисун. VI*, № 1).

Передняя сторона توقتا | العادل | خان *ханъ правосудный Тохта*. Задняя сторона. Тамга, около которой ضرب | قريم *монета Крымская*. Внизу ٦٩. (=1291 по Р. Х.).

Послѣ помянутой выше монеты Туда-Мангу, это вторая по древности. Она не была описана: извѣстныя доселѣ монеты Тохтогу биты въ Сараѣ, въ 690, 691, 692 и 710 годахъ гиджры (=1291, 1292, 1293 и 1310-11 по Р. Х.) и въ Укекѣ[2], въ 706 (=1306-7); да можетъ-быть ему-же принадлежатъ еще битыя въ 602 (?), въ Булгарѣ и Джюлладѣ[3], и въ 710 или 715 (=1315-16), въ Новомъ-Сараѣ и Маджарѣ[4]. Ото всѣхъ этихъ отличается наша еще и тѣмъ, что имя хана изображено на ней не Уйгурскими письменами, а Арабскими, такими-же какъ и остальныя слова легенды, и притомъ не «Тохтогу», какъ на тѣхъ, а «Токта» (произносить Тохта), ближе къ правописанію этого имени у мусульманскихъ историковъ, Византійцевъ, и Русскихъ лѣтописцовъ[5]. Крымъ, гдѣ бита монета, нынѣ Эски-Крымъ, извѣстенъ былъ въ среднихъ вѣкахъ преимущественно подъ

[1] *Френа* Recensio numorum. p. 648.

[2] См. объ этомъ городѣ *Френово* изслѣдованіе Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratow, въ Mémoires de l'Acad. Imp. des sciences, VI serie, sciences historiques etc. vol. III.

[3] Незначительныя развалины этого города существуютъ еще доселѣ въ Малой-Кабардѣ, на правомъ берегу Терека.

[4] *T. X. Тихсена* de numis Selgiuc. et Mogol. p. 112; *Марсдена* Numismata orientalia illustrata. I, 281; *Френа* Numophylacium orientale Pototianum. p. 45; *его-же* Recensio numorum. p. 198-202; *его-же* «Монеты хановъ улуса Джучіева», стр. 5; *Эрдмана* Numi asiatici universitatis Casanensis. I, 325-328.

[5] Персидскіе и Арабскіе историки пишутъ обыкновенно это имя توقتا либо توقتای; но у Макризи находимъ его написаннымъ توقتوقا, а у Абуль-Гази — توقتاغو, какъ пишутъ и произносятъ Монголы. См. *Доссона* Hist. des Mongols. IV, 750 и слѣд.; *Абуль-Гази* Hist. Mongol. et Tatarorum. Casani. 1825. p. ٩٨

именемъ Солгата, и славился обширностью, великолѣпіемъ и торговлею. Въ концѣ XVI вѣка, объ этомъ прошломъ благосостояніи свидѣтельствовали, по словамъ Броневскаго, уже однѣ только стѣны, да развалины. Теперь на мѣстѣ прежде многолюднаго города, славы полуострова, получившаго отъ него даже и настоящее имя свое, живетъ въ бѣдныхъ лачугахъ нѣсколько Болгарскихъ семействъ[6]. Описанная монета имѣется въ двухъ экземплярахъ.

2) Четыре серебряныя, того-же хана, совершенно сходныя съ предшествующею какъ по величинѣ, такъ по чекану и по легендамъ. Не рѣшаюсь назвать ихъ дупликатами ея потому-только, что ни на одной изъ нихъ не видно единицы въ числѣ, означающемъ годъ битья, а на двухъ стерлась даже вторая цифра, и остается одна сотенная ٦٠٠ — Всѣ шесть поименованныхъ монетъ Тохтогу выкопаны вмѣстѣ изъ земли гдѣ-то въ здѣшнемъ краю.

3) Серебряная, хана Тохтамыша (*рисун. VI*, N° 2).

П. С. السلطان | توقتمش خان | خلد ملكه *Султанъ Тохтамышъ-ханъ. Да продлится владычество его на вѣки* З. С. ضرب فى بلاك قريم ٧٩٦ *Бита въ городѣ Крымѣ. 796.*

Монета эта описана Френомъ[7] и Эрдманомъ[8], но изображенія ея нигдѣ еще не было. Имѣется въ двухъ экземплярахъ.

4) Серебряная, того-же хана.

П. С. السلطان ا ٠٠٠ | غياث الدين ٠٠٠٠ | ٠٠٠٠٠٠٠ | ٠٠٠٠ تيا ٠٠ *Султанъ* (правосудный), *Геясъ-ед-Динъ* (ве-д-Дунья, То)*хта*(мышъ-ханъ ٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠٠).

З. С. ضرب فى بلاك قريم ٠٠٠٠٠٠٠٠٠ *Бита въ городѣ Крымѣ.* ٠٠٠٠٠٠٠٠

Описана и изображена у Френа[9]. Его экземпляръ сохранился лучше нашего. Тамъ, на передней сторонѣ, ниже توقتامش خان, виднѣются еще какія-то слова, можетъ-быть خلد ملكه, которыхъ на нашей вовсе не видно, но которыя также должны были быть. На задней сторонѣ, ниже بلاك قريم есть на нашей тѣ-же самыя загадочныя слова, какъ и на Френовой, только болѣе стертыя. Нельзя-ли читать ихъ такъ:

ثمن (sic, вмѣсто ثمان)
ثمنن (sic, вмѣсто ثمانين)
٧٧ (sic, вмѣсто وسبعماية)

И принимать это число, 788, за годъ битья монеты? Извѣстно вѣдь, что Джучидскія монеты вообще отличаются разнообразіемъ и неправильностями въ изображеніи годовъ битья, особливо-же битыя въ Крыму при Тохтамышѣ.

Къ Джучидскимъ-же относимъ мы еще слѣдующую:

---

[6] Бо́льшія историческія подробности объ этомъ городѣ можно видѣть у *Кеппена*, въ его «Крымскомъ Сборникѣ». СПБ. 1837. стр. 338 – 346.

[7] Recensio numorum. p. 326. N° 73.

[8] Numi asiat. Univers. Casanensis. p. 499.

[9] Монеты хановъ улуса Джучіева. стр. 27. N° 242. Таблица VI, N° CXCIX.

5) Мѣдная (*рисун. VI*, № 3).

П. С. الدين | و الدنيا | = = = (= = = *эд-Дуньяве-д-Динъ*. З С. тамга, и около нея ضرب قريم, *Монета Крымская*.

Особенно замѣчателенъ, въ этой нигдѣ не описанной монетѣ, почеркъ буквъ легенды, не встрѣчавшійся еще доселѣ, сколько мнѣ извѣстно, на другихъ монетахъ Джучидскихъ. Словамъ الدنيا و الدين должно предшествовать по-видимому جلال. Титулъ جلال الدنيا و الدين встрѣчается только на монетахъ Джанибека и Тохтамыша; потому наша монета, если она дѣйствительно Джучидская, должна принадлежать одному изъ этихъ двухъ хановъ. Тамги такой, какая находится на этой монетѣ, также не попадалось доселѣ ни на одной изъ описанныхъ Золото-Ордынскихъ монетъ.

Вскорѣ по утвержденіи на полуостровѣ владычества Джучидовъ, поселились здѣсь и Генуэзцы. Укрѣпившись сначала въ Кафѣ, они пріобрѣли потомъ Солдаію (Судакъ), Чембало (Балаклаву), Мангупъ, Черкіо (Керчъ) и другіе города, гдѣ и властвовали до конца XV столѣтія, когда изгнаны были Оттоманскими Турками. Къ памятникамъ ихъ владычества въ этихъ мѣстахъ принадлежатъ, между-прочимъ, и находимыя на полуостровѣ монеты съ двуязычными надписями. Что этѣ двуязычныя (bilingvi) монеты, о которыхъ говоримъ, суть дѣйствительно Генуэзскія, и биты не Венеціянами, или какимъ-либо другимъ народомъ Европейскимъ, торговавшимъ по берегамъ Чернаго-Моря, свидѣтельствуетъ неопровержимо находящееся на нихъ изображеніе, которое нумизматы называютъ «порталемъ» (portail). Порталь этотъ встрѣчается только на Генуэзскихъ монетахъ. За Генуэзскія-же признаютъ ихъ Френъ, Рейхель и Соре[10]. Монетъ этихъ извѣстно очень немного. Четыре, находящіяся въ Азіятскомъ-Музеумѣ Императорской Академіи-Наукъ въ С. Петербургѣ, описаны Френомъ[11]. Двѣ, принадлежащія г. Шпревицу, описаны Соре, и подали ему поводъ сказать нѣсколько словъ вообще объ этого рода монетахъ. По экземпляру ихъ имѣется еще въ мюнцъ-кабинетахъ: Эрмитажномъ, въ С. Петербургѣ, Института-Восточныхъ-Языковъ, тамъ-же, Харьковскаго университета и у г. Цвика, въ Сарептѣ[12]. Экземпляръ, принадлежавшій г. Мурзакевичу, и цитируемый у Соре, принесенъ владѣтелемъ его въ даръ нашему Об-

---

[10] Lettres sur la numismatique, par *Frédéric Soret*. Genève. 1841. p. 26. Этѣ самыя Генуезскія монеты разумѣлъ, вѣроятно, и Броневскій (Martinus Bronovius), когда писалъ: Duces Græcos, qui Mangopiæ et Ingermeni, ac *Italos Genuenses*, qui Iamboldi et Caphæ incolebant, tum populos in peninsula reliquos invenerat, cum quibus amicitiam, pacem et pacta donec a Turcis devicti belloque attriti illi fuere, Chanorum prædecessores incorrupte et constanter coluere et *monetam* multis annis *communem*, quam ego vidi, habuere (Descriptio Tartariæ. Lugd. Batavorum. 1630. p. 283).

[11] Въ Recensio numorum. p. 411-412.

[12] Lettres sur la numismatique. l. c.

ществу, которое сверхъ-того имѣетъ еще пять такихъ монетъ, имъ-же большею частью пожертвованныхъ. Пересмотримъ ихъ.

6) Серебряная (*рисун. VI*, № 4).

П. С. въ полѣ: тамга, имѣющая видъ трезубца. Вокругъ поля السلطان دولت بيردى خان *Султанъ Девлетъ-Бирди-ханъ*. З. С. Въ полѣ: порталь. Вокругъ поля: готическія буквы, изъ которыхъ большая половина стерлась; а остались только съ правой стороны порталя D. O. A.

Монета эта совершенно сходна съ двумя экземплярами изъ числа четырехъ описанныхъ Френомъ. Мусульманская легенда изображена на ней грубо и ошибочно: въ словѣ السلطان пропущенъ ل; ت въ словѣ دولت написано какъ د; ر въ بيردى какъ ل. Въ готической легендѣ, буква, которую читаемъ мы O, можетъ быть принята, пожалуй, и за другую-какую. Френъ, который на двухъ помянутыхъ Академическихъ экземплярахъ думалъ видѣть буквы D ⁘ U A N, а на двухъ другихъ, съ такою-же мусульманскою легендою, буквы D ✠ M ✠ O A N, предлагалъ къ соображенію, не означаютъ-ли первые Dux Lithuaniæ, а вторые Dux Magnus Ioannes[13]. Теперь, когда нѣтъ сомнѣнія, что эта и прочія ей подобныя, суть монеты Генуэзскія, надо пріискивать другое объясненіе буквамъ готической легенды, — трудъ, который предоставляемъ болѣе насъ знакомымъ съ Европейскою нумизматикою среднихъ вѣковъ. — Девлетъ-Бирди, имя котораго встрѣчаемъ въ мусульманской легендѣ монеты, принадлежитъ къ числу послѣднихъ Золото-Ордынскихъ хановъ. Русскія лѣтописи не говорятъ объ немъ, но онъ упоминается у Шильтбергера и Хондемира[14]. Отъ него дошло до насъ нѣсколько монетъ, битыхъ въ Астрахани, въ 831 г. г. (= 1427-28), и въ Новомъ-Сараѣ и ордѣ, вѣроятно въ томъ-же самомъ году[15].

7) Серебряная (*рисун. VI*, № 5).

П. С. Въ полѣ: тамга, такая-же какъ на предшествующей, только съ прибавкою черточки на верху. Вокругъ поля طالساحان اعقا خاجى حان З. С. Въ полѣ: порталь, такой-же какъ на предшествующей, только вмѣсто круга изъ точекъ обведенный такими-же городками. Вокругъ поля видны сверху буквы A B S G ✠ : C :

Мы выразили мусульманскую легенду этой монеты нашимъ печатнымъ шрифтомъ, сколь можно ближе къ подлиннику, но все таки не совершенно сходно. Какъ грубо и неправильно ни изображены въ ней буквы, и какъ ни переставлены и ни перепутаны онѣ, можно видѣть однако-же, что монетчикъ хотѣлъ изобразить не иное-что, какъ السلطان الاعظم حاجى خان, то-есть, *Верхов-*

[13] Recensio numorum. p. 412.

[14] *Гаммера* Gesch. der Gold. Horde. s. 333; Исторія Монголовъ, перев. съ Персидск. СПБ. 1834. с. 42.

[15] *Френа* Recensio numor. p. 395, и «Монеты хановъ улуса Джучіева», с 35. *Эрдмана* Numi Asiat. univ. Casan. I, 543.

ный султанъ Хаджи-ханъ. Подъ именемъ Хаджи-хана нельзя разумѣть здѣсь никого иного, кромѣ Хаджи-Герай-хана, извѣстнаго родоначальника династіи Гераевъ. Въ христіанской легендѣ, буква S можетъ быть читана иначе.

8, 9, 10) три серебряныя (*рисун. VI*, № 6, 7, 8).

Мусульманскою легендою своею монеты этѣ, по-видимому, совершенно сходны съ № 7, только болѣе стерты и обтерты. На одной, съ правой стороны портала, сохранились буквы A : B; на другой, съ лѣвой стороны — буквы A : F; на третьей, опять съ правой — буквы B: S: ✠ : Та, которую мы читаемъ S, одинакова съ тою, которую на монетѣ № 7, мы прочли за S же, и такъ же можетъ быть читана за какую-либо другую букву. Почеркъ этихъ готическихъ буквъ, кажется, не одинъ и тотъ-же на всѣхъ трехъ монетахъ.

11) Серебряная (*рисун. VI*, № 9).

За именемъ حاجى, слѣдуетъ въ мусульманской легендѣ этой монеты, въ остальномъ совершенно сходной съ легендою монеты № 7, слово, которое скорѣе всего похоже на يكث. Точно таковъ-же, вѣроятно, и одинъ изъ двухъ экземпляровъ Генуэзскихъ монетъ г. Шпревица, тотъ, на которомъ г. Соре думалъ прочитать по этой причинѣ جانى يكث *Джани-бекъ*, имя извѣстнаго Золото-Ордынскаго хана. Г. Соре не стоитъ впрочемъ за вѣрность своего чтенія; мы-же ни-мало не сомнѣваемся, что эта монета принадлежитъ ко времени правленія Хаджи-Герая, тѣмъ-болѣе, что и наружностью своею она совершенно сходна съ другими вышеописанными, которыя носятъ на себѣ имя этого хана. На христіанской сторонѣ этой монеты видны подъ порталемъ, начиная отъ лѣвой его стороны къ правой, буквы F: E: A и еще одна какая-то. Буква, которую мы читаемъ E, можетъ быть прочитана иначе.

Дополняя христіанскую легенду одного экземпляра другимъ, г. Соре находитъ, что вполнѣ она должна быть такова:

✠ : C : A : ✠ : F : A : B : G :

и замѣчаетъ при этомъ, что двѣ первыя буквы суть очевидно начальныя какого-нибудь имени, или какого-нибудь чиновника, и могутъ быть читаны, напримѣръ, console Adorno; послѣдняя-же буква G можетъ означать Gazaria, какъ назывался въ среднихъ вѣкахъ Таврическій-Полуостровъ. Соглашаясь съ этими замѣчаніями, мы думаемъ относительно возстановленія имъ полной легенды, не слишкомъ-ли онъ поторопился этимъ дѣломъ, для успѣшнаго исполненія котораго надо подождать пока найдется и можно будетъ сличить по-болѣе экземпляровъ. Между-тѣмъ, вотъ еще нѣсколько общихъ соображеній, позволительныхъ на основаніи монетъ, имѣющихся теперь въ нашихъ рукахъ.

Тогда какъ буквы христіанской легенды отдѣлкою, почеркомъ и постановкою обличаютъ руку искусную и опытную, мусульманская легенда, напротивъ, грубостью почерка, неправильностью буквъ и непростительнымъ уродованіемъ цѣлыхъ словъ обнаруживаетъ неловкость и невѣжество дѣлавшихъ ее монетчиковъ; а это служитъ доказательствомъ, что монеты, о которыхъ говоримъ, биты не Татарскими ханами, имена которыхъ разбираемъ на нихъ, а самими Генуэзцами; причемъ монетчики ихъ, незнакомые ни съ языкомъ ни съ письменами мусульманскихъ легендъ, которыя должны были изображать, списывали ихъ съ настоящихъ Татарскихъ монетъ весьма некрасиво и ошибочно. То-же самое видимъ мы отчасти и на Русско-Татарскихъ монетахъ, дѣланныхъ нашими денежниками въ XIV и XV вѣкѣ [16]. Что-же побуждало Генуэзцевъ бить эту двуязычную монету? Было-ли это въ знакъ дружбы къ Татарскимъ владѣтелямъ Полуострова, какъ заставляютъ думать вышеприведенныя слова Броневскаго, или изъ желанія облегчить и распространить торговлю свою между Татарами, давъ такимъ-образомъ большій ходъ своей монетѣ между ними? Ни то, ни другое по нашему мнѣнію: примѣровъ подобнаго изъявленія дружбы и добраго согласія между народами мы не знаемъ, и не хотимъ допустить въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ-болѣе что Генуэзцы не могли не знать какую невыгодную для нихъ идею связывали-бы съ такимъ актомъ съ ихъ стороны тѣ ханы, имена которыхъ стали-бы они чеканить на своей монетѣ. Если Броневскій существованіе видѣнныхъ имъ двуязычныхъ монетъ приписывалъ этой причинѣ, онъ ошибался. Впрочемъ слова его «monetam multis annis communem habuere» не имѣютъ, быть-можетъ, отношенія къ предшествовшимъ, и означаютъ только, что на Таврическомъ-Полуостровѣ въ-продолженіе владычества Джучидовъ, Генуэзцевъ и Византійцевъ «чеканилась долгое время двуязычная монета» Нельзя существованія ея приписывать и торговымъ видамъ Генуэзцевъ. Въ-сравненіи съ Джучидскою, ее находятъ на полуостровѣ очень мало; значитъ, она была бита не въ большомъ количествѣ, а въ такомъ случаѣ не удовлетворяла-бы цѣли, для которой ее назначали. Кромѣ-того возраженіе, сдѣланное нами противъ перваго предположенія, имѣетъ одинаковую силу и противъ этого. Ханы Татарскіе почли-бы такое

[16] Сближеніе это Генуэзско-Татарскихъ монетъ съ Русско-Татарскими можетъ навести на очень непріятное предположеніе: не имѣетъ-ли мѣста и въ первыхъ обстоятельство, замѣчаемое на множествѣ послѣднихъ, именно то, что наши денежники чеканили нерѣдко на монетахъ Русскихъ князей легенды съ Татарскихъ монетъ не современныхъ этимъ князьямъ хановъ, а такихъ, которыхъ давнымъ-давно не было на свѣтѣ (*Френа* Ueber die tatarischen Münzen der Russen; *Черткова* Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ. Прибавленіе первое и второе). — Точно-ли принадлежатъ потому и Генуэзскія монеты всегда ко времени тѣхъ хановъ, имена которыхъ носятъ на себѣ?

дѣло со стороны Генуэзцевъ знакомъ признанія надъ собою ихъ верховной власти; глядѣть на это иначе они не могли-бы, вслѣдствіе господствующихъ у Азіятцевъ понятій объ этомъ предметѣ. Генуэзцы, повторяемъ, имѣя постоянныя сношенія съ Татарами, воюя, мирясь и заключая трактаты съ ихъ ханами, не могли не знать объ образѣ ихъ мыслей на-этотъ-счетъ; но какъ, тѣмъ-не-менѣе, они били свою монету съ именемъ хановъ, это доказываетъ: 1) что били они ее не добровольно, а по необходимости, именно въ знакъ признанія верховной власти хановъ надъ своими владѣніями на Полуостровѣ, къ чему со стороны хановъ принуждены были, можетъ-статься, силою; 2) что этою монетою платилась, вѣроятно, часть подати или контрибуцій, которыя шли въ казну ханскую, когда Генуэзцы доводимы были до необходимости платить ихъ ханамъ, что̀, какъ извѣстно, имѣло мѣсто при Хаджи-Гераѣ[17], и по-видимому случалось не-разъ и прежде. — Верховную власть хановъ Генуэзцы признавали надъ-собою уже съ конца XIV столѣтія, если не ранѣе: это видно изъ договора ихъ съ Черкесъ-беемъ, намѣстникомъ Тохтамыша въ Солгатѣ, договора, заключеннаго въ 1380 году[18]; но скоро-ли послѣ того, и когда именно, стали они бить монету съ ханскимъ именемъ, рѣшить теперь не беремся. Основываясь на отсутствіи въ ней надъ Генуэзскимъ порталемъ Миланскаго дракона фамиліи Сфорца, г. Соре полагаетъ, что она получила существованіе послѣ поступленія Генуэзскихъ владѣній въ Крыму подъ управленіе банка св. Георгія, то-есть послѣ 1453 года. Мы не можемъ согласиться съ этимъ, потому между-прочимъ, что не видимъ какъ объяснить при этомъ существованіе монетъ съ именемъ Девлетъ-Бирди. Прибѣгнуть развѣ къ предположенію, высказанному выше, въ прим. 16?

Золото-Ордынскимъ ханамъ и отчасти Генуэзцамъ наслѣдовала во владычествѣ надъ Полуостровомъ династія Гиреевъ, или правильнѣе Гераевъ. Монеты государей этой династіи сдѣлались извѣстны очень съ недавняго времени. О. Тихсенъ въ 1794 году не зналъ другихъ, кромѣ какъ послѣдняго хана Шагинъ-Герая[19]. Лангле, уже въ 1802, утверждалъ, что Шагинъ-Герай первый изъ Гераевъ сталъ бить монету отъ своего имени, и что до него битая въ Крыму монета носила на себѣ имя Оттоманскихъ султановъ[20]. То-же самое почти повторилъ

[17] *Барбаро*, Viaggio della Tana. cap. XI.

[18] Notices et extraits des manuscrits de la bibliothèque du Roi. vol. XI, p. 52; *Кеппена* Крымскій Сборникъ. стр. 81–85.

[19] Introductio in rem numariam Muhammedanorum. Rostochii. 1794. p. 187.

[20] «Il fit battre la monnaie à son coin; jusqu' alors la monnaie de Crimée avoit porté le nom du Sulthân Ottomân». Notice chronologique des khans de Crimée, въ приложеніяхъ къ *Форстерову* Voyage du Bengal à St.-Pétersbourg. Paris. 1802. p. 469.

онъ опять и въ 1806 году[21]. Все, что сдѣлано для нумизматики Гераевъ, сдѣлано Френомъ. Въ 1813 году, онъ первый извѣстилъ ученый міръ о существованіи монетъ:

1. Селимъ-Герая, с. Бегадиръ-Гераева.
2. Сеадетъ-Герая, с. Селимъ-Гераева.
3. Гази-Герая, с. Селимъ-Гераева.
4. Капланъ-Герая, с. Селимъ-Гераева.
5. Девлетъ-Герая, с. Селимъ-Гераева.
6. Крымъ-Герая, с. Девлетъ-Гераева.
7. Сеадетъ-Герая, с. Крымъ-Гераева, и
8. Менгли-Герая, с. Селимъ-Гераева[22].

Въ 1821 году, еще о монетахъ:

9. Хаджи-Герая I-го.
10. Менгли-Герая, с. Хаджи-Гераева.
11. Мухаммедъ-Герая, с. Менгли-Гераева.
12. Девлетъ-Герая, с. Мубарекъ-Гераева.
13. Мухаммедъ-Герая, с. Селаметъ-Гераева.
14. Мурадъ-Герая, с. Мубарекъ-Гераева.
15. Сафа-Герая, с. Сафа-Гераева, и
16. Селаметъ-Герая, с. Селимъ-Гераева[23].

Въ 1826, описалъ многія монеты почти всѣхъ поименованныхъ хановъ, и кромѣ того:

17. Сеадетъ-Герая, с. Селимъ-Гераева, и
18. Азимъ (Селимъ?) Герая с. Фетхъ-Гераева[24].

Въ 1831, еще

19. Нуръ-Девлета, с. Хаджи-Гераева[25].

Общество имѣетъ монеты слѣдующихъ Гераевъ:

12) Серебряная, Мухаммедъ-Герая (*рисун. VI*, № 10).

П. С. مد كراى (Муха)*ммедъ-Герай*
* * * (сынъ)
كلى كراى (Мен)*гли-Герая.*

З. С. Въ полѣ: тамга въ видѣ трезубца. Вокругъ: ضرب قريم ٩٢٣ *Монета Крымская. 923.* (=1517).

Мухаммедъ-Герай I, сынъ Менгли-Герая I, вступилъ на престолъ, по смерти отца своего, въ 920 г. г. (=1514), убитъ въ 929 (=1523)[26]. Сколько извѣстно доселѣ древнѣйшихъ монетъ Гераевъ, всѣ онѣ биты въ Крыму (Эски-Крымѣ), хотя ханы со времени Хаджи-Герая имѣли постоянное пребываніе въ Багчесараѣ. Описывая Крымъ, Броневскій не забываетъ упомянуть, что «officinam monetariam, quam chanus cudit, in ea civitate perpetuam habent». Монетнаго дво-

---

[21] «Jusqu'au moment de son avénement au trône, toutes les monnaies en circulation dans la Crimée avaient porté le nom de l'empereur Ottoman, et été fabriquées, je crois, en Turquie». Note sur les monnaies de Crimée, въ Voyage en Crimée, par *Reuilly*. Paris. 1806. p. 219.

[22] Numophylacium orientale Pototianum. Casani. 1813. p. 64.

[23] Das Muhammedanische Münzkabinet des Asiatischen Museums der Kaiserl. Akad. d. Wissenschaften. St.-Petersburg. 1821. s. 64.

[24] Recensio numorum etc. p. 413-421 и 656.

[25] Монеты хановъ улуса Джучіева. СПБ. 1832. стр. 40 (Нѣмецкій подлинникъ этого сочиненія вышелъ въ свѣтъ въ 1831 году).

[26] السبع السيّار *Ассебъ-о-ссейяръ*, «Семь планетъ»; исторія Крымскихъ хановъ, соч. Сейида *Мухамеда Ризы*. Изд. Казембекъ. Казань. 1832. стр. 87.

ра въ Багчесараѣ въ его время (1578) еще не было[27]. Монета эта описана у Френа[28].

13) Серебряная, Девлетъ-Герая (*рисун. VI. № 11*).

П. С. دولت *Девлетъ*
كراى *Герай*
* * * (сынъ Мубарекъ-
* * * Герая).

З. С. Тамга въ видѣ трезубца, и около нея: ٩٥٧ سنه * * * | * * * *въ 957 году* (=1550).

Девлетъ-Герай I, сынъ Мубарекъ-Герай-Султана, возведенный въ достоинство хана въ 957 г. г., прибылъ въ Багчесарай, и вступилъ на престолъ не ранѣе слѣдующаго 958 года. Стало-быть монета наша съ изображеніемъ 957 года, либо бита заднимъ числомъ, либо бита не въ Эски-Крымѣ и не въ Багчесараѣ, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, напримѣръ въ Козловѣ (Эвпаторіи) или пожалуй въ Аккерманѣ, гдѣ проѣзжалъ Девлетъ-Герай, а можетъ-быть и останавливался, на пути изъ Константинополя въ Багчесарай[29].

14) Серебряная, Гази-Герая II (*рисун. VI, № 12*),

П. С. غازى كراى *Гази-Герай*
بن *сынъ*
دولت كراى *Девлетъ-Герая.*

З. С. Тамга въ видѣ трезубца. ضرب * * ٧ * ركو فى *Бита въ Раковѣ*..... 7.

Гази-Герай II, сынъ Девлетъ-Герая I, вступилъ на престолъ послѣ брата своего, Исламъ-Герая II, въ 996 г. г. (=1588): черезъ восемь лѣтъ и десять мѣсяцевъ правленія былъ низложенъ, но черезъ три мѣсяца возстановленъ опять; властвовалъ еще одиннадцать лѣтъ и три мѣсяца, и умеръ отъ чумы въ 1016 (=1607)[30]. Отъ года осталась на монетѣ, если глаза насъ не обманываютъ, цифра ٧; стало-быть монета бита либо въ 997 г. г. (=1589), либо въ 1007 (=1598-9). И въ томъ и въ другомъ году, Гази-Герая не было на Полуостровѣ: въ 997 онъ громилъ Польшу, а въ 1007, вмѣстѣ съ Турками, воевалъ въ Венгріи и Трансильваніи[31]. Въ этихъ земляхъ гдѣ-нибудь и бита наша монета, какъ показываетъ названіе мѣста битья ея, вовсе не Крымское и даже не Татарское, а звучащее по-Славянски. Въ утвержденіи этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго: предки Гази-Герая, ханы Золото-Ордынскіе, очень часто били деньги свои во время походовъ, какъ это неопровержимо свидѣтельствуютъ между-прочимъ и надписи на этихъ деньгахъ «бита въ ордѣ» (т. е. въ лагерѣ); отчего-же и ему

[27] Russia seu Moscovia itemque Tartaria, Lugd. Batav. 1630. p. 269.

[28] Recensio numorum. p. 415.

[29] Семь планетъ. стр. 94; Précis de l'histoire des khans de Crimée, въ Nouv. Journal Asiatique. Octobre 1833. p. 370.

[30] Семь планетъ. стр. 108-111; Nouveau Journal Asiatique. Novembre 1833. p. 428 432.

[31] تاريخ نعيما افندى. Константинополь. 1734. томъ I, стр. 100 и слѣд.; *Гаммера* Geſchichte des Osmaniſchen Reiches. vol. IV, 285-288; Nouv. Journ. Asiat. l. c.; *Карамзина* Ист. Гос. Росс. (изд. перв.) т. X, стр. 106.

не вспомнить было стараго обычая? Намъ возразятъ, пожалуй, что доселѣ неизвѣстно другаго примѣра этому между Гераями. Такъ; но это не опровергаетъ нашего мнѣнія: что не извѣстно сегодня можетъ сдѣлаться извѣстнымъ завтра; надо-же явиться когда-нибудь первому примѣру, а тамъ найдутся, можетъ, и другіе; да если-бы настоящій случай былъ и единственнымъ, это не подрываетъ его возможности. Изъ того, что знаемъ мы о Гази-Гераѣ, видно, что онъ былъ ревностнымъ приверженцемъ старинныхъ обычаевъ, постановленій и даже предразсудковъ. Такъ, по низложеніи и убіеніи Фетхъ-Герая, Гази-Герай, въ силу древнихъ Монгольскихъ обычаевъ, долгое время свято соблюдавшихся въ родѣ Чинкгисъ-хана, велѣлъ умертвить у противника своего девятерыхъ изъ его дѣтей, именно *девятерыхъ*, потому-что число это почиталось у Монголовъ священнымъ[32]. — Допустивъ, что монета бита въ 997 г. во время похода въ Польшу, можно думать что означенное на ней мѣсто битья есть *Раковъ*, городъ Люблинскаго палатината; если-же бита она въ 1007, мѣстомъ этимъ можетъ быть *Раковица*, селеніе въ Кроаціи, между Карльштадтомъ и Удбиною. — Замѣчательно еще въ отношеніи къ этой монетѣ, что она найдена въ землѣ на островѣ Фидониси, древнемъ Левки, и остается доселѣ единственною мусульманскою въ значительномъ числѣ отрытыхъ тамъ въ послѣднее время Греческихъ и Римскихъ.

15) Серебряная, Мухаммедъ-Герая IV (*рисун. VI*, № 13).

П. С. محمد كراى خان *Мухаммедъ-Герай-*
بن سلا 〃 〃 〃 *ханъ сынъ Сел*(а-
〃 〃 метъ-Герай-хана).

З. С. Тамга, такая-же какъ на предшествовавшихъ, а кругомъ ея надпись, отъ которой осталось только нѣсколько буквъ.

Мухаммедъ-Герай, четвертый этого имени, сынъ Селаметъ-Герай-хана, вступилъ на престолъ въ 1051 г. г. (= 1641), и властвовалъ до 1054 (= 1644), когда былъ низложенъ. Черезъ десять лѣтъ и пять мѣсяцевъ, онъ снова былъ возстановленъ въ 1064 (= 1654) и ханствовалъ еще двѣнадцать лѣтъ и четыре мѣсяца, пока въ 1076 (= 1665) опять не лишился престола. Умеръ въ 1085 (= 1674)[33]. Монета этого хана, описанная у Френа[34], не могла быть бита въ 1062 г. г. (= 1652), какъ полагаетъ знаменитый нумизматъ: въ это время на ханствѣ въ Багчесараѣ сидѣлъ не Мухаммедъ, а братъ его, Исламъ III.

16) Серебряная, Сеадетъ-Герая II (*рисун. VI*, № 14).

П. С. سعادت كراى خان *Сеадетъ-Герай-*
بن قريم كراى *ханъ сынъ Крымъ-*
〃 〃 *Герай* (султана?)

З. С. Тамга, такая-же, какъ на пред-

[32] Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 431.

[33] Семь планетъ. стр. 157-175; Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 440-442.

[34] Recensio numorum p. 416, № 12.

шествовавшихъ. ضرب فى باغچه سراى (sic) ١١٠٢ *Бита въ Багчесараѣ. 1102* (=1696).

Монета Сеадетъ-Герая, сына Крымъ-Гераева, имѣлась въ собраніи Пото, описанномъ Френомъ[35], и того-же хана, совершенно сходная съ нашею, только со стершимся годомъ, описана у Эрдмана[36]. Судя по тому, что оба, и Френъ и Эрдманъ, ставятъ эту монету послѣ монетъ извѣстнаго Крымъ-Герая, сына Девлетъ-Гераева, надлежитъ думать, что означеннаго на настоящей монетѣ Сеадетъ-Герай-хана они считаютъ сыномъ помянутаго Крымъ-Герая. Это несправедливо: ни одинъ извѣстный доселѣ историческій источникъ не говоритъ, чтобы у Крымъ-Герай-хана былъ сынъ по имени Сеадетъ; тѣмъ-менѣе еще, могло-бы остаться неизвѣстнымъ его существованіе, когда-бы онъ занималъ престолъ хотя въ теченіе нѣсколькихъ дней. 1102 г. г., выставленный на нашемъ экземплярѣ, доказываетъ неоспоримо, что монета наша принадлежитъ ко времени правленія Сеадетъ-Герая II, преемника Селимъ-Гераева и предшественника Сафа-Гераева. Френъ, а за нимъ и Эрдманъ, не приписали своихъ экземпляровъ нашей монеты этому Сеадету II, потому вѣроятно, что введены были въ заблужденіе ложнымъ свидѣтельствомъ, которое въ отцы этому Сеадету давало предшественника его Эль-Хаджъ Селимъ-Герая; ложнымъ, говоримъ мы, потому-что отцемъ Сеадета II былъ не Эль-Хаджъ-Селимъ-Герай-ханъ, а Крымъ-Герай-султанъ, сынъ Селаметъ-Герай-хана, какъ свидѣтельствуетъ это историкъ Мохаммедъ-Риза[37], котораго свидѣтельство подтверждается, какъ видимъ, и монетами. Эль-Хаджъ-Селимъ-Герай-хана имѣлъ отцемъ не нашъ Сеадетъ II, вступившій на престолъ въ 1102 г. г. (=1690–1), и въ слѣдующемъ 1103 (=1691–2) низложенный и сосланный въ Родосъ[38], а Сеадетъ-Герай III, преемникъ Кара-Девлетъ-Герай-хана и предшественникъ Менгли-Герая II, ханствовавшій съ 1129 г. г. (=1717) по 1137 (=1724–5)[39].

17) Серебряная, Менгли-Герая II (*рисун. VI*, № 15).

П. С.	خان منكلى	*Ханъ-Менгли*
	بن الحاج » »	*сынъ Эль-Хаджъ-*
	» »	(Селимъ-хана).

З. С. ضرب فى باغچه سراى ٣٧ » » *Бита въ Багчесараѣ.* » » *37* (=1724-5). Надъ буквою ب въ словѣ ضرب маленькая тамга.

Менгли-Герай II, сынъ Эль-Хаджъ или Хаджи-Селимъ-Герая, занималъ престолъ Крымскаго ханства два раза. Въ первый, съ 1137 по 1443 г. г. (=1725–1730); во второй, съ 1150 по 1152 (=1737–39)[40].

[35] Numophylacium orientale Pototianum. p. 64.
[36] Numi Asiatici univers. Casanensis. I, 631.
[37] Семь планетъ. Стр. 200; *Гаммера* Geſch. d. Osman. Reiches. vol. VI, p. 550.
[38] تاريخ راشد افندى. Константинополь. 1153 г. г. томъ I, стр. 169 и 177.
[39] Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 451; Семь планетъ. стр. 319–324.
[40] Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 452–454.

Монета наша, битая въ годъ его восшествія, описана уже у Френа[41]; только тамъ, гдѣ на нашемъ экземплярѣ الحاج, на его просто حاج.

18) Серебряная, Крымъ-Герая (*рисун. VI, № 16*).

П. С. قريم كراى خان *Крымъ-Герай-ханъ* بن دولت كراى *сынъ Девлетъ-Герай-хана.* خان

З. С. ضرب فى باغچه سراى ١١٧٢ *Бита въ Багчесараѣ. 1172* (=1758). Надъ буквою ب тамга.

Крымъ-Герай[42], сынъ Девлетъ-Герая, ханствовалъ дважды: съ 1172 по 1178 (=1758–1764) и въ 1182 г. г. (1768). Въ послѣдній разъ только шесть мѣсяцевъ[43]. Монета его, одногодная съ нашею, описана у Френа[44].

19) Три серебряныя того-же хана и съ тѣми-же легендами, но отличающіяся отъ предшествующей тѣмъ, что слово *багче* вмѣсто باغچه написано на одной بغچه, на другой باغجه, а на третьей ا соединенъ съ слѣдующимъ за нимъ غ.

20) Двѣ серебряныя того-же хана, съ тѣми-же легендами и такимъ-же правописаніемъ слова *багче*, какъ у № 18, но отличныя чеканомъ какъ отъ этой, такъ и отъ трехъ № 19. Годъ битья стерся на обѣихъ.

21) Двѣ серебряныя того-же хана и съ тѣми-же легендами, но отличныя отъ предшествующихъ расположеніемъ словъ и чеканомъ. На тѣхъ слово خان находится вверху, на этихъ-же вверху одинъ خا а ن написано между كراى и قريم. Притомъ на одной года вовсе не видно, а на другой мелкими, едва замѣтными цифрами, выставлено число ||vv|. Что-бы могло означать это число? Не годъ-ли это битья, изображенный такъ ошибкою вмѣсто ||vv? — Монета Крымъ-Герая, описанная и изображенная у Марсдена[45], по легендамъ и мѣсту, занимаемому словомъ خان, совершенно сходна съ NN° 18, 19, 20, но отличается ото всѣхъ, здѣсь перечисленныхъ тѣмъ, что имя Девлетъ-Герай, на всѣхъ нашихъ написано слитно دولتكراى, а на ней раздѣльно دولت كراى.

22) Серебряная, бывшая позолоченною, того-же хана, и съ тѣми-же легендами, но битая въ 1182 г. г. (= 1768), по вторичномъ вступленіи его на престолъ. Описана у Эрдмана[46] (*рисун. VI, № 18*).

---

[41] Recensio numorum. p. 419.

[42] Имя этого хана пишутъ и произносятъ у насъ *Керимъ*-Гирей, такъ какъ будто-бы по Татарски писалось оно كريم كراى. Это очень ошибочно.

[43] Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 456; Mémoires du baron de Tott sur les Turcs et les Tartares. Amsterdam. 1785. vol. II, 110-201.

[44] Монеты хановъ улуса Джучіева. стр. 41. № 410.

[45] Numismata orientalia illustrata. London. 1823. vol. I. pag. 431.

[46] Numi Asiatici univ. Casanensis. vol. I. pag. 630.

23) Мѣдная, Селимъ-Герая III (*рисун. VI*, № 19).

П. С. سليم كراى *Селимъ-Герай* (ханъ)
بن فتحكراى *сынъ Фетхъ-Герай-*
" " " (хана).

З. С. ضرب فى باغچه سراى ١١٨٤ *Бита въ Бахчисараѣ. 1184* (=1770–1).

Селимъ-Герай III, сынъ Фетхъ-Герай-хана, вступилъ на престолъ въ 1178 г. г. (=1764). Черезъ два года, въ 1180 (=1766–7), былъ низложенъ; въ 1184 (=1770) возстановленъ вторично, и черезъ десять мѣсяцевъ опять лишенъ престола[47]. Наша монета бита во второмъ періодѣ его властвованія. Имѣется въ шести экземплярахъ. Монета 1178 г. г. (=1764), на которой Френъ думалъ видѣть имя *Азимъ-Герая*[48] عظيم كراى, есть безъ сомнѣнія Селимъ-Гераева.

24) Серебряная, Максудъ-Герая (*рисун. VI*, № 17).

П. С. " " صود " " (Мак)*судъ* " "
" " مت " " (сынъ Села)*метъ* " "

З. С. Тамга въ видѣ трезубца и ضرب " " " " " *Бита въ* " " " остальное стерлось.

Максудъ-Герай, сынъ Селаметъ-Герай-хана, вступилъ на престолъ послѣ Арсланъ-Герая, въ 1181 г. г. (=1767), и черезъ шесть мѣсяцевъ, въ слѣдующемъ 1182 (=1768) низложенъ[49].

25) Мѣдная, Девлетъ-Герая III, (*рисун. VI*, № 20).

П. С. دولت كراى خان *Девлетъ-Герай-*
بن ارسلان *ханъ сынъ Арслань-*
خان *хана.*

З. С. ضرب فى باغچه سراى ١١٧٩ *Бита въ Бахчисараѣ. 1189* (=1774).

Девлетъ-Герай III, сынъ Арсланъ-Герай-хана, возводимъ былъ на престолъ два раза: въ 1182 и въ 1189 г. г. (=1769 и 1774)[50]. Наша монета бита во второмъ періодѣ его правленія. Имѣется въ числѣ осьми экземпляровъ; на семи года не видно.

26) Двѣ мѣдныя того-же хана и съ тѣми-же легендами, но другаго чекана; годъ стерся на обѣихъ. Принадлежатъ, быть-можетъ, къ первому періоду ханствованія Девлетъ-Гераева.

27) Двѣ мѣдныя, сходныя по-видимому съ предшествующими, но на которыхъ кромѣ года ничего не видно; да и въ

---

[47] تاريخ واصف افندى. Булакъ. 1826, т. I, стр. 233, т. II. стр. 99; Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 456-7.

[48] Recensio numorum. p. 656.

[49] *Васифъ-Эфенди.* I, 259; Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 456.

[50] *Васифъ-Эфенди.* II, 46-47; Nouv. Journ. Asiat. l. c. p. 457 и 458.

[51] Въ Sammlung kleiner Reisebeschreibungen *Бернулли.* T. XI. s. 419; въ Note sur les monnaies de Crimée *Ланле*, помѣщенной при Voyage en Crimée, par *I. Reuilly*, p. 215; отчасти въ Numismata orientalia illustrata *Марсдена*, т. I, стр. 433; и даже въ Introductio in rem numariam Muhammedanorum *О. Тихсена.* p. 187. табл. III. NN° 35 и 37.

томъ послѣдняя цифра сомнительна, и можетъ быть принята и за ٩ и за ٥. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ должны принадлежать къ правленію Сахибъ-Герая, сына Ахмедъ-Герай-Султана. ١١٨٥ годъ г. = 1771 по Р. Х.

Самый богатый изъ Гераевъ разнообразіемъ нумизматическихъ памятниковъ своего правленія, есть послѣдній изъ нихъ Шагинъ-Герай. Общество имѣетъ полное собраніе битыхъ имъ монетъ, но такъ-какъ всѣ виды ихъ описаны уже и изображены [51], мы увольняемъ себя отъ безполезныхъ повтореній давнымъ-давно извѣстнаго.

Теперь, когда къ числу Гераевъ которыхъ монеты описаны Френомъ, мы прибавили четырехъ которыхъ монеты не были доселѣ извѣстны, именно:

Гази-Герая II, сына Девлетъ-Гераева,

Селимъ-Герая III, с. Фетхъ-Гераева,

Максудъ-Герая, с. Селаметъ-Гераева, и

Девлетъ-Герая III, с. Арсланъ-Гераева,

Остается еще двадцать-два хана этой династіи, отъ которыхъ мы не имѣемъ покуда нумизматическихъ памятниковъ. Это:

Гази-Герай I, сынъ Мухаммедъ-Герая.
Сеадетъ-Герай I, с. Менгли-Герая.
Исламъ-Герай I, с. Мухаммедъ-Герая.
Сахибъ-Герай I, с. Менгли-Герая.
Мухаммедъ-Герай II, с. Девлетъ-Герая.
Исламъ-Герай II, с. Девлетъ-Герая.
Фетхъ-Герай I, с. Девлетъ-Герая.
Тохтамышъ-Герай, с. Девлетъ-Герая.
Селаметъ-Герай I, с. Девлетъ-Герая.
Джанибекъ-Герай с. Мубарекъ-Герая.
Мухамедъ-Герай III, с. Сеадетъ-Герая.
Инаетъ-Герай, с. Гази-Герая.
Бегадиръ-Герай, с. Селаметъ-Герая.
Адиль-Герай, с. Девлетъ-Герая.
Хаджи-Герай II, с. Селаметъ-Герая.
Кара-Девлетъ-Герай, с. Адиль-Герая.
Фетхъ-Герай II, с. Девлетъ-Герая.
Селимъ-Герай II, с. Капланъ-Герая.
Арсланъ-Герай, с. Девлетъ-Герая.
Халимъ-Герай, с. Сеадетъ-Герая.
Капланъ-Герай II, с. Селимъ-Герая.
Сахибъ-Герай II, с. Ахмедъ-Герая.

Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ поименованные ханы били свою монету. Это одно изъ правъ верховной власти, которымъ наиболѣе дорожатъ мусульманскіе государи, и которымъ спѣшатъ они воспользоваться немедленно по вступленіи на престолъ.

В. ГРИГОРЬЕВЪ.

д. ч. о.

О НѢКОТОРЫХЪ МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ МОНЕТАХЪ, ИМѢЮЩИХСЯ ВЪ ОДЕССѢ.

Страсть къ собиранію древностей вообще и къ нумисматическимъ коллекціямъ въ особенности пробудилась въ Новороссійскомъ краѣ давно. Иначе и быть не могло въ странѣ, гдѣ, можно сказать на каждомъ шагу, встрѣчаются памятники временъ отдаленныхъ. Старѣйшими собирателями монетъ преимущественно были: графъ Северинъ Потоцкій, Бларамбергъ, Стемпковскій, дю-Брюксъ, Ферстеръ, Псомасъ. Въ послѣдствіи занялись этимъ многіе, и такимъ образомъ составились въ Одессѣ и вообще въ Новороссійскомъ краѣ мюнц-кабинеты, которые заслуживаютъ вниманіе.

Такъ какъ въ мюнц-кабинетѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей и въ нѣкоторыхъ другихъ Одесскихъ[1] оказались монеты или вовсе неописанныя, или мало извѣстныя, я счелъ обязанностью познакомить съ ними нумисматовъ, хотя этѣ монеты и не всѣ относятся къ здѣшнему краю, а только найдены въ немъ.

Число ихъ, на первый разъ, простирается до 22. Представляя описаніе[2] я присовокупляю съ нихъ вѣрные рисунки (*прилож.* VII).

I. МОНЕТЫ ЭЛЛИНСКІЯ.

ГОРОДА ХЕРСОНА.

Лицевая сторона монеты: Меркуріева голова въ шляпѣ, обращена вправо; позади кадуцей. **Оборотная** сторона. ХЕР. Рогъ изобилія; съ боку: . . . РОМАІОҮ (кажется такъ). (*Фиг. 1*). Изъ каб. моего. М. 4.

Л. Надпись стерлась, видно ЕП. . Аполлонова голова въ лавровомъ вѣнкѣ, вправо; впереди лира. **О.** ЕТОҮ РК (120?). Звѣроловствующая Діана въ длинной туникѣ, идя вправо, держитъ въ лѣвой рукѣ стрѣлу, а въ правой лукъ. На полѣ вытиснуто клеймо съ изображеніемъ, кажется, Паллады. (*ф. 2*). Изъ каб. Общества. М. 7.

Если заключеніе мое о буквахъ РК справедливо, то, кажется, это первая изъ Херсонскихъ монетъ, на которой означенъ годъ; но какой эры, неизвѣстно. Найдена въ развалинахъ древняго Херсона.

Г. ОЛЬВІОПОЛЯ ИЛИ ОЛЬВІИ.

Л Аполлонова голова въ вѣнкѣ, обращена вправо. **О.** ОЛ. . . Морская чайка

---

[1] Значительные мюнц-кабинеты находятся: 1) у Общества Исторіи и Древностей, 2) въ городскомъ публичномъ музеумѣ, 3) у меня и 4) у М. М. Кирьякова (сына).

[2] Сократительные знаки въ этомъ описаніи употребленные означаютъ: З — золотую, С — серебряную, М — мѣдную, Э — электроновую монеты; цифры — величину монеты по масштабу Міонне.

Для избѣжанія, при описаніи монетъ растянутости — въ номенклатурѣ частей свѣта, странъ и областей, я рѣшился отступить отъ общепринятой нумисматами формы. Притомъ и малое число описываемыхъ монетъ не требовало такой точности.

(Larus cachinans) клюетъ дельфина. Внизу ΦΥΣΙΩΝ (такъ). (*ф. 3*). Изъ каб. моего. М. 4.

Это новый варіантъ изъ тѣхъ экземпляровъ, которыя описалъ Блярамбергъ [3].

Четвероугольникъ со втиснутымъ кружкомъ, внутри котораго слабо видны: хлѣбный колосъ и дельфинъ, а внизу ΟΛΒΙΟ. (*ф. 4*). Изъ каб. моего. М.

Четвероугольникъ этотъ причисляю къ роду Тариховъ и Тессеръ, которые у Ольвіополитянъ были употребительны. Найденъ въ 1832 году въ Ольвіи.

г. ТИРЫ.

Л. Женская голова, полуобращенная вправо; на ней, сверхъ покрывала, надѣтъ вѣнокъ изъ хлѣбныхъ колосьевъ; на шеѣ ожерелье. **О.** ΤΥΡΑ. Бодающійся быкъ. (*ф. 5*). Принадл. Д. М. Княжевичу. С. 4.

г. КАЛЛАТІИ.

Л. ΑΥ·Κ·Μ·ΑΥ·ΚΟΜΟΔΟϹ. Коммодова голова въ вѣнкѣ, вправо. **О.** ΚΑΛΛΑΤ. . . . Купидонъ, обратясь вправо, стоитъ опершись на потухающій факелъ. (*ф. 6*). Изъ каб. Общества. М. 4.

Императорскихъ монетъ сего города, вычеканенныхъ при Коммодѣ, до сего времени не было извѣстно. Знаменитый Міонне [4] описывая Каллатійскія монеты, упоминаетъ только о монетахъ императоровъ и императрицъ: Марка-Аврелія, Фавстины-младшей, Луциллы, Септимія-Севера, Юліи-Домны, Каракаллы, Геты, Елагабала, Севера-Александра, Гордіана, Филиппа-старшаго, Отацциллы и Филиппа-младшаго. Монета сія найдена на островѣ Левки или Фидониси.

г. МАРКІАНОПОЛЯ.

Л. ΑΥ·ΚΑΙ·Λ·ΑΥΡΗ·ΚΟΜΟΔΟϹ. Грудное изображеніе Коммода безъ вѣнка, вправо. **О.** ΜΑΡΚΙΑΝΟΠΟΛΕΙΤΩΝ. Стоящія вмѣстѣ три Граціи. (*ф. 7*). Изъ каб. Общества. М. 6.

Отыскана на островѣ Фидониси.

Царей Понта и Воспора Киммерійскаго.

САВРОМАТА II.

Л. . . . . . ΟΥ·ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ. Лавровый вѣнокъ положенный на курульномъ креслѣ; по сторонамъ его: круглый щитъ съ копьемъ и слоновый жезлъ съ бюстомъ на верху. **О.** Голова императора Тиберія, въ вѣнкѣ, обращена вправо. По сторонамъ буквы М и Н. (*ф. 8*). Изъ каб. моего. М. 7.

Л.... ΒΕΦΙΟΥ·ΙΟΥΛΙΟΥ·ΒΑΣΙΛΕΩϹ·ΣΑΥΡΟΜΑΤΟΥ (такъ). Вѣнокъ на курульномъ креслѣ; по сторонамъ его: щитъ съ копьемъ и жезлъ съ бюстомъ. **О.** Головы царя Савромата II и императора Тиберія обращенныя лицемъ къ лицу. (*ф. 9*). Внизу М и Н. Изъ каб. моего. М. 8.

Л. . . . . ΙΟΥΛΙΟΣ·ΒΑΣΙΛΕΥΣ·ΣΑΥΡΟΜ... Савроматъ, обращенный лицемъ вправо, сидитъ на курульномъ креслѣ и держитъ лѣвою рукою жезлъ, а правую положилъ на колѣно. **О.** Головы Савромата и Тиберія

[3] Choix de médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia. Planche IV, fig. 1-13.

[4] Description de médailles antiques greques et romaines. Suppl. II, 56-64.

обращенныя лицемъ къ лицу. Внизу М. Н. (*ф. 10*). Изъ каб. Общества. М. 8.

Л. . . . ЮΥΛΙΟΥ·ΒΑCΙΛЄΟC·CΑΥ.... Голова Савромата, съ распущенными по плечамъ волосами, обращена влѣво. **О.** Среди двухъ зубчатыхъ башень ворота въ стѣнѣ. Подлѣ воротъ вѣтвистое древо, у котораго стоитъ связанный плѣнникъ. Внизу буквы М. Н. (*ф. 11*). Изъ каб. Общества М. 8.

КОТИСА II.

Л. ΒΑCΙΛЄΩC·ΚΟΤΥΟC. Голова юнаго Котиса обращена вправо. Впереди, на полѣ — трезубецъ, позади — дубинка. **О.** Побѣда, идя влѣво, держитъ въ правой рукѣ вѣнокъ, а въ лѣвой пальму. По сторонамъ М. Н. (*ф. 12*). Изъ каб. Общества. М. 7.

РИМИТАЛКА.

Л. ΒΑCΙΛЄΩC·ΡΟΙΜΗΤΑΛΚΟΥ. Голова Римиталка вправо; впереди трезубецъ. **О.** Побѣда съ вѣнкомъ и пальмою. По бокамъ М. Н. (*ф. 13*) Изъ каб. моего. М. 7.

РИСКУПОРИСА IV.

Л. ΒΑCΙΛЄΩC·ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC. Поясное изображеніе молодаго Рискупориса, вправо. **О.** Голова императора Каракаллы въ вѣнкѣ, вправо. Впереди трезубецъ, внизу ΘΦ (509). (*ф. 14*). Изъ каб. моего. Э. 4.

Въ моемъ собраніи Воспорскихъ монетъ, заключающемъ до 30 однихъ золотыхъ и электроновыхъ, находятся монеты Рискупориса IV, кажется, малоизвѣстныя нумизматамъ, со слѣдующими годами Воспорской эры: 1) ΙΦ (510), съ трезубцемъ впереди. 2) ΙΦ (510). На этой монетѣ Рискупорисъ IV изображенъ съ небольшими усами, но безъ бороды. На оборотѣ, предъ императорскимъ изображеніемъ находится птица. 3) ΑΙΦ (511), почти серебряная; на оборотѣ на полѣ — птица. 4) ΒΙΦ (512), предъ изображеніемъ Каракаллы — звѣздочка о 8 лучахъ. 5) ΓΙΦ (513), на полѣ — звѣздочка о 6 лучахъ[8].

Л. ΒΑCΙΛЄΩC·ΡΗCΚΟΥΠΟΡΙΔΟC. Голова молодаго Рискупориса обращена вправо; на полѣ впереди трезубецъ. **О.** Голова императора Елагабала въ вѣнкѣ, вправо. Внизу ZΙΦ (517). (*ф. 15*). Изъ каб. моего. З. 4½

Монета сія, вмѣстѣ съ золотою монетою Савромата IV, ΘΠV (489) года, найдена въ курганахъ составляющихъ слѣды Ѣллинскаго Нимфеона. Въ кабинетѣ моемъ имѣется еще Рискупорисова монета, электроновая, съ означеніемъ ΘΙΦ (519) года.

Г. АМАСТРИСА.

Л.... CЄΠ·ΓЄΤΑC. Грудное изображеніе юнаго Геты, вправо. **О.** ΑΜΑCΤΡΙΑ . . . Звѣроловствующая Діана, въ короткой туникѣ, бѣжитъ вправо; правая рука ея протянута къ колчану, а лѣвая держитъ за рога бѣгущаго оленя. (*ф. 16*). Изъ каб. Общества. М. 4½.

Найдена на о. Фидониси.

Г. НИКОМИДІИ.

Л. ΦΟΥ·ΠΛΑΥΤΙΛΛΑ CЄΒΑCΤΗ. Грудное изображеніе императрицы Плавтиллы, вправо. **О.** Среди вѣнка надпись въ пять строкъ:

[8] Description de médailles, Suppl. IV, 526, 527, NN° 225, 236.

NЄIKOMHΔЄΩN·ΔIC·NЄΩKOPΩN. (*ф. 17*). Изъ каб. Общества. М. 4½.

Найдена на о. Фидониси.

г. ПЕРГАМА.

Л. AV·KAI·M·AVPH·KOMOΔOC. Грудное изображеніе императора Коммода въ вѣнкѣ, вправо. **О.** KOI·ΠЄPΓAMHNΩN·KAI·ЄΦЄ-CIΩN·ЄΠI·CTPΠI. Зевсъ, сидящій и обращенный влѣво, держитъ правою рукою изображеніе Ефесской Діаны, а лѣвою жезлъ. Возлѣ Діаны извивающаяся змѣя. (*ф. 18*). Изъ каб. Общества. М. 8.

Найдена на о. Фидониси.

г. МИТИЛЕНА НА О. ЛЕСБОСѢ.

Л. AVT·K·Π·AIK·OVAΛЄPIANOC. Грудное изображеніе императора Валеріана старшаго въ вѣнкѣ, со щитомъ и копьемъ въ рукѣ, обращено влѣво. **О.** ЄΠI·C·BAΛ. APICTOMAXOY·MVTIΛHNAIΩN. Женщина одѣтая въ «стòлу», съ зубчатою короною на головѣ, обратясь влѣво къ жертвеннику, держитъ правою рукою патеру, а лѣвою спеленанное дитя. Стоящая позади этой женщины Побѣда, правою рукою держитъ надъ головою вѣнокъ, а лѣвою пальмовую вѣтвь. (*ф. 19*). Изъ каб. Общества. М. 9.

Найдена на о. Фидониси. Въ описаніи Міонне[6], имѣется другой варіантъ этой монеты.

[6] Suppl. VI. 77. № 146.

II. МОНЕТЫ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

НЕИЗВѢСТНАГО ИМПЕРАТОРА.

Л. . IXΠA·ΠCNVTZШIX (такъ). Лице императора въ вѣнкѣ, обращено вправо. **О.** AVOΛШCШZAIM·ONЄШI (такъ, но навыворотъ—bustrophedon). Подобіе Паллады обращенной влѣво; возлѣ нея большой щитъ и копье. (*ф. 20*). Принадл. Д. М. Княжевичу. З. 4½.

Трудно опредѣлить какому народу или императору принадлежитъ эта монета. Судя по золоту и типу, ее можно отнести къ періоду раздѣленія Римской имперіи, когда изъ составныхъ частей ея образовались разныя новыя государства. Монеты нѣсколько сходныя съ описываемою, были: у Визиготѳовъ въ VII вѣкѣ и у Лонгобардовъ въ VII и VIII вѣкахъ[7].

УРОША КРАЛЯ СЕРБСКАГО.

Л. $\overline{IC}\cdot\overline{XC}\cdot$ Господь Іисусъ Христосъ сѣдящій на престолѣ, правою рукою благословляетъ, а лѣвою держитъ на колѣнѣ книгу. **О.** RЄX ST..... VROSIVS. *Св.* Савва архіепископъ Сербскій, въ фелони, въ правой рукѣ держитъ Евангеліе, а лѣвою подаетъ стоящему вблизи его королю Урошу[8] хоругвь. (*ф. 21*). Изъ каб. моего. С. 4½.

Совершенное сходство сей монеты съ Венеціянскими XI, XII и XIII вѣковъ, заставляло меня ошибочно относить ее къ разряду денегъ этой славной республики. Но долговременное

[7] Numismatique du moyen-âge, par *I. Lelewel*. Paris, 1835. I, 9-15. pl. I, 20, 22.

[8] Родоначальникъ Сербскихъ королей изъ дому Немана.

изучени буквъ, которыя, какъ и на Венеціянскихъ монетахъ, Латинскія, наконецъ разобранное имя VROSIVS убѣдили меня въ Сербскомъ происхожденіи этой монеты. По Раичу[9], Урошъ царствовалъ съ 1237 по 1270 годъ. Доселѣ изъ Урошевыхъ монетъ была описана всего-на-все одна[10]; теперь открывается вторая. Когда нумисматы, имѣющіе у себя коллекцію Венеціянскихъ монетъ, тщательно пересмотрятъ ихъ по одиначкѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что откроютъ и другія Сербскія монеты, подобно какъ между Византійскими нашелъ я нижеслѣдующую:

МИХАИЛА II, ЦАРЯ БОЛГАРСКАГО.

Л. $\overline{\text{IC}}\cdot\overline{\text{XC}}\cdot$ Господь Іисусъ Христосъ сидящій на престолѣ, правою рукою благословляетъ, лѣвою держитъ книгу. *О.* $\overline{\text{ЦРЬ}}.\ \overline{\text{МХ}}.$ Царь Михаилъ въ богатомъ Византійскомъ далматикѣ, сидя на конѣ, ѣдетъ вправо. Въ правой рукѣ держитъ крестообразный скипетръ. (*ф.* 22). Принадл. Д. М. Княжевичу.

С. 5.

Между Болгарскими царями извѣстно два Михаила[11]. Первый царствовалъ съ 842 по 867 годъ и извѣстенъ принятіемъ въ 842 году отъ Грековъ христіанства. Другой, по порядку XXXVII государь, царствовалъ съ 1245 по 1257 годъ. Описываемую здѣсь монету я отношу къ сему послѣднему, такъ-какъ она имѣетъ общій типъ съ Византійскими нумисмами того времени. Это уже третья Болгарская монета. Первыя двѣ, Святослава и Іоанна Страшиміра, съ недавняго времени сдѣлались извѣстными[12].

---

[9] Его «Исторіа разныхъ Славенскихъ народовъ наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ изъ тмы забвенія изятая и во свѣтъ историческій произведенная». Будинъ, 1823. II, 473-497.

[10] *М. Светичемъ*, въ «Сербскомъ лѣтописѣ, за годъ 1826». Будимъ. V, 191, изобр. 2.

[11] Исторія архимандрита Іоанна *Раича*, I, 461-555.

[12] Святославова монета въ первый разъ описана и по ошибкѣ отнесена къ Кіевскому великому князю Святославу II Ярославичу въ «Обозрѣніи Русскихъ денегъ и иностранныхъ монетъ, употреблявшихся въ Россіи съ древнихъ временъ», соч. барона *С. де Шодуара*, СПБ. 1838. I, 113. Во второй разъ исправнѣе — въ «Денницѣ ново-Болгарскаго просвѣщенія». Одесса. 1841, стр. 85. Іоанна Страшиміра — въ этомъ же сочиненіи.

Н. МУРЗАКЕВИЧЪ.

ч. о. о.

ОСТАТКИ ХРИСТІАНСКИХЪ ДРЕВНОСТЕЙ ВЪ КРЫМУ.

УѢЗДЪ ѲЕОДОСІЙСКІЙ[1].

I. Въ городѣ Ѳеодосіи.

1) Церковь во имя святителя и чудотворца Николая, вышиною 3 саж. $1^1/_4$ арш. шириною 6 саж. 2 арш., длиною 7 саж. $1^1/_2$ арш.

Ни строители, ни время построенія сей церкви не извѣстны. Богослуженіе въ ней продолжалось еще нѣсколько лѣтъ и по выходѣ Грековъ изъ города въ Екатеринославскую губернію, но потомъ за недостаткомъ духовенства прекратилось; а самая церковь въ послѣдствіи, по распоряженію городскаго начальства, обращена была въ магазинъ для складки казеннаго фуража и провіанта.

Мыслью въ Бозѣ почившаго Императора Александра I было устроить въ Ѳеодосіи Соборную Церковь во имя благовѣрнаго князя Александра-Невскаго, съ двумя по сторонамъ придѣлами, во имя святителя и чудотворца Николая и преподобнаго Ѳеодосія, на мѣстѣ древней Турецкой огромнаго размѣра мечети; почему до перестройки оной и открыто было съ разрѣшенія епархіальнаго начальства Соборнымъ духовенствомъ Богослуженіе съ 22 ч. Марта 1808 года въ одномъ изъ ея придѣловъ. Оно продолжалось тутъ до 19 ч. 1811, когда по случаю приступа къ перестройкѣ мечети, святый антиминсъ, по распоряженію Екатеринославской духовной консисторіи, перенесенъ былъ для храненія въ Ѳеодосійскую Греческую Введенскую церковь, съ-тѣмъ-чтобы Соборные священно и церковнослужители отправляли въ ней для русскихъ прихожанъ Богослуженіе вмѣстѣ съ Греческимъ духовенствомъ. Но по встрѣченнымъ особеннымъ неудобствамъ, бывшій Ѳеодосійскій градоначальникъ Броневскій, основываясь на донесеніи къ нему протоіерея Славинскаго, испросилъ у преосвященнаго Платона, архіепископа Екатеринославскаго разрѣшеніе, перевести Богослуженіе Соборнаго духовенства навсегда въ древнюю Николаевскую церковь, что и исполнено въ томъ-же году, по надлежащемъ приготовленіи. Святый антиминсъ перенесенъ туда и Богослуженіе начато 23 ч. Декабря. Съ того времени Николаевская церковь получила наименованіе Соборной Александро-Невской. Г. Броневскій пристроилъ къ ней на свое иждивеніе съ трехъ сторонъ притворы съ навѣсами и надъ притворомъ западной стороны деревянную колокольню, а Ѳеодосійскій купецъ Иванъ Веребрюсовъ, въ бытность свою старостою, поднялъ полъ

[1] Описаніе христіанскихъ древностей въ прочихъ уѣздахъ помѣщено будетъ въ сдѣдующихъ томахъ Записокъ.

на два аршина, ибо прежде, входя во внутренность надлежало спускаться нѣсколько ступеней. Особенныхъ древностей въ ней никакихъ нѣтъ.

2) Церковь «Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы», вся каменная, вышиною 6 саж., шириною 2 саж. $^1/_4$ арш., длиною 9 саж.

О построеніи ея также ничего не извѣстно. Иконостасъ въ ней старинной Греческой живописи. По узости своей, входа въ алтарь съ южной стороны не имѣетъ, а только царскія врата и боковую сѣверную дверь. Престолъ покоится на четырехъ каменныхъ столбахъ съ мраморною сверху доскою (шириною 15 верш., длиною 1 арш. 8 вершковъ, толщиною 3 вершка). Изъ древностей замѣчательны въ ней: а) напрестольное Греческое евангеліе, печатанное въ Венеціи 1614 года; б) двѣ стоящія за престоломъ рипиды, серебряныя съ позолотою внутри изображенныхъ ангеловъ, но безъ ручекъ, которыя придѣланы деревянныя, и в) висящее посрединѣ паникадило изъ чистаго серебра, отличнаго чекана, о 13 стаканчикахъ для елея. По словамъ старожиловъ оно поступило изъ «Варваринской церкви», о которой говорено будетъ ниже (14)[2]. Съ сѣверной стороны церкви, въ разстояніи 4 аршинъ, противъ жертвенника есть колодецъ чистой, нѣсколько солоноватой воды.

3) Монастырь во имя «св. великомученика Георгія», каменный при подошвѣ горы съ западной стороны, вышиною 2 саж. 2 арш., шириною 3 саж. 2 арш., длиною 3 саж.

Построенъ въ 1452 году и находится нынѣ во владѣніи Армянъ, по какимъ-то, какъ расказываютъ старожилы, денежнымъ сдѣлкамъ. Въ немъ замѣчательны: древняя икона св. великомученика Георгія шириною $1^1/_4$, длиною $1^1/_2$ арш. (съ Греческою надписью: ὁ ἅγιος Γεώργιος и икона Ангела-хранителя на сѣверной сторонѣ, съ русскою надписью: «Святый ангелъ-хранитель, хранитъ входъ церковный, поражаетъ и прогоняетъ враговъ крестомъ Христовымъ, претитъ-же и вѣрнымъ безъ страха входящимъ въ церковь Божію; печалуется и плачется и сатану пламеннымъ оружіемъ прогоняетъ даже до ада». При монастырѣ находится отдѣленное каменною стѣною мѣсто съ большими дверьми и двумя по сторонамъ внутрь монастыря окнами. Во время Богослуженія стоятъ въ немъ женщины. Вышину и ширину имѣетъ равную монастырю, а длину 3 саж. и 2 аршина. Кромѣ-того съ сѣверной стороны находится небольшая ризница. Входъ съ южной стороны. Монастырь обнесенъ вокругъ каменною оградою[3].

4) Церковь во имя «св. великомученика

[2] Въ 1825 году съ дозволенія епархіяльнаго начальства, выстроена при ней изъ бѣлаго камня новѣйшей архитектуры колокольня, приведенная къ окончанію въ 1829 году.

[3] Въ этой оградѣ погребаютъ Армяне умершихъ. Въ восточномъ углу ея сдѣланъ въ недавнее время фонтанъ. — Еженедѣльно по субботамъ производится здѣсь служба, по Армянскому обряду.

Димитрія», внутри карантина, вышиною 2 саж. 1¼ арш., шириною 2 саж. ¼ арш., длиною 4 саж. 1 арш.

О началѣ ея нѣтъ свѣдѣній. Она сложена изъ большаго пильнаго камня весьма прочно. Съ восточной и западной стороны имѣетъ по одному небольшому окну, съ сѣверной два; входъ съ запада. По выселеніи Грековъ осталась праздною. Нынѣ содержатся въ ней карантинные арестанты.

5) Церковь во имя «Благовѣщенія», тамъже, вышиною въ 3 саж. 1 арш., шириною 3 саж. ¼ арш., длиною 5 саж.

О сооруженіи ея нѣтъ никакихъ преданій. Внутри на стѣнахъ находятся съ правой стороны изображеніе пророка Іоны, держащаго въ правой рукѣ слѣдующую надпись: Ἐβόησα ἐν θλίψει μου πρὸς Κύριον τὸν Θεόν μου, καὶ εἰσήκουσέ μου. Съ лѣвой св. пророка Аввакума съ надписью: Κύριε εἰσακήκοα τὴν ἀκοήν σου, καὶ ἐφοβήθην. Въ алтарѣ по отбитіи штукатурки открылись иконы Божіей-Матери и Архангела Гавріила, благовѣствующаго о зачатіи Спасителя, изъ чего заключать должно, что и вся церковь украшена была иконами. Стѣны и сводъ построены изъ бѣлаго пильнаго камня и имѣютъ величественную архитектуру. Входъ съ запада. Въ–послѣдствіи она обращена подъ помѣщеніе мореплавателей, выдерживающихъ карантинный срокъ. Съ сѣвера въ трехъ саженяхъ находится фонтанъ, проведенный съ ближайшей горы: вода чистая, сладкая и къ употребленію здоровая.

6) Церковь во имя «св. великомученика Георгія», тамъ-же, вышиною 3 саж. 2 арш., шириною 2 саж. ¾ арш., длиною 4 саж. 2½ арш.

Свѣдѣній о ней, кромѣ того, что осталась праздною послѣ вышедшихъ отсюда Грековъ, никакихъ не имѣется. Обращена въ магазинъ для храненія вещей и инструментовъ, карантину принадлежащихъ.

7) Молитвенный домъ во имя «св. пророка Иліи», при Двуякорной-Бухтѣ, на утесистой вершинѣ горы, вышиною 1 саж. 2 арш., шириною 2 сажени, длиною 4 саж. 1¼ арш.

Собственно бывшая здѣсь древняя церковь, оставленная Греками, уже болѣе не существуетъ; а на мѣстѣ ея выстроена, съ разрѣшенія покойнаго архіепископа Екатеринославскаго Іова, въ 1816 году Анатольскими Греками, на собственное иждивеніе, небольшая церквица или лучше сказать молитвенный домъ. Богослуженіе въ немъ бываетъ, только однажды въ годъ 20 Іюля, когда при значительномъ стеченіи народа, отправляется молебенъ съ водосвятіемъ и крестнымъ ходомъ вокругъ.

8) Церковь во имя «св. великомученика Ѳеодора Стратилата», каменная, въ 300 саженяхъ отъ города къ югу на скатѣ горы. Шириною 2 саж. 1½ арш., длиною 4 саж. Вышины опредѣлить уже не возможно, потому-что стѣны большею частію разрушились. Достопримѣчательностей никакихъ нѣтъ.

Сверхъ–того, по увѣренію старожиловъ,

въ Ѳеодосіи, имѣвшей нѣкогда до 30,000 жителей, были и еще многіе Богослужебные храмы, которыхъ и слѣдовъ почти не сохранилось, ибо и самые фундаменты большею частью разобраны на другія зданія, а мѣста отчасти застроены частными домами. Всѣ они разрушены наиболѣе Турками во время войны. Скажемъ здѣсь о тѣхъ изъ церквей, о коихъ память живетъ еще въ народѣ.

9) Во имя «преображенія Господня», большая съ однимъ куполомъ, внутри города.

10) Во имя «св. великомученицы Варвары», отъ вышесказанной въ правую сторону на югъ, въ разстояніи не болѣе 200 саж.

11) Соборная во имя «сошествія св. Духа», трехглавая, во 150 саженяхъ отъ предъидущей, на западъ.

12) Во имя «св. великомученика Димитрія», въ 200 саженяхъ отъ Соборной, къ подошвѣ горы.

13) Древняя Соборная, огромнаго размѣра, во имя «св. великомученика Георгія».

14) Во имя св великомученицы Варвары, отъ предъидущей на сѣверъ, въ разстояніи не болѣе 30 саженей. Отсюда серебряное паникадило, какъ сказано выше, перенесено въ «Введенскую» церковь

15) Во имя «св. великомученика Георгія», отъ Соборной того-же имени не болѣе версты, на самомъ возвышенномъ хребтѣ горы.

16) Во имя «успенія св. Анны», отъ карантина на югъ, около древнихъ башенъ на небольшомъ ровномъ мѣстѣ. Слѣды замѣтны и понынѣ.

17) Во имя «усѣкновенія честныя главы Іоанна-Предтечи», въ срединѣ Двуякорной-Бухты на холмистомъ мысѣ. Слѣды тоже еще замѣтны.

II. Въ городѣ Керчи.

18) Церковь во имя «усѣкновенія честныя главы Іоанна-Предтечи», каменная, на берегу Чернаго-Моря, вышиною 7 саж., шириною 3 саж. 1 арш., длиною 6 саж.

Самая древнѣйшая въ Крыму; находится въ развалившейся и едва замѣтной по рву крѣпости. Престолъ укрѣпленъ на четырехъ мраморныхъ столбахъ; верхняя доска изъ дикаго сѣраго камня. Иконостасъ орѣховаго дерева съ отличною рѣзбою, позолотою и древнею живописью. По срединѣ церкви четыре мраморныхъ столпа, въ окружности каждый въ 6 четвертей. Вышина ихъ отъ полу 4 аршина, сколько-же въ укрѣпленіи и фундаментѣ неизвѣстно; причемъ надобно замѣтить, что полъ поднятъ вверхъ болѣе 2 аршинъ, и весь выложенъ мраморомъ. Длина церкви въ 1801 году нѣсколько увеличена и придѣланы хоры. Достопримѣчательности: а) Греческіе евангеліе и апостолъ, писанные на пергаминѣ; б) иконы Божіей-Матери и Іоанна-Предтечи, Греческой живописи, столь древнія, что дерево начинаетъ уже приходить въ истлѣніе, безъ надписей; в) Икона Вар-

вары великомученицы, писанная въ 1703 году; г) три литыхъ желтой мѣди подсвѣчника, вышиною въ $2^1/_4$ аршина и одинъ не болѣе аршина; д) того-же металла висячее паникадило съ 28 подсвѣчниками; е) внѣ церкви съ сѣверной стороны двѣ мраморныхъ доски съ надписями, первая: ΘΕΟΝΑΥΕ ΔΙΟΝΥΣΙΟΥ ΑΜΑΣΤΡΙΑΝΕ ΧΑΙΡΕ, вторая: ΠΟΠΛΙΥΙΕ ΚΟΣΣΑ ΧΑΙΡΕ; ж) около западныхъ дверей въ разстояніи 3 саж. квадратный камень, на верху котораго видна какъ-бы человѣческая ступень. О немъ ходятъ въ народѣ разныя преданія.

III. Въ заштатномъ городѣ Старомъ-Крымѣ.

19) Церковь во имя «успенія Божіей-Матери», съ западной стороны города, у подошвы горы Агормышъ[4], вышиною въ 2 саж. 1 арш., шириною въ 2 саж., длиною въ 4 саж. 1 арш.

Преданій о ней никакихъ нѣтъ. Сводъ и стѣны большею частью уже обрушились.

20) Монастырь во имя «св. великомученика Георгія».

Онъ находился около каменистой вершины упомянутой выше горы Агормышъ. Теперь едва можно замѣтить слѣды его по нѣсколькимъ обросшимъ мхомъ камнямъ. Замѣчательно, что ежегодно 23 ч. Апрѣля бываетъ здѣсь большое стеченіе народа, въ томъ числѣ и Армянъ. Жители городскіе приносятъ сюда иконы, свѣчи и все нужное, и совершаютъ тутъ молебствіе великомученику Георгію съ водоосвященіемъ. Воду берутъ изъ источника находящагося отъ развалинъ саженяхъ въ 700[5].

IV. Въ разныхъ селеніяхъ и урочищахъ.

21) Противъ Болгарской колоніи Кишлавы[6], на западъ, у подошвы высокой горы, называемой Буркое, въ одномъ изъ обру-

[4] Здѣсь всѣ собственныя имена деревень и урочищъ поставлены тѣ, которыя употребительны въ народѣ. У *Кеппена* («Крымскій Сборникъ») гора эта названа «Агермы́шъ».

[5] Считаемъ не излишнимъ упомянуть и о новѣйшей развалинѣ, въ Старомъ-Крыму находящейся. Здѣсь, во время путешествія блаженной памяти Императрицы Екатерины II, выстроенъ былъ дворецъ, который въ послѣдствіи обращенъ въ монастырь, во имя «*Успенія Божіей матери*». Въ немъ имѣли пребываніе архипастыри, именовавшіеся *Ѳеодосійскими* и Маріупольскими, и именно: *Дороѳей*, скончавшійся въ 1787 году въ Таганрогѣ, *Моисей*, котораго жизнь прекращена рукою злодѣевъ, *Іовъ*, *Герасій* и *Христофоръ*. По переводѣ послѣдняго въ Харьковъ, преосвященныхъ здѣсь болѣе не было, а осталось одно приходское священническое мѣсто. Богослуженіе продолжалось до 27 Января 1825 года, когда церковь, вѣроятно отъ неосторожности церковнослужителей, сгорѣла и нынѣ лежитъ въ развалинахъ. Въ саду при ней находится памятникъ, въ видѣ пирамиды (вышиною 4 арш., длиною $2^1/_2$), поставленный погребенному тутъ двухлѣтнему сыну генерала Панчулидзева, а за оградою другой подобный-же (вышиною $2^1/_4$, шириною $1^3/_4$, длиною 2 аршина), воздвигнутый надъ прахомъ Донскаго козачьяго войска полковника Чикалева. Съ сѣверной стороны монастырь имѣетъ небольшіе жилые домики, занимаемые священно и церковнослужителями: въ угольномъ въ праздничные и воскресные дни отправляется Богослуженіе, кромѣ литургіи. Надъ воротами въ ограду поставлена икона, перенесенная изъ разрушившейся древней армянской церкви, которой остатки видны при въѣздѣ въ городъ съ сѣверной стороны. На иконѣ есть надпись, рукою времени до того изглаженная, что разобрать нѣтъ никакой возможности.

[6] У *Кеппена* Кышла́въ.

шившихся съ вершины ея огромнѣйшихъ камней, находится высѣченная руками человѣческими пещера, вышиною 1 саж. $1^3/_4$ арш., шириною 2 саж. $1^1/_2$ арш. и длиною 5 саженъ. Посрединѣ ея лежитъ дикій обсѣченный на подобіе жертвенника камень, безъ надписей. Входъ въ пещеру съ запада. Вблизи протекаетъ извивистый ручей и орошаетъ плодоносную долину, съ юга и сѣвера заключенную горами. Не подалеку лѣсъ, наполненный плодовитыми деревьями. Все это заставляетъ думать, что пещера сія служила жилищемъ какому-нибудь отшельнику.

22) При деревнѣ Топлу, помѣщицы Зотовой, близъ небольшаго пруда, выходящаго изъ горъ видны слѣды фундамента. Жители удостовѣряютъ, что здѣсь стояла древняя Греческая церковь во имя «св. Преподобно-мученицы Параскевы».

23) Оттуда на востокъ въ 300 саженяхъ на небольшомъ курганѣ находится того-же наименованія древняя каменная церковь, вышиною 3 саж, шириною 2 саж. $^3/_4$ арш., длиною 5 саж. 2 аршина.

Время сооруженія неизвѣстно. Богослуженіе прекратилось еще по случаю войнъ съ Турками. Для удобнѣйшаго всхода на курганъ, выложена изъ плитъ бѣлаго камня тропинка. Входъ съ запада, гдѣ едва замѣтна какая-то въ давнее время существовавшая надпись, по видимому Армянская. Надъ дверями икона Пресвятыя Богородицы. Внутри, при алтарномъ полукружіи справа то-же икона Богоматери, а слѣва ангела, но какого именно, опредѣлить нельзя[7].

24) При деревнѣ Арталанѣ[8], помѣщика Зотова, есть Греческая каменная церковь, во имя «св. пророка Иліи», вышиною 2 саж. 1 арш., шириною 2, длиною 4 саж.

Она не принадлежитъ собственно къ древнимъ, ибо построена только въ 1740 году.

25) При этой-же деревнѣ была другая каменная, несравненно древнѣйшая церковь, во имя «св. преподобно-мученицы Параскевы». Она разрушена во время войны, и теперь едва замѣтны слѣды.

26) При Татарской деревнѣ Чилмалакъ есть нѣкоторые признаки бывшей здѣсь древней Греческой церкви во имя «св. великомученика Георгія», разрушенной, по увѣренію Татаръ, около ста лѣтъ.

27) Равнымъ-образомъ при деревнѣ Шелинъ[9] есть остатки древней Греческой церкви. Жители Татары не знаютъ ни ея наименованія, ни причины разрушенія. По увѣ-

---

[7] Отъ сей церкви на югъ въ разстояніи около двухъ верстъ при вершинѣ горы, называемой Татарами Пичокракъ, весьма крутой и поросшей густымъ лѣсомъ, есть источникъ, котораго водѣ издревле приписывается врачующая сила отъ разныхъ болѣзней. По-этому ежегодно 26 ч. Іюля въ день преподобно-мученицы Параскевы, собирается сюда изъ окрестныхъ городовъ и селеній большое стеченіе народа, иногда до 1.500 человѣкъ, для отправленія въ честь святой молебновъ съ водоосвященіемъ, что продолжается отъ восхода солнечнаго до 2 часовъ по полудни. По окончаніи молебствія почерпаютъ воду въ сосуды и берутъ для храненія по домамъ.

[8] У *Кеппена* Орталáнъ.

[9] У *Кеппена* Шéлень.

ренію ихъ, они при поселеніи своемъ застали ее уже въ такомъ положеніи.

28—29) При Татарской деревнѣ Капсухоръ[10] были два древнихъ Греческихъ монастыря, во имя «св. пророка Иліи». Теперь и слѣдовъ ихъ не видно. По близости одного сдѣланъ изъ текущаго съ горъ источника фонтанъ, изобилующій чистою и здоровою водою.

30) Въ имѣніи княгини Голицыной, въ крутизнахъ Южнаго-Берега есть признаки существованія бывшей тутъ древней Греческой церкви во имя «преподобнаго Саввы», оставленной Греками при ихъ выселеніи.

31) Въ Судакѣ, въ крѣпости, самою природою на берегу Чернаго-Моря воздвигнутой, почти на самой утесистой вершинѣ горы, находится церковь «св. апостола и евангелиста Матѳея», обращенная по завоеваніи Крыма изъ древней Турецкой мечети. Размѣры ея слѣдующіе: высота 7 саж., ширина 4 саж, длина 5 саж. 2 аршина[11]. Въ церкви ничего замѣчательнаго нѣтъ, но въ окружающей ее крѣпости встрѣчаются по мѣстамъ надписи, по видимому Генуэзскія, однако-же разобрать ихъ не возможно.

32) Въ той-же крѣпости была другая древняя Греческая церковь изъ камня, во имя «св. Іоанна-Златоустаго». Отъ ней замѣтны еще нѣкоторые остатки.

33) На западъ отъ крѣпости въ 300 саженяхъ есть Греческая каменная церковь во имя «св. преподобно-мученицы Параскевы», вышиною 2 саж. $1^1/_4$ арш, шириною 1 саж. 1 арш., длиною 2 саж. 1 арш. Живущими по близости Нѣмецкими колонистами лютеранскаго исповѣданія, она болѣе 40 лѣтъ назадъ возобновлена и обращена въ кирху.

34) Съ юго-западной стороны крѣпости, за рвомъ, у подошвы горы есть каменная древняя церковь, во имя «св. пророка Иліи», вышиною 2 саж. $1^3/_4$ арш., шириною 1 саж. 1 арш., длиною 2 саж. 1 арш. Она осталась послѣ выхода Грековъ и уже обрушивается. Замѣтно, что стѣны въ свое время были расписаны иконами; но надписей и другихъ достопримѣчательностей никакихъ нѣтъ.

35) Около берега Судацкаго-Лимана[12], при подошвѣ горы Соколъ замѣтны остатки древняго Греческаго каменнаго монастыря во имя «св великомученика Георгія», разрушеннаго во время Турецкой войны. Всходъ къ нему чрезвычайно затруднителенъ и доступенъ только для пѣшихъ: нѣсколько разъ надобно опускаться въ пропасти и под-

---

[10] У *Кеппена* Капсхоръ.

[11] По отдаленности жилищъ и трудности всхода на гору Богослуженіе въ ней прекращено и перенесено во вновь выстроенную посреди Судацкой долины церковь во имя «Покрова-Богородицы.»

[12] «Судакъ-Лиманъ», такъ Татары называютъ небольшой заливъ, находящійся, съ юговосточной стороны Судака, между горою Кушъ-Кая (Соколъ-гора тожь) и мысомъ Судакъ-Лиманъ-Бурунъ, выдавшимся въ море отъ скалы Чикенынъ-Каясы (Караулъ-Оба тожь). На картѣ Чернаго-Моря, изданной при гидрографическомъ депо, въ 1829 г., онъ названъ: «Губа Чикенкая». Берегъ этого лимана, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ получилъ названіе: «Новаго-Свѣта». *Кеппена* Указатель къ картѣ Южнаго Крыма. Стр. 57.

ниматься на крутизны, встрѣчая на каждомъ шагу тысячи препятствій. Съ южной стороны храма, изъ разсѣлины камня истекаетъ ручей чистой воды.

36) Въ Судацкой долинѣ была древняя церковь, во имя «св. великомученика Георгія», оставленная при переселеніи Греками. Теперь и слѣдовъ ея не замѣтно. На мѣстѣ гдѣ она стояла выстроенъ домъ и разведенъ виноградникъ. Увѣряютъ, что при рытіи подъ домъ фундамента, находили истлѣвшія священническія одежды, какъ-то ризы, епитрахили, и проч.

37) Въ той-же долинѣ надъ садами, принадлежащими казнѣ, вверхъ по хребту горы Ачекларъ[13], существовалъ древній Греческій монастырь, изъ камня сооруженный, во имя «св. великомученика Георгія». По выходѣ отсюда Грековъ мѣсто опустѣло, а сводъ и стѣны обрушились, такъ-что видны однѣ развалины. Надписей нигдѣ никакихъ не замѣтно.

38—40) При деревнѣ Токлу́къ, помѣщика Спайдаки, были три древніе греческіе храма: одинъ во имя «св. пророка Иліи», другой во имя «св. великомученика Георгія», а третьему ни жители Татары, ни самъ помѣщикъ наименованія не припомнятъ, ибо переселясь сюда нашли уже одни развалины.

41—42) Въ 7 верстахъ отъ означенной деревни, во глубинѣ лѣса, принадлежащаго также г. Спайдаки, видны фундаменты и нѣсколько разбросанныхъ камней, оставшихся послѣ двухъ древнихъ греческихъ монастырей. Одинъ изъ нихъ былъ во имя «св. Іоанна-Златоустаго». Съ южной стороны его находится источникъ. Другаго, стоявшаго не подалеку, наименованіе неизвѣстно. Лѣсъ ихъ окружающій въ прежнее время принадлежалъ монастырямъ.

43) Въ Козской долинѣ при деревнѣ Ко́зъ, помѣщицы Александровой, существуетъ еще каменная церковь во имя «св. пророка» Иліи, вышиною 2 саж. $1^1/_2$ арш., шириною 2 сажени и длиною 4 саж. 1 арш. О построеніи ея ничего не извѣстно. Внутри находится древній изъ трехъ бѣлыхъ камней сложенный престолъ. Преданіе говоритъ, что въ этой церкви, во время Богослуженія, былъ убитъ священникъ, Татарами, разъяренными при полученіи извѣстія о взятіи Русскими Кефы.

44) При той-же деревни между садами помѣщиковъ князя Херхеулидзева, поручика Цирули и армянина Агажанова былъ храмъ во имя «св. великомученика Георгія», разрушенный во время войны. Слабые признаки едва подтверждаютъ преданія о томъ.

45) При той-же деревнѣ у подошвы горы, называемой Татарами Ильтигенъ[14] къ сѣверу отъ виноградаго сада помѣщика Цирули была древняя церковь во имя «успенія пресвятыя Богородицы». Она осталась

[13] У *Кеппена* Ачикла́ръ.

[14] Этого названія у *Кеппена* не находится.

послѣ выхода Грековъ, и теперь до основанія разрушена.

46) Въ имѣніи умершаго полковника Чевати, на горѣ Кизильташъ[15], покрытой густымъ лѣсомъ, былъ древній Греческій монастырь во имя «усѣкновенія честныя главы Іоанна-Предтечи». Онъ не великъ и высѣченъ въ сѣромъ камнѣ. Вышина 1 саж. $1^1/_2$ арш., ширина 2 саж , длина 2 саж. $1^1/_2$ арш. Внутри протекаетъ источникъ, котораго вода почитается цѣлебною.

47) Въ имѣніи помѣщика генерала Бикорюкова, въ 5 верстахъ отъ деревни Отузъ, въ лѣсу былъ древній каменный монастырь во имя «успенія Божіей-Матери», но во время войны разрушенъ совершенно, такъ что едва остались слѣды.

48) Отъ деревни Отузъ къ морю, въ 3 верстахъ, на казенной землѣ видны развалины древней Греческой церкви во имя «св. великомученика Георгія» оставленной выселившимися Греками.

49) Въ 2 верстахъ отъ деревни Котибель[16] на западъ стояла Греческая церковь во имя «св. великомученика Георгія», которой видны еще развалины и даже замѣтна на стѣнѣ съ правой стороны посрединѣ надпись, но нѣтъ возможности ее разобрать. Близъ церкви есть источникъ, занесенный иломъ.

50) Не болѣе версты разстоянія отъ сей деревни при подошвѣ горы была, по разсказамъ, древняя церковь во имя «св. великомученика Димитрія», но отъ ней и слѣдовъ не осталось.

51) При деревнѣ Катерлезѣ въ 5 верстахъ отъ Керчи къ сѣверу на небольшомъ курганѣ стоялъ каменный монастырь, во имя «св. великомученика Георгія»; но во время войны разрушенъ, такъ-что и признаковъ не видно. Вблизи источникъ, который хотя и течетъ между солончаками, но воду имѣетъ чистую, сладкую и весьма здоровую.

52) Въ 3 верстахъ за Еникале на востокъ, на мѣстѣ, называемомъ Агіана, была огромная древняя Греческая церковь, во имя «св. Іоанна», какого точно неизвѣстно. По удаленіи Грековъ она разрушилась, а теперь нѣтъ и признаковъ.

ГАВРІИЛЪ, А. Х. и Т.

Д. Ч. О.

---

[15] У *Кеппена* Кызы́лъ-Ташъ.

[16] У *Кеппена*: Коктебе́ль.

ЦЕРКОВЬ СВ. ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ, ВЪ ХЕРСОНСКОЙ КРѢПОСТИ.

Между любопытными предметами Новороссійскаго-Края, которые усвояются исторіею какъ достопримѣчательность, храмъ св. Екатерины въ Херсонской крѣпости обращаетъ на себя особенное вниманіе: это памятникъ славнаго царствованія великой Екатерины. Онъ отличается отъ прочихъ храмовъ города и предмѣстій своею легкою изящною архитектурою, имѣетъ фигуру крестообразную и вѣнчается свѣтлымъ куполомъ. Заложенъ 30 Августа 1784 года. Съ западной стороны надъ колоннадою читаете примѣчательную надпись (бронзовыми, позолоченными буквами) «*Спасителю рода человѣческаго Екатерина II посвящаетъ*». Первымъ строителемъ его былъ И. А. Ганнибалъ.

Храмъ стоитъ на пространной площади, окруженной каменными зданіями, изъ коихъ лучшее есть арсеналъ. Не въ дальнемъ разстояніи за арсеналомъ находится скромное строеніе (всеразрушающее время уже показало на немъ слѣды свои), въ которомъ великая Монархиня, на пути въ Тавриду, имѣла пребываніе. Къ нему примыкаетъ небольшой садъ: тамъ всего драгоцѣннѣе большое абрикосовое дерево, посаженное Ея державною рукою. На немъ еще въ прошломъ году было много плодовъ.

Внутренность храма величественна, иконостасъ искусной кисти. Алтарь (одинъ) просторный и имѣетъ болѣе свѣту чѣмъ весь храмъ, что придаетъ особенную торжественность цѣлому. Со входа въ западныя двери, на правой сторонѣ у колонны, устроено императорское мѣсто: здѣсь стоитъ то кресло, которое было приготовлено для Государыни во время Ея здѣсь пребыванія.

Въ новопостроенный храмъ Государыня благоволила приказать кабинету выслать крестъ, евангеліе, и ризы. Опишемъ ихъ.

1) *Крестъ* золотой, украшенный камнями и жемчугомъ. Подъ распятіемъ Спасителя вырѣзана слѣдующая надпись: «Сей «животворящій крестъ Господень построенъ «повелѣніемъ великаго государя, царя и «великаго князя Ѳеодора Алексіевича всея «великія и малыя и бѣлыя Россіи самодерж- «на, въ соборъ нерукотвореннаго Спасова «образа, что у него великаго государя на «сѣняхъ, лѣта $\overline{\text{ЗРПЕ}}$ Марта въ $\overline{\text{Л}}$ день».— На другой сторонѣ креста, въ кружкахъ, начертаны имена святыхъ: «Іоанна-Предтечи, праведныя Анны, Василія-Великаго, архидіакона Стефана, пророка Даніила, Іоанна-Златоустаго, Дамаскина, Апостола Варнавы, Игнатія-Богоносца, царя Константина, Евстаѳія-Плакиды и великомученика Георгія».

2) Св. *евангеліе*, большаго формата, украшенное серебряными, позолоченными съ фи-

нифтью изображеніями евангелистовъ, «печатано повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексіевича, благословеніемъ-же въ духовномъ чинѣ отца его, богомольца, великаго господина святѣйшаго кѵръ-Адріана, архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, при царевичѣ Алексіѣ Петровичѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра ЗСЗ, отъ воплощенія-же по плоти Бога Слова АХЧИ, индикта З, мѣсяца Декемврія». — На внѣшнихъ краяхъ (ребрахъ) досокъ сего евангелія вырѣзана слѣдующая надпись: «Во славу тріипостаснаго Божества Отца и «Сына и Святаго Духа, при державѣ ве«ликаго государя, царя и великаго князя «Петра Алексіевича всея великія и малыя «и бѣлыя Россіи Самодержца, сіе святое «евангеліе въ новую церковь Спаса нерукотвореннаго образа, что у него великаго «государя на сѣняхъ, построено и дано по «великомъ государѣ, царѣ и великомъ «князѣ Ѳеодорѣ Алексіевичѣ всея великія «и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцѣ, по «его государевы супруги великіе государы«рыни, царицы и великія княгини Мароы «Матвѣевны въ вѣчное ее въ Господѣ помя«новеніе, въ лѣто ЗСИ Генваря въ « » «день, а серебра во святомъ евангеліи «вѣсу З фун. Д зол.»

3) *Ризы* священническія: фелонь съ эпитрахилью, свѣтлоголубыя, глазетовыя, съ украшеніями изъ блестокъ.

Сверхъ сихъ монаршихъ приношеній, во храмѣ имѣется св. *евангеліе*, меньшаго формата, съ серебряными украшеніями и надписью на первомъ листѣ слѣдующаго содержанія: «1748 года Октября 4 дня сіе «евангеліе сооружено славного войска Запорозскаго низоваго куреня Дядковскаго «значкового товарища Андрея Кичкена, коштомъ-же и стараніемъ его. — Во ономъ-же «евангеліи вѣсу сребра полнята фунта и «лотъ, а на позолоту вишло червонцевъ 8; «дѣлалъ-же штукъ-майстеръ Симеонъ зо«лотаръ въ Богоспасаемомъ городѣ Кіевѣ».

Колокольня стоитъ отъ храма отдѣльно и снабжена хорошимъ звономъ (12 колоколовъ, въ большомъ вѣсу 112 пудъ). Храмъ обнесенъ круглою оградою, внутри которой находятся слѣдующіе надгробные памятники. Съ правой стороны алтаря: 1) принцу Александру Виртембергскому съ надписями: съ южной стороны «Принцъ Александръ Виртембергскій», а съ сѣверной «праху во цвѣтѣ лѣтъ и въ добродѣтеляхъ скончавшагося героя»; на *западной* и восточной гербъ его. 2) Молдавскому князю Еммануилу Россети. Ближе къ алтарю — 3) инженеръ-полковнику Николаю Корсакову, съ стихами:

Здѣсь другъ отечества, почтенный мужъ Корсаковъ,
Къ жалѣнію сыновъ Россіи погребенъ,
Онъ строилъ городъ сей и осаждалъ Очаковъ,
Гдѣ бодрый духъ его отъ тѣла отлученъ!

Съ лѣвой стороны алтаря: 4) генералу отъ артиллеріи барону Ивану Ивановичу Меллеру-Закомельскому; 5) сыну его полков-

нику Меллеръ-Закомельскому. Съ правой стороны церкви: 6) генералъ-маіору князю Сергію Аѳанасьевичу Волхонскому; 7) принцу Нассау. Съ лѣвой стороны вблизи колокольни: 8) войска Донскаго полковнику Петру Дмитріевичу Мартыновичу[1]; рядомъ съ нимъ 9) бригадиру Ивану Петровичу Горичу; 10) генералъ-маіору Максимовичу и другимъ[2]. Большая часть погребенныхъ убита на Очаковскомъ штурмѣ, 6 Декабря 1788 года[3], откуда тѣла ихъ перевезены, и по распоряженію князя Потемкина-Таврическаго здѣсь погребены.

Для лучшаго усмотрѣнія прилагаются здѣсь планъ, фасадъ и прорѣзь описаннаго храма (*Рисунокъ VIII*).

[1] На памятникѣ Мартыновича есть тоже стихи съ заглавіемъ: «Гласъ здѣсь лежащаго мертвеца», но они по длинотѣ здѣсь не помѣщаются.

[2] По разсказамъ старожиловъ, тѣло свѣтлѣйшаго князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго покоится подъ церковнымъ поломъ по правую сторону отъ амвона. Въ полу была сдѣлана подъемная дверь чрезъ которую спускались въ сводъ, гдѣ стоялъ гробъ, а предъ нимъ св. икона съ горящею предъ нею лампадою. Съ давняго времени сходъ этотъ уничтоженъ.

[3] Кромѣ принца Виртембергскаго умершаго въ Галацѣ, Россети, скончавшагося въ Херсонѣ, Корсакова, умершаго 24 Августа 1788 во время осады Очакова, и барона Меллера-Закомельскаго (отца), раненаго смертельно при осадѣ Килійской крѣпости.

Херсонъ. 1841.

Ф. ЛЯЛИКОВЪ.

кор. о.

О НѢКОТОРЫХЪ ГОРОДКАХЪ И КУРГАНАХЪ ВЪ ДНѢПРОВСКОМЪ УѢЗДѢ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Таврической губерніи Днѣпровскаго уѣзда, въ разстояніи 7 верстъ отъ казеннаго селенія Каланчакъ, находится небольшое старинное укрѣпленіе, которое слыветъ у окрестныхъ жителей подъ именемъ «городка». Это укрѣпленіе занимаетъ пространство около десятины; ровъ, окружающій его, во многихъ мѣстахъ засыпанъ, въ другихъ-же и теперь еще имѣетъ около сажени глубины; на площади возвышается огромный земляной курганъ. По показанію окрестныхъ жителей, это укрѣпленіе носило у Татаръ имя «Кале-Кучукъ», отчего будтобы и самое селеніе получило названіе «Каланчакъ», или правильнѣе «Каленчикъ». Не хочу опровергать этого мнѣнія, можетъ быть имѣющаго свое основаніе, но соображаясь съ мѣстностью, думаю, что названіе

«Каланчакъ» можетъ имѣть и другой корень и именно въ общеупотребительномъ у насъ словѣ, заимствованномъ также у Татаръ: «каланча» — то-есть возвышенный пунктъ (зданіе или мѣсто), съ котораго можно дѣлать какія нибудь наблюденія. Къ этой мысли подаютъ мнѣ поводъ высокіе земляные курганы, идущіе отсюда въ прямомъ направленіи и въ большемъ или меньшемъ одинъ отъ другаго разстояніи къ Перекопу. Что-же касается до самаго укрѣпленія, то оно очевидно сдѣлано несравненно позже кургана, внутри его находящагося, и кажется служитъ памятникомъ блистательныхъ походовъ Россійскихъ полководцевъ Ласси и Долгорукаго, разгромившихъ твердыни Перекопскія. Огромной величины курганъ, находящійся въ 5 верстахъ отъ описываемаго мною укрѣпленія, кажется, первый испыталъ силу Русскаго ядра, какъ то видѣть можно на изрытой его поверхности.

Желая осмотрѣть ближе окрестныя мѣста, съ тѣмъ-что не дадутъ-ли какого-либо повода къ полезнымъ выводамъ, я проѣхалъ съ этою цѣлью, въ прямомъ направленіи отъ укрѣпленія къ морскому берегу, въ разстояніи 28 минутъ экватора. Здѣсь мнѣ представилась ровная степь, на которой въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись слѣды разоренныхъ Татарскихъ деревень. О названіи ихъ и времени уничтоженія узнать было не отъ кого.

Имѣя съ собою Сестренцевичеву карту Тавріи, я подвигался далѣе къ тому мѣсту, гдѣ рѣчка Каланчакъ впадаетъ въ море. Тутъ на картѣ означенъ городъ «Каркинитъ»; но къ сожалѣнію, кромѣ помѣщичьихъ хуторовъ и уединеннаго кордона побережной стражи, я не нашелъ ни малѣйшихъ признаковъ древняго поселенія. Проѣхавъ оттуда вдоль морскаго берега, по направленію къ Перекопу, на довольное разстояніе, поворотилъ чрезъ урочище Керменчикъ, въ намѣреніи достигнуть селенія Каланчака. Здѣсь встрѣтилъ другое укрѣпленіе: оно имѣетъ видъ параллелограма. Осмотрѣвъ его внимательно, я призналъ въ немъ лагерный окопъ. Разстоянія между этимъ окопомъ и городкомъ считается до двухъ верстъ.

Неподалеку отсюда указана была мнѣ дорога, по которой шествовала въ Крымъ и обратно императрица Екатерина II. Дорога эта видна и до-сихъ-поръ; она идетъ отъ Берислава на селеніе Каланчакъ, чрезъ урочище Керменчикъ на Перекопъ, а оттуда поворачиваетъ на Карасубазаръ. Снявъ по возможности всю мѣстность на бумагу, я обратилъ вниманіе на другой предметъ: «курганы». Они кажутся здѣсь разбросанными по всему пространству степи; но ежели разсмотрѣть ихъ внимательно, то сейчасъ можно замѣтить, что имѣютъ весьма правильное расположеніе, и составляютъ почти двѣ параллельныя линіи, которыя идутъ по направленію дороги, проложенной отъ Каланчака къ Перекопу. Не знаю, есть-ли курганы дальше этого селенія, и въ какую сторону они направлены; но что ка-

сается до линіи къ Перекопу, то я разсмотрѣлъ ее весьма внимательно. Съ правой стороны дороги курганы вообще отличаются своею высотою; но и между ними есть нѣкоторое особое отличіе въ фигурѣ и высотѣ; съ этой стороны и самое мѣстоположеніе равнымъ образомъ возвышеннѣе. Курганы противуположной стороны гораздо ниже. Пространство, заключающееся между обѣими линіями кургановъ, составляетъ до двухъ и болѣе верстъ. Слѣдуя по первой линіи, отъ кургана находящагося внутри городка, встрѣчаемъ второй, въ разстояніи пяти верстъ, довольно огромный, посрединѣ разбитый пушечными выстрѣлами. Отсюда мѣстоположеніе постепенно понижается на протяженіи десяти верстъ, и потомъ опять возвышается. Тутъ, проѣхавши Преображенскую экономію г-жи Нарышкиной, видишь третій курганъ уже не столько возвышенный. Отъ этого кургана до самаго Перекопа опять мѣстоположеніе становится ниже и, въ разстояніи семи верстъ отсюда, почти напротивъ Перекопскаго телеграфа стоитъ четвертый курганъ, высотою сходный со вторымъ изъ означенныхъ выше. Онъ лежитъ въ прямой линіи съ проѣздомъ чрезъ Перекопскій ровъ. Съ вершины его открываются опять двѣ линіи этихъ возвышенностей. Одна, минуя Сивашъ, идетъ къ Геническому-Проливу, а другая обнаруживается по-сю-сторону Перекопскаго рва, гдѣ замѣтны курганы: одинъ между Перекопомъ и Армянскимъ-Базаромъ, другой не далеко отъ стана смотрителя Перекопскихъ соляныхъ озеръ, довольно высокій; на немъ устроено теперь кладбище. Отсюда курганы идутъ въ различномъ разстояніи по направленію проселочной дороги на Ѳеодосію и Керченскій полуостровъ. Изъ этого расположенія кургановъ вывожу заключеніе, что они по всей вѣроятности служили Татарамъ, во время ихъ набѣговъ, указателями дорогъ по обширнымъ и тогда еще не населеннымъ степямъ, гдѣ кочевали Ногайцы съ табунами лошадей и многочисленными стадами овецъ, служившими неоднократно добычею Русскимъ и Запорожской вольницѣ. Степные Татары и теперь держатся въ дорогѣ наиболѣе извѣстныхъ примѣтъ по возвышенностямъ и оврагамъ; а иногда даже и положенія нѣкоторыхъ звѣздъ. Кромѣ-того тѣ-же курганы могли составлять въ военное время наблюдательные пункты, для разставленной на нихъ стражи. Отсюда она весьма удобно могла немедленно подавать условные знаки, коль скоро усматривала появленіе непріятелей.

Остановиться на этой мысли казалось для меня недостаточнымъ, и потому я старался развѣдывать у сосѣдственныхъ помѣщиковъ, не было-ли когда чего-нибудь открываемо въ этихъ курганахъ. Я узналъ, что склонность искать кладовъ знакома жителямъ и въ этой сторонѣ; но здѣсь искатели, не смотря на старинныя преданія, ихъ къ тому побуждавшія, большею частью вознаграждались самыми ничтожными находка-

ми. Такъ, одинъ нашелъ вѣсы торговые, другой котелъ, въ которомъ скрыты были: удила, стремена и другія принадлежности конской сбруи. Всѣ эти находки не важны, и ничего не доказываютъ. Извѣстно, что во время набѣговъ Татаръ и сосѣдей ихъ Запорожцевъ, награбленное въ походѣ обыкновенно закапывалось хищниками въ землю до перваго удобнаго случая. Если-же, какъ вѣроятно не рѣдко случалось, хозяинъ скрытыхъ вещей бывалъ убитъ, или-же не находилъ случая возвратиться для взятія спрятанаго имъ, то онѣ оставались въ землѣ. Слѣдовательно находки легко могутъ принадлежать къ числу сихъ зарытыхъ добычъ.

Перекопъ. 1840.

Е. ШЕВЕЛЕВЪ.

кор. о.

II.

ДОКУМЕНТЫ И АКТЫ.

ДОГОВОРНАЯ ГРАМАТА СЕРБСКАГО КРАЛЯ СТЕФАНА УРОША СЪ ДУБРОВНИКОМЪ (РАГУЗОЮ)[1].

† я стефань урошь[2]. спомокию . бжиовь . краль вьсе срьбске змле . и поморьске . обѣтуюсе[3]. присьномуси . кнезу дубровьчьскому . злату аньдрѣи . ивьсѣмь властеломь дубровьчскимь . *и всѣи* обкинѣ градскои . у га ба вседрьжителa . и у прѣчистую его матерь . иусти *живо*творещи крь гнь . и у ста бжя еваньглиа . иувьсе сте . бу угодивьше одь вѣка *яко змле и вино*граде щосте дрьжали . до умрьтия гднами отца . дасию дрьжите . апотола чтосе *наиде по*сагено винсградми . или земле приемьше . дасе судомь исьправи . да що судь каже кралевьстуми . буди кралевьстуми . ащо вамь покаже то вамь. Судь да стае од михоиля дне до гюрьгева днь . кьдиви буде трѣбе. И судь да стае.гдѣ е и преге стояль у дни гнами отца. Судьце обое дасе кльну . яко да право судѣ . Кумерька аке постави кралевьствоми дастои узаконѣ отчинѣми. Иакосе коя годѣ кривина чини мегю людми кралевства*ми* и мегю люди вашими . да се судомь исправьла. Воиска кралевьствами . гдѣ любо находи люди ваше . или сь трьгомь . или бесь трьга да имь никоегаре зла неучини. Сьгради кралевьствами даси живѣте узаконѣ какосте жили удни гднами отца. Иакосе обрѣти

[1] Подлинникъ сей граматы принадлежитъ Обществу, которое получило сей важный памятникъ Славянской письменности, чрезъ члена-основателя Княжевича, отъ бывшаго президента совѣта княжества Сербскаго, генералъ-маіора Ефрема Обреновича. Грамата писана на кускѣ пергамина (длиною 11 и шириною $7^1/_2$ вершковъ) по линѣйкамъ начерченнымъ острымъ орудіемъ, чернилами хорошими и мало полинявшими. Имѣетъ всего тридцать одну строку. На лицевой сторонѣ граматы внизу въ углу написано слѣдующее: de milia. zxii. i ac xii. mse aug xxiii; а на оборотѣ имѣется помѣта: «† sacmtum dni Regis Urossa ad dno andrea de auro. coite et come . . . ag. . . anno . . . . . milia. zxii. Indic. xii. mse aug xxiii . . Посрединѣ-же: privilegia Sclavonica.

[2] Стефанъ-Урошъ царствовалъ въ Сербіи, послѣ Владислава III, какъ сказано выше (см. стр. 319) съ 1237 по 1270 годъ. Грамату сію Урошъ написалъ въ 1254 году, въ пятнадцатый годъ своего кралевства (Fac-simile ея см. въ *прилож. IX*, в).

[3] Слова означенныя курсивомъ отъ древности слиняли, но возстановлены по копіи сей граматы, напечатанной въ «Сербскихъ Споменицахъ, издан. священникомъ Павломъ *Карано-Тертковичемъ*» въ Бѣоградѣ. 1840. стр. 29, № 21.

чловкь земле кралевьстами осугень вашему чквку . даму мое судьце издаю добитьке. аколиму добитька нестече . а они даподаю кривьца самога. доурока *доколе* судьце уреку. аколига судьце неисьдаде . да где ми правьда укаже узети те *дьлгь* . *да* га . узме кралевьствоми идага постави гдега буде право поставити. Идави дрьжи кралевьствоми учти . каковие дрьжаль гдиньми отьць . ньако иви начнете стояти кралевьствуми. и *како*сте стояли гнуми отьцу. Иаке кто прибегне оть вась у змлу кралевьствуми . данеисьпакости вамь ничто стое у змлу кралевьствами. Трьжьници ваши дагреду. набрьсково. идавьше десетькь оть соли . и потола даси греду кралевьствами скрозѣ мою землу. свободьно, ави се неуземле *ничьто*. Идагреду сьвелимь трьгомь натрьге кралевьствами . емьше оть кавадь . дори досвиль . ашо е мала купла дасию продаю . поземли кралевьствами . ходеке свободьно. Идругому пришьшуму . къ вамь кнезу конь тога кнеза . дастою вину кьвамь усиемь обѣтѣ . доколѣ ми ивистоите утомь обѣтѣ . учтосесте обѣкали кралевьствуми. Якохоке сие схранити кралевьствоми тако даме бь схрани . уси вѣкь . иуприлуши. ✝ вь лѣто S.Ф.Ξ.В. еньдкти онь В.І мца агуста К.Г. утврьджено би сие мое обѣтание прѣдь арьхискупом . и прѣдь кнезомь гюрьгемь . и предь жупань стефань.

Стефань[4] уршь спомоки бжиовь краль . вьсеи ранькѣи змли и поморьске

исие обѣкание бьи гна краля . прѣдь михоиломь пѣженикемь . и прѣдь петромь матеикемь . и прѣандрѣемь чрѣвикемь[5].

---

[4] Слово «Стефань» написано писцомъ, «вязью».

[5] По древности языка, близкаго перевода сдѣлать почти невозможно, и потому здѣсь не помѣщается. Впрочемъ содержаніе граматы состоитъ главнѣйше въ слѣдующемъ: 1) о предоставленіи владѣнія виноградниками, какъ владѣли Дубровчане прежде; 2) о срокахъ для тяжущихся; 3) о вознагражденіи убытковъ по суду; 4) о непритѣсненіи торговцевъ; 5) о свободной и безпрепятственной торговлѣ и о платежахъ пошлинъ въ указанномъ мѣстѣ, и пр. Равнымъ образомъ и примѣчаній на нѣкоторыя особыя слова и выраженія, въ этой и послѣдующихъ граматахъ встрѣчающіяся, такъ-какъ они почти во всѣхъ Славянскихъ актахъ одинаковы, и объяснены уже г. *Венелинымъ* (Влахо-Болгарскія граматы. С.П.-Бургъ. 1840), здѣсь не присовокуплено.

ЯРЛЫКИ ТОХТАМЫША И СЕАДЕТЪ-ГЕРАЯ.

Народы Тюркскіе, за исключеніемъ Оттоманской ихъ отрасли, весьма небогаты литературными произведеніями, да и тѣ немногія, которыя есть у нихъ, или мало, или даже совсѣмъ неизвѣстны ученой Европѣ. Все, что знаемъ мы по этой части ограничивается какими-нибудь десятками двумя или тремя сочиненій и переводовъ, преимущественно на Уйгурскомъ, Джагатайскомъ, Казанскомъ и Адербайджанскомъ нарѣчіяхъ. Съ памятниками оффиціяльной письменности этого племени, столь историческаго, ученый міръ знакомъ еще менѣе, или точнѣе сказать почти вовсе не знакомъ. Ни изъ Русскихъ, ни изъ заграничныхъ оріенталистовъ до-сихъ-поръ никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не вздумалъ заняться отыскиваніемъ, собираніемъ и изданіемъ въ свѣтъ дипломатическихъ, юридическихъ и другаго рода актовъ, получившихъ существованіе въ исчезнувшихъ уже или продолжающихъ еще бытіе ханствахъ Тюркскихъ. Доселѣ изданъ только одинъ такой актъ. Это ярлыкъ хана Золотой-Орды Тимуръ-Кутлуга, данный имъ въ 800 году гиджры (1397 по Р. Х.) на тарханское достоинство нѣкоторому Мохаммедъ-беку. Писанъ онъ на одномъ изъ сѣверо-восточныхъ Тюркскихъ нарѣчій Уйгурскими буквами, съ подстрочною транекрипціею Арабскими. Для сей послѣдней употребленъ красныя чернила. Документъ этотъ, доставшійся извѣстному Вѣнскому оріенталисту Хаммеру отъ одного изъ чиновниковъ Австрійской миссіи въ Константинополѣ, Антона фонъ-Раабъ, изданъ Хаммеромъ въ 1818 году въ VI томѣ журнала «Les mines de l'Orient», стр. 359 и слѣд. Литографическій снимокъ приложилъ онъ только съ Уйгурскаго текста, Арабскую-же транскрипцію напечаталъ, вмѣстѣ съ своимъ переводомъ и объясненіями Ибрагима Хальфина, бывшаго лектора Татарскаго языка при Казанскомъ университетѣ. Другой извѣстный этого рода документъ есть ярлыкъ Тохтамыша къ Ягайлѣ, писанный въ 795 году гиджры (1393 по Р. Х.), то-же Уйгурскими буквами; но онъ пока не изданъ, а только приготовленъ къ изданію извѣстнымъ знатокомъ и любителемъ отечественной исторіи, княземъ М. А. Оболенскимъ.

При такой рѣдкости и малоизвѣстности оффиціяльныхъ памятниковъ Тюркской письменности, изданіе помѣщаемыхъ здѣсь ярлыковъ Тохтамыша и Сеадетъ-Герая не можетъ не заслужить Обществу благодарности оріенталистовъ. Подлинники этихъ ярлыковъ, вмѣстѣ со многими другими позднѣйшихъ Гераевъ, присланы были изъ Крыма къ г. Новороссійскому и Бессараб-

скому генералъ-губернатору, графу М. С. Воронцову, какъ акты, представленные разными Крымскими владѣльцами въ доказательство законности владѣнія принадлежащими имъ землями и угодьями. Графъ, въ 1838 году, препроводилъ ихъ для перевода въ Азіятскій департаментъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, откуда, въ слѣдующемъ 1839, и возвращены они были вмѣстѣ съ переводомъ перваго драгомана Татарскаго языка Я. О. Ярцова. Увѣдомившись о существованіи этихъ ярлыковъ, и получивъ снимокъ съ перваго отъ корреспондента своего А. А. Борзенкова, а со втораго отъ меня, Общество опредѣлило издать и тотъ и другой въ своихъ Запискахъ. Впослѣдствіи, по желанію Общества, доставлены были ему отъ г. Ярцова транскрипціи обоихъ ярлыковъ, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ новые ихъ переводы.

Оба ярлыка въ литографированныхъ снимкахъ (fac-simile) работы искуснаго художника Московскаго К. Я. Тромонина, снятыхъ со всею возможною точностью и съ сохраненіемъ размѣра подлинниковъ, лежатъ передъ глазами читателей (снимки NN° X и XI); стало-быть намъ нѣтъ нужды говорить объ ихъ длинѣ, ширинѣ, расположеніи строкъ, мѣстѣ печатей и тому подобномъ. Бумага, на которой они писаны, лощеная и желтоватая. Что-же касается до содержанія, то вотъ транскрипція и переводы г. Ярцова.

I.

عَلَى ٱللّٰهِ تَوَكَّلْتُ وَعَلَى كَرَمِهِ وَإِحْسَانِهِ عَوَّلْتُ

تُوقْتَامِشْ سُوزُمْ

قريم تومانى نيك قوتلو بوغا بشليغ داروغا بكلارينكا قاضى مفتى لارينكا شيخ مشايخ لارينكا ديوان بتكاچى لارينكا تمغاچى ترتناقچى لارينكا بوكاول توتقاول لارينكا نى كيم حرفت آغالارينكا برچاغا بو يرليغنى توتوب تورغان بيك حاجى غا بسته لو ايلى جملەسى بزنيك سيورغال بولوب شوركول ايلدين ييل ساين نى كيم چقار چقشين مرفوعلار برلا برچاسى بيت المالغه بريلدى بو كوندين الكارى شوركولكا سليغ مسمّى سلماسون لار اولاغ سورسون بيلاماسون لار انبار حقى اكين خرجى ثيلاماسون لار تومانديں اركتنه بولوب قريم ايچندا تشندا قونوملاردا شوركولكا شانليغ كشى لارنى كيم ايرسه ثيماسون لار برچالارى بر يردا جمع بولوب چقار چقشلارنى اوسال قيلمادين حمايت عنايت بولمادين پايزليغ يرليغ ترخان بتمادين بك حاجى غا كوفى ليك برلا برچالارينكز بو كاره كوچ بيرينكلار تيب ثمير پولاد بولاى تيب ويركاچ ايرسه تومان

بشليغدين قسمتين سلغان‌لار زحمت يوتجوغ تيكوركان‌لار قورخارلار ارنسه پس بك حاجى بولاى سيورغالم تيب منيكدين يارلغلارغه كوچ قيلور بولسه ايشلكانلغى ايذكوسى بولمغاى تيب توتا تورورغا آل تمغاليغ يرليغ بيرلدى اوز ذاتى اور توبده قردا بتلدى تحريراً الرابع و العشرين شهر ذى القعدة سنه اربع و ثمانين و سبعماية بچين يىلدا

«Надѣюсь на Бога и уповаю на благость и милость его.

Тохтамышъ. Слово мое.

Начальнику Крымской области Кутлу-Бугѣ, Билярамъ городничимъ, Судьямъ народнымъ, Законовѣдцамъ, Настоятелямъ монастырей и братіи ихъ, Писцамъ дивановъ, Сборщикамъ пошлинъ и помощникамъ ихъ, Заставщикамъ и Разсыльщикамъ, всякимъ людямъ ремесленнымъ и всѣмъ:

Представитель сего ярлыка Бей Хаджи со всѣмъ зависящимъ отъ него племенемъ хотя и взысканъ былъ нашею милостью, но всѣ подати съ Шуракюльцевъ взимались ежегодно въ государственное казначейство. А какъ прежде жалованнымъ тарханнымъ ярлыкомъ Тимуръ-Пулада повелѣвалось: «Съ дымовъ племени Шюракюль податей не собирать; къ тюльбѣ подводъ не принуждать, на хлѣбные магазины платы не требовать; ни какимъ чиновнымъ лицамъ; кто-бы они ни были, до Шуракюльцевъ, будутъ-ли кочевать они внутри или внѣ Крыма, какъ свободныхъ отъ начальника области; ни какого дѣла не имѣть; при общей кочевкѣ взиманіемъ поборовъ не только зла не причинять; но защищать и охранять, и всѣмъ имъ кочевать наравнѣ съ Хаджи-бемъ», вслѣдствіе того: да боится всякой налагающій что-либо именемъ начальника области, всякой причиняющій вредъ и обиду. Кто-же пренебрежетъ тѣмъ, что Бей Хаджи взысканъ моею милостью, и вопреки обоихъ сихъ ярлыковъ учинитъ насиліе, тому добраго не будетъ. Въ удостовѣреніе чего пожалованъ ему настоящій ярлыкъ за алою тамгою. Подлинный писанъ въ степи, въ Орѣ-тюбѣ, двадцать четвертаго дня мѣсяца Зилькагида, семьсотъ восемьдесятъ четвертаго года отъ гиджры, въ лѣто обезьяны (1382 по Р. Х.).»

Въ приложенной къ ярлыку сему въ двухъ мѣстахъ большой красной печати, особеннаго рода Куфическими буквами изображено на Арабскомъ языкѣ:

بسم الله الرحمن الرحيم
لا اله الا الله
محمد رسول الله
صلى الله عليه وسلم
- - - - - - - - -
سلطان - - - -
توقتامیش

т. е.

«Во имя всемилостиваго, всемилосердаго Бога! Нѣсть Бога кромѣ Бога Единаго, а Мухаммедъ посланникъ божій . . . . . Султанъ . . . . . Тохтамышъ».

Дешифрированіе и переводъ этой легенды принадлежатъ также г. Ярцову. — Въ журналѣ министерства Народнаго Просвѣщенія на 1840 годъ, въ книжкѣ осьмой, гдѣ помѣщенъ первый, сдѣланный г. Ярцовымъ переводъ этого ярлыка, сказано, что внутри приложенныхъ къ нему тамгъ или печатей изображенъ гербъ Крымскаго ханства. «Гербъ» этотъ, имѣющій видъ трезубца или гребня, находится дѣйствительно на печатяхъ и на монетахъ Крымскихъ хановъ, но въ печатяхъ Тохтамышева ярлыка, какъ всякой самъ можетъ удостовѣриться, взглянувъ на приложенный снимокъ, герба этого нѣтъ.

II.

اولوغ اولوس نينك اونك قول نينك سول قول نينك تومان بينك يوز اون بيلكان اوغلان لار بيك لارينكا ايچكى شهر داروغا بيك لارينكا مفتى مدرس لارينكا و قاضى محتسب لارينكا ديوان بتكاچى لار ينكا مشايخ صوفى لار ينكا قوشچى برصچى لار ينكا ..... انبارچى لار ينكا تمغاچى ترتناقچى لارينكا قراول توتقال لار ينكا كمچى كوپورچى لار ينكا بوكال چرى لار ينكا يورور ايشور ايلچى يولاوچى لار ينكا قايى ما ايش اوزا يوروكان لاركا كوب ايل كا بارچاغا توزوينچا بلنك كيم يرليغنى آليب تورغان تايكى نى اوغلى آليب قرانى مالى بى قويلى نى آققوچقارى بوزقوچقار ..... نى اينسى بايقرانى جان قرانى اوغلو تنكرى بيردى نى باراق نى اوغلى خوب دانه نى عقل دانه نى آق محمد بى محمد صوفى بى آغسى تنكرى بيردى نى ايتونى حوجوق اينسى طاهر نى دولت يار اوراض كلدى نى باى قرا خواجه بى آليب قرا جان قرا طاهر بو اوچيسى بزكا توفنكچى اولدغى سبدان سيورغال بولوب آزاد ترخان بولسون تيديك پس بو ترخان لاريمزدان يساق قلاى تيب تيلاماسون لار الماسون لار اطى اولاغ دان قوى قوزيسندان اولاغ ايلمك توتماسون سويسون علوفه يماسون لار اولارينا كوچ برلا قوناق توشون قوندرماسون لار اليم قوشونيم منكيم تومانيم تيب نوكاريم ايشيم تيب تيلاماسون لار الماسون لار قول شى قولتقا شى كوچ نه ايرسه لارين آلماسون لار ساتيع آليغ قيلسالار تمغا ترتناق تيلاماسون لار آلماسون لار سليغ مسمّى سالماسون لار ايكين تيكين حضر انبار الماسون لار چريك اودين قالدينك تيب قودريلاماسون قايوما ياندين تقى كوچ بسيچ ينجوغ زحمت تيكورماسون لار اينچ كونكول برلا تنچ توروب يارلى ترليكين قيلوب شام صباحده اوقات خمسه بزكا و بزنينك اوروغ لاريمزغه آلغيش دعالار تورا تورسون لار تيديك بزلار ترخان بولدوق تيب بزيم خدمتمزده بولماسنكز بزدان صونكره بولغان خان لار خدمتنكه بولماسنكز ترخان بولماس سز پس بولايو تيو تورغاچ بو ترخان لارغه

وچ بسیچ تیکورکان کشی‌لار نینک اوزلارینا یخشی سی بولغای اولارده قورقلارلار اینا تیو قول‌لارینا توتا تورورغا آل تمغالیغ آلتون نشان‌لیغ یرلیغ برلدی تاریخ طقوز یوز اوتوزده مبارک جماذی الاوّل اینونک اورتاسنده یازلدی

بمقام شهر قریم

اقتاچی علی بی اوتول تیکوردی غازی بخشی بتدیم

«Великаго улуса правой руки и лѣвой руки командующимъ Болярамъ Темникамъ, Тысяцкимъ, Сотникамъ и Десятникамъ, внутреннихъ городовъ Болярамъ Городничимъ, Законовѣдцамъ и Наставникамъ наукъ, народнымъ Судьямъ и Блюстителямъ благочинія, Писцамъ дивановъ, Настоятелямъ монастырей и братіи ихъ, Сокольничимъ и Ловчимъ, хлѣбнымъ магазинщикамъ, Таможенникамъ и Важникамъ, Заставщикамъ и Разсыльщикамъ, Перевощикамъ и Мостовщикамъ, войску опричному, ѣдущимъ и проѣзжающимъ Посламъ, Гонцамъ, всѣмъ чѣмъ-либо занимающимся и всему многому народу исправно да будетъ вѣдомо:

Представителей сего ярлыка сыновей Тайкія: Алыбкару, Маллыя, Куйлыя, Аккучкара, Бузкучкара, ... ; меньшихъ братьевъ: Байкару, Джанкару; сыновей послѣдняго: Хубданю, Акылданю, Акмухаммеда, Мухаммедъ-Суфія; сыновей старшаго: Танрибирдія, Итуя, Худжукая, и меньшихъ братьевъ: Тагира, Даулятъ-Яра, Уразгильдія, Байкару-Худжа, — за то, что Алыбкара, Джанкара и Тагиръ были при насъ Стрѣльцами, — въ изъявленіе царской милости пожаловали мы вольными Тарханами. А потому съ сихъ нашихъ тархановъ ясака не брать и не взимать, подъ гонцовъ лошадей не ловить, барановъ и барашковъ не колоть, кормовъ не скармливать; въ домы ихъ насильно постоевъ не ставить, ни какихъ поборовъ ни на меня, ни на Темника, ни на служителей моихъ не требовать и не взимать; при каждой рѣкѣ за перевозъ съ узловъ и всего находящагося въ рукахъ платы не брать, съ проданнаго и купленнаго пошлинъ и вѣсовыхъ не взимать; дани съ дымовъ, именуемой Салыгъ, не налагать; съ жатвъ снятаго хлѣба въ запасные анбары не требовать, на воинскія облавы не наряжать, а равно ни насилія, ни притѣсненія, ни обиды, ни вреда не причинять. Пусть они съ душевнымъ спокойствіемъ проводятъ въ тишинѣ убогую жизнь свою, и послѣ пяти временныхъ молитвъ, денно и нощно возсылаютъ объ насъ и потомкахъ нашихъ мольбы и благословенія. Но ежели-бы вы, въ самонадѣянности на свое тарханство, задумали не исполнять личныхъ службъ нашихъ и службъ наслѣдующихъ намъ хановъ, — тарханами не будете, и тогда каждому обидѣвшему сихъ тархановъ, причинившему имъ вредъ, насиліе, будетъ благо. Да боятся. Въ удостовѣреніе чего пожалованъ имъ сей яр-

лык за алою тамгою и золотым вензеловым именем нашим. Писан 930 года от гиджры (1523 по Р. Х.), в половине священнаго месяца Джумадиль-эввала, в городе Крыму.

По просьбе докладывал конюший Алибей. Писал я Газы Бахши».

Верхняя часть этого ярлыка оторвана. На ней, вероятно, должно было находиться то, что в самом ярлыке упоминается под названием آلتون نشان и что г. Ярцов перевел «золотым вензеловым именем», т. е. написанный золотом вензель или тугра хана, давшаго ярлык. Вместо этой потерянной тугры, видим над верхнею строкою ярлыка чернильную перстенную печать, на которой изображено: سعادت كراى خان بن منكلى كراى خان «Сеадет-Герай-хан сын Менгли (*или* Минлы) Герай-хана».

В большой красной печати, приложенной к ярлыку этому в трех местах, такими-же, как на вышеописанном Тохтамышевом Куфическими буквами изображена Арабская легенда, которую г. Ярцов читает следующим образом:

بسم الله الرحمن
الرحيم قل اللهم
مالك الملك تؤتى
الملك من تشاء

لا اله الّا الله
محمّد رسول
الله السلطان
حاجى كراى
خان

т. е.

«Во имя всемилостиваго, всемилосердаго Бога! Рцы: Господи! Ты вси царь царств и даруешь царство кому восхощешь. Нъсть Бога кромъ Бога единаго. Мухаммедъ посланникъ Божий. Султанъ Хаджи-Гирей Ханъ». Посреди легенды тамга Крымская в виде трезубчатаго гребня.

Формы языка и содержание обоих ярлыков представляют обильный предмет для толкований, объяснений, соображений и выводов; но на этот раз мы воздерживаемся от всякой оценки и изследования, предоставляя себе сделать это в другое время; теперь-же ограничимся кое-какими мелкими замечаниями и объяснениями.

1) Об изданныя здесь граматы, Тохтамышеву и Сеадет-Гераеву, называем мы, да и сами они называют себя *ярлыками*. Значение, происхождение и история этого слова объяснены подробно в изследовании моем «О достоверности ярлыков, данных ханами Золотой-Орды Русскому ду-

ховенству». Москва. 1842. стран. 15–25. Къ нему и отсылаемъ любопытныхъ.

2) Оба ярлыка даны «за алою тамгою». Слово *тамга*, встрѣчается нерѣдко въ нашихъ лѣтописяхъ и государственныхъ грамотахъ изъ періода Монгольскаго владычества, и употребляется въ разныхъ значеніяхъ; неизлишнимъ будетъ потому объяснить ихъ для не-оріенталистовъ.

Тамга, دامغا دمغه تمغه تامغه, слово общее Тюркскимъ и Монгольскимъ нарѣчіямъ, значитъ первоначально «отличительный знакъ, гербъ». Такія тамги или гербы состоятъ изъ одной или нѣсколькихъ ломаныхъ или кривыхъ линій, фантастически расположенныхъ, или представляютъ изображеніе какого-нибудь предмета: звѣря, птицы, растенія, утвари. У народовъ Тюркскаго и Монгольскаго племени, каждое поколѣніе имѣетъ, и имѣло искони, свою особенную тамгу, которая употребляется всѣми его родами, выжигается на лошадяхъ и рогатомъ скотѣ, изображается иногда на вещахъ и вообще служитъ для принадлежащихъ къ поколѣнію лицъ символомъ собственности, который налагается вездѣ, гдѣ нужно ее обозначить. Такъ Плано-Карпини разсказываетъ о знатныхъ Монголахъ, что передъ смертью клали они тамгу свою даже на того, изъ рабовъ котораго предназначали зарыть съ собою въ могилу живаго (Собраніе путешествій къ Татарамъ, изд. Д. Языковымъ. С.П.б. 1825. стр. 96). Къ этому значенію «герба», слово тамга присоединило со временемъ, по сходству употребленія, другое, именно значеніе «печати», и потомъ вообще «клейма». Когда-же тамгу въ значеніи герба стали изображать Монгольскіе ханы и на своихъ монетахъ, и монета ихъ получила также названіе тамги. Въ семъ послѣднемъ значеніи звукъ *тамга*, измѣняясь постепенно произношеніемъ въ *танга*, *тенге*, до уха предковъ нашихъ дошелъ наконецъ въ видѣ *деньги*, и въ этомъ видѣ остался въ языкѣ нашемъ навсегда.

Тамги какъ «печати» были ханскія или государственныя, и чиновныхъ лицъ. Послѣднихъ мнѣ не случалось видѣть, и кромѣ того, что въ Персіи были они чернаго цвѣта, не могу сказать объ нихъ ничего болѣе. Что касается до хайскихъ или государственныхъ, то видно, что первообразомъ имъ служили Китайскія. Подобно симъ послѣднимъ, всѣ онѣ, сколько ни видалъ я ихъ на актахъ, имѣютъ фигуру квадрата. Желаніе уподобить ихъ совершенно Китайскимъ простиралось до того, что когда вмѣсто Китайскихъ легендъ, которыя изображаются на печатяхъ особеннымъ почеркомъ называемымъ *Чжуань*, стали изображать на нихъ Арабскія и употреблять для сихъ послѣднихъ письмо Куфическое, то даже письму этому старались придать Китайскій характеръ *Чжуаня*, и произвели такимъ-образомъ новый видъ Куфическаго письма, встрѣчающійся только на этихъ Монголо-Татарскихъ печатяхъ. Печатей

съ легендами, изображенными Уйгурскимъ письмомъ, или на другомъ языкѣ кромѣ Арабскаго, доселѣ не встрѣчалось. Въ печатяхъ Крымскихъ хановъ посреди легенды находится всегда фамильная тамга или гербъ Гераевъ, въ видѣ трезубчатаго гребня, какъ можно видѣть это и въ печатяхъ Сеадетъ-Гераева ярлыка. Относительно краски, которою оттискивали тамги, находимъ ихъ золотыя, красныя или алыя, синія и черныя. Такъ золотая приложена къ помянутому выше ярлыку Тохтамыша къ Ягайлѣ. Но золотыя по достоинству считались ниже красныхъ или алыхъ, которыя однѣ были собственно государственными печатями, употреблявшимися для скрѣпленія важнаго содержанія бумагъ. Алыя тамги имѣютъ оба наши ярлыка, и такого-же цвѣта имѣли ихъ и тѣ, которыя даны были нашимъ митрополитамъ отъ Золото-Ордынскихъ хановъ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ переводовъ этихъ ярлыковъ. Синія тамги прикладывались, по видимому, къ бумагамъ менѣе важнаго содержанія, заключавшимъ въ себѣ не общія государственныя распоряженія, а какіе-либо частные приказы хановъ; но что-же думать послѣ этого о значеніи ихъ на тѣхъ ярлыкахъ, на которыхъ, какъ на нѣкоторыхъ Крымскихъ хановъ, видимъ мы и алую и синюю тамгу вмѣстѣ, и притомъ иногда первую на верху, а вторую снизу, а иногда первую снизу, а вторую на верху? Употреблявшіяся у Персидскихъ Монголовъ черныя тамги были, вѣроятно, одинаковаго достоинства съ синими. Объ нихъ, равно какъ и обо всемъ что касается до разныхъ видовъ и употребленія тамгъ въ ханствѣ Гулагидовъ, можно найти свѣдѣніе въ извлеченіяхъ изъ Рашидъ-эд-Дина, приводимыхъ Доссономъ въ его Histoire des Mongols, La Haye, 1835. vol. IV. p. 410, 411 et passim.

Число тамгъ на ярлыкахъ различно. Есть съ одною, съ двумя, съ тремя; такъ на Тохтамышевомъ видимъ ихъ двѣ, на Сеадетъ-Гераевомъ — три. Къ письму отъ Олджайту-Султана къ Филиппу-Прекрасному, королю Французскому, приложено ихъ пять. Вообще число разовъ, сколько прикладывалась тамга, соразмѣрялось съ уваженіемъ къ тому лицу, которому давали скрѣпленную ими бумагу.

По цвѣту приложенной къ бумагѣ тамги, и самая бумага означалась иногда просто названіемъ этой тамги. Такъ вмѣсто-того, чтобы сказать: «дали такому-то ярлыкъ за алою, *или* за черною тамгою», говорили и писали: «дали ему алъ-тамгу, *или* кара-тамгу».

Переводя на Русской Татарскіе ярлыки, старинные толмачи наши слово *тамга* оставляли бо́льшею частью безъ перевода, иногда переводили его «печать», иногда-же «пятно». Примѣры послѣдняго можно видѣть въ жалованной грамотѣ Менгли-Герая Сигизмунду I, помѣщенной въ «Сборникѣ» князя Оболенскаго (№ 1, стр. 89 и 96).

Въ ярлыкѣ Сеадетъ-Герая весьма замѣ-

чательно, что онъ скрѣпленъ тамгою не съ именемъ этого хана, а съ именемъ дѣда его Хаджи-Герая.

Наконецъ, столь-же часто какъ въ значеніи «печати», встрѣчается слово тамга въ значеніи «таможенной пошлины». Произошло оно отъ того, что пошлина взималась за приложеніе къ товарамъ тамги, т. е. печати хана или дароги. Въ этомъ значеніи находимъ его оставленнымъ безъ перевода, какъ техническое названіе, во многихъ мѣстахъ нашихъ лѣтописей и актовъ. Такъ-напримѣръ въ ярлыкѣ Узбека митрополиту Петру: «.... дань-ли на насъ емлютъ или иное что ни буди: *тамга*-ли, поплужное-ли ....» (О достовѣрности ярлыковъ и проч. стр. 115). И въ Софійскомъ временникѣ: «Прійде вѣсть изъ Руси зла, яко хотятъ Татарове на Новѣгородѣ десятины и *тамги* (Софійскій временникъ. Москва. 1820. стр. 270, подъ 1257 годомъ). Взимавшее пошлину лице называлось отъ того *тамгачи*, تمغاچی. Старики наши переводили его «пошлинникомъ» и «таможенникомъ».

3) Въ ярлыкѣ Сеадетъ-Герая говорится, что данъ онъ «за золотымъ вензеловымъ именемъ». Такъ переводитъ г. Ярцовъ آلتون نشانلیغ *алтунъ нишанлыгъ* подлинника. Я тоже думаю, что въ этомъ ярлыкѣ слово *нишанъ* не можетъ означать ничего инаго кромѣ «вензеля ханскаго», существованіе котораго предполагается на оторванной верхней части ярлыка; но вмѣстѣ съ этимъ вѣрно и то, что слово *нишанъ* встрѣчается часто въ значеніи «тамга», «печать». Такъ во многихъ совершенно цѣлыхъ ярлыкахъ Крымскихъ хановъ, гдѣ вензель ханскій написанъ тушью, а тамга приложена красная, читаемъ, что они называютъ себя آل نشانلیغ *аль-нишанлыгъ*. Тутъ ясно, что *аль-нишанъ* значитъ «за алою тамгою», а не «за алымъ вензеловымъ именемъ». Далѣе, есть множество ярлыковъ тѣхъ-же хановъ, ярлыковъ, которые зовутъ себя یوزك نشانلیغ *юзюкъ нишанлыгъ*, чего никакъ ужь нельзя переводить иначе, какъ «за перстенною печатью». Наконецъ мы знаемъ много старинныхъ переводовъ Менгли-Гераевыхъ ярлыковъ, въ которыхъ переводахъ значится, что писаны тѣ ярлыки съ приложеніемъ «синяго нишана», либо «синей печати», подъ чѣмъ опять нельзя разумѣть инаго кромѣ сихъ тамгъ. (См. Сборникъ князя Оболенскаго, № 1, стр. 23, 26, 27, 75 и 82).

Слово это, когда попадалось оно въ Татарскихъ актахъ, предки наши не только оставляли безъ перевода, напримѣръ въ ярлыкѣ Тайдулы Ѳеогносту: «... И мы Ѳеогносту Митрополиту съ *нишенемъ* грамоту дали есмя»; и въ ярлыкѣ отъ нея-же Алексѣю: «такъ молвя, *мишенную* грамоту дали есмя» (О достовѣрности ярлыковъ и проч. стр. 123 и 129); но дали ему даже, подъ формою «мишень», право гражданства въ языкѣ своемъ. Такъ въ духовной князя Дмитрія Іоанновича, писанной около 1509 года, находимъ: «да два блюда гусины: одно гладко, а на другомъ четыре *мишени*,

имя В. К. Ивана Васильевича»; и тамъ-же далѣе: «да сорокъ и шесть блюдъ, а на нихъ на краехъ по *мишенцу* по выбойчатому» (Собраніе государственныхъ граматъ и договоровъ. Т. I. стр. 408). Здѣсь мишень явно значитъ «имя», «вензель». Впослѣдствіи «мишень» утратило это значеніе, и осталось въ языкѣ нашемъ при другомъ — «цѣль для стрѣльбы» («поставить мишень», «стрѣлять въ мишень»), которое оно также имѣетъ какъ въ языкѣ Татарскомъ, такъ и на родинѣ своей въ Персіи.

4) Въ ярлыкѣ Тохтамышевомъ слово پايزليغ оставлено безъ перевода. Объясненіе его см. у Катрмера въ примѣчаніяхъ къ переведенной имъ Histoire des Mongols de la Perse. T. I. стр. 178.

5) Почеркъ, которымъ писаны оба ярлыка называется *джерри*. Тохтамышевъ замѣчателенъ между-прочимъ еще и тѣмъ, что изо всѣхъ извѣстныхъ доселѣ Золото-Ордынскихъ, есть первый писанный чисто Арабскимъ письмомъ.

В. ГРИГОРЬЕВЪ.

Д. Ч. О.

ГРАМАТА МОЛДАВСКАГО ВОЕВОДЫ АЛЕКСАНДРА [1], О ПОЖАЛОВАНІИ МИХАИЛА ПОПШИ, ЗА СЛУЖБУ, ДВУМЯ СЕЛАМИ.

† Млⷭтиюбжⷭиею . мꙑалександръвоевода . господарьземлимолдавскои . ибратъгосподъствамижюпанъбогданъ. знаемочинимъсимънашимълистомъоусимъ . ктонаньоузритъилиегооуслꙑшитъ . ожетотъистиннꙑислуга нашъ . панъпопшамихаилъ . служилъпредкомънашимъправоюивѣрноюслужбою . адⷭнеслужитънамъправоюивѣрноюслужбою . тѣмъмывидѣвшеегоправуюивѣрнуюслужбудонасъ . пожаловалиесмꙑегоособноюмлⷭтью. далиесмꙑемуоунашеиземлиоумолдавской . двасела . сооусѣмисвоимистарꙑмихотарми . какъизвѣкавѣчного . наимѧодномуселускорцевциѿчерногопотока . адругоепанковциштовꙑшекалогериѿдубровѣ . тоемуоурикъ*сооу*сѣмъдоходомъдоходомънавѣкꙑвѣчнꙑѧ [2] . идѣтемъего . иоунучатомъего . и-

[1] Воевода Александръ господарствовалъ съ 1401 по 1433 голъ. Грамата-же дана въ 1407 году, слѣдовательно въ шестой или седьмой годъ его господарствованія. Она писана на пергаминѣ нѣсколько блѣдными чернилами, красивымъ и четкимъ почеркомъ, какъ-то видно изъ прилагаемаго fac-simile (*Прилож.* IX. c.), и состоитъ всего изъ двадцати восьми строкъ. Величина граматы $7^1/_2$ вершковъ въ длину и $6^1/_2$ въ ширину. Документъ этотъ принадлежитъ Обществу и подаренъ дѣйствительнымъ членомъ Надеждинымъ, который пріобрѣлъ его во время путешествія по Молдавіи.

[2] Буквы, означенныя курсивомъ, въ подлинникѣ неясны и поставлены по догадкѣ.

братиꙗмъегоиоунучатомъипраоунучатомъ-
его . ипрацюрѧтомъего . навѣкꙑвѣчнꙑѧ .
николиневъпорушанiенатовѣрамоѧвꙑшепи-
саннагоалександравоеводꙑ . ивѣрадѣтеимо-
ихъ . ивѣрабратамоегожюпанабогдана . ивѣ-
рапанажюржѧстаростꙑ . ибратеиего . идѣтеи
ихъ . ивѣрапанастаниславаротомпанаидѣ-
теиего . ивѣрапанадрагошаѿнѣмца . идѣтеи-
его . ивѣрапанамихаилашеваидѣтеиего . и-
вѣрапанагринковаидѣтеиего . ивѣрапанажю-
метатеиона . идѣтеиего . ивѣрапанавлада-
дворника . ибратеиего . ивѣрапанашандра-
ѿнѣмцѧ . идѣтеиего . и вѣрапанасинабꙑр-
личаидѣтеиего . ивѣрапанавладасирѧтьско-
гоидѣтеиего . ивѣрапанаспенѧжюржѧидѣ-
теиего . ивѣрапанасперяжюржѧидѣ[3] . . . . .
. . . . . .
онвского . и вѣрапанавꙑлуѧ . и вѣрапанато
. . . . . теиего . ивѣрапанаоанадворникасу-
чавскогоидѣтеиего . ивѣрапанаꙗцковаидѣ-
теиего . ивѣрапанаравасалитовоѧидѣтеиего .
ивѣрапанаюгшатадеровичѧ . ивѣрапанама-
невичѧивашкастолникаидѣтеиего . ивѣра-
панапрочелникастоꙗнаидѣтеиего . ивѣрапа-
настанапостелникаидѣтеиего . ивѣраоусѣхъ-
боꙗръмолдавскиⷯ . ивеликꙑⷯималꙑⷯ . апона-
шемъживотѣктоиметъбꙑтигосподарьоузем-
лимолддавскои . ѿбратiинашихъ . илиѿна-
шегоплемене . илибудькто . тоимъштобꙑ-
хунепорушилинашегоданьꙗ . инашегооут-
вержденьꙗ . занужеесмꙑимъдализаправую-
изавѣрнуюихъслужбу . аколикоторꙑиго-
сподарьимъ . . . . . тъбезвинꙑихъ . таковꙑ-
иштобꙑбылъпроклѧтьѿга҃ба҃ . иѿпрч҃тыꙗ-
егомтре . иѿстхъиверховнꙑхъ . В҃I ап҃лъ
и ѿ Т҃ИI . стхъѿцъникеискꙑⷯ . иѿоусистхъ .
итаковꙑиштобꙑбꙑлъподобенъиюдѣпрѣда-
телю . ипроклѧтомуарию . ижидовомъшто-
реклинаха҃ . кровьегонанасъина . . . хъихъ .
анапотверженьетѣмъоусимъ . велѣлиесмꙑ-
слузинашемубратѧюлогоѳетупи*сати* . ипри-
вѣситипечатьнашаксемулистунашему . оу-
сучавѣ . вълѣто . шестотысѧчноедевять-
сотъ . и Є҃I . марта . И҃ :

[3] Здѣсь и въ нѣсколькихъ мѣстахъ ниже, въ подлинной граматѣ слова, находясь на сгибахъ, стерлись и истребились, а потому означены точками.

Для лучшаго уразумѣнія, присовокупляется транскрипція граматы.

✝ Милостію Божіею . мы Александръ воевода . господарь земли Молдавскои . и братъ господъствами жюпанъ Богданъ . знаемо чинимъ симъ нашимъ листомъ оусимъ . кто пань оузритъ или его оуслышитъ. оже тотъ истинныи слуга нашъ . панъ Попша Михаилъ . служилъ предкомъ нашимъ правою и вѣрною службою . а днесь служитъ намъ правою и вѣрною службою . тѣмъ мы видѣвше его правую и вѣрную службу до насъ . пожаловали есмы его особною мило-

стью. дали есмы ему оу нашеи земли оу Молдавскои . два села . со оусѣми своими старыми хотарми *(хуторами?* [4]*)* . какъ изъ вѣка вѣчного . на имя одному селу Скорцевци отъ Черного-Потока . а другое Панковци што выше калогери отъ дубровѣ . то ему оурикъ *(подарокъ* [5]*)* со усѣмъ доходомъ доходомъ на вѣкы вѣчныя. и дѣтемъ его . и оунучатомъ его. и братіямъ его . и оунучатомъ и праоунучатомъ его . и пращюрятомъ его . на вѣкы вѣчныя . николи не въ порушаніе на то вѣра моя вышеписаннаго Александра воеводы . и вѣра дѣтеи моихъ. и вѣра брата моего жюпана Богдана. и вѣра пана Жюржя старосты и братей его . и дѣтей ихъ . и вѣра пана Станислава Ротомпана и дѣтей его . и вѣра пана Драгоша отъ нѣмца . и дѣтеи его . и вѣра пана Михаила Шева и дѣтей его . и вѣра пана Гринкова и дѣтей его . и вѣра пана Жюметате Иона . и дѣтей его . и вѣра пана Влада дворника . и братей его. и вѣра пана Шандра отъ Нѣмця. и дѣтей его . и вѣра пана Сина Бырлича и дѣтей его . и вѣра пана Влада Сирятьского . и дѣтей его . и вѣра пана Спеня Жюржя и дѣтей его . и вѣра пана Сперя Жюржя и дѣ . . . . . .

. . . . . онвского . и вѣра пана Вылуя . и вѣра пана То . . . тей его . и вѣра пана Оана дворника Сучавскаго и дѣтей его . и вѣра пана Яцкова и дѣтей его . и вѣра пана Раваса Литовоя и дѣтей его . и вѣра пана Югша Тадеровичя . и вѣра пана Маневичя Ивашка стольника и дѣтеи его . и вѣра пана прочелника Стояна и дѣтей его . и вѣра пана Стана постелника и дѣтей его . и вѣра оусѣхъ бояръ Молдавскихъ . и великыхъ и малыхъ. а по нашемъ животѣ кто имѣтъ быти господарь оу земли Молавской . отъ братіи нашихъ или отъ нашего племене . или будь кто . то имъ что быху не порушили нашего данья . и нашего оутвержденья . за нуже есмы имъ дали за правую и за вѣрную ихъ службу . а коли который господарь имъ . . . тъ безъ вины ихъ . таковыи штобы былъ проклятъ отъ Господа Бога. и отъ Пречистыя Его Матере . и отъ святыхъ верховныхъ ВІ апостолъ . и отъ ТИІ святыхъ Отецъ Никейскихъ . и отъ оусихъ Святыхъ . и таковыи штобы былъ подобенъ Июдѣ прѣдателю . и проклятому Арию . и жидовомъ что рекли на Христа . Кровь его на насъ и на . . . . хъ ихъ . а на потверженье тѣмъ оусимъ . велѣли есмы слузи нашему братяю логоѳету писати и привѣсити печать наша къ сему листу нашему . оу Сучавѣ . въ лѣто . шестотысячное девять сотъ и ЄІ . марта . И.

---

[4] Венелинъ полагаетъ что слово это значитъ: «межи», «предѣлы», но съ-тѣмъ-вмѣстѣ и самъ думаетъ, что оно одного происхожденія съ Русскимъ «хуторъ». Влахо-Болгарскія и Дако-Славянскія граматы, *Ю. Венелина.* Стр. 62.

[5] Тамъ-же.

ГРАМАТА, ДАННАЯ МОНАСТЫРЮ КИПРІАНА ВЪ БЕССАРАБІИ, ІО АНТІОХОМЪ КОНСТАНТИНОМЪ ВОЕВОДОЮ МОЛДО-ВЛАХІЙСКИМЪ, ВЪ 1698 ГОДУ[1].

Въ имя Отца и Сына и Святаго Духа, Троица святаа единосущнаа и нераздѣлимаа. Се азь рабь Владыки моему Господу Богу и Спасу нашему Іисусъ Христу, и троическый поклонникъ Іѡ Антіохъ Константинъ Воевода. Божіею милостію Господарь земли Молдавской. Оже господства-мы благопроизволихъ, нашимъ благымь произволеніемь, чистимъ и свѣтлимъ сердцемь, ѿ всея нашея души, и ѿ Бога помощія, сматряще господства-мы, и ревнующе добримъ дѣломъ иже дѣлаше иншіи святопочившіи Господаріе прежде насъ бывшіи, ѿ любве еже имѣли къ Богу, и къ святымь церквамь, и монастирямъ, и къ Богомолебникамъ, иже помиловаше, и оукрѣпище спасенія ради души своея въ вѣчное не оумираемое имя доброе, и неминущее поминаніе. Того ради господства-мы, купно съ четыри святители Молдавскіи, кѵръ Савва архіепископь и митрополить Сучавскій, и кѵръ Мисаилъ епископь Романскый, и кѵръ Лаврентій епископь Радовскый, и кѵръ Варлаамъ епископь Хушскый, и съ въсѣмь съвѣтомь болярей нашихъ, великихъ, и малихъ, сматряхомъ ради святаго монастиря называемаго Кѫпріяна, идеже есь храмь Оуспеніе пресвятія чистія, и преблагословенія Владычици нашея Богородици, и присно дѣвы Марія. Понеже зѣло ослабилъ, и осиротѣль сей святый монастырь, и осталь безъ комати, и безъ всего еже требуеть на пищу обители таковой, ѿ нерадѣнія, и злаго оустроенія живущихъ въ ней ленивихъ, и непотребнихъ Богу, и человѣкомъ злихъ калугерей. Сего ради господствамы, и съ въсѣмь съвѣтомь нашимъ сматряхомъ, и съвѣтовахомъ яко неподобаеть оставити сей святый монастырь Кѫпріяна да опустѣеть, и осиротѣеть доконца въ дни господства нашего. Ино господства-мы поклонихомъ, и помиловахомъ, и дадохомъ сей святый монастырь Кѫпріяна святому славному царскому монастырю называемому Зографа, въ Святѣй-Горѣ Аѳонстѣй, идеже есь храмъ святаго славнаго чудотворца, и побѣдоносца, великомученика Христова воина Георгіа, яко да будеть монастырь сей вышеписанный Кѫпріяна вѣчный метохъ святѣй обители Зографской ѿ Святаа-Гора, якоже есь и святый монастырь Добровѣць. Понеже святопочившый Іѡ Стефань Воевода, старый и добрый, отець святопочившаго Іѡ Богдана Воеводи, есь кти-

[1] Сообщена корр. Нелидовымъ. Подлинникъ хранится въ Зографскомъ монастырѣ (см. стр. 288). Копія, находящаяся въ Кипріановскомъ монастырѣ писана на большемъ листѣ Кириловскими буквами съ титлами и сокращеніями.

торь святѣй обители Зографской, обнови, и помилова святую обитель, часть мура стеннаго разоренную създа, и келіи, и трапезарію създа, и ризи, и сусуди, и комати даде, сего ради бывши ктиторь сей святопочившій Господарь вышшеписанный Стефанъ Воевода святѣй обители Зографской ѿ Святаа-Гора, и паки ктиторь, и фундаторь симь обомъ монастырямъ Кѫпріянѣ, и Добровѣцу, ѿ него създани, того ради подобаше своихъ въ своаси, съ добримъ расужденіемъ вѣчный метохъ да будетъ отнынѣ святый монастырь Кѫпріяна святѣй обители Зографской ѿ Святаа-Гора, и съ въси ѿ нини ѿ ктиторовь дани, съ села, съ вечини, сиречь сусѣди, колико суть монастырскіи, и съ виногради, и съ сусуди церковныи, и домашныи, и съ цигани, и съ ставове, и съ млини, и съ езерови, сиречь блата съ риби, и съ садове, и съ пасики, и съ въси комати, говеди, и иное быдло, и съ весь приход ѿ поля, и ѿ лѣса, и ѿ въсюду, якоже повѣдають привилія, и народенія и другыхъ святопочившихъ Господарей Молдавскихъ: и единь оурикь, сиречь Хрисовуль, ѿ святопочившаго Василіа Воеводи за Добровѣцъ, понеже и Добровецъ бяше осиротѣль, и опустѣль не когда, якоже нынѣ Кѫпріана, и видѣвши святопочившій Василій Воевода опустѣніе Добровѣцкой обители ѿ нерадѣнія, и лѣности, и злаго оустроенія калугеровъ Власкыхъ, поклонилъ святый монастырь Добровѣцкій святѣй обители Зографской ѿ Святаа-Гора вѣчный метохъ, якоже свидѣтельствуетъ правый оурикъ господства его. сего ради и мы поревновахомъ сему святопочившему Господарю Василіеви, якоже онь сътворилъ съ Добровецкаа обитель, такожде и мы сътворихомъ съ Кѫпріянскаа обитель. Понеже жителіе святѣй обители Зографской ѿ Святаа-Гора, святыи и честныи отци суть Серби, Болгари, и посланныи оттуду здѣ ігумени, и еромонахи, и ѥродіакони, и монахи, суть Серби цѣломудріи, и добрыи строителіе святѣй церкви, и честному дому, якоже оугодно есь Богу и человѣкомъ. Тѣмже ѿ нынѣ напредъ вѣчный да будеть, и непоколебимь метохъ святаа обитель Кѫпріяна, святѣй обители Зографской ѿ Святаа-Гора, якоже вышше писано есь. А честныи отци святѣй обители Зографской ѿ Святаа-Гора да имають Бога молити за наше здравіе, и спасеніе, и Господжи нашей, и Богоданныхъ чадъ нашихъ и за отпущеніе грѣховь родителей нашихъ святопочившихъ. А на то есь вѣра нашего господства вышше писаннаго. Мы, Ио Антіохъ Константинъ Воевода, и вѣра превъзлюбленнаго брата господства-мы, Ио Димитрій Воевода, и вѣра бояровь нашихъ. Вѣра пана Василіа Костаки великаго дворника долней земли, и вѣра пана Митри Апостоль великаго дворника вишней земли, и вѣра пана Лупулъ Богдань хетмана, и пѫркълаба Сучавскаго, и вѣра пана Манолакія великаго постельника, и вѣра пана Михѣлакія Раковици великаго спатаря, и вѣра пана Чокърлана великаго чяшника, и вѣра пана Іордакія великаго вистѧрника, и вѣра пана

Иле великаго столника, и вѣра пана Стефань Черкезъ великаго комиса, и пана Іоань меденичаря, и пана Дабижя ключаря, и пана Константина сърдаря, и пана Ивашко сулджяря, и пана Сандуль Крупинскый житничаря, и вѣра въсѣхъ болярей нашихъ Молдавскихъ, великихъ, и малихъ. А по нашемь животѣ, и господствованіи, кого Богъ избереть Господарь быти оу нашей земли Молдавстей, ѿ дѣтей нашихъ, или ѿ нашего роду, или пакъ кого Богъ избереть Господарь быти, тотъ бы имъ непорушиль наше дааніе, и оустроеніе святаго монастыря вышше писаннаго. А кто ся покусить разорити, и сказити наше дааніе, и оустроеніе, да будетъ непрощеный ѿ Господа Бога сътворшаго небо и землю, и ѿ Пречистія его Матере, и ѿ триста и осмьнадесять отцевь, иже въ Никеи святѣмъ градѣ. Анаѳема да будеть, и маранаѳа, и да имаеть часть съ Іудою, и съ триклятомъ Аріемь, въ безконечныя вѣки муки, аминь. А на болшую крѣпость, и подверженіе, велѣли есми нашему болярину, вѣрному, и почтенному пану, Николай Доничъ великому логофету писати, и нашу печать привѣсити къ сему истинному листу нашему:

Іѡанъ Антіѡхъ Кѡнст. воевода (М. П.) Писалъ Петрашко Добровецкій, оу Ясохъ, въ лѣто ϡCS.

ГРАМАТА ПЕТРА I-го, 14 ОКТЯБРЯ 1704 ГОДА.

Отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи Самодержца, стольнику *Нашему* Изюмскаго полка полковнику Ѳедору Володиміровичу Шидловскому [1]).

Въ прошломъ 1702 году, Іюня въ 26 день, къ *Намъ*, *Великому Государю*, писалъ ты: въ прошлыхъ-де годѣхъ до ста восемдесятъ четвертаго году, за Бѣлогородскою чертою, за рѣкою Сѣверскимъ Донцемъ, на Крымской сторонѣ, у соляныхъ пяти озеръ, соль варивали пріѣзжіе всякихъ чиновъ люди Русскіе и Черкасы наѣздомъ, и стаивали у того промыслу обозами. И въ томъ

[1] Грамата эта находится въ Новороссійскомъ Краѣ у частныхъ людей въ нѣсколькихъ копіяхъ, болѣе или менѣе обезображенныхъ переписчиками. Одна изъ нихъ доставлена была Обществу отъ достопочтеннаго сочлена преосвященнаго Гавріила, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго.

же-де во сто восемдесятъ четвертомъ году, по указу Отца *Нашего Государева* блаженныя памяти *Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича* всея великія, и малыя, и бѣлыя Россіи *Самодержца*, у тѣхъ соляныхъ озеръ для опасенія отъ непріятельскихъ людей построенъ соляной городокъ Торъ и призваны на житье Черкасы. И живучи въ томъ городѣ служили въ твоемъ Изюмскомъ полку компанейскую службу, а иные-де компанейщикомъ были написаны въ подмощники.

А въ прошломъ-де 1701 году тѣ Торскіе жители обыскали мѣсто въ дачахъ Изюмскаго полка, на рѣчкѣ Бахмутѣ, гдѣ соль варить прибыльнѣе Торскаго, и съ того города Тору безъ *Нашего Великаго Государя* указа и безъ твоего вѣдома, перешли всѣ жить на ту рѣчку Бахмутъ; такожь изъ того Изюмскаго полка, изъ городовъ и иныхъ Черкаскихъ полковъ жители Черкасы перешли въ то мѣсто жить многіе; также и Русскіе всякихъ чиновъ служилые люди, и бѣглые помѣщиковы люди, и крестьяны пришли многіе-жь, и живутъ самовольно, и службы никакой не служатъ и тебѣ чинятся непослушны. А тотъ-де старый городокъ Торъ учинился пустъ и *Нашей Государевы* службы въ компанейщикахъ и въ помощникахъ учинился уронъ великой, и отъ самовольнаго ихъ житія Украинскимъ городамъ отъ непріятельскихъ людей великое опасеніе, потому: какъ – де Торскіе жители были въ твоемъ Изюмскомъ полку и они надъ непріятельскими людьми въ поискахъ и на охраненіе Украинскихъ городовъ на отпоръ, по приказу твоему, были всегда послушны, а нынѣ отъ тѣхъ самовольныхъ жителей оберечи Украинскихъ городовъ невозможно, а безъ *Нашего Великаго Государя* указа переписать ихъ и въ службу написать въ Изюмской полкъ ты не смѣешь, а пристойно въ томъ мѣстѣ Бахмутѣ построить крѣпость. И Августа въ 14-й день 1702 года, по *Нашему Великаго Государя* указу, послана *Наша Великаго Государя* грамата въ Бѣлгородъ, къ генералу *Нашему* князю Ивану Михайловичу Кольцову-Мосальскому съ товарищи, велѣно имъ изъ Бѣлгорода на то новопоселенное мѣсто, на рѣчку Бахмутъ, послать кого пригоже, и на той рѣчкѣ Бахмутѣ, при тебѣ, новопоселенныхъ жителей

скаго. Желая повѣрить текстъ ея, Общество сколько ни старалось открыть, гдѣ находится подлинникъ (по слухамъ, онъ хранится у кого-то изъ рода Шидловскихъ), но всѣ старанія остались безъ успѣха. Не желая однако-жь оставить этого любопытнаго для Исторіи Новороссійскаго Края документа въ неизвѣстности, Общество рѣшилось довольствоваться на первый разъ исправленіемъ сдѣланнымъ чрезъ сличеніе нѣсколькихъ списковъ, которые получить могло. Совсѣмъ тѣмъ нѣкоторыя мѣста оказались слишкомъ темными, даже вовсе не понятными, въ другихъ очевидны пропуски: Общество въ такомъ случаѣ держалось доставленнаго ему отъ преосвященнаго Гавріила экземпляра, который вообще оказался, если не исправнѣйшимъ, то полнѣйшимъ. При семъ случаѣ Общество покорнѣйше проситъ того, кто имѣетъ въ рукахъ своихъ подлинникъ, сообщить ему для снятія вѣрнѣйшей копіи и доведенія до свѣдѣнія публики.

переписать всѣхъ, и взять у нихъ сказки: съ которыхъ городовъ, и какихъ чиновъ, и кто именно въ то мѣсто на рѣчку Бахмутъ пришли и поселились; и въ тѣхъ городахъ, откуда пришли, какую службу служили, или за помѣщики и за вотчинники жили? И то новопоселенное мѣсто на рѣчкѣ Бахмутѣ, и соляныхъ озеръ, и всѣхъ займищъ, и строеніе осмотрѣть, и описать, и учинить чертежъ съ пространнымъ начертаніемъ, съ подписью, съ подлинною вѣдомостью: въ которыхъ мѣстахъ прилично какую крѣпость построить, и тому всему учинить описныя книги, и въ тѣхъ книгахъ, кто которыхъ городовъ, и какихъ чиновъ, и кто у нихъ дѣтей и братьевъ, и всякихъ свойственниковъ написать именно, и тѣхъ новопоселенныхъ жителей, которые явятся Черкасы, до *Нашего Великаго Государя* указа велѣно вѣдать тебѣ, а Русскихъ — вѣдать Торскому Приказному Человѣку и собрать по нимъ по всѣмъ поручные записи, что имъ безъ *Нашего Великаго Государя* указа изъ того поселенія никуда не сходить.

А Генваря въ 31-й день прошлаго 703 года въ *Нашемъ Великаго Государя* указѣ въ Розрядъ изъ Посольскаго Приказу писано:

Въ прошломъ-де 1702 году къ *Намъ Великому Государю* писали съ Дону Донскіе атаманы и козаки, войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ и все войско Донское, Зимовой Станицы съ станичнымъ атаманомъ съ Тимоѳеемъ Ѳедоровымъ съ товарищи, и тѣ-де атаманъ и козаки *Намъ Великому Государю* били челомъ: по *Нашему* де *Великаго Государя* указу и по граматѣ для прихода ратнымъ людямъ въ степи, на рѣчкѣ Бахмутѣ, чрезъ которую надлежитъ путь къ Троицкому, на новой большой дорогѣ, верховые ихъ козаки учали селиться и учинили себѣ отъ непріятельскаго прихода крѣпость, городокъ построили, и огородясь, тѣмъ мѣстомъ путь непріятельскимъ людямъ заняли, и ты-де прислалъ къ нимъ на ту рѣчку полку своего козаковъ разныхъ городовъ жителей, и тѣ-де козаки, пришедъ къ нимъ, ихъ съ того новопоселеннаго мѣста сбываютъ и насильствомъ своимъ бьютъ ихъ, и грабятъ, и ругаютъ, и всякое разореніе имъ чинятъ, и хвалятся смертнымъ убійствомъ, и живутъ-же только для соляного промыслу наѣздомъ; а хоромнымъ строеніемъ не селятся, и крѣпости никакой не чинятъ; для того, что-де рѣчка Бахмутъ отъ Изюма и отъ иныхъ Черкасскихъ городовъ въ дальнемъ разстояніи, а къ ихъ козачьимъ городкамъ прилегла въ близости, и *Намъ Великому Государю* пожаловати-бъ ихъ не велѣть Изюмскаго полку козакамъ на Бахмутъ рѣчку, къ новопоселеннымъ ихъ на той рѣчкѣ верховымъ козакамъ ѣздить и никакихъ задоровъ съ ними чинить, и соли въ тѣхъ мѣстѣхъ и нынѣ и впредь имать.

И по *Нашему Великаго Государя* указу другая грамата въ Бѣлгородъ къ генералу *Нашему* съ товарищи: велѣно имъ о посылкѣ въ тѣ вышеписанныя мѣста для осмотра и

описи и для переписки новопоселенныхъ жителей учинить по прежнему *Нашему Великаго Государя* указу, и по граматѣ какова послана къ нимъ на предъ сего, Августа въ 14-й день 1702 года, и описать: въ чьихъ дачахъ тѣ Черкасы и Донскіе жители поселились, и какія крѣпости построили, и Донскихъ жителей поселенія отъ поселенія Торскихъ Черкасъ въ сколькомъ разстояніи, и сколько гдѣ жителей поселились, да о томъ къ *Намъ Великому Государю* велѣно писать, и тому всему описанія, и переписныя книги, и чертежъ, и поручныя записи, прислать въ Розрядъ не замотчавъ.

И Апрѣля въ 1-й день прошлаго 703 года къ *Намъ Великому Государю* писали изъ Бѣлгорода генералъ *Нашъ* князь Иванъ Михайловичъ Кольцовъ-Мосальской съ товарищи, что посылали-де они изъ Бѣлгорода на рѣчку Бахмутъ поручика Петра Языкова, и тому книги и сказки и чертежъ прислали къ Москвѣ въ Розрядъ; а въ описныхъ книгахъ писано: на новопоселенномъ мѣстѣ, на рѣчкѣ Бахмутѣ, жителей Русскихъ: Торскихъ, и Маяцкихъ и иныхъ разныхъ городовъ 36 человѣкъ; Черкасъ Изюмскаго полку: Торскихъ и Маяцкихъ жителей 112 человѣкъ; Донскихъ козаковъ 2 человѣка, въ томъ числѣ одинъ сказалъ: Черкасской станицы, живетъ на рѣчкѣ Бахмутѣ въ курени прикащикомъ у Донскаго-жь козака наѣздомъ, для варенія соли; другой Дурновской станицы, на Бахмутъ пришелъ для варенія соли. У тѣхъ у всѣхъ жителей: 29 соловарныхъ колодязей, 49 дворовъ, 49 избъ, 11 анбаровъ, 48 куреней и землянокъ. А въ чертежѣ написано: по Крымской сторонѣ, на которой построенъ Изюмскаго полку городъ Торъ и Маяки, и отъ того города Тору до новопоселеннаго мѣста, до рѣчки Бахмута, гдѣ построены соловарные курени, дикою степью 30 верстъ; а отъ Бахмута рѣчки, до Донскаго козачьяго юртоваго города Сухарева, дикою-жь степью 35 верстъ; а тотъ Донской козачій Сухаревъ городокъ стоитъ за рѣкою Сѣверскимъ-Донцемъ на Ногайской сторонѣ, а отъ Тору-жь рѣкою Сѣверскимъ-Донцемъ въ-низъ до того-жь Донскаго козачьяго городка Сухарева 65 верстъ, и къ Изюмскому полку та рѣчка Бахмутъ ближе пяти верстъ.

И Апрѣля въ 21-й день прошлаго-жь 703 году, къ *Намъ Великому Государю* писалъ ты: въ прошломъ-де 702 году Изюмскаго полку Торскіе и Маяцкіе жители сошли для варенія соли на рѣчку Бахмутъ, а безъ крѣпости-де имъ Бахмутскимъ жителямъ отъ приходу непріятельскихъ людей жить опасно, и о томъ-бы тебѣ *Нашъ Великаго Государя* указъ учинить.

И Апрѣля-жь въ 31 день, по *Нашему-жь Великаго Государя* указу послана къ тебѣ *Наша Великаго Государя* грамата, велѣно на той рѣчкѣ Бахмутѣ, по перепискѣ поручика Петра Языкова жителей вѣдать: Русскихъ людей Торскому Приказному Человѣку, а Черкасъ тебѣ, и быть имъ въ твоемъ Изюмскомъ полку по-прежнему, и

впредь, въ то мѣсто, на рѣчку Бахмутъ Донскихъ козаковъ и никакихъ пришлыхъ людей и Черкасъ, безъ *Нашего Великаго Государя указа*, и безъ граматы изъ Розряду не принимать, и жить пущать не велѣно для того, что то урочище по описи явилося въ твоемъ Изюмскомъ полку отъ рѣки Сѣверскаго-Донца на Крымской сторонѣ, а отъ Донскихъ городовъ въ дальнемъ разстояніи и за Сѣверскимъ-Донцемъ. А что изъ Посольскаго Приказу писано, что Донскіе козаки для приходу ратнымъ людямъ въ степи, на рѣчкѣ Бахмутѣ учали селиться, и учинили себѣ крѣпость; и по описи вышеписаннаго поручика Петра Языкова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вышеписанные новопоселенные жители на рѣчкѣ Бахмутѣ живутъ, Донскихъ козаковъ никакой крѣпости не явилось, а явилось по описи Донскихъ козаковъ только два человѣка, и тѣ сказали: одинъ живетъ въ курени прикащикомъ у Донскаго козака для варенія соли, другой пришелъ на рѣчку Бахмутъ для варенья-жь соли, а опричь того тѣхъ Донскихъ козаковъ жителей, и никакой крѣпости не явилось-де.

Да Сентября въ 11-й день, въ 703-же году, *Намъ Великому Государю* писалъ ты, тѣ-жь Бахмутскіе-де жители всякихъ чиновъ люди били челомъ *Намъ Великому Государю*, и говорили тебѣ словесно, что по многимъ-де вѣдомостямъ изъ разныхъ мѣстъ Крымскія орды изъ Перекопу выбрались, а знатно что хотятъ приходить войною подъ *Наши Великаго Государя* Украинскіе городы, да имъ-же Бахмутскимъ жителямъ отъ Калмыцкихъ кочевыхъ ордъ, которыя кочуютъ близъ Міюса, и отъ своевольныхъ Запорожцевъ чинится великое разореніе: лошадей у нихъ отгоняютъ непрестанно, а укрыться-де съ тѣми лошадьми и пожитками на Бахмутѣ негдѣ; и оттого-де имъ на Бахмутѣ жить страшно; и чтобъ для такихъ тревожныхъ вѣдомостей, и отъ Калмыцкихъ и Запорожскихъ разореній, сдѣлать имъ на Бахмутѣ для охраненія деревянную крѣпость, и потому-де ихъ челобитью Бахмутскими жительми, на той рѣчкѣ Бахмутѣ для сбѣжища имъ самимъ и для сгону скота, велѣлъ ты обставить острожокъ палами, по объ стороны рѣчки Бахмута, и пустили ту рѣчку посединѣ того острожка.

А Февраля въ 5-й день нынѣшняго 704 году, въ *Нашемъ Великаго Государя* указѣ въ Розрядъ изъ Семеновской Приказной Палаты, за приписью дьяка Анисима Щукина написано: указали *Мы Великій Государь*, въ Торскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Бахмутѣ, у всякихъ чиновъ людей соляные промыслы описать, и тѣмъ солянымъ промысламъ перепись учинить тебѣ, и тѣ переписныя книги тебѣ, за своею, и тѣхъ людей чьи тѣ соляные промыслы, за руками, прислать тебѣ въ Семеновскую Приказную Палату, и о томъ изъ Розряду *Наша Великаго Государя* грамата къ тебѣ послана.

Да въ прошломъ 1700 году, Сентября въ 11-й день, къ *Намъ Великому Государю* писалъ изъ Бѣлгорода, бояринъ *Нашъ* и во-

евода князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукой съ товарищи: Мая-де во 2-й день 700 году били челомъ *Намъ Великому Государю*, а имъ боярину *Нашему* и воеводѣ, въ Бѣлгородѣ въ Розрядной Избѣ, подали челобитную Изюмскаго полку старшина судья Андрей Скотченко съ товарищи всѣмъ полкомъ: Изюмскаго полку городы построены по чертѣ по рѣчкѣ Донцу и отъ приходу непріятельскихъ людей земель распахивать за рѣкою Донцемъ на Крымской сторонѣ имѣютъ они утѣсненіе, и распашныхъ земель не имѣютъ многіе; а съ прошлыхъ-де годовъ, тому лѣтъ съ пятьдесятъ и больше, и по се число, Царе-Борисовскіе и Маяцкіе и иныхъ городовъ жители, Изюмскаго полку козаки съ Ногайской стороны рѣки Донца, отъ Оскольскихъ Изюмскаго полку городовъ въ пятнадцати верстахъ, на рѣчкѣ Красной съ верховья въ-низъ до Кабаньева-Броду по обѣ стороны, и по Дуванной и по Хариной долинамъ и по инымъ отвершкамъ, которыя въ ту рѣчку впали, владѣютъ пасѣками и лѣсами и сѣнными покосы и рыбными ловлями и всякими угодьи, да съ Ногайской-же стороны рѣки Сѣверскаго-Донца за рѣкою Осколомъ, Маяцкіе-жь и Торскіе жители владѣютъ на рѣчкѣ Жеребцѣ всякими угодьи до устья, правою стороною. И *Намъ Великому Государю* пожаловать-бы ихъ велѣть полку ихъ козакамъ Черкасамъ, на тѣхъ рѣчкахъ Красной съ верховья въ-низъ до Кабаньева-Броду, и по Дуванной и по Хариной и по инымъ долинамъ, которыя въ ту рѣчку Красную впали; а на рѣчкѣ Жеребцѣ, съ верховья до устья правою стороною селиться, гдѣ пристойно, слободами и строиться дворами, и въ тѣхъ урочищахъ всякими угодьи владѣть по-прежнему имъ, Изюмскаго полку старшинѣ и козакамъ, которые въ тѣхъ урочищахъ похотятъ жить въ Изюмскомъ полку и въ козакахъ быть по-прежнему. И противъ того-де ихъ челобитья они, боярин *Нашъ* и воевода, посылали изъ Бѣлгорода на тѣ рѣчки Красную и на Жеребецъ съ урочищи, Бѣлогородскія Розрядныя Избы подьячего Микифора Сомова, и велѣли, взявъ иныхъ городовъ сторонних людей и сыскать накрѣпко: Изюмскаго полку старшина и козаки съ верховья рѣчки Красной въ-низъ по обѣ стороны до Кабаньева-Броду и по Хариной и по Дуванной и по инымъ долинамъ, которые въ тую рѣчку Красную впали, и рѣчкою Жеребцемъ, съ верховья до устья, правою стороною, пасѣкою и лѣсами и сѣнными покосы и рыбными ловли и всякими угодьи владѣютъ-ли? и спору и челобитья отъ кого нѣтъ-ли?

И Мая-жь-де въ 29-й день 700 году въ Бѣлгородѣ въ Разрядной Избѣ имъ боярину *Нашему* и воеводѣ, вышеписанный подьячій Микифоръ Сомовъ подалъ за руками сыскъ, а въ сыску сыскные люди города Зміева: сотенныхъ два, солдатъ четыре, дѣтей боярскихъ пять; города Маяковъ: дѣтей боярскихъ шесть; города Чугуева: копѣйщиковъ три, рейтаръ пять, солдатъ шесть, станичниковъ четыре; Волуйчанъ:

рейтаръ четыре, солдатъ двѣнадцать, всего пятьдесятъ одинъ человѣкъ, сказали: на рѣчкѣ Красной съ верховья въ-низъ до Кабаньева-Броду по обѣи стороны, и по Хариной, и по Дуванной, и по инымъ долинамъ, которыя въ тое рѣчку Красную впали, а рѣчкою Жеребцомъ съ верховья до устья правою стороною пасѣками и лѣсами и сѣнными покосы и рыбными ловли Изюмскаго полку старшина и козаки владѣютъ изстари, прото они вѣдаютъ, а спору и челобитья о тѣхъ рѣчкахъ Красной и Жеребцу со всѣми угодьи, въ то число ни отъ кого не было, и крѣпостей никто не положилъ. Да Іюня въ 5-й день 700 году били челомъ *Намъ Великому Государю*, а имъ Боярину *Нашему* и воеводѣ въ Бѣлгородѣ въ Розрядной Избѣ, подали челобитную, они-жь Изюмскаго полку старшина судья Андрей Скотченко съ товарищи всѣмъ полкомъ, чтобъ имъ о владѣньи на тѣхъ рѣчкахъ Красной и Жеребцѣ съ урочищи, землями и всякими угодьи и о поселеніи слободами Изюмскаго полку козаковъ, кто жить похочетъ на Изюмѣ, къ тебѣ дать отписку. И противъ того челобитья онъ боярин *Нашъ* и воевода писали къ тебѣ на Изюмъ, чтобъ ты на рѣчкахъ Красной и на Жеребцѣ о поселеніи полку своего козаковъ слободами, кто жить похочетъ и землями и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣть велѣлъ; а о справкѣ бить челомъ *Намъ Великому Государю* на Москвѣ. И въ прошломъ-же 703 году Сентября въ 13-й день били челомъ *Намъ Великому Государю* полку твоего старшина Андрей Скотченко съ товарищи, чтобъ *Намъ Великому Государю* пожаловать ихъ, велѣть имъ на тѣ вышеописанныя угодья дать изъ Розряду *Нашу Великаго Государя* грамату. И Сентября въ 22 день, по *Нашему Великаго Государя* указу послана *Наша Великаго Государя* грамата въ Бѣлгородъ къ генералу *Нашему* съ товарищи, велѣно тою вышеписанною землею по сыску и по описи изъ Бѣлгорода боярина *Нашего* и воеводы князя Якова Ѳедоровича Долгорукаго съ товарищи, вышеписанными угодьи владѣть твоего Изюмскаго полку старшинѣ и козакамъ.

А Февраля въ 13-й день нынѣшняго 704 года въ *Нашемъ Великаго Государя* указѣ въ Розрядъ изъ Посольскаго Приказу написано: въ прошломъ 703, и въ нынѣшнемъ 704 годѣхъ, въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ, къ *Намъ Великому Государю* писали съ Дону Донскіе козаки, войсковой атаманъ Акимъ Филипьевъ и все войско Донское, съ жалобою на тебя съ полчаны твоими, что-де ты имъ козакамъ въ урочищахъ на рѣчкѣ Бахмутѣ селиться не далъ, и новопостроенный ихъ козацкій городокъ съ жилищами разорилъ до основанія, и пожитки ихъ козацкіе отъ полчанъ твоихъ разграблены, и соляными ихъ козацкими заводами завладѣлъ, и ихъ козаковъ съ того поселенія съ безчестіемъ и съ ругательствомъ согналъ, похваляясь смертнымъ убійствомъ, безъ указа, самовольствомъ своимъ; и на рубежной рѣчкѣ именуемой Жеребецъ, на сторонѣ той

рѣчки, которая въ дачахъ ихъ Донскихъ козаковъ, также и на Красной рѣчкѣ, другой, что между ихъ-же козацкихъ городковъ въ рѣку Сѣверской-Донецъ устьемъ впала ниже двухъ городковъ, мельницы и пасѣки и всякіе селидебные заводы, ты и полчаны твои заводятъ самовольствомъ-же и ихъ козаковъ стѣсняютъ, и луга и сѣнные покосы и всякое угодье отхвачиваютъ и отбиваютъ, и рубежи отводятъ по той Красной рѣчкѣ. И отъ ихъ козацкихъ городовъ самовольныя грани насѣкаютъ и столбы ставятъ въ самыхъ оближнихъ мѣстахъ къ городкамъ ихъ козацкимъ, и въ тѣ-де угодья въѣзжать имъ козакамъ не велятъ, и похваляются на нихъ смертнымъ убійствомъ. И та-де рѣчка Бахмутъ изъ давнихъ лѣтъ въ рыбныхъ и звѣриныхъ ловляхъ и во всякихъ добычахъ, владѣніе было ихъ козацкое. И во время-де приходовъ непріятельскихъ для обережи Украинскихъ городовъ Изюма и Коротояка, приходя они козаки изъ Черкасскаго и изъ иныхъ городковъ, живали на той-же рѣчкѣ Бахмутѣ; а тѣсноты имъ козакамъ и разоренія и запрещенія не было. А нынѣ-де въ томъ мѣстѣ населилъ ты Черкасами и ихъ козаковъ истѣснилъ; и *Намъ Великому Государю* пожаловать-бы ихъ велѣть противъ ихъ войсковыхъ Донскихъ козаковъ списокъ въ обидахъ съ тобою *Нашъ Великаго Государя* указъ учинить.

И Марта въ 5-й день нынѣшняго 704 года по *Нашему Великаго Государя* указу послана изъ Розряда, *Наша Великаго Государя* грамата, въ Бѣлгородъ къ генералу *Нашему* князю Ивану Михайловичу Кольцову-Мосальскому съ товарищи, велѣно имъ изъ Бѣлгорода на рѣчки Бахмутъ и Красную и Жеребецъ послать кого пригоже, и противъ вышеписаннаго Донскихъ козаковъ челобитья сыскать тамошними жители сторонними людьми кѣмъ пристойно, въ правду, тѣми рѣчками Бахмутомъ, и Красною, и Жеребцемъ, и по тѣмъ рѣчкамъ землями и всякими угодьи кто прежде владѣлъ: Изюмскаго-ль полку Черкасы, или Донскіе козаки, или за приходами непріятельскихъ людей тѣ мѣста были впустѣ; и нынѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ сколько гдѣ, и въ которыхъ урочищахъ каково поселеніе: Русскихъ людей, или Черкасъ, или Донскихъ козаковъ, и сколько гдѣ какихъ угодей, и лѣсовъ, и земель, и сѣнныхъ покосовъ, и рыбныхъ ловель, то все описать именно и учинить чертежъ, да о томъ къ *Намъ Великому Государю* велѣно писать, и сыскъ и описные книги и чертежъ прислать въ Розрядъ. И въ нынѣшнемъ-же 704 году Сентября въ 3-й день къ *Намъ Великому Государю* писали изъ Бѣлгорода генералъ *Нашъ* князь Иванъ Михайловичъ Кольцовъ-Мосальскій съ товарищи: посылали-де они изъ Бѣлгорода на вышеписанныя рѣчки Бахмутъ, и Красную, и Жеребецъ, Бѣлгородскаго жилаго солдатскаго Осипова полку Булгакова, капитана Григорія Стрипухина. Іюля въ 16-й день онъ капитанъ въ Бѣлгородѣ въ Розрядной Избѣ

о тѣхъ вышеписанныхъ рѣчкахъ подалъ имъ сыскъ за рукою, а въ томъ сыску написано: Іюня въ 25-й день города Чугуева старожилы сотенныя службы два, виноградные садовники два-жь, сказали: напередъ-де сего въ давнихъ годѣхъ, какъ не было городовъ Изюма и Маяцкаго и Соляного, и рѣчками-де Бахмутомъ и Красною и Жеребцемъ со всѣми угодьи владѣли Донскіе козаки, и изъ разныхъ городовъ пріѣзжіе люди, и живали наѣздомъ для рыбной и звѣриной ловли, и для зимняго времени строивали курени и землянки; а поселеній на тѣхъ рѣчкахъ ихъ козацкихъ городковъ и селъ никакихъ не было; а по какому *Нашего Великаго Государя* указу они козаки и разныхъ городовъ люди тѣми рѣчками владѣли и кто напредь сего почали владѣть тѣми рѣчками, Донскіе-ль козаки, или Изюмскаго полку Черкасы, про-то они не знаютъ. А что нынѣ построенъ на рѣчкѣ Бахмутѣ городокъ, гдѣ нынѣ варятъ соль, и тотъ-де городокъ кто построилъ, Донскіе-ль козаки или Изюмскаго полку Черкасы, про-то они не знаютъ-же. А какъ-де построены города Маяцкой и Соляной, и тѣхъ городовъ жители въ-низъ по рѣчкѣ Донцу владѣли до устья рѣчки Бахмута, и Донскіе городки: Сухаревъ, Краснянской, построены послѣ городовъ Царе-Борисова и Маяцкаго и Солянаго, а въ которыхъ годѣхъ, про-то они сказать не помнятъ. Города Валуекъ старожилы: станичники четыре, козаковъ три, стрѣльцовъ три, ямщикъ одинъ человѣкъ, сказали: напередъ-де сего въ давнихъ годѣхъ, какъ не было городовъ Изюма и Маяцкого и Соляного и рѣчками-де Бахмутомъ и Красною и Жеребцемъ со всѣми угодьи владѣли Донскіе козаки. и для зимняго времени были у нихъ козаковъ курени, да владѣли изъ разныхъ городовъ люди наѣздомъ для рыбной и звѣриной ловли, а рѣкою Донцемъ владѣли они козаки въ то время въ-верхъ по Донцу, по Посольской перевозъ, а поселенія на тѣхъ рѣчкахъ, городковъ и селъ ихъ козацкихъ никакихъ не было, а по какому *Нашего Великаго Государя* указу они козаки и разныхъ городовъ люди тѣми рѣчками владѣли, про-то они не знаютъ. А что-де нынѣ построенъ на рѣчкѣ Бахмутѣ городокъ, гдѣ нынѣ варятъ соль, и тотъ городокъ по какому *Нашего Великаго Государя* указу и кто его построилъ, Донскіе-ль козаки, или Изюмскаго полку Черкасы, про то они не знаютъ. А устьемъ та рѣчка Бахмутъ впала въ рѣку Донецъ, выше Донскаго козачья городка Сухарева, верстахъ въ трехъ; а какъ построены городы Царевъ-Борисовъ и Маяцкой и Соляной, и тѣхъ-де городковъ жители владѣли въ-низъ рѣкою Донцомъ по Рѣпину-Яму, а Донскіе-де городки Сухаревъ и Краснянской построены послѣ городовъ Царе-Борисова и Маяцкого, и Соляного, а въ которыхъ годѣхъ, про-то сказать не упомнятъ. Царе-Борисовскіе жители, Русскіе люди и Черкасы шестьдесятъ три человѣка сказали:

какъ-де не было городовъ Царе-Борисова, и Маяцкаго, и Тору, и Изюма, и въ то время рѣчки Бахмутъ и Красная и Жеребецъ за приходами непріятельскихъ воинскихъ людей были впустѣ, и поселенія на нихъ никакого не бывало; только по тѣмъ рѣчкамъ были наѣздомъ, для звѣриныхъ и рыбныхъ ловель, Бѣлгородскаго Розряду разныхъ городовъ Русскіе люди и Черкасы; а Донскихъ козаковъ по тѣмъ рѣчкамъ никакого поселенія не было, только изстари тѣ вышеписанныя рѣчки во владѣніи были Бѣлгородскаго Розряда городовъ; а какъ построены города Царевъ-Борисовъ и Маяцкой и Торъ, и съ того-де времени и по се число, по рѣчкѣ Жеребцу и съ верховья до рѣчки Красной, въ-низъ до Кабаньева-Броду пасѣками, и рыбными и звѣриными ловлями владѣютъ тѣхъ вышеписанныхъ городовъ жители лѣтъ съ пятьдесятъ и болѣе. И на рѣчкѣ Жеребцѣ, Торскіе и Маяцкіе жители обыскавъ соляныя воды построили курени и варили соль; а отъ Донскихъ козаковъ о томъ владѣніи спору и челобитья, съ того числа и по сіе время на нихъ Торскихъ и Маяцкихъ и Царе-Борисовскихъ жителей никакого не было: для того-что какъ они Донскіе козаки, въ тѣ времена, миривались съ Азовскими жителями, съ Турки и съ Татары, и они Донскіе козаки миривались въ-верхъ по рѣчкѣ Донцу, по рѣчку Гайдаръ, которая впала въ рѣку Донецъ съ Ногайской стороны, ниже рѣчекъ Бахмута и Жеребца и Красной, и за тѣмъ ихъ миромъ, по тѣмъ вышеписаннымъ рѣчкамъ, Азовскіе Татары, Изюмскаго полку козаковъ на пасѣкахъ, и на рыбныхъ и звѣриныхъ ловляхъ бирали въ полонъ многое число. А что на рѣчкѣ Бахмутѣ построенъ городокъ, и близъ рѣчки Жеребца построено село Ямполь, и на рѣчкѣ Красной село Красное у Мѣловаго-Броду, по какому *Нашего Великаго Государя* указу, про-то они не знаютъ. А на Крымской сторонѣ рѣки Сѣверскаго-Донца, окромѣ твоего Изюмскаго полку городовъ Изюма, и Маяцкаго, и Тору, и Бахмута, ихъ Донскихъ козаковъ поселенія никакого не бывало. А что на рѣчкѣ Красной, у Кабаньева-Броду построился козацкій юртъ, и тотъ юртъ строится на пасѣчномъ мѣстѣ Изюмскаго полку козака Ѳедора Куриленка, и въ томъ юртѣ принимаютъ они Донскіе козаки бѣглыхъ людей, которые бѣгутъ Бѣлгородскаго Розряду изъ городовъ отъ службы и отъ рублевыхъ денегъ. Маяцкіе жители сорокъ человѣкъ сказали: въ прошлыхъ-де годѣхъ, до измѣны Ивашки Брюховецкаго и Стеньки Разина, владѣли по рѣчкѣ Бахмуту и по рѣчкѣ Жеребцу, рыбными и звѣриными ловли Царе-Борисовскіе и Маяцкіе и Торскіе жители, и иныхъ городовъ, Чугуевцы, Салтовцы и Валуйчане, отъ приходу непріятельскихъ людей тайно, а пасѣками владѣютъ, и сѣно косютъ, Торскіе и Маяцкіе жители; а поселенія никакого на тѣхъ рѣчкахъ до строенія городка Бахмута, и села Ямполя и

села Краснаго, что у Мѣловаго-Броду, ихъ Донскихъ козаковъ никакого не было, и до тѣхъ вышеписанныхъ измѣнъ Донскихъ козачьихъ городковъ: Боровскаго, Краснянскаго, Сухарева не было; а до поселенія городовъ Маяцкаго и Тору въ-низъ по рѣкѣ Сѣверскому-Донцу, до устья Чернаго-Жеребца, лѣсами и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣли Святогорскаго монастыря старцы по дачѣ. А какъ построились города Маяцкой и Торъ, и тѣ сѣнные покосы и рыбныя ловли со всѣми угодьи до устья-же рѣчки Жеребца, отъ Святогорскаго монастыря отданы имъ Маячаномъ и Торянамъ; и та-де дача межь ими Маячаны и Торяны размежевана, и тѣ межевыя книги и нынѣ въ Маяцкой Приказной Избѣ. И изстари-де тѣ рѣчки во владѣтельствѣ были Бѣлогородскаго Розряду городовъ, потому что изъ Бѣлгорода бояре и воеводы для береженія и осмотру Татарскихъ шляховъ и бродовъ Бѣлогородской черты, посылывали изъ Бѣлгорода съ письмами станичниковъ въ-низъ по рѣкѣ Донцу, до урочища до Сокольихъ-Горъ; а тѣ Сокольи-Горы надъ рѣкою Донцомъ, ниже рѣчекъ Бахмута, и Жеребца, и Красной. А послѣ измѣны Брюховецкаго и Разина, они Донскіе козаки поселили по рѣкѣ Донцу городки: Боровской, Краснянской, Сухаревъ. И Сухаревскіе козаки владѣли до сего числа, съ-низу въ-верхъ по рѣкѣ Донцу, до устья рѣчки Жеребца. А на рѣчкѣ Жеребцѣ, выше лѣсовъ, изстари въ двѣ мѣстѣхъ соль варивали Торскіе жители: Иванъ Клушинъ, Емельянъ Сазоновъ съ товарищи, а отъ нихъ козаковъ въ то время спору и челобитья никакого не бывало, и въ тѣхъ урочищахъ и нынѣ соловарныя ямы есть знатны. И на рѣчкѣ-де Бахмутѣ, по *Нашему Великаго Государя* указу и по граматѣ изъ Розряду, построилъ ты городокъ, и та-де рѣчка Бахмутъ въ дачахъ Изюмскаго полку, а не въ ихъ Донскихъ козаковъ владѣльствѣ; для того что та рѣчка Бахмутъ устьемъ впала въ рѣку Донецъ, съ Крымской стороны, выше рѣчки Жеребца въ верстѣ; и изстари Донскіе козаки по Дону и по Донцу владѣютъ по своей козацкой обыкности всякими угодьи, покамѣстъ отъ рѣки ихъ козачей пищали голосъ слышанъ; а въ верховьи по рѣчкамъ Боровой и Красной невозбранно добывались на рыбныхъ и на звѣриныхъ ловляхъ Чугуевцы, Салтовцы, Волуйчане и иныхъ разныхъ городовъ всякихъ чиновъ Русскіе люди и Черкасы. А что на рѣчкѣ Красной, у Кабаньева-Броду, селятъ они Донскіе козаки Русскихъ людей, и тѣ-де Русскіе люди бѣглые Бѣлогородскаго Розряду, изъ приписныхъ къ Воронежу разныхъ городовъ, бѣжали отъ службы и отъ рублевыхъ денегъ, и отъ корабельнаго строенія.

Бахмутскіе жители, атаманъ съ товарищи, тринадцать человѣкъ, сказали: напредъ-де сего, рѣчками Бахмутомъ, и Красною, и Жеребцемъ владѣли Царе-Борисовскіе и Маяцкіе и иныхъ городовъ

разныхъ чиновъ люди; а Донскіе козаки тѣми рѣчками не владѣли, а владѣли-де они Донскіе козаки въ-верхъ по рѣкѣ Донцу только до рѣчки Гайдара, и какъ-де они по своимъ козацкимъ обыкностямъ, по договорамъ, миривались на время съ Азовскими жителями, съ Турками и съ Татарами, по вышеписанную рѣчку Гайдаръ, а по рѣчкамъ Бахмуту, и по Красной и по Жеребцу они козаки съ ними Турками и Татарами не миривались, для того-что тѣ вышеписанныя рѣчки были не ихъ Донскихъ козаковъ владѣнья, а были-де тѣ вышеписанныя рѣчки Бахмутъ и Красная и Жеребецъ за приходомъ воинскихъ людей впустѣ. А по рѣчкѣ-де Красной и по Жеребцу жили и владѣли пасѣками Царе-Борисовскіе и Маяцкіе и Торскіе жители, и нынѣ по тымъ рѣчкамъ, въ тѣхъ мѣстахъ пасѣки и пасѣчныя мѣста есть. А изъ вышеписанныхъ Бахмутскихъ жителей Иванъ Клушинъ, Тимоѳей Сазоновъ, сказали: что-де они на рѣчкѣ Жеребцѣ, въ-низъ съ правой стороны въ прошломъ во сто-восемдесятъ-девятомъ году, по *Нашему Великаго Государя* указу, по отпискѣ изъ Курска боярина *Нашего* и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго, и по наказной памяти генерала Григорія Ивановича Косогова, они Иванъ Клушинъ, да его Тимоѳеевъ отецъ Емельянъ Созоновъ, на рѣчкѣ Жеребцѣ жили куренями, и варили соль, и нынѣ-де тѣ мѣста, гдѣ были курени и соловарные колодязи, на той рѣчкѣ знатны; и въ то-де время отъ нихъ козаковъ спору и челобитья никакого небыло. А та-де наказная память и нынѣ у нихъ въ цѣлости, и съ той наказной памяти подадутъ они къ сему сыску за рукою списокъ, а про вышеписанную рѣчку Красную, онъ Иванъ Клушинъ съ товарищи, кто тою рѣчкою напередъ сего владѣлъ, про то они не знаютъ. Донскіе козаки, Гайдарскіе жители четыре, Боровскихъ пять, Сухаревскихъ восемъ, Избянскихъ три, Старокраснянцовъ три, Новокраснянцовъ три человѣка, сказали: въ прошлыхъ-де годѣхъ, какъ не было городовъ Царе-Борисова, Маяцкаго, Изюма и Солянаго, и въ то-де время рѣчками Бахмутомъ и Красною и Жеребцомъ, съ верховья и до устья, и въ-верхъ по рѣкѣ Донцу, по Посольскій перевозъ, владѣли они Донскіе козаки, по своимъ козацкимъ обыкностямъ; а крѣпостей у нихъ козаковъ, на тѣ рѣчки со всѣми угодьи никакихъ нѣтъ. А какъ построены города Царе-Борисовъ, Маяцкой, Соляной и Изюмъ, а они Донскіе козаки послѣ того построили городки: Сухаревъ, Краснянской, и съ того числа и по се число, владѣли въ-верхъ по рѣкѣ Донцу, до Рѣпиной-Ямы, гдѣ нынѣ живутъ Изюмскаго полку козаки села Ямполя; а вышеписанными рѣчками Бахмутомъ, и Красною и Жеребцомъ владѣли-жъ съ верховья и до устья, и до нынѣ по своимъ козацкимъ обыкностямъ безъ крѣпостей. И на рѣчкѣ-де Бахмутѣ, по *Нашему Великаго Государя* указу и по граматѣ, какова прислана въ

Черкаскъ къ атаману и ко всему войску Донскому, что велѣно имъ Донскимъ козакамъ строить по Азовской дорогѣ городки, гдѣ пристойно, и по тому *Нашему Великаго Государя* указу, на рѣчкѣ Бахмутѣ они Донскіе козаки построили городокъ, и для варенія соли соловарные курени. И тѣ-де ихъ построенный городокъ и соловарные курени въ прошломъ 1703 году по приказу твоему полку твоего сотникъ Ѳедоръ Черноморецъ, твоего Изюмскаго полку съ козаками разломалъ и Сухаревскихъ козаковъ согналъ, и построилъ выше того ихъ городка свой городокъ вновь, незнаемо по какому *Нашему Великаго Государя* указу. Донскіе-жь козаки, Сухаревскіе жители четыре человѣка, сказали: рѣчками-де Бахмутомъ, и Красною и Жеребцомъ изстари владѣли они Донскіе козаки, и на рѣчкѣ-де Бахмутѣ обыскали они соляныя воды, и для провѣдыванья той соли ѣздили, и близъ той рѣчки Бахмута на берегу, выкопанъ колодязь, и варили они тое соль недѣль съ десять и больше; и послѣ-де того, на ту рѣчку Бахмутъ учали къ нимъ приходить Маячане, и Торяне, и Изюмцы и разныхъ городовъ всякихъ чиновъ Русскіе люди и Черкасы; и говорили они пріѣзжіе люди, имъ Донскимъ козакамъ Сухаревской станицы, чтобъ они козаки на той рѣчкѣ Бахмутѣ соль варить не возбраняли, и Сухаревской-де станицы козаки, имъ пріѣзжимъ людямъ соль варить велѣли; а послѣ-де того, какъ присланы *Наши Великаго Государя* граматы на Донъ ко всему войску Донскому, велѣно строить городки по рѣчкамъ и по шляхамъ, въ то-де время прислана къ намъ на рѣчку Бахмутъ войсковая грамата, чтобъ на той рѣчкѣ Бахмутѣ, на дорогѣ, что ходятъ въ Азовъ, гдѣ они почали соль варить, построить городокъ; и по той-де граматѣ, на той рѣчкѣ Бахмутѣ городокъ построили пластовымъ лѣсомъ, и въ томъ-де городкѣ жили два года, и послѣ-де того незнаемо по какому *Нашего Великаго Государя* указу Изюмскаго полку наказной полковникъ Андревской, сотникъ Данила Даниловъ тотъ городокъ сломалъ и построилъ городокъ вновь, а въ-верхъ-де по рѣчкѣ Донцу владѣли они Донскіе козаки по Посольскій перевозъ, какъ-де по *Нашему Великаго Государя* указу построены городы Царе-Борисовъ, Маяцкой и Соляной, и послѣ-де того владѣютъ они Донскіе козаки по рѣчкѣ Донцу, по урочище по Рѣпину-Яму, гдѣ нынѣ поселились Изюмскаго полку козаки села Ямполя.

Да Іюня въ 28 день, нынѣшняго 704 году, къ тому-жь вышеписанному сыску села Ямполя атаманъ Павелъ Рубанъ подалъ изъ Бѣлгорода боярина *Нашего* и воеводы князя Якова Ѳедоровича Долгорукова съ товарищи съ отписки списокъ 1700 году, а въ отпискѣ отъ него боярина и воеводы къ тебѣ написано: велѣно по челобитью Изюмскаго полку старшины и козаковъ, по сыску Бѣлгородскаго подьячаго Микифора Сомова, на рѣчкѣ Красной съ верховья въ-

низъ, по обѣ стороны до Кабаньева-Броду, и по Хариной и по Дуванной, и по инымъ долинамъ, которыя въ ту рѣчку Красную тянутъ, и по рѣчкѣ Жеребцу съ верховья до устья, правою стороною пасѣками, и лѣсками, и сѣнными покосы, и рыбными ловли, всякими угодьи владѣть и на тѣхъ рѣчкахъ Красной и Жеребцѣ, Изюмскаго полку старшинѣ и козакамъ, кто похочетъ, слободами и дворами строиться велѣть; и служить имъ въ Изюмскомъ полку въ козакахъ по-прежнему, а о справкѣ тѣхъ рѣчекъ Красной и Жеребца, со всѣми угодьи, имъ старшинѣ и козакамъ бить челомъ *Нам Великому Государю* на Москвѣ. А въ которыхъ урочищахъ на тѣхъ рѣчкахъ учнутъ селиться слободами, о томъ-бы въ Бѣлгородъ для вѣдома писать. А во описныхъ книгахъ Бѣлогородскаго жилаго солдатскаго полка капитана Григорія Скорихина написано: по наѣзду его на рѣчкѣ Бахмутѣ и Красной и Жеребцѣ, въ которыхъ урочищахъ каковы поселенія Русскихъ людей и Черкасъ и Донскихъ козаковъ, и сколько гдѣ какихъ угодій и лѣсовъ и земель и сѣнныхъ покосовъ и рыбныхъ ловель явилось: на рѣчкѣ Бахмутѣ построенъ городъ по обѣ стороны рѣчки Бахмута стоячимъ дубовымъ острогомъ, въ немъ двои проѣзжіе вороты; по мѣрѣ того городка въ длину чрезъ рѣчку Бахмутъ шестьдесятъ одна сажень, поперечь семнадцать сажень, а жилья въ томъ городкѣ никакого нѣтъ. Подлѣ того городка, въ-верхъ по рѣчкѣ Бахмуту, съ правой стороны на посадѣ построена часовня, близъ часовни построены полковые Изюмскаго полку для пошлиннаго сбору, изъ Семеновской канцеляріи, для мостоваго проѣзду таможенная изба, и ратуша Изюмскаго полку: да около той таможни и ратуши въ разныхъ мѣстахъ построены для торговаго промыслу Изюмскаго полку козаковъ и Торскихъ и Маяцкихъ жителей всякихъ чиновъ людей 15 анбаровъ, 9 кузницъ. Близъ города на рѣчкѣ Бахмутѣ построена торговая баня, и отдана на оброкъ; въ томъ-же городкѣ построились и живутъ дворами, Изюмскаго полку козаковъ 54 человѣка, разныхъ городовъ всякихъ чиновъ Русскихъ людей 19 человѣкъ; да на рѣчкѣ Бахмутѣ устроены у соловарныхъ колодязей Изюмскаго полку козаковъ и разныхъ городовъ 140 сковородъ соловарныхъ, да разныхъ городовъ всякихъ чиновъ людей 30 сковородъ. А по рѣкѣ Бахмуту, лѣсовъ и рыбныхъ ловель и распашной земли нѣтъ, а сѣнныхъ покосовъ малое число; только въ-верхъ той рѣчки Бахмуту и по вершинамъ есть малые буераки. А по осмотру, на Крымской сторонѣ рѣки Сѣверскаго-Донца городовъ, кромѣ Изюма, и Маяцкаго, и Тору, и Бахмута, никакого поселенія нѣтъ. А рѣчка Черный-Жеребецъ впала въ рѣку Донецъ съ Ногайской стороны, ниже устья рѣчки Бахмута съ версту. А по осмотру на той рѣчкѣ Жеребцѣ отъ устья въ-верхъ до соловарныхъ мойдановъ, которые соловарные мойданы

были напредъ сего на рѣчкѣ Жеребцѣ, отъ устья въ-верхъ по лѣвую сторону, Торскихъ жителей Русскихъ людей и Черкаскихъ: Ивана Клушина, Емельяна Сазонова съ товарищи, на которые мойданы подали они Иванъ съ товарищами съ указовъ списки, каковы имъ даны въ прошлыхъ во 189 и въ 199 годѣхъ. А по осмотру въ тѣхъ мѣстѣхъ явилось бывшихъ соловарныхъ колодязей ямъ съ 30 и больше, а отъ тѣхъ соловаренныхъ колодязей въ-верхъ по рѣчкѣ Жеребцу въ дву верстахъ съ правыя стороны явились другіе соловарные колодязи, ихъ-же Торскихъ жителей, ямъ сорокъ и больше, которыми владѣли они-жь Иванъ Клушинъ съ товарищи, по вышеписаннымъ указамъ. И отъ тѣхъ вышеписанныхъ соловаренныхъ колодязей, въ-низъ по рѣчкѣ Жеребцу, по обѣ стороны до рѣки Донца, верстъ на десять, лѣснаго угодья, а отъ вышеписанныхъ-же соловарныхъ колодязей, въ-верхъ по рѣчкѣ Жеребцу, сѣнныхъ покосовъ многое число и лѣса съ яругами, и въ тѣхъ яругахъ Изюмскаго полку козаковъ разныхъ городовъ пасѣки, да и къ тѣмъ-же соловарнымъ колодязямъ къ рѣчкѣ Жеребцу подошли пахатныя поля села Ямполя жителей. А по переписи въ томъ селѣ явилось: Изюмскаго полку козаковъ 117 дворовъ, и въ томъ селѣ построена часовня, а построено-де то село Ямполь по *Нашему Великаго Государя* указу и по отпискѣ изъ Бѣлгорода боярина *Нашего* и воеводы князя Якова Ѳедоровича Долгорукова съ товарищи, съ которой отписки подали они Ямпольскіе жители атаманъ Павелъ Рубанъ съ товарищи списокъ. Да на той-же рѣчкѣ Жеребцѣ построены три мельницы, одна на устьѣ рѣчки Жеребца, Донскаго козака Сухаревскаго жителя Петра Чумакова, вблизи той мельницы дворъ его Петровъ; выше тое мельницы въ-верхъ по рѣчкѣ Жеребцу верстахъ въ трехъ, другая мельница Донскаго-жь козака Сухаревскаго-жь жителя Ѳедора Крамчаникова, да подлѣ той мельницы дворъ его Ѳедоровъ; выше той мельницы на рѣчкѣ-жь Жеребцѣ въ дву верстахъ мельница Изюмскаго полку козака Ямпольскаго жителя Павла Рубана, подлѣ той мельницы дворъ его Павловъ; выше той мельницы въ верстѣ и больше по лѣвой сторонѣ той рѣчки Жеребца пасѣка Изюмскаго полку козака Маяцкаго жителя Ивана Гугненка. А по сказкѣ старожиловъ Тараса Долголовскаго съ товарищи: что-де та пасѣка, какъ занята, тому будетъ лѣтъ съ пятьдесятъ и больше. Отъ пасѣки Ивана Гугненка вблизости пасѣчное мѣсто Маяцкаго жителя Григорія Куницкаго; отъ того пасѣчнаго мѣста вблизи пасѣка твоя, а напредъ-де сего та пасѣка была Царе-Борисовскаго жителя Тимоѳея Кривошея; да на правой сторонѣ рѣчки Жеребца пасѣка Донскаго козака Сухаревскаго жителя Емельяна Бирюкова, а отъ вышеписанныхъ соловарныхъ ямъ въ-верхъ по рѣчкѣ Жеребцу, съ лѣвой стороны въ разныхъ мѣстѣхъ, пасѣка Изюмскаго полку ко-

заковъ, пасѣка Тимоѳея Кривошеи, пасѣка села Радковки жителя Ѳедора Неронова, пасѣчное мѣсто Царе-Борисовскаго жителя Степана Бородавкина, пасѣка села Краснаго атамана Ѳедора Кириленка; по той-же вышеписанной рѣчкѣ Жеребцу отъ устья и до верховья лѣсовъ и броду по смѣтѣ будетъ верстъ на десять и больше. Да около той рѣчки многія яружки, и сѣнныхъ покосовъ и земли и дикаго поля многое число, а рыбныхъ ловель малое число. Да по осмотру-жь явилось: на рѣчкѣ Красной урочище, у Мѣловаго-Броду, построено село Красное, а въ немъ жителей Изюмскаго полку козаковъ 241 дворъ, да въ томъ селѣ построена часовня. Да на той-же рѣчкѣ Красной близъ того села построена мельница Изюмскаго полку Гороховскаго сотника Данилы Быстрицкаго, да отъ того села въ-верхъ противъ рѣчки Красной Изюмскаго полку козаковъ разныхъ городовъ въ Сватовѣ-Пристани пасѣка Сеньковскихъ жителей Игната Константиненка, Ивана Степаненка. А по сказкѣ ихъ, тоде они тою пасѣкою владѣютъ лѣтъ тридцать и больше. Пасѣка Сеньковскаго жителя сотника Семена Осипова; а по сказкѣ его, тою пасѣкою владѣетъ лѣтъ съ двадцать и больше. Пасѣка Радковскаго жителя Павла Дябченка, а по сказкѣ его, тою пасѣкою владѣетъ лѣтъ сорокъ и больше; а выше Кабаньева-Броду въ Сватовѣ-Пристани и по Хариной-Долинѣ, ихъ Донскихъ козаковъ поселенія никакого нѣтъ; а отъ того Мѣловаго-Броду въ-низъ по рѣчкѣ Красной распашною землею и сѣнными покосы и рыбными ловлями и всякими угодьи до Орловой пристани, версты на двѣ владѣютъ Изюмскаго полку козаки, села Краснаго жители, а отъ Орловой пристани по той рѣчкѣ Красной, до Кабанья-Броду, версты на три, владѣютъ пахатною землею и сѣнными покосы и рыбными ловли и всякими угодьи, новопостроеннаго козачья юрту Кабанья жители, а въ томъ новопостроенномъ юртѣ Кабаньемъ живутъ куренями Русскихъ людей человѣкъ съ 50 и больше; а кто именно въ томъ юртѣ живутъ, тѣхъ людей, они челобитчики Донскіе козаки переписывать не дали. А тотъ Кабаней юртъ построенъ въ прошломъ 702 году, а по сказкѣ сторонніхъ людей и старожиловъ, отъ Кабанья-Броду въ-низъ по рѣчкѣ Красной до козацкаго городка Краснянскаго, верстъ съ 20 и больше; а которыя пасѣки по рѣчкѣ Красной ниже Кабанья-Броду Царе-Борисовскихъ жителей и тѣхъ пасѣкъ они Донскіе козаки описывать не дали.

Іюня въ 29 день къ тому-жь сыску города Маяцкаго Изюмскаго полку сотникъ Калина Двойникъ, подалъ съ межевыхъ книгъ за рукою списокъ.

А въ спискѣ написано: въ 186 году Ноября въ 10 день, по *Нашему Великаго Государя* указу и по отпискѣ боярина *Нашего* и воеводы князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго съ товарищи, Аѳанасій Алексѣевъ сынъ Чубаровъ съѣхався съ вое-

водою съ Богданомъ Давыдовымъ сыномъ Протасовымъ, да съ Богданомъ Софроньевымъ сыномъ Некрасовымъ, взялъ съ собою Солянаго городка и Маяцкихъ жителей Черкасъ и Русскихъ лучшихъ людей, да съ тѣми людьми и ѣздилъ противъ челобитья Солянаго города жителей всего города, межь Солянаго и Маяцкаго, на землю и на сѣнные покосы и всякія угодья, межевалъ лѣса и сѣнные покосы и всякія угодьи, и межеванія своего чинилъ межь Солянаго и Маяцкаго межу и грани, какъ пристойно, чтобъ впредь межь ими спору и вражды и къ *Намъ Великому Государю* челобитья не было. И межи и грани и всякія урочища описалъ именно: первая грань, промежь Солянаго и Маяцкаго, въ-верхъ по рѣчкѣ по Черному-Жеребцу на Ногайской сторонѣ рѣки Сѣверскаго-Донца въ степи, на Долгомъ-Курганѣ стоитъ столпъ, а на немъ двѣ грани: одна указываетъ къ верховью рѣки Чернаго-Жеребца, а другая прямо къ рѣкѣ Сѣверскому-Донцу, и къ бору на дубъ, а дубъ стоитъ противъ въ вершинѣ, вверхъ яружки; а та вершина тягнетъ въ Черной-Жеребецъ; а подлѣ дуба яма, а на томъ дубу въ корнѣ грань; а та грань указываетъ прямо по степи къ Сѣверскому-Донцу на столпъ; а столпъ стоитъ на степи, а на немъ двѣ грани: одна указываетъ назадъ на дубъ къ вершинѣ, а другая прямо къ рѣкѣ Сѣверскому-Донцу, къ бору подлѣ болота на дубъ, а дубъ стоитъ моложавъ, съ пожалиною, подлѣ осиноваго и березоваго колка; а подлѣ дуба стоитъ береза и выкопана яма; на томъ дубу, у кореня, двѣ грани: одна указываетъ назадъ на столпъ, который столпъ стоитъ на степи, а другая прямо по бору и по лѣсу къ рѣкѣ Сѣверскому-Донцу, къ верхней Щуровской-Горкѣ на дубъ; а дубъ стоитъ пониже вышней Щуровки, близко берегу Сѣверскаго-Донца, подлѣ болотца, безъ верху; на томъ дубу, у кореня грань, а подлѣ дуба выкопана яма, а та грань указываетъ прямо черезъ рѣку Сѣверскій-Донецъ на столпъ, а столпъ стоитъ на грани надъ Донцомъ противъ Щуровки; а на томъ столпу двѣ грани: одна указываетъ назадъ чрезъ рѣку Сѣверскій-Донецъ, на безверховой дубъ и на Щуровку; а другая прямо по степи къ большой дорогѣ, которою дорогою ѣздятъ съ Маяцкаго на Торскія озера, и чрезъ дорогу на столпъ; а столпъ стоитъ по правую сторону дороги, которою ѣздятъ отъ Маяцкаго къ Торскимъ озерамъ, на курганѣ; а подлѣ столпа отъ Маяцкаго большой курганъ, а на томъ столпѣ двѣ грани: одна указываетъ назадъ на столпъ, который столпъ стоитъ на дорогѣ надъ Донцемъ противъ Щуровки, а другая прямо въ Басарабиху, а въ-верхъ по Басарабихѣ на дроворубъ, и чрезъ дроворубъ на степь къ Теплянскимъ лѣсамъ. А владѣть имъ Маяцкимъ жителямъ Потапу Болдыреву, Михайлѣ Старицину и всѣмъ градскимъ всякихъ чиновъ людямъ землею и сѣнными покосы и лѣсами и всякими угодьи. Отъ

тѣхъ-же урочищъ въ-верхъ по рѣкѣ Сѣверскому-Донцу по обѣ стороны, до межи и грани Святогорскаго монастыря и до рѣчки Нетригуса и въ-верхъ по Нетригусу, на Ногайской сторонѣ рѣки Сѣверскаго-Донца лѣсъ имъ сѣчь селидебный и дровяной въ своихъ межахъ и урочищахъ по обѣ стороны рѣки Донца, да на Крымской сторонѣ рѣки Сѣверскаго-Донца въ-верхъ по Басарабихѣ; а въ дроворубномъ ровно смежно Солянаго городка съ жителями; а рыбныя ловли и всякія угодья по рѣкѣ Сѣверскому-Донцу отъ вышней Щуровки, въ-верхъ до рубежа Святогорскаго монастыря владѣть имъ-же Маячанамъ.

Въ 189 году Августа въ 29-й день, въ *Нашемъ Великаго Государя* указѣ, каковъ данъ изъ Чугуева отъ генерала *Нашего* и воеводы Григорія Ивановича Косогова, Солянаго городка къ жителямъ написано:

Іюля въ 23 день, 189 года, били челомъ *Намъ Великому Государю*, а ему генералу и воеводѣ подали челобитную Солянаго городка жители: Емельянъ Сазоновъ, Дмитрій Ослинкинъ съ товарищи: извѣдали-де они по-сю-сторону рѣчки Чернаго-Жеребца на Русской сторонѣ соляныя озера и *Намъ Великому Государю* пожаловать-бы ихъ велѣть ихъ отпустить изъ Солянаго городка на ту рѣчку Черной-Жеребецъ, для провѣдыванія, варить соли. И Августа въ 8 день, по *Нашему Великаго Государя* указу и по отпискѣ боярина *Нашего* и воеводы князя Петра Ивановича Хованскаго и противъ ихъ челобитья, велѣно: имъ изъ Солянаго городка отпустить на Черный-Жеребецъ и на соляныя озера для варенья соли челобитчиковъ и Емельяну Созонову съ товарищи на Черный-Жеребецъ, на соляныя озера, для варенья соли иттить, собрався всѣ вмѣстѣ и устроясь обозомъ накрѣпко, и пришедъ къ Черному-Жеребцу у соляныхъ озеръ стоять куренями крѣпко, отъ воинскихъ людей осторожность имѣть для себя, и по дрова ѣздить въ самыя крѣпкія мѣста всѣмъ вмѣстѣ, чтобъ одноконечно воинскіе люди на дроворубѣ и въ куреняхъ не побили и въ полонъ не поймали.

Во 199 году Декабря въ 24 день въ *Нашемъ-же Великаго Государя* указѣ отъ боярина *Нашего* и воеводы отъ Бориса Петровича Шереметева съ товарищи, Солянаго-жь городка жителямъ написано:

Декабря въ 24 день въ 199 году били челомъ *Намъ Великому Государю*, а въ Бѣлгородѣ въ Розрядной Избѣ имъ боярину *Нашему* и воеводѣ подали челобитную Солянаго городка жители, бывшій атаманъ Емельянъ Сазоновъ, да Зиновій Рубаниковъ съ товарищи, провѣдали-де они по другой сторонѣ тое-жь рѣки Чернаго-Жеребца другія соляныя озера, къ соли угожи и отъ приходу воинскихъ людей въ крѣпкихъ мѣстахъ. А соли-де въ тѣхъ другихъ озерахъ варить безъ *Нашего Государева* указа и провѣдать подлинно пойтить они не смѣютъ, и чтобъ ихъ Емельяна и Зиновія съ товарищи, на тѣ другія соляныя озера для

подлиннаго провѣдыванія отпустить и челобитчикамъ изъ Солянаго на рѣчку Черный-Жеребецъ, на соляныя озера для провѣданья и варенія соли итить, собрався многими людьми. Да къ тому-же вышеписанному сыску твоего Изюмскаго полку сотники Сенковскій, Семенъ Осиповъ, Царе-Борисовскій: Гаврила Трушевскій, Торской: Ѳедоръ Черноморецъ, и тѣхъ городовъ рядовые козаки подали челобитную, а въ челобитной ихъ написано: въ прошлыхъ-де годѣхъ, по *Нашему Великаго Государя* указу и по граматѣ изъ Розряду велѣно новозаведенный Торъ на рѣчкѣ Бахмутѣ вѣдать Изюмскому полку, для того что въ тѣхъ урочищахъ построились Изюмскаго полку разныхъ городовъ козаки, и построили въ томъ мѣстѣ городокъ, и собирается въ томъ городкѣ изъ Семеновской Канцеляріи мостовой проѣздъ и рублевая пошлина, и построена торговая баня. Да въ прошлыхъ-де годѣхъ, по *Нашему Великаго Государя* указу и по отпискѣ и по разсмотрѣнію боярина *Нашего* и воеводы князя Якова Ѳедоровича Долгорукова съ товарищи и по сыску изъ разныхъ городовъ всякихъ чиновъ многихъ людей, на Старо-Изюмскаго полку владѣнія и угодьяхъ и заимкахъ, которыми владѣли города Царе-Борисова, и Маяцкаго, и Торскіе жители изъ давнихъ лѣтъ, до строенія Донскихъ городковъ: Сухаревскаго и Краснянскаго, и Боровскаго, и до измѣны Ивашки Брюховецкаго и Стеньки Разина, какъ выходили они для прелести и разоренія подъ Маяки и подъ Царе-Борисовъ, и тѣхъ городковъ воеводъ побили до смерти. У пасѣкъ и сѣнныхъ покосовъ на рѣчкѣ Жеребцѣ построено село Ямполь. А на рѣчкѣ Красной у Мѣловаго-Броду построилось полковое-жь село Красное, въ дальнемъ разстояніи отъ ихъ Донскихъ старыхъ городковъ.

И нынѣшняго-де 704 по *Нашему Великаго Государя* указу и по граматѣ, и по неправому челобитью Донскихъ козаковъ Якима Филипьева съ товарищи, на тѣ вышепомянутыя рѣчки посыланъ изъ Бѣлгорода капитанъ Бѣлогородскаго полку Григорій Скурихинъ: велѣно ему Григорію тѣ рѣчки и угодья описать и сыскать сторонними многими людьми по наказу; и какихъ людей въ тѣхъ урочищахъ селенія есть, и они Донскіе козаки къ тому сыску взявъ съ собою съ Волуекъ и изъ Чугуева свойственниковъ и друзьевъ своихъ, кого они похотѣли, немногихъ людей не по градскому выбору, человѣкъ съ осьмнадцать, и тѣми друзьями и свойственники своими, сбираючи свои козачьи круги съ ружьемъ, о ихъ угодьяхъ брали сказки. И онъ-де капитанъ въ тѣхъ урочищахъ полку ихъ поселенныхъ козаковъ переписалъ; а что они Донскіе козаки хотя тѣми ихъ угодьями завладѣть и истѣснить въ тѣхъ-же урочищахъ по рѣчкѣ Красной, вновь селятъ у Кабаньева-Броду бѣглыхъ Русскихъ людей, и они-де Донскіе козаки тѣхъ людей ему капитану и подъячему, учиня свой

кругъ, переписывать не дали, потому–что тѣ люди Бѣлогородскаго Розряду изъ приписныхъ къ Воронежу разныхъ городовъ, бѣжали отъ корабельнаго строенія и отъ службы и отъ рублевыхъ денегъ, и во время–де нынѣшняго сыску на тѣ угодья у ихъ старожиловъ обыскались старыя крѣпости и прежде бывшихъ бояръ нашихъ и воеводъ указы, и давняго ихъ владѣнія явились признаки многіе и въ сыску явилось, что то урочище изстари владѣтельство Бѣлогородскаго Розряду людей. И по тѣмъ-де крѣпостямъ тѣхъ Донскихъ козаковъ свойственниковъ и друзьевъ ложныя сказки стали явны, что сказали неправду, а они Донскіе козаки сверхъ тѣхъ свойственниковъ и друзей своихъ сказокъ на тѣ угодья крѣпостей никакихъ не положили, и нынѣде они Донскіе козаки послѣ того сыску Сухаревской и Краснянской и Боровской и Трехъ–Избянской станицы безъ *Нашего Великаго Государя* указу изъ тѣхъ вышепомянутыхъ угодій съ поселенія ихъ Изюмскаго полку козаковъ выгоняютъ и чинятъ имъ многія обиды, и бьютъ, и грабятъ, и сѣна косить не даютъ, и похваляются смертнымъ убійствомъ и разореніемъ, и въ томъ–де разореніи будутъ они на нихъ Донскихъ козаковъ бить челомъ *Намъ Великому Государю* впредь, и *Намъ Великому Государю* пожаловати-бъ ихъ не велѣть ихъ Донскихъ козаковъ свойственниковъ и друзей ихъ составнымъ сказкамъ повѣрить, и велѣть-бы противъ прежнихъ *Нашихъ Государевыхъ* указовъ и крѣпостей и старыхъ записокъ, каковы нынѣ въ сыску явились, тѣми угодьями владѣть Изюмскому полку имъ старшинамъ и козакамъ по прежнему, и съ тѣхъ урочищевъ тѣхъ ихъ козаковъ не высылать для того, что тѣ угодья явились въ сыску изстари Бѣлогородскаго Розряду городовъ владѣтельство, а не Донскихъ козаковъ, да и для того-бъ не велѣть ихъ высылать, что изъ тѣхъ новопоселенныхъ селъ ихъ людей не по охотѣ видѣть разореніе, ни одинъ человѣкъ съ тѣхъ урочищъ къ нимъ въ полкъ пойти отнюдь не похотятъ, а будутъ жить подъ владѣтельствомъ ихъ Донскихъ козаковъ, а о томъ-бы къ нимъ Донскимъ козакамъ послать *Нашъ Великаго Государя* указъ, чтобъ они Донскіе козаки тѣхъ селъ не разоряли, и обидъ, и грабительства не чинили, чтобъ отъ того ихъ грабительства не учинилось отъ нихъ смертнаго убійства, и тотъ–бы сыскъ и чертежъ и челобитье имъ послать изъ Бѣлгорода къ Москвѣ въ Розрядъ съ кѣмъ пригоже мимо ихъ Донскихъ козаковъ, для того что они Донскіе козаки съ Дону того сыску къ Москвѣ не пошлютъ и вмѣнятъ, что тѣми угодьями велѣно владѣть имъ, и тѣхъ селъ Изюмскаго полку козаковъ и до остатку разорятъ и ограбятъ. И по *Нашему Великаго Государя* указу велѣно по прежнимъ *Нашимъ* указамъ и по вышеписаннымъ дачамъ прошлыхъ 186, 189, 1700, 1702 и 1703 годовъ по сыскамъ тою вышеписанною землею и всякими угодьи на тѣхъ рѣчкахъ на

Бахмутѣ, гдѣ нынѣ построенъ острожокъ, а на рѣчкѣ Красной съ верховья въ-низъ до Кабаньева-Броду по обѣ стороны и по Хариной и по Дуванной и по инымъ долинамъ, которыя въ ту рѣчку Красную впали, а рѣчкою Жеребцомъ съ верховья до устья правою стороною пасѣками и лѣсами и сѣнными покосы и рыбными ловли и всякими угодьи владѣть по прежнему имъ твоего Изюмскаго полку старшинѣ и козакамъ, и того новостроеннаго острожку, что на Бахмутѣ и селъ Ямполя и Краснаго Черкасъ вѣдать тебѣ, для того что тѣ рѣчки по сыску и по описямъ въ дачахъ явились въ твоемъ Изюмскомъ полку, и въ томъ сыску Царе-Борисовцы и Маячане сказали именно, что тѣми рѣчками владѣли Изюмскаго полку разныхъ городовъ Русскіе люди и Черкасы. Да въ томъ-же сыску Царе-Борисовскіе-жь жители, Русскіе люди и Черкасы сказали: какъ-де въ прошлыхъ годѣхъ Донскіе козаки мирились съ Азовскими жители, съ Турки и Татары, и они Донскіе козаки мирились въ-верхъ по рѣчкѣ Донцу, по рѣчку Гайдаръ, которая впала въ рѣку Донецъ съ Ногайской стороны ниже рѣчекъ Бахмута, и Жеребца, и Красной, и за тѣмъ ихъ миромъ по тѣмъ вышеписаннымъ рѣчкамъ Азовскіе Татары Изюмскаго полку козаковъ на пасѣкахъ и на звѣриныхъ ловляхъ бирали въ полонъ многое число, а что въ томъ-же сыску небольшіе люди сказали, что тѣми рѣчками владѣли наѣздомъ Донскіе козаки и разныхъ городовъ люди, а по какому *Нашему Великаго Государя* указу владѣли, того, сказали, не знаютъ и подъ тѣмъ сыскомъ въ челобитьѣ твоего Изюмскаго полку старшины и козаковъ написано, что по нихъ то сказали свойственники и друзья ихъ Донскихъ козаковъ, да и сами они Донскіе козаки въ томъ сыску сказали, что владѣли наѣздомъ, а крѣпостей никакихъ не положили, да и для того, что въ Бахмутскихъ поселеніяхъ у жителей соляные промыслы по *Нашему Великаго Государя* указу изъ Семеновской Приказной Палаты велѣно описать для *Насъ Великаго Государя*, и вѣдать велѣно тебѣ-жь, а Донскимъ козакамъ своими двумя мельницами и пасѣкою, что явились по описи капитана Григорія Скурихина на рѣчкѣ Жеребцѣ, владѣть по прежнему, а въ новопостроенные ихъ козачьи юрты, что около Кабаньева-Броду, которые переписывать они Донскіе козаки не дали, велѣно послать изъ Бѣлгорода кого пригоже и въ тѣхъ мѣстахъ жителей переписать по прежнему *Нашему Великаго Государя* указу и взять у нихъ сказки: кто откуда пришелъ, изъ какова чину, и учинить чертежъ съ подлинною очисткою, и подписать сколь далеко отъ того новопоселеннаго острожка Бахмута по Крымской сторонѣ рѣки Сѣверскаго-Донца до Донскихъ козачьихъ городковъ, и сколько верстъ, и тѣ переписныя книги и чертежъ прислать къ Москвѣ въ Розрядъ, и о томъ о всемъ изъ Розряду *Наша Великаго Государя* грамата въ Бѣлго-

родъ къ генералу *Нашему* князю Ивану Михайловичу Кольцову-Мосальскому съ товарищи послана, и какъ къ тебѣ ся *Наша Великаго Государя* грамата прійдетъ, и ты-бъ о томъ *Нашъ Великаго Государя* указъ вѣдалъ, и о владѣніи вышеписанныхъ земель Изюмскаго полку старшинѣ и козакамъ велѣлъ чинить по сему *Нашему Великаго Государя* указу, какъ писано въ сей *Нашей Великаго Государя* граматѣ выше сего, и сію *Нашу Великаго Государя* грамату велѣлъ записать въ Изюмѣ на полковомъ урядѣ впредь для вѣдома. Писана на Москвѣ 1704 году Октября въ 14 день.

По листамъ подписалъ Дьякъ Ѳедоръ Ефимьевъ, справилъ Исаакъ Матвеевъ.

УКАЗЪ ПЕТРА I-го 21 СЕНТЯБРЯ 1724 ГОДА О ПРІИСКАХЪ КАМЕННАГО УГЛЯ [1].

Указъ Его Величества Императора и Самодержца Всероссійскаго, изъ Воронежской Губернской Канцеляріи въ Траншаментъ полковнику и коменданту господину Гулицу. Сего Сентября 5 дня въ указѣ Его Императорскаго Величества изъ Государственной Бергъ-Коллегіи въ Воронежскую губернію написано: прошедшаго 1723 года Сентября 11 дня Его Императорское Величество, будучи въ домѣ генерала-фельдцейгмейстера, кавалера и Бергъ-Коллегіи президента графа Якова Вилимовича Брюса, указалъ по именному своему Императорскаго Величества указу послать изъ Бергъ-Коллегіи на Осередъ, гдѣ пріискалъ подъячій Копустинъ уголья, и въ томъ мѣстѣ и кругомъ тѣхъ мѣстъ искать и сѣрной руды. *Бергъ-*[2] Коллегіи отъ онаго подьячаго Копустина объявлено каменное *уголье* близъ Дону въ козачьихъ городкахъ въ Оленьихъ горахъ, *а тѣ* мѣста: первое — въ Воронежской губерніи въ Острогожскомъ .... близъ городка Середы, за Черкасскимъ городкомъ подъ ..... Бѣлогорьемъ по рѣкѣ Дону. Другое: въ Оленьихъ *горахъ* на верхней Кондручьѣ въ десяти мѣстахъ. Третье.... Дону и въ другихъ мѣстахъ. А Ноября 9 дня изъ Кабинета Его Императорскаго Величества присланы въ Бергъ-Коллегію опре-

[1] Извлечено изъ архива упраздненной крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго (на Дону) — ч. о. Мурзакевичемъ.

[2] Слова означенныя курсивомъ возстановлены по догадкѣ, поелику въ подлинникѣ они изглажены временемъ.

дѣленные къ дѣлу вызванные изъ Англіи чрезъ вице-*президента и кавалера* господина Гордона, мастера Яганъ Никсонъ съ четырьмя его вспомогатели, которые ищутъ *земляное* уголье. А Декабря 24 дня того-жь 723 году по Его Императорскаго Величества указу и по приговору Бергъ-Коллегіи вышеписанныхъ угольныхъ мастеровъ и подъячаго *Копустина*, давъ имъ ямскіе подводы послать въ Москву, и хотя нынѣ и зимнее время однако-жь какъ возможно прежде осмотрѣть рудное мѣсто подъ Андреевскимъ монастыремъ и буромъ *рыть* въ глубину: не явится-ль въ-низу сильной серебряной *руды*, а осмотря оное мѣсто ѣхать ему въ Могр .... противъ вышепомянутаго имяннаго Его Императорскаго Величества указу въ Воронежскую губернію въ козачьи городки на Оленьи горы и подъ село Бѣлогорье и на Осередъ, и осмотрѣть тѣ мѣста, въ которыхъ есть каменное уголье и руды, по указыванію онаго Копустина, и буравами щупать въ глубину какъ надлежитъ, и то уголье и руды по его угольнаго мастера должности опробовать: годно-ль то уголье будетъ къ кузнечнымъ и прочимъ дѣламъ, противъ Англійскаго. А изъ Воронежской губерніи ѣхать имъ въ Рязанскій уѣздъ и сыскавъ доносителей Палицына съ товарищи, которые донесли о каменномъ угольѣ и о рудахъ, ѣхать съ ними на тѣ мѣста, и у тѣхъ мѣстъ смотрѣть и каменнаго уголья и руды искать, противъ вышеписаннаго-жь. А для лучшаго усмотрѣнія рудъ и каменнаго уголья данъ имъ изъ Бергъ-Коллегіи реестръ .... руды по пробамъ что въ себѣ содержатъ, о томъ .... реестрѣ объявлено имянно также, и которая отыскана .... въ Переславскомъ уѣздѣ Залѣсскаго и въ которыхъ мѣстахъ оные обрѣтаются, и велѣно имъ мастерамъ по тому реестру куда способнѣе заѣзжать, и въ тѣхъ мѣстахъ по тому-жь буравами въ глубь щупать и руды доставать и пробовать, и сверхъ того реестру ѣдучи имъ въ пути вновь о всякихъ металлахъ и минералахъ и о каменномъ угольѣ навѣдывался у тамошнихъ обывателей, и самимъ отыскивать и пробовать, а въ Бергъ-Коллегію гдѣ она будетъ обрѣтаться, и что руды и уголья сыскано будетъ, повсямѣсячно репортовать противъ вышеписаннаго-жь, и тѣхъ рудъ и каменнаго уголья для пробы въ Бергъ-Коллегію по *нѣкоторому* числу присылать запечатавъ со описаніемъ, привязавъ ко онымъ ерлыки, въ которыхъ мѣстахъ которое порознь гдѣ возмется, а у себя ему тѣхъ рудъ впредь для спору и свидѣтельства по нѣкоторой части оставливать, и для лучшаго въ томъ дѣлѣ наученія и признаванія.... его посланы съ нимъ Никсономъ изъ Бергъ-Коллегіи изъ лабораторныхъ учениковъ два человѣка: Иванъ Беретовъ, Яковъ Власовъ, солдатъ Петръ Шмаровъ, Иванъ Дубъ, толмачъ Яковъ Грамотинъ, да для лучшаго въ пути и въ городѣхъ и на разныхъ мѣстахъ отправленія и вспомоществованія, понеже оные угольные мастера иностранники, и для онаго посланъ изъ лейбъ-гвар-

діи Преображенскаго полку унтеръ-офицеръ Андрей Масловъ. А для прилучающихся въ пути и на другихъ мѣстахъ нуждъ, и на наемъ работниковъ, и на заплату прочимъ, и на другія необходимыя нужды послано съ ними денегъ сто рублевъ, которые отданы на руки помянутому унтеръ-офицеру, и велѣно держать ему въ расходѣ записку и съ росписками, по указу, а помянуты . . . . и пробованныя уголья и руды со описаніемъ, также съ репорты, для посылки въ Бергъ-Коллегію, велѣно . . . . при доношеніяхъ отдавать въ губерніяхъ губернаторамъ и вице-губернаторамъ, а въ городѣхъ воеводамъ, съ запискою имянно, гдѣ что будетъ отдано, чтобъ какъ губернаторы, вице-губернаторы и воеводы, такъ и всякіе ..... оные руды и въ свободныхъ проѣздахъ отъ города до города, и въ дачѣ по подорожнымъ подводъ съ проводники никакой остановки не чинили, а чинили-бъ какъ *надлежитъ* по присяжной должности и противъ Его Императорскаго Величества указовъ и привиллегій всякое вспомоществованіе, подъ опасеніемъ себя штрафа, показаннаго во оныхъ указѣхъ и привиллегіи; о томъ данъ имъ изъ Бергъ-Коллегіи генеральный указъ, съ прочетомъ, и съ печатными указы и привиллегіею, и чтобъ Воронежской губерніи помянутымъ посланнымъ ученикамъ и мастерамъ и при немъ будущимъ и о всемъ вышеписанномъ чинить противъ имяннаго Его Императорскаго Величества указу и печатной привиллегіи неотмѣнно. И по Его Императорскаго Величества указу и по предложенію Губернской Канцеляріи велѣно изъ онаго указу послать въ Павловское и во всѣ военныя и гражданскія команды указы, и велѣть исполнять что принадлежитъ, какъ оный указъ повелѣваетъ, всѣмъ непремѣнно; и какъ сей Его Императорскаго Величества указъ получишь и тебѣ-бъ въ Траншаментѣ о вышеписанномъ о всемъ чинить по оному Его Императорскаго Величества изъ Государственной Бергъ-Коллегіи указу. А о полученіи сего и о исполненіи въ Губернскую Канцелярію отвѣтствовать въ указный срокъ. Сентября 21 дня, 1724 года. (Подлинный подписалъ): Петръ Измаиловъ[3].

[3] Какой былъ успѣхъ поисковъ Никсона, не извѣстно. Спустя шестьдесятъ восемь лѣтъ, въ землѣ Войска-Донскаго снова были сдѣланы поиски, которые и увѣнчались счастливымъ успѣхомъ. Открытелемъ богатыхъ каменноугольныхъ пріисковъ въ Донскихъ дачахъ былъ капитанъ Скорняковъ. Во исполненіе воли, тогда уже умершаго свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго въ 1792 году Мая 12, извѣстный дѣятельный сотрудникъ его оберъ-штеръ-кригсъ-коммиссаръ Михаилъ Фалеевъ просилъ Таганрогскаго коменданта бригадира И. П. Касперова, чтобы онъ для выработки *ста тысячъ* пудъ угля командировалъ 40 человѣкъ арестантовъ. Уголь этотъ предполагалось доставить въ Таганрогъ. Для познанія, какимъ образомъ дѣлать штольны и въ какомъ мѣстѣ начать разработку былъ посланъ сержантъ Лебединскій.

ДОНЕСЕНІЕ РОССІЙСКАГО РЕЗИДЕНТА ПРИ КРЫМСКОМЪ ХАНѢ НИКИФОРОВА О НИЗЛОЖЕНІИ КРЫМЪ-ГИРЕЯ [1].

Высокородный и превосходительнѣйшій господинъ генералъ-маіоръ и крѣпости Св. Димитрія-Ростовскаго оберъ-комендантъ,

Милостивѣйшій Государь.

Вашему превосходительству, милостивѣйшему государю, моимъ покорнѣйшимъ отъ 31 Августа отсюда отпущеннымъ [2] имѣлъ честь донесть, что ханъ Крымъ-Гирей по силѣ присланной къ нему изъ Константинополя отъ его султанова величества граматы, того-жь Августа 26 дня отсюда отъѣхалъ въ Константинополь. Нынѣ вашему превосходительству въ дополненіе къ прежнему чрезъ сіе нахожу сообщить:

Реченный Крымъ-Гирей отъ Перекопа къ Кильбуруну прибылъ Сентября 5 дня и приказалъ отъ Очакова изъ состоящаго тамъ въ лагерѣ изъ Спаговъ и Арнаутъ войска ни одного человѣка чрезъ лиманъ на здѣшнюю сторону не пущать, знатно уповалъ себѣ отъ того быть несчастію, а ради конвоя и безопасности при себѣ имѣлъ нѣсколько Едиссанскихъ Татаръ.

Того-жь 5 дня Очаковскій трехбунчужный Ретжепъ-паша своего человѣка на встрѣчу оному Крымъ-Гирею, какъ онъ приближался къ Кильбуруну, присылалъ съ прошеніемъ о дозволеніи переѣхать на Кильбурунскую сторону, для учиненія комплимента, но въ томъ ему отказано; послѣ того объявленный паша присылалъ своихъ сына и кегаю съ поздравленіемъ о пріѣздѣ въ Кильбурунъ, и съ ними присланы были нѣкоторые подарки. Крымъ-Гирей, принявъ подарки и по изъявленіи благодарности, надѣвъ на присланныхъ отъ паши горностаевыя шубы, отпустилъ обратно.

Шестаго числа оный Крымъ-Гирей оставивши при Кильбурунской пристани взятыхъ имъ отсюда визиря Гаджи-Мегмета, казіаскера и прочихъ въ свитѣ его находящихся людей, самъ съ малолюдствомъ сѣвъ въ шлюпку, минуя къ Очакову прямой путь, опасаяся дабы въ томъ городѣ одержанъ не былъ, и выбрався изъ лимана [3], слѣдовалъ Чернымъ-Моремъ, и присталъ въ одномъ заливѣ [4], въ который впала рѣчка Березань, въ разстояніи отъ Очакова два часа, гдѣ и Едиссанскія Татары кочуютъ, и тамо высадясь на берегъ, ожидалъ доколь вся его

[1] Донесеніе это отыскано въ архивѣ давно уже упраздненной крѣпости Св. Димитрія Ростовскаго (на Дону близъ Ростова) ч. о. Мурзакевичемъ.

[2] Донесенія, о которомъ здѣсь упоминается, въ дѣлахъ не найдено.

[3] Днѣпровскаго.

[4] Тилигульскомъ.

свита тѣмъ-же путемъ туда-же прибыла. Командующій-же надъ Едиссанскою ордою сераскиръ Бахты-Гирей, до прибытія отца своего, объявленнаго Крымъ-Гирея, съ нѣсколькимъ числомъ Ногайскихъ Татаръ къ безопасности, прежде за два дни въ то мѣсто прибывъ, отца своего ожидалъ; отъ того-жь мѣста, въ разстояніи 4 часовъ, изъ лучшихъ выбранныхъ, доброконныхъ и оруженныхъ, въ скрытныхъ мѣстахъ, приготовлено было Ногайцевъ до пяти тысячь человѣкъ.

Отъ оной рѣчки Березани, слѣдованіе свое продолжалъ къ рѣкѣ Днѣстру, до собственной своей маетности мѣстечка Каушанъ [5], куда прибылъ 14, а 16 числъ съ нарочнымъ визирскимъ чегодаремъ присланнымъ къ нему изъ Константинополя отъ его султанова величества фермаюмъ ханства лишенъ, и присланнымъ-же за нимъ придворнымъ капыджилеръ-кегаясою съ небольшимъ числомъ его служителей взятъ и за конвоемъ повезенъ въ Романію. Слухъ носится, что имѣетъ быть отосланъ въ Критъ, а кому онъ здѣсь долженъ, онымъ, буде деньгами заплатить не въ состояніи, пожитки его по оцѣнкѣ отдавать въ Романіи.

Отъ его султанова величества, на мѣсто донесеннаго Крымъ-Гирея, въ ханы пожалованъ Селимъ-Гирей, лѣтъ не престарѣлыхъ, сынъ Фети-Гирея хана. Сей Селимъ-Гирей, при бывшемъ ханѣ-жь Арсланъ-Гиреѣ не долго былъ калгою, а отецъ его Фети-Гирей, во время послѣдней съ Турками войны, въ 1737 году, съ ордою противъ Мишурина-Рога перебрався чрезъ рѣку Днѣпръ, въ Малороссійской Полтавской полкъ чинилъ впаденіе, въ которое время и господинъ генералъ-маіоръ Леслій убитъ. Новопожалованный-же ханъ Селимъ-Гирей изъ Романіи въ мѣстечко Каушаны прибылъ того-жь Сентября 29 дня, а продолжитъ-ли тамо время, или сюда въ скорости прибудетъ, неизвѣстно. Прежде-же пріѣзда въ Каушаны чрезъ своего человѣка, къ вышеупомянутому оставшемуся послѣ Крымъ-Гирея визирю Гаджи-Мегмету прислалъ ферманъ съ повелѣніемъ дабы онъ по прежнему былъ визиремъ, и по должности своей исправлялъ всякія дѣла. Реченный визирь по тому повелѣнію не отъѣхавъ изъ Каушанъ въ Крымъ, а остався для встрѣчи и пріема новаго властелина, присланнымъ отъ себя въ Бахчесарай письмомъ, опредѣленнаго отъ бывшаго хана Крымъ-Гирея каймакама Батырь-Агу отрѣша, опредѣлилъ другаго, Гаджи-Илясъ-Ефендія.

Коль скоро о лишеніи Крымъ-Гирея ханства здѣсь, чрезъ публику, извѣстно учинилось, такъ всѣ народы за приключенныя неисчислимыя обиды и разоренія и небывалыя тягости съ проклятіемъ поносить его начали; нововозведеннаго-жь Селимъ-Гирея по довольному объ немъ знанію похваляютъ, что онъ добрыхъ качествъ человѣкъ.

[5] Въ Буджакѣ, теперь въ Бендерскомъ уѣздѣ.

Предъ недавнимъ временемъ Крымъ-Гиреемъ пожалованныхъ въ калги Арсланъ-Гирея хана сына Мексютъ-Гирея, въ нурадины Селимъ-Гирея, хана-жъ сына Каплапъ-Гирея, коего Крымъ-Гирей отсюда взялъ съ собою, по указу Порты велѣно: лиша тѣхъ чиновъ выслать въ Романію; почему калга Мексютъ-Гирей на сихъ дняхъ изъ Ахмечети[6] въ повелѣнное мѣсто и отъѣхалъ. На ихъ-же мѣста Портою-жъ пожалованы родные ханскіе братья, султаны: средній въ калги, а меньшой въ нурадины; но сюда они еще не прибыли.

Предъ семью днями, отъ Порты-Оттоманской, мимо хана, къ здѣшнему новому каймакаму и агамъ присланы два фермана: первый для вѣдома, что вышеписанный Селимъ-Гирей въ Крымъ пожалованъ ханомъ, а Крымъ-Гирей лишенъ за учиненныя имъ Портѣ многія противности и оскорбленія, за многія-жъ всѣмъ подданнымъ Крымскимъ жителямъ, такъ Едичкульскимъ, какъ Буджацкимъ и Кубанскимъ Татарамъ обиды и безчисленные грабежи и насильно чрезъ разныя приметки отъ Грековъ, Армянъ и Жидовъ вымогательствы денегъ немалыхъ суммъ, и что-жъ онъ Крымъ-Гирей здѣсь въ урочищѣ именуемомъ Ашламъ[7], сдѣлалъ себѣ со украшеніемъ немалый домъ, а строеніе, какъ всякій лѣсъ, такъ дикое каменье, черепицу, известь и всякіе матеріялы, подданные Христіане и Татаре съ наибольшею трудностію и тягостью возили безденежно, да къ тому-жъ строенію поколь оное продолжалось, по-всякъ-день въ работу отъ Грековъ, Армянъ и Жидовъ употреблялъ по двѣсти по семидесять и по триста человѣкъ, а зарабочихъ денегъ ни единой аспры не давалъ; отсюда-жъ, чрезъ Черное-Море, въ судахъ, бѣлое каменье множественное число въ свое жилище въ Романію безденежно-жъ отправлялъ; у многихъ Турокъ, у Мурзъ и Татаръ ясырь[8] мужеска и женска пола бралъ за сторгованную цѣну, а денегъ не платилъ; отъ Польской республики безъ всякой причины угроженіями и другими вымогательствами многія тысячи получилъ; Молдавію нападеніемъ разорилъ и многія-жъ тысячи людей въ неволю побралъ, и неописанные чинилъ непорядки. Вторымъ ферманомъ велѣно: реченнымъ Крымъ-Гиреемъ истребленную въ противность давнему обычаю, изъ давнихъ лѣтъ отъ прежнихъ хановъ изданную монету, именуемую черные-башлыки[9], въ народѣ ходить по прежнему, а сдѣланныя, за его бытность, изъ Россійской серебряной монеты и въ народъ выпущенныя по примѣру Турецкихъ серебряныхъ паръ, подъ жестокимъ наказаніемъ парами называть запрещено, а именовать — тремя денежками.

[6] Теперь Симферополь.

[7] Ашлама — загородный дворецъ, находился у подошвы горы, на которой стоитъ Чуфутъ-Кале.

[8] Плѣнниковъ.

[9] Мѣдная монета.

Какъ скоро до стоящихъ при Бендерахъ, Очаковѣ и по инымъ ближнимъ къ Каушанамъ мѣстамъ Турецкимъ немалому числу войскамъ, пріуготовленнымъ въ запасъ противъ донесеннаго бунтовщика и Едиссанской орды, о низверженіи его дошло до свѣдѣнія, такъ тѣ войска съ командующими ими по силѣ Порты-Оттоманской ферманов, выступя изъ кампаментовъ, пошли за рѣку Дунай въ свои жилища.

По нижеписанное число, какъ здѣсь въ Бахчесараѣ, такъ и во всѣхъ Крымскихъ мѣстахъ, по благости Божеской, про повѣтренную болѣзнь, и чтобъ Татары къ походу готовились, нимало не слышно и ни малѣйшей опасности не предвидится.

Вашего превосходительства, милостивѣйшаго государя, покорнѣйше прошу, о всемъ вышедонесенномъ для вѣдома отъ себя сообщеніемъ не умедлить въ Астрахань къ г. генералъ-маіору и тамошнему губернатору Бекетову, въ Кизляръ къ г. генералъ-маіору и коменданту Потапову и Донскому войсковому атаману Ефремову; а я впрочемъ съ особливымъ моимъ глубочайшимъ респектомъ имѣю честь пребыть

Вашего Превосходительства,

милостивѣйшаго государя,

покорнѣйшій слуга

Александръ Никифоровъ.

Октября 7 дня 1764 года.

Бахчесарай.

III.

ПОВѢСТВОВАНІЯ И СКАЗАНІЯ.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ТУРЕЦКОЙ РУКОПИСИ ОБЩЕСТВА, СОДЕРЖАЩЕЙ ИСТОРІЮ КРЫМСКИХЪ ХАНОВЪ.

Означенная рукопись есть списокъ, сдѣланный по желанію Общества, съ другой, которая хранится въ Крыму у мурзы Мурата Аргинскаго. Заглавія не имѣетъ; имя автора неизвѣстно. Нашъ списокъ заключаетъ въ себѣ 257 стран. въ 4 долю листа довольно мелкаго письма.

Повѣствованіе начинается съ Адама. Послѣ потопа повѣствуется о разселеніи Ноевыхъ потомковъ по лицу земли, смѣшеніи языковъ, появленіи перваго государя, Кеюмараса, и происхожденіи отъ него Иранскихъ династій Пишдадовъ, Кеяновъ, Ашганидовъ и Сассанидовъ. Далѣе говорится вкратцѣ о Туркекихъ хаканахъ, Римскихъ кесаряхъ, Индійекихъ раджахъ, Египетскихъ фараонахъ, Іеменскихъ тоббахъ и другихъ владѣтеляхъ и событіяхъ до появленія Чингисъ-Хана. Здѣсь авторъ обращается назадъ и разсказываетъ довольно подробно исторію его предковъ, начиная съ прародителя Средне-Азійскихъ народовъ, Турка сына Іафетова. Потомъ повѣствуется о войнахъ Чингисовыхъ, раздѣленіи монархіи его между сыновьями, образованіи четырехъ отдѣльныхъ улусовъ или государствъ Монгольскихъ, и судьбахъ трехъ изъ этихъ улусовъ до новѣйшихъ временъ. Все это не болѣе какъ введеніе; дѣло самое, исторія Крымскихъ хановъ, начинается только съ 46 страницы, съ расказа о четвертомъ улусѣ, Джуджи-Хановомъ. Вотъ что говоритъ авторъ объ этомъ ханѣ и потомкахъ его въ Дештъ-Кипчакѣ.

«Одинъ изъ непріятелей Чингиса, владѣтель Меркитовъ, улучивъ разъ удобный случай, захватилъ въ плѣнъ все Чингисово семейство, въ томъ числѣ и жену его Бурте-Чинъ; но размысливъ потомъ о послѣдствіяхъ такого поступка, тотчасъ-же отослалъ ее назадъ къ Чингису. Бурте-Чинъ была беременна, и на дорогѣ родила сына, котораго потому и назвали Джуджи, что на языкѣ ихъ (Монгольскомъ) значитъ «до-

рожный» (يولجى). Когда Чингисъ по опустошеніи Ирана, возвратился домой, онъ послалъ Джуджи-Хана въ Дештъ-Кипчакъ воевать. Джуджи покорилъ страну Сыгнакъ (سغناق), весь Хорезмъ, Черкесію, Дештъ-Кипчакъ, Украйну, Булгарію, Россію, Крымъ, Валахію, Трансильванію, Венгрію, Пруссію (پورس), Польшу, Молдавію, часть Румеліи и Германіи (المان), и умеръ шестью мѣсяцами прежде Чингиса. Токтимуръ, Герде и Бату, трое изъ сыновей покойнаго, пользовавшіеся наибольшимъ уваженіемъ, отправились послѣ-того къ Чингису искать его милостей. Чингисъ принялъ ихъ съ почестью, Гердею пожаловалъ бѣлый, а Токтимуру и Бату голубой шатеръ; ханство-же надъ улусомъ Джуджи отдалъ, по обычаю Монголовъ, младшему сыну, Бату, при-чемъ Гердею далъ прозваніе Аджень, а Батую — Саинъ. Въ-послѣдствіи, Улусъ Джуджіевъ раздѣлился на двѣ части, которыя по отношенію къ помянутымъ бѣлому и голубому шатрамъ, названы были правою и лѣвою рукою. Саинъ-ханъ какъ и отецъ его Джуджи, не имѣлъ счастія познать истинную (Мусульманскую) вѣру, но очень чтилъ и уважалъ Мусульманъ. Онъ властвовалъ надъ бо̀льшею частью сосѣдственныхъ странъ, основалъ столицу государства, городъ Сарай, и умеръ въ 654 году (гиджры). — Отправясь войною на Франкское королевство Башкуръ (Венгрію), помянутый ханъ приказалъ, чтобы находившіеся съ нимъ Мусульмане молили Господа объ успѣхѣ, по уставу ихъ Магометанской религіи, самъ-же, по примѣру Чингиса, провелъ цѣлые сутки въ воздержаніи отъ пищи, питья и разговоровъ, и поѣхалъ на войну неиначе, какъ помолившись Всевышнему на высокомъ холмѣ. Во время битвы, войско Христіанъ было болѣе чѣмъ въ два раза многочисленнѣе Саинова, но Господь подалъ побѣду ему, и онъ одолѣлъ Христіанъ».

«По смерти Саина, преемникъ его Беркеханъ, просвѣщенный свѣтомъ истинной (Мусульманской) вѣры, явился ревностнымъ порицателемъ поганаго Гулаку и покровителемъ Мусульманъ. — Послѣ Берке были ханами Туганъ, Туда-Менгу, Менктимуръ и Тохтага, но всѣ Татаре вообще обратились въ Исламъ только при Узбекъ-Ханѣ. Преемникъ Узбековъ, сынъ его, Джанибекъ-Ханъ, будучи государемъ разумнымъ, проницательнымъ и вполнѣ благочестивымъ, рѣшился ради того истребить съ лица земли пакостнаго хана Тебризскаго Эшрефа. Выступивъ изъ Дештъ-Кипчака онъ проникъ до Тебриза, но едва успѣлъ поразить Эшрефа мечемъ гибели, какъ и самъ окончилъ жизнь. Ханомъ послѣ него былъ сынъ его Бердибекъ. Со смертью Бердибека родъ Саина пресѣкся, между потомками Джуджи произошли раздоры, и на престолъ Саиновъ восходили на короткое время одинъ за другимъ ханы изъ рода брата Саинова, Шейбана, по имени Хизръ, Базаръ и Барунъ. Потомъ появился и, одолѣвъ ихъ всѣхъ,

самовластнымъ государемъ сдѣлался Русъ-Ханъ изъ потомковъ Герде, изъ колѣна бѣлаго шатра. Далѣе ханствовалъ Тохтамышъ-Ханъ, изъ колѣна голубаго шатра, потомокъ Тохтимура, отъ котораго происходятъ и теперешніе ханы Крымскіе. По прекращеніи владычества Тохтамышева, возвысился надъ ханами, по причинѣ многочисленности народа своего и поколѣнія, Идику, одинъ изъ князей улуса Джуджіева, и могущественнѣйшихъ членовъ поколѣнія Мангутъ. Одного послѣ другаго, сажалъ онъ на ханство: Тимуръ-Кутлуга, Шадибека и Тимура. За тѣмъ ханствовали другъ за другомъ: Джелалъ-ед-Динъ, Керимъ-Бирди, Кёпекъ, Чегре, Джеббаръ-Бирди, Сейидъ-Ахмедъ, Дервишъ, Хюда-Бирди, Кючукъ-Мухаммедъ, Баракъ и Улугъ-Мухаммедъ, добывая престолъ, кто при помощи дѣтей Идику, кто собственными силами. Ханы эти большую часть Татарскихъ поколѣній, выведя изъ Дештъ-Кипчака, поселили въ предѣлахъ Крыма; въ Дештѣ-же и Булгарѣ остались властвовать, изъ рода Шейбанова, ханы: Махмудъ-Ходжа, Хизръ, Абуль-Хайръ, Шейхъ-Гайдеръ, Баяпъ-Ходжа, Ядигяръ и Эминекъ. Послѣ того владычество надъ помянутыми странами перешло къ потомству Русъ-Хана; сынъ Абуль-Хайровъ, Шайбекъ, утвердился въ Мавераннагрѣ; сынъ Ядигяровъ, Ильбарсъ — въ Хорезмѣ, а сыновья Хаджи-Мухаммедъ-Хана — въ Сибири. Въ Крыму, во время ханствованія потомковъ Тохтамышевыхъ Сейидъ-Ахмедъ-Кючука и Махмудъ-Хана, престолъ утвердился за Хаджи-Гераемъ. Въ Мавераннагрѣ, Хорезмѣ и Сибири, властвовали въ это время изъ рода Шейбанова три хана; въ Булгарѣ, изъ рода Русъ-Ханова, — одинъ; да въ Волжской степи и Казани — по одному изъ рода Тохтамышева, такъ что изъ колѣна Джуджіева было семь (?) хановъ въ одно время».

Далѣе разсказывается какъ удалось Улугъ-Мухаммедъ-Хану извести Идику, и какимъ образомъ достигъ престола Хаджи-Герай-Ханъ. Объяснивъ вслѣдъ за тѣмъ происхожденіе прозвища *Герай*, авторъ продолжаетъ повѣствованіе такъ:

«Хаджи-Герай умѣлъ привлекать сердца, потому во время правленія его значительное число народа переселилось съ Волги въ Крымъ. Это дало ему возможность имѣть сильное войско и предпринимать частыя и обыкновенно удачныя вторженія въ Польшу и Россію. Уважаемый всѣми Хаджи-Герай-Ханъ скончался въ 871 году (гиджры), и погребенъ въ часовнѣ, выстроенной имъ нарочно для этого въ Салачикскомъ кварталѣ Багчесарая, который основанъ и избранъ въ столицы дѣдомъ Хаджи-Гераевымъ Хюда-Бирди-Ханомъ. По смерти Хаджи-Герая, на престолъ ханскій вступилъ сынъ его, разумный, угодный небу и вполнѣ достойный вѣнца Менгли-Герай. Но не прошло и трехъ мѣсяцовъ послѣ его возшествія, какъ двоюродный братъ Сейидъ-Ахмедъ-Хана, Нуръ-Девлетъ, соединясь съ

другими своими братьями и племянниками, возсталъ и свергъ Менгли-Герая. Вѣрный пособникъ сего послѣдняго Ширинъ-Текне умеръ между тѣмъ, сынъ Текне былъ еще ребенкомъ, потому большая часть эмировъ и перешла на сторону Нуръ-Девлета. Не имѣя силъ противустоять врагамъ своимъ, Менгли, по необходимости долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ и укрываться нѣсколько времени въ Мангупской крѣпости, которою, равно какъ и Кафою, владѣли тогда Генуэзцы. Дружба Нуръ-Девлета съ братьями своими и племянниками измѣнилась между-тѣмъ въ недовѣрчивость: считая брата своего Бай-Девлета соперникомъ себѣ, Нуръ-Девлетъ лишилъ его жизни вмѣстѣ съ племянниками, которые держали его сторону; послѣ-чего не опасаясь болѣе враговъ, расположился зимовать на берегахъ Днѣпра; но, въ то время, какъ онъ предавался веселью и наслажденіямъ, другой братъ его, Бай-Гельди, за-одно съ остальными племянниками, налетѣлъ на него ночью въ расплохъ и, по смыслу стиха:

Совершивши злое дѣло не предавайся безпечности:
Рано или поздо воздаяніе постигаетъ наконецъ злодѣя.

предалъ его смерти. Владычество Нуръ-Девлета продолжалось два года, и ханомъ послѣ него сталъ Бай-Гельди. Но такъ-какъ сынъ Текне, Эминекъ, держалъ сторону Менгли-Герая, а большая часть Татаръ будучи привержена къ покойному Нуръ-Девлету, не хотѣла повиноваться его убійцѣ, и всѣ эмиры начали оказывать вражду, — Бай-Гельди бросился бѣжать. Тогда Менгли-Герай обнаружилъ пребываніе свое въ Мангупѣ, Эминекъ и бывшее въ Крыму Татарское войско взяли его сторону; Бай-Гельди спасся бѣгствомъ, но всѣ приверженцы его были истреблены и лагерь его на Днѣпрѣ захваченъ. Послѣ сего Менгли-Герай, будучи уже вполнѣ единовластителемъ, назначилъ калгою, т. е. наслѣдникомъ престола, сына своего Мухаммедъ-Герай-Султана. Бай-Гельди властвовалъ всего пятнадцать дней».

По словамъ нѣкоторыхъ писателей, Менгли-Герай находился въ Мангупѣ именно въ то время, когда крѣпость эту отняли у Генуэзцевъ Турки, взятъ былъ сими послѣдними въ плѣнъ и отведенъ въ Константинополь, гдѣ снискалъ расположеніе султана Мухамеда II, которымъ и возведенъ потомъ на престолъ Крымскій. Нашъ авторъ отвергаетъ достовѣрность этого сказанія.

«Въ то время», говоритъ онъ, «Кафою, Судакомъ, Таманью и другими крѣпостями по Крымскому берегу владѣли невѣрные, платя Крымскимъ ханамъ дань и признавая надъ собою ихъ власть; но пользуясь междоусобіями Татаръ, всѣ они вышли изъ повиновенія, и по произволу то воевали, то жили въ мирѣ. Чтобы смирить строптивость невѣрныхъ, и овладѣть ихъ крѣпостями, Менгли-Гераю нужны были стѣнобитныя пушки; вслѣдствіе этого и отправилъ онъ

къ его величеству, сливкамъ султановъ рода Османова, султану Махмуду «завоевателю», письма съ просьбою о высылкѣ ему въ помощь нѣкотораго количества войска Оттоманскаго и пушекъ. Съ такою-же просьбою обращался еще прежде Хаджи-Герай-Ханъ, но по просьбѣ его ничего не было сдѣлано, потому-что, какъ говорится по Арабски, «на всякое дѣло есть свой часъ». Часъ этотъ наконецъ насталъ: на просьбу Менгли-Герая послѣдовало соизволеніе, и Кедикъ-Ахмедъ-Паша, присланный въ 880 году (гиджры), съ многочисленнымъ флотомъ, завоевалъ и взялъ помянутыя крѣпости, по милости Всеблагаго Господа — каковое событіе и означили хронограммою: Умилосердился Господь надъ жителями Кафы, ибо «милость» есть годъ завоеванія этого города[1]. Послѣ того Менгли-Герай отправился вмѣстѣ съ помянутымъ пашею, поздравить султана съ успѣхами его побѣдоноснаго оружія; а султанъ съ торжественною церемоніею призналъ его въ достоинствѣ хана. Такимъ-образомъ, Менгли-Герай первый изъ Крымскихъ хановъ подалъ примѣръ признанія надъ собою верховной власти султановъ рода Османова. — Возвратившись домой осыпанный почестями, онъ задумалъ покорить» и проч. и проч. Идетъ расказъ о войнѣ Менгли Герая съ Сейидъ-Ахмедомъ Далѣе:

«Желая обезпечить безопасность своихъ подданныхъ, Менгли-Герай построилъ въ Орскомъ (Перекопскомъ) проходѣ укрѣпленіе Ферхкерманъ, а на берегахъ Днѣпра Джанкерманъ, Каракерманъ и Девлетъ-Керманъ. — Когда его величество султанъ Баезидъ-Ханъ воевалъ въ Молдавіи и покорялъ Килію и Аккерманъ, Менгли-Герай привелъ ему на помощь 50.000 Татаръ, въ вознагражденіе за что пожалованы ему доходы съ портовъ Кафинскаго, Козловскаго и Балаклавскаго, и сверхъ-того многія селенія на Днѣстрѣ, принадлежавшія воеводѣ Молдавскому, и извѣстныя нынѣ подъ именемъ Ялы-Агасы (يالى اغاسى). Правители Польскіе, Прусскіе и Московскіе находились прежде подъ властью Крымскихъ хановъ; но когда у Татаръ начались междоусобія и смуты, правители эти, люди хитрые и коварные, стали усиливаться со-дня-на-день, и пользуясь обстоятельствами, не только вышли совершенно изъ повиновенія, но даже сами наложили дань на нѣкоторыхъ Татарскихъ владѣтелей. Отдохнувъ отъ бѣдствій Тахтъ-Илійской войны, Менгли-Герай началъ безпрестанно громить помянутыя страны, предводительствуя лично, или посылая сыновей, и отплатилъ на славу, полонивши множество имущества и народа. Волею-неволею заставилъ онъ также повиноваться и буйный отъ природы

---

[1] كفه خلقنه حقدن اولدى رحمت
كه اولدى فتحنك تاريخى شفقت

Буквы слова شفقت «милость», сложенныя въ ихъ числительномъ значеніи (ش = 300; ف = 80; ق = 100; ت = 400), даютъ 880.

народъ Черкесскій». Слѣдуетъ повѣствованіе о бѣгствѣ въ Крымъ и пребываніи въ оном султана Селимъ-Хана, о смерти Менгли-Герая и вступленіи на престолъ сына его Мухаммедъ-Герая.

Излагать въ выпискахъ дальнѣйшую исторію всѣхъ Гераевъ, значило-бы перевести половину разбираемой рукописи; изложить содержаніе ея въ извлеченіи — не соотвѣтствовало-бы нашей цѣли. Итакъ мы ограничимся нѣсколькими выписками только о замѣчательнѣйшихъ ханахъ.

Знаменитѣйшимъ послѣ Менгли-Герая является сынъ его Сахибъ-Герай. «Достигнувъ полновластія, Сахибъ-Герай обратилъ все вниманіе на устройство своего народа, чѣмъ и пріобрѣлъ безсмертную славу. Жители Крыма не имѣли до него постоянныхъ жилищъ, а вели жизнь кочевую, переходя съ мѣста на мѣсто. Большею частью кочевали они по берегамъ рѣкъ Эмбы (جم), Урала (جايق), Волги, Терека, Кубани и Днѣпра, по-ту и по-сю сторону Каракермана. Сахибъ-Герай приказалъ поломать телѣги, служившія имъ для переѣздовъ и перевоза семействъ и имущества, и назначилъ всѣмъ постоянныя мѣста жительства, давъ каждому достаточное количество земли, и приказавъ строить дома и деревни на пространствѣ полуострова Крымскаго отъ Ферхъ-Кермана на сѣверѣ до Балаклавы на югѣ, и отъ Кафы на востокѣ до Козлова на западѣ. Онъ распространилъ также крѣпость Ферхкерманскую, и чтобы она соприкасалась морю съ двухъ сторонъ, началъ рытье Орскаго (Перекопскаго) рва. По его-же повелѣнію выданы были на владѣніе отведенною собственностью граматы съ алою и зеленою Чингисовскими тамгами, которыя граматы (ملک نامه‌لر) сохраняются и доселѣ. Будучи воинственъ, помянутый ханъ, втопталъ въ грязь государства Русское и Польское, и побѣдивъ Астраханскаго хана Ямгурджи, разсѣялъ его подданныхъ, а избѣжавшихъ смерти мужчинъ и женщинъ, со всѣмъ имуществомъ и богатствами переселилъ въ Крымъ. Потомъ находился въ Багдадскомъ походѣ вмѣстѣ съ султаномъ Сулейманомъ, за что и былъ отъ него милостиво награжденъ».

Вотъ что говоритъ авторъ о дѣйствіяхъ противъ Русскихъ преемника Сахибъ-Гераева Девлетъ-Герая: «Въ то время войско Московское овладѣло Астраханью. Ханъ пошелъ и освободилъ этотъ городъ, но когда возвращался назадъ обремененный безчисленною добычею, его настигъ на пути, предводительствуя 90.000 войскомъ, поселившійся въ Россіи и славный отважностью между невѣрными, выкрестъ изъ Персидскихъ Армянъ по имени Ширъ-Мердунъ, ошибочно называемый Ширъ-Медомъ (Шереметьевъ). Уйти было нельзя, потому ханъ по необходимости вступилъ въ бой; но такъ-какъ лошади, утомленныя дальнимъ походомъ и тяжестью добычи, не имѣли силъ, войско Татарское потеряло духъ и пришло въ растройство. Ханскіе сыновья

калга Ахмедъ-Герай и Хаджи-Герай, пять султановъ и безчисленное множество знатныхъ и простыхъ ратниковъ Мусульманскихъ пали подъ ударами невѣрныхъ; совершенная гибель была уже близка; но «нѣтъ побѣды неже отъ Господа»: сынъ Девлетъ-Гераевъ, Мухаммедъ-Герай-Султанъ оставленный отцемъ стеречь Крымъ, устыдясь проводить время въ покоѣ и бездѣйствіи, тогда какъ отецъ его и братья были въ походѣ, собралъ, безъ позволенія на то Девлетъ-Герая, сколько можно было храбраго войска, и пустившись съ нимъ на помощь и подкрѣпленіе отцу, прибылъ именно въ то самое время, когда войско Мусульманское близко уже было къ бѣгству. Помня божественныя слова: «Знайте, что рай обрѣтается подъ тѣнью мечей», онъ немедля, съ крикомъ: Аллахъ! Аллахъ! ударилъ на непріятельскій лагерь. Это движеніе придало силы изнемогавшему ханскому войску; оно снова завязало бой, и невѣрные были разбиты. По возвращеніи домой побѣдоноснаго и обогащеннаго добычею войска, Мухаммедъ-Герай награжденъ былъ почетною одеждою и сдѣланъ калгою. — Въ началѣ ханствованія своего, Девлетъ-Герай, чтобы удержаться на престолѣ, проливалъ кровь мусульманскую; за-то послѣ оказывалъ великую ревность къ войнѣ съ народами, враждебными истинной вѣрѣ, и одержалъ многія побѣды, такъ-что разъ осаждалъ даже сорокъ дней столицу государства Русскаго Москву, а Татарское войско грабило между тѣмъ окрестности. Наконецъ, обремененное добычею безъ счета, оно удалилось, обязавъ Русскихъ платить дань и каждый годъ присылать хану деньги и дары. За это Девлетъ-Герай и до-сихъ-поръ славится подъ прозваніемъ «завоевателя царствъ».

Несчастная участь сына Девлетъ-Гераева Фетхъ-Герай-Султана расказана слѣдующимъ образомъ: «Получивъ отъ султана Мухаммеда (III), приказанье явиться съ войскомъ для принятія участія въ походѣ на Эрлау (اكرى), Гази-Герай-Ханъ отправилъ вмѣсто себя калгу своего Фетхъ-Герая, извиняясь, что не можетъ явиться лично. Многочисленными подвигами мужества, оказанными въ продолженіе этого похода, Фетхъ-Герай снискалъ себѣ такую славу, что по счастливомъ окончаніи компаніи, сераскиръ Чагала-Заде Синанъ-Паша, возведенный въ санъ великаго визиря, предложилъ ему ханское достоинство. Сколько Фетхъ-Герай ни сопротивлялся и ни отказывался, говоря, что оно принадлежитъ Гази-Гераю по праву, что Гази-Герая почитаетъ онъ какъ благодѣтеля и отца, но наконецъ по-необходимости долженъ былъ уступить настойчивости визиря. Услышавъ о низложеніи своемъ, Гази-Герай нимало не медля, сѣлъ въ Балаклавѣ на корабль и отправился въ Константинополь, но вмѣсто того противнымъ вѣтромъ занесенъ былъ въ Синопъ. Фетхъ-Герай въ достоинство калги возвелъ бывшаго нуреддина Бахтъ-Герая, а нуреддиномъ сдѣлалъ брата сво-

его Селаметъ-Герая. Только-что прибылъ онъ въ Крымъ, какъ великимъ визиремъ въ Константинополѣ на мѣсто Синана сдѣланъ былъ опять Ибрагимъ-Паша. Новый визирь, не изъ чего инаго, какъ только чтобы сдѣлать на перекоръ прежнему, сталъ увѣрять султана, сидѣвшаго вѣчно взаперти, что если не возстановить на престолѣ Гази-Герая такъ онъ неминуемо взбунтуется, и вслѣдствіе того приказавъ изготовить по подтвердительной граматѣ (مقرر نامه) для обоихъ хановъ, вручилъ ихъ мутеферрика-баши Черкесъ-Ханданъ-Агѣ, съ приказаніемъ ѣхать въ Крымъ, и, если окажется, что Татаре клонятся болѣе на сторону Гази-Герая, отдать ему написанную на имя его грамату; если-же большинство окажется на сторонѣ Фетхъ-Герая, грамату отдать Фетхъ-Гераю, а Гази-Герая потребовать въ Константинополь ко двору. Черкесъ-Ханданъ-Ага сѣлъ на корабль и отправился въ Кафу; но такъ-какъ «вѣтры увлекаютъ корабли не туда, куда имъ нужно», поднявшимся противнымъ вѣтромъ принесло его въ Синопъ, гдѣ по тойже причинѣ сидѣлъ Гази-Герай. Ханданъ, обязанный ему благодарностью за прежнія одолженія и надѣясь въ будущемъ новыхъ милостей, не разсудилъ поступать сообразно данному приказанію, и не думая долго, тутъ-же вручилъ ему его подтвердительную грамату, научивши въ прибавокъ разнымъ хитростямъ, вслѣдствіе чего Гази-Герай возвратился въ Кафу, и предъявляя данный ему ферманъ, обнаружилъ требованія на ханское достоинство. Фетхъ-Герай въ подкрѣпленіе своихъ правъ ссылался также на имѣвшійся у него на ханство собственноручный султанскій указъ (خط همايون). Татаре, раздѣлившись между двумя претендентами, готовились уже разрѣшить дѣло битвою; въ такой крайности надлежало необходимо прибѣгнуть къ голосу закона. Занимавшій должность кадія, Абдъ-эр-Рахманъ-Эфенди, опредѣлилъ, что находящійся въ рукахъ Фетхъ-Герая собственноручный султанскій указъ (خط شريف) лишаетъ силы выданную послѣ утвердительную грамату Гази-Герая, а Кафинскій муфти Мевлана Абдъ-эр-Резакъ-Эфенди выдалъ фетву такого содержанія: «Отъ начала рода Османова и до настоящаго времени ведется такъ, что всѣ достоинства существующія въ странахъ подвластныхъ Портѣ получаются въ силу высочайшаго указа съ тугрою (вензеловымъ именемъ). Если-бы, сообразно съ собственноручнымъ султанскимъ указомъ, имѣющимся у Фетхъ-Герай-Хана, былъ у него еще ферманъ съ тугрою, такъ помянутый указъ имѣлъ-бы силу; одна-же подпись султанская недостаточна. Повиновеніе оказывается лишь тугрѣ; а въ такомъ случаѣ ханомъ надлежитъ считать Гази-Герая, и неповиновеніе ему — бунтомъ и мятежемъ». Вслѣдствіе этой фетвы всѣ Татаре покорились Гази-Гераю. Были глупцы, которые настаивали, чтобы Фетхъ-Герай шелъ къ хану и поздравилъ его съ восшествіемъ

на престолъ; онъ несогласился, но садясь на корабль въ Кафѣ, чтобы плыть въ Константинополь, заѣхалъ однако проститься съ Гази-Гераемъ въ мѣстечко Накшеванъ (Нахичеванъ?), недалеко отъ Кафы. Когда по обычаю, онъ снялъ съ головы шапку, цѣлуя полу ханскаго платья, одинъ мерзавецъ изъ эмировъ поколѣнія Мансуръ, вслѣдствіе предварительнаго приказанія хана, ударилъ его палицею. Тутъ бросились и прочіе, и изрубили до смерти несчастнаго Фетхъ-Герая. Свидѣтель этого, калга его Бахтъ-Герай-Султанъ, бросился на лошадь и хотѣлъ спасаться бѣгствомъ, но прислуга ханская остановивъ лошадь за узду, умертвила и его также. Послѣ того исполняя уставы Чингиса, ханъ приказалъ лишить жизни еще девятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей Фетхъ-Герая. Мученикъ этотъ ханствовалъ всего три мѣсяца, жизни-же его было тридцать девять лѣтъ. Дѣло въ томъ, что и Синанъ-Паша былъ не правъ лишивъ Гази-Герая престола безъ всякаго повода на то съ его стороны; но еще сквернѣе поступлено было въ этомъ случаѣ Ибрагимомъ-Пашею».

Однимъ изъ наиболѣе любимыхъ и уважаемыхъ Крымскими Татарами хановъ ихъ былъ Хаджи Селимъ-Герай-Ханъ, сынъ Бегадиръ-Герай-Хана. «Получивъ престолъ въ мѣсяцѣ Дзуль-Хидже 1081 года (гиджры), Селимъ-Герай назначилъ калгою брата своего Селаметъ-Герая, а нуреддиномъ племянника, Сафа-Герая, и отправился въ Крымъ. Между тѣмъ обитающіе въ землѣ невѣрныхъ Поляковъ, подъ обязательствомъ платить подать, Татаре Лифковскіе (ليفكا), вѣрою Мусульмане, отправили къ нему прошеніе объ избавленіи ихъ отъ платежа постыдной подати и переселеніи въ окрестности Буджака. Прошеніе это представлено было ему на пути. Ханъ, зная тонкости вещей, не далъ имъ отвѣта по собственному произволу, а повелъ совѣтъ съ правившимъ въ Силистріи Халиль-Пашею, и когда обое оказались одного мнѣнія, о прошеніи этомъ донесли высокой Портѣ; но въ самомъ дѣлѣ, прошеніе Татаръ было не по сердцу помянутому пашѣ, потому вслѣдъ за общимъ донесеніемъ Портѣ, онъ отправилъ отъ себя тайно отдѣльную меморію, въ которой доказывалъ, что привести въ исполненіе просьбу Татаръ не только трудно, но и ни съ чѣмъ несообразно. Вслѣдствіе этого отъ великаго визиря получено письмо объ оставленіи этой просьбы безъ исполненія, и люди, съ которыми она была прислана, отправились въ обратный путь не достигши желаемаго. По прибытіи въ Крымъ, Селимъ-Герай тотчасъ-же предпринялъ походъ для устройства Черкесской земли. Во время зимовки тамъ въ Кабардѣ, явился къ нему отъ его величества султана Мухаммеда (IV) капиджи-кетхода Ахмедъ-Ага съ двумя хатти-шерифами и великолѣпною почетною одеждою, звать, по обычаю, въ предпринимавшійся походъ на Каменецъ, и ханъ не медля ни мало, возвра-

тился въ Багчесарай. По изготовленіи къ походу въ мухаремѣ 1083 года (гиджры), сѣлъ онъ на коня, предводительствуя безчисленнымъ войскомъ храбрыхъ Татаръ, и направилъ путь къ побѣдному стану Оттомановъ. Недалеко отъ Каменца встрѣтился имъ главнокомандующій войскомъ невѣрныхъ по имени Ханту (خانتو). Татаре ударили на враговъ съ яростью львовъ, и, при помощи Всевышняго, разбивъ ихъ и обративъ въ бѣгство, обогащенные добычею, по-добру-по-здорову, прибыли къ Каменцу, а при осадѣ этой крѣпости, ревностью и подвигами заслужили всеобщую похвалу и уваженіе».

Въ 1088 году (гиджры) Селимъ-Герай былъ низложенъ за приписанную ему неудачу Чигиринской экспедиціи, и въ слѣдующемъ посланъ на житье въ Родосъ; ханомъ между-тѣмъ сдѣланъ Мурадъ-Герай, сынъ Мубарекъ-Герай-Султана. Въ 1094 году, онъ также лишенъ престола, а на мѣсто его возведенъ Хаджи-Герай, сынъ Крымъ-Герай-Султана, послѣ чего въ 1095 возстановленъ опять Селимъ-Герай. «Войско Австрійское овладѣло между-тѣмъ находящимся въ сосѣдствѣ съ Софіею (صوفيه) городомъ Койномъ (?) и другими областями Мусульманскими. Высокая Порта рѣшилась въ такихъ обстоятельствахъ созвать всеобщій совѣтъ; къ Селимъ-Гераю, зимовавшему въ Киліи, явился отъ султана Сулеймана (II), со звомъ и хатти-шерифомъ капиджи-баши Мустафа-Ага. До того времени такого рода приглашеній еще не случалось; это было первое, потому эмиры и неодобряли изъявленную ханомъ готовность повиноваться; но ханъ, увѣренный въ правотѣ своей, не питалъ нималѣйшаго страха, выбралъ изъ своихъ Крымцевъ человѣкъ пять или десять извѣстныхъ и дѣловыхъ людей, которые-бы за словомъ въ карманъ не полѣзли, и въ послѣднихъ числахъ втораго Ребіи 1100 года (гиджры), возложивъ упованіе свое на Всевышняго, пустился въ путь ко двору. По прибытіи въ Адріанополь, онъ, по старинному обычаю, встрѣченъ былъ великимъ визиремъ Мустафа-Пашею, а квартира ему отведена была во дворцѣ Кара-Мустафа-Паши. Послѣ обыкновенныхъ церемоній имѣлъ у его величества аудіенцію, и по учиненномъ совѣщаніи, ему и великому визирю приказано идти въ походъ на Австрійцевъ. Возвратившись въ Килію для снаряженія къ походу, ханъ, во вторникъ 20 Реджеба 1100 года, получилъ вдругъ извѣстіе, что приближается войско коварныхъ Москвитянъ въ числѣ 200,000 человѣкъ съ 1,000 орудіями, посланное для завоеванія Крыма подъ начальствомъ боярына Акарыча (اكاريج) изъ рода Голицыныхъ. Извѣстіе это нисколько не смутило хана, и нимало не лишило его бодрости. Собравъ сколько можно было Ногайскаго и Татарскаго войска, сѣлъ онъ на коня и быстро понесся въ Крымъ. Въ ночь полученія горестной новости находившіеся при ханѣ эмиры и чиновники были какъ

шальные отъ заботъ и опасенія; ханъ напротивъ, бодрый духомъ, помня, что:

Изъ веселаго лица выходитъ и голосъ веселый,
Потому-что первое есть признакъ довольства чувствъ, а второе — силы духа,

приказалъ въ знакъ изъявленія радости играть на флейтахъ и гитарахъ. Одинъ изъ эмировъ, которые не прятали языкъ за зубами, человѣкъ храбрый, не выдержалъ, и говоря: «Вотъ поганые Австрійцы и проклятые Москвитяне стакнулись погубить народъ Мусульманскій, а Крымскій ханъ, собравши своихъ огдановъ веселится да распѣваетъ тиръ-ли-ли, тиръ-ли-ли», вышелъ съ досадою изъ ханской палатки. Ханъ, зная тонкости вещей, велѣлъ его воротить и отвѣчалъ, что «страхъ не избавляетъ отъ бѣды». — Слыша о приближеніи грознаго непріятеля, и не видя хана посреди себя, бывшіе въ Крыму эмиры и чиновники поджали хвостъ и не знали что дѣлать, какъ вдругъ во вторникъ, четвертаго числа Шабана, ханъ явился въ Каклычикѣ (قكليجق), въ четырехъ часахъ пути отъ Орской (Перекопской) крѣпости, и сердца жителей Крыма исполнились радостью и весельемъ. На слѣдующій день, въ среду, войско Крымское прибыло въ мѣсто называемое Кара-Елга (قرا يلغه), и лишь только взорамъ его открылся лагерь проклятыхъ непріятелей, ханъ ударилъ на нихъ съ своими вѣрными и безстрашными Татарами. Середи боя прибыли къ войску новые отряды; это придало смѣлости сердцамъ Мусульманскимъ, и какъ сраженіе длилось до вечера, то атакуя непріятеля съ неистовою храбростью и львинымъ мужествомъ, они побили у него безчисленное множество народа. Ночью, по силѣ изрѣченія: «совѣтуйся съ ними о дѣлѣ», собраны были на совѣщаніе эмиры и высшіе чиновники и султаны. Всѣ, въ особенности-же нуреддинъ Азаметъ-Герай были того мнѣнія, чтобы оставаться на мѣстѣ, ночь провести въ молитвѣ, а съ наступленіемъ утра ударить на непріятеля. «Мы воины» говорили они, «за царство Мусульманское и за вѣру Магометову не пожалѣемъ ни головъ, ни душъ нашихъ. Нагрянемъ на презрѣнныхъ враговъ какъ день послѣдняго суда, покроемъ головы ихъ позоромъ, и спасемъ народъ правовѣрный!» Глаза хана при этихъ словахъ наполнились слезами, а сердце жаждою крови. «И я вмѣстѣ съ вами положу животъ мой за вѣру Магометову», сказалъ онъ. Войско раздѣлили на три полка; въ первомъ долженъ былъ находиться самъ ханъ, во второмъ — калга Девлетъ-Герай-Султанъ, въ третьемъ — нуреддинъ Азаметъ-Герай, племянникъ хана, сынъ Селаметъ-Гераевъ, Шагинъ-Герай и храбрѣйшіе изъ воиновъ. Съ криками: *Бисмиллахъ* (во имя Божіе), *Ла илагъ иллаллахъ* (нѣтъ божества, кромѣ Аллаха), и *Аллахъ, Аллахъ, Аллахъ!* устремились Мусульмане на станъ непріятельскій и произвели такое пораженіе, что зеленую равнину Ферхкерманскую обратили въ цвѣт-

никъ красныхъ тюльпановъ, или вѣрнѣе, въ море крови. Нурединъ Азаметъ-Герай отличался особенною храбростью. Въ этотъ день у непріятеля отнято было тридцать пушекъ, и взято въ плѣнъ тысяча казаковъ и убито безчисленное множество ратниковъ; но невѣрные, все еще многочисленные, и имѣя съ собою пушки и другое огнестрѣльное оружіе, не оставляли намѣренія вторгнуться въ Крымъ и продолжая путь дошли до мѣста называемаго Карбасъ (قرباس) и находящагося около самой Орской крѣпости. Въ ней надъ небольшимъ числомъ войска начальствовалъ Бегадиръ-Ага. Ханъ, а съ нимъ прочіе чиновники и весь правовѣрный народъ, держа на-готовѣ сабли и ружья, и ожидая съ отчаяніемъ подступленія невѣрныхъ, стали по окраинѣ рва. Но «Господь милуетъ и подаетъ помощь покорнымъ». Отъ невѣрныхъ для переговоровъ о мирѣ прибылъ къ хану нѣкто по имени Калмукъ-Ага, родомъ изъ состоящихъ въ подданствѣ Россіи Алатырскихъ Татаръ. Ханъ съ своей стороны также послалъ въ ихъ лагерь Кемаль-Мирзу изъ эмировъ поколѣнія Яшлы. Эта ночь до самаго утра также проведена была правовѣрными въ готовности встрѣтить непріятеля. Съ восходомъ солнца ханъ, взъѣхавъ на высокій холмъ, увидѣлъ, что невѣрные, построивъ полки свои, ретируются. По учиненіи дальнѣйшихъ разъисканій, оказалось, что непріятель, устрашенный львиными атаками Татаръ, и не имѣя возможности выдти изъ своихъ укрѣпленій, отъ трусости и недостатка воды, принужденъ былъ рѣшиться на ретираду; посла-же отправилъ къ Татарамъ только для того, чтобы выиграть время и обмануть ихъ на счетъ своихъ намѣреній. Тогда все войско Татарское погналось по слѣдамъ невѣрныхъ и настигнувъ ихъ при Донузлу-Оба, не вынимая стрѣлъ изъ колчановъ, врубилось въ ряды съ одними саблями. Убитыхъ навалили цѣлые холмы и трупами ихъ наполнили все помянутое мѣсто. Тысячу человѣкъ полонено и взято множество добычи золотыми и серебряными сосудами. Ханъ совсѣмъ войскомъ преслѣдовалъ невѣрныхъ до самаго мѣста Четъ-Кыръ. Многіе изъ Татаръ и Ногайцевъ гнались еще далѣе, до самаго вступленія ихъ въ свою землю, не переставая схватываться и живиться разною добычею; ханъ-же отъ помянутаго мѣста воротился, и на пространной равнинѣ Кельмишъ-Оба (كلمش اوبه) собравъ совѣтъ, положилъ, что должно увѣдомить султана во-первыхъ о знаменитой побѣдѣ одержанной Татарами, во-вторыхъ о скоромъ отправленіи ихъ въ Императорскій лагерь. Вслѣдствіе этого нѣсколько почетнѣйшихъ лицъ изъ эмировъ и духовныхъ, вмѣстѣ съ осьмью человѣками Русскихъ плѣнныхъ, отправлены были тотчасъ въ Турецкій лагерь, а ханъ, продолжая путь въ Крымъ, прибылъ въ Багчесарай».

Послѣдній ханъ, властвованіемъ котораго заключаетъ трудъ свой неизвѣстный

авторъ рукописи, есть Арсланъ-Герай сынъ Девлетъ-Герай-Хана, вступившій на престолъ въ 1161 году гиджры. Вотъ что говорится объ немъ: «По полученіи инвеституры на ханское достоинство, калгою своимъ Арсланъ-Герай сдѣлалъ сына Фетхъ-Гераева Селимъ-Герая, нуреддиномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Буджакскимъ сераскиромъ— брата своего Крымъ-Герая, Орскимъ беемъ — сына Фехтъ-Гераева Мухаммедъ-Герая. Черезъ нѣсколько времени Мухаммедъ-Герай былъ отставленъ, а Крымъ-Герай удалился въ Румелію. Тогда, на мѣсто послѣдняго, въ достоинство нуреддина возвелъ онъ племянника своего Максудъ-Герая сына Бегадиръ-Гераева, Орскимъ беемъ сдѣлалъ старшаго сына своего Селимъ-Герая, Буджакскимъ сераскиромъ— втораго сына Девлетъ-Герая, Едисанскимъ сераскиромъ — третьяго сына Шехбазъ-Герая. Услышавъ объ отставкѣ брата своего Мухаммедъ-Герая, калга-султанъ Селимъ-Герай говорилъ ему: «Были мы разбросаны по чужимъ землямъ, кто скитался въ горахъ у Черкесовъ, кто въ Румеліи. Ханъ призвалъ насъ въ Крымъ, одного сдѣлалъ калгою, другаго Орскимъ беемъ, да и всѣхъ прочихъ, по достоинству наградилъ и осыпалъ милостями, больше чѣмъ отъ роднаго отца можно ожидать. Онъ господинъ нашъ и старшій братъ. Не желалъ-бы онъ намъ добра, не собралъ-бы насъ такъ подъ крыло свое; теперь изволилъ отставить, значитъ наша вина тому причиной, и все таки намъ должно хвалить его и прославлять». Въ благополучное время властвованія сего хана Крымъ благоденствовалъ въ мирѣ и тишинѣ. Сидя въ углу безопасности, люди жили другъ съ другомъ въ кротости и любви, возсылая къ Господу теплыя молитвы о здравіи и долголѣтіи своего государя. Ханъ Арсланъ-Герай, подобно родителю своему храброму Девлетъ-Герай-Хану, и какъ гласитъ несомнѣнная книга: «Тѣ, которые немилосерды къ невѣрнымъ, кротки между собою», былъ безжалостенъ къ врагамъ вѣры, но милостивъ до правовѣрныхъ. По силѣ словъ пророческаго преданія «Вѣрующіе есть престолъ Всевышняго», онъ старался привлекать всѣ сердца, въ особенности-же оказывалъ уваженіе къ улемамъ и людямъ примѣрной жизни; должность кадійскую не давалъ безъ разбору, а по степени достоинства, и вообще старался улучшить состояніе всякаго ученаго человѣка. Предписанные закономъ пять дневныхъ намазовъ исполнялъ съ крайнимъ усердіемъ. Зная, что «кто лишилъ жизни одного человѣка, все равно какъ-бы лишилъ ея всѣхъ», воздерживался отъ разрушенія твореній Божіихъ сколь можно болѣе. Увѣренный, что «правовѣрные суть какъ-бы семья султана», оказывалъ величайшую заботливость объ охраненіи предѣловъ и укрѣпленіи границъ, для чего построилъ батареи и прорылъ рвы въ крѣпостяхъ Орской и Арабатской (رباط), а также въ Учъ-Оба, Джонгарѣ (جونغار) и въ Сивашѣ (جواش). Помня,

что пророкъ сказалъ: «Улемы тоже, что были пророки во Израилѣ», изъ любви къ ученію, построилъ въ Багчесараѣ, недалеко отъ большой соборной мечети, великолѣпное медресе (семинарію) и прекрасное училище. «Строитъ храмы Божіи, кто вѣритъ въ Бога единаго и день послѣдняго суда» рѣчетъ стихъ корана, и ханъ возстановилъ и возобновилъ клонившуюся къ разрушенію ханскую соборную мечеть въ Козловѣ. Несомнѣнную книгу эту читалъ онъ ежедневно, и въ силу того, что «записываемъ мы дѣла ихъ и подвиги для будущей жизни», въ Козловѣ, Акъ-Мечети и Отаръ-Коѣ построилъ фонтаны, и на поддержаніе всѣхъ помянутыхъ богоугодныхъ сооруженій опредѣлилъ вакфы. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ ханствованіе Капланъ-Герай-Хана, пожжено было руками невѣрныхъ, Арсланъ-Герай воздвигъ новые дворцы, великолѣпнѣе прежнихъ. Дворцы построенные Менгли-Герай-Ханомъ въ Салачикѣ и извѣстные подъ именемъ «Ишлеме» клонились уже къ разрушенію. Арсланъ-Герай возобновилъ ихъ и выстроилъ еще другіе. Вообще ханъ этотъ соединялъ въ себѣ всѣ похвальныя качества. Не будучи въ состояніи ни языкомъ ихъ расказать, ни перомъ описать, я презрѣнный и ничтожный богомолецъ его ограничиваюсь слѣдующею касидою:»... Касидою этою, безтолковою какъ и всѣ произведенія поэтическаго генія Татаръ, которую потому мы и не приводимъ, оканчивается книга.

А. НЕГРИ.

д. ч. о.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Skythien und die Skythen des Herodot, und seine Ausleger, nebst Beschreibung des heutigen Zustandes jener Länder, von Dr. Friedrich Ludwig Lindner, königl. bayer'schem Legations-Rath. Mit vier Karten. Stuttgart. E. Schweizerbart'sche Verlagshandlung. 1841. (Скиѳія и Скиѳы Геродота, и его толкователи, съ описаніемъ нынѣшняго состоянія тѣхъ странъ, *Д. Фридриха Людвига Линднера*, королевско-Баварскаго Совѣтника Посольства. Съ четырьмя картами. Штутгардъ. Изданіе Э. Швейцербарта. 1841). X. 239. in 8°.

«Противорѣчивыя мнѣнія ученыхъ о странѣ и народѣ Скиѳовъ, о ихъ предкахъ и потомкахъ, внесли въ исторію множество погрѣшностей, отъ которыхъ не изъяты самыя новѣйшія, самыя знаменитѣйшія историческія сочиненія.

«Отыскать источники противорѣчій, было необходимо: только по открытіи этихъ источниковъ, можно надѣяться внести порядокъ въ существующую донынѣ сумятицу понятій о Скиѳахъ.

«Эта задача занимала меня въ продолженіе многихъ лѣтъ.

«Что только въ Геродотѣ должно искать разъясненія вопросовъ, которые испытателей исторіи привели въ неизвѣстность на-счетъ Скиѳовъ: это было признано уже прежде, именно Гереномъ. Но какъ понимать и объяснять Геродота? Вотъ великая загадка, къ разрѣшенію которой были призываемы на помощь самыя странныя, самыя неудобосоединяемыя гипотезы; и въ заключеніе не вышло другаго результата, какъ предположеніе, что Геродотъ самъ долженъ былъ неизвинительно ошибаться.

«Съ такимъ предположеніемъ я не хотѣлъ согласиться, не удостовѣрясь собственнымъ изслѣдованіемъ въ его вѣроятности. Но для того чтобъ изслѣдованіе было основательно, надлежало такъ-сказать позабыть существовавшее доселѣ толкованіе Геродота и проложить новый путь къ уразумѣнію его описанія.

«Въ этомъ намѣреніи я подбиралъ одно-

къ другому, часто разсѣянныя извѣстія Геродота объ одномъ и томъ-же предметѣ, сравнивалъ ихъ между-собою и въ отношеніи къ цѣлому; старался объяснять слова его, безъ предубѣжденія, по собственному, добросовѣстному испытанію, и въ связи съ его другими несомнительными показаніями; наконецъ, послѣ серьознаго, не пугающагося никакихъ дробностей изученія лучшихъ Русскихъ картъ, разъискивалъ: можетъ-ли Геродотъ быть приведенъ въ согласіе съ дѣйствительною географіею, можно-ли доказать, что онъ точно зналъ сторону?

«Послѣ многихъ напрасныхъ усилій, послѣ частыхъ неудачъ отнимавшихъ бодрость, я увидѣлъ наконецъ свѣтъ въ доселѣ господствовавшей Скиѳской мглѣ. Съ помощью этого свѣта я открылъ источникъ всѣхъ прежнихъ погрѣшностей, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ убѣдился въ изумительной точности описанія Геродотова».

Такъ говоритъ г. Линднеръ въ «Предисловіи» (с. VII) къ своей книгѣ, которая есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій современной археологической критики. Какъ опытъ совершенно новаго объясненія самыхъ темныхъ страницъ, въ самомъ драгоцѣнномъ памятникѣ классической древности, она имѣетъ высокій интересъ для всего ученаго свѣта. Для насъ этотъ интересъ неизмѣримо возвышается тѣмъ, что страницы, о которыхъ здѣсь идетъ дѣло, суть страницы «Геродота о Скиѳахъ и Скиѳіи»; страницы, съ которыхъ должны начинаться, въ которыхъ находятъ первую твердую точку упора всѣ историческія изслѣдованія о краѣ, составляющемъ главный предметъ нашихъ занятій.

Цѣль и характеръ книги г. Линднера достаточно обозначаются приведенными словами «Предисловія». Содержаніе ея, кромѣ краткаго «Введенія», объясняющаго подробнѣе задачу и планъ всего труда, состоитъ изъ слѣдующихъ семи «Отдѣленій»:

I. Обозрѣніе описанія Геродотова.

II. Толкователи Геродота.

III. Объясненіе не-такъ-понимаемыхъ мѣстъ въ Геродотѣ.

IV. Настоящее состояніе древней Скиѳской-Земли.

V. Геродотово описаніе Скиѳіи, и исторія похода Персидскаго.

VI. Сравненіе Геродота съ позднѣйшими Греками и Римлянами, въ отношеніи къ Скиѳіи.

VII. Какое изъ новѣйшихъ народныхъ племенъ, по его происхожденію, можно выводить отъ Скиѳовъ?

«Отдѣленія» эти, одно-за-другимъ, представимъ здѣсь въ краткихъ, но возможно полныхъ извлеченіяхъ.

I.

Извѣстно, что «описанію Скиѳовъ и Скиѳіи» посвящена «*Мельпомена*», четвертая изъ Геродотовыхъ «*Музъ*» (§ 1 — § 142).

Вотъ главныя черты этого описанія, извлеченныя г. *Линднеромъ* изъ текста Геродотова.

— *Земля-Скиѳская* (Σκυθικὴ) обнимаетъ обширныя равнины между рѣками *Истросомъ* (Ἴστρος) и *Танаисомъ* (Τάναϊς) (100). —

Истросъ, граница между частью Скиѳіи и Ѳракіею, есть безъ всякаго сомнѣнія *Дунай*. *Танаисъ* обыкновенно считается *Дономъ*; впрочемъ г. Линднеръ склоняется больше видѣть въ немъ нынѣшній (*Сѣверный-*) *Донецъ*, притокъ Дона.

— *Очертаніе* Скиѳіи Геродотъ уподобляетъ *четвероугольнику* (§ 101). —

Это уподобленіе, подававшее поводъ къ многочисленнымъ разнорѣчивымъ толкамъ и наконецъ признанное рѣшительною ошибкою Геродота, г. Линднеръ выводитъ вполнѣ вѣрнымъ и согласнымъ съ истиною.

— Геродотово описаніе расположено по рѣкамъ, которыя проходятъ черезъ Скиѳію. Сначала описываются *Истросъ* и *Тиресъ* (Τύρης); именуются рѣки, которыя протекая по Скиѳіи отъ сѣвера къ югу, впадаютъ въ Истросъ, равно-какъ и тѣ, которыя вливаются въ Истросъ съ правой стороны во Ѳракіи, направляясь отъ юга къ сѣверу (§ 48 — § 51). —

Здѣсь описаніе не представляетъ другихъ трудностей, кромѣ пріуроченія къ дѣйствительно существующимъ рѣкамъ тѣхъ именъ, которыми Геродотъ обозначаетъ Скиѳскіе и Ѳракійскіе притоки Истроса: трудностей, происходящихъ отъ недостатка точнѣйшихъ опредѣленій ихъ географическаго положенія у Геродота. Г. Линднеру это кажется не такъ важно, какъ молчаніе Геродота о племенахъ Скиѳовъ, обитавшихъ между *Истросомъ* и *Тиресомъ* нынѣшнимъ *Днѣстромъ*. По его мнѣнію, тутъ долженъ быть въ текстѣ пропускъ, который онъ старается восполнить изъ другихъ мѣстъ Геродота (§ 99 и § 120), дающихъ поводъ заключать, что къ западу отъ Тиреса находилось *величайшее* изъ *трехъ Царствъ-Скиѳскихъ*.

— Между *Тиресомъ* и *Гипанисомъ* (Ὑπανις) помѣщаются три различные народа: *Каллипиды* (Καλλιπίδαι), смѣсь Скиѳовъ и Эллиновъ; *Алазоны* (Ἀλαζῶνες) народъ не-Скиѳскій, жившій тамъ, гдѣ Тиресъ и Гипанисъ наиболѣе между собою сближаются; *Скиѳы-Пахари* (Σκύθαι Ἀροτῆρες), жилища которыхъ простирались до источниковъ Тиреса. Выше Алазоновъ сидѣлъ еще народъ *Невры* (Νευροί), опять не-Скиѳскій. Наконецъ, еще ближе къ Истросу отъ Гипаниса, находились, особый народъ, *Агаѳирсы* (Ἀγάθυρσοι) (§ 17). —

Здѣсь г. Линднеръ не видитъ во-все никакихъ затрудненій къ объясненію Геродота, касательно мѣстопребыванія всѣхъ означенныхъ народовъ. *Гипанисъ* безъ сомнѣнія есть нынѣшній (*Южный-*) *Бугъ*. *Каллипиды* должны были находиться на Черноморскомъ-Побережьи, отъ Буга до Днѣстра. *Алазоны* и *Скиѳы-Пахари* жили въ нынѣшней губерніи Подольской. *Невровъ*

помѣщаетъ онъ на границахъ Галиціи; *Агавирсовъ* относитъ въ Трансильванію.

Существенныя, до-сихъ-поръ неразрѣшимыя затрудненія начинаются, когда Геродотъ приступаетъ къ описанію *Борисѳенеса* (Βορυσθένης), который есть не что иное какъ нынѣшній *Днѣпръ*. Г. Линднеръ сводитъ всѣ, относящіяся сюда, показанія Геродота, къ слѣдующимъ главнымъ положеніямъ:

«Когда перейти черезъ *Борисѳенесъ*, то во-первыхъ встрѣчается *Гилея* (Ὑλαίη), лѣсная сторона (§ 18), между *Борисѳенесомъ* и *Гипакирисомъ* (Ὑπάκυρις) (§ 55), черезъ которую протекаетъ *Пантикапесъ* (Παντικάπης) (§ 54).

«Пантикапесъ идетъ отъ сѣвера и, протекши чрезъ Гилею, соединяется съ Борисѳенесомъ (§ 54).»

«Между Борисѳенесомъ и Гипакирисомъ обитаетъ другое поколѣніе *Скиѳовъ-Земледѣльцевъ* (§ 18), которое должно различать отъ поколѣнія, живущаго между Тиресомъ и Гипанисомъ (§ 17). Страна, гдѣ обитаетъ это поколѣніе Скиѳовъ-Земледѣльцевъ на Борисѳенесѣ, имѣетъ три дня пути въ ширину, и простирается къ сѣверу до той точки Борисѳенеса, гдѣ онъ отстоитъ отъ своего устья на одиннадцать дней пути. Далѣе къ сѣверу лежитъ безлюдная пустыня, а за нею живутъ *Людоѣды* (Ἀνδροφάγοι), народъ не-Скиѳскій (§ 18)».

«Если отъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ перейти черезъ Пантикапесъ, то придешь къ *Скиѳамъ-Кочующимъ* (Σκύθαι Νομάδες) (§ 19), черезъ землю которыхъ течетъ Гипакирисъ, ограничивающій Гилею съ правой стороны и имѣющій устье свое при городѣ *Каркинитисѣ* (Καρκινῖτις), недалеко отъ страны, называемой *Бѣгъ-Ахилловъ* (Ἀχιλλήϊος Δρόμος) (§ 55)».

«Страна Скиѳовъ-Кочующихъ, по обѣ стороны Гипакириса, имѣетъ въ длину четырнадцать дней пути и граничитъ съ одной стороны съ Пантикапесомъ, съ другой съ рѣкою *Герросомъ* (Γέρρος), которая отдѣляетъ ее отъ жилищъ поколѣнія *Скиѳовъ-Царскихъ* (Βασιλήϊοι Σκύθαι) (§ 19)».

«Рѣка Герросъ идетъ изъ страны *Герросъ*, въ которой находятся *Гробы Царей*; она составляетъ границу между Скиѳами-Кочующими и поколѣніемъ Царскихъ-Скиѳовъ (§ 71). На сѣверъ отъ Скиѳовъ-Царскихъ живутъ *Смурые Кафтаны* (Μελάγχλαινοι), народъ не-Скиѳскій (§ 20). Страна Герросъ находится при томъ мѣстѣ Борисѳенеса, до котораго можно доходить по немъ въ-верхъ (§ 71). Выше, теченіе Борисѳенеса неизвѣстно. Отъ устья Борисѳенеса до страны Герроса разстоянія сорокъ дней пути (§ 53); но прямою дорогою, отъ устья Борисѳенеса до границы Смурыхъ-Кафтановъ и Царскихъ-Скиѳовъ на Герросѣ, пути только на двадцать дней (§ 101). Рѣка Герросъ отдѣляется отъ Борисѳенеса въ странѣ, до которой извѣстно теченіе Борисѳенеса (§ 56), то-есть именно въ томъ мѣстѣ, которое отъ устья его отдалено на сорокъ

дней пути (§ 53). Изливается-же она въ Гипакирисъ».

«Еще поколѣніе *Царскихъ-Скиѳовъ* находилось на берегу *Меотійскаго-Озера* (λίμνη Μαιῆτις), отъ *Рва* (Τάφρος) до *Кримновъ* (Κρημνοί), мѣстечка при Меотидѣ (§ 20). Этихъ *Царскихъ-Скиѳовъ на Меотидѣ* не должно смѣшивать съ одноименнымъ поколѣніемъ *на Герросѣ*, между Смурыми-Кафтанами и Кочующими-Скиѳами. А отъ тѣхъ и другихъ должно отличать третье поколѣніе *Скиѳовъ*, имѣвшихъ своего особаго *Царя*, которое сидѣло *на западъ отъ Тирета* (§ 120)».

Описавъ такимъ-образомъ Скиѳію, Геродотъ излагаетъ исторію похода Дарія, царя Персидскаго, на Скиѳовъ, съ подробностями, которыя возводятся къ слѣдующимъ главнымъ чертамъ.

— Дарій перешелъ *Истръ* съ семьюстами тысячъ войска. Скиѳы, располагая свою оборону сообразно съ мѣстными обстоятельствами, никакъ не отваживались на сраженіе, но держались постоянно на день пути отъ непріятеля, истребляли всѣ способы къ продовольствію и отступали назадъ, съ цѣлью завлечь Персовъ глубже внутрь страны. Войско Скиѳовъ было раздѣлено на три отряда, каждый подъ начальствомъ одного изъ трехъ ихъ царей. Тотъ отрядъ, который имѣлъ постоянно въ тылу Персовъ, продолжая отступать, перешелъ наконецъ *Танаисъ*, куда и Персы принуждены были послѣдовать, такъ-что дошли до обиталищъ *Савроматовъ* (Σαυρομάται) и *Будиновъ* (Βουδῖνοι). До-тѣхъ-поръ въ странѣ совершенно пустынной гдѣ не было никакихъ городовъ, Персамъ нечего было разрушать; теперь, въ области Будиновъ, они сожгли деревянный городъ *Гелоновъ* (Γελωνός). Продолжая преслѣдовать неостановившихся и тутъ Скиѳовъ, они попали въ пустыню, которая отдѣляетъ Будиновъ отъ другаго, отнюдь не-Скиѳскаго народа, *Ѳиссагетовъ* (Θυσσαγέται). Дарій не пошелъ однако къ Ѳиссагетамъ, но обошелъ кругомъ пустыню и пришелъ къ рѣкѣ *Оарсу* (Ὄαρος), гдѣ остановился и началъ строить восемь шанцевъ, въ небольшомъ одинъ-отъ-другаго отдаленіи. Скиѳы между-тѣмъ обошли лагерь Персовъ и пошли назадъ въ свою сторону. Тогда Дарій бросилъ шанцы недоконченными, и пустился опять преслѣдовать избѣгающій отъ него отрядъ, который онъ принималъ за все войско Скиѳское. Достигши Скиѳіи, онъ встрѣтился съ двумя другими отрядами Скиѳовъ, которые завлекли его въ страну *Смурыхъ-Кафтановъ* и *Людоѣдовъ*. Отсюда они потащили его за собой все дальше и дальше къ западу, къ *Невранъ* и наконецъ къ *Агаѳирсамъ*. Только эти послѣдніе рѣшились дать отпоръ вооруженною рукою: но Дарій самъ не хотѣлъ уже тревожить ихъ нападеніемъ. Другіе народы, также какъ и Скиѳы, отступали только на сѣверъ, держась однако постоянно не въ дальнемъ разстояніи отъ непріятеля. Такимъ-образомъ Персы скитались

по всему пространству Скиѳіи, и даже за предѣлами ея, безъ всякой пользы, до-тѣхъ-поръ пока, угрожаемые погибнуть съ голоду, нашлись вынужденными переправиться обратно черезъ Истросъ и отказаться отъ всякихъ притязаній на Скиѳовъ. Весь этотъ походъ продолжался только два мѣсяца. —

Вотъ, въ краткомъ очеркѣ, содержаніе Геродотова текста, который г. Линднеръ избралъ предметомъ своихъ изслѣдованій.

II.

Между безчисленными толкователями Геродота, г. Линднеръ призываетъ предъ свое критическое судилище только самыхъ именитыхъ, начиная впрочемъ со стариковъ; именно: *Целлярiуса*, *Байэра*, *Дегиня*, *д'Анвиля*, *Ларше*, *Гаттерера*, *Маннерта*, *Герена*, *Укерта*, *Нибура*, *Дальманна*, *Риттера*, *Кеппена*, *Рейхарда* и *Реннеля*. Только двое изъ нихъ наши: *Байэръ* и, достопочтенный нашъ сочленъ, *П. И. Кеппенъ*.

О *Целлярiусѣ*, маститомъ прародителѣ географической критики, г. Линднеръ коротко и ясно говоритъ, что онъ, по понятіямъ, которыя составилъ себѣ изъ описанія Геродотова, просто выдумалъ призракъ Скиѳіи, не заботясь о томъ, согласенъ-ли онъ съ дѣйствительностью. Рѣки *Пантикапесъ*, *Гипакирисъ* и *Герросъ*, онъ вообразилъ себѣ текущими на *юго-востокъ* отъ Днѣпра, въ *безводной* песчаной *степи* между *Кинбурномъ* и *Перекопомъ*, гдѣ *a priori* помѣстилъ ихъ и на картѣ, составленной его ученою фантазіею. Поэзію Целлярiуса г. Линднеръ извиняетъ тѣмъ, что въ его время Геродотова Скиѳія, нынѣшній Новороссійскій-Край, за недоступностью для наблюденій и изслѣдованій, была покрыта мракомъ глубочайшей неизвѣстности; но замѣчаетъ притомъ съ сожалѣніемъ, что призракъ, составленный Целлярiусомъ, остался навсегда предъ глазами послѣдовавшихъ истолкователей Геродота, и неисправимо исказилъ ихъ взглядъ на Скиѳію и на то, что разсказывается объ ней Геродотомъ.

Байэръ, академикъ Императорской Академіи Наукъ въ С. Петербургѣ, первый имѣлъ возможность свѣрять свои изслѣдованія съ природою края, въ его время уже въ половину принадлежавшаго Россіи. Онъ былъ увѣренъ, послѣ своихъ разысканій «о положеніи Геродотовой Скиѳіи», что если не достигъ полной достовѣрности, чего впрочемъ не считалъ и возможнымъ, то по-крайней-мѣрѣ уклонился весьма не далеко отъ истины. И что-же? Рѣку *Пантикапесъ*, которая, по Геродоту, соединяется съ Борисѳенесомъ, то-есть съ Днѣпромъ, у его устья, онъ нашелъ въ нынѣшней рѣкѣ *Самарѣ*, впадающей въ Днѣпръ около Екатеринослава. Рѣки *Гипакирисъ* и *Герросъ*, онъ даже заставилъ, совершенно вопреки Геродоту, течь, вмѣсто Днѣпра, въ *Азовское-Море*, опираясь на запутанныхъ показаніяхъ позднѣйшихъ географовъ, Птолемея и Плинія. Такъ-какъ однако это послѣднее

слишкомъ уже противорѣчило показанію Геродота, что страна *Герросъ* на рѣкѣ Герросѣ отстояла на сорокъ дней пути отъ устья Борисѳенеса; то ученый академикъ приказалъ читать въ текстѣ не «*сорокъ*», а «*четырнадцать*»: что впрочемъ нарушилъ опять самъ, отнесши страну Герросъ на берега *Десны*, впадающей въ Днѣпръ подъ Кіевомъ. Жилища *Людольдовъ* онъ отодвинулъ еще далѣе, именно въ предѣлы *Смоленска* и *Витебска;* а *Смурымъ-Кафтанамъ* отвелъ во владѣніе окрестности *Москвы*, куда слѣдовательно долженъ былъ доходить и Дарій во время двухмѣсячной экспедиціи! Г. Линднеръ весьма справедливо замѣчаетъ, что почтенному академику, при такой небережливости на пространство, конечно не слѣдовало-бы издѣваться надъ *Олаусомъ Рудбекомъ*, который *Земледѣльцевъ-Скиѳовъ* отыскивалъ въ *Польшѣ* и *Лифляндіи*, *Невровъ* близъ *Нарвы*, *Смурыхъ-Кафтановъ* на *Ладожскомъ-Озерѣ*, *Ѳиссагетовъ* въ *Карелiи*, а *Аргиппеевъ*, народъ «плѣшивый», отдаленнѣйшій изъ тѣхъ, съ которыми Скиѳы имѣли сношенія, въ *Швеціи*.

Извѣстный *Дегинь (Deguignes)*, отецъ синофилизма въ исторіи Европы, обратился въ другую сторону, но за то хватилъ гораздо подальше, чѣмъ *Байэръ*. Изъясняя походъ Дарія прагматически, по началамъ стратегіи, онъ предположилъ, что царь Персидскій имѣлъ намѣреніе атаковать съ тылу Скиѳовъ, затѣмъ-чтобъ удержать ихъ отъ вторженій въ Мидію по западному берегу Каспійскаго-Моря. Съ этой цѣлью онъ повелъ Персовъ отъ Дуная къ *Азовскому-Морю*, и оттуда въ *Дербентъ*, гдѣ извѣстную «Дербентскую-Стѣну», хотя она принадлежитъ гораздо позднѣйшему времени, призналъ остаткомъ шанцевъ, дѣланныхъ Даріемъ. Рѣку *Оаросъ* онъ объявляетъ нынѣшнею *Кубанью*. *Будины*, по его мнѣнію, жили тамъ, гдѣ теперь гарцуютъ *Черкесы*. Заведши такъ далеко Дарія, ему немного уже стоило труда, передвинуть другіе упоминаемые Геродотомъ народы на *Волгу* и даже на *Иртышъ*, а въ плѣшакахъ *Аргиппеяхъ* признать своихъ возлюбленныхъ *Китайцевъ*. Такимъ-образомъ, Дегинь заставилъ Геродота говорить о странахъ и народахъ, о которыхъ тотъ не могъ имѣть ни малѣйшаго понятія, и между-тѣмъ удивлялся еще весьма добродушно, что достопочтеннаго «отца исторіи» и безъ-того уже считали «лгуномъ»! Прекрасное средство возбудить довѣренность, усугубляя невѣроятности!

Гораздо благоразумнѣе и осторожнѣе поступилъ *д'Анвиль (d'Anville)*, соотечественникъ и сочленъ Дегиня по знаменитой Академіи-Надписей. Краткій двухмѣсячный срокъ экспедиціи Даріевой невозможно было растянуть на такое обширное пространство, какое придумали Дегинь и Байэръ. Д'Анвиль потому рѣшился держаться сколько-можно ближе къ *Дону*, при назначеніи предѣловъ Персидскому походу. Пріурочивая другія географическія показанія Геро-

дота, онъ также не соглашался съ своими предшественниками. Но что-же онъ сдѣлалъ? Рѣку *Пантекапесъ*, которой ничего соотвѣтствующаго не оказывалось въ натурѣ, онъ, при всемъ своемъ уваженіи къ Геродоту, призналъ рѣшительно «небылицею». Къ существованію *Гипакириса* и *Герроса* былъ онъ снисходительнѣе. *Гипакирисъ* мерещился ему въ степномъ ручейкѣ *Каланчь*, который, хотя и принимаетъ въ себя другой такой-же ручеекъ *Чаплинку*, со-всѣмъ-тѣмъ едва допалзываетъ до Чернаго-Моря въ нынѣшнемъ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврической губерніи; а между-тѣмъ городъ *Каркинитисъ*, который у Геродота стоитъ при устьѣ Гипакириса, у него попалъ въ теперешній *Перекопъ*, гдѣ нѣтъ никакой воды, кромѣ моря. Что касается до *Герроса*, который, по Геродоту, течетъ въ Гипакирисъ, то эту рѣку пустилъ онъ въ *Азовское-Море*, признавъ нынѣшнею рѣкою *Молочною;* причемъ однако страну *Геррось* скорѣе рѣшился оторвать отъ рѣки, съ которою неразрывно соединяетъ ее Геродотъ, чѣмъ отъ *Днѣпра*, при которомъ онъ оставилъ ее, но не выше «Пороговъ Днѣпровскихъ», основываясь на томъ, что Геродотъ ни слова не говоритъ о «Порогахъ», слѣдовательно и не зналъ Днѣпра дальше «Пороговъ». Д'Анвиль, также какъ и его предшественники, не отличалъ *двухъ* поколѣній *Царскихъ-Скиѳовъ*, которыя у Геродота различаются: почему и не затруднился всѣхъ ихъ помѣстить на берегахъ *Азовскаго Моря*. Впрочемъ всѣ этѣ ошибки г. Линднеръ охотно прощаетъ д'Анвилю, ради той одной заслуги, что онъ укоротилъ исполинскіе масштабы картъ, прожектированныхъ Байэромъ и Дегинемъ для Геродота. Онъ даже не сомнѣвается, что д'Анвиль, при вѣрности своего критическаго взгляда, угадалъ-бы всю истину, еслибъ имѣлъ подъ руками нынѣшнія географическія средства.

Третій французскій критикъ, Ларше (Larcher), переводчикъ и комментаторъ Геродота, считавшійся въ свое время классическимъ, пытался согласить д'Анвиля съ Байэромъ. Онъ полагалъ, что *Пантикапесъ* очень можетъ быть *Самарою;* а *Геррось* чѣмъ не *Молочная?*

Затѣмъ г. Линднеръ переходитъ отъ французовъ къ нѣмцамъ.

Гаттереру принадлежитъ честь, что онъ первый отличилъ у Геродота *два* отдѣльныя поколѣнія *Царскихъ-Скиѳовъ*: одно *на Геррось, другое на Меотидѣ*. Но, относительно объема пространства и мѣстопребыванія разныхъ народовъ, описываемыхъ Геродотомъ, ученый нѣмецъ далеко не послѣдовалъ благоразумію д'Анвиля, напротивъ едва не перещеголялъ Байэра. По его мнѣнію, Геродотова Скиѳія заключала въ себѣ не только всю нынѣшнюю Малороссію, но и Бѣлоруссію до Могилева, даже Великую-Россію, если не до самой Москвы, то по-крайней-мѣрѣ до Калуги и Смоленска. Нѣмецъ вообще не можетъ ошибаться «безъ достаточнаго основанія»; и Гаттереръ принялъ для своихъ

изслѣдованій «основаніе» самое «достаточное», самое вѣрное, именно «мѣру дня пути», которою Геродотъ опредѣляетъ вездѣ описываемое имъ пространство: только, г. Линднеръ замѣчаетъ, онъ держался этой «мѣры» уже слишкомъ рабски, и сверхъ-того считалъ ее, вездѣ гдѣ говорится о «морѣ», не отъ Чернаго, а отъ Азовскаго-Моря. Циркуль до того обморочилъ Гаттерера, что онъ тѣ мѣста текста, гдѣ нѣтъ счета «мѣры», пропускалъ мимо глазъ; и такимъ-образомъ рѣку *Пантекапесъ*, о которой Геродотъ именно говоритъ, что она впадаетъ въ Днѣпръ при его устьѣ, отбросилъ къ сѣверу на *Десну*, еще вдвое дальше *Самары!*

Славный *Маннертъ*, классическій авторитетъ по части древней географіи въ Германіи, чувствовалъ нелѣпость такого необъятнаго разширенія Геродотовой Скиѳіи. Онъ ограничилъ ее степями Новороссійскаго-Края. Но этѣ степи, своею безводностью, привели его въ отчаяніе на счетъ трехъ проблематическихъ рѣкъ: *Пантикапеса*, *Гипакириса* и *Герроса*. Онъ даже не въ шутку сердится на Геродота, увѣренный, что «отецъ исторіи» просто расказываетъ «сказки», которыя слышалъ вѣроятно отъ Скиѳовъ и къ которымъ могли подать поводъ степные ручейки, жирѣющіе водой въ весеннее и дождливое время. Только къ одному *Герросу* оказываетъ онъ нѣкоторое снисхожденіе, полагая, что это можетъ быть *Кальміусъ*, впадающій въ Азовское-Море въ нынѣшнемъ Бердянскомъ уѣздѣ Таврической губерніи: о двухъ прочихъ рѣкахъ онъ не считаетъ нужнымъ и хлопотать, чтобъ ихъ пріурочить. Г. Линднеру очень не нравится диктаторскій тонъ, которымъ Маннертъ изъясняется вообще насчетъ Геродота: вмѣсто-того чтобъ учиться у старика, Маннертъ самъ учитъ его, точно-какъ профессоръ студента съ каѳедры. Это, говоритъ г. Линднеръ, то-же самое, какъ если-бы какой-нибудь нынѣшній плотникъ вздумалъ придѣлывать къ древней мраморной статуѣ деревянные члены, увѣряя, что старые художники не разумѣли своего дѣла. Оттого г. Линднеръ съ живостью колетъ Маннерта тѣмъ, что онъ, наставникъ Геродота, самъ между-тѣмъ не досмотрѣлъ у него двойственности *Царскихъ-Скиѳовъ*, хотя она и была уже замѣчена Гаттереромъ.

Не такъ обращается съ «отцемъ исторіи» знаменитый *Геренъ*. Онъ исполненъ живѣйшаго, пламеннѣйшаго энтузіазма къ Геродоту. Но этотъ энтузіазмъ былъ причиною другой крайности. Геренъ уже слишкомъ много приписываетъ своему любимцу. Онъ увѣренъ, что «у Геродота описаны географически степи Астраханскія; праотцы Леттовъ, Финновъ, Турковъ, Германцевъ и Калмыковъ, въ первый разъ выходятъ на сцену исторіи; цѣпи Урала и даже Алтая (!!) упоминаются, хотя безъ опредѣленнаго имени». Г. Линднеръ искренно сожалѣетъ, что неумолимая критика должна поднять свое

оружіе на мужа, вообще отличающагося необыкновенною свѣтлостью идей и прекраснымъ, мастерскимъ способомъ изложенія. Касательно собственно Скиѳіи, онъ только замѣчаетъ съ прискорбіемъ, что и Геренъ призналъ рѣки *Гипакирисъ* и *Герросъ* описанными у Геродота «такъ, какъ ихъ *нѣтъ* въ натурѣ», *Пантикапесъ*-же полагаетъ *Сулой* или *Псломъ*.

Укертъ, извѣстный сотрудникъ Герена на поприщѣ исторіи, въ составленной имъ картѣ «Міра по Геродоту» помѣстилъ всѣ три загадочныя рѣки, *Пантикапесъ*, *Гипакирисъ* и *Герросъ*, на восточной сторонѣ Днѣпра; но помѣстилъ потому только, что онѣ находятся у Геродота, нисколько не пріурочивая къ дѣйствительности; и притомъ такъ, что *Герросъ* составляетъ родъ рукава у Днѣпра, посредствомъ котораго *Гипакирисъ* съ Днѣпромъ соединяется. На это г. Линднеръ только пожимаетъ жалко плечами.

За-то достается-же отъ г. Линднера пресловутому *Нибуру*. Съ нимъ, съ этимъ гигантомъ современнаго историческаго скептицизма, онъ вступаетъ въ жаркій, рукопашный бой. Дѣло завязывается сначала не столько о подробностяхъ, сколько о взглядѣ, который Нибуръ, по поводу Геродота, обнаруживаетъ вообще на-счетъ географической критики. Знаменитый сокрушитель фактовъ, воцарившій на-мѣсто ихъ миѳы, рѣшился составить карту для Геродота, просто по буквѣ его текста, безъ всякихъ справокъ съ дѣйствительностью, увѣренный напередъ, что и самъ Геродотъ описывалъ вещи, не какъ онѣ есть, а какъ онѣ ему представлялись. На это съ жаромъ нападаетъ г. Линднеръ. По его убѣжденію, географическій текстъ, какъ-бы онъ ни былъ удовлетворителенъ для критики чисто филологической, не можетъ и не долженъ считаться вполнѣ очищеннымъ, пока не будетъ сличенъ и повѣренъ съ природою. Въ случаѣ разнорѣчія буквы съ дѣйствительностью, почему не предполагать порчи въ текстѣ, или недоразумѣнія въ толкованіи? Исправить порчу или прояснить недоразумѣніе, безъ оскорбленія филологіи, гораздо благороднѣе, чѣмъ отдѣлываться тѣмъ однимъ, что древніе просто врали! Затѣмъ г. Линднеръ схватывается съ Нибуромъ относительно «четвероугольной фигуры», приписываемой Геродотомъ Скиѳіи. Онъ доказываетъ, что эта «четвероугольная фигура», какъ начертилъ ее Нибуръ, есть просто сатира на Геродота. Преимущество карты Нибуровой передъ Целляріусовой, состоитъ только въ томъ, что Геродотова Скиѳія обезображена въ ней несравненно болѣе! Преслѣдуя шагъ за шагомъ «великаго критика», г. Линднеръ безпрестанно показываетъ ему, что онъ или не понимаетъ, или не хочетъ понимать Геродота, что онъ клевещетъ на «отца исторіи», заставляя его говорить то, чего тотъ вовсе не говоритъ и не думалъ говорить. Споръ касается преимущественно западной стороны Скиѳскаго четвероугольника, и именно «теченія Истроса»,

который Геродотъ, по мнѣнію Нибура, представлялъ будто идущимъ съ сѣвера на югъ, «параллелизма Истроса съ Ниломъ» и «отношенія Скиѳіи къ Ѳракіи», гдѣ г. Линднеръ рѣшительно разбиваетъ въ прахъ ученыя каррикатуры, выдуманныя Нибуромъ на Геродота. О восточныхъ предѣлахъ Скиѳіи, и именно о трехъ таинственныхъ рѣкахъ, г. Линднеръ не считаетъ нужнымъ состязаться съ «великимъ критикомъ», такъ-какъ онъ не сказалъ объ нихъ ничего новаго. Вообще г. Линднеръ старается извинить свое ожесточеніе противъ «великаго критика» тѣмъ, что его парадоксы весьма соблазнительны, и потому весьма опасны. Увлекательность этихъ парадоксовъ онъ приписыетъ таланту Нибура облекать ихъ въ таинственный языкъ, который очаровываетъ любителей глубокой думы, такъ-какъ звуки эоловой арфы чаруютъ энтузіастовъ фантастической музыки. Гете говорилъ о Нибурѣ, что «его изслѣдованія увлекаютъ его даже и тогда, когда онъ совершенно равнодушенъ къ ихъ предмету». Не явно-ли, говоритъ г. Линднеръ, что великій поэтъ внималъ звуки эоловой арфы, совершенно равнодушный къ тому, можетъ-ли капельмейстеръ привести ихъ въ правильные аккорды и положить на ноты, или нѣтъ? Къ-сожалѣнію, исторія и географія не могутъ довольствоваться такимъ очарованіемъ: онѣ требуютъ отъ критики строгой логической точности и доступности здравому смыслу.

Вмѣстѣ съ Нибуромъ, г. Линднеръ говоритъ нѣсколько словъ *Дальманну*, одному изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ мыслителей и дѣлателей въ Германіи, по-части исторіи и древностей. Дѣло идетъ о «параллелизмѣ Истроса съ Ниломъ», причемъ Дальманнъ, мысля одинаково съ Нибуромъ, дозволилъ себѣ на-счетъ Геродота довольно неучтивое выраженіе «умничанья» (Grübelei) Это ужасно оскорбило г. Линднера. Не думаетъ-ли Дальманнъ, говоритъ онъ, что «отецъ исторіи» былъ въ родѣ нынѣшнихъ нашихъ ученыхъ? Въ такомъ случаѣ, онъ очень ошибается. Геродотъ, вѣроятно, былъ не болѣе, какъ путешествующій греческій купецъ; за-то нынѣшніе профессоры и не считаютъ его ровнею себѣ, объявляютъ просто лгуномъ. Но онъ былъ человѣкъ геніальный. А кто его порицатели?

Не болѣе, или еще менѣе снисходительности оказываетъ г. Линднеръ къ знаменитому *Риттеру*. Единственная похвала, которой удостоивается отъ него Риттеръ, состоитъ въ томъ, что онъ признаетъ его «архиваріусомъ географіи»; впрочемъ такимъ архиваріусомъ, который не умѣетъ держать въ порядкѣ собираемыхъ актовъ. Это однако еще не главное, за что возстаетъ онъ на перваго изъ современныхъ географовъ. Всего болѣе оскорбляетъ его ученый мистицизмъ, которымъ пропитаны всѣ изслѣдованія Риттера, и который г. Линднеръ называетъ просто «штукарствомъ», «фокусничествомъ». Для примѣра

онъ выписываетъ таинственныя мудрованія знаменитаго географа объ «озерѣ Меотидѣ, святилищѣ Великой Матери (Magna Mater)», и не знаетъ, чему болѣе дивиться: ученію-ли гіерофанта, или вниманію аколитовъ. На-счетъ собственно географіи Геродотовой относительно Скиѳіи, г. Линднеръ сознается, что не умѣлъ ничего опредѣленнаго вычитать въ твореніяхъ Риттера. Одно-только удалось ему замѣтить, что Риттеръ заставляетъ Дарія переходить *за Волгу*, чтобы дойти до *Будиновъ*. Какимъ образомъ такой длинный походъ взадъ-и-впередъ могъ быть совершенъ въ два мѣсяца: это, говоритъ г. Линднеръ, не могло останавливать географа-мудреца, который сдѣлалъ великое открытіе, что походъ этотъ былъ не что иное, какъ «война священная», ополченіе Ормузда противъ Аримана, то-есть Будды, или Шивы, иначе «Шака», отъ чего происходитъ и самое имя «Саковъ» или Скиѳовъ! Здѣсь г. Линднеръ бросаетъ факелъ критики, и вооружается просто бичемъ ѣдкой, безпощадной ироніи.

Къ слову о Риттерѣ, упоминается и нашъ достопочтенный сочленъ, *П. И. Кеппенъ*, о которомъ г. Линднеръ изъявляетъ только сожалѣніе, что онъ, увлекшись духомъ и манерою Риттера, не воспользовался своимъ положеніемъ Русскаго, чтобы на-мѣстѣ провѣрить и объяснить географическія показанія «отца исторіи» о Скиѳіи.

Послѣднимъ изъ Нѣмцевъ, на судъ г. Линднера, предстаетъ *Рейхардъ*, котораго изслѣдованія извѣстный труженикъ географіи въ Германіи, Берггаузъ, рекомендовалъ публично вниманію Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ. Объ немъ г. Линднеръ говоритъ, что его истолкованіе Геродота есть самое послѣднее и самое неудачное. Объясняя ходъ своихъ изслѣдованій, Рейхардъ сознается, что, не понимая Геродота, онъ обращался съ вопросами къ Плинію; не понимая и Плинія, переходилъ къ Птолемею. И что-же? Ему пришла счастливая мысль взять показанія Птолемея «на-выворотъ»: тогда объяснился для него Плиній, который въ свою очередь объяснилъ ему уже и Геродота. Такимъ-образомъ съ помощью вывороченнаго Птолемея, непонятнаго Плинія и еще менѣе понятнаго Геродота, онъ достигъ до-того, что нашелъ *Пантикапесъ* въ нынѣшнихъ *Конскихъ-Водахъ*, *Гипакирисъ* просто перенесъ въ *Крымъ*, а на-счетъ *Герроса*, остался при *Молочной*. Г. Линднеру особенно нравится аккуратная точность, съ которою Рейхардъ опредѣляетъ жилища *Будиновъ*: по его мнѣнію, они должны были обитать «между *Дономъ* и *Волгою*, въ западной части *Симбирской*, сѣверной части *Саратовской*, и на всемъ пространствѣ *Пензинской* и *Тамбовской* губерній»; это, говоритъ Рейхардъ, «не подлежитъ никакому сомнѣнію»!

Въ заключеніе, г. Линднеръ обращается къ Англичанину *Реннелю*, извѣстному сво-

ими географическими изысканіями, которыя обращались и на Геродота. Съ нимъ онъ толкуетъ не долго. Реннель откровенно сознается, что трехъ таинственныхъ рѣкъ, *Пантикапеса*, *Гипакириса* и *Герроса*, отъискать теперь нѣтъ возможности. *Герросъ* былъ рукавъ *Борисѳенеса*, то-есть *Днѣпра*: обѣ остальныя рѣки, конечно, были незначительные ихъ притоки. А какъ ложе Днѣпра въ продолженіе вѣковъ измѣнилось, и именно уклонилось къ западу, то восточный его рукавъ, называвшійся во времена Геродота *Герросомъ*, мало-по-малу изсякъ, пересталъ достигать моря, и потерялся въ болотахъ, которыя до-сихъ-поръ существуютъ. То-есть, замѣчаетъ г. Линднеръ, ученый Англичанинъ рѣшился лучше насильственно распорядиться природою, чѣмъ откровенно сознаться, что не понялъ Геродота!

Изъ этой перечени главнѣйшихъ и именитѣйшихъ толкователей Геродота во всѣхъ странахъ ученой Европы, открывается, что на-счетъ Скиѳіи господствуетъ у нихъ неразрѣшимый хаосъ враждебныхъ, другъ-друга взаимно уничтожающихъ мнѣній. Особенно въ разсужденіи трехъ таинственныхъ рѣкъ, *Пантикапеса*, *Гипакириса* и *Герроса*, экзегеты истощились въ гипотезахъ, которыя одна-другой нелѣпѣе. Д'Анвиль во-все отказалъ въ существованіи Пантикапесу, что Геренъ обрушилъ на Гипакирисъ и Герросъ. Другіе съ Пантикапесомъ носятся по неизмѣримому пространству вдоль лѣваго берега Днѣпра, останавливаясь и на Конскихъ-Водахъ, и на Самарѣ, и на Пслѣ, и на Сулѣ, и даже наконецъ на Деснѣ. Герросъ также принужденъ обращаться то въ Кальміусъ, то въ Молочную. Гипакирисъ перетаскивается безъименно отъ Кинбурнской-Косы до внутренности Крымскаго-Полуострова.

Главная причина всѣхъ недоумѣній и противорѣчій состоитъ, по мнѣнію г. Линднера, въ упорной привязанности къ фальшивому предположенію, что этихъ таинственныхъ рѣкъ, а съ ними и большой-части Геродотовой Скиѳіи, должно искать на *лѣвомъ*, *восточномъ*, *берегу Днѣпра*.

Главный источникъ такого ослѣпленія ложною гипотезою заключается въ томъ, что Геродота до-сихъ-поръ не понимаютъ, не умѣютъ или не хотятъ понимать.

III.

Весьма интересно слѣдовать за г. Линднеромъ въ его объясненіяхъ текста Геродотова, которыя изобличаютъ въ немъ удивительную свѣтлость взгляда, и притомъ сопровождаются вездѣ пламеннымъ одушевленіемъ.

Дѣло начинается съ опредѣленія положенія *Гилеи*.

Вотъ слова Геродота:

«Διαβάντι τὸν Βορυσθένεα, ἀπὸ θαλάσσης πρῶτον μὲν ἡ Ὑλαίη». (§ 18).

До-сихъ-поръ фраза эта обыкновенно понималась и переводилась такъ:

«Когда перейдешь Борисѳенесъ, то — *во-первыхъ отъ моря* — Гилея».

Такъ-такъ Геродотъ въ описаніи своемъ вообще идетъ отъ запада къ востоку, то выходитъ, что онъ говоритъ здѣсь о переправѣ черезъ Борисѳенесъ, то-есть черезъ Днѣпръ, съ западной, правой, стороны, на лѣвую, восточную. Что-же тутъ находится — «*во-первыхъ отъ моря*»? Степь между Кинбурномъ и Перекопомъ, нынѣшній Днѣпровскій уѣздъ Таврической губерніи. Стало-быть, это и Гилея!

Но Гилея, какъ и самое имя ея показываетъ, была «сторона лѣсная», и притомъ единственная «лѣсная сторона» въ описываемомъ краѣ (§ 19). А эта степь есть самая голая изъ всѣхъ степей Новороссійскихъ! Въ Гилеѣ, по Геродоту, текутъ рѣки Пантикапесъ и Гипакирисъ, и первая притомъ течетъ въ Борисѳенесъ съ сѣвера и изъ озера (§ 54). Между-тѣмъ въ степи между Кинбурномъ и Перекопомъ нѣтъ ни озеръ, ни рѣкъ; а на сѣверѣ ея именно находится Днѣпръ, то-есть Борисѳенесъ, куда, а не откуда долженъ течь Пантикапесъ, если-бы таковой и существовалъ дѣйствительно въ натурѣ!

Что-жь это такое?

— Геродотъ просто не знаетъ, что говоритъ, или можетъ-быть природа съ тѣхъ-поръ измѣнилась? —

Ни того, ни другаго, отвѣчаетъ г. Линднеръ. Толкователи не знаютъ, что говоритъ Геродотъ. Природа не измѣнилась, а измѣненъ смыслъ текста Геродотова превратнымъ толкованіемъ.

Ларчикъ открывается весьма просто. Надо только переставить знакъ препинанія, который подразумѣвается въ приведенной фразѣ; то-есть поставить запятую послѣ «ἀπὸ θαλάσσης», а не прежде, такъ-чтобъ это выраженіе относилось къ предъидущимъ словамъ «διαβάντι τὸν Βορυσθένεα», а не къ послѣдующимъ «πρῶτον μὲν ἡ Ὑλαίη». Тогда смыслъ и переводъ фразы будетъ слѣдующій:

«*Когда перейдешь Борисѳенесъ отъ моря, то во-первыхъ Гилея*».

Слѣдовательно, Гилея находилась *за Днѣпромъ отъ моря*, то-есть на сѣверо-западномъ берегу Днѣпра, въ окрестностяхъ нынѣшняго *Херсона*. Это совершенно перемѣняетъ всю сцену. Здѣсь степь и не такъ гола, и главное — изобилуетъ водами до избытка!

Перестановка запятой, содержащая въ себѣ ключъ къ разрѣшенію загадки, не дѣлаетъ никакого насилія буквѣ. Между-тѣмъ она требуется, она вынуждается, высшею критикою текста. Геродотъ хотя и идетъ въ описаніи главныхъ рѣкъ Скиѳіи отъ запада къ востоку, отъ Дуная къ Дону; но это для первой такъ-сказать разбивки описываемаго пространства на отдѣлы, всего естественнѣе и рѣзче обозначаемые теченіемъ этихъ рѣкъ. Когда-жь приступаетъ онъ къ описанію каждаго отдѣла порознь, то идетъ уже постоянно отъ

моря въ глубь земли, съ юга на сѣверъ. Такъ долженъ онъ былъ поступить и здѣсь, описывая пространство между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ, или по-нынѣшнему Бугомъ и Днѣпромъ. По прежнему толкованію обыкновенно думали, что Геродотъ это пространство оставилъ вовсе безъ описанія, и прямо съ Буга перескочилъ за Днѣпръ. Но возможно-ли это? Его заставляютъ описывать рѣки, которыхъ нѣтъ, и пропустить тѣ, которыя находились у него почти передъ глазами, когда онъ былъ въ Ольвіи! Можетъ-ли быть чтобы узкая, досихъ-поръ мало обитаемая полоса Черноморскаго и Азовскаго побережья, хотя-бъ ее протянуть отъ Кинбурна до Таганрога и далѣе, умѣщала въ себѣ столько народовъ, сколько упоминаетъ Геродотъ на востокѣ своей Скиѳіи? И если-бы это было точно такъ, то неужели въ то время не было никого между Бугомъ и Днѣпромъ, въ обширнѣйшихъ и лучшихъ уѣздахъ нынѣшнихъ Херсонской и Екатеринославской губерній? Геренъ чувствовалъ невозможность такой пустоты, и потому помѣстилъ здѣсь Каллипидовъ и Алазоновъ, а надъ ними къ сѣверу Скиѳовъ-Пахарей. Но у Геродота эти народы помѣщаются не между Бугомъ и Днѣпромъ, а между Днѣстромъ и Бугомъ (§ 52). Все показываетъ, что Геродотъ не думалъ переносить свою Гилею къ востоку за Днѣпръ, а оставался съ ней преспокойно на западной сторонѣ Днѣпра, между имъ и Бугомъ.

Впрочемъ и самая буква текста не оставляетъ вовсе безъ опоры остроумную догадку г. Линднера. Передъ фразою, о которой идетъ дѣло, находятся два слова: «*πρὸς ἑσπέρης τοῦ Βορυσθένεος*», то есть «*къ западу отъ Борисѳенеса*». Эти слова, во всѣхъ изданіяхъ и во всѣхъ толкованіяхъ Геродота, относятся къ предъидущей фразѣ, гдѣ говорится о жилищахъ Каллипидовъ, Алазоновъ и Скиѳовъ-Пахарей, между Бугомъ и Днѣстромъ. Вотъ какъ они обыкновенно стоятъ въ контекстѣ: «*ταῦτα μὲν παρὰ τὸν Ὕπανιν ποταμόν ἐστι ἔθνεα, πρὸς ἑσπέρης τοῦ Βορυσθένεος*»; то-есть слово-въ-слово: «это на рѣкѣ Гипанисѣ народы, *къ западу отъ Борисѳенеса*» (§ 17). Но, замѣчаетъ г. Линднеръ, если Геродотъ говоритъ уже, что «это народы *на рѣкѣ Гипанисѣ*», къ-чему было еще прибавлять выраженіе «*къ западу отъ Борисѳенеса*»? Извѣстно, что *Гипанисъ* отъ Борисѳенеса *на западъ!* Скорѣе надо отнести оба эти слова къ послѣдующей фразѣ, и читать такъ: «*πρὸς ἑσπέρης τοῦ Βορυσθένεος, ἀτὰρ διαβάντι τὸν Βορυσθένεα ἀπὸ θαλάσσης, πρῶτον μὲν Ὑλαίη*», то-есть: «*къ западу-же отъ Борисѳенеса*, когда перейдетъ Борисѳенесъ отъ моря, то во-первыхъ Гилея». Еще перестановка знака препинанія: и Геродотъ совершенно оправданъ отъ подозрѣнія, что переставилъ Гилею, вопреки природѣ, на востокъ съ запада!

Теперь не трудно отыскать и *три* таинственныя *рѣки*, которыхъ положеніе не-

разрывно связано съ положеніемъ *Гилеи*.

Пантикапесъ, по Геродоту, идетъ съ сѣвера, проходитъ чрезъ Гилею, и вливается въ Борисѳенесъ при его устьѣ (§ 54). Это явно нынѣшній *Ингулецъ*.

Гипакирисъ ограничиваетъ въ-право Гилею и такъ-называемый Ахилловъ-Бѣгъ, и имѣетъ устье свое при городѣ Каркинитисѣ (§ 55). Здѣсь, по мнѣнію г. Линднера, выраженіе «*въ-право*» (ἐς δεξιὴν) должно понимать не такъ, какъ оно обыкновенно было понимаемо. Именно, должно разумѣть «*въ-право*» не относительно теченія рѣки, но относительно положенія Геродота, который постоянно смотритъ отъ моря въ глубь земли, отъ юга на сѣверъ. Обыкновенно, чтобы сказать «сѣвернѣе», онъ говоритъ »выше« (ἄνω); слѣдовательно, «*въ-право*» должно значить у него «*къ востоку*», а «въ-лѣво» тоже что «къ западу». И такъ *Гилея* и *Ахилловъ-Бѣгъ* должны лежать «*къ востоку отъ Гипакириса*». Слѣдовательно, *Гипакирисъ* есть не что иное, какъ нынѣшній *Ингулъ*, впадающій въ Бугъ. Геродотъ конечно не говоритъ, что Гипакирисъ впадаетъ въ Гипанисъ; но онъ не говоритъ и того, чтобы онъ впадалъ прямо въ море. Городъ *Каркинитисъ* находился, слѣдовательно, гдѣ нынѣ *Николаевъ*. Чтожь касается до *Бѣга-Ахиллова*, то онъ составлялъ юго-западный уголъ Гилеи, нынѣшняго Херсонскаго уѣзда, и оканчивался *Гипполаевымъ мысомъ* (Ἱππόλεω Ἄκρη), при сліяніи Днѣпра и Буга.

Герросъ, говоритъ Геродотъ, отрывается отъ Борисѳенеса тамъ, докуда извѣстенъ Борисѳенесъ, въ странѣ, которая называется также Герросъ, и впадаетъ въ Гипакирисъ (§ 56). Это довольно темное объясненіе побудило г. Линднера собрать всѣ усилія своего критическаго остроумія, чтобы остаться вѣрнымъ Геродоту, и не войти въ противорѣчіе съ дѣйствительностью. Предѣлъ, до котораго теченіе Днѣпра было извѣстно Геродоту, онъ полагаетъ около нынѣшняго *Крылова*, мѣстечка въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. По расчету г. Линднера, разстояніе этого предѣла отъ устья Днѣпра, которое Геродотъ полагаетъ водою въ сорокъ, а *прямо* землею въ двадцать дней пути, ясно и положительно указываетъ на окрестности Крылова, откуда почти начинается то огромное колѣно, которое Днѣпръ даетъ въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, колѣно вдвое длиннѣе прямаго сухопутнаго разстоянія Крылова отъ Херсона. Такимъ-образомъ, *страна Герросъ*, гдѣ *рѣка Герросъ* отрывается отъ *Днѣпра*, достаточно опредѣляется для г. Линднера. Но что значитъ выраженіе «*отрывается отъ Днѣпра*» ἀπέσχισται ἀπὸ τοῦ Βορυσθένεος)? Г. Линднеру никакъ не хочется, чтобъ оно означало просто «удаляется» или «уклоняется», какъ понимали почти всѣ прежніе толкователи. Нѣтъ! онъ хочетъ непремѣнно спасти это выраженіе во всей его буквальной точности! Между-тѣмъ, въ окрестностяхъ Крылова

нѣтъ и слѣда такой рѣки, которая-бы буквально «*отрывалась*» отъ Днѣпра, то-есть выходила-бы изъ него какъ «рукавъ» или «протокъ», и потомъ вливалась-бы совершенно въ другую рѣку, именно въ Гипакирисъ, который, по изъясненію г. Линднера, долженъ быть теперешній *Ингулъ*. Чтожь тутъ дѣлать? Г. Линднеръ находитъ у Крылова довольно порядочную рѣку *Тясмина*, которая здѣсь впадаетъ въ Днѣпръ. Рѣка эта беретъ свое начало около Новомиргорода, мѣстечка на границѣ Херсонской и Кіевской губерній. Здѣсь-же беретъ начало другая немаловажная рѣка *Высь*, которая, соединясь съ рѣкою *Синюхою*, впадаетъ въ Бугъ при Ольвіополѣ, городкѣ Бобринецкаго уѣзда Херсонской губерніи. Источники этихъ *двухъ* рѣкъ, *Выси* и *Тясмина*, такъ близки между-собою, что ихъ очень легко можно было въ старину принять за *одну* рѣку: особенно когда та и другая въ то время очень могли носить одно имя *Герроса*, подобно-какъ нынѣ, въ тѣхъ-же самыхъ мѣстахъ, нѣсколько рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейнамъ Выси и Тясмина, называются равно *Ташлыками*. Но — Герросъ у Геродота, «оторвавшись» отъ Борисѳенеса, впадаетъ въ Гипакирисъ, то-есть, по г. Линднеру, въ *Ингулъ*; а Высь течетъ не въ Ингулъ, но прямо въ Бугъ, то-есть въ Гипанисъ? Г. Линднеръ на этотъ разъ предполагаетъ описку въ текстѣ, которая весьма легко могла произойти при сходствѣ именъ Гипакириса и Гипаниса. Или, думаетъ онъ, возможно и то что, по близости источниковъ Выси и Тясмина съ источникомъ самаго Ингула, этѣ три рѣки считались всѣ въ соединеніи между-собою: въ такомъ случаѣ нѣтъ нужды прибѣгать и къ предположенію описки. Какъ-бы то ни было, только *Герросъ* долженъ быть *Высь*, принимаемая за продолженіе *Тясмина*.

И вотъ загадочныя рѣки, всѣ три, отъисканы! — Но г. Линднеръ отъискалъ ихъ *между* Бугомъ и Днѣпромъ, тогда-какъ Геродотъ помѣщаетъ ихъ «*послѣ*» Буга и Днѣпра! Вотъ собственныя слова Геродота о Пантикапесѣ, который описываетъ онъ въ-слѣдъ за Гипанисомъ и Борисѳенесомъ: «μετὰ δὲ τούτους πέμπτος ποταμὸς ἄλλος, τῷ οὔνομα Παντικάπης»; то-есть: «*послѣ этихъ* другая пятая рѣка, имя ей Пантикапесъ». Тѣмъ болѣе должно разумѣть то-же о Гипакирисѣ и Герросѣ, которые описываются послѣ Пантикапеса! На это г. Линднеръ отвѣчаетъ, что предлогъ «μετὰ» точно означаетъ «*послѣ*», когда стоитъ съ винительнымъ падежемъ; когда-жь слѣдуетъ за нимъ падежъ дательный, то онъ означаетъ «*между, внутри, промежь*». Такъ-какъ дѣло идетъ сначала о *двухъ* рѣкахъ Гипанисѣ и Борисѳенесѣ, то у Геродота, вмѣсто винительнаго множественнаго «τούτους», могъ стоять при «μετὰ» дательный двойственнаго «τούτοιν». Тогда смыслъ и переводъ фразы будетъ: «*промежь этихъ* (двухъ рѣкъ) другая пятая рѣка, имя ей Пантикапесъ»; что должно разумѣть и объ обѣихъ по-

слѣдующихъ, то-есть Гипакирисъ и Герросъ. Чтожъ касается до того, что этѣ три рѣки описываются Геродотомъ не послѣ Буга, какъ идутъ онѣ въ природѣ, а уже послѣ самаго Днѣпра: то г. Линднеръ находитъ очень естественнымъ, сначала описать рѣки главныя, а потомъ перейти къ ихъ притокамъ. Сверхъ-того, замѣчаетъ онъ, къ-чему въ фразѣ, о которой идетъ рѣчь, поставлено прилагательное «ἄλλος», то-есть «*другая* (рѣка)»? Это еще Ларше находилъ очень страннымъ. Не стояло-ли здѣсь, вмѣсто прилагательнаго «ἄλλος», нарѣчіе «ἄλλως», которое значитъ «*иначе, другимъ-образомъ*»? Дѣйствительно, есть одинъ кодексъ Геродота, въ которомъ читается «ἄλλως»; что уже не позволяетъ принять чтенія «ἄλλος» за безусловно достовѣрное. Если-жь такъ, то вотъ и филологическое доказательство, что Геродотъ «*иначе*» распорядился при описаніи Пантикапеса и двухъ послѣдующихъ рѣкъ, чѣмъ при рѣкахъ главныхъ, гдѣ онъ слѣдуетъ по-порядку отъ запада къ востоку.

Разрѣшивъ такимъ-образомъ гордіевъ узелъ, представляемый положеніемъ трехъ таинственныхъ рѣкъ, г. Линднеръ старается угадать мѣстопребыванія разныхъ отдѣловъ Скиѳовъ, которые Геродотъ на нихъ помѣщаетъ, или ими опредѣляетъ.

Пантикапесъ проходитъ съ сѣвера въ Гилею, чрезъ жилища *Скиѳовъ-Земледѣльцевъ* (Σκύθαι Γεωργοί), которыя простираются до Борисѳенеса, почему и называются *Борисѳенеитами* (Βορυσθενεῖται), иначе *Ольвіополитами* (Ὀλβιοπολῖται) (§ 54, § 18). Тутъ не представляется никакихъ особыхъ затрудненій. Это явно другое поколѣніе Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, отдѣльное отъ *Пахарей* (Ἀροτῆρες), показанныхъ между Алазонами и Неврами (§ 17). Оно находилось на Ингульцѣ, сѣвернѣе Гилеи, то-есть побережья Днѣпра при устьѣ, и притомъ *по обѣ стороны Ингульца:* слѣдовательно, въ юго-восточной части нынѣшней Херсонской губерніи.

Но гдѣ-жь находились *Скиѳы-Кочующіе* (Σκύθαι Νομάδες), чрезъ жилища которыхъ проходилъ Гипакирисъ, то-есть Ингулъ (§ 55)? Натурально, на западной сторонѣ Ингульца. Какъ-же въ такомъ случаѣ разумѣть слова Геродота: «τὸ δὲ πρὸς τὴν ἕω Γεωργῶν τούτων Σκυθέων, διαβάντι τὸν Παντικάπην ποταμὸν, Νομάδες ἤδη Σκύθαι νέμονται», которыя обыкновенно разумѣются и переводятся: «если *на востокъ отъ* этихъ *Скиѳовъ-Земледѣльцевъ* перейти Пантикапесъ, то тамъ витаютъ Скиѳы-Кочующіе» (§ 19)? Г. Линднеръ предлагаетъ здѣсь опять новый взглядъ на контекстъ фразы. По его мнѣнію, выраженіе «πρὸς τὴν ἕω» должно относить совсѣмъ не къ «διαβάντι τὸν Παντικάπην ποταμὸν», а къ словамъ «Γεωργῶν τούτων Σκυθέων»; то-есть разумѣть переходъ Пантикапеса не «*на востокъ отъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ*», а — «*отъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ, которые на востокъ*», или короче «*отъ Восточныхъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ*». Такимъ-

образомъ жилища *Скиѳовъ-Кочующихъ* обозначаются ясно на западѣ отъ Ингульца, *по обѣимъ сторонамъ Ингула*, въ нынѣшнемъ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи.

«Такъ-называемая *Царевщина* (τὰ καλεύμενα Βασιλήϊα)», или область *Царскихъ-Скиѳовъ* (Σκύθαι Βασιλήϊοι) отдѣляется отъ Скиѳовъ-Кочующихъ Герросомъ (§ 57). Слѣдовательно, она должна была находиться къ сѣверу, *за рѣками Высью и Тясминомъ*. Тамъ, на границѣ Херсонской губерніи съ Кіевской, въ уѣздахъ Бобринецкомъ и Александрійскомъ, находится возвышеннѣйшая выпуклость гранитнаго кряжа, который, отбрасываемый Карпатами, углубляется далеко внутрь степей Новороссійскихъ; и этотъ-то кряжъ, по мнѣнію г. Линднера, обозначается у Геродота таинственнымъ именемъ «*Святыхъ-Путей*» (Ἱραὶ Ὁδοί), скиѳски «*Эксампеосъ*» (Ἐξαμπαῖος) (§ 81, § 52). Въ странѣ, которую фантазія окружала призракомъ святости, весьма прилично было Скиѳамъ избрать мѣсто погребенія для своихъ Царей, что именно составляло преимущество *Герроса* (§ 71), области принадлежавшей къ Царевщинѣ (§ 20). Принимая рѣку *Герросъ* за *Тясминъ* и *Высь*, г. Линднеръ заключаетъ, что владѣнія *Царскихъ-Скиѳовъ на Герросѣ* и въ *Герросѣ*, простирались изъ предѣловъ нынѣшней Херсонской губерніи далеко въ Кіевскую.

Итакъ всѣ три отдѣла Скиѳовъ, опредѣляемые у Геродота тремя таинственными рѣками, *Скиѳы-Земледѣльцы*, *Кочующіе* и *Царскіе*, находились на западѣ, а не на востокѣ Днѣпра, гдѣ ихъ до-сихъ-поръ отыскивали по-напрасну.

Отъ Скиѳовъ-Царскихъ на Герросѣ и въ Герросѣ, г. Линднеръ, какъ было уже замѣчено, строго отличаетъ *Скиѳовъ-Царскихъ на Меотидѣ*, владѣнія которыхъ, по Геродоту, простирались по берегу Меотиды отъ *Рва до Кримновъ* (§ 20). Это единственное поколѣніе Скиѳовъ, которому г. Линднеръ дозволяетъ остаться на востокѣ отъ Днѣпра. Пріурочивая границы, назначенныя Геродотомъ этому особому поколѣнію Царскихъ-Скиѳовъ, г. Линднеръ не рѣшается признать въ Геродотовомъ *Рвѣ* (Τάφρος) нынѣшняго *Перекопа*. По его мнѣнію, «отецъ исторіи» не зналъ, что перешеекъ, соединяющій Тавриду съ материкомъ, такъ узокъ, какъ онъ есть дѣйствительно; ибо въ противномъ случаѣ, онъ не сравнивалъ-бы полуострова Таврическаго съ Аттикою (§ 99), а сравнивалъ-бы скорѣе съ Пелопонесомъ. Нынѣшняго «Гнилаго-Моря» Геродотъ также во-все не знаетъ. Слѣдовательно, сѣверо-восточный предѣлъ Тавриды, гдѣ граничили съ ней къ югу владѣнія Царскихъ-Скиѳовъ на Меотидѣ, онъ могъ полагать и вѣроятно полагалъ въ концѣ нынѣшней «Арабатской стрѣлки», противъ которой находится теперь мѣстечко, нѣкогда крѣпость, *Геничи*. Тутъ конечно былъ и Геродотовъ *Ровъ* (Τάφρος). *Кримны* (Κριμνοί), самый восточный предѣлъ Царскихъ-Скиѳовъ на Меотидѣ, г. Линднеръ полагаетъ на нынѣшней

Косъ-Ѳедотовой, при устьѣ рѣчки Азисъ-Утлукъ; на томъ именно основываясь, что разстояніе восточнаго края Скиѳіи на Меотидѣ отъ Борисѳенеса, по Геродоту, равно разстоянію отъ Борисѳенеса до Истроса (§ 101). Впрочемъ г. Линднеръ дозволяетъ владѣніямъ этого особаго поколѣнія Скиѳовъ распространяться къ западу, чрезъ весь нынѣшній Днѣпровскій уѣздъ Таврической губерніи до Кинбурна.

Было также замѣчено, что, кромѣ этихъ двухъ отдѣльныхъ поколѣній, г. Линднеръ различаетъ еще у Геродота третье поколѣніе *Скиѳовъ-Царскихъ*, которое должно было обитать *между Тиресомъ и Истросомъ*, то-есть между *Днѣстромъ* и *Дунаемъ*, въ нынѣшнихъ Молдавіи и Валахіи. Основаніе этому онъ находитъ въ томъ, что Геродотъ упоминаетъ о трехъ Скиѳскихъ Царствахъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего особаго Царя (§ 120). Въ описаніи говорится только о двухъ областяхъ Царскихъ-Скиѳовъ, на Герросѣ и на Меотидѣ. Гдѣ-жь была, гдѣ могла быть область третьяго Царства? Соображая, что у Геродота все пространство отъ Истроса до Каркинитиса, то-есть отъ Дуная до Днѣпра, называется «Ἀρχαία Σκυθική», то-есть «Старая», или лучше, какъ понимаетъ г. Линднеръ, «Коренная-Скиѳія» (Erz-Skythien); равно какъ и то, что царь Иданѳирсосъ, который имѣлъ подъ собою «величайшее изъ трехъ Царствъ» (μεγάλην τῶν Βασιληίων) (§ 120), сшелся съ Даріемъ, подъ конецъ его похода, не вдалекѣ отъ Истроса (§ 126 — § 128): онъ считаетъ себя въ правѣ заключить, что это третье Царство находилось въ «Старой или «Коренной Скиѳіи» между Днѣпромъ и Дунаемъ, и именно ближе къ Дунаю, то-есть по правую сторону Днѣстра. Геродотъ, вообще такъ подробный въ своемъ описаніи, во-все не говоритъ ни слова о народахъ, обитавшихъ между Днѣстромъ и Дунаемъ. Это не значитъ, чтобъ тамъ никого и не было: напротивъ, даетъ только право предполагать, что въ нынѣшнемъ текстѣ Геродота (между § 16 и § 17) находится пропускъ и именно пропускъ описанія жителей «Коренной Скиѳіи» между Тиресомъ и Истросомъ, въ томъ числѣ конечно и третьяго «величайшаго изъ Царствъ Скиѳскихъ».

Утроя такимъ-образомъ Скиѳовъ-Царскихъ, г. Линднеръ удвояетъ *Скиѳовъ-Кочующихъ*, чего также до-сихъ-поръ никто еще не дѣлалъ. О Скиѳахъ-Кочующихъ Геродотъ говоритъ только, что они обитали между Герросомъ и Пантикапесомъ, по обѣимъ сторонамъ Гипакириса (§ 55, § 56, § 19). Но съ-тѣмъ-вмѣстѣ называетъ этихъ Скиѳовъ — «Восточными»! Такъ по-крайней-мѣрѣ г. Линднеръ понимаетъ выраженіе объ нихъ Геродота: «οἱ δὲ Νομάδες οὗτοι τὸ πρὸς τὴν ἕω» (§ 19). Если-жь были Скиѳы-Кочующіе «Восточные», то, значитъ, были и — «Западные»! Гдѣ-жь могли они быть? Конечно, въ той части Скиѳіи, которая, по причинѣ пропуска, остается теперь безъ описанія; то-есть также *между Днѣстромъ*

и Дунаемъ; и еще опредѣленнѣе — въ нынѣшней Бессарабіи!

Скиѳы-Пахари или *Земледѣльцы* также, какъ не разъ уже было замѣчено, представляются г. Линднеру въ двухъ отдѣльныхъ поколѣніяхъ: одно — *между Днѣпромъ и Ингульцомъ* (§ 18, § 54); другое — *между Бугомъ и Днѣстромъ* (§ 17). Впрочемъ г. Линднеръ не думаетъ, чтобы Геродотъ намекалъ на эту двойственность поколѣній, двойственностью употребляемыхъ имъ выраженій: «*Пахари*» (Ἀροτῆρες) и «*Земледѣльцы*» (Γεωργοί). Оба эти выраженія употребляются имъ напротивъ совершенно безразлично.

Исчисленными поколѣніями *Скиѳовъ* — двумя *Земледѣльцевъ*, двумя *Кочующихъ* и тремя *Царскихъ* — ограничивается у Геродота весь міръ собственно Скиѳскій. Отрывокъ *Скиѳовъ-Царскихъ на Танаисѣ* (§ 22) г. Линднеръ пріурочиваетъ къ рѣчкѣ *Калитвѣ*, впадающей въ *Донецъ*.

Теперь надо было съ точностью опредѣлить границы, въ которыхъ Геродотъ заключаетъ свою Скиѳію, и оправдать фигуру «четвероугольника», которую онъ даетъ ей.

Одна сторона четвероугольника, опредѣляемая берегами Чернаго и Азовскаго морей, не представляетъ никакихъ, затрудненій. Протяженіе этой, *южной* стороны, Геродотъ весьма ясно обозначаетъ тѣмъ, что она простирается отъ Истроса до Меотиды такъ, что на *самой срединѣ* ея находится *Борисѳенесъ* (§ 101), и именно *Ольвія* (§ 17).

Но какъ далеко простиралась граница Скиѳіи *по теченію Истроса?* Геродотъ вычисляетъ пять притоковъ Истроса, которые находятся еще въ предѣлахъ Скиѳіи: это *Пората* (Πόρατα, эллински Πυρετός) *Тіарантосъ* (Τιαραντός), *Араросъ* (Ἀραρός), *Напарисъ* (Νάπαρις) и *Ордессосъ* (Ὀρδησσός) (§ 48). Прежніе толкователи, пріурочивая этѣ рѣки, соглашались только на-счетъ одной *Пораты*, въ которой всѣ единогласно признавали нынѣшній *Прутъ*. Въ отношеніи къ остальнымъ четыремъ, господствуетъ непримиримое разногласіе; особенно въ отношеніи къ *Тіарантосу*, который Байэръ, д'Анвиль, Нибуръ и Реннель признаютъ за *Олту* (или *Алуту*), Маннертъ за *Шиль*, Рейхардъ за *Тису* (или *Theis*). Г. Линднеръ, съ своей стороны, не споря о тожествѣ *Пораты* съ *Прутомъ*, полагаетъ, что подъ *Тіарантосомъ* должно разумѣть нынѣшнюю *Яломницу* въ Валахіи, что *Араросъ* долженъ быть теперешній *Серетъ* въ Молдавіи, а остальныя двѣ рѣки, *Напарисъ* и *Ордессосъ* не болѣе, какъ притоки Серета, именно *Брлатъ* и *Бузео*. Слѣдовательно, по его мнѣнію, *Западная* сторона Скиѳскаго четвероугольника должна была начинаться около нынѣшней *Силистріи*, и итти къ сѣверу *параллельно Серету*.

Гораздо труднѣе спасти четвероугольную фигуру Скиѳіи съ востока, гдѣ границею ея Геродотъ опредѣленно полагаетъ *Танаисъ* (§ 100). Но что у него должно разумѣть подъ именемъ *Танаиса*? Отнюдь *не*

настоящій нынѣшній *Донъ*, отвѣчаетъ г. Линднеръ; а большой притокъ Дона, называемый *Донецъ*, самое имя котораго еще по замѣчанію Англичанина Кларка (Clarke), представляетъ разительное сходство съ древнимъ эллинскимъ «Τάναϊς»! Самый *Донъ* по мнѣнію г. Линднера у Геродота означается именемъ *Гиргиса* (Ὕργις), рѣки, которая впадаетъ въ Танаисъ (§ 57) то-есть соединяется съ Донцемъ. Впрочемъ тѣмъ затрудненіе еще не разрѣшается. Если отъ Косы-Ѳедотовой, гдѣ г. Линднеръ полагаетъ крайній восточный предѣлъ Скиѳіи, на Азовскомъ-Морѣ, провести къ сѣверу линію, параллельную теченію Серета, то она нигдѣ и никакъ не захватить и Донца, хотя онъ гораздо западнѣе Дона. Между-тѣмъ Геродотъ утвердительно говоритъ, что Скиѳія простиралась до Танаиса. Вотъ собственныя слова его: «Τὸ δ'ἀπὸ τῆς Ταυρικῆς, ἤδη Σκύθαι τὸ κατύπερθε τῶν Ταύρων καὶ τὰ πρὸς θαλάσσης τῆς ἠοίης νέμονται, τοῦ τε Βοσπόρου τοῦ Κιμμερίου τὰ πρὸς ἑσπέρης, καὶ τῆς λίμνης τῆς Μαιήτιδος, μέχρι Ταναΐδος ποταμοῦ, ὃς ἐκδιδοῖ ἐς μυχὸν τῆς λίμνης ταύτης»; что по-русски слово-въ-слово значитъ: «а отъ Тавриды, уже Скиѳы обитаютъ выше Тавровъ и у Моря-Восточнаго, равно-какъ и къ западу отъ Киммерійскаго-Воспора и отъ озера Меотиды, *даже до рѣки Танаиса*, которая впадаетъ въ заливъ этого озера» (§ 100). Чтобы выпутаться отсюда, г. Линднеръ признаетъ это мѣсто Геродотова текста, которое и прежде изумляло толкователей своею непонятностью, рѣшительно испорченнымъ. Чтобы приблизиться къ истинному смыслу, какой оно должно имѣть, г. Линднеръ сравниваетъ его съ контекстомъ. О чемъ разсуждаетъ прежде Геродотъ? О Ѳракіи, пограничной странѣ Скиѳіи на юго-западѣ (§ 99). И здѣсь также говоритъ онъ о Тавридѣ, пограничной странѣ Скиѳіи у юго-востока. Какъ тамъ, такъ и тутъ, дѣло идетъ о *странахъ*, лежащихъ *внѣ* границъ *Скиѳіи*. Слѣдовательно, все, что здѣсь говорится — кромѣ-того что «Скиѳы живутъ выше, то-есть къ сѣверу, отъ Тавровъ» — должно разумѣть совсѣмъ не о Скиѳахъ, но о *Таврахъ*, и еще о *Савроматахъ*, которыхъ послѣднихъ имя вѣроятно пропущено, какъ можно заключать изъ другихъ показаній текста (§ 21). Посему нѣтъ никакой нужды проводить *восточную* сторону Скиѳскаго четвероугольника и по Донцу, нетолько-что по Дону. Въ соотвѣтствіе сторонѣ западной, она должна обозначиться линіею, идущею отъ *Косы-Ѳедотовой* на сѣверъ почти черезъ нынѣшній *Никополь*.

Остается послѣдняя, *сѣверная* сторона, которая уже сама-собою опредѣляется. Стоитъ только стороны западную и восточную протянуть вверхъ на разстоянія, ровныя протяженію южной, приморской стороны четвероугольника. Тогда восточный бокъ окончится вокругъ нынѣшняго *Крылова*, на тройной межѣ Херсонской, Полтавской и Кіевской губерній; западный пройдетъ до границы нынѣшней Подольской

губерніи съ Буковиною и Галиціею, около *Залещиковъ*. Если оба эти пункта соединить между-собою, то сѣверная сторона Скиѳскаго четвероугольника обозначится линіею, проходящею по Кіевской и Подольской губерніямъ, вокругъ *Звенигородки*, *Брацлава* и *Каменца-Подольска*.

Будетъ-ли это согласно съ «мѣрами» Геродота? — Будетъ, отвѣчаетъ г. Линднеръ: только должно лучше и вѣрнѣе понимать «*систему измѣренія*» Геродотова.

Геродотъ измѣряетъ всѣ разстоянія «*днями пути*», и притомъ «пути» двоякаго: «*водою*» (πλόος) и «*сушею*» (ὁδός). Самъ-же онъ объясняетъ потомъ, что день «сухопутный «считаетъ въ 200 стадій (§ 101), «водопутный-же въ 700 стадій (§ 86). Но какъ должно разумѣть все это?

Разстояніе отъ Дуная до Днѣпра Геродотъ опредѣляетъ въ «десять сухопутныхъ дней»: «ἀπὸ γὰρ Ἴστρου ἐπὶ Βορυσθένεα δέκα ἡμερέων ὁδός» (§ 101). Это составляетъ 2,000 стадій. Соображаясь съ дѣйствительностью выходитъ, что у Геродота приходится «около 40 стадій на географическую милю». Но если такъ, то, по расчету Геродотову, полагающему разстояніе отъ Каркинитиса до Герроса въ четырнадцать сухопутныхъ дней (§ 101), слѣдовательно въ 4,000 стадій, должно-бъ было принять сухопутное разстояніе, между Николаевомъ и Новомиргородомъ въ 70 географическихъ миль, чего на-дѣлѣ нѣтъ и половины. Какъ-же тутъ быть? Г. Линднеръ замѣчаетъ, что слова Геродота — «я-же считаю сухопутный день въ 200 стадій» (ἡ δὲ ὁδὸς ἡ ἡμερησίη ἀνὰ διηκόσια στάδια συμβέβληταί μοι) (§ 101) — не заключаютъ въ себѣ положительнаго утвержденія, что такъ точно опредѣляли свой «сухопутный день» и Скиѳы: они содержатъ только выраженіе личнаго мнѣнія Геродотова, основаннаго на системѣ счисленія, употребляемой Греками. Скиѳы, вѣроятно, считали свой сухопутный день, при прохожденіи черезъ внутренность степей, покрайней-мѣрѣ вдвое меньше. Почему, только при вычисленіи разстояній на побережьи Чернаго и Азовскаго морей, гдѣ жили Греки, можно оставаться при сухопутномъ днѣ «точно въ 200 стадій»; при углубленіи-же внутрь земли, должно полагать сухопутный день «не больше какъ во 100 стадій», или въ $2^1/_2$ географическія мили: что будетъ совершенно согласно съ дѣйствительностью, во всѣхъ случаяхъ.

Относительно «водопутнаго дня» замѣчается по-видимому слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ дѣйствительностью при опредѣленіи пространства, на которомъ Геродотъ представляетъ Бугъ доступнымъ судоходству. Вотъ слова текста: «ὁ Ὕπανις ποταμὸς — ἐπὶ μὲν πέντε ἡμερέων πλόον βραχὺς καὶ γλυκύς ἐστι· ἀπὸ δὲ τούτου, πρὸς Θαλάσσης τεσσέρων ἡμερέων πλόον, πικρὸς αἰνῶς»; по-русски: «рѣка Гипанисъ — на пять дней плаванія, коротка и сладка, отсюда-же, къ морю на четыре дня плаванія, очень горька» (§ 52). Сталобыть, по Геродоту, Гипанисъ или Бугъ

имѣлъ всего судоходства на девять дней: что, принимая водопутный день въ 700 стадій, или въ $17^1/_2$ географическихъ миль, даетъ пространство во $157^1/_2$ географическихъ миль. Между-тѣмъ, все теченіе Буга, со всѣми его излучинами, простирается не болѣе, какъ на 80 географическихъ миль, какъ вычисляетъ Маннертъ, который замѣчаетъ еще притомъ, что судоходство не могло-жь простираться на всю длину рѣки, до самаго ея источника! Г. Линднеръ полагаетъ, что все это противорѣчіе происходитъ отъ недоразумѣнія. По его мнѣнію, приведенное мѣсто Геродота должно понимать такъ, что Бугъ всего судоходства имѣлъ только на пять дней, изъ которыхъ въ продолженіе первыхъ четырехъ дней отъ моря вода его отличалась горечью. Причина этой горечи, по Геродоту, находилась въ «Горькомъ Ручьѣ», который впадалъ въ Бугъ, выходя съ границы между Скиѳами-Пахарями и Алазонами; Алазоны-же обитали тамъ, гдѣ Бугъ въ теченіи своемъ наиболѣе сближается съ Днѣстромъ. Послѣднее дѣйствительно имѣетъ мѣсто, въ южной половинѣ нынѣшней Подольской губерніи, между городами Брацлавомъ и Могилевомъ. Слѣдовательно, здѣсь должно искать и начало «Горькаго Ручья», который г. Линднеръ въ самомъ-дѣлѣ находитъ въ рѣчкѣ Сельницѣ, впадающей въ Бугъ при мѣстечкѣ Ладыхинѣ, 7 географическихъ миль ниже Брацлава. А какъ отсюда до моря теченіе Буга простирается только на 38 географическихъ миль, то для Геродотова водопутнаго дня, какихъ четыре надлежало употреблять на это пространство, получится $9^1/_2$ географическихъ миль, или «около 380 стадій», почти въ половину менѣе противъ того, что самъ Геродотъ назначаетъ. Догадка, которую, какъ замѣчаетъ г. Линднеръ, имѣли уже и прежде нѣкоторые экзегеты, при соглашеніи съ дѣйствительностью разстояній, опредѣляемыхъ Геродотомъ для Чернаго-Моря.

Послѣ всего этого, г. Линднеръ такъ размѣщаетъ народы не-Скиѳскіе, которые Геродотъ ставитъ кругомъ своего Скиѳскаго четвероугольника:

Самыми южными сосѣдями *Скиѳіи* полагаются у Геродота: съ запада *Ѳраки*, съ востока *Тавры* (§ 99). Мы начнемъ здѣсь съ Тавровъ, чтобы дойти потомъ до Ѳраковъ.

Тавры (Ταῦροι) населяли нынѣшній *полуостровъ Таврическій*, весь безъ исключенія; такъ-что здѣсь, по мнѣнію г. Линднера, не оставалось никакого мѣста для Скиѳовъ.

Къ востоку и сѣверу отъ Тавровъ, по другую сторону Воспора и Меотиды находились *Савроматы* (Σαυρομάται). Геродотъ помѣщаетъ ихъ за Танаисомъ, то-есть за Донцемъ, на пятнадцать сухопутныхъ дней протяженія, къ сѣверу отъ Меотиды, въ безлѣсной пустынѣ (§ 21). Это очевидно западная часть нынѣшней *Земли Донскихъ Казаковъ*, вѣроятно до впаденія въ Донецъ рѣчки *Калитвы*. Впрочемъ жилища Савроматовъ, по мнѣнію г. Линднера, прости-

рались и на восточную сторону Донца, въ нынѣшнюю Екатеринославскую губернію, по-крайней-мѣрѣ до рѣки *Кальміуса*, гдѣ они граничили съ владѣніями Царскихъ-Скиѳовъ на Меотидѣ.

Выше отъ Савроматовъ, на сѣверъ, жили *Будины* (Βουδῖνοι), въ странѣ изобилующей лѣсами (§ 21), народъ весьма многочисленный (§ 108). Г. Линднеръ помѣщаетъ ихъ на югѣ нынѣшней Харьковской губерніи, гдѣ они распространялись, вѣроятно, по обѣ стороны Донца.

За Будинами, все къ сѣверу, Геродотъ полагаетъ опять степь, на семь сухопутныхъ дней протяженія (§ 22). Г. Линднеръ отбрасываетъ эту степь въ нынѣшнюю Воронежскую губернію. Но *Ѳиссагетовъ* (Θυσσαγέται) и *Иирковъ* (Ἰύρκαι), которые, по Геродоту, находились нѣсколько къ востоку отъ сказанной степи (§ 22), онъ предпочитаетъ оставить въ Харьковской-же губерніи, именно въ восточной ея части, спускаясь на югъ отчасти даже внутрь губерніи Екатеринославской. Это кажется ему необходимымъ по той причинѣ, что здѣсь находится много притоковъ Донца, къ которымъ легко пріурочить три рѣки, выводимыя Геродотомъ отъ Ѳиссагетовъ, именно *Ликосъ* (Λύκος), *Оаросъ* (Υ̓́αρος) и *Сиргисъ* (Σύργις) (§ 123). Впрочемъ изъ этихъ рѣкъ г. Линднеръ рѣшительно опредѣляетъ только *Оаросъ*, который по его мнѣнію долженъ быть нынѣшній *Айдаръ*, впадающій въ Донецъ нѣсколько выше Славеносербска. О *Ликосѣ* и *Сиргисѣ* онъ не пускается въ точнѣйшія изслѣдованія, потому-только что, какъ самъ выражается, находитъ себя въ *embarras de richesse*.

Народовъ, упоминаемыхъ Геродотомъ, за Ѳиссагетами и Иирками, какъ-то Плѣшаковъ-*Аргиппеевъ* (Ἀργιππαῖοι), *Исседоновъ* (Ἰσσηδόνες), одноглазыхъ *Аримасповъ* (Ἀριμασποί), тѣмъ-болѣе золотохранителей *Гриповъ* (Γρύπαι), людей *съ козлиными ногами* (αἰγίποδες) и тѣхъ, *которые спятъ шесть мѣсяцевъ* (οἱ τὴν ἑξάμηνον καθεύδουσι) (§ 23 — § 27), г. Линднеръ считаетъ лежащими внѣ круга его изслѣдованій. Онъ только замѣчаетъ, что пребываніе *Аргиппеевъ*, показываемое Геродотомъ у подошвы высокихъ горъ» (ὑπώρεα οὐρέων ὑψηλῶν) (§ 23), очевидно указываетъ на отдаленный къ сѣверо-востоку хребетъ нынѣшняго *Уральскаго-Пояса*.

Стало-быть, надо повернуть къ западу. И здѣсь во-первыхъ встрѣчаются *Людоѣды* (Ἀνδροφάγοι): народъ, отдѣлявшійся отъ Скиѳовъ-Земледѣльцевъ на Днѣпрѣ степью, въ одиннадцать сухопутныхъ дней протяженія (§ 18); слѣдовательно, по расчету г. Линднера, обитавшій на правомъ берегу Днѣпра, въ нынѣшней Екатеринославской губерніи, именно по рѣкѣ *Самарѣ*.

Смурые-Кафтаны (Μελάγχλαινοι), по Геродоту, жили на сѣверъ отъ Царскихъ-Скиѳовъ на Герросѣ (§ 20); слѣдовательно, полагаетъ г. Линднеръ, въ нынѣшнихъ Полтавской и Кіевской губерніяхъ, по обѣ стороны Днѣпра, именно на рѣкахъ *Супоѣ* и *Роси*.

Объ *Алазонахъ* (Ἀλαζῶνες), которыхъ г. Линднеръ причисляетъ также къ народамъ не-Скиѳскимъ, было уже неоднократно замѣчено, что ихъ мѣстопребываніе, опредѣляемое наибольшимъ сближеніемъ Буга съ Днѣстромъ (§ 17), очевидно пріурочивается къ южной части нынѣшней Подольской губерніи, въ окрестности *Брацлава* и *Могилева*.

Невры (Νευροί), народъ жившій къ сѣверу отъ Алазоновъ (§ 17), у источниковъ Днѣстра (§ 51), самъ-собою помѣщается на границахъ *Буковины* и *Галиціи*.

Агаѳирсовъ (Ἀγάθυρσοι), народъ изобиловавшій золотомъ (§ 104), жившій къ югу отъ Невровъ и къ сѣверу отъ Дуная (§ 100), г. Линднеръ соглашается оставить въ нынѣшней *Трансильваніи*, признавая въ рѣкѣ *Марисъ* (Μάρις), которую Геродотъ ведетъ въ Дунай отъ Агаѳирсовъ (§ 49), теперешній *Марошъ*. Впрочемъ, въ другомъ мѣстѣ г. Линднеръ обнаруживаетъ подозрѣніе, что Геродотовымъ *Марисомъ* могли быть теперешніе *Арджишъ* или *Олта*, и что потому жилища Агаѳирсовъ можно помѣстить въ нынѣшней *Валахіи*, между Карпа́томъ и Дунаемъ.

Дунай отдѣлялъ Скиѳію отъ *Ѳраковъ* (Θρῄϊκες), которыхъ сильнѣйшее и благороднѣйшее поколѣніе, *Геты* (Γέται) (§ 93), должны были находиться въ нынѣшней *Добруджѣ*.

Такъ, при помощи догадокъ, большею-частью совершенно новыхъ и чрезвычайно оригинальныхъ, вся Геродотова Скиѳія, съ своими границами, укладывается на карту, во всѣхъ подробностяхъ согласную съ дѣйствительностью. И эту карту г. Линднеръ приложилъ къ своей книгѣ.

Сверхъ-того, для повѣрки сдѣланныхъ имъ разысканій и заключеній относительно трехъ таинственныхъ рѣкъ, приложена довольно подробная гидрографическая карта бассейновъ Днѣпра и Буга внутри Херсонской губерніи.

Есть также еще сокращенная топографическая карта нынѣшняго состоянія Геродотовой Скиѳіи, то-есть Новороссійскаго-Края и Бессарабіи, включительно съ Молдавіей и ближайшими частями Валахіи и Галиціи, гдѣ къ теперешнимъ названіямъ и раздѣленіямъ пріурочена древняя номенклатура «отца исторіи».

IV.

Настоящее состояніе древней Геродотовой Скиѳіи г. Линднеръ представляетъ не на картѣ-только, но и въ довольно подробномъ описаніи, составленномъ со всѣмъ терпѣніемъ и со всею добросовѣстностью, къ какимъ способна только нѣмецкая основательная ученость.

Изъ предъидущаго видно, что въ четвероугольникъ, который г. Линднеръ составилъ, по указаніямъ Геродота, для Скиѳіи, входитъ, кромѣ Молдавіи съ частями Валахіи и Галиціи, преимущественно юго-западный уголъ Россійской имперіи; именно нынѣшнія: область Бессарабская и губер-

ніи Подольская, Херсонская и Екатеринославская, съ присовокупленіемъ частицъ отъ губерній Таврической, Кіевской, Харьковской, и наконецъ отъ Земли-Донскихъ-Казаковъ.

Бросивъ сначала краткій общій взглядъ на это пространство, г. Линднеръ описываетъ его части: въ отношеніи къ княжествамъ При-Дунайскимъ — по Мальт-Брену и Гасселю; въ отношеніи къ областямъ Западно-Русскимъ — по Марчинскому; въ отношеніи собственно къ Новороссійскому-Краю — по Гильденштедту, Палласу, Зуеву, Миллеру; и наконецъ, вообще относительно Россіи — пользуясь извѣстнымъ сборникомъ Шнитцлера.

Пріятно видѣть, что описаніе г. Линднера проникнуто вездѣ чувствомъ глубокаго уваженія и искренняго сочувствія къ благодѣтельному вліянію Россіи на древнюю Скиоію. Онъ восхищается отъ всей души быстрыми успѣхами цивилизаціи въ странахъ, которыя, со временъ Геродота, въ продолженіе тысячелѣтій, были почти постоянно добычею дикаго варварства. Говоря объ Одессѣ, онъ не можетъ скрыть своего изумленія, что въ этой юной столицѣ древней Скиѳіи находятся школы, библіотеки, музеумы, что здѣсь существуетъ уже лицей, почти равняющійся университетамъ своею организаціею, и наконецъ — издается журналъ! Что скажетъ онъ теперь, когда узнаетъ, что въ Одессѣ существуетъ ученое Общество, которое умѣетъ отдать полную справедливость его труду и считаетъ себя и въ возможности и въ правѣ произнесть объ немъ безпристрастное сужденіе?

Съ особенною подробностью г. Линднеръ распространяется о нашихъ «Казакахъ», подвергая отдѣльному изслѣдованію ихъ а) имя, б) происхожденіе и в) нынѣшнее домашнее и гражданское устройство.

Имя «Казакъ», по мнѣнію г. Линднера не происходитъ ни отъ «Касахіи» Черкесской, какъ думаетъ Клапротъ, ни отъ «Кайсаковъ» Монголо-Татарскихъ, какъ первоначально сталъ догадываться Миллеръ, ни тѣмъ-болѣе отъ Дегинева «Кипчака». Напротивъ, и «Касахія», и «Кайсаки», и даже «Кипчакъ», кажутся г. Линднеру скорѣе пропсшедшими отъ «Казаковъ». Не столько на основаніи одного внѣшняго созвучія, сколько по уваженію другихъ болѣе существенныхъ соотношеній, г. Линднеръ склоняется вѣрить, что имя «Казаковъ» находится въ сродствѣ съ именемъ «Хазаровъ», и можетъ-быть даже съ древнимъ именемъ «Саковъ», что̀ послѣднее приходило уже въ голову Штроту, ученому нѣмецкому переводчику Діодора Сицилійскаго. Впрочемъ г. Линднеръ не пускается слишкомъ въ глубь этимологіи. Онъ даже не берется изъяснять, изъ какого-бы то ни было языка, нынѣшній смыслъ слова «Казакъ», которое будучи употребляемо народами совершенно разноплеменными и разноязычными вездѣ означаетъ не столько «отличіе народности», сколько «особенность

въ образѣ жизни», именно «патріархально-военное» устройство.

Занимаясь собственно и исключительно «Казаками»–Славянами, г. Линднеръ не отрицаетъ въ нихъ присутствія стихій Черкесской и Монголо-Татарской. Только все это считаетъ онъ примѣсью къ основѣ чисто Славянской, или точнѣе Славяно-Русской. Возводя всѣ мелкія, очевидно колоніяльныя раздробленія нынѣшнихъ «Казаковъ», къ двумъ главнымъ видамъ, именно къ казачеству «Украинскому» и къ казачеству «Донскому», г. Линднеръ задаетъ себѣ вопросы: какое происхожденіе имѣютъ эти оба вида, общее, или различное? и, въ обоихъ случаяхъ, который изъ нихъ должно считать старѣйшимъ? При рѣшеніи перваго вопроса, онъ никакъ не соглашается съ П. И. Кеппеномъ, который признаетъ «Казакамъ-Донскимъ» происхожденіе Велико-Россійское, слѣдовательно отличное отъ «Казаковъ-Украинскихъ», которые неоспоримо принадлежатъ къ Мало-Россамъ. По мнѣнію г. Линднера, тѣ и другіе — равно «Мало-Россы»! Второй вопросъ рѣшаетъ онъ тѣмъ, что старѣйшинство должно оставить за «Казаками-Украинскими». Откуда-жь теперь взялись эти послѣдніе? Какъ и когда отдѣлились такъ рѣзко отъ своихъ собратій, мирныхъ Мало-Россовъ? Здѣсь г. Линднеръ никакъ не хочетъ согласиться съ общимъ мнѣніемъ, распространеннымъ первоначально Поляками, что «Казаки» образовались, въ-слѣдствіе нашествія Татарскаго, изъ бѣглецовъ, сомкнувшихся въ разбойничьи шайки по инстинкту самосохраненія въ дикихъ, безлюдныхъ степяхъ, окруженныхъ азіятскими варварами. Онъ увѣренъ напротивъ, что «Казаки», такъ какъ теперь они есть, столько-жь стары въ степныхъ низовьяхъ Днѣпра и Дона, сколько ихъ братья дальше къ сѣверу; что они остались здѣсь при своей первобытной, дикой волѣ, когда тѣ покорились жезлу князей Кіевскихъ; что и прежде, когда здѣсь безчисленные потоки пришельцевъ изливались изъ Азіи въ Европу, они допускали ихъ проходить по себѣ, не жертвуя имъ своею славянскою народностью; что, коротко сказать, они здѣсь были всегда исконными туземцами, никѣмъ не предупрежденными «старожилами»!

Эту догадку г. Линднеръ старается подтвердить самымъ устройствомъ «Казаковъ», то-есть ихъ «патріархально-военною организаціею», которая отчасти сохраняется донынѣ. По его мнѣнію, такая организація не могла состояться въ шайкѣ бѣглыхъ разбойниковъ единственно по ихъ взаимному согласію, ни тѣмъ-менѣе-еще развиться изъ одной умной головы какого-нибудь Остафея, котораго обыкновенно считаютъ Ликургомъ «Казаковъ». Напротивъ онъ видитъ въ ней остатокъ древняго, первобытнаго образа жизни Славянъ, съ какимъ они выступили вездѣ на театръ исторіи. Онъ увѣренъ, что «Казачество» есть драгоцѣнный этнографическій памят-

никъ истиннаго, самобытнаго и самообразнаго «Славянства», сохранившійся до нашихъ временъ, благодаря его уединенію во глубинѣ обширныхъ, необозримыхъ пустынь, гдѣ не могло отяготѣть надъ нимъ ни чуждое варварство, ни тѣмъ-болѣе чуждая цивилизація, которая для народности гораздо разрушительнѣе самаго варварства.

Итакъ — для г. Линднера, точно также какъ и для меня — «Новая-Россія» представляется «Русью-Старою», и даже «самою Старою»! Встрѣча въ столь важномъ результатѣ съ ученымъ столь основательнымъ и глубокомысленнымъ, признаюсь, внушаетъ мнѣ невыразимое удовольствіе! — Г. Линднеръ однако, съ скромностью неразлучною отъ истинной учености, не выдаетъ своей догадки за непреложно-рѣшительную; напротивъ подвергаетъ ее обсужденію безпристрастныхъ изслѣдователей и знатоковъ Славянской исторіи. Этотъ вызовъ, по-моему, ни къ кому такъ-прямо не относится, какъ къ нашему Обществу! —

V.

Устранивъ такимъ-образомъ всѣ преждебывшія недоразумѣнія относительно текста и забравъ въ возможной полнотѣ нужныя справки съ дѣйствительностью, г. Линднеръ приводитъ въ систематическій порядокъ свободную повѣсть Геродота о Скиѳіи и о походѣ Дарія (кн. IV. § 1 — 143), разбивая ее на слѣдующіе главные члены:

А. Поводъ къ войнѣ Дарія противъ Скиѳовъ. §§ 1. 4.

Б. Общее обозрѣніе странъ Скиѳскихъ. §§ 16. 47. 99. 100.

В. Саги о происхожденіи Скиѳовъ. §§ 5–11. 13–15.

Г. Описаніе земли. §§ 16. 23.

Д. Судоходныя рѣки: Истросъ (Дунай). §§ 48–50. Тиресъ (Днѣстръ). § 51. Гипанисъ (Бугъ-Южный). § 52. Борисѳенесъ (Днѣпръ). § 53. Пантикапесъ (Ингулецъ). § 54. Гипакирисъ (Ингулъ). §§ 55. 76. Герросъ (Высь и Тясминъ). § 56. Танаисъ (Донецъ). § 57. Рѣки у Ѳиссагетовъ. § 123. Общія замѣчанія о рѣкахъ Скиѳіи. §§. 58–82.

Е. Климатическія отношенія. § 28. 29. 31. 32.

Ж. Обитатели прирѣчные. а) Между Истросомъ и Тиресомъ. §§ 120. 126. 17. 100. 125. б) Между Тиресомъ и Гипанисомъ § 99. 17. в) Между Гипанисомъ и Борисѳенесомъ. §§ 18–20. г) Между Борисѳенесомъ и Танаисомъ. §§ 21-24.

З. Положеніе и границы собственно Скиѳіи въ отношеніи къ сосѣднимъ странамъ. §§ 99. 100. 20. 22.

И. Фигура, величина и народонаселеніе собственно Скиѳіи. §§ 99. 101. 20. 17. 71. 100. 51. 53. 56. 52.

І. Нравы и обычаи Скиѳовъ. §§ 46, 2. 62. 72. 73. 75. 70. 67–69. 71–73. 64–66. 59–62. 7. 76–80.

К. Нравы сосѣднихъ народовъ. а) Ѳраки.

(V. § 3). §§ 93. 95. 96. 94. (V. §§ 4–8). б) Тавры. § 103. в) Агаѳирсы. § 104. г) Невры. § 105. д) Людоѣды. § 106. е) Смурые-Кафтаны. § 107. ж) Будины §§ 108. 109. з) Савроматы. §§ 110–117.

Л. Отдаленнѣйшіе народы. а) Ѳиссагеты и Иврки. § 22. б) Аргиппеи. §§. 23. 24. в) Исседоны, § 25. г) Народы баснословные. §§ 25. 27. 13. 32–36. (III. § 116).

М. Естественныя произведенія, промышленность и торговля. §§ 53. 17. 70. 74. 66. 62. 61. 67. 75. 62. 29. 63. 28. 53. 71. 53. 17. 20. 24. 25.

Н. Отрывки изъ исторіи Скиѳовъ до Дарія. (I. §§ 103–106). §§ 1–4.

О. Походъ Дарія противъ Скиѳовъ. §§ 84. 85. 87–89. 91–93. 97. 98. 102. 118–143.

Въ означенномъ порядкѣ г Линднеръ излагаетъ текстъ Геродота, не съ строгой буквальной точностью, слово-въ-слово, но парафрастически, заботясь ясно и вразумительно выразить истинный смыслъ показаній «отца исторіи». Впрочемъ, всѣ собственныя свои объясненія, которыя не находятся въ текстѣ, онъ никакъ не вноситъ въ него, а помѣщаетъ подъ нимъ, въ видѣ примѣчаній.

На концѣ изложенія всего текста, вѣрный своему энтузіазму къ «отцу исторіи», г. Линднеръ присовокупляетъ еще краткое разсужденіе, въ которомъ старается спасти вполнѣ историческую достовѣрность похода Даріева, какъ онъ расказывается у Геродота. Такъ-какъ, и по расчетамъ г. Линднера, этотъ походъ долженъ былъ простираться внутрь нынѣшней Россіи по-крайней-мѣрѣ до южныхъ краевъ Харьковской и Воронежской губерній; то возраженія, которыми новѣйшіе скептики низвели всю повѣсть объ немъ на степень «саги», остаются въ прежней силѣ; именно: какъ могъ Дарій такое обширное пространство пройти взадъ-и-впередъ въ два мѣсяца, и потомъ какъ онъ могъ все это время довольствовать свою многочисленную армію въ степяхъ безплодныхъ и безжильныхъ? На все это г. Линднеръ отвѣчаетъ такъ. Означенные у Геродота «шестьдесятъ дней» совсѣмъ не должно относить къ походу всего войска, а только къ личному пребыванію самого Дарія въ Скиѳіи. Конечно, царь не вдругъ-же, какъ перешелъ черезъ Дунай, пустился въ глубь степей со всею своею арміею. Безъ-сомнѣнія, онъ долженъ былъ прежде, по самымъ простѣйшимъ правиламъ военнаго искусства, отправить часть войска, для предварительнаго обезпеченія пути и занятія важныхъ пунктовъ, каковы напримѣръ переправы черезъ рѣки. Этотъ передовой отрядъ Скиѳы встрѣтили и начали мало-помалу заманивать въ степи. Самъ Дарій могъ отправиться съ Дуная гораздо позже. Остальныя части войска онъ вѣрно не всѣ потащилъ за собою, но размѣстилъ ихъ по главнымъ рѣкамъ, по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру, на всякій случай. Такимъ-образомъ, самъ налегкѣ, онъ могъ удобно догнать пущенный впередъ отрядъ, уже

въ окрестностяхъ Донца. Поворотя оттуда обратно къ западу, онъ могъ опять не брать съ собою всѣхъ тѣхъ силъ, которыя стянулись на рѣкѣ Айдарѣ. Всего естественнѣе было дать имъ роздыхъ, а противъ Людовѣдовъ, Смурыхъ-Кафтановъ и Невровъ, употребить свѣжія силы, остававшіяся на арьер-постахъ. Пока онъ такимъ-образомъ развѣдывался съ варварами, и тѣмъ могло достать времени, отдохнувъ, воротиться назадъ; такъ-что, когда положено было прекратить совершенно походъ, то вся армія находилась уже въ соединеніи между Днѣстромъ и Дунаемъ. По точному показанію Геродота, Дарій не поспѣлъ къ мосту на Дунай аккуратно въ назначенный имъ срокъ, то-есть ровно черезъ «шестьдесятъ дней» послѣ отбытія. Притомъ, когда онъ наконецъ и прибылъ самъ лично, то вѣрно не въ тотъ-же день перевелъ черезъ Дунай все свое войско. Итакъ, къ завѣтному числу «двухъ мѣсяцевъ», безъ всякаго насилія и противорѣчія тексту Геродота, можно прибавить «достаточное» количество времени, считая отъ перваго проникновенія Персовъ въ Скиѳію до окончательнаго очищенія. Что касается «продовольствія» войска, то оно могло быть доставляемо во-первыхъ флотомъ Дарія, которому ничто не мѣшало двигаться вдоль береговъ моря параллельно движенію арміи по степямъ, во-вторыхъ эллинскими богатыми колоніями на Понтѣ и на Меотидѣ, которыя на своихъ мелкихъ судахъ могли и внутрь степей по большимъ рѣкамъ подвозить свободно все нужное. Поэтому недостатокъ продовольствія, по ясному указанію Геродота, и началъ обнаруживаться уже тогда, какъ Дарій потянулся по сѣверной границѣ Скиѳіи, удаленной и отъ моря и отъ судоходныхъ рѣкъ. Такимъ-образомъ, возраженія противъ исторической достовѣрности знаменитаго похода, оба падаютъ. Г. Линднеръ замѣчаетъ притомъ весьма остроумно, что недавній походъ Наполеона въ Россію, представляющій столько точекъ разительнаго сходства съ походомъ Дарія, какъ онъ описанъ у Геродота, есть самое сильное противуядіе на всѣ сомнѣнія новѣйшаго скептицизма.

VI.

Могутъ-ли позднѣйшіе Греческіе и Римскіе географы быть призываемы къ свидѣтельству *противъ* Геродота на-счетъ Скиѳіи, какъ это дѣлалось и дѣлается?

На это г. Линднеръ отвѣтствуетъ, перебирая по-одиначкѣ всѣхъ ихъ, и именно: *Ѳукидида*, *Полибія*, *Юстина*, *Діодора*, *Страбона*, *Мелу*, *Плинія* и *Птолемея*.

Показанія *Ѳукидида* о Скиѳахъ и весьма скудны и весьма неопредѣленны. Онъ называетъ Скиѳовъ самымъ многочисленнымъ и самымъ воинственнымъ народомъ. Но неизвѣстно, точно-ли одинъ народъ разумѣется у него подъ Скиѳами, или имя это распространялось уже имъ на различныя смежныя поколѣнія. Разъ онъ говоритъ о

Скиѳахъ, какъ о сосѣдяхъ Ѳраковъ. И только-относительно ихъ географіи!

Полибій признается откровенно, что въ его время весь сѣверъ Европы, отъ Нарбона (нынѣшняя Narbonne во Франціи) до Танаиса, былъ покрытъ мракомъ неизвѣстности. Итакъ, спустя три вѣка послѣ Геродота, Скиѳія уже стала опять *terra incognita* для Грековъ! Расказы Полибія о войнахъ Скиѳовъ между Танаисомъ и Оксосомъ, въ Бактріанѣ и даже до Индіи, показываютъ, что имя Скиѳовъ въ это время имѣло уже обширное, безграничное значеніе.

У *Юстина* упоминаются двѣ войны Македонянъ съ Скиѳами: первая, при Филиппѣ, отцѣ Александра-Великаго, который впрочемъ доходилъ только до Истроса; вторая, при самомъ Александрѣ-Великомъ, окончившаяся пораженіемъ предводительствовавшаго Македонянами воеводы. Больше ни слова!

Діодоръ рѣшительно баснословствуетъ. Что ни говоритъ онъ о древнѣйшей исторіи Скиѳовъ, это самыя нелѣпыя сказки. Его географія, въ которую впрочемъ онъ и не слишкомъ пускается, такъ-же, если еще не больше, чудовищна. У него область Скиѳовъ простирается отъ Восточнаго (то-есть Индійскаго) Океана и Египетскаго Нила до Каспія и Меотиды. Единственнымъ подлинно-историческимъ событіемъ въ его росказняхъ можетъ быть «покореніе Скиѳовъ Савроматами», въ-слѣдствіе котораго имена Скиѳовъ и Скиѳіи почти вовсе затмились именами Сарматовъ и Сармаціи.

Дѣло другое *Страбонъ*. Что онъ знаетъ, то знаетъ хорошо и описываетъ вѣрно, за исключеніемъ очень нерѣдкихъ ошибокъ въ опредѣленіи разстояній, которыя впрочемъ должно отнесть на-счетъ переписчиковъ. Но, зная гораздо лучше Геродота Тавриду и восточные берега Понта и Меотиды, Страбонъ самъ добросовѣстно сознается, что о пространствѣ Европы между Альбисомъ (то-есть нынѣшнею рѣкою Эльбою) и Каспіемъ, о томъ именно пространствѣ, въ которомъ находится Геродотова Скиѳія, онъ рѣшительно ничего достовѣрнаго не знаетъ; что онъ воображаетъ все это пространство только догадочно, по «климатамъ» и «параллелямъ», то-есть по тогдашнимъ географическимъ теоріямъ; что Бастарны, Язиги, Роксоланы, Савроматы и другіе народы, которые, какъ слышно, живутъ къ сѣверу отъ Понта до границъ Германіи, невѣдомо гдѣ и какъ тамъ размѣщаются. Ему не только неизвѣстенъ источникъ Танаиса, о которомъ зналъ уже Геродотъ; самый Танаисъ онъ знаетъ не дальше его устьевъ: ибо, говоритъ онъ, дальше нѣтъ возможности проникнуть, сколько по причинѣ суровости климата, столько и потому, что туземцы-варвары не хотятъ имѣть никакого сообщенія съ иностранцами. Слѣдовательно, заключаетъ отсюда г. Липднеръ, торговля Грековъ съ Сѣверомъ во времена Страбоновы приняла другое направленіе, чѣмъ имѣла при Геродотѣ. Это между-прочимъ могло происхо-

дить и оттого, что здѣсь въ промежутокъ между Геродотомъ и Страбономъ, случились важныя перемѣны въ отношеніяхъ туземцевъ другъ-къ-другу: такъ, по свидѣтельству Страбона, Геты, которые при Геродотѣ жили во Ѳракіи, принуждены были занять мѣстопребыванія Агаѳирсовъ, тѣснимые, кромѣ Скиѳовъ Бастарнами, народомъ вовсе неизвѣстнымъ Геродоту, и Савроматами, которые во время Геродотово обитали на Танаисѣ. Какъ-бы то ни было, только г. Линднеръ удивляется: какимъ образомъ могло случиться, что, послѣ такого откровеннаго сознанія со-стороны Страбона, ученые имѣли духъ исправлять и опровергать имъ Геродота? Если степи, въ которыхъ едва не погибъ Дарій, Страбонъ полагаетъ въ такъ-названной имъ «Пустынѣ Гетовъ» между Дунаемъ и Днѣстромъ: то это ничего не доказываетъ противъ Геродота; это доказываетъ только, что Страбонъ смѣшалъ Геродотовыхъ Ѳиссагетовъ съ современными ему Гетами. У Страбона Ахилловъ-Бѣгъ очевидно есть не что иное, какъ нынѣшняя Кинбурнская-Коса, и прилежащій къ ней заливъ Чернаго-Моря, оканчивающійся у Перекопа и Акмечетской-Бухты, называется Каркинитскимъ; но это опять ничего не доказываетъ въ-отношеніи къ Геродоту: имена Ахиллова-Бѣга и Каркинитиса, въ продолженіе вѣковъ, перешли на другія урочища, или въ-слѣдствіе измѣненія народныхъ сагъ, или даже благодаря умничанью ученыхъ. Страбонъ называетъ Тавровъ народомъ Скіоскимъ: это значитъ только, что понятіе Скиѳовъ для него, также-какъ и для его ближайшихъ предшественниковъ, тѣмъ-болѣе для послѣдователей, не имѣло строго опредѣленнаго этнографическаго значенія. Вообще относительно Скиѳіи, г. Линднеръ благодаренъ Страбону только за то, что онъ, согласно съ Геродотомъ, понимаемымъ какъ слѣдуетъ, ставитъ свою Царевщину и Земледѣльцевъ (Οὖργοι — конечно ошибка переписчиковъ вмѣсто Γεωργοί), не на востокъ отъ Днѣпра, какъ дѣлаютъ нынѣшніе толкователи Геродота, но именно «между Борисѳенесомъ и Истросомъ», между Днѣпромъ и Дунаемъ.

Мела, въ своемъ описаніи «Европейской Скиѳіи», очевидно списывалъ Геродота. Слѣдовательно, не имъ должно исправлять Геродота, а его Геродотомъ. Описаніе Мелы вообще кипитъ ошибками, умышленными и неумышленными. Сказанія Геродотовы о баснословныхъ народахъ, которые самъ Геродотъ выдаетъ какъ сказки, Мела принимаетъ за чистую этнографическую монету. Аримаспы и Исседоны у него превращаются въ Скиѳовъ. Агаѳирсы перемѣщаются съ Мариса, который Геродотъ ведетъ въ Истросъ, на какую-то рѣку Буцесъ (Bu-ces), впадающую въ Меотійское-Озеро. Рѣки Герросъ и Гипакиресъ онъ проводитъ въ заливъ Карцинитскій, при которомъ помѣщаетъ и городъ Карцине (Carcine), безъ-сомнѣнія мѣшая современную географичес-

кую номенклатуру съ воспоминаніями изъ Геродота. Также точно поступаетъ онъ и съ Ахилловымъ-Бѣгомъ. Геродотовы Иврки переименовались у него въ Турковъ: что̀ послужило и служитъ еще поводомъ къ величайшему соблазну историковъ и этнографовъ. Между-тѣмъ, это превращеніе конечно такая-же обмолвка или описка, какъ и непосредственно слѣдующее за тѣмъ превращеніе Геродотовыхъ Аргиппеевъ въ «Аримфеевъ»!

Плинію, пользующемуся огромнымъ авторитетомъ у нынѣшнихъ ученыхъ, г. Линднеръ приписываетъ только ту честь, что онъ больше всѣхъ испортилъ понятія ученыхъ въ-разсужденіи Скиѳіи. Уже самые пламенные ревнители Плинія сознаются, что онъ порядочно темноватъ. Г. Линднеръ говоритъ, что онъ просто бродитъ, какъ слѣпой, по странамъ гдѣ находилась Геродотова Скиѳія. Въ доказательство того г. Линднеръ составилъ по точному, буквальному разумѣнію текста Плиніева, карту сѣверныхъ береговъ морей Чернаго и Азовскаго, которую и приложилъ къ своей книгѣ. Изъ этой карты въ-самомъ-дѣлѣ очевидно, что знаменитый натуралистъ Римскій былъ «очень плохой географъ», какъ замѣтилъ еще Маннертъ. Довольно одной черты, и именно той, что рѣка Гипанисъ, которую всѣ толкователи единогласно признаютъ за нынѣшній «(Южный-)Бугъ», у него перенесена на лѣвую сторону Днѣпра, въ нынѣшнюю губернію Таврическую, и здѣсь онъ заставилъ ее течь совершенно противоположно Днѣпру, съ запада на востокъ, отъ самаго почти лимана (Lacus Borysthenes) въ море Азовское (Sinus Coretum), съ тѣми еще прекурьозными особенностями, что другой рукавъ того-же самаго Гипаниса пущенъ въ Днѣпръ, и потомъ тотъ-же самый Гипанисъ какимъ-то искусственнымъ каналомъ соединяется съ Озеромъ-Бугесъ (Lacus Buges), которое какъ-будто должно быть нынѣшнее Гнилое-Море или Сиваш. Въ такой фантастической рѣшеткѣ Плиній нашелъ еще довольно пространства для помѣщенія рѣкъ Пациріса (Pacyris, очевидно исковерканный Гипакирисъ Геродота), Герроса (Gerrhus) и Пантикапеса (Panticapes), изъ которыхъ первая течетъ у него въ Карцинитскій-Заливъ (Sinus Carcinites) Чернаго-Моря, вторая проведена въ озеро Бугесъ, третья оставлена подъ сомнѣніемъ, либо въ Борисѳенесъ, то-есть въ Днѣпръ, либо въ узорочный Гипанисъ. Сверхъ-того, въ тѣхъ-же клѣткахъ, начерченныхъ фантазіею знаменитаго натуралиста въ совершенно почти безводной степи, помѣщены кромѣ трехъ роковыхъ рѣкъ Геродота, еще двѣ непостижимыя рѣки: Ацезинусъ (Acesinus), впадающій въ Днѣпръ, и Бугесъ (Buges), текущій въ соименное Озеро-Бугесъ. Просто, Плинію не имѣлъ понятія объ описываемыхъ имъ странахъ, и названія, вычитанныя у Геродота, разбросалъ на-удачу, какъ попало! И у него ищутъ наставленія, къ нему ходятъ въ школу, чтобы научиться понимать Геродота!

О *Птолемеѣ* г. *Линдперъ* говоритъ, что это былъ въ полномъ смыслѣ «географическій доктриперъ» древности. Его «Европейская Сарматія» — такъ уже въ то время называлась Геродотова Скиѳія — есть просто призракъ, составленный изъ темныхъ слуховъ и воспоминаній, *a priori*, сообразно съ мудрованіями тогдашней учености, которой горниломъ была Александрія. Стоитъ только перебрать помѣщаемыя имъ здѣсь горы и рѣки. И именно, горы: Певки (τὸ Πευκὴ ὄρος), къ сѣверо-востоку отъ Карпата, стало-быть вокругъ нынѣшняго Львова въ Галиціи (!); Амадокскія (τὰ Ἀμάδοκα ὄρη) между Борисѳенесомъ и западною частью Меотиды, значитъ въ степяхъ, между теперешними Александровскомъ и Маріуполемъ (!!); гора Алаунская (τὸ Ἀλαῦνον ὄρος), на сѣверъ отъ Амадокскихъ, между устьемъ Танаиса и источниками Борисѳенеса, выходитъ гдѣ-нибудь около нынѣшняго Курска (?); гора Будинская (τὸ Βούδινον ὄρος), на западъ отъ Алаунской, изъ подъ-которой выходитъ сѣверный рукавъ Борисѳенеса (??); горы Рипейскія τὰ Ῥιπαῖα ὄρη) у источниковъ Танаиса (???!); наконецъ горы Гиперборейскія, у источниковъ рѣки Ра (ὁ Ῥᾶ), конечно Волги (?!?!?!). Всѣ этѣ горы ясно выдуманы, ради любимой гипотезы Птолемея, что рѣки должны непремѣнно выходить изъ горъ. Теперь о рѣкахъ. Изъ нихъ, меньшія, именуемыя между Дунаемъ и Дономъ, еще туда-сюда. Но самый главный бассейнъ Борисѳенеса, то-есть Днѣпра, есть чудо ученой поэзіи, или вѣрнѣе ученаго бреда. Птолемей даетъ своему Борисѳенесу три различные рукава, или истока. Одинъ изъ нихъ ведетъ онъ съ юго-запада, изъ подъ-горы Певки, слѣдовательно изъ Галиціи, и заставляетъ соединяться съ главною трубою при Ольвіи. Другой начинается будто на равнинѣ, течетъ къ востоку и гдѣ-то на сѣверѣ сливается съ главнымъ Борисѳенесомъ. Третій, настоящій Борисѳенесъ, выходитъ изъ-подъ мнимой горы Будинской и, изливаясь почти въ прямомъ направленіи съ сѣвера на югъ, впадаетъ въ Понтъ недалеко отъ Ольвіи. Явно, что первый, западный, рукавъ означаетъ у Александрійскаго ученаго нынѣшній Бугъ (–Южный); Гипанисъ, который обыкновенно пріурочиваютъ къ этой рѣкѣ, Птолемей, подобно Плинію, переноситъ на востокъ отъ Днѣпра и заставляетъ течь прямо въ Черное-Море. Подъ среднимъ рукавомъ имѣющимъ направленіе къ востоку, не разумѣлъ-ли онъ нынѣшней Припети, одного изъ главнѣйшихъ притоковъ Днѣпровскихъ? Во всякомъ случаѣ, довольно этой картины Днѣпра, чтобъ видѣть, какъ можно полагаться на показанія знаменитаго географа. И нынѣшніе ученые думаютъ имъ объяснять и поправлять Геродота! Къ довершенію хаоса, во всѣхъ дошедшихъ до насъ манускриптахъ Птолемея, какъ самый текстъ, такъ въ-особенности опредѣленія разстояній, означенія градусовъ широты и долготы, на точность которыхъ и безъ-

того трудно-бъ было полагаться безусловно, перепорчены невѣжествомъ и небрежностью переписчиковъ до невозможности добиться какого-бы то ни было толку. Нынѣшніе ученые пролили надъ ними столько пота, истощили столько трудолюбія и остроумія; и только-что больше затмили ясный, вѣрный образъ Скиѳіи, какъ онъ былъ начертанъ Геродотомъ!

Заключеніе. Не Геродота надо объяснять и исправлять позднѣйшими географами, Греческими и Римскими, а ихъ — Геродотомъ!

VII.

Скиѳы, которыхъ не только жилища, но и нравы, и даже отчасти исторія, описаны для насъ «отцемъ исторіи», обыкновенно считаются народомъ давно исчезнувшимъ. Но неуже-ли они въ-самомъ-дѣлѣ такъ исчезли, что не осталось отъ нихъ никакого слѣда?

Ученые производили отъ Скиѳовъ самыя разнороднѣйшія племена: Халдеевъ, Турковъ, Монголовъ, такъ-называемыхъ Татаръ, Германцевъ, Финновъ и Славянъ.

Чтобы не затеряться въ этомъ хаосѣ мнѣній, г. Линднеръ крѣпко держится въ томъ опредѣленномъ кругѣ этнографическаго значенія, который соединяется съ именемъ «Скиѳовъ» у Геродота. За «Скиѳовъ» онъ признаетъ только, единственно и исключительно:

1. *Сколотовъ*, или собственно *Скиѳовъ*, жившихъ между Дунаемъ и Днѣпромъ;

2. *Савроматовъ*, обитавшихъ между Днѣпромъ и Донцемъ;

3. *Будиновъ*, жившихъ тамъ-же, къ сѣверу отъ Савроматовъ;

4. *Агаѳирсовъ*, обитателей нынѣшней Трансильваніи;

5. *Саковъ*, которые, при Геродотѣ, жили на востокѣ Каспійскаго-Моря.

Всѣ прочіе, упоминаемые Геродотомъ при описаніи Скиѳіи, народы — *Ѳраки*, *Тавры*, *Алазоны*, *Невры*, *Смурые-Кафтаны*, *Людоѣды*, *Ѳиссагеты* и *Иверки* — были сосѣды Скиѳамъ но отнюдь «не Скиѳы».

Еще менѣе имѣли сродства съ Скиѳами отдаленные *Аргиппеи* и *Исседоны*. Геродотъ различаетъ также и *Массагетовъ* отъ Скиѳовъ.

Начертавъ такимъ-образомъ строгія границы имени «Скиѳовъ», г. Линднеръ начинаетъ доискиваться: къ какому изъ нынѣ существующихъ племенъ можно причесть въ родство народы, которые Геродотъ выдаетъ за Скиѳскіе?

Многіе знаменитые ученые, особливо изъ новѣйшихъ, причисляютъ «Скиѳовъ» положительно къ племени такъ-называемому *Монголу-Турецкому* или *Монголо-Татарскому*. Г. Линднеръ ниспровергаетъ это мнѣніе разъисканіями Клапрота, изъ которыхъ открывается, что предки племени Монголо-Турецко-Татарскаго, извѣстные издревле Китайцамъ подъ именемъ «Гюнг-ну», во

времена Геродота жили во глубинѣ Средней-Азіи, между источниками съ одной стороны Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, съ другой Амура, слѣдовательно на 35 градусовъ долготы, или на 500 географическихъ миль, къ сѣверо-востоку отъ Геродотовой Скиѳіи. Движеніе «Гюнг-ну» на западъ, къ Каспійскому-Морю, началось не прежде III вѣка по Р. Х., какъ доказалъ тотъ-же Клапротъ изъ китайскихъ источниковъ. Послѣ того, говоритъ г. *Линднеръ*, производить Геродотовыхъ Скиѳовъ отъ Монголовъ, Турковъ, или Татаръ, значитъ совершать тяжкій грѣхъ «хулы противъ духа исторіи». И въ этомъ грѣхѣ онъ съ жаромъ изобличаетъ во-первыхъ извѣстнаго Гаммера, во-вторыхъ знаменитаго Нибура. О Гаммерѣ г. Линднеръ говоритъ, что онъ превзошелъ всякую мѣру позволительнаго заблужденія. Серьозно признаетъ онъ Ѳоргаму Св. Писанія за родоначальника Турковъ! Область Турковъ означалась у древнихъ Парсовъ именемъ Турана! Таргитаосъ, родоначальникъ Скиѳовъ, у Геродота очевидно не иное что, какъ Турокъ! Геродотовы Турки — уже нечего и разсуждать — прямые Иврки, какъ дѣйствительно зовутъ ихъ Мела и Плиній! Вмѣсто Скиѳовъ-Амургіевъ (Σκύθας Ἀμουργίους), которые, по Геродоту, жили на востокѣ Каспійскаго-Моря и назывались собственно Саками, должно читать «Скиѳовъ-Тургіевъ» то-есть Турковъ! Наконецъ — блистательнѣйшій образецъ логики знаменитаго гоф-дольмечера — Скиѳы одинъ народъ съ Саками; а Саки то-же что Сокалибъ, оріентальное имя Славянъ: слѣдовательно, Скиѳы были Турки! Съ Нибуромъ г. Линднеръ состязается по поводу описанія физіономіи Скиѳовъ, оставленнаго почти современникомъ Геродота, знаменитымъ Гиппократомъ: описанія, въ которомъ Нибуръ видитъ портретъ донынѣ сохраняющейся физіономіи племени Монголо-Турко-Татарскаго. Но физіономію эту, говоритъ г. Линднеръ, самъ Гиппократъ выдаетъ не за національный типъ племени Скиѳскаго, а за слѣдствіе «климата». Какое-жь заключеніе можно выводить отсюда о происхожденіи Скиѳовъ? Притомъ Нибуръ очевидно противорѣчитъ себѣ, принимая Скиѳовъ за Монголовъ, а Сарматовъ или Савроматовъ за Славянъ. У Геродота оба эти народа выставляются сродными между-собою. Коротко сказать: производить Геродотовыхъ Скиѳовъ отъ Монголовъ, Турковъ, или Татаръ, значитъ запутываться въ неразрѣшимыя противорѣчія съ географіею и хронологіею; есть то-же почти, что производить древнихъ Роксоланъ отъ нынѣшнихъ Ирокезовъ!

Были попытки причитать Скиѳовъ въ родство нынѣшнему сѣверно-европейскому племени, извѣстному подъ именемъ «*Финскаго*», или «*Чудскаго*», или, какъ придумалъ Клапротъ, «*Уральскаго*». Это началось во-первыхъ съ Байэра. Г. Линднеръ не прочь отъ того, что Геродотовы Ѳиссагеты и Иврки, равно-какъ Аргиппеи и Исседоны,

могли точно принадлежать къ этому племени, которое издревле должно было обитать на востокѣ нынѣшней Европы, между Каспіемъ и Сѣвернымъ-Океаномъ: Ивковъ даже онъ считаетъ предками Югровъ, то-есть нынѣшнихъ Вогуловъ и Остяковъ-Обскихъ. Но у Геродота Скиѳы рѣзко отличаются и отъ Ивковъ, и отъ Ѳиссагетовъ, и тѣмъ-болѣе отъ Аргиппеевъ и Исседоновъ. Безъ-сомнѣнія, къ томужь племени принадлежали, являвшіеся въ-послѣдствіи на мѣстѣ Скиѳовъ, Гунны, Булгары, Авары, Хазары, Куманы, наконецъ Мадяры. Но это пришельцы позднѣйшіе. Если даже упоминаемые Страбономъ, со словъ Эратосѳена, «Уитіи» (Οὐίτιοι), были то-же, что «Унны» (Οὖννοι) Діонисія Періигета и «Хуны» (Χοῦνοι) Птолемея, то и тогда появленіе ихъ въ сосѣдствѣ Скиѳовъ, съ востока, не восходитъ дальше II вѣка до Р. Х., слѣдовательно гораздо позже Геродота. Притомъ, всѣ позднѣйшіе Греки постоянно различаютъ этихъ Уитіевъ, Уновъ и Хуновъ, какъ отъ Скиѳовъ, такъ и отъ Сарматовъ. Скиѳы слѣдовательно не принадлежали, не могли принадлежать къ племени Чудскому, или Уральскому.

Остается теперь одно племя, такъ-называемое *Индо-Германское*, также издревле туземное на юго-западѣ Европы, какъ племя Урало-Чудское на сѣверо-востокѣ. Въ этомъ обширномъ и разнообразномъ племени г. Линднеръ различаетъ *три* главныя поколѣнія: *Ѳракійское*, съ вѣтвями Эллинскою, Цельтическою и Романскою; *Германское*, съ подраздѣленіями собственно Дайчскимъ или Тевтоническимъ и Скандинавскимъ; наконецъ *Славянское*, со всѣми своими отраслями. Къ какому-жь изъ этихъ трехъ поколѣній могли принадлежать Геродотовы «Скиѳы»?

Конечно не къ *Ѳракійскому*. Геродотъ весьма положительно говоритъ, что Ѳраки не Скиѳы. То-же самое подтверждаетъ онъ и въ-частности о Цельтахъ, не говоря уже объ Эллинахъ.

Германцевъ никто изъ древнихъ не причислялъ въ родство къ Скиѳамъ, ни даже къ Сарматамъ. Съ самыхъ первыхъ временъ своего появленія на поприщѣ исторіи, народы поколѣнія Германскаго являются съ характеристическими чертами, которыя ихъ существенно отличаютъ отъ Скиѳовъ. Стоитъ только сравнить описаніе Скиѳовъ у Геродота, и описаніе Германцевъ у Юлія-Цезаря и у Тацита. Страбонъ, говоря о Бастарнахъ, народѣ Германскомъ въ сосѣдствѣ Сарматовъ, строго отличаетъ ихъ отъ Скиѳовъ. Въ-послѣдствіи, когда Германцы и Сарматы, въ своихъ странствованіяхъ по Европѣ, безпрестанно сталкивались и подвертывались другъ-подъ-друга, оба поколѣнія всегда различаются, никогда не смѣшиваются между-собою. Даже когда случалось имъ дѣйствительно сбиваться въ одну орду, то такая смѣсь и называлась смѣшаннымъ именемъ, указывающимъ на разнородность происхожденія и состава,

какъ на-примѣръ «Сармато-Готеы» у Византійцевъ. *Явно*, что Германцы не были Скиѳы.

Остаются — одни *Славяне!*

Сродство Славянъ съ «Сарматами» признается единогласно всѣми именитыми испытателями и знатоками исторіи и древностей. Сарматы, извѣстно, передѣланы позднѣйшими географами изъ «Савроматовъ». Савроматы, у Геродота, имѣютъ одно происхожденіе, говорятъ однимъ языкомъ съ «Скиѳами».

Къ-сожалѣнію, слишкомъ мало дошло до насъ образчиковъ языка древнихъ Скиѳовъ: и тѣ состоятъ изъ отрывочныхъ, одинокихъ словъ, разумѣется еще обезображенныхъ произношеніемъ Грековъ. Впрочемъ, самое имя «Сколоты» (Σκολότοι), которымъ Скиѳы называли сами себя, имѣетъ давно замѣченное сходство съ именемъ «Эсклавоновъ», «Склабовъ», «Славовъ». Окончанія именъ трехъ сыновей Таргитаоса у Геродота, всѣ три на «ις» — Λειπόξα-ις, Ἀρπόξα-ις, Κολάξα-ις — не передѣланы-ли Греками изъ славянскихъ «ичъ» или «ачъ»? Назывался-же Κόλαξ-ις, у Византійцевъ, нынѣшній городъ «Галачъ» или «Галацъ» въ Молдавіи! Конечно, звуки не доказательство; но если они звучатъ согласно съ другими историческими доводами, то ими пренебрегать не слѣдуетъ.

Коротко сказать: г. Линднеръ признаетъ Геродотовыхъ «Скиѳовъ» за предковъ нынѣшнихъ «Славянъ». Настоящее соединеніе Сѣвернаго-Черноморья съ Россіею онъ объявляетъ торжественно «возвращеніемъ Славянъ въ свою древнюю прародину»: видитъ здѣсь необходимое всемірно-историческое событіе, «великую реакцію Европы противъ насильственнаго вторженія Азіи», подобно-какъ Французская-Революція была реакціею Галловъ противъ насильственнаго преобладанія Франковъ, или Реформація была реакціею христіанства противъ Папства. И вотъ какъ заключаетъ онъ свою чрезвычайно любопытную книгу:

«Уже величайшій изъ народовъ Славянскихъ владѣетъ древнею Скиѳіею. Если удастся ему выгнать изъ Европы Турковъ, этихъ насильственно вторгнувшихся, Азіятскихъ иноплеменниковъ, и поколѣнію Ѳракійско-Эллинскому возвратить опять его отчизну; то это будетъ одна изъ тѣхъ реакцій, которыя часто, послѣ долгаго усыпленія, причиняли пробужденіе древнихъ народовъ, и которыя всемірно-исторически споспѣшествуютъ сообразному съ природою, единственно вѣрному развитію жизни націй.»

Н. НАДЕЖДИНЪ.

д. ч. о.

PÉRIPLE DE MARCIEN D'HÉRACLÉE, Épitome d'Artémidore, Isidore de Charax, etc. ou Supplément aux dernières éditions des petits géographes d'après un manuscrit grec de la Bibliothèque royale, avec une carte, par *E. Miller*. Paris. Imprimerie royale, 1839, XXIV et 363 p. in 8°. Периплъ Марціяна Гераклейскаго, Epitome Артемидора, Изидоръ Харакскій, и пр. или Дополненіе къ послѣднимъ изданіямъ Малыхъ Географовъ, сдѣланное по манускрипту, находящемуся въ королевской библіотекѣ. Е. *Миллера*. Съ картою. Парижъ. Въ королевской типографіи. 1839, въ 8°, XXIV in 363 стр.

FRAGMENTS des poémes géographiques de Scymnus de Chio et du faux Dicéarque, restitués principalement d'après un manuscrit de la Bibliothèque royale, par M. *Letronne*. Paris. Librairie de Gide. 1840, XIII et 455 p. in 8°. Отрывки изъ географическихъ поэмъ Скимна Хіосскаго и ложнаго Дицеарха, возстановленные главнѣйше по рукописи, имѣющейся въ королевской библіотекѣ, М. *Летроннемъ*. Парижъ. Въ типографіи Жида. 1840, въ 8°, XIII и 455 стр.

Если такъ–называемые «Малые Географы» и въ томъ неполномъ, отрывчатомъ видѣ, какъ дошли до насъ, считаются уже важнѣйшимъ источникомъ для изученія древней Географіи, при бо́льшей-же полнотѣ могли-бы разрѣшить безчисленныя сомнѣнія, невольно раждающіяся въ отношеніи разныхъ пунктовъ; то какъ не радоваться, какъ не благодарить случай, который въ недавнее время помогъ, извѣстный донынѣ текстъ, не только весьма во многихъ мѣстахъ исправить, но въ нѣкоторыхъ даже и пополнить. Такимъ счастливымъ открытіемъ обязаны мы труду молодаго французскаго эллениста г. Миллера, который служа въ Парижской Библіотекѣ по отдѣленію рукописей, воспользовался этимъ, чтобы обнародовать находящуюся въ ней, до-сихъ-поръ оставленную всѣми безъ вниманія, рукопись «Малыхъ Географовъ». Этимъ обнародованіемъ подалъ онъ поводъ столь много уважаемому Филологу Летронну помѣстить въ «Journal des Savants» съ Апрѣля по Іюль мѣсяцъ 1839, нѣсколько весьма замѣчательныхъ статей, а въ слѣдующемъ году издать и особую книгу о томъ-же предметѣ. Но какъ обѣ книги, Г. Миллера и Г. Летронна, которыхъ заглавія поставлены выше, взаимно одна другую пополняютъ, и взятыя вмѣстѣ составляютъ отдѣльное цѣлое, то конечно никому не покажется страннымъ, что мы извѣщеніе о нихъ и взглядъ на ихъ содержаніе соединяемъ въ одну статью. При этомъ мы пользуемся случаемъ показать читателямъ, что собственно заключаютъ онѣ

любопытнаго и полезнаго въ отношеніи къ нашимъ странамъ. Но прежде всего поспѣшимъ замѣтить, что рукопись, которой открытіе и обнародованіе принесло столь существенную услугу Греческой литературѣ, пріобрѣтена Королевскою Парижскою Библіотекою, только въ 1837 году, при покупкѣ книгъ Герцогини Беррійской, но и къ этимъ собственно она не принадлежала, а находилась въ числѣ тѣхъ, которыя Маркизъ Розамбо присовокупилъ изъ своей собственной библіотеки къ книгамъ купленнымъ въ томъ-же году Французскимъ правительствомъ. Рукопись, о которой говорится, принадлежала прежде фамиліи Пелетьѣ Розамбо и досталась ей по случаю женитьбы Людовика Пеллетьѣ на дѣвицѣ Маріи Эшассье, которая, какъ правнука Петра Питу и праправнука Франца Питу, принесла за собою въ приданое литературныя сокровища ихъ обоихъ. Вотъ причины почему у Летронна рукопись эта, по справедливости, называется просто «Манускриптомъ Питу» (le manuscrit de Pithou). Она состоитъ изъ одного тома въ малую четвертку, писана на пергаминѣ, заключаетъ 143 страницы и на своемъ теперешнемъ мѣстѣ извѣстна подъ нумеромъ 443. Въ ней содержатся: 1) «Периплъ *Марціана Гераклейскаго*» въ двухъ книгахъ, объ неполныя; 2) «отрывочныя Epitome того-же *Марціана*» изъ одинадцати книгъ Артемидора Ефесскаго, 3) «Периплъ *Скилакса*», 4) «Mansiones Parthicæ *Исидора Харакскаго*», 5) «Отрывки въ прозѣ и стихахъ *Дикеарха*», наконецъ 6) 741 стихъ *Скимна Хіосскаго*». Г. Миллеръ въ изданіи своемъ не обнародовалъ всѣхъ этихъ сочиненій вполнѣ, но предполагая, что изданіе «Малыхъ Географовъ» Гайля (Оксфордъ 1826–1831) находится въ рукахъ каждаго, напечаталъ вполнѣ только тѣ статьи, которыхъ еще не было въ семъ послѣднемъ изданіи, а изъ находящихся въ немъ помѣстилъ однѣ только варіанты. Въ трехъ томахъ «Малыхъ–Географовъ», изданныхъ Гайлемъ находятся: «Периплы: *Скилакса*, *Дикеарха*, *Скимна Хіосскаго*», «Stadiasmos Средиземнаго-Моря», «Периплъ *Арріана*» и «два Периплa Понта Евксинскаго *Безъименныхъ*». А потому въ книгѣ Миллера отпечатаны вполнѣ только: 1) «Периплъ *Марціана Гераклейскаго*» въ двухъ книгахъ, объ неполныя, съ прибавленіемъ Латинскаго перевода. 2) «Отрывокъ извлеченія изъ одинадцати книгъ *Артемидора Ефесскаго*», также съ прибавленіемъ Латинскаго перевода. За-тѣмъ слѣдуютъ примѣчанія издателя, прежде къ обѣимъ книгамъ Марціана, а послѣ къ Артемидору. Далѣе помѣщены: 3) «Варіанты къ Периплу *Скилакса*», которому какъ уже сказано, полагается въ основаніе изданіе Гайля (Tom. I) какъ общеизвѣстное. Издатель присоединяетъ къ нимъ свои критическія и изъяснительныя примѣчанія. 4) «Σταδμοὶ παρθικοί *Исидора Харакскаго*», въ которомъ къ Греческому тексту прибавленъ внизу подстрочный Латинскій переводъ. Въ «Дополненіи»

содержатся примѣчанія издателя къ Изидору. 5) «Варіанты изъ *Дицеарха*», равнымъ образомъ съ ссылкою на изданіе Гайля (T. II, p. 107), перемѣшанныя съ примѣчаніями г. Миллера. 6) Такимъ-же образомъ поступлено со «*Скимномъ Хіосскимъ*». Наконецъ 7) въ заключеніе слѣдуютъ еще «два неизданные отрывка», относящіеся къ древней географіи и почерпнутые изъ Кодекса № 39. Они содержатъ исчисленныя въ стадіяхъ измѣренія пространства значительнѣйшихъ острововъ Европы, и равнымъ образомъ сопровождаются замѣчаніями г. Миллера и таблицею служащею къ легчайшему обозрѣнію. Послѣ подробнѣйшаго и отчетливаго реестра словъ и именъ въ книгѣ заключающихся, слѣдуетъ наконецъ карта, составленная полковникомъ Лапи, на которой означены мѣста, упоминаемыя Марціаномъ и Изидоромъ.

Обратимся теперь къ книгѣ г. Летронна. Она можетъ быть названа дополненіемъ къ труду г. Миллера. Повторивъ почти слововъ-слово, за исключеніемъ нѣкоторыхъ перестановокъ въ порядкѣ, свою уже напечатанную въ «Journal des Savants» критику, сочинитель представляетъ: 1) «περιήγησις *Скимна Хіосскаго*» вполнѣ, такъ-какъ и «Отрывки изъ того-же автора», и то и другое съ прибавленіемъ Латинскаго перевода, и 2) «*Дицеархово* описаніе Греціи», равнымъ образомъ съ подстрочнымъ Латинскимъ переводомъ. Послѣ «географическаго и историческаго указателя», книга заключается «Прибавленіями къ тексту *Скимна* и *Дицеарха*», которыя должны быть почитаемы дополненіемъ къ изложенному на стр. 52–160. Вотъ все, что можно сказать вообще о внутреннемъ расположеніи обѣихъ весьма достопримѣчательныхъ книгъ, составляющихъ въ сущности не что иное какъ двѣ части одного цѣлаго.

Познакомивъ съ нимъ бѣгло читателей, мы возвращаемся къ рукописи. Она, по замѣчаніямъ Летронна, подтвержденнымъ весьма убѣдительными доказательствами, принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ документовъ. Этотъ ученый несомнительнымъ образомъ выводитъ (Journal des Savants pag. 236–244) что «Рукопись Питу» была основою покрайней-мѣрѣ для четырехъ первыхъ, взятыхъ изъ этого кодекса сочиненій. Они суть: «Периплъ *Марціана*», «Epitome *Артемидора*», «Периплъ *Скилакса*» и «Периплъ *Скимна Хіосскаго*.» Главнымъ доказательствомъ мнѣнія, что эта рукопись есть та самая, изъ которой заимствовались всѣ бывшія доселѣ изданія текста этихъ четырехъ сочиненій, есть то, что всѣ встрѣчающіеся въ нихъ пропуски находятся именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ «Рукописи Питу» или неполны или такъ обезображены временемъ, что и съ помощью химическаго процесса можно разобрать только одни несвязныя слова. Это замѣчаніе получаетъ еще болѣе важности когда вспомнимъ, что *Давидъ Гершель* въ своемъ изданіи «Малыхъ Географовъ» (появившемся

въ 1600 году), гдѣ напечатаны въ первый разъ: «Периплы *Скимна* и *Марціана Гераклейскаго*», «Epitome *Артемидора*», «Периплъ *Скилакса*» и «σταθμοὶ παρθικοὶ *Исидора Характскаго*», а во второй «Отрывки *Дицеарха*» (послѣдніе были уже прежде изданы въ 1589 Генрихомъ Стефаномъ), заимствовалъ текстъ этихъ четырехъ сочиненій изъ доступныхъ ему копій снятыхъ съ «Кодекса Питу», и что слѣдовательно всѣ варіанты въ позднѣйшихъ изданіяхъ, поколику онѣ происходятъ отъ копій съ этой рукописи, должны быть отнесены къ тому-же источнику. Посему такъ-какъ существованіе «Кодекса Питу» донынѣ было неизвѣстно, открытіе и опубликованіе его есть не что иное, какъ обнародованіе той рукописи, которую должно почитать основою и единственнымъ источникомъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ изданій. Очевидно, что черезъ то многія ошибки вкравшіяся въ копіи этого кодекса исправятся и многія догадки позднѣйшихъ издателей утвердятся или вовсе отвергнутся. Теперь по-крайнемѣрѣ для всякаго возможно сличеніе и свѣрка съ подлиннымъ кодексомъ. Изъ этого ясно, сколь существенна заслуга гг. Миллера и Легронна. Она состоитъ въ доставленіи возможности приблизиться къ первоначальному тексту и возстановить его, сколько позволяютъ открытые способы, въ возможной правильности.

Намъ нельзя ни входить здѣсь въ подробное изложеніе всѣхъ варіантъ представляемыхъ «Кодексамъ Питу», ни въ частности доказывать, какого предпочтенія, безъ всякаго противорѣчія, заслуживаетъ употребляемое въ немъ чтеніе передъ многими позднѣйшими. Итакъ считаемъ сообразнѣйшимъ съ цѣлью нашей статьи, ограничиться показаніемъ важности новаго открытія относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ говорится о нашихъ странахъ. Вотъ эти мѣста:

Marciani Heracleotae lib. II. pag. 54 ed. Hudson, pag. 97 ed. Miller. Въ первомъ-же періодѣ, гдѣ ближе опредѣляются границы Сармаціи находитъ подтвержденіе догадка, что̀ должно значить κατὰ τὸν Οὐενεδικὸν κόλπον вмѣсто непонятнаго Ἰνδικόν, встрѣчаемаго въ изданіи Гудсона. Правда, по соображенію съ Птолемеемъ, слово Ἰνδικόν и прежде уже перемѣнено было въ Οὐενεδικόν, какъ-то видно изъ Латинскаго перевода у Гудсона, однако, чтобы эту важную догадку принять и въ текстъ, требовалось еще особеннаго авторитета, и этотъ авторитетъ представляетъ намъ «Кодексъ Питу». Подобная ошибка есть и въ концѣ этой главы, гдѣ Гудсонъ стран. 56 строк. 31 прочелъ Οὐενδικόν вмѣсто Οὐενεδικόν.

При опредѣленіи восточныхъ предѣловъ Скиѳіи, до-сихъ-поръ довольствовались мнѣніемъ, что граница идетъ отъ перешейка вдоль болота Вусе и части озера Меотійскаго до рѣки Танаиса и неизвѣстной страны, но чрезъ «Кодексъ Питу» границы этѣ получаютъ большую опредѣлительность: пото-

му-что послѣ словъ μέχρι τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ слѣдуетъ вписать еще слѣдующія: καὶ ἐφεξῆς αὐτῷ Τανάϊδι ποταμῷ, καὶ ἔτι τῷ ἀπὸ τῆς γῆς τοῦ Τανάϊδος ποταμοῦ. Они остались пропущенными по невнимательности писца, который перескочивъ черезъ одну строку продолжалъ съ слова ποταμοῦ, встрѣтившагося случайно во второй разъ. А эти пропущенныя слова не безъ значенія, показывая, что теченіе Танаиса не составляло настоящей границы, которою была страна лежащая при немъ къ сѣверу. Изъ этого открывается, что автору былъ весьма хорошо извѣстенъ не одинъ Танаисъ, но и часть лежащей при немъ на сѣверѣ земли, и что уже за нею, конечно безъ опредѣленія гдѣ именно, беретъ свое начало неизвѣстная земля (ἡ ἄγνωστος).

Догадка *Гудсона* стр. 55 строк. 22, что слѣдуетъ читать οὐ ῥᾳδίως вмѣсто находящагося въ рукописи ἢ ῥᾳδίως вполнѣ подтверждается, а равно и то, что предположенное Гудсономъ стр. 55 строк. 54 Οὐενεδικὸν κόλπον вмѣсто до сихъ поръ обыкновеннаго въ изданіяхъ Οὐελικὸν κόλπον должно быть признано настоящимъ чтеніемъ. Къ этой догадкѣ вело уже безъ затрудненія выше испорченное Ινδικόν вмѣсто Οὐενεδικὸν κόλπον.

У Гудсона находимъ мы на стр. 56 стр. 9 παροικοῦσι τὴν Χέσυνον ποταμὸν οἱ Ἀγαθυρσοί, однакоже это послѣднее имя испорчено изъ Ἀγαθυρσοί. Эти Ἀγαθυρσοί, о которыхъ первый упоминаетъ Геродотъ (IV. 48. 100. 104), а за нимъ весьма часто многіе другіе, попадаются въ различныхъ странахъ Европейской Сармаціи и называются Виргиліемъ (Aen. IV. 146) picti, потому что Мела (II. 1, 10) разказываетъ о нихъ, будто они расписывали себѣ кожу (см. Plin. H. N. IV. 26). О мѣстѣ ихъ жительства Мела согласуется съ Марціаномъ.

Рѣка, которую Гудсонъ стр. 56 строк. 1 и 16 называетъ Ῥύδων именуется въ «Кодексѣ Питу» Ῥούβων. Частая перемѣна подобныхъ буквъ (mutae) дѣлаетъ ошибку писца понятною.

У Гудсона читаемъ мы стран. 56 строк. 19 Ἀλανῶν Σαρμάτων ἔθνος и это, такъ-какъ и Птолемей упоминаетъ о народѣ Ἀλαύνων Σκυθών, по «Кодексу Питу» должно перемѣнить въ Ἀλαύνων Σαρμάτων, такъ-какъ и гора изъ которой вытекаетъ Рубонъ называется не Ἀλάνον ὄρος (Гудсонъ пишетъ стр. 56 строк. 17 Ἀλάνου ὄρους), но, какъ называетъ Марціанъ, Ἀλαύνον ὄρος.

Вокругъ Борисѳенеса живутъ не Χοανοί, какъ читаетъ Гудсонъ стр. 56 стр. 24, но скорѣе Χουνοί, и это названіе народа согласно и съ показаніемъ Птолемея.

П. БЕККЕРЪ.

д. ч. о.

Ueber die Bedeutung des schwarzen Meeres für den Handel und Verkehr der alten Welt. (Rede, gehalten am Krönungsfeste Sr. Kaiserlichen Majestät am 22 August 1842, im Hörsaale der Kaiserlichen Universität Dorpat, von Dr. Ludwig Preller. Dorpat, bei Heinrich Laakmann, 1843; in 8°, 46 Seiten. О значеніи Чернаго-Моря для торговли и промышленности древняго міра. (Рѣчь, произнесенная въ день коронаціи Его Императорскаго Величества 22 Августа 1842 года, въ аудиторіи Императорскаго Дерптскаго Университета, докторомъ *Людвигомъ Прелле-ромъ*). Дерптъ. Въ типографіи Гейприха Лаакмана. 1842. въ 8°. 46 стр.

Рѣчь, произнесенная г. профессоромъ Преллеромъ въ торжественномъ собраніи Дерптскаго университета, по самому предмету своему, находится въ тѣсной связи съ занятіями нашего Общества, и мы тѣмъ охотнѣе указываемъ на это небольшое сочиненіе, что оно представляетъ ясный и, какъ намъ кажется, вѣрный очеркъ объема и характера Черноморской торговли въ продолженіе того времени, когда весь берегъ былъ усѣянъ Греческими поселеніями и по этому самому находился на высотѣ современнаго просвѣщенія. Къ сему періоду мысли наши переносятся по неволѣ, когда мы взираемъ на возрожденіе Новороссійскаго-Края, такъ-сказать предъ нашими глазами совершившееся. Если-же къ тому припомнимъ, что благотворная перемѣна эта тогда, какъ и нынѣ, преимущественно была слѣдствіемъ процвѣтанія внѣшней торговли, то всѣ изслѣдованія, касающіяся этой отрасли промышленности, не могутъ не возбудить въ насъ особеннаго интереса.

Послѣ обозрѣнія тѣхъ именно городовъ, которые въ древности были главными центрами торговой дѣятельности Черноморскаго края, авторъ переходитъ къ трудностямъ и опасностямъ, сопряженнымъ съ развитіемъ внѣшней его торговли; за-тѣмъ излагаетъ выгоды, побудившія предпріимчивыхъ Еллиновъ къ преодолѣнію этихъ препятствій, и оканчиваетъ рѣчь свою взглядомъ на объемъ и главныя направленія Понтійской торговли, равно какъ на основывающуюся на этомъ всемірноисторическую ея важность. Согласно съ этими различными направленіями берега Азіятскій и Европейскій разсматриваются не только отдѣльно, но еще на каждомъ берегѣ отличаются группы городовъ, лежащихъ болѣе къ востоку отъ группы западныхъ.

Мы не будемъ ни останавливаться на

замѣчаніяхъ г. Профессора о важности и различномъ характерѣ торговыхъ сношеній каждой группы, ни входить въ какія нибудь дальнѣйшія объясненія содержанія рѣчи. Назначенная къ произнесенію передъ публикою, она конечно не могла исчерпать предмета, а заключаетъ въ себѣ болѣе намеки и указанія, которые лучше прочесть въ подлинникѣ, нежели въ сухомъ извлеченіи.

Ф. БРУНЪ.
д. ч. о.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЧРЕЗЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ, КРЫМЪ И ОДЕССУ, въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ, въ 1836 и 1837 годахъ. *Н. С. Всеволожскаго.* Томъ первый. Москва, въ типографіи А. Семена, въ 8°, стр. 495. 1839.

Г. Всеволожскій, предпринимая длинное странствованіе, простиравшееся, какъ видно изъ заглавія разсматриваемой книги, на всѣ три части Стараго-Материка, проѣздомъ посѣтилъ и обозрѣлъ значительное пространство Новороссійскаго-Края. Онъ въѣхалъ въ него изъ Харькова чрезъ Новомосковскъ и Екатеринославъ. Отсюда, чрезъ Никополь, Берславъ и Перекопъ, проѣхалъ въ Крымъ. Здѣсь, изъ Симферополя, долиною Салгира, не забывъ посѣтить замѣчательной пещеры Кизиль-Коба, черезъ Таушанъ-Базаръ, подъ навѣсомъ Чатырь-Дага, переѣхалъ на Южный-Берегъ, который и обозрѣлъ въ живописнѣйшей его части, отъ Алушты до Симеиса. Потомъ сѣлъ на пароходъ въ Ялтѣ, и уже моремъ достигъ Одессы, откуда также моремъ отправился въ Константинополь.

Описанію видѣнныхъ имъ частей Новороссійскаго-Края, г. Всеволожскій посвятилъ три первыя главы перваго тома своего «Путешествія» (с. 13-101). Свѣтскій остроумный наблюдатель и любезный раскащикъ, онъ не пускается въ тяжелыя ученыя изслѣдованія, довольствуясь бѣглыми взглядами туриста на прекраєную природу Русской Италіи, и въ-особенности на здѣшнее общество, которое нашло въ г. Всеволожскомъ гостя, признательнаго за оказанныя ему ласки. Впрочемъ иногда, мимоходомъ, сообщаетъ онъ и нѣкоторыя статистическія извѣстія, историческія преданія, даже археологическія догадки.

Самая важная изъ археологическихъ догадокъ, схваченныхъ и брошенныхъ налету нашимъ путешественникомъ, касается «кургановъ», этихъ неизъяснимыхъ до-

сихъ-поръ гіероглифовъ Южной-Россіи. Вотъ что пишетъ г. Всеволожскій о «курганахъ» степей Екатеринославской, Херсонской и Крымской:

«Многіе писатели предполагаютъ, что они» — то-есть «курганы» означенныхъ степей — «подобно Керченскимъ, и тѣмъ, которые не рѣдко находятся въ Малой-Азіи (?), не что иное какъ надгробныя насыпи; другіе принимаютъ ихъ за сторожевые маяки: это между прочимъ мнѣніе герцога Рагузскаго, высказанное имъ въ послѣднемъ его «Путешествіи» по Полуденной-Россіи. Но *я ни съ тѣмъ ни съ другимъ мнѣніемъ согласиться не могу.* По повелѣнію князя Потемкина, и послѣ него, нѣкоторыми любопытствующими, разрываемо было нѣсколько кургановъ; даже иные были прорыты насквозь крестообразно; но ни въ одномъ не найдено никакихъ гробницъ, и ниже слѣдовъ чего-нибудь тутъ зарытаго: ни костей, ни пепла, ни малѣйшаго признака кладбищей. Замѣтьте потомъ *неизмѣняемое, единообразное расположеніе* этихъ кургановъ, именно *по три: два почти рядомъ, а третій составляетъ съ ними треугольникъ. Одинъ* изъ трехъ, и именно *изъ двухъ стоящихъ рядомъ*, бываетъ *всегда больше и выше другихъ.* Это показываетъ, мнѣ кажется, что насыпи имѣли какое-нибудь постоянное и всегда одинаковое значеніе. Если-бы это были надгробные памятники, то они стояли-бы въ большемъ числѣ, а иногда по одному. Для чего-бы служило треугольное расположеніе ихъ? Отчего одинъ-именно и всякой разъ, больше и выше прочихъ? Сказать, что они служили маяками, также трудно: они часто никакого сношенія между собою не имѣютъ. Маяки должны быть расположены цѣпью, имѣть протяженіе отъ опредѣленнаго мѣста до другаго, чего здѣсь вовсе нѣтъ. Потомъ каменные уродливые истуканы, на всѣхъ почти курганахъ находившіеся, и на нѣкоторыхъ донынѣ уцѣлѣвшіе, не взирая на грубую и дурную работу, въ которой едва распознается намѣреніе художника изобразить человѣка, показываютъ однако черты лицъ Скиѳскихъ кочующихъ народовъ, или Половцевъ и Печенѣговъ, отъ нихъ происшедшихъ (?). Но отъ чего-же *на большомъ курганѣ всегда мужское* изображеніе, а рядомъ съ нимъ, *на второмъ* курганѣ, *женское, на третьемъ-же никогда никакого* истукана не находилось? *Я предполагаю*, соображаясь съ извѣстными намъ отрывками Скиѳскихъ и Половецкихъ (!) обычаевъ, что *курганы служили на становищахъ этихъ кочующихъ народовъ для помѣщенія на большомъ кибитки князя, или хана, откуда онъ однимъ взглядомъ могъ обозрѣть весь народъ, вокругъ него расположенный, на второмъ курганѣ, были его жена, или жены, а на третьемъ священникъ, или первый жрецъ. На площади между ними, вѣроятно, собирались, передъ глазами князя, для совѣщанія, старшины народа: здѣсь рѣшались дѣла и принимались мѣры для общаго благосостоя-*

нія; тутъ провозглашались миръ или война. Орда, переходя съ одного кочевья на другое, вездѣ находила готовые курганы. Замѣтить надо еще, что *всегда*, если только позволяла это мѣстность, они становились *близъ воды*». (с. 19–21).

Пять причинъ къ сомнѣнію, что г. Всеволожскій въ тѣхъ курганахъ, которые довелось ему замѣтить на дорогѣ отъ Екатеринослава до Симферополя, точно видѣлъ вездѣ «*треугольное расположеніе*» и «*одинъ изъ трехъ, именно и всякой разъ, больше и выше прочихъ*». Весьма любопытно сообщаемое имъ свѣдѣніе, что въ этихъ, видѣнныхъ имъ, «курганахъ треугольнаго расположенія», на «*большомъ*» *было всегда* «*мужское*» *изображеніе*, на «*второмъ*» *всегда* «*женское*», *на* «*третьемъ-же*» *никогда никакого истукана* — то-есть «бабы» по-здѣшнему — *не находилось*. Но, это даетъ поводъ къ несомнѣнному заключенію, что онъ видѣлъ и наблюдалъ далеко *не всѣ* курганы даже изъ тѣхъ, которые находятся на проѣханномъ имъ трактѣ; а эти курганы, и всѣ вмѣстѣ взятые, составляютъ только малѣйшую частицу всего ихъ неисчислимаго множества на всемъ пространствѣ степей Новороссійскихъ. Если-бъ г. Всеволожскій имѣлъ случай видѣть побольше кургановъ, то убѣдился-бы, что замѣченное имъ «треугольное расположеніе» и другія любопытныя особенности, не болѣе какъ особенности, исключенія, которыя никакъ не льзя возвести въ общее, тѣмъ-болѣе въ повсемѣстное правило для всѣхъ кургановъ Новороссійскаго-Края. По-этому его остроумная догадка, изложенная въ такой прекрасной поэтической картинѣ, остается безъ основанія. Замѣтимъ также, что еще не рѣшено: дѣйствительно-ли Половцы и Печенѣги происходили отъ Скиѳовъ, и точно-ли между обычаями Скиѳскими и Половецкими находилось такое сходство, какое предполагаетъ г. Всеволожскій? Сверхъ-того выраженіе, что «орда», переходя съ одного кочевья на другое, *вездѣ находила готовые курганы*», нѣсколько темно: оно какъ-будто показываетъ, что Скиѳы и Половцы нашли курганы для себя уже *готовыми; кто-жь* ихъ *приготовилъ?* —

Г. Всеволожскій справедливо замѣтилъ, что въ Крыму «горные» и «степные» Татары совершенно между собою различны (с. 28). «Горныхъ» Татаръ онъ считаетъ «народомъ, перемѣшавшимся съ древними жителями Тавриды, съ *Готѳами*, *Греками*» (тамже). О Грекахъ ни слова. «Горные» Крымскіе Татары суть точно обусурманившіеся Греки, и обусурманившіеся не очень давно Но отъ Готѳовъ, кромѣ названія страны, и то употребительнаго въ канцелярскомъ и книжномъ языкѣ Византійцевъ, едва-ли что оставалось въ Крыму, когда пришли туда Монголы-Татары? —

Что Берославъ «назывался нѣкогда *Милетополь*» — въ книгѣ стоитъ ошибочно «*Миллетополь*» — и что Россіяне, въ старину, переименовали его *Бѣлою-Вежею*»

(с. 18): это, хотя напечатано и въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ», но еще требуетъ доказательства. Древніе Руссы называли «Бѣлою-Вежею» Хазарскій «Саркелъ», который, по единогласному свидѣтельству Византійцевъ, стоялъ на Донѣ (Танаисѣ); а Бериславъ находится на Днѣпрѣ (Борисѳенѣ).

Но оставимъ археологическія и историческія привязки къ путешественнику, который самъ не предъявляетъ никакихъ притязаній на археологію и исторію.

Относительно свѣдѣній о настоящемъ бытѣ края, которыя вообще кратки, но большею-частью вѣрны, замѣтимъ только, что урочище «Таушанъ-Базаръ» (Заячій Рынокъ), гдѣ, со стороны Симферополя, начинается подъемъ на «Яйлу», урочище бывшее во время путешествія г. Всеволожскаго «*долиною, на которой нѣтъ никакого обиталища*» (с. 41), теперь одушевлено почтовою станціею, которая перенесена сюда изъ деревни «Чевки», въ книгѣ называемой неправильно «Чафки» (тамже). Вообще корректура собственныхъ географическихъ именъ Новороссійскаго-Края, въ типографіи конечно, держана не совсѣмъ исправно. Такъ, по дорогѣ отъ Перекопа къ Симферополю, первая станція называется не «Тереклизушунъ» (с. 27), а просто «Ишунь»; четвертая не «Аблана» (с. 28), а «Трехъ-Абламъ»; пятая, послѣдняя предъ Симферополемъ, находится теперь въ «Сарабузѣ», а не въ «Менлертчихѣ» (тамже). На Южномъ-Берегу нѣтъ «Ай-Даніеля» (с. 52), а есть «Ай-Данилъ»; великанъ-скала, соперница Чатыр-Дага, возвышающаяся надъ несравненною Алупкою, называется «Ай-Пѣтри», а не «Ай-Петра» (с. 54); прекрасное имѣніе графа М. С. Воронцова, по-сю-сторону Ялты, зовется «Массандра», а не «Марсанда», какъ напечатано нѣсколько разъ въ книгѣ (с. 54, 55, 56 и др.). Также и достопочтенный директоръ Никитскаго-Сада называется г. Гартвисъ, а не «Партвицъ» (с. 54).

Еще недоумѣніе: «Севастополь» и «Тендру съ ея маякомъ» едва-ли можно видѣть съ моря вмѣстѣ и въ одно время, какъ видѣлъ ихъ г. Всеволожскій (с. 85)?

Въ заключеніе разрѣшимъ недоумѣніе г. Всеволожскаго. Онъ откровенно сознается въ незнаніи, есть-ли на Русскомъ языкѣ слово, соотвѣтствующее Французскому «*mirage*», и даже склоняется къ увѣренности, что такого слова нѣтъ (с. 21). Оно есть между-тѣмъ, и именно въ тѣхъ странахъ Россіи, гдѣ есть «*миражи*» и гдѣ ихъ видѣлъ нашъ путешественникъ. Въ Крыму, вокругъ Перекопа, Русскіе называютъ это явленіе природы Русскимъ словомъ — «*мàрево*»! Вообще надо сказать, что гдѣ есть вещь, гдѣ есть фактъ, не выписной съ чужой стороны, а созданный самою природою, тамъ есть непремѣнно для него и *свое* туземное названіе!

Н. НАДЕЖДИНЪ.
д. ч. о.

VOYAGE DANS LA RUSSIE MÉRIDIONALE ET LA CRIMÉE, par la Hongrie, la Valachie et la Moldavie, éxecuté en 1837, par M^r. *Anatole de Demidoff.* Paris. MDCCCXL. in 8°. VIII et 621 pag. Edition d'Ernest Bourdin et Cie, illustrée de 64 dessins par Raffet. — **Путешествіе въ Южную Россію и Крымъ чрезъ Венгрію, Валахію и Молдавію,** *Анатолія Демидова.* Парижъ. MDCCCXL, въ 8^о. VIII и 621 стр. Издано Ернестомъ Бурденемъ и комп. и украшено 64 рисунками г. Раффѣ.

Въ 1837 г. А. Н. Демидовъ, нынѣ почетный членъ С. Петербургской Академіи Наукъ, предпринялъ ученую экспедицію въ Новороссійскій-Край. Экспедиція эта, подъ личнымъ наблюденіемъ самого г. Демидова, состояла по большей части изъ Французскихъ ученыхъ, къ которымъ присоединился въ Одессѣ и профессоръ Ришельевскаго Лицея г. Нордманъ, и имѣла цѣлью изслѣдовать край нашъ преимущественно въ геологическомъ и минералогическомъ отношеніи. По окончаніи этого ученаго предпріятія, между-прочимъ издана была книга, которой заглавіе означено выше. Она содержитъ въ себѣ легкіе очерки мѣстностей, вмѣстѣ съ историческими воспоминаніями и статистическіе факты съ картинами поэзіи. Подробности, относительно этнографіи, статистики и исторіи Новороссійскаго-Края, составляютъ довольно значительную часть предлагаемыхъ извѣстій и фактовъ. Замѣтимъ при этомъ, что, по недостатку ученыхъ разъисканій о древностяхъ и вообще объ исторіи нашего края, путешественнику неимѣющему собственно археологической цѣли, трудно не ограничиться въ этомъ случаѣ одними общими указаніями и заимствованіями. Такимъ-образомъ поступилъ и г. Демидовъ. Вотъ почему его сочиненіе относится болѣе къ изящной литературѣ, нежели къ области науки въ собственномъ смыслѣ. Съ этой точки зрѣнія оно есть явленіе замѣчательное. Подобно своему спутнику живописцу Раффѣ, г. Демидовъ схватилъ и живо, вѣрно передалъ многія изъ внѣшнихъ впечатлѣній, которыми поразили его природа и нравы жителей. Но, мы послѣдуемъ за нимъ въ его путешествіи.

Бессарабія не входила въ цѣль ученой экспедиціи, а потому авторъ не обратилъ на нее большаго вниманія. Въ Скулянахъ онъ выдерживалъ карантинный срокъ; Кишиневъ проѣхалъ ночью, а Бендеры видѣлъ только съ почтоваго двора, находящагося въ довольно значительномъ разстояніи; Тирасполь, Кучурганъ и Нѣмецкія колоніи въ Херсонской губерніи, какъ выражается онъ самъ, пролетѣли быстро въ его глазахъ. Зато Одесса остановила на себѣ наблюдательный взоръ путешественниковъ.

Г. Демидовъ, описавъ предметы, которые прежде другихъ привлекли его вниманіе

въ этомъ городѣ совершенно новомъ и оригинальномъ, слегка обрисовываетъ его исторію. Очеркъ этотъ, заимствованный изъ сочиненія г. Скальковскаго «Первое тридцатилѣтіе исторіи города Одессы» любопытенъ, потому-что содержитъ въ себѣ существеннѣйшія и главнѣйшія эпохи быта Одессы. Впрочемъ въ него вкралась маленькая ошибка, которую замѣтимъ при этомъ случаѣ. Авторъ говоритъ, что въ линіи крѣпостей, основанныхъ Императрицею Екатериною II, на сѣверо-западномъ берегу Чернаго-Моря, «Овидіополь былъ назначенъ охранять собою устья *Дуная*» (стр. 278): Овидіополь лежитъ у *Днѣстра* и притомъ не при самомъ устьѣ, а почти въ началѣ лимана. За историческимъ обозрѣніемъ слѣдуетъ статистическая таблица Одессы, заимствованная изъ того-же сочиненія г. Скальковскаго. Далѣе, авторъ переходитъ къ обилію плодовъ въ нашемъ городѣ, и говоритъ слегка о климатѣ, недостаткѣ воды, портѣ и положеніи Одессы въ отношеніи къ юго-западнымъ провинціямъ. Тутъ онъ справедливо замѣчаетъ, что «возвышеніе Одессы на счетъ Херсона, Николаева и проч. произошло не отъ порто-франко, а отъ условій самой ея мѣстности» и подтверждаетъ это возрастаніемъ нашего города и до того времени, когда это преимущество было ему даровано. Въ Одессѣ г. Демидовъ остался едва нѣсколько дней, въ которые конечно трудно было собрать свѣдѣнія болѣе полныя. Въ блестящемъ обществѣ, на пароходѣ «Петръ-Великій», экспедиція ученыхъ переѣзжаетъ въ Крымъ, въ Ялту.

Здѣсь экспедиція дѣлится на двѣ части. Одни изъ путешественниковъ остаются въ Крыму, другіе производятъ разъисканія на берегахъ Дона, и къ симъ-то послѣднимъ спѣшитъ г. Демидовъ изъ Ялты чрезъ Симферополь, Ѳеодосію и по Арабатской-Стрѣлкѣ. Весь этотъ путь описываетъ онъ въ немногихъ словахъ; нѣсколько подробнѣе распространяется о «Ногайскѣ» и «Таганрогѣ». Свѣдѣнія сочинителя о первомъ изъ этихъ городовъ неполны и не совсѣмъ вѣрны. Нельзя искать Ногайскаго національнизма (стр. 317) въ томъ, что въ избахъ Ногайскихъ главные матеріялы: солома и глина. Это просто Малороссійскія «мазанки». Необходимо было также замѣтить, что въ числѣ жителей самаго города весьма мало Ногайцевъ и что племя это разселено въ его округѣ, гдѣ оно занимаетъ 71 селеніе въ числѣ 16,000 душъ мужескаго пола. Распространяясь о портѣ и торговлѣ Таганрога, авторъ не говоритъ ни слова о «Бердянскѣ», который хотя въ его время былъ только пригородомъ Ногайска, но уже велъ заграничную торговлю, уже обѣщалъ, по выгодамъ своего положенія, стать выше всѣхъ другихъ портовъ Азовскаго-Моря.

На пути отъ Таганрога къ Ростову вниманіе автора обратили на себя «*курганы*». Вотъ его слова: «Безпредѣльное пространство земли, лишенное лѣсовъ, покрыто ко-

ническими возвышенностями, которыя у туземцевъ называются курганами; нигдѣ не видѣлъ я ихъ такъ частыми, такъ близкими одинъ-къ-другому, какъ на равнинахъ Керчи и древняго Понтійскаго (Воспорскаго) Царства» (стр. 326). Не-смотря-на-то, что при разрытіи многихъ изъ сихъ кургановъ, въ нихъ находили склепы и саркофаги, авторъ, основываясь на прямолинейномъ расположеніи нѣкоторыхъ, думаетъ, что они служатъ слѣдами стратегическихъ соображеній и дѣйствій, что по нимъ орды древнѣйшихъ народовъ, переходя нѣсколько разъ степь, направляли свои движенія — догадка впрочемъ не новая. При посѣщеніи Керченскихъ кургановъ, авторъ дѣлаетъ еще замѣчаніе: «за чѣмъ», говоритъ онъ (стр. 529), «вырывъ изъ кургановъ сокровища археологіи, которыя они скрывали въ нѣдрахъ своихъ въ теченіе тысящелѣтій, оставлять ихъ разрытыми и какъ-бы въ видѣ покинутомъ? Этимъ, можно сказать, профанируется ихъ монументальная древность. Память и уваженіе ко временамъ давнопминувшимъ требуютъ, чтобы снова закрывали ихъ вершины, разумѣется съ означеніемъ на какой-нибудь доскѣ, что въ нихъ тогда-то найдены были такія-то и и такія древности. Конечно, въ этомъ случаѣ, кромѣ пользы, которая можетъ произойти отъ сравненія формы и положенія кургановъ съ родомъ древностей въ нихъ найденныхъ, не къ чему пренебрегать и поэтической стороною археологіи и древностей». Противъ этого однакожъ можно замѣтить во-первыхъ то, что часто внутреннее устройство склеповъ, находящихся въ этихъ курганахъ (какъ напримѣръ въ такъ-называемомъ *Царскомъ*), весьма любопытно въ ученомъ отношеніи; а во-вторыхъ, что зарытіе ихъ требовало-бы значительныхъ издержекъ, чисто безполезныхъ. Вотъ что еще говоритъ г. Демидовъ по этому предмету: «особымъ отличіемъ кургановъ (tumuli), которые мы встрѣчали по берегамъ Дона, древняго Танаиса, служитъ то, что на ихъ вершинахъ поставлены камни, грубо вытесанные въ видѣ головы сфинкса изъ твердаго гранита, котораго нѣтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ» (стр. 327); и далѣе: «со всѣхъ сторонъ мы находили вокругъ насъ гранитныхъ сфинксовъ грубой работы» (стр. 335). Но эти гранитные сфинксы, которыхъ г. Демидовъ признаетъ за особенность кургановъ, суть такъ-называемыя «*Бабы*», которыя однакожъ не изъ гранита[1] и не имѣютъ сходства ни съ головами сфинксовъ, ни съ самими сфинксами. Авторъ на пути своемъ дѣлаетъ еще нѣсколько поверхностныхъ замѣчаній о Землѣ Войска-Донскаго и спѣшитъ чрезъ Екатеринославъ и Николаевъ обратно въ Одессу, чтобы поспѣть на Высочайшій смотръ поселенной кавалеріи, бывшій въ то время въ Вознесенскѣ.

[1] По-крайней-мѣрѣ до-сихъ-поръ намъ не случалось видѣть другихъ, какъ изъ раковиннаго известняка или песчаника.

За-этимъ, въ путешествіи г. Демидова, начинается разказъ другой части его экспедиціи, которая оставалась въ Крыму въ то время, когда самъ онъ ѣздилъ къ берегамъ Дона. Разказъ этотъ ограничивается преимущественно впечатлѣніями живописнаго Крыма и описаніемъ его жителей. Особенно Багчесарай и Чуфутъ-Кале возбудили любопытство путешественниковъ, которые говорятъ съ сердечнымъ участіемъ о всѣхъ мелочахъ своего странствованія. Севастополь поразилъ ихъ величіемъ и необъятной громадностью своихъ работъ (стр. 380-381). По распоряженію начальства, странниковъ-разъискателей принимали всюду гостепріимно, показывали имъ все безъ исключенія; а Монтандона Guide du Voyageur en Crimée снабжалъ ихъ необходимыми учеными свѣдѣніями. Такъ напримѣръ говорятъ наши путешественники: «на основаніи нѣкоторыхъ ученыхъ лѣтописцевъ» (selon quelques savants chroniqueurs), въ древнія времена Греціи здѣсь (въ Инкерманѣ) процвѣталъ городъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ Ѳеодосіи; другіе полагаютъ тутъ Стеносъ Греческой географіи. Палласъ напротивъ думаетъ, что Генуезцы первые поселились въ этихъ отвѣсныхъ скалахъ» (стр. 389). Но это находимъ и у Монтандона[2] съ дополненіемъ, что Стеносомъ древнихъ считалъ нынѣшній Инкерманъ Формалеони, авторъ «Исторіи Черноморскихъ поселеній и торговли» и съ тою еще разницею, что на мѣстѣ Инкермана существовала въ древности не «Ѳеодосія», какъ сказано въ путешествіи г. Демидова, а городъ «Ѳеодоро», какъ объ этомъ находимъ свѣдѣнія у Тунмана и Броневскаго[3],— городъ, основателями коего были не Генуезцы, что доказывается найденною Греческою живописью на развалинахъ одной церкви. Мы приведемъ здѣсь еще слова г. Кеппена[4], который говоритъ по этому случаю слѣдующее: «на чемъ основано показаніе о тожествѣ Инкермана или Ѳеодора и Дороса, это къ сожалѣнію не подтверждено ссылкою ни на какого современнаго, достовѣрнаго писателя». Впрочемъ исторія мало занимала путешественниковъ: ихъ сердца гораздо болѣе расположены были къ поэзіи. При посѣщеніи мыса Партенита, воображеніе ихъ увлеклось съ одной стороны прелестью миѳологическихъ сказаній древности объ Ифигеніи, Орестѣ и Пиладѣ, а съ другой — красотами природы до-того, что они, казалось имъ, ногами попирали полъ Діанина храма, на которомъ по преданіямъ миѳологіи приносились въ жертву богинѣ странники, выброшенные бурею на этотъ берегъ. Но вотъ они въ Балаклавѣ. Здѣсь опять археологія измѣнила нашимъ

[2] Guide du Voyageur en Crimée, par Montandon. Odessa. 1834. pag. 202.

[3] Впрочемъ Тунманъ заимствовалъ ихъ отъ Броневскаго.

[4] Крымскій Сборникъ. Стр. 239.

путешественникамъ, не-смотря-на-то, что они остались вѣрны Монтандону. Нынѣшнее названіе Балаклавы произошло совсѣмъ не отъ «bella chiave» (прекрасный ключъ), названіе, которымъ будто-бы Генуэзскіе торговцы — конечно въ поэтическомъ увлеченіи къ метафорамъ — называли это мѣсто, равно какъ и не отъ Татарскаго: «балыкъ» (рыба) и Греческаго «λαβή» (взятіе, ловля). Благодаря ученымъ разъисканіямъ Бларамберга[5] въ текстѣ Стравона, мы знаемъ, что на мѣстѣ нынѣшней Балаклавы, въ древности находилась крѣпость Палакіонъ[6], сообщившая, по всей вѣроятности, названіе свое и городу намъ современному. Трудолюбивый археологъ, согласно съ Палласомъ, производитъ этимологію этого слова слѣдующимъ образомъ. Палакъ, одинъ изъ сыновей Скилуроса, царя Тавроскиѳскаго, имѣлъ на мѣстѣ нынѣшней Балаклавы укрѣпленіе и часто производилъ оттуда нападенія на Херсонесцевъ, которые — предположеніе очень правдоподобное — могли называть это мѣсто Παλακοῦ λαβά[7], (т. е. притономъ Палаковымъ). Съ мнѣніемъ Бларамберга согласны и Кеппенъ, Стемпковскій и другіе. Генуэзцы-же, какъ это вообще извѣстно, называли нынѣшнюю Балаклаву словомъ Чембало. Ключъ къ этому слову также разгаданъ археологіей. По свидѣтельству Стравона, мы знаемъ, что въ его время Балаклавскій заливъ носилъ названіе Συμβόλων λιμήν (Portus Symbolorum). Слово сіе было измѣнено Италіянцами въ Cembalo или Cembaro.

Далѣе путешественники, упоминая о стѣнѣ, шедшей въ древности отъ Палакіона до Херсонеса, недоумѣваютъ гдѣ она шла: моремъ-ли или сухимъ путемъ (sur la terre ou dans le fond des eaux) и по-видимому сомнѣваются въ ея существованіи. Замѣтимъ однакожь, что развалины по всей вѣроятности этой самой стѣны, видѣли Палласъ, Кларке и Муравьевъ-Апостолъ[8]. Весьма правдоподобно притомъ, что Херсонесцы соорудили ее въ защиту отъ нападеній со стороны Тавро-Скиѳовъ.

Изъ Балаклавы путешественники отправились въ Ялту, откуда пароходъ «Петръ Великій» перевезъ ихъ въ Одессу. Здѣсь они

---

[5] См. De la position des trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon, par M. Blaramberg. Odessa. 1831. pag. 19-25.

[6] Вотъ что говорится о нашей Балаклавѣ въ Энциклопедическомъ лексиконѣ (т. IV. слово «Балаклава»): «Балаклава вѣроятно стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Страбонъ полагалъ древній Палладіумъ (?!); въ разныя эпохи исторіи она извѣстна была подъ названіями Симболонъ, Сомбаль, и Bellachiave: безъ сомнѣнія, отъ послѣдняго произошло нынѣшнее названіе города». Послѣ этого мы невольно должны извинить иностранцевъ, сопутствовавшихъ г. Демидову въ его путешествіи.

[7] По Іонійскому нарѣчію λαβή; но есть причины думать, что въ Херсонесѣ, этомъ древнемъ поселеніи Гераклейскомъ, господствовало нарѣчіе Дорическое.

[8] Крымскій Сборникъ г. Кеппена. СПБ. 1837. стр. 212.

соединились съ г. Демидовымъ, котораго повѣствованіе въ разсматриваемой нами книгѣ начинается тутъ снова. Экспедиція ученыхъ, съ главою своимъ, отправляется въ Вознесенскъ. Пребываніе ея въ этомъ городѣ, во время Высочайшаго смотра, описано довольно занимательно.

Изъ Вознесенска всѣ опять ѣдутъ въ Крымъ чрезъ Николаевъ, Херсонъ и Перекопъ. Описанія этихъ городовъ вообще поверхностны, хотя нѣкоторыя, болѣе другихъ характеристическія черты мѣстностей, схвачены и обрисованы довольно удачно. «Въ Николаевѣ», говоритъ авторъ (стр. 448), «съ перваго взгляда, все запечатлѣно величіемъ и поражаетъ путешественника. Улицы, проложенныя въ гигантскихъ размѣрахъ, какъ и во всѣхъ городахъ Русскихъ, достаточно застроены зданіями, хотя внѣшній видъ ихъ болѣе хвастливъ и не говоритъ правды: снаружи — это дворцы, внутри — хижины. Огромныя улицы — каррикатура городовъ запада — своей непропорціальной шириною заставляютъ жителя терпѣть отъ лучей солнца, вѣтровъ, пыли и грязи. Нельзя рѣшиться на переходъ черезъ площади, настоящія поля сраженій, да и переходъ этотъ возможенъ только лѣтомъ и зимою. Какъ-бы то ни было, повторяемъ, Николаевъ имѣетъ наружность величественную, достойную его великаго назначенія быть морскимъ арсеналомъ. Городъ еще не отстроенъ совсѣмъ: во многихъ частяхъ разбрасанные дома болѣе обозначаютъ, нежели выполняютъ его планъ. Около пяти тысячъ жителей населяютъ этотъ портъ». Не знаемъ откуда заимствовано это послѣднее свѣдѣніе. Сказать этого нельзя и по одной наружности Николаева. Извѣстно, что этотъ городъ считаетъ въ себѣ до 16,000 постоянныхъ жителей, а съ переходящими, какъ-то съ войсками, работниками и другими до 20,000 душъ. «Трудно вообразить себѣ» продолжаетъ авторъ, «портъ съ верфью который-бы болѣе соотвѣтствовалъ своему назначенію. Николаевъ достаточно огражденъ отъ всѣхъ нападеній самымъ положеніемъ, углубленнымъ внутрь земли и находящимся на берегу извилистаго лимана. Это положеніе столь-же выгодно и для снабженія города нужнымъ продовольствіемъ. Хотя судоходство по Бугу и неудобно, по причинѣ пороговъ, но Николаевъ тѣмъ не менѣе получаетъ дерево, смолу, пеньку по Днѣпру, котораго устье сливается съ устьемъ Буга въ глубокомъ заливѣ, носящемъ названіе Днѣпровскаго-Лимана» (стр. 489–450). Но вотъ путешественники снова на открытой степи: они спѣшатъ въ Херсонъ. При взглядѣ на этотъ городъ всего болѣе поразило ихъ множество вѣтряныхъ, шестикрылыхъ мельницъ, расположенныхъ на возвышенности: дѣйствіемъ своихъ крыльевъ они производили зрѣлище, которое казалось имъ до чрезвычайности страннымъ (le plus étrange et le plus confus) (стр. 453).

Авторъ не распространяется много въ

описаніи Херсона и тотчасъ переходитъ къ своему дальнѣйшему путешествію чрезъ Берславъ и Перекопъ въ Крымъ. «До того времени, когда Таврида сдѣлалась Русской провинціей, Перекопъ носилъ названіе, отличавшееся восточной напыщенностью, т. е. «Ог-Сару», (вѣрнѣе Ог-Сару) «Царскія Врата.... Въ Перекопѣ всего одна улица, которую впрочемъ по ширинѣ ея можно-бы назвать площадью. Дома довольно многочисленны хотя отдѣлены одинъ-отъ другаго и вообще бѣдны наружностью. Не смотря однакожь на жалкую внѣшность, Перекопъ имѣетъ по своему выгодному положенію, совершенно особенную важность. Это врата въ Тавриду, которыя замыкаютъ и отдѣляютъ собою полуостровъ. Геродотъ (?), Страбонъ и Плиній думали, что во времена отдаленныя полуостровъ Таврическій былъ совершенно отдѣленъ отъ материка: мѣстность перешейка не противорѣчитъ этому предположенію. Его поверхность такъ мало возвышена, что съ середины перешейка, который впрочемъ имѣетъ семь верстъ протяженія, можно подумать, что находишься ниже поверхности обоихъ морей. Сивашъ грозитъ вамъ съ востока, а Черное-Море съ запада» (стр. 463).

Въ Евпаторіи назначено было на этотъ разъ мѣсто соединенія путешественниковъ для отсылки собранныхъ коллекцій въ Одессу. Поговоривъ нѣсколько о Сакскихъ грязяхъ, авторъ упоминаетъ объ извѣстной Евпаторійской мечети, о троякомъ названіи самаго города (Гизлевъ, Козловъ и Евпаторія), о его могуществѣ во время Татарскаго владычества и соперничествѣ съ Багчесараемъ и Карасу-Базаромъ, и о теперешней его бѣдности. Настоящими причинами упадка Козлова служатъ, по словамъ г. Демидова, насильственное благосостояніе Одессы и возрастаніе прибрежнаго судоходства въ той части Севастопольскаго порта, которая назначена для торговли. Кажется, напротивъ-того причины упадка Козлова среди возвышенія другихъ городовъ, заключаются въ томъ, что онъ лишенъ естественныхъ элементовъ для процвѣтанія промышленности, торговли и другихъ условій высшей гражданственности.

Затѣмъ ученые натуралисты отправляются въ Симферополь. Тутъ авторъ описываетъ свою экскурсію на Чатыр-Дагъ, говоритъ о внѣшности города, о занятіяхъ жителей, распространяется о выставкѣ мануфактурныхъ издѣлій, которая тогда приготовлена была тамъ ко времени посѣщенія этого города Императорской фамиліей. Замѣтимъ, что всѣ, и преимущественно статистическія, подробности касательно Симферополя, о которомъ г. Демидовъ распространяется болѣе, чѣмъ о другихъ городахъ, довольно вѣрны, хотя и не совсѣмъ полны. Вѣроятно онѣ сообщены были ему отъ мѣстнаго начальства.

Любопытны подробности о мѣстностяхъ Карасу-Базара и Ѳеодосіи. Жаль только, что число жителей въ этихъ городахъ пред-

ставлено невѣрно: въ Карасу-Базарѣ ихъ не 15, а всего-на-все 12,000; напротивъ въ Ѳеодосіи число ихъ уменьшено двумя тысячами: этотъ городъ считаетъ въ себѣ болѣе 6,000 душъ. Вотъ что говоритъ авторъ о Карасу-Базарѣ: «Послѣ Севастополя народонаселеніе Карасу-Базара есть самое многочисленное въ Крыму. Улицы, грязныя и худо вымощенныя, наполнены множествомъ лавокъ, которыя защищены отъ дождя и солнца навѣсами на кривыхъ столбахъ: видъ болѣе живописный, чѣмъ изящный! По восточному обычаю, промышленники каждаго рода собираются вмѣстѣ въ одинъ кварталъ города. Здѣсь — съѣстные припасы; далѣе — произведенія чужестранныя; потомъ, въ свою очередь, шерсть, ткани и неизбѣжныя папуши (туфли), которыхъ блестящіе цвѣта ослѣпляютъ глаза покупщиковъ. Многочисленныя кофейни соединены на одной улицѣ, которая всѣхъ шире и ровнѣе. Тутъ-то, въ этихъ убѣжищахъ покоя и лѣни, находите вы физіономіи цѣлаго населенія. Расположась на диванѣ, который окружаетъ собою небольшое пространство, съ жаровней въ срединѣ и множествомъ туфлей по сторонамъ, Татары, Армяне, Караиты просиживаютъ здѣсь по цѣлымъ часамъ и молча курятъ табакъ изъ своихъ длинныхъ черешневыхъ чубуковъ. Лишь изрѣдка проносится нѣсколько словъ среди этихъ группъ, величаво-неподвижныхъ. — При этой восточной флегмѣ, всего легче схватить легкіе оттѣнки, обнаруживающіе собою различіе націй во всѣхъ этихъ физіономіяхъ. Армяне обыкновенно соединяютъ со спокойствіемъ лица нѣкоторый лоскъ въ его цвѣтѣ; борода, мягкая какъ шелкъ, тихій взглядъ, дородство, признакъ довольства, отличаютъ ихъ отъ Татаръ, съ ихъ смѣлой и развязной поступью, съ лицомъ выразительнымъ и прежде времени покрытымъ морщинами. Въ Караитахъ всего болѣе поражаетъ мелочная заботливость къ одеждѣ: они носятъ длинные кафтаны темнаго цвѣта, которыхъ полы ниспадаютъ въ простыхъ складкахъ и которые придаютъ имъ строгую и величавую наружность: ихъ профиль не лишенъ благородства, даже при своихъ сближеніяхъ съ типомъ жидовскимъ. Подбородокъ, тщательно выбритый и небольшая рука, которую они любятъ украшать кольцами, вотъ признаки, по которымъ легко узнаете вы чадъ этой древне-Еврейской отрасли» (стр. 498). Далѣе слѣдуетъ описаніе остальной части города и природы, его окружающей.

Въ Ѳеодосіи вниманіе автора остановили на себѣ остатки Италіянской физіономіи, сохранившіеся въ наружности этого города; прекрасное положеніе его въ видѣ амфитеатра и наконецъ разнообразіе жителей. Много говоритъ онъ о прошедшей судьбѣ Ѳеодосіи, о ея древностяхъ, о слѣдахъ Генуэзскаго и Татарскаго владычествъ. Нельзя не замѣтить притомъ, что разказъ его отличается одушевленіемъ, и оттого живъ и

увлекателенъ. Но вотъ что пишетъ г. Демидовъ о Ѳеодосійскомъ музеѣ, въ которомъ руководителемъ путешественниковъ былъ докторъ Граперонъ. «Въ этомъ музеѣ съ живымъ интересомъ находишь собраніе произведеній искусства, достойныхъ представителей творческаго и плодовитаго генія древнихъ Греческихъ и Генуезскихъ колоній. Впрочемъ, можно сказать, что Ѳеодосія вымощена гербами Генуезскими: вы найдете, что для самаго обыкновеннаго домашняго употребленія назначены тамъ камни со щитомъ Доріевъ и другихъ знаменитыхъ фамилій, съ гербомъ Кафы и съ вооруженнымъ всадникомъ Банка Св. Георгія. У входа въ самый музей находятся два лежащихъ льва колоссальной величины изъ бѣлаго мрамора, съ головами обращенными въ одну и ту-же сторону. Долго зарытые въ глубинѣ Воспора, возлѣ Керчи и Тамани, эти львы округлены дѣйствіемъ волнъ морскихъ, хотя впрочемъ еще находишь черты искуснаго рѣзца въ продолговатыхъ бокахъ этихъ ужасныхъ четвероногихъ. Въ музеѣ предметы разставлены съ большимъ вкусомъ, но кажется безъ строгой системы. Вотъ прежде всего мраморный пьедесталь, привезенный изъ Анапы: вѣроятно онъ служилъ подножіемъ статуи Цереры, потому-что, какъ гласитъ надпись, его соорудила, по данному обѣту, Аристонида, дочь Ксенокрита, посвященная этой богинѣ. За этимъ слѣдуетъ камень съ Генуезской эпитафіей: это обломокъ взятый изъ церкви 1523 г. и свидѣтельствующій — въ этомъ вся цѣна камня, — что даже послѣ покоренія Турками Кафы въ 1475 г., нѣсколько Генуезцевъ оставалось еще въ этомъ городѣ, гдѣ они могли состариться и умереть, пользуясь уваженіемъ и почетомъ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе другой Генуезскій камень, относящійся къ тому времени, когда консулъ Грамальди оканчивалъ укрѣпленія Кафы, начатыя за семь лѣтъ до-того Готфридомъ де Зоальо: по Латинской надписи, начертанной готическими буквами, вы узнаете, что одна изъ башень посвящена была папѣ Клименту VI, въ признательность за Крестовый Походъ, который назначенъ былъ этимъ первосвященникомъ за сорокъ лѣтъ передъ-тѣмъ. Далѣе находите вы грифа, котораго Пантикапея, нынѣшняя Керчь, имѣла въ своемъ гербѣ, какъ свидѣтельствуютъ медали того времени. Барельефъ изъ бѣлаго мрамора, который мы разсматривали, превосходной работы. Грифъ, стоя на твердыхъ ногахъ, раскрываетъ два большихъ крыла и щетинистый гребень. Двѣ огромныя амфоры, которыя имѣютъ болѣе пяти футовъ въ вышину; разные драгоцѣнные предметы, найденные въ курганахъ, какъ-то: маленькая бычачья голова изъ золота, окруженная эмальированной повязкой, разныя фигуры изъ глины (terre cuite), голова и бюстъ прекрасной Венеры, множество черепковъ глиняныхъ вазъ съ рисунками правильными и покрытыми неизгладимымъ лакомъ, драгоцѣнное

собраніе монетъ, дополняютъ собою остатки древностей, собранныхъ въ этомъ возникающемъ музеѣ» (стр. 518–519). Нельзя при этомъ случаѣ не пожалѣть, что до-сихъ-поръ, сколько намъ извѣстно, не издано полныхъ описаній музеевъ Керченскаго и Ѳеодосійскаго. Отъ этого самаго и немногія подробности о нихъ г. Демидова не лишены любопытства.

Внѣшность Керчи обрисована въ путешествіи г. Демидова очень живописно и описаніе даетъ довольно вѣрное понятіе о самомъ городѣ. Чтожь касается до тамошняго музея древностей, то свѣдѣнія объ немъ довольно скудны. Нельзя не пожалѣть объ этомъ, тѣмъ-болѣе, что авторъ распространился о музеѣ Ѳеодосійскомъ, который, по собственнымъ его словамъ, несравненно бѣднѣе Керченскаго. Этрусскія вазы, найденныя въ гробницахъ возлѣ Керчи, надгробные камни, архитектурные обломки, мраморныя статуи Эскулапа, Цибеллы, Юноны и Геркулеса, саркофаги и наконецъ драгоцѣнныя медали, перстни съ камнями, цѣпочки, кольца, золотыя короны и вѣнки, которыми награждались сановники Пантикапейскіе за гражданскія и военныя заслуги, — все это конечно заслуживаетъ, чтобы просвѣщенный путешественникъ обратилъ свое вниманіе. Замѣтимъ еще, что намъ показалось нѣсколько страннымъ замѣчаніе сочинителя о надписяхъ на Керченскихъ памятникахъ, замѣчаніе, будто на нихъ встрѣчаются всѣ языки, «начиная отъ чистаго Греческаго до самыхъ отдаленныхъ нарѣчій *прекраснаго языка первобытнаго*» (стр. 536). Впрочемъ, повторяемъ, въ описаніи Керчи и поѣздки на полуостровъ Тамань и до Бугаза, поѣздки, которую путешественники предприняли въ заключеніе своихъ странствованій, находится много любопытныхъ подробностей, касательно мѣстности и правовъ жителей. Бугазъ былъ крайнею точкою экспедиціи ученыхъ. Отсюда, обратно чрезъ Керчь, Ѳеодосію и по Южному-Берегу Крыма, путешественники достигли Ялты, откуда, на пароходѣ «Петръ-Великій» возвратились въ Одессу, а потомъ и за-границу.

Въ заключеніе путешествія, г. Демидовъ предлагаетъ краткое историческое извѣстіе о Крымѣ. Конечно трудно ожидать отъ него, въ этомъ случаѣ, свѣдѣній, которыя-бы во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворяли требованіямъ ученой критики. Онъ писалъ, какъ путешественникъ, который только мимоходомъ дѣлалъ наблюденія и по необходимости долженъ былъ принимать за основаніе чужой трудъ. Но къ сожалѣнію выборъ его, въ настоящемъ случаѣ, былъ не совсѣмъ удаченъ. Основаніемъ всѣхъ его извѣстій, касательно древней исторіи Таврическаго Полуострова, послужила ему книга г. Лагорio: Abrégé historique des révolutions et du commerce de la Tauride. (Odessa. 1830). Въ порядкѣ изложенія событій, въ выборѣ фактовъ, и въ основныхъ мнѣніяхъ, авторъ путешествія видимо слѣдовалъ этой

книгѣ. Упомянувъ сначала, согласно со своимъ руководителемъ, о Таврахъ, народѣ, котораго одно только имя выдается изъ мрака временъ первобытныхъ, сочинитель распространяется о владычествѣ Амазонокъ на полуостровѣ Таврическомъ — владычествѣ, котораго начало усердные хронологи относятъ за 400 лѣтъ до похода Аргонавтовъ. У г. Лагоріо всѣ эти подробности, безъ всякаго сомнѣнія баснословныя и заимствованныя древними изъ поэтическихъ преданій своихъ соотечественниковъ, имѣютъ всю цѣну положительной исторіи, — служатъ даже предметомъ серьозныхъ размышленій. Г. Демидовъ напротивъ, въ своемъ изящномъ расказѣ, сообщаетъ имъ колоритъ поэтическій. По нашему мнѣнію, онъ болѣе правъ. Кровавое сказаніе о храмѣ Діаны Тавриполитанской, находившемся будто-бы на мысѣ Парѳеніонѣ[9], соединенное съ поэтическимъ преданіемъ объ Ифигеніи и Орестѣ и вообще объ участи Атридовъ, есть чистая принадлежность поэзіи. Извѣстно впрочемъ, что вообще въ началѣ историческихъ повѣствованій о Крымѣ, у историковъ, чуждавшихся критики событій, встрѣчаются на одномъ ряду и первобытные Скиѳы, и Сезострисъ, который счастливо воевалъ съ ними по преданіямъ древности, и Геркулесъ съ его подвигами, и Тезей, и походъ Аргонавтовъ въ Колхиду. Тутъ и новое водвореніе Амазонокъ, которыхъ воинственныя, жестокія сердца укротились наконецъ при видѣ прекрасныхъ юношей Скиѳскихъ, представшихъ къ нимъ безъ оружія, тутъ и двѣ царицы ихъ Оріѳна и Оритея и основаніе полнаго женскаго царства и проч. и проч. Г. Демидовъ упоминаетъ обо-всемъ этомъ очень кратко и легко, и переходитъ прямо къ Милезійскимъ колоніямъ на нашемъ полуостровѣ. И тутъ однакожь онъ ограничивается немногими замѣчаніями и фактами, заимствованными изъ того-же источника. Слегка упоминаетъ объ основаніи царства Воспорскаго (за 480 лѣтъ до Р. Х.), говоритъ о Левконѣ, его первомъ царѣ, о войнахъ между Скиѳами и Сарматами, и быстро переходитъ къ Митридату-Евпатору. За тѣмъ Фарнакъ, темное владычество царей Воспорскихъ и борьба ихъ съ Херсонитами, Гунны, Хазары, Печенѣги и владычество Чингисъ-Хана, — факты только въ немногихъ словахъ обозначенные г. Демидовымъ. Должно впрочемъ замѣтить, что исторія

---

[9] Г. Бларамбергъ, въ своей статьѣ: «О предполагаемомъ мѣстоположеніи Діанина храма въ Тавридѣ» (Одесск. Альм. на 1831 г.), сличивъ разныя мѣста въ Геродотѣ, Скилаксѣ Каріандскомъ, Скимнѣ, Мелѣ, Плиніѣ, Арріанѣ, Амміанѣ Марцеллинѣ, безъименномъ авторѣ Перипла Понта Евксинскаго и особенно основываясь на Страбонѣ, полагаетъ, что мѣстомъ этого храма была гора *Аюдагъ*, съ которой низвергаемы были въ море тѣла жертвъ, принесенныхъ Діанѣ, или Ифигеніи. «Преданіе», говоритъ онъ, «по коему селеніе, лежащее у подошвы Аюдага, между сею горою и Кучукъ-Ламбатомъ, сохранило названіе *Парѳенита*, и небольшая пристань близъ него даютъ еще болѣе вѣса этому предположенію» (Одесск. Альм. на 1831 г. стр. 307).

Крыма до водворенія въ немъ Генуезцевъ, есть предметъ слишкомъ мало обработанный въ ученомъ отношеніи, что потому ни книжка г. Лагорію, ни извлеченіе изъ нея, сдѣланное авторомъ разсматриваемаго нами путешествія, какъ простые, довольно общіе очерки событій, естественно не могутъ удовлетворить требованіямъ критики. Съ основанія Кафы, нынѣшней Ѳеодосіи (между 1266 и 1289 гг.), начинается болѣе достовѣрная и болѣе обильная событіями исторія этихъ мѣстъ. Богатый источникъ въ этомъ отношеніи представляютъ не только Генуезскіе лѣтописцы, но и позднѣйшіе писатели, занимавшіеся исторію Крымскаго Полуострова. Авторъ, и въ этомъ случаѣ, ограничился однакожъ простымъ, легкимъ очертаніемъ событій. Изложеніе судебъ Крымскаго Полуострова со времени владычества Генуезцевъ до присоединенія его къ Россійской имперіи, занимаетъ у него едва нѣсколько страницъ. Но мы должны повторить сказанное нами въ началѣ: сочиненіе г. Демидова, какъ произведеніе изящной литературы, заслуживаетъ всякой хвалы; въ живыхъ очеркахъ передаетъ оно мѣстность и нравы жителей, такъ-что каждый кто былъ и не былъ въ Новой-Россіи, съ удовольствіемъ прочтетъ его извѣстія. Ничего основательно ученаго не льзя отъ него и требовать.

К. ЗЕЛЕНЕЦКІЙ.
Д. Ч. О.

Reisen in Südrussland von J. G. Kohl mit der Epigraphe:

«Naso Tomitanæ jam non novus incola terræ
«Hoc tibi de Getico littore mittit opus». Ovid.

Dresden und Leizig, in der Arnoldischen Buchhandlung. 1841. 2 Theile, in 8°. X, 330 und VIII. 270 S., nebst einer Charte der Anlande des Pontus und zwei litographirten Titelblätter mit Vignetten. — Путешествіе по Южной-Россіи И. Г. Коля, съ эпиграфомъ изъ Овидія. Дрезденъ и Лейпцигъ. Изданіе книгопродавца Арнольда. 1841. 2 части, въ 8°. X, 330 и VIII, 270 стр. Съ приложеніемъ карты побережья Понта и съ двумя литографированными заглавными листами, украшенными виньетками.

Политическія отношенія Россіи къ остальной Европѣ въ новѣйшее время взяли такой перевѣсъ, что иностранцы оглядываются на нее, какъ путникъ на скалу, подъ которою сѣлъ для отдыха: дающая прохладу, величавая, нависнувшая вершина прельщаетъ, но и страшитъ его. Съ жадностью читаютъ Европейцы все, что появляется у нихъ въ расказахъ о томъ гигантѣ, который склонился къ нимъ головою, глядитъ на нихъ ясными и умными очами, но готовъ, по ихъ мнѣнію, однимъ движеніемъ всеобъятной руки захватить и стряхнуть ихъ съ лица земли. Мудрено-ли, что они не знаютъ Россіи? Мудрено-ли, что размѣривая все на свой мелкій масштабъ, не понимаютъ, какими канатами скрѣплены эти могучія мышцы, изъ какихъ бревенъ сколоченъ этотъ великанскій оставъ и какъ всѣ его части легко и удобно повинуются одной державной головѣ? Недальновидные не постигаютъ Божьяго промысла, который скрѣпляетъ не матеріяльными узами. Любовь къ Монарху и къ родинѣ, по ихъ размѣру — струя, а по нашему — море-окіанъ!

Чѣмъ-болѣе любопытства узнать Россію, тѣмъ-болѣе и людей, старающихся питать его. Въ наше время уже совсѣмъ не рѣдкость видѣть въ иностранныхъ каталогахъ ежегодно появляющіяся сочиненія, имѣющія предметомъ Россію. Но къ сожалѣнію, необъятность предмета, а отчасти и спекуляція на новизну, все еще мѣшаютъ видѣть зорко и ясно. Недавно лишь, и то благодаря Русскому просвѣщенному вельможѣ, открытъ надежный къ тому путь: учрежденіе въ Берлинѣ журнала, передающаго Европѣ, какъ-бы въ отворенное окно, занимательныя произведенія Русскаго ума и духа, можетъ близко познакомить съ нами иностранцевъ, если продолжится на прочномъ основаніи.

Южная-Россія, одинъ изъ младшихъ

птенцовъ монархіи, съ каждымъ годомъ стремится болѣе и болѣе къ усовершенствованіямъ, такъ-что становится безпрерывнымъ предметомъ изученія и для Русскихъ. Попавшій сюда иностранецъ, а ихъ бываетъ здѣсь много, конечно долженъ обратить вниманіе на возникающій міръ тамъ, гдѣ недавно еще была пустыня. Много и пишутъ о Южной-Россіи, но пишутъ не Палласы, которыхъ каждое слово утверждено знаніемъ и опытомъ, а люди поверхностные, заключающіе по немногимъ частностямъ о цѣломъ, или желающіе только щеголять слогомъ, а не знаніемъ дѣла. За всѣмъ-тѣмъ сочиненія иностранцевъ, особенно о нашемъ новомъ краѣ, должны быть для насъ поучительны. Было-бы весьма любопытно бросить взглядъ на то, какъ въ разныя эпохи разные носѣтители южнаго края смотрѣли на тотъ или другой предметъ, что находили они новаго, въ какой мѣрѣ оправдались или опроверглись ожиданія каждаго. Изъ этихъ сличеній увидѣли-бы мы, какъ быстро возрасталъ нашъ край во всемъ, что составляетъ благоденствіе жителей; какъ въ немъ по немногимъ указаніямъ сбывались важныя послѣдствія, какъ и безъ указаній, противъ чаянія самыхъ дальновидныхъ мужей, просвѣщенное начальство умѣло привить и отчасти укоренить полезныя нововведенія.

Въ томъ-же самомъ отношеніи любопытно и разсмотрѣніе каждаго иностраннаго сочиненія, появляющагося нынѣ о нашемъ краѣ. Рядъ подобныхъ разсмотрѣній (если Богъ благословитъ труды нашего Общества), составитъ въ послѣдствіи тотъ историческій взглядъ, о которомъ сказалъ я выше. Будемъ стараться извлекать полезное изъ сужденій людей, которые пріѣзжаютъ судить о насъ по своимъ, часто ошибочнымъ понятіямъ, но всегда основаннымъ на сравненіи съ тысячелѣтнею опытностью Европы, отъ которой конечно намъ есть чему поучиться. И самый легкомысленный писатель можетъ сдѣлать хорошее замѣчаніе. Не требуется даже, чтобъ онъ былъ благонамѣренный: дѣло критика найти полезное растеніе между терніями, или самыя терніи употребить въ пользу. Одно было-бы желательно — знать хорошо нашего цѣнителя, знать: что онъ такое, какую роль самъ представляетъ въ Европейскомъ быту, чѣмъ собственно тамъ занимается. Съ удовольствіемъ приняли-бы мы сужденія умнаго негоціанта о торговлѣ нашей, и тамъ, гдѣ въ другомъ предположили бы легкомысліе или неточность, доискались-бы въ немъ, можетъ-быть, послѣдствій опытности. Когда маршалъ Мармонъ разсуждаетъ въ своемъ путешествіи, что Россія есть природная союзница Турціи, мы знаемъ, что Мармонъ имѣетъ полное право сказать свое слово въ такомъ дѣлѣ, о которомъ приходилось ему думать и говорить во время могущества движителя Европейскихъ жребіевъ Наполеона. Но когда о томъ, будто-бы Россія достигла разшире-

ния предѣловъ обманчивымъ покровительствомъ Азіятскихъ сосѣдей своихъ, разсуждаетъ *какой-то* «г. Коль» — можно-ли по-крайней-мѣрѣ не улыбнуться?

Дѣйствительно, мы хотѣли-бы знать поближе г. Коля, котораго сочиненіе принимаемся теперь разсматривать. Кромѣ того, что это не единственное твореніе его о Россіи, мы ничего о немъ не знаемъ. Изъ книги его не видно рѣшительно ничего, что-бы показывало родъ занятій его на бѣломъ свѣтѣ, предпочтеніе его какому-либо предмету науки, знакомство его съ тѣмъ или другимъ состояніемъ людей. Можно заключать, правда, что онъ большую часть времени въ Южной-Россіи провелъ съ колонистами, потому-что не упускаетъ случая выставлять ихъ разсказы, мнѣнія и повѣрья; но поселянскій бытъ ему вовсе незнакомъ, какъ увидимъ послѣ. Правда и то, что онъ упоминаетъ о сношеніяхъ своихъ съ двумя лицами, пользующимися въ нашемъ краю не только ученою извѣстностью, но и всеобщимъ уваженіемъ: съ гг. Стевеномъ и Нордманомъ; однако перваго видѣлъ онъ не болѣе какъ два часа и даже спутался въ предметахъ бывшаго съ нимъ разговора; а втораго, хотя и благодаритъ за многія сообщенныя ему свѣдѣнія, но безъ указанія, какъ отличить эти свѣдѣнія отъ другихъ. За-тѣмъ въ путешествіи его не названо уже ни одного имени, которое-бы указывало на источникъ его познаній о краѣ, а какъ и онъ самъ неизвѣстенъ, то его сказанія теряютъ совершенно вѣсъ и силу, хотя онъ и увѣряетъ, что «писалъ свою книгу для философовъ» (ч. I, стр. 87).

Еслибъ и въ Германіи посмотрѣли на книгу его съ этой точки зрѣнія, то конечно приняли-бы ее не такъ благосклонно. Но можетъ-быть г. Коль тамъ извѣстенъ; а кромѣ-того, я уже сказалъ, какъ жадно читаютъ тамъ все объ Россіи и какъ охотно вѣрятъ всему, написанному въ духѣ общаго изумленія величію Россіи и боязни предъ нею. Какъ-бы то ни было, сочиненіе Коля не только обратило на себя вниманіе Германской публики, но и расхвалено журналистами. Тѣмъ-болѣе мы должны имъ заняться. Раскажемъ прежде въ общихъ чертахъ его содержаніе и постараемся уловить изъ того по-крайней-мѣрѣ, въ какомъ духѣ и съ какою цѣлью оно написано.

Въ «Предисловіи» авторъ, упоминая о предшествовавшихъ ему описателяхъ Южнаго-Края Россіи, говоритъ, что «за тѣмъ осталось еще много неизслѣдованныхъ вопросовъ, а потому онъ и надѣется, что его книга — послѣдствіе многихъ разъѣздовъ и довольно долгаго пребыванія на берегахъ Понта — будетъ принята благосклонно» (ч. I. стр. VI). Скромность автора заставляетъ его сдѣлать оговорку на счетъ трудности предпріятія и упущеній, какія могутъ у него найтись. Онъ восклицаетъ притомъ: «Разнообразіе политическихъ отношеній государства такъ обширно! Самая природа степей такъ многоразлична, возвышена и за-

гадочна! Кто въ состояніи описать все это достойнымъ образомъ?» (тамже). «Какъ ботаникъ, сберегая цвѣты въ гербаріумѣ, онъ будетъ радъ, если хоть нѣкоторыя изъ нихъ напомнятъ о природной ихъ свѣжести и живости» (тамже). Къ скромности-же автора надобно отнести и эпиграфъ, избранный имъ для предисловія:

«Viribus infirmi, vestro candore valemus,
Quem mihi si demas, omnia rapta putem».

Изъ Украйны ѣдетъ нашъ авторъ на почтовой тележкѣ чрезъ Кременчугъ и Николаевъ въ Одессу, весною 1838 года; здѣсь остается нѣсколько времени, описывая сначала городъ, потомъ окрестности. На пароходѣ переѣзжаетъ въ Ялту, изъ которой въ шесть дней дѣлаетъ кругъ по Южному-Берегу, чрезъ Алушту, Симферополь и Севастополь опять къ пароходу, который однако ушелъ прежде-времени и заставилъ г. Коля прождать на-мѣстѣ двѣ недѣли — впрочемъ кстати, потому-что половину времени онъ прохворалъ, а другую употребилъ, чтобъ взглянуть не на-лету на Русскій природный садъ. И больной г. Коль не провелъ времени безполезно: онъ слушалъ и записывалъ расказы какого-то выходца съ Кавказа, наговорившаго ему очень много, особенно объ Осетинцахъ. Воротясь въ Одессу опять на пароходѣ, авторъ прожилъ еще довольно времени въ одной изъ близъ-лежащихъ Нѣмецкихъ колоній, на берегу моря, посѣщалъ оттуда нѣсколько другихъ колоній. Наконецъ обратно выѣхалъ уже осенью за-границу, чрезъ Бессарабію на Черновицъ. Но тѣмъ не заключается сочиненіе автора. Слѣдуетъ самая интересная часть его: подробное описаніе Новороссійскихъ степей. Интересною назвалъ я эту часть потому, что авторъ думалъ придать ей систему, писалъ слѣдственно не по однимъ расказамъ колонистовъ, чумаковъ, карантинныхъ казаковъ и прочее, схваченнымъ во время быстрыхъ его объѣздовъ. Въ основаніе систематическому описанію онъ долженъ былъ конечно положить утвержденныя опытомъ сужденія писавшихъ до него, или указанія ученыхъ на-мѣстѣ. Онъ и началъ съ геологическаго описанія степей, помѣстилъ потомъ главу о климатѣ, и другую о дикихъ произрастеніяхъ, затѣмъ обратился къ описанію звѣрей, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ. Далѣе слѣдуетъ длинная глава о жизни пастуховъ съ ихъ стадами, еще одна глава о сравненіи Понтійскихъ степей съ другими, и все кончено историко-политическимъ взглядомъ на Россію и степи. Есть еще придаточная статья о Карантахъ. Вообще въ предисловіи ко II тому, авторъ относительно помѣщеннаго въ немъ описанія степей говоритъ, во избѣжаніе ложнаго о немъ сужденія, что оно сдѣлано отнюдь не для естествоиспытателей, а для любителей природы. «Мы хотѣли», продолжаетъ авторъ, «въ этихъ статьяхъ обратить вниманіе только на то, что въ особенности можетъ интересовать этнографа, историка и

географа; мы хотѣли изобразить природу и произведенія степей только въ томъ отношеніи, какое вліяніе они могли имѣть или имѣли на жителей. Притомъ старались мы для каждаго читателя начертать картину степей и степной жизни, конечно не отрекаясь дѣлать тамъ-и-сямъ замѣчанія, любопытныя можетъ-быть и для естествоиспытателя. Всякой путешественникъ, хотябъ и не ученый обязанъ считать себя въ службѣ у науки, такъ-какъ его замѣчанія могутъ пригодиться и для настоящихъ изслѣдователей» (ч. II. стр. V и VI).

Изъ выписаннаго нами оглавленія статей о степяхъ безъ-сомнѣнія видно, что авторъ желалъ сдѣлать его систематическимъ, а выписка изъ «Предисловія» показываетъ, что онѣ писаны для любителей природы, для этнографовъ, историковъ и географовъ. Но любитель природы не найдетъ, къ-сожалѣнію, въ описаніи степныхъ животныхъ, самаго любопытнаго изъ нихъ — верблюда, этого корабля степей, какъ назвали его Шатобріанъ и Мицкевичъ; нашъ авторъ не упомянулъ о немъ ни однимъ словомъ, а между-тѣмъ говоритъ будто у насъ нѣтъ вовсе буйволовъ (ч. II. стр. 235). Этнографъ тщетно захотѣлъ-бы, по разбираемой нами книгѣ, составить себѣ понятіе о жизни въ степяхъ Русскихъ поселянъ деревнями: онъ тутъ найдетъ какихъ-то троглодитовъ, живущихъ въ землянкахъ (ч. I. стр. 159), и можетъ подумать, что вся обширность степи населена только чабанами, табунщиками и странствующими чумаками. Часто упоминается, правда, о богатыхъ помѣщикахъ, но гдѣ и какъ живутъ они въ степяхъ, тщетно сталъ-бы искать любопытный читатель. Не понимаемъ что̀ именно считалъ авторъ написаннымъ для историка, ибо хотя послѣдняя глава въ книгѣ упоминаетъ о походѣ въ степи Персидскаго царя Дарія и о переселеніи народовъ[1], но едвали брошенныя сюда выдержки изъ лексиконовъ будутъ удовлетворительны и для неисториковъ. О «древностяхъ» Понтійскихъ береговъ почти не упомянуто и общими словами. Для географа общее понятіе о степяхъ было-бы любопытно, еслибъ оно заключало въ себѣ точность и полноту, но и онъ, вмѣстѣ съ этнографомъ, пожалѣетъ о томъ, что дикая природа степей описана подробно до невѣроятности, то-есть съ явными натяжками (какъ удостовѣримся послѣ) для приданія жизни тамъ, гдѣ ея нѣтъ, а образованный человѣкъ забытъ вовсе: если исключить нѣсколько страницъ о Нѣмецкихъ колоніяхъ, и-то помѣщенныхъ не въ систематическомъ описаніи степей, то въ остальныхъ не найдешь ни слова о земледѣліи. Разсуждая объ Одесской торговлѣ, самъ авторъ говоритъ (ч. I. стр. 51), что пшеница привозимая изъ Новороссійскаго-Края составляетъ главнѣй-

[1] Сказки о князѣ Драгошѣ, его быкѣ и собакѣ, помѣщены не въ описаніи степей, а въ путешествіи.

шій продуктъ ея, а между-тѣмъ не нашелъ заслуживающимъ вниманія сказать, гдѣ и какъ ее производятъ. О скотоводствѣ тоже находимъ у него одни поэтическія описанія, едва-ли чѣмъ нибудь пригодныя для географа.

Но можетъ-быть г. Коль писалъ, какъ говоритъ самъ (ч. I. стр. 87 и 91), дѣйствительно для философовъ? Конечно, все писанное служитъ пищею для философіи, по ея многоразличнымъ отношеніямъ; но и предъ нею точность была-бы главною заслугою, а ея-то наиболѣе недостаетъ въ нашемъ авторѣ.

Оба предисловія г. Коля до-того скромны, какъ мы видѣли, что сами собою объясняютъ, какъ далекъ былъ путешественникъ отъ наблюденій собственно по какой-либо наукѣ. Книга его чисто беллетрическая и, разсматриваемая въ этомъ отношеніи, имѣетъ свои достоинства. Безъ-сомнѣнія и самъ авторъ заботился болѣе о томъ, чтобъ книгу его раскупала и читала толпа, а не ученые люди, которыми не окупилось-бы изданіе, не-только путешествіе. Самая наружность показываетъ, что ею авторъ хотѣлъ пощеголять. Въ заглавіи каждой части помѣщенъ имъ фронтисписъ изъ рисунковъ и украшеній, составляющихъ принадлежности Южнаго-Края Россіи, Караванъ чабановъ, табуны и проч., все это сдѣлано не дурно и, какъ мы видимъ изъ подписи, самимъ авторомъ. Къ книгѣ приложена порядочная карта Южной-Россіи и Кавказа. Предъ каждою главою поставилъ онъ въ эпиграфъ нѣсколько стишковъ безъ подписи, слѣдственно своего сочиненія — à la Walter Scott. Въ слогѣ автора много живости, плавности, хвастливости, молодечества. Книга его читается очень легко и увлекательно. Внимательности и разнообразію взгляда его въ мелочахъ надобно отдать полную справедливость. Поэтизировать предметы онъ мастеръ; за-то конечно трудно въ какой-либо книгѣ встрѣтить столько преувеличеній и противорѣчій. Въ отзывахъ о Россіи и Русскихъ есть нѣкоторая благонамѣренность, хотя нельзя-же безъ-того, чтобъ не хлестнуть насъ хоть слегка варварами (ч. II. стр. 233). Безъ-того не пошла-бы, можетъ-быть, и книга! Подъ конецъ всего, чтобъ она была вполнѣ сообразна съ общимъ въ Европѣ мнѣніемъ, кинуто нѣсколько строкъ о предпринимаемой будто-бы Русскими экспедиціи въ Константинополь и, какъ это сказано не въ путешествіи, дѣланномъ въ 1838 году, а въ систематическомъ описаніи степей (ч. II. стр. 255), то-есть въ книгѣ, напечатанной 1841 года, то какъ-же хотите вы, чтобъ Германскіе публицисты, которыми наполнены тамъ всѣ трактиры, не бросились читать съ жадностью такую драгоцѣнность!

Изъ этого цѣль автора очевидна. Извѣстно, что онъ издалъ, кромѣ разсматриваемаго, много сочиненій о Россіи: Petersburg in Bildern und Skizzen; Die deutsch-russischen Ostseeprovinzen; Reisen im Innern von

Rußland und Polen. Можетъ-быть на сѣверѣ онъ жилъ долѣе и потому написалъ что-нибудь болѣе основательное. Но, воля его, самое раздробленіе описаній показываетъ уже намѣреніе пользоваться тогдашнимъ расположеніемъ публики. Почему-жь-бы и не такъ? Мы были-бы очень рады, еслибъ почаще говорили о насъ въ Европѣ. Только просимъ господъ раскащиковъ не шутить правдою, не щеголять на счетъ ея фразами, не преувеличивать предметовъ для поэтизированія, не выдавать частностей за цѣлое, не принимать случайностей за правила, не хвастать знаніемъ языка безъ малѣйшаго о немъ понятія, не величаться ссылкою на мѣстныя законы безъ доказательствъ и обличая себя самымъ дѣломъ.... Всего этого нашъ авторъ представляетъ неисчерпаемый запасъ, такъ что еслибъ мы рѣшились включать сюда сдѣланныя на поляхъ ремарки, которыми испещрена вся книга, то трудъ нашъ превзошелъ-бы ее величиною. Образчики должны мы представить, и надѣемся сдѣлать это, говоря о такихъ вещахъ, которыя наиболѣе могли-бы привлечь любопытство наше, хотя подвижность фантазіи автора такъ велика, что предлежитъ немаловажный трудъ собирать разбросанные клочки, относящіеся къ тому или другому предмету.

Хотѣлось-бы прежде всего узнать, понялъ-ли авторъ характеръ Новороссійскихъ жителей, особенно Русскихъ. Чтобъ рѣшить это, необходимъ вопросъ, знаетъ-ли г. Коль по-Русски? Для этого сдѣлаемъ извлеченіе изъ книги, которое занимательно само-по-себѣ, а вмѣстѣ должно удовлетворить нашему вопросу, на-счетъ знанія авторомъ Русскаго языка и характера:

«Хотя», говоритъ авторъ, «главное населеніе Новороссійскихъ степей состоитъ изъ Малороссіянъ, однако здѣсь много и Русскихъ. Они разсѣяны по всему краю въ званіи рыбаковъ, табунщиковъ, торговцевъ, извощиковъ, плотниковъ и другихъ. Потому не мудрено, что ихъ вездѣ встрѣчаешь, и мнѣ случилось разъ на степи итти вмѣстѣ съ такимъ длиннобородымъ кацапомъ, котораго темно-красное лице почти не отличалось отъ его пунсовой рубахи. *Я говорилъ* съ нимъ объ его рыболовствѣ этого года: оно шло, по его словамъ, дурно. Потомъ *разговорились мы* о томъ и о семъ, и когда нечего ужь было мнѣ вывѣдывать, я спросилъ, нравятся-ли ему степи. «Ахъ, сударь, могутъ-ли нравиться? Чему тутъ нравиться?» — Развѣ Россія *ваша* лучше? — «Наша Руссія? Руссія?[2] Какъ-же не лучше?» Я видѣлъ, что онъ готовъ разгорячиться и чтобъ не охладить его, возразилъ: Отчего-жь? — «О, въ Руссіи, сударь, тамъ всего довольно, а здѣсь — ничѣмъ-ничего. Въ Руссіи хлѣбъ лучше, домы лучше, земля лучше, снѣгъ лучше,

[2] Russia (не Rußland), какъ объясняетъ авторъ въ выноскѣ, есть Московитская земля, ядро Великороссіи.

лѣто и зима и всѣ времена года лучше. Тамъ горъ, долинъ, лѣсу и луговъ, колодцевъ, ручьевъ и рѣкъ вдоволь. Одно смѣняетъ другое, и все такъ хорошо!» Я видѣлъ, что онъ на-ходу и не сказалъ, что я тоже былъ въ Россіи; онъ продолжалъ со свойственнымъ всѣмъ Русскимъ, живымъ, исполненнымъ образности и мимики краснорѣчіемъ[3]: «Въ нашей землѣ большія, чудныя рѣки и передъ всѣми, мать-Волга съ ея дѣтьми. Лѣса большіе и прекрасные, дубъ, липа, букъ, ель и сосна — верхушками до небесъ! А въ лѣсу разнаго рода птицы поютъ, одна такъ, другая такъ (онъ присвистывалъ, какъ соловей и жаворонокъ). Да и что за воздухъ благовонный въ лѣсахъ! (Притомъ навѣвалъ онъ на себя воздухъ и втягивалъ его, какъ будто-бы онъ былъ полонъ фіалковаго запаха). И какъ все близко! Вотъ здѣсь ворота — отворишь, только за порогъ и ужь въ прекрасномъ лѣсу»[4]. (Тутъ онъ взялъ меня за руку и я долженъ былъ остановиться, какъ будто я былъ ворота, а онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ вглубь высокой травы, какъ будто въ лѣсу). «Что за музыка въ лѣсу», сказалъ онъ тогда, «и какъ солнце сверкаетъ между листьями! А вокругъ тебя въ лѣсу цвѣтутъ и зрѣютъ разныя ягодки: тамъ земляника, сударь, тамъ маленькая сладкая красная дикая малина, тамъ ежевика, голубика и всякая, всякая, такъ много, сколько душѣ угодно! Можешь прилечь гдѣ хочешь, и рвать ягодки, пока не встанешь сытый». Тутъ бросился онъ въ траву и сталъ рвать верхушки, какъ будто ягоды; онъ сталъ-бы пожалуй ихъ ѣсть, чтобъ только показать мнѣ, какъ легко и сладко проходятъ Русскія ягоды въ глотку. Потомъ вскочилъ онъ опять и сказалъ: «А грибы-то — всякаго рода и многое множество. Мы и свиней ими кормимъ. Здѣсь только трава и сѣно, вездѣ только трава и сѣно. Да и тѣ, посмотрите, какъ плохи! Жестки, карявы и бо̀льшую часть года безъ соку. И у насъ есть трава, высокая, мнѣ по-бороду, да что за трава: зеленая, мягкая, сочная и сладкая! Вотъ житье коровамъ: онѣ у насъ такъ жирны и толсты». (Онъ сталъ, напыжился и разставилъ врозь ноги и руки, какъ только могъ). «И вотъ, посереди всего того наша Москва, передъ всѣми городами славная и святая. Тамъ все есть, говорю я вамъ. А скажите, чтожь здѣсь? О, Россія была-бы первая и лучшая земля, кабы не одно — господа. Они все портятъ». (Вѣроятно, то былъ какой-нибудь бѣглый — замѣчаетъ авторъ). «Еслибъ мы ходили не въ степи, а въ Россіи, какъ-бы мы теперь

---

[3] Авторъ дѣлаетъ слѣдующую выноску: «Естественное краснорѣчіе Русскихъ безъ-сомнѣнія не имѣетъ себѣ подобнаго въ другихъ Европейскихъ народахъ, а мимика ихъ гораздо пріятнѣе и понятнѣе, чѣмъ напримѣръ у Италіянцевъ, которые для иностранца дѣлаютъ только неповятныя кривлянья.

[4] «Великороссы», замѣчаетъ авторъ, «распространялись по лѣсамъ, а Малороссы по степямъ»; но собственно Малороссія вовсе не степь!

погуляли[3] — то у ручья, то въ рощѣ, то по деревнѣ. А здѣсь мы нѣсколько часовъ идемъ въ травѣ, пока не дойдемъ до деревни. Вездѣ трава, камышъ, да бурьянъ; солнце печетъ, а нѣтъ деревца для тѣни. Если вонъ это облако принесетъ намъ дождя и вѣтру, то нѣтъ и горки, чтобъ прислониться, а если языкъ присохнетъ къ горлу, нѣтъ и земляничи, чтобъ освѣжить его» (ч. II. стр. 102–106).

Послѣ такого длиннаго и нельзя сказать, чтобъ вовсе неправдоподобнаго разговора съ Русскимъ рыбакомъ, можно-ли сомнѣваться въ знаніи авторомъ Русскаго языка? Правда, что мимика простыхъ людей Русскихъ, именно тогда какъ они говорятъ съ иностранцами, чрезвычайно выразительна, и авторъ могъ о многомъ догадаться по ней, какъ это замѣтно отчасти (еще болѣе въ оригиналѣ, чѣмъ въ переводѣ) по нѣкоторымъ, несвойственнымъ Русскому мужику выраженіямъ. Однако образъ мыслей настоящаго Русскаго схваченъ довольно вѣрно. Соберемъ-же другія черты, замѣченныя въ Русскихъ нравахъ и посмотримъ далѣе.

Въ самомъ началѣ книги (ч. I. стр. 3), авторъ удивляется мудрости природы, что она помѣстила такую довольную малымъ, терпѣливую и живучую (zähe) націю въ столь непривѣтливо-суровой землѣ, какъ Россія. Далѣе (стр. 4) онъ говоритъ весьма справедливо: «Еслибъ всю спокойную Нѣмецкую націю вдругъ перенести на мѣсто Русской, она вѣроятно отъ одной заботы просто о вседневныхъ, мирныхъ дѣлахъ государственнаго организма, истощилась-бы голодомъ, жаждою и бѣдствіями всякаго рода и не могла-бы вовсе ничего сдѣлать на войнѣ».

Прочтитежъ въ другомъ мѣстѣ (ч. I. стр. 144): «И физическая природа Нѣмца имѣетъ преимущество передъ Русскою. Хотя Русской живучѣе и сноснѣе на вѣтру и въ непогодь, при голодѣ и жаждѣ, за-то Нѣмецъ сильнѣе и ядренѣе (körniger), и какъ Русской годенъ въ отрицательномъ, въ перенесеніи трудовъ и *неудобствъ*, такъ Нѣмецъ въ положительномъ, въ *дѣланіи*. Это видно даже изъ ежедневныхъ столкновеній въ спорахъ — я разумѣю въ дракахъ Нѣмцевъ съ Русскими — въ которыхъ Русской всегда въ проигрышѣ. Нѣмецкій кулакъ не боится двухъ или трехъ Русскихъ, и Русской одинъ никогда не посмѣетъ выйти грудь съ грудью на Нѣмца. Я могъ-бы привести множество небольшихъ, для этнографа интересныхъ, разказовъ и замѣчаній, изъ которыхъ Summa Summarum выходитъ, что *нѣмецкіе удары*, о которыхъ и Шиллеръ говоритъ въ своемъ «Фіеско», здѣсь также страшны, какъ и въ Италіи: «Pisse Njemtzi! Pisse Njemtzi! восклицаютъ Русскіе, когда Нѣмецъ ѣдетъ на крѣпко-окованной и гремящей желѣзными цѣпями телѣгѣ, и спѣшатъ свернуть съ дороги, зная по опыту,

[3] Авторъ пишетъ gulaien и говоритъ, что это слово германизировано Русскими Нѣмцами.

что ихъ деревянная повозка противу той не устоитъ.» Здѣсь слова г. Коля переведены слово-въ-слово, и по нашему мнѣнію изъ этого Summa Summarum выходитъ: 1) что онъ противорѣчитъ самъ себѣ (стр. 144 съ 4-й); 2) что этнографа помазали только по усамъ, а никакого примѣра въ подкрѣпленіе сказаннаго ему не дали, потому-что 3) телѣга Русская можетъ не устоять противу хорошо-окованной, съ желѣзными цѣпями, Нѣмецкой, но Русской желѣзный кулакъ все-таки можетъ постоять противъ десятка Нѣмецкихъ, а отважность Русскаго такъ велика, что онъ едва-ли когда-нибудь смотритъ на число противоборцевъ. Наконецъ 4) угадаете-ли, что значитъ Pisse Njemtzi? Это значитъ, что авторъ вовсе не такъ силенъ въ Русскомъ языкѣ, какъ было мы предположили выше. Впрочемъ тутъ еще кое-какъ можно догадаться: «бѣсы Нѣмцы». Но что значитъ: peressinja (ч. I. стр. 160), Stubka (стр. 162), Afialtschik (стр. 223) и нѣсколько другихъ словъ, мы, при всемъ стараніи, добраться не могли. *Ссыпать* (ssipati), по случаю толкованія о «*Пересыпи*», авторъ переводитъ schreiten, что значитъ *шагать* (ч. I. стр. 37); также *пересыпать* (perssipati) — hinüberlaufen, что значитъ *перебѣгать* (ч. II. стр. 76). Разказывая, что Молдаване худо выучиваются по-Русски; что они передъ Русскимъ *и* всегда ставятъ еще *j*, авторъ въ примѣръ приводитъ слово ischora (ч. II. стр. 40). Извольте-жь угадать, что оно значитъ.

Но не о словахъ дѣло. Человѣкъ образованный, зная хорошо языкъ, можетъ иногда дѣлать ошибки въ словахъ; за-то по фразамъ, принадлежащимъ къ обыкновенной вседневной рѣчи, замѣтно будетъ его знаніе. Къ-сожалѣнію, каждая фраза, поставленная въ книгѣ г. Коля (а онъ охотникъ ихъ ставить) обличаетъ въ немъ такъ-сказать обезьянство языка, а не познаніе. Онъ записывалъ слышанное, но безъ поправокъ. Онъ пишетъ: schto bui kupaitze? Bog s'tebæ! и проч. У него никогда прилагательное не согласнено съ существительнымъ въ родѣ и числѣ. Самыя обыкновенныя во всякомъ языкѣ названія, какъ напримѣръ «*низкое мѣсто*» и т. п. онъ принимаетъ за техническія выраженія. За-всѣмъ-тѣмъ онъ ведетъ длинные разговоры не только съ Русскими, но и съ Малороссіянами, которыхъ и Русской, безъ большой привычки, никакъ разумѣть не можетъ. Какъ незнаніе языка, такъ и хвастовство на-счетъ его знанія, уменьшаютъ въ сильной степени довѣренность къ нашему автору. Мы не рѣшились-бы даже много заниматься его книгою, но ей вѣрятъ Нѣмцы, непонимающіе нашего языка, и она доказываетъ дѣйствительно, что авторъ умѣлъ собирать слышанное: постараемся-же забыть хвастливость и станемъ продолжать.

Обратимся къ тому, какія свойства замѣчены авторомъ въ Русскихъ нравахъ. Онъ отдаетъ должную справедливость нашему гостепріимству, ставя его «*даже*»

выше Нѣмецкаго (ч. I. стр. 133). Онъ считаетъ Русскаго терпѣливымъ и никогда не жалующимся ни на судьбу, ни на свое начальство (ч. II. стр. 15). На той-же страницѣ отзывается онъ нѣсколько насмѣшливо на-счетъ религіозности ихъ, приводя въ примѣръ привычку отвѣчать на все: «слава Богу!» Еще пишетъ онъ, что Русскіе нищіе умѣютъ выпрашивать и что конечно, тотъ долженъ быть жестокосердъ и безчувственъ, кто въ состояніи отказать имъ (ч. II. стр. 28). Очень понравились автору веселые Русскіе *извощики*, *ихъ пѣсни*, *ихъ* разговоры съ лошадьми, и проч. Онъ началъ уже (ч. I. стр. 6) учить Нѣмцевъ ямскому языку Русскому: «He he! garkaja! nu nu! popi! schewelitsa! beregitsa! nu nu! rasom! po goru! po goru! po gorutschku! juchti warwari!»[6]. Впрочемъ въ этомъ началѣ только-что исковерканъ языкъ, а далѣе.... авторъ напрасно не посовѣтался съ-кѣмъ-нибудь изъ Русскихъ: сами ямщики поступаютъ вѣжливѣе. Ни одна порядочная женщина не услышитъ отъ нихъ того, что *напечаталъ* онъ въ книгѣ, которой старался придать élegance и которую, слѣдственно, желалъ видѣть и въ рукахъ дамъ. Авторъ подшучиваетъ надъ Русскою вѣжливостью (ч. I. стр. 65), но кажется она всегда и вездѣ болѣе умѣстна, чѣмъ Нѣмецкая Steifheit: наши простолюдины поклонами и привѣтствіями, иногда излишними, хотятъ поддѣлаться подъ тонъ господъ, но не лучше-ли это, чѣмъ господамъ поддѣлываться подъ тонъ ямщиковъ?

Къ хорошимъ качествамъ, какія авторъ находитъ въ Русскихъ, надобно отнести необыкновенную ловкость, которую приписываетъ онъ нашимъ, или вообще Славянскимъ женщинамъ. «Съ небольшимъ трудомъ», говоритъ онъ (ч. II. стр. 31), «изъ Русской крестьянской дѣвки можно сдѣлать совершенную *бальную даму*, во столько дней, во сколько лѣтъ напримѣръ со Шведкою или Датчанкою, едва-ли достигнешь того, чтобъ сколько-нибудь маскировать пустившую глубокіе корни *неотесанность*».

Къ тѣмъ-же хорошимъ качествамъ отнесли-бы мы замѣченный авторомъ торговый духъ Русскихъ, еслибъ онъ говорилъ о томъ не съ насмѣшкою. «Кременчугъ хотя лежитъ въ землѣ Малороссіянъ, но торговые люди тамъ наиболѣе Жиды, Армяне, Греки и особливо Великороссіяне, у которыхъ въ крови спекулятивный духъ» (ч. I. стр. 7). Въ Одессѣ Русскихъ зовутъ «*кацапами*». Это слово, говорятъ, Татарское и значитъ «*мясникъ*», но оно здѣсь такъ употребительно, что многіе не знаютъ другаго имени для Великороссіянъ. Малороссіяне считаются здѣсь честнѣе, прилежнѣе, нравственнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ лучше Русскихъ, которымъ приписываютъ всѣ возможныя мо-

[6] И тутъ, въ объясненіяхъ этихъ словъ, авторъ показываетъ свое глубокое познаніе Русскаго языка. Garkaja (вѣроятно: *горькая*) переводитъ онъ «Du Bittere», то-есть горькая на вкусъ; po goru (вѣроятно: *подъ гору*) — на гору; a juchti (вѣроятно: *эй, ты*) — Зифье! т. е. ура!

ленничества и безпутства, тогда-какъ на сѣверѣ, по границамъ Малороссіи, думаютъ совершенно тому противное. Тамъ считаютъ Великороссіянина дѣятельнѣе, смышленѣе, изворотливѣе въ торговлѣ и во всѣхъ отношеніяхъ выше безпечнаго, обманчиваго и преданнаго пьянству *хохла* «Cacholl» (ч. I. стр. 113–114). Интересно продолженіе послѣдней страницы: «Нѣмцовъ зовутъ въ Петербургѣ *шмерцами*, вѣроятно потому, что они всегда очень часто употребляютъ слова Schmerzen, Herzen и тому подобныя риѳмы. Въ Москвѣ зовутъ ихъ Kalabassniki (колбасники), а здѣсь Kartoffele, потому-что они величайшіе во всемъ краю охотники до картофеля. Эти названія даны отчасти впопадъ, отчасти-же вовсе для насъ не лестны. Впрочемъ я надѣюсь доказать, когда буду имѣть случай говорить о Нѣмецкихъ колоніяхъ, что мы Нѣмцы разумѣемъ и другое-что, кромѣ дѣланія колбасъ, ѣды картофеля и сантимантальнаго риѳмованья на Herz и Schmerz». Всякой господинъ въ своемъ краю и въ своемъ дѣлѣ: въ Малороссіи, какъ мы видѣли, унижаютъ Русскихъ, въ Россіи Малороссіянъ и Нѣмцевъ; такъ и г. Коль въ Германіи пускаетъ на насъ своею книгою стрѣлы мщенія, презрѣнія и брани, выставляя, разумѣется, свою братью Нѣмцевъ. Мы читали уже нѣчто о физической силѣ. Не угодно-ли заглянуть опять на стр. 144 (ч. I): «Во всѣхъ отношеніяхъ превосходство Нѣмца надъ Русскими беретъ такой верхъ, что при столкновеніи этихъ двухъ національностей, Нѣмецкая должна всегда побѣждать. Нѣмецъ мыслитъ, а Русской нѣтъ. Нѣмецъ работаетъ и подвигается впередъ, а Русской мѣшкаетъ и легко ворочается назадъ. Нѣмецъ даже обманываетъ основательнѣе, чѣмъ Русской, который, не смотря на свою ловкость, подъ конецъ дѣла всегда остается въ дуракахъ»... «По симъ причинамъ всѣ окрестные Русскіе простолюдины скорѣе *боятся* и *высоко уважаютъ* Нѣмецкихъ колонистовъ, *нежели ненавидятъ* ихъ, какъ утверждали недавно въ одномъ журналѣ. Русской слишкомъ чувствуетъ великое превосходство Нѣмца. Хочетъ онъ или нѣтъ, а долженъ признать его, и для ненависти тутъ едва-ли останется мѣсто (тамже стр. 145)». Говоря о сарапчѣ (ч. II. стр. 158), авторъ тиснулъ вотъ какую фразу: «Изъ всѣхъ націй, которыя живутъ въ области сарапчи, Нѣмецкая есть конечно наиболѣе мыслящая и смышленая». Но всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи разговоръ его съ писаремъ на станціи близъ Одессы: «Я спросилъ его (о колонистахъ Мангейма; ч. II. стр. 2): трудолюбивы-ли эти люди. «О, да! очень!» отвѣчалъ онъ мнѣ. «Они прилѣжны и живутъ хорошо. Всѣ работаютъ у нихъ, мужчины и женщины, старики, которые ужь вотъ такъ трясутся и дѣти, которые еще вотъ такъ невелики». Тутъ я спросилъ, чисто-ли и опрятно-ли они живутъ. «Нѣтъ», сказалъ онъ «это вѣдь не настоящіе Нѣмцы, а такъ обыкновенные Швабы». Этимъ хотѣлъ онъ

сказать, чтобъ я не воображалъ себѣ ихъ жилищъ такими отличными и *элегантными*, какія у Нѣмцевъ, живущихъ въ Русскихъ городахъ; потому-что только этихъ Русской называетъ преимущественно Нѣмцами, такъ какъ онъ съ ними прежде познакомился, нежели съ нашими поселянами, пришедшими позже въ его землю, и воображаетъ себѣ, что каждый «настоящій Нѣмецъ» долженъ быть образованный элегантный джентлменъ (!). Потому-то поселянъ отличаетъ онъ отъ Нѣмцевъ и называетъ тѣхъ Швабами, откуда-бы они ни пришли, съ береговъ Эльбы или Дуная. Странно, что у Поляковъ тоже самое: отъ Кракова до Волги всѣ Нѣмецкіе колонисты у простолюдиновъ называются Швабами. Впрочемъ писарь не былъ неправъ на-счетъ опрятности, потому-что въ Россіи вездѣ дѣлаютъ не весьма лестное для Нѣмецкихъ мужиковъ замѣчаніе, что Малороссіяне, по-крайней-мѣрѣ на тѣлѣ, несравненно опрятнѣе Нѣмцевъ». Здѣсь, кромѣ похвальбы на-счетъ *элегантности* и *джентлменства* Нѣмцевъ, которая въ Россіи можетъ возбудить только смѣхъ, вообще несправедливо сужденіе автора: Швабами называютъ колонистовъ вѣроятно потому, что первые переселенцы были Швабы. Въ Таврической губерніи, гдѣ много колоній, это послѣднее названіе простолюдинамъ вовсе неизвѣстно. Относительно-же трудолюбія и даже опрятности, между самими колонистами существуетъ большая разница: сравните менонистовъ съ лютеранами, а еще болѣе съ католиками въ Тавридѣ. Первые могутъ служить образцемъ трудолюбія и опрятности; вторые далеки отъ того, а послѣдніе — и подавно.

Очень близкій къ тому-же предметъ заставляетъ насъ поговорить о стр. 151 (ч. I). Дѣло идетъ о томъ, могутъ-ли колонисты служить примѣромъ для Русскихъ? «Думаютъ, что нѣтъ», отвѣчаетъ авторъ. «Утверждаютъ, что Русской ненавидитъ Нѣмца и уже это одно мѣшаетъ ему перенимать. Кромѣ-того Русской такъ привязанъ къ старымъ своимъ привычкамъ, что развѣ очень рѣдко рѣшается отступить отъ того, какъ дѣлали его «pradi» (*должно думать*: «прадѣды» или «предки»). Можетъ-быть это и правда», продолжаетъ авторъ, «потому-что вообще всякая національность отталкиваетъ отъ себя другую — точно такъ-же и Русскіе съ Нѣмцами; а притомъ очень трудно заставить народъ быть иначе, нежели какъ онъ есть. Въ Русскомъ нѣтъ этого ревнующаго къ улучшенію и усовершенствованію смысла и такого Нѣмецъ конечно не внушитъ ему. Должно-бы влить въ него другую кровь, чего нельзя сдѣлать». Вотъ какъ жалки, мы Русскіе! Но правда-ли это? Самъ авторъ точно-ли такъ думаетъ? Прочитавъ его книгу, мы полагаемъ, что даже она способна внушить вовсе иное о насъ понятіе. Выше мы замѣтили уже, что авторъ впадаетъ въ противорѣчія: нѣтъ-ли и тутъ подобнаго? Поищемъ! И вотъ, перевернувъ одну страничку назадъ (ч. I. стр. 148), чи-

таемъ: «Названіе Бурлацкой» (авторъ переводитъ Spitzbubendorf, то-есть *мошенническая деревня!*) «сохранила эта деревня изстари, когда здѣсь въ каждой балкѣ и при каждомъ устьѣ рѣки жили грабители и разбойники. Теперь живутъ въ ней честные земледѣльцы — Малороссіяне. Но какъ недавно миновалось это старое время здѣшняго края, и какъ изумительна та волшебная сила, какую показало Русское государство въ цивилизаціи и обработаніи пустыней! Здѣсь, на томъ мѣстѣ, на которомъ, какъбы далеко ни заглянули мы въ исторію, намъ всегда представляются только дикія, разбойническія кочевыя орды, нынѣ раскрыта передъ глазами нашими картина мирно трудящихся поселенцовъ, какой нельзя лучше желать и для другихъ странъ, обработываемыхъ отъ самаго начала исторіи». Вотъ еще (ч. I. стр. 53): «Надобно по правдѣ признаться, что процвѣтаніе и возвышеніе Русскаго государства превосходитъ всѣ предреченія, какія-бы самый смѣлый пророкъ могъ сдѣлать о немъ за сто лѣтъ предъ симъ». Странное дѣло: какъ-же государство успѣваетъ въ томъ съ людьми, не имѣющими смысла къ улучшенію? Скорѣе, кажется, авторъ не успѣлъ сгладить несообразностей въ своей книгѣ, поспѣша изданіемъ ея въ свѣтъ. Важнаго въ нашемъ краю вопроса о подражаніи колонистамъ, надѣюсь, коснуться еще послѣ.

За тѣмъ можно выбрать изъ книги только краткія и мелочныя замѣчанія о нравахъ Русскихъ, какъ напримѣръ: «будто въ каждомъ обозѣ непремѣнно долженъ быть пѣтухъ, который будитъ чумаковъ на разсвѣтѣ» (ч. I. стр. 27); «будто у каждаго поселянина есть котъ и кошка, которыхъ зовутъ Waschka и Maschka» (ч. I. стр 133); «будто казаки всего боятся, что не похоже на ихъ воловъ» (ч. II. стр. 153); «будто въ Россіи тараканы водятся и въ домахъ вельможъ (in den Häusern der Grossen, ч. II. стр. 174)» и проч. Но забавно, какъ авторъ сдѣлалъ насъ обжорами. Разказывая объ амбарахъ въ Одессѣ на берегу моря, гдѣ по его словамъ огромными грудами навалены «raschki» то-есть «рожки», онъ продолжаетъ: «Русскіе, которые любятъ имѣть всегда что-нибудь между зубами, жуютъ ихъ до Москвы и Петербурга[7]. Всѣ работники, которые при томъ заняты, кусаютъ безпрестанно сладкіе стручья и наполняютъ ими карманы. Одинъ смотритель амбара сказалъ мнѣ, что онъ ежедневно теряетъ такимъ-образомъ отъ одного до двухъ пудовъ (!), но за-то дешевле платитъ рабочимъ, потому-что они охотнѣе къ нему идутъ. Сущіе дѣти (wahre Kinder) эти Русскіе! И здѣсь, въ Одесскихъ амбарахъ, для утробы и фантазіи *нашихъ дѣтей* найдется много пищи, и проч.» (ч. I. стр. 65-66).

Итакъ весь приговоръ основанъ только на нелѣпомъ разказѣ смотрителя амбара о

[7] Фраза передана, какъ стоитъ въ подлинникѣ: fahren es bis nach Moskau und Petersburg hin.

лакомствѣ рабочихъ. Намъ помнится, что самъ авторъ не такъ строгъ на-счетъ лакомства въ другихъ случаяхъ. Посмотримъ на стр. 195 (ч. I), гдѣ авторъ описываетъ Татарскую деревню въ Крыму. «У каждаго дома стоятъ старыя фиговыя, шелковичныя или орѣховыя деревья, все такія растенія, которыя превосходятъ фруктовыя деревья нашихъ селеній тѣмъ, что несравненно ихъ живописнѣе, и наши дубы тѣмъ, что приносятъ плодъ, а это послѣднее качество въ глазахъ такого ѣдолюбиваго существа, какъ человѣкъ, имѣетъ всегда особенную прелесть. Шелковицы были тогда спѣлы и какъ-скоро мы вошли въ домъ Измаила, онъ пригласилъ меня попробовать этого фрукта, который здѣсь особенно великъ и мнѣ чрезвычайно понравился. Какъ счастливы дѣти въ Германіи, что тамъ нѣтъ этихъ деревъ со сладкими кровавыми ягодами! Всякой день доставалось-бы имъ по пальцамъ за вымаранныя руки и пятна на рубахѣ». Далѣе (стр. 200), авторъ при проѣздѣ верхомъ по Южному-Берегу, говоритъ: мы обсасывали (wir milchten) одну шелковицу за другою и, какъ гусеницы, объѣдали ежевичные кусты по дорогѣ». Стало-быть и намъ остается воскликнуть о немъ: wahres Kind!

Кажется довольно примѣровъ въ доказательство, что авторъ мало занимался правами Русскихъ и худо ихъ понялъ. О прочихъ жителяхъ Южнаго-Края Россіи находимъ въ книгѣ еще менѣе замѣчаній и тѣ очень мелочны: Грузинъ считаетъ авторъ способными быть только бородобрѣями (ч. I. стр. 58), потому-что въ Одессѣ будто-бы 100 цирулень содержатся все Грузинами[8]; Булгары расхвалены за трудолюбіе и обруганы за скупость. «Булгаринъ, сказалъ мнѣ одинъ Нѣмецъ (ч. I. стр. 132) работаетъ какъ лошадь, копитъ какъ сорока и живетъ какъ свинья». На-счетъ Армянъ авторъ удивляется только (ч. I. стр. 172) повсемѣстному ихъ распространенію, не зная вовсе, что правительство старалось ихъ привлечь разными привиллегіями, какъ людей промышленныхъ и торговыхъ. О Караитахъ есть особая статья въ концѣ книги. Въ ней сказано, хотя и невѣрно, гдѣ сколько живетъ Караитовъ и какъ они одѣваются, но ни о родѣ занятій ихъ, ни о правахъ, нѣтъ достаточныхъ свѣдѣній. Евреевъ передразниваетъ авторъ, какъ Нѣмецъ, котораго языкъ они портятъ. И о Грекахъ, составляющихъ одно изъ главныхъ населеній Южнаго-Края, вспоминаетъ онъ рѣдко, и-то болѣе чтобъ ихъ побранить. Наконецъ Татаръ представляетъ самымъ добродушнымъ, чуть не сантиментальнымъ народомъ. Вообще объ иностранцахъ, живущихъ въ краю, г. Коль говоритъ (ч. I.

[8] По взятой справкѣ оказалось, что вмѣсто 100 цирулень, содержимыхъ все Грузинами, тамъ находилось ихъ въ 1843 году около 40, а въ числѣ бородобрѣевъ большая часть Армянъ, потомъ Греки, Евреи, одинъ Нѣмецъ изъ Гамбурга и — ни одного Грузина. Съ 1838 года въ этомъ не могло произойти большой перемѣны: извольтежь вѣрить путешественнику.

стр. 150), что будто они имѣютъ привилегію пользоваться всѣми преимуществами подданныхъ, не раздѣляя съ ними ни одной изъ тягостей....

Въ путешествіи, которому не предназначено никакой ученой цѣли, — которое, какъ мы видѣли, имѣетъ притязаніе обратить на себя вниманіе философовъ, — казалось-бы о чемъ заманчивѣе повести рѣчь, какъ не о жителяхъ посѣщеннаго края? И нашъ край, населенный людьми столь многоразличныхъ націй, конечно могъ послужить въ этомъ отношеніи богатымъ рудникомъ для наблюдателя. Однако свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ по этой части, вовсе неудовлетворительны. Посмотримъ, что говоритъ онъ о мѣстахъ жительства — о городахъ и селеніяхъ.

Едва только г. Коль въѣзжаетъ на нашу степь, подъ Елисаветградомъ, какъ начинаетъ длинно судить и рядить о нашемъ раковинномъ камнѣ, изъ котораго, по его словамъ, дѣлаются всѣ постройки. Этотъ камень называетъ онъ самымъ жалкимъ и бреннымъ строительнымъ матеріяломъ въ свѣтѣ. «Онъ такъ мягокъ (ч. I. стр. 20), что можно вколотить въ него гвоздь, даже палкой можно просверлить въ немъ дыру, а притомъ до-того скважистъ, что стѣны толщиною въ 3 и въ 4 фута пропускаютъ вѣтеръ, и сырость вбираютъ въ себя какъ губка.... При скорости разрушенія, свойственной этому камню, все построенное изъ него, въ короткое время обращается въ развалины. Потому-то всѣ деревни и города въ степяхъ наполнены новыми руинами. Бо́льшая часть домовъ полуразрушена, заборы валятся, и всѣ мосты въ такомъ положеніи, что охотнѣе ѣздятъ подлѣ нихъ черезъ воду. Въ иныхъ мѣстахъ можно видѣть до трехъ разрушенныхъ мостовъ, одинъ подлѣ другаго (!). Города Николаевъ, Севастополь и предмѣстія Одессы наполнены такими отвратительными новыми руинами»..., и проч. Чегожь добраго ожидать при такомъ, съ самаго начала, невѣрномъ взглядѣ автора? Далеко не всѣ постройки дѣлаются изъ ноздреватаго раковиннаго камня: самъ авторъ видѣлъ въ Севастополѣ доки и хвалитъ бѣлый известковый камень, изъ котораго они выстроены (ч. I. стр. 260). Въ частныхъ постройкахъ городовъ нашихъ употребляется преимущественно крѣпкій бутовой камень, а его находятъ почти вездѣ. Да и раковинный камень вовсе не такъ непроченъ, какъ думаетъ г. Коль. Впрочемъ преувеличеніе всегда его дѣло и оно ясно изъ самаго описанія: какая, напримѣръ, надобность строить три моста, одинъ подлѣ другаго? Еслибъ камень и могъ вовсе разрушиться, даже обратиться въ порошокъ, то неудобнѣе-ли новый мостъ построить на томъ-же мѣстѣ? Очень немудрено, что автору показалась разрушеніемъ въ нашихъ городахъ недоконченность ихъ: не только въ Новороссійскомъ-Краю, и во всей Россіи почти нѣтъ готоваго города, который-бы поддерживал-

ся только починками, какъ въ Германіи. Мы вездѣ только еще *устроиваемся*....

За тѣмъ слѣдуетъ неутѣшительное извѣстіе, будто-бы въ маленькихъ городкахъ нашего края, любимый и самый употребительный матеріялъ для мощенія улицъ — навозъ, которымъ заравниваютъ всѣ рытвины и неровности. «И въ самомъ дѣлѣ», говоритъ авторъ (ч. I. стр. 25) «черноземъ иногда такъ растворяется, что пѣшеходъ бываетъ очень радъ стать твердою ногою на новозной кучѣ, гдѣ по-крайней-мѣрѣ жизнь его въ безопасности». Въ самомъ дѣлѣ, скажемъ и мы, маленькія городки наши очень грязны, хотя изъ того вовсе не слѣдуетъ, чтобъ ихъ мостили навозомъ.

Въѣзжая въ Одессу чрезъ «Пересыпь», г. Коль говоритъ, что это предмѣстіе и всѣ другія этого города выстроены изъ помянутаго ноздреватаго камня безъ извести и безъ всякой смазки, что̀ очевидно несправедливо. При въѣздѣ въ Одессу черезъ «Пересыпь» гораздо приличнѣе было-бы сказать о чудесномъ лѣсѣ, разведенномъ въ короткое время на сыпучихъ пескахъ, о чемъ г. Коль не упомянулъ ни однимъ словомъ. Впрочемъ Одессою авторъ занимается очень много. Онъ осмотрѣлъ всѣ углы и даетъ подробное описаніе. Тѣмъ страннѣе встрѣтить у него недостатокъ свѣдѣній о важнѣйшихъ учрежденіяхъ города. Онъ говоритъ, что тамъ вовсе нѣтъ больницъ, рабочихъ и сиротскихъ домовъ, какъ вообще многихъ подобныхъ необходимыхъ для хорошо устроеннаго общества предметовъ. Онъ приписываетъ это «столкнувшемуся пестрому, несогласному между-собою и непатріотическому населенію». Упрекъ этотъ нашли мы столь важнымъ, что постарались достать оффиціяльное свѣдѣніе о больницахъ и помѣщаемъ его здѣсь, чтобъ всякой могъ повѣрить. Вотъ оно:

Больницы въ городѣ Одессѣ двоякаго рода:

I. Общія, въ которыя принимаются всякаго званія люди, непринадлежащіе ни къ какому особому вѣдомству. Сюда относятся:

1. *Городовая больница;* въ ней къ Декабрю 1842 оставалось на лицо 451 муж. и 84 жен. пола; въ теченіе года прибыло 2,334 муж. и 387 жен. пола; выздоровѣло 2,210 муж. и 305 жен. пола; умерло 248 муж. 81 жен. пола; осталось къ 1 Декабря 1843 года 327 муж. 85 жен. пола. Въ томъ числѣ было военныхъ чиновъ 1699.

2. *Еврейская больница* содержится на счетъ кагала; въ ней 60 кроватей. Къ 1 Декабря 1842 оставалось больныхъ 47; прибыло въ продолженіе года 347; выздоровѣло 302; умерло 48; къ 1 Декабря 1843 осталось 44 человѣка.

3. *Лечебница для приходящихъ.* Въ ней пользуются только больные, которые еще въ состояніи приходить въ заведеніе. Въ теченіе 1843 года всѣхъ больныхъ пользо-

валось въ ней 751; изъ нихъ выздоровѣло 690; умерло 4; осталось на пользованіи 57.

II. Больницы при особыхъ заведеніяхъ:

1. При *карантинѣ* для пассажировъ, не кончившихъ еще обсерваціоннаго термина.

2. При *тюремномъ замкѣ*.

3. При *сиротскомъ домѣ Женскаго Благотворительнаго Общества*.

4. При *баталіонѣ карантинной стражи*.

5. При *Лицеѣ*.

6. При *Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ*.

Тутъ не помѣщена еще глазная лечебница, которую можно назвать частнымъ заведеніемъ.

И такъ 10 больницъ, весьма значительныхъ и по размѣру. Чегожь болѣе для города въ 50,000 жителей? И можно-ли упрекать ихъ за то въ недостаткѣ патріотизма?

Пропуская многое, относящееся къ городамъ, на что-бы можно было сдѣлать тысячу замѣчаній, мы никакъ не можемъ не подточить еще болѣе вѣры иностранцевъ къ нашему автору несообразностью, какая попалась намъ на стр. 71 (ч. I). Вотъ она: «Сѣверныя Понтійскія гавани замерзаютъ почти каждую зиму и часто даже море покрывается льдомъ мили на двѣ отъ берега. Таврическій Босфоръ замерзаетъ во всякую жестокую зиму. Даже случается, что изъ Одессы въ Крымъ можно бываетъ ѣздить по льду (!). Правда, что иногда тоже случалось и въ сѣверномъ углу Адріатическаго-Моря. Но здѣсь, на Понтѣ, эти случаи принадлежатъ къ обыкновеннымъ явленіямъ (!!), и очень примѣчательно, что Одесское мореплаваніе прерывается чаще и на долгайшее время, нежели Копенгагенское (!!!), отдаленное на столько градусовъ къ сѣверу». Положимъ, что иному есть удовольствіе клеветать на людей, но Боже мой! какая-же охота клеветать на природу! Очень извѣстно, что страны, лежащія къ востоку, холоднѣе западныхъ; однакожь въ такой-ли мѣрѣ, какъ утверждаетъ авторъ? Въ какихъ лѣтописяхъ записана и чья поѣздка по льду изъ Одессы въ Крымъ? Ужь не на оленяхъ-ли? Жаль, что авторъ не сообщаетъ подробностей!

Чтобы доказать, по обѣщанію, знаніе авторомъ законовъ нашихъ, кстати о городахъ, сошлемся на страницы: 171 (ч. I), гдѣ авторъ не шутя утверждаетъ, что Аккерманъ населяется безпрерывно еще болѣе, такъ-какъ ему дана «привиллегія» не спрашивать у приходящихъ о паспортахъ, а принимать въ стѣны свои всякаго, кто пожелаетъ (?); 221 (тамже), гдѣ говоритъ, что Багчесарай предоставленъ Татарамъ, какъ собственное, исключительное (!) жилище, такъ-что Русскіе и вообще не-Татары, не могутъ тамъ селиться, кромѣ чиновниковъ, посылаемыхъ правительствомъ; 259 (тамже), гдѣ онъ пишетъ, что отъ прежняго Ахтіара, на мѣстѣ котораго выстроенъ Севастополь, не осталось и слѣда, и даже все Татарское населеніе изгнано изъ города, а

также Евреямъ и Цыганамъ *иногда* пребываніе тамъ запрещается[9].

Мы обѣщали сказать что-нибудь о селеніяхъ, но авторъ едва упоминаетъ, что они есть въ степяхъ нашихъ. Во многихъ мѣстахъ его книги найдете вы, что степные обитатели живутъ въ землянкахъ (ч. I. стр. 14, 159, 162 и другія), что они «троглодиты» и проч. Это у него какъ-бы всѣмъ извѣстное дѣло. Огромныхъ селеній на сѣверѣ Тавриды онъ вовсе не видалъ. О колонистскихъ говоритъ кое-что, но и мы поговоримъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Сказанія о торговлѣ основаны авторомъ на свѣдѣніяхъ, напечатанныхъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ». И не дурно, потому-что хоть тутъ найдутъ Европейцы что-нибудь дѣльное. Но какъ авторъ не любитъ угощать читателя сухими расказами, то къ оффиціяльнымъ свѣдѣніямъ примѣшиваетъ онъ свои частныя и оттого конечно и эта статья перейдетъ превратно въ понятія Нѣмцевъ. Такъ пишетъ онъ (ч. I. стр. 51): «Товаръ, на которомъ основывается весь оборотъ Одессы и отъ сбыта котораго зависитъ главнѣйше счастіе и несчастіе города, есть пшеница, привозимая изъ Подоліи, Бессарабіи и Новороссіи, и на всѣ другіе товары, за исключеніемъ развѣ сала и шерсти, большіе негоціанты смотрятъ съ презрѣніемъ». Не говоря о томъ, что авторъ забылъ льняное семя, составляющее очень важную статью Одесскаго торга, не странно-ли, послѣ того, читать (тамже стр. 97): «Луку такъ много съѣдается здѣсь — крошеный, жареный въ жиру, составляетъ Русское кушанье, которое ѣдятъ ложками» — (добавленіе къ Русскимъ правамъ!) — «что есть настоящіе негоціанты, торгующіе просто «лукомъ» и по близости овощнаго рынка видишь цѣлый рядъ магазиновъ, наполненныхъ луковицами, какъ хлѣбные магазины пшеницею!» Какъ-же послѣ этого смотрѣть съ презрѣніемъ на такую важную статью торга? Но автору длинный рядъ магазиновъ съ луковицами, вѣроятно также привидѣлся во-снѣ, какъ и крошеный лукъ съ жиромъ, который ѣдятъ ложками.

Утвержденіе, что многіе изъ первыхъ, богатѣйшихъ купцовъ въ Одессѣ (ч. I. стр. 80) были «Греческими князьями», или, что по мнѣнію автора все равно, «командирами разбойническихъ судовъ», относится такъ-же къ вымышленнымъ прикрасамъ для увеселенія публики, какъ и то, что будтобы «настоящіе Греческіе князья (тамже

---

[9] Вотъ оффиціяльное свѣдѣніе о жителяхъ Багчесарая. Оно послужитъ наилучшимъ опроверженіемъ. Въ 1842 году въ Багчесараѣ числилось купцовъ: Россіянъ 26, Грековъ 12, Армянъ 2, Нѣмцевъ 4, Татаръ 73, Караитовъ 107, Евреевъ 29; мѣщанъ: Россіянъ 104, Грековъ 109, Армянъ 5, Евреевъ 16, Татаръ 4,553, Караитовъ 505, Цыганъ 875. Постановленія для городскихъ жителей остались тѣ-же самыя, какія были въ 1838 году; слѣдственно, значительной перемѣны въ числѣ ихъ со-времени сего послѣдняго года быть не могло. — Въ Севастополѣ точно нѣтъ жителей изъ Татаръ, но нѣтъ и закона, запрещающаго имъ тамъ *селиться*.

стр. 94) сами покупаютъ мясо на рынкѣ и, съ гусемъ подъ-мышкою, съ парою рыбъ въ рукахъ, и съ вязанкою луку за плечами бѣгутъ къ своимъ экипажамъ». Вообще Европейцы тароваты на титулы, и какъ у нихъ имѣть свой экипажъ большая рѣдкость, то имъ кажется непремѣнно княземъ тотъ, кто его имѣетъ, тогда какъ въ Россіи порядочный подрядчикъ непремѣнно ѣздитъ въ собственномъ экипажѣ.

Еслибъ г. Коль хотя сколько-нибудь захотѣлъ самъ вникнуть въ торговыя дѣла Южнаго Края, то конечно не написалъ-бы, что въ Одессѣ обращаются Польскія деньги (ч. I. стр. 113), а въ Симферополѣ Турецкія (тамже, стр. 217).

Нельзя удержаться, чтобъ и по случаю статьи о торговлѣ не привести въ примѣръ духъ преувеличенія въ авторѣ и его познаніе нашего языка. Вотъ что говоритъ онъ объ Одессѣ (ч. I. стр. 56): «на улицахъ вездѣ слышны разговоры на Русскомъ, Англійскомъ, Италіянскомъ, Нѣмецкомъ, Еврейскомъ, Татарскомъ, Польскомъ, Турецкомъ, Греческомъ, Булгарскомъ, Армянскомъ, Молдавскомъ, Венгерскомъ, Далматскомъ (?), Французскомъ, Шведскомъ, Испанскомъ и многихъ другихъ языкахъ; притомъ не отъ однихъ заѣзжихъ иностранцевъ, а отъ множества настоящихъ Одесскихъ жителей. Послѣ Русскаго, преимуществуетъ Италіянскій языкъ, и это явствуетъ даже изъ того, что простой Русской народъ примѣшиваетъ въ свой разговоръ Италіянскія слова (!). Такъ въ Одессѣ извощики обыкновенно говорятъ господамъ «signor», а слово «ecco» почти совершенно обрусѣло. Когда Русскіе бранятся, у нихъ совершенно вошло въ обычай говорить: Ecco! Shelm! Canaille! то-есть по-Италіянски, Нѣмецки и Французски. Въ Россіи вообще большое смѣшеніе языковъ, но въ Одессѣ, для населенія которой призвана на помощь Европа и Азія, оно достигло такой высокой степени, какъ въ Вавилонѣ». Извольте видѣть, какъ авторъ занимается Русскою бранью и какъ удачно выводитъ происхожденіе слова «экой» съ Италіянскаго. Но смѣю увѣрить его, что оно существовало въ языкѣ до построенія Одессы и даже до существованія въ Россіи какихъ-либо свѣдѣній объ Италіи. Въ-замѣнъ можно было-бы просить автора вразумить: точно-ли есть особый Далматскій языкъ?

Довольно справедливо замѣчаніе автора (ч. I. стр. 52 и 53), что Одесская торговля недостаточно распространилась еще внутрь государства и не можетъ соперничать тамъ съ торговлею сѣверныхъ портовъ, хотя и болѣе отдаленныхъ. Также правильно судитъ онъ и о томъ, что при утонченности торговыхъ дѣлъ, въ Одессѣ не должны-бы существовать магазины и конторы, принадлежащіе собственно производителямъ и послѣдніе не должны-бы сами, безъ посредства купцевъ, привозить и передавать товаръ свой въ руки иностранныхъ требователей. То и другое должно отнести къ бы-

стротѣ проявленія Одесской торговли и къ кратковременности хода ея. Между-тѣмъ и эти сужденія не безъ примѣси мечтательныхъ фактовъ, особливо о Крымскихъ товарахъ, которые будто-бы идутъ до Петербурга.... Но мы не можемъ на всемъ останавливаться. Намъ очень-бы хотѣлось выставить хоть главнѣйшія выдумки на Русскихъ по каждой отдѣльной статьѣ, но и того такъ много, что мы утомили-бы читателей. Большая часть, какъ мы и видѣли, сама по себѣ несообразна. Также точно, на примѣръ *мортусы въ цѣпяхъ* (ч. I. стр. 62), неискусство Херсонскихъ лодочниковъ (тамже, стр. 69) до того, что страховые конторы берутъ съ нихъ *осенью* бо́льшую премію, и проч. Да вѣдь осенью и со всѣхъ берутъ бо́льшую премію!

Изъ промысловъ, не относящихся къ торговлѣ и земледѣлію, авторъ замѣтилъ только солеломство, постройку судовъ и рыболовство. Обо всемъ этомъ говоритъ онъ такъ, что ему надобно вѣрить съ осторожностью. Напримѣръ, кто въ Южномъ Краю слыхалъ, чтобъ солеломщики подвергали опасности жизнь при своемъ занятіи, а г. Коль утверждаетъ (ч. I. стр. 40), что ихъ много погибаетъ, и какимъ образомъ? тонутъ въ озерахъ! Еще выдуманъ авторомъ одинъ промыселъ: «Хотя въ Одессѣ еще очень юная торговля (ч. I. стр. 112), но на городской рейдѣ уже такъ много сорвало якорей, что отыскиваніе ихъ (das Tauchen und Fischen nach Ankern) составляетъ особую вѣтвь промышленности, которая одного изъ Русскихъ сдѣлала богачемъ. Онъ устроилъ магазинъ для этихъ якорей и торгуетъ ими. Я видѣлъ у него отъ 50 до 60 большихъ якорей въ 120 и 140 пудовъ. Такъ счастіе одного всегда устроивается на бѣдѣ другихъ». Не ужели-же и это неправда, когда авторъ самъ видѣлъ? О, конечно правда, что онъ видѣлъ, но видѣлъ одного: гдѣ-жь тутъ вѣтвь промышленности? — видѣлъ и не зналъ, что онъ богачь не отъ якорей — не зналъ и того, что очищеніе гавани поручено ему было начальствомъ и кромѣ его, никто не смѣлъ въ гавани tauchen und fischen.

Чтобъ не сердить автора (если до него когда-нибудь дойдутъ эти строки) мы охотно скажемъ, что всѣ нелѣпости приходятъ ему въ голову не прямо отъ намѣренія злословить. Мы уже видѣли, что онъ отдаетъ должную справедливость успѣхамъ Русскаго правительства, а слѣдственно и вообще Русскимъ. Происходятъ-же они отъ легкомыслія и легковѣрія. Самъ авторъ (ч. II. стр. 34) расказываетъ намъ это. Любопытныхъ просимъ заглянуть въ книгу.

Переходя къ сужденіямъ автора о сельской промышленности южнаго края Россіи, очень естественно начать съ понятій его о цѣнности земли. Хоть мы привыкли уже не удивляться его опрометчивости, но нельзя право, не подивиться, читая слѣдующее: «Мы проѣзжали степь Польскаго графа Малаховскаго. Земля этого владѣльца состоитъ изъ 9,000 десятинъ, за которыя, за 30 лѣтъ

предъ симъ, платилъ онъ по 60 копѣекъ (3½ gute Groschen). Тогда въ здѣшнемъ краю это была обыкновенная цѣна земли. И теперь она необыкновенно дешева. Даже вблизи Одессы еще довольно земли, которую можно купить по 5 или 6 грошей, а далѣе по 3, 2 и 1 грошу»[10] (ч. I. стр. 167). Такою дешевизною земли, вѣроятно, авторъ взманилъ многихъ Нѣмцевъ, которые ему повѣрили, пріѣхать въ Одессу и за небольшія деньги сдѣлаться владѣльцами большихъ имѣній. Но этихъ господъ можетъ-быть опытъ научилъ уже лучше всякой критики не вѣрить путешественнику, который пишетъ для забавы, не помышляя, что можетъ ввести въ жестокой обманъ. Да будетъ извѣстно Нѣмцамъ, что земля вблизи Одессы, то-есть городская, продается не менѣе, какъ отъ 100 до 120 руб. асс. за десятину (до 35 и болѣе талеровъ), а далѣе внѣ городской черты по 25, 20 и не дешевле 15 р. асс. за десятину.

Послѣ цѣнности земли, важнѣйшая вещь для земледѣлія заработная плата. Въ этомъ отношеніи дошедшія до автора свѣдѣнія были довольно близки къ существу дѣла; но онъ не могъ утерпѣть, чтобъ не преувеличить. «Всегдашняя», пишетъ онъ (ч. II. стр. 131), «плата одному человѣку, обыкновенному косарю, ничего кромѣ-того не разумѣющему, простирается до полутора рубля, женщинѣ отъ 70 до 80 копѣекъ, мальчику отъ 20 до 30 коп. Но при благословенномъ урожаѣ плата возвышается значительно, до 3, даже до 5 рублей (1½ талера — ставитъ авторъ въ скобкахъ, что еще болѣе пяти рублей). Такіе годы были: 1825, 1826, 1829 и другіе. Въ 1829 году поденщина была такъ велика, что мѣщане изъ Одессы выбрались въ степь, даже сидѣльцы купцевъ, дѣвки и слуги убѣжали къ поселянамъ, чтобъ въ ихъ службѣ добыть себѣ лучшую награду за труды». Ни чуть не удивительно! За 5 рублей въ день всѣ ремесленники бросили-бы свое дѣло и пошлибы косить сѣно. Но во-чтобъ обошлось тогда сѣно — и еще при благословенномъ урожаѣ?

Въ успѣхахъ земледѣлія авторъ не отказываетъ нашему краю. Онъ пишетъ даже (ч. II. стр. 235): «Понтійскія степи гораздо удобнѣе для земледѣлія, чѣмъ Каспійскія и Аральскія и, хотя первыя позже достались въ подданство Россіи, но на нихъ оказано болѣе успѣховъ по-части мирныхъ искусствъ (in den Künsten des Friedens) и образованія, чѣмъ на степяхъ, прилегающихъ непосредственно къ низовью Волги и повинующихся уже 300 лѣтъ Русскимъ царямъ». Кой-гдѣ, но очень мало, упоминаетъ онъ о даровитости нашей природы въ хлѣбныхъ произрастеніяхъ. Но почемужь не занялся онъ подробнѣе этимъ предметомъ? Казалось-бы, при недостаткѣ матеріяловъ

[10] Считая добрый грошъ по расчету автора въ 17 к. на ассигнаціи, выйдетъ самая дорогая цѣна 1 р. 2 коп. за десятину.

для описанія, въ обширныхъ пустыхъ степяхъ, что̀ могло быть интереснѣе, какъ не успѣхи людей въ добываніи способовъ къ жизни изъ самыхъ нѣдръ этого, по-видимому обиженнаго природою, пространства. Почему? Потому-что авторъ не хочетъ писать для агрономовъ. Это сказалъ онъ самъ (ч. II. стр. 204). Но вѣдь онъ пишетъ для философа (см. выше), а право не мѣшало-бы знать гг. Нѣмецкимъ философамъ, какимъ образомъ добились мы въ глухой степи, что поживаемъ здѣсь не только субъективною, но и объективною жизнью.

Мы видѣли однако, что авторъ не прочь отъ хозяйственныхъ предметовъ тамъ, гдѣ они возбуждаютъ особенно его любопытство или удивленіе. Примѣры такихъ диковинокъ выставляетъ онъ нерѣдко. И въ-самомъ-дѣлѣ диковинки! Вотъ, не угодно-ли прочесть, какъ, для истребленія мышей, земледѣльцы сжигаютъ амбары? (ч. II. стр. 137) «мыши умножаются до невѣроятности въ старыхъ скирдахъ, стоящихъ иногда цѣлые годы, и едва оставляютъ въ хлѣбѣ половину зеренъ. Потому-то Скиѳскій селянинъ *не рѣдко* принимается за хозяйственное средство: онъ зажигаетъ магазины и даетъ имъ сгорѣть вмѣстѣ съ мышами!» Не угодно-ли почитать, какъ въ степяхъ молотятъ хлѣбъ? (ч. II. стр. 200–201) «Молотьба въ степяхъ дѣлается такъ величаво и удивительно, какъ вѣроятно, нигдѣ въ свѣтѣ, и потому заслуживаетъ быть упомянутой. Устроиваютъ токъ на нѣсколько сотень аршинъ длины и ширины: дернъ снимаютъ лопатами, землю убиваютъ, мѣсто обносятъ перилами, въ которыхъ оставляютъ большія ворота, чтобъ впускать лошадей для топтанія жнива. Отъ 50 до 60 рабочихъ принимаются за скирды хлѣба и укладываютъ снопы на току въ два слоя. На меньшихъ токахъ, гдѣ молотятъ отъ 4 до 10 лошадей, считаютъ на каждую по $1\frac{1}{2}$ и по 2 копны. На большихъ-же, гдѣ даютъ молотить половинѣ цѣлаго табуна, едва кладутъ и по копнѣ на лошадь. Если табунъ состоитъ изъ 1,000 лошадей, то выкладываютъ на току до 500 копенъ или отъ 100 до 150 возовъ (Fuder), которые всѣ молотятся разомъ. Когда снопы уложены, табунъ раздѣляютъ на двѣ ровныя части. Табунщикъ со своими товарищами садится верхомъ, его далекотѣнный арапникъ (Омировское выраженіе!) взвивается и гонитъ 500 коней въ ворота молотильнаго тока — и молодыхъ и старыхъ, и кобылицъ и жеребцовъ, всѣхъ — всѣхъ, чѣмъ необузданнѣе, тѣмъ лучше. Ворота за ними запираются и можно представить себѣ, какая пляска начинается тутъ на соломѣ. Пастухи тутъ-же въ загородкѣ и прихлопываютъ въ ладоши тактъ конямъ, чтобъ они, безъ того всѣ пятьсотъ природные плясуны, въ безпрерывномъ вальсѣ кружились отъ одного конца тока до другаго. Тогда-то прыгаютъ милліоны зеренъ и тысячи сноповъ взвиваются вверхъ и летаютъ какъ мячи по воздуху. Утромъ, при первомъ впускѣ, ког-

да табунъ еще свѣжъ, испуганныя и трескомъ соломы и собственно отъ нихъ происходящимъ шумомъ, лошади приходятъ внѣ-себя и дѣлаютъ такіе скачки, какъ будто-бы имъ надобно было увеселять публику, дорого платящую за входъ. Однако вмѣсто публики стоятъ до 60 рабочихъ съ деревянными вилами и возвращаютъ на токъ все, что съ него выброшено. Черезъ часъ лошадей выпускаютъ и хлѣбъ переворачиваютъ. Такимъ-образомъ до полудня полтабуна три раза впускаютъ и выпускаютъ. Тысяча шеффелей вымолачивается этимъ способомъ, который кажется, не столько трудомъ, сколько блистательнымъ зрѣлищемъ. Другая половина табуна, тоже 500 лошадей, молотитъ такую-же порцію по полудни. Вотъ что называется грандіозное хозяйство! Но притомъ погибаетъ столько хлѣба, сколько у насъ иное большое хозяйство, всего получаетъ». Неправдали, что живо описано? Точно, будто авторъ самъ былъ зрителемъ въ числѣ табунщиковъ, пастуховъ и рабочихъ. Однако о томъ онъ скромно умалчиваетъ. Въ путешествіи не упускаетъ онъ расказывать и малѣйшій, бывшій съ нимъ случай, хотя-бы въ «Описаніи степей» пришлось и повторить его, но выписанный нами расказъ находится въ одномъ «Описаніи степей», гдѣ много и другихъ диковинъ, о которыхъ интересно было-бы знать, отъ кого заимствовалъ ихъ авторъ. Расказывавшій долженъ имѣть самую поэтическую голову, чтобъ выдумывать такія вещи или преувеличивать ихъ до такой степени. Мы съ своей стороны можемъ увѣрить автора, что хотя въ степи точно молотятъ хлѣбъ лошадьми, но при самой большой молотьбѣ едва-ли кто-нибудь употребляетъ болѣе осьми лошадей на одномъ токѣ, да и трудно было-бы употребить болѣе при извѣстномъ устройствѣ здѣшней молотьбы. Если-же авторъ и слышалъ о чьей-нибудь забавѣ хлѣбомъ и табуномъ, то частностей нельзя выдавать за обычай.

Теперь время и мѣсто поговорить о любезныхъ автору Нѣмецкихъ колонистахъ. Съ ними онъ долго жилъ въ колоніи «Люстдорфъ» близъ Одессы, съ ними путешествовалъ въ окрестностяхъ, отъ нихъ многое слышалъ, многому научился.... По-крайней-мѣрѣ свѣдѣнія о колонистахъ нашего края должны быть въ его книгѣ точны и основательны. Прочтемъ. Самъ шульцъ (староста) расказываетъ автору (ч. I. стр. 140), что для нихъ, когда пришли они изъ Германіи, почти ничего на-мѣстѣ приготовлено не было. «Правда, земля была готова, на каждое изъ 40 поселяющихся хозяйствъ по 25 десятинъ, однако дома были такъ дурны, что колонистамъ пришлось-бы скоро, подобно русскимъ, зарыться въ землю; да и данные плуги были такъ плохо устроены, что при паханіи гнулись какъ жесть». Итакъ колонисты получили землю, домà и орудія: развѣ это «почти ничего». И самъ авторъ говоритъ далѣе (ч. I. стр. 150):

«Натурально, что колонисты въ разныхъ частяхъ государства разно и надѣлены. Въ Новороссійскомъ-Краю получали они, по принятому правилу, 60 десятинъ земли на каждую семью и такъ-называемый Vorſchuß (ссуда). Этотъ Vorſchuß состоялъ изъ двухъ коровъ, двухъ лошадей, земледѣльческихъ орудій и небольшой суммы денегъ, что все давалось въ долгъ для уплаты въ послѣдствіи». Почемужь авторъ, зная такъ хорошо положеніе вновь поселяющихся колонистовъ въ Южномъ-Краю, не уличилъ во лжи негоднаго шульца? или почему онъ выставилъ его ложь, когда зналъ и сущую правду?

Стало-быть нашъ авторъ вѣренъ своему характеру и нечего искать въ немъ точности, о чемъ-бы онъ ни говорилъ. Напримѣръ, весьма замѣчательно было-бы увѣреніе автора (ч. I. стр. 152), что «наши степные колонисты не достигли еще того совершенства въ хозяйствѣ, до котораго доведено оно у поселянъ въ Германіи». Но на слѣдующей-же 153 стр. пишетъ онъ: «какъ улучшаютъ здѣсь Нѣмецкіе колонисты свое хозяйство и какую пользу доставляютъ они собираніемъ и пріобрѣтеніемъ большихъ капиталовъ на землѣ, прежде вовсе необработанной, о томъ приведу изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ самый разительный. На Молочной есть менонистъ, который пришелъ сюда бѣднякомъ, но теперь прилежаніемъ, искусствомъ и духомъ предпріимчивости сдѣлался такимъ богатымъ человѣкомъ, что ему всѣ приписываютъ до 2.000,000 руб. капитала. Въ огромныхъ своихъ имѣніяхъ насадилъ онъ болѣе 10 десятинъ лѣсу, въ которомъ край такъ нуждается. У него стадо въ 20,000 овецъ, которыхъ шерсть способствуетъ къ процвѣтанію Азовской торговли. Онъ на своей землѣ (auf ſeinem Grund und Boden) устроилъ цѣлую колонію для Татаръ, которыхъ выучилъ земледѣлію и которые теперь благодарны ему, считаютъ его своимъ благодѣтелемъ за-то, что онъ обратилъ ихъ изъ кочевыхъ въ земледѣльцевъ. Колонистовъ, имѣющихъ 12,000 овецъ и 700 воловъ, называли мнѣ многихъ. Конечно есть и бѣдные, но нищихъ и не призрѣнныхъ нѣтъ ни въ одной колоніи». Извольтежь видѣть: гдѣ въ Германіи найдете вы поселянъ, которые-бы въ теченіи 30 лѣтъ пріобрѣли себѣ такія богатства? Читатель, имѣющій уже причины не довѣрять г. Колю, скажетъ, что изъ двухъ противорѣчащихъ его показаній, несправедливо послѣднее, но весьма ошибется. Хотя г. Коль не могъ обойтись безъ того, чтобъ не исказить сообщенныхъ ему свѣдѣній о Молочанскихъ менонистахъ, смѣшавъ и преувелича ихъ по своему; но жители Таврической губерніи могутъ удостовѣрить, что эти колоніи дѣйствительно процвѣтаютъ; что тотъ изъ нихъ, о которомъ хочетъ говорить авторъ, то-есть который насадилъ лѣсъ и пособилъ Ногайцамъ устроить колонію, именно, очень всѣмъ извѣстный въ краю Иванъ Ивановичъ Корнисъ, поселя-

нинъ весьма зажиточный, но еще нѣсколько бѣднѣе нѣсколькихъ другихъ собратовъ своихъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ обширныя, купленныя на свои капиталы земли и большія стада мериносовъ, и что наконецъ все это пріобрѣтено единственно трудолюбіемъ, порядкомъ, благоразумною предпріимчивостью. Спросимъ-же еще разъ: гдѣ въ Германіи укажутъ намъ такихъ богачей-поселянъ? Авторъ присовокупляетъ тамже: «конечно, все это должно приписывать не однимъ заслугамъ Нѣмецкаго трудолюбія, а счастливой стихіи, въ которую попали менонисты. Нѣмцу легко успѣвать вовсемъ между Русскими». Этимъ сарказмомъ хотѣлъ онъ сгладить противорѣчіе, но неудачно, ибо Нѣмцы поселены между Русскими не на одной Молочной, да и тутъ — на другомъ-же берегу этой рѣки живутъ колонисты-лютеране, которые не такъ хозяйственны, не такъ и богаты. Нѣтъ, еще повторю, единственно трудолюбіемъ, достигшимъ образцоваго хозяйства, сдѣлали Молочанскіе менонисты такія огромныя пріобрѣтенія. Счастливая стихія, тому способствовавшая, было Русское правительство. Оно, своею вѣротерпимостью, необременительными налогами, покровительствомъ и ободреніями довело этихъ трудолюбивыхъ поселянъ до нынѣшняго ихъ процвѣтанія. Корнисъ, настоящій практическій философъ между ними, нѣсколько разъ получалъ отъ правительства разныя поощренія, и между-прочимъ въ новѣйшее время значительную казенную землю въ собственность. Онъ устроилъ колонію не для Татаръ, а для Ногайцевъ, не на своей землѣ, а на казенной, и не для кочевыхъ Ногайцевъ, а бывшихъ уже земледѣльцами. Впрочемъ онъ самъ говорилъ пишущему эти строки, что по неотступнымъ просьбамъ Ногайцевъ, онъ никакъ не рѣшался помогать имъ въ устройствѣ колоніи, не надѣясь на твердость ихъ воли; но покорился уже ихъ желанію, когда они изъявили его начальству, которое съ своей стороны просило о томъ Корниса. Это доказываетъ, что Ногайцы сами хорошо чувствовали преимущества менонистской колоніи, и что въ нихъ родился духъ подражанія. Точно также и въ Русскихъ селеніяхъ, въ окрестностяхъ менонистовъ, многіе поселяне выстроили себѣ домà и завели хозяйства по примѣру своихъ сосѣдей-Нѣмцевъ. Нынѣ устроивается и цѣлая Русская колонія на манеръ Нѣмецкой. Слѣдственно хорошій примѣръ никогда не остается безъ подражанія. Въ этомъ отношеніи менонистамъ надобно отдать полную справедливость и живущимъ близъ нихъ Русскимъ и Ногайцамъ не нужно вливать новой крови (ч. I. стр. 152), чтобъ они перенимали. Но нельзя того-же сказать о прочихъ Нѣмецкихъ колоніяхъ, изъ которыхъ въ Таврической губерніи, иныя, особливо католическія, были долгое время въ большемъ разстройствѣ, да и теперь еще не въ лучшемъ положеніи. Напрасно-же нашъ авторъ старается все

привести къ одному знаменателю. Оттого и выходятъ у него противорѣчія. Оттого весьма забавно читать его слѣдующую похвальбу: «Нѣмцы (ч. I. стр. 153) суть единственные обитатели степей, которые помышляютъ о дѣйствительныхъ средствахъ противъ саранчи и дѣлаютъ преграду ея опустошеніямъ. Они главные истребители змѣй, которыхъ прежде такъ много было въ этомъ краю. Въ голодные годы Русскіе приходятъ къ нимъ и къ ихъ магазинамъ и получаютъ отъ нихъ средства къ существованію. Они обрабатываютъ праздно-остающіяся поля Грековъ и другихъ лѣнивыхъ сосѣдей. Нѣмцы выплачиваютъ подати, не накопляя недоимокъ, а капиталы, какіе пріобрѣтаютъ, употребляются ими на полезныя предпріятія. Потому-то одинъ изъ Нѣмецкихъ колонистовъ могъ по справедливости сказать, что сказалъ, къ моей большой радости, съ гордостью: «если Императоръ пріѣдетъ въ эту землю, Онъ порадуется и вѣрно согласится, что степи намъ, Нѣмцамъ, обязаны своимъ обработаніемъ». По собственному счету автора, на стр. 160 (тамже), въ Новороссійскомъ-Краю, вмѣстѣ съ Малороссіею и Бессарабіею, 125,000 колонистовъ. Можетъ-ли это ничтожное число на такомъ пространствѣ считать себя главнымъ воздѣлывателемъ степей?.... О саранчѣ мы будемъ еще говорить; объ истребленіи-же змѣй не угодно-ли потрудиться прочесть въ самой книгѣ сущія сказки (ч. II. стр. 153, 154, 155 и 156). Тамъ тульцъ разсказываетъ между-прочимъ о змѣѣ въ $3^1/_2$ сажени и авторъ самымъ строгимъ тономъ передаетъ его побасенки, прибавляя отъ себя, что край нашъ изобиловалъ змѣями со временъ Геродота, и что Нѣмцамъ *суждено* было положить конецъ столь долго существовавшему злу. Спасибо, право, имъ!

Самый любопытный уголокъ Новороссійскаго-Края — Южный-Берегъ Крыма, остался-бы вовсе незамѣченнымъ авторомъ, еслибъ не преждевременное отплытіе парохода, какъ я сказалъ выше. Но и въ-ту недѣлю, которую авторъ посвятилъ на разъѣзды по окрестностямъ Ялты, онъ не обратилъ особаго вниманія на выхваляемый садъ Россіи. По его описанію читатель не составитъ себѣ никакого понятія ни о живописныхъ мѣстоположеніяхъ, ни о богатыхъ усадьбахъ, ни о хозяйственныхъ устройствахъ, ни о чемъ. Прелестнѣйшая полоска Южнаго-Края Россіи, которая одна привлекаетъ путешественниковъ изъ дальныхъ странъ Европы, промелькнула мимо вниманія г. Коля — можетъ-быть именно потому, что въ Европѣ есть сочиненія, съ которыми легко было-бы свѣрить его затѣйливыя росказни и обличить погрѣшности. Впрочемъ, какъ ни мало строкъ, брошенныхъ въ его книгѣ на описаніе берега, въ нихъ найдутся вещи, которыя невольно кинутся въ глаза всякому знающему край. Такъ говорится, «будто участки въ Магарачѣ *проданы* владѣльцамъ, тогда-какъ они

отданы правительствомъ даромъ подъ единственнымъ условіемъ засадить ихъ, что и выполнено (ч. I. стр. 198). Въ-слѣдъ за этимъ помѣщены замѣчанія о Южнобережскихъ винахъ, схваченныя на-лету изъ разговора съ мѣстными жителями и вывороченныя наизнанку. Именно: жители жалуются на передѣлку ихъ винъ въ Россіи для продажи подъ иностранными именами, авторъ-же приписываетъ самимъ владѣльцамъ выдѣлку портвейна, бургонскаго — «даже и мадеру дѣлаютъ они здѣсь!» (ч. I. стр. 202). Далѣе упоминается о любимыхъ въ Петербургѣ и Москвѣ яблокахъ фамиліи Крымтаева и еще о Татарскомъ гвардейскомъ баталіонѣ, который только знатнымъ Татарамъ доставляетъ нѣсколько труда и издержекъ (ч. I. стр. 207); тогда какъ яблоки въ Россіи продаются не Крымтаевскіе, а Крымскіе; въ издержкахъ-же эскадрона (а не баталіона) знатные Татары вовсе не участвуютъ, да и труда притомъ имъ нѣтъ никакого, кромѣ офицерской службы нѣкоторыхъ изъ нихъ. Наконецъ авторъ рѣшаетъ почеркомъ пера важную тяжбу, вопіетъ на несправедливость, не понимая въ чемъ дѣло (ч. I. стр. 271) и даже вымышляетъ уголовное дѣло и семерыхъ отсылаетъ въ Сибирь (ч. I. стр. 273): эти семеро Татаръ *застрѣлили*, *закололи* и *задавили* одного Русскаго, а потомъ *бросили его въ пропасть!* Въ-самомъ-дѣлѣ они стоютъ и больше чѣмъ Сибири, подавъ примѣръ къ употребленію четырехъ разныхъ смертей вдругъ для одного и того-же человѣка. Этимъ намъ-бы слѣдовало и заключить, но мысль, что заграницей вѣрятъ столь очевидно пустымъ вымысламъ подкрѣпляетъ насъ. На той-же страницѣ медовая гора течетъ источникомъ — quillt und fließt — и авторъ желаетъ отдохнуть на берегу этого источника. Посмотрите сами!... На стр. 274 изготовленіе одного плана для дворца въ Алупкѣ оцѣнено въ 60,000 руб. На сады и строенія Алупкинскіе авторъ смотрѣлъ не чернымъ, а тусклымъ взглядомъ. Какъ иначе назвать? Прочтите хоть немножко (ч. I. 275): «Гроты, подземные ходы, мосты и проч. все въ мелочномъ стилѣ. Правда, все въ паркѣ украшено громкими именами, лаврами, маслинами, гранатами (авторъ не умѣлъ найти громче именъ въ Алупкѣ!), но этѣ имена прекрасны только для живущей на сѣверѣ фантазіи. Глазъ, спустившійся къ югу (нѣтъ! по Нѣмецки гораздо лучше: Das zum Süden hinabgereiſte Auge) находитъ въ томъ мало утѣшенія!» Конечно, если глазъ пустить къ югу безъ души!...

Очень забавны Нѣмцы, когда они хотятъ французничать. Нашъ авторъ часто прибѣгаетъ къ этому средству любезничанья. Мы пропустили-бы это безъ вниманія, но слѣдуя теперь за нимъ по порядку страницъ, не могли не остановиться на томъ, что онъ Нѣмецкаго садовника Кебаха зоветъ Herr Keba (стр. 276). Не правда-ли, что это любезно. Однако мы очень жалѣемъ, что Herr Keba не былъ въ Алупкѣ, когда Herr Kohl

ее осматривалъ. Умный, свѣдущій садовникъ просвѣтилъ-бы глазъ своего соотечественника, ослѣпленный югомъ.

Также неясно смотрѣлъ г. Коль и на прелестную Оріанду (ч. I. стр. 277). Впрочемъ какъ онъ смѣшалъ три Оріанды, сказавъ, что Царская куплена у графа Витта, то всего вѣрнѣе, что не видалъ ни одной. Вотъ напримѣръ (стр. 316) онъ утверждаетъ, что тамъ, какъ и во всѣхъ садахъ на Южномъ-Берегу большой недостатокъ воды. Послѣ этого почти можно заключать, что авторъ не видалъ хорошенько и Алупки, гдѣ вода въ такомъ изобиліи, что надобно точно быть циклопомъ, котораго-бы единственный глазъ потемнялся на солнцѣ, чтобъ не видать того. Впрочемъ изъ всѣхъ садовъ берега, только нѣкоторые Магарачскіе терпятъ недостатокъ въ водѣ. Въ какомъ свѣтѣ выставляетъ онъ тутъ-же и на стр. 317 Нѣмцевъ и Французовъ, будто-бы ищущихъ обманывать нашихъ баръ мнимыми эффектами и перепродажею земель, мы проходимъ въ молчаніи. «По продажѣ земель, Татары переходятъ или въ Багчесарай, или въ Анатолію, куда теперь все Магометанское болѣе и болѣе переселяется изъ Европы. Въ послѣдніе четыре года съ Южнаго-Берега выселилось отъ 300 до 400 Татарскихъ семействъ» (тамже). Такъ говоритъ авторъ, по увѣренію какого-то лекаря. Мы не знаемъ, откуда все Магометанское можетъ переселяться въ Анатолію, но только наши Татары уже очень давно вовсе не выходятъ изъ Крыма; да и то несправедливо, чтобъ съ Южнаго-Берега куда-бы ни было выселялось до 100 человѣкъ въ годъ. Такъ-то мудрено писать по расказамъ людей несвѣдущихъ и не соображая основательно! Сюда-же можно отнести многія росказни на страницѣ 318: будто на Южномъ-Берегу нѣтъ годнаго лѣсу на мебель, будто-бы въ 1837 году, по случаю пріѣзда Двора, платили тамъ рабочему по 7 руб. въ день, будто-бы тамъ работаютъ Малоазійцы съ фирманами отъ Турецкаго императора въ карманѣ, будто-бы самыя обыкновенныя вещи для завтрака и обѣда знатныхъ баръ привозятся туда *экстрапостъ-курьерами* за 10 миль. Столько невѣрнаго и вмѣстѣ невѣроятнаго на одной страницѣ!

Все это безъ-сомнѣнія подтверждаетъ только, что авторъ, смотря вездѣ и на всѣ предметы слишкомъ бѣгло, не хотѣлъ посвятить Южному-Берегу и столько вниманія, сколько обратилъ его, напримѣръ, на степи. Вотъ степи описаны у него со всѣми подробностями и систематически. Правда, и о нихъ задались уже мы невыгоднымъ для автора мнѣніемъ. Но, по-крайней-мѣрѣ, читатель, не имѣющій притязанія на строгую точность, можетъ составить себѣ о нихъ общее, нѣсколько приближенное къ истинѣ понятіе. Плодовитость и разнообразіе замѣчаній путешественника о такомъ, по видимому, нагомъ предметѣ, заслуживаетъ даже похвалу. Къ сожалѣнію однако и здѣсь онъ увлекается поэтизированіемъ,

а оттого впадаетъ въ преувеличенія. Легковѣріе къ расказамъ всякаго встрѣчнаго очень тому помогаетъ. Намъ нельзя слѣдовать за авторомъ по всѣмъ предметамъ обширнаго его поприща: вниманіе Русскихъ читателей, привыкшихъ пренебрегать взводимыми на Россію небылицами, можетъ-быть утомлено. Однако имѣя въ виду, что нельзя не выставлять на позоръ свѣта, раскащиковъ, которымъ вѣрятъ иностранцы, мы коснемся хотя главнѣйшихъ предметовъ, описываемыхъ г. Колемъ, прося напередъ снисхожденія къ себѣ и къ нему.

Какія степи описываетъ авторъ? Новороссійскія. Однако (ч. I. стр. 21) мы читаемъ: «Этѣ обширныя, неизмѣримыя степи, гдѣ на пространствѣ многихъ сотенъ миль непрерывно стоитъ стебелекъ возлѣ стебелька[11], и гдѣ животное со жвачкою (ein Wiederkäuer), начавъ теленкомъ пастись у Карпатовъ, на другой конецъ паствы, у подошвы высокой (!) Китайской стѣпы, придетъ уже взрослымъ быкомъ, этѣ степи занимали мою фантазію». Положимъ — фантазію! Но авторъ и на дѣлѣ не даетъ никакихъ предѣловъ описываемымъ степямъ. Тѣмъ несообразнѣе выходятъ его поэтическія преувеличенія: «Отъ береговъ Чернаго-Моря до Архангельска и Камчатки нѣтъ нигдѣ значительнаго хребта горъ, который-бы сдерживалъ Борея и восточные вѣтры» (ч. I. стр. 71). «Великій Боже! Представьте себѣ только: отъ Чернаго-Моря до Великой-Россіи, отъ Карпатовъ до Каракорума, резиденціи Монгольскаго императора у подошвы Алтая, ни одного (nicht ein einziger) пріятно журчащаго по камешкамъ ручейка; отъ Венгерской-Земли до высоко вздымающихся престоловъ хищническихъ князей Черкесскихъ ни одной (nicht ein einziger) прохладительной рощи!» (ч. II. стр. 94).

Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Но мы помнимъ, что авторъ самъ говорилъ о десяти десятинахъ лѣса, насажденныхъ въ Молочанскихъ колоніяхъ. Въ книгѣ найдется много другихъ мѣстъ, которыми онъ самъ себя опровергаетъ. Охота поэтизировать увлекла его въ такія крайности! Ни ручейка! Стало-быть и мы не правы, что изъ книги можно получить общее, приближенное къ истинѣ понятіе о степяхъ. Но о ней надобно судить не потому, что̀ въ ней есть, а чего въ ней больше: мы уже видѣли, какъ часто авторъ впадаетъ въ самозабвеніе.

Кстати, заглянемъ въ геогностическое описаніе степей, что̀ говоритъ авторъ о водахъ, и розвернемъ особый отдѣлъ: «*Измѣненія чрезъ рѣки*» (ч. II. стр. 70). Онъ начинается такъ: «Всѣ степныя рѣки, даже малѣйшія, текутъ въ большихъ и обширныхъ, вырѣзавшихся на степной площади

[11] Здѣсь, какъ и вездѣ, мы стараемся переводить слово-въ-слово, чтобъ не исказить смысла. Выписка подлинныхъ словъ автора для повѣрки заняла-бы много мѣста.

долинахъ. Эти долины имѣютъ скаты (Gehänge) отъ 100 до 150 футовъ вышиною. Отъ края одного ската до конца другаго, у маленькихъ рѣчекъ, текущихъ отъ 50 до 100 верстъ, всего пространства съ версту или версты полторы, у бо̀льшихъ рѣкъ, текущихъ до 400 и до 600 верстъ, ширина 2 и 3 версты. У самыхъ большихъ рѣкъ, Днѣстра, Днѣпра и т. д. разстояніе одного берега отъ другаго 7, 8 и болѣе верстъ». Слѣдственно выраженіе: *ни одного ручейка*, которое мы сей-часъ читали, торжественно уничтожается, но мы теперь въ опасеніи другаго рода: не слишкомъ-ли щедро надѣлилъ насъ авторъ водою. Не говоря о преувеличенной ширинѣ русла большихъ рѣкъ въ 7 и 8 верстъ, средними рѣками надобно конечно считать Ингулъ, Ингульчикъ, и т. п., но онѣ не имѣютъ столь широкихъ скатовъ. Что-же разумѣетъ Авторъ подъ именемъ малыхъ рѣчекъ? Если подобныя Молочной, Бердѣ и т. д., то онѣ вовсе не имѣютъ скатовъ, вышиною отъ 100 до 150 футовъ и шириною съ версту или версты полторы. Намъ очень подозрительно, не принимаетъ-ли авторъ весеннихъ потоковъ въ балкахъ за рѣки. По волнистой мѣстности степей на нѣкоторыхъ протяженіяхъ Херсонской и Екатеринославской губерній образуются дѣйствительно глубокія и широкія балки, въ которыхъ весенніе потоки можно уподобить рѣкамъ; но къ сожалѣнію эти потоки весьма кратковременны. Подтвержденіе нашему мнѣнію находимъ тутъ-же (стр. 71) въ маленькомъ «вокабуляріѣ», какъ называетъ авторъ, употребляемомъ будто-бы степными жителями. Вотъ онъ:

«Gorbok называютъ они гору,

Gorbotschok холмъ,

Prigorbok мысъ, возвышеніе, составляющееся при сліяніи двухъ рѣкъ.

Dollina большая низменность, гдѣ течетъ рѣка.

Balka маленькая, тѣсная *долина*, гдѣ *течетъ рѣка* (Flußthal).

Rownoi meist совершенно ровная горизонтальная площадь».

И такъ балка есть долина, въ которой течетъ рѣка. Въ такомъ случаѣ многія степи не были-бы степями: такъ много вездѣ балокъ.

Не понимая, что именно называется балкою и давая это названіе русламъ текучей воды, г. Коль на стр. 68 разсуждаетъ особо о дождевыхъ оврагахъ (Regenschluchten) и даетъ имъ ту-же глубину, именно отъ 100 до 150 футовъ, чѣмъ еще болѣе подтверждается наше мнѣніе. За-тѣмъ и *горбокъ*, и *горбочокъ*, и *пригорбокъ*, все мечтательно или искажено авторомъ. Остается самымъ справедливымъ и вѣрнымъ названіемъ *ровной мѣстъ!*

Предоставимъ естествоиспытателямъ судить о геологическихъ предположеніяхъ автора, хотя гипотезы его имѣютъ видимо шаткое основаніе. Такъ напримѣръ, по ежегодному обвалу грунта въ оврагахъ, гдѣ

стекаетъ дождевая вода въ море (ч. II. стр. 67), хочетъ онъ исчислить приблизительно число лѣтъ, прошедшихъ съ-тѣхъ-поръ, какъ море покрывало степи.

Какъ вполнѣ систематическій Нѣмецъ, г. Коль все подвергаетъ дѣленіямъ, подобнымъ *горбочкамъ*. Снѣгъ, напримѣръ, раздѣляется на метель (Mjatjol), заметъ или заметь (Samets)и вьюгу (Wjugas) (ч. II. стр. 89)». Подъ метелью, говоритъ авторъ, разумѣютъ обыкновенное паденіе снѣга изъ проходящей тучи, подъ заметомъ или заметью — перенесеніе снѣга съ мѣста на мѣсто при сильномъ вѣтрѣ». Можетъ-быть слово *заметь* и употребительно гдѣ-нибудь въ этомъ смыслѣ, но смѣемъ увѣрить автора, что метель значитъ тоже самое. «Бываютъ зимы» пишетъ авторъ (тамже, стр. 90) «какія едва извѣстны и на Балтійскомъ-Морѣ. Зимою 1837–1838 термометръ цѣлыя четыре недѣли не поднимался ни одного раза, даже и въ полдень, выше 10 гр. Реом., а часто падалъ до 30 гр.». Какъ-же не сказать, гдѣ именно дѣлались эти наблюденія. Пространство, которое авторъ себѣ задалъ для описанія, вовсе не опредѣлено, а сверхъ того онъ не договариваетъ самаго нужнѣйшаго, почему легко заключить, что самъ себѣ недовѣряетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сѣверной полосѣ нашихъ степей могутъ быть морозы и до 30 градусовъ, но не такъ часто, какъ говоритъ авторъ, и притомъ не продолжительно. Дѣлаемое въ-слѣдъ за тѣмъ разсужденіе объ овчинныхъ шубахъ никакъ не служитъ доказательствомъ сказаннаго авторомъ о холодѣ въ степяхъ. Въ Крыму климатъ конечно мягче степнаго, но Татары нерѣдко и лѣтомъ ходятъ въ шубахъ: это обычай, благоразумный, потому-что безъ того рѣзкіе вѣтры часто были-бы причиною болѣзней. Но что Нѣмцы въ колоніяхъ даже любезныхъ своихъ посѣщаютъ середи самаго лѣта (тамже, стр. 91) въ овчинныхъ шубахъ, какъ угодно утверждать г. Колю, это уже должно отнести къ холодности Нѣмецкаго темперамента. А вотъ и доказательство тому чрезъ нѣсколько страницъ въ его-же книгѣ (стр. 95): «Весна въ степи имѣетъ похвальное свойство, весьма пріятное и особенно благодѣтельное для земледѣльца. Это недостатокъ ночныхъ морозовъ, которые здѣсь совершенно неизвѣстны. Если ночи холоднѣе дней, то это бываетъ, особливо въ долинахъ, отъ холодной росы, тогда-какъ на высокихъ степяхъ даже ночью температура всегда теплая». Чемужь вѣрить? И въ худомъ, и въ хорошемъ авторъ преувеличиваетъ. Ночные морозы весною не только извѣстны въ степяхъ, но и въ Крыму. И развѣ свиданія Нѣмцевъ съ ихъ любовницами случаются всегда въ долинахъ, что имъ необходимо быть притомъ въ шубѣ?

Послѣ всего сказаннаго уже не удивительно, что нашъ лучшій осенній мѣсяцъ, Октябрь, который едва-ли когда-нибудь измѣняетъ и даже пріятнѣе весеннихъ постоянствомъ и умѣренною теплотою, авторъ

относитъ къ зимнимъ и въюжнымъ (ч. II. стр. 100).

Во второй части книги слѣдуетъ отдѣлъ о растительности, причемъ кстати поговорить и о почвѣ, о чемъ и въ первой части разбросано много мыслей автора. Онъ признаетъ верхній слой земли на степяхъ дотого плодороднымъ, что чернозема (humus) полагаетъ на аршинъ и на полтора. Но за всѣмъ тѣмъ весьма худо отзывается о растительности, полагая непреодолимыми препятствіями для разведенія лѣсовъ и садовъ слѣдующее: сухость лѣта безъ дождей и росы, недостатокъ рѣкъ и источниковъ, немилосердую (unbarmherzige) суровость зимы и зимнихъ непогодъ и наконецъ, что, по его выраженію, изъ худаго худшее, дурную, убійственную подпочву, состоящую изъ слоя известковой земли непосредственно подъ черноземомъ и это, по его словамъ, почти на всемъ пространствѣ степей (ч. I. стр. 75). «Извѣстно», говоритъ онъ, «что всѣ садовники и лѣсничіе въ этихъ степяхъ безпрерывно приходятъ въ отчаяніе, хотя многіе изъ нихъ переселились въ этотъ край безъ предразсудковъ о немъ и думая непремѣнно засадить свою степь, половину садомъ и половину лѣсомъ» (тамже). Далѣе опровергаетъ онъ мнѣніе, что степи прежде были покрыты лѣсами, слѣдующимъ образомъ: «Это мнѣніе кажется мнѣ ошибочнымъ. Гораздо правдоподобнѣе, что никогда, съ-тѣхъ-поръ, какъ площадь степей населена въ нынѣшнемъ ея видѣ, не было на ней лѣсу. Ибо съ-одной-стороны не находятъ нигдѣ, на всемъ протяженіи степей, ни въ ихъ черноземѣ, ни въ другомъ какомъ-либо слоѣ, ни малѣйшаго слѣда прежде-бывшаго лѣса, какъ напримѣръ дряблыхъ корней или окаменѣлыхъ кусковъ дерева, подобно тому какъ въ другихъ странахъ, гдѣ лѣса пропали; съ другой-же стороны, нѣтъ недостатка въ опытахъ, дѣланныхъ природою въ обсѣмененіи степей и удавшихся столь-же мало или еще менѣе, чѣмъ опыты искусства. Во многихъ мѣстахъ степи есть небольшія семьи деревъ, которыя вовсе не распространяются и въ которыхъ жалкой, уродливый ростъ каждаго дерева ясно показываетъ, что степь противится лѣсоводству. Точто также и большіе лѣса на рѣкахъ Днѣпрѣ, Днѣстрѣ и т. д. не перешли на степь ни однимъ шагомъ. Должно думать, что она и навсегда останется въ этой наготѣ, и я полагаю, что легче достигнуть покрытія лѣсомъ Сахарской-Пустыни, чѣмъ степей, потому-что относительно послѣднихъ препятствія не только другаго рода, но и гораздо непреодолимѣе. Сахарская-Пустыня усѣяна холмами и даже тамъ-и-сямъ перерѣзана горами; страна пещаная, которой недостаетъ только воды и чернозема. То и другое можно добыть: стоитъ начать со всѣхъ сторонъ отъ смежныхъ лѣсовъ. Гдѣ есть лѣсъ, тамъ покрываетъ онъ листьями и гніющимъ деревомъ землю, чрезъ что образуетъ черноземъ. Точно также деревья привлекаютъ влажность, распро-

страняютъ прохладу и перемѣняютъ климатъ. Со временемъ деревья произвели-бы болѣе чернозема и родниковъ, нежели сколько для нихъ нужно. Такимъ образомъ произошелъ-бы избытокъ, которымъ можно было-бы пользоваться. Сади только вблизи существующихъ лѣсовъ, новыя деревья, и такимъ способомъ было-бы вообразимо (es wäre denkbar) покрытіе всей пустыни лѣсомъ. Въ степяхъ другое дѣло; тутъ нѣтъ недостатка въ черноземѣ, напротивъ его больше, чѣмъ въ другихъ странахъ. Тоже нѣтъ и такого совершеннаго недостатка въ рѣкахъ и источникахъ. Сталобыть важность не въ устраненіи этихъ недостатковъ. Напротивъ плоское образованіе степей, подвергающееся всѣмъ вліяніямъ суроваго неба и сосѣднихъ земель, дѣлаетъ климатъ ихъ столь жаркимъ и сухимъ лѣтомъ, столь холоднымъ зимою. Человѣкъ не въ состояніи отвратить такихъ обстоятельствъ, потому-что вовсе невообразимо, чтобъ онъ могъ взгромоздить цѣпи горъ и вырыть долины. Далѣе — неблагопріятное свойство вплоть подъ черноземомъ лежащаго слоя земли и камней. Конечно въ нѣкоторой степени можно тому пособить, вынувъ дурную землю и наполня этотъ выемъ хорошею, въ которую и посадить деревья. И въ-самомъ-дѣлѣ это дѣлается такъ въ въ Одессѣ, около Одессы и въ степяхъ. Вездѣ, гдѣ хотятъ дать дереву хоть нѣсколько свѣжести, непремѣнно приготовляютъ для корней его искусственное ложе. Въ нѣкоторыхъ садахъ дѣлали большія, глубокія канавы, въ которыя сажали деревья. Хорошо для садовъ и небольшихъ аллей; но какъ-бы трудно было такимъ-же образомъ насадить цѣлые лѣса, вынутіемъ дурной земли и созданіемъ искусственной почвы! Какъ трудно взростить особливо дубы, липы и другія большія деревья, которыхъ корни глубоко входятъ въ землю и должны были-бы наконецъ перейдя за предѣлъ канавы, въ дурной известковый слой чрезъ то потерпѣть. Не принимая въ разсужденіе и этой трудности, не безъ основанія опасаться должно, что хорошая земля, данная дереву, отъ сосѣдства дурной, изъ которой будетъ проникать въ нея известковая вода, непремѣнно испортится. Итакъ ничего не оставалось-бы болѣе, какъ на всей степи избавиться отъ дрянной известковой земли — о которой потому говорю такъ много, что въ Одессѣ слышишь безпрерывныя на нея жалобы — и замѣнить ее другою, но это было-бы работа для тѣхъ, которые гору Оссу взгромоздили на Пеліонъ, а не для людей. Ясно, что степи осуждены оставаться вѣчно степями и сколь ни часто надѣялись уже здѣсь или тамъ овладѣть ими, онѣ всегда опять выходили наружу. Ихъ также трудно исправить какъ и человѣческую природу. Natura semper recurrit. Чтобъ доказать, какъ жестока и непослушна степная природа, приведу, здѣсь въ примѣръ, сколько въ Одесскомъ Ботаническомъ саду даютъ себѣ труда, чтобъ взро-

стить дерево, которое у насъ и во всѣхъ сѣверныхъ странахъ растетъ безъ малѣйшаго человѣческаго пособія. Я говорю о соснѣ (!)» (ч. I. стр. 76-77). Далѣе слѣдуетъ описаніе примѣра....

Нарочно выписанъ здѣсь вполнѣ довольно длинный отрывокъ сужденія автора о столь важномъ предметѣ, чтобъ избѣжать упрека о приговорѣ ему по выдержкамъ нѣсколькихъ строкъ. Здѣсь видно подробное разсмотрѣніе предмета и логика автора представляется во всей полнотѣ и чистотѣ. Мы сдѣлаемъ краткія, надѣемся однако, полновѣсныя замѣчанія. Здравый разсудокъ каждаго читателя избавитъ насъ отъ длинныхъ.

1) Слѣды бывшихъ въ степи лѣсовъ есть во множествѣ, и въ окаменѣлыхъ кускахъ дерева[12], и въ корняхъ, которые и теперь начинаютъ расти, какъ скоро заборъ защититъ ихъ отъ порчи скота. Въ Таврической губерніи примѣры тому: въ такъ-называемомъ Тарханъ-Кутѣ, въ Ягарлыцкомъ-Кутѣ и подъ Керчью. 2) Искусственныя насажденія удаются вездѣ, гдѣ умѣютъ взяться за дѣло. Полтора аршина чернозема для того болѣе нежели достаточны. Не приводя много примѣровъ лѣсныхъ насажденій, мы сошлемся на указанный въ другомъ мѣстѣ самимъ авторомъ, именно на 7 десятинъ лѣсу (г. Коль говоритъ 10 десятинъ, но онъ не можетъ обойтись безъ прибавленій!), насаженнаго и взращеннаго менонистомъ Корнисомъ среди глухой степи. Притомъ не только не было дѣлано выема дурной земли съ замѣномъ хорошею, но даже дѣло обошлось безъ плантаціи, а помогло одно глубокое вспахиваніе. Доказательствомъ тому, что лѣсъ растетъ во всей свѣжести, здоровъ, ровенъ и великъ, служитъ то, что г. Корнисъ производитъ уже изъ него постройки, что оказалось нужнымъ и для вырубки части лѣса, чтобъ разрѣдить его. Въ этомъ лѣсу образовалась совершенно лѣсная почва. У тѣхъ-же менонистовъ близъ колоніи Пришибъ взращенъ превосходный паркъ на 30 десятинахъ. Садовъ очень много въ степи, какъ фруктовыхъ, такъ и увеселительныхъ. Въ Таврической губерніи, кому неизвѣстенъ прекрасный садъ въ Ногайскѣ, огромный фруктовый садъ въ имѣніи графа Орлова-Денисова, садъ и лѣсъ г. Вассаля? Такіе примѣры не рѣдки и въ другихъ губерніяхъ. Упомянемъ здѣсь о лѣсѣ, разведенномъ въ Херсонской губерніи покойнымъ г. Кириаковымъ, о садахъ г. Скаржинскаго, о плантаціяхъ Военныхъ поселеній и проч. 3) Софизмы и натяжки въ сравненіи нашихъ степей съ Сахарою сами за себя говорятъ. Откуда взялись въ Сахарской-Пустынѣ холмы, кромѣ развѣ песчаныхъ? откуда горы? Но положимъ и то. Отъ нашихъ разбросанныхъ по степи лѣсковъ не распространяется обсемененіе,

[12] Еще въ недавнемъ времени въ Екатеринославской губерніи, частію въ Александровскомъ, частію въ Бахмутскомъ уѣздѣ найдены большіе куски окаменѣлыхъ деревьевъ.

а развѣ въ Сахарѣ оно распространяется отъ тамошнихъ оазовъ? Вѣдь и самъ г. Коль приказываетъ тамъ садить. Посмотрите, какъ скоро и легко для него добыть воды и чернозему! Тамъ, гдѣ воды вовсе нѣтъ, а сыпучіе пески поглотили-бы въ себя и море, тамъ легче утучнить грунтъ и обратить его въ лѣса, нежели въ такомъ мѣстѣ, гдѣ есть готовыя рѣки и самъ по себѣ тучный грунтъ! То вообразимо, а это нѣтъ. Право иногда кажется, что воображеніе г. Коля уже слишкомъ сильно — въ ущербъ другимъ способностямъ! Голые пески, безъ воды и крошки чернозема, при зноѣ, невыносимомъ ни для какого живаго существа, воображаетъ онъ способными произращать лѣса, а за насъ боится, что и хорошая земля, на которой мы ихъ посадимъ, испортится отъ сосѣдства известковой! 4) Очень обрадовались мы, когда, послѣ такихъ мечтаній, увидѣли слово beweiſen — доказать. Онъ хочетъ доказать! Въ-самомъ-дѣлѣ, бываютъ-же софизмы очень рѣзкіе, которыми приводятъ въ заблужденіе именно чрезъ доказательства или примѣры. Посмотрите-же доказательство г. Коля: сосна, которая у насъ на сѣверѣ, растетъ такъ легко, безъ пособія людей, здѣсь требуетъ такого труда. Точно, г. авторъ: сосна растетъ на сѣверѣ легко сама собою, но и тамъ для разведенія или пересадки ея, требуется болѣе умѣнья и труда, чѣмъ для другихъ деревъ, а между-тѣмъ очень естественно расти ей тамъ легко, потому-что того требуетъ ея природа. Попробуйте вы развести тамъ платанъ, который, на Южномъ-Берегу Крыма растетъ безъ всякихъ усилій. Вѣрно никакія пособія ваши не сохранятъ его и на одинъ годъ. Согласитесь лучше въ вашей опрометчивости и вспоминая, что причиною ея была безъ-сомнѣнія торопливость, скажите съ Мольеромъ:

«Le trop de promptitude à l'erreur nous expose».

Впрочемъ напрасно относить и къ торопливости то, что авторъ повторяетъ нѣсколько разъ. Вотъ и въ систематическомъ описаніи степей (ч. II. стр. 107), встрѣчаемъ такого-же рода сравненіе съ Аравіей и съ Сахарою. Рѣки Іорданъ, Оронтъ, уподобляя величиною Ингулу (!), Ингульцу и Куяльнику, онъ говоритъ, что первые творятъ по берегамъ своимъ маленькой рай посреди пустыни; но въ нашихъ степяхъ совсѣмъ не то: «ſie leiden an ſehr componirten Gebrechen! (ихъ недостатки слишкомъ сложны). Непрерывная однообразность ихъ поверхности, подвергающая ихъ всей суровости климата и невыгодное наслоеніе почвы, такъ-что подъ верхнимъ плодороднымъ слоемъ обыкновенно находится известковый, препятствующій произрастанію» — вотъ недостатки! Потому-то и вода не можетъ произвести на нихъ того лѣснаго рая. «Кромѣ Нептуна съ его Океанидами, тутъ нуженъ Вулканъ съ его Циклопами, чтобъ переборождить (durchfurchen) степи и лишить ихъ характера пустыни». Этимъ объясняется не-

чальный видъ и малое дѣйствіе нашихъ степныхъ рѣкъ, ручьевъ и источниковъ. Они, продолжаетъ авторъ, вовсе ничего не производятъ по берегамъ, ни даже лозы, не говоря уже о лѣсахъ и рощахъ изъ другихъ деревъ, и проч. Говорить объ Аравіи и Сахарѣ и называть Іорданъ и Оронтъ все равно, что говоря о нашихъ степяхъ, приводить въ примѣръ Десну и Хоперъ. Этѣ рѣки нельзя называть степными и онѣ такъ далеки отъ Сахары, что конечно никому, кромѣ нашего автора, не придетъ въ голову смѣшать ихъ въ своемъ понятіи. Мы не хотимъ дѣлать натяжекъ въ пользу нашей природы и охотно согласимся, что берега степныхъ нашихъ рѣчекъ не такъ прелестны, какъ Іорданскія, но тутъ главною причиною климатъ, ибо разница большая меж- 43 и 25 градусами широты. Возмите Крымскія рѣчки: уже и на ихъ берегахъ прелестные лѣски, хотя онѣ еще не за Яйлою. Можетъ-быть справедливо замѣчаніе автора на-счетъ известковой подпочвы, однако несправедливо, чтобы берега степныхъ рѣчекъ не производили сами собою даже лозы. Въ примѣръ приведу тотъ-же Ингулецъ, по берегамъ котораго есть порядочные лѣски. Тоже по рѣчкѣ Конкѣ и на Днѣпровскихъ плавняхъ. Вообще мнѣ кажется, еслибъ на степяхъ нашихъ ложилось болѣе снѣгу и отъ того рѣчки постоянно разливаясь весною, размачивали почву, то берега ихъ отѣнились-бы деревьями. Но и снѣгу бываетъ у насъ для того не всегда достаточно.

Между-тѣмъ кстати замѣтить, что я пропустилъ въ своемъ мѣстѣ. Известь наша какъ-то особенно навлекла на себя негодованіе автора. Еще въ первой части (стр. 108) разказываетъ онъ слышанное отъ какого-то строителя, будто-бы известь нашего края имѣетъ странность такъ мало разгорячаться при гашеніи, что очень спокойно (ganz bequem) можно держать въ ней руку, не обжигаясь. Итакъ, въ одномъ случаѣ известь мѣшаетъ произрастеніямъ, въ другомъ не годится и на прямой предметъ своего назначенія, на постройку.... Въ-самомъ-дѣлѣ жалкой край! Но почемужь-бы автору не испытать на дѣлѣ, что сказалъ ему строитель? Онъ удостовѣрился-бы въ истинѣ и вѣрно та рука, которую сунулъ-бы онъ въ известь, при ея гашеніи, не написала-бы столько противорѣчій!

Слишкомъ далеко завлекло-бы насъ, еслибъ мы вздумали разбирать подробности растительнаго царства, о которыхъ г. Коль говоритъ очень широко. Эту часть его сочиненія полагали мы найти самою удовлетворительною, потому-что въ предисловіи ссылается онъ на пособія почтеннаго г. Нордмана. Однако автору-поэту не до-того, чтобъ слушая ученые предметы, передавать ихъ въ точности. Вотъ краткой примѣръ, которымъ желаемъ ограничиться. «Есть много въ степи травъ», пишетъ авторъ (ч. II. стр. 118), «изъ цвѣта которыхъ Русскіе варятъ чай. Одна изъ главныхъ *солодковый корень*, изъ листа котораго дѣлаютъ

они отваръ и пьютъ его съ корнемъ тогоже растенія, вмѣсто сахару. Этотъ Солодковый Корень особенно часто находятъ въ долинахъ при рѣкахъ». Далѣе (стр. 120) г. Коль говоритъ еще о травѣ «*бальзамъ*», которую Малороссіяне «пучками вѣшаютъ надъ дверьми, употребляя ее въ водкѣ и для питья вмѣсто чаю». Найдя эти замѣчанія довольно странными и намъ вовсе неизвѣстными, мы обратились съ вопросомъ къ самому г. Нордману, и получили въ отвѣтъ: «Правда, что въ степяхъ здѣшняго края ростутъ двѣ породы растеній съ сладкимъ корнемъ (Glycyrrhiza glabra, *Pall.*, и *Gl.* echinata, *Lin.*), изъ которыхъ колонисты и другіе степные жители приготовляютъ напитокъ, употребляемый съ чаемъ или вмѣсто чая; но трава Balsam, служащая будто-бы къ тому-же, мнѣ неизвѣстна». Впрочемъ мы забыли сказать, что г. Коль пишетъ (тамже стр. 116): «Я имѣлъ много учителей въ степной ботаникѣ, но лучшій изъ нихъ былъ старый пастухъ». Мы не винимъ и пастуха: онъ говорилъ по-Русски, а мы знаемъ, какъ худо понимаетъ этотъ языкъ нашъ путешественникъ.

Нельзя и при этомъ отдѣлѣ не остановиться на филологическомъ замѣчаніи автора. «Бурьянъ» называетъ онъ Татарскимъ словомъ (ч. II. стр. 113) и притомъ дѣлаетъ выноску: «Очень любопытно, что для всѣхъ собственно степямъ принадлежащихъ предметовъ остались названія, употребляемыя Татарами, а можетъ-быть употреблявшіяся и еще въ древнѣйшія времена. Такъ напримѣръ въ скотоводствѣ всѣ техническія выраженія Татарскія». Къ-сожалѣнію, и это остроумное замѣчаніе сдѣлано вовсе не въ-попадъ: мы, жители Татарскаго края можемъ удостовѣрить, что «бурьянъ» по Татарски называется «*курай*» и что для слуха Татаръ слово «бурьянъ» также чуждо, какъ слово «бурка», которое въ другомъ мѣстѣ авторъ дѣлаетъ не только Татарскимъ, но и употребляемымъ во всѣхъ Монгольскихъ степяхъ до предѣловъ Китая.

За описаніемъ растеній слѣдуютъ степные пожары, о которыхъ расказаны чудеса. Большой помѣщикъ зажигаетъ степь на 50 и 60 верстъ (ч. II. стр. 127)! Къ-счастью онъ такъ-же легко тушитъ, какъ зажигаетъ. Между-тѣмъ на рѣкахъ зажигаютъ огромныя пространства камышу, хотя это и запрещено подъ опасеніемъ ссылки въ Сибирь» (ч. II. стр. 128). «Но не смотря на Сибирь», продолжаетъ авторъ, «и на всѣ ея ужасы, всѣ рѣчныя долины, *тотчасъ послѣ стаянія снѣга*, обращаются въ рѣки пламени». Далѣе г. Коль пишетъ о двухъ причинахъ, по которымъ жгутъ камыши: первая, чтобъ истребить волковъ, и вторая, чтобъ дать ростъ молодому тростнику. «Волки», продолжаетъ онъ, «конечно погибаютъ, но вмѣстѣ сгараетъ и много полезной птицы (ч. II. стр. 129): утокъ, которыя не хотятъ покинуть своихъ яицъ, и издыхаютъ на птенцахъ; цаплей и драфъ, которыя безумно кружатся вкругъ огня и пускаются даже въ

самое пламя; зайцевъ, которые видятъ за собою волка, а предъ собою пламя; бекасовъ и другихъ птицъ, которыя цѣлыми стаями добровольно жарятъ себя надъ огнемъ». На двѣ страницы поэтизированія автора на эту тему, мы замѣтимъ кратко: 1) за сожиганіе камыша въ Сибирь никого не посылаютъ, какъ и вообще не наказываютъ ни за что, клонящееся къ пользѣ, ибо 2) камышемъ зимою пользуются жители для топлива, построекъ, подстилокъ и пр., для чего вырубаютъ, или (техническое слово) «бьютъ камышъ»; оставшіеся обивки и обломки сожигаютъ дѣйствительно при таяніи снѣга, какъ говоритъ авторъ, или даже прежде (около Херсона жгли въ нынѣшнемъ году въ концѣ Февраля), но 3) въ такое раннее время нѣтъ въ камышахъ ни утокъ, ни цаплей, ни драфъ, ни бекасовъ, слѣдственно поэзія автора не сообразилась на этотъ разъ съ дѣйствительностью; 4) для «истребленія» волковъ едва-ли гдѣ-нибудь зажигаютъ камыши, ибо волкъ не такъ глупъ, чтобъ оставаться въ огнѣ, когда можетъ выбѣжать на степь. Потому-то иногда охотники въ зимнее время, желая выгнать волка изъ камыша, куда онъ прячется, зажигаютъ камышъ по направленію вѣтра и заставляютъ бѣдняка выдти на просторъ; но и это дѣлается очень рѣдко.... Теперь попросимъ автора отвѣчать, неужели читатели въ Германіи такъ черезъ-чуръ довѣрчивы, что можно прельщать ихъ поэтическими выходками, въ которыхъ одна мысль противорѣчитъ другой?

Большая статья о жизни звѣрей, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся и насѣкомыхъ доставила-бы намъ также нѣсколько предметовъ къ подобнымъ вопросамъ, но жаль, что авторъ вѣрно не прочтетъ нашихъ строкъ, разучась Русскому языку, который понималъ такъ прекрасно. Не можемъ однако умолчать о саранчѣ, какъ по важности предмета, такъ и въ подкрѣпленіе сказаннаго нами о недостовѣрности автора. Вотъ какъ начинаетъ онъ статью (ч. II. стр. 157): «Изъ всѣхъ степныхъ насѣкомыхъ ниодно не является такими огромными массами, и какъ потому, такъ и по непомѣрной жадности, ниодно не вступаетъ въ такое опасное соотношеніе съ человѣкомъ и его трудолюбіемъ, какъ саранча. Къ-сожалѣнію для меня, но къ счастію для прилежныхъ степныхъ жителей 1838 года, я не могу хвастаться собственными наблюденіями надъ этимъ примѣчательнымъ животнымъ. Но мнѣ удалось собрать нѣсколько свѣдѣній о пребываніи саранчи въ этомъ краѣ, которыя отчасти представятъ предметъ въ новомъ видѣ и могутъ имѣть общій интересъ, почему я здѣсь ихъ и включаю». Итакъ авторъ самъ не видалъ въ нашемъ краю саранчи, да и мы, здѣшніе жители, можемъ засвидѣтельствовать, что въ 1838 году у насъ ея точно не было.

Однако вотъ чѣмъ авторъ кончаетъ статью: «Насѣкомое это (саранча) имѣетъ въ большой *степени* способность оставаться долго безъ пищи. Мы сдѣлали на-счетъ того слѣдующій опытъ: посадивъ три саранчи въ бутылку, оставили ихъ безъ пищи 11 дней. На одиннадцатый, въ то время, когда летѣла стая саранчи (als andere Heuſchrecken vorüberzogen), отперли мы бутылку и нашли трехъ саранчей живыми и здоровыми. Онѣ другъ-другу не сдѣлали никакого вреда, и когда мы выпустили ихъ, тотчасъ полетѣли бодро, и не къ землѣ, чтобъ ѣсть, а вверхъ, чтобъ присоединиться къ мимолетящимъ братьямъ». Откудажь взялась эта саранча для опытовъ г. Коля? Не самъ-ли говорилъ онъ, что знаетъ о ней въ здѣшнемъ краю только по слухамъ? Не самъ-ли пишетъ, что въ 1838 году, къ счастью жителей, ея у насъ не было?... Можно-ли послѣ того довѣрять ему въ чемъ нибудь? Впрочемъ едва-ли онъ и самъ понимаетъ о чемъ говоритъ: «Въ Новороссійскихъ степяхъ, два главнѣйшихъ рода перелетной саранчи: одна *маленькая*, въ полтора вершка длины, а другая большая въ два вершка. Маленькую Русскіе называютъ: «Russaki» (Gryllus migratorius), а большую «Saranni» (Gryllus vastator)». Да вѣдь «Gryllus migratorius» есть, по Линнею, общее названіе перелетной саранчи, а «Russaki» нѣтъ названія у Русскихъ никому, кромѣ самихъ себя, да развѣ еще у охотниковъ извѣстной породы зайцу? Видъ-же саранчи, которая бываетъ бичемъ нашего края, называется точно Gryllus vastator и она-то здѣшними жителями именуется «*сараною*». Чтожь хотѣлъ г. Коль назвать «Russaki»? О послѣднемъ имени навелъ насъ одинъ степной старожилъ на мысль, что это должны быть такъ-называемые здѣсь «*прузики*», которыхъ г. Коль передѣлалъ въ «Russaki», но это вовсе не саранча. А какъ это насѣкомое почти каждый годъ является въ степяхъ, то не надъ нимъ-ли г. Коль дѣлалъ свои опыты?

За тѣмъ не скажемъ ни слова о слѣдующей, еще длиннѣйшей статьѣ: «Жизнь пастуховъ и стадъ». Хотя тутъ много любопытнаго, много поэзіи, но умѣримъ наше желаніе дѣлиться всѣмъ съ читателями, чтобъ не наскучить. Еще глава: «Сравнительный взглядъ на степи не-Понтійскія» заслуживала-бы, правда, разсмотрѣнія, но какъ авторъ сравниваетъ то, чего не видалъ, съ тѣмъ, что плохо видѣлъ (какъ мы, надѣюсь, уже удостовѣрились), то для чего-жь искать истины тамъ, гдѣ онъ слѣдовалъ почти только поэтическому вдохновенію? Каково однако-жь было наше удивленіе найти именно въ этой главѣ такой поэтическій вымыслъ, выше котораго нѣтъ ничего въ книгѣ, богатой, какъ мы видѣли на выдумки! Авторъ увѣряетъ (ч. II. стр. 232), что во всей Южной-Россіи нѣтъ ни одной водяной мельницы. Вотъ какъ сказано по-Нѣмецки: Eine von Waſſer getriebene Mühle giebt es in ganz Südrußland nicht. Такой замѣчательный фактъ авторъ помѣщаетъ въ концѣ

книги, по случаю сравненія уже Новороссійскихъ степей съ другими! Это большая ошибка въ размѣщеніи предметовъ. Правда, была уже рѣчь о томъ, что въ нашихъ степяхъ нѣтъ никакого ручья — гдѣжь тутъ быть мельницамъ? А притомъ до-сихъ-поръ все шло дѣло о Новороссійскихъ степяхъ, а теперь авторъ толкуетъ обо «всей» Южной-Россіи: стало-быть и въ цѣлой Южной-Россіи нѣтъ текучей воды для постройки мельницы. Бѣдный, бѣдный край! Но кто жъ вамъ это сказалъ, г. авторъ? Изъ какихъ источниковъ почерпнули вы такое свѣдѣніе? Не отъ шульца ли въ Люстдорфѣ? Не отъ Русскаго-ли мужика, котораго мимику вы такъ хорошо понимали, что вамъ казалось, будто понимаете по-Русски? Не отъ писарей-ли на станціяхъ или отъ ихъ женъ, съ которыми такъ любили разговаривать? Нѣтъ, даже всѣ эти авторитеты не сказали-бы вамъ ничего подобнаго. Да, ваши источники были слишкомъ недостовѣрны или лучше, ихъ вовсе не было, а сказанное родилось только въ головѣ вашей. Смѣю увѣрить васъ, что наши источники, не говорю уже Крымскіе, Донскіе, при-Волжскіе, но просто степные двигаютъ мельничными колесами. Справка не далека: въ Таврической губерніи въ двухъ сѣверныхъ, самыхъ степныхъ уѣздахъ, болѣе 15 водяныхъ мельницъ; въ Херсонскомъ уѣздѣ тоже ихъ довольно. Да и почемужь-бы и не быть имъ, когда вы сами, какъ мы помнимъ (ч. II. стр. 70) говорили, что кромѣ рѣкъ, у насъ есть и рѣчки?.....[15]. Развѣ по варварству нашему, о которомъ вы намекаете (ч. II. стр. 215-233)? Но вотъ мы сей-часъ разсмотримъ, какъ вы сами понимаете Россію въ государственномъ отношеніи, къ чему относится и послѣдняя глава вашей книги: «Россія и степи», и увидимъ, точно-ли такъ велико наше варварство.

Однако прежде разсудимъ о томъ, довольно-ли авторъ знаетъ Россію. Мы видѣли уже, что, по его мнѣнію, мортусы въ нашихъ карантинахъ должны ходить окованные цѣпями; что за бездѣлицы, или еще лучше, за дѣло, приносящее пользу, какъ-то сожиганіе тростника, ссылаютъ у насъ въ Сибирь. Но это варварство его, потому-что конечно такъ должно назвать и мнѣніе, чтобъ это дѣлалось въ государствѣ образованномъ. Вотъ образцы его-же географическихъ познаній о Россіи: «Имя Новая-Россія», говоритъ авторъ (ч. I. стр. 14) существуетъ только въ «нашихъ» (т. е. Нѣмецкихъ) географіяхъ, потому-что въ Россіи никогда не услышишь о Новой-Россіи. Правительство и Великороссіяне называютъ эту землю Херсонскою губерніею. Жители-же сами вовсе никакъ не называютъ своей земли». Какъ это покажется? Авторъ Херсон-

[15] Развѣ можетъ-быть г. Коль разумѣлъ мельницы, движимые теченіемъ большихъ рѣкъ, какъ напримѣръ на Дунаѣ, Рейнѣ? Такихъ у насъ точно нѣтъ, потому-что большія рѣки наши не имѣютъ достаточной для того быстроты. Но зачѣмъ-же онъ не выразился яснѣе?

скую губернію принимаетъ за весь Новороссійскій-Край, который взялся описывать. Послѣдняя-же фраза, хоть и не идетъ къ нашей рѣчи, но тоже замѣчательна — нельзя было ее не выписать. Жители никакъ не называютъ своей земли — прямые варвары!... Пріятелю автора кто-то отказалъ по духовной островъ на Азовскомъ-Морѣ (ч. I. стр. 115)! Жаль, что г. Коль не написалъ, обитаемъ-ли этотъ островъ или пріятель его будетъ тамъ жить, какъ второй Робинзонъ. Далѣе, тамъ-же, гдѣ авторъ удивляется, что арбузы ѣдятъ безъ сахару, говоритъ онъ о находящемся въ Украйнѣ, городѣ Тихвинѣ (ч. I. стр. 123), котораго въ Украйнѣ не бывало. И не мудрено: на стр. 120 (тамже) онъ самъ признается, что учился географіи у Задунайскаго казака! Не угодно-ли послушать о свѣдѣніяхъ его въ политическомъ отношеніи? Мы уже дали нѣкоторые обрасчики находящихся тутъ чудесъ; вотъ еще: Говоря о людяхъ, населяющихъ Новороссійскій-Край, между-прочимъ г. Коль выдаетъ за истину, будто Евреевъ, Цыганъ и Татаръ, вовсе несклонныхъ къ хлѣбопашеству, насильно переселяли сюда и дѣлали изъ нихъ земледѣльческія колоніи; будто даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроивали пріюты для бѣглыхъ (man errichtete an einigen Orten Freystätten oder Asyle) (ч. I. стр. 15). Далѣе авторъ удивляется, что наши Крымскіе Балаклавцы мало регуляризованы Русскими офицерами (ч. I. стр. 203), но еслибъ онъ спросилъ, ему сказали-бы, что офицеры ихъ тоже не Русскіе, а Балаклавцы, а узнавъ это, узналъ-бы и объ особомъ положеніи, на которомъ они состоятъ и которое доказываетъ, что въ Россіи насильно ни къ чему не приневоливаютъ. Впрочемъ въ книгѣ г. Коля почти на каждое утвержденіе можно найти и возраженіе. Въ первой части онъ говоритъ о Цыганахъ, какъ о приневоленныхъ земледѣльцахъ, а во второй, (на стр. 243) самъ пишетъ, что нѣтъ Цыганскихъ колоній и что хотя имъ дарили домà, но они живутъ въ своихъ шалашахъ. Между-тѣмъ въ Бессарабіи не колоніи, но цѣлыя деревни частныхъ владѣльцевъ населены Цыганами. На стр. 247 (ч. II) нашъ авторъ опять говоритъ о насиліи «Таврическимъ и Ногайскимъ Татарамъ», которыхъ «тотчасъ по ихъ покореніи» сдѣлали противъ воли осѣдлыми. «Имъ выстроили деревни, надѣлили ихъ полями и дали людей для хлѣбопашества». Какъ авторъ не далекъ въ географіи, то надобно заключить, что онъ говоритъ собственно о Таврическихъ Ногайцахъ. Сколько-же времени истекло, пока оставляли ихъ кочевыми! Мѣста ихъ кочевья были во власти Россіи ранѣе покоренія Крыма, то-есть 1783 года, а селить Ногайцевъ начали съ 1818 года, но не принужденными мѣрами, а умными распоряженіями и только при упрямствѣ *нѣкоторыхъ*, оставшихся при готовыхъ домахъ, въ кибиткахъ, принуждены были истреблять кибитки. На стр. 23 (ч. II) авторъ судитъ

вкривь и вкось о 12 дняхъ работы, которыми обязаны свободные поселенцы въ Бессарабіи помѣщикамъ за ихъ земли. Онъ говоритъ, что въ Буковинѣ нашелъ поселянъ довольнѣе и восклицаетъ: «благо правительству, отъ котораго радуются бѣдняки!» Но почему-же не сдѣлалъ онъ ближе сравненія? Никакъ не думаемъ, чтобъ тамъ земля оплачивалась столь малымъ трудомъ, ибо если 12 дней, по количеству работы, и утроить, какъ дѣлаетъ г. Коль, то и 36 дней работы на душу будетъ только самое умѣренное возмездіе помѣщику за его землю. — Насъ опять слишкомъ увлекло-бы объясненіе поверхностно схваченныхъ авторомъ понятій о цивилизаціи дикихъ народовъ ч. II. стр. 244 и слѣд., гдѣ онъ, отдавая всю справедливость благоразумнымъ распоряженіямъ правительства, не можетъ однако, по обычаю, держаться точности, хотя и ссылается на Русскіе законы (ч. II. стр. 245). Точно также вывернуто наизнанку и благодѣтельное распоряженіе правительства о раздачѣ земель на условіяхъ, принесшее столь много пользы краю. Онъ толкуетъ, будто-бы правительство само покупаетъ обработанныя земли и что притомъ случаются злоупотребленія въ ущербъ казнѣ (ч. II. стр. 253). Жаль, право, г. Коль, что вы мало разумѣли по-Русски. Вѣроятно это незнаніе языка ввело васъ въ такъ-называемыя ошибки. Впрочемъ вы и тѣмъ оправдаться не можете, ибо пустясь на описаніе края, надобно-же ближе познакомиться съ его постановленіями. Тогда не написали-бы вы (ч. I. стр. 311), что Мицкевичъ изъ Вильны въ 1824 году (когда онъ находился тамъ студентомъ) переведенъ былъ въ Москву помощникомъ генералъ-губернатора!! Мы увѣнчаемъ дѣло о вашемъ познаніи Россіи и политическихъ соображеніяхъ, когда выпишемъ слово-въ-слово слѣдующее: «Загадка управленія столь обширными пустынями въ томъ видѣ, какъ всѣ онѣ совокупно держутся въ Русскомъ государствѣ, и всего движенія столь гигантской, какъ Русская имперія, машины, повинующейся направленію единственной воли, можетъ-быть главнѣйше разгадана характеромъ казаковъ, который въ этомъ отношеніи еще мало изслѣдованъ». Точно такъ г. Коль! Вы вѣрно разгадали эту загадку, хотя вы-же, помнится, говорили о казакахъ, будто они всего боятся, что непохоже на ихъ воловъ (ч. II. стр. 153)!!

Мы близки къ заключенію и хотимъ разстаться съ г. Колемъ добрыми знакомыми, почему укажемъ и на отданную имъ справедливость Россіи, словами, о которыхъ съ нимъ конечно никто не поспоритъ, кто хотя бѣгло взглянетъ на край нашъ. «Не смотря на частыя и неизбѣжныя злоупотребленія», пишетъ авторъ (ч. II. стр. 253), «послѣдствіямъ и успѣхамъ Русскаго Правительства въ степяхъ нельзя довольно надивиться. Оно въ короткое время сдѣлало здѣсь тоже, что Прусское правительство на пес-

чаной Бранденбургской пустынѣ, и гораздо болѣе, чѣмъ Ганноверъ въ Люнебургской степи и на болотахъ герцогства Бременскаго». Хотя г. Коль самъ испугался сказаннаго и поспѣшилъ, послѣ словъ «*нельзя надивиться*», сдѣлать выноску: «если можно удивляться тому, что дѣлается изъ эгоистическихъ видовъ»; но мы отъ-души прощаемъ ему это ребяческое сомнѣніе, сдѣланное въ видѣ оправданія противъ общаго о насъ мнѣнія въ Европѣ: безъ того не понравилась-бы книга, хотя, правду сказать, нужно имѣть большое самоотверженіе, чтобъ такъ оправдываться, то-есть относить къ эгоизму дѣла, отъ которыхъ зависитъ благоденствіе нѣсколькихъ милліоновъ людей!

То-же самое, невинное желаніе, чтобы книга понравилась, заставляетъ автора, какъ мы уже разъ замѣтили, пророчать о завоеваніи Константинополя (ч. II. стр. 255). «Походъ въ Константинополь», восклицаетъ онъ, «есть безъ-сомнѣнія самое народное дѣло во всей Россіи!» Мы не дѣлаемъ здѣсь никакихъ замѣчаній.

Прощаясь съ Россіею, на самой границѣ съ Австріею, авторъ разсказываетъ про встрѣчу свою съ какимъ-то молодымъ Одесскимъ жителемъ, который возвращался на родину послѣ двухлѣтняго путешествія по Европѣ, и былъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Неаполѣ и проч. Этотъ умный молодой человѣкъ радовался отъ всей души, что попалъ опять на отечественную землю и говорилъ: «Нѣтъ, жить въ Россіи лучше, нежели гдѣ-либо въ Европѣ. Правда, что тамъ много хорошаго, но тамъ-же вездѣ вдоволь пустой суетливости, филистерства, скряжничества, смѣшныхъ пустяковъ и мелочности (viel mehr Plagerei da, Philisterösität, Kniekerigkeit, Lächerlichkeiten und Kleinlichkeiten), а простора движеній и настоящей житейской философіи напрасно гдѣ-нибудь искать кромѣ Россіи. Здѣсь скачи себѣ на цѣломъ земномъ полушаріи, внутри границъ одного государства, въ полной безпечности о будущемъ; не расчитывай о немъ поминутно со страхомъ; не бойся, чтобы изъ пустяковъ надѣлали шуму и крику; не жди тотчасъ процесса если иногда и позволишь себѣ что-нибудь лишнее; и притомъ головы Русскихъ не набиты всякимъ вздоромъ, и дураковъ, право, во всякой Западно-Европейской землѣ найдешь больше, чѣмъ въ Россіи (ч. II. стр. 58).

Г. Коль, выслушавъ это и записавъ въ своей книгѣ, продолжаетъ: «я чувствовалъ, что много справедливаго въ словахъ этого молодаго человѣка. Хоть и можно было сдѣлать ему разныя возраженія, но, по наступавшей ночи, не время было спорить, а къ тому-же, стоя на порогѣ Россіи, въ самую минуту прощанья съ землею, которой обязанъ я многими, полными наслажденія мгновеніями, я расположенъ былъ скорѣе оцѣнивать хорошую ея сторону, чѣмъ выставлять дурную» (тамже). За такое расположеніе автора, которое безъ-сомнѣнія не безъ достаточныхъ причинъ родилось въ

его, какъ мы видѣли, небезпристрастной головѣ, усерднѣйше благодаримъ и разстаемся въ миръ.

Обратимся однако еще съ вопросомъ къ нашимъ читателямъ. Разсмотрѣнная нами книга, наполненная ошибками, промахами, преувеличеніями, противорѣчіями, хвастовствомъ, умничаньемъ, поверхностными и затѣйливыми безъ основанія взглядами, читается однако съ удовольствіемъ: почему-же? по одному-ли хорошему слогу? Впрочемъ въ этомъ отношеніи мы ея не разсматривали, но и тутъ найдется довольно напыщенности, длинноты, излишней щеголеватости и т. п. Полагаю, что привлекательность книги заключается главнѣйше въ многоразличіи замѣчаній о вседневныхъ житейскихъ предметахъ. Это конечно всякому читателю, какъ говорится, по-плечу и заставляетъ ето размышлять о томъ, на что прежде онъ не обращалъ вниманія. Въ нашей литературѣ большой недостатокъ въ сочиненіяхъ такого рода. У насъ пишутъ о подобныхъ предметахъ только въ учебныхъ и ученыхъ книгахъ и бо́льшею частью такимъ слогомъ, что отбиваютъ охоту читать. Еслибъ г. Коль описывалъ съ точностью, какой надобно ожидать въ наше время отъ просвѣщеннаго писателя, то книгу его можно-бы смѣло рекомендовать для ознакомленія пріятнымъ образомъ съ нашимъ краемъ всякому желающему, но въ настоящемъ видѣ она можетъ вводить только въ заблужденіе.

В. Княжевичъ.

д. ч. о.

VOYAGE DU MARÉCHAL DUC DE RAGUSE EN HONGRIE, en Transilvanie, dans la Russie méridionale, en Crimée, et sur les bords de la mer d'Azoff, à Constantinople, dans quelques parties de l'Asie-mineure, en Syrie, en Palestine et en Egypte. Tome premier. Paris. Librairie historique de Ladvocat et Cie, libraire du Prince royal, MDCCCXXXIX, in 8°, 402 p.

ПУТЕШЕСТВІЕ МАРШАЛА МАРМОНА, ГЕРЦОГА РАГУЗСКАГО, въ Венгрію, Трансильванію, Южную-Россію, по Крыму и берегамъ Азовскаго-Моря, въ Константинополь, нѣкоторыя части Малой-Азіи, Сирію, Палестину и Египетъ. Переводъ съ Французскаго, изданный Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ первый. Москва. Въ типографіи Николая Степанова. 1840, въ 8°. XXII и 266 стр.

Маршалъ Мармонъ посѣщалъ край нашъ въ 1834 году и провелъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ. Въ изданномъ въ 1839 году въ четырехъ томахъ «Путешествіи» его описанію Южнаго-Края Россіи посвящена бо́льшая часть перваго тома, именно со стр. 169 до 371.

Такъ-какъ въ-слѣдъ за появленіемъ этого «Путешествія» во Франціи, изданъ у насъ переводъ его на Русскій, то разсматривая первое, мы сочли долгомъ сказать нѣсколько словъ и о послѣднемъ.

Чтобъ видѣть цѣль съ какою знаменитый Французскій полководецъ предпринималъ свое путешествіе, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ его «Введенія»[1].

«Прошло четыре года, какъ политическая тревога внезапно лишила меня отечества. Я не разорвалъ связей съ нимъ, но сталъ чуждъ ему. Усладительное гостепріимство покоило меня въ Вѣнѣ, и дни мои текли мирно и однообразно, когда я, вспоминая о прежнихъ своихъ трудахъ, и чувствуя, что во мнѣ еще есть силы, рѣшился придать новую занимательность своей жизни, прибавить что-нибудь къ своимъ свѣдѣніямъ, и удовлетворить любопытство, какое возбуждало во мнѣ движеніе общества человѣческаго: въ немъ каждый день перемѣны, и оно, кажется, идетъ къ новой судьбѣ. Сужденіе издали такъ невѣрно, разсказы такъ обезображиваютъ событія, что кто хочетъ узнать истину, тотъ долженъ искать ее самъ, изучать на-мѣстѣ, и какъ можно больше освободить себя отъ всѣхъ предубѣжденій и предразсудковъ, враговъ нашего сужденія. Я слишкомъ часто видалъ ошибки другихъ, и послѣ этого могъ остерегаться своихъ собственныхъ.

[1] Какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ случаяхъ, когда сочтемъ нужнымъ приводить текстъ книги, мы станемъ пользоваться переводомъ, изданнымъ г. К. Полевымъ.

Въ духѣ осторожности наблюдалъ я, и собралъ свѣдѣнія, которыя издаю теперь». (Подл. стр. 1–2; перев. стр. XX–XXI).

Итакъ цѣль путешествія маршала Мармона была не иная, какъ лично до него относящаяся: развлеченіе послѣ продолжительнаго однообразія, обогащеніе себя новыми вѣрными свѣдѣніями, изъ личнаго убѣжденія почерпнутыми. И если онъ напечаталъ свои записки, то конечно не съ инымъ намѣреніемъ какъ желая подѣлиться съ другими тѣми запасами познаній, которые онъ имѣлъ возможность, хотѣлъ, или счелъ нужнымъ для себя пріобрѣсти. Все это налагаетъ на насъ обязанность отнюдь не требовать отъ него ничего больше, кромѣ того что онъ даетъ самъ. Онъ не вызывался служить чѣмъ-нибудь *намъ*, а собиралъ *для себя*, слѣдовательно за все, что изъ собраннаго находитъ онъ возможнымъ удѣлить и намъ, мы должны только благодарить, и развѣ замѣтить иногда, когда не будемъ согласны съ нимъ въ его взглядѣ на вещи, или найдемъ недостатки въ собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ — замѣтить для тѣхъ, которые захотятъ знать наше мнѣніе о трудѣ достопочтеннаго маршала.

Сопутниками его были Вѣнскій медикъ Зенгъ, который долженъ былъ помогать ему въ наблюденіяхъ, и графъ Брацца, любитель-живописецъ, для снятія любопытныхъ и замѣчательныхъ мѣстъ.

Изъ Черновца въ Буковинѣ маршалъ Мармонъ въѣхалъ въ Россію чрезъ Новосе-лицкую таможню, гдѣ ожидалъ уже командированный по Высочайшему повелѣнію отъ г. Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора чиновникъ для встрѣчи и сопровожденія его, 17 ч. Мая. Съ перваго ночлега въ Липканахъ, въ домѣ княгини Гики, онъ поѣхалъ далѣе и быстро переѣкъ Бессарабію.

Объ ней авторъ говоритъ вообще мало, называетъ ее слишкомъ однообразною, хвалитъ луга, но жалуется на недостатокъ лѣсовъ и воды (подл. стр. 171, пер. стр. 140). Не мудрено, что все это такъ показалось ему при быстромъ его переѣздѣ, и потому-что онъ ѣхалъ по большой почтовой дорогѣ, проложенной не по лучшимъ мѣстамъ области. Смѣемъ увѣрить автора, что вся средина Бессарабіи, между Кишиневомъ и Скулянами, особенно по долинамъ, въ которыхъ расположены монастыри, и гдѣ находится памятникъ благодѣтелю Новой-Россіи князю Потемкину-Таврическому, состоитъ изъ самыхъ живописныхъ мѣстоположеній, и потому она едва-ли можетъ заслуживать упрекъ въ однообразіи. Нельзя также сказать, чтобъ она была безлѣсна и безводна. Первое можно отнести развѣ только къ степной ея части, то-есть къ Аккерманскому уѣзду, но въ срединѣ всѣ горы покрыты лѣсами, индѣ и донынѣ дремучими и непроходимыми; въ сѣверной сторонѣ тоже ихъ не мало и самому автору необходимо должно было проѣхать чрезъ начало обширныхъ Оргеевскихъ лѣсовъ:

странно, что онъ ихъ не замѣтилъ! Что касается до втораго, то небольшой продолговатый лоскутъ земли, какова Бессарабская область, который съ трехъ длиннѣйшихъ сторонъ обтекается тремя значительными рѣками: Днѣстромъ, Дунаемъ и Прутомъ, и сверхъ-того внутри пересѣкается больше чѣмъ десятью рѣчками, каковы Реутъ, Быкъ, Почерулуй, Сарата, Большой Чулукъ, Котлабугъ, Кагулъ, Китай и другіе, кромѣ многихъ ручьевъ и озеръ, едва-ли можетъ быть названъ «безводнымъ». Стоитъ только взглянуть на карту, чтобъ увѣриться въ противномъ.

Въ проѣздъ чрезъ Бендеры авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія въ военномъ отношеніи (стр. 173), о чемъ мы не считаемъ себя въ правѣ давать какое-нибудь мнѣніе.

Переѣхавъ черезъ Днѣстръ, въ Овидіополь, авторъ замѣчаетъ, что тамошняя крѣпость устроена Русскими, когда «*Прутъ*» былъ границею имперіи (стр. 173). Въ переводѣ, изданномъ г. Полевымъ (стр. 143) при словѣ *Прутъ* поставленъ вопросительный знакъ (?), и въ-самомъ-дѣлѣ «Прутъ» сдѣлался границею имперіи только въ недавнее время; но здѣсь очевидно описка: «Прутъ» вмѣсто «Днѣстръ». Авторъ продолжаетъ, что эта крѣпость «не одѣта камнемъ [2] и во рвахъ нѣтъ воды» (тамже). Крѣпость эта и въ то время считалась уже въ числѣ уничтоженныхъ.

Наконецъ авторъ въ Одессѣ. Все что онъ говоритъ о графѣ Воронцовѣ, объ управленіи Новороссійскаго-Края, объ Одессѣ, о быстромъ ея развитіи, объ ея торговлѣ, совершенно справедливо и доказываетъ съ какимъ вниманіемъ авторъ на все смотрѣлъ. Что касается до предрекаемой имъ Одессѣ будущности, это предоставляемъ рѣшить времени.

Въ описаніи авторомъ способа, какимъ образомъ берутся въ Россіи рекруты, равно состава арміи и раздѣленія корпусовъ и полковъ, вкрались нѣкоторыя невѣрности, замѣченныя уже переводчикомъ, почему послѣдній большую часть сообщаемыхъ свѣдѣній въ своемъ переводѣ выпустилъ.

Любопытно сравненіе издержекъ на содержаніе одного солдата въ разныхъ государствахъ, какое маршалъ Мармонъ приводитъ въ своемъ сочиненіи. По его расчисленію пѣхотный солдатъ стоитъ:

«Въ Англіи . . . . . 538 франк.
— Франціи . . . . . 340 —
— Пруссіи . . . . . 240 —
— Австріи . . . . . 212 —
— Россіи . . . . . 120 —

и такимъ-образомъ суммою содержанія одного солдата въ Англіи, Франціи, Пруссіи и Австріи можно содержать ихъ въ Россіи $4^1/_2$, или $3^{10}/_{12}$, или 2, или наконецъ $1^{21}/_{30}$» (подл. стр. 190, пер. стр. 132).

Изъ Одессы, пока дѣлались приготовленія къ поѣздкѣ автора въ Крымъ, онъ съ

[2] Sans revêtement. У г. К. Полеваго переведено: *безъ укрѣпленій* (стр. 143), но, кажется, это не совсѣмъ точно.

графомъ Виттомъ, старинным знакомцемъ своимъ, успѣлъ побывать въ «Округѣ Военныхъ-Поселеній».

За симъ на 34 страницахъ (195–228) слѣдуетъ подробное изложеніе исторіи Военныхъ-Поселеній въ Россіи, основаній, на которыхъ они были учреждены, и мнѣніе автора о пользѣ ихъ; причемъ входитъ онъ въ подробное разсмотрѣніе ея во всѣхъ отношеніяхъ. Предоставляемъ людямъ, болѣе насъ знакомымъ съ этимъ дѣломъ, судить о справедливости его замѣчаній[3].

За симъ авторъ возвращается къ своему путешествію. Дорога его шла на село Покровское (иначе Балай), гдѣ онъ посѣтилъ восьмидесяти-двухлѣтняго генерала Куриса, служившаго такъ-долго при Суворовѣ. Курисъ разсказами своими заставилъ его перемѣнить мнѣніе о знаменитомъ полководцѣ нашемъ и признаться, что ни онъ, ни его соотечественники, не знали этого необыкновеннаго человѣка (подл. стр. 230; перев. стр. 154). Авторъ сообщаетъ нѣсколько анекдотовъ о Суворовѣ, слышанныхъ имъ отъ Куриса, и старается характеризировать этого великаго мужа.

По прибытіи въ Вознесенскъ авторъ не можетъ скрыть удовольствія, доставленнаго ему первымъ взглядомъ на Военныя-Поселенія и ласковымъ пріемомъ, оказаннымъ Русскими генералами, которыхъ называетъ поименно. Потомъ онъ ѣдетъ по Поселеніямъ и не перестаетъ удивляться ихъ устройству, порядку, благосостоянію, избытку.

Находясь вблизи Умани, авторъ не оставилъ заглянуть туда и описываетъ знаменитый садъ въ Софіевкѣ, воспѣтый Аббатомъ Делилемъ (подл. стр. 249; пер. стр. 167). — Въ Умани онъ присутствуетъ на обѣдѣ, данномъ ему офицерами Павлоградскаго гусарскаго полка, и при этомъ случаѣ отзывается съ большимъ одобреніемъ объ обыкновеніи Русскихъ солдатъ пѣть на маршѣ, равно какъ и о мелодіи Русскихъ пѣсень (подл. стр. 250; перев. стр. 170).

Въ Елисаветградѣ смотрѣлъ онъ улановъ и кирасировъ. «Два предмета», говоритъ онъ, «поразили меня, и оба я одобряю вполнѣ: первый, что при концѣ аттакъ не требуютъ отъ войскъ никакой регулярности, и второй, что кирасиры вооружены пиками» (подл. стр. 232; пер. стр. 171). За симъ распространяется онъ въ доказательствахъ справедливости своего мнѣнія и приводитъ примѣры. Маршалу Мармону, какъ знатоку своего дѣла, кажется, можно повѣрить въ томъ на-слово.

Проѣзжая изъ Елисаветграда въ Николаевъ, авторъ говоритъ о степяхъ, и о находящихся на нихъ курганахъ: по его мнѣнію они не были гробницами, а скорѣе «*наблюдательными пунктами* Крымскимъ Татарамъ, когда, выходя съ своего полуострова они производили набѣги до самыхъ береговъ Днѣпра» (подл. стр. 264; перев.

[3] Въ Русскомъ переводѣ вся эта глава выпущена.

стр. 182). Авторъ въ то время вѣроятно или не зналъ еще, или не обратилъ вниманія, что кургановъ множество и въ Крыму, и за Днѣпромъ, и въ Бессарабіи, и на необъятное пространство во всѣ стороны.

Одобряя выборъ мѣста для учрежденія порта въ Николаевѣ, онъ дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія на-счетъ арсенала и неимѣнія крытыхъ доковъ. Слѣдуетъ взглядъ на городъ и въ особенности на обсерваторію, состоящую подъ управленіемъ извѣстнаго ученаго г. Кнорре. Въ городскомъ саду слышалъ онъ флотскихъ музыкантовъ. «Въ Русской музыкѣ есть свой особенный характеръ», замѣчаетъ авторъ, «это самая мелодическая изъ всѣхъ народныхъ музыкъ» (подл. стр. 269; пер. стр. 186).

Принадлежащій Черноморскому вѣдомству пароходъ перевезъ маршала Мармона обратно въ Одессу, куда онъ прибылъ 4 Іюня. Дорогою заѣзжалъ онъ въ Очаковъ, и за дурною погодою простоялъ нѣсколько времени передъ Кинбурномъ.

8 числа авторъ отправился въ Крымъ на Императорской яхтѣ, въ сопровожденіи избраннаго общества. Съ восхищеніемъ вспоминаетъ онъ объ этой поѣздкѣ. Описанію Севастополя, гдѣ онъ вышелъ на берегъ, посвящено нѣсколько страницъ. Авторъ удивляется успѣхамъ Русскаго флота и говоритъ о неоцѣненной выгодѣ для образованія его имѣть такое внутреннее море, какъ Черное (подл. стр. 278; пер. стр. 193).

О мѣстѣ, на которомъ видны остатки древняго Херсонеса и о монастырѣ Св. Георгія упомянулъ авторъ только вскользь.

Изъ Севастополя онъ отправился сухимъ путемъ чрезъ Багчесарай въ Симферополь. Описаніе Багчесарая довольно живописно и вѣрно, если исключить изъ него весьма сомнительное преданіе о христіанкѣ Потоцкой, бывшей будто-бы женою одного изъ хановъ, и объ ея гробницѣ.

Брошенное мнѣніе о происхожденіи Татаръ, живущихъ въ Крыму (подл. стр. 295; пер. стр. 203), «что Монгольскіе завоеватели были немногочисленны, что вскорѣ они слились съ прекраснымъ народонаселеніемъ Скиескимъ и Греческихъ колоній, которое занимало Тавриду и сдѣлалось Мусульманами» и что «потомъ къ нимъ присоединилось множество Османлисовъ, и изъ этой смѣси вышло прекрасное племя, которое теперь поражаетъ глаза» — есть догадка, рѣшительно ни на чемъ не основанная.

Далѣе авторъ присовокупляетъ: «Багчесарай, какъ видно, былъ съ незапамятныхъ временъ столицею Тавриды. Этотъ городъ назывался нѣкогда Патакіонъ» (вѣроятно Палакіонъ?). Багчесарай сдѣлался столицею Крымскихъ хановъ не раньше, какъ съ половины XV столѣтія, а о томъ, гдѣ находился Палакіонъ говорено уже выше при разборѣ «Путешествія г. Демидова» (см. стр. 446).

Авторъ посѣтилъ и Чуфутъ-Кале, укрѣпленное жилище Караитовъ, и Іосафатову

долину, и Успенскій монастырь, находящійся вблизи Багчесарая. Говоря о первомъ, онъ присовокупляетъ, что Караиты, не смотря на лишенія, которымъ подвергаются въ своей горной крѣпости, не хотятъ оставить ее (подл. стр. 296; пер. 206). Это не совсѣмъ вѣрно было ему передано. Многіе изъ Караитовъ переселились уже въ близкій Багчесарай, Евпаторію и Одессу, и можно съ достовѣрностью полагать, что недалеко время когда Чуфутъ-Кале опустѣетъ и превратится въ развалины, подобно Мангупъ-Кале.

Странно показалось намъ, что дорогу отъ Севастополя до Багчесарая и далѣе авторъ нашелъ печальною и пустынною (подл. стр. 299; перев. стр. 208). Если ее и нельзя назвать весьма живописною, то все-таки она похожа на пріятный садъ и только вблизи Симферополя получаетъ болѣе степной характеръ.

Другое замѣчаніе, также показавшееся намъ очень страннымъ, то, что въ Симферополѣ старый городъ похожъ на какое-нибудь мѣстечко западной Европы (подл. стр. 300; пер. стр. 209). По нашему мнѣнію онъ просто похожъ на Татарскую деревню. Упрекъ, сдѣланный тутъ-же новому городу, что въ немъ дома разсѣяны на большемъ пространствѣ, былъ справедливъ въ то время, потому-что городъ былъ еще не отстроенъ. Пусть-бы г. авторъ посмотрѣлъ на него нынѣ.

Въ Кильбурунѣ, дачѣ принадлежащей г. Перовскому, верстахъ въ 10 отъ Симферополя по дорогѣ въ Алушту, авторъ полагаетъ древній Гилейскій лѣсъ, о которомъ говоритъ Геродотъ и гдѣ погибъ Анахарсисъ, ученикъ и другъ Солона (подл. стр. 305; пер. стр. 214). Мы отсылаемъ читателей, которые захотятъ разувѣриться въ этомъ, къ статьѣ почтеннаго сочлена нашего г. Надеждина, которою начинается настоящій томъ. Замѣтимъ здѣсь только, что авторъ введенъ былъ въ заблужденіе вѣроятно сходствомъ названій дачи г. Перовскаго и другаго Кильбуруна, по-Русски Кинбурна, гдѣ нѣкоторые изъ толкователей Геродота дѣйствительно предполагали Гилею.

Съ большимъ удовольствіемъ прочли мы живое описаніе Южнаго-Берега, и видѣли справедливость, какую авторъ отдаетъ графу М. С. Воронцову, истинному благотворителю этой страны и всего края.

Нашему разведенію винограда, нашему винодѣлію и нашему вину авторъ разсыпаетъ многія похвалы и льститъ насъ большими надеждами въ будущемъ (подл. стр. 311–313; перев. 218–220). И въ-самомъ-дѣлѣ наши виноградники обработываются хорошо, приносятъ много вина и вина большею частью отличнаго качества. Казалось, чегобъ болѣе желать? — Одного только: «сбыта», безъ котораго никакая вѣтвь промышленности процвѣтать не можетъ.

О ботаническомъ садѣ въ Никитѣ сказано только нѣсколько словъ; не много

больше о прелестномъ имѣніи графа М. С. Воронцова «Массандра»; Ялту сравниваетъ авторъ съ Онеиллою.

За симъ слѣдуетъ описаніе угощеній, дѣланныхъ автору въ Оріандѣ и Алупкѣ графомъ Виттомъ и графомъ Воронцовымъ; все это перемѣшано съ описаніемъ самыхъ этихъ мѣстъ, равно-какъ и другихъ на Южномъ-Берегу.

Оттуда авторъ посѣтилъ водою Судакъ, Ѳеодосію и Керчь. Въ первомъ хвалитъ онъ вино, впрочемъ о самомъ Судакѣ не говоритъ ничего особенно замѣчательнаго. Имя Ѳеодосіи производитъ онъ отъ имени жены Босфорскаго царя Левкона (подл. стр. 326; пер. стр. 230). На это можно отвѣчать автору, что Ѳеодосія, какъ извѣстно изъ древнихъ писателей, носила это имя за-долго до Левкона. Описаніе этого города, равно какъ и Керчи набросано слишкомъ кратко. Разсужденія объ удобствѣ мѣры, по которой Азовское-Море признано практическимъ, совершенно справедливы и показываютъ съ какимъ стараніемъ авторъ заботился вникать во всѣ подробности.

Говоря о туземныхъ произведеніяхъ, которыми Керчь ведетъ торгъ, авторъ упоминаетъ и о ловлѣ сельдей. Онъ присовокупляетъ: «эту рыбу солятъ на Голландскій манеръ и вывозятъ во внутренность имперіи или за-границу» (подл. стр. 333; пер. стр. 235). Къ-сожалѣнію, не смотря на всѣ поощренія правительства, соленіе сельдей Голландскимъ способомъ не вошло въ обыкновеніе и совершенно оставлено жителями.

Взглядъ на Керчь маршалъ Мармонъ оканчиваетъ описаніемъ праздника, даннаго ему тамъ, и вниманія, оказаннаго ему тамошнимъ начальникомъ княземъ Херхеулидзевымъ. Изъ Керчи авторъ предпринималъ поѣздку въ Тамань. Оттуда проѣхалъ онъ съ графомъ Воронцовымъ на пароходѣ въ Бердянскъ — этотъ едва возникавшій тогда городъ. Мнѣніе его о выгодахъ этого пункта предъ Таганрогомъ совершенно справедливо, и мы желали-бы чтобъ онъ взглянулъ на Бердянскъ теперь. Процвѣтаніе города — вѣрная порука благосостоянія его торговли.

Для иностранцевъ безъ-сомнѣнія любопытны будутъ свѣдѣнія, собранныя авторомъ о Татарахъ Ногайскихъ, и о меноністскихъ колоніяхъ. Для насъ Русскихъ они не новы и потому мы ничего не выписываемъ.

За тѣмъ авторъ посѣтилъ землю духоборцевъ и говоритъ нѣсколько объ этой сектѣ. Оттуда чрезъ заведенія герцога Ангальтъ-Кётенскаго, въ которыхъ авторъ находитъ излишнюю роскошь въ сравненіи съ заведеніями менонистовъ, хотя впрочемъ отзывается съ отличной стороны о выгодахъ овцеводства въ Крыму, онъ проѣхалъ въ Перекопъ. О городѣ, знаменитомъ рвѣ, и соляныхъ озерахъ сказано весьма немного (подл. стр. 364; перев. стр. 260). Относи-

тельно послѣднихъ мы должны сдѣлать нѣкоторыя поправки.

Авторъ говоритъ о соли: «ежегодно выходитъ ее *отсюда* десять милліоновъ пудовъ». Если подъ словомъ «отсюда» разумѣетъ онъ, какъ заключать должно, одни Перекопскія озера, то это показаніе увеличено. Всѣ Крымскія озера, считая по 12-лѣтней сложности едва даютъ до 8.500,000 пудъ, а одни Перекопскія только съ небольшимъ до 6.000.000, хотя были годы, въ которые съ нихъ получалось до 10.000,000 и.болѣе. Число фуръ, занимающихся перевозкою соли, также показано выше настоящаго. На Перекопскихъ озерахъ, вмѣстѣ съ Геническими, въ сложности употребляется ихъ ежегодно не-болѣе-какъ отъ 90 до 100,000, а не 150,000, какъ сказано у автора. Соль Крымскимъ жителямъ, впрочемъ только съ озеръ Евпаторійскихъ, Ѳеодосійскихъ и Керченскихъ, называемыхъ «внутренними», продается дѣйствительно за умѣренную цѣну, по 4 коп. сер. за пудъ, но безъ права вывоза изъ Крыма. За это право должно платить дополнительный акцизъ до 27 к. сер. Эта послѣдняя цѣна взимается за соль на всѣхъ прочихъ озерахъ, какъ-то Перекопскихъ, Геническихъ и Кинбурнскихъ, называемыхъ «внѣшними».

Переночевавъ въ имѣніи помѣщика Куликовскаго: «Красное», маршалъ отправился въ Козловъ. Дорогою осматривалъ онъ Сакскія цѣлительныя грязи. Замѣчаніе автора, что Сакское озеро «доставляетъ въ годъ 2.000,000 пудъ соли» (подл. стр. 365; пер. стр. 261) не совсѣмъ вѣрно. И въ лучшіе годы сборъ соли съ этого озера не доходилъ до 1.500,000 пудъ; обыкновенно даетъ оно несравненно менѣе.

При въѣздѣ въ Козловъ или Евпаторію маршала встрѣтила депутація Караитовъ, съ гимномъ, въ честь его сочиненнымъ. Онъ квартировалъ тамъ въ домѣ Бобовича, Караитскаго Гахама.

Отсюда дѣлалъ онъ небольшую поѣздку въ Акмечеть, имѣніе графа Воронцова. При этомъ случаѣ онъ говоритъ о водящихся только тамъ и въ окрестностяхъ Керчи овцахъ, дающихъ шкурки, которыя во Франціи почему-то носятъ имя Астраханскихъ (подл. стр. 368; перев. стр. 264). Это такъ называемыя въ Россіи «мерлушки», а въ Крыму «смушки», которыя имѣютъ короткую курчавую шерсть по большей части цвѣта сѣраго съ чернымъ. Мы выпишемъ все, что авторъ сообщаетъ объ этой породѣ: «Красоту руна своего ягната получаютъ отъ пастьбищъ на небольшомъ полуостровѣ, въ двадцати лье на сѣверо-западъ отъ Козлова. Впрочемъ, вліяніе пищи оказывается только на особенной породѣ, потому-что если стадо этой породы, оставляя пастьбища полуострова, теряетъ свои отличныя качества, то стада другихъ породъ, приводимыя туда, не пріобрѣтаютъ тѣхъ-же качествъ. Вотъ какъ производится эта промышленность, очень прибыльная для владѣльца, но безпрерывно истребляющая животныхъ. Что-

бы получить красивыя шкурки, надобно бить ягнятъ при самомъ ихъ рожденіи, потому-что когда они выростаютъ, шерсть ихъ перемѣняетъ цвѣтъ. Самыя нѣжныя шкурки получаются отъ ягнятъ, которыхъ матери зарѣзаны предъ самымъ тѣмъ временемъ, когда имъ ягниться» (подл. стр. 369; перев. стр. 264). — Что эта порода овецъ (въ Крыму зовутъ ее «Малычъ») красоту шкурки[4] своей получаетъ отъ корма, есть общее въ Крыму мнѣніе, впрочемъ едва-ли опытомъ достаточно утвержденное. Все прочее также справедливо, только намъ никогда не случалось слыхать, чтобъ матокъ убивали предъ тѣмъ, какъ имъ ягниться. Это было-бы слишкомъ убыточно. Обыкновенно для красоты шкурки рѣжутъ ягнятъ вскорѣ послѣ ихъ рожденія.

11 Іюля маршалъ Мармонъ оставилъ Крымъ и отправился на пароходѣ въ Константинополь. Прощаясь съ Россіей онъ снова благодаритъ за радушный пріемъ, здѣсь ему оказанный, и снова расточаетъ похвалы достойному начальнику Новой-Россіи, графу М. С. Воронцову.

Принесемъ-же и мы благодарность почтенному герцогу Рагузскому за благосклонное вниманіе, съ какимъ онъ входилъ во всѣ обстоятельства нашего быта и за доброе слово, которое съ свойственными ему чистосердечіемъ и правдивостью замолвилъ за насъ западной Европѣ; пожелаемъ чтобъ книга его пережила еще много, много изданій, но съ-тѣмъ-вмѣстѣ попросимъ, чтобъ при второмъ-же выбралъ онъ себѣ лучшаго, благонадежнѣйшаго корректора: всѣ собственныя имена въ сочиненіи его до-того обезображены, что нѣтъ возможности ихъ разобрать. Русскій переводчикъ старался, сколько способы позволяли, исправлять, и дѣйствительно исправилъ многія, но отчасти, угадывая невѣрно, самъ впадалъ въ ошибки, какъ напримѣръ:

подлинникъ.		*переводъ.*		*какъ слѣдуетъ:*
стр. 170	Comtesse Iliska	стр. 140	графиня Ильинская.	княгиня Гика
— 230	Pavlowsky	— 154	Павловская	Покровское
— —	Koris	— —	Хорисъ	Курисъ
— 247	Sophinska	— 167	Софіовка	Софіевка
— 282	Nepton	— 196	Ньютонъ	Уптонъ
— 299	Sabli	— 208	Собла	Саблы
— 311	Saint-Daniel	— 248	Данилово	Ай-Даніль
— 320	Mysora	— 224	Мисора	Мисхоръ
— 345	Bregensky	— 244	Преображенскъ	Бердянскъ
— 360	Kromoi	— 258	Хромой	Красное
— 365	Sark	— 261	Саркъ	Саки.

отчасти, вѣроятно не видя возможности добраться до истины, оставлялъ безъ измѣненія, какъ напримѣръ:

[4] Лучшими считаются водящіяся въ деревнѣ «Сарыларъ».

подлинникъ.	*переводъ.*	*какъ слѣдуетъ:*
стр. 170 Lipkaut	стр. 140 Lipkaut	Липканы
— 280 Tschomaja Teschak	— 195 Tschomaja Teschak	Черная-Рѣчка
— 309 Pastimil	— 216 Пастимилъ	Парѳенитъ
— 315 Rekaffech	— 221 Рекафешъ	Ялта[8]
— 367 Pabontsch	— 263 Пабончь	Бобовичъ, и проч.

Переводъ вообще можно назвать хорошимъ, если исключить нѣкоторыя вкравшіяся мѣстами невѣрности и неточности. Намъ показалось только страннымъ, почему г. переводчикъ, слово «tumuli» переведя однажды (стр. 182), какъ и слѣдовало, «курганы», оставилъ потомъ это вѣковымъ употребленіемъ освященное слово, и въ послѣдствіи во всей книгѣ замѣнилъ его «*бугорками*». Это послѣднее неточно представляетъ предметъ. Есть курганы съ добрую гору, не ниже Мячковскаго и Бронницкаго: какъ-же назвать ихъ «бугорками?»

Если въ переводѣ, какъ мы выше замѣтили, находятся нѣкоторые значительные выпуски, за то присовокуплена къ нему «Біографія» герцога Рагузскаго, о которой сужденіе выходитъ изъ предѣловъ нашего круга.

---

[8] Это слово у Мармона очевидно составлено изъ слова: «рѣка» и какого-то другаго, котораго происхожденіе мудрено угадать. Рѣчка впадающая подъ Ялтою въ море, и составляющаяся изъ нѣсколькихъ горныхъ ручьевъ, сколько намъ извѣстно, не носитъ другаго имени, какъ по долинѣ «Ялта» или по одному изъ ручьевъ: «Дере».

Д. КНЯЖЕВИЧЪ.

Ч. О. О.

PODOLE, WOLYŃ, UKRAINA. Obrazy miejsc i czasów, przez A. Przezdzieckiego. Wilno, nakład i druk Teofila Glucksberga. 2 Tomy. 1841. in 8°. (Подолія, Волынь и Украйна. Очерки мѣстъ и временъ, сочиненіе А. Пржездзецкаго. Вильно, въ типографіи Т. Глюксберга. 2 части. 1841, VI. 212. 157. въ 8°.

Графъ Александръ Пржездзецкій издалъ это сочиненіе въ 1841 году, собравъ въ немъ всѣ историческія воспоминанія, относящіяся къ этимъ странамъ. Поводомъ къ предпринятію этого любопытнаго труда было порученіе, данное ему правительствомъ, осмотрѣть въ 1839 году Подольскую и Волынскую губерніи, для собранія статистическихъ матеріяловъ. Сочинитель исполнилъ порученіе, и будучи столь счастливъ, что съ званіемъ ученаго соединяетъ званіе одного изъ почтеннѣйшихъ жителей осматриваемыхъ имъ странъ, обогатилъ себя, кромѣ оффиціяльныхъ свѣдѣній, обильными запасами документовъ о древнемъ состояніи этихъ областей, о важнѣйшихъ въ нихъ событіяхъ и преданіяхъ. Всѣ извѣстнѣйшіе дома, принадлежавшіе съ древнихъ временъ къ мѣстной аристократіи, открыли для него свои сокровища, т. е. архивы и библіотеки. Таковы князья Любомирскіе, Яблоновскіе, Радзивиллы, Сангушки, графы Ходкевичи, Потоцкіе, Мнишки, Олизары и наконецъ отецъ сочинителя графъ Константинъ Пржездзецкій.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ средствахъ сочиненіе графа Пржездецкаго не можетъ не быть чрезвычайно интереснымъ, и что оно представляетъ читателю много историческихъ фактовъ, до-сихъ-поръ вовсе неизвѣстныхъ; но рѣшительный талантъ, которымъ владѣетъ графъ Пржездзецкій, сдѣлалъ книгу его еще драгоцѣннѣе: его соображенія, выводы и взглядъ на событія XVI, XVII и XVIII столѣтій ставятъ ее въ число немаловажныхъ историческихъ источниковъ, въ которыхъ ученые найдутъ свѣтильникъ для дальнѣйшихъ разысканій, а литераторы предметъ для многихъ повѣстей и стихотвореній.

Разсматривая это сочиненіе, мы были удивлены изобиліемъ сообщенныхъ свѣдѣній; всѣ факты въ немъ столь любопытны, что жаль выпустить что-нибудь. Потому, отсылая читателей къ самой книгѣ, скажемъ здѣсь только нѣсколько словъ, о главнѣйшихъ памятникахъ, имѣющихъ связь съ Новороссійскимъ-Краемъ. Къ этимъ принадлежатъ: 1) библіотека графа Пржездзецкаго; 2) грамата князя Александра Корьятовича; 3) надпись на «Требникѣ», хранящемся въ Армянской церкви въ Каменцѣ-Подольскомъ; 4) письмо короля

Жигмонта къ князю Корецкому, и наконецъ 5) нѣсколько преданій изъ происшествій случившихся въ Брацлавѣ.

I. *Библіотека графа Пржездзецкаго.*

Въ библіотекѣ тайнаго совѣтника графа Пржездзецкаго, въ мѣстечкѣ Черномъ-Островѣ, его вотчинѣ, находится драгоцѣнное собраніе рукописей и разныхъ граматъ, касающихся преимущественно Литовской исторіи. Между ними не послѣднее мѣсто занимаютъ акты, относящіеся къ знаменитому Литовскому дому князей Вишневецкихъ, потомковъ Олгерда, имѣвшихъ столь великое вліяніе на Литву и сопредѣльныя страны, начиная съ XIV столѣтія по 1744 годъ, т. е. до прекращенія этого рода въ лицѣ князя Михаила Вишневецкаго. Часть имущества Вишневецкихъ перешла къ потомкамъ его въ женскомъ колѣнѣ графамъ Пржездзецкимъ. Вмѣстѣ съ имуществомъ поступила значительная часть архива, въ которомъ особенно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія рукописи:

1) Excerpta ex diario manuscripto principis Alberti Radziwilii, Cancellarii M. D. L.

2) Rozmowy zmarłych Polaków, т. е. «Разговоры мертвыхъ Поляковъ»: князя Іереміи Вишневецкаго съ Іоанномъ Собѣскимъ и Выджги съ кардиналомъ Радзіевскимъ.

Manuskrypt Podczaszyca, т. е. «Рукопись подчашничаго сына», въ которой излагается расказъ о войнѣ Сапѣговъ съ Литовскою шляхтою.

4) Istoria delle turbolenze della Polonia dalla morte di Elizabet Petrowna fino all' anno 1768, писанная собственноручно знаменитымъ Казановой, и наконецъ

5) Домашнія бумаги князей Вишневецкихъ. Въ числѣ многихъ незначительныхъ, встрѣчаются копіи завѣщаній многихъ князей Вишневецкихъ, короля Польскаго Михаила и отца его знаменитаго князя Іереміи, а также «собственноручный дневникъ послѣдняго князя Вишневецкаго, Михаила».

Князь Михаилъ Вишневецкій, явившійся на политическое поприще въ 1700 году, былъ однимъ изъ главныхъ коріфеевъ Шведской войны; онъ принадлежалъ къ Саксонской партіи и былъ великимъ гетманомъ Литовскимъ. Послѣ заключенія Альтранштадскаго мира, Станиславъ Лещинскій былъ избранъ королемъ. Съ-тѣхъ-поръ Вишневецкій былъ постоянно приверженцемъ Карла XII, и спустя два мѣсяца послѣ Полтавскаго сраженія бывъ взятъ въ плѣнъ, просидѣлъ цѣлый годъ въ Глуховѣ. Освободясь изъ плѣна, онъ посѣтилъ Карла XII въ Бендерахъ, а когда Турки перевели этого монарха въ Демотику, возвратился въ Польшу. Дневникъ Вишневецкаго, носитъ заглавіе: «*Dla pamięci co się którego roku działo*», и заключаетъ въ себѣ перечень главнѣйшихъ происшествій съ 1680 по 1731 годъ. Въ немъ много отмѣнно любопытныхъ свѣдѣній для Польской исторіи; для Новороссійскаго-же Края примѣчательны слѣдующія:

1702. Бунтъ Самуся на Украйнѣ.

1703. Мазепа взялъ Бѣлую-Церковь.

1708. Іюня 13. Я разбилъ подъ Янишками Казаковъ и Калмыковъ.

1711. Іюля 22, 23 и 24. Сраженіе въ Валахіи надъ Прутомъ, между Москвою и Турками; тамъ-же заключенъ договоръ.

1712. Въ Сентябрѣ я остановился въ Бендерахъ у короля Шведскаго. Турки объявили опять войну Москвѣ.

— Подъ Кротошиномъ панъ Бржуховскій разбилъ дивизію пана Грудзинскаго изъ Бендеръ. Коронныя войска овладѣли Станиславовымъ.

1713. Генваря 23. Произошли «калабалыки» или споры между ханомъ, пашею и Шведскимъ королемъ.

— Февраля 12. Напали и взяли короля Шведскаго. За недѣлю до сего, перебираясь къ Шведскому королю, я подвергался большой опасности отъ Татаръ. Умерщвленъ ханъ Девлетъ-Герай, и на мѣсто его вступилъ Каплань-Герай.

— Марта 1 дня. Король Станиславъ пріѣхалъ въ Бендеры. Короля Шведскаго перевели въ Демотику, гдѣ онъ провелъ цѣлое лѣто, а я пробылъ въ Валахіи, половину лѣта въ Черновцахъ, въ Лузанахъ. Ханъ и Абти-паша основали Хотинъ.

II. *Грамата князя Александра Корьятовича.*

Прекрасная страна между Бугомъ и Днѣстромъ была жилищемъ Славянскихъ племенъ Лутичей, Тиверцевъ и Полянъ. Олегъ побѣдивъ страны этѣ въ 885 году, присоединилъ ихъ къ Кіевскому княжеству, и дружины покоренныхъ народовъ отправились вмѣстѣ съ нимъ въ Царьградъ. Послѣ Владиміра, сѣверная часть этой страны принадлежала удѣльному княжеству Владимірскому, восточная Кіевскому, западная Галицкому. Въ 1240 году она подверглась общему несчастію и въ продолженіе 90 лѣтъ оставалась подъ игомъ Татаръ. Въ 1331 году Олгердъ одержалъ побѣду надъ Татарами подъ Синими-Водами, утвердилъ свое могущество, и съ того времени является новая страна въ политическомъ мірѣ, которая отъ низменнаго положенія своего получила названіе «Подолья» (въ Русскихъ лѣтописяхъ «Понизовья»). Возвратившись въ Вильно Олгердъ поручилъ управленіе Подоліи племянникамъ своимъ князьямъ Корьятовичамъ (изъ нихъ одинъ, Юрій былъ избранъ Валахскимъ господаремъ). Участь Подоліи была не завидная; князья Подольскіе искали постоянно независимости отъ великихъ князей Литовскихъ, но никогда не могли долго противустоять ихъ могуществу, и такимъ-образомъ часто подвергали владѣніе свое разграбленію. Съ присоединеніемъ Подоліи къ Польшѣ, участь ея не перемѣнилась: она подверглась грабежу Татаръ. Въ 1438 году Заволжскіе Татары

подъ начальствомъ Шахъ-Ахмета, сдѣлали нашествіе, разграбили и взяли въ плѣнъ дѣтей и женщинъ. Съ-тѣхъ-поръ эти незваные гости, постоянно посѣщали Подолію и превращали въ пепелъ ея города. Въ это время писана слѣдующая грамата князя Александра Корьятовича на Русскомъ языкѣ.

«Во имя отца и сына и св. духа, аминь. Мы князь Литовскій, князь Александръ Корьятовичъ, Божею милостью князь и господарь Подольской земли, чинимъ вѣдомо своимъ листомъ всякому доброму, ктожь на сей листъ посмотритъ, штожь былъ братъ нашъ князь Юрій Корьятовичъ придалъ млинъ къ церкви къ матцѣ Божьей оу Смотричи, то и мы князь Александръ потвержаемъ того своимъ листомъ. Дали-есьмо на вѣки той млинъ и мѣсто оу млина къ церквы и тѣмъ мнихомъ казательного закону; а кто коли исправлютъ людей къ себѣ оу томъ мѣстѣ оу млина, тыѣ люди дали-есьмо имъ со всѣмъ правомъ; альто штожь коли всѣ боже и земляне будутъ городъ твѣрдиты, тогда тыѣ люди такожь имѣютъ твѣрдиты городъ Смотричъ; ижь то штожь коли всѣ земляне имутъ давати дань оу Татаръ, то серебро имѣютъ такожь тыѣ люди дати. А по млину граница горѣ Смотричомъ до моста а доловѣ Смотричомъ што дуброва межи Ходорковѣмъ селомъ, тое дубровы половина ко млину, а въ полѣ, гдѣ себѣ прооруютъ нивы, то ихъ имѣетъ прислушати. А на то дали-есьмо свой листъ и печать завѣсили своего князтва, а свѣдцы на то. Гринко панъ староста подольскій, смотрицкій воевода Рогожка, Прокопъ Семенко Карабчиѣвскій, а писанъ листъ оу Смотричи послѣ нароженія Божія лѣтъ 1375 нашего лѣта мца Марта 17 дня оу день стго Алексѣя человѣка Божія»[1].

На этой граматѣ печать зеленаго воска съ изображеніемъ св. Георгія на конѣ, поражающаго змія. Подлинникъ граматы писанъ на пергаминѣ и находится въ архивѣ бывшаго Доминиканскаго монастыря въ Смотричѣ.

III. *О надписи на Требникѣ, хранящемся въ Армянской церкви въ Каменцъ-Подольскомъ.*

Въ Армянской церкви въ Каменцѣ находится «Требникъ», писанный на Армянскомъ языкѣ на пергаминѣ. На предпослѣдней страницѣ его есть надпись съ Латинскимъ переводомъ слѣдующаго содержанія: Hoc missale est pro memoria ecclesiæ S. Nicolai Taumaturgi Pontificis, in Urbe Camenecensi scriptum, æra Armenica 798, ac Dominica 1349, in Crimea, in Civitate Surchat manu Domini Stephani presbyteri: post autem quadraginta quinque annorum scriptionem hoc emit Camenecensis Dominus Sinan, filius Chutlubei, deditque promemoria supradictæ ecclesiæ S. Nicolai, æra Armenica 847 et Dominica 1394 augusti 15.

[1] Грамата эта напечатана здѣсь точно такъ, какъ у Пржездецкаго, но мы должны замѣтить, что въ чтеніи его есть нѣкоторыя уклоненія отъ приложеннаго снимка съ подлинной.

женію предмета, обращающаго особенное вниманіе въ настоящее время. Это описаніе судоходства по Днѣстру. Поводомъ къ этой статьѣ было посѣщеніе сочинителемъ села Демшина, принадлежащаго помѣщику Маковецкому. Вотъ его слова: «Рѣка Днѣстръ имѣетъ въ томъ мѣстѣ большой изгибъ. Берегъ опоясанъ высокими горами, и на этомъ мѣстѣ владѣлецъ устроилъ пристань. Вообще г. Маковецкій вездѣ ревностный дѣятель на поприщѣ промышленности. Онъ первый завелъ сахарные заводы въ Подольской губерніи и первый спустилъ по Днѣстру пшеницу свою въ Одессу на плоскодонныхъ судахъ. Онъ составилъ планъ, по которому прійдетъ въ исполненіе, считавшаяся досихъ-поръ невозможною очистка Днѣстра.

«Впрочемъ при Казимірѣ Ягеллонѣ, въ половинѣ XV столѣтія сплавляли по Днѣстру Подольскую пшеницу въ Архипелагъ и до острова Кипра. При Сигизмундѣ Августѣ, кардиналъ Коммандони осматривалъ Ямпольскіе пороги и замѣтивъ, что они во всю вѣшнюю воду не препятствуютъ судоходству, составилъ планъ торговаго договора между Польшею и Венеціею. Съ этого времени Турки, Татары и безпечность Подолянъ, лишили страну сію столь легкаго торговаго пути. Теперь обросъ бечевникъ, по которому прежде люди и лошади при помощи канатовъ, тащили въ-верхъ по водѣ суда свои, даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы въ видѣ малыхъ плотинъ заставы для запруды воды. Но эти препятствія легко можно будетъ устранить, и если еще употребить нѣкоторыя издержки, во-первыхъ на устроеніе плотинъ въ мѣстахъ мелководныхъ для того, чтобы стѣснить фарватеръ, и во-вторыхъ, на устройство небольшихъ каналовъ въ нѣсколько саженей, для сокращенія пути избѣжаніемъ большихъ извилинъ Днѣстра, то откроется значительное судоходство, которое доставитъ новый источникъ обогащенія».

в. линовскій.

д. ч. о.

Beiträge zur Geschichte des russischen Reichs. Von Dr. Ernst Herrman. Leipzig, 1843. Hinrichs. XXVI und 244. S. in 8. Матеріялы для исторіи Россійскаго государства. Доктора Ернста Геррмана. 1843. Лейпцигъ, у *Гинрихса* XXVI и 244 стр. въ 8°.

Въ предисловіи къ этой книгѣ г. Геррманъ извѣщаетъ, что онъ труды свои рѣшился посвятить въ особенности изученію исторіи нашего отечества. Нельзя не радоваться такому его намѣренію, если судить по предлежащему плоду его ученой дѣятельности, содержащему три отдѣльныя статьи, именно:

1. «О связи Новагорода съ Висби и Германцевъ съ Русскими».

2. Барона Шульцъ-фонъ-Ашерадена «Исторія *редукціи* въ Лифляндіи».

3. «Дневникъ генералъ-фельдмаршала графа Мюниха» о первомъ походѣ въ продолженіе веденной съ 1735 по 1739 Россійско-Турецкой войны, съ двумя приложеніями и введеніемъ.

О первыхъ двухъ статьяхъ, хотя весьма любопытныхъ, но какъ неотносящихся прямо къ предметамъ занятій Общества, мы ничего не скажемъ; для насъ занимательна въ-особенности третья, по важности ея для исторіи здѣшняго края. Если-же и притомъ мы ограничиваемся только краткимъ указаніемъ на ея содержаніе, то это въ ожиданіи, что она въ скоромъ времени, посредствомъ перевода, будетъ обращена въ достояніе всей Русской публики.

Первыя страницы «Дневника», авторъ посвящаетъ краткому, но мастерски начертанному обозрѣнію взаимныхъ отношеній между Россіею и Турціею отъ временъ Алексѣя Михайловича до восшествія на престолъ Анны Іоанновны; потомъ слѣдуетъ подробное изложеніе внѣшнихъ отношеній Россіи отъ начала царствованія этой Императрицы до открытія войны съ Портою, — изложеніе, ясно обнаруживающее, что сочинитель былъ посвященъ въ таинства современной дипломаціи.

Наконецъ открывается предъ нами живая, съ натуры снятая картина военныхъ дѣйствій 1736 года. Все повѣствованіе носитъ на себѣ отпечатокъ истины, и потому именно производитъ въ читателѣ впечатлѣніе, одинаково лестное какъ для полководца, такъ и для войска, которое велъ онъ противъ полчищъ непріятельскихъ.

Особенную прелесть придаютъ описанію самаго похода замѣчанія о мѣстности военнаго поприща и о тогдашнихъ его обитателяхъ. Къ подобнымъ эпизодамъ принадлежатъ очерки Перекопа и крѣпости Оръ-Капи, Козлова и Багчесарая съ окрестностями, также донесенія Французскаго консула Адама Эворки и Польскаго дворянина

Буковскаго о силахъ и устройствѣ Крымскаго ханства. Сюда-же должно причислить и одно изъ приложеній къ «Дневнику», заключающее въ себѣ описаніе дворца ханскаго въ Багчесараѣ и составленное извѣстнымъ адъютантомъ фельдмаршала, капитаномъ Манштейномъ на Французскомъ языкѣ: донынѣ былъ напечатанъ изъ него, какъ кажется, только одинъ отрывокъ, да и то въ Нѣмецкомъ переводѣ. Второе приложеніе есть извлеченіе изъ напечатаннаго въ двадцатомъ томѣ «Neue europäiſche Fama», извѣстія о дѣйствіяхъ Русской арміи въ 1736 г.

Въ «Введеніи» къ этому «Дневнику», хранящемуся въ рукописи въ библіотекѣ королевско-Саксонскаго главнаго государственнаго архива и отмѣченному заглавіемъ: «Ruſſiſch-türkiſcher Krieg unter Münnich, 1735», издатель, послѣ предварительнаго обозрѣнія его содержанія, приводитъ причины, по которымъ нельзя сомнѣваться, чтобы сочиненіе это не было написано самимъ фельдмаршаломъ — обстоятельство важное особенно потому, что тогдашніе полководцы рѣдко бывали сами излагателями своихъ дѣяній, и что доступные донынѣ источники для исторіи того времени не удовлетворяютъ нашему любознанію.

Весьма желательно, чтобы г. Герману удалось узнать, какимъ образомъ рукопись попалась въ сказанный архивъ: этимъ могъ-бы быть проложенъ путь къ отысканію другихъ рукописныхъ сочиненій знаменитаго ея автора, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ къ объясненію другихъ событій того времени, въ которомъ онъ игралъ столь важную роль.

Ф. БРУНЪ.
д. ч. о.

V.

ПУТЕШЕСТВІЯ И РОЗЫСКИ

ПО

ПОРУЧЕНІЯМЪ ОБЩЕСТВА.

ОТЧЕТЪ О ПУТЕШЕСТВІИ, СОВЕРШЕННОМЪ ВЪ 1840 И 1841 ГОДАХЪ ПО ЮЖНО-СЛАВЯНСКИМЪ ЗЕМЛЯМЪ [1].

Когда я въ предпрошломъ году отправлялся въ заграничное путешествіе, съ цѣлью посѣтить и обозрѣть съ особеннымъ вниманіемъ югъ Средней-Европы, столь тѣсно соединенный съ здѣшнимъ краемъ во всѣхъ отношеніяхъ — географическомъ, этнографическомъ и историческомъ: вамъ угодно было почтить меня порученіями, касающимися непосредственно видовъ и занятій нашего Общества. Принявъ эти порученія, я старался выполнить ихъ со всѣмъ усердіемъ; и теперь, на первый разъ, спѣшу представить, въ краткомъ очеркѣ, главные результаты путешествія уже совершеннаго: результаты, имѣющіе прямое отношеніе къ кругу дѣйствій, который Общество наше себѣ избрало и предназначило.

Время расположило, и сами вы, мм. гг., хотѣли, чтобы я это первое слово мое къ вамъ держалъ въ настоящемъ торжественномъ собраніи, въ присутствіи столькихъ посѣтителей, привлеченныхъ не чѣмъ другимъ, какъ лестнымъ сочувствіемъ къ нашимъ трудамъ и конечно надеждою порадоваться нашимъ успѣхамъ. Не знаю, будули я столько счастливъ, чтобы продолжить интересъ, возбужденный умною статьею моего предшественника [2], такъ богатою новыми, оригинальными взглядами и новыми, неожиданными выводами для отечественной исторіи. Меня однако успокоиваетъ то, что я долженъ занять вниманіе ваше совсѣмъ иначе, обратить васъ совершенно въ другую сторону, на особый кругъ предметовъ, съ особой точки зрѣнія. Г. Григорьевъ заставилъ насъ совершить любопытное стран-

[1] Читанъ въ торжественномъ собраніи Общества 22 ч. Марта 1842 года.

[2] Г. д. ч. Григорьева: «О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка, находимыхъ въ Россіи и при-Балтійскихъ странахъ, какъ источникахъ для древнѣйшей отечественной исторіи». См. стр. 115.

ствованіе съ юга на сѣверъ, по дремучимъ лѣсамъ, сыпучимъ пескамъ и топучимъ болотамъ сѣверо-восточной Европы, отъ морей Каспійскаго и Чернаго до Балтійскаго. Я напротивъ поведу васъ съ сѣвера на югъ, чрезъ высокіе хребты горъ, загромождающихъ Европу юго-восточную, отъ Понта-Эвксинскаго до Адріатики. Съ г. Григорьевымъ, мы должны были совершить путешествіе подземное, доискиваться слѣдовъ минувшихъ временъ въ сокровенныхъ кладахъ и — въ буквальномъ смыслѣ — извлекать истину, какъ говаривали старинные мудрецы, со дна глубокихъ «колодезей». Со мной, вы останетесь постоянно на верху земли, даже иногда подниметесь слишкомъ высоко, на подоблачныя вершины Карпата и Гемуса. Если не другое что, то перемѣна зрѣлища, надѣюсь, дастъ нѣкоторую занимательность моему теперешнему слову, сообразную съ цѣлью настоящаго собранія.

Итакъ — начинаю!

Путешествіе наше — я говорю «наше», потому-что во все почти время я имѣлъ честь быть неразлучнымъ спутникомъ е. п. г. президента Общества — путешествіе, повторяю, наше — обнимало слѣдующія страны средне-южной Европы: Молдавію, Буковину, Трансильванію (или по-Славянски Землю-Седмиградскую), такъ-называемый Баннатъ (иначе Баннатскую Военную-Границу Австрійской имперіи) и по-Дунайскую средину Венгріи; за-тѣмъ Штейермаркъ или Стирію, Крайнъ, Истрію, Венгерское-Побережье (Littorale), Военную-Кроацію, Далмацію съ такъ-называемой Австрійской Албаніей и Черную-Гору; потомъ Кроацію-Провинціяльную, Славонію и нынѣшнее княжество Сербское; наконецъ восточную по-Тисскую Венгрію, гдѣ находятся между-прочимъ такъ-называемыя Земля Язиговъ (Jazygen-Land) и Куманія, Великая и Малая. Я не считаю нужнымъ присовокуплять сюда прогулки нашей въ Италію, равно-какъ посѣщенія Богеміи и другихъ странъ Сѣверной-Германіи, по той причинѣ, что эти эпизоды лежатъ внѣ круга, имѣющаго прямой, непосредственный интересъ для нашего Общества.

Изъ исчисленныхъ именъ вы изволите усмотрѣть, мм. гг., что нами посѣщено и осмотрѣно обширное пространство, которое для нашего Общества все крайне важно и любопытно. Это пространство находится въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ нашимъ отечествомъ, въ-особенности съ здѣшнимъ краемъ, который составляетъ главный, если не исключительный, предметъ нашихъ занятій; и именно, какъ я уже имѣлъ честь сказать, въ отношеніяхъ географическомъ, этнографическомъ и историческомъ.

Въ отношеніи географическомъ, вся база огромнаго полуострова Балканскаго, обозначаемая теченіемъ Дуная, принадлежитъ прямо и непосредственно къ бассейну Чернаго-Моря; слѣдственно существенно соединена съ Южною, преимущественно съ Новою-Россіею, расположенною также въ

Черноморьѣ, или, какъ говаривали наши старики, «въ Эвксино-Понтѣ». Лѣвый берегъ Дунайскаго-Понизовья, занимаемый княжествами Молдавскимъ и Валахскимъ, имѣетъ даже разительное сходство съ здѣшнимъ краемъ относительно геологическаго образованія и физическихъ свойствъ своихъ; въ-особенности съ нашимъ Бессарабскимъ Угломъ или Буджакомъ. Въ знаменитыхъ Желѣзныхъ-Воротахъ Дуная, отдѣляющихъ Валахію отъ Баннata, сцена измѣняется. Здѣсь сталкиваются Карпатъ съ Балканомъ, и Дунай принужденъ, всею силою могучей своей груди, пробивать себѣ путь сквозь каменный оплотъ грозныхъ скалъ и дикихъ утесовъ. Но проберитесь чрезъ это тѣсное, узкое горло, простирающееся въ длину, при всей излучистости, на семдесятъ, много на сто верстъ: вы увидите себя опять въ обширной, безпредѣльной равнинѣ, по которой Дунай своевольно разгуливаетъ, точно-какъ у насъ въ Бессарабіи, раздробляясь также на множество рукавовъ, образуя острова подобные нашимъ «плавнямъ», пуская посторонамъ заливы и заводи въ родѣ нашихъ «лимановъ». Я разумѣю равнину древней Паннонiи, нынѣ переименованной въ Венгрію. Такъ-называемыя «Пу́сти» (Pusztеn), устилающія восточную Венгрію по-сю-сторону Дуная, чѣмъ-далѣе простираются на сѣверъ, тѣмъ-болѣе представляютъ сходства съ нашими собственно-Новороссійскими «Степями». Тамъ, гдѣ Дунай держитъ направленіе съ сѣвера на югъ, между Пештомъ и Бѣлградомъ-Сербскимъ, равнина и гладь переходятъ и на-ту-сторону Дуная, въ Венгрію-Западную. Раздолье древней Сирміи, по-нынѣшнему Срема, конечно не очень широкое, тянется однако вдоль Савы, чрезъ всю Славонію; потомъ раскидывается на сѣверъ чрезъ Провинціяльную-Кроацію, до Дравы. Уже въ верховьяхъ этихъ двухъ рѣкъ, то-есть Дравы и Савы, высокій хребетъ горъ Крайно-Стирійскихъ, который древніе называли Норическими-Альпами, кладетъ окончательный предѣлъ степно-равнинной полосѣ, которая на югъ Европы отбрасывается изъ неизмѣримыхъ степей Средней-Азіи, и къ которой принадлежитъ нашъ Новороссійскій-Край. Адріатика не далеко оттуда: только черезъ узкій перешеекъ, связывающій Альпы-Норическія съ Динарскими. Такимъ-образомъ, главная, наибольшая часть обозрѣннаго нами пространства уже по тому одному имѣетъ для насъ существенную важность, что съ здѣшнимъ краемъ, которому посвящены наши изслѣдованія, составляетъ одно, почти нераздѣльное, географическое цѣлое.

Но еще тѣснѣе все осмотрѣнное нами пространство связывается съ здѣшнимъ краемъ въ отношеніи этнографическомъ. Теперь, въ странахъ, которыя я имѣлъ честь предъ вами исчислить, обитаютъ три племени: Румунское, которое господствуетъ въ Молдавіи и Валахіи, составляетъ большинство народонаселенія въ Трансильваніи, Баннатѣ и Буковинѣ, кромѣ-того что раз-

сѣяно по многимъ комитатамъ юго-восточной Венгріи и имѣетъ нѣсколько колоній въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербскомъ; Мадярское, къ которому принадлежитъ народъ, если не составляющій большинства, то присвоивающій себѣ господство на всемъ пространствѣ Венгріи, отъ котораго происходятъ Венгры и Секлеры Трансильванскіе, котораго остатки есть и по-сю-сторону Карпата, въ горныхъ сторонахъ Валахіи и Молдавіи; наконецъ Славянское, распространенное всюду отъ гирлъ Дуная до истоковъ Савы и Дравы, отъ Татръ Карпатскихъ до Черной-Горы включительно. Я не упоминаю о Нѣмцахъ, разсѣянныхъ по владѣніямъ Австрійскимъ, преимущественно въ сѣверныхъ комитатахъ Венгріи и въ Стиріи: они во-первыхъ слишкомъ малочисленны, во-вторыхъ всѣ пришельцы или выродки изъ Славянъ недавніе, за исключеніемъ развѣ горсти такъ-называемыхъ Саксовъ въ Трансильваніи, существованіе которыхъ составляетъ еще нерѣшенную загадку въ исторіи Южной-Европы. Итакъ: Румуны, Мадяры, и Славяне! Изъ нихъ, до Мадяровъ, по-видимому, намъ нѣтъ никакого дѣла. Они такъ отдалены отъ насъ, такъ намъ чужды! Но — это только по-видимому! Для насъ, именно для насъ, Мадяры интересны, какъ нельзя болѣе. Исторически извѣстно, что они, до водворенія на равнинахъ нынѣшней Венгріи, въ концѣ IX и въ началѣ X вѣка, кочевали въ нашихъ степяхъ, «возлѣ Хазаріи» (πλησίον τῆς Χαζαρίας), какъ говоритъ утвердительно Константинъ-Багрянородный. Сохраненное тѣмъ-же Константиномъ наименованіе рѣки Χιδμὰς, Χιγγυλοὺς тожь — рѣки, орошающей страну Леведію или Лебедію, гдѣ было тогда мѣстопребываніе Мадяровъ — не отзывается-ли слишкомъ явственно въ нынѣшнихъ названіяхъ сосѣднихъ намъ рѣкъ, Ингула, и Кодымы? Съ-тѣхъ-поръ какъ Мадяры, по-Византійски «Турки», по-нашему и вообще по-Славянски «Угры», двинулись отсюда на западъ, исторія не упоминаетъ уже объ нихъ въ нашемъ краѣ. Но здѣсь долго еще оставались Куманы, извѣстные въ нашихъ лѣтописяхъ подъ страшнымъ, зловѣщимъ именемъ «Половцевъ»: Куманы, которые, уже, въ XIII вѣкѣ, спасаясь отъ Монголовъ, нашли убѣжище въ Венгріи, въ нынѣшнихъ Великой и Малой Куманіи, и тамъ совершенно поглотились Мадярами: обстоятельство, лучше всего доказывающее принадлежность тѣхъ и другихъ къ одному племени. Впрочемъ и самые Мадяры — Мадяры съ тою-же точно народностью, съ тѣмъ-же точно языкомъ, которые существуютъ теперь у Мадяровъ Венгерскихъ и Трансильванскихъ — оставались здѣсь, въ нашемъ краю, долго: такъ долго, какъ никому изъ насъ и не воображается. Занимаясь въ знаменитой Вѣнской Придворной-Библіотекѣ разысканіями, я напалъ случайно на неподлежащее никакому сомнѣнію свидѣтельство, на дневникъ одного пастора Мадяро-Секлерскаго въ Тран-

сильваніи, который, не дальше какъ въ 1766 году, самъ былъ лично у Мадяровъ — чистыхъ, настоящихъ Мадяровъ — находившихся, по точнымъ его словамъ, на границахъ Крымской Татаріи, въ разстояніи шести дней пути отъ Молдавскаго городка Хуша, лежащаго не вдалекѣ отъ Прута пониже Яссъ, слѣдовательно — нѣтъ никакого сомнѣнія — гдѣ-нибудь внутри нашей Бессарабіи. Куда дѣвались теперь эти Мадяры, изъ которыхъ пасторъ, во время своего посѣщенія, исповѣдывалъ болѣе 7,000 душъ, мы не знаемъ, хотя дознать это было-бы очень интересно. Но это не мѣшаетъ намъ видѣть здѣсь краснорѣчивѣйшее доказательство того: въ какихъ тѣсныхъ связяхъ съ нашимъ краемъ — до самыхъ позднѣйшихъ, почти до нашихъ временъ — находилось племя Мадярское! Я не распространяюсь о Румунахъ, которые до-сихъ-поръ составляютъ главное народонаселеніе всей Области-Бессарабской, которыхъ жилища проникаютъ и на-сю-сторону Днѣстра, по всему протяженію нашего края, отъ Овидіополя до Дубоссаръ. Еще менѣе считаю нужнымъ прибавлять что-нибудь къ одному имени Славянъ, которое есть наше собственное имя, по которому мы, Руссы Сѣверные и Южные, Руссы Старые и Новые, всѣ безъ изъятія, составляемъ одну семью со всѣми разноименными поколѣніями племени Славянскаго, преимущественно южными, отъ Моря-Чернаго до Адріатики и Архипелага, отъ Одессы до Венеціи и Царьграда. Замѣчу только, что на пространствѣ, которое мы видѣли, жилища Мадяровъ и Румуновъ, хотя давнія и относительно многочисленныя, мелькаютъ островками, кругомъ обливаемыми великимъ океаномъ Славянскимъ. Слѣдовательно, этнографически оно намъ не только близкое и соприкосновенное, но — односемейное, родное! Странствуя подъ сѣнью Карпата и по предгоріямъ Альпъ и Гемуса, въ степяхъ Венгріи и на островахъ Далмаціи, мы какъ-будто не выѣзжали изъ Россіи, какъ-будто переходили только изъ губерніи въ губернію, изъ Россіи напримѣръ Великой въ Малороссію или въ Бѣлоруссію.

Связями географическими и этнографическими производится союзъ историческій, тѣсное, глубокое соприкосновеніе въ судьбахъ странъ и народовъ. И дѣйствительно, нѣтъ другаго пространства, съ которымъ Южная-Россія вообще, а нашъ край въ особенности, имѣли-бы историческія сношенія древнѣе, постояннѣе и существеннѣе, какъ то, о которомъ я имѣю честь бесѣдовать теперь съ вами. Конечно, самыя первоначальныя сношенія край нашъ долженъ имѣть съ востокомъ, съ сокровенною глубиною Внутренней-Азіи, откуда безъ-сомнѣнія получилъ свое первое населеніе. Но эти сношенія уходятъ въ непроницаемый мракъ временъ до-историческихъ. Въ миѳологическомъ мерцаніи, предшествовавшемъ разсвѣту исторіи надъ сѣверною окружностью Чернаго-Моря, первой блесткою

сверкаетъ знаменитый походъ Аргонавтовъ въ Колхиду: предметъ саги, бросающей, хотя тусклый и баснословный, но все какой-нибудь, и во всякомъ случаѣ — первый свѣтъ на нашу сторону. Въ этой сагѣ, относящейся къ эпохѣ, когда Море-Черное было еще для Грековъ «Моремъ-Негостепріимнымъ», слѣдовательно мало-посѣщаемымъ, оказываются признаки сношеній нашего сѣвернаго Черноморья уже съ отдаленнѣйшими берегами Адріатики. Сага разсказываетъ, что Язонъ, похитивъ съ Золотымъ-Руномъ столько-же коварную, сколько прекрасную Медею, по указанію ея, чтобы спастись отъ преслѣдованія, направилъ свой быстрый Арго въ устья Дуная, по-тогдашнему Истра; потомъ помчался въ-верхъ, подобно нынѣшнимъ австрійскимъ пароходамъ, изъ которыхъ одинъ также называется Арго, но, смѣлѣе ихъ, прошелъ храбро черезъ Желѣзныя-Ворота: затѣмъ, пустясь далѣе, свернулъ, у нынѣшняго Бѣлграда, изъ Дуная въ Саву; все плылъ впередъ и впередъ, пока наконецъ не наткнулся на Альпы, изъ которыхъ Сава беретъ свое начало; здѣсь долженъ былъ по необходимости остановиться, вышелъ на сушу и уже, по образу пѣшаго хожденія, перебрался черезъ горы на берега Адріатики, въ нынѣшнюю Истрію, которая будто и получила имя свое оттого, что онъ прибылъ сюда по Истру, то-есть по Дунаю; тамъ опять спустилъ въ море завѣтный свой Арго, который спутники его перенесли черезъ горы на плечахъ; и такимъ-образомъ, околесивъ кругомъ весь полуостровъ Балканскій, прибылъ благополучно домой съ добычею. Колхидяне преслѣдовали хищника по-пятамъ, продолжаетъ сага; но когда увидѣли его въ открытомъ морѣ, то отчаявшись въ успѣхѣ преслѣдованія и страшась воротиться назадъ безъ успѣха, рѣшились остаться навсегда на двухъ близнецахъ-островахъ, самыхъ восточныхъ между Далматинскими-Островами, на Кршъ (Cherso) и Озерѣ (Osero), которое и прозвали Абсиртидами, въ память будто-бы погибшаго брата Медеи, Абсирта: имя, подъ которымъ эти два острова въ-самомъ-дѣлѣ являются искони у Грековъ и Римлянъ. Сага прибавляетъ еще, что, принужденные остановиться въ верховьѣ Савы, дружина Язонова и самъ Язонъ, конечно тайкомъ отъ ревнивой Медеи, слишкомъ заглядѣлись на прелести туземныхъ красавицъ, которыя въ свою очередь не нашли причинъ отвѣчать имъ жестокостью; и что, въ-слѣдствіе того, мѣсто, гдѣ они остановились, прозвалось тогда-же Любляна, по-древнему «Aemona» — смыслъ тотъ-же, по производству отъ латинскаго «amo» (люблю) — нынѣ по-Нѣмецки Laybach. Сказка очень лестная для здѣшняго края, въ который герои древней Эллады пріѣхали просто разбойниками и ворами, воротились назадъ такими чувствительными рыцарями! Но оставимъ миѳологію, и перейдемъ въ свѣтлую область чистой исторіи. Здѣсь находимъ мы, что съ самыхъ

первыхъ минутъ доступныхъ исторической памяти, долина Нижняго и Средняго Дуная была вольтовымъ-столбомъ, чрезъ посредство котораго берега Чернаго-Моря и Адріатики состояли въ непрерывномъ взаимнодѣйствіи. Было дѣйствіе и отсюда туда; было и на-оборотъ — сюда оттуда. Отсюда туда — почти до послѣднихъ временъ изливались волны «находниковъ и насильниковъ», подбавлявшія періодически новаго матеріяла и новыхъ стихій къ образованію настоящаго народонаселенія средне-южной Европы. Историческая точка отправленія такъ-называемаго «великаго переселенія народовъ» — было-ли то въ-самомъ-дѣлѣ переселеніе, или больше колебаніе, производимое вихрями набѣговъ и завоеваній — находится здѣсь у насъ. По-крайней-мѣрѣ неоспоримо извѣстно, что отъ насъ, изъ степей, разстилающихся между морями Каспійскимъ и Чернымъ, выхлынули на Балканскій полуостровъ — и Готѳы, и Гунны, и Авары, и Булгары — изъ которыхъ послѣдніе завѣщали имя свое народу до-сихъпоръ наполняющему бо́льшую-часть полуострова. Я уже упоминалъ объ Уграхъ или Мадярахъ и о Команахъ или Половцахъ, которые, прежде-нежели усѣлись на равнинахъ Венгріи, гуляли по нашему широкому раздолью. Остается прибавить еще о Монголахъ-Татарахъ, послѣднихъ представителяхъ насильственнаго вторженія Азіи въ Европу чрезъ посредство здѣшняго края: Монголахъ-Татарахъ, которые, при первомъ своемъ появленіи, изъ Южной-Россіи проникли чрезъ Трансильванію и Венгрію, до границъ Кроаціи и Далмаціи; которыхъ послѣдокъ, остававшійся почти до нашихъ временъ въ Крыму, безпрерывно мутилъ волны Дуная, вносилъ тревогу въ ущелья Карпата и Гемуса. Столькожь постоянно и могуче, только менѣе мрачно и кроваво, больше зиждительно и благотворно, хотя не совсѣмъ безъ насилія — было обратное дѣйствіе оттуда сюда, съ береговъ Адріатики на Черноморье. Отсюда, въ-верхъ по Дунаю, стремилось варварство, съ мечемъ и огнемъ. Въ-низъ по Дунаю, оттуда, слабо, но тѣмъ не менѣе ощутительно, проливалась цивилизація, которой горнилами были Греція и Римъ. Вліяніе древнихъ Грековъ на сѣверное Черноморье, конечно, производилось преимущественно по морю. Но нѣтъ сомнѣнія, что имъ давно знакомъ былъ и путь черезъ Балканы: путь, по которому они провели Дарія, на погибель въ степяхъ Новой-Россіи. Властители Греко-Македонскаго царства, особенно послѣ Александра Великаго, хаживали уже бойною дорогою за Дунай, и проникали по-крайней-мѣрѣ до Днѣстра, въ нынѣшнюю Бессарабію. Ихъ походы были отплатные набѣги на варваровъ не оканчивавшіеся ничѣмъ, кромѣ рѣзни и опустошенія; но они содѣйствовали къ распространенію и укрѣпленію гораздо прочнѣйшихъ связей между Греціею и Задунавьемъ, чѣмъ самыя завоеванія: связей торговыхъ, которыя засѣяли равнины Ва-

лахіи, Молдавіи и Бессарабіи, изобиліемъ современныхъ монетъ, равно-какъ и другихъ сокровищъ греческаго искусства и греческой роскоши, наполняющихъ нынѣ музеи Трансильваніи и обоихъ при-Дунайскихъ княжествъ. За-тѣмъ настала всемірная очередь Рима. Орлы Римскіе, утвердясь первоначально въ Далмаціи, оттуда перенеслись на Дунай, на равнины Паннониіи; вслѣдъ-затѣмъ, одолѣли Карпатъ, не-смотря на отчаянное сопротивленіе Даковъ; проникли въ Дунайское-Понизовье, и такимъ-образомъ отворили сухопутное сообщеніе изъ нѣдръ Италіи въ сѣверное Черноморье, уже прежде доставшееся въ ихъ когти, вмѣстѣ съ Македоніею, Θракіею и Понтомъ. По системѣ, дѣлающей честь уму и оправдывающей отчасти ненасытную жадность Рима, завоеванія должны были служить проводникомъ цивилизаціи; мечь воина очищалъ просторъ для тоги гражданина; пути легіоновъ превращались въ почтовые тракты, и изъ лагерей возникали колоніи, въ которыхъ, какъ солнце въ малыхъ капляхъ водъ, отражался образъ «Вѣчнаго-Города», тогда средоточія и первообраза всемірной цивилизаціи. Въ-слѣдствіе того вся долина Средняго и Нижняго Дуная до Днѣстра, слѣдовательно до нашего края, покрылась городами съ Римскимъ народонаселеніемъ, Римскими порядками и Римскою общественностью. Нѣтъ сомнѣнія, что и основное источное начало ново-исторической цивилизаціи, то-есть христіанство, пустило первые свои лучи въ здѣшній край, сколько изъ Малой-Азіи по восточному берегу Чернаго-Моря, столькожь и по западному, черезъ Дакію и Панноніо, когда онѣ, составляли одну префектуру всемірной имперіи. Прошла и очередь Рима. Всемірная имперія рухнула, треснувши первоначально съ нашего угла. Тогда возобладало на Дунаѣ антицивилизаціонное дѣйствіе отъ насъ, чрезъ Готѳовъ, Гунновъ, Аваровъ. Вскорѣ однако цивилизація снова взяла верхъ. Булгары, первоначально дикая орда, кочевавшая въ нашихъ степяхъ, вторгшись внутрь Балканскаго полуострова варварами, смягчились и укротились сосѣдствомъ Византіи, наслѣдницы Рима. Царство Булгарское, нѣкогда простиравшееся отъ Чернаго-Моря до Адріатики, отъ Архипелага до внутреннѣйшей глубины амфитеатра Карпатскаго — царство Булгарское, говорю — въ блестящую свою эпоху, неоспоримо заключало въ своемъ составѣ нашу нынѣшнюю Бессарабію, даже отчасти собственно Новороссійскій-Край, пока не утвердились здѣсь хищныя орды Печенѣговъ, Угровъ и Половцевъ. Я имѣю на то положительныя, неопровержимыя доказательства. Этотъ союзъ съ Булгарами, послѣ ихъ крещенія, возобновилъ въ здѣшнихъ сторонахъ христіанство, подавленное возобладавшимъ варварствомъ, и возобновилъ на основаніяхъ прочныхъ, которыя въ-послѣдствіи испытывали потрясенія, но остались навсегда неколебимы. Основанія эти были:

Славянское богослуженіе и Славянская церковная іерархія. Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ, съ изобрѣтенною для-того Славянскою грамотою, первоначально учредилось гдѣ-то въ Панноніи, то-есть нынѣшней Венгріи: по всей вѣроятности, около Блатенскаго-Озера (Platten See), на границахъ Западной-Венгріи и Стиріи. Но, встрѣченное тамъ непріязнью и преслѣдованіями, оно уклонилось тотчасъ-же въ Булгарію, и оттуда распространилось первоначально въ Бессарабію, потомъ по всей Южной, и наконецъ Сѣверной-Россіи. Національная славянская іерархія образовалась также въ Булгаріи, чрезъ посредство изгнанныхъ изъ Панноніи учениковъ и сотрудниковъ с. Меѳодія, отца нашей письменности, и слѣдовательно всего нашего умственнаго развитія. У меня также есть свидѣтельства, что Бессарабія и вся Новая-Россія, еще какъ partes infidelium, принадлежали къ архіепископіи Булгарской, что даже первые пастыри Кіева и всея Руси были не болѣе какъ суффраганы митрополита Велико-Переяславскаго, экзарха всей Булгаріи. По разрушеніи царства Булгарскаго отъ соединенныхъ усилій Византійцевъ и Руссовъ, между-тѣмъ какъ ни тѣ, ни другіе не могли утвердить прочно владычества своего на Дунаѣ, вышли на сцену Мадяры. Мадяры, которыхъ сильная рука с. Стефана соединила въ могучую державу, организованную по началамъ западно-Европейскимъ, раскинулись обратно на востокъ до береговъ Днѣстра, своей прежней отчизны, тогда-какъ на западѣ волны Адріатики едва сдерживали ихъ могущество. Во времена, уже не очень далекія отъ нашихъ, при Сигизмундѣ королѣ Венгерскомъ и съ-тѣмъ-вмѣстѣ цесарѣ Римскомъ, Килія и Аккерманъ считались достояніемъ короны с. Стефана, имѣли въ стѣнахъ своихъ гарнизоны Венгерскіе. Такимъ-образомъ по-крайней-мѣрѣ часть нашего края, то-есть Бессарабія, принадлежала опять къ политическому цѣлому, распространявшемуся чрезъ всю долину Нижняго и Средняго-Дуная, отъ Чернаго-Моря до Адріатики. Накопецъ судьбѣ угодно было, чтобы, во времена еще позднѣйшія, когда изъ Азіи выкатился надъ Европой роковой полумѣсяцъ тиранства Османскаго, весь здѣшній край, не исключая и Крыма и восточнаго побережья Чернаго-Моря, приковался къ одной цѣпи порабощенія, которая простиралась отъ Кавказа, мимо воротъ Кіева, Лемберга и Вѣны, опять до Моря-Адріатическаго, до Альпъ-Краинскихъ. Все это были для здѣшней стороны положенія неестественныя, принужденныя, незаконныя. И Римъ, и Византія, и Терновъ, и Буда, и Стамбулъ, были для ней — какъ говорятъ нынѣшніе фразеологи — «центры ложные, фальшивые». При всемъ томъ, это было причиною, что сторона наша находилась постоянно въ самыхъ тѣсныхъ историческихъ связяхъ, какъ вообще съ Балканскимъ полуостровомъ, такъ въ-особенности съ долиною Дунайскою. Въ

настоящее время, здѣшній край нашелъ свой «истинный центръ», возсоединясь съ великою Землею-Русскою, которой онъ — упорствуя думать — былъ искони существенно-составная часть и принадлежность. Но историческая связь его съ югомъ Средней-Европы тѣмъ не прекратилась. Она обнаруживается особенно явственно въ тѣ торжественныя минуты исторической эпопеи, когда народы двигаются на народы, царства сшибаются съ царствами. Въ-то-время какъ Русскія пушки громили послѣдніе остатки Османскаго владычества въ Черноморьѣ, когда подъ ихъ ядрами падали стѣны Очакова, Бендеръ и Измаила, электрическое сочуствіе отзывалось въ-верхъ по Дунаю и Савѣ, до береговъ Адріатики: Военная-Австрійская-Граница стояла вся подъ ружьемъ. Румунъ одушевлялся ненавистью къ своимъ тиранамъ. Сербъ мятежно потрясалъ свои вѣковыя оковы; а отдаленный Черногорецъ билъ на-повалъ Турковъ, распѣвая свои гомерическія пѣсни «во здравье царя Московскаго и своего Владыки святаго». Я замѣчаю это къ тому, чтобы видно было во всей ясности и полнотѣ: какъ то пространство, которое мы имѣли удовольствіе лично посѣтить и обозрѣть, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ имѣло и донынѣ имѣетъ съ здѣшнимъ краемъ одну общую, нераздѣлимую исторію!

Изложенныя мною понятія объ отношеніяхъ края нашего вообще къ югу Средней-Европы, и въ-особенности къ долинѣ Нижняго и Средняго Дуная — понятія, уясненныя и повѣренныя личными наблюденіями, живымъ, наглядным созерцаніемъ мѣстности и людей — суть главные и, смѣю сказать, важные результаты совершеннаго мною путешествія: важные преимущественно для нашего Общества! Да, мм. гг. Исторія какой-бы то ни было страны, если только страна эта имѣетъ исторію, не можетъ изучаться и разработываться отдѣльно. Жизнь, которая составляетъ предметъ исторіи, развивается не иначе, какъ чрезъ соприкосновеніе, чрезъ сообщеніе, чрезъ дѣйствіе и воздѣйствіе: слѣдовательно, не иначе можетъ быть и постигаема, какъ въ связи со всѣмъ, что къ ней такъ или иначе прикасается, что находится съ нею въ отношеніяхъ взаимнодѣйствія. Заключить историческія изслѣдованія какой-нибудь страны въ ней одной, какъ-бы эта страна ни была богата собственными памятниками, есть то-же что взять руку, или ногу, и подвергнуть ихъ физіологическимъ наблюденіямъ, безъ вниманія къ прочимъ частямъ тѣлеснаго организма. Мы воздали должную честь этому главному началу всякой исторической работы, когда, при открытіи дѣйствій нашего Общества, по предложенію г. президента, рѣшились распространить кругъ ихъ за предѣлы здѣшняго края, обратить ихъ на всѣ памятники и свидѣтельства, относящіяся къ югу нашего отечества, гдѣбъ они ни находились. И вотъ, мм. гг., передъ нами теперь самое краснорѣчивое

доказательство: какую богатую пользу можетъ приносить такое разширеніе горизонта! Въ выслушанной теперь нами рѣчи, мы уведены были г. Григорьевымъ изъ нашего края — въ буквальномъ смыслѣ — за тридевять земель, въ тридесятое царство: мы странствовали съ нимъ въ отдаленнѣйшей глубинѣ Европейскаго сѣвера — по Польшѣ, Пруссіи и Даніи, по Финляндіи, Швеціи, и даже Норвегіи! Чего-бы кажется намъ искать такъ далеко? Какое дѣло историкамъ и археологамъ благодатныхъ береговъ Понта-Эвксинскаго до суроваго побережья Балтики? Оказывается напротивъ, что тамъ находятся, и находятся въ изумительномъ изобиліи, любопытнѣйшіе памятники, изъ которыхъ извлекаются совершенно новыя и чрезвычайно интересныя заключенія вообще для юга Россіи, въ томъ числѣ и для нашего края! Разумѣется, гораздо бо́льшей жатвы должно ожидать отъ странъ, которыя несравненно къ намъ ближе, которыя съ здѣшнимъ краемъ составляютъ одно географическое цѣлое, находятся въ самомъ тѣсномъ этнографическомъ сродствѣ, имѣли постоянно одну исторію. Но, къ-сожалѣнію, эти именно страны, какъ нарочно, до-сихъ-поръ, вообще у насъ Русскихъ, не только были совсѣмъ неизвѣстны, но даже считаются недостойными извѣстности. Не столько варварство, до послѣднихъ временъ затруднявшее къ нимъ доступъ изслѣдователямъ, сколько несчастное предубѣжденіе отвратило отъ нихъ всякую внимательность, всякое любопытство. Съ самаго рожденія у насъ исторической критики, она приняла исключительное, одностороннее направленіе на сѣверъ, махнувъ рукою на югъ, обратясь къ нему рѣшительно тыломъ. Наши изыскатели древностей какъ-будто приколдованы къ Балтикѣ, къ одной Балтикѣ: кружатся вокругъ ней, въ туманахъ Финляндіи и Скандинавіи, и много-много если иногда отваживаются нисходить до болотъ и лѣсовъ Сѣверной-Германіи. Тамъ ищутъ они главнаго ключа къ разрѣшенію тайнъ нашей отечественной старины. Конечно, нельзя было заткнуть уши отъ раздающихся съ юга голосовъ Византійцевъ: ихъ приняли въ матеріялъ, необходимый для древней исторіи народа Русскаго и земли Русской. Въ послѣднія времена сдѣлана уступка еще значительнѣе: наши оріенталисты, которыхъ ученостью и дѣятельностью мы имѣемъ полное право гордиться, начали собирать жатву для отечественной исторіи еще южнѣе, у Арабовъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, пристрастіе къ сѣверу все еще остается преобладающимъ: показанія и Арабовъ и Византійцевъ непремѣнно должны ложиться на Прокустово ложе сагъ Скандинавскихъ, и съ ними выравниваться волею или неволею. Изъ всѣхъ нашихъ критиковъ и историковъ, одинъ только Болтинъ вздумалъ обратиться въ Венгрію, и изъ языка нынѣшнихъ Мадяровъ объяснилъ извѣстныя наименованія Днѣпровскихъ-Пороговъ, сохраненныя Кон-

стантиномъ Багрянороднымъ за «Русскія», право не хуже, какъ Лербергъ изъ языковъ Шведскаго, Англо-Саксонскаго, Исландскаго, и другихъ подобныхъ: но — Болтина давно не читаютъ! Кто станетъ спорить, что Скандинавскій сѣверъ точно имѣлъ сильное вліяніе на сосѣдній съ нимъ сѣверъ Русскій? Благодарность, нелестная благодарность мужамъ, которые вскрыли или вскрываютъ для насъ таинственную мглу Эддъ, гдѣ безъ-сомнѣнія таится много драгоцѣнныхъ посылокъ и данныхъ для объясненія древностей и исторіи Сѣверной-Россіи! Но всему должна быть своя мѣра. И сѣверъ Русскій заимствовалъ съ Скандинавскаго сѣвера многое, но не все. Между-тѣмъ лучшіе и умнѣйшіе изъ нашихъ критиковъ производятъ даже нашихъ «князей» отъ Скандинавскихъ «Koning'овъ», нашихъ «витязей» отъ ихъ-же «Wiking'овъ», наши «вѣча» отъ англо-саксонскихъ «Witenagemote», и т. п. Но позвольте сдѣлайте милость спросить: откудажь у Южныхъ Славянъ, разсыпанныхъ по ущельямъ Балканъ до береговъ Адріатики, откуда у нихъ, не имѣвшихъ никогда сношеній ни съ Скандинавами, ни съ Англо-Саксами, издревле существовали и «кнези», и «витези», и «вѣча»: послѣднія даже съ «вѣчевымъ колоколомъ», который гораздо долѣе, чѣмъ въ Новѣгородѣ, звенѣлъ напримѣръ въ Дубровникѣ (Ragusa) и въ Полицѣ (Poglizza), двухъ чисто-славянскихъ республикахъ на Далматинскомъ берегу Адріатическаго-Моря? Такихъ вопросовъ не дѣлалось однако у насъ до-сихъ-поръ: и ревностные Скандинависты, не ограничиваясь Русскимъ сѣверомъ, вторгаются даже и къ намъ на югъ на своемъ Скандинавскомъ конькѣ, свободно и безпрепятственно. Они производятъ по прямой и непосредственной линіи отъ Нордмановъ даже — кого-бы вы думали? — нашихъ казаковъ: казаковъ, которые издревле донынѣ, составляютъ самое національное явленіе, такъ-сказать «родимое пятно» народности у Южныхъ-Славянъ: казаковъ, кровныхъ братьевъ Далмато-Кроатскимъ «Ускокамъ», имѣвшимъ даже, въ одно время съ нашими Запорожцами, настоящую Сѣчь на Венгерскомъ-Побережьѣ Адріатики, Сѣчь столь памятную въ исторіи Австрійской монархіи и Венеціянской республики; казаковъ, которыхъ потомство продолжаютъ донынѣ «гайдуки» Сербскіе и «кирджалы» Арнаутскіе, которыхъ наконецъ кровь и духъ, смягченные, но не истребленные регулярною организаціею, живутъ по всему протяженію такъ-называемой Австрійской Военной-Границы (Militair-Grenze), почти отъ самой нашей Бессарабіи до Черной-Горы включительно, которая сама есть не что иное, какъ исконная Казацкая-Сѣчь! Видите-ли, мм. гг., какія странныя послѣдствія имѣло это странное пренебреженіе къ югу, точно «напущенное» на нашу историческую критику. Нашему Обществу предлежитъ долгъ и честь, первому снять очарованную повязку и принять

въ свое вѣдѣніе, доселѣ пренебрегаемый и невѣдомый міръ: міръ Южно-Славянскій, съ его преданіями, памятниками и свидѣтельствами, столь важными вообще для отечественной исторіи. И я сочту себя счастливымъ, труды совершенаго мной путешествія будутъ вполнѣ вознаграждены, если краткій общій взглядъ на это новое поприще, который я имѣлъ честь предложить вамъ, расположитъ васъ къ убѣжденію, что это поприще, этотъ міръ, есть самое законное достояніе нашего Общества, что онъ прямо и непосредственно входитъ въ кругъ, подлежащій спеціяльному нашему вѣдомству.

Впрочемъ, мм. гг., дань, которую я собралъ для васъ въ моемъ путешествіи, не ограничивается только этими общими результатами. Я обращалъ прилежное вниманіе и на частности: на отдѣльные памятники, указанія и даже намеки, которые казались мнѣ сколько-нибудь интересными собственно и именно для нашего Общества. Конечно, вы не ожидаете отъ меня, теперь и здѣсь, полнаго и подробнаго отчета о всѣхъ сдѣланныхъ въ этомъ отношеніи находкахъ, замѣткахъ, соображеніяхъ и выводахъ. Въ свое время я буду имѣть честь, кромѣ описанія всего моего путешествія вообще для публики, занять ваше вниманіе сообщеніемъ подробностей, до васъ преимущественно относящихся. Въ настоящемъ случаѣ считаю достаточнымъ бросить легкій взглядъ вообще на богатство памятниковъ всякаго рода, которыми совершеное путешествіе доставило мнѣ случай и удовольствіе заняться, къ прямой и непосредственной пользѣ нашего Общества. Я придержусь здѣсь, предложеннаго нѣкогда г. президентомъ Общества, раздѣленія памятниковъ вообще — на нѣмые, письменные и говорящіе.

Итакъ —

А. Памятники Нѣмые. Сюда относятся тѣ остатки минувшихъ временъ, которые въ буквальномъ смыслѣ «безсловесны»; остатки чисто матеріяльные, какъ-то: древнія зданія, развалины зданій, пустыри селеній и городовъ, со всѣми самомелчайшими признаками человѣческаго мѣстопребыванія, человѣческаго употребленія, или человѣческой обработки. Такіе памятники, при всей ихъ нѣмотѣ, бываютъ очень краснорѣчивы: особенно, если къ нимъ привязано какое-нибудь преданіе, какое-нибудь знаменательное имя, которое чѣмъ безсмысленнѣе живетъ въ устахъ туземцевъ, тѣмъ достовѣрнѣе показываетъ, что въ немъ таится вѣрный отголосокъ древности.

Надо признаться, что на пространствѣ, которое мы посѣтили, подобныхъ памятниковъ, собственно туземныхъ, весьма немного. Оно и не удивительно. Судьба этого пространства, въ-особенности степно-равнинной долины Нижняго и Средняго Дуная, была та-же, что и здѣшняго края, нашихъ голыхъ и пустынныхъ степей. Тамъ, какъ и здѣсь, древнѣйшіе жители, которые всѣ

неоспоримо были выходцами отъ насъ, не оставили другихъ слѣдовъ своего пребыванія, кромѣ такихъ-же кургановъ, такъ-же, если не больше–чѣмъ наши, безмолвныхъ и безпамятныхъ. Эти курганы, черезъ Молдавію и Валахію, проникаютъ въ Венгрію, толпясь предпочтительнѣе вскрай Дуная; они исчезаютъ совершенно тамъ, гдѣ природа взгромоздила свои курганы, по-обширнѣе и по-великолѣпнѣе, гдѣ начинается Альпійская область Южной–Европы. Въ Молдавіи и Валахіи, они и по-Румунски называются какъ у насъ — «могилы»; въ Венгріи, у Сербовъ — «гомиле», у Мадяровъ — «halòm»: то и другое едвали не анаграммы таинственному слову «могила»! Къ-сожалѣнію, тамъ, еще менѣе–чѣмъ у насъ, занимаются ихъ разработкою, и изслѣдованіемъ. Число ихъ, пожалуй, и велико: но они вовсе не существуютъ для археолога и историка, тѣмъ-болѣе для проходящихъ. Мы замѣтили только одно достопримѣчательное кладбище, исполненное подобныхъ «могилъ», въ такъ–называемой Малой–Валахіи, въ жудецѣ (уѣздѣ) Романацкомъ, близъ деревни Добрословени, неподалеку отъ мѣстечка Каракала: рѣчь объ немъ будетъ въ свое время. Въ землѣ, по мѣстамъ, отъискиваются иногда остатки — большею–частью оружій, какъ-то стрѣлъ, копій и т. п., случается также и мирныхъ утварей домашняго быта — очевидно не принадлежащіе ни Грекамъ, ни Римлянамъ, слѣдовательно принадлежащіе туземнымъ старожиламъ. Такіе памятники находятся разсѣянными по музеямъ Трансильваніи и Венгріи; есть и въ новоучрежденныхъ для древностей хранилищахъ въ Яссахъ и Букурештѣ. Но количество ихъ такъ не велико, что по нимъ невозможно составить никакихъ соображеній и выводовъ, годныхъ для исторіи и археологіи. Что касается до поверхности земной, то на ней, за исключеніемъ «могилъ», нѣтъ рѣшительно никакихъ явственныхъ слѣдовъ и памятниковъ старины, въ которыхъ-бы проявлялась туземная народность, которые должнобъ было признать самородными, своеобразными памятниками края. И какъ могли оставить по себѣ подобные слѣды люди стараго времени, когда нынѣшніе жители края, и Румунъ, и Мадяръ, и Славянинъ, довольствуются одинъ своею «казою», другой «шалашемъ» или «хижей», третій «кучею» или «избою», слѣпленными на скорую руку, и такъ-же скоро разрушающимися отъ перваго натиска стихій и обстоятельствъ! Если есть здѣсь старыя зданія и руины старыхъ зданій, принадлежащія туземцамъ, Славянамъ, Мадярамъ, или Румунамъ: то это или памятники христіанскаго благочестія, церкви, часовни, монастыри, изъ которыхъ древнѣйшія запечатлѣны предпочтительно характеромъ зодчества Византійскаго; или феодальныя твердыни, рыцарскіе замки, въ стилѣ западно-Европейской архитектуры вѣковъ среднихъ. Изъ нихъ, я охотно-бы распространился о сохранив-

шихся по-ту-сторону Дуная въ нынѣшнемъ княжествѣ Сербскомъ, монастыряхъ-твердыняхъ: Манàсіи, Раваницѣ, Жизѣ и въособенности о знаменитой Лаврѣ Студеницкой, гдѣ уцѣлѣлъ превосходнѣйшій памятникъ Византійской архитектуры среднихъ вѣковъ, весь изъ бѣлаго мрамора — храмъ, созданный Стефаномъ Нѣманею, основателемъ нѣкогда процвѣтавшаго царства Сербскаго; храмъ, служившій, говорятъ, первообразомъ для лучшихъ въ томъ-же родѣ памятниковъ у Румуновъ: для каѳедральной церкви въ Арджишѣ, въ Валахіи, и для церкви монастыря Трехъ-Іерарховъ въ Яссахъ, въ Молдавіи — распространился-бы, еслибъ было теперь время и мѣсто! Жатва и на этомъ полѣ, какъ видите, не была совсѣмъ безплодна: все однакожь нельзя назвать ее изобильною.

Гораздо больше слѣдовало-бъ ожидать подобнаго-рода памятниковъ отъ Римлянъ, любившихъ вездѣ означать свое владычество вѣковѣчными монументами. Но и это поле, столь любимое археологами и столь важное для историковъ, здѣсь оказывается не очень богатымъ. Изъ длиннаго списка городовъ, упоминаемыхъ Греческими и Латинскими географами первыхъ вѣковъ имперіи въ долинѣ Нижняго и Средняго Дуная, весьма немногіе пріурочиваются къ своимъ мѣстамъ на основаніи явственно сохранившихся памятниковъ. Отъ большейчасти не осталось ничего, кромѣ звуковъ именъ, съ которыми изслѣдователи носятся, вдоль и поперекъ, по равнинамъ Дакіи и Панноніи: все вещественное сглодано зубомъ времени, сметено съ лица земли вихрями вѣковыхъ бурь, носившихся надъ краемъ. Куда дѣвались Дакійскія Zusidava, Zirìdava, Rusidava, Piroboridava, и другія многія «давы», изъ которыхъ нѣкоторыя, по точному указанію древнихъ, находились между Гіерассомъ и Тиресомъ, то-есть между Прутомъ и Днѣстромъ, слѣдовательно въ нашей нынѣшней Бессарабіи? Онѣ исчезли безслѣдно, какъ наши прибрежныя Никòнія, Истріанское-Пристанище, Одиссòсъ, и другія Греческія поселенія въ Новороссійскомъ-Черноморьѣ, которыхъ мѣстоположенія надо угадывать, да угадывать. Наиболѣе примѣтныхъ слѣдовъ Рима находится въ нынѣшнихъ Трансильваніи, Малой-Валахіи и Баннатѣ, тогда составлявшихъ Дакію-Альпійскую; какъ-то: вокругъ соляницъ теперешней Торды и рудниковъ нынѣшней Абруд-Баньи, близъ Седмиградскаго-Бѣлграда, въ древности Colonia Apulensis, нынѣ Карльсбургъ; или еще больше въ сокровенной глубинѣ долины Гацекъ, гдѣ въ урочищѣ, называемомъ по-Мадярски Варгели, по-Славянски Градишка, по-Румунски Градешти, сохранились еще величавые и богатые остатки древней Сармизегетузы, столицы Даковъ и Дакіи: на равно глухомъ и уединенномъ днѣ ущелья Мехадійскаго, гдѣ кипятъ теперь, и гдѣ кипѣли издревле славныя такъ-называемыя «Геркулесовы-Воды», при Римской колоніи

Ad Aquas; наконецъ, у самаго входа въ Желѣзныя-Ворота, близъ нынѣшняго мѣстечка Чернецъ, въ древности Colonia Zernicusis, въ возвышающихся еще изъ волнъ Дуная величественныхъ обломкахъ знаменитаго Моста-Траянова. Собственно въ Паннонiи, или Венгрiи, господствуетъ та-же пустота, что и на равнинахъ Великой-Валахiи и Молдавiи. Тамъ, на мѣстѣ древняго Сирміума, нѣкогда столицы Паннонiи и резиденцiи столькихъ цезарей, существуетъ теперь ничтожное мѣстечко Митровица, которымъ утрачено все прошедшее, даже до самаго имени. Цѣлѣй сберегліись остатки міродержавной имперіи по восточному Адріатическому-Побережью, нѣкогда унизанному многочисленными цвѣтущими городами; особенно въ собственно такъ-называемой Далмацiи, отъ Задра или Зары (древняя (Sadera) до Скадра или Скутари (древняя Scodra). Здѣсь, между многими болѣе или менѣе замѣчательными памятниками Рима, возвышается надъ всѣми одинъ, въ своемъ родѣ единственный и безпримѣрный, дружка развѣ одному исполинскому Колоссею «Вѣчнаго-Города» по величинѣ и великолѣпію. Это дворецъ императора Діоклеціана, убѣжище, гдѣ онъ послѣ долголѣтнихъ трудовъ міроуправленія, укрылъ послѣдній остатокъ дней своихъ: дворецъ такого объема, что въ немъ умѣщается теперь почти весь городъ Спалатро, съ 8,720 жителей, съ церквами и монастырями, разбитый на 1,305 домовъ и домиковъ. Такой памятникъ, конечно, одинъ слишкомъ вознаграждаетъ безмонументальность другихъ обозрѣнныхъ нами странъ. Но онъ лежитъ внѣ занятій, собственно предлежащихъ намъ. Онъ имѣетъ высокій панархеологическій интересъ; но что до него нашему Обществу? Для насъ несравненно было-бы интереснѣе, еслибъ сохранились хоть-малѣйшіе примѣтные остатки, конечно грубаго, варварскаго, жилища древней «кралицы» Иллировъ Теуты, мѣсто котораго указывали намъ въ Риснѣ (Rizano), Серво-Далматинскомъ городкѣ во глубинѣ Бока-Которской (Bocca di Cattaro), подъ мрачнымъ навѣсомъ Черной-Горы: Теуты, которая имѣла духъ сказать, что «не знастъ Римлянъ», въ-то-время какъ Римляне уже кончили со славою первую Пуническую-Войну, и въ жилахъ которой текла едва-ли не наша родная Славянская кровь! Все Римское внѣ предѣловъ здѣшняго края, по моему мнѣнію подлежитъ вѣдѣнію нашего Общества только въ той мѣрѣ и степени, въ какой чрезъ сличеніе и сравненіе, можетъ болѣе или менѣе служить къ объясненію памятниковъ Рима, попадающихся намъ у насъ: больше не имѣемъ мы на Римъ никакого права.

Въ такомъ отношеніи, есть только одинъ видъ нѣмыхъ памятниковъ въ долинѣ Дунайской, который принадлежитъ, или покрайней-мѣрѣ единогласно приписывается Римлянамъ, и между-тѣмъ имѣетъ для насъ интересъ прямой, непосредственный. Это

памятники, запечатлѣнные славнымъ именемъ Траяна, которые входятъ внутрь нашего края, именно въ Бессарабію, такъ-называемыми «Валами» или «Дорогами-Траяновыми». Простыя земляныя насыпи какъ у насъ въ Бессарабіи, такъ и по-ту-сторону Прута, гдѣ, ихъ начало, эти «Валы» или «Дороги» возбуждаютъ тѣмъ-не-менѣе любопытство, достойное археологовъ уже потому одному, что ихъ длинное протяженіе очевидно предполагаетъ усильный трудъ многихъ рукъ и многихъ лѣтъ, предпринятый конечно не безъ важныхъ общественныхъ цѣлей и потому долженствующій имѣть историческое значеніе. Именемъ «Траяновыхъ» — они называются и просто «Траянами» или «Троянами» — любопытство раздражается еще больше. Я не сомнѣваюсь теперь, что это имя заимствовано не отъ чего другаго, какъ отъ имени знаменитаго императора, или лучше нѣсколькихъ императоровъ Римскихъ, которые носили имя Траяновъ и которые съ-тѣмъ-вмѣстѣ имѣли самое могущественное вліяніе на лѣвый берегъ Дунайскаго-Понизовья, тогдашнюю Дакію. То были: собственно Траянъ — M. Ulpius Nerva Trajanus; преемникъ его Адріанъ, въ полномъ имени, какъ оно изображается въ надписяхъ — P. Aelius Trajanus Hadrianus; наконецъ императоръ Децій, въ полномъ имени — Cn. Messius Quintus Trajanus Decius. Траянъ I, или собственно Траянъ, положилъ, какъ извѣстно, окончательный предѣлъ дикой вольности и самобытности Даковъ, пріобщивъ къ имперіи, рядомъ блистательныхъ побѣдъ, царство Децебала, простиравшееся отъ Дуная до сокровеннѣйшихъ нѣдръ Южнаго-Карпата. При Траянѣ II, или Адріанѣ, дѣятельно продолжалась Римская колонизація и Римское устройство Дакіи. Траянъ III, то-есть Децій, павшій на берегахъ Дуная въ битвѣ съ Готѳами, былъ послѣдній представитель и поборникъ владычества Рима надъ Дакіею: такъ-что, вскорѣ послѣ него, императоръ Авреліанъ, впрочемъ мужъ силы и ума, нашелся вынужденнымъ бросить совершенно лѣвый берегъ Дунайскаго-Понизовья и какъ Римское народонаселеніе, такъ и самое имя Дакіи, перевесть отсюда на-ту-сторону, въ нынѣшнія Булгарію и Сербію. Такимъ-образомъ, именемъ Траяна ознаменованы и начало и конецъ державствованія Римлянъ по-сю-сторону Нижняго-Дуная, въ теперешнихъ Баннатѣ, Трансильваніи, Валахіи, Молдавіи и Бессарабіи. Удивительно-ли послѣ того, что это имя врѣзалось неизгладимо въ памяти туземцевъ, срослось неразрывно съ самою землею? Оно ввѣрено было не одному устному летучему преданію; оно увѣковѣчено въ легендахъ безчисленнаго множества монетъ, принадлежащихъ всѣмъ тремъ Траянамъ, которыми усѣяны нѣдра древней Дакіи; равно-какъ въ многочисленныхъ надписяхъ, изъ которыхъ одна, принадлежащая первому Траяну, изсѣчена неизгладившимися донынѣ буквами въ могучей скалѣ,

сторожащей входъ въ Желѣзныя-Ворота Дуная, не-подалеку отъ вѣковѣчныхъ руинъ знаменитаго Моста-Траянова, воздвигнутаго тѣмъ-же Траяномъ I. Какъ можно было забыть это имя въ краѣ, который назывался «Областью Траяновою» — Provincia Trajani; котораго столица, древняя Сармизегетуза, переименована была оффиціяльно въ «Колонію Ульпіо-Траяновскую» — Colonia Ulpia Trajana! Кромѣ нашихъ «Валовъ» или «Дорогъ», другія урочища, въ разныхъ мѣстахъ древней Дакіи, носятъ также имя «Траяновыхъ», съ явственными, неопровержимыми указаніями, если не именно на императора Траяна, то по-крайней-мѣрѣ на древнихъ Траяновскихъ Римлянъ. Такъ, въ Трансильваніи, возлѣ упомянутаго уже мной мѣстечка Торды, древнихъ Римскихъ Соляницъ (Salinæ), находится широкое поле, по которому проходитъ, до-сихъ-поръ явственно обозначающееся, древнее Римское шоссе: это поле называется донынѣ «Траяновъ-Лугъ»; причемъ мѣстное преданіе присовокупляетъ и то еще, что здѣсь именно императоръ Траянъ, Траянъ I, одержалъ свою послѣднюю и рѣшительную побѣду надъ Децебаломъ, за которой слѣдовало окончательное обращеніе Дакіи въ провинцію Римскую. По-сю-сторону Карпата, въ Малой-Валахіи, во всю ширину ея отъ Дуная до Карпата, идетъ также древнее Римское шоссе, параллельное теченію рѣки Ольты, вонзающееся въ глубину такъ-называемаго ущелья «Червленой-Кулы» (Rothenthurm-Pass) до самыхъ почти границъ Трансильваніи: оно называется «Траяновою-Дорогою», по-Румунски — «Кале-Траянъ». Должно сказать, мм. гг., что ни эта «Траянова-Дорога», ни Римское шоссе въ Трансильваніи, проходящее по «Траянову-Лугу», какъ я убѣдился личнымъ наблюденіемъ, не походитъ нисколько на наши Бессарабскія «Дороги-Траяновы», которыя гораздо вѣрнѣе называть «Валами», какъ онѣ дѣйствительно и называются. Но я былъ столько счастливъ, что нашелъ именно такой, точь-въ-точь нашъ Бессарабскій «Валъ», нѣсколько дальше, въ западной оконечности Банната, тамъ, гдѣ сліяніе Тисы съ Дунаемъ образуетъ уголъ, заселенный Чайкистскими-Батальонами Австрійской Военной-Границы. Валъ этотъ, который отсюда переходитъ и на лѣвую сторону Тисы, въ разныхъ направленіяхъ простираясь по равнинамъ Банната, здѣсь называется по-Славяно-Сербски — «Яракъ», что значитъ просто «Окопъ»; но по-Нѣмецки зовется гораздо знаменательнѣе, именно — «Römerſchanze», то-есть «Окопъ-Римскій». При этомъ валѣ нѣтъ имени Траяна; но оно живетъ не-подалеку. Въ западной сторонѣ сосѣдняго княжества Сербскаго, на вершинѣ горы Цера, находится величественная «зидина», то-есть громада руинъ, которая называется понынѣ «Троянъ»: тамъ, по преданію Сербовъ, жилъ когда-то славный царь «Троянъ», который каждую ночь совершалъ на очарованномъ конѣ путешествіе къ какой-то прекрасной

«кралицѣ», на равнины Срема или Сирміи, непосредственно смежныя съ тѣмъ угломъ Банната, гдѣ находится теперь «Римскій-Окопъ», братъ нашихъ «Валовъ-Траяновыхъ»; путешествіе, соединенное съ секретомъ и кончившееся развязкою, напоминающими прелестный Эллинскій миѳъ Амура и Психеи. Все это, мм. гг, суть данныя, которыя я предоставляю себѣ въ свое время свести и сообразить, и изъ которыхъ, надѣюсь, добудется кое-что новое, не безполезное для объясненія доселѣ необъяснимой задачи, представляемой нашими таинственными «Траянами».

Б. Перехожу къ Памятникамъ Письменнымъ. Здѣсь совокупляются подъ одно наименованіе всѣ остатки письма, завѣщанные стариной и повѣствующіе о старинѣ: будутъ-ли то — строчка, даже буква на монетѣ, камнѣ и всякомъ другомъ вещественномъ памятникѣ древности; или цѣлый свитокъ, цѣлая книга, посвященная «дѣламъ давно минувшихъ дней, преданьямъ старины глубокой»! Такими памятниками обозрѣнное нами пространство не скудно. Почти всѣ они, по языку и начертанію, относятся къ двумъ категоріямъ: Латинской и Славянской, изъ которыхъ послѣдняя, разумѣется, безъ-сравненія моложе первой. Памятники съ письмомъ Греческимъ встрѣчаются здѣсь чрезвычайно рѣдко; и изъ древней эпохи Эллиновъ — едва-ли не въ одной только Восточной-Далмаціи, изъ позднѣйшаго періода Византійцевъ — въ Молдавіи и Валахіи, рѣдко въ Сербіи, еще рѣже въ Южной-Венгріи. Остатковъ письма Готическаго вовсе нигдѣ нѣтъ; что конечно, весьма удивительно, когда Готы, нѣкогда здѣсь владычествовавшіе, здѣсь-же, на Дунаѣ, получили и грамоту для роднаго языка, отъ знаменитаго Ульфилы. Что касается до нынѣ живущихъ здѣсь, межь Славянами, Мадяровъ и Румуновъ, то ихъ сколько-нибудь старая письменность, вся безъ изъятія, входитъ въ двѣ наименованныя мною категоріи. Мадяры, до послѣднихъ, самыхъ недавнихъ временъ, всѣ писали по-Латини. У Румуновъ, до начала прошлаго столѣтія, господствовала письменность Славянская. Теперь, я переберу весь этотъ родъ памятниковъ по разрядамъ, съ краткимъ указаніемъ, въ какой мѣрѣ каждый изъ нихъ интересенъ собственно для нашего Общества.

Съ перваго раза, монеты всѣ въ сторону. Ихъ здѣсь, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, найдено и безпрерывно находится неисчислимое множество; но всѣ онѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ древне-Эллинскихъ, попадающихся въ Дунайскомъ-Понизовьѣ и въ Далмаціи, всѣ Римскія, или въ меньшемъ количествѣ Византійскія. О древнихъ Восточно-Куфическихъ монетахъ, какими занимался насъ г. Григорьевъ, здѣсь нѣтъ и слуху. Любопытствовалъ я видѣть монеты Славянскія — Сербовъ, Булгаръ и Румуновъ — о которыхъ ходятъ слухи, но которыя рѣдко кто видалъ своими глазами.

и мнѣ удалось въ Земунѣ, или Землинѣ, Венгерско-Австрійскомъ городкѣ при стеченіи Савы съ Дунаемъ, созерцать истертый металлическій кружокъ, который тамошніе Сербы сохраняютъ, какъ монету царя Душана-Сильнаго; но, признаюсь откровенно — можетъ-быть отъ недостатка нумизматическаго ясновидѣнія — я смотрѣлъ, и ничего рѣшительно не видѣлъ. Энтузіасты Славянизма мечтаютъ видѣть древнѣйшіе Славяно-Иллирскіе символы на нѣкоторыхъ туземныхъ монетахъ, даже на такихъ, которыя очевидно Римскаго чекана; но это пока — золотые сны нумизматическаго патріотизма! Одну такую монету, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими Римскими, пріобрѣлъ я въ Риснѣ, резиденціи «кралицы» Теуты, и не замедлю представить ихъ Обществу, по-крайней-мѣрѣ для любопытства, при отсутствіи другаго интереса.

То-же самое должно сказать о надписяхъ. Число ихъ также весьма значительно; но всѣ онѣ имѣютъ занимательность больше мѣстную. Надписи собственно Римскія имѣютъ иногда папархеологическую важность, обогащая эпиграфику любопытными особенностями Дакійскаго и Паннонскаго «Лапидарнаго Стиля». Надписи Славянскія, всѣ вообще, важны для Славянской палеографіи и филологіи. Оттого я имѣлъ терпѣніе этѣ послѣднія списывать вездѣ, гдѣ только находилъ досугъ и удобство. За Римскими это былъ-бы излишній трудъ: онѣ описаны и переописаны туземными антикваріями. Впрочемъ, между всѣми этого-рода памятниками я не нашелъ ничего относящагося — не говорю уже именно къ здѣшнему краю, но и вообще — къ исторіи нашего отечества. Развѣ упомянуть объ одной слишкомъ новой, но до-сихъ-поръ вовсе неизвѣстной у насъ, латинской надписи на православной церкви св. Николая Чудотворца въ предмѣстіи трансильванскаго города Кронштадта, по Славяно-Румунски Брашова, въ которой изображено: «PIA LIBERALITATE ELISABETHÆ PETROWNÆ MONOCRATRICIS TOTIUS RUSSIÆ INVICTÆ, HIC SACER LOCUS EST RENOVATUS, ANNO MDCCLI»; или Славяно-Русскую, нѣсколько постарше, которая вышита на плащаницѣ, сохраняющейся въ православномъ монастырѣ Драгомирнѣ, близъ Сучавы, въ нынѣшней Австрійской Буковинѣ, и въ которой значится, что плащаница та сооружена Варлаамомъ, митрополитомъ Ростовскимъ, лѣта 7106, въ соборную церковь Ростовскую, повелѣніемъ царя Ѳеодора Іоанновича всея Руссіи и благословеніемъ святѣйшаго Іова патріарха Московскаго. Припоминаю еще, что въ Сремѣ или Сирміи, на Фрушкой-Горѣ, въ православномъ монастырѣ Хоповѣ, меня пріятно поразила надпись, относящаяся къ Южной-Россіи; но поразила не столько своею историческою важностью, сколько неожиданною встрѣчею въ такомъ отдаленномъ отъ насъ мѣстѣ и наивнымъ образомъ выраженія. Она находится въ монастырской трапезѣ, размале-

ванной отъ пола до потолка по всѣмъ четыремъ стѣнамъ, и гласитъ такъ: «Помяни Господи раба твоего Василія, иконописца отъ Малія (sic!) Россіи. 1771, мѣсяца септемврія 8».

Въ разсужденіи собственно такъ-называемыхъ «документовъ», то-есть письменныхъ оффиціяльныхъ актовъ, дѣло совсѣмъ другое. Они являются здѣсь въ наибольшемъ изобиліи со временъ образованія королевства Венгерскаго, которому, какъ было уже замѣчено, св. Стефанъ даровалъ Западно-Европейскую организацію и Западно-Европейскія канцелярскія формы. Впрочемъ у Славянъ Кроаціи и Далмаціи письменность канцелярская началась и оставила памятники еще раньше: памятники въ тѣхъже Западно-Европейскихъ формахъ, на языкѣ Латинскомъ. Для насъ собственно, больше всѣхъ интересны позднѣйшіе, тоже Латинскіе, памятники Трансильваніи, когда она составляла отдѣльное отъ Венгріи княжество, тѣсно соединенное въ судьбахъ своихъ съ судьбами Дунайскаго-Понизовья и вообще съ южными краями великаго міра Русскаго. Впрочемъ все это дипломатическое богатство исчерпано уже туземными тружениками, подобными Люцію, Фарлати, Фейеру, Эдеру; такъ-что теперь остается только пользоваться ихъ огромными фоліантами, для насъ именно доставляющими не многія, но драгоцѣнныя крупицы. Не почата еще вовсе-почти другая категорія подобныхъ памятниковъ, именно дипломатика собственно Славянская, на родныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ Славянъ-Южныхъ. До послѣднихъ временъ всеобщаго пробужденія Славянскаго энтузіазма, никто и не подозрѣвалъ богатства этого-рода письменныхъ памятниковъ, древность которыхъ, правда, не простирается слишкомъ далеко, но которые тѣмъ-не-менѣе имѣютъ, кромѣ мѣстнаго высокаго интереса — для исторіи, и общій панславянскій — для филологіи и палеографіи. Первую коллекцію документовъ Кроато-Далматинскихъ, писанныхъ Латинскими буквами, составляетъ извѣстный докторъ Гай изъ Загреба, которому, какъ католику, свободнѣе доступъ въ архивы монастырей и епископій, главныя хранилища древнихъ хартій. Начало, если не собранію, то обнародованію Сербскихъ актовъ, писанныхъ собственно-Славянскими (Кириловскими) буквами, положено, два года тому-назадъ, въ Сербскомъ-Бѣлградѣ, извѣстными уже «Сербскими Споменицами». Но обширнѣйшую и можно-сказать единственную въ послѣднемъ родѣ коллекцію, собранную неусыпными, долголѣтними трудами, имѣетъ нашъ достопочтенный сочленъ, знаменитый Шафарикъ, которую и приготовляетъ къ достойному въ свое время изданію. Должно однако сказать, что эти сокровища касаются собственно до насъ только общею стороною ихъ панславянскаго интереса, и что содержаніе ихъ напротивъ гораздо меньше обѣщаетъ пищи именно для нашего Общества, чѣмъ Латинскіе

«Дипломотаріи» Венгріи и Трансильваніи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, обильнѣйшей добычи можно надѣяться отъ древне-Славянской дипломатики обоихъ при-Дунайскихъ княжествъ, въ-особенности Молдавскаго, разработку которой началъ-было нашъ покойный Венелинъ. Къ-сожалѣнію, остатки ея, которыхъ нынѣшніе Румуны не умѣютъ и прочесть, не только оцѣнить, берегутся ими за десятью замками, въ сокровенныхъ ларцахъ, точно волшебные амулеты. Небольшую коллекцію подобныхъ хартій видѣлъ я въ Яссахъ у г. Когальничана, нынѣ нашего сочлена, просвѣщеннаго и ревностнаго любителя древностей своей отчизны; и былъ столько счастливъ, что получилъ отъ него въ даръ одну грамоту воеводы Александра, данную въ Сучавѣ 7915, то-есть, по обыкновенному счисленію, 1407 года, которую въ свою очередь опредѣляю въ даръ Обществу.

Изъ частныхъ, не-оффиціяльныхъ манускриптовъ — для насъ собственно — всего-больше были-бы любопытны остатки старинной письменности Славянской, если не въ историческомъ, то по-крайней-мѣрѣ въ филологическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ. Но такихъ, на обозрѣнномъ нами пространствѣ, оказалось чрезвычайно мало. Старые оффиціяльные документы сберегались цѣлѣе, потому-что имѣли политическую или гражданскую важность, были существенно дороги для тѣхъ, къ кому относились, и для ихъ преемниковъ и потомковъ. Всякая другая рукопись, если и находила любителей, усердствовавшихъ хранить ее или для читанья, или просто для занятія только мѣста между другимъ домашнимъ скарбомъ, то не считалась такимъ сокровищемъ, которое надлежало всячески спасать при частыхъ, почти безпрерывныхъ опустошеніяхъ края, прекратившихся окончательно весьма недавно. Даже церковныя книги, необходимыя при богослуженіи, книги, надъ которыми лежала печать святыни, предавались охотно въ жертву, особенно съ-тѣхъ-поръ какъ изобрѣтеніе и распространеніе книгопечатанія облегчило способы къ ихъ пріобрѣтенію. Такъ, напримѣръ, въ Сербіи, въ Лаврѣ Студеницкой, о которой было уже упомянуто, я слышалъ изъ устъ нынѣшняго архимандрита, что, въ народное возстаніе при Георгіи-Черномъ, когда братія обители, почуявъ приближеніе Турковъ, должна была оставить монастырь и искать спасенія въ бѣгствѣ, на глазахъ его, то-есть архимандрита, бывшаго въ то время простымъ монахомъ, сожжена была самими монахами громада старыхъ рукописныхъ книгъ, которыя трудно было взять съ собою. Безъ-сомнѣнія, въ этомъ ауто-да-фе погибли и тѣ историческіе манускрипты, о которыхъ существованіи въ Студеницѣ слыхалъ еще отъ очевидцевъ извѣстный исторіографъ Южныхъ-Славянъ, Венгеро-Сербскій архимандритъ Раичъ, въ концѣ еще прошлаго вѣка. Въ настоящее время, на простран-

ствѣ, о которомъ идетъ теперь рѣчь, старинныя Славянскія рукописи, больше списки церковныхъ книгъ, сохраняются преимущественно въ митрополитанской библіотекѣ православнаго архіепископа Карловачскаго въ Сремскомъ-Карловцѣ (Karlowitz) и въ многочисленныхъ обителяхъ Фрушкой-Горы (Mons Almus), также въ Сремѣ или въ Сирміи; въ меньшемъ количествѣ въ православныхъ монастыряхъ Далмаціи, Буковины и Молдавіи. Книгохранилища Сремскія или Сирмійскія давно уже всѣ исчерпаны неутомимымъ трудолюбіемъ Шафарика, нѣкогда жившаго здѣсь въ сосѣдствѣ, въ качествѣ директора и профессора гимназіи въ Новомъ-Садѣ (Neusatz). Въ Далмаціи подобною работою занимается туземецъ, ученый и «родолюбивый» докторъ Петрановичъ. Меньше всѣхъ, или лучше вовсе неизвѣстны были до-сихъ-поръ, рукописныя Славянскія сокровища Молдавіи и Буковины. Впрочемъ они оказались весьма не многочисленными, и притомъ древности очень не глубокой, не раньше XIV вѣка; всѣ фамиліи транскрипцій Сербскихъ, отчего и называются тамъ вообще «книгами Сербскими». Наибольшее собраніе ихъ находится въ Буковинѣ, въ монастырѣ Драгомирнѣ, о которомъ я имѣлъ случай упоминать, и котораго прежнее библіографическое богатство свидѣтельствуется расхищенными изъ него по Европѣ рукописями, показываемыми теперь въ библіотекахъ Вѣнской и Дрезденской. Нѣкоторые изъ остающихся въ монастырѣ манускриптовъ написаны собственноручно митрополитомъ Молдо-Влахійскимъ Анастасіемъ Крымкою или Крымковичемъ, который замѣчателенъ для насъ потому, что былъ долго въ нашемъ Крыму полоняникомъ Татаръ, отчего будто и получилъ свое прозвище, какъ увѣряетъ весьма романическая легенда, сохраняющаяся однако только въ устномъ преданіи. Заключу впрочемъ, что изъ всѣхъ этого-разряда памятниковъ я не видѣлъ ничего любопытнѣе и интереснѣе собственно для насъ, какъ отрывочные лоскутки нѣсколькихъ харатейныхъ списковъ, относящихся къ особой, доселѣ очень мало, или вовсе-почти неизвѣстной фамиліи транскрипцій Русинскихъ, или Южно-Русскихъ, которые находятся въ рукахъ Шафарика. Они отысканы въ Венгріи, и носятъ печать весьма далекой древности, представляющей драгоцѣнныя подтвержденія для совершенно новыхъ выводовъ о распространеніи христіанской цивилизаціи вообще на Русскомъ юго-западѣ: выводовъ, которые будутъ имѣть прямое и непосредственное отношеніе къ спеціяльнымъ занятіямъ нашего Общества.

Казалось-бы, послѣ упомянутыхъ уже разрядовъ письменныхъ памятниковъ, послѣ монетъ, надписей, актовъ и вообще всѣхъ другихъ не-оффиціяльныхъ манускриптовъ, слѣдовало-бы закончить этотъ отдѣлъ и сказать: «вотъ и все»! Но, мм. гг., я долженъ еще остановить ваше вниманіе

на такихъ вещахъ, о которыхъ въ ученой бесѣдѣ ученаго общества распространяться вовсе-бы не у мѣста: на матеріялахъ для исторіи обозрѣннаго нами пространства — не писанныхъ только, а — печатныхъ, и уже давно печатныхъ. Разумѣю здѣсь всю вообще историческую литературу странъ Южно-Славянскихъ, воздѣланную въ нихъ-же самихъ, туземцами; безъ различія, кто-бы ни были эти туземцы: Славяне-ли, или Мадяры, или даже Румуны; безъ различія, когдабъ они ни жили и какъ-бы ни писали. Въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что при изученіи страны-ли, народа-ли, историческая литература ихъ есть вещь первой и главной необходимости. Но если эта литература состоитъ изъ книгъ уже напечатанныхъ, слѣдовательно доступныхъ общему свѣдѣнію, то, я слышу самый натуральный вопросъ: зачѣмъ было ѣздить такъ далеко, чтобы говорить объ ней? Затѣмъ, мм. гг., что историческая туземная литература странъ Южно-Славянскихъ, хотя и печатанная, есть для насъ Русскихъ совершенная новость, что обращеніе на нее должнаго вниманія, при общемъ направленіи нашей исторической критики, равняется почти открытію. Припомните, что̀ я имѣлъ уже честь сказать вамъ на-счетъ страннаго предубѣжденія, господствующаго у насъ вообще противъ міра Южно-Славянскаго. Это предубѣжденіе равно, или въ большей еще степени относится къ его туземной исторической литературѣ. Печать отверженія лежитъ на ней съ-тѣхъ-поръ какъ Шлецеръ, отецъ, или, какъ нѣкоторые начинаютъ уже проговариваться, «лихой вотчимъ» нашей исторической критики, Шлецеръ, пользовавшійся между-тѣмъ у насъ авторитетомъ первостепеннымъ, торжественно объявилъ всѣ старые «Славянскіе и Венгерскіе времянники, со всѣми ихъ продолженіями до XVI столѣтія» — безумными и безстыдными выдумками, глупѣйшею нелѣпицею, горячечнымъ бредомъ, а составителей ихъ, въ челѣ которыхъ стоятъ по-счастью оба Безъименные, канцлеръ короля Белы (Anonymus Belæ Regis Notarius) и пресвитеръ Діоклейскій (Presbyter Diocleas Anonymus), провозгласилъ — несчастными сказочниками, презрительными балясниками, или еще короче и проще — глупыми вралями! Я и не защищаю безусловно добрыхъ старичковъ, которые точно были мастера и охотники побаснословить. Но, Боже мой! гдѣжь и у когожь отъищемъ мы одну чистую, безпримѣсную истину — la verité, rien que la verité, какъ обязываются подъ присягою показывать передъ судомъ свидѣтели у нынѣшнихъ Французовъ? Всякъ человѣкъ ложь, а наипаче раскащикъ и лѣтописецъ — начиная съ сладкорѣчиваго Геродота и великолѣпнаго Тита-Ливія, до современныхъ слагателей оффиціяльныхъ реляцій и торжественныхъ отчетовъ! Если не-смотря на такую-же страшную анаѳему, произнесенную Шлецеромъ и на саги Скандинавскаго сѣвера, мы однако обращаемся теперь къ

нимъ, и обращаемся съ очевидною пользою: то почему-жь не попробовать обратиться и къ сказаніямъ юга, къ баснословію и Безъименнаго Канцлера и Безъименнаго Пресвитера, которое также состоитъ изъ сагъ, только написанныхъ прозою? Это баснословіе, въ-особенности Пресвитера Діоклейскаго, очевидно возникло изъ народныхъ преданій, въ которыхъ всегда находится болѣе или менѣе истины, которыя во всякомъ случаѣ составляютъ неизбѣжное предисловіе ко всякой исторіи. Прохожу длинный рядъ анналистовъ и другихъ разныхъ дѣписателей Южно-Славянскаго міра, которыхъ можно назвать, относительно описываемыхъ ими странъ, бытописцами «средняго времени» и средней руки: замѣчая только, что и ихъ писаніями, въ которыхъ баснословіе древнихъ сказаній безобразится лукавымъ мудрствованіемъ книжнымъ, можно пользоваться по-крайней-мѣрѣ столько-же, сколько мы пользуемся нашею «Степенною-Книгою», или «Синопсисами», «Ядрàми», «Зерцалами» и другими подобными произведеніями историческаго трудолюбія нашихъ стариковъ. Но тѣмъ-съ-большею настойчивостью останавливаюсь на позднѣйшихъ трудахъ въ полномъ смыслѣ ученой исторической критики, которой развитіе въ Венгріи, включительно съ Трансильваніей и Далмаціей, началось еще съ прошлаго столѣтія. Уже самъ грозный Шлецеръ произносилъ съ уваженіемъ имена Корнидеса, Бардоси, Катоны, Прая, Эдера, Люція: имена, о которыхъ теперь у насъ никто и не заикается, которыя рѣдко кто и слыхивалъ. Въ-послѣдствіи списокъ ихъ увеличился множествомъ другихъ именъ, изъ которыхъ довольно упомянуть одно, столь-же мало извѣстное у насъ, имя Катанчича, великаго труженика, предъ котораго огромною ученостью и изумительною дѣятельностью благоговѣетъ даже сама надменная Германія. Эти безвѣстные намъ дѣлатели работали, вовсе не имѣя въ виду насъ; но, по неизбѣжной соприкосновенности, и для насъ разлили столько свѣта, добыли и приготовили столько новыхъ и важныхъ матеріяловъ, что, продолжая ихъ путь, мы можемъ обогатить неожиданными, смѣю сказать, открытіями, какъ исторію отечественную вообще, такъ въ-особенности исторію Южной-Россіи, съ-тѣмъ-вмѣстѣ и здѣшняго края. Я представлю тому разительное доказательство. Всѣ мы помнимъ, какъ покойный Венелинъ, отчасти самъ принадлежащій здѣшнему краю по началу своего усыновленія Россіи у насъ въ Кишиневѣ, однихъ увлекъ, другихъ соблазнилъ, всѣхъ-же вообще изумилъ чрезвычайною, неслыханною новостью и оригинальностью своихъ взглядовъ вообще на міръ Южно-Русскій, взглядовъ грозившихъ рѣшительнымъ переворотомъ всей древней исторіи нашего отечества. Не унижая заслугъ покойнаго, которому къ-сожалѣнію преждевременная смерть не дала еще вполнѣ развернуться и высказаться, я считаю обя-

занностью, сообразно съ истиной, сказать, что эти взгляды всѣ образовались на точкѣ зрѣнія, приготовленной Венгро-Славянскою историческою критикою, съ которою Венелинъ, какъ природный Венгро-Руссъ, былъ знакомъ издѣтства; что всѣ, выставленныя имъ, положенія на-счетъ фантасмагоріи народовъ, мелькающихъ при концѣ древней классической исторіи и въ началѣ среднихъ вѣковъ на Балканскомъ полуостровѣ, даже самыя дерзкія изъ нихъ, какъ-напримѣръ Славянство Гунновъ, были уже давно высказаны; что ему-собственно принадлежитъ только примѣненіе этихъ положеній къ исторіи нашей Русской, и еще развитіе ихъ съ особенною силою діалектики, часто страстной, отъ избытка Славянской души и горячаго Русскаго энтузіазма. Современные Западно-Европейскіе историки, касаясь Южно-Славянскаго міра, также не пренебрегаютъ источниковъ, изъ которыхъ черпалъ Венелинъ; и относительно Славянъ вообще, нѣкоторые изъ нихъ, какъ-напримѣръ извѣстный Коляръ, даже на-счетъ тожества ихъ съ Гуннами, болѣе или менѣе сходятся съ Венелинымъ. Но во всемъ, что можетъ имѣть отношеніе собственно къ Россіи, у нихъ господствуетъ, если не педантское упорство или, что еще чаще бываетъ, умышленная недобросовѣстность, то какая-то притворная слѣпота, осторожная, боязливая молчаливость. И въ-самомъ-дѣлѣ кому тамъ работать для насъ, тѣмъ-болѣе въ пользу насъ Русскихъ, одно имя, которыхъ распространяетъ паническій страхъ на всемъ Европейскомъ западѣ. Нынѣшній Мадяръ и не хочетъ и не съумѣетъ; Нѣмецъ конечно съумѣлъ-бы, но ужъ никакъ не захочетъ; Славянинъ и хотѣлъ-бы, и съумѣлъ-бы, да — не смѣетъ! Отъ послѣднихъ я самъ лично слышалъ, что они это поприще предоставляютъ — должны предоставить намъ Русскимъ — въ-особенности Одесскому Обществу, избравшему югъ театромъ своихъ дѣйствій. Да сбудется-же надежда возлагаемая любовью къ истинѣ на наше Общество! Съ моей стороны, я буду содѣйствовать тому всѣми находящимися въ моихъ рукахъ средствами, всѣми свѣдѣніями, которыя уже собралъ, и результатами, которые посчастливится мнѣ изъ нихъ вывесть.

В. Остаются теперь Памятники Говорящіе. Но здѣсь пришлось-бы разказывать такъ-много, что я рѣшаюсь лучше не сказать ничего, или сказать нѣсколько словъ, чтобы видно было, о чемъ идетъ дѣло.

Для чуткаго, внимательнаго слуха, говоритъ во-первыхъ и безгласная природа: говоритъ — географическою номенклатурою урочищъ, столь важною для исторіи и археологіи. На обозрѣнномъ нами пространствѣ, я вслушивался прилежно въ этотъ поучительный говоръ; и, признаюсь, научился изъ него очень многому, въ томъ числѣ многому такому, что, смѣю сказать, для насъ именно — больше чѣмъ просто любопытно! Вообще должно замѣтить, что географическая номенклатура нигдѣ столько

не имѣетъ нужды въ живомъ самоличномъ изученіи на-мѣстѣ, какъ на пространствѣ, о которомъ идетъ теперь слово. Въ книгахъ, которыя преимущественно доходятъ до насъ черезъ Нѣмцевъ — я не говорю уже объ Италіянцахъ и Французахъ — названія здѣшнихъ мѣстностей рѣдко встрѣчаются въ ихъ истинномъ видѣ: наибольшею-частью онѣ исковерканы и изуродованы до невообразимой чудовищности, что̀ отчасти извиняется недостаточностью Латинскаго алфавита, употребляемаго Западно-Европейцами, для выраженія туземныхъ звуковъ. Сверхъ-того, надо прибавить, что и подлинная, живая номенклатура мѣстностей нигдѣ такъ не разнообразна, какъ въ этомъ пестроязычномъ краѣ Европы, гдѣ какъ-будто продолжается донынѣ безконечное строеніе Столпа-Вавилонскаго. Только, по-сю-сторону Карпата, въ Молдавіи и Валахіи, Румуны, почти исключительно теперь преобладающіе, упрочили туземнымъ урочищамъ по одному общеупотребительному названію. Но переступите за Карпатъ, въ Трансильванію и Венгрію! Тамъ рѣдко найдете вы урочище съ однимъ именемъ: особенно города и селенія, всѣ почти имѣютъ по-крайней-мѣрѣ по два разноязычныя наименованія, часто очень по три, иногда даже по четыре и по пяти. Такъ-напримѣръ древняя столица королевства Венгерскаго, гдѣ преемники св. Стефана вѣнчались на царство и по смерти обрѣтали успокоеніе, называется: по-Латини — «Alba Regalis», по-Славянски — «Стольный-Бѣлградъ», по-Мадярски — «Szekes Fejérvár», по-Нѣмецки — «Stuhlweißenburg». Въ Трансильваніи, нынѣшняя столица гражданскаго управленія области, называется: по-Нѣмецки — «Klauſenburg», по-Латини «Claudiopolis», по-Румунски «Клушъ», по-Славянски — «Ключъ», по-Мадярски — «Kolosvár»; цѣлыхъ пять именъ, къ которымъ должно прикинуть еще шестое, археологическое, выкопанное учеными — «Colonia Sexta Trajana». Дальше къ югу, особенно по-ту-сторону Дуная и Савы, разноголосіе въ этомъ отношеніи слабѣетъ, но не исчезаетъ вовсе. Только одна Альпійская сторона Военной-Кроаціи уберегла почти исключительно одну туземную чисто-Славянскую номенклатуру при своихъ урочищахъ. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ Княжествѣ, кромѣ посягательствъ со стороны Венгріи — Сербскій-Бѣлградъ напримѣръ Венгерцы до-сихъ-поръ называютъ по-Латини — «Alba Græca», по-Мадярски — «Nandor Fejérvár» — есть примѣсь номенклатуры Османской, которая не всегда происходитъ отъ искаженія настоящихъ туземныхъ названій, въ которой иногда очевидно задержаніе древнѣйшихъ именъ, содержащихъ въ себѣ любопытные историческіе намеки, какъ-напримѣръ въ Турецкомъ имени мѣстечка Кладовы — «Фетисламъ», которое обыкновеннѣе произносится — «Фетиславъ», какъ будто-бы — «Светославль» или «Светослава», въ-дружку къ недалекой «Переяславѣ». На Адріа-

тическомъ-Побережьѣ, во всю длину отъ Венеціи до Каттаро, господствуетъ постоянно двойственная номенклатура, туземная Славянская и прививная Италіянская; напримѣръ: «Рѣка» и «Fiume», «Кралевица» и «Porto-Re», «Приморскій Біоградъ» и «Zara-Vecchia», «Цавтатъ» и «Ragusa-Vecchia» — древній Эпидавръ, знаменитое святилище Эскулапа. — Не здѣсь и не теперь пускаться въ это море звуковъ, море великое и пространное! Я только замѣчу одну важную для насъ вещь, что географическая номенклатура, не только сопредѣльныхъ съ нами Молдавіи и Валахіи, но даже Трансильваніи и Венгріи, почти-вплоть до Дуная во всю длину теченія его по Панноніи, подъ толстымъ слоемъ Румунскаго и Мадярскаго наноса, скрываетъ основный кряжъ — мало-того Славянскій — собственно и именно Русскій! Развить это — смѣю сказать — неожиданное, для насъ особенно драгоцѣнное открытіе, я предоставляю времени и времени, находя, что въ такомъ щекотливомъ пунктѣ, больше-чѣмъ гдѣ-либо, должна имѣть приложеніе мудрая рѣчь стариковъ: «festina lente»!

Вразумительнѣе и краснорѣчивѣе говорятъ историкамъ и археологамъ живые люди: люди, не каждый порознь, но своими народными массами. Они говорятъ не только посредствомъ слова въ собственномъ смыслѣ, разумѣя здѣсь сколько народныя преданія, въ которыхъ всегда болѣе или менѣе вѣрно сохраняются отголоски и дѣйствительности, столько или еще бо́льше самые языки и нарѣчія, въ составѣ и образованіи которыхъ отпечатлѣвается вѣрнѣйшая и выразительнѣйшая исторія народовъ. Они говорятъ и безмолвно, но весьма поучительно — своими народными обычаями и нравами, характеристическими особенностями всего своего образа жизни, типомъ своей физіономіи, коротко сказать — всѣми отличительными признаками своей національности. Здѣсь снова открывается океанъ неизмѣримый, по которому наша путническая ладья только-что проскользнула. Но и то было не безъ добычи: добычи свидѣтельствующей неисчислимое богатство ловитвы, которая ожидаетъ только дружнаго, постояннаго усилія, чтобы снабдить драгоцѣннѣйшими пріобрѣтеніями нашу отечественную исторію вообще, и исторію Южной-Россіи въ-особенности. Я считаю излишнимъ настаивать здѣсь на то извѣстное, впрочемъ у насъ совершенно пренебрегаемое, обстоятельство, что въ Карпатахъ и за Карпатами живутъ наши кровные, родные братья, Русскіе такіе-же какъ и мы, которые сами-себя называютъ «Русинами», которыхъ Нѣмцы зовутъ — «Ruthenen» и «Rußniaken», Мадяры величаютъ—«Orosz»; что они живутъ въ тринадцати комитатахъ, населяя 702 мѣстечка, въ одной Венгріи; что ихъ порядочное количество разсѣяно и по Трансильваніи, даже до границъ Валахіи, не-смотря на постоянное, систематическое истребленіе здѣсь всего Славянскаго,

тѣмъ–болѣе Русскаго. Народность этихъ Русскихъ, высылающихъ не-рѣдко къ намъ достойныхъ представителей имени Русскаго, изъ которыхъ иные, какъ Венелинъ, ознаменовали себя на поприщѣ наукъ, другіе, какъ Балугьянскій, доблестно подвизаются на полѣ государственной службы; изъ которыхъ одинъ, именно «Орлай» былъ почетнѣйшимъ гражданиномъ здѣшняго юнаго города; народность, говорю, этихъ Русскихъ, въ ея мѣстныхъ оттѣнкахъ, тѣмъ–болѣе для насъ интересна, что эти Русскіе рано, очень рано, по–крайней–мѣрѣ неоспоримо до начала нашей книжной исторіи, отрѣзались оплотомъ Карпата отъ своихъ прочихъ братьевъ, и здѣсь, въ–продолженіе вѣковъ, оставались недоступными тѣмъ вліяніямъ, подъ которыми жило и развивалось большинство великаго племени Русскаго, нынѣ покрывающее весь востокъ Европы. Для нашего Общества она имѣетъ сверхъ–того частный высокій интересъ по тому уваженію, что тотъ, до-сихъ-поръ не разгаданный вполнѣ, народъ «Ῥῶς», который, если не изъ здѣшняго края, то неоспоримо черезъ здѣшній край, съ IX вѣка началъ вписывать кровавыми чертами свое имя въ лѣтописи Византіи, конечно ближе къ Венгерскимъ «Orosz», чѣмъ къ Чухонскимъ «Ruotzi». Впрочемъ, и кромѣ непосредственнаго наблюденія народности Венгро–Русской, сколько новыхъ, любопытныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ больше или меньше относится къ изученію великаго міра Русскаго, представляютъ всѣ прочіе туземцы, населяющіе обойденное нами пространство! Отчего напримѣръ полу–Латинская и полу–Славянская народность Румуновъ имѣетъ разительныя черты сходства больше съ народностью именно Русскою, чѣмъ другихъ Славянскихъ племенъ, которыя въ послѣднее время были и географически соприкосновенны къ нимъ ближе, и исторически соединены съ ними тѣснѣе, какъ–напримѣръ племя Сербское? Отчего, во глубинѣ степей Венгріи, Мадярка досихъ-поръ отличается костюмомъ, изумительно напоминающимъ обыкновенный нарядъ нашихъ сѣверныхъ поселянокъ, подъ Москвою и за Москвою? При разныхъ племенахъ семейства собственно Славянскаго, подобные вопросы раждаются на каждомъ шагу предъ внимательнымъ путникомъ. Какимъ–образомъ случилось, что нарѣчіе такъ–называемыхъ Провинціяльныхъ–Кроатовъ, оттолкнутыхъ теперь отъ насъ почти на самый противуположный конецъ Славянскаго міра, подъ Норическія-Альпы, несмотря–на–то представляетъ больше идіотизмовъ, сходныхъ съ языкомъ Русскимъ, и притомъ въ его сѣверныхъ, Велико–Россійскихъ формахъ, чѣмъ языки и нарѣчія другихъ ближайшихъ къ намъ племенъ Славянскихъ? Какъ сдѣлалось, что между всѣми Славянами, наиотдаленнѣйшій отъ насъ географически Краинецъ, завалившійся въ самую глубину Норическихъ и Ретійскихъ Альпъ, строитъ свою избу со-

вершенно по-Русски и даже называетъ ее, точно-также какъ сѣверный Русскій мужичокъ — «избою» (isba)? Отчего слова и выраженія сѣверно-Русскія, напримѣръ «ткать красна» — выраженіе, котораго нѣтъ возможности объяснить удовлетворительно изъ нынѣшняго языка Русскаго — не находясь у ближайшихъ къ намъ Славянъ, слышится въ сосѣдствѣ Адріатики, именно на Кроатской Военной-Границѣ? Чѣмъ истолковать поразительное сходство между нашими народными «причитаньями» по мертвымъ, господствующими преимущественно на сѣверѣ, между равно-народными «нарицаніями» Далматинокъ, въ наиюжнѣйшихъ предѣлахъ Адріатическаго-Приморья: сходство, въ которомъ мы имѣли случай лично убѣдиться въ окрестностяхъ Спалатро, въ такъ-называемыхъ Кастеллахъ, селеніяхъ католическихъ и подгородныхъ, слѣдовательно уже полу-Италіянскихъ, имѣвшихъ даже въ недавнія времена своими помѣщиками Французскихъ маршаловъ, Мармонта и Сульта? Отчего сказки, которыми у насъ, въ подмосковныхъ деревняхъ, мать утѣшаетъ дѣтей, при дымномъ мерцаніи лучины, за куделью грубой шерсти, этѣ сказки имѣютъ тоже самое содержаніе, что и пѣсни, раздающіяся, подъ визгъ «гусли», въ грозныхъ собраніяхъ Черногорцевъ, вычищающихъ свои ружья или оттачивающихъ кинжалы на головы бусурманскія?... Но такихъ вопросовъ — бездна неисчерпаемая! Я не усталъ-бы ихъ вычислять. Но надо имѣть вниманіе къ благосклонному терпѣнію вашему, мм. гг.; тѣмъ-болѣе къ нашимъ достопочтеннымъ слушателямъ.

Не могу однакожь не упомянуть предъ вами и о тѣхъ живыхъ источникахъ драгоцѣнныхъ для меня, какъ вообще, такъ и по отношенію къ цѣлямъ Общества, свѣдѣній и указаній, которыя я нашелъ въ бесѣдѣ съ туземными учеными, антикваріями, филологами и историками. Здѣсь, кромѣ уже бывшаго сочлена нашего, знаменитаго Шафарика, я наименую въ-особенности гг. Копитара и Вука-Стефановича въ Вѣнѣ, Гая въ Загребѣ или Аграмѣ, Коллара въ Пестѣ, Ганку въ Прагѣ. Съ Вукомъ и Гаемъ намъ даже довелось совершить вмѣстѣ большую-часть нашего путешествія: съ первымъ намѣренно, съ послѣднимъ случайно. Мнѣ пріятно повторить еще разъ предъ вами, мм. гг., что эти мужи, стяжавшіе себѣ Европейскую знаменитость трудами, которые весьма близко соприкасаются къ кругу нашихъ занятій, что они всѣ одушевлены живѣйшимъ сочувствіемъ къ нашему Обществу, желаютъ ему успѣховъ и изъявили радушную готовность содѣйствовать его усиліямъ, сколько то отъ нихъ зависитъ. Вы уже украсили ихъ именами списокъ нашихъ сочленовъ: и это я позволяю себѣ считать однимъ изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній, какія только могло сдѣлать Общество.

Теперь — кажется, все!..

Но нѣтъ! Я забылъ еще исполнить одинъ

важный долгъ, столько-же касающійся до васъ, мм. гг., какъ и вообще до всѣхъ нашихъ достопочтенныхъ слушателей. Во время нашего путешествія, особливо по берегамъ Далмаціи и Боки-Которской, мнѣ не-разъ случалось сходиться съ людьми, которые бывали на здѣшнихъ берегахъ Чернаго-Моря, преимущественно въ Одессѣ. Сколько лестныхъ, даже признательныхъ отзывовъ, слышалъ я отъ нихъ, какъ вообще на-счетъ всего края, такъ въ-особенности на-счетъ Одессы! Признаюсь, въ такихъ случаяхъ я позволялъ себѣ маленькое притворство: я не объявлялъ моимъ собесѣдникамъ, что я гость только, а не жилецъ здѣшняго края, что я Руссъ сѣверный, Руссъ Старый, а не Руссъ Южный и Новый; и такимъ-образомъ принималъ на свое лице разсыпаемыя привѣтствія и комплименты. Теперь — возвращаю ихъ, кому слѣдуетъ — по принадлежности! Почтенные сочлены, конечно, не осудятъ меня, что я въ такія минуты слагалъ съ себя черствую мину археолога, и весело, отъ избытка сердца, пускался въ статистическія, даже въ поэтическія, разумѣется только безъ рифмъ, описанія безпрерывно возрастающаго благоденствія и величія Одессы, всего здѣшняго края, всего нашего любезнаго отечества. Мною преобладало тогда одно чувство, которымъ заключу и теперь, слишкомъ длинное и утомительное, слово. Да продолжается всегда настоящее процвѣтаніе и возрастаніе Земли-Русской, да будутъ ея благоденствіе и величіе неистощимыми рудниками для картинъ исторіи, для вдохновенія поэзіи, и да не достанутся онѣ никогда въ добычу гробокопательницъ — археологіи! —

Н. НАДЕЖДИНЪ.

Д. Ч. О.

ПОѢЗДКА НА ОСТРОВЪ ЛЕВКИ, ИЛИ ФИДОНИСИ, ВЪ 1841 ГОДУ.

При самомъ основаніи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, я имѣлъ честь обратить вниманіе главнаго начальства Новороссійкаго-Края на небольшой островокъ Фидониси, незначительный въ географическомъ, но важный въ археологическомъ отношеніи. Утверждаясь съ одной стороны на показаніяхъ древнихъ перипловъ [1], а съ другой на словахъ Діона-Хрисостома, я полагалъ найдти въ этой небольшой скалѣ, весьма извѣстный Эвксино-Понтскимъ Еллинамъ, островъ Левки, гдѣ Иліонскій герой Ахиллесъ имѣлъ храмъ, ему посвященный. Я былъ столь счастливъ, что предположеніе мое не только удостоилось благосклоннаго принятія просвѣщеннымъ начальствомъ края, но и оправдалось важными находками, несомнѣнно подтвердившими мое мнѣніе. По распоряженію Бессарабскаго военнаго губернатора П. И. Ѳедорова, чиновникъ 6 класса, нынѣ корреспондентъ Общества, П. В. Соловьевъ, отправясь на Фидониси въ-началѣ Сентября 1839 года, нашелъ на немъ слѣды древнихъ зданій, вырылъ изъ земли нѣсколько мраморныхъ плитъ и одну известковую съ частью надписи, (о которой будетъ говорено въ-послѣдствіи), и собралъ нѣсколько карнизовъ, монетъ и другихъ мелкихъ вещицъ. Затѣмъ, осенью слѣдующаго 1840 года, Измаильскій купецъ Сидери, который отправился туда-же, не-смотря на опасность отъ возникшей бури, свезъ съ острова еще нѣсколько мраморныхъ плитъ и разныхъ небольшихъ вещицъ.

Всѣ этѣ находки поступили въ Общество. Сильно тѣмъ заинтересованное, оно не могло упустить изъ виду этого классическаго мѣста и оставить его безъ подробнѣйшаго археологическаго изслѣдованія, почему руководствуясь § 42 своего устава, въ собраніи 5 Ноября 1840 года опредѣлило: для дальнѣйшихъ разъисканій и описанія острова послать одного изъ своихъ членовъ. Почетный выборъ этотъ палъ на меня, и лѣтомъ прошлаго 1841 года, при просвѣщенномъ содѣйствіи г. Бессарабскаго военнаго губернатора, почтеннаго и дѣятельнаго сочлена нашего П. И. Ѳедорова, подробное изслѣдованіе древностей острова Фидониси было наконецъ совершено. Цѣня довѣріе Общества, я старался, сколько обстоятельства и время дозволяли, окончить порученіе какъ только могъ удовлетворительнѣе: въ какой мѣрѣ удалось мнѣ это, представитъ нижеслѣдующій отчетъ.

[1] Geographiæ veteris scriptores Græci minores. Cum interpretatione latina, dissertationibus, ac annotationibus. Oxoniæ, 1698. Arriani periplus ponti Evxini. I, 21. Anonimi periplus I, 11. Editio I^a. Hudsonii. — Scymni Chii fragmenta.

29 Мая 1841 года, я и нѣсколько сопутниковъ[2] отправились въ катерѣ изъ города Рени (нѣкогда Турецкаго Томарово) внизъ по Дунаю. Оставя за собою крѣпость Исакчу, нѣкогда довольно значительную, а теперь срытую, и далѣе, прославленную 1828 годомъ, Сатуновскую переправу съ церковью св. Ѳерапонта, прибыли мы къ упраздненной крѣпостцѣ Тульчѣ, противъ которой ночевали. На другой день (30 Мая) достигли мы до того мѣста, гдѣ Дунай развѣтвляется (у кордона пограничной стражи № 86) на два протока: Килійскій и Георгіевскій. Въ-продолженіе всего пути мы наслаждались прелестными видами «Бабадага» и отраслей горъ Балканскихъ. Проплывъ по Георгіевскому рукаву до кордона № 124, вошли мы въ третій Дунайскій протокъ, Сулинскій, преимущественно судоходный. Тутъ начались низменные и поросшіе камышемъ, утомительные своимъ однообразіемъ берега: корабли, шедшіе изъ Чернаго-Моря въ города Измаилъ и Галацъ, одни развлекали наше вниманіе. Съ обѣихъ сторонъ Сулинскаго протока безпрестанно встрѣчаются «ерики» (узкіе токи воды); ихъ имена: Козакъ, Попадья, Верхній, Средній и Нижній-Горулы, Шонда, Абретень и Радикулъ, — послѣдній изъ замѣчательныхъ. Тутъ-же видѣли мы многочисленныя стада пеликановъ (pelicanus onocrotalus), которые, обхвативъ устье какого-либо изъ ериковъ и ударяя по водѣ крыльями, ловили испуганную рыбу въ огромные мѣшки, находящіеся у нихъ подъ горломъ. Вѣтеръ былъ слабъ, но быстрота теченія Дуная способствовала намъ, и мы вечеромъ 31 Мая доплыли до Сулинскаго «гирла» (устья), гдѣ и вышли на практическій берегъ у карантина.

Сулинскій частный карантинъ на правомъ берегу Дунайскаго протока, носящаго это-же имя, состоитъ изъ трехъ деревянныхъ весьма хорошихъ строеній для помѣщенія карантина, чиновниковъ и пограничной стражи. Насупротивъ, на лѣвомъ берегу, находится собственно называемый Сулинъ. Это не что иное, какъ маленькое матрозско-рыбачье селеньице съ церковью. Оно всегда находится въ карантинномъ (сомнительномъ) положеніи, потому-что сюда пристаютъ корабли, проходящіе въ Дунай, а равно тѣ, которые выходя изъ него выжидаютъ здѣсь попутнаго вѣтра или останавливаются для перегрузки товаровъ, потому-что при небольшой глубинѣ «гирла» (отъ 12 до 18 футъ) не всѣ суда, съ полнымъ грузомъ, могутъ проходить удобно, а при сильномъ вѣтрѣ, и безопасно. Значительная часть ила, отмываемая Дунаемъ отъ береговъ и плавней, и морской песокъ, под-

[2] Профессоръ естественныхъ наукъ Ришельевскаго Лицея А. Д. Нордманъ, рисовщикъ К. Бассоли и, въ-слѣдствіе распоряженія его превосходительства П. И. Ѳедорова, сопровождавшіе насъ: чиновникъ 6 класса П. В. Соловьевъ, корреспондентъ Общества, капитанъ В. С. Тихоновъ, равно-какъ и другіе.

нимаемый со-дна прибоемъ волнъ, здѣсь особенно сильныхъ, образуютъ эту отмѣль. Нѣсколько хозяевъ перегрузныхъ лодокъ, построивъ себѣ жилища[3] на песчаной и часто водою понимаемой косѣ (саженъ на 200), живутъ здѣсь съ своими семействами, изъ чего и образовалось Сулинское селеніе, гдѣ проходящія суда могутъ получать все для нихъ необходимое.

Пока приготовляли для насъ мореходную лодку, я поспѣшилъ осмотрѣть часть низменнаго берега острова Лети. Скорбенъ былъ видъ его: частые и особенно сильные у этого мѣста прибои, при жестокихъ сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ, бываютъ причиною нерѣдкихъ тутъ кораблекрушеній. Особенно богаты были ими осень 1840 и весна 1841 годовъ. Остатки кораблей: мачты, носы, кормы, реи были разбросаны почти на десяти-верстномъ разстояніи. Лети есть одинъ изъ наибольшихъ острововъ по-ту и по-сю-сторону Сулинскаго протока. Только прибрежная часть его возвышена и наполнена песчаными холмами: (въ здѣшнемъ краю зовутъ ихъ «кучугурами»), поросшими кустарникомъ и лѣсомъ; верхняя-же часть вся понимается водою, коль-скоро дуютъ продолжительные низовые вѣтры. Главныхъ Дунайскихъ «гирлъ», которыхъ теперь три, во-время Діонисія-Періигита[4], то есть въ I вѣкѣ по Р. Х., извѣстно было пять, отчего нижняя часть Дуная и называлась «пяти-устною» πεντάπορον; въ-послѣдствіи географы насчитывали ихъ уже шесть, которымъ давали имена 1) Бореостома, 2) Псевдостома, 3) Калонстома (Сулинское?), 4) Паракостома, 5) Стеностома и 6) Певке[5], также называвшагося «священнымъ» Не отъ-того-ли протоку этому приписывалось названіе «священнаго», что отселѣ лежалъ водяной путь къ бывшему тогда въ особенномъ уваженіи храму Ахиллеса?

2 Іюня, въ-полдень, всѣ мы перешли на мореходную лодку «Цецилія», состоявшую подъ управленіемъ шкипера Панагіоти Патрикіо, и часа въ 4 по-полудни снялись съ якоря. Слабый береговой вѣтеръ едва надувалъ паруса и медленно подвигалъ насъ къ цѣли нашего любопытства. Не прежде, какъ оставивъ уже за собою, до заката солнечнаго, около 15 морскихъ миль, когда изъ глазъ нашихъ скрылись уже вершины мачтъ стоявшихъ въ Сулинѣ кораблей, увидѣли мы сфероидную поверхность острова Левки или Фидониси. Зная однакожь, что приставать къ нему ночью небезопасно, шкиперъ пролавировалъ въ открытомъ морѣ

[3] Въ это время въ Сулинѣ и на всемъ Георгіевскомъ островѣ находилось: 1 церковь, казенныхъ домовъ 8, госпиталь, домовъ Сулинскихъ жителей 80, магазиновъ 8, лавокъ 2, кофеень 5, и 1 мельница. Жителей 657 мужеска и 124 женска пола душъ: въ томъ числѣ Сулинскихъ 151 муж., 41 жен.; у нихъ скота рогатаго 591, лошадей 68 и овецъ 148 штукъ.

[4] Dionysii orbis terræ descriptio, edit. H. Ursini. Ratisbonæ, 1705. vers. 301.

[5] Martini Cluverii geographia.

до самаго утра и уже около 10 часовъ сталъ на якорѣ, прямо на югъ, за полверсты отъ острова. Морское дно, отлого идущее отъ острова и въ 25 саженяхъ отъ берега имѣющее не болѣе семи или осьми футовъ глубины, не позволяло «Цецилiи» стать ближе. Намъ оставалось прибѣгнуть къ помощи катера, и мы, пересѣвъ въ него всѣ, сколько насъ было, поплыли къ юго-западной оконечности острова, гдѣ по известковымъ отлогимъ камнямъ вступили въ область Ахиллеса.

Ἐν δ' Εὐξένῳ πελάγει
Φαεννὰν Ἀχιλεὺς
Νᾶσον (ἔχει)[6].

Выбравъ на сѣверо-восточной оконечности мѣсто для временнаго жилища и устроивъ палатку, мы отдохнули немного, и потомъ каждый приступилъ къ своимъ занятіямъ. Профессоръ Нордманъ принялся за наблюденія по части естественныхъ наукъ, артистъ Бассоли снятіемъ видовъ съ разныхъ сторонъ острова, а я — археологическими поисками.

Левки «Λευκή» или Фидониси состоитъ изъ известковой скалы[7], лежащей подъ 45°, 15′, 30″ сѣверной широты и 30°, 14′, 41″ восточной долготы[8]. Скала эта къ югозападу значительно возвышенна, а къ сѣверо-востоку замѣтно полога. Берега острова, по измѣренiи, оказались имѣющими отъ 12 до 17 саженъ въ отвѣсѣ. Наибольшая высота замѣчена у западныхъ и южныхъ береговъ, наименьшая-же на сѣверо-восточной, углубленной въ море оконечности. Эта оконечность, образуя какъ-бы особый отъ прочаго материка полуостровъ, по низменности береговъ къ сѣверу и югу, представляетъ, кромѣ упомянутаго выше, еще два удобные всхода. Поверхность острова покрыта всюду тучнымъ черноземомъ, на которомъ, во-время нашего тамъ пребыванiя, почти-вездѣ росла самосѣйная рожь. Изъ всей флоры острова г. Нордманъ насчиталъ только 13 породъ однолѣтнихъ растенiй. Изъ птицъ нашли мы бѣлыхъ чаекъ (larus cachinans), которыхъ крикъ очень схожъ съ сильнымъ смѣхомъ дитяти. Вообще чайки суть преимущественные владѣтели острова: давность права ихъ владѣнiя болѣе, чѣмъ тысячелѣтняя. По свидѣтельству Дiонисiя-Перiигита и Арріана, чайки по своей бѣлизнѣ дали даже наименованiе острову λευκή, «бѣлаго», а по множеству ихъ — «многоптичнаго» (πολυόρνιθος). Онѣ не дозволяютъ селиться на поверхности острова никакимъ другимъ птицамъ: только одни черные бакланы (phalacrocorax graculus) безопасно гнѣздятся въ береговыхъ скалахъ. Перелетныя-же птицы, прилетающiя иногда для отдыха, рѣшительно истребляются сильными и смѣлыми чайками; этого мало: онѣ преслѣдовали было даже насъ. Неопе-

[6] Πινδάρου Νέμεα IV, στρ. 3.

[7] Скалу острова Фидониси я считаю за отростъ горъ Бешъ-тепѣ, или иначе Баба-дага.

[8] Планъ острова Фидониси, капитанъ-лейтенанта Критскаго, 1823.

рившіеся птенцы ихъ укрываются подъ выдавшимися камнями; а старыя чайки, каждая отъ своего гнѣзда протоптавъ средь дикой ржи и другой травы тропинки, водятъ своихъ дѣтищъ къ морскому берегу, съ котораго спустясь, плаваютъ по-морю и добываютъ себѣ и птенцамъ своимъ рыбу. Опрятная наружность этихъ птицъ породила въ древности мнѣніе, что за неимѣніемъ на островѣ людей, онѣ содержали въ чистотѣ бывшій тутъ Ахилловъ храмъ[9].

Послѣ птицъ, многочисленнѣйшій классъ обитателей острова суть черныя змѣи (coluber hydrus), которыя всюду покрываютъ землю, и во-множествѣ скрываются въ скалахъ. Но этѣ змѣи болѣе отвратительны, чѣмъ вредны. Одна изъ нихъ всю первую ночь провела среди насъ. Напротивъ-того несравненно вреднѣе сороконожки (scolopendra cingulata), которыя во-множествѣ скрываются въ землѣ. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ былъ укушенъ въ первую ночь пребыванія здѣсь, въ ту-самую минуту, какъ приготовлялся ко-сну.

Изъ черепокожныхъ замѣтили мы черныхъ раковъ четырехъ видовъ[10], въ большомъ изобиліи водящихся. На-взглядъ, по своему паукообразному виду, они довольно отвратительны, за-то сваренные очень вкусны.

Изъ водъ морскихъ весьма часто выказываетъ собако-образную морду свою тюлень (phoca monachus)[11].

Чтобъ Левки былъ когда-нибудь обитаемъ постоянно, нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Все, что доказываетъ пребываніе здѣсь людей, состоитъ въ остаткахъ Ахиллова храма и нѣсколькихъ вырытыхъ колодцахъ. — И самое пространство Левки, если взять его даже въ томъ видѣ, въ какомъ оно было за два тысячелѣтія, не могло вмѣщать въ себѣ постоянныхъ жителей. Земля въ 60 стадій, (что составитъ до 7 или 8 нынѣшнихъ верстъ), а особливо, при настоящемъ ея качествѣ и при открытомъ для всѣхъ вѣтровъ положеніи острова, не могла доставить пропитанія ни даже одному небольшому семейству. Хотя-же мы и нашли, какъ я сказалъ, по всему острову рожь, однако, по увѣренію привезшихъ насъ матросовъ, она посѣяна недавно. Въ самое время пребыванія нашего на островѣ стоялъ уже въ виду корабликъ, выжидавшій только нашего отплытія, чтобы снять созрѣвшее зерно. Да и свидѣтельства древнихъ подтверждаютъ необитаемость острова. Арріанъ говоритъ: «на семъ островѣ люди не живутъ, а пасется только нѣсколько козъ, посвященныхъ Ахиллесу тѣми, которые пристаютъ къ

[9] Арріана, периплъ понта Евксинскаго; перев. А. Фабра, съ моими примѣчаніями. Одесса, 1836. стр. 40.

[10] 1 Cancer mænas, 2 thalitrus montagii, 3 eriphia spinifrons, и 4 grapsus variegatus.

[11] Всѣми указаніями по естественной исторіи, обязанъ я А. Д. Нордману.

острову»[12]. Скилаксъ Каріандскій, писатель VI вѣка по Р. Х., называетъ островъ «пустыннымъ» Νῆσος ἐρήμη[13].

Обозрѣвъ Левки поверхностно, я немедленно приступилъ къ осмотру слѣдовъ Ахиллесова храма. Посѣтившій этотъ островъ въ 1823 году, Черноморскаго-флота капитанъ-лейтенантъ Критскій, былъ несравненно насъ счастливѣе. На возвышеннѣйшей точкѣ его онъ видѣлъ еще фундаментъ изъ крупнаго известковаго тесанаго камня, складеннаго безъ извести. Высота фундамента, по его словамъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ восходила отъ земли на полтора аршина, а въ прочихъ равна была съ поверхностью земли. Эти тысячелѣтніе остатки г. Критскій тогда-же тщательно измѣрилъ и означилъ на картѣ положеніе и направленіе развалинъ по компасу[14]. Напротивъ-того намъ, посѣтившимъ островъ спустя шестьнадцать лѣтъ, не досталось найти ровно-ничего. Стояли одни груды камня, сложеннаго въ кубическія сажени. И этотъ камень былъ остатки храма Ахиллова....

Подрядчикъ Б...., взявшій на себя постройку здѣсь маяка, чтобъ не затруднять себя и рабочихъ сноскою камня отъ обвалившихся береговъ острова, счелъ выгоднѣйшимъ вырыть и разобрать древній фундаментъ. Большіе четыреугольные камни и плиты, выкопанныя изъ земли, сложены, а карнизы разбиты на куски. Этотъ вандализмъ совершенъ съ такимъ усердіемъ, что отъ Ахиллова храма не осталось, какъ говорится, камня-на-камнѣ. Само-собою разумѣется, что такая потеря для науки совершилась безъ вѣдома просвѣщеннаго Черноморскаго начальства, которому ученый свѣтъ обязанъ сохраненіемъ столь многихъ замѣчательныхъ памятниковъ древности. Отъ всего фундамента, стѣнъ и карнизовъ уцѣлѣло лишь нѣсколько отдѣльныхъ кусковъ, и эти обезображенные остатки убѣдительно свидѣтельствуютъ объ изяществѣ бывшаго храма. Сколько я могъ замѣтить, то онъ былъ построенъ изъ плотнаго бѣлаго известковаго камня, очень похожаго на мраморъ и, кажется, добытаго на мѣстѣ. Многіе куски этого камня выказываются на поверхности острова. Карнизы дверные и притолокъ были отдѣланы тщательно. Крыша состояла изъ черепицы, частью плоской четыреугольной, съ одного края загнутой, частью полукруглой. Изъ упоминаемыхъ Арріаномъ посвященныхъ Ахиллу надписей, которыхъ въ его время много было на языкахъ Эллинскомъ и Римскомъ, осталась одна Эллинская, временемъ до такой степени изглаженная, что при всѣхъ усиліяхъ я могъ разобрать только нѣсколько буквъ, но не фразъ, по коимъ-бы можно

---

[12] Arpiana, стр. 39.

[13] См. Geographi Græci minores, Hudsonii, pag. 20.

[14] Планъ острова, со слѣдами Ахиллесова храма, изданъ въ 1827 году извѣстнымъ археологомъ Кёлеромъ, при его Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin.

догадаться объ ея содержаніи. А какъ отсюда часто берутъ камни на пристающіе здѣсь по-временамъ корабли вмѣсто баласта, то весьма легко могло статься, что лучшія и ясньйшія изъ надписей были въ числѣ ихъ: оттор женныя отъ мѣста, гдѣ могли бы передать потомству имъ завѣщанное, онѣ потеряны такимъ-образомъ на-всегда для науки. Послѣдній обломокъ надписи съ остатками Эллинской посвятительной надписи Ольвіополитянъ Ахиллесу, свезенъ съ острова въ 1840 году и доставленъ въ музеумъ нашего Общества, корреспондентомъ онаго П. В. Соловьевымъ. За храмомъ, на-лѣво, по направленію отъ юга къ сѣверу, идя отъ колодца, что въ маленькой лощинѣ, (имѣющаго, какъ и другой, что ближе къ храму, дурную воду по-причинѣ падающихъ туда во-множествѣ животныхъ, насѣкомыхъ и пресмыкающихся), замѣтилъ я линію камней, сложенныхъ въ два ряда, которая кончается вблизи двухъ скалъ, похожихъ на друидическіе жертвенники. Тутъ-же вблизи найдена яма съ соромъ и остатками черепокожныхъ, к. т. улитокъ, устрицъ и множествомъ рыбьихъ костей. Вѣроятно это остатки жертвоприношеній, совершенныхъ здѣсь нѣкогда Ахиллесу. Далѣе, идя по тому-же самому направленію, у обрывистаго и утесистаго берега, замѣченъ мною еще родъ колодца, но сухаго. Онъ изсѣченъ, или, можетъ-быть, образованъ самою природою, и служилъ, какъ полагать должно, хранилищемъ для дождевой воды. На всемъ этомъ протяженіи, при рытьѣ земли въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ битой кровельной (четвероугольной) черепицы (точно такой, какая попадается въ развалинахъ Пантикапеи, Ольвіи и др.) и черепковъ отъ вазъ и разныхъ сосудовъ, судя по кусочкамъ изящной работы, — также кромѣ множества шеекъ, поддоновъ и ручекъ отъ амфоръ, замѣчательнаго ничего не отыскано.

Перенеся поиски на сѣверо-восточную оконечность полуострова — туда, гдѣ стояла наша палатка, мы имѣли не лучшій успѣхъ. Наконецъ, подвинувшись къ южному склону, къ тропинкѣ ведущей къ морю, мы были счастливѣе: поиски наши не остались безъ вознагражденія.

Тутъ, на пространствѣ какихъ-нибудь десяти квадратныхъ саженъ и въ глубинѣ много-что на полъ-аршина, въ теченіе двухъ съ половиною дней, найдены по просѣяніи земли сквозь рѣшета:

А Монеты, всего числомъ до 120. Изъ нихъ по разсмотрѣніи оказались:

I. Эллинскія, городовъ, острововъ и царей:

a) Кумъ 1 мѣдная, b) Херсонеса-Таврическаго 2 м. c) Пантикапеи 5 м. d) Ольвіополя 10 м. e) Каллатіи 2 м. f) Истроса 2 м. g) Маркіанополя 2 м. h) Томъ 2 м. i) Византіи 2 м. k) Котиса II, царя Ѳракіи 1 м. l) Римиталка I, царя Ѳракіи 1 м. m) Филиппа III, царя Македоніи 1 м. n) Савромата III, IV и V, Воспорскихъ царей 10 м.

o) Амастриса 5 м. p) Tioса 2 м. q) Митилена 2 м. r) Самоса 2 м. s) Родоса 1 м. t) Птоломеевъ, царей Египта 3 м. Сверхъ-того неясныхъ или и вовсе-невидныхъ разныхъ Эллинскихъ, въ томъ числѣ и Левкона, царя Воспорскаго 5 м.

II. Римскія.

a) Консульскихъ 1 серебряная и 1 мѣдная, b) Императоровъ: Тиверія-Клавдія 1 м. c) Веспасіана 2 сереб., Домиціана 2 сереб. d) Траяна 2 сер. e) Адріана 1 сер. f) Антонина 2 сер. g) Фавстины 2 м. h) Марціаны 1 мѣд.

III. Крымскихъ хановъ.

a) Гази-гирея 1 сереб. [15].

B. Геммы.

Эллины носили ихъ въ кольцахъ на пальцахъ, и при религіозныхъ случаяхъ, жертвовали оными богамъ и героямъ, какъ объ этомъ упоминаетъ Арріанъ. Отысканныя суть слѣдующія:

a) Юпитеръ-Сераписъ, обращенный лицемъ въ-право. Величиною 4 англійскихъ линіи, вырѣзанъ очень искусно на сердоликѣ.

b) Паллада, обращенная въ-лѣво. Величиною 7 линій, на красной яшмѣ.

c) Паллада, съ патерою въ правой рукѣ, съ копьемъ въ лѣвой, обращена въ-право; у ногъ ея лежитъ щитъ. Велич. 5 л. на сердоликѣ.

d) Герой или императоръ Римскій, въ лорикѣ, и сверхъ нея въ тогѣ, въ правой рукѣ держитъ копье, а въ лѣвой шлемъ; у ногъ лежитъ щитъ. Величин. 3 лин. на пироксенѣ.

e) Меркурій, сидящій въ-лѣво предъ оливковымъ деревомъ, позади котораго стоитъ ваза. Велич. 5 л. на сердоликѣ. Продолговатъ.

f) Меркурій, обращенный въ-право; правою рукою держитъ кадуцей, а лѣвою кошелекъ. Велич. около 4 л. на сердоликѣ.

g) Левъ, идущій въ-право; предъ мордою его нѣчто похожее на шляпу (pileus). Величиною около 6 линій. Продолговатъ, на желтой яшмѣ.

h) Женская голова, хрисамниксомъ перетянутая, обращенная въ-лѣво. Величиною 4 л. на стеклѣ аметистоваго цвѣта. Довольно стерта.

C. Разныя вещицы.

1. Металлическія.

a) Круглыхъ мѣдныхъ простыхъ колечекъ 2. b) Свинцовое колечко 1. Мѣдныхъ наконечниковъ отъ стрѣлъ (такихъ, какіе попадаются на мѣстахъ, гдѣ были Пантикапея, Ольвія и другіе Эллинскіе города) 4. c) Крючковъ изъ красной мѣди, для ловли

---

[15] Наибольшая часть упоминаемыхъ здѣсь монетъ уже описана Міоннэ, Сестини, Шодуаромъ, Бларамбергомъ и др. Остальная, впрочемъ малая часть найденныхъ монетъ на семъ островѣ, описана мною выше. См. стр. 316-319. А Крымскія г. Григорьевымъ, на стр. 309-310.

рыбы, 2 [16]. d) Корабельныхъ гвоздей изъ красной мѣди 4. e) Пряжекъ (fibula) мѣдныхъ, скрѣплявшихъ складки тоги, 2. И наконецъ, нѣсколько гвоздей желѣзныхъ, отъ времени совершенно-почти разрушенныхъ и свинцовый якорекъ.

2. Стеклянныя.

Нѣсколько штукъ разноцвѣтныхъ шариковъ со скважинами, вѣроятно, употреблявшихся для ношенія на шеѣ женщинами, и нѣкоторое количество обломковъ отъ разноцвѣтныхъ сосудовъ.

3. Глиняныя.

Нѣсколько коралекъ разной величины и вида, принадлежавшихъ также къ женскимъ шейнымъ уборамъ. Черепки крашенныхъ, а также искусно тисненныхъ узорчатыхъ вазъ и другихъ сосудовъ. Между ними черепокъ съ начерченными слѣдующими словами:

KOOC
ICMH
ΠACAN

4. Костяныя.

Тессера слоновой кости, круглая, величиною въ 9 линій; съ одной стороны выточенная выпукло, а съ другой гладкая, гдѣ вырѣзаны въ-глубь числами — Римскими XI, а въ-низу Эллинскими — IA.

[16] Изображеніе этихъ крючковъ встрѣчается на монетахъ г. Византіи. См. Description de medailles antiques Grecques et Romaines, par Mionnet. I, 379. N° 107.

Нѣтъ сомнѣнія, что, при дальнѣйшемъ пребываніи на островѣ, поиски дали-бы еще значительнѣйшую добычу; но срочное время, которымъ мы были связаны, не позволило намъ медлить.

Во время этихъ археологическихъ поисковъ г. Нордманъ занимался надъ рыбами, насѣкомыми и проч., а искусный артистъ К. Бассоли срисовалъ множество видовъ живописныхъ скалъ острова. Послѣтого вмѣстѣ-со-мною онъ повѣрялъ имѣвшуюся у меня карту острова Фидониси, прекрасно и вѣрно составленную г. Критскимъ [17] еще въ 1824 году. По этой повѣркѣ съ картою оказалось:

1) Островъ во многихъ частяхъ береговъ получилъ значительное измѣненіе, особенно у сѣверо-западной оконечности. Тутъ, вмѣсто бывшихъ въ 1824 году трехъ торчавшихъ изъ воды скалъ, отъ жестокихъ волненій моря, образовался обвалъ, измѣнившій видъ этого мыса.

2) Въ юго-западной оконечности, недалеко отъ того мѣста, куда мы пристали въ первый разъ, замѣтилъ я значительное отверстіе, сдѣлавшееся вѣроятно отъ треснувшей каменной массы.

3. Ряды камней, расположенныхъ отъ юга къ сѣверу, одинъ вблизи западнаго бе-

[17] Эта карта въ уменьшенномъ масштабѣ и помѣщена въ-послѣдствіи въ Plans de golfes, baies, ports et rades de la mer Noire et de la mer d'Azov leves, recueillis, ou corrigés par E. Taitbout de Marigni. Odessa, 1830. obl. tabl. XXVI.

рега острова, а другой къ фундаменту бывшаго храма, означенные на планѣ г. Критскаго, существуютъ и теперь. Любопытно то, что въ другомъ ряду замѣчается родъ какихъ-то правильныхъ дѣленій. Эти ряды складены были вѣроятно для того, чтобъ рыхлая и тучная земля не осыпалась отъ подошвы храма. Дѣленія-же служили, кажется, вмѣсто загоновъ для животныхъ, которыхъ мореплаватели привозили нѣкогда сюда и оставляли для жертвоприношеній Ахиллу, какъ это подтверждается слѣдующими словами очевидца Арріана: «Изъ пристающихъ кораблей тѣ, которые нарочно къ острову плывутъ, привозятъ съ собою животныхъ, изъ коихъ принеся на жертву нѣкоторыхъ, остальныхъ посвящаютъ Ахиллу. Тѣ-же, которыхъ буря занесла къ этому острову, просятъ у божества подачи жертвеннаго животнаго, и по жертвѣ гадаютъ: оставить-ли ихъ живыми, или нѣтъ. За животное даютъ они такую цѣну, какая имъ покажется приличною, и ежели оракулъ не соглашается (въ храмѣ есть оракулъ), то прибавляютъ къ цѣнѣ, продолжая наддачу до-тѣхъ-поръ, пока послѣдуетъ согласіе оракула. Тогда животное само-собою приходитъ и остается во храмѣ»[18].

4) Подобный рядъ камней замѣченъ и на сѣверо-западной оконечности острова, не-далеко отъ того мѣста, гдѣ поиски наши увѣнчались богатою находкою. И здѣсь камни положены съ цѣлью, чтобъ земля по береговому склону не спалзывала въ море; чтожъ касается до причины, по которой монеты и прочія вещи отыскиваются не по всѣмъ частямъ острова, а преимущественно въ одномъ только мѣстѣ, то вотъ мое мнѣніе: изъ трехъ всходовъ на островъ: a) съ юго-запада, b) съ сѣверо-востока и c) съ юго-востока, послѣдній самый удобнѣйшій. Здѣсь ни вѣтеръ сѣверный, ни подводныя скалы, какъ на юго-западѣ, не поставляли древнимъ мореплавателямъ преградъ къ выходу на берегъ. Притомъ-же отлогое морское дно, покрытое ракушками, весьма много къ тому способствовало. И мореплаватели городовъ: Ольвіи, Херсона, Пантикапеи, Истра, Кумъ, Александріи-Египетской и острововъ Фазелиса, Самоса, Дилоса и другихъ[19], выходя на этомъ мѣстѣ, или по жертвоприношеніи сходя тутъ съ острова, по благочестивому обыкновенію, каждый по-состоянію жертвовалъ владѣтелю его, герою Ахиллу, какою-либо вещицею, сверхъ тѣхъ даровъ, которые сдѣлалъ въ храмѣ.

По окончаніи повѣрки плана, приведя себѣ на память все, что прежде удалось мнѣ прочесть объ островѣ Левки въ древнихъ классикахъ, и сличая ихъ расказы съ мѣстностью, я сдѣлалъ слѣдующія замѣчанія:

A. Слова Арріана: «Этотъ островъ воз-

[18] Периплъ, стр. 40.

[19] Такъ заключать должно по монетамъ, найденнымъ на этомъ островѣ въ разное время.

двигнутъ Θетидою (*изъ нѣдръ морскихъ*), для житья ея сына»— имѣютъ полное основаніе. Всякой и при небольшомъ познаніи въ геогнозіи, съ перваго взгляда удостовѣрится въ нептуническомъ происхожденіи скалы. Находясь вблизи устій многоводной и быстрой рѣки Дуная и среди волнъ Понта, часто «негостепріимнаго» бѣдному, во младенчествѣ находившемуся древнему мореходству, островокъ этотъ не чѣмъ инымъ могъ казаться, какъ даромъ Посидона и Θетиды, которые заботились о приличномъ пристанищѣ для Ахилла. Этотъ герой во владѣніи своемъ давалъ уже благотишное пристанище обуреваемымъ. По сему послѣднему обстоятельству Ахиллесъ и получилъ единогласно прозваніе ΠΟΝΤΑΡΧΟΥ — понтоначальника, покровителя Черноморскаго.

B. Третіе изъ названій, какія приписывалъ острову Арріанъ и именно «бѣлаго», могъ онъ получить или отъ бѣлой морской пѣны, которая во время сильныхъ бурь покрываетъ его, или отъ бѣлизны стѣнъ бывшаго Ахиллова храма и другихъ при немъ зданій, которыя безъ-сомнѣнія замѣтны были въ морѣ издали, или и отъ чаекъ покрывавшихъ поверхность его почти половину года, о чемъ Діонисій-Періигитъ пишетъ слѣдующимъ образомъ:

Λευκὴν μιν ἐπωνυμίην καλέουσιν,
Οὕνεκά οἱ τὰ πάρεςι κινώπετα, λευκὰ τέτυκται[20].

Чтожь касается до ново-Греческаго названія Фидониси, происшедшаго отъ испорченнаго слова ὄφις и νῆσος и тождественнаго Турецкаго Иланъ-ада — «змѣиный», то эти наименованія относятся къ позднѣйшимъ временамъ, когда храмъ былъ въ запустѣніи и змѣи, не только никѣмъ не истребляемыя, но даже рѣдко тревожимыя, размножились до-невѣроятности, и такимъ-образомъ могли дать острову свое наименованіе. Съ разрушеніемъ храма, по Р. Х., во время усиленія христіанства на Черноморскомъ-Побережьѣ, предано забвенію и языческое названіе острова Левки.

C. Тотъ-же Арріанъ довольно опредѣлительно обозначилъ положеніе острова, сказавъ, что между устьями Истра (*Дуная*), именуемыми *Псилонъ*, «плывущему сѣвернымъ вѣтромъ, лежитъ въ прямомъ направленіи островъ, который иные называютъ Ахиллесовымъ островомъ, а другіе Ахиллесовымъ ристалищемъ, иные-же по цвѣту именуютъ его бѣлымъ островомъ»[21].

Вглядѣвшись внимательно въ главныя устья Дуная, которыхъ три: Килійское, Сулинское и Георгіевское, должно согласиться, что эти устья имѣютъ большое сходство съ Греческою буквою Ψ, и потому Эллины весьма справедливо могли прозвать ихъ «Псилономъ».

D. О богатствѣ Ахиллова храма, которое видѣлъ Арріанъ, говоритъ онъ слѣду-

[20] Dionysii, vers. 543, 544.

[21] Периплъ, стр. 39.

ющими словами: «Въ храмѣ много различныхъ приношеній, какъ-то: чаши, перстни, драгоцѣнные камни; все это благодарственные дары Ахиллесу[22]. Есть надписи на Латинскомъ и Эллинскомъ языкахъ, стихи, написанные разными размѣрами, содержатъ хвалы Ахиллесу, а нѣкоторые и Патроклу: ибо кто желаетъ угодить Ахиллесу, вмѣстѣ-съ-нимъ почитаетъ и Патрокла». Этотъ храмъ, котораго мы застали одни жалкіе обломки, былъ сооруженъ усердіемъ жителей богатаго города Ольвіи. Изъ софиста Діона-Хрисостома извѣстно, до какой степени Ольвіополитяне ублажали память Иліонскаго героя. Мало-того, что здѣсь на островѣ выстроили они красивый храмъ, но имѣли еще другой подобный, внутри самой Ольвіи[25]. Въ храмѣ этомъ для совершенія жертвъ герою, который воодушевлялъ неустрашимостью поселенцевъ сѣверныхъ береговъ Чернаго-Моря, противъ сосѣдей ихъ Скиѳовъ, — учреждены были даже особые жрецы[24], имена трехъ изъ нихъ сохранились по надписямъ и до нашего времени.

Е. Равнымъ-образомъ и преданія объ островѣ и его грозномъ владѣтелѣ, созданныя столь пугливымъ воображеніемъ Эллиновъ, оказались тоже довольно вѣроподобными. Такъ-напримѣръ шумъ отъ сильныхъ порывовъ моря, смѣшиваясь съ воемъ и свистомъ вѣтра, особенно во-время бури, Эллинамъ, мнившимъ въ страхѣ, что самые острова между-собою сталкиваются[25], легко могъ показаться благотворнымъ крикомъ незримаго героя, который, по особому расположенію къ мореплавателямъ, указываетъ имъ мѣсто, гдѣ укрыться подъ защиту высокихъ подвѣтренныхъ береговъ[26]. Тотъ-же самый вой вѣтра, продирающагося сквозь обрушенныя скалы, и хлестъ волнъ то ярыхъ, то въ стремленіи замирающихъ, тѣми-же суевѣрами безъ-затрудненія могъ быть сочтенъ за ропотъ владѣльца, который не любилъ имѣть свидѣтелей своихъ буйныхъ ночныхъ забавъ, или игры и ристаній съ собесѣдниками: Еленою, Патрокломъ, обоими Аяксами, Оилевымъ сыномъ и Телемономъ, Протезилаемъ, Діомидомъ и друг.[27].

F. Обязанность мореплавателей, при закатѣ солнечномъ, непремѣнно оставлять островъ и ночевать не-иначе-какъ на судахъ[28], также объясняется весьма естественно. Безчисленное множество насѣко-

---

[22] Периплъ, стр. 40.

[23] Oratio Borysthenitica XXXVI, pag. 439. «Τοῦτον μὲν γὰρ ὑπερφυῶς τιμῶσι, καὶ νεων, τὸν μὲν ἐν τῇ νήσῳ τῇ Ἀχιλλέως καλουμένῃ ἱδρυνται, τὸν δὲ ἐν τῇ πόλει.

[24] См. выше, стр. 279.

[25] Πινδάρου Πύθια IV, Ἀρκεσιλάῳ Κυρηναίῳ ἅρματι. Στρ. V.

[26] Периплъ, стр. 41.

[27] Pausaniæ. Græciæ descriptio, græce et latine, edit. C. G. Siebellii. Lipsiæ. 1825. Lib. III, cap. XIX, pag. 101-102.

[28] Ammiani Marcellini, rerum gestarum qui supersunt libri XVIII. Biponti, 1786. Lib. XXII, cap. VIII, pag. 302.

мыхъ и пресмыкающихся, дѣлали ночлегъ на островѣ не совсѣмъ удобнымъ, сколько по опасности отъ укушеній, столькоже и по непріятности находиться между ними. Посему къ предосторожности о сохраненіи здоровья, древними не безъ-цѣли примѣшано было и религіозное запрещеніе. Этою-же обязанностью «непремѣнно почевать на судахъ» предотвращались и кораблекрушенія, которыя по-причинѣ внезапныхъ бурь, безъ-сомнѣнія были здѣсь не рѣдки.

G. Изъ пещеръ и гротовъ, о коихъ говорятъ древніе, остался теперь только одинъ, на юго-западной части острова, въ-уровень съ моремъ. Это гротъ вышиною въ ростъ человѣка, овальный и при входѣ поддерживаемый столбомъ, изсѣченнымъ, или, быть-можетъ, образованнымъ волнами морскими. Онъ, кажется, служилъ мѣстомъ для купанья; другіе, если въ-древности и существовали, то безъ-сомнѣнія обвалились и засыпались. Равнымъ-образомъ не отыскано и слабыхъ признаковъ, чтобы когда-либо былъ здѣсь лѣсъ [29]. Развѣ не существовалъ-ли онъ тогда, когда островъ заключалъ въ-окружности бо̀льшее пространство (шестьдесятъ стадій), а не такое какъ теперь, и именно всего вокругъ версты три? Полторы-тысячи лѣтъ, и волны безпрерывно ярящагося моря должны-же были измѣнить его видъ и величину. Наконецъ

[29] Pausanii, lib. XIX, § 11.

H. О явленіи Ахилла мореплавателямъ вблизи острова, во время сильныхъ бурь [30], въ видѣ одной или нѣсколькихъ электрическихъ искръ, которыя у Эллиновъ извѣстны подъ именемъ огоньковъ Кастора и Поллукса, ничего утвердительнаго сказать не могу, потому-что, къ-счастью нашему, во все пребываніе въ морѣ, пользовались мы тихою, хорошею погодою.

---

5 Іюня, около полудня, уложивъ вещи свои на кораблик̀ъ, при свѣжемъ юго-западномъ вѣтрѣ, снялись мы съ якоря и отправились въ путь. Къ-вечеру вѣтеръ посвѣжѣлъ, и мы всю ночь пролавировали. На другой день, приблизясь на половинное разстояніе къ Сулину, близъ котораго видѣли уже корабельныя мачты, нѣсколько разъ сносимы были противнымъ вѣтромъ къ Георгіевскому-Гирлу, и только 7 числа предъ закатомъ солнца, когда сдѣлался совершенный штиль, «Цецилія» кое-какъ могла втянуться въ быстрое Сулинское-Гирло. На берегъ сошли мы ровно въ 12 часовъ ночи. 10 числа мы направили путь въ Одессу по нижней оконечности острова Лети, къ Ви́лкову. Отъ Сулинскаго карантина до кордона пограничной стражи № 160, который находится напротивъ Ви́лкова, считается болѣе 35 верстъ. На песчаномъ прибережьи, верстъ на 10 отъ Сулина,

[30] Периплъ, стр. 41.

встрѣчали мы рыбачьи шалаши, далѣе видѣли кустарныя растенія и довольно хорошій дубовый лѣсъ, перемѣшанный съ другими родами деревъ. Земля здѣсь вообще хорошая, покрытая обильно-произрастающею высокою травою, а климатъ благорастворенный. За-то съ Мая мѣсяца до первыхъ осеннихъ холодовъ тутъ рѣшительно невозможно жить ни людямъ, ни даже животнымъ. Близкія, камышемъ поросшія плавни, широко растилаясь по всѣмъ Дунайскимъ протокамъ, зараждаютъ несчетныя миріады комаровъ, которые отъ заката до восхода солнца мучительнѣйшимъ образомъ безпокоятъ людей; а несчастныхъ животныхъ, отбившихся отъ жилищъ человѣческихъ въ лѣсъ, въ одну ночь заѣдаютъ до смерти. На-утро 11 числа, переправясь чрезъ Килійскій протокъ, мы посѣтили многолюдный посадъ Вилковъ. Жители его, побольшей-части старообрядцы, пришли сюда изъ-за-Дуная, съ Турецкой стороны, въ давнія времена. Они занимаются ловлею рыбы, которой здѣсь большое изобиліе. Отсюда, чрезъ Килійскія и Аккерманскія степи — Овидіевы «solitudines Getarum» — сухимъ путемъ достигли мы Одессы.

Н. МУРЗАКЕВИЧЪ.

ч. о. о.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

СМѢСЬ.

I.

ЛѢТОПИСЬ ОБЩЕСТВА.

Учрежденіе, составъ и дѣйствія Общества. Считаемъ долгомъ представить здѣсь краткій обзоръ исторіи Общества со времени учрежденія его въ 1839 году, въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ, по 14 Ноября прошедшаго 1843 года. Мы говоримъ «краткій» обзоръ, потому-что не станемъ повторять здѣсь мелочныхъ подробностей, печатаемыхъ въ ежегодныхъ отчетахъ Общества, а ограничимся только главными результатами*.

А. *Учрежденіе Общества.* Потребность дружнаго соединенія умовъ и рукъ для разработки исторіи, географіи и статистики Новороссійскаго-Края давно уже была чувствуема. Подобно тому, какъ плодоносная почва, и не будучи воздѣлываема, производитъ сама-собою растенія, ей свойственныя, хотя конечно не сплошь и не въ изобиліи, но изрѣдка и мѣстами, такъ и почва Новороссійскаго-Края, у которой въ историческомъ и археологическомъ отношеніи конечно никто не можетъ оспорить названія классической, время-отъ-времени зарождала въ нѣкоторыхъ сильное желаніе и стремленіе къ ея разработанію, и производила своихъ, такъ-сказать доморощеныхъ историковъ и археологовъ. Тамъ и здѣсь являлись Дю-Брюксы, Броневскіе, Бларамберги, Стемпковскіе, которые съ благороднымъ рвеніемъ силились приподнять завѣсу сѣдой древности, или по-крайней-мѣрѣ сохранить для насъ и потомковъ нашихъ въ описаніяхъ и рисункахъ, останки вѣковъ минувшихъ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разрушающіеся. Благодареніе мужамъ, посвящавшимъ труды свои на пользу общую, но они и сами видѣли, что частныя усилія ихъ были слабы, ненадежны, безуспѣшны. Въ-особенности Стемпковскій, а впослѣдствіи и достопочтенный сочленъ нашъ А. И. Левшинъ, бывшій Одесскимъ градоначальникомъ и не упускавшій изъ виду ничего, что могло клониться къ пользѣ и чести Новороссійскаго-Края, чувствовали необходимость въ *соединенной* дѣятельности,

* О «пособіяхъ» Общества, состоящихъ въ библіотекѣ и кабинетахъ, здѣсь равнымъ образомъ не будетъ присовокуплено никакихъ свѣдѣній, такъ-какъ съ одной стороны собранія эти безпрестанно увеличиваются, и въ книгѣ, имѣющей не одинъ временный интересъ, описаніе ихъ не давало бы точнаго понятія о настоящемъ ихъ положеніи, а съ другой всѣ подробности о нихъ печатаются въ ежегодныхъ отчетахъ Общества.

и въ учрежденіи для того «ученаго Общества». Они чувствовали это, часто говорили о томъ, дѣлали планы и предположенія, но какое-нибудь непредвидѣнное препятствіе всякій разъ останавливало дальнѣйшее ихъ развитіе.

Наконецъ 1839 году предоставлено было осуществить столь давно таившуюся мысль. И всю честь этого подвига едва-ли не должно приписать, если не единственно, то главнѣйше, незабвенному, столь рано похищенному у насъ смертью, многоуважаемому сочлену нашему покойному М. М. Кирьякову. Уже слабый и болѣзненный, но горѣвшій еще живѣйшимъ пламенемъ любви къ отечеству и къ своей родинѣ и помышлявшій только о пользѣ ихъ, онъ предложилъ мысль учрежденія «Одесскаго Общества Исторіи и Древностей» въ дружескомъ кругу, у него собравшемся. Мысль эта принята была съ восхищеніемъ. Тотчасъ начертанъ былъ проэктъ устава, сообщенный въ-послѣдствіи нѣкоторымъ другимъ лицамъ, которые, одинаково-движимые усердіемъ къ пользѣ общей, немедленно къ нему приступили, и такимъ-образомъ составилось первоначальное Общество изъ пяти членовъ-основателей.

Уставъ Общества съ изложеніемъ его цѣли и порядка занятій — мы не считаемъ нужнымъ входить здѣсь въ подробности его содержанія, такъ-какъ въ главныхъ чертахъ своихъ онъ сохранился и донынѣ — въ то-же время, чрезъ одного изъ членовъ-основателей, попечителя Одесскаго Учебнаго Округа представленъ былъ на утвержденіе г. министра Народнаго Просвѣщенія, которое и послѣдовало въ 25 день Марта 1839 года. Почтеннаго М. М. Кирьякова застало оно уже на одрѣ смерти: ему не суждено было дожить до полнаго осуществленія любимой, задушевной его мысли.

Получивъ извѣщеніе о послѣдовавшемъ утвержденіи Устава, Одесское Общество Исторіи и Древностей въ публичномъ собраніи 23 ч. Апрѣля 1839 года, удостоившемся многочисленнаго стеченія почетныхъ посѣтителей, праздновало свое открытіе, при которомъ сопричислило къ составу своему многихъ особъ, извѣстныхъ занятіями и трудами по части исторіи и древностей. Въ этомъ-же собраніи происходили выборы въ должностные члены Общества, причемъ почетнымъ президентомъ единогласно признанъ его сіятельство г. Новороссійскій и Бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ М. С. Воронцовъ. Избраны баллотированіемъ: президентомъ — Д. М. *Княжевичъ*, вице-президентомъ — А. С. *Стурдза*, секретаремъ — Н. Н. *Мурзакевичъ*, библіотекаремъ — А. Ѳ. *Никовулъ*, и казначеемъ — А. А. *Скальковскій*.

Нѣсколько времени послѣ открытія Общества протекло въ необходимыхъ приготовленіяхъ, а съ 24 ч. Октября 1839 года началась полная его дѣятельность, не прекращавшаяся и донынѣ.

Между-тѣмъ графъ М. С. Воронцовъ едва

успѣлъ вступить въ званіе почетнаго президента Общества, какъ началъ благодѣтельствовать ему всѣми во власти его состоящими средствами. Однимъ изъ первыхъ подвиговъ его было предстательство предъ престоломъ Государя Императора; въ-слѣдствіе чего Его Императорское Величество Всемилостивѣйше соизволилъ даровать Обществу Августѣйшаго покровителя въ лицѣ Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, а для содѣйствія цѣлямъ Общества, Высочайше повелѣлъ производить изъ государственнаго казначейства ежегодно по 5,000 руб. ассигнаціями. Сверхъ-того дано Обществу дозволеніе на произведеніе археологическихъ разъисканій во всей Южной-Россіи, на казенныхъ земляхъ съ разрѣшенія мѣстнаго начальства, а на частныхъ съ согласія владѣльцевъ.

Получивъ свѣдѣніе о сей Монаршей милости, Общество въ обыкновенномъ засѣданіи 31 ч. Декабря 1839 года между-прочимъ постановило: во-первыхъ ознаменовать столь радостное событіе чрезвычайнымъ торжественнымъ собраніемъ, пригласивъ всѣхъ любителей просвѣщенія быть свидѣтелями и участниками признательныхъ чувствъ, одушевляющихъ Общество; во-вторыхъ, въ воспоминаніе, что въ 14 день Ноября излились на Общество неисчерпаемыя щедроты Августѣйшаго Монарха принять правиломъ, чтобъ этимъ днемъ заключать впредь годовое теченіе дѣлъ Общественныхъ, имъ оканчивать всѣ отчеты, и положенное § 53 Устава Общества годовое торжественное собраніе имѣть въ ближайшій къ тому день по удобности.

Назначенное по сему случаю чрезвычайное торжественное собраніе имѣло мѣсто 4-го Февраля 1840 года и всѣ читанныя на оном статьи напечатаны тогда-же особою брошюрою (Торжественное собраніе Одесскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей 4-го Февраля 1840 года. Одесса, въ городской типографіи, 1840, въ 4. IV и 73 стран.).

Б. *Составъ Общества.* Считаемъ неизлишнимъ помѣстить здѣсь полный списокъ всѣхъ членовъ съ самаго учрежденія Общества, съ показаніемъ времени ихъ избранія.

I. *Члены-Основатели.*

Въ Январѣ 1839.

1. А. С. Стурдза.
2. Д. М. Княжевичъ, президентъ Общ. со времени его учрежденія.
3. А. Я. Фабръ.
4. М. М. Кирьяковъ.
5. Н. Н. Мурзакевичъ, секретарь Общ. со времени его учрежденія.

II. *Члены Дѣйствительные.*

23 Апрѣля 1839.

6. Гавріилъ, Архіеп. Херсон. и Тавр.
7. Графъ А. А. Эдлингъ.
8. П. И. Ѳедоровъ.

9. Графъ А. П. Толстой.
10. Порфирій, Архимандритъ.
11. А. Ѳ. Негри.
12. А. Ѳ. Никовулъ.
13. Н. И. Надеждинъ.
14. А. А. Скальковскій.
15. С. В. Сафоновъ, нынѣ вице-президентъ Общества.
16. Д. В. Карейша.
17. А. Ф. Спада.
18. В. В. Григорьевъ.
19. Г. И. Соколовъ.
20. М. Г. Палеологъ.
21. Князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ.
22. А. И. Левшинъ.
23. М. Т. Каченовскій.
24. П. И. Кеппенъ.
25. М. П. Погодинъ.
26. И. М. Снегиревъ.
27. М. А. Максимовичъ.
28. Ѳ. Ѳ. Фрейтагъ.
29. С. Ю. Дестуницъ.
30. Баронъ С. И. де Шодуаръ.
31. Н. М. Кумани.
32. Х. Д. Френъ.
33. В. М. Княжевичъ.
34. Э. В. Тетбу де Мариньи.
35. Константинъ Экономосъ, Пресвитеръ въ Аѳинахъ.
36. П. І. Шафарикъ, въ Прагѣ.

24 Октября 1839.

37. Димитрій, Арх. Кишин. и Хотин.
38. Кириллъ, Арх. Подол. и Брацлав.
39. Гавріилъ, Арх. Рязан. и Зарайск.
40. Нерсесъ, Армяно-Григоріанскій Патріархъ.
41. Иннокентій, Еписк. Екатериносл.
42. Аѳанасій, Епископъ Винницкій.
43. К. М. Бороздинъ.
44. А. Ѳ. Вельтманъ.
45. Князь З. С. Херхеулидзевъ.
46. А. Б. Ашикъ.
47. А. И. Казначеевъ.

14 Марта 1840.

48. Иннокентій, Еписк. Харьковскій.

9 Мая 1840.

49. Іаковъ, Еписк. Саратовскій.
50. Г. И. Спасскій.
51. Д. П. Тиролъ, въ Бѣлградѣ.

31 Августа 1840.

52. А. С. Анненковъ.

5 Ноября 1840.

53. Ф. К. Брунъ, нынѣ казначей Общества.
54. П. В. Беккеръ, нынѣ консерваторъ Общества.

23 Декабря 1840.

55. Л. М. Серебряковъ.

31 Января 1841.

56. А. Д. Чертковъ.

2 Декабря 1841.

57. М. Когальничанъ, въ Яссахъ.

22 Января 1842.

58. В. Копитаръ, въ Вѣнѣ.
59. В. Ганка, въ Прагѣ.
60. В. С. Караджичъ, въ Вѣнѣ.
61. Л. Гай, въ Аграмѣ.
62. Я. Колларъ, въ Пештѣ.
63. М. Гика, въ Бухарестѣ.

64. К. А. Коцебу, въ Яссахъ.

20 Марта 1842.

65. Д. И. Языковъ.

66. В. А. Линовскій.

67. К. П. Зеленецкій.

68. Ф. С. Нійласси.

25 Февраля 1843.

69. Клотъ-Бей, докторъ въ Египтѣ.

70. М. Грабовскій.

5 Ноября 1843.

71. І. Г. Михневичъ.

12 Ноября 1843.

72. Я. О. Ярцовъ.

73. И. И. Срезневскій.

74. І. И. Крашевскій.

13 Ноября 1843.

75. Э. Кадальвенъ, въ Константинополѣ.

3. *Члены Почетные.*

23 Апрѣля 1839.

1. М. Г. Стурдза, владѣтельный господарь Молдавіи.

2. С. С. Уваровъ.

3. Графъ Е. Ф. Канкринъ.

31 Декабря 1839.

4. В. А. Жуковскій.

5. Филаретъ, Митрополитъ Кіевскій.

14 Марта 1840.

6. М. П. Лазаревъ.

31 Января 1841.

7. А. Д. Гика, бывшій господарь Валахіи.

8. Графъ С. Г. Строгановъ.

8 Января 1842.

9. Петръ Петровичъ-Негошъ, владыка Черногорскій.

25 Февраля 1843.

10. Л. А. Перовскій.

11. М. Н. Мусинъ-Пушкинъ.

4. *Сотрудники и Корреспонденты.*

23 Апрѣля 1839.

1. И. С. Андреевскій.

2. Ф. И. Ляликовъ.

3. А. И. Смоленскій.

4. Е. П. Шевелевъ.

5. А. В. Самойловъ.

6. А. И. Шмаковъ.

7. А. С. Анненковъ, нынѣ дѣйствительный членъ.

8. Озаннъ, профессоръ въ Гиссенѣ.

9. Гандъ, профессоръ въ Іенѣ.

10. Питтакисъ, профес. въ Аѳинахъ.

24 Октября 1839.

11. А. А. Борзенко.

12. Д. П. Тихомировъ.

13. И. С. Аѳанасьевъ.

14. Ѳ. И. Фатеевъ.

15. А. А. Непокойчицкій.

16. П. В. Соловьевъ.

17. И. А. Нелидовъ.

14 Мая 1840.

18. И. И. Спитцъ.

19. В. А. Линовскій, нынѣ дѣйствительный членъ.

31 Мая 1840.

20. И. В. Батьяновъ.

21. А. С. Фирковичъ.

22. Н. П. Протопоповъ.

23 Декабря 1840.

23. И. И. фонъ Бринкъ.

24. Г. Крузе.

25. Князь В. В. Кочубей.

2 Декабря 1841.

26. К. Е. Стамати.

22 Января 1842.

27. Г. Поппандопуло, профессоръ въ Бухарестѣ.

28. П. Стаматовичъ, священникъ въ Сегединѣ, въ Венгріи.

29. И. П. Яковенко, въ Бухарестѣ.

27 Апрѣля 1842.

30. М. И. Бларамбергъ.

26 Мая 1842.

31. А. Ципсеръ, въ Нейзолѣ, въ Венгріи.

2 Іюня 1842.

32. С. А. Гембачевъ.

25 Февраля 1843.

33. К. М. Лохвицкій.

34. І. Г. Шершеневичъ.

5 Ноября 1843.

35. Ѳ. Петрановичъ, въ Далмаціи.

12 Ноября 1843.

36. А. Ѳ. Бычковъ.

5. *Соревнователи.*

14 Марта 1840.

1. Князь В. Н. Репнинъ.

8 Январь 1842.

2. Сеитъ Джемиль-Эфенди, Таврическій Муфтій.

21 Октября 1842.

3. Н. И. Синицынъ.

22 Декабря 1842.

4. Спиридоній, Архимандритъ Гиржавскаго монаст., въ Бессарабіи.

5 Ноября 1843.

5. А. К. Ключаревъ.

6. М. А. Кологривовъ.

7. Н. П. Вертильякъ.

Но изъ числа сихъ членовъ Общество имѣло несчастіе потерять (по 14 ч. Ноября 1843 года, которымъ заключается настоящее обозрѣніе) пятерыхъ, похищенныхъ смертью: члена-основателя М. М. *Кирьякова*, дѣйствительныхъ членовъ: *Кирилла*, Архіепископа Подольскаго и Брацлавскаго, графа А. А. *Эдлинга*, М. Т. *Каченовскаго*, А. Ф. *Спаду*, и корреспондента *фонъ Бринка*.

Сверхъ-того, къ крайнему прискорбію Общества, ч. о. А. С. Стурдза, по разстроенному здоровью и другимъ причинамъ, нашелъ себя вынужденнымъ отказаться сначала отъ званія и должности вице-президента (25 Апрѣля 1842), а потомъ и отъ участія въ занятіяхъ Общества (31 Мая того-же года).

в. *Дѣйствія Общества.* Прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію ихъ, повторимъ еще разъ, что будемъ говорить только о важнѣйшихъ, не входя въ подробности, слишкомъ извѣстныя читателямъ изъ ежегодныхъ отчетовъ.

Дѣйствія Общества или относились *прямо къ достиженію цѣлей*, имъ для себя предназначенныхъ, или касались *особыхъ предметовъ*, непосредственной связи съ тѣмъ не имѣющихъ.

Къ числу дѣйствій «относившихся прямо къ достиженію цѣлей Общества» принадлежатъ: начертаніе плана для занятій

Общества; собранія для взаимныхъ совѣщаній и прочтенія получаемыхъ статей; разныя порученія членамъ и посторонним; изданіе соотвѣтственныхъ цѣлямъ его книгъ, и наконецъ, исправленіе Устава Общества.

1. «*О составленіи плана для занятій Общества*». Во всѣхъ дѣлахъ, для упроченія успѣха, необходимы стройность и система, необходимъ предварительно обдуманный и начертанный планъ, по которому располагаются дѣйствія. Безъ того нѣтъ порядка, нѣтъ взаимнаго содѣйствія, нѣтъ успѣха. Само-собою разумѣется, что здѣсь говорится не о частныхъ занятіяхъ членовъ, на пути, каждымъ для себя избранномъ, но о совокупныхъ, дружныхъ ихъ усиліяхъ.

Въ семъ отношеніи въ дѣйствіяхъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей надобно различать двѣ эпохи: одну съ учрежденія по конецъ 1839 года, а другую сначала 1840 по нынѣ.

Въ первое время учрежденія своего, не имѣя еще ни достаточныхъ средствъ для предпринятія чего-либо съ значительными издержками сопряженнаго, ни нужныхъ для приступленія къ тому полномочій, Общество по необходимости должно было ограничивать свои дѣйствія. По этому оно обратило вниманіе свое съ-начала преимущественно на Крымъ, какъ въ-особенности извѣстный древнимъ писателямъ и изобилующій болѣе-чѣмъ другія страны Новороссійскаго-Края памятниками, достойными изслѣдованія. На семъ основаніи Общество предположило тогда заняться собираніемъ: а) старинныхъ историческихъ рукописей, у нѣкоторыхъ изъ Татаръ сохранившихся*; б) древнихъ ханскихъ ярлыковъ и султанскихъ фирмановъ какъ въ подлинникахъ, такъ и въ вѣрныхъ снимкахъ**, и в) коллекціи монетъ, какъ Крымскихъ хановъ, такъ и древнихъ Генуезскихъ, въ Крыму битыхъ***.

Но когда милосердію Монарха благоугодно было осыпать его щедротами, дать ему силу и способы, Общество, по предложенію президента, въ торжественномъ собраніи 4 Февраля 1840, измѣнило первоначальный планъ, назначивъ для него бо́льшій объемъ, и разширило кругъ своихъ дѣйствій, распространивъ ихъ не только на весь Новороссійскій-Край и Бессарабію, но и вообще на южныя страны Россіи. Изложимъ здѣсь этотъ новый планъ вкратцѣ.

По двоякому предмету занятій Общества, Уставомъ для него предначертанному: во-первыхъ разъясненію по-возможности древней исторіи Южной-Россіи и преиму-

---

* Разсмотрѣніе одной изъ такихъ рукописей, съ извлеченіями изъ ней, помѣщено выше, на стр. 379. Другая, полученная Обществомъ, оказалась уже извѣстною оріенталистамъ.

** Объясненіе двухъ древнѣйшихъ изъ первыхъ, помѣщено на стр. 337, о прочихъ сообщено будетъ извѣстіе далѣе.

*** Важнѣйшія изъ такихъ монетъ описаны выше на стр. 301.

щественно Новороссійскаго-Края, посредствомъ археологическихъ изслѣдованій, и во-вторыхъ пріуготовленію запасовъ для будущей исторіи края, собираніемъ вѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ его состояніи въ отношеніи къ географіи и статистикѣ, Общество постановило:

Для достиженія *первой* цѣли: Такъ-какъ основаніе исторіи составляютъ памятники, завѣщанные настоящему прошедшимъ, а эти памятники вообще суть двухъ родовъ: или такъ-называемые нѣмые, или словесные, и въ семъ послѣднемъ случаѣ или словесно-письменные, или словесно-устные, то относительно первыхъ, то-есть «нѣмыхъ или безгласныхъ» озаботиться: а) снятіемъ на планъ положенія занимающихъ главное мѣсто между ними «кургановъ», на первый разъ хотя въ одномъ или двухъ уѣздахъ которой-либо изъ губерній, чтобъ можно было видѣть взаимное отношеніе ихъ другъ-къ-другу, направленіе и составъ группъ, отношеніе къ занимаемымъ ими или къ окрестнымъ мѣстностямъ, какъ-то: къ рѣкамъ, къ балкамъ, къ морю и т. п.; б) изслѣдованіемъ и наблюденіемъ при разрытіяхъ кургановъ внутренняго ихъ состава и образованія; в) снятіемъ на планъ «земляныхъ валовъ» и «окоповъ» въ разныхъ мѣстахъ края находящихся; г) снятіемъ на планъ мѣстъ, занимаемыхъ «развалинами» древнихъ городовъ, крѣпостей, укрѣпленій, башень, городскихъ стѣнъ, храмовъ и всякихъ другихъ зданій, внутренняго ихъ расположенія, архитектурныхъ фасадовъ и пр.; д) учрежденіемъ музеума для собиранія разнаго рода остатковъ древняго «быта военнаго, гражданскаго и семейнаго», какъ-то оружій, сбруи, сосудовъ и пр., и е) пріобрѣтеніемъ нѣсколькихъ, наиболѣе между-собою различныхъ, такъ-называемыхъ въ здѣшнемъ краѣ «бабъ» или древнихъ истукановъ, во множествѣ въ разныхъ мѣстахъ на курганахъ находимыхъ, и снятіемъ очерковъ съ другихъ замѣчательнѣйшихъ изъ нихъ.

Относительно вторыхъ, или «словесно — письменныхъ» заняться: а) собираніемъ свѣдѣній объ имѣющихся гдѣ-либо въ Новороскомъ-Краѣ и Бессарабіи древнихъ «надписяхъ» и пріобрѣтеніемъ вѣрныхъ съ нихъ снимковъ; б) учрежденіемъ *минцъ*-кабинета для «древнихъ монетъ»; в) собираніемъ «оффиціяльныхъ актовъ» или собственно такъ-называемыхъ «документовъ»; г) собираніемъ «историческихъ памятниковъ» или мѣстныхъ лѣтописей, современныхъ происшествіямъ записокъ и пр.; и д) Извлеченіемъ изъ древнихъ авторовъ и совокупленіемъ въ одно цѣлое «всего, что сказано было ими о странахъ къ Южной-Россіи принадлежащихъ».

Наконецъ относительно третьихъ или «словесно-устныхъ» стараться собирать: а) преданія, живущія въ устахъ народовъ, какъ-то «легенды, сказки, пѣсни народныя»; б) «мѣстныя названія городовъ, селъ, деревень, рѣкъ, притоковъ, ручьевъ, озеръ, горъ, овраговъ, лѣсовъ и пр.»; в) «идіотизмы, по-

словицы, поговорки, и всѣ уклоненія мѣстнаго языка»; и г) «описанія нравовъ, обычаевъ, привычекъ, забавъ, обрядовъ, праздненствъ, повѣрьевъ и пр. т. п.»

Для достиженія *второй* цѣли, Общество опредѣлило составить планъ или географическую и статистическую канву, состоящую изъ графъ, и разослать къ членамъ Общества и другимъ *заслуживающимъ* довѣріе лицамъ, *для наполненія* каждой графы соотвѣтствующими матеріялами.

Что Общество во всѣхъ случаяхъ, гдѣ только средства и возможность позволяли ему, слѣдовало неуклонно сему предначертанному имъ для себя плану, служатъ доказательствомъ настоящее изданіе и, можно сказать, уже богатые въ нѣкоторомъ отношеніи его кабинеты и музеумъ.

2. «*О собраніяхъ Общества*». Въ продолженіе времени со дня учрежденія его до 14 Ноября 1843, оно имѣло собраній: обыкновенныхъ 28 и торжественныхъ 5. Число статей, представленныхъ членами, и посторонними особами, включая рисунки, планы, документы и все, что только можетъ найти мѣсто въ изданіяхъ Общества, простирается за 250. Часть ихъ помѣщена въ издаваемомъ нынѣ I-мъ томѣ «Записокъ»; прочія будутъ напечатаны въ свое время въ слѣдующихъ томахъ или отдѣльно, вполнѣ или въ извлеченіяхъ, на основаніи правилъ Устава.

3. «*Разныя порученія членамъ Общества и посторонним лицамъ*». Къ числу важнѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ слѣдуетъ отнести:

а) «Разборъ архива крѣпости св. Димитрія Ростовскаго». Разборъ этотъ предназначенъ собственно еще до учрежденія Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, и если упоминовеніе о немъ находитъ здѣсь мѣсто, то собственно потому, что съ одной стороны онъ предпринятъ и исполненъ лицами, участвовавшими въ послѣдствіи въ основаніи Общества, а съ другой, что полученные чрезъ оный документы, поступили въ архивъ Общества. Нынѣшній президентъ его, объѣзжая Новороссійскій-Край въ 1838 году по должности попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, въ проѣздъ чрезъ Ростовъ узналъ, что въ близлежащей упраздненной крѣпости св. Димитрія хранятся разныя дѣла и документы временъ Петра Великаго. По доведеніи о томъ до свѣдѣнія г. министра Народнаго Просвѣщенія и по сношеніи его съ г. военнымъ министромъ, назначенъ былъ со стороны сего послѣдняго военный офицеръ, а со стороны Одесскаго Учебнаго Округа нынѣшній секретарь Общества, ч. о. Мурзакевичъ, которымъ и поручено было обозрѣть и разобрать упомянутый архивъ. Плодомъ сего порученія было пріобрѣтеніе 591, большею-частью весьма любопытныхъ документовъ царствованія Петра I и послѣдующихъ государей. Изъ 78 поступившихъ изъ того чи-

сла въ Общество, два напечатаны въ издаваемомъ нынѣ томѣ «Записокъ»*.

б) «Извлеченіе изъ Греческихъ классиновъ всѣхъ свѣдѣній о земляхъ, принадлежащихъ нынѣ къ Новороссійскому-Краю и Бессарабіи». Трудъ сей возложенъ Обществомъ въ концѣ 1839 года на д. ч. Палеолога и приводится имъ уже къ окончанію. До сихъ поръ сдѣланы такія «извлеченія» изъ Омира, Гезіода, Пиндара, Эсхилла, Софокла, Еврипида, Аристофана и Геродота, и Общество располагаетъ въ непродолжительномъ времени приступить къ изданію ихъ въ свѣтъ.

в) «Пріобрѣтеніе важныхъ Еврейскихъ памятниковъ». Такъ-какъ объ этихъ памятникахъ въ концѣ сей книги помѣщается особое извѣстіе, съ изложеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, то здѣсь признано достаточнымъ только упомянуть, что Общество обязано симъ корреспонденту своему г. Фирковичу и ученому Директору Одесскаго Еврейскаго Училища г. Штерну, изъ которыхъ послѣдній имѣлъ благосклонность взять на себя и описаніе этихъ памятниковъ, чѣмъ ревностно и занимается.

г) «Порученіе д. ч. Надеждину, относительно его путешествія». Цѣль Общества по силѣ § 2 Устава состоитъ въ изслѣдованіи и объясненіи памятниковъ, документовъ и актовъ, не только открывающихся въ предѣлахъ Южной-Россіи, но и *имѣющихъ къ ней отношеніе*. Посему Общество въ 1840 году узнавъ о предпринимаемомъ д. ч. Надеждинымъ путешествіи по Молдавіи, Валахіи и Южно-Славянскимъ землямъ, по исторической связи ихъ съ Новороссійскимъ Краемъ, поспѣшило воспользоваться этимъ случаемъ и поручило ему во время путешествія подвергнуть тщательному наблюденію *вопервыхъ* «памятники пребыванія и владычества древнихъ Римлянъ» въ трехъ Дакіяхъ и обѣихъ Паннопіяхъ, какъ-то: урочища, остатки зданій, надписи, монеты, и т. п.; во *вторыхъ* «Физіономію, нравы и обычаи потомковъ древнихъ Язиговъ, Печенѣговъ и Половцевъ», господствовавшихъ нѣкогда въ степяхъ Новой-Россіи; потомковъ, сохраняющихъ донынѣ имена *своихъ* дикихъ предковъ между Мадярами или Венграми, которые и сами нѣкогда покрывали всю Южную-Россію, отъ Яика до Прута; и *въ третьихъ* «Древности собственно Славянскія» у Сербовъ, Словаковъ, Чеховъ и Русняковъ. Сверхъ-того г. Надеждинъ принялъ на себя войти въ сношеніе съ учеными, антикваріями, филологами и вообще любителями и знатоками исторіи въ Сербіи, Венгріи, Австріи, Богеміи, Моравіи и Галиціи, и пригласить ихъ къ содѣйствію цѣлямъ Общества своими трудами, по соприкосновенности сихъ послѣднихъ съ его занятіями, а также стараться о пріобрѣтеніи для Общества нужныхъ книгъ, и сдѣлать выписки изъ рѣдкихъ книгъ и манускриптовъ въ знаменитѣйшихъ библіо-

* Стр. 372-378.

текахъ заграничныхъ, гдѣ представится возможность. Отчетъ о путешествіи г. Надеждина, въ которомъ говоритъ онъ и о трудахъ, приготовляемыхъ имъ для Общества, напечатанъ въ сей книгѣ*.

д) «Порученіе ч. о. Мурзакевичу обозрѣть островъ Фидониси, лежащій противъ устьевъ Дуная». Небольшой островъ «Фидониси», носившій въ древности наименованіе «Левки», при всей географической малозначительности обратилъ на себя вниманіе Общества по своему высокому археологическому интересу. За семнадцать вѣковъ предъ симъ онъ служилъ пристанью для Эллинскихъ мореходцевъ и посвященый Ахиллесу, имѣлъ храмъ, воздвигнутый въ честь этого героя. Основываясь на свидѣтельствѣ Арріана и ожидая немаловажной добычи въ археологическомъ отношеніи, ч. о. Мурзакевичъ въ 1840 году предложилъ Обществу подвергнуть этотъ островъ изслѣдованію. Общество съ удовольствіемъ приняло это предложеніе и просило его самого быть исполнителемъ. Успѣхъ оправдалъ надежды г. Мурзакевича, котораго донесеніе о поѣздкѣ туда напечатано въ этой книгѣ**.

е) «Разборъ архива крѣпости св. Елисаветы». Освѣдомясь, что въ упраздненной крѣпости св. Елисаветы (при Елисаветградѣ) находится архивъ старинныхъ дѣлъ и надѣясь найти въ немъ оффиціяльныя свѣдѣнія, если не о чемъ важнѣйшемъ, то покрайней-мѣрѣ о первоначальномъ заселеніи Новороссійскаго-Края, Общество чрезъ г. почетнаго президента своего ходатайствовало о дозволеніи разобрать этотъ архивъ и снять копіи съ бумагъ, какія окажутся заслуживающими вниманія. По полученіи-же этого дозволенія въ Апрѣлѣ 1841 года, оно поручило приведеніе въ исполненіе д. ч. Соколову, который съ-тѣхъ-поръ ревностно имъ занимается. Число доставленныхъ по сіе время Обществу копій простирается до «37». Впрочемъ между ними не оказалось донынѣ ничего особенно важнаго.

ж) «Порученіе г. поручику Кологривову, нынѣ члену-соревнователю Общества на-счетъ разрытія кургановъ». Поручикъ М. А. Кологривовъ, отправясь лѣтомъ 1843 года въ Керчь, изъявилъ желаніе заняться тамъ разрытіемъ кургановъ и собраніемъ для Общества предметовъ древности. Такъ-какъ Общество въ это время, по отсутствію большей части членовъ, засѣданій не имѣло, то президентъ, по предоставленному ему праву, принялъ такое предложеніе съ благодарностью и отнесся отъ лица Общества къ г. Керчь-Еникольскому градоначальнику о дозволеніи г. Кологривову приступить къ разрытію кургановъ, а его снабдилъ краткимъ на сей предметъ наставленіемъ. По возвращеніи изъ Керчи, г. Кологривовъ представилъ Обществу добытыя имъ при разрытіи кургана: разныхъ древнихъ

* Стран. 518.

** Стран. 549.

известковыхъ, стекляныхъ и глиняныхъ сосудовъ, цѣлыхъ и отчасти поврежденныхъ 18, въ томъ числѣ круглая погребальная урна съ крышкою; вазъ разной величины 6 и нѣсколько инфундибулъ; статуекъ 3; женское ожерелье изъ разноцвѣтныхъ камней; нѣсколько любопытныхъ обломковъ съ клеймами; разные домашніе приборы; 3 черепа человѣческихъ, и монетъ: Пантикапейскихъ 1 сереб. и 2 мѣдныхъ, Воспорскихъ мѣдныхъ 5, Египетскихъ Александрійскихъ 1 серебр. и 3 мѣдныхъ, Римскихъ императорскихъ 6 мѣдныхъ и Греческихъ колоніяльныхъ 2 равнымъ образомъ мѣдныхъ, всего 18 мѣдныхъ и 2 серебряныхъ.

з) «Порученіе д. ч. Григорьеву по-случаю поѣздки его въ Крымъ». Общество воспользовавшись поѣздкою г. Григорьева лѣтомъ 1843 года по дѣламъ службы въ Крымъ, поручило ему: познакомиться съ мѣстностью Керченскихъ кургановъ и употребительными способами ихъ разрытія; повѣрить въ Багчесараѣ снятыя тамъ въ 1839 году корреспондентомъ Борзенко Татарскія надписи, и если можно дополнить ихъ; изслѣдовать Татарскія нарѣчія; собрать мѣстныя народныя пѣсни и монеты, и наконецъ пересмотрѣть имѣющіяся при мечетяхъ и медресе собранія книгъ съ цѣлью отыскать между ними историческія сочиненія. — Донесеніе г. Григорьева объ исполненіи сихъ порученій не могло войти въ издаваемый нынѣ томъ «Записокъ», но будетъ напечатано въ слѣдующемъ.

4. «*Изданіе соотвѣтственныхъ цѣлямъ Общества книгъ*». Въ семъ отношеніи, кромѣ упомянутаго уже выше изданія «статей, читанныхъ въ торжественномъ собраніи 4 Февраля 1840 года», и представляемаго нынѣ читателямъ I-го тома «Записокъ», Обществомъ напечатаны:

а) «Descriptio musei publici Odessani», Pars I, continens numophylacium Odessanum. Sumptibus Societatis Historiæ et Antiquitatum Odessanæ, cura et labore N. *Mursakewicz*. Odessæ, ex officina urbis, MDCCCXLI, in 4, XV et 90 p.

и б) «Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году». Издано иждивеніемъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Санктпетербургъ. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1841. въ 4°, IV и 52. — Монеты этѣ принадлежатъ Обществу и описаны д. ч. *Григорьевымъ*.

5. «*Исправленіе Устава*». Первоначальный Уставъ Общества, какъ видно изъ вышеписаннаго составленъ былъ весьма скоро, въ дружескомъ кругу людей, въ дѣлѣ еще неопытныхъ, почему, какъ само-собою разумѣется, долженъ былъ заключать въ себѣ неполноту, неясности, недосмотры, которыя въ теченіе времени объяснялись, пополнялись, и даже въ нѣкоторыхъ подробностяхъ измѣнялись особыми постановленіями Общества въ его протоколахъ. Предвидя такіе могущіе со временемъ открыться

недостатки, члены-основатели, въ самомъ составленномъ ими проэктѣ Устава, предоставили Обществу въ § 63 право, по истеченіи «трехгодичнаго времени», сдѣлать въ немъ нужныя измѣненія и пополненія. Такъ-какъ въ 1842 году этотъ трехлѣтній срокъ истекъ, то президентъ, въ засѣданіи 10 Апрѣля, обративъ на то вниманіе Общества, предложилъ: при семъ случаѣ во-первыхъ, внести въ новый проэктъ Устава тѣ права и преимущества, которыхъ оно послѣ утвержденія прежняго Устава отъ щедротъ Монаршихъ удостоилось; во-вторыхъ, пополнить оный тѣми постановленіями, которыя въ разныя времена оно приняло и утвердило въ своихъ собраніяхъ установленнымъ порядкомъ; въ-третьихъ, присовокупить нѣкоторыя поясненія и распространенія, коихъ необходимость указана трехлѣтнею опытностью. При семъ представилъ онъ Обществу проэктъ исправленнаго и дополненнаго такимъ-образомъ Устава, составленный имъ и д. ч. Надеждинымъ. Этотъ проэктъ, по постановленію Общества, во многихъ экземплярахъ былъ разосланъ ко всѣмъ наличнымъ членамъ Общества и, по внимательномъ въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ обсужденіи и баллотировкѣ сдѣланныхъ замѣчаній, составленъ новый проэктъ, подписанъ всѣми наличными членами и представленъ на благоусмотрѣніе г. министра Народнаго Просвѣщенія. Утвержденіе послѣдовало 23 Іюня того-же года.

Къ числу важнѣйшихъ «особыхъ» дѣйствій Общества, не касающихся непосредственно достиженія его цѣлей, должно отнести исполненіе разныхъ возложенныхъ на него порученій, исходатайствованіе нѣкоторымъ лицамъ, способствовавшимъ ему, Высочайшихъ наградъ, и устройство для себя помѣщенія.

а. «Порученія Обществу». Бо́льшая часть изъ нихъ возлагаемы были на него г. почетнымъ президентомъ графомъ М. С. Воронцовымъ и состояли въ разсмотрѣніи «проэктовъ гербовъ шести уѣздовъ Таврической губерніи», въ составленіи «гербовъ для городовъ Ялты и Бердянска, и для Ногайскаго уѣзда», и наконецъ въ составленіи «правилъ для храненія древностей въ музеяхъ Новороссійскаго-Края» и «Инструкціи для разрытія кургановъ и способа описанія открываемыхъ въ нихъ древностей». Всѣ эти порученія исполнены, хотя о двухъ послѣднихъ не сдѣлано еще надлежащаго донесенія, по-случаю собиранія нѣкоторыхъ необходимыхъ свѣдѣній. — Сверхъ-того Общество удостоилось получить два порученія отъ постороннихъ особъ: одно въ 1840 году отъ покойнаго президента Императорской Академіи художествъ А. Н. Оленина «о присылкѣ ближайшихъ свѣдѣній о находящемся въ Керчи древнемъ греческомъ евангеліи и варѣятовъ его», и другое отъ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, нынѣ почетнаго члена своего, въ 1843 году, «о разсмотрѣніи въ составленной изъ членовъ Общества коммиссіи дѣлъ, предназначенныхъ

въ учреждающійся въ Одессѣ Историческій Архивъ и переданныхъ изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ Новороссійскаго-Края». При семъ, съ разрѣшенія Комитета гг. Министровъ, назначено Обществу нѣкоторое денежное на писцовъ пособіе. Первое изъ сихъ порученій исполнено тогда-же, второе приводится въ исполненіе.

б. «Исходатайствованныя награды». Общество, видя со всѣхъ сторонъ дружное, дѣятельное содѣйствіе его начинаніямъ, обязанностью почло ходатайствовать чрезъ г. почетнаго президента своего о награжденіи нѣкоторыхъ лицъ, оказавшихъ ему важнѣйшія услуги. Такъ предстательствовало оно въ 1842 году объ Измаильскомъ купцѣ Сидери, показавшемъ безкорыстное усердіе свое, двукратнымъ безмезднымъ предоставленіемъ въ распоряженіе Общества при изслѣдованіяхъ острова Фидониси мореходнаго судна своего: «Цецилія», а въ 1842 году о корреспондентѣ своемъ, Евпаторійскомъ караитскомъ учителѣ Фирковичѣ, обогатившемъ музей Общества открытыми имъ Еврейскими памятниками. Государю Императору благоугодно было Высочайше наградить ихъ: перваго серебряною, а втораго золотою медалями для ношенія на шеѣ на Аннинской лентѣ.

в. «Устройство помѣщенія Общества». Хотя при самомъ открытіи Общества ему отведено было по распоряженію г. почетнаго президента помѣщеніе въ биржевомъ зданіи, но оно не имѣло надлежащихъ удобствъ для размѣщенія кабинетовъ и музея Общества, которыхъ приращеніе шло быстрымъ шагомъ. При первомъ извѣстіи о томъ, г. почетный президентъ предоставилъ Обществу въ собственность выстроенную предъ биржевымъ домомъ пространную галлерею и исходатайствовалъ, на-счетъ отпускаемыхъ Обществу изъ казны суммъ, приличный заемъ для окончательной отдѣлки зданія. Эта отдѣлка была поручена Одесскому Строительному Комитету и благодаря дѣятельному участію своего г. почетнаго президента и заботливости Комитета, Общество имѣетъ теперь прекрасное и просторное помѣщеніе, въ которомъ собираются члены и въ которомъ кабинеты его расположены какъ нельзя лучше.

(*Извлечено изъ протоколовъ* ч. о. Княжевичемъ).

Некрологъ. Общество сочло долгомъ помѣстить здѣсь некрологъ всѣхъ членовъ похищенныхъ смертью. О корреспондентѣ *фонъ Бринкѣ*, по кратковременной бытности его въ Обществѣ, оно не могло получить ближайшихъ свѣдѣній.

1. *Михаилъ Михайловичъ Кирьяковъ.* Къ числу лицъ, дѣйствовавшихъ въ Новороссійскомъ-Краѣ съ особенною честью и пользою на поприщѣ гражданскомъ, безспорно принадлежитъ этотъ умный, добрый и благородный человѣкъ, оставившій по себѣ неизгладимое воспоминаніе у всѣхъ, кто только встрѣчался съ нимъ на жизненномъ пути, а число ихъ было весьма значитель-

но. По неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, Кирьяковъ быстро прошелъ стезю добродѣтельной жизни своей: рано отъ нея отозванный, онъ унесъ съ собою многія добрыя дѣла, которыхъ зародышъ таился въ полной любви душѣ его. А сколько погибло съ нимъ такихъ, которыя были уже въ началѣ или въ полномъ развитіи!

Кирьяковъ родился 23 Мая 1810 года, въ селѣ Ковалевкѣ, имѣніи его отца (бывшаго Херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и оказавшаго многія услуги Одессѣ, при ея основаніи). Получивъ первоначальное воспитаніе въ домѣ родительскомъ, онъ на 16 году, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, отправленъ былъ въ Императорскій Московскій университетъ. Тамъ обнаружилось въ немъ особенное стремленіе къ историческимъ занятіямъ. Юное воображеніе его уносилось въ былое, въ прекрасный міръ древности, и онъ съ жаромъ припялся за изученіе классическихъ языковъ Эллино-греческаго и Латинскаго; за тѣмъ любимыми предметами упражненій его сдѣлались хронологія, нумисматика и Русскія древности. Успѣхи поощряли его въ трудахъ; труды вели къ дальнѣйшимъ успѣхамъ. Университетское начальство, въ 1828 году, наградило восемьнадцати-лѣтняго юношу ученою степенью кандидата нравственно-политическихъ наукъ.

Кончивъ ученіе въ Университетѣ, любознательный Кирьяковъ отправился изъ Москвы для осмотра нѣкоторыхъ классическихъ мѣстъ своего отечества. Троицко-Сергіевская знаменитая лавра, Бородинò, Тарýтино, Малый-Ярославецъ, Куликово-Поле, Смоленскъ, Черниговъ, Кіевъ, Очаковъ, развалины классической Ольвіи, были главными предметами его просвѣщеннаго любопытства, но онъ не оставлялъ безъ вниманія ничего, что встрѣчалось ему на пути, что представлялось его взорамъ. Узнавъ хотя отчасти свое отечество и желая сравнить съ роднымъ иноземное, Кирьяковъ испросилъ отпускъ отъ службы при Новороссійскомъ и Бессарабскомъ генералъ-губернаторѣ, и въ 1830 году отправился заграницу, посѣтилъ Галицію, Силезію, Моравію, Богемію, Саксонію, Ганноверъ, Нидерланды, Францію (преимущественно Нормандію, столь богатую памятниками среднихъ вѣковъ), Баденъ, Тироль, Австрію и Венгрію. Путешествіе это развило въ немъ еще болѣе вкусъ и наклонность къ изученію исторіи и къ ея древнимъ памятникамъ. Основательныя свѣдѣнія и пріобрѣтенная уже ученая опытность доставили ему лестныя знакомства съ нѣкоторыми Германскими Славянистами, а въ самомъ Парижѣ— званіе члена тамошняго Азіятскаго общества.

Возвратясь на родину, онъ горѣлъ желаніемъ употребить въ пользу пріобрѣтенныя имъ теоретическія свѣдѣнія, но это не помѣшало ему заняться и управлять большимъ имѣніемъ, доставшимся ему отъ отца. Мно-

гія дѣльныя статьи по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, помѣщенныя въ нѣкоторыхъ Русскихъ періодическихъ изданіяхъ*, служатъ доказательствомъ, какъ онъ понималъ хозяйство. При-всемъ-томъ забота о благѣ поселянъ нимало не отвлекала Кирьякова отъ любимыхъ его занятій. Статистика, географія и исторія отечественнаго края были въ числѣ главныхъ. Отчетливыя и вѣрныя историко и географическо-статистическія статьи, помѣщенныя имъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ Энциклопедическомъ Лексиконѣ, служатъ доказательствомъ его точныхъ мѣстныхъ познаній. Стараясь болѣе и болѣе изучать край, гдѣ судьба предопредѣлила ему дѣйствовать, и собирая свѣдѣнія о Херсонской губерніи, онъ приготовилъ запасъ, съ помощью котораго легко могъ принять на себя порученіе Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, составить земледѣльческую статистику Херсонской губерніи. Любопытные отрывки этого важнаго для Новороссійскаго-Края труда, были разновременно помѣщены въ Листкахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной-Россіи на 1837 годъ, когда редакторомъ ихъ былъ онъ самъ, а также и въ послѣдующихъ годахъ въ этомъ-же журналѣ, Земледѣльческой Газетѣ и Лѣсномъ Журналѣ. Наконецъ напечаталъ онъ полный историческій обзоръ Херсонской губерніи въ «матеріялахъ для статистики Россійской имперіи», изданныхъ по Высочайшему повелѣнію отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Наслаждаясь плодами большаго состоянія, впрочемъ не безъ труда пріобрѣтаемыми, нашъ почтенный сочленъ не былъ эгоистомъ. Часть избытковъ своихъ онъ охотно и благоразумно употреблялъ на благотворенія, часть на устройство библіотеки, любопытной по рѣдкимъ и дорогимъ изданіямъ, имѣющимъ отношеніе къ Новороссійскому-Краю. Эту библіотеку онъ намѣренъ былъ со временемъ открыть для всѣхъ ученыхъ Новороссійскаго-Края. Въ дружескомъ кругу его, польза нашего края была предметомъ всегдашнихъ любимыхъ его разговоровъ. Въ этихъ бесѣдахъ родилась первая мысль о собраніи матеріяловъ для древней, средней и новой исторіи Новороссійскаго-Края и о составленіи самой исторіи, мысль, которая вскорѣ отчасти осуществилась ревностью и трудами нѣкоторыхъ изъ нашихъ сочленовъ.

Призываемый къ участію въ разныхъ отечественныхъ и иностранныхъ Обществахъ, онъ дѣятельно трудился для всѣхъ. Достаточно исчислить названія тѣхъ ученыхъ сословій, коихъ онъ былъ сотрудникомъ, чтобъ видѣть степень неутомимости утраченнаго нами члена. Кирьяковъ принадлежалъ Обществамъ: Сельскаго Хозяйства Южной Россіи (съ 15 Января 1829 года);

* Исчисленіе ихъ помѣщено въ статьѣ, напечатанной въ «Листкахъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, на 1839 годъ». См. № VI, стр. 897-401.

Парижскому Азіятскому (съ 2 Ноября 1830, по представленію знаменитыхъ Абель-Ремюза и Сталя); Физико-Медицинскому Молдавскому (съ 2 Февраля 1835); Санктпетербургскому для поощренія Лѣснаго Хозяйства (съ 20 Декабря 1836); Московскому Любителей Садоводства (съ 18 Іюня 1836); Королевско-Копенгагенскому Сѣверныхъ Антикваріевъ (съ 15 Іюля 1836); Статистическому Отдѣленію при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ (съ 6 Ноября 1836); Императорскому Московскому Испытателей Природы (съ 15 Декабря 1836); Королевско-Парижскому Садоводства (съ 20 Января 1837); Ученому Комитету при Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ (съ 1 Марта 1839); и наконецъ, нашему Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, котораго основаніе издавна было цѣлью постоянныхъ его усилій. Доказательствомъ небезполезныхъ трудовъ его послужитъ и то, что онъ за успѣхи въ лѣсоводствѣ и за любопытную статью: «Взглядъ на лѣсоводство и садоводство въ Херсонской губерніи», удостоился получить отъ С.-Петербургскаго Общества для поощренія Лѣснаго Хозяйства серебряную медаль, а отъ Государя Императора Высочайшее благоволѣніе.

Говорить о благородныхъ качествахъ доброй христіанской души его, говорить о дѣятельности его, какъ усерднаго чиновника, опытнаго помѣщика и агронома, предоставляю другимъ.

Здоровье отъ самаго рожденія слабое и притомъ разстроенное умственными занятіями, наконецъ заставило Кирьякова искать себѣ помощи въ лучшемъ климатѣ. Посѣщеніе Германіи, Италіи и нѣкоторыхъ земель Славянскихъ, въ 1838 году, подкрѣпивъ его на нѣкоторое время, доставило ему новыя знакомства съ Славянскими учеными: Шафарикомъ, Ганкою, и др. По возвращеніи въ Одессу, какъ-бы предчувствуя близость смерти, онъ съ необыкновеннымъ усиліемъ снова принялся за ученые труды; но истощенное здоровье уже не соотвѣтствовало порывамъ дѣятельнаго ума его. Доживая, изочтенные свыше, дни краткой жизни, и духомъ побѣждая тѣлесное изнеможеніе, Кирьяковъ не переставалъ стремиться къ возвышенной цѣли. Когда слабѣющія руки уже были не въ силахъ начертать строки, тогда живое слово, окрилленное обиліемъ познаній передавало его мысли другимъ.

Труды, наконецъ, вовсе истощили его жизнь, потребленную огнемъ чистой любви къ родинѣ и наукамъ. День радостнаго для всѣхъ праздника Христова Воскресенія (26 Марта 1839) былъ днемъ тяжкой скорби для его ближнихъ, ибо въ эту самую Свѣтлую ночь, въ храмѣ Божіемъ, внезапно обнаружились грозные признаки болѣзни, его похитившей. 23 Іюля того-же года, послѣ мучительной жестокой чахотки, Кирьяковъ мирно предалъ духъ свой Господу, оставивъ по себѣ: друзьямъ — память прекрасныхъ его дѣлъ, а семейству — примѣръ благородства,

чести и жизни, посвященной на пользу отечества и родины. Онъ скончался 29 лѣтъ отъ-роду, состоя въ чинѣ коллежскаго асессора. (*Составленъ* ч. о. Мурзакевичемъ).

2. *Кириллъ, Архіепископъ Подольскій и Брацлавскій.* Преосвященный Кириллъ, называвшійся въ мірѣ Константиномъ Лукьяновичемъ, родился въ 1787 году, въ Московской епархіи, не далеко отъ Троицкой Лавры, въ селѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Въ 1797 поступилъ въ Свято-Троицкую Лаврскую семинарію, гдѣ и обучался до 1809, когда перешелъ въ Санктпетербургскую Духовную Академію, въ знаменитый первый курсъ. По окончаніи здѣсь образованія, получилъ въ 1814 году степень магистра, и опредѣленъ въ ту-же Академію баккалавромъ церковной исторіи; въ томъ-же году постриженъ въ монашество и рукоположенъ въ іеромонаха. Въ 1817 произведенъ въ санъ архимандрита, опредѣленъ ректоромъ и профессоромъ Богословскихъ наукъ въ Полтавскую семинарію, настоятелемъ Лубенскаго второкласнаго Преображенскаго монастыря, и членомъ Полтавской консисторіи. Черезъ два года, въ 1819, переведенъ ректоромъ и профессоромъ тѣхъ-же наукъ въ Московскую Духовную Академію, и сдѣланъ настоятелемъ Новоспасскаго ставропигіальнаго первокласнаго монастыря. 26 Октября 1824 года посвященъ во епископа Дмитровскаго, викарія Московской епархіи, въ 1827 переведенъ въ Вятскую епархію, а изъ этой въ 1832 перемѣщенъ на каѳедру Подольской второклассной епархіи, съ возведеніемъ въ санъ архіепископа. Здѣсь преосвященный оставался до 1841, когда для присутствованія въ Св. Сунодѣ вызванъ былъ въ Санктпетербургъ, гдѣ волею Божіею скончался, 54 лѣтъ отъ роду, украшенный орденами: св. Анны 1 степ., св. Владиміра 2, и св. Александра Невскаго.

Степень доктора Богословія получилъ покойный за «Изъясненіе посланія св. апостола Павла къ Евреямъ». Кромѣ нашего Общества, былъ онъ членомъ и Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, но по древностямъ не оставилъ никакихъ сочиненій; проповѣдей издалъ много, которыя въ-послѣдствіи соединилъ въ одно «Собраніе». Нрава былъ кроткаго, удивительно мягкаго; умеръ 28 Марта 1841 года послѣ продолжительной болѣзни, не оставивъ ничего, такъ-что похороненъ въ Александро-Невской Лаврѣ на счетъ Государя Императора. Изъ членовъ нашего Общества, товарищемъ его былъ Гавріилъ, архіепископъ Рязанскій, а учениками: Аѳанасій, нынѣшній епископъ Винницкій и Н. И. Надеждинъ.

(*Составленъ* д. ч. Григорьевымъ).

3. *Графъ Альбертъ Эдлингъ*, дѣйствительный членъ Общества съ самаго основанія его, принадлежалъ по фамиліи своей къ древнѣйшимъ и благороднѣйшимъ домамъ

Австрійской имперіи, и родился въ 1771 году въ Гейденштафскомъ замкѣ, близъ города Гёрца, у подошвы Юлихскихъ Альповъ; воспитывался въ пажескомъ корпусѣ въ Дрезденѣ, и съ самаго вступленія въ свѣтъ умѣлъ заслужить особенное расположеніе короля Саксонскаго Фридриха Августа, который оставилъ его при своей особѣ и употреблялъ во многихъ случаяхъ. Потомъ сдѣлался онъ извѣстенъ съ выгодной стороны и при Веймарскомъ дворѣ. Великій герцогъ избралъ его въ руководители сына своего Бернарда, во время путешествія сего послѣдняго по Европѣ, и графъ Альбертъ умѣлъ вполнѣ оправдать столь высокую довѣренность, въ награду за что получилъ въ Веймарѣ мѣсто министра Иностранныхъ Дѣлъ и маршала велико-герцогскаго двора. Въ этомъ званіи сопутствовалъ онъ великому-герцогу въ поѣздкѣ его въ Вѣну, засѣдалъ въ конгрессѣ, и содѣйствовалъ къ присоединенію своего правительства къ Священному-Союзу. По этому случаю покойный Императоръ Александръ изъявилъ ему свое благоволеніе, удостоивъ его награды орденомъ св. Анны 1-й степени и чиномъ тайнаго совѣтника. Въ 1816 году графъ Альбертъ впервые посѣтилъ Россію для заключенія брачнаго союза съ фрейлиною двора покойной Императрицы Елисаветы Алексѣевны, дѣвицею Стурдза. Воротясь въ Веймаръ, онъ снова принялъ свою должность, которую и занималъ до 1819, когда вышелъ въ отставку. Посѣтивъ послѣ того родину, и объѣхавъ сѣверную Италію, черезъ Вѣну отправился онъ въ Россію, куда призывали его отношенія семейныя и дѣла по имуществу. Съ 1822 года графъ поселился въ южной Россіи, и сдѣлался постояннымъ жителемъ нашего края, посвящая все время заботамъ хозяйственнымъ. Жестокая глазная болѣзнь въ послѣдній годъ жизни, заставила его оставить Одессу и отправиться въ Дрезденъ, для совѣщанія тамъ съ опытнымъ глазнымъ врачемъ. На зиму остался онъ въ Веймарѣ, гдѣ къ страданіямъ слѣпоты присоединилась нервическая горячка, отъ которой онъ и скончался $^{11}/_{25}$ Декабря 1841 года.

(*Составленъ* д. ч. Григорьевымъ).

4. *Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій.* Въ лѣтописяхъ критическаго обрабатыванія нашей отечественной Исторіи, имя Каченовскаго занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, быть-можетъ еще неоцѣненныхъ по достоинству. Нѣтъ-сомнѣнія, что со временемъ, когда первоначальныя времена Руси озарятся свѣтомъ исторической критики, мнѣнія этого мужа получатъ настоящую цѣну и, если не будутъ приняты и распространены, то будутъ поняты, послужатъ основаніемъ новымъ ученіямъ, болѣе зрѣлымъ и отчетливымъ, и принесутъ такимъ-образомъ прекрасные плоды. Цѣлью простаго некролога не можетъ быть задача столь важная, каково изложеніе и критическая оцѣнка ученія, столь-же глубокомысленнаго, какъ и

оригинальнаго. По принятому обычаю, намъ остается только представить краткій очеркъ жизни покойнаго профессора и сдѣлать хотя бѣглое обозрѣніе его учено-литературной дѣятельности.

«Покойный М. Т. Каченовскій», говоритъ его первый біографъ*, «происходившій отъ незнатной и недостаточной Греческой фамиліи Качони, родился въ Харьковѣ, 1775 года, 1 Ноября. Онъ былъ единственный сынъ у своихъ родителей. Отца лишился онъ на тринадцатомъ году возраста»; а тѣло матери предалъ землѣ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. Здѣсь учился онъ языкамъ Греческому и Латинскому и предметамъ, которые преподавались въ то время въ училищахъ этого рода. Замѣчательна склонность Каченовскаго къ языкамъ. По выходѣ изъ Коллегіума, онъ изучилъ языки Нѣмецкій, Французскій, Англійскій, Итальянскій и Польскій. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ учился онъ языку Шведскому.

Въ 1788 году, на четырнадцатомъ году жизни, Каченовскій, лишась отца, оставилъ Коллегіумъ и вступилъ въ Екатеринославское казачье ополченіе, полковымъ урядникомъ. Чрезъ пять лѣтъ, въ 1793 году, онъ оставилъ военную службу и поступилъ въ бывшій Харьковскій губернскій Магистратъ въ званіи канцеляриста. Два года служилъ онъ здѣсь и служилъ вѣроятно хорошо, потому-что въ эти два года получилъ два чина: провинціальнаго и губернскаго регистратора. За тѣмъ военная служба снова привлекла Каченовскаго: онъ былъ опредѣленъ въ Таврическій гренадерскій баталіонъ сержантомъ (1795), но въ слѣдующемъ-же году 1796 году переведенъ въ Ярославскій пѣхотный полкъ, гдѣ чрезъ два года произведенъ въ полковые квартирмейстры. Два года былъ онъ еще въ военной службѣ, но тутъ подпалъ подъ слѣдствіе и судъ по дѣлу, въ которомъ въ-послѣдствіи его оправдали.

«Сидя подъ карауломъ, на гауптвахтѣ, въ Москвѣ», говоритъ далѣе его біографъ, «онъ продолжалъ заниматься науками, для которыхъ пособіе доставлялъ ему капитанъ его Сергѣй Николаевичъ Глинка, извѣстный нашъ писатель, также замѣчательный по удивительной борьбѣ идеальной своей жизни съ жизнью дѣйствительною.» Въ 1801 году Каченовскій былъ по суду оправданъ, вышелъ въ отставку и поступилъ библіотекаремъ къ графу А. К. Разумовскому. Тутъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ, въ кругу любимыхъ занятій: предъ нимъ открылось поприще знаній, наукъ и учености. Графъ Разумовскій вскорѣ сдѣланъ былъ Попечителемъ Московскаго Учебнаго округа и съ этого времени судьба приковала Каченовскаго къ тамошнему Университету. Въ концѣ 1805 года онъ сдѣланъ былъ Ма-

* Московскій ординарный профессоръ, И. И. Давыдовъ.

гистромъ философіи и въ слѣдующемъ году занималъ реторическій классъ и преподавалъ Русскій языкъ въ академической гимназіи. Чрезъ годъ послѣ того, въ 1806 году, онъ получилъ степень доктора философіи и изящныхъ наукъ и утвержденъ министерствомъ Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ званіи адъюнкта. Вмѣстѣ съ этимъ ему поручено было управленіе дѣлами въ канцеляріи попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Эту обязанность несъ онъ до 1810 года, когда утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ слѣдующемъ году избранъ совѣтомъ Университета въ ординарные профессоры теоріи изящныхъ наукъ, искусствъ и археологіи, и утвержденъ въ этомъ званіи министерствомъ. Въ 1821 году ученыя занятія Качеповскаго получили другое направленіе, болѣе свойственное его призванію: ему поручена была каѳедра исторіи, статистики и географіи государства Россійскаго. Въ 1830 и 1831 годахъ, по смерти Мерзлякова, временно преподавалъ онъ въ Университетѣ Русскую словесность, а въ 1835 году недолго читалъ лекціи всеобщей исторіи. Въ томъ-же году, при преобразованіи Московскаго Университета по новому уставу, онъ оставленъ при Университетѣ и повышенъ въ званіе заслуженаго профессора, причемъ поручена ему каѳедра исторіи и литературы Славянскихъ нарѣчій.

Въ званіи профессора, Качеповскій занималъ всѣ высшія университетскія должности. Въ качествѣ визитатора онъ обозрѣвалъ казенныя училища въ губерніяхъ Костромской и Ярославской въ 1817 году, въ Владимірской и Рязанской въ 1818 году, и наконецъ въ самой Москвѣ въ 1822 году. Онъ былъ членомъ разныхъ комитетовъ при Университетѣ, какъ-то: для исправленія университетскихъ зданій послѣ непріятеля въ 1813 году, училищнаго съ 1816 по 1820, съ 1821 по 1829 годъ, и въ 1832 году, временнаго холернаго при Университетѣ въ 1380 и 1831 годахъ, для испытанія гражданскихъ чиновниковъ въ 1832 году и при мастерской оружейной палатѣ для разсмотрѣнія историческаго описанія оной, составленнаго г. Малиновскимъ, и для повѣрки его съ самыми вещами, въ 1836 году. Въ 1818, 1832 и 1833 годахъ Качеповскій былъ ученымъ секретаремъ совѣта; съ 1815 по 1816 годъ завѣдывалъ университетской типографіей; съ 1819 по 1825 годъ былъ членомъ правленія Университетскаго Благороднаго Пансіона; въ 1830 году былъ избранъ и утвержденъ попечителемъ въ званіи директора Педагогическаго Института; съ 1833 года былъ цензоромъ при Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ; въ 1818, 1831, 1833, 1834, 1835 и 1836 деканомъ сперва словеснаго факультета, а потомъ I-го отдѣленія философскаго факультета; въ 1831 году исправлялъ должность проректора; въ 1837 году былъ избранъ совѣтомъ и утвержденъ министерствомъ въ званіи ректора по 1840 годъ, когда вновь избранъ въ это-же званіе

на четыре года. За ревностное и столь разнообразное служеніе по ученой части, покойный профессоръ былъ повышаемъ чинами: коллежскаго совѣтника въ 1819 году, статскаго совѣтника въ 1824, и дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ 1840 году. Въ разное время получалъ онъ изъявленіе Монаршаго благоволенія и былъ кавалеромъ орденовъ: св. Владиміра 4-й степени (съ 1817), св. Анны 2-го класса (съ 1831), того-же ордена, Императорской короной украшеннаго (съ 1834) и св. Владиміра 3-й степени (съ 1838 года). Знакъ отличія безспорочной службы имѣлъ за XXXV лѣтъ.

Само-собою разумѣется, что литературныя занятія и ученые труды Каченовскаго не могли не обратить на себя вниманія разныхъ ученыхъ обществъ и сословій. Такимъ-образомъ онъ былъ членомъ ученыхъ обществъ: Императорскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ, Любителей Россійской Словесности при томъ-же Университетѣ, Одесскаго Исторіи и Древностей, членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ (въ 1833 г.), долгое время членомъ Императорской Россійской Академіи, по преобразованіи которой Высочайше утвержденъ ординарнымъ академикомъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности въ Императорской Академіи Наукъ, и наконецъ почетнымъ членомъ Университета св. Владиміра.

Внѣ прямыхъ обязанностей службы, на Каченовскаго можно смотрѣть какъ на литератора, ученаго профессора и историка, и наконецъ какъ на гражданина и человѣка вообще. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, онъ представляетъ много оригинальнаго, но вмѣстѣ прекраснаго, достойнаго благодарной памяти позднѣйшихъ поколѣній. Своимъ литературнымъ занятіямъ, ученымъ тайнамъ, своей кабинетной тиши, онъ былъ такъ вѣренъ, что для нихъ пожертвовалъ покровительствомъ графа Разумовскаго, который, будучи сдѣланъ министромъ Народнаго Просвѣщенія, предлагалъ ему слѣдовать за собою въ Петербургъ и служить по гражданской части. Само-собою разумѣется, что съ этимъ вмѣстѣ онъ могъ имѣть въ виду повышенія и награды. Но нашъ Аристархъ всей полнотой души и мысли предался наукѣ и занятіямъ ученo-литературнымъ.

Первые литературные труды Каченовскаго состояли въ переводахъ, преимущественно съ Французскаго языка. Таковы переводы романа «Тереза и Фальдони» (4 части) и «Аѳинскихъ писемъ» (4 части), изданныхъ въ 1804 и 1805 годахъ. Но это были еще незрѣлые опыты писателя, который имѣлъ другое важнѣйшее предназначеніе. Около того-же времени, именно въ 1805 году, покойный профессоръ является на поприщѣ нашей журналистики, какъ дѣятельный участникъ ея движеній. Въ этомъ году, послѣ Карамзина, началъ онъ издавать: «Вѣстникъ Европы», журналъ, который сначала имѣлъ чисто-беллетристическое направленіе. Черезъ два года жур-

налъ этотъ перешелъ въ руки В. А. Жуковскаго, и оставался въ продолженіе 1807 и 1808 годовъ. Подъ редакціею поэта, только начинавшаго тогда свое блестящее поприще, «Вѣстникъ Европы» не измѣнилъ направленія. Въ 1808 году онъ перешелъ опять къ Каченовскому, хотя въ слѣдовавшіе за тѣмъ два года и Жуковскій принималъ въ немъ дѣятельное участіе. Съ 1810 года Каченовскій былъ постояннымъ редакторомъ «Вѣстника Европы» до 1830 года, за исключеніемъ только 1814 г., когда по болѣзни его, журналъ этотъ состоялъ подъ редакціею В. В. Измайлова. Должно замѣтить, что «Вѣстникъ Европы», въ свое время былъ очень распространенъ въ Русской публикѣ; такъ-что слово «Вѣстникъ» отъ него сдѣлалось было у насъ нарицательнымъ для всякаго повременнаго изданія. Съ восемьсотъ-двадцатыхъ годовъ «Вѣстникъ Европы» измѣнилъ свой бѣллетрическій тонъ и характеръ, и принялъ направленіе ученое, философско-историческое, хотя стихотворенія и легкая, изящная проза не были изъ него исключены. Въ немъ помѣщали статьи всѣ писатели того времени, въ особенности посвящавшіе себя изученію отечественнаго, Русскаго во всѣхъ отношеніяхъ; въ немъ явились въ первый разъ, и потомъ принимали болѣе или менѣе постоянное участіе: Давыдовъ, К. Калайдовичъ, П. Строевъ, Н. Полевой, наши нынѣшніе сочлены: И. М. Снегиревъ, М. П. Погодинъ, Н. И. Надеждинъ и другіе. Замѣчательно, что послѣдній началъ свое литературно-ученое поприще трудомъ, относящимся непосредственно къ занятіямъ нашего Общества: «объ Италіянскихъ поселеніяхъ въ Тавридѣ» *. Самъ издатель обогащалъ «Вѣстникъ» статьями преимущественно критико-историческаго содержанія. Въ числѣ ихъ особенно замѣчателенъ разборъ: «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, который въ свое время надѣлалъ не мало шума, и въ которомъ критикъ съ жаромъ возстаетъ противъ многихъ мѣстъ знаменитаго сочиненія и особенно противъ «Предисловія». Не смотря на то «Вѣстникъ Европы» въ 1830 году принужденъ былъ окончить существованіе: его слишкомъ тѣснили новые *молодые* журналы, явившіеся около этого времени съ новыми идеями, взглядами и требованіями, къ которымъ Каченовскій, весь погруженный въ прошедшее, не имѣлъ сочувствія. Предсмертная борьба этого маститаго старца тогдашней журналистики касалась не столько исторической, сколько эстетической критики, и именно животрепещущаго въ то время вопроса: о классицизмѣ и романтизмѣ.

Въ первый періодъ «Вѣстника Европы», Каченовскій издалъ напечатанныя въ немъ повѣсти особо, подъ заглавіемъ: «Библіотеки повѣстей», потомъ «Разныя повѣсти, анек-

* Вѣст. Евр. 1828,

доты» и проч. и «Греческую Хрестоматію Якобса, которая нѣсколько разъ была перепечатываема и принята руководствомъ во многихъ училищахъ. Кромѣ трудовъ надъ редакціею «Вѣстника Европы», въ которомъ Каченовскій между-прочимъ помѣщалъ изящные въ то время переводы свои изъ Мосгейма, участвовалъ онъ въ занятіяхъ Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности. Относительно теоріи сей послѣдней, написалъ онъ три всѣмъ извѣстныя разсужденія: «о древнемъ Россійскомъ витійствѣ», въ которомъ онъ впервые познакомилъ публику съ исторіей нашего духовнаго краснорѣчія и впервые указалъ на достоинство Ѳеофана Прокоповича, какъ витіи; «о похвальныхъ словахъ Ломоносова», въ которомъ онъ показалъ чѣмъ великъ этотъ мужъ, какъ ораторъ и что̀ заимствовалъ онъ у Цицерона и Плинія, и наконецъ: «о художественныхъ произведеніяхъ, какъ памятникахъ древнихъ народовъ, которые болѣе или менѣе извѣстны потомству по-мѣрѣ успѣховъ ихъ въ изящныхъ искусствахъ», рѣчь, произнесенная имъ въ торжественномъ собраніи Университета въ 1819 году. Замѣтимъ еще, что лекціи Каченовскаго, на каѳедрѣ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, изданы были въ сокращеніи однимъ изъ учениковъ его, г. Войцеховичемъ, подъ заглавіемъ: «Начертаніе теоріи изящныхъ искусствъ». Высшимъ началомъ искусства принимаетъ онъ тутъ подражаніе природѣ.

Обогатившись въ первомъ періодѣ своей жизни основательнымъ и глубокимъ изученіемъ всевозможныхъ матеріяловъ, источниковъ и данныхъ относительно отечественной и вообще Славянской исторіи, Каченовскій довольно поздно и уже въ преклонныхъ лѣтахъ выступилъ на ея поприще. Можно рѣшительно сказать, что онъ прежде прочиталъ и изучилъ все, что только было доступно ему по этому предмету, глубоко и въ теченіе многихъ лѣтъ обдумалъ все прочитанное, и наконецъ уже составилъ себѣ систему о нашей и обще-Славянской древнѣйшей исторіи—систему, смѣлую и оригинальную. Высказать ее однакожъ вполнѣ, со всею опредѣлительностью и ясностью, онъ не рѣшился: думаемъ даже, что эта система, въ своихъ подробностяхъ и въ полномъ развитіи, осталась, къ несчастію, тайной для публики. И на лекціяхъ, и въ немногихъ печатныхъ статьяхъ, и въ частныхъ бесѣдахъ, Каченовскій ограничился одними намеками, болѣе или менѣе ясными, но всегда загадочными. Причиной тому была, какъ мы думаемъ, нѣкоторая недовѣрчивость въ характерѣ: быть-можетъ, покойный профессоръ боялся чтобъ мысли его, выказанныя въ легкомъ очеркѣ, а не въ полномъ развитіи, не были перетолкованы и не подали повода къ разнымъ толкамъ и невѣрностямъ. Самъ онъ собирался издать что-нибудь полное, систематическое, — такъ по-крайней-мѣрѣ говаривалъ намъ, коихъ удостоивалъ своей откровенной, глу-

бокомысленной *бесѣды*, — но время летѣло, лѣта уходили, а *занятія* по каѳедрѣ и еще болѣе *по должностямъ* цензора, декана и ректора *отнимали* весь досугъ и развлекали старца, *препятствуя* его завѣтнымъ мыслямъ собраться въ-едино и высказаться во всей полнотѣ.

Прагматическимъ историкомъ Каченовскій не былъ. Еще менѣе склоненъ онъ былъ къ догматикѣ. Напротивъ, основное направленіе всѣхъ его историческихъ разысканій заключалось въ строгомъ, сухомъ критицизмѣ, котораго душей было сомнѣніе, недовѣрчивость ко всему, что передано отъ древности не документальными актами, но преданіями, легендами и хрониками. Съ-начала, въ послѣднюю эпоху изданія «Вѣстника Европы», онъ рѣшительно склонялся на сторону Еверса и принималъ Русь за Хазаръ, за народъ пришедшій съ юга. Тогда недовѣряли ему, но въ наше время мысль о происхожденіи Руси съ юга пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе силы. На этомъ однакожь не остановился Каченовскій. На лекціяхъ своихъ, съ-тѣхъ-поръ какъ читалъ исторію, онъ всегда говорилъ много и съ жаромъ о необходимости собранія и изданія древнихъ актовъ и документовъ, о необходимости основательной критики для древнѣйшаго періода нашей отечественной исторіи. Во время изданія «Ученыхъ Записокъ» при Московскомъ Университетѣ (съ 1833-1836), Каченовскій говорилъ всего опредѣлительнѣе по этому предмету. Вотъ главныя основанія его ученія. Въ начальныхъ страницахъ Нестора онъ находилъ много сказочнаго и вымышленнаго, и относилъ этого лѣтописца не къ концу XI, но къ XIII столѣтію. Нимало однакожь несомнѣвался онъ въ жизни преподобнаго Нестора, равно-какъ и въ томъ, что онъ написалъ «Краткія Замѣтки о своемъ монастырѣ, Житіе святыхъ Бориса и Глѣба, и Сказаніе о Ѳеодосіи». Далѣе, въ противность лѣтописи, онъ выводилъ Славянъ-Русскихъ не отъ береговъ Дуная, но сѣверныхъ или Великс-Руссовъ изъ южныхъ при-Балтійскихъ странъ, отъ Оботритовъ и Вильцевъ; а южныхъ или Малороссіянъ изъ странъ при-Карпатскихъ, отъ Хорватовъ. Наконецъ онъ принималъ, что названіе Славянъ сѣверныхъ Русью ведетъ свое начало не съ сѣвера, отъ Нордмановъ, но съ юга, отъ странъ при-Днѣпровскихъ. Въ этихъ положеніяхъ заключались основанія его системы. Мы не можемъ развить ихъ здѣсь въ подробности: это превзошло-бы границы краткаго некролога. Замѣтимъ только, что новѣйшія разысканія ученыхъ историковъ нашихъ во многомъ болѣе и болѣе приближаются къ результатамъ Каченовскаго.

Мы уже сказали, что покойный профессоръ не оставилъ ниодного полнаго сочиненія, которое-бы обнимало предметъ его занятій и систему въ цѣлости. Онъ ограничивался одними разсужденіями и любилъ, чтобъ мысли его развивались его учениками. Изъ собственныхъ его разсужденій

по предмету исторіи всѣмъ извѣстны: «Изслѣдованіе о старинной Черниговской золотой медали», «о Русской Правдѣ», «о кожаныхъ деньгахъ». Въ свое время славился еще его разборъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина, разборъ, о которомъ мы уже упоминали и въ которомъ онъ выказалъ свое прекрасное критическое дарованіе и умъ острый, проницательный. Изъ статей, въ коихъ мнѣнія покойнаго профессора были изложены и обработаны его слушателями, въ «Ученыхъ Запискахъ» Московскаго Университета помѣщены: «о баснословномъ времени въ Русской исторіи» И. Клюшникова, «о пользѣ изученія Русской исторіи въ связи со всеобщею», Сергѣя Строева, который подъ псевдонимистическимъ именемъ Скромненка съ такимъ жаромъ возстагалъ противъ достовѣрности нашихъ лѣтописей и который такъ рано похищенъ смертью, «о времени и причинахъ вѣроятнаго переселенія Славянъ на берега Волхова» М. Перемышлевскаго, «о сочиненіяхъ Болтина» Н. Стрекалова, «объ историческихъ трудахъ и заслугахъ Миллера» Созонова.

Что касается до нравственнаго характера Каченовскаго, то главною чертою его было строгое сознаніе своего долга и обязанностей, во всѣхъ отношеніяхъ. Въ полномъ смыслѣ слова, онъ былъ строгъ къ самому себѣ и къ другимъ. Отсюда проистекали всѣ его достоинства и тѣ мнимые недостатки, которые инымъ не нравились. Вѣрный долгу христіанина, подданнаго, гражданина и отца семейства, онъ былъ чуждъ многихъ пороковъ, которые такъ обыкновенны во всѣ времена. Зависть, корысть, искательство и всякое нравственное униженіе были ему чужды. Онъ вообще былъ веселаго, добраго характера, но всегда тихій, спокойный, не легко прощалъ обиды, однакожь и незналъ напраснаго гнѣва. Почтительный къ старшимъ, онъ какъ-бы ни любилъ подчиненныхъ, никогда не позволялъ имъ ни тѣни лишняго и въ этомъ отношеніи доходилъ даже до мелочей. Со студентами вообще строгій и взыскательный, онъ съ тѣмъ-вмѣстѣ никогда не былъ чуждъ благоразумной снисходительности. Его строгость сообщала нѣкоторую суровость и какъ-бы жесткость его характеру. Это было причиною, что иные не любили его, но всѣ безъ исключенія его уважали. Вмѣстѣ съ этой мнимой суровостью къ подчиненнымъ и равнымъ, и должнымъ смиренномудріемъ къ старшимъ, Каченовскій былъ прекраснѣйшимъ и самымъ нѣжнымъ отцемъ семейства. Онъ оставилъ послѣ себя супругу, двухъ сыновей и дочь, которыхъ до послѣдней минуты жизни любилъ можно-сказать пламенно. Въ наслѣдство передалъ онъ имъ имя ученаго и честнаго мужа, пенсію, и небольшой деревянный домъ въ Сущевской части Москвы, куда съ такимъ наслажденіемъ съѣзжались къ нему многіе любившіе и самого его, и его умную, поучительную бесѣду.

Внѣшній видъ Каченовскаго совершенно соотвѣтствовалъ его внутреннему характеру. Онъ былъ довольно низокъ ростомъ, но плечистъ и осанистъ; взоръ имѣлъ быстрый и проницательный; движенія отрывистыя; походку неровную и небрежную. Покрытый сѣдинами и до послѣднихъ годовъ жизни живой, поворотливый, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе въ обществахъ и собраніяхъ. Онъ похилѣлъ не ранѣе какъ года за три до смерти, но сохранилъ всѣ признаки старческой величавости, по которымъ и незнавшій его не могъ не почтить его привѣтомъ уваженія. «Только съ прошедшей осени» (въ 1841 году), говоритъ г. Давыдовъ, «отъ поврежденія ноги принужденъ онъ былъ пролежать осень и зиму. Эта страдальческая неподвижность изнурила силы его и имѣла гибельное вліяніе на душевныя способности: къ веснѣ хотя онъ началъ выздоравливать, даже приходилъ въ аудиторію и въ засѣданія на костыляхъ; но уже мы видѣли его блѣднымъ, ослабѣвшимъ, съ погасшими глазами.... Въ Воскресеніе Христово, 19 Апрѣля 1842 года, въ 5 часовъ по полудни, сидя за книгою, заснулъ онъ сномъ праведника, сномъ непробуднымъ на вѣки...». Ему былъ 67 годъ отъ рожденія.

Тѣло отпѣвали въ храмѣ Пимена-Новаго и студенты несли на себѣ гробъ до Міюскаго кладбища, гдѣ погребены бренные остатки усопшаго.

(*Составленъ* д. ч. Зеленецкимъ).

5. *Антоній Франциск Спада* родился въ Ливорнѣ, но время рожденія его неизвѣстно. Изъ найденыхъ послѣ смерти его документовъ видно, что онъ былъ подданный Великаго Герцогства Тосканскаго, и находясь при Испанскомъ посланникѣ въ Швеціи домашнимъ секретаремъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1801 г. прибылъ оттуда въ качествѣ учителя словесныхъ наукъ въ Санктпетербургъ, гдѣ, вступивъ въ домъ князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго и пользуясь его домашнею библіотекою, сталъ дѣлить занятія между исторіею и изящною литературою. Въ это время возъимѣлъ онъ намѣреніе составить на Французскомъ языкѣ полный «Историко-біографическій Словарь замѣчательныхъ мужей Россіи», но предъпріятіе это не было приведено къ желаемому концу. Тогда-же издалъ онъ небольшую книжку подъ названіемъ: «Morceaux choisis de Chateaubriand». St.-Pétersbourg, 1812. in-8°. Вступивъ въ концѣ 1812 года въ званіе почетнаго библіотекаря Императорской Санктпетербургской Публичной Библіотеки, имѣлъ онъ возможность еще болѣе распространить знанія и кругъ свой дѣятельности; а возложеная на него должность цензора при Санктпетербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ, доставила ему случай извлекать изъ разныхъ Русскихъ и иностранныхъ книгъ тѣ свѣдѣнія, которыя вообще относились къ Русской Исторіи. Слѣдствіемъ того былъ изданный въ 1816 году въ Санктпетербургѣ, въ четырехъ томахъ, in-8°,

сборникъ, подъ названіемъ: «Ephémérides russes politiques, littéraires, historiques, nécrologiques». Сочиненіе это, бывъ представлено имъ во время поѣздки за-границу лично въ разныя ученыя общества и библіотеки, доставило ему званіе члена ученыхъ Италіянскихъ обществъ, а именно: Падуанской Академіи Наукъ и Искусствъ, Академіи Италіянской въ Пизѣ, Флорентинской Академіи Художествъ, Флорентинскаго Общества подъ названіемъ Colombaria, Римской академіи св. Луки, Понтаніанскаго Общества въ Неаполѣ, и Римской Археологической Академіи. По возвратѣ изъ путешествія, уволясь отъ должности цензора и почетнаго библіотекаря, въ 1819 году, онъ прибылъ въ Одессу, и по рекомендаціи князя В. П. Кочубея, въ концѣ 1827 года, принятъ преподавателемъ Французскаго языка и словесности въ Ришельевскій Лицей, гдѣ остался однакожь короткое время. Находясь внѣ службы, въ 1828 году, приступилъ онъ къ извлеченію изъ современныхъ газетъ свѣдѣній относившихся къ тогдашней войнѣ Россіи съ Турціею, и составленную имъ брошюру напечаталъ въ Москвѣ подъ названіемъ: «Précis historique et chronologique des événemens militaires de la campagne contre les Turcs jusqu'à la prise de Varna en 1828». Въ началѣ 1829 года, поступивъ въ штатъ канцеляріи Одесскаго Градоначальника для иностранной переписки, продолжалъ начатый трудъ, и въ Санктпетербургѣ: «Précis historique et chronologique des événemens militaires pendant la seconde campagne contre les Turcs, depuis la prise de Varna jusqu'à l'occupation d'Andrianople le 8 Août 1829». Въ концѣ этого-жъ года возложена была на него должность библіотекаря Одесской Городской Публичной Библіотеки. Занимаясь этою обязанностью, сколько преклонныя лѣта дозволяли, не оставлялъ онъ любимыхъ литературныхъ занятій. Плоды трудовъ этого рода заключаются во Французскихъ стихахъ и въ статьяхъ о драматическомъ искусствѣ, помѣщавшихся время-отъ-времени въ Messager de la Russie méridionale и Journal d'Odessa. Принявъ въ завѣдываніе, послѣ извѣстнаго археолога Бларамберга (1833), Одесскій Городской Музеумъ Древностей, онъ употребилъ нѣкоторое время на историческіе замѣтки, какъ необходимый запасъ на новомъ, трудномъ поприщѣ. Избранный при самомъ основаніи Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, по званію директора Музеума Древностей, въ дѣйствительные члены, Спада представилъ ему въ 1840 году историческое изслѣдованіе: «Sur les sicles, et sur les poids et mesures des anciens Hebreux». Преклонныя лѣта и болѣзнь прекратили наконецъ жизнь его: онъ скончался въ чинѣ надворнаго совѣтника 26 Апрѣля 1843 г., оставивъ по себѣ, у знавшихъ его, память свѣтской любезности, всегдашней услужливости и литературной начитанности.

(*Составлено* ч. о. Мурзакевичемъ).

II.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

Днѣпровскіе курганы. Памятники древности, извѣстные подъ именемъ кургановъ*, начавшись въ Южной-Россіи у рѣчки Самары, тянутся чрезъ Днѣпровскія степи до Чернаго и Азовскаго морей, и отчасти разсѣяны внутри Крымскаго-Полуострова. Безъ этихъ высокихъ насыпей взоръ путешественника часто не находилъ-бы предмета, на которомъ могъ остановиться въ безпредѣльности здѣшнихъ равнинъ: только онѣ и нарушаютъ иногда ихъ грустное однообразіе.

Одинъ изъ старѣйшихъ путешественниковъ, «Рубруквисъ», приписываетъ произведеніе кургановъ въ здѣшнемъ краю Команамъ. «Они имѣли», говоритъ Рубруквисъ, «обыкновеніе дѣлать изъ земли насыпь надъ могилою умершаго и ставили ему статую, обращенную лицемъ къ востоку и держащую въ рукѣ надъ животомъ чашку**.

Дѣйствительно-ли были то Команы (Половцы), или другой какой народъ, во всякомъ случаѣ онъ былъ не чуждъ обитавшему нѣкогда въ степяхъ и горныхъ долинахъ южной Сибири: ибо точно такіе-же курганы и съ такими-же статуями существуютъ во множествѣ и въ этой странѣ*. Встрѣчаются они также по берегамъ Камы и Волги и на степяхъ, прилежащихъ къ Каспійскому-Морю, но въ меньшемъ числѣ, и тамъ, сколько извѣстно, вовсе нѣтъ на нихъ камней съ высѣченными изображеніями, какъ будто-бы народъ ихъ соорудившій, бывъ въ сихъ мѣстахъ только мимоходомъ, не имѣлъ для того достаточно времени. Замѣчательно, что Сибирскіе могильные камни, или истуканы, изсѣчены еще съ меньшимъ искусствомъ, чѣмъ стоящіе на курганахъ на степяхъ Днѣпровскихъ и близъ Азовскаго-Моря, и, что всего удивительнѣе, представляютъ болѣе изображенія мужчинъ, нежели женщинъ, между-тѣмъ, какъ здѣсь бываетъ это на оборотъ, отчего и самые истуканы получили названіе «каменныхъ бабъ».

---

* Татарскимъ словомъ «курганъ», означающимъ собственно «могилу», здѣсь и въ Сибири, обыкновенно называются только древнѣйшія могилы, коихъ начало бо́льшею частью покрыто неизвѣстностью.

** Voyages faits principalement en Asie, par Bergeron. T. I. ch. X.

* «Сибирскій Вѣстникъ», 1818. Ч. II. стр. 147-177.

Впрочемъ, въ томъ и другомъ мѣстѣ, черты лица, одежда и самый сосудъ, почти всегда даваемый въ руки истуканамъ, показываютъ Монгольское ихъ происхожденіе, ибо жертвенная чашка есть обыкновенная принадлежность Монгольскихъ «бурхановъ» (божковъ). Мужскіе истуканы по Днѣпру и въ другихъ окрестныхъ мѣстахъ имѣютъ обыкновенно на головѣ шапочку, въ родѣ Турецкаго феса, закрывающую только маковку; остальная-же часть головы, какъ примѣтно., вся выбрита, а остающіеся на темѣ волосы раздѣлены на три косы, которыя ниспадаютъ и по спинѣ (Рис. XII, фиг. 1 и 2). Женскіе истуканы представляются бо́льшею частью въ шапочкахъ, подобныхъ мужскимъ, но иногда имѣютъ нѣчто въ родѣ четыреугольной шляпы (Рис. XII, фиг. 3), и почти всегда съ ожерельемъ на шеѣ. Тѣ и другіе истуканы рѣдко бываютъ нагіе, а чаще въ платьѣ, которое на мужскихъ коротко, на женскихъ-же длиннѣе.

Къ-сожалѣнію многіе истуканы сняты уже съ кургановъ и получили другое назначеніе. Одни закладены въ стѣны домовъ, другіе употреблены на столбы къ воротамъ или поставлены въ садахъ, по близости тѣхъ селеній, гдѣ находились; въ одномъ мѣстѣ близь Днѣпра (с. Тягинкѣ), видѣлъ я ихъ по угламъ церковной ограды. Нѣкоторые увезены далеко съ своихъ мѣстъ, какъ это случилось и съ изображенными здѣсь истуканами, бывшими въ мое время въ Никополѣ. Сколь ни обезображены временемъ эти памятники древности, и сколь ни грубо изваяніе ихъ, все-таки, оставаясь на курганахъ, они могли-бы имѣть болѣе цѣны, и со временемъ разлить нѣкоторый свѣтъ на самый мракъ сихъ послѣднихъ.

Отработка здѣшнихъ истукановъ, при всей грубости ея, тщательнѣе, нежели Сибирскихъ: это происходитъ, быть-можетъ, оттого, что народъ, ихъ произведшій, находился уже на нѣкоторой степени образованности; притомъ самый камень, который былъ на то употребляемъ, обыкновенно известковаго свойства, болѣе представлялъ удобства для обработки, нежели гранитъ и песчаникъ въ Сибири. Но трудно постигнуть, отчего эти истуканы чаще изображаютъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ? Странно было-бы думать, что и Калмыки, или, что все равно, Монголы, имѣли своихъ Амазонокъ. Можетъ-быть, такое отличіе для женскаго пола имѣло основаніемъ какія-либо религіозныя понятія? Не были-ль это шаманки, которыя и нынѣ пользуются такимъ уваженіемъ при дворѣ Китайскаго богдохана? Наконецъ не заимствовали-ль Сибирскіе пришлецы Скиѳскаго обычая приносить въ жертву одну изъ женъ покойника? При безмолвіи исторіи, отъ одного-только разрытія кургановъ, не руками хищниковъ, добивающихся вещественной корысти, но людьми любознательными, можно ожидать нѣкотораго поясненія этой загадки.

Надобно признаться, что доселѣ свѣдѣнія о курганахъ сбивчивы и неопредѣли-

тельны. Нельзя полагать, чтобы и въ здѣшнемъ краю они принадлежали одному народу, кромѣ тѣхъ, на которыхъ поставлены были истуканы, и которые рѣшительно можно приписать народу Монгольскаго племени. Прочіе могутъ относиться ко временамъ Скиѳовъ, которые, по сказанію Геродота, насыпали высокіе холмы или курганы надъ прахомъ погребенныхъ царей, чему живой примѣръ видимъ въ отрытомъ въ 1830 году въ Керчи, курганѣ Скиѳскаго царя. Вѣроятно и другіе знаменитые люди этого народа пользовались такими-же знаками уваженія, судя по отвѣту Дарію Скиѳскаго царя Иданѳирса, сохраненному Геродотомъ: «У насъ нѣтъ ни городовъ», сказалъ онъ, «ни земли воздѣланной, опасаясь взятія или раззоренія которыхъ, должны были-бы мы скорѣе вступить съ вами въ битву. Если-же непремѣнно нужно вамъ поспѣшить сраженіемъ, у насъ есть отеческіе гробы; отыщите ихъ и отважтесь потревожить, тогда узнаете, будемъ-ли сражаться за гробы или нѣтъ: прежде, не имѣя важной причины, не станемъ драться съ тобою»*.

Любопытно также извѣстіе Барбаро**, о разрытіи одного кургана близъ рѣки Дона. Онъ состоялъ изъ двухъ насыпей, одна надъ другою; нижняя имѣла въ высоту 50 футовъ и вершиною своей образовывала круглую площадку; другая, возвышавшаяся надъ этою площадкою, и похожая на круглую шапку, обведена была дорожкою, по которой свободно могли проходить два человѣка рядомъ, и въ вышину простиралась до 12 футовъ. Въ 22 дня со 150 человѣками, Барбаро и товарищи его вырыли на этомъ курганѣ углубленіе шириною въ 8, глубиною въ 10, и длиною въ 60 футовъ. Первый слой земли былъ черный отъ согнившей травы, второй смѣшанный съ углемъ, третій состоялъ изъ золы, четвертый изъ просяной шелухи, пятый изъ рыбьей чешуи: каждый изъ трехъ послѣднихъ слоевъ былъ толщиною въ локоть. Сдѣлавъ это углубленіе и не нашедъ въ немъ предполагаемаго сокровища, они рѣшились еще углубиться по-срединѣ большаго кургана, гдѣ на глубинѣ 5 футовъ отыскали нѣсколько каменыхъ сосудовъ, изъ коихъ одни были полны золы, другіе рыбьихъ костей, иные порожніе. Сверхъ-того нашли они еще нѣсколько другихъ предметовъ. Далѣе Барбаро говоритъ, что курганъ этотъ сооруженъ былъ по приказанію Аланскаго князя Индіаба, который услышавъ, что Татарскій ханъ идетъ на него войною, велѣлъ скрыть въ немъ свои сокровища; но чтобы никто не могъ того замѣтить, притворился, будто желаетъ приготовить для себя могилу, по обычаю того времени. Если дѣйствительно, тутъ когда-либо находились сокровища, то вѣроятно они были похищены кѣмъ-нибудь прежде, чѣмъ отправился за ними Барбаро

* Книга IV, глава CXXVII).

** Viaggio della Tana, глава I.

съ товарищами. Такую-же неудачу испытываютъ часто раскапыватели и нынѣ, хотя курганы, подвергающіеся раскопкѣ, не подаютъ иногда наружнымъ видомъ своимъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы они были уже разрыты прежде.

Вообще курганы могли съ одной стороны, быть воздвигаемы какъ свидѣтельство уваженія отъ сооружавшихъ ихъ къ погребеннымъ и представляютъ для насъ такимъ-образомъ памятники ихъ вѣрованія; а съ другой, въ безпредѣльности степей, гдѣ находятся, служить и сторожевыми маяками, даже самыми бойницами, для воинственныхъ ихъ обитателей. Высокіе и уединенно-стоящіе курганы, какіе существуютъ на примѣръ, на правой сторонѣ Днѣпра, близъ Никополя, и на лѣвой, близъ селеній Рогачика и Сырогозъ, могли быть сооружены единственно съ послѣднею цѣлью, оправдываемою въ этомъ случаѣ самою мѣстностью, которая, состоя изъ неровностей и холмовъ, сопровождающихъ глубокія *бáлки* (низменности), можетъ быть русла изсякшихъ потоковъ, не позволяла бы взору безъ этихъ искусственныхъ возвышеній обнимать далекое пространство и наблюдать за движеніями враговъ. Но чтобы всѣ здѣшніе курганы, какъ полагаетъ Н. С. Всеволожскій*, служили становищами кочевыхъ народовъ, для помѣщенія на одномъ высшемъ князя или хана, на другомъ его жены, а на третьемъ главнаго жреца, совершенно неимовѣрно; потому во-первыхъ, что курганы вовсе не имѣютъ такого однообразнаго расположенія, какое онъ приписываетъ имъ, но бо̀льшею частью разбросаны по степямъ безпорядочно, въ различномъ числѣ и безъ наблюденія постепенности въ величинѣ; во-вторыхъ, что по разрытіи, во многихъ изъ нихъ находили такія вещи, которыя не дозволяютъ сомнѣваться въ цѣли сооруженія кургановъ, и наконецъ въ третьихъ, что здѣшніе курганы по виду своему и поставленнымъ на нѣкоторыхъ истуканамъ, представляютъ разительное сходство съ находящимися въ Сибири, гдѣ разрытіе ихъ всегда сопровождалось какими нибудь находками, и составляло нѣкогда прибыльный промыселъ, для такъ называвшихся въ тѣ времена «бугровщиковъ».

(Сообщено д. ч. Спасскимъ изъ «Путевыхъ Записокъ», веденныхъ имъ во время поѣздокъ по Крыму и его окрестностямъ).

Каменныя бабы. Извѣстныя въ здѣшнемъ краю подъ этимъ прозваніемъ, тесанные изъ камня истуканы, которыми вѣнчались прежде вершины кургановъ, обращали до-селѣ на себя вниманіе изслѣдователей весьма мало; между-тѣмъ памятники эти едва-ли не могли-бы служить лучшими руководителями къ разрѣшенію темнаго вопроса о происхожденіи насыпей, надъ которыми ихъ ставили. Изученіемъ «бабъ» надлежало-бы заняться тѣмъ-скорѣе, что изъ огромнаго числа ихъ, существовавшаго

* Путешествіе чрезъ Южную-Россію, Крымъ, Одессу и пр. Т. I. стр. 21, См. выше стр. 440.

прежде, теперь только весьма немногіе остаются на курганахъ; большинство снято съ своихъ мѣстъ, и частью истребилось вовсе. Общество, съ своей стороны, старается собирать о нихъ какія-только возможно свѣдѣнія. Вотъ тѣ, которыя успѣло оно получить:

1. Корреспондентъ Общества Ф. И. Фатеевъ прислалъ изъ Таганрога прилагаемый при семъ рисунокъ (N° XIII), девяти бабъ, находящихся въ Землѣ-Донскихъ-Казаковъ, съ слѣдующимъ обозначеніемъ высоты истукановъ и камня, изъ котораго они вытесаны.

Ф. 1.	высота	3½ арш.	камень	цвѣта сѣраго.
Ф. 2.	—	2½ арш.	—	— .....
Ф. 3.	—	3½ арш.	—	— сѣраго.
Ф. 4.	—	3 арш.	—	— желтаго.
Ф. 5.	—	2½ арш.	—	— темно-желт.
Ф. 6.	—	3 арш.	—	— сѣраго.
Ф. 7.	—	3½ арш.	—	— .....
Ф. 8.	—	2½ арш.	—	— .....
Ф. 9.	—	5 арш.	—	— свѣтло-желт.

1. Въ письмѣ объ этомъ предметѣ къ ч. о. А. Я. Фабру * членъ Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной-Россіи К. Я. Десметъ сообщилъ, что:

Три бабы находятся въ селеніи Ново-Воронцовкѣ. Онѣ утверждены здѣсь въ видѣ статуй на одной изъ садовыхъ стѣнъ; найдены были, вмѣстѣ съ другими древностями, на отстоящихъ недалеко оттуда большихъ курганахъ.

Изъ пяти бабъ въ селеніи Тягинкѣ, принадлежащемъ наслѣдникамъ Энгельгардтъ, четыре поставлены здѣсь по угламъ церковной ограды, а одна на углу господскаго дома. Сняты онѣ съ кургановъ по берегу Днѣпра.

Одну можно видѣть въ Херсонѣ близъ дома г. Попова; одна, говорятъ, сохранившаяся такъ, что кажется совершенно новою, находится у одного менонита, живущаго въ 40 верстахъ отъ Берислава по лѣвую сторону Днѣпра; одна еще имѣется въ Давыдовомъ-Бродѣ, имѣніи г. Суханова.

На землѣ г-жи Неклюевой есть большой курганъ, на которомъ стояла «баба». Такъ-какъ крестьяне вздумали оказывать ей родъ поклоненія, управляющій приказалъ ее опрокинуть, но въ продолженіе голоднаго 1833-4 года они опять поставили ее на мѣсто, утверждая что она способствуетъ имъ имѣть дождь и урожай, и начали покланяться ей усерднѣе прежняго. Тогда управляющій распорядился чтобъ «бабѣ» этой отсѣкли голову, которая и до-сихъ-поръ лежитъ у ногъ истукана.

3. Сверхъ означенныхъ выше девяти, г. Фатеевъ доставилъ потомъ снимокъ еще съ одной бабы, находящейся въ Таганрогѣ, въ домѣ Х. П. Хирсанова. Вышина ея 3 арш. (Рис. XIV Фиг. 1).

4. Д. ч. Архимандритъ Порфирій принесъ Обществу въ даръ одинъ такой истуканъ, привезенный въ 1840 году изъ Херсона. Онъ хранится въ Музеѣ Общества. Вышина этой «бабы» 3¾ арш., ширина въ плечахъ и бедрахъ 1 арш. Камень, изъ котораго она высѣчена, бѣлый плотный известнякъ. (Рис. XIV Фиг. 2).

* Отъ котораго вообще «о каменныхъ бабахъ» представлено Обществу особое изслѣдованіе.

Курганы и валы въ Кіевской губерніи. — Губернія эта, примыкающая непосредственно къ Херсонской южною своей частью, въ древнія времена безъ-сомнѣнія болѣе или менѣе раздѣляла участь нынѣшняго Новороссійскаго-Края; памятники ея потому не могутъ быть совершенно чужды предмету занятій Общества, а слѣдовательно можетъ имѣть мѣсто здѣсь и слѣдующее краткое извѣстіе объ нихъ, доставленное д. ч. Линовскимъ и заимствованное отчасти изъ записокъ г. Липпомана.

а. *Курганы.* Кургановъ, подобныхъ тѣмъ, какіе разсыпаны по всему пространству Новороссійскаго-Края, въ Кіевской губерніи чрезвычайно много, и они извѣстны тамъ, также какъ и здѣсь подъ именемъ «могилъ». Кажется, что число ихъ значительнѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ много рѣкъ. Видимая неуравнительность въ ихъ распредѣленіи разрушаетъ тамъ, какъ и вездѣ, всѣ предположенія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видна какъ будто-бы послѣдовательность между ними, но вдругъ линія прерывается, и они являются опять, но уже въ дальнемъ разстояніи, такъ-что не видя ихъ общей связи трудно рѣшить, имѣютъ-ли они какое нибудь отношеніе къ прежнимъ. Притомъ отступая отъ общаго правила одинаковости не рѣдко встрѣчаются они на одномъ мѣстѣ по два и даже больше; такъ-напримѣръ въ Чигиринскомъ уѣздѣ по дорогѣ между селеніями Мордвой и Адамовкой, въ одной группѣ заключается ихъ до шести.

Бо́льшая часть изъ нихъ мертва въ преданіи народномъ, но нѣкоторые оживлены фантастическими расказами; въ особенности занимательны въ этомъ отношеніи два кургана, лежащіе въ весьма близкомъ растояніи другъ-отъ-друга и извѣстные подъ названіемъ Перепьята и Перепьятихи. Они находятся въ Васильковскомъ уѣздѣ, первый на землѣ принадлежащей Хвастовскому имѣнію, другой въ имѣніи графа Браницкаго. Вотъ что говорятъ о нихъ: въ незапамятныя времена, жилъ-былъ какой-то князь Перепьятъ, который оставивъ жену свою дома, пошелъ съ дружиною противу чужихъ далекихъ народовъ. Жена долго не получала о немъ никакихъ извѣстій; наконецъ полагая, что онъ можетъ быть погибъ, собрала сама дружину, чтобъ отмстить его смерть, и отправилась въ путь. Путемъ-дорогою встрѣтилось ей какое-то войско; сочтя его за непріятельское, она бросилась на него съ яростью и разбила въ прахъ, потому что вождь его былъ убитъ въ самомъ началѣ схватки. Но когда все уже кончилось, и пылъ ярости прошелъ, оказалось, что это было войско Перепьята, переодѣтое въ другое, иноземное платье. Несчастная жена нечаянно погубившая такимъ-образомъ своего мужа съ отчаянія сама лишила себя жизни. Дружины насыпали могилы на мѣстѣ, гдѣ убитъ Перепьятъ и гдѣ умерла Перепьятиха, но какъ дружина послѣдней была гораздо многочисленнѣе разбитой дружины перваго, то и могила ея вышла го-

раздо выше мужниной. Курганы эти несмотря на то, что много потерпѣли отъ раскапыванія, до-сихъ-поръ еще гораздо выше всѣхъ другихъ находящихся въ той странѣ.

б. Змѣевъ валъ. Любопытнѣйшее и неразгаданное явленіе. Нѣкоторые называютъ этотъ валъ Траяновымъ, но въ народѣ онъ извѣстенъ подъ именемъ «Змѣева вала» и преданіе производитъ его отъ огромнаго змѣя, котораго святые князья Глѣбъ и Борисъ впрягли будто-бы въ плугъ и взбороздили такимъ-образомъ землю гдѣ ни проходили.

Валъ этотъ идетъ отъ Днѣпра немного выше устья рѣки Роси, вдоль по Богуславскому уѣзду, повыше мѣстечка Богуслава; переходитъ съ лѣваго на правый ея берегъ въ Васильковскій уѣздъ и тянется вблизи ея между горъ; далѣе, поворачивая влѣво, значительно отъ нея удаляется почти подъ село Озерное, лежащее по купеческой дорогѣ изъ Кіева въ Одессу, въ 25 верстахъ отъ Бѣлой-Церкви; потомъ переходитъ полукружіемъ съ праваго ея берега на лѣвый, повыше Бѣлой-Церкви, и слѣдуя извилинами оставляетъ Васильковскій уѣздъ и входитъ въ Сквирскій, мимо селъ Казимировки и Новоселицы, откуда тянется на сѣверо-западъ. Дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній, мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось пріобрѣсть.

Сколько извѣстно, валъ этотъ имѣетъ свои вѣтьви, одну по лѣвую сторону Роси ближе къ Кіеву, другую по правую; довольно значительный слѣдъ его видѣнъ еще даже въ Липовецкомъ уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ мѣстечка Монастырищъ, въ урочищѣ Теолинскомъ. Что касается до высоты этого вала, онъ довольно высокъ, и время по-сю-пору не уравняло еще сопутствовавшихъ ему рвовъ.

в. Слѣды укрѣпленій. Кіевская губернія чрезвычайно богата этого рода памятниками. Мнѣ извѣстны изъ нихъ:

1) Находящіеся весьма не въ дальнемъ разстояніи отъ границы Херсонской губерніи въ Чигиринскомъ уѣздѣ, между мѣстечками Жаботинымъ и Медвѣдовкою, въ большомъ черномъ лѣсу, называемомъ «Матронинымъ».

Площадь, окруженная этими укрѣпленіями, насыпанными весьма правильно и искусно, довольно велика; на ней стоитъ небольшой православный мужескій монастырь преподобнаго Онуфрія, но нѣтъ-сомнѣнія, что монастырь выстроенъ на готовомъ мѣстѣ; огромность укрѣпленій требовала работы множества рукъ, а обширное пространство ихъ было-бы излишнимъ для монастыря. Все это мѣсто окружено густымъ лѣсомъ, самые-же валы и рвы заросли старыми дубами. Говорятъ, что часто отрываютъ здѣсь камни и кирпичи. Мѣсто это заслуживало-бы особеннаго изслѣдованія.

2) Въ Сквирскомъ уѣздѣ, въ Ходорковскихъ лѣсахъ, на мѣстѣ, гдѣ недавно суще-

ствовала еще деревня «Грубскъ», у верховья текущей изъ болотъ рѣчки Тусквы, высокій валъ, насыпанный полукружіемъ, и съ небольшимъ укрѣпленіемъ на углу. Валъ этотъ довольно близокъ къ Змѣеву, и отъ рѣчки Ирпень разстояніемъ не болѣе десяти верстъ. Преданіе говоритъ, что на мѣстѣ, гдѣ былъ Грубскъ, Монголы подъ начальствомъ Бату-хана вырѣзали сорокъ тысячъ собраннаго тамъ войска, и что впослѣдствіи подлѣ того-же Грубска проходилъ великій князь Витольдъ съ своей ратью.

Весьма часто также встрѣчаются слѣды мѣстъ окруженныхъ высокими валами, въ родѣ извѣстныхъ «городищъ». Изъ нихъ два въ-особенности совершенно сходны съ городищами, видѣнными Зоріяномъ Ходаковскимъ, въ землѣ Ижорской и за Волгою, и Раковецкимъ въ Плоцкой губерніи; одно находится въ Радомысльскомъ уѣздѣ, по сосѣдству Мозырскаго, на малой возвышенности, близъ рѣчки Вересни, въ урочищѣ принадлежащемъ селу Залешанамъ; другое — въ Сквирскомъ уѣздѣ на довольно возвышенномъ мѣстѣ надъ ручейкомъ, въ урочищѣ принадлежащемъ селу Самгородку.

Новооткрытые слѣды древнихъ поселеній въ окрестностяхъ Керчи. Посѣщая въ концѣ Іюня 1839 года окрестности Керчи, замѣтилъ я на холмѣ близъ Татарской деревни Кошъ-Кёй, у истоковъ небольшой рѣчки, вливающейся въ озеро Чурубашъ, и извѣстной нѣкогда вѣроятно подъ именемъ Тапсиса, остатки древнихъ построекъ. Разрушеніе ихъ, произведенное расхищеніемъ камня на постройку домовъ въ Кошъ-Кёѣ, дѣлаетъ излишнимъ всякія усилія снять имъ планъ. Близъ истоковъ Тапсиса показывали мнѣ мѣсто, гдѣ, какъ увѣряютъ, существуетъ подземелье.

Не въ дальнемъ разстояніи и къ югозападу отъ Кара-Бурну, видѣлъ я также остатки древняго четыреугольнаго укрѣпленія съ нѣсколькими круглыми башнями. Оно находится вблизи возвышенія, подымающагося надъ берегомъ той части Воспора-Киммерійскаго, гдѣ г. Гурьевъ устроилъ свое земледѣльческое поселеніе. Высокая трава, содѣйствовавшая къ большему обозначенію остатковъ стѣнъ этой древней постройки, препятствовала мнѣ въ то-же время видѣть, не заключается-ли въ ней еще чего.

Я не стану дѣлать предположеній объ именахъ, которыя могли носить въ древности оба поселенія, слѣды которыхъ мною видѣнные, оставались кажется доселѣ никѣмъ не замѣченными. Укрѣпленіе принадлежало быть-можетъ къ системѣ тѣхъ, къ которымъ относится Кара-Бурунское, открытое за нѣсколько лѣтъ передъ симъ г. Дю-Брюксомъ, и которое г. Стемпковскій считалъ нѣсколько времени остатками Нимфеи. Окрестности обоихъ усѣяны значительнымъ числомъ кургановъ».

(*Сообщено* д. ч. Тетву-де-Мариньи).

Ровъ и валъ въ Перекопѣ. Земляной ровъ Перекопскій проведенъ поперегъ Крымскаго-Перешейка, начиная отъ обмелѣвшаго залива Чернаго-Моря до Сиваша, въ прямомъ направленіи отъ запада къ востоку, на протяженіи *шести верстъ, четырехъ сотъ-семидесяти-двухъ саженъ* и *пяти футовъ*. Съ южной стороны этого рва возвышается во всю его длину земляной валъ, прерванный только на небольшое разстояніе при Перекопскихъ воротахъ, гдѣ онъ снесенъ, и употребленъ на засыпку рва, съ цѣлью сдѣлать свободный проѣздъ для солевозцевъ. Высота этого вала, равно какъ и ширина рва, нынѣ, по причинѣ обваловъ, не вездѣ одинаковы. Самое большое возвышеніе вала составляетъ около *сорока-девяти футовъ* отвѣсной высоты, а ширина рва *пятьдесятъ-шесть футовъ*. При оконечностяхъ этого рва находятся каменныя укрѣпленія, превращенныя отчасти въ развалины взрывомъ, сдѣланнымъ княземъ Долгорукимъ 14 Іюня 1770 года. Изъ описаній тогдашняго времени видно, что всю эту линію прикрывали шесть каменныхъ башень; но теперь и слѣдовъ ихъ не замѣтно, за исключеніемъ одного каменнаго подземнаго свода, который находится неподалеку отъ западнаго укрѣпленія, и который служилъ вѣроятно, для сохраненія огнестрѣльныхъ снарядовъ. Почти на срединѣ перешейка находится Перекопская крѣпость, окруженная рвомъ съ бастіонами; она имѣетъ двое каменныхъ воротъ: однѣ съ сѣверной, другія съ западной стороны; въ первыя входъ устроенъ чрезъ подъемный мостъ. Съ южной стороны эта крѣпость обведена двойнымъ земляннымъ рвомъ. Теперь она упразднена, и не заключаетъ въ себѣ никакихъ предметовъ старины, заслуживающихъ особеннаго вниманія, кромѣ находящагося посреди крѣпости каменнаго пороховаго погреба съ желѣзными воротами, надъ аркою коихъ вставленъ камень съ Арабскою надписью, и изображеніемъ 1156 года гиджры—1743 по Р. Х. По увѣренію нѣкоторыхъ стариковъ, живущихъ въ Перекопѣ и находившихся тутъ еще во времена владычества хановъ, есть въ крѣпости и подземные ходы, прорытые по разнымъ направленіямъ. По указанію ихъ, я дѣйствительно нашелъ признаки входа, ведущаго въ эти подземелья, но какъ онъ заваленъ, то я не имѣлъ возможности его открыть. Можетъ-быть производимыя нынѣ г. управляющимъ Крымскимъ Соляным Правленіемъ Озерецковскимъ разрытія доставятъ въ этомъ отношеніи нѣкоторыя поясненія.

На южной сторонѣ крѣпости, позади втораго рва, видны слѣды бывшаго здѣсь поселенія, извѣстнаго подъ именемъ Стараго-Перекопа. Все пространство, на которомъ они находятся, окопано земляннымъ рвомъ, почти уже засыпавшимся. Такіе-же слѣды поселенія замѣтны на значительномъ протяженіи и позади большаго вала, начиная отъ западнаго укрѣпленія.

(Сообщено корреспондентомъ Шевелевымъ).

Преданія о Старомъ-Перекопѣ и объ основаніи Армянскаго-Базара. Нынѣшній городъ Перекопъ расположенъ, какъ извѣстно, по сѣверную сторону вала и крѣпости. Прежній городъ, говорятъ старожилы, находился по южную, Крымскую ея сторону, назывался *Оръ-Капи* и былъ весьма обширенъ. Строенія, особенно ханы (заѣзжіе дворы) были въ немъ каменные, много мечетей и двѣ христіанскія церкви, одна Армянская, другая Греческая, обѣ очень малыя и построенныя какъ обыкновенные домы, потому-что Татары не позволяли христіанамъ не только строить большихъ, но даже и надъ малыми ставить крестовъ. Вообще христіане претерпѣвали великія притѣсненія и ругательства отъ Турокъ и Татаръ, особенно-же когда Русскіе начали воевать противъ Крымскихъ хановъ. Греки въ то время были какъ невольники; ихъ заставляли копать рвы, возить каменья, починивать башни и крѣпостныя стѣны; неистство магомеганъ надъ христіанами до такой степени простиралось, что многіе изъ послѣднихъ, чтобъ сохранить себя и семейства отъ Татарской наглости, принуждены были отступить отъ православной вѣры и сдѣлаться мусульманами; всѣхъ болѣе гналъ Грековъ Капланъ-Герай-ханъ: онъ требовалъ отъ нихъ непомѣрной подати и кто не въ состояніи былъ уплачивать, у того отнимали все, что онъ имѣлъ, а самого посылали въ ханскую работу. Разъ, послѣ войны съ Русскими, которые его разбили, ханъ, возвратясь въ Крымъ, началъ требовать отъ Грековъ, по своей привычкѣ, непомѣрной подати; жившіе въ Перекопѣ не могли заплатить, за это онъ велѣлъ разорить ихъ церковь. Вскорѣ потомъ Русскіе отняли Перекопскую крѣпость. Коль скоро началось сраженіе, Татары всѣ разбѣжались; остались въ городѣ только одни христіане, но какъ онъ, раздѣляя участь башень и крѣпости, былъ также разоренъ Русскими, то остававшіеся Армяне и Греки начали выходить изъ города и завели недалеко оттуда селеніе подъ именемъ Армянскаго-Базара». Подтвержденіемъ этимъ преданіямъ, служитъ находящійся въ городовой думѣ геометрическій спеціяльный планъ выгонной земли города Перекопа, межеванной въ 1798 году. На планѣ этомъ показано позади крѣпости, съ Крымской стороны, пространство окопанное рвомъ; оно означено подъ именемъ «города Перекопа», а за рвомъ показано кладбище. Все пространство это носитъ и доселѣ явственные слѣды нѣкогда бывшаго тутъ многочисленнаго населенія. Внимательно разсматривая, можно даже замѣтить направленіе улицъ, которыя по мѣстамъ загромождены развалинами строеній, засыпанныхъ землею; а въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились колодези и теперь видны глубокія ямы. Въ настоящее время Армянскій-Базаръ видимо упадаетъ и вѣроятно всѣ жители его скоро переселятся въ Перекопъ.

(Сообщено корреспондентомъ Шевелевымъ).

Гробница Овидія. Къ мѣстнымъ и древнѣйшимъ преданіямъ Бессарабіи, устоявшимъ противъ разрушительнаго потока времени, принадлежитъ и память о пребываніи здѣсь сладкозвучнаго Овидія. Сильное впечатлѣніе должно было оно произвести на простодушныхъ Гетовъ и Сармаговъ, когда воспоминаніе объ немъ, переходя изъ-рода-въ-родъ, изъ-вѣка-въ-вѣкъ, могло сохраниться почти до нашихъ временъ. Неоспоримымъ свидѣтельствомъ дѣйствительности этого пребыванія именно здѣсь, а не гдѣлибо въ другомъ мѣстѣ, и памяти народной объ этой важной эпохѣ, можетъ служить названіе *Lacul-Ovidului* «Овидіево озеро», которое, по словамъ Кантемира*, находится вблизи нынѣшняго Аккермана. Это впрочемъ не единственное доказательство.

Предлагая мнѣнія разныхъ ученыхъ о мѣстопребываніи знаменитаго изгнанника, Кантемиръ, въ подтвержденіе, что городъ Томы, куда Овидій былъ сосланъ, долженъ былъ находиться не въ Мизіи, а въ Сарматіи, приводитъ надгробный камень съ надписью, который поставленъ былъ на могилѣ Овидія. Вотъ эта надпись:

«Hic situs est vates, quem divi Caesaris ira
Augusti patrio cedere jussit humo.
Sæpe miser voluit patriis occumbere terris,
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum».

Кантемиръ не видалъ ни мѣста могилы, ни камня съ надписью, а говоря, что вмѣлъ ее одинъ Полякъ, недалеко отъ деревни «Исакъ»**, ссылается въ этомъ на лѣтопись Сарницкаго. Желая повѣрить это извѣстіе, мы обратились къ источнику, указанному Кантемиромъ, т. е. къ Сарницкому, и въ его Annales, seu de origine et rebus gestis Polonorum et Lituanorum*, нашли слѣдующія слова: «Vivus (Ovidius) epitaphium sibi scripserat; et vir quidam ex Russia spectatæ nobilitatis dixit, se reperisse lapidem quendam in planitie quadam ad oppidum *Asak*, cui hoc carmen incisum fuit, quod venam Ovidii refert». За-тѣмъ слѣдуютъ вышеприведенные стихи, съ тою разницею, что во второмъ, вмѣсто patrio, какъ у Кантемира, стоитъ здѣсь Latio.

Хотя можно и не раздѣлять мнѣнія Сарницкаго, что этотъ carmen Ovidii venam refert, хотя надгробіе это можно считать не только не Овидіевымъ произведеніемъ, но даже и не современнымъ ему, а весьма позднѣйшимъ, работы какого-нибудь досужаго Латиниста, однако предполагая только, что не самъ Сарницкій его выдумалъ, все любопытно было-бы знать, откуда онъ взялъ его, и кто былъ этотъ вымышленный или дѣйствительно существовавшій vir ex Russia spectatæ nobilitatis, о которомъ онъ упоминаетъ. Случай помогъ сдѣлать это открытіе, доставивъ намъ въ руки вышедшую въ 1840 году въ Познани книгу: Pamętniki Milerowe do panowania

* Descriptio antiqui et hodierni status Moldaviæ. Lib. III, cap. III.

** Ibidem, cap. IV.

* Joannis Dlugossi seu Longini historia Poloniæ. Lipsiæ, 1712. Lib. II, c. IV, p. 904.

Stefana Batorego, Króla Polskiego, Wielkiego Księcia Litewskiego, Ruskiego, Pruskiego, Mazowieckiego, Żmujdzkiego, Inflantskiego, a Księcia Siedmiogrodzkiego, ku pospolitemu pożytkowi na ojczysty język wyłożył J. J. L *. Подлинникъ этой книги писанъ на Нѣмецкомъ языкѣ, и имѣетъ слѣдующее длинное заглавіе: Polnische, Liffländische, Moschowiterische, Schwedische vnd andere Historien, so sich vnter diesem jetzigen König zu Polen zugetragen. Das ist: Kurtze und wahrhaffte Beschreibung, welchermassen dieser jetzt regierender König in Polen, Stephanus deß namens der Erste, zum Regiment kommen, Was für Krieg er geführet, und wie er dieselben geendiget, Was sich zu seiner zeit biß daher begeben, vnd auff den Reichßtagen zu vnterschiedlichen mahlen abgehandelt, und was von dem Türken und Moschowiter für Werbungen vnd andere Anschläge fürgelauffen: vnd was jetzund für ein zustand in Liffland, Polen, Littawen, und der Mosekaw sey.

Darinnen auch die Schwedische Kriege wider den Moschowiter, und andere Schwedische und Denemärkische hieher notwendig gehörende Händel mit vermeldet vnd beschrieben werden.

Jngleichen von der Undeutschen Völcker in Liffland Sitten und Leben, so wol auch der Tatterey, der Fluß Boristhenis, der alten Stadt Kyoff gelegenheit, vnd vom warhafften ort der Exilii Ovidiani, sehr nützlich vnd zu lesen.

Mit fleiß zusammen gezogen durch D. Laurentium Müller, damals fürstlichen Churländischen Hoffrath, wie auß der Vorrede zu vernemen, Anno 1585. Нѣмецкое изданіе печатано въ четверку, страницъ въ немъ 52, но не нумерованныхъ. На послѣдней подъ виньеткою значится: Gedruckt zu Leipzig, durch Zachariam Berwaldt. Jn vorlegung Henningi Grossen, Buhhändlers, Anno MDLXXXV.

Изъ этихъ записокъ Миллера, важныхъ вообще не только для Польской, но и для Русской исторіи, извлекаемъ слѣдующее мѣсто*:

«Татары раздѣляются на три главныя вѣтви, на Казанскихъ и Астраханскихъ, которымъ Москва за нѣсколько лѣтъ предъ симъ нанесла великій уронъ, завладѣвъ Астраханью. Другіе, Перекопскіе, не слишкомъ вредные для Польши, потому-что живутъ весьма далеко отъ нея. Но Крымскіе Татары, обитающіе по сосѣдству съ Подоліею, внизъ отъ Кіева по Днѣпру до Чернаго-Моря, часто переѣзжаютъ Днѣпръ и производятъ опустошенія и грабежи.

«Земля этихъ Татаръ чрезвычайно плодоносна, но какъ они занимаются исключительно грабежемъ, то и остается безъ воздѣлыванія. Въ 1581 году, во время праздниковъ, когда Черкасскій староста Вишневецкій, при помощи князя Острожскаго, разбилъ Татаръ, мы осмотрѣли значительную часть этой земли и нашли тамъ огромныя пустыни. Въ этой странѣ трава растетъ чрезвычайно высоко и столь густа, что нѣтъ возможности ѣздить на колесахъ, потому-что она впутывается между спицъ

* Poznań i Trzeszno. 1840 169 стр. въ 12°.

* Стр. 12. Польскаго изданія.

и препятствуетъ свободному ихъ движенію. Въ лѣсахъ и на деревьяхъ множество пчелъ; въ этой странѣ растетъ въ изобиліи само-по-себѣ, особое растеніе на подобіе винныхъ лозъ; туземцы считаютъ его дикимъ виноградомъ. Вообще эта земля принесла-бы большія выгоды тому, кто-бы захотѣлъ ее воздѣлывать.

«Вмѣстѣ съ нами находился Волынскій дворянинъ, нѣкто Войнусскій, которому положеніе этой страны очень хорошо извѣстно; онъ былъ ученъ и какъ говорится ѣлъ хлѣбъ не изъ одной печи; былъ хорошій поэтъ и свѣдущъ въ историческихъ наукахъ; Греческій и Еврейскій языки зналъ совершенно. Этотъ Войнусскій уговорилъ нѣсколькихъ изъ насъ продолжать съ нимъ путь далѣе, и заманивалъ тѣмъ, что покажетъ Овидіеву гробницу.

«Нѣкоторые изъ насъ приняли его предложеніе и пустились въ путь на ретивыхъ коняхъ, непроложенной дорогой. На шестой день пути отъ Днѣпра, мы остановились на прекрасномъ мѣстѣ, гдѣ былъ колодезь заглохшій тиною. Въ близкомъ разстояніи отъ колодезя, Войнусскій вынулъ саблю, чему и мы послѣдовали, и всѣ вмѣстѣ начали косить траву до-тѣхъ-поръ, пока не открыли надгробнаго камня. Увидѣвъ, что буквы покрылись уже мхомъ, мы тутъ-же ихъ очистили ножами и порохомъ, и когда кончили этотъ трудъ, нашли что разсказъ Войнусскаго совершенно справедливъ: камень имѣлъ на себѣ вырѣзанную надпись изъ четырехъ слѣдующихъ строкъ:

Hic situs est Vates, quem divi Cæseris ira,
Augusti Latio cedere jussit humo,
Sæpe miser voluit patriis occumbere terris,
Sed frustra: hunc illi fata dedere locum».

Слова *Latio* нельзя было никакъ разобрать; сначала полагали мы по всему вѣроятію и по числу буквъ, что тутъ должно стоять слово *patrio*, но какъ въ слѣдующей строкѣ встрѣтили *patriis*, то единогласно рѣшили, что неясное слово должно читать *Latio*. Я оговариваю это для того, чтобы позднѣйшіе читатели не думали, что я пишу наобумъ. Напослѣдокъ мы взяли древеснаго клея, жгли съ порохомъ до-тѣхъ-поръ, пока совсѣмъ не почернѣлъ и замазали имъ всѣ буквы, для-того, чтобы они не такъ скоро могли покрыться мхомъ.

«Тотъ-же самый Войнусскій увѣрялъ меня, что на Волыни общее преданіе гласитъ, будто Овидіевы остатки перенесены въ Кіевъ; но это кажется выдумано, потому что въ Кіевѣ мы ничего о томъ разузнать не могли».

Такъ-какъ «Записки Миллера» вышли въ свѣтъ въ 1585 году, «лѣтописи-же Сарницкаго» напечатаны впервые въ Краковѣ въ 1587, то-есть двумя годами позже, то выше-приведенный разсказъ Миллера имѣемъ полное право считать источникомъ, откуда Сарницкій заимствовалъ свѣдѣнія свои о гробницѣ Овидія. Выходитъ, что vir quidam ex Russia spectatæ nobilitatis, котораго

Кантемиръ неизвѣстно почему назвалъ Полякомъ, былъ Войнусскій; но отткуда взялъ Сарницкій, что гробница находилась in planitie quadam ad oppidum Asak, и на какомъ основаніи Кантемиръ поправляетъ Asak, измѣняя его въ Isak, остаётся неизвѣстнымъ, равно-какъ и то: выдумалъ Миллеръ весь свой расказъ или имѣетъ онъ какое-либо основаніе.

(*Сообщено* д. ч. Линовскимъ).

Достопримѣчательности Воскресенской церкви въ Берославѣ. Въ заштатномъ городѣ *Берославѣ*, разстояніемъ отъ Херсона около 90 верстъ, обращаетъ на себя вниманіе любителя старины, древняя церковь изъ дубоваго лѣса во имя Воскресенія Христа-Спасителя. Она перенесена въ этотъ городъ (именовавшійся тогда Кизикерменомъ) изъ крѣпости Переволочанской, стоявшей на Днѣпрѣ около нынѣшняго Верхне-Днѣпровска, и по постановленіи на теперешнемъ мѣстѣ, освящена въ 1784 году Сентября въ 29 день. Вмѣстѣ съ этимъ храмомъ перевезены также и слѣдующіе замѣчательные предметы: 1) *иконостасъ*, весь рѣзной работы, стариннаго письма; 2) *напрестольное евангеліе*, съ слѣдующею надписью: «*евангеліе, или благовѣствованіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, за благополучныя державы пресвѣтлѣйшаго и державнѣйшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, во св. великой, чудотворной Кіевопечерской лаврѣ, ставропигіи великаго господина святѣйшаго киръ-Адріана, архіепископа Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, при архимандритѣ Печерскомъ великомъ господинѣ отцѣ Мелетіи, первое тщаніемъ издася въ лѣто отъ созданія свѣта 7205, отъ воплощенія-же Бога Слова 1697, мѣсяца декемврія*». По листамъ на семъ-же евангеліи приписано: «*Сію книгу, глаголемую евангеліе напрестольное надалъ его милость панъ Никита Романовъ, козакъ Запорожскаго войска, куреня Менскаго, до храму церкви Божественнаго Воскресенія Христова, року 1700*». 3) *напрестольный* осьмиконечный, серебряный, вызолоченый, *крестъ* величиною въ полъ-аршина, безъ особыхъ украшеній; на немъ съ одной стороны изображено распятіе Спасителя съ предстоящими и ликъ святителя Николая, а на другой находятся слѣдующія надписи: a) «*Мощи св. Печерскихъ чудотворцовъ: преподобнаго отца Лаврентія затворника, преподобнаго отца Нестора, преподобнаго отца Кассіана, преподобнаго отца Моисея, преподобнаго Тита, преподобнаго отца Ипатія, преподобнаго отца Мора, преподобнаго Агафонта, преподобнаго отца Зинова*». b) «*Лѣта* $\overline{\text{SPOД}}$, *Марта въ* $\overline{\text{A}}$ *день состроенъ сей крестъ при священникѣ Тимоѳеѣ на прикладную на Никольскую казну*, и c) «*Мощи св. Кіевскихъ Печерскихъ чудотворцовъ положилъ въ сей крестъ, по обѣ-*

щанію, стольникъ и полковникъ Стефанъ Ивановичъ Яновъ».

(Сообщено корреспондентомъ Ляликовымъ).

Надгробія кошевыхъ Гордѣенки и Ерофѣева. Не болѣе какъ лѣтъ за пятнадцать назадъ кладбище бывшей на рѣкѣ Каменкѣ сѣчи Запорожской усѣяно было крестами и надгробными памятниками съ надписями; даже крѣпостные валы сохраняли обшивку свою изъ тесанаго камня. Теперь все это истреблено. На кладбищѣ остается только четыре креста. Одинъ изъ нихъ вовсе безъ надписи, на другомъ стерлась она отъ времени такъ, что ничего нельзя разобрать; за-то надписи двухъ остальныхъ обогащаютъ насъ весьма важными свѣдѣніями относительно исторіи Запорожья: первая опредѣляетъ годъ смерти кошеваго Кости Гордѣенки, о которомъ въ «Исторіи послѣдняго Коша» г. Скальковскаго сказано, что неизвѣстно гдѣ и когда онъ умеръ. Вторая дополняетъ списокъ кошевыхъ новымъ неизвѣстнымъ именемъ Василія Ерофѣева. Вотъ оба надгробія вполнѣ и слово-въ-слово.

1.

☾ ✠ ✠

ва имя оц҃а и сн҃а с҃го дх҃а, а(*минь*).
зде опочиваетъ рабъ божіи
костантин гордѣевич атаманъ
кошовыи славнаго воис
ка запорожкого низового
а куреня платнѣровскаго.
преставися року $\overline{\text{АѰЛ}}$: т д я
$\overline{\text{Д}}$ мл.а.

2.

во имъя. пресвятия
и животр(*ящія и нераздѣ*)лнаа троици
аминъ.
зде опочиваетъ рабъ бж҃и
васил іероѳеви ат҃ма ко
шовии славнаго воиска
запорожскаго низового а куреня
тытаровского преставился в.
року 1731-мъ в:
мц҃ѣ май дня 23.

(Сообщено Соревнователемъ Вертильякомъ).

Абрикосовое дерево, посаженное Императрицею Екатериною II. Проживая въ Херсонѣ, во время знаменитаго путешествія своего по Южной-Россіи, Императрица Екатерина II, посадила собственноручно въ саду подлѣ покоевъ, которые занимала, абрикосовое зерно, которое взошло и развилось со временемъ въ великолѣпнѣйшее дерево. Дерево это находится въ разстояніи 8 футовъ 9 дюймовъ отъ бывшаго дворца ея. Толщина его въ основаніи 7 футовъ 7 дюймовъ. На аршинъ отъ земли оно раздѣляется на три ствола, пускающіе каждый множество вѣтвей. Стволъ обращенный къ югу имѣетъ 3 ф. 8 д. толщины; къ востоку 3 ф. 6 д., къ сѣверу 4 ф. 6 д., высота дерева 36 ф. 6 д. Лѣтомъ, когда оно одѣто листьями и плодами, видъ его поразительно величественъ. Это единственное

абрикосовое дерево въ цѣломъ Херсонѣ, но еще замѣчательнѣе, что даже на всемъ Южномъ-Берегѣ Крыма не найдется ни одного того-же рода, которое могло-бы сравниться съ нимъ огромностью. Сообразна массивности и плодородная сила его: оно даетъ отъ 10 до 12 пудовъ фруктовъ ежегодно, преимущественно съ той поры какъ стали поливать его и весь садъ водою, добываемою посредствомъ машины изъ устроеннаго тутъ-же колодезя. Тяжесть фруктовъ, обременяющихъ дерево лѣтомъ и діагональное расположеніе его вѣтвей дали благоразумную мысль скрѣпить ихъ канатами, посредствомъ которыхъ они взаимно себя уравновѣшиваютъ. Это, и обнесенная во-кругъ нея чугунная рѣшетка, имѣющая мѣдную доску съ надписью:

Все насажденное Тобой
Для насъ хранить есть долгъ святой.

свидѣтельствуютъ что чувства любви и благоговѣнія къ памяти Великой гостьи нашего края живутъ неумираемо въ сердцахъ его жителей. *(Сообщено* г. Пелино).

Часы Новороссійскаго издѣлья. Къ любопытнымъ и рѣдкимъ памятникамъ собственно Новороссійскаго издѣлья, по всей справедливости можно причислить серебряные часы, находящіеся теперь у помѣщика Херсонской губерніи, полковника гвардейской артиллеріи князя Р. Н. Кантакузина, и доставшіеся ему отъ отца, бывшаго нѣкогда наказнымъ атаманомъ Бугскихъ казаковъ.

Величина этихъ часовъ въ діаметрѣ 5 англійскихъ дюймовъ. Цифербланъ бѣлый финифтяный съ арабскими цыфрами въ три ряда. Верхній рядъ чиселъ въ четырехъ мѣстахъ означаетъ минуты; средній — большими цыфрами — часы, а нижній — числа дней въ каждомъ мѣсяцѣ. На оси часовой, суточной и минутной стрѣлокъ утверждена табличка съ цыфрами, для будильника Верхній футляръ часовъ, равнокакъ и внутренній, оба серебряные; къ послѣднему прикрѣпленъ механизмъ часовъ (корпусъ) мѣдный вызолоченый, и стальной будильничный колоколъ. Весь корпусъ обыкновенной старинной конструкціи, съ заводомъ колесъ на одни сутки. Нѣкоторыя часовыя колеса утверждены на цвѣтныхъ камешкахъ. На внутренней часовой доскѣ вырѣзана слѣдующая надпись: ФЕДОР: КОВАЛСКІ: КРЕМЕНЧУГЪ, а надъ нею: «397». Весь часовой механизмъ прикрытъ особенно серебряною доскою о четырехъ отверстіяхъ, съ слѣдующими надъ ними надписями: «будильникъ», «составъ хода», «четверти» и «часовой ходъ». При часахъ имѣется и ключъ старинной формы, съ механизмомъ недозволяющимъ заводить ихъ въ противную сторону.

Часы эти по всему вѣроятію должны быть отнесены къ эпохѣ водворенія наукъ и художествъ въ Новороссійскомъ-Краѣ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ, когда начиная съ 1786 года, сталъ онъ вызывать разнаго рода ученыхъ и художни-

ковъ и водворять ихъ въ Кременчугѣ, временной резиденціи главнаго управленія краемъ. (*Сообщено* ч. о. Мурзакевичемъ).

Разрытія кургановъ возлѣ Керчи и Тамани въ 1842 и въ началѣ 1843 года. (Записка, представленная д. ч. Карейшею *). Съ возстановленіемъ перваго удобнаго для земляныхъ работъ времени, въ Февралѣ мѣсяцѣ 1842 года, было приступлено мною къ разрытію кургановъ въ окрестностяхъ Керчи. Разысканія начались на землѣ, принадлежащей наслѣдникамъ дю-Брюкса, возлѣ дороги, идущей къ новому карантину, въ курганѣ, отличавшемся огромностью и правильностью конической формы. Хотя могильная насыпь эта и была вполовину разрыта директоромъ Керченскаго музея г. Ашикомъ, но въ ней ничего не найдено. Надѣяться-же успѣха можно было на томъ основаніи, что въ смежномъ съ нею и совершенно сходномъ по виду и величинѣ курганѣ, въ 1837 году была отрыта мною гробница, и въ ней превосходная Греческая ваза оригинальной формы, въ родѣ такъ-называемыхъ ΑΝΚΦΟΣ, отличавшаяся лѣпными украшеніями, покраской, позолотой и надписями во-кругъ. Поиски были направлены съ восточной стороны, имѣвшей продолговатую присыпь. Когда, по углубленіи до самаго материка, не оказалось никакихъ признаковъ близости гробницы, то курганъ стали раскапывать сплошь шахтами. Напослѣдокъ, въ концѣ Февраля, въ одномъ мѣстѣ отрыто нѣсколько большихъ камней, съ высѣченными карнизами, которые разбросаны были въ безпорядкѣ по материку. Убѣжденный опытомъ, что это остатки расхищенной въ давнее время гробницы, я прекратилъ здѣсь работы, и перенесъ ихъ къ сторонѣ Аджи-Мушкая, деревушки, лежащей около четырехъ верстъ отъ Керчи. Тамъ были разрыты три небольшія, довольно плоскія насыпи, изъ коихъ въ одной-только найдена простая съ жженными костями гробница. Подвигаясь отсюда постепенно къ городу, по направленію Аджи-Мушкайской дороги, я сталъ рыть въ большомъ курганѣ, и въ немъ, по углубленіи, отыскалъ сначала обломокъ мраморной капители, коринѳскаго ордена, а потомъ и са-

---

* Равнымъ-образомъ и д. ч. Ашикъ доставилъ Обществу: «Отчетъ объ археологическихъ разъисканіяхъ, произведенныхъ въ 1828, 29, 34, 37, 40 и 41 годахъ въ Киммерійскомъ-Воспорѣ; съ присовокупленіемъ краткой исторіи города Керчи и извѣстія о Керченскихъ курганахъ, гробницахъ и древнихъ развалинахъ; съ планами, картами и рисунками». Содержаніе его слѣдующее: 1. *Краткая исторія города Керчи*; 2. *Краткое изслѣдованіе о мѣстоположеніи древнихъ Греческихъ поселеній на Таманскомъ-Полуостровѣ*; 3. *О древнихъ развалинахъ и валахъ, существующихъ на Керченскомъ-Полуостровѣ*; 4. *О Керченскихъ курганахъ*; 5. *Описаніе гробницы, открытой въ 6 верстахъ отъ Керчи въ 1830 году*; 6. *Описаніе гробницы, названной Царскою*; 7 и 8. *Объ открытіи древностей въ 1828 и 1829 годахъ*; 9. *О мраморныхъ саркофагахъ*; 10, 11 и 12. *Объ открытіи древностей въ 1837, 1840 и 1841 годахъ*. По обширности сочиненія Общество не могло помѣстить его въ издаваемомъ I томѣ, а предполагаетъ воспользоваться при будущихъ изданіяхъ.

мую гробницу большаго размѣра, но она была разбита и камни большею частью расхищены. Послѣ этихъ неудачъ, работы были приближены къ шоссе, гдѣ могильныя насыпи, въ продолженіе послѣдняго десятилѣтія раскопанныя совершенно или на-половину, мною и г. Ашикомъ, доставили намъ много любопытныхъ, даже замѣчательныхъ древнихъ вещей. Надежда производить здѣсь поиски съ лучшею удачею оправдалась вскорѣ на дѣлѣ.

Въ большомъ курганѣ, лежащемъ около завода кн. Херхеулидзева, по вынутіи изъ него 41 куб. саж. земли, оказалась, вблизи открытой прежде г. Ашикомъ, разоренной гробницы, другая земляная, прикрытая сверху каменными плитами. Въ ней былъ погребенъ остовъ человѣка, на черепѣ коего найденъ вѣнокъ изъ 10 золотыхъ лавровыхъ листьевъ, а на пальцѣ лѣвой руки золотой перстень съ Сирійскимъ гранатомъ, на коемъ вырѣзана муза, держащая музыкальный инструментъ, и подлѣ, другой перстень изъ желѣза, со вставленнымъ стеклышкомъ, и съ полустертымъ изображеніемъ сидящаго пѣтуха; сбоку остова лежалъ совершенно проржавѣвшій мечъ, съ агатовымъ украшеніемъ сверху ручки. Въ сторонѣ этой гробницы, отыскана другая, совершенно сходная устройствомъ съ первою. Въ ней, у головы покойницы, находилась пара золотыхъ сережекъ съ измятыми по концамъ львиными головками, а на пальцѣ перстень съ испорченнымъ камнемъ. Далѣе оказалась простая земляная гробница, въ которой на черепѣ скелета былъ вѣнчикъ изъ золотыхъ треугольныхъ листиковъ, у ногъ простой кувшинчикъ, а по угламъ согнившаго деревяннаго гроба четыре изъ жженой глины маски Медузъ, съ крылышками на головѣ и змѣями въ волосахъ, одна маленькая маска Вакха и 8 розетокъ изъ глины-же, покрытыхъ розовою краской. На пальцѣ лѣвой руки находился желѣзный испорченный перстень. За тѣмъ, по-близости, отрытъ большой прекрасный склепъ, оштукатуренный и убранный карнизомъ. Къ-сожалѣнію, этотъ памятникъ былъ бо́льшею частью разбитъ еще въ давнее время. Въ смежномъ съ этимъ меньшаго объема курганѣ, разрытомъ совершенно, по вынутіи 20 куб. саж. земли, найдено нѣсколько жженыхъ гробницъ. Одна оказалась разоренною, въ другой и третьей находились одни только остовы, а въ четвертой простой кувшинчикъ и печать съ золотымъ плоскимъ ободкомъ. Въ земляной-же ничего не отыскано, кромѣ скелета, и подлѣ, надгробнаго камня, съ высѣченными барельефно фигурами мужчины, женщины и малютки въ стоячемъ положеніи и съ неясною Греческою надписью. Кромѣ сихъ гробницъ, были открыты здѣсь четыре земляныя, съ каменными крышами. Въ двухъ изъ нихъ найдено по одному простому съ узкими горлышками кувшинчику, а въ остальныхъ алебастровыя украшенія отъ гробовъ, въ видѣ шах-

матныхъ пѣшекъ. Наконецъ, въ небольшой жженой черепичной гробницѣ добыты пара золотыхъ серегъ, невычурной работы, и круглая золотая пряжка, сходная видомъ съ часовымъ колесомъ, и имѣвшая въ срединѣ гранатовый камешекъ.

Въ третьемъ средней величины курганѣ, по вырытіи 35 куб. саж. земли, отысканы три земляныя гробницы, съ плитными каменными крышами. Въ каждой, на черепѣ покойника, были вѣнчики изъ 6 треугольныхъ листоваго золота листиковъ. Подлѣ нихъ здѣсь-же найдена четвертая гробница, прикрытая надгробнымъ камнемъ, съ изображеніемъ сидящей на креслѣ женской фигуры въ длинной туникѣ, стоящаго на пьедесталѣ небольшаго роста мужчины въ плащѣ, и трехъ малютокъ. Надпись ΜΑΚΑΡΙ ΜΥΡΜΗΚΟΣ ΧΑΙΡΕ означаетъ, безъ-сомнѣнія, имя и мѣсто рожденія погребенной подъ симъ камнемъ особы, а малютки, вѣроятно, ея дѣти. Здѣсь, на черепѣ усопшей найдены золотые листочки отъ вѣнчика, у шеи сережки, на рукѣ перстень съ сердоликомъ, на коемъ вырѣзанъ крылатый амуръ, съ стрѣлою въ рукѣ, и далѣе стекляная слезница. Въ сторонѣ отрыты три земляныя небольшія гробницы, въ которыхъ находились: въ одной 2 узкогорлые кувшинчика, въ другой вѣнчикъ изъ треугольныхъ золотыхъ листиковъ, въ третьей нѣсколько золотыхъ зеренъ отъ ожерелья. Въ четвертомъ курганѣ оказалась одна только гробница, сложенная вся изъ тесаныхъ камней и не заключавшая въ себѣ ничего, кромѣ костей. Въ пятомъ смежномъ курганѣ были отысканы двѣ небольшія жженыя гробницы, изъ коихъ одна разоренная, въ другой-же находилось вокругъ шеи золотое ожерелье изъ шариковъ. Въ двухъ земляныхъ, съ каменными плитными крышами, были: въ одной широкая на лбу черепа накладка изъ тончайшаго листоваго золота и глиняная птичка у рукъ, а въ другой монисто изъ разнородныхъ зеренъ, простой кувшинчикъ, и мѣдные браслеты. Въ шестой, совершенно разрытой насыпи, по углубленіи на три сажени внизъ, обнаружились въ одномъ мѣстѣ изсѣченныя въ землѣ ступени, а за ними большая плита, стоявшая вертикально, и подпертая камнями. Когда ее отвалили, оказалась внизу земляная гробница съ остовомъ женщины, на истлѣвшемъ черепѣ коего лежала золотая діадема съ неясною посрединѣ Латинскою надписью, и съ изображеніемъ выбитаго лика одного изъ Римскихъ императоровъ, а сбоку его, женскаго лица въ повязкѣ. Далѣе тутъ-же была золотая бляшка съ звѣздочкою, и возлѣ золотыя-же сережки, съ синими камешками, а шею обвивало ожерелье изъ мелкихъ зеренъ темносиняго стекляруса. Подлѣ этого остова, и очень близко къ нему, находился скелетъ мужчины, у лѣваго плеча коего лежалъ короткій мечъ, или кинжалъ, въ истлѣвшихъ ножнахъ съ серебряными пряжками, а вдоль правой ноги положенъ былъ мечъ съ золотымъ укра-

шеніемъ наверху ручки, и серебряными пряжками на ножнахъ. Всторонѣ отсюда, на-право, была погребена другая женщина, на поясѣ коей отыскана мѣдная позолоченая пряжка, какъ-бы для ношенія ключей, и нѣсколько крупныхъ монистъ изъ стекляной и Египетской массы. За тѣмъ, по разрытіи кургана, открыта далѣе еще земляная гробница, и въ ней, возлѣ скелета, лежалъ съ боку мечъ съ золотымъ украшеніемъ наверху ручки, прекраснымъ свѣтлымъ агатовымъ эфесомъ, широкою золотою накладкою на ножнахъ, и шестью золотыми пряжками; на кинжалѣ-же было наверху золотое украшеніе, подобное найденному на мечѣ. Неподалеку отрыты кости лошади, вѣроятно принадлежавшей сему воителю, а между ею и покойникомъ мраморный плоскій сосудъ съ карнизомъ, въ видѣ подноса. Далѣе найдены три гробницы съ каменными крышами. Въ одной, возлѣ шеи, оказались золотыя сережки простой работы, а у ногъ четыре глиняные пената; въ другой, такія-же сережки, и у рукъ двѣ игральныя изъ мрамора кости; въ третьей, у ногъ покойника кувшинчикъ, а на груди бронзовая большая медаль съ ушкомъ и неяснымъ арабескомъ. Обходя шахтами эту насыпь, я встрѣтилъ къ сѣверной сторонѣ надгробный бѣлаго мрамора камень съ изображеніемъ трехъ фигуръ, мужчины, женщины и малютки, и слѣдующею подъ ними надписью: ΘΕΟΦΙΛΕ ΟΝΗΣΙΜΟΥ ΚΑΙ ΜΗΤΗΡ ΘΕΟΔΩΡΑ ΧΑΙΡΕΤΕ, т. е. *Феофилъ, сынъ Онисима, и мать Феодора, радуйтесь!* Ниже этихъ письменъ, видна другая надпись, начертанная вполовину меньшими буквами и съ боковъ совершенно стертая. Вотъ, однакожъ, слова, кои можно было разобрать:

ΘΑΙΤΗΙΒΟΥΛΗΙ ΚΑΙΤΩΙΔΗΜΩ ΤΟΙΣ ΤΟΝΔ
ΤΟΝ ΔΗΔΟΥΜΕΝΟΝ ΚΑΙ ΔΑΚΤΥΛΙΩΙ ΧΙΑΡΙΝ
ΤΗΣ ΕΙΣ ΤΗΝ ΠΟΛΙΝΑΡΕΣΚΕΙΑΣ.

Изъ нихъ можно понять, что это посвященіе обществу и народу отъ города Арескія, въ знакъ признательности. Едва замѣтные наверху карниза и, по-видимому, нарочно стертыя литеры, равно-какъ и высѣченные съ одного боку Іоническіе зубцы, заставляютъ предполагать, что этотъ камень былъ прежде въ какомъ-нибудь строеніи, или памятникѣ, а потомъ употребленъ для надгробной доски. Возлѣ этого мрамора, по внимательномъ разрытіи земли на достаточную глубину, оказалась въ сторонѣ большая, къ-сожалѣнію, разоренная гробница, и подлѣ отломанная отъ вазы ручка въ видѣ крылатаго изъ глины амура. Далѣе, въ этомъ-же курганѣ отыскана земляная небольшая гробница съ оливнымъ мѣднымъ истлѣвшимъ вѣнкомъ, украшеннымъ вѣтками и ягодами маслинъ изъ стекляной массы, съ разнороднымъ на шеѣ монистомъ, и глиняной чашечкой (украшенной лѣпными арабесками), называемой ФІАЛН, и употреблявшейся для возліяній въ честь разныхъ божествъ. Возлѣ этого мѣста отрыта земляная съ каменной плитной крышей, узкая

разоренная гробница, а за нею другая такая-же, но цѣлая: ибо на шеѣ скелета найдено простое стекляное монисто, а на рукѣ витой о 8 оборотахъ мѣдный браслетъ, съ змѣиными по концамъ головками.

Въ седьмомъ курганѣ, ближе къ морю, найдены двѣ жженыя гробницы. Въ одной изъ нихъ были четыре золотые и тонкіе оттиска монетъ, въ другой пара золотыхъ съ розетками сережекъ; потомъ земляная съ каменной крышей гробница, и въ ней одинъ такой-жеоттискъ, и напослѣдокъ вся каменная, и хорошо сложенная, съ толстыми плитами крыша. Не смотря на эти признаки, обѣщавшіе порядочную находку, въ ней отысканъ подлѣ костей одинъ только золотой оттискъ монеты и мѣдное зеркальце.

Въ осьмомъ курганѣ, при разрытіи его, показались сбоку четыре стѣнки, старательно сложенныя на извести изъ штучныхъ пиленыхъ камней, однакожь безъ крыши. Какъ это построеніе, имѣвшее въ квадратѣ около 2 аршинъ, вовсе не было похоже на гробницу, то я приказалъ очистить внутренность, наполненную землею. По углубленіи на сажень, въ этомъ мѣстѣ оказалась толстая въ 1 аршинъ плита, плотно вдѣланная между стѣнокъ. Когда ее раздробили молотами, появилась опять земля, смѣшанная съ обломками черепицъ, и отчасти съ золою, потомъ обнаружилась другая плита, потоньше первой, за которою опять земля, напослѣдокъ, тонкая плита, и подъ нею прѣсная вода въ изобиліи. Соображая это обстоятельство, наклоненіе слоевъ насыпной земли кургана, и то, что построеніе это находилось съ краю насыпи, должно почесть его за древній колодезь, который съ-начала находился у подошвы кургана, а потомъ, быть-можетъ во время войнъ, былъ закрытъ и засыпанъ. Въ сторонѣ отъ сего колодезя найдена съ каменной плитной крышей земляная разоренная гробница; другая-же, сложенная вся изъ каменныхъ штукъ, была цѣла. Въ ней, подлѣ головы скелета, отыскано нѣсколько золотыхъ зеренъ монисто, двѣ пары золотыхъ сережекъ со львиными головками, на рукѣ золотое кольцо съ выпуклымъ Сирійскимъ гранатомъ безъ рѣзьбы, и другое мѣдное, а у ногъ стояла жженой глины темносѣраго цвѣта ваза, особенной формы, схожая нѣсколько съ такъ-называемыми ΙΣΘΜΙΟΝ, которыя раздавались побѣдителямъ на публичныхъ играхъ во время празднествъ Панаѳенейскихъ. Найденная ваза была украшена во-кругъ барельефнымъ изображеніемъ подвиговъ Тезея противъ Кентавровъ и Амазонокъ. Ниже сего, ближе къ основанію вазы, вылѣплены во-кругъ ея кролики, а подъ ними орнаменты. Этотъ сосудъ весьма замѣчателенъ сюжетомъ своего рисунка, и особенно лѣпкой фигуръ.

Въ девятомъ курганѣ, смежномъ съ предъидущимъ, отрыта каменная расхищенная гробница, за нею земляная, въ коей подлѣ костей находился простой кувшинчикъ.

Подобная находка сдѣлана и въ сосѣдней десятой насыпи.

Въ одиннадцатомъ курганѣ, совершенно раскопанномъ, найдены двѣ жженыя гробницы, изъ коихъ въ одной между костями отыскана пара золотыхъ, грубой работы сережекъ, въ другой пять золотыхъ треугольныхъ листочковъ отъ вѣнка. За ними, на глубинѣ двухъ саженей, добыта земляная разоренная гробница, а въ сторонѣ на сажень, изъ большихъ плитъ каменная гробница, въ коей стоялъ очень хорошо сохранившійся деревянный съ рѣзьбою гробъ, въ длину около сажени. Внутри его былъ другой невысокій гробъ, безъ крыши, заключавшій останки покойника. Голову его украшалъ вѣнокъ изъ натуральныхъ лавровъ, а у ногъ стоялъ небольшой узкогорлый простой работы кувшинчикъ, и полусгнившая шкатулка съ мѣднымъ замочкомъ. Болѣе ничего здѣсь не найдено. Въ сторонѣ откопаны еще три земляныя съ каменными плитными крышами гробницы; изъ нихъ одна разоренная, другая только съ костями умершаго, а въ послѣдней на рукахъ скелета были мѣдные тонкіе браслеты и разнородной массы монисто.

Въ двѣнадцатомъ курганѣ, гдѣ въ 1835 году отыскана была мною небольшая черепичная гробница со множествомъ золотыхъ и серебряныхъ вещей, я нашелъ сбоку земляную гробницу, съ однимъ остовомъ только, а вблизи ея простую урну съ прахомъ, обложенную во-кругъ кусками камней.

Въ тринадцатомъ найдена земляная съ каменной крышей гробница, и въ ней, возлѣ головы остова, двѣ мѣдныя сережки, простое монисто, двѣ мѣдныя монеты съ изображеніемъ лука и стрѣлы, и буквами ΠΑΝ, то-есть Пантикапея, а съ-боковъ двѣ стеклянныя слезницы и кувшинчикъ у ногъ. Видя, что въ нѣкоторыхъ курганахъ, вблизи шоссе, раскопанныхъ мною и г. Ашикомъ до 1842 года, еще оставались небольшія неоконченныя мѣста, я раскопалъ ихъ совершенно. Въ иныхъ оказались земляныя гробницы съ простыми глиняными сосудами, въ другихъ не нашлось ничего.

Успокоенный такими открытіями, я рѣшился приступить къ разработкѣ болѣе значительной, и съ этой цѣлью приступилъ къ поискамъ въ огромномъ курганѣ по хребту горы Митридатъ. Разрытія здѣсь были затрудняемы скалами и каменнымъ основаніемъ, которое всюду встрѣчалось, по достаточномъ углубленіи работъ, въ направленіи къ срединѣ кургана. Долго усилія мои были неудачны; напослѣдокъ, когда бо́льшая часть этой насыпи, окруженной во многихъ мѣстахъ огромными массами камней, была обойдена шахтами, показались слои мусору, перемѣшаннаго съ обломками простыхъ амфоръ; въ этомъ-же мусорѣ отысканы двѣ красивыя чашки изъ глины, по́дъ черною блестящею глазурью, съ обломанными ручками, называемыя κύλιξ ὀφθαλμῶν, поврежденный пенатъ и нѣсколько глиняныхъ небольшихъ

пирамидокъ, съ дырочками вверху, служившихъ подвѣсками къ рыбнымъ сѣтямъ. Вскорѣ послѣ сего, слѣдя по мусору, я добрался до входа, чрезъ который проникъ въ средину высѣченной въ скалѣ погребальной комнаты, коей помостъ былъ залитъ известковымъ составомъ. Разбросанные всюду въ безпорядкѣ куски согнившаго дерева отъ гроба и разметанныя кости тотчасъ удостовѣрили меня, что эта гробница была уже въ давнее время разорена, и потому, при самомъ внимательномъ осмотрѣ, я ничего не могъ въ ней найти. Такимъ-образомъ вырывши въ этомъ курганѣ болѣе 100 кубич. саж. земли, я не встрѣтилъ въ немъ находки, которой должно было надѣяться, судя по правильной, неиспорченной съ виду формѣ этой насыпи.

Послѣ-того я перенесъ работы къ предмѣстью Глинище, на западъ отъ Керчи. Тамъ, въ непродолжительномъ времени, въ одномъ средней величины курганѣ, найдена устроенная изъ каменныхъ плитъ гробница, въ коей возлѣ рукъ покойника находился мѣдный стригиллъ, употреблявшійся въ таинствахъ Вакха для очищенія тѣлъ; возлѣ лежалъ ножъ, а у ногъ три, стекляной массы, разноцвѣтныя унгвентаріи, на подобіе слоистаго мозаика, и еще кувшинчикъ такой-же массы, съ ручкой. Вблизи этой гробницы находилась большая простой работы глиняная урна, съ жженными костями, и съ разнородными монистами. На сажень далѣе стояла другая урна, только съ жженными костями. Съ другой стороны этой-же насыпи отрыта еще урна, въ коей между костями были золотыя сережки съ изображеніемъ по концамъ искусно сдѣланныхъ кошечьихъ головокъ, держащихъ во рту по жемчужинѣ. За симъ невдали найдена земляная съ каменной крышей гробница, и въ ней, у изголовья, трубочки изъ кости, въ родѣ свирѣли, стекляный продолговатый стаканъ, и слезница, да три мѣдные хирургическіе инструмента, какъ бы для выдергиванія зубовъ, колокольчикъ и четыре кольца изъ мѣди возлѣ рукъ. За этой гробницей обнаружилась простая урна, въ коей между костями находились листики золота, на подобіе плевы, а въ смѣжности съ нею, жженая земляная маленькая гробница съ прахомъ.

Въ другомъ смежномъ курганѣ отыскана только земляная жженая гробница съ сожженнымъ пепломъ, и ничего болѣе.

Въ третьемъ небольшомъ курганѣ найдены двѣ жженыя гробницы, одна разоренная, другая съ золотымъ перстнемъ, безъ всякой рѣзьбы, находившимся на пальцѣ скелета.

Подвинувшись отъ Глинища далѣе на западъ за городской садъ, я сталъ разрывать большой курганъ. Въ немъ, по вынутіи нѣсколькихъ сажень земли, найдена простая съ двумя ручками амфора (ἀμφορεὺς), и вскорѣ за нею большой склепъ съ круглымъ сводомъ, къ-сожалѣнію уже разоренный. Немного въ сторону отъ этого

кургана начатъ другой, въ коемъ оказалась каменная изъ плитъ гробница, и въ ней на шеѣ малютки золотое кольцо, и зерна ожерелья изъ каменной голубой массы, у рта неясный оттискъ монеты, на ручкѣ золотой раздвижной браслетъ, а на пальцѣ золотое колечко съ вырѣзанными на немъ словами ХАРА (радость). Четыре стеклянные флакончика находились у ногъ, равно-какъ пузырекъ и флакончикъ съ ручкой. Возлѣ этого мѣста видны были въ сторонѣ набросанные кучей пиленые камни, обѣщавшіе другую гробницу. Почему я сталъ продолжать здѣсь разработку далѣе. Чрезъ нѣсколько времени оказались признаки близости гробницы, и въ слѣдъ-за-тѣмъ она отыскана, но только въ совершенно разоренномъ видѣ. Судя по размѣрамъ ея и огромности камней, то была главная гробница кургана. Потомъ начались разрытія съ другаго его боку. Появившійся толстый слой мусора заставилъ меня углубить раскопку ниже материка, и когда шахта была вырыта на три сажени глубины, слой постепенно сближаясь съ центромъ, привелъ меня къ тойже самой главной гробницѣ, о коей я предъ симъ уже сказалъ. Оставалась еще одна не тронутая сторона кургана; разрывши ее, я нашелъ три земляныя съ плитными крышами гробницы. Въ одной, у рукъ двухъ погребенныхъ вмѣстѣ скелетовъ, находились двѣ слезницы, пара мѣдныхъ браслетовъ, простой узкогорлый кувшинчикъ, и у ногъ красивая плоская чашка; въ другой, только кости покойника и пожъ у руки; въ третьей, алебастровыя украшенія отъ истлѣвшаго деревяннаго гроба, въ видѣ шахматныхъ пѣшекъ, барельефная женская грудная головка, четыре каріатидки, нѣсколько амуровъ на лебедяхъ и четыре львиныя головки. На рукѣ скелета было стекляное кольцо, а у ногъ плоская глиняная чашечка.

По совершенномъ разрытіи сего кургана, я перешелъ къ другому, лежавшему не въ дальнемъ разстояніи. При разработкѣ его, съ южной стороны вскорѣ показалась сложенная изъ толстыхъ плитъ и штучнаго камня гробница. Когда верхнія плиты были сняты съ крыши, въ срединѣ оказался искусной работы красивый деревянный гробъ, украшенный сверху воткнутыми въ крышу рѣзными вѣтками и листьями. Бока-же его были убраны коринѳскими полуколонками, съ алебастровыми лѣпными капителями и базами, которые, равно-какъ и богатые рѣзные карнизы, были покрыты мѣстами разными красками. По угламъ подножіе гроба было украшено небольшими выточенными со вкусомъ издѣліями. На крышѣ гроба замѣтилъ я разосланное покрывало, убранное по краямъ и бортамъ 40 бронзовыми, обтянутыми листовымъ золотомъ, круглыми и копытообразными бляхами, прикрѣпленными къ кожѣ пришитой къ покрывалу. Осматривая во-кругъ гробъ, я увидѣлъ у ногъ искусной работы деревянный треножникъ, съ изящно вырѣзанными собачьими головами и передними ла-

пами. На треножникѣ стоялъ стекляный сосудъ, бывшій, вѣроятно, съ благовонною жидкостью или лустральною водою. Возлѣ него на землѣ находился высокій стаканъ, разширявшійся къ верху, и два широкіе сосуда изъ стекла съ узкими горлами и широкими ручками; въ нихъ очевидно была заключена какая-то жидкость, постепенно испарившаяся, и оставившая красноватыя полосы отъ осадки. Далѣе, въ разныхъ мѣстахъ гробницы, лежали двѣнадцать узкогорлыхъ фіоль темнозеленаго стекла, крупныя монисты изъ какой-то бѣлой композиціи, и пять продолговато-круглыхъ зеренъ изъ прозрачнаго свѣтлаго халцедона. Кромѣ того, на помостѣ и гробѣ, найдены 24 пластинки листоваго золота, служившія украшеніемъ сему послѣднему. По снятіи крыши гроба, оказались внутри: подбитая куньимъ мѣхомъ мантія изъ фіолетовой бархатной ткани, небольшой кинжалъ, съ золотою тонкою накладкою на ножнахъ, и золотая пряжка. На мѣстѣ изголовья стояла серебряная простой цилиндрической формы урна съ крышей. Меня крайне удивило сначала, что въ гробѣ хотя и находились разныя вещи, но костей остова совершенно не было; притомъ гробъ былъ коротокъ и слишкомъ узокъ, имѣя въ длину неболѣе 2 арш. а въ ширину $3^1/_2$ вершка. Но недоумѣніе мое разсѣялось, когда крыша урны была приподнята: въ урнѣ, выложенной тонкой шелковой кофейнаго цвѣта матеріей, были сложены жженыя кости покойника, и между ними лучшія его вещи изъ массивнаго золота: шейное кольцо, два раздвижные браслета, одинъ особой простой формы перстень, и двѣ пряжки отъ пояса, изъ коихъ одна, украшенная зелеными камешками и бирюзой. Изъ этого видно, что деревянный узкій гробъ былъ не иное что, какъ парадный погребальный одръ, несенный, во время похоронной процессіи, съ урной, заключавшей сожженный предъ-тѣмъ прахъ покойника; что̀, какъ извѣстно, было иногда въ обычаѣ у древнихъ. Ободренный удачею, я сталъ раскапывать этотъ курганъ далѣе, и нашелъ вблизи земляную гробницу, прикрытую только сверху плитами. Тамъ, въ срединѣ, стоялъ полуистлѣвшій деревянный гробъ, довольно схожій отдѣлкою съ упомянутымъ выше, только гораздо больше. У ногъ скелета былъ въ гробу простой кувшинчикъ, у рукъ истлѣвшее мѣдное зеркало, а на шеѣ монисто изъ крупныхъ янтарныхъ зеренъ; на одномъ изъ нихъ были вырѣзаны буквы ΙΕ, вѣроятно, начальныя слова имени покойницы. Въ сторонѣ отсюда открыта маленькая земляная гробница ребенка, съ мѣдными браслетками на рукахъ и кувшинчикомъ съ полосками у ногъ. По окончаніи работы надъ этимъ курганомъ, я разрывалъ въ сосѣдствѣ еще нѣсколько другихъ; но иные, кромѣ жженыхъ гробницъ, ничего не заключали, иные оставлены неоконченными.

Сверхъ-того, я занимался въ-послѣдствіи разработкой кургановъ по дорогѣ Ѳеодосій-

ской, между Керчью и Золотымъ-Курганомъ. Тамъ, въ одной насыпи, отыскана небольшая земляная гробница съ простымъ кувшинчикомъ у ногъ скелета; подъ насыпью-же, на глубинѣ двухъ сажень, открыта Киммерійская катакомба, высѣченная въ глинистомъ грунтѣ, съ двумя нишами. Тамъ найдены лампа изъ глины, и стеклянный стаканъ съ жертвенною кровью, возлѣ скелета, совершенно истлѣвшаго отъ давности времени. Потомъ, въ другомъ большемъ курганѣ, найдены три жженыя гробницы. Въ двухъ изъ нихъ были въ слояхъ углей разбитыя вазы подъ черной глазурью съ позолотой и украшеніями изъ выпуклыхъ полосокъ, въ третьей, найдено 18 золотыхъ маленькихъ пряжекъ, въ видѣ лилій, и прекрасная разбитая въ куски MAPIA, мѣстами позолоченная и раскрашенная. Въ рисункѣ ея представлены грифоны, терзающіе Амазонокъ, и этѣ воительницы, сражающіяся между-собою. Кромѣ-сего, тамъ-же найденъ склепъ, съ пирамидальнымъ сводомъ, сдѣланнымъ уступами на двѣ стороны. У ногъ, въ деревянномъ совершенно согнившемъ гробу, стояла цѣлая, огромнаго размѣра, ваза подъ черной глазурью, украшенная позолоченною у шейки гирляндою, и по бокамъ выпуклыми полосками. Возлѣ нея находилась плоская чаша изъ глины съ двумя ручками и крышкой, изъ рода ΛΟΠΑΣ. На верху крыши нарисованы грубымъ очеркомъ грифоны. Возлѣ плечей остова лежало большое бронзовое зеркало. Этой находкой заключился годъ разъисканій моихъ въ Керчи.

Перехожу къ разрытіямъ въ Черноморіи. Работы мои производились первоначально въ окрестностяхъ Тамани. Въ небольшомъ курганѣ, на берегу моря, вблизи крѣпости Фанагоріи, и того мѣста, гдѣ въ 1817 году была отыскана инженерами богатая гробница, я началъ поиски, но, по разрытіи до основанія всей насыпи, ничего не нашелъ въ ней, кромѣ жженыхъ костей, сокрытыхъ въ земляной гробницѣ. Подобное сему безуспѣшное открытіе сдѣлано въ другомъ курганѣ, возлѣ предмѣстья Давыдовки, на югъ за Таманью. Послѣ-сего, я перенесъ работы на востокъ отъ того мѣста. Въ ближайшей къ Тамани насыпи, разсѣченной мною съ разныхъ сторонъ, оказалась подъ-конецъ одна только разоренная, изъ каменныхъ штукъ, гробница, вышиною въ два аршина, шириною столько-же, и въ длину сажень. Въ маломъ сосѣднемъ курганѣ то-же найдена каменная гробница, или, вѣрнѣе сказать, высѣченное въ материкѣ мѣсто, гдѣ она находилась, и часть каменной стѣнки. Прочія-же штуки были разломаны и вытащены наружу. Далѣе былъ разрытъ большой курганъ, насыпанный песчаной землей. Слои углей привели меня къ жженой гробницѣ, въ коей, за пепломъ и костями человѣческими въ сторонѣ, лежали кости лошади, и подлѣ желѣзныя проржавѣвшія удила, да нѣсколько мѣдныхъ вещицъ, служившихъ вѣроятно украшеніемъ сбруѣ. За-тѣмъ, по смежности

раскопанъ небольшой курганъ, въ коемъ однако, кромѣ шести кусочковъ отъ разбитой вазы, ничего не оказалось. Оттуда, по-близости къ горному возвышенію, виднѣлись два порядочные кургана: я ихъ разрылъ, и въ одномъ нашелъ только каменную разбитую прежде гробницу, а въ другомъ не отыскалъ ничего: ибо его не успѣли кончить, точно также, какъ и малаго, лежащаго у подошвы возвышенія.

Неудачи эти заставили меня перенесть разысканія къ Сѣнной станціи, отстоящей на 20 верстъ отъ Тамани, гдѣ виднѣлось множество древнихъ могильныхъ насыпей въ разныхъ направленіяхъ. Поиски мои начались съ огромной насыпи, слегка начатой мною въ 1839 году. Разсѣкая ее къ центру и углубившись на 4 сажени, я нашелъ надгробный камень, столь избитый, что съ трудомъ можно было разобрать на немъ изображеніе двухъ высѣченныхъ фигуръ; затѣмъ, подвинувшись впередъ, я встрѣтилъ мину сдѣланную, вѣроятно, Генуэзцами, по направленію къ срединѣ кургана, и отчасти обвалившуюся. Отчаясь въ успѣхѣ и увѣрясь, что гробница въ немъ расхищена, я обратился къ другимъ насыпямъ. Въ одной изъ нихъ найдена была земляная гробница, въ которой у ногъ покойника лежали три глиняныя статуйки: Геркулеса въ кожѣ Немейскаго льва, съ палицей, и двухъ конныхъ Скиѳовъ въ башлыкахъ, подобныхъ употребляемымъ и теперь Черкесами. Въ другой небольшой насыпи, по совершенномъ ея разрытіи, найдена большая жженая земляная гробница, и въ ней между углями и костями два разбитые глиняные сосуда или вазы: одна тонкой работы съ превосходнымъ рисункомъ, покрытымъ позолотой и разными красками, другая особенной формы, не встрѣчавшейся прежде при разысканіяхъ на югѣ Россіи. Это ΟΙΝΟΧΟΗ, подъ закраиною коего на черномъ полѣ представленъ широкій лавровый вѣнокъ, а подъ нимъ съ одной стороны изображены три Греческія фигуры въ мантіяхъ, съ разными жертвенными орудіями въ рукахъ, а съ другой домашняя сцена изъ нѣсколькихъ лицъ, возлежащихъ на пиру, на широкомъ ложѣ. Эту вазу, имѣющую три ушка, легко реставрировать. Въ третьемъ курганѣ, ближе къ морю, оказалась жженая гробница съ костями и разбитымъ простымъ глинянымъ сосудомъ. Въ четвертомъ и пятомъ курганахъ, къ сторонѣ хутора Герасимова, найдены двѣ жженыя гробницы: одна разоренная; въ другой, кромѣ костей, углей и простой разбитой вазы, ничего болѣе не отыскано. Въ шестомъ и седьмомъ, по достиженіи до центра ихъ и вынутіи достаточнаго количества земли, оказались кости покойниковъ, расположенныя по материку, и кости слоновъ, быть-можетъ изъ бывшихъ въ Римской арміи, которая шла къ Пантикапеи противъ Митридата-Великаго. Кромѣ-сего, начаты были еще три кургана, замѣчательные своею формою и величиною, но ихъ нельзя было

окончить, по случаю израсходованія денегъ, отпущенныхъ для разъисканій въ Черноморьи. Впрочемъ, я не оставлю довершить начатое со-временемъ.

Говорить о разрытіяхъ въ окрестностяхъ древняго Херсонеса излишне. Тамъ, слегка начатые поиски, были пріостановлены приключившеюся мнѣ болѣзнью, и потому не представили никакихъ результатовъ.

Древности, найденныя въ Валахіи. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1840 года, Общество получило отъ бывшаго тогда генеральнымъ консуломъ въ Валахіи и Молдавіи, нынѣ уполномоченнаго нашего при Оттоманской Портѣ, его превосходительства В. П. Титова извѣщеніе о находкѣ въ уѣздѣ города Бузео многихъ древнихъ золотыхъ вещей, и съ-тѣмъ-вмѣстѣ описаніе этѣхъ вещей и мѣстности, гдѣ онѣ найдены, составленное г. Поэнаромъ, директоромъ Валахскихъ училищъ и Бухарестскаго Музея, въ который поступили означенныя вещи. Съ-тѣхъ-поръ находка эта давно уже сдѣлалась извѣстною ученому міру, но Общество не считаетъ излишнимъ передать публикѣ свѣдѣнія, сообщенныя объ ней г. Поэнаромъ, какъ отличающіяся особенною точностью и многими новыми подробностями. Вотъ какъ описываетъ онъ мѣстность и разсказываетъ исторію находки.

«Въ уѣздѣ Бузео, между городомъ этого имени и другимъ называемымъ Плоешти, въ разстояніи около 20 миль къ сѣверо-востоку отъ Бухареста и почти въ такомъ-же къ югу отъ Браилова, находится деревня Пьетросулъ, расположенная у подошвы горы, которая жителямъ этой деревни служитъ каменоломнею. Камень добывается подъ открытымъ небомъ и по свойству своему известково-раковинный.

«Двое изъ крестьянъ этой деревни, работая въ 1836 году, въ каменоломнѣ, на высотѣ болѣе 1000 футовъ надъ деревнею, и очищая глыбу камня, которую располагались потомъ отесывать, нашли однажды подлѣ этого камня, на глубинѣ 11 футовъ, нѣсколько сосудовъ изъ цѣльнаго золота, поваленныхъ одинъ на другой. Бѣдные мужики приняли сначала драгоцѣнный металлъ за желтую мѣдь, и хотѣли всѣ найденныя вещи вымѣнять у мѣдника на нѣсколько кастрюль; но такъ-какъ дѣла этого не могли они съ нимъ уладить, вещи остались у нихъ, и года два лежали заброшенными и почти забытыми на чердакѣ. Потомъ показали они ихъ одному Албанскому мостовщику, который, признавъ цѣнность металла, купилъ ихъ за 8000 піастровъ.

«До-сихъ-поръ всѣ вещи оставались въ томъ видѣ, въ какомъ были найдены; но Албанцу, по пріобрѣтеніи ихъ, пришла несчастная мысль, переломать ихъ и передавить помощью молотка и топора, чтобы потомъ отдать расплавить. Въ такомъ положеніи поступили онѣ въ руки правительства*.

* Стараніями д. ч. Общества, брата бывшаго господара Валахскаго, Михаила Гики.

«Произведены были разысканія на мѣстѣ, и новые поиски около того камня, гдѣ, по показанію крестьянъ, найдены вещи, но тутъ не открыли никакихъ слѣдовъ древнихъ построекъ, и даже ни одинъ изъ старожиловъ деревни не могъ припомнить, чтобъ видѣлъ въ этомъ мѣстѣ какіе-нибудь слѣды человѣческихъ работъ; всѣ увѣряли, напротивъ, что недавно еще вся гора покрыта была непроходимымъ лѣсомъ.

«Но внизу горы, середи деревни, видны основанія крѣпости изъ тесанаго камня и кругомъ ихъ валовъ и рва, въ который вода проведена была, кажется, изъ подлѣ-текущаго ручья. Укрѣпленіе это стоитъ на возвышенной плоскости около 200 футовъ надъ уровнемъ равнины. Съ сѣвера прикрываетъ его помянутая гора, составляющая послѣдній уступъ Карпатовъ въ направленіи къ бассейну Дуная; на югъ владычествуетъ оно обширною равниною, стелющуюся до самыхъ береговъ этой рѣки.

«По мѣстнымъ преданіямъ, крѣпость построена была Татарами, во времена ихъ набѣговъ на эту страну.

«Почти подлѣ этой крѣпости показываютъ мѣсто, усѣянное врытыми въ землю камнями, имѣющими видъ параллелипипидовъ съ узломъ на верху, который узелъ принимаютъ за изображеніе тюрбана. Это, какъ говорятъ деревенскіе старики, Татарское кладбище. Въ этомъ-же мѣстѣ есть два колосальные каменные креста съ Славянскими надписями по всѣмъ сторонамъ, но надписи этѣ сглажены временемъ до такой степени, что ихъ нельзя разобрать.

«На вершинѣ этой-же самой горы, на высотѣ болѣе 2000 футовъ надъ уровнемъ равнины, есть другая плоскость, гдѣ тоже видны нѣкоторые слѣды каменной стѣны. Тутошніе жители говорятъ, что это также остатки крѣпости, построенной Татарами, и мѣсто это называютъ «Истрицею». Не имѣетъ-ли это названіе какой-нибудь связи съ тѣмъ, которое древніе давали Дунаю (Ister, Istris)?

«Тысяча предположеній сдѣлана уже была относительно происхожденія найденныхъ вещей, времени построенія помянутой крѣпости, и названія: «Истрица». Думали даже, что крѣпость, слѣды которой видны у подошвы горы, есть Istripolis древнихъ, и что «Истрица» есть не что иное, какъ сокращеніе или уменьшительная форма этого названія; но нельзя считать основательными такія предположенія, не опирающіяся ни на какихъ вѣрныхъ данныхъ.

Вотъ описаніе найденныхъ вещей, составленное г. Поэнаромъ:

1) Подносъ круглый, нѣсколько вогнутый, съ прямыми краями и подушечкою снизу на серединѣ, служащею основаніемъ. Онъ довольно массивенъ съ гладкою поверхностью, за исключеніемъ двухъ рядовъ насаженныхъ выпуклыхъ пуговокъ, и небольшаго рисунка, вырѣзаннаго по краямъ и въ центрѣ вогнутой поверхности.

	Мѣра въ миллиметрахъ.	Вѣсъ въ Лейпцигскихъ фунтахъ.
діаметръ . .	0,365	
толщина . .	0,001	
вѣсъ	—	$15^{5}/_{16}$

2) Осмиугольная ваза, имѣющая форму нѣсколько овальной корзинки, съ двумя ручками въ видѣ леопардовъ, изъ которыхъ только одна могла быть возстановлена. Корпусъ вазы сквозной работы очень разнообразнаго рисунка. Въ скважинахъ вставлены граненые камни изъ горнаго хрусталя и цвѣтнаго стекла (pâte vitreuse colorée).

у отверстья	самый большій діам.	0,185
	самый меньшій . . .	0,165
въ основаніи	большій діаметръ	0,09
	меньшій — —	0,075
глубина . .		0,105
толщина . .		0,001
вѣсъ		— $5^{5}/_{32}$

3) Ваза десятиугольная, почти такой-же формы и такой-же работы, какъ вышеописанная.

діаметръ . .		0,175
глубина. . .		0,12
толщина . .		0,001
вѣсъ		— $3^{1}/_{4}$

4) Чаша, въ формѣ тарелки, съ двойнымъ дномъ. На вогнутой части выпуклыми фигурами изображенъ хоръ древнихъ божествъ. Посередн укрѣплена небольшая дутая статуйка, изображающая вакханку, сидящую съ стаканомъ въ рукѣ.

діаметръ . .		0.257
толщина . .		0,002
вѣсъ		— $4^{5}/_{32}$
маленькой статуйки	вышина . .	0,075
	діаметръ корпуса .	0,02
	толщина золота . .	0,001
вѣсъ		— $^{15}/_{64}$

5) Ожерелье двойное (doublé), верхняя сторона котораго сквозной работы, съ вставленными въ скважины граненными камнями изъ горнаго хрусталя и цвѣтнаго стекла.

верхній діаметръ . .		0,15
нижній діаметръ . .		0,2
толщина		0,0005
вѣсъ		— $^{19}/_{32}$

6) Кольцо массивное съ надписью.

діаметръ . .		0,153
толщина . .		0,012
вѣсъ		— $1^{7}/_{16}$

7) Кольцо безъ надписи.

діаметръ . .		0,170
толщина . .		0,005
вѣсъ		— $^{23}/_{64}$

8) Лампа, въ видѣ сокола. Голова его сквозной работы, съ граненными камнями изъ горнаго хрусталя и цвѣтнаго стекла. Нижняя часть лампы украшена такими-же камнями, но съ тою разницею, что здѣсь они вставлены въ золото

длина		0,27
ширина. . .		0,105

9) Лампа въ видѣ ибиса, почти покрытая каменьями, такими-же какъ и предыдущая.

длина. . . .		0,25
ширина . . .		0,08
толщина . .		0,001
вѣсъ		— $1^{3}/_{32}$

10) Лампа такой-же формы.

длина. . . .		0,235
ширина . .		0,065
толщина . .		0,001
вѣсъ		— $1^{1}/_{8}$

11) Лампа меньшаго размѣра, такого-же устройства, но не представляющая никакого изображенія.

длина. . . .		0,175
ширина . .		0,055
толщина . .		0,002
вѣсъ		— $^{7}/_{32}$

12) Урна съ ручками.

вышина. . .		0,35
діаметръ . .		0,1
толщина . .		0,001
вѣсъ		— $3^{15}/_{64}$

13) Разные обломки, вѣсомъ на — $1^{11}/_{16}$

Всего вѣсомъ на . 40 $^{15}/_{64}$

Въ статьѣ объ этой находкѣ, помѣщенной въ «Glaneur Moldo-Valaque» *, изложено предположеніе, что вещи ее составляющія, работаны были въ Константинополѣ, около VI или VII вѣка, для того, чтобъ послать ихъ въ даръ какому нибудь изъ предводителей тѣхъ варварскихъ ордъ, которыя съ береговъ Дуная простирали набѣги свои почти до самыхъ воротъ Новаго-Рима. Предположеніе это основывается преимущественно на соображеніи цѣнности металла съ несоотвѣтствующей ему грубостью стиля въ изображеніи фигуръ и орнаментаціи, обличающей эпоху древняго искуства, предшествовавшую совершенному его паденію. «Вещи, назначавшіяся въ даръ такимъ врагамъ, должны были», говоритъ авторъ помянутой статьи, Г. Асаки, «удовлетворять прежде всего ихъ жадности цѣнностью металла, и въ то-же время плѣнять глаза ихъ множествомъ украшеній; но благочестіе Цезарей Византійскихъ не позволяло имъ осквернять святыни, отдавая въ руки невѣрныхъ варваровъ какія-либо произведенія искусства съ христіанскими изображеніями, которыя-бы притомъ очень мало согласовались со сценами оргій, гдѣ безъ-сомнѣнія должны фигурировать золотые сосуды, посылавшіеся въ даръ какому нибудь предводителю Гунновъ или Аваровъ; потому-то на сосудахъ этихъ и изображали фигуры миѳологическія».

Древности, открытыя въ селѣ Порутинѣ, на развалинахъ Ольвіи. Недалеко отъ сліянія рѣки Буга съ Днѣпромъ, на правомъ возвышенномъ берегу, близъ того мѣста, гдѣ нѣкогда стоялъ Акрополисъ «счастливой Ольвіи», въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1841 года, сдѣлано слѣдующее любопытное открытіе. У подошвы Акрополиса, нѣкогда огражденнаго стѣною и заключавшаго въ себѣ храмъ, и, вѣроятно, гробы знаменитыхъ гражданъ, оказавшихъ городу особенныя заслуги, однимъ изъ поселянъ Порутинскихъ, искавшимъ, какъ они вообще говорятъ: «на свое счастье денежекъ», то-есть древнихъ монетъ для продажи любителямъ, найдена гробница. Входъ въ нее, по обычаю древнихъ, былъ заложенъ каменною плитою, а за нею, посреди склепа, открыта глиняная урна, или правильнѣе амфора, съ прахомъ умершаго. Возлѣ амфоры стояла другая стекляная чаша съ крышкою, въ которой найдены: золотая маска съ золотымъ при ней лавровымъ вѣнкомъ и золотая серьга, а также нѣсколько цвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, составлявшихъ, по всему вѣроятію, женское ожерелье (monile). Кромѣ разныхъ мелкихъ частицъ золота, поблизости чаши, сыскана глиняная небольшая лампадка съ изображеніемъ пѣтуха. Амфора была разбита тогда-же, и отъ нея уцѣлѣла лишь часть ручки съ слѣдующими буквами:

* 1841. № 3. p. 69.

ΕΠΙΔΑΛΙ
ΝΕΟΤΥ
ΠΕΔΓΕΙΤΝΟΥ

Буквы этѣ можетъ-быть означаютъ имя горшечника, сдѣлавшаго разбитую амфору. Кромѣ маски найдено еще золотое ожерелье, вѣсомъ, какъ я самъ удостовѣрился, въ 58 червонныхъ. Всѣ этѣ вещи, неоцѣнимыя по рѣдкости и древности, тайнымъ расхитителемъ гробницы отвезены въ Николаевъ, находящійся отъ села Порутина, Ильинское тожь, въ 40 верстахъ. Когда свѣдѣніе о томъ дошло до управителя Порутинскаго, и приняты были дѣятельныя мѣры къ возвращенію вещей владѣльцу села, графу Г. А. Кушелеву-Безбородко, то отобраны только нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ числѣ и ожерелье. Неизвѣстно, спасена-ли маска. Сколько знаемъ, это вторая отысканная въ гробницахъ. Въ южной Европѣ, гдѣ только находились Эллинскія поселенія, не было ихъ открыто ни одной. Первая, извѣстная доселѣ маска, найдена въ Крыму, въ развалинахъ Пантикапейскихъ, и хранится теперь въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ Санктпетербургѣ.

(*Сообщено* ч. о. Мурзакевичемъ).

— **Генуэзскій мечъ, найденный въ Крыму.** Корреспонденты Общества А. В. Самойловъ и Е. П. Шевелевъ увѣдомили осенью 1841 года, что при ломкѣ одного стараго зданія въ деревни Айдары, имѣніи подполковника Денисевича, находящемся въ Евпаторійскомъ уѣздѣ Таврической губерніи, найденъ мечъ, сохранившійся весьма хорошо, за исключеніемъ оконечности лезвея, нѣсколько заржавѣвшей. Длина этого меча съ рукояткою — одинъ аршинъ девять вершковъ. Украшенія рукоятки въ видѣ полосъ сдѣланы изъ желтой мѣди, густо позолоченой; изъ-подъ нихъ виднѣется бархатъ едва замѣтнаго малиноваго цвѣта. На одной изъ полосъ, въ верхней части эфеса вырѣзаны слова MARI PETRO. То-же имя MARIA, принадлежавшее вѣроятно владѣльцу меча, вырѣзано и надъ изображеніями на клинкѣ; изображенія эти представляютъ нѣсколько группъ, которыя трудно объяснить. Ножны грубой работы, обшитыя простой кожей весьма небрежно, придѣланы были вѣроятно въ-послѣдствіи, по утратѣ настоящихъ.

Мечъ этотъ, по мнѣнію г. Шевелева, скрытъ былъ послѣднимъ владѣльцемъ его Айдарскимъ Татариномъ въ то время, когда, по распоряженію Русскаго правительства, въ Крыму отобрано было у Татаръ всякаго рода оружіе. Татарину-же могъ онъ достаться по-наслѣдству отъ временъ Генуэзскаго владычества въ этомъ краю, къ которому по всей вѣроятности надлежитъ отнести эпоху его фабрикаціи.

Янтарь на берегахъ Днѣпра. Вотъ извѣстіе объ этомъ, сообщенное протоіереемъ города Берислава, отцемъ Іоанномъ Назаревскимъ, въ слѣдующемъ письмѣ на имя президента Общества: «Давно слухи носят-

ся', что янтарь отыскивается на берегахъ рѣки Днѣпра и особенно въ Нѣмецкихъ колоніяхъ, находящихся по правую его сторону, въ 8 и 15 верстахъ отъ города Берислава. Для узнанія истины, я нарочно отправлялся въ ближайшую изъ колоній Шлагендорфъ, гдѣ одинъ изъ колонистовъ Іосифъ Цимеръ, показывая кусокъ краснова-таго янтаря, вѣсомъ 14 золотн., въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ найденъ сыномъ его въ 1841 году, на берегу протекающей рѣчки, вблизи самой колоніи, увѣрялъ меня съ другими колонистами, что янтарь подобный, равно и другаго цвѣта, дѣйствительно находятъ съ давнихъ временъ на берегахъ рѣки Днѣпра около Берислава, въ кускахъ различной величины; но чаще таковой отыскивается въ той и другихъ колоніяхъ, гдѣ небольшая рѣчка, отдѣлившаяся отъ Днѣпра въ 3 верстахъ выше колоніи Шлагендорфъ, протекаетъ подъ самою оною колоніею въ различныхъ изгибахъ, съ образованіемъ насыпей песчаныхъ. На сихъ-то насыпяхъ, или косахъ, жители той колоніи находятъ янтарь въ кускахъ: здѣсь нашелъ его и колонистъ Цимеръ. Какъ замѣчаютъ старые колонисты, таковая находка бываетъ только послѣ большаго весенняго разлитія водъ; почему и думаютъ, что оный только заносится къ нимъ изъ другихъ мѣстъ, а не въ той рѣчкѣ или въ тѣхъ песчаныхъ насыпяхъ образуется. Догадки сіи тѣмъ-болѣе можно принять за истину, что оный янтарь находится ими не ежегодно и не во всякое время, а только по окончаніи разлитія весеннихъ и то большихъ водъ, покрывающихъ всѣ возвышенныя мѣста.

Пріобрѣтенный мною кусокъ янтаря, вѣсомъ 14 золот., отъ вышеупомянутаго колониста Цимера, который найденъ сыномъ его въ 1841 году, я имѣлъ честь лично вручить вашему превосходительству сего Мая 13 числа, съ прошеніемъ, принять оный въ даръ для Одесскаго Общества Исторіи и Древностей; а о мѣстѣ нахожденія его, симъ имѣю честь донести. Мая 14 дня 1843 года». Любопытные могутъ сравнить, что сказано по случаю этой находки въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» на 1843 годъ, часть IV, стр. 303.

Нѣкоторыя подробности о церкви св. Іоанна-Предтечи въ Керчи. Въ помѣщенной выше* статьѣ почтеннѣйшаго сочлена Гавріила, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, подъ названіемъ: «Остатки христіанскихъ древностей въ Крыму», упомянуто уже о церкви во имя «Усѣкновенія честныя главы Іоанна-Предтечи» и объ имѣющихся въ ней древностяхъ**. Ч. о. Мурзакевичъ сообщилъ слѣдующія о нихъ подробности:

а. Самая *церковь*, судя по наружному виду и внутреннему расположенію, построена въ X вѣкѣ. Кромѣ этого расположенія,

* Стр. 320.

** Стр. 323 и 324.

иконостаса и проч., что все описано мною уже прежде*, во внутренности ея замѣчательна Греческая надпись на мраморной колоннѣ, поддерживающей церковный сводъ. Надпись эта, находящаяся у лѣваго клироса, по слухамъ, давно и многимъ была извѣстна, но недоступна, потому-что задѣлана досками, составляющими клиросъ. При вторичномъ посѣщеніи Керчи въ 1840 году, мнѣ удалось устранить это препятствіе и снять надпись. Вотъ она:

† ενθαδε	т. е.	Здѣсь
κατακιτε·η·		покоится
δουλη.τουθυ		рабъ Божій
κυρηακος·υι		Киріакъ сы-
ος·γεωργιου		нъ Георгія
ενεονβι		. . . . .
δηρ·ετελη		. . . преставил-
θη·μιιουνη		ся мѣсяца Іуні-
ου·γ·μινδ		я 3 (*дня*) часа . .
ι·απο α		10, (*въ лѣто*) отъ А-
δαμ		дама
S·CZ		6260.

Неподалеку отъ этой отъискалъ я и другую, впрочемъ едва уже примѣтную:

ενθαδεκα	т. е.	Здѣсь
τακυτεο		покоится
δȣλοστȣ		рабъ
θυ κον		Божій Кон-
σταντι		станти-
νοσ·ιεν*		нъ . . .

б. *Евангеліе* на Греческомъ языкѣ. Оно писано въ малый листъ, на пергаминѣ, имѣетъ 6 вершковъ длины и $4^1/_2$ ширины (переплетъ новый кожаный). За исключеніемъ утраченныхъ листовъ въ началѣ и, кажется, одного въ концѣ, весь манускриптъ сбереженъ довольно хорошо, и имѣетъ 258 листовъ, въ 34 тетрадяхъ, каждая отъ 5 до 8 листовъ. Буквы всюду свѣжи и очень красивы, строкъ на каждой страницѣ отъ 23 до 24; онѣ расположены соразмѣрно и красиво внизу линеекъ, начерченныхъ чѣмъ-то острымъ. «Чтенія евангелистовъ», по древнѣйшему обычаю, начинаются со дня св. Пасхи и идутъ послѣдовательно. По истеченіи «годичнаго церковнаго круга», помѣщены «евангелія», читаемыя на утреняхъ въ воскресные дни; за-тѣмъ идутъ «страстныя», и наконецъ «мѣсяцословъ» съ начала Индикта или съ Сентября. Въ немъ обозначена память святыхъ, впрочемъ не на всѣ дни, но съ пропускомъ нѣкоторыхъ. Мѣсяцословъ кончается 29 днемъ Августа, т. е. памятью «усѣкновенія главы Предтечи». Текстъ манускрипта противъ нынѣшнихъ Греческихъ изданій евангелія разнится не во многомъ: все несходство со-

* «Поѣздка въ Крымъ въ 1836 году». См. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія на 1837 годъ, № III, стр. 682.

* Замѣчательно сходство этихъ надписей съ тою, которая находится въ Ѳеодосійскомъ музеумѣ.

ставляютъ нѣкоторые архаизмы и описки перепищиковъ. Онъ писанъ черными и яркими чернилами, а заглавныя буквы «зачала» евангелій обрисованы киноварью, голубою и желтою красками; надстрочныя-же ударенія и поименованія евангелистовъ, также индѣ вмѣсто точекъ и другихъ знаковъ препинанія поставленные крестики, сдѣланы вездѣ одною киноварью. (Образчикъ буквъ см. на таблицѣ XI, а). Кѣмъ и когда положенъ этотъ манускриптъ въ Керченскую церковь Іоанна-Предтечи, а также откуда привезенъ — неизвѣстно. Время написанія его, руководствуясь Монфокономъ*, можно отнести къ XI вѣку, по Р. Х.

в. *Апостолъ* на Греческомъ-же языкѣ, писанный также на пергаминѣ, въ листъ, длиною 7 вершковъ, а шириною 5 (переплетъ старый). Имѣетъ 243 листа довольно изрядно сохраненныхъ. Начальные и послѣдніе листы въ книгѣ есть, но въ срединѣ нѣкоторыхъ недостаетъ. И этотъ манускриптъ писанъ въ два столбца, отъ 26 до 27 строкъ на страницѣ, по линейкамъ, сильно нарѣзаннымъ на пергаминѣ. Содержаніе книги слѣдующее: «воскресные антифоны», потомъ со дня св. Пасхи «чтенія изъ Дѣяній Апостольскихъ», за-тѣмъ изъ «Посланій». Далѣе «мѣсяцословъ» съ Индикта и въ немъ, послѣ памяти празднуемыхъ святыхъ, но не на всякій день, приличныя тому святому «чтенія Апостольскихъ Посланій». Въ заключеніе всего слѣдуютъ «апостолы», читаемые въ дни святыхъ, которымъ положена «общая служба». Поименованія апостоловъ, писавшихъ посланія къ вѣрнымъ, заглавныя буквы, ударенія, и вмѣсто точекъ крестики, всюду писаны не киноварью, но чернилами малиноваго цвѣта, очень полинявшими, равно-какъ и текстъ чернилами, бывшими нѣкогда черными, но отъ времени и сырости сильно побледнѣвшими. По соображеніи съ Монфокономъ, манускриптъ этотъ можетъ принадлежать къ XII или XIII вѣку.

Открытіе древностей близъ селенія Карталъ. Въ Маѣ мѣсяцѣ текущаго года, въ Бессарабіи, Кагульскаго уѣзда, въ колоніи Карталъ, въ полуверстѣ отъ селенія того-же имени на западъ, при рытьи колонистами въ землѣ камня для построекъ, случайно открыто нѣсколько кусковъ съ Римскими надписями. Находки сдѣланы въ двухъ мѣстахъ, саженяхъ въ 11 одно отъ другаго. По ближайшемъ изслѣдованіи, распросѣ поселянъ, отрывшихъ камни, и соображеніи расположенія и формы ямъ, изъ которыхъ извлечены остатки древностей, я убѣдился, что въ обоихъ мѣстахъ находокъ безъ всякаго сомнѣнія стояли въ древности небольшія зданія. Стѣны ихъ были сложены частью изъ тонкаго известковаго плитняка, а частью изъ

* Palæographia Græca, sive de ortu et progressu literarum Græcarum et cet. Bernardi de Montfaucon. Parisiis, 1708. Cap. V, p. 291, v. III.

известковыхъ обтесаныхъ камней. По внимательномъ осмотрѣ сихъ послѣднихъ оказалось, что 6 носятъ остатки Римскихъ надписей, а на 5 сохранились одни только украшенія. Изъ первыхъ на № 1, замѣтны только лишь слѣдующія буквы:

J. . . . . VALÆF
. . . . . .
P. . . . . .
№ 2. EV . . . . . .
VS . . . . . .
TO . . . . . .
FIL . . . . . .
№ 3. RES . . . . . .
RES . . . . .
..B . . . . . .
№ 4. . . . . O
O SALVTE.
№ 5. . . . . RE
CVM
IBV. I
№ 6. SACR^UM

Сильное поврежденіе остальныхъ словъ произошло сколько отъ всеразрушающаго времени, столько и отъ мягкости камня: при ударенiи одного объ другой, цѣлые слои его отдѣлялись, и такимъ-образомъ литеры надписей легко могли отпасть.

Кромѣ этихъ кускозъ, которые были указаны, удалось мнѣ въ кучѣ другихъ камней, уже обтесаныхъ и сложенныхъ въ груду, при переборкѣ ихъ каждаго по одиначкѣ, найти еще одинъ обломокъ, съ замѣчательною рѣзьбою. Этотъ кусокъ, $1\frac{1}{2}$ арш. длины и $\frac{5}{4}$ арш. ширины, имѣетъ на себѣ красивый и правильный рисунокъ Аполлона и Діаны, занимающихся звѣриною охотою. Правая протянутая рука Аполлона что-то держала, но за поврежденіемъ камня, неизвѣстно что; въ лѣвой, поднятой вверхъ, очень замѣтно бросамое короткое копье. На плечахъ бога виденъ легко наброшенный хитонъ. Діана, съ колчаномъ за плечами, лѣвою рукою держитъ лукъ, а правою натягиваетъ тетиву. Всѣ изображенія только по поясъ: все прочее отбито.

Я буду имѣть честь представить Обществу нѣкоторыя мысли мои по поводу этихъ находокъ *.

(*Сообщено* ч. о. Мурзакевичемъ).

Находки древностей на Абхазскомъ берегу и около Кубани. Г. Тетбу-де-Мариньи, д. ч. Общества, сообщилъ въ Августѣ 1840 года слѣдующее объ нихъ извѣстіе:

«Въ продолженіе пребыванія моего въ Анапѣ, куда прибылъ я 1 Іюня, комендантъ этой крѣпости г. полковникъ фонъ Бринкенъ показывалъ мнѣ между прочимъ и найденныя здѣсь древности. Всѣ ихъ я срисовалъ. Важнѣйшая есть большой и бо-

* Отъ д. ч. Кеппена также получена, уже во время заключенія печатанія этого тома, статья по предмету Картальскихъ находокъ.

гатый украшеніями кусокъ мрамора, составлявшій часть памятника и найденный на равнинѣ весьма недалеко отъ крѣпости. Находка эта можетъ содѣйствовать къ подкрѣпленію высказаннаго мною за нѣсколько лѣтъ мнѣнія, что Синдонъ и Синдикъ должны были находиться на мѣстѣ нынѣшней Анапы, а не въ бухтѣ Суджукъ-Кале, называемаго Черкесами Тумуссъ, Темессъ и Тсемессъ, и который не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ Bata, Bathis Appiana и Страбона, что должно читать Vathis, т. е. «глубокій», по-Гречески. Бухта Тсемессъ есть единственная глубокая на всемъ берегу. Другая древность — медальонъ изъ листоваго золота, изображающій, кажется, Діану съ двумя амурами и внизу собаку, волка и дикую козу. Онъ найденъ въ курганѣ вмѣстѣ съ четырьмя золотыми перстнями, изъ которыхъ три съ камнями, а одинъ въ видѣ змѣи, вчетверо обвивающейся около пальца. Изъ камней одинъ совершенно гладкій, другой представляетъ какой-то профиль, довольно дурно сдѣланный, а третій зайца или бѣлку. Въ томъ-же мѣстѣ найдены еще два надгробные камня; они изображаютъ женскія фигуры. Та, у которой сохранилась голова, замѣчательна по сходству ея одежды, съ платьемъ, которое носятъ въ теперешнее время замужнія женщины Черкесскія. Я самъ нашелъ въ Анапѣ небольшой обломокъ надписи съ именемъ Тиберія, Греческими буквами. Онъ валялся на берегу моря со стороны равнины, между камнями и разнымъ дрязгомъ.

Въ бухтѣ Тсемесъ, куда прибылъ я 9 Іюня, на берегу раждающагося города Новороссійска, существуютъ еще слѣды древней постройки. Я поспѣшилъ снять съ нея планъ, потому-что скоро не останется отъ нея ровно ничего: камни отсюда разбираютъ на постройку новыхъ зданій. Кургановъ въ постройкѣ этой, представляющей родъ укрѣпленія, незамѣтно, но ихъ много къ юго-востоку, поднимаясь отсюда къ южному форту Новороссійска и оттуда къ морю. Значительная часть ихъ раскопана уже изъ любопытства, или уничтожена вслѣдствіе новыхъ построекъ Русскаго поселенія. Живущій здѣсь г. контръ-адмиралъ Серебряковъ показывалъ мнѣ найденные въ нихъ разные предметы: амфоры, урны, маленькую бутылку изъ бѣлаго стекла и нѣсколько домашней утвари изъ мѣди и желѣза. Видѣлъ я также клинки сабельные, сильно заржавѣвшіе, и согнутые вдвое, чтобы можно было ихъ засунуть въ урны, остатки кольчуги, совершенно изъѣденной ржею, и пр.

Остатки Турецкаго укрѣпленія Суджукъ-Кале находятся на берегу моря, въ глубинѣ бухты, насупротивъ, и въ двухъ миляхъ разстоянія отъ Новороссійска. Видны еще слѣды базара и кладбища съ мраморными могильными камнями.

Г. Серебряковъ увѣрялъ меня, что не смотря на множество разрытій, имѣвшихъ

мѣсто въ Новороссійскѣ и около, не найдено еще здѣсь ни одной монеты. Вечеромъ въ день моего отъѣзда принесли ему одну, но при всей видимой ея сохранности, на ней ничего нельзя было разобрать. Я слышалъ однакоже, что одинъ инженерный офицеръ нашелъ здѣсь много разныхъ драгоцѣнностей, между прочимъ монеты и надписи».

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1842, г. Тетбу-де-Мариньи писалъ Обществу о томъ-же:

«Въ этомъ году, во время постройки укрѣпленія Гастогай, въ 25 верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Анапы, въ направленіи къ Кубани, недалеко отъ довольно большаго кургана, открытъ камень съ грубоизображенною на немъ и сильно поврежденною отъ времени Греческою надписью. Около того-же мѣста найдена небольшая серебряная ваза съ крестомъ на крышкѣ.

Порубка многихъ столѣтнихъ деревъ на лѣвомъ берегу Кубани, верстахъ въ 70 отъ впаденія этой рѣки въ лиманъ Кизиль-Ташскій, для постройки укрѣпленія Варениковa-Пристань, подала поводъ къ открытію въ Октябрѣ мѣсяцѣ многочисленныхъ слѣдовъ древняго поселенія. Камни въ немъ, говорятъ, вообще большаго размѣра. Между ними найдены золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты Воспорскаго царства. Подлѣ этого мѣста есть много кургановъ, въ которыхъ находится невысокая стѣна, сложенная изъ камней безъ извести и заключающая внутри пустой древесный стволъ, гдѣ найдены остатки одежды, украшеній, оружія, и гдѣ, какъ увѣряли меня, не отыскано вовсе костей. Открытіе города въ странѣ къ востоку отъ Босфора-Киммерійскаго, первое въ этомъ родѣ, кажется мнѣ весьма важнымъ; тѣмъ-болѣе что разстояніе этого города отъ моря гораздо значительнѣе того, въ какомъ полагаютъ обыкновенно поселенія, о которыхъ упоминаютъ древніе писатели».

Пирамидки изъ глины, найденныя при Акмечетской-Бухтѣ. «Таврической губерніи, Евпаторійскаго уѣзда Акмечетская-Бухта, какъ извѣстно, составляетъ часть залива, именовавшагося въ древности Киркинитскимъ. Во-кругъ этой бухты видны остатки какихъ-то правильныхъ оградъ или заборовъ (по-Татарски: *хора*), различной длины и ширины, отъ 20 до 60 саженей. Время сравняло ихъ съ землею, но не могло истребить образовавшихся полосъ изъ камней, которыя нѣкогда составляли тѣ ограды. На полосахъ видно нѣсколько возвышеній или бугровъ, имѣющихъ до одной и болѣе сажень, перпендикулярной высоты. Донынѣ полагали, что эти ограды устроены были для стадъ (отаръ) овецъ, пасшихся въ окружности; а возвышенія при нихъ, считали разрушенными хижинами пастуховъ (чабановъ). Прибрежности бухты, до 1835 года совершенно пустынныя, съ этого времени застроились мѣстечкомъ

Акмечетью; теперь въ немъ отличной архитектуры церковь, гостиный и заѣзжій дворы, магазины, домъ владѣльца (графа М. С. Воронцова), священнослужителей, управительскіе, крестьянъ и проч.; вмѣстѣ съ владѣльческими зданіями возникаютъ и домы Татаръ, селящихся въ мѣстечкѣ по условіямъ.

«Саженяхъ во ста отъ восточнаго берега бухты, въ прошломъ 1837 году, при одномъ строившемся Татарскомъ домѣ, начали разрывать для конной по здѣшнему обычаю мельницы одно изъ помянутыхъ возвышеній, лежащее на старинной оградѣ: въ немъ на аршинной глубинѣ, выкопана половина большаго кувшина, въ какихъ прежде сохранялись (да и нынѣ сохраняются) вино и масло. Кувшинъ въ поперечникѣ имѣетъ болѣе аршина, высотою-же былъ вѣроятно болѣе двухъ; онъ найденъ наполненнымъ золою и углемъ.

«Такимъ-образомъ первая находка доказала, что ограды и развалины какихъ-то зданій, принадлежали не чабанамъ, потому-что бродящіе пастухи не имѣютъ нужды въ подобныхъ кувшинахъ, и слишкомъ бѣдны для покупки ихъ; къ тому-же извѣстно, что такіе кувшины прежде употреблялись жившими по берегамъ Тавриды Греками, Генуэзцами и Венеціянцами, которые получали ихъ всегда изъ-за-моря, откуда привозятъ ихъ въ Крымъ и по-нынѣ.

«Въ 1838 году, въ томъ-же возвышеніи найдены правильно складенными до сорока изъ глины обожженныхъ пирамидокъ, двухъ величинъ. Основанія большихъ пирамидокъ немного менѣе вершка, высота около двухъ, а верхняя плоскость немного менѣе полувершка: малыя-же пирамидки почти вдвое меньше первыхъ. Въ каждой съ-боку есть сквозная дырочка, въ тонкое гусиное перо. На верхней площадкѣ, во вдавленныхъ круглыхъ углубленіяхъ, оттиснуты изображенія птички, съ поднятыми вверхъ крыльями и съ опущенными книзу ножками (Рис. xv. а). Тутъ-же вырытъ небольшой глиняной-же отломокъ съ Греческою надписью (Рис. xv. б), составлявшій вѣроятно часть горла отъ кувшина, найденнаго въ 1837 году.

«Двоякая величина пирамидокъ (однѣ 37, другія 20 золотниковъ вѣсомъ), и имѣющіяся въ верхней оконечности скважины, заставляютъ думать: не были-ли мѣста при Акмечтской-Бухтѣ, занимаемы Греческими рыболовами, пріѣзжавшими сюда изъ другихъ прибрежныхъ заселенныхъ мѣстъ временно, для лова кефали и скумбріи (понынѣ съ Іюля по Ноябрь, близъ бухты, въ непмовѣрно великомъ числѣ проходящихъ, для чего устроены здѣсь два рыболовныхъ завода), и пирамидки не служили-ли вмѣсто нынѣшнихъ свинцовыхъ грузилъ, привѣшиваемыхъ на нижнюю часть сѣтей? Во всякомъ случаѣ находки этѣ при Акмечетской-Бухтѣ доказываютъ, что нѣкогда проживали здѣсь люди, не заботившіеся о стадахъ, а имѣвшіе другаго рода занятія.

люди съ бо́льшими потребностями и удобствами въ жизни, чѣмъ бродящіе пастухи, которыхъ весь запасъ, во всѣ времена, заключался и заключается въ нѣсколькихъ горстяхъ пшена и нѣсколькихъ кускахъ хлѣба, кромѣ молока и катыка (кислаго молока).

«Въ числѣ пирамидокъ есть нѣсколько и такихъ, которыя не имѣютъ изображеній птичекъ и, вѣроятно, выдѣлки другаго мѣста, потому-что и самая глина грубѣе глины тѣхъ, на которыхъ видны изображенія.

«Кстати упомянемъ здѣсь и о томъ, что на восточномъ мысу тойже Акмечетской-Бухты, въ верстѣ отъ мѣста находокъ, понынѣ видимо угловатое укрѣпленіе, со рвомъ, почти совсѣмъ засыпавшимся, гдѣ валяется множество разбросаннаго известковаго булыжнаго камня, изъ котораго, вѣроятно, нѣкогда сложены были стѣны и зданія того укрѣпленія: исторія, кажется, ничего не говоритъ о времени построенія и объ имени его. На оконечности засореннаго вала, къ морю, найдена древняя монета и множество мелкихъ обломковъ отъ сосудовъ изъ обожженной глины, изъ которыхъ нѣкоторые, полагать можно, относятся ко временамъ давно-минувшимъ».

Настоящее извѣстіе объ Акмечетскихъ находкахъ сообщено Обществу корреспондентомъ А. И. Шмаковымъ. Въ подтвержденіе мнѣнія его, что пирамидки, о которыхъ шла рѣчь, могли служить грузильцами къ неводамъ, д. ч. Надеждинъ напомнилъ Обществу о другой такой-же находкѣ, сдѣланной за четыреста лѣтъ назадъ извѣстнымъ Венеціянскимъ путешественникомъ Іосафатомъ-Барбаро. Разрывая съ товарищами большой курганъ на берегу Дона, нашелъ онъ въ немъ между прочимъ «пять или шесть четокъ изъ жженой глянцоватой глины, величиною въ померанецъ» (pater-nostri grandi come naranzi, i quali erano di terra cotta inoctriata). Потомъ Барбаро прибавляетъ, что эти pater-nostri походили на тѣ, которыя употребляются въ Мархіи (вѣроятно Тревизанской, принадлежавшей Венеціи) для неводовъ (simili a quelli che si fanno nella Marca, i quali si mettono alle tratte). Безъ сомнѣнія назвалъ онъ этѣ глиняныя вещицы четками, потому-что онѣ были просверлены насквозь, какъ и Акмечетскія пирамидки. Сравненіе ихъ съ «померанцами» очевидно относится къ величинѣ, а не къ формѣ, которая очень могла быть такая-же какъ и у нашихъ пирамидокъ; а какъ Барбаро рѣшительно говоритъ, что подобныя глиняныя штучки употребляются въ Мархіи для неводовъ, разумѣется въ качествѣ грузилъ, то мнѣніе г. Шмакова о назначеніи найденныхъ въ Акмечетѣ пирамидокъ, имѣетъ полное правдоподобіе.

По поводу этой находки, Общество получило также отъ доктора Ципсера, изъ Нейзоля въ Венгріи, увѣдомленіе, что точно такія-же пирамидки, какія найдены въ Акмечети, открываютъ и въ Hugel Harsas

въ Неоградскомъ Комитетѣ. Сверхъ-того г. д. ч. Нійласси по этому-же случаю доставилъ изъ Екатеринослава обширное разсужденіе, которымъ Общество предполагаетъ воспользоваться въ-послѣдствіи.

Свадебные обряды въ Бессарабіи. Супружеская вѣрность и цѣломудріе (говорю о простонародіи) сохраняются здѣсь въ высочайшей степени. Браки заключаются большею частью по любви, но всегда съ согласія родителей. Свадебные обряды чрезвычайно оригинальны.

Молодой человѣкъ, задумавъ жениться, и выбравъ себѣ дѣвушку, засылаетъ къ родителямъ ея сватовъ. Эти, прежде-чѣмъ явятся, начинаютъ окольными путями издалека вывѣдывать, пріятно-ли будетъ ихъ предложеніе. Если замѣтятъ, что могутъ надѣяться благосклоннаго отвѣта, то, вмѣстѣ съ родственниками жениха, приходятъ въ домъ дѣвушки. Тогда знатнѣйшій изъ сватовъ, который обыкновенно называется «старостою», начинаетъ слѣдующую рѣчь: «Наши отцы, дѣды и пращуры, ходя въ лѣса за охотой, открыли эту населяемую нами землю. Вотъ мы живемъ на ней, питаемся ея медомъ и прохлаждаемся молокомъ. Увлеченный примѣромъ предковъ, почтеннѣйшій NN. ходилъ также въ поле, въ лѣса и на горы, искать дичи, и встрѣтился тамъ съ серною; но она, стыдливая отъ природы и храня честь, не дала ему видѣть лица своего, а обратилась въ бѣгство и скрылась. Мы шли по слѣдамъ ея и эти слѣды привели насъ въ вашъ домъ: отдайте-же намъ добычу, за которою мы съ такимъ трудомъ гонялись по дебрямъ, или укажите, куда она убѣжала». Родители дѣвушки сначала отвѣчаютъ, что въ ихъ домъ не приходило никакого животнаго, что гнавшись за нимъ, они вѣроятно сбились со слѣда, и что можетъ-быть найдутъ, чего ищутъ, гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ. Но когда сваты продолжаютъ настаивать и увѣрять, что шли именно по слѣду и никакъ не ошиблись, то къ нимъ сперва выводятъ старуху, одѣтую въ отвратительное лохмотье, и спрашиваютъ: «это-ли та серна, за которою они гнались?». Сваты отвѣчаютъ отрицательно, увѣряя, что «у той, которую ищутъ, волосы златожелтые, очи сокольи, зубы жемчужные, губы краснѣе вишни, тѣло какъ у львицы, грудь и шея лебединыя, пальцы мягче воска, а лице яснѣе солнца и луны».

Если родители и послѣ этого стараются разувѣрить ихъ, то сваты утверждаютъ, что у нихъ собаки хорошія и никогда не сбиваются со слѣда; они угрожаютъ даже найти себѣ путь къ открытію серны силою и оружіемъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, родители позволяютъ наконецъ дочери явиться: она приходитъ, убранная со всевозможною роскошью. Тогда сваты вскрикиваютъ и увѣряютъ, что нашли серну, которую искали. Тутъ входитъ женихъ, который обыкно-

венно держится вблизи и тотчасъ приступаетъ къ обмѣну съ невѣстою колецъ, въ присутствіи священника. Послѣ этой церемоніи дѣвушка опять скрывается, а мужчины садятся за веселый столъ, въ продолженіе котораго назначается день свадьбы.

Въ понедѣльникъ, предшествующій этому празднику, по окончаніи обѣдни, какъ въ домъ невѣсты, такъ и въ домъ жениха, собираются родственники, призываютъ музыканта, и составляютъ первый малый пиръ. По окончаніи, женщины сѣютъ для свадебныхъ пироговъ муку, отчего этотъ день и называется «сѣяннымъ».

Настоящій пиръ начинается въ обоихъ домахъ обыкновенно въ четвергъ и продолжается четыре дня.

Въ воскресенье собираются къ жениху родственники для пріема невѣсты, и посылаютъ къ ней нарочныхъ съ извѣстіемъ о скоромъ его прибытіи. Друзья невѣсты подстерегаютъ посланныхъ на дорогѣ и стараются ихъ перехватить. Если имъ это удастся, то посланниковъ связываютъ, сажаютъ на лошадей лицемъ къ заду и привозятъ въ домъ невѣсты, какъ плѣнниковъ. Чтобъ избѣгнуть этого смѣшнаго оскорбленія, посланники выбираютъ лошадей самыхъ сильныхъ и быстрыхъ, на которыхъ-бы въ случаѣ нужды можно было ускользнуть отъ находящихся въ засадѣ.

Если они пріѣзжаютъ къ дому невѣсты благополучно, то у нихъ спрашиваютъ: «что имъ нужно?» Они отвѣчаютъ, «что посланы объявить войну и что войско, готовое завоевать крѣпость, уже вблизи».

Тогда ихъ впускаютъ, угощаютъ богато виномъ, и отсылаютъ домой, придавъ имъ нѣсколькихъ гостей со стороны невѣсты. Когда эти послѣдніе увидятъ приближающагося жениха, то отпускаютъ посланныхъ съ бранью и угрозами, а сами спѣшатъ каждый въ домъ невѣсты. Женихъ съ своими спутниками гонится за ними, и если настигнетъ, то платитъ имъ такою-же шуткою, какую готовились сдѣлать съ его посланными.

Все это заключается скачкою на лошадяхъ, на которой побѣдитель получаетъ награду изъ рукъ невѣсты, а коня его украшаютъ цвѣтами.

Въ-вечеру ведутъ обрученныхъ съ возможною пышностью въ церковь, для принятія священническаго благословенія. Посреди церкви разстилается коверъ, на которомъ становятся женихъ по правую, а невѣста по лѣвую сторону. Подъ ноги кладутъ имъ нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ монетъ, въ знакъ, что они должны отказаться отъ свѣта и презрѣть его пышность. Родственники осыпаютъ присутствующихъ малыми монетами, орѣхами и хмѣлемъ, въ знакъ, что плодородія должно просить отъ Бога, а на богатство обращать мало вниманія.

По окончаніи обряда, все собраніе возвращается въ домъ невѣсты, гдѣ дается роскошный пиръ, продолжающійся до трехъ часовъ утра. Тогда повара приносятъ жаре-

наго съ перьями пѣтуха и ставятъ на столъ, а одинъ изъ гостей, спрятавшись подъ столъ, кричитъ пѣтухомъ, возвѣщая тѣмъ наступленіе утра. Всѣ встаютъ изъ-за-стола и надѣляютъ поваровъ подарками. Брачная чета садится посреди комнаты и избранный невѣстою адвокатъ читаетъ роспись приданаго, упоминаетъ о полученныхъ невѣстою отъ родителей благодѣяніяхъ, и проситъ ихъ дать ей благословеніе. Исполнивъ это, родители подносятъ ей прощальное питье, называемое «питьемъ далёкаго пути», и отпускаютъ ее изъ дома. Но въ дверяхъ молодые встрѣчаютъ братьевъ, или ближайшихъ родственниковъ невѣсты; они преграждаютъ имъ путь и мужъ долженъ купить себѣ пропускъ подаркомъ. Невѣста садится въ повозку, не имѣя съ собой изъ отцовскаго дома никого, кромѣ свекрови или золовки, и такимъ-образомъ слѣдуетъ за супругомъ, который ѣдетъ впереди. Въ домѣ послѣдняго осушаютъ еще по нѣсколько бокаловъ, и наконецъ, отведя новобрачныхъ въ спальную комнату, оставляютъ ихъ на свободѣ.

(Сообщено корреспондентомъ Батьяновымъ).

III.

ИЗВѢСТІЯ.

Коллекція древнихъ памятниковъ, присланныхъ изъ Николаева. Въ 1840 году почетный членъ Общества, начальникъ Черноморскаго флота и портовъ, адмиралъ М. П. Лазаревъ, прислалъ въ Музей его слѣдующія древности, отъисканныя

а. Въ Ольвіи:

3 Эллинскія надписи разнаго содержанія; надгробіе Стратона, сына Протомахова; 2 барельефа и 2 головы отломленныя отъ статуй.

б. Въ Пантикапеѣ:

Эллинская надпись 424 года Воспорской эры; мужская статуя въ человѣческій ростъ, превосходной работы, но къ-сожалѣнію съ отломанною головою и руками.

в. Въ Херсонесѣ:

Кусокъ колонны Дорическаго ордена, кажется изъ извѣстнаго храма Діаны-Агротеры; 2 капители Византійской архитектуры, и пьедесталь отъ статуи гражданина Агасикла.

г. На островѣ Березани (древнемъ Борисѳенѣ):

Посвятительная надпись Папія, сына Праксіанактова, Аполлону-Простату.

д. Въ Анапѣ:

2 Турецкія надписи, показующія время построенія и возобновленія Анапской крѣпости, и 1 карнизъ съ Турецкою-же надписью.

е. Въ Ѳеодосіи (древней Кафѣ):

Генуэзская надпись 1344 года.

ж. Доставленныя изъ Аѳинъ:

Статуйка Цибелы, и небольшой, но прекрасный торсъ мужчины.

з. Изъ другихъ мѣстъ Греціи:

2 торса отъ статуекъ; 1 карнизъ; 5 разныхъ обломковъ; надгробная Греческая надпись 1523 года.

і. Изъ разныхъ мѣстъ:

Мраморная картина духовнаго содержанія, и поясной бюстъ, по-видимому, Сигизмунда III, короля Польскаго.

Древніе памятники, подаренные д. ч. Дестунисомъ. Въ томъ-же году Общество получило въ подарокъ отъ д. ч. С. Ю. Дестуниса, собранные въ Смирнѣ и разныхъ мѣстахъ Малой-Азіи:

а. Эллинскія надгробія :

5 съ изображеніями и псифисмами подъ ними жителей острова Аморга и городовъ Эгіала и Милйта, а 9 безъ надписей, но съ разными изображеніями.

б. Обломки барельефовъ, представляющихъ

1. Бой съ Амазонками; 2. Ясона, похищающаго Гесперидскія яблоки; 3. травлю звѣрей; 4. бога какой-то рѣки; 5. пьедесталъ съ остатками ногъ, прекрасной работы, и 16 обломковъ съ разными изображеніями.

в. Разные Эллинскіе общеупотребительные сосуды:

59 цѣлыхъ и поврежденныхъ ликиѳовъ; 12 лакримаріевъ; 14 инфундибулъ; 2 алавастрона; 2 лампадки; 9 грузилецъ къ рыболовнымъ сѣтямъ.

Древности, переданныя изъ Одесскаго Городскаго Музея. Въ 1842 году, по распоряженію г. почетнаго президента, переданы въ Общество, изъ Одесскаго городскаго Музея, по невозможности тамъ помѣстить, слѣдующія древности изъ собранныхъ Новороссійскимъ археологомъ покойнымъ И. П. Бларамбергомъ, и найденныя

а. Въ Ольвіи:

Посвятительная надпись Анаксимена, сына Сократова, Ахиллесу; надгробіе Потамона сына Александрова; женская статуя съ отбитыми руками, и каменный столбъ для причала судовъ.

б. Въ Неаполисѣ Скиѳскомъ: *

Изображеніе Скиѳскаго юноши на конѣ; посвятительныя надписи: Дію-Атавирію и Аѳинѣ-Линдіи; надпись Скиѳскаго царя Скилуроса.

в. Въ разныхъ мѣстахъ Греціи:

Эллинская надпись Иросона сына Фарнакова; барельефъ представляющій поѣздъ Вакха; надгробія: Хриса и Димиса сына Фарсипонтова.

Турецкіе акты, хранящіеся въ Одесскомъ городскомъ Музеѣ. Вниманіе Общества на эти акты, числомъ пять, обращено было ч. о. А. С. Стурдзою. По разсмотрѣніи ихъ д. ч. А. Ѳ. Негри оказалось, что акты сіи суть :

1) Фирманъ султана Ахмеда II, отъ первыхъ чиселъ мѣсяца Шабана 1103 года гиджры (1692 по Р. Х.), на имя Буджакскаго сераскира и мирзъ поколѣній Оракъ и Урумбетъ. Предписывается имъ итти на помощь господарю Молдавскому, противъ имѣющихъ намѣреніе вторгнуться въ Молдавію Поляковъ и казаковъ, лишь только онъ потребуетъ этой помощи.

2) Копія, скрѣпленная диванъ-эфендіемъ Молдавскаго господаря, съ подлин-

* Въ двухъ верстахъ отъ Симферополя, гдѣ, по изслѣдованіямъ Бларамберга, находился Неаполисъ, укрѣпленіе Скиѳскаго царя Скилуроса и дѣтей его. См. его «De la position des trois forteresses Tauro-Scythes, dont parle Strabon». Odessa, 1831.

наго акта, составлявшагося по повелѣнію султана, и утвержденнаго кадіемъ крѣпости Бендеръ въ среднихъ числахъ мѣсяца Реджеба 1141 года гиджры (1729 по Р. Х.). Актомъ этимъ постановляется уступка Ногайскимъ Татарамъ въ ленное владѣніе, за извѣстную плату, пространства земли въ 32 часа длины и 2 часа ширины съ Молдавской стороны пограничной линіи, извѣстной подъ именемъ «Халиль-Паша-Худуды».

3) Приказъ отъ первыхъ чиселъ Рамазана 1150 года гиджры (1737), которымъ, по требованію господаря Молдавскаго Григорія и вслѣдствіе ярлыка хана Крымскаго, воспрещается кочевымъ Татарамъ переходить черезъ Прутъ на Молдавскую сторону для кочевки, какъ они дотолѣ это дѣлали съ позволенія господаря и съ платою за право пользоваться пастбищами. Причиною этого запрещенія поставляется недостаточность земли для самихъ обитателей Молдавіи.

4) Фирманъ султана Мустафы III отъ первыхъ чиселъ мѣсяца Шабана 1177 года гиджры (1764 по Р. Х.), на имя господаря Молдавскаго. Вслѣдствіе представленія Австрійскаго посла барона де-Пинклера, дозволяется жителю Трансильваніи, Австрійскому подданному по имени Іоанесу Димитрію, закупить въ Молдавіи нѣкоторое количество воску и вывезть его въ Трансильванію, съ уплатою на мѣстѣ установленной пошлины.

5) Фирманъ султана Абдуль-Хамида отъ среднихъ чиселъ мѣсяца Ребія-перваго 1200 года гиджры (1786 по Р. Х.), на имя господаря Молдавскаго Александра. По представленію Австрійскаго посла барона де-Герберта, что по причинѣ неурожая въ Буковинѣ и сосѣдственныхъ областяхъ угрожаетъ ей голодъ, позволяетъ онъ закупить въ Молдавіи и вывезть безпрепятственно въ Буковину 12000 килъ маису.

Татарскіе и Турецкіе акты, доставленные въ Общество. Вслѣдствіе циркулярнаго обращенія Общества къ членамъ и корреспондентамъ своимъ о доставленіи всякаго рода оффиціяльныхъ бумагъ на Татарскомъ и Турецкомъ языкахъ, разсѣянныхъ въ значительномъ числѣ по рукамъ частныхъ людей въ здѣшнемъ краю, получило оно отъ Таврическаго муфтія изъ Симферополя, отъ гахама Караитскаго изъ Евпаторіи, и отъ гг. Борзенкова, Шевелева и Катруцы нѣсколько такихъ актовъ, которыя, по разсмотрѣніи ихъ дд. чч. Негри и Григорьевымъ, оказались слѣдующаго содержанія:

1) Фирманъ султана Солимана отъ послѣднихъ чиселъ мѣсяца Шеваля 949 года гиджры (1543 по Р. Х.), данный въ Адріанополѣ, и адресованный на имя бея области Зуль-Кадра. Воспрещаются строго разбои и грабежи, производимые съ нѣкотораго времени Курдами-Ѣзиди въ разныхъ мѣстахъ той области.

2) Копія съ ярлыка Сахибъ-Герай-Хана отъ первыхъ чиселъ мѣсяца Джюмада-вто-

раго 956 года (1549 по Р. Х.). Данъ Девлетъ-Яръ-Хафизу сыну Итякъ-Хаджи на владѣніе прѣснымъ колодеземъ въ урочищѣ Ташлы-Ѣлга.

3) Ярлыкъ Девлетъ-Герай-Хана отъ послѣднихъ чиселъ мѣсяца Ребія-перваго 969 года (1561 по Р. Х.). Данъ сыну Итякъ-Хаджи Джанъ-Муллѣ-Хаджи съ семействомъ на освобожденіе ото всякаго рода государственныхъ податей и повинностей.

4) Ярлыкъ того-же хана отъ 6 числа мѣсяца Ребія-перваго 984 года (1576 по Р. Х.), данный Ягмурджи-Хаджи на владѣніе колодеземъ.

5) Фирманъ султана Мурада III отъ 7 числа мѣсяца Джюмада-перваго 991 года (1583 по Р. Х.). Повелѣвается выдавать Шахъ-Мирзѣ сыну Искендеръ-Мирзы по 15 акче въ день жалованья изъ доходовъ Аккерманскаго порта.

6) Подтвердительный ярлыкъ Тохтамышъ-Герай-Хана отъ послѣднихъ чиселъ мѣсяца Ребія 1010 года (1601 по Р. Х.), выданный потомкамъ муллы Наки на освобожденіе ихъ ото всякаго рода государственныхъ податей и повинностей.

7) Подтвердительный ярлыкъ Селаметъ-Герай-Хана отъ послѣднихъ чиселъ Джюмада-перваго 1017 года (1608 по Р. Х.), выданный Каранамъ Кыркъ-Ѣрской крѣпости (Чуфутъ-Кале). Освобождаются отъ разнаго рода государственныхъ податей и повинностей, а кале-бею и его чиновникамъ воспрещается чинить имъ произвольныя притѣсненія.

8) Подтвердительный фирманъ султана Османа II отъ первыхъ чиселъ Джюмада-перваго 1027 года (1618 по Р. Х.), выданный потомкамъ Еврейки Гиры. Освобождаются всѣ они, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола ото всѣхъ налоговъ и повинностей и воспрещается чинить имъ какія-либо притѣсненія.

9) Фирманъ султана Мурада IV отъ 1033 года (1623 по Р. Х.), о приготовленіи для войскъ 3000 кинталовъ сухарей изъ муки, сохраняемой въ магазинахъ крѣпости Токата въ Анатоліи.

10) Ярлыкъ Селимъ-Герай-Хана отъ первыхъ чиселъ мѣсяца Рамазана 1107 года (1696 по Р. Х.), данный Ахмедъ-Шахъ-Мирзѣ сыну Бегадиръ-Шаха на полученіе жалованья по 50 акче ежедневно изъ доходовъ Ферхъ-Керманскаго солончака.

11) Фирманъ султана Мустафы отъ мѣсяца Рамазана 1131 года (1719 по Р. Х.). Запрещается выпускать въ обращеніе тогдашнюю монету Османа, по причинѣ ея неполновѣсности, и повелѣвается чеканить вмѣсто оной новую, полновѣсную.

12) Фирманъ султана Ахмеда III отъ 4 числа мѣсяца Ребія-втораго 1141 года (1728 по Р. Х.). Вслѣдствіе общаго распоряженія, чтобъ по смерти бездѣтныхъ откупщиковъ, откупа ихъ переходили въ казну, откупъ области Визы, который держалъ за 1375 левовъ въ годъ султанъ

Адиль-Герай, приказывается, за смертью его и за смертью сына Девлетъ-Гераева Мухаммедъ-Герая, отдать предъявителю фирмана, сыну Девлетъ-Гераеву Мурадъ-Гераю, съ-тѣмъ-чтобы онъ изъ этой суммы 1375 левовъ, которая ему дарится, выплачивалъ ежегодно по 100,000 аспровъ Бахтъ-Герай-Султану, получавшему ихъ и прежде изъ суммъ того откупа.

13) Вводный ярлыкъ Арслапъ-Герай-Хана отъ Марта мѣсяца 1164 года (1751 по Р. Х.), выданный Молдавану Іованицѣ на арендное содержаніе за 4,500 Испанскихъ піастровъ (Руми-гурумъ) въ годъ Ханскихъ удѣльныхъ имѣній въ Дубоссарахъ, Кайнарѣ и верховьяхъ Тилигула съ Марта того 1164 по Мартъ слѣдующаго года.

14) Такой-же ярлыкъ того-же хана тому-же лицу на то-же самое и за ту-же сумму, срокомъ съ Марта мѣсяца 1165 (1752 по Р. Х.) по Мартъ-же мѣсяцъ слѣдующаго 1166 года.

15) Копія съ ярлыка Шагинъ-Герай-Хана отъ 26 числа мѣсяца Сафера 1192 года (1778 по Р. Х.), даннаго Еврею Іосифу относительно устройства вновь заводимаго монетнаго двора и качества имѣющей биться на ономъ монеты.

Древніе Еврейскіе кодексы и другіе памятники. Этими находками Общество одолжено двумъ лицамъ: Евпаторійскому карантскому учителю г. Фирковичу и директору Одесскаго Еврейскаго училища г. Штерну. Скажемъ по нѣсколько словъ отдѣльно о каждой изъ нихъ.

а. *Находки г. Фирковича.* Въ 1839 году Общество, освѣдомясь, что г. Фирковичъ (нынѣ корреспондентъ Общества), занимаясь возложенными на него изысканіями, относительно исторіи Караитовъ въ Крыму, былъ такъ счастливъ, что открылъ въ Чуфутъ-Кале, Карасу-Базарѣ, Ѳеодосіи и другихъ мѣстахъ многіе весьма древніе Еврейскіе памятники, вошло съ нимъ чрезъ своего президента въ сношеніе. Вслѣдствіе этого г. Фирковичъ имѣлъ благосклонность всѣ свои находки предоставить въ его распоряженіе.

Сокровища, спасенныя г. Фирковичемъ отъ забвенія, состоятъ изъ 58 надгробныхъ надписей и 51 рукописи, всего изъ 109 памятниковъ временъ давнопрошедшихъ — памятниковъ, изъ которыхъ древнѣйшій 640 года по Р. Х., а самый новый 1679; прочіе слѣдуютъ одинъ за другимъ, въ недальнихъ разстояніяхъ, въ теченіе шести столѣтій, занимающихъ средину этого промежутка времени, то-есть между X и XVI вѣками, а отчасти принадлежатъ и дальнѣйшимъ вѣкамъ, составляющимъ начало и конецъ этого пространства.

Такимъ-образомъ, чрезъ открытіе этихъ 109 памятниковъ воззвано изъ безмолвія могилы къ жизни столько-же говорящихъ свидѣтелей, находившихся большею частью на Таврическомъ-Полуостровѣ, и жившихъ въ-сложности 1039 лѣтъ. И перваго, нѣ-

сколько внимательнаго разсмотрѣнія этихъ древностей достаточно, чтобъ убѣдиться въ возможности извлечь изъ нихъ весьма немаловажное обогащеніе для науки.

«Рукописи», состоящія почти исключительно изъ списковъ «библіи» или «отдѣльныхъ ея частей» и «отрывковъ», весьма замѣчательны уже по одной своей глубокой древности. Новѣйшіе изъ кодексовъ и свитковъ относятся къ XIV вѣку, многіе къ XIII и XII, нѣкоторые къ XI и X, одинъ отрывокъ даже къ IX вѣку.

Изъ этихъ рукописей можно было-бы составить весьма интересное собраніе варіантовъ для священнаго текста Ветхаго-Завѣта. Одно простое перелистываніе показало уже нѣкоторыя отклоненія отъ Массоретскаго текста, неизвѣстныя доселѣ ниодному изъ Европейскихъ критиковъ, неоткрытыя нигдѣ ни Кенникотомъ, ни де Росси, но бывшія уже въ виду древняго Халдейскаго парафраста.

Одинъ изъ библейскихъ кодексовъ имѣетъ въ заключеніи извѣстный «Массоретскій списокъ» *, принадлежащій безъ-сомнѣнія къ тому-же времени, какъ и самый кодексъ, писанный до 938 года. Слѣдовательно ученые, которые происхожденіе этого списка относятъ безъ достаточныхъ основаній къ XI вѣку, должны перемѣнить свое мнѣніе.

Другаго списка того-же рода * до-сихъ-поръ не найдено ни въ одной изъ библій, которая была-бы древнѣе «второй Бамбергской», но что онъ на самомъ-дѣлѣ долженъ быть еще несравненно древнѣе этой послѣдней, ученые могли донынѣ только догадываться по критическимъ причинамъ. Одинъ изъ найденныхъ теперь отрывковъ, содержащій часть этого списка, возводитъ критическую догадку на степень исторической достовѣрности.

Далѣе, два великолѣпныхъ кодекса, колоссальнаго размѣра, оба не новѣе XIII вѣка, содержатъ, кромѣ текста «пятикнижія», Халдейскій переводъ «Онкелоса». Они обѣщаютъ невыразимую пользу для критической обработки этого перевода.

Но изъ всѣхъ библейскихъ рукописей, найденныхъ г. Фирковичемъ, важнѣйшая есть неоспоримо «кодексъ послѣднихъ пророковъ», писанный 917 или 918 года ** и

---

* Мы разумѣемъ здѣсь ошибочно называемые חלופים בין בני אשר ובין בני נפתלי. Заглавіе списка въ кодексѣ слѣдующее: זה החלוף שבין שני המלמדים בן אשר ובן נפתלי יהחכם שרי.

* Это חלופין שבין מערבאי ומדנחאי.

** Приписка, сдѣланная въ концѣ тѣмъ-же самымъ почеркомъ и тѣми-же чернилами, какъ писанъ кодексъ, говоритъ: כוים זה הדפתר בחדש תשרי בשנת אלף מאתים ועשרים ושמנה שנים, а что это число года должно отнести къ лѣтосчисленію контрактовъ (aera contractuum), показываетъ другая приписка на переднемъ чистомъ листѣ послѣ переплета. Въ ней говорится: בשם ייי צבאות (sic) . סימן טוב וסימן יפה זה שחוף של נביאים אחרונים לרב יצחק בר רב יוסף יכמאל יוצרו ינצרו ויעזרו וישמרו ובצל כנפיו יכתירו ויראהו בנין עירו ושכלל היכלו . . . . . זה חלקו שנפל לו מירושת אביו נוחו בערן בשנת

перешедшій въ Крымъ между 1128 и 1333 годами. Онъ превосходитъ все извѣстное доселѣ въ этомъ родѣ: находкою его открываются совершенно новые виды для исторіи Еврейскаго текста библіи. Въ этомъ кодексѣ, текстъ пунктированъ и акцентированъ по совершенно-особенной системѣ, которая въ самой себѣ вполнѣ послѣдовательна, но отличается отъ обыкновенной формами, мѣстами постановки и значеніями гласныхъ и акцентовъ. Притомъ она, кажется, лучше соотвѣтствуетъ духу-языковъ фамиліи Симетической, чѣмъ нынѣшняя. Здѣсь прилагается образецъ (Рисун. XV. в). Мы нарочно выбрали для этого окончаніе кодекса, гдѣ показанъ годъ, когда онъ писанъ.— Кромѣ этого кодекса, весьма хорошо сохранившагося, найдены еще отрывки трехъ другихъ библейскихъ рукописей, съ пунктуаціею и акцентуаціею по тойже особенной системѣ. По причинамъ, проистекающимъ изъ самаго свойства этихъ отрывковъ, равно-какъ и изъ приписокъ на упомянутомъ кодексѣ, мы почитаемъ себя вполнѣ убѣжденными, что эта вновь-отъискапная система пунктуаціи и акцентуаціи должна быть почитаема произведеніемъ самостоятельной Массоретской дѣятельности школъ Вавилонскихъ, тогда-какъ обыкновенная система, какъ извѣстно, начало свое ведетъ отъ школъ Палестинскихъ.

Три рукописи, относящіяся къ новѣйшей Еврейской литературѣ, также въ своемъ родѣ замѣчательны. Всѣ онѣ принадлежатъ XIII вѣку. Одна изъ нихъ даетъ понятіе о тогдашнемъ состояніи синагоги Караитовъ; другія двѣ, хотя и содержатъ уже извѣстныя и изданныя сочиненія, но по значительнымъ варіантамъ, тѣмъ-болѣе важны, что сочиненія эти принадлежатъ къ самымъ классическимъ въ Еврейской литературѣ. Къ тому-же особенный характеръ «почерка», господствующій въ двухъ послѣднихъ рукописяхъ, дѣлаетъ ихъ поучительными и въ другомъ отношеніи.

Таковъ «общій» интересъ сдѣланныхъ находокъ, но для разработывающихъ исторію Новороссійскаго-Края есть и «частный», и притомъ весьма важный. Это «приписки», которыя находятся почти во всѣхъ рукописяхъ, въ началѣ или въ концѣ или вмѣстѣ въ обоихъ мѣстахъ, и которыя всѣ, за исключеніемъ весьма немногихъ, сдѣланы въ Крыму. Изъ «65 приписокъ» найденныхъ на рукописяхъ, 53 содержатъ или просто «свѣдѣнія объ историческихъ событіяхъ» въ Крыму, или написанные тамъ-же «договоры о принадлежности» рукописей. «Приписки» въ концѣ «свитковъ», употребляемыхъ, какъ извѣстно, въ однихъ синагогахъ, и жертвуемыхъ обыкновенно благо-

---

אלף ומאתים וששים ושכנה למנין שטרות הרח יביא גואל בחיין ובחיי אחיו ובחיי כל בית ישראל אמן נצח כלה ועד. — Такъ-какъ упомянутое лѣтосчисленіе у нѣкоторыхъ Еврейскихъ писателей начинается съ 310, а у другихъ съ 311 года до Р. Х., то мы годъ написанія кодекса означили двоякою цифрою.

чествою щедростью, состоятъ всегда изъ «дарственныхъ записей», которыя въ каждомъ свиткѣ показываютъ имя того, кто дарилъ, и синагогу, которой даръ принесенъ. Такимъ-образомъ въ рукописяхъ, найденныхъ г. Фирковичемъ, мы получили, сверхъ многихъ и важныхъ пособій для критики библейскаго текста, еще 53 Таврическихъ памятника, доселѣ не бывшіе извѣстными. И эти 53 «приписки», имѣютъ одинаковый мѣстный интересъ съ отысканными имъ же «надгробными надписями», и составляютъ вмѣстѣ съ ними 111 вновь пріобрѣтенныхъ для исторіи Крыма документовъ.

Предугадать теперь, сколько полезныхъ свѣдѣній, догадокъ и замѣчаній, можетъ быть извлечено изъ этихъ памятниковъ, конечно, нѣтъ возможности, но мы упомянемъ о нѣкоторыхъ, *нами* при первомъ обзорѣ представившихся выводахъ.

1. Имена мѣстъ и лицъ, въ памятникахъ этихъ встрѣчающихся, доказываютъ очевидно, что Татарскій языкъ, въ началѣ IX вѣка, былъ уже давно господствующимъ въ Крыму. Слѣдовательно мы имѣемъ полное право принять, что «пространство земли, между Волгою и Нижнимъ-Днѣпромъ, задолго до IX вѣка, принадлежало Турко-Татарскому міру». Что «Половцы» и «Печенѣги» суть отрасли одного съ ними поколѣнія, это признано всѣми, но что и «Хазары» принадлежатъ къ тому-же племени, оспоривается до-сихъ-поръ. Памятники, полученные Обществомъ чрезъ Фирковича, въ состояніи, кажется, дать этому мнѣнію перевѣсъ.

2. Свѣдѣнія о «Мангупѣ», донынѣ извѣстныя, какъ видно изъ «Сборника» почтеннаго сочлена нашего г. Кеппена, не восходятъ далѣе XVI вѣка. Но одна изъ «приписокъ» на найденныхъ нынѣ документахъ, X вѣка, упоминаетъ о Мангупѣ, какъ о существовавшемъ уже поселеніи.

3. Въ другой «припискѣ» деревня «Чикурча» упоминается уже въ 843 году, слишкомъ за тысячу лѣтъ предъ симъ. Поселенія «Дайбули», являющагося въ особой «припискѣ», мы до-сихъ-поръ не могли отыскать. Ученые географы вполнѣ оцѣнятъ важность этихъ и тому подобныхъ свѣдѣній.

4. Между «надгробными надписями» одна изъ древнѣйшихъ именуетъ «Исаака Сангари», умершаго, какъ показываетъ камень, 4727 года отъ С. М. по Еврейскому лѣтосчисленію (767 по Р. Х.) Находка, въ высшей степени любопытная! Изъ свѣдѣній, собранныхъ достопочтеннымъ сочленомъ нашимъ Д. И. Языковымъ о «Хозарахъ», имя Исаака Сангари извѣстно уже Русскому читателю, какъ имя человѣка, которому Еврейское преданіе приписываетъ обращеніе этого Татарскаго племени къ іудейству. Найденнымъ «надгробнымъ камнемъ» личность Сангари, принадлежавшая доселѣ одной легендѣ, весьма неожиданнымъ образомъ передается исторіи.

5. Не менѣе неожиданное явленіе представляетъ «эра сотворенія міра», какъ упо-

требляется она почти исключительно во всѣхъ документахъ, найденныхъ корреспондентомъ Фирковичемъ, слѣдовательно уже въ 640 году *, тогда-какъ во всѣхъ извѣстныхъ доселѣ Еврейскихъ памятникахъ, она появляется, кажется, только съ XI вѣка. Желая объяснить это явленіе, мы нечаянно находимъ весьма интересный выводъ, что «Еврейская эра сотворенія», должна быть считаема однимъ подражаніемъ «гражданскому лѣтосчисленію Грековъ» (æra civilis Græcorum). По-этому весьма естественно, что она первоначально была въ употребленіи у Евреевъ въ Греціи и въ Крыму, находившемся съ ней въ сообщеніи, и что только въ-послѣдствіи перешла она и къ Евреямъ въ Азіи, Африкѣ и Западной-Европѣ. Итакъ вотъ почему «эра сотворенія» въ Еврейской литературѣ, въ которой до первыхъ вѣковъ втораго тысящелѣтія, сколько показываютъ намъ извѣстныя доселѣ ея сокровища, принимали участіе одни только Евреи этихъ послѣднихъ странъ, встрѣчается гораздо позже, чѣмъ на памятникахъ, найденныхъ въ Крыму. Чрезвычайно важный выводъ, которымъ обязаны мы этимъ памятникамъ! **

6. Отрасль позднѣйшаго іудейства, противустоящая талмудизму и извѣстная подъ именемъ караитства, по причинамъ, относящимся къ общей Еврейской исторіи, могла проникнуть къ Евреямъ въ Крыму не прежде, какъ развѣ только къ концу перваго тысящелѣтія. Между памятниками, составляющими предметъ настоящаго разсмотрѣнія, одна «надпись» 909 года, есть древнѣйшій, въ которомъ могли мы открыть едва замѣтный слѣдъ караитства. Менѣе двусмысленный признакъ сего рода встрѣчается даже не прежде 958 года, въ «надгробной надписи», смыслъ которой притомъ указываетъ, кажется, прямо на то, что караитское ученіе въ то время находилось только въ своемъ распространеніи между Евреями въ Крыму. Съ-другой-стороны противоталмудистскій видъ и составъ всѣхъ найденныхъ свитковъ «пятикнижій», изъ которыхъ одинъ съ припискою 843 года, неоспоримо доказываютъ, что, до караитства, и талмудистское ученіе не господствовало между Евреями въ Крыму. Кому неизвѣстна также та непоколебимая твердость, съ какою приверженцы позднѣйшаго іудейства придерживаются своихъ религіозныхъ постановленій? Если-бы караитство нашло равинское ученіе и образъ жизни уже гос-

* Это лѣтосчисленіе употреблено еще въ «надгробной надписи» 598 года, найденной, какъ будетъ показано ниже, г. Штерномъ.

** Въ 1840 году изданъ въ Берлинѣ, незадолго предъ тѣмъ отысканный и относящійся къ Нижней-Италіи, Еврейскій памятникъ первой половины X вѣка, въ которомъ, при означеніи времени, каждый разъ употреблена «эра сотворенія». Ежели мы вспомнимъ политическія отношенія, въ которыхъ, въ первыя столѣтія среднихъ вѣковъ, находилась Нижняя-Италія къ Греціи, то намъ не покажется страннымъ, что употребленіе Еврейской эры сотворенія проникло прежде въ эту страну, чѣмъ въ какую-нибудь другую.

подствующими въ Крыму, то ему и здѣсь такъ-же мало, какъ и гдѣ-либо, возможно былобъ привлечь къ себѣ всѣхъ или хотя бо̀льшую часть приверженцевъ талмуда. Между-тѣмъ одинъ, найденный г. Штернома памятникъ, неоспоримо доказываетъ, что предки Евреевъ-Талмудистовъ въ Крыму, перешли туда развѣ только въ XII вѣкѣ; но этотъ памятникъ сверхъ-того доказываетъ также, что при переселеніи туда они нашли тамъ только однихъ Евреевъ-Караитовъ. Итакъ Еврейскіе жители полуострова, до X вѣка не были ни талмудистами, ни караитами: они были просто Евреи, каковы и теперь ихъ единоплеменники въ Китаѣ и Тибетѣ, не знающіе другаго источника религіи, кромѣ «библіи». Крымъ есть та страна, въ которой караитство предъупредило талмудизмъ и именно по-этому привлекло на свою сторону Евреевъ въ цѣлой массѣ. Мы говоримъ «въ цѣлой массѣ», потому-что и немногіе приверженцы талмуда, жившіе тамъ еще во времена Татаръ, перешли въ эту страну столѣтіями позже. Что Крымъ сдѣлался главнымъ сѣдалищемъ Караитовъ, что караитская форма синагоги именно только здѣсь сдѣлалась господствующею въ краю, тогда-какъ ни въ какой другой странѣ, она не могла достигнуть какой нибудь значительности — это явленіе, которое достаточно объяснилось намъ только полученнымъ здѣсь выводомъ. — Не перешагнувъ границъ общаго извѣстія, мы не можемъ говорить здѣсь о видахъ, открывающихся отсюда для точнѣйшаго уразумѣнія современныхъ религіозныхъ отношеній Евреевъ въ Греціи, такъ-какъ синагога въ Крыму, въ отношеніи къ тому времени, безъ-сомнѣнія можетъ быть почитаема за отраженіе синагоги въ Греціи.

7. Совсѣмъ особенный, весьма живой интересъ, внушаютъ три другія «приписки», набросанныя на столькихъ-же свиткахъ «пятикнижія»: изъ нихъ видимъ, что эти свитки «посвящены были въ 965 году синагогѣ Хазаръ въ Солхатѣ». Какая неожиданная индивидуализація общихъ и неопредѣленныхъ извѣстій объ обращеніи этого народа къ іудейству, дошедшихъ до насъ чрезъ Еврейскихъ и Арабскихъ писателей! Изумленіе едва даетъ мѣсто размышленію! Между-тѣмъ эти приписки едвали показываютъ торжество позднѣйшаго еврейства. Хазары, народъ воинственный, свободный, слѣдовательно любящій наслажденія жизни, переѣдя въ еврейство, только дотолѣ могъ оставаться вѣрнымъ синагогѣ, доколѣ эта послѣдняя не была взыскательна, то-есть только до-тѣхъ-поръ, пока Евреи въ Крыму были еще въ вышеозначенномъ смыслѣ «библейскими іудеями». Эти Евреи, подобно Евреямъ восточной Азіи, съ которыми сравнивали мы ихъ выше, не знали другихъ религіозныхъ уставовъ, кромѣ содержащихся въ Священномъ Писаніи, и такъ-же какъ и тѣ, состоя въ отношеніяхъ только одной церковной Общины подъ чуждымъ владѣніемъ, мало были

въ состояніи соблюдать, хотя съ нѣкоторою точностью, законъ Священнаго Писанія, данный за нѣсколько тысящелѣтій ихъ предкамъ, какъ народу независимому. Отсюда съ достовѣрностью можно предположить, что отъ всего іудейства сохранили они столько-же, какъ и Евреи восточной Азіи, то-есть одно только благоговѣйное почитаніе этого закона, безъ всякаго наложенія на себя какихъ-либо узъ принужденія по его уставамъ. Такимъ-образомъ не можетъ показаться страннымъ, что Хазары согласились промѣнять ихъ язычество на снисходительное іудейство такого-рода. Но какъ-скоро синагога въ Крыму подверглась принужденіямъ позднѣйшаго іудейства, хотя въ его караитскомъ развитіи, то сдѣлалось рѣшительно невозможнымъ, чтобъ и Хазары подклонили свои головы подъ это иго и оставались долѣе іудеями. Различія, раздѣляющія караитство отъ талмудизма въ этомъ отношеніи, конечно, не могутъ быть приняты въ уваженіе, потому-что караитское ученіе въ сущности должно почитать столькожь, если не болѣе, обуздывающимъ, какъ и талмудистское. Итакъ эпоха, въ которую синагога въ Крыму сдѣлалась караитскою, есть безъ-сомнѣнія та самая, въ которую Іудеи-Хазары раздѣлились между полумѣсяцемъ и крестомъ. Только немногіе изъ нихъ, по особому сочувствію, могли послѣдовать синагогѣ и въ новомъ ея развитіи, и эти-то вѣроятно поселились по среди Еврейской Общины въ Солхатѣ, полагать должно, важнѣйшей тогда въ этой странѣ, гдѣ, устраненные отъ блеска своихъ единоплеменниковъ, вели жизнь тихую, но богатую религіозными чувствами. Вотъ, по нашему мнѣнію, сущность Общины Евреевъ-Хазаръ въ Солхатѣ, о которой говорятъ упомянутыя три приписки.

и 8. Для внѣшней исторіи Еврейскихъ Общинъ въ Крыму, можно съ большею достовѣрностью вывесть, соображая найденные памятники съ немногими свѣдѣніями, кромѣ-того по предмету этому сохранившимися, что Евреи жили первоначально (вѣроятно со временъ Митридата VI Понтійскаго) въ восточной части полуострова, именно въ Воспорѣ, и уже позднѣе заняли мѣста вдоль по сѣверному скату южныхъ Крымскихъ горъ, образовавъ тамъ три главныя Общины: въ Солхатѣ, Кыркъерѣ и Мангупѣ. Съ процвѣтаніемъ Кафы, въ концѣ XIII вѣка, начинается паденіе Еврейскихъ Общинъ* въ близкомъ отъ нея Солхатѣ, котораго

---

* Мы говоримъ «*Еврейскихъ* Общинъ», во множественномъ числѣ, разумѣя подъ тѣмъ какъ талмудистскія, такъ и караитскія. Но построеніе и скорое процвѣтаніе города Кафы имѣло слѣдствіемъ паденіе не однихъ только «Еврейскихъ Общинъ» въ Солхатѣ. Напротивъ мы видимъ въ томъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ паденія этого города вообще — города, описываемаго, современно основанію Кафы, однимъ изъ важнѣйшихъ городовъ Азіи, и свидѣтельствующаго, чрезъ 300 лѣтъ послѣ того, о прежнемъ своемъ величіи, только одними развалинами и другими оставшимися слѣдами. (*См. Кеппена* «Крымскій Сборникъ», стр. 340 и 343).

жители-Евреи отчасти переселились въ Кафу. И это паденіе еще яснѣе замѣчается съ конца XIV вѣка, вѣроятно въ-слѣдствіе современнаго переселенія Караитовъ въ Литву и Польшу — переселенія, которое, кажется, послужило ко вреду преимущественно этой Общины. Одинаковую участь съ Солхатомъ имѣла Община Мангупъ, потерявшая еще въ древнія времена часть Еврейскаго своего народонаселенія, перешедшаго особенно, кажется, въ Кыркъеръ. Двѣ Караитскія общины: Евпаторія и Армянскій-Базаръ, обѣ появившіяся только лѣтъ за сто назадъ, соединили по-видимому въ себѣ послѣдніе остатки Евреевъ-Караитовъ Солхатскихъ и Мангупскихъ, точно такъ, какъ въ новѣйшія времена Караитскія Общины въ городахъ Симферополѣ, Севастополѣ, Херсонѣ, Николаевѣ и Одессѣ, присоединились къ тѣмъ двумъ, чтобъ мало-по-малу отнять и у Кыркъёра его древнее Еврейское народонаселеніе.

б. Находки г. Штерна. Получивъ документы, найденные г. Фирковичемъ, Общество пригласило для разсмотрѣнія и подробнаго описанія ихъ г. Штерна, ученаго Еврея, глубоко посвященнаго въ таинства своего языка и наукъ, для этого дѣла необходимыхъ. Г. Штернъ имѣлъ благосклонность, съ удовольствіемъ принять на себя это порученіе и немедленно приступилъ къ исполненію. Между-тѣмъ изъ 109 памятниковъ, открытыхъ корреспондентомъ Фирковичемъ, съ-одной-стороны всѣ надгробные камни, а съ-другой и нѣкоторыя изъ рукописей, остались на мѣстахъ, потому-что не могли быть взяты оттуда, гдѣ найдены (число тѣхъ и другихъ простиралось до 79, слѣдовательно до двухъ третей всего количества), и Общество получило чрезъ г. Фирковича только копіи съ «надписей» на первыхъ и съ «приписокъ» къ другимъ. Г. Штернъ счелъ необходимымъ, для полноты и вѣрности описанія, обозрѣть эти не находившіеся на-лицо памятники лично, изслѣдовать ихъ на мѣстахъ, и повѣрить съ подлинниками доставленныя Обществу копіи.

Для этого предпринялъ онъ поѣздку въ Крымъ, которую совершилъ въ Сентябрѣ и Октябрѣ 1842 года, достигнувъ вполнѣ цѣли своего путешествія.

Къ собственному «описанію» открытыхъ древностей, Фирковичъ вовсе и не приступалъ. Копіи, доставленныя имъ съ «надгробій» и другихъ «надписей» и «приписокъ», хотя въ цѣломъ и въ главныхъ частяхъ оказались большею частью совершенно вѣрными, но при-всемъ-томъ онъ иногда, вмѣсто снятія точныхъ копій, довольствовался однимъ означеніемъ содержанія, а иногда читалъ ошибочно, и между прочимъ раза два прочелъ такимъ образомъ означеніе годовъ и собственныхъ именъ. Посему принятою на себя г. Штерномъ обязанностью было: всѣ открытые камни и пергамины описать по правиламъ науки, а съ надписей и приписокъ снять дипломати-

чески-вѣрныя копіи. Все это онъ исполнилъ. Ему даже удалось привезть съ собою въ Одессу нѣкоторые оригиналы рукописей, оставшихся послѣ обозрѣнія Фирковича на мѣстахъ.

Сверхъ-того путешествіе его дало поводъ къ нѣкоторымъ новымъ открытіямъ. Караитскія синагоги въ Херсонѣ, Армянскомъ-Базарѣ и Севастополѣ ускользнули отъ вниманія г. Фирковича: у столь юныхъ Общинъ не полагалъ онъ найти что нибудь древнее. Между-тѣмъ они могли принести древности съ собой изъ мѣстъ прежняго жительства. Г Штернъ посѣтилъ и эти синагоги и былъ такъ счастливъ, что здѣсь и въ нѣкоторыхъ другихъ молитвенныхъ и училищныхъ домахъ, а равно на кладбищѣ въ Чуфутъ-Кале, открылъ кое-что весьма важное, отчасти само по себѣ, отчасти въ отношеніи къ прежде-открытому. Вотъ его находки:

1. На кладбищѣ въ Чуфутъ-Кале.

Семь «надгробныхъ надписей», изъ которыхъ пять 598, 818, 877, 992 и 1027 годовъ чрезвычайно любопытны, по ихъ неожиданно-высокой древности, а шестая 1509 года, по содержащемуся въ ней историческому указанію. Седьмая, хотя и не имѣетъ значенія года, но по имени, въ ней упоминаемому, безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ VIII столѣтію и сверхъ-того вполнѣ подтверждаетъ неподложность надгробнаго камня Сангари.

2. Въ Караитскихъ синагогахъ; въ училищномъ домѣ и въ книжномъ склепѣ въ Карасу-Базарѣ.

Два «библейскихъ кодекса», одинъ почти полный, съ новѣйшею нежели самый кодексъ надписью 847 года, а отъ другаго только послѣдніе листы съ припискою, при которой, хотя и не означено года, но которая безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ отдаленной древности, и чрезвычайно любопытна, какъ по содержанію своему, такъ и по заключающимся въ ней нѣкоторымъ словамъ, кажется, уже изчезшаго Татарскаго нарѣчія.

Восемь «свитковъ» цѣлыхъ или въ отрывкахъ. Изъ нихъ два съ приписками 965 и 1343 годовъ; два съ приписками безъ означенія года, но несомнѣнно изъ половины XIV столѣтія; одинъ съ припискою 1623, два съ приписками 1817: послѣднія слишкомъ недавни, но возбуждаютъ любопытство, по описанному въ нихъ наводненію Армянскаго-Базара; наконецъ одинъ съ припискою безъ года, но сдѣланною въ Тамани.

3. Въ синагогахъ Евреевъ-Талмудистовъ въ Ѳеодосіи и Карасу-Базарѣ.

Четыре «стѣнныя надписи»: три 1310, 1509 и 1691 годовъ, и одна съ означеніемъ года, котораго г. Штернъ не могъ еще разобрать, но нѣтъ сомнѣнія, что она принадлежитъ къ началу XIV столѣтія.

Одинъ «молитвенникъ», рукопись 1720 года, котораго весьма древнее предисловіе содержитъ многія, вполнѣ достовѣрныя

свѣдѣнія о нашествіи и исторіи Евреевъ-Талмудистовъ въ Тавріи.

Одинъ «отрывокъ пятикнижія», изъ 31 листа, съ особою пунктуаціею, о которой говорено уже выше.

Одинъ «отрывокъ кодекса Гафтароевъ» изъ 35 листовъ, съ тою-же пунктуаціею.

Нѣсколько листовъ этихъ двухъ рукописей нашелъ и г. Фирковичъ.

Всего найдено г. Штерномъ 24 памятника, что съ открытыми г. Фирковичемъ составитъ 133, изъ которыхъ древнѣйшій принадлежитъ къ 598, а младшій къ 1817 году.

Таковы сокровища древностей, которыя находятся нынѣ въ распоряженіи Общества, и отъ которыхъ можно ожидать, какъ очевидно изъ предъидущаго, богатой жатвы.

Г. Штернъ неутомимо занимается принятымъ на себя порученіемъ, и Общество надѣется въ непродолжительномъ времени представить трудъ его на судъ ученыхъ.

Рисунки Василья Барскаго. Въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Малой-Россіи сдѣлался извѣстнымъ дальними своими путешествіями, Кіевскій уроженецъ, сынъ тамошняго мѣщанина, Василій Григоровичъ, прозванный въ разныхъ мѣстахъ его заграничнаго мѣстопребыванія Барскимъ, Плака и Альбовымъ. Большею частью пѣшкомъ, вмѣстѣ съ другими богомольцами, питаясь подаяніями, Барскій совершилъ свое путешествіе, начавъ его 20 Іюля 1723 года, когда оставилъ Кіевъ. Въ этомъ году посѣтилъ онъ Галицію; въ 1724 Венгрію, Австрію, всю нижнюю, среднюю и часть верхней Италіи; въ 1725 островъ Корфу, нѣкоторые острова Архипелага, Аѳоногорскіе монастыри; въ 1726 Іерусалимъ, Палестину; въ 1727 островъ Кипръ, Египетъ; въ 1728 Каменистую – Аравію, Синай, Суезъ; въ 1729 и 1730 снова Іерусалимъ, всю Сирію и частью Египетъ; въ 1731 и 1732 всѣ острова Архипелага; въ 1733 и 1734 Дамаскъ, гдѣ Антіохійскимъ патріархомъ постриженъ въ монахи; въ 1735 и 1736 годахъ снова островъ Кипръ; въ 1737 островъ Патмосъ, гдѣ и пробылъ шесть лѣтъ, до вызова его оттуда въ 1743 году Россійскимъ Резидентомъ въ Турціи Вѣшняковымъ, въ Константинополь. Обласканный имъ и обезпеченный всѣмъ необходимымъ для путешествія, Барскій, по просьбѣ Вѣшнякова, отправился вторично моремъ на Аѳонскую-Гору, гдѣ и находился по 1745 годъ, описывая весьма подробно всѣ тамошніе монастыри, съ ихъ достопримѣчательностями. Послѣ-того, посѣтивъ пѣшкомъ Эпиръ, Критъ и Ливадію, въ 1746 году возвратился въ Константинополь, гдѣ, вмѣсто любознательнаго и благотворительнаго Вѣшнякова, между-тѣмъ умершаго, нашелъ его преемника г. Неклюдова, оказавшаго Барскому, по возникшимъ на него клеветамъ и навѣтамъ, недоброжелательство. Избѣгая его гнѣва и преслѣдованій,

пашъ неподражаемый труженикъ, отправился изъ Константинополя пѣшкомъ, и чрезъ Румелію, Болгарію, Валахію, Молдавію и Польшу, возвратился 2 Сентября 1747 года подъ кровъ родительскій, къ матери, едва его узнавшей. Но конецъ земнымъ его странствіямъ уже приближался. Страдая опухолью въ ногахъ, онъ, послѣ 35 дней пребыванія въ Кіевѣ, скончался 7 Октября того-же года. Кіевобратскій Училищный Монастырь (что теперь Кіевская Духовная Академія), въ которомъ прошелъ онъ латинскіе классы до философіи, почтилъ ученика своего торжественнымъ погребеніемъ и могилою противъ алтаря главной церкви. Путевыя записки, исправно веденныя Барскимъ изо-дня-въ-день, обогащенныя многими собственно имъ сдѣланными рисунками и засвидѣтельствованныя спутникомъ его по Аѳонской-Горѣ, Смоленскимъ мѣщаниномъ Михаиломъ Давыдовымъ, долго ходили по рукамъ любознательныхъ и распространились во множествѣ списковъ. Бывшій гетманъ Малороссійскій графъ К. Г. Разумовскій и архіепископъ Псковской Симонъ Тодорскій намѣревались — первый напечатать одинъ текстъ путешествія, а вторый снабдить его и рисунками; но намѣреніе ихъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, не приведено въ исполненіе. Знаменитый населитель Новой-Россіи и распространитель въ ней просвѣщенія, свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, почитая память Барскаго, рѣшился издать его путешествіе. Извѣстный ученый В. Рубанъ занялся свѣркою многихъ списковъ и напечаталъ его на счетъ свѣтлѣйшаго*. Послѣ перваго изданія въ 1778 году, вышло разновременно еще нѣсколько. Къ сожалѣнію, оригинальные рисунки, числомъ до 136, всѣ сдѣланныя Барскимъ, разсѣялись по разнымъ рукамъ и остались доселѣ неизданными. Часть ихъ, сколько извѣстно, находилась у архимандрита Ѳеоктиста Мочульскаго, въ-послѣдствіи архіепископа Курскаго, часть у архіепископа Псковскаго Симона Тодорскаго, часть у Н. М. Бантыша-Каменскаго и наконецъ часть, вмѣстѣ съ библіотекою князя Таврическаго, перешла въ Императорскій Казанскій Университетъ.

Въ 1841 году, его высокопреосвященство Гавріилъ, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, д. ч. Общества, имѣлъ благосклонность принести ему въ даръ тетрадь подлинныхъ рисунковъ Барскаго. Чертежи эти, какъ есть поводъ полагать, тѣ самые, которые находились въ Псковѣ у преосвященнаго Симона. За утратою въ давнемъ времени нѣсколькихъ, теперь ихъ на лицо 50. Вотъ ихъ содержаніе:

---

* Списокъ, съ котораго «Путешествіе Барскаго» печаталось, хранится въ библіотекѣ Императорскаго Казанскаго университета. Впрочемъ Рубанъ, какъ извѣстно, и самъ онъ въ предисловіи признается, сдѣлалъ много пропусковъ и измѣненій. Любопытно знать, не осталось ли еще гдѣ-либо подлинника? По слухамъ часть его хранилась нѣкогда въ библіотекѣ Кіево-Софійскаго Собора.

1. Внутренность церкви въ Аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія.
2. Трапеза той-же лавры.
3. Монастырь Каракала.
4. » Филоѳея.
5. » Иверскій.
6. » Кутлумуси.
7. » Ставроникита.
8. » Пантократора.
9. » Есфимена.
10. Изображеніе чаши Ватопедской.
11. Монастырь Зографа.
12. » Кастамонити.
13. » Дохіара.
14. » Ксенофъ.
15. » Русскій.
16. » Ксиропотамъ.
17. » Симопетра.
18. » Григорія.
19. » Продрома.
20. » Павла.
21. » Преображенія.
22. » Русанъ.
23. » Дусикъ.
24. . св. Троицы.
25. Изображеніе воротъ монастыря Критскаго.
26. Монастырь Георгія.
27. » Фламбури.
28. Церковь св. Успенія въ Аѳинахъ.
29. Монастырь Введенскій въ Аѳинахъ.
30. Островъ Санторино.
31. Метеорскіе монастыри въ Критѣ.
32. Церковь Георгія въ Аѳинахъ, обращенная изъ храма Тезеева.
33. Монастырь св. Георгія, въ Критѣ.
34. Гробы Авессалома и Захаріи въ Іерусалимѣ.
35. Монастырь Акротира въ Критѣ.
36. » Пенѳели близъ Аѳинъ.
37. » Архангеловъ Михаила и Гавріила въ Морећ.
38. Монастырь Варлаама въ Эпирѣ.
39. » Николая въ Эпирѣ.
40. » Успенія близъ Калавраты.
41. Водосвятильница Иверскаго Аѳонскаго монастыря.
42. Гробница св. Евангелиста Луки въ Ѳивахъ.
43. Внутренность храма св. Луки въ Ѳивахъ.
44. Монастырь Успенія въ Критѣ.
45. » Стефана въ Эпирѣ.
46. Гробъ Господень въ Іерусалимѣ.
47. Монастырь Влахерна близъ Ароны.
48. » Луки въ Ливадіи.
49. Крестъ въ монастырѣ Ксиропотама.

и 50. Монастырь Живоноснаго-Источника въ Критѣ.

Всѣ рисунки сдѣланы перомъ очень тщательно и сняты на самыхъ мѣстахъ, въ 1744 и 1745 годахъ. Здѣсь для образца прилагается копія вида Монастыря Русскаго. (Рис. XVI, гдѣ «названіе монастыря» есть fac-simile руки Барскаго, снятое съ подлинника).

Пріобрѣтеніе Обществомъ неизданныхъ сочиненій Бларамберга. Извѣстно, что покойный антикварій И. П. Бларамбергъ, сверхъ изданныхъ имъ разныхъ сочиненій, приготовилъ къ печати еще нѣкоторыя другія, оставшіяся за смертью его неизданными. Чтя труды и память одного изъ ревностнѣйшихъ разработывателей древностей здѣшняго края, Общество старалось пріобрѣсти его бумаги, и плодомъ этихъ стараній было полученіе слѣдующихъ рукописей, предоставленныхъ дѣтьми И. П. въ полное распоряженіе Общества:

1) Observations sur quelques points relatifs à la Géographie ancienne de la Tauride dans la partie du Bosphore Cimmérien. Avec une carte ou plan particulier du Bosphore, accompagné de plusieurs plans et tracés approximatifs.

2) Conjectures sur le site du temple de Diane ou d'Iphigénie en Tauride.

3) Description de différens objets précieux découverts, avec d'autres antiquités près de Kertch dans un terre funéraire des Panticapéens, contenant 4 tombeaux.

4) Quelques antiquités découvertes en différens temps dans la Bessarabie d'aujourd'hui, dans les ruines d'Olbia et dans celles des villes de Chersonèse et de Panticapée en Tauride.

5) Dissertation sur une tête de marbre antique, découverte sur la rive droite du Dniester, près de la forteresse d'Ak-kerman.

6) Description de six vases antiques en terre cuite, découverts dans des tombeaux grecs, aux environs de Nola en Campanie *.

Пріобрѣтеніе Обществомъ сочиненій дю-Брюкса. Къ числу замѣчательнѣйшихъ людей, занимавшихся археологическимъ изслѣдованіемъ Крымскаго-Полуострова, принадлежитъ безспорно бывшій офицеръ Франпузской службы, кавалеръ ордена св. Лудовика, Павелъ дю-Брюксъ. Около 35 лѣтъ передъ-симъ прибылъ онъ изъ Санктпетербурга въ Керчь, гдѣ въ разное время занималъ должности директора таможни и начальника соляныхъ озеръ. Поселившись въ краѣ, гдѣ все напоминаетъ глубокую древность, дю-Брюксъ невольно сдѣлался археологомъ, а потомъ, когда полюбилъ занятія этого рода, расположеніе къ нимъ обратилось у него въ страсть. Онъ первый принялся за разрытіе кургановъ, и познакомилъ съ сокровищами, въ нихъ скрывающимися. Разрытія эти производилъ онъ сначала на свой счетъ, при небольшомъ пособіи отъ бывшаго начальника здѣшняго края графа Ланжерона, а съ 1820 года, по порученію и съ пособіями отъ бывшаго государственнаго канцлера графа Н. П. Румянцова. Значительная часть найденныхъ дю-Брюксомъ предме-

* Общество имѣетъ также собственноручную переписку покойнаго съ ч. о. А. Я. Фабромъ, о разныхъ археологическихъ открытіяхъ, подаренную симъ послѣднимъ.

товъ древности предоставлена была имъ Керченскому Музею и послужила основою его нынѣшнимъ богатствамъ. Еще важнѣе заслуги дю-Брюкса по части древней географіи Крымскаго-Полуострова. Занявшись изслѣдованіемъ мѣстоположенія важнѣйшихъ городовъ, существовавшихъ здѣсь, и о которыхъ географы и историки древности говорятъ иногда весьма неопредѣлительно, онъ открылъ и описалъ слѣды и остатки многихъ изъ нихъ, — трудъ тѣмъ-болѣе драгоцѣнный, что остатки и слѣды эти разрушаются съ каждымъ днемъ, а нѣкоторые, какъ напримѣръ акрополя Пантикапейскаго, исчезли уже совершенно, въ теченіе недавнихъ лѣтъ.

Послѣдніе годы своей жизни дю-Брюксъ находился въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, но это нисколько не ослабляло въ немъ страстной любви къ разъисканіямъ, которымъ посвятилъ онъ все свое существованіе. «Я видѣлъ», говоритъ почтенный сочленъ нашъ г. Тетбу-де-Мариньи въ запискѣ своей о покойномъ, представленной Обществу, «видѣлъ, какъ дю-Брюксъ, обремененный уже лѣтами, почти въ нищетѣ, и движимый единственно любовью къ наукѣ, отправлялся производить свои изслѣдованія отъ Керчи до Опука на разстояніи 60 верстъ, съ однимъ кускомъ хлѣба въ карманѣ; видѣлъ, какъ проведя двѣ или три ночи въ тѣхъ-же пустынныхъ мѣстахъ, которыя служили ему предметомъ разъисканій, онъ возвращался домой, истощенный голодомъ и поддерживая существованіе лишь степными травами». Изъ результатовъ тяжкихъ ученыхъ трудовъ своихъ, дю-Брюксъ, сколько извѣстно, ничего не напечаталъ при жизни. Изъ бумагъ, оставшихся по смерти его, Общество, черезъ посредство г. Тетбу-де-Мариньи, пріобрѣло отъ старшаго сына покойнаго рукопись, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: Description des vestiges et des traces des anciennes villes et bourgs qui ont existé autrefois sur la rive Européenne du Bosphore Cimmérien, depuis l'entrée du détroit près du phare d'Enicalé jusque et y compris la montagne d'Apouch, sur la mer Noire, со всѣми принадлежащими къ этому сочиненію планами. Оно заключаетъ въ себѣ описаніе слѣдовъ Пороміона, Пантикапеи и ея акрополиса, Мирмикіона, Нимфеи, поселеній въ Камышъ-Бурунѣ и Кара-Бурунѣ, Тиритаки (Tiritaca) или Царскаго Замка на Босфорѣ, городка и акрополя въ Кучурдакѣ, Акры, Киты (Citae) и Киммеріона; описаніе Золотаго Кургана и изслѣдованій, произведенныхъ надъ нимъ авторомъ, наконецъ нѣсколько мелкихъ разнаго рода замѣчаній относительно той-же части Керченскаго Полуострова. Рукопись эта, есть, по всему вѣроятію, важнѣйшее произведеніе дю-Брюкса.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

Дополненія и поправки къ статьѣ: Монеты Джучидовъ, Генуэзцевъ и Гиреевъ, битыя на Таврическомъ-Полуостровѣ и принадлежащія Обществу.

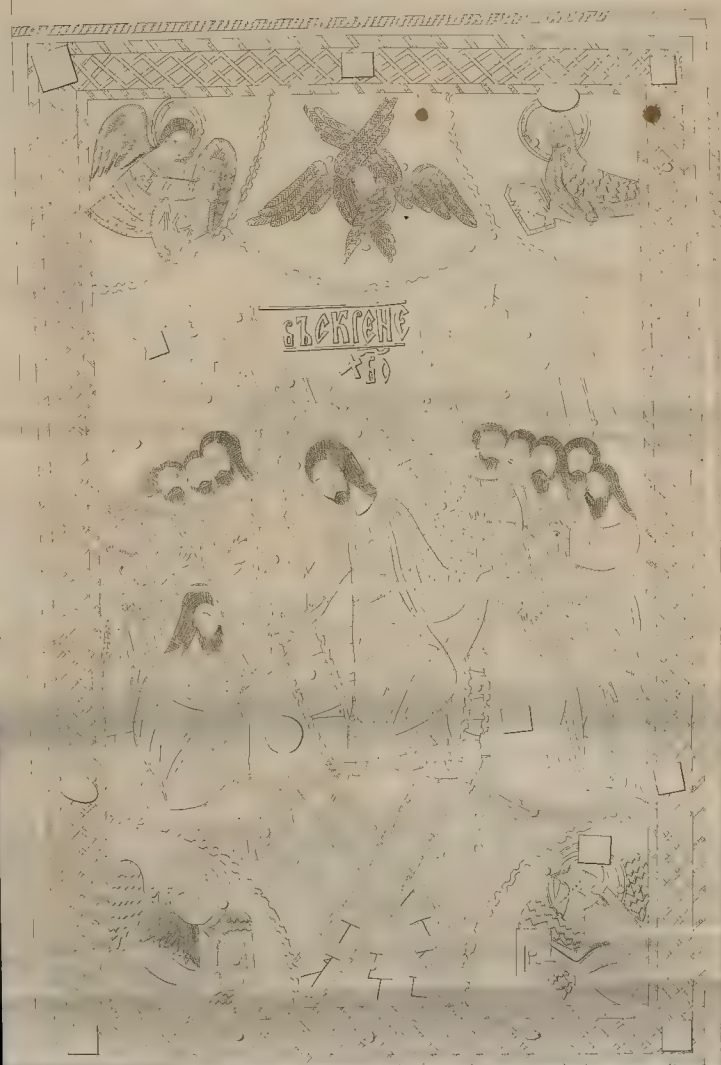
1. *Къ стр. 301.* Древнѣйшая изъ битыхъ въ Крыму Джучидскихъ монетъ, не есть хана Туда-Мангу, чеканенная въ 683 году гиджры, какъ здѣсь сказано. Въ Bulletin Scientifique Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ, томъ IV, № 15, описана Академикомъ Френомъ, принадлежащая минцъ-кабинету Кіевскаго Университета монета Менгу-Тимура, битая въ Крыму въ 665 (1266–7) или въ 675 (1276–7) году гиджры, стало-быть осьмью или осьмнадцатью годами старѣйшая.

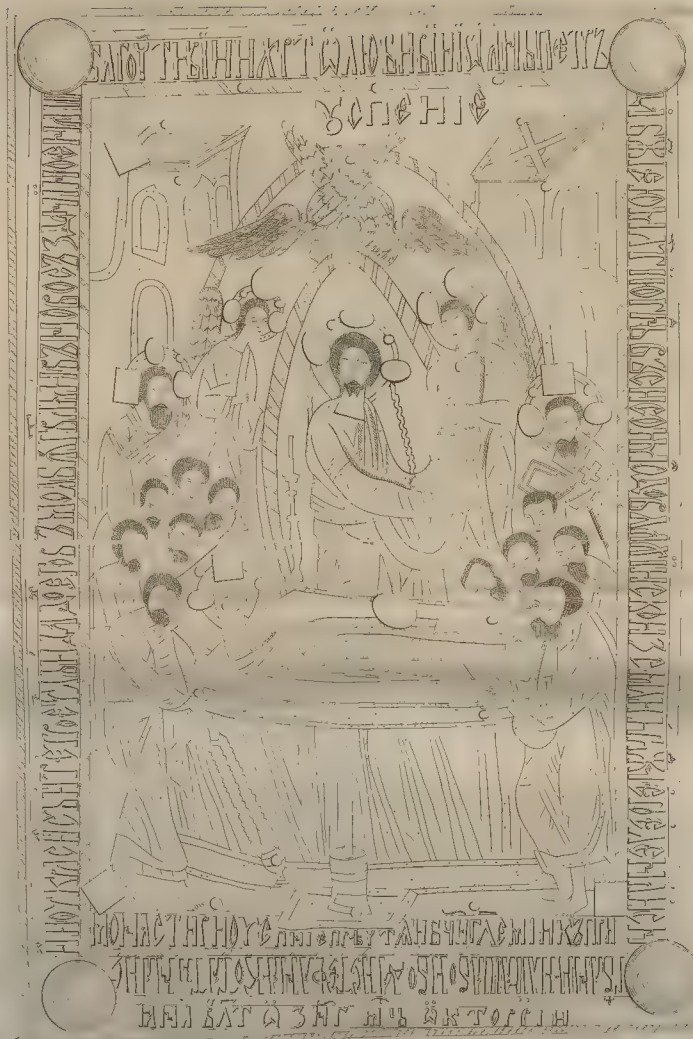
2. *Къ стр. 303.* Здѣсь сказано, что Генуэзско-Татарскихъ монетъ извѣстно весьма немного. Вскорѣ послѣ того, какъ это было написано, имѣлъ я случай видѣть въ Симферополѣ, у ея превосходительства В. Д. Казначеевой около 200 штукъ этихъ монетъ, которыя, вмѣстѣ съ кубышкою ихъ заключающею, нѣсколько лѣтъ назадъ, открыты были случайно въ Ѳеодосіи. Новыхъ экземпляровъ между ними я не нашелъ.

ГЕРОДОТОВА СКИѲІЯ,
ИССЕДОНЫ
ОЗЕРО МЕОТИДА
ПОНТЪ

БАЛАКЛАВСКІЙ ГРЕЧЕСКІЙ БАТАЛІОНЪ.

Рядовой. Унтеръ-Офицеръ. Офицеръ.

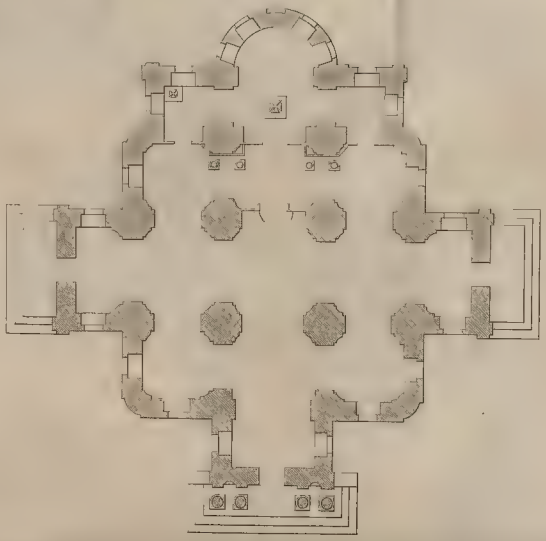


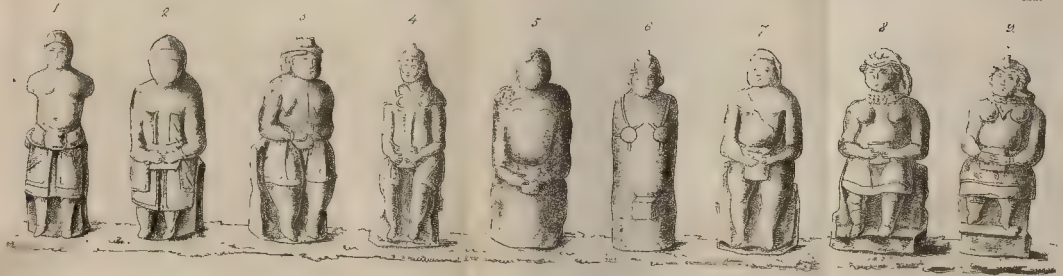


VI.

Съ Рис. В. Григорьева

Въ Лит. Кленова.




1
2
3
4
5
6
7
8
9

1
2.
3
4
5
6
7
8.
9

B.

ל
בחמ׳
על
מל
ק

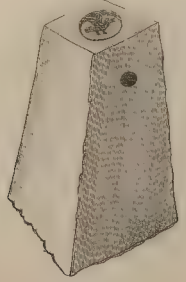
עבאות׳ זכרו תורת׳
משה עבדי אשר צויתי
אותו בחרב אל־כל יש
ישראל חקים ומשפטים׳
הנה אנכי שלח לכם את
אליה הנביא לפני בוא׳
יום יהוה הגדול והנורא׳
והשיב לב אבות־על
בנים ולב בנים על אבותם
פו אכוא והכיתי את
הארץ חרם׳

ח׳
מל

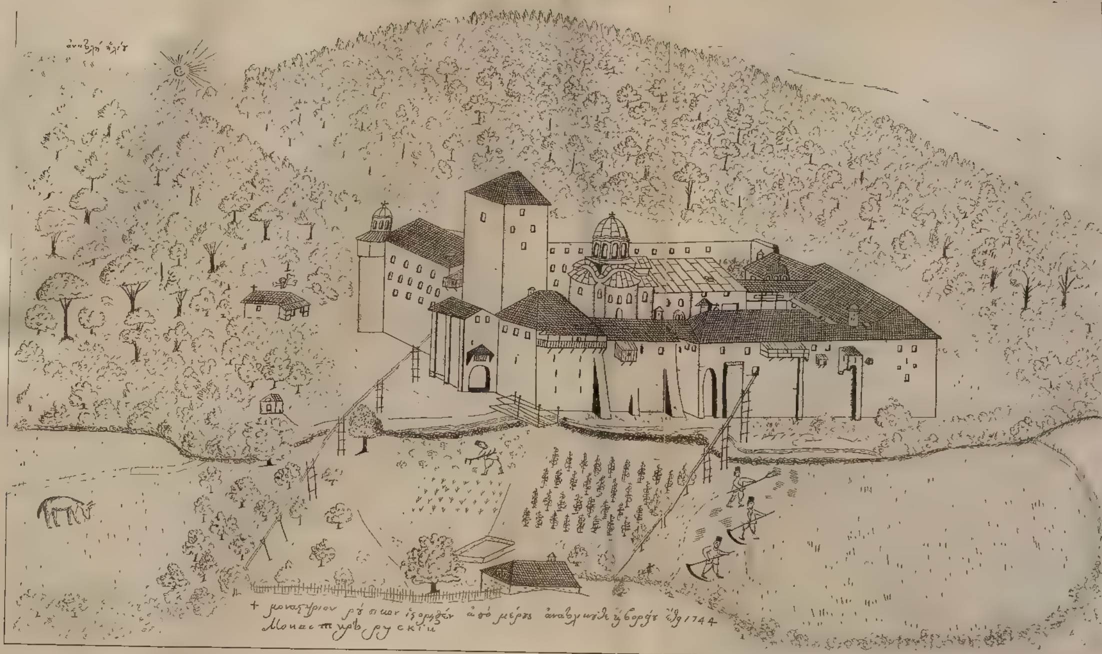
סוים וה הדפתר בחדש
תשרו בשנת אלף
מאתים ועשרים ושמנה
שנים׳

סימן טוב יהוה וה הדפתר
לבעליו ולכל הקורא׳
והחוגה והגורם־ביה׳

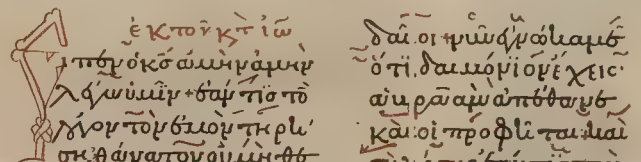
a



B.



A



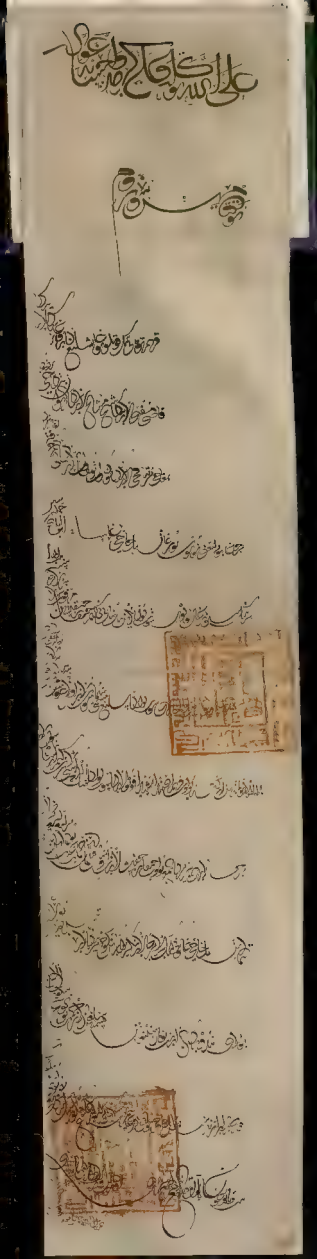
ѣкоѵкѵтїѡ
ї пѯ҃ѵ҃ оκ҃ сѧ ѧмнѵ ѧмнѵ
λ ѯ҃ѡѵ ѡмїѵ + ѳѧ҃ѵ ѯ҃ї҃ сѵ҃ тѡ
λ ѵ҃ѡѵ тѡѵ ѳѵѡѵ тκрлї
σκ҃ѳѧ҃ѵ ѧтѡѵ ѡѵ҃ мнѳѳ
ѡрлїснеїсѵ҃ тѡѵ ѧ҃ѡ҃ѵ ѧ.
ѣї пѯ҃ѵ ѡѵ҃ ѧѵ҃ тѡ оїїѡѵ

ѳѧ҃ї҃ оі ѵ҃ѡѵ ѧ҃ѡ҃ѵ ѡѧмѧ҃ѳ
ѳ҃ тї҃ ѳѧмѡ҃ѵ ї҃ѡ҃ѵ ѣ҃ї҃с҃
ѡ҃ѵ ѧ҃ ѧ҃ѡ҃ѵ ѧ҃ѵ҃ѳѳѧѵ ѳ҃
кѧ҃ї҃ оі҃ пр҃ѳфлї҃ тѧ҃ѵ҃ ѵ҃ѧї҃
сѵ҃ λ ѣ҃ї҃с҃ ѳѧ҃ѵ҃ тїѡ҃ тѡѵ҃
ѳѵѡѵ҃ ѵ҃ λ ѵ҃ѡѵ тκрлї҃сн҃,
ѡѵ҃ λ ѵ҃ѵ҃ ѵ҃ѡ҃сѣї҃ тѳѳѧ҃ѵ҃ ѧ҃

B

ѡ҃ стефань ѵ҃рошь, спомоѣнѵ. бжѣшвь. ирѣлъ. вышє срьбскє зм҃є. нпоморьскє. шѣ тѵ҃ѵ
приснѣномѵ҃сн. ѣснєзѵ҃ дѵ҃вровьѵ҃ѣсомъ. злѣтѵ҃ аньдрѣн. нвышємь влѣстєломь дѵ҃вровѵ҃ . . . м н. .
шєѣснить грдсѣсон. ѵ҃ гдѣ вєє дрьжитєлѣ. нѵ҃ прѣѵ҃ѣнствѵ҃ ето мтєрь. нѵ҃ стѣѣ . . . т н . . . . .
творєщи ирь рнь. нѵ҃ стѣ бжѣ єѵ҃аньгліѣ. нѵ҃ вьсє стѣ. бѵ҃ ѵ҃годнѣьше ѣ вѣкѣ. . ѵ҃ . ѣ . зме ѵ . .
грдѣ щостє дрьжѧлн. до ѵ҃мрьтнѧ гнѣѣмн ѡщ҃ѣ. дѣсню дрьжитє. ѣ по толѣ ѵ҃ то . . . . . .

C

Млтнѵ҃ бжѣнєю. мы҃ ѣлеіссандръ воєводѣ. господарьземлнѣмолдавсісон. нбратъ господарьствамнѧюпанъ
богданъ зѧѣмочнѣмъ снмъ нашнмъ ѣлнстомѵ҃оусилѵ҃. ісповѣдьуєнлѵ҃ го ѵ҃слышнтѵ҃. ожѣ
потѣмъ стѣнѣмъ слуганашь. панъ попшамнханлъ. служилъ предісомъ . . . . . мы҃ правою нбѣрною слу
жбою. дѣнєслужнтѣнамъ правою нѣѣрною службою. тѣмъ мы҃ вндѣвшєє . . . . . ѵ҃ юй бѣрнуѵ҃ службуѵ҃
нась. пожаловалнєсмы҃ єго осовною мл҃тью. дѣлнєсмы҃ є муѵ҃ нашенъземлномумолдавсісон. дваєлѧ. со

Въ Лит. Ц. Костомо